

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

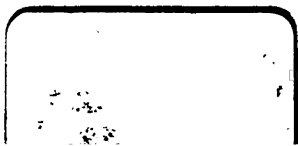
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 08191259 8

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВИЧЪ

ТОМЪ СТО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МОСКВА

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)

На Страстномъ Бульварѣ

1879

4

1406

ОТЕЦЪ КЛИМЕНТЬ

I.

Весной прошедшаго года, въ апрѣль, скончался отъ воспаления легкихъ въ Оптиной пустыни іеромонахъ Климентъ, въ міру Константинъ Карловичъ Зедергольмъ. Ему еще не было и пятидесяти лѣтъ отъ роду.

Отецъ Климентъ не былъ ни краснорѣчивымъ проповѣдникомъ, ни поражающимъ воображеніе, вышнимъ, такъ-сказать, тѣлеснымъ подвижникомъ; онъ не былъ и однимъ изъ тѣхъ знаменитыхъ духовниковъ или старцевъ которыхъ руководство и совѣтовъ ищутъ не одни монахи, но и многіе міряне всѣхъ состояній и возрастовъ. Административную должность онъ не успѣлъ занять; его только прочили въ настоятели одного изъ монастырей Калужской губерніи когда неожиданная и ранняя смерть престѣкла его дни.

Отецъ Климентъ писалъ и печаталъ, но нельзя также сказать чтобъ его произведенія были многочисленны или особенно вліятельны, или чтобъ они имѣли въ себѣ что-либо рѣзкое, лично-характерное и вовсе выходящее изъ ряда.

И несмотря на весь этотъ рядъ ограниченій отецъ Климентъ былъ замѣчательный человекъ и еще болѣе замѣчательный инокъ.

Его заслуги, его исторія, его роль совершенно особа и оставить ихъ въ забвеніи было бы величайшею несправедливостью.

Вотъ краткая исторія его прежней жизни въ міру. Вмѣсто сухаго и послѣдовательнаго перечня событій, вмѣсто обычнаго формулярнаго списка некрологовъ, я передамъ на память то что онъ въ двухъ-трехъ бесѣдахъ самъ разказалъ мнѣ о первой своей молодости.

Отецъ Константина Карловича Зедегольма былъ реформатскимъ суперъ-интендентомъ въ Москвѣ. У него было еще нѣсколько братьевъ; одинъ изъ нихъ былъ въ послѣдней кампаніи генераломъ въ Закавказской арміи и скончался немного ранѣе отца Климента. Вотъ что онъ мнѣ самъ говорилъ: „Семья наша была хорошая и почтенная, но, знаете, сухая, нѣмецкая семья. Протестантство ничѣмъ не отталкивало меня, но ничѣмъ особенно и не привлекало. Церковная служба наша мнѣ не нравилась. Я испытывалъ совершенно другое чувство когда мнѣ случалось бывать въ православной церкви. Религіозныя потребности мои были сильны; но все что говорили ваши пасторы мнѣ быдо не совѣмъ по сердцу; все это не удовлетворяло меня. Пасторовъ въ Москвѣ я зналъ нѣсколько, и у каждаго изъ нихъ былъ личный оттѣнокъ. Отецъ мой былъ очень серіозный человекъ, съ немногого рациональнымъ, скептическимъ оттѣнкомъ. Это мнѣ очень не нравилось; другой пасторъ разыгрывалъ изъ себя свѣтскаго человека; третій былъ сухой фанатикъ. А вы не можете себѣ вообразить какъ фанатизмъ на этой холодной протестантской почвѣ не привлекателенъ... Я еще не былъ знакомъ ни съ ученіемъ, ни съ исторіей православной церкви, когда уже меня начинало влечь къ ней и когда формы ея уже начинали мнѣ сильно нравиться.... Тутъ явились и лобочныя вліянія, національныя, вовсе не духовныя, но и они, по смотрѣнію Божию, косвенно помогли мнѣ приблизиться къ истинѣ. Было обстоятельство которое укрѣпило во мнѣ желаніе стать Русскимъ. Въ университетѣ * у меня были два друга, два товарища: покойный полкъ Б. Н. Алмазовъ и Третій Ивановичъ Филлиповъ, которые вамъ, и не вамъ только, а многимъ извѣстны. Съ ними мнѣ было очень ве-

* Зедегольмъ былъ въ Московскомъ Университетѣ, на филологическомъ факультетѣ.

село и пріятно. Алмазовъ былъ юноша очень привлекательнаго характера, любилъ острить и очень смѣшилъ. Т. И. Филипповъ былъ тогда бѣлокурый красавецъ въ русскомъ вкусѣ; онъ превосходно пѣлъ русскія пѣсни. Они оба много говорили мнѣ о русскомъ духѣ, о русской народности, о русской поэзіи... Однажды я сказалъ: „Третій Ивановичъ, сдѣлай меня Русскимъ.“—„Для этого прежде всего надо стать православнымъ“, отвѣчалъ онъ. Вотъ это желаніе обрусѣть косвенно тоже помогло моему обращенію. Желаніе обрусѣнія, симпатія къ русскимъ національнымъ формамъ славянофильскаго даже рода, съ одной стороны, а съ другой—неудовлетворенныя протестантствомъ сердечныя религіозныя потребности,—вотъ пути которыми меня привелъ Господь сперва въ церковь, а потомъ и сюда, въ скитъ.“

Сверхъ того, отецъ Климентъ говорилъ мнѣ что философія Шеллинга также много способствовала утвержденію его какъ въ христіанскомъ чувствѣ вообще, такъ и въ переходѣ ко всеевскому православію. Онъ находилъ что никто прекраснѣе Шеллинга не объяснилъ міровой важности христіанства какъ историческаго момента.

Зедергольмъ былъ однимъ изъ лучшихъ студентовъ историко-филологическаго факультета и (если я не ошибаюсь) его прочли въ профессора.

Покойный П. М. Леонтьевъ зналъ хорошо и уважалъ молодого Зедергольма, и совѣтовалъ ему посвятить свои способности и свое трудолюбіе университетской наукѣ.

„Но я тогда уже мечталъ о монастырѣ, разказывалъ мнѣ отецъ Климентъ. Я былъ вечеромъ у Павла Михайловича; онъ сидѣлъ за лампой, такъ что я не видалъ выраженія его лица. Не знаю что онъ думалъ, когда я, возражая на эти совѣты его отдаться свѣтской наукѣ, началъ ему говорить объ Оптиной пустынѣ, о преданіяхъ старчества, объ оптинскихъ знаменитыхъ духовникахъ, о Паисіи Величковскомъ... Я говорилъ долго, съ жаромъ. Павелъ Михайловичъ ничего мнѣ не возразилъ.“

Присоединился Зедергольмъ къ православной церкви въ 1853 году, въ августѣ мѣсяцѣ, въ Оптинскомъ скиту. Въ краткой лѣтописи скита описано какъ было совершенно надъ молодымъ человѣкомъ таинство муропомазанія, какимъ утѣшеніемъ было это зрѣлище для всей скитской братіи...

Почему Зедергольмъ не муропомазался въ Москвѣ или въ

Петербургъ, а пріѣхалъ нарочно для этого въ Олтиную пустынь? Въ вышеозначенной лѣтописи сказано что И. В. Курьевскій приваекъ его къ Олтиной. Онъ говорилъ молодому человѣку такъ: „Если вы хотите узнать основательно духъ христіанства, то необходимо познакомиться съ монашествомъ; а въ этомъ отношеніи лучше Олтиной пустыни трудно найти.“ Имѣніе Курьевскаго было въ Лихвинскомъ уѣздѣ, не очень далеко отъ Олтиной пустыни, и изъ біографіи его извѣстно что въ послѣдніе годы своей жизни Курьевскій часто ѣздилъ въ этотъ монастырь для бесѣды съ духовниками. Онъ и похороненъ въ Олтиной, рядомъ съ братомъ своимъ Петромъ. Зедергольмъ еще юношей, въ Москвѣ, былъ знакомъ, повидимому, со многими знаменитостями литературы и науки русской. У Курьевскаго онъ былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ. Уже будучи монахомъ онъ часто вспоминалъ объ Иванѣ Васильевичѣ и говорилъ мнѣ что хотя всѣ славянофилы того времени были люди, конечно, православные по убѣжденіямъ, но ни у одного изъ нихъ онъ не находилъ столько сердечной теплоты, столько искренности и глубины чувствъ какъ у Курьевскаго. „Хомяковъ, говорилъ мнѣ Зедергольмъ, былъ холодноѣ; онъ разумѣется былъ человѣкъ тоже искренне-православный, но его діалектика, его страсть къ словопреніямъ увлекала его до того что онъ вступалъ въ споры и съ людьми православными иногда о самыхъ существенныхъ вопросахъ, противорѣчалъ и впадалъ въ нѣкоторыя уклоненія. Разговаривалъ онъ съ безбожникомъ или съ иносвѣдцемъ, онъ былъ вполнѣ православный; но начиналъ онъ бесѣдовать съ православнымъ и какъ только тотъ сказалъ ему раза два: „да, да“ Хомякову уже становилось скучно и ему хотѣлось сказать: „нѣтъ, нѣтъ, не совсѣмъ такъ!“ Курьевскій же былъ весь душа и любовь.“

Надо замѣтить что помимо всѣхъ собственно духовныхъ сокровищъ Олтиной, самый видъ этой пустыни привлекателенъ и дѣйствуетъ на воображеніе людей даже и вовсе не особенно набожныхъ.

Монастырь построенъ на опушкѣ огромнаго бора; предъ обителью рѣка Жиздра вьется по лугамъ; въ сторонѣ (верстахъ въ двухъ) видны колокольни, сады и домики Козельска. Видъ со всѣхъ сторонъ чрезвычайно красивъ и какъ-то успокоителенъ, величавъ. Съади эта безконечная синева вѣковаго бора теряющаяся вдали. Вблизи эти исполнскія

сосны и ели перемежанныя съ черной сосною; спереди обширные луга, рѣка, рожицы вдали, этотъ городокъ въ сторону, какъ-то кстати напоминающій и о „мирской жизни“... Все это въ самомъ дѣлѣ прекрасно.

Скитъ построенъ въ самомъ лѣсу, очень близко впрочемъ отъ монастыря, всего минутахъ въ десяти ходьбы. Къ нему идетъ убитая щепнемъ дорожка въ тѣни великолѣпныхъ деревьевъ. Главная дорожка случайно или по вѣрному художественному чувству распорядителей идетъ не совсемъ прямо, а чуть замѣтно уклоняясь въ сторону; отъ этого скитъ долго не виденъ, но потомъ вдругъ изъ чащи предстаютъ вамъ скитскія ворота. Они имѣютъ видъ какъ бы небольшого храма, розоваго цвѣта, съ одною бѣлою главою на верху. Самый выборъ этихъ цвѣтовъ чрезвычайно удаченъ. Это такъ тепло и красиво, и дѣломъ въ густой зелени лѣса, и зимой въ снѣгу, изъ котораго поднимаются суровыя ели и сосны съ ихъ огромными, снизу грубо-чешуйчатыми, а на верху нѣжно-планшевыми мачтовыми стволами...

По обѣимъ сторонамъ дверей, подъ этими воротами, на стѣнѣ изображены почти всѣ главные подвижники и учителя монастыря: Антоній Великій, Нилъ Сорскій, Исаакъ Сиринъ и другіе. Всѣ съ развернутыми свитками, на которыхъ славянскія надписи, изреченія ихъ. Если кто-нибудь захочетъ тутъ остановиться и внимательно подумать, при чтеніи этихъ свитковъ, онъ найдетъ уже въ нихъ всю основную, такъ-сказать, азбуку монашеской жизни. Внутри, со стороны скита, на этихъ розовыхъ, какъ бы мирно-радостныхъ и пріятливыхъ воротахъ изображена икона Знаменія Божіей Матери. Подъ иконою есть подпись: „Все упованіе мое на Тебя возлагаю, Матерь Божія! Сохрани меня подъ кровомъ Твоимъ“... Кто войдя въ ворота скита обернется, тотъ непременно прсчитетъ эту подпись, и она на многихъ дѣйствуетъ съ особенною силой. Отецъ Климентъ говорилъ мнѣ самъ что какъ только увидалъ онъ эти ворота, какъ вошелъ въ этотъ просторный, тихій и цвѣтущій скитъ и посмотрѣлъ на все вокругъ себя, такъ и сказалъ себѣ въ сердцѣ своемъ: „здѣсь тебѣ кончить жизнь“...

Можетъ-быть это было и въ первый пріѣздъ его, но во всякомъ случаѣ между пріѣздомъ его (въ 1853 году) и поступленіемъ въ обитель (въ 1862—1863 году) прошло около десяти лѣтъ мирской христіанской жизни.

Не знаю совѣты ли олтинскихъ старцевъ испытать себя и не сдѣлать, или собственныя соображенія и наклонности удержали его надолго въ міру, только онъ по окончаніи курса поступилъ на службу въ Святѣйшій Синодъ и вкорѣнь былъ сдѣланъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при оберъ-прокурорѣ. Оберъ-прокуроромъ въ то время былъ графъ Александръ Петровичъ Толстой (умершій въ 1872 или 1873 году въ Швейцаріи). Мнѣ кажется что этотъ выборъ свѣтской службы былъ внушенъ Зедергольму желаніемъ быть „ближе къ церкви“. Одновременно съ поступленіемъ на службу по духовному вѣдомству, Зедергольмъ получилъ степенъ магистра. Онъ защищалъ въ Москвѣ диссертацию: „О жизни и сочиненіяхъ Катона Старшаго“, которая была около того же времени напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и, насколько мнѣ помнится, вызвала какія-то замѣчанія что не совсѣмъ полезно изводить съ пьедестала великихъ людей. Перечитывая теперь эту ученую и очень хорошимъ языкомъ написанную статью, я никакъ не могъ понять что нашли въ ней враждебнаго Катону или унижающаго его. Если и можно видѣть въ этой статьѣ отсутствіе особеннаго покловенія, то эта едва замѣтная сразу черта зависитъ, кажется, отъ того что диссертация о великомъ язычвикѣ совпала у Зедергольма, вѣроятно, съ молодымъ рвеніемъ христіанскаго прозелита, и онъ, осуждая Катона, удовлетворялъ своей потребности осудить весь языческой Римъ.

При Синодѣ прослужилъ онъ съ 1858 года до 1862; посылался въ разныя командировки и, между прочимъ, въ 1860 году ѣздилъ по порученію Синода на Востокъ вмѣстѣ съ г. Соломономъ (теперь сенаторомъ, а тогда тоже служившимъ въ Синодѣ) для собранія точныхъ свѣдѣній о халкивскихъ и аеинскихъ богословскихъ курсахъ и о состояніи православныхъ церквей и монастырей на Востокѣ. Нѣкоторыя изъ замѣтокъ и впечатлѣній его вынесенныя изъ этой поѣздки въ Турцію и Грецію были напечатаны въ духовномъ журналѣ *Душеполезное Чтеніе*.

Довольно любопытно просмотрѣть оставшуюся послѣ отца Климента тетрадь, въ которой онъ на скорую руку записывалъ свои путевыя впечатлѣнія во время этой поѣздки. Особенно интересна та часть (очень значительная) которая осталась

въ рукописи. Въ ней-то ясно видишь въ какой мѣрѣ православныя чувства и православное міросозерцаніе были и тогда уже основой его внутренней жизни. Этотъ московскій студентъ 50хъ годовъ, сынъ ученаго реформатскаго пастора, этотъ магистръ древне-эллинской словесности, филологъ и авторъ диссертациі о Катонѣ Старшемъ, этотъ молодой петербургскій бюрократъ ничего почти не видитъ и не слышитъ на Востокѣ кромѣ православія, монашества, аеонскихъ старцевъ, кромѣ церковной исторіи и церковныхъ древностей. На бытъ (особливо на бытъ мусульманскій, столь своеобразный и до сихъ поръ вѣсьмъ иностранцамъ столь мало доступный и мало понятный) онъ не обращаетъ почти никакого вниманія и если замѣчаетъ что-нибудь мимоходомъ, то не иначе какъ съ отвращеніемъ; на древности въ Аѳонахъ едва смотритъ, хотя, конечно, понимать ихъ можетъ лучше многихъ по роду университетской подготовки своей и по врожденному эстетическому вкусу. Споры православнаго ново-греческаго консерватора Икономоса съ аѳонскими либералами занимали его гораздо больше всякихъ древностей. Святая Аѳонская гора съ ея современными чудесами подвижничества была для него гораздо интереснѣе вѣсьхъ красотъ невозродимаго къ дѣйствительной жизни Акрополя. Аѳонской горѣ у него посвящено въ тетради семьдесятъ и болѣе страницъ; Аѳонамъ—съ чѣмъ-то двадцать....

Въ нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ онъ слышалъ разговоры что Россія безсильна, ибо у нея нѣтъ денегъ, а какъ не будетъ денегъ, другія державы станутъ только смѣяться надъ нашими угрозами. Зедегольмъ записываетъ въ свою путевую книжку что посланникъ не такъ судитъ о политикѣ, что не безденежье, а безвѣріе губитъ Россію, но не высказалъ дипломату своихъ возраженій.

Съ кѣмъ бы ни говорилъ онъ,—съ докторомъ Зографъ, съ г. Каратеодори, съ повтомъ профессоромъ Тавталидесомъ и другими замѣчательными Фанаріотами, онъ вездѣ одинъ и тотъ же человѣкъ, все старающійся свести на мистически православную точку зрѣнія. При свиданіи со знаменитымъ старцемъ патріархомъ Григоріемъ VI въ немъ все дрожить...

„Когда патріархъ говорилъ, все во мнѣ дрожало: такъ сильно на меня дѣйствовала мысль что я вижу патріарха Григорія—и видъ и самый голосъ его, въ которомъ какая-то

особенная глубина, сдержанность. Докторъ Зографъ послѣ говорилъ мнѣ что слова патріарха тронули его до слезъ, а онъ человѣкъ кажется не очень чувствительный. Потомъ патріархъ сказалъ что теперь, когда мы увидимъ вблизи положеніе дѣлъ, мы убѣдимся что оно во многомъ не такое какимъ представлялось намъ издали. Касательно нашего порученія въ Хааки замѣтилъ что нужна осторожность, чтобы присылка русскихъ воспитанниковъ не повредила заведенію и здѣшнимъ христіанамъ вообще. Въ теченіе разговора С. упомянулъ о новомъ переводѣ Св. Писанія на русскій языкъ. Патріархъ замѣтилъ что въ Россіи, православной странѣ, охраняемой правительствомъ, подобное предпріятіе возможно, а что здѣсь имъ бы воспользовалась пропаганда протестантская и что оно потому было бы опасно. Затѣмъ сдѣлалъ еще нѣсколько замѣчаній смыслъ которыхъ былъ что для народа потребіе не переводъ Св. Писанія на народный языкъ, а частая проповѣдь Евангелія. Зашла рѣчь о нынѣшней цивилизаціи. Патріархъ сказалъ что нѣтъ ничего губельнѣе цивилизаціи основанной не на Законѣ Божіемъ, что подобная цивилизація не цивилизація, не образованіе, а разрушеніе. Потомъ патріархъ сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній о нашемъ времени. Прежде, сказалъ онъ, Греки не имѣли такого *соображенія* съ другими народами, не было такой легкости въ сближеніи съ ними; они меньше знали иностранные языки, но въ нихъ больше держались христіанскія добродѣтели, страхъ Божій, вѣра нелицемѣрная, любовь; теперь Греки стали образованнѣе и гораздо болѣе удобствъ для соображенія съ другими народами, но христіанскія добродѣтели въ нихъ ослабѣли: смѣсишася во языцѣхъ и навывоша дѣломъ ихъ. Далѣе патріархъ указалъ, какимъ средствомъ врагъ старается ослабить вѣру въ чело-вѣкѣ: прежде всего колеблетъ въ немъ уваженіе къ пастырямъ церковнымъ, и когда овца удалится отъ пастыря, тогда она легче становится добычею волка. Затѣмъ С. предложилъ нѣсколько вопросовъ; при разрѣшеніи ихъ патріархъ повторилъ что въ Россіи, странѣ православной, возможно многое что здѣсь было бы опасно. Спросили о причинахъ успѣха римской пропаганды. Патріархъ отвѣчалъ что причина заключается въ томъ что пропаганда разрѣшаетъ на все, а церковь многое запрещаетъ. Затѣмъ патріархъ упомянулъ о широкомъ пути ведущемъ въ погибель и узкомъ

ведущемъ въ царствіе небесное. Я спросилъ отчего въ православноиъ духовенствѣ замѣчается какъ-будто менѣе усердія къ обращенію въ православіе чѣмъ въ латинскомъ. Патріархъ отвѣчалъ что латины только о томъ и думаютъ чтобъ увеличить число своихъ, а мы изъ обращенныхъ желаемъ дѣлать истинныхъ христіанъ. Послѣ того, сказавъ еще разъ о томъ какъ хорошо что Россія посылаетъ освѣдомляться о положеніи христіанъ на Востоку, патріархъ съ любовью отлучилъ насъ.“

Что же такого особеннаго было въ словахъ патріарха Григорія? Собственно въ рѣчахъ его не было ничего новаго, краснорѣчиваго, глубокаго или тонкаго. Все самыя общеизвѣстныя и общедоступныя вещи и въ самомъ практически церковномъ консервативномъ духѣ... Но тутъ дѣйствовали сильно не столько смыслъ и содержаніе рѣчей патріарха сколько сознаніе что это все говоритъ онъ, тотъ кого я духовно и нравственно такъ высоко чту... Эта ученическая вѣра въ лицо старца и святителя, въ силу высокой души, въ святость высокой жизни... это чувство похоже не на умиленіе отъ краснорѣчивой и умной проповѣди, оно скорѣе похоже на радость при принатіи въ себя даровъ таинства.

Но вотъ отецъ Климентъ знакомится съ богословомъ, Грекомъ, преосвященнымъ Тилальдосомъ, ректоромъ Халкинской Академіи и митрополитомъ ставропольскимъ. Здѣсь Зедергольмъ говоритъ, и говоритъ съ жаромъ, говоритъ духовнѣе, православноѣ митрополита-ректора; и ректоръ, который пробовалъ „поставить вопросъ на болѣе реальную почву“, слѣшитъ согласиться съ нашимъ Нѣмцемъ... Разговоръ шель о томъ: необходимо или нѣтъ пользоваться протестантскими и латинскими сочиненіями по нѣкоторымъ хорошо обработаннымъ на Западѣ отраслямъ богословскихъ наукъ. Зедергольмъ сожалѣлъ объ этой необходимости. Преосвященный Тилальдосъ говорилъ что можно пользоваться отъ Запада лишь методомъ, а не духомъ; но что людей, даже и молодыхъ, но уже утвержденныхъ въ вѣрѣ, стѣснятъ въ чтеніи даже и философскомъ не надо. Зедергольмъ, не отвергая этой свободы, жаловался на „бѣдность руководствъ и на недостатокъ полноты въ изложеніи полной православной системы, которые могли бы обьявлять всѣ науки (онъ здѣсь разумѣлъ только однѣ богослов-

скія науки, конечно) и избавили бы насъ отъ необходимости обращаться къ западнымъ писателямъ.“

Тилаальдось одобрилъ его и прибавилъ что рѣшенія этой задачи ожидаютъ отъ Россіи, гдѣ есть и средства, и люди.

„Что касается меня, продолжалъ я (пишетъ въ дневникѣ своемъ Зедергольмъ), то я знаю что всеобъемлющая полнота познанія не доступна на сей землѣ и будетъ достигнута нами въ другой жизни (Тилаальдось замѣтилъ что это справедливо, но что это другой вопросъ); что бѣдность и немощь составляютъ непремѣнный удѣлъ истинной церкви, и что именно въ этой бѣдности и немощи совершается преизобильная сила Божія; что православіе живетъ среди всечеловѣческаго неустройства и скудости именно для того чтобы было видно что оно держится не человѣческими силами и порядками, а могуществомъ Божиимъ, и что я поэтому не соблазняюсь скудости нашей какъ въ другихъ отношеніяхъ, такъ и въ отношеніи къ руководствамъ и изданіямъ (Тилаальдось нѣсколько разъ прерывалъ меня одобреніями). Оберегаюсь подобными мыслями отъ соблазна, я однако чувствую въ себѣ не достаточно силъ чтобы убѣдить тѣхъ которые иначе думаютъ, и прошу васъ сказать, какъ слѣдуетъ отвѣчать тѣмъ которые соблазняются скудостью восточной церкви въ сравненіи съ западною и заключаютъ отъ сего о преимуществахъ послѣднихъ предъ первою.

„Тилаальдось посоветовалъ указать имъ на разговоръ Мануція Феликса *Okmasij*: Язычникъ тамъ хвалится предъ христіаниномъ театрами, цирками и т. д. Христіанинъ отвѣчаетъ что это предметы постороннія, когда дѣло идетъ о познаніи Бога истиннаго, и что этимъ человекъ не спасается.

„И Турки, сказалъ Тилаальдось, если хотятъ совратить христіанина, указываютъ на униженное состояніе христіанъ. А мы имъ хвалимся.

„Мы въ скудельныхъ сосудахъ содержимъ сокровище, замѣтилъ лютъ Танталидесь, который при этомъ присутствовалъ,—а у нихъ, Турокъ, одинъ сосудъ золотой..“

„Въ которомъ нѣтъ сокровища, прервалъ я, и пожалѣвъ, можетъ-быть Танталидесь хотѣлъ сказать: „исполненный мерзости.“—Мы знаемъ только Бога, продолжалъ я, а изъ остальнаго много не знаемъ, а они все знаютъ, а Бога не знаютъ.“

Можно себѣ представить послѣ всего этого, какъ подѣл-

ствовавъ на Зедегольма Аеонъ. Его удивительная природная красота, его нагія, страшныя скалы, его густыя лѣса, его ручьи, на берегахъ которыхъ растутъ такой исполинской ширины платаны... Обширныя и древнія обители, похожія больше на феодальныя замки чѣмъ на наши однообразныя, обведенныя зубчатою стѣной, „все бѣлые, все съ зелеными кулонами и крышами монастыри...“ Я зналъ невѣрующихъ людей или полувѣрующихъ, которые въ восторгѣ отъ „ловзіи“ Аеона, отъ его своеобразнаго устройства, отъ самихъ монаховъ и греческихъ, и болгарскихъ, и русскихъ... Даже Туркамъ Аеонъ нравится.

При мнѣ самогъ одинъ турецкій жандармъ, увидавъ Аеонъ, воскликнулъ съ чувствомъ: „Аллахъ! Это вакуфъ! * Я здѣсь готовъ работать даромъ!“ Знаю также одного немаловажнаго чиновника петербургскаго, протестанта по записанному исповѣданію (но, мнѣ кажется, ни во что не вѣрующаго, кромѣ разныхъ ученыхъ, статистическихъ, географическихъ и тому подобныхъ обществъ)... Этотъ ученый бюрократъ (вдобавокъ, несмотря на весь свой умъ, Петербургъ за что-то обожающій) прожилъ довольно долго на Святой Горѣ, оставилъ тамъ по себѣ очень пріятную память и самъ безъ ума отъ вида Аеона, отъ его храмовъ и монаховъ, и отъ всѣхъ святогорскихъ красотъ и достоинствъ...

Мнѣ кажется что посѣщеніе Аеона окончательно рѣшило дальнѣйшую судьбу Зедегольма. Бесѣды съ духовниками святогорскими, съ лустыничниками и замѣчательными настоятелями аеонскихъ обителей должны были оставить въ умѣ и сердцѣ вѣрующаго молодаго человѣка неизгладимый слѣдъ. Вотъ что онъ самъ записалъ въ книгѣ посѣтителей монастыря Русика:

„Съ 23го іюня по 16 іюля провелъ я на Святой Аеонской горѣ и утѣшался духомъ что ея святыя обители представляютъ неисчерпаемую сокровищницу церковной древности и святости, и образцы такой строгой монашеской жизни, которая считается невозможною въ другихъ мѣстахъ, что на жребіи Матери Божіей люди разныхъ племенъ и народовъ работаютъ во славу Божію, и что одинъ изъ величайшихъ современныхъ подвижниковъ аеонскихъ принадлежитъ въ поученіе всѣмъ народу малочисленному и не громкому въ

* Церковная собственность.

исторіи гражданской. * Благодарю Господа и Матерь Божию что я сподобился здѣсь наслаждаться лицезрѣніемъ и бесѣдами подвижниковъ подобнымъ тѣмъ о которыхъ повѣствуется въ Четивихъ-Минєяхъ, и блаженныхъ очевидцевъ и родныхъ новыхъ мучениковъ, пострадавшихъ за вѣру въ наше маловѣрное время. Благодарю святую Пантелеймонову обитель за оказанное мнѣ въ ней радушное гостепріимство и христіанскую любовь, и прошу всѣхъ святыхъ отцовъ аеонскихъ помолиться чтобы все видѣнное и слышанное мною здѣсь послужило на пользу грѣшной душѣ моей.“

Мнѣ иногда думается что отецъ Климентъ даже ко мнѣ съ перваго раза лично расположился за то именно что я тоже восхищался Аеономъ и его обителями. Мы познакомились лѣтомъ. Въ семи верстахъ отъ Олтиной, въ лѣсной глуши, есть дача, на которую ѣздитъ иногда отдыхать отъ многлюдства давно уже изнемогающій олтинскій старецъ отецъ Амвросій. Тамъ на небольшой зеленой лужайкѣ построена простая, чистая и просторная изба; въ ней по нѣскольку дней проводить отъ времени до времени отецъ Амвросій. Люди однако и тамъ находятъ его. Когда я посѣтилъ въ первый разъ Олгину, я долженъ былъ ѣхать на эту дачу, чтобы передать духовнику письма которыя у меня были къ нему съ Аеона. Вокругъ избы на лугу уже было довольно много народа: монахи, крестьяне, крестьянки, монахини, дамы. Длинные жерди на столбикахъ были заложены со всѣхъ сторонъ чтобы всѣ разомъ не тѣснились къ старцу и не мѣшали ему бесѣдовать тихо съ тѣмъ кого онъ уже позвалъ.

Всѣ терпѣливо ждали: чьны сидѣли на травѣ, другіе стояли облокотившись на жерди, въ надеждѣ что старецъ проходя мимо благословитъ ихъ или скажетъ хоть два какія-нибудь слова. Многие, имѣя какое-нибудь дѣло, желали только одного, чтобы при началѣ этого дѣла старецъ молча перекрестилъ ихъ. Больше ничего. Для этого многіе приходять издаалека.

Было очень жарко. Болѣзненный старецъ въ это время ходилъ тихонько по лугу подъ большимъ полотнянымъ зонтикомъ и разговаривалъ съ какимъ-то мужикомъ. Они бесѣдовали долго. Когда очередь дошла до меня, то старецъ,

* Отецъ Климентъ подразумеваетъ здѣсь Грузина отца Наваріона отшельника, о которомъ онъ говоритъ дальше.

уже утомленный ходьбой, позвалъ меня въ комнату и тамъ я увидалъ предъ собою монаха небольшого роста, блѣднѣющаго и съ чрезвычайно пріятнымъ и веселымъ лицомъ. Это былъ Зедергольмъ; я объ немъ слышалъ еще на Святой Горѣ; мы познакомились и пошли вмѣстѣ ходить въ тѣни деревьевъ. Тутъ я говорилъ ему много объ Аеонѣ, о Турціи, о греко-болгарской распрѣ. Отецъ Климентъ слушалъ меня, прерывая, спрашивая, соглашаясь, и на лицѣ его, я помню, блистала такая радость что я никогда этого свѣтлаго выраженія не забуду. Я, кажется, всѣми этими разказами и мнѣніями подкупила его въ мою пользу, и мы стали почти сразу друзьями. Я помню, онъ не разъ говорилъ мнѣ потомъ съ выраженіемъ сильнаго чувства: „Да! вы были тогда какъ бы объяны Святыми Мѣстами!“

Вотъ ему что нравилось! Не я самъ, можетъ-быть, ему нравился, а тотъ мысленный воздухъ который я привнесъ съ собою возвратившись изъ Турціи.

Я не стану выписывать сюда изъ краткаго дневника отца Климента гдѣ именно онъ былъ на Аеонѣ, въ какихъ обителяхъ, какимъ святынямъ поклонялся; не стану перечислять всѣхъ лицъ съ которыми онъ видѣлся или съ которыми говорилъ. Дневникъ его очень кратокъ; это скорѣе конспектъ для памяти, по которому самъ хозяинъ его могъ бы составить позднѣе хорошій отчетъ о своемъ путешествіи; обо всемъ почти сказано кратко, только для себя; но матеріалъ самъ по себѣ такъ обиленъ что и эти сухія выписки заняли бы здѣсь слишкомъ много мѣста.

Подробнѣе всего записаны у него бесѣды: съ Грузиномъ, восьмидесятилѣтнимъ старцемъ Иларіономъ, знаменитымъ подвижникомъ; съ другимъ Иларіономъ, Грекомъ, іеродиаконъ Руссика, и съ отцомъ Анеимомъ, Болгаринномъ, игуменомъ Зографскаго болгарскаго монастыря. Съ Грузиномъ Зедергольмъ бесѣдуетъ о высшихъ духовныхъ вопросахъ: о монашествѣ, о подвигахъ, совѣтуется съ нимъ. Съ Грекомъ онъ говоритъ о состояніи Великой Церкви, о преобразованіяхъ которая тогда имѣла въ виду въ Царьградѣ. Съ Болгаринномъ онъ разсуждаетъ о греко-болгарскомъ вопросѣ. Всѣ трое—люди высокой жизни. Отецъ Иларіонъ (Грузинъ) пустыяникъ и подвижникъ, не уступающій отшельникамъ времени Великаго Антонія и Онуфрія; отецъ Анеимъ (Болгаринъ) примѣрный, превосходный игуменъ;

Иларіонъ, Грекъ, преданный Россіи, добрый, прямой, правдивый, оставшійся вѣрнымъ своимъ высоко - христіанскимъ убѣжденіямъ даже и во время печальныхъ національныхъ распрѣй послѣднихъ годовъ на Аеонѣ.

Зедергольмъ всѣхъ ихъ видимо читаетъ, всѣхъ ихъ внимательно слушаетъ, и тщательно записываетъ ихъ рѣчи въ свой дневникъ, но лустынянику Иларіону онъ ничего не возражаетъ, онъ только благоговѣтъ предъ нимъ; въ бесѣдахъ же съ Болгарининомъ и Грекомъ онъ точно такъ же какъ и въ разговорахъ своихъ съ разными лицами въ Константинополѣ является нерѣдко „plus royaliste que le roi“.

Въ разговорѣ съ зографскимъ игуменомъ, отцомъ Анеимомъ, о греко-болгарской распрѣ Зедергольмъ является защитникомъ Грековъ, или, вѣрнѣе сказать, Цареградской патриархіи. Для него важно вѣковое учрежденіе, для него дорогъ престолъ вселенскій, тотъ престолъ, отъ котораго и мы, Русскіе, получили крещеніе и первоначальное руководство въ вѣрѣ. Ему мало дѣла до того что этотъ престолъ, что эта патриархія находятся въ рукахъ Греческой націи, и что эта Греческая нація соперничаетъ съ нами на политическомъ полрщѣ. Греки, правда, и сами по себѣ нравились Зедергольму, онъ любилъ ихъ языкъ, соединеніе живости и серьезности въ ихъ характерѣ, но мнѣ кажется что и это расположеніе къ націи было въ немъ, главнымъ образомъ, основано на любви къ православію, котораго Греки суть самыя лучшіе и сильныя представители въ средѣ восточныхъ христіанъ. Ему дороги были всѣ эти древніе и великіе патриархаты, воздвигнутые на Святыхъ Мѣстахъ; для него драгоцѣнны были учрежденія, а къ порокамъ людей онъ основательно и дальновидно умѣлъ быть снисходительнымъ....

Зедергольмъ, я готовъ согласиться, заходилъ ужъ слишкомъ далеко въ своей поддержкѣ патриархіи; онъ уже слишкомъ за вселенскій престолъ боялся. Ему хотѣлось вслѣдствіи утвердить и укрѣпить его. Ему больно было слышать о злоупотребленіяхъ Грековъ и быть свидѣтелемъ раздраженія болгарскаго духовенства. Зографскій игуменъ отецъ Анеимъ жаловался на Грековъ; самъ отецъ Анеимъ былъ человекъ примѣрной монашеской жизни, одинъ изъ лучшихъ игуменовъ на Аеонѣ, умный, способный человекъ. Онъ сравнительно безпристрастенъ; онъ, на примѣръ, строго осуждаетъ другаго болгарскаго монаха, столѣтняго отца Виктора, за его національ-

ный фанатизмъ. Отецъ Викторъ заходилъ такъ далеко въ своей пламенной враждѣ что выражался такъ: „Если Греки будутъ въ раю, то я не желаю тамъ быть!“ Отецъ Анеимъ, приводя эти неразумныя рѣчи ненависти въ доказательство того что и его соотчичи очень пристрастны и нерѣдко несправедливы, настаиваетъ однако на томъ что греческое духовенство не исполняетъ своихъ обязанностей по отношенію къ болгарской своей паствѣ. „Греки не даютъ хода духовнымъ лицамъ болгарскаго происхожденія; они утверждаютъ что въ средѣ болгарскихъ священниковъ нѣтъ достаточно образованныхъ людей, достойныхъ быть епископами, тогда какъ и греческіе іерархи особою ученостію вообще не отличаются. Греки берутъ съ Болгаръ много денегъ, но не тратятъ изъ нихъ ничего на мѣстныя нужды паствы, на училища и т. п., а все отсылаютъ въ Царьградъ. Греческіе епископы не даютъ себѣ даже труда выучиться по-болгарски; какъ же они могутъ наставлять паству?“

Отецъ Анеимъ не одобрялъ явныхъ малядокъ болгарскихъ старшинъ и публицистовъ на греческую іерархію; но въ частной бесѣдѣ признавалъ что бѣлая часть обвиненій основательна.

Зедергольмъ не беретса опровергать частныя факты; но слышитъ и въ этой бесѣдѣ обобщить вопросъ и перенести его на болѣе широкое полрищѣ основныхъ интересовъ всей церкви. „Не будетъ ли вредно для церкви вообще отдѣленіе Болгаръ отъ Грековъ? спрашиваетъ онъ отца Анеима. Это отдѣленіе не ослабитъ ли Великую Церковь (Константинопольскую)?“ Потомъ онъ спрашиваетъ отца Анеима: „Какой исходъ греко-болгарской борьбы онъ находитъ наиболѣе благопріятнымъ?“ Отвѣтъ отца Анеима показываетъ что этотъ аеонскій монахъ требовалъ для соотчичей своихъ еще не многого:

— Пусть Греки дадутъ намъ своего независимаго митрополита (экзарха), который ставилъ бы архіереевъ въ Болгарію и могъ бы по временамъ пріѣзжать въ Константинополь. Пусть болгарскіе епископы имѣютъ доступъ и въ Синодъ Великой Церкви, а къ патріаршеству.

На Аеонъ Зедергольмъ бесѣдовалъ еще съ Грекомъ Иларіономъ (іеродіакономъ) объ измѣненіяхъ которыя тогда вносились въ административное устройство Великой Церкви. Порта, желая всячески ослабить вліяніе православія, стремилась ограничить и стѣснить власть патріарха посредствомъ

усиленія свѣтскаго элемента въ окружающемъ патріарха Синодѣ и удалить изъ него такъ-называемыхъ геронтовъ. Геронтами (старцами, старѣйшими) называются шестеро митрополитовъ: Ефесскій, Деркосскій, Хаалкидонскій, Иракійскій, Никомидійскій и Кизическій. Паства этихъ іерарховъ находилась собственно за предѣлами Константинопольской епархіи, но жили эти митрополиты въ Константинополѣ, какъ бы на подворіяхъ среди чужой паствы и, объѣзжая съ одной стороны свои епархіи, съ другой участвовали въ общемъ управленіи патріархіи и представляли собою важную опору Царьградскому центральному престолу. Порта стремилась удалить отъ общихъ дѣлъ церкви этихъ геронтовъ и замѣнить ихъ вліяніе вліяніемъ свѣтскихъ Фанаріотовъ, разумѣется, болѣе покорныхъ духу времени чѣмъ епископы. Мирскіе Фанаріоты, съ своей стороны, по чувству естественному всякому классу людей, были конечно не прочь пріобрѣсти побольше вліянія на дѣла церкви, имѣющей на Востокѣ кромѣ духовнаго еще и народно-политическое значеніе, признанное правительствомъ. Многие изъ этихъ Фанаріотовъ, люди европейскаго образованія, вѣроятно находили самихъ себя даже болѣе достойными вести церковно-національныя дѣла чѣмъ эти отсталые, застывшіе въ вѣчной неподвижности епископы стараго духа. Русское посольство того времени также скорѣе склонялось на сторону греческихъ мірянъ чѣмъ на сторону патріарха. Но патріарха и геронтовъ отстаивали только митрополитъ московскій Филаретъ и оберъ-прокуроръ графъ А. П. Толстой. Я имѣю подъ рукою литографированную конфиденціальную записку, составленную въ то время въ Синодѣ въ духѣ благопріятномъ патріархіи и геронтамъ. Записка эта, данная мнѣ на прочтеніе Зедергольмомъ и оставшаяся у меня, по всѣмъ вѣроятіямъ, составлена имъ самимъ. Несмотря однако на всѣ эти возраженія геронты были удалены на второй планъ и только позднѣе, при восшествіи на патріаршій престолъ патріарха Григорія VI, они снова были, по его настоятельному требованію, восстановлены въ своихъ правахъ. * Объ этихъ-то вопросахъ, объ этихъ реформахъ, объ этихъ геронтахъ разговаривалъ на Аѳонѣ Грекъ-іеродіаконъ съ синодальнымъ нашимъ чиновникомъ.

* Объ этомъ восстановленіи я не имѣю подъ рукою вѣрныхъ справокъ, но говорю это со словъ покойнаго отца Каменца.

Вотъ что объ этомъ сказано въ дневникѣ Зедергольма:

„О современныхъ церковныхъ дѣлахъ я имѣлъ подробные разговоры со старцемъ отцомъ Иларіономъ, съ игуменомъ Герасимомъ и съ іеродіакономъ отцомъ Иларіономъ. Вышей греческой іерархіи они не одобряютъ, указываютъ на такихъ людей какъ преосвященный Игнатій бывшій Кассандрскій * и вслѣдствіе многихъ злоупотребленій бывшихъ геронтовъ, ставившихъ въ епископы самыхъ недостойныхъ людей изъ своихъ діаконовъ, одобряютъ даже удаленіе геронтовъ.... Ихъ мысль состоитъ въ томъ что удаленіе геронтовъ, хотя отчасти оно можетъ имѣть слѣдствія невыгодныя, оправдано непогрѣзными злоупотребленіями геронтовъ. Также старецъ игуменъ Герасимъ и іеродіакомъ Иларіонъ не одобряютъ того что въ Болгарію архіереями посылаются не природные Болгары и даже люди не знающіе славянскаго языка. „Какъ же могутъ они поучать свою паству?“ Въ этомъ

* Въ дневникѣ Зедергольма находимъ такое примѣчаніе автора о епископѣ Кассандрскомъ.

„Вечеромъ духовникъ отецъ Савва разказывалъ слѣдующее о преосвященномъ Игнатіи Кассандрскомъ. Врачъ, дѣчившій его діаконъ, требовалъ отъ него 300 піастровъ. Преосвященный не отдавалъ и требовалъ слера съ врача слѣдующую ему, преосвященному, подать. Возникъ споръ. Архіерей грозилъ проклятіемъ; врачъ отвѣчалъ что онъ такой же христіанинъ какъ архіерей и что и онъ проклянетъ его. Архіерей торжественно въ церкви съ черными свѣчами и т. я. произнесъ страшныя клятвы надъ врачомъ. Врачъ сталъ тосковать и съ тоски померъ. Племянникъ его хотѣлъ отправиться въ Константинополь жаловаться на архіерея. Его съ кавасомъ воротили съ корабля и бросили въ темницу. Онъ обратился за покровительствомъ къ английскому консулу, былъ освобожденъ и затѣмъ перешелъ съ семьей и родней (72 человека) въ протестантизмъ. Народъ такъ вознегодовалъ на архіерея что когда онъ служилъ въ церкви не было никого. Жаловались Великой Церкви, которая долго защищала его. Наконецъ самъ преосвященный Игнатій не могъ уже жить въ своей епархіи и удался въ Салунь. Послали духовника отца Савву съ другимъ духовникомъ утверждать въ вѣрѣ колеблющихся. Они обходили всѣ села и всѣ отъ мала до велика у нихъ исповѣдывались и на исповѣди всѣ единодушно говорили о притѣсненіяхъ владыки. Владыка долженъ былъ въ церкви прочесть разрешительную молитву о врачѣ и былъ сосанъ въ Ксиропотамъ, безъ запрещенія. Отъ Великой Церкви была прислана разрешительная грамота о врачѣ.“

они видятъ главную причину неудовольствія Болгаръ, хотя и не отвергаютъ возбудительныхъ дѣйствій римской пропаганды.“

Съ Болгариномъ Авеимомъ и съ Грекомъ Иларіономъ Зедергольмъ говорилъ объ общихъ церковныхъ вопросахъ; внутренній же его міръ, наиболѣе личный міръ его души раскрывается предъ нами яснѣе, когда онъ въ дневникѣ своемъ пишетъ о другомъ Иларіонѣ, знаменитомъ старцѣ и отшельникѣ.

Здѣсь онъ весь, какъ я уже упоминалъ, благоговѣніе и любовь. Онъ записывалъ въ дневникѣ свои мнѣнія и возраженія, когда касалось до другихъ лицъ; объ Иларіонѣ онъ только повѣствуетъ и только записываетъ тщательно почти каждое его слово, забывая о себѣ... или нѣтъ... а не совсѣмъ вѣрно выразился: забывая о своихъ мысляхъ при воспоминаніи о великомъ пустынникѣ. Зедергольмъ именно въ эти-то минуты является болѣе нежели когда-либо самимъ собою, то-есть человекомъ желающимъ достигъ, по мѣрѣ силъ, того высшаго самоуничженія въ Христѣ которое зовется духовнымъ просвѣтленіемъ.

Не могу удержаться чтобы не разказать здѣсь о старцѣ. Вотъ выписки изъ дневника Зедергольма.

„*Скитъ Святой Анны.* Первое свиданіе съ іеросхимонахомъ старцемъ Иларіономъ.

„Отецъ Иларіонъ родомъ изъ грузинскихъ дворянъ. Четырехъ лѣтъ отъ роду его взялъ къ себѣ на воспитаніе дядя его іеродіаконъ, жившій въ пустынѣ безлюдной. По воскресеньямъ дядя уходилъ въ городъ говорить проповѣди, и малютка оставался одинъ. Случалось что подходилъ къ кельи медвѣдь и наводилъ на него страхъ и ужасъ. Двадцать лѣтъ росъ Иларіонъ въ глубокомъ удивленіи, а потому родные его взяли ко двору Грузинскихъ царей. Многое въ придворной жизни изумало благочестиваго юношу-пустынника. „Какъ же это? говорилъ онъ себѣ. Вѣдь они христіане. Такъ какъ же они постоянно обманываютъ другъ друга, заисловятъ, проводятъ жизнь въ нѣгѣ и совершаютъ другія дѣла совсѣмъ не свойственныя христіанамъ?“ Наконецъ Иларіонъ возымѣлъ твердое намѣреніе бросить міръ и принять монашество. Но вскорѣ посвятили его въ іеромонахи и сдѣлали придворнымъ духовникомъ. Отецъ Иларіонъ оказалъ важныя политическія услуги своему отечеству.

„Въ послѣдствіи овъ сопровождалъ Грузинскую царевну въ С.-Петербургъ. Суета столичная глубоко не нравилась ему, тѣмъ болѣе что овъ замѣчалъ что духовная дочь его стала увлекаться общимъ примѣромъ, нарушала посты и т. д. Наконецъ овъ рѣшился тайно уйти и удалился въ 1818 году на Азовъ.

„Здѣсь овъ отправился сначала въ Иверь, но жизнь тамъ не понравилась ему, и овъ вступилъ въ строгій общежительный монастырь Діонисіатъ, но скрывъ здѣсь свое происхожденіе и то что овъ іеромонахъ. Нѣсколько времени овъ провѣлъ въ поварнѣ, но послѣ узналъ его на Кареѣ пріѣхавшій изъ Грузіи архимандритъ, и по Святой Горѣ разгласилось что въ Діонисіатѣ скрывается подъ видомъ простца іеромонахъ и царскій духовникъ. Огорчился діонисіатскій игуменъ и сталъ выговаривать Иларіону. Тотъ, испросивъ прощенія у игумена, возвратился было въ поварню, но тамъ его не приняли. Послѣ этого овъ жилъ въ строгомъ уединеніи сначала въ *пьеръ* * монастырскомъ, потомъ въ особенной келіи Діонисіата, а потомъ перешелъ въ келію уединеннаго скита Св. Анны. Пять-шесть лѣтъ овъ провѣлъ въ совершенномъ затворѣ и теперь рѣдко кого видитъ. Келія его отъ скита въ разстояніи двухчасовомъ, на холмѣ столь уединенномъ что тамъ не слышать ни кузечиковъ, ни другихъ на-сѣкомыхъ **.

„Отцу Иларіону теперь восемьдесятъ одинъ годъ. Роста овъ средняго, довольно плотнаго сложенія. Черты лица товкія и правильныя. Прежде у отца Иларіона были волосы густые, длинныя. Овъ лишился ихъ вдругъ, живя въ пещерѣ. Брови темныя, густыя. Борода окладистая, сѣдая. Въ лицѣ выражается совершенное спокойствіе духовнаго чело-вѣка любившаго страсти. Въ разговорѣ и обращеніи необыкновенная простота. Отличительныя свойства его—смиреніе, трогательное въ почтенномъ старцѣ, къ которому всѣ питаютъ невольное благоговѣнное уваженіе, и ревность о славѣ Божіей. Рѣчь его одушевленная, сильная.

„Кромѣ грузинскаго языка отецъ Иларіонъ знаетъ только турецкій и немного греческій. Ученикъ его, іеромонахъ Савва, переводитъ то что говоритъ старецъ съ турецкаго на

* Башня, обыкновенно на берегу моря, отдѣльная отъ монастыря.

** Вѣроятно по отсутствію всякой растительности.

греческій, а отецъ Геровимъ * или другіе съ греческаго на русскій.

„Отецъ Иларіонъ согласился для собесѣдованія съ нами отправиться въ Русскіе.

„Отецъ Геровимъ объ отцѣ Иларіонѣ разказалъ еще слѣдующее: въ 1821 году, во время возстанія Греческаго народа, паша былъ присланъ смирить Аеоны и потребовалъ къ себѣ игуменовъ всѣхъ монастырей. Вѣсто діоцисіатскаго игумена, который побоялся идти, отправился отецъ Иларіонъ. Паша, бывшій родомъ изъ Грузіи, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, выразилъ удивленіе, что онъ пошелъ въ монахи, потомъ сталъ хулить христіанство и предложилъ принять исламъ. Отецъ Иларіонъ началъ было сильно возражать, но аеоныскіе отцы остановили его и силою заставили его отойти и оставаться въ ваднихъ рѣдахъ. Возвратившись въ монастырь отецъ Иларіонъ разказалъ все случившееся игумну, сказалъ что совѣсть ему не даетъ покою что онъ остался въ долгу у паши отвѣтомъ на его хулы и наконецъ взялъ благословеніе отправиться въ Солунь, гдѣ находился паша, чтобъ исповѣдаться предъ нимъ христіанство. Пришедши туда наканунѣ Байрама, онъ засталъ много гостей у паши, который очень обрадовался его приходу, полагая что онъ пришелъ принять исламъ. Но отецъ Иларіонъ предъ всѣми гостями сталъ деказывать паши истину христіанства и порицать исламъ. Поднялся ужасный крикъ и паша былъ приужденъ приказать чтобъ отца Иларіона сейчасъ же казнили. ** Его повели на площадь и множество народа слѣдовало за нимъ. Но вдругъ какіе-то два офицера, въ богатой одеждѣ, выхватили его, повлекли за городъ, и когда народъ слѣдовавшій за ними отсталъ, сказали по-грузински ему чтобъ онъ скорѣе бѣжалъ безъ оглядки. Это были его земляки, любимцы паши, которые сказали ему что казнь Грузина-монаха будетъ стыдъ для Грузинскаго народа и для нихъ, и что они оставятъ пашу если онъ не помидуетъ его. Паша предоставилъ имъ распорядиться какъ они знаютъ. Въ послѣдствіи отецъ Иларіонъ съ сожалѣніемъ говорилъ о

* Главный духовникъ русскаго Пантелеимоновскаго монастыря на Аеоны.

** Въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, паши имѣли право казнить. Въ послѣдствіи это право было у нихъ отнято, по крайней мѣрѣ на мирномъ положеніи.

томъ что онъ по недостойнству своему не сподобился принять мученическій вѣнецъ.

Еще разказалъ самъ отецъ Иларіонъ при мнѣ слѣдующее (въ день нашего отъѣзда съ Аѳона). Когда его выслали изъ Діонисіатскаго монастыря, онъ сѣлъ подъ кусточкомъ и сказавъ своему ученику, попу Саввѣ: „коли хочешь, иди куда тебѣ угодно; а коли хочешь остаться у меня, будемъ дожидаться, лошааетъ ли намъ Богъ хлѣба или нужно намъ умереть.“ Ученикъ не оставилъ своего старца. Вскорѣ привесли имъ хлѣба. Потомъ монахи Аѳонскаго скита, знавшіе старца, отправились въ Лавру, безъ вѣдома купили для него келью въ Малой Аннѣ, взяли старца подъ руки, повели его въ его келью и положили ему въ руки контрактъ (такъ называемая омологія), заключенный ими за него съ Лаврою. Возблагодарилъ старецъ Господа. Сидитъ онъ въ кельѣ, а хлѣба нѣтъ. Наконецъ приходитъ монахъ изъ Руссика, отецъ Софроній, и говорить что привезъ ему пшеицы десять мѣшковъ. Съ тѣхъ поръ постоянно изъ Руссика доставляютъ старцу хлѣбъ, и больше ему ничего не надо. Онъ и ученикъ его постоянно питаются хлѣбомъ и водою. Въ понедѣльникъ 11 іюля отецъ Макарій * пригласилъ отца Иларіона пообѣдать съ нами. Старецъ отказался, говоря что день постный. Отецъ Макарій сказалъ что если старецъ не будетъ обѣдать съ нами, то и онъ не сядетъ. Старецъ согласился, и ученикъ его сѣлъ съ нами. Старецъ кушалъ и рыбу, а отцу Саввѣ подали безъ масла. Послѣ узнали мы что за то что онъ покушалъ рыбы въ понедѣльникъ, старецъ цѣлый день не ѣлъ и не пилъ ничего и въ слѣдующій день лишилъ себя причастія. Къ себѣ отецъ Иларіонъ строгъ, а къ другимъ полонъ снисходительности и любви. 12 числа за обѣдомъ отецъ Иларіонъ спросилъ: зачѣмъ намъ не даютъ мяса? 14 числа, когда я говорилъ ему что С. сильно тоскуетъ, старецъ сказалъ что это происходитъ отъ того что П. И. извезомъ отъ продолжительнаго поста, и что еслибы былъ тутъ баранъ, онъ готовъ самъ изжарить его для П. И. Мирскому человеку ѣсть мясо не грѣхъ, сказалъ онъ. Только въ постъ надо потерпѣть. Во вторникъ, двѣнадцатаго іюля, говорилъ я о себѣ отцу Иларіону. Старецъ сказалъ что познать истину

* Нынѣшній игуменъ Патапеймоновскаго монастыря, а въ то время второй духовникъ русской братіи.

православія—великое дѣло. Я сказалъ что дѣла должны быть сообразны съ вѣрою. Какія дѣла христіанина? отвѣчалъ отецъ Иларіонъ. Онъ не долженъ имѣть двухъ жемъ и исполнять другія заповѣди, а совершать такіа дѣла какъ Антоній Великій не каждому даю.

„Еще въ Аппанскомъ скиту, когда отецъ Иларіонъ видѣлъ меня въ первый разъ, онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, улыбаясь: отчего я отпустилъ бороду? Не хочу ли идти въ монахи? Когда я въ послѣдствіи объяснилъ о своихъ намѣреніяхъ, старецъ одобрилъ ихъ и сталъ говорить о трудностяхъ жизни семьянина и мірянина. Одно дитя глухое, другое кривое, третье хромое, четвертое хорошее да скоро умираетъ. А жена—не знаю какія телерь бываютъ жены. У мірянина—жена, дѣти, друзья, враги; а монахъ ничего этого не знаетъ. Въ мірѣ надо также лостоянно агать, а дѣволъ это любитъ.

„Когда я сказалъ о распространеніи у насъ италянскои иконописи и италянскаго церковнаго лѣвіа, о разрѣшеніи на рыбу въ среду и пятницу, о предпочтеніи еврейскаго текста переводу 70 толковниковъ, о погребеніи иконовѣрцевъ православнымъ духовенствомъ, о принатіи латинъ и лютерамъ посредствомъ одного муроломазанія и другихъ различіяхъ нашихъ отъ Греческой церкви (по мнѣнію отца Иларіона діаконъ можетъ служить не причащаясь), отецъ Иларіонъ сказалъ что необходимо надобно все это исправить, чтобы еретики не могли попрекнуть насъ и, исправивъ у себя, исправлять что слѣдуетъ и въ Константинопольской церкви. Если къ этимъ исправленіямъ и другимъ полезнымъ мѣрамъ можно даже понудить нашихъ преосвященныхъ посредствомъ царской власти, то и это считаетъ отецъ Иларіонъ полезнымъ для церкви. Пусть восторжествуетъ всегда истина, на чьей бы сторонѣ она ни находилась. Удаливъ недостойнаго архіерея, мірская власть не унижаетъ церковь, а охраняетъ ее. Всякое послабленіе вредно если дѣло касается пользы церкви. Господь любитъ ревнующихъ о славѣ имени Его. Обо всемъ что требуется для блага церкви нужно свидѣтельствовать дерзновенно хоть бы и мірянину предъ архіереемъ и по силамъ заботиться неослабно. Если же мы сдѣлаемъ все что зависитъ отъ насъ, а успія наши не увѣнчаются успѣхомъ, то мы можемъ скорбѣть какъ скорбѣлъ Іеремія, но не чрезмѣрно, зная что дѣла наши записаны на

небесахъ, и предоставляя судьбы міра Промыслу Божію. Въ Персіи, гдѣ апостолы насадили христіанство, не осталось ни одного христіанина. Какъ голубица Ноева принесла вѣтку, означающую милость Божію, такъ и мы должны полагать предъ архіереями и предъ кѣмъ слѣдуетъ полезное предложеніе. Если пріймутъ—хорошо. Если не пріймутъ—они узрятъ, мы сдѣлали свое дѣло. О разрывѣ съ Греками отецъ Иларіонъ полагаетъ что его страшатся Греки больше насъ. Когда мы сказали о распространеніи въ Россіи книгъ кощунственныхъ и т. д. старецъ сказалъ что и этому надо противиться по силамъ; потомъ присовокупилъ что слыша это жалѣетъ что ушелъ изъ Россіи. Могъ бы я жить близь Кіева, питаться хлѣбомъ и водою и не знать ничего что дѣлается тамъ, а слышать это теперь—для меня тяжкій камень. Старецъ видимо огорчился глубоко.

„Старецъ рѣдко выходитъ изъ своей кельи; для насъ онъ рѣшился посѣтить Русскъ, такъ какъ бесѣда наша касалась исключительно дѣлъ церковныхъ. Онъ оказывалъ намъ благоволеніе.“

Прибавлять ко всему этому, кажется, нечего. По всѣмъ вѣроятіямъ, ничто такъ не утвердило Зедергольма въ желаніи стать монахомъ какъ поѣздка на Афонъ и бесѣды съ отцомъ Иларіономъ.

Черезъ два года по возвращеніи изъ этой командировки Зедергольмъ вышелъ въ отставку и поступилъ въ послушники Оптиной пустыни.

II.

Разъ почувствовавъ влеченіе къ православію, Зедергольмъ предался своей избранной идеѣ со всею твердостью и выдержкой германскаго характера, со всею ясностью и послѣдовательностью философски воспитаннаго ума... Ему мало показалось быть православнымъ міряниномъ; онъ захотѣлъ стать монахомъ. Это было вполнѣ послѣдовательно. Конечно, не всѣ, а только очень незначительная часть христіанъ могутъ посвящать себя иноческой жизни, и въ самое благоприятное для монашества время монаховъ бывало немного сравнительно съ мірянами. Но послѣдовательность здѣсь, какъ

извѣство, та которая выражена Спасителемъ въ отвѣтъ богатому юношѣ, желавшему спастись: *Если же хочешь совершенъ быти, то раздай имѣніе свое нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ, и приходи и слѣдуй за Мною.* (Евангеліе отъ Матѣ. 19, 21.)

„Заповѣди (Христовы), говоритъ авва Дорофей, объясняя значеніе монашества, дамы всѣмъ христіанамъ и всякій христіанинъ обязанъ исполнять ихъ; онѣ такъ - сказать дань должная царю. И кто отрекающійся давать даму царю избѣгъ бы наказанія? Но есть въ мірѣ великіе и знатные люди, которые не только даютъ даму царю, но приносятъ ему и дары; таковыя сподобляются великой чести, великихъ наградъ и достоинствъ. Такъ и отцы: они не только сохранили заповѣди, но и привнеси Богу дары. Дары же сіи суть: дѣвство и нестяжаніе. Это не заповѣди, но дары; ибо нигдѣ не сказано въ Писаніи: не бери жены, не имѣй дѣтей. Такъ же и Христосъ, говоря: *продаждь имѣнія твоя* (Матѣ. 19, 21), не далъ этимъ заповѣди; но когда приступилъ къ нему законникъ и сказалъ: *учителю благий, что сотворишь жизньъ твою наследую,* (Христосъ) отвѣчалъ: ты знаешь заповѣди: не убій, не прелюбодѣйствуй, не укради, не лжесвидѣтельствуй на ближняго своего и проч. Когда же тотъ сказалъ: *сія вся сохранихъ отъ юности моея,* (Господь) присовокупилъ: *аще хочешь совершенъ быти, продаждь имѣнія твоя, и даждь нищимъ* и проч. (Матѣ. 19, 21.) Онъ не сказалъ: продай имѣніе твое, какъ бы повелѣвая, но совѣтуя, ибо слова: *аще хочешь* не суть слова повелѣвающаго, но совѣтующаго.“ (Поученіе первое аввы Дорофея объ отверженіи отъ міра.)

Христіанство далеко отъ вымышленнаго ученія земныхъ удобствъ и земнаго благоденствія. Въ основаніи своемъ оно есть безуетанное понужденіе о Христѣ; и всѣ наши добрыя качества, облегчающія намъ отъ времени до времени эту борьбу духа и плоти, суть не что иное какъ дары Божіи. Заслуга только въ вѣрѣ, въ понужденіи, въ покаяніи и въ смиреніи, если не можешь понудить себя; все невольное хорошее въ насъ, все естественно доброе есть даръ благодати для облегченія борьбы. Когда, вопреки сухости сердца и равнодушія ума, идетъ христіанинъ въ церковь или дома становится на принудительную молитву, это выше съ точки зрѣнія личной заслуги чѣмъ молитва легкая, радостная, уми-

денная, горячая... Такая пріятная молитва есть даръ, награда, милость. Это не наше, это Божіе. Наша только вѣра и смиреніе, то-есть презрѣніе къ себѣ и благодареніе Богу за все, даже и за нестерпимыя муки въ здѣшней жизни.

Одинъ добрый принудительный поступокъ человѣка жестокаго или холоднаго (по данной ему, безъ вины его, натурѣ) цѣннѣе въ глазахъ церкви чѣмъ многія милости и многія щедроты по природѣ добродушнаго и щедратаго человѣка. Симпатичнѣе намъ, людямъ, будетъ, конечно, этотъ послѣдній; но мы можемъ только призвать что ему по благодати отлученъ такой высокій даръ благодати; но одинъ хлѣбъ брошенный нищему-скупецомъ Петромъ-мытаремъ цѣнится, по ученію церкви, болѣе чѣмъ самая праваякательная (въ житейскомъ смыслѣ) щедрость расточительнаго по праву человѣка. Возьмемъ другой примѣръ. Марія Египетская была страстная по природѣ женщина; она не искала даже мзды за тѣ грѣшныя удовольствія которыя доставляла людямъ ея красота. Она не по природному темпераменту стала чиста и строга, а по страху Божію. Еслибъ она была женщина съ природною благодатью чистоты или нѣкоторой холодности, то ей бы не нужно было скрываться въ пустынѣ. Тогда ей нужна была бы борьба не противъ чувственности, а противъ чего-нибудь другаго; на примѣръ: противъ внутренней гордости, жестокости, ажемсиренія, лукавства, какъ бываетъ часто съ людьми хладнокровными или болѣе чистыми и по природѣ строгими въ нравахъ.

„Нудящіе себя только восхищаютъ царство небесное...“ Вотъ почему монашество стало развиваться и распространяться на Востокѣ и Западѣ именно съ тѣхъ поръ какъ прекратилось вѣдшее гоненіе. Мученичество, вѣдшія гоненія были сначала средствомъ получить „небесныя вѣнцы“. Только послѣ мірскаго торжества христіанства явилась потребность иного мученичества, добровольнаго, свободнаго отреченія отъ соблазновъ, отъ роскоши, даже отъ самыхъ невинныхъ, допущенныхъ закономъ, радостей семейной жизни. Если кто думаетъ что это легко, пусть попробуетъ. Онъ увидитъ что и въ наше время быть добросовѣстнымъ монахомъ есть великій трудъ (я говорю добросовѣстнымъ); и если есть у этихъ добровольныхъ мучениковъ утѣшенія и отрады, то они или дѣтски просты (на примѣръ: отдохнуть лишній часъ, съѣсть что-нибудь получше, чего давно уже не ѣлъ и

не видалъ даже), или самаго высокаго, самаго идеальнаго, мистически сердечнаго, такъ-сказать, характера.

Хорошее монашество есть высокій цвѣтъ христіанства; тѣ кто думаютъ что церковь можетъ жить безъ монашества (хотя бы и весьма несовершеннаго и слабаго) ошибаются. Указывать на то что первые вѣка церковь жила безъ монаховъ значитъ впадать въ заблужденіе людей не знающихъ дѣла. Въ первые вѣка церковь жила и безъ правильной церковной службы, безъ опредѣленной литургіи, безъ окончательно утвержденаго ученія о таинствахъ, безъ ясно разработаннаго догмата. Если такъ, если все дѣло и весь примѣръ въ первыхъ двухъ-трехъ вѣкахъ, то отчего же не оставить бы и ясныи догматизмъ и литургію, и всѣ церковныя обряды, предоставить каждому выводить что ему угодно изъ Евангелія и апостольскихъ посланій? Однако многіе изъ нерадящихъ о монашествѣ и презирающихъ его ислугались бы подобной дерзости...

Монашество, сказалъ я, есть цвѣтъ христіанства; слишкомъ молодое деревцо еще не цвѣтетъ и плодовъ не приноситъ; и слишкомъ старое, близкое къ гибели дерево также перестаетъ цвѣсти. Монашество было не нужно въ первые вѣка говеній, простоты и сравнительной малочисленности христіанъ; оно стало потомъ естественнымъ результатомъ развитія, и гибель монашества была бы вѣрнымъ предвѣстникомъ гибели самаго православнаго церковнаго ученія...

Вотъ почему, говорю я, могъ человѣкъ съ такимъ твердымъ и философски-последовательнымъ умомъ, каковъ былъ Зедергольмъ, шагъ за шагомъ дойти до монашества.

Мы были съ нимъ очень близки; я просилъ его однажды сказать мнѣ были ли въ его жизни въ молодыхъ годахъ какія-нибудь сильныя сердечныя потрясенія, какіе-нибудь романическіе перевороты или нестерпимыя бури, которые заставили его удалиться отъ міра, гдѣ онъ былъ для своихъ лѣтъ очень выгодно и хорошо поставленъ.

Отецъ Климентъ улыбнулся своею милою и веселою улыбкой и отвѣчалъ мнѣ, пристально поглядывая на меня: видите, я не могу и не стану исповѣдываться вамъ; но скажу вамъ вообще что такихъ потрясеній, о какихъ вы вѣроятно думаете, не было. Я шагъ за шагомъ мыслямъ дошелъ до необходимости стать монахомъ.... Я хотѣлъ поступить сюда еще раньше чѣмъ пришлось. Но случилось такъ что въ

Петербургъ я кой съ кѣмъ перессорился; покойный олтинскій старецъ отецъ Макарій, узнавъ объ этомъ, сказалъ мнѣ: „Нѣтъ, поѣзжай, еще послужи, помирись со всѣми и тогда прѣзжай.“ Когда я вернулся и вошелъ къ отцу Макарію, я увидалъ у него въ кельѣ виднаго молодцоватаго мушкетера съ оладистою бородой въ новомъ подрясникѣ. Это былъ богородицкій предводитель Ключаревъ, богатый человекъ, постулившій тоже въ послушники Олтинскаго скита. Я былъ съ нимъ знакомъ, но такъ какъ онъ прежде брился и носилъ обыкновенное штатское платье, то я его и не узналъ. Въ подрясникѣ и съ бородой онъ сталъ гораздо красивѣе. Отецъ Макарій немного погодя сказалъ: „что жь, не лора ли и тебѣ надѣть подрясникъ? Вотъ посмотри, Федоръ Захарычъ Ключаревъ какимъ у насъ молодцомъ сталъ!“ Я отвѣчалъ что очень радъ и такъ сталъ монахомъ...“

Въ Олтиной онъ прожилъ около пятнадцати лѣтъ, былъ іеродиакономъ, потомъ іеромонахомъ, но никакой начальнической должности не занималъ, ни духовникомъ ни старцемъ не былъ.

Что такое старчество—я постараюсь сейчасъ объяснить. Вообще изъ людей долго зажившихся въ міру, какъ бы искренни и добросовѣстны они ни были, очень рѣдко выходятъ замѣчательные духовники и старцы-руководители. Большинство знаменитыхъ старцевъ очень рано оставляло міръ и посвящало себя ивоческой жизни.

Почему жь Зедергольмъ выбралъ именно Олтину? Я сказалъ что Ив. В. Кирѣевскій сблизилъ его съ этою обителью. Но было же какое-нибудь у Кирѣевского серьезное основаніе особенно рекомендовать новообращенному протестанту именно этотъ монастырь для руководства въ христіанской жизни? Основаніе то что въ Олтиной съ 20—30хъ годовъ начало процвѣтать старчество. Что такое „старчество“ люди не посѣщающіе монастыри и незнакомые ни съ исторіей церкви, ни съ духомъ истиннаго православія вовсе не знаютъ.

Рискуя привести въ ужасъ нѣкоторыхъ изъ моихъ просвѣщенныхъ читателей, я прямо скажу что старецъ у насъ есть именно то что у католиковъ называется „directeur de conscience“... Не понравится подобное приравненіе можетъ съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія. Слышать что православный старецъ есть то же самое

что „directeur de conscience“ можетъ быть неприятно и очень православному человѣку и человѣку равнодушному въ дѣлахъ вѣры,—первому потому что онъ смотритъ на папство какъ на заблужденіе, а второму потому что „иезуиты де очень лукавы и слишкомъ много стараются пріобрѣтать вліанія. И, наконецъ, развѣ у всякаго нѣтъ свидѣтельства своей собственной совѣсти?“

Но этого рода разсужденія происходятъ лишь оттого, повторяю, что у насъ слишкомъ мало знакомы съ исторіей христіанства, съ его основами, оттого что настоящій его смыслъ „не отъ міра сего“ забыть, и образованный человѣкъ считаетъ себя въ правѣ брать изъ христіанства то что ему вздумается и отвергать то что ему кажется отсталымъ и бесполезнымъ.

Недавно, случайно перелистывая одно изданіе шестидесятихъ годовъ, я нашелъ тамъ слѣдующее мѣсто въ статьѣ одного изъ мыслящихъ соотечественниковъ нашихъ.

Дѣло идетъ о поэтѣ Гейне. Вотъ что говоритъ между прочимъ авторъ (Н. Н. Страховъ):

„При этомъ идею христіанства Гейне толкуетъ совершенно на католическій ладъ; главное ея содержаніе онъ видитъ въ презрѣніи къ плоти, въ преувеличенномъ спиритуализмѣ, въ признаніи за зло всей природы, всѣхъ естественныхъ влеченій и радостей, въ аскетическомъ отреченіи отъ міра.“ (Ж. Заря 1870. Статя „О литературной дѣятельности Герцеля“.)

Такимъ образомъ, ученый авторъ считаетъ особенностью католицизма именно то что у него есть общаго съ православнымъ ученіемъ.

Не аскетическимъ взглядомъ на жизнь, на страхъ Божій, на смиреніе, на глубокую прирожденную грѣховность нашей природы, не отрицаніемъ всемогущества разума человеческого, не отрицаніемъ возможности какого бы то ни было счастья на этой землѣ, не совѣтами безусловно, по мѣрѣ силъ, покоряться ученію церкви и совѣтамъ ея представителей въ нашей личной жизни—отличается католичество отъ восточнаго православія, а позднѣйшимъ искаженіемъ тѣхъ основныхъ догматовъ которые были признаны первоначальной церковью и введеніемъ новыхъ, подобно догмату единоличной непогрѣшимости папы (вмѣсто непогрѣшимости вселенскихъ соборовъ), о незалатанномъ перво-

роднымъ Адамовымъ грѣхомъ зачатіи Божіей Матеріи или объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына, и другими *. Вообще надо замѣтить что папство ничего существенно не убавило и не отвергло изъ ученія еднѣной и всеобщей первоначальной церкви, но, напротивъ того, прибавило много лишняго. Поэтому въ немъ и не могло не остаться многого изъ первоначальнаго апостольскаго и святоотеческаго ученія.

Зедергольмъ, читая не совсѣмъ правильныя наладки на западную церковь въ нашихъ свѣтскихъ, а иногда и духовныхъ журналахъ, говорилъ такъ: „Въ католичество истинна до того глубоко слѣпота съ самыми опасными для души заблужденіями что надо обращаться съ нимъ очень осторожно: и хвалить трудно западную церковь, и опрометчиво, не вполнѣ порицать ея опасно предъ лубякой. Воображая, по невѣдѣнію, что порицаешь только одно папство, можно очень легко и въ некоторымъ степенямъ нашихъ вѣроваій вредить!“

Сверхъ этого, надо замѣтить еще вотъ что: хотя вся историческая судьба Россіи тѣснымъ образомъ связана съ православіемъ и даже въ современной намъ великой борьбѣ за свободу восточныхъ христіанъ православіе является знаменемъ подъ сѣнію котораго наше войско совершало свои блистательные подвиги; однако надо въ некоторыхъ случаяхъ какъ можно внимательнѣе отличать наши національныя свойства отъ свойствъ припадающихъ самой православной церкви. Ученіе церкви одно, но приложеніе этого ученія къ жизни, исторія практическихъ отношеній церкви къ народу можетъ быть разная въ разные времена и у различныхъ націй, исповѣдающихъ ту же вѣру. Различать это чрезвычайно важно уже для того одного чтобы національные недостатки или историческія несчастія наши не переносить ошибочно на характеръ самой церкви. Хомяковъ въ своихъ письмахъ къ Пальмеру говоритъ: „Сомнѣваться въ истинѣ православія нельзя только потому что проповѣдь его идетъ не такъ успѣшно какъ проповѣдь католицизма. Это можетъ зависѣть отъ національныхъ недостатковъ тѣхъ народовъ кото-

* Кромѣ основныхъ измѣненій введенныхъ католичествомъ есть еще много второстепенныхъ уклоненій которыя очень хорошо объяснены и изложены въ книгѣ отца Владиміра, бывшаго аббата Гетте: *Изложеніе православнаго восточнаго исповѣданія*.

рые въ настоящее время служатъ главными представителями восточнаго православія. Русскіе и Греки вымываютъ въ этомъ, а не ученіе церкви.“ * Хомяковъ говорить это относительно вѣдѣній; то же самое можно сказать и относительно внутренняго руководства совѣстей. Не ученіе церкви православной противно духу старчества (то-есть духовному руководству совѣсти), а наши историческія условія, наши національные недостатки тому виною что старчество (несомнѣно сильно развитое у насъ въ удѣльный и московскій періоды наши) заглохло въ послѣдніе вѣка не только по отношенію къ вѣрующимъ мірянамъ, но и въ стѣнахъ монастырей. Подчиняясь въ общихъ чертахъ уставамъ церкви, высшее и болѣе образованное сословіе наше уже давно привыкло полагаться только на собственный умъ и собственную совѣсть даже и въ важныхъ вопросахъ, и къ духовнику обращалось лишь какъ къ совершителю требъ, который нравственныхъ наставленій не могъ ему преподать. И къ несчастью, въ большинствѣ случаевъ наше образованное сословіе было право. Въ монастыри не всякій имѣлъ время и средства и охоту далеко ѣздить; а бѣлое наше и сельское и городское духовенство было издавна, за немногими исключеніями, поставлено въ такое жалкое положеніе что кромѣ боязни, протестительной керысти и челоукоугодія, оно не могло ничего обнаруживать предъ людьми образованныхъ классовъ. Какое же тутъ могло быть старчество?

Опредѣлая точнѣе смыслъ старчества, надо сказать такъ: Разумъ нашъ недостаточенъ; есть минуты въ жизни когда онъ намъ неотступно твердитъ: „я знаю только то что я ничего не знаю!“ Нужна положительная вѣра; у меня эта вѣра есть. Я знаю, положимъ, въ общихъ чертахъ ученіе церкви. Читалъ *Житія*. Тамъ я безпрестанно вижу примѣры, какъ цари, полководцы, ученые и вообще міряне приближали за совѣтами къ людямъ высокой духовной жизни, къ людямъ освободившимся, по возможности, по мѣрѣ силъ челоуческихъ, отъ страстей и пристрастій. Отпущенія грѣховъ на исповѣди мнѣ недостаточно; меня это не успокаиваетъ; я не довѣряю вполнѣ и постоянно по долгу христіанскаго смире-

* Я пишу это на память, не имѣя подъ рукой сочиненій Хомякова.

вѣ свидѣтельству одной моей совѣсти, ибо это свидѣтельство прежде всего основано на гордости личнаго разума; поэтому въ трудныхъ случаяхъ моей жизни, гдѣ я безпрестанно поставленъ между грѣхомъ и скорбью, я хочу обращаться съ вѣрой къ человѣку безпристрастному и по возможности удаленному отъ нашихъ мірскихъ волненій, хотя и повидающему ихъ прекрасно. Я вѣрю не въ то чтобы духовникъ или старецъ этотъ былъ безгрѣшенъ (безгрѣшенъ толь ко Богъ; и святые папаи), ни даже что онъ судомъ своимъ непогрѣшимъ (это тоже невозможно). Нѣтъ! я съ теллою вѣрой въ Бога и въ церковь и конечно съ личнымъ довѣріемъ къ этому человѣку за его хорошую жизнь прихожу къ нему, и что бы онъ мнѣ ни отвѣтилъ на откровеніе моихъ тайныхъ даже помысловъ я приму покорно и постараюсь исполнить. А при этомъ я, вѣрующій мірянинъ, могу быть лично и очень уменъ, и чрезвычайно развитъ, и въ житейскихъ дѣлахъ гораздо даже омытѣе этого старца. Но стоить мнѣ только вспомнить исторію человѣчества или взглянуть безпристрастно на окружающую жизнь, чтобы ловить до чего даже гений бываетъ иногда неразуменъ и до чего самый хорошій человѣкъ иногда срывается и въ отдѣльныхъ случаяхъ поступаетъ хуже худаго. И Священное Писаніе, и исторія церкви къ тому же совпадаютъ вполнѣ въ этомъ отношеніи съ практической жизнью. Иуда былъ апостолъ; а разбойникъ разбойничалъ. И какъ различно они кончили свою жизнь! Аріи былъ человѣкъ лично прекрасной жизни, но онъ сдѣлалъ церкви и человѣчеству больше вреда своею умственною гордостью чѣмъ многіе убійцы и развратные люди.

Вотъ смыслъ отношеній ученика и духовнаго сына къ старцу.

Думать что подобное отношеніе къ духовнику есть исключительно католическая черта и православію совершенно чуждая, значило бы то же что считать—что бы такое?... ну, напримеръ, что плохая обработка русскихъ полей есть отличительная черта славянскихъ возрвній на агрономію, а не случайный и временный результатъ историческихъ и географическихъ условій нашей національной жизни.

Какъ же можетъ ученіе православной церкви не требовать

чтобы духовенство было какъ можно вліятельнѣе на нашу личную жизнь, когда оно такъ высоко ставитъ и самъ священства, и монашескій образъ?

Наша раслуцченность, общая и мірянамъ и духовенству; наше равнодушіе, нашъ „поздній умъ, богатый съ колыбели ошибками отцовъ“,—вотъ въ чемъ причина сравнительной слабости у насъ духовнаго руководства, а не въ какой-либо существенной чертѣ церковнаго ученія.

Монахъ въ сущности все тотъ же православный христіанинъ какъ и не монахъ, только поставленный въ особія, благоприятныя для строгой жизни условія; и мірянинъ въ сущности все тотъ же аскетъ, только съ большею свободой. Если взять и въ наше время цѣлый рядъ убѣжденных христіанъ, начиная отъ строжайшаго аеонскаго пустынножителя до какого-либо человека богатаго или высоко поставленнаго въ обществѣ, то какъ бы ни велика была разница во вѣншемъ образѣ жизни всѣхъ этихъ людей, поставленныхъ между двумя крайностями — между сырою лещерой аеонскаго схимника и барскими палатами государственнаго дѣятеля, а все же идеалъ сердечный у нихъ одинъ, философія жизни одна, нравственный критерій одинъ, догматы одни, усилія направлены къ одной и той же цѣли, на поддержаніе въ себѣ во время земной жизни близости ко Христу и къ Его ученію. Быть-можетъ иногда мірянину, занятому гражданскими и другими личными обязанностями, окруженному соблазнами роскоши и живущему во многолюдномъ городѣ, труднѣе привудить себя каждый день заходить только лоутру въ часовни (какъ дѣлалъ, на примѣръ, погибшій столь трагическою смертію генераль Мезенцевъ) чѣмъ монаху выстоять большую службу; уже по тому одному труднѣе что мірянина никто къ тому не понуждаетъ кромѣ собственной вѣры; а монаха живущаго въ общинѣ понуждаетъ быть въ церкви такъ-называемая среда, тогда какъ его одолавають лѣнь и разсѣянность. Не для Бога, такъ для братіи онъ пойдетъ въ церковь.

Итакъ, говорю я, разница между самоограничивающимся и понуждающимся себя о Христѣ міряниномъ и монахомъ только количественная, а не качественная, не существенная.

У хорошаго монаха тѣ же краски гуще, черты выразительнѣе, та же сущность, но болѣе освобожденная отъ всѣхъ мірскихъ украшеній и тягостей. Иначе, какое же бы могло имѣть значеніе монашество еслибъ оно не исходило какъ высшій плодъ изъ того же христіанскаго общества и еслибы, съ другой стороны, посредствомъ своихъ молитвъ, своего пріиѣра и своего руководящаго вліянія оно на этотъ внѣшній христіанскій міръ не вліяло?

Въ этомъ смыслѣ, говоря о пользѣ и даже необходимости старчества для монаховъ, надо подразумѣвать и то что оно и для мірянъ можетъ-быть чрезвычайно полезно.

Я даже спрашиваю себя, не полезнѣе ли оно ивогда для мірянъ чѣмъ для самихъ монаховъ? Монахъ, если онъ мало-мальски добросовѣстенъ, сдерживается начальствомъ, общиной; онъ безпрестанно въ церкви слышитъ проученія, имѣетъ всю возможность читать безпрестанно Св. Писаніе и святыхъ отцовъ, а мірянину нашего времени когда самому подумать внимательно о Богѣ и своей душѣ?

Чтобъ указать до какой степени духовенство и старчество были у насъ въ забвеніи, лучше всего выписать исторію возобновенія въ Олтинной пустыни этого древняго христіанскаго обычая изъ жизнеописанія олтинскаго старца іеросхимонаха Леониды (жизнеописаніе составлено тѣмъ самымъ отцомъ Климентомъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь).

„Въ Олтину пустынь отецъ Леонидъ прибылъ въ апрѣлѣ 1829 года съ шестью учениками. Переходъ отца Леониды въ Олтину пустынь весьма замѣчательнъ тѣмъ что имъ введено и упрочено въ этой обители такъ-называемое старчество. Этотъ основанный на евангельскомъ, апостольскомъ и святоотеческомъ ученіи образъ монашескаго житія въ наше время пришелъ въ такое забвеніе что считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь о немъ нѣсколько словъ.

„Старчество состоитъ въ искреннемъ духовномъ отношеніи духовныхъ дѣтей ко своему духовному отцу, или старцу.

„Не всѣхъ же должно вопрошати, но единого, ему же вѣримо есть и другихъ окормленіе и житіемъ блистающа, убога убо суща, многа же богатяща по писанію (посланіе Апостола Павла къ Коринѣянамъ 2ое, гл. 6, ст. 10). Мнози бо не искуси, мнози несмысленныхъ повредиша, ихъ же судъ имуть

по смерти. Не всѣхъ бо есть наставить и ивѣхъ, но имъ же дадеся божественное разсужденіе,—по апостолу, разсужденіе духовъ (1 Кор. 12, 10), отлачующее горшее отъ лучшаго моченья слова. Кійждо бо свой разумъ и разсужденіе естественно или дѣятельно или художественно имать, а не вси духовное.“

„Духовное же отношеніе требуетъ отъ руководимыхъ кромѣ обычной исповѣди предъ причащеніемъ Св. Таинъ и частаго по потребности исповѣданія старцу и духовному отцу не только дѣлъ и поступковъ, но и всѣхъ страстныхъ помышленій, и движеній, и тайнъ сердечныхъ.

„Путь старческаго окормленія во всѣ вѣка христіанства признанъ всѣми великими пустынниками, отцами и учителями церкви самымъ надежнымъ и удобнѣйшимъ изъ всѣхъ какіе были извѣстны во Христовой церкви. Старчество процвѣтало въ древнихъ египетскихъ и палестинскихъ кивотіяхъ, въ послѣдствіи насаждено на Аѳонѣ, а съ Востока перенесено въ Россію. Но въ послѣдніе вѣка, при всеобщемъ упадкѣ вѣры и подвижничества, оно по немногу стало приходить въ забвеніе, такъ что многіе начали отвергать его. Уже во времена Нила Сорскаго старческой путь многимъ былъ ненавистенъ, а въ концѣ прошедшаго столѣтія и почти совсѣмъ сталъ неизвѣстенъ. Къ возобновленію въ Россіи этого основаннаго на ученіи св. отцовъ образа монашескаго житія много содѣйствовалъ знаменитый и великій старецъ архимандритъ молдавскихъ монастырей Паисій Величковскій. Онъ съ великимъ трудомъ собралъ на Аѳонѣ и перевелъ съ греческаго языка на славянскій творенія аскетическихъ писателей, въ которыхъ содержится ученіе о монашескомъ житіи вообще и въ особенности о духовномъ отношеніи къ старцамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Немецкомъ и другихъ подчиняемыхъ ему молдавскихъ монастыряхъ онъ показавъ и примѣненіе этого ученія къ дѣлу. Однимъ изъ учениковъ архимандрита Паисія, схимонахомъ Θεодоромъ, жившимъ въ Молдавіи около 20ти лѣтъ, этотъ порядокъ иноческой жизни передавъ іеросхимонаху отцу Леониду, а имъ и ученикомъ его старцемъ іеросхимонахомъ Макаріемъ насаждаетъ въ Оптиной пустыни.

„Тогдашній оптинскій настоятель отецъ Моисей и братъ его, скитоначальникъ отецъ Антоній, положившіе основаніе своего иночества въ Брянскихъ лѣсахъ, въ духѣ древнихъ

великихъ пустынножителей, давно желали ввести старчество въ Оптиной пустыни, но сами не могли выполнить этого дѣла, потому что были озабочены многотрудными и многосложными заботами по устройству и управленію обители и потому что вообще соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ этихъ обязанностей, настоятельства и старчества, хотя въ прежнія времена при простотѣ нравовъ и было, но въ наше время весьма неудобно и даже невозможно. Когда же въ Оптиной пустыни поселился отецъ Леонидъ, тогда отецъ Моисей воспользовался этимъ и, зная его опытность въ духовной жизни, поручилъ его руководству всѣхъ братій жительствовавшихъ въ Оптиной пустыни, и всѣхъ приходившихъ на жительство въ монастырь.

Съ того времени весь внутренній строй монастырской жизни измѣнился въ Оптиной пустыни. Безъ совѣта и благословенія старца ничего важнаго не дѣлалось въ обители. Въ его келіи ежедневно, особенно въ вечерніе часы, стекались братія съ душевными своими потребностями, каждый слѣшившій покаяться предъ старцемъ, въ чѣмъ согрѣшилъ въ продолженіе дня дѣломъ, словомъ или помышленіемъ, просить его совѣта и разрѣшенія во встрѣтившихся недоумѣніяхъ, утѣшенія въ постигшей скорби, помощи и подкрѣпленія во внутренней борьбѣ со страстями и съ невидимыми врагами нашего спасенія. Старецъ всѣхъ принималъ съ отеческою любовью, и всѣмъ преподавалъ слово опытнаго наставленія и утѣшенія. Вотъ какъ описываетъ келію отца Леонида очевидецъ его, іеромонахъ Антоній:

„Келія старца, отъ ранняго утра до поздней ночи валодневная приходившими къ нему за духовную помощь, представляла картину достойную кисти художника. Старецъ въ белой одеждѣ, въ короткой мантии, былъ виденъ изъ-за круга учениковъ своихъ, которые стояли предъ нимъ на колѣнахъ*, и лица ихъ были одушевлены разными выраженіями чувствъ. Многіе приносили покаеніе въ такомъ грѣхѣ о которомъ и не помыслилъ бы не проходившій послушанія; другой со слезами и страхомъ признавался въ неумышленномъ оскорбленіи брата. На одномъ лицѣ горѣлъ стыдъ что не можетъ одолѣть помысловъ, отъ которыхъ ждалъ бы идти на

* Исповѣданіе помысловъ на колѣнахъ, въ знакъ смиренія—древній христіанскій обычай (смотри *Лестницу*. Сл. 4, гл. 62, 34).

„Конецъ свѣта; на другомъ выражалась хладнокровная улыбка невѣрія ко всему видимому: онъ пришелъ наряду съ другими явиться только къ старцу и уйти неисцѣленнымъ; но и онъ, страшась провинительнаго его взгляда и обличительнаго слова, потулялъ очи и смягчалъ голосъ, какъ бы желая смягчить своего судію ложнымъ смиреніемъ. Здѣсь видно было истинное послушаніе, готовность лобызать ноги старца, тамъ немощный, отринутый всѣмъ міромъ, болѣзненный юноша не отходилъ отъ колыба отца Леонида какъ отъ дощипы ея литомецъ.“

„Благодѣтельно стали отражаться богомудрыя наставленія на Олтинскомъ братствѣ, которое поемному началу совершенствоваться въ нравственномъ отношеніи. Мудрость старца, свидѣтельствуемая любовію и почтеніемъ къ нему настоятеля и братіи, скоро сдѣлала отца Леонида извѣстнымъ и въ обители. Ради духовныхъ совѣтовъ начали приходять къ дверямъ его келіи изъ городовъ и селеній разнаго рода люди: дворяне, кулцы, мѣщане и простой народъ обоего пола. Всѣ были принимаемы старцемъ съ сердобольнымъ, отеческимъ расположеніемъ и любовію, и никто изъ приходящихъ не выходилъ изъ его келіи не бывъ утѣшенъ имъ духовно. Съ каждымъ годомъ стеченіе народа въ Олтиную пустыню значительно умножалось, чрезъ что она видимо процвѣтала. Понимавшіе хорошо духовную жизнь мужи, но подвизавшіеся въ затворѣ или безмолвіи, со всѣхъ сторонъ Россіи стали присылать подъ руководство отца Леонида въ Олтину пустынь для обученія въ монашеской жизни людей всякаго сословія, искавшихъ для сего болѣе надежнаго пристанища.“

На отца Леонида и на Олтину пустынь въ сороковыхъ годахъ за это кажущееся нововведеніе было поднято гоненіе. По зависти и невѣжеству, это было сочтено какимъ-то расколомъ, ересью. Пресвященный Николай Кадужскій имѣлъ слабость поддаваться этимъ наущеніямъ и нѣсколько разъ запрещалъ отцу Леониду принимать мірянъ, которые рвались въ его двери толпою. Отецъ Леонидъ и настоятель Олтинной пустыни архимандритъ Моисей, подчиняясь повелѣнію владыки изъ послушанія, переставали допускать народъ; но люди привыкшіе къ бесѣдѣ старца и его наставленіямъ, помѣщички, кулцы, военные, простолюдины городскіе и сельскіе, множество женщинъ, монахини изъ многихъ обителей требова-

ли его духовнаго слова и невыносимо страдали безъ него. Однажды случилось вотъ что. Сострадая своей духовной слабости, отецъ Леонидъ рѣшился наконецъ, вопреки запрещенію архіерея, допустить къ себѣ огорченныхъ мірянъ. (Надо понимать, какое ужасное отчаяніе можетъ чувствовать человѣкъ который утратилъ вѣру и въ себя, и въ свой разумъ, и въ близкихъ, и вообще въ силу помощи человѣческой и который кромѣ гора и грѣха въ себѣ и вокругъ себя ничего не видитъ, если у него отнимаютъ единственную опору его спокойнаго и безстрастнаго духовнаго утѣшителя... Это ужасно!) Преосвященный Николай Калужскій вскорѣ послѣ этого пріѣхалъ въ Олтину. Владыка шелъ въ церковь по монастырскому двору, полному народа. Вдругъ вышелъ изъ кельи своей отецъ Леонидъ чтобъ идти въ ту же церковь. Мгновенно толпа отхлынула отъ архіерея и бросилась къ старцу, окружила его, тѣсясь и требуя благословенія.

Отецъ Леонидъ старался со своей стороны протѣсниться ко владыкѣ; чтобы поклониться ему.

Когда онъ приближился, архіерей сказалъ ему укорительно: „А ты все еще съ народомъ возишься?“

— Пою Богу моему дожде есмь! отвѣчалъ твердо и спокойно отецъ Леонидъ.

Этотъ отвѣтъ такъ понравился архіерею что онъ съ тѣхъ поръ пересталъ тревожить отца Леонида, и старчество укрѣпилось въ Олтинѣ и процвѣтаетъ въ ней до настоящаго времени.

Отцу Леониду наследовалъ знаменитый духовникъ и другъ его отецъ Макарій (изъ калужскихъ дворянъ); потомъ отецъ Иларіонъ и высшій главный духовникъ отецъ Амвросій (они оба были прежде келейниками отца Макарія). Наконецъ самъ основатель Олтинскаго скита архимандритъ Моисей и младшій братъ его отецъ Антоній были въ высшей степени замѣчательные люди и старцы удивительной жизни. Они оба начали свои подвиги, какъ сказано было выше, почти одиошешки въ невообразимо глухомъ мѣстѣ Брынскихъ лѣсовъ; ихъ отыскали тамъ и поручили имъ (въ 1821 году) устроить Олтинскую пустынь. Они создали скитъ и возстановили бѣдную и во всѣхъ отношеніяхъ лавшную обитель.

Отецъ Моисей, кромѣ своихъ высокихъ управительскихъ способностей, кромѣ лично святой жизни, имѣлъ тоже духовный даръ старчества, и хотя по особаго рода смиренію

уклонялся большею частію отъ него, ограничиваясь хозяйствомъ и управленіемъ, но не отвергалъ тѣхъ мірянъ которые любили обращаться къ нему за совѣтомъ и руководствомъ.

Что касается до отца Антонія, младшаго брата архимандрита Моисея, то это былъ такой добрый, такой „любовный“, кроткій человекъ что покорялъ своимъ обращеніемъ самыхъ строптивыхъ людей. Я зналъ коротко одного петербургскаго литератора, человека по характеру гордаго, закоснѣлаго атеиста, ненавистника религіи и церкви, который, уважая и любя отца Антонія лично, только у него одного изъ всѣхъ встрѣчавшихся ему духовныхъ лицъ дѣловалъ съ любовью и почтеніемъ руку. И дѣлалъ онъ это сознательно, говоря что этотъ Антоній „единственный ноль котораго онъ чтитъ и любить!“ Отецъ Антоній былъ довольно долго настоятелемъ Малоярославецкаго монастыря; но не имѣя ни малѣйшихъ административныхъ наклонностей и постоянно больной, онъ считалъ свое настоятельство мукой и мечталъ лишь объ одномъ, чтобы поскорѣе отъ игуменства избавиться и окончить жизнь на покой въ Оптиной, подъ крыломъ старшаго брата-архимандрита, котораго онъ читалъ какъ отца.

III.

При поступленіи въ монастырь у Зедергольма не было никакихъ опредѣленныхъ средствъ къ жизни. Особую келію въ скиту ему не на что было построить. Графъ А. П. Толстой построилъ ему на свой счетъ красивый и просторный русскій бревенчатый домикъ съ крылечкомъ въ сельскомъ вкусѣ и зеленою желѣзною крышею и теплыми сѣнами. Внутренность этого жилища не поражала ничѣмъ особеннымъ, ни чрезмѣрною суровостью и бѣдностью, ни какимъ-нибудь исключительнымъ, для инока непривычнымъ, изыществомъ. Обыкновенный стариннаго фасона желтый диванъ съ деревянною спинкой; небольшая спальня за перегородкой; въ углу много образовъ; портреты старцевъ и мірскихъ друзей; множество книгъ и бумагъ; большая чистота и примѣрный порядокъ.... Кафельныя голландскія печи, которыя зимой толпились иногда такъ весело, усаждали свѣтомъ и трескомъ своимъ наши съ нимъ долгія бесѣды....

Въ этомъ миломъ домицѣ, устроенномъ рукой друга и покровителя, отецъ Климентъ прожилъ еколо пятнадцати лѣтъ, подвизаясь духомъ и трудясь письменно на пользу обители и церкви.

Очень скоро по водвореніи своемъ онъ сталъ помогать болѣзненному старцу отцу Амвросію въ обширной перепиискѣ его съ духовными дѣтьми; принималъ самое дѣятельное участіе въ духовныхъ изданіяхъ Оптиной пустыни. Его превосходное знаніе древнихъ и новыхъ языковъ, его образцовая „истинно-московская“ литературная подготовка, его привычка къ кабинетному труду, дѣлали его незаменимымъ для подобной дѣлы.

Вотъ перечень оптинскихъ изданій въ которыхъ участвовалъ отецъ Климентъ:

1) *Агга Доросей*, переведено съ греческаго; 2) *Симеонъ Новый Богословъ*; 3) *Феодоръ Студитъ*, переведены съ греческаго въ сотрудничествѣ съ другими оптинскими монахами; 4) *Іоаннъ Лествичникъ*, вновь переведено и провѣрено съ греческимъ; *Царскій Путь Креста Господня* (Ставрофила).

Я останавливаюсь здѣсь только на двухъ книгахъ: на книгѣ *Св. Іоанна Лествичника* и на *Ставрофилѣ* (*Царскій Путь Креста Господня*).

Сначала о *Лествицѣ*.

Я по опыту знаю до чего велика разница въ степеняхъ дѣятельности старо-славянскихъ переводовъ этой книги, и новѣйшаго перевода оптинскаго, въ которомъ участвовалъ отецъ Климентъ. Хотя я понимаю церковно-славянскій языкъ порядочно, но все-таки, читая въ первый разъ *Іоанна Лествичника* въ новомъ переводѣ, я почувствовалъ что прежде отъ меня ускользало множество замѣчательныхъ тонкостей и самыхъ вѣрныхъ и глубокихъ психологическихъ отблѣсковъ въ этихъ поученіяхъ. Самая византийская риторика вступленія и заключенія Св. Іоанна передана такъ хорошо что она въ литературномъ даже смыслѣ правится и поражаетъ....

Оговорюсь, впрочемъ, мимоходомъ и на счетъ церковно-славянскаго языка.

Я ни чуть не отвергаю его высокаго достоинства и особенной силы; я указываю только на большую доступность простаго русскаго языка. Одно не только не мѣшаетъ другому, а, напротивъ того, взаиміе русскаго языка и дѣйствіе

церковнаго часто удивительно дополняютъ другъ друга. Лучшимъ примѣромъ подобнаго дополненія могутъ служить псалмы. Въ славянскихъ псалмахъ для большинства много непонятнаго и даже сбивчиваго, если начать вникать въ смыслъ каждаго слова. Но молитва на этомъ полугаиственномъ и величавомъ языкѣ гораздо отраднѣе чѣмъ молитва на русскомъ. Поэтому хорошо читать иногда псалмы по-русски и потомъ слушать ихъ въ церкви и молитвенно прочитывать дома на церковно-славянскомъ.

То же самое можно сказать и о святоотеческихъ писаніяхъ. Отецъ Климентъ, который переводилъ съ греческаго на русскій и исправлялъ другія аскетическія сочиненія, справедливо восхищался олтинскимъ изданіемъ Исаака Сириня (изданіемъ въ которомъ онъ самъ вовсе и не участвовалъ). Олтинскіе издатели оставили своеобразный языкъ великаго Паисія (Величковскаго), впервые передавашаго этотъ перлъ аскетической литературы по-славянски. Они снабдили книгу только безпрестанными русскими замѣтками и объясненіями внизу страницъ.

Почему же я хваляю и то, и другое? и то что такъ просто и понятно перевели *Авгу Доровая* и *Льсточицу*, и то что оставили страшный и поразительный языкъ Паисія Величковскаго неприкосновеннымъ. Вотъ почему: Исаакъ Сиринъ выше, глубже другихъ, сходныхъ съ нимъ по направленію, аскетическихъ писателей. Въ немъ есть какая-то особая мистическая музыка; при чтеніи его задумчивыхъ поученій ощущается нѣчто особое, пробуждается у вѣрующаго человѣка особое чувство, духовность и сила котораго доходить до физическаго томленія. Это драгоценное дѣйствіе почему-то слабѣетъ въ русскомъ переводѣ. Почему—не знаю. Потому ли что не нашлось еще человѣка который бы сумѣлъ вложить художественно передать по-русски духъ славянскаго перевода или греческаго подлинника * или по чему-либо другому—не берусь рѣшить.

Практическій же смыслъ есть въ той разницѣ которую сдѣлали олтинскіе старцы между Исаакомъ Сиринимъ и дру-

* Это бываетъ и въ литературѣ свѣтской: Никто и нигдѣ до сихъ поръ не могъ передать *Фауста* такъ какъ передали, напримѣръ, нѣкоторыя произведенія Шцлаера Жуковскимъ, то-есть такъ что онъ въ русскомъ переводѣ не хуже и не слабѣе подлинника.

гами аскетическими писателями. *Анна Доровей* и даже *Иоаннъ Ластовичицъ* попроще, подступивше; они полезивше неопытнымъ и менше ученымъ людямъ. Надо поэтому было довести ихъ доступность до наибольшей степени. Исаакъ Сиринъ глубже („гуще“, какъ говорилъ, улыбаясь, покойный Климентъ) и его предлагаютъ старцы не всякому, а лишь тому кто или духовно опытивше, или по-мирски образованнѣе, кому мыслить легче на этой почвѣ.

На такихъ людей, когда они приступаютъ къ чтенію съ правильнымъ и добрымъ чувствомъ, отрывки изъ книги святаго Исаака Сирина дѣйствуютъ чрезвычайно сильно, на подобіе молитвы, пѣнія или громкаго чтенія прекрасныхъ стиховъ... Появляю, какъ это должно укрѣплять не только монаха, но и мирянина среди житейскихъ „бурь и битвъ“.

Теперь о *Ставрофилѣ* или о книгѣ озаглавленной *Царскій Путь Креста Господня*.

Книга эта католическаго происхожденія. Она была въ первый разъ издана въ 1709 году черниговскимъ архіепископомъ Иоанномъ Максимовичемъ. Въ католическомъ сочиненіи съ дѣвицей Ставрофилой бесѣдуетъ самъ Спаситель. Это по ученію нашей церкви неслыхательно. Каждое слово самого Спасителя имѣеть высочайшій догматическій авторитетъ. Поэтому никакой духовный писатель не имѣеть права говорить отъ лица Спасителя. Онъ можетъ только приводить тексты изъ Евангелія въ подтвержденіе своихъ словъ и больше ничего. Но книга эта оказалась нашему духовенству полезною по живости и простотѣ изложенія, и ее перечедали. Христосъ замѣненъ у насъ ангеломъ... Были и другіе второстепенной важности западные отгѣвки, которые устранимы. Вся книга состоитъ изъ наставленій ангела юной Ставрофилѣ (крестonosицѣ, любительницѣ Креста). Она колеблется, улыбается, спрашиваетъ; ангелъ поучаетъ и утѣшаетъ ее. Она хочетъ привлечь на свой путь двухъ сестеръ своихъ, Иларію (веселую, смѣющуюся) и Гонорію (гордую). Но обѣ отвергаютъ Крестъ: одна, боясь скуки, другая — не желая униженія.

Нравственное ученіе этой книги правильно; это обыкновенное ученіе христіанскаго отреченія и терпѣнія въ этой жизни для спасенія души за гробомъ. Но само сочиненіе ничѣмъ не замѣчательно. Въ немъ есть что-то начальное, почти

дѣтское, поверхностное; но именно поэтому-то она и полезна для людей попроще. Имъ она доступнаѣе, можетъ-быть, всякой другой аскетической книги, но истинно-западной легкости изложенія и по самой диалогической формѣ своей. Разговорная форма завлекаетъ многихъ читателей. Есть, правда, въ этой *Ставрофилѣ* что-то слащавое, жемолоподобное, приторное, свойственное многимъ католическимъ писателямъ, въ томъ числѣ и автору знаменитаго *Подражанія Христу*; но этотъ отбѣнокъ неприятенъ только немногимъ очень строгимъ читателямъ и судьямъ.... Большинству же монаховъ и набожнымъ мірянамъ эта книга очень нравится. Въ этомъ-то смыслѣ я и нахожу ее весьма полезною. Духовная пища должна быть разная: кому „млеко“, а кому густая пища, твердая; кому *Ставрофила*, а кому—Исаакъ Сиринъ.

Если не ошибаюсь, исправленіемъ изданія *Ставрофила* Оптина Пустынь была обязана исключительно отцу Клименту. Онъ задумалъ и исполнилъ этотъ трудъ подъ руководствомъ старца и при помощи другаго почтеннаго монаха, котораго не назову, щадя его высокую скромность.

Кромѣ этихъ обще-оптинскихъ изданій, переводовъ, предѣлокъ, исправленій и т. л., въ которыхъ такъ дѣятельно и вліятельно участвовалъ отецъ Климентъ, онъ въ теченіе своей монашеской жизни (и еще прежде немного) напечаталъ по разнымъ духовнымъ журналамъ довольно много небольшихъ статей. Я перечту ихъ. Въ *Душеполезномъ Чтеніи* 1865, 1868, 1871, 1875, 1877 годовъ статьи: „Геродиаконъ Палладій“; „О Лютеровомъ переводѣ Библіи“; „Описаніе богословскихъ училищъ на Востокѣ“; „Поѣздка за границу“. Переводы: „Увѣщательное посланіе къ Сербамъ“; „Слово Іоанна Дамаскина о восьми грѣховныхъ помыслахъ“.

Въ *Чтеніяхъ Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія*: „Замѣтка о книгѣ Пухлера“, „Исторія раздѣленія церквей“.

Отдѣльные брошюры: „О жизни и трудахъ Никодима Святогорца“; „Изъ воспоминаній о поѣздкѣ на Востокъ въ 1860 году.“

Отцомъ Климентомъ были составлены также жизнеописанія оптинскихъ старцевъ отца Леониды (въ схимѣ Льва), перваго учредителя старчества въ обители, и отца Антонія, младшаго брата знаменитаго архимандрита Моисея, возстановившаго Оптину изъ того залуценія въ которомъ она была въ первыхъ годахъ этого столѣтія. Не задалго до кончины

своей отецъ Климентъ началъ собирать матеріалы и для біографіи самого архимандрита Моисея, но не успѣлъ кончить этотъ послѣдній трудъ. Онъ передалъ теперь другому лицу, по уму и образованію своему также стоящему вполнѣ въ уровень этой задачи. Жизнеописанія отца Леониды и отца Автоліа составлены очень хорошо. Отецъ Климентъ сумѣлъ придать своему разказу ту живость которой, къ сожалѣнію, очень часто лишены подобнаго рода книги. Подвиги и подвиги, смиреніе, вѣра, прозорливость и т. д.—вотъ что мы обыкновенно находимъ въ сочиненіяхъ преданныхъ учениковъ и послѣдователей, когда они рѣшаются говорить о святой жизни духовныхъ наставниковъ чтимыхъ ими по личной ли близости или по свѣдѣнію преданію. Рѣдко можно найтти въ такихъ жизнеописаніяхъ хотя бы намекъ на натуру человѣка, на тѣ душевыя и вообще личныя особенности его которыя онъ и какъ человѣкъ, и какъ христіанскій дѣлатель рѣзко отличался отъ другихъ лицъ сходныхъ съ нимъ по направленію мыслей и жизни. А между тѣмъ въ дѣйствительности какъ ни стараются подобнаго рода люди убить въ себѣ все земное, всѣ страсти, всѣ привычки, всѣ личныя отгѣнки характера, эти личныя отгѣнки остаются при нихъ до конца жизни, и то что называется собственно святостью возможно при всѣхъ характерахъ и при всѣхъ натурахъ: при мягкомъ и жестокомъ сердцѣ, при веселомъ и при печальномъ нравѣ, при гениальномъ умѣ и при простотѣ, доходящей до ограниченности, при смѣломъ и при робкомъ характерѣ. Въ этомъ легко можно удостовѣриться, просматривая житія святыхъ въ Четьи-Минеи Дмитрія Ростовскаго. Житія эти, правда, написаны вовсе не одинаково; есть такія въ которыхъ виденъ только святой подвижникъ или мученикъ, а человѣкъ вовсе не помнятъ, и есть другія жизнеописанія, гдѣ личныя особенности святаго изображены прекрасно. Я не достаточно ученъ и свѣдуецъ по этой отрасли чтобы разсуждать здѣсь о различіи источниковъ или авторовъ этихъ византійскихъ біографій, но лишь по догадкѣ позволяю себѣ сказать что это разительное несходство зависѣло вѣроятно отъ составителей. Различная степень развитія умственнаго или не одинаковая степень наблюдательности у составителей отразилась, можетъ-быть и невольно, на изображеніи святаго. Такъ на примѣръ житія Св. Іоанна Дамаскина, Св. Симеона Юродиваго, Моисея Мурина,

Св. Θεодѳры, Св. Маріи Египетской, Θεодора епископа Едесскаго, мученика Болифатія и преподобной Агапиды, преподобной Евпраксіи, особенно наглядны и хороши, въ нихъ видны въ одно и то же время и святые, и люди; во многихъ другихъ житіяхъ не встрѣчаемъ человѣка, а видимъ только мученика, чудотворца, подвижника.

Это впрочемъ случается и на другихъ поприщахъ. И въ свѣтской литературѣ есть много біографій, некрологовъ, воспоминаній, біографическихъ замѣтокъ и т. л., въ которыхъ видишь лишь воина, ученаго, художника, но человѣка, натуры изъ которой выработался этотъ дѣятель или мыслитель, не встрѣчаешь. Генералы всѣ распорядительны и храбры, ученые всѣ „честные труженики“ („миръ праху твоему честный дѣятель науки!“), художники всѣ предавы искусству..

Такихъ полныхъ жизнеописаній людей какія подарилъ міру Паутархъ и въ наше время тонкой наблюдательности все-таки мало.

Иногда эта бѣдность некрологовъ и біографій происходитъ и отъ добраго чувства, отъ уваженія къ памяти покойнаго; намасъ бы что сказать, но друзья, родные, почитатели осторогаются предать любимое лицо на растерзаніе насмѣшливымъ и безпощаднымъ людямъ.

Если такое чувство понятно въ близкихъ людяхъ по отношенію къ воину, ловцу, ученому и политику: то въ монахѣ пишущемъ о человѣкѣ святой жизни оно должно быть еще сильнѣе. Здѣсь уже является и страхъ грѣха..

Вотъ почему я очень цѣню жизнеописанія двухъ оптинскихъ старцевъ составленныя отцомъ Климентомъ. Жизнеописанія эти достаточно изобразительны и живы. Читая ихъ тотчасъ же видишь что по натурѣ своей отецъ Леонидъ былъ жестче и тверже, а малоярославецкій игуменъ Антоній симпатичнѣе, но за то и послабѣе. Они были сходны между собой по высокому устроенію духа, по глубокой искренности аскетическаго призванія: но читателю ясно что отецъ Леонидъ, полный независимости, инициативы и энергіи, вѣрой утверждалъ въ себѣ любовь и смиреніе; отецъ же Антоній, не только до нельзя добрый и ласковый, но быть-можетъ и слабый сердцемъ, посредствомъ той же вѣры выработалъ въ себѣ то мужество и ту твердость которыя вѣроятно были бы у него слабѣе еслибъ онъ съ равныхъ лѣтъ не отрекся отъ міра и не убѣжалъ бы отъ родителей къ старшему брату, жившему

сначала въ такой лѣсной глуши что очень немногіе и дорого къ нему знали. Отецъ Леонидъ училъ смѣло и вдохновенно; смиряясь предъ епископомъ, онъ все-таки, какъ мы видимъ, неизмѣнно и бодро отстаивалъ свое призваніе старца. Отецъ Леонидъ при всей своей серіозности позволялъ себѣ иногда нѣсколько юродствовать, смѣшнить, представляться чудакомъ, притворяться глупымъ для наставленія; выгонялъ напримѣръ изъ своей кельи любимыхъ имъ учениковъ, и т. д. Отецъ Автоній думалъ лишь объ одномъ... о безмолвіи и молитвѣ; о томъ чтобы его оставили въ покоѣ. Все малолетское настоятельство его было долгою мукой и тяжелымъ послушаніемъ, на которомъ онъ изнемогалъ и постоянно жаловался то епископу, то митрополиту Филарету, то брату и наставнику своему, архимандриту олгинскому Моисею, котораго онъ боялся и слушался по любви и уваженію больше чѣмъ какое бы то ни было начальство. Все это очень ясно и хорошо изображено въ обихихъ біографіяхъ. Знать эти живые оттѣнки очень полезно и для монаха, и для міряна. Больше вѣришь въ святость, больше понимаешь героизмъ аскетическій, когда видишь въ святомъ такого же сложнаго, многограннаго чело-вѣка какъ и мы...

Кромѣ ученыхъ и литературныхъ занятій, кромѣ постояннаго участія въ обширной корреспонденціи отца Амвросія съ его духовною лаврой, отецъ Климентъ несъ и другія обязанности. Онъ вскорѣ былъ сдѣланъ іеродіакономъ, потомъ іеромонахомъ, и долженъ былъ принимать иногда участіе въ богослуженіи, входить въ сношеніе съ разными лицами пріѣзжавшими въ монастырь; не имѣя въ скиту никакой опредѣленной начальнической должности, онъ, по собственному рвенію, вмѣшивался часто въ дѣла и поведение младшей братіи, дѣлалъ замѣчанія послушникамъ и новоначальнымъ монахамъ. Онъ не могъ выносить безпорядка, забывчивости, вѣтренности и т. л., и находясь въ самыхъ тѣсныхъ и дружескихъ отношеніяхъ къ отцу Анатоію, скитовачальнику, замѣнялъ его тамъ гдѣ случалось въ дѣлѣ пріемотра и дисциплины. Къ сожалѣнію, при вспыльчивости своей и нѣмецкой порядливости онъ нерѣдко переходилъ даже чрезъ мѣру и наскучалъ младшей братіи. Для русскаго чело-вѣка порядокъ и правильность трудѣе всего.

Словомъ, вся пятнадцатилѣтняя жизнь Зедергольма въ

скиту была трудомъ, борьбой и неустаннымъ подвигомъ. Онъ старался все исполнить, вездѣ послѣдовать, все сдѣлать, и только въ послѣдніе годы жизни, когда здоровье начало ему измѣняться, онъ сталъ, повидимому, поспѣшительнѣе къ своей плоти. Я говорю: повидимому, ибо мѣра усилія и терпѣнія чисто субъективна, и только самъ человѣкъ по совѣсти чувствуетъ когда ему больнѣе и что ему труднѣе: молодому ли и здоровому сдѣлать больше, или больному и старѣющему сдѣлать втрое меньше. Иногда послѣднее гораздо тяжелѣе. Конечно, старецъ, безъ позволенія котораго отецъ Климентъ даже и въ лѣсу прогуляться не смѣлъ никогда, и я думаю даже лишнюю молитву не позволялъ себѣ самочинно прочесть, благословлялъ его въ послѣдніе годы его жизни на нѣкоторыя послабленія изнемогающей плоти. И подвиги тѣлесные не всегда полезны для души. Полезна каждому его особая, личная мѣра на все, чтобы не увлечься восторгами или гордостью и чтобы не впасть въ уныніе и отчаяніе отъ безсилія духа и тѣла въ несообразной съ личными условіями борьбѣ. Довѣріе къ старцамъ и послушаніе устанавливають эту мѣру, умиротворяя угрызения совѣсти и тревогу ума.

IV.

Еслибы послѣ всего сказаннаго мною объ Олтиной Пустыни, о монашествѣ вообще и о серьезномъ аскетическомъ направленіи Зедергольма еще въ міру, еслибы, говорю я, кто-нибудь вообразилъ себѣ отца Климента въ образѣ какого-то мрачнаго, худаго, угрюмаго нелюдима, въ которомъ соединились два формализма и два педантизма, нѣмецкій и монашескій, тотъ бы сильно ошибся. Отецъ Климентъ, напротивъ того, производилъ пріятное, даже веселое впечатлѣніе. Лицомъ онъ былъ бѣлъ и, несмотря на болѣзненность свою, иногда даже немного румянь, скорѣе половъ чѣмъ худъ; борода у него была широкая, густая, русая. Взглядъ сѣрыхъ глазъ оживленный, острый, иногда очень милый и веселый; улыбка чрезвычайно добрая и пріятная. Известный историкъ нашъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, который былъ съ нимъ вмѣстѣ студентомъ, говорилъ мнѣ что у Зедергольма, когда онъ былъ юношей, было чрезвычайно свѣжее и веселое лицо; г. Бестужеву всегда было „весело смотреть“ на этого товарища.

По поводу внутренней аскетической серьезности и внешнего монашескаго падаптства я хочу вспомнить здѣсь слова одного изъ знаменитыхъ аеонскихъ духовниковъ. Я въ то время, какъ и большинство членовъ „современной русской интеллигенціи“, ничего не понималъ въ христіанствѣ и тѣмъ болѣе въ монашествѣ. Случилось мнѣ тогда говорить съ однимъ неважнымъ инокомъ, который ѣздилъ въ Россію съ Аеона помощникомъ старшаго іеромонаха за сборомъ. Встрѣтившись со мною, этотъ монахъ съ веселымъ видомъ началъ разказывать мнѣ, какъ они были у такой-то графини или у такого-то генерала, какъ имъ давали деньги и какъ уважали... Мнѣ показали рѣчи этого монаха пустыми, легкомысленными и даже челоуѣкоугоднически-низкими. Я похулилъ его духовнику. Старецъ усмѣхнулся и сказалъ мнѣ на это:

— Онъ у насъ очень хорошій монахъ, труженикъ, постникъ, простой сердцемъ. И какъ же ему не радоваться что эти графы и генералы благодѣтельствуютъ той обители которой онъ сынъ, и что они уважаютъ духовенство... Вы сами желаете блага церкви; какъ же вы не сочувствуете ему и не сорадуетесь что не мужикъ одинъ ее чтить, но и люди высшаго класса?...

Это было такъ ясно, такъ просто, такъ грубо-умно наконецъ что мнѣ осталось только вздохнуть, опустивъ долу интеллигентныя очи мои.

Духовникъ продолжалъ:

— А что онъ говоритъ съ вами весело и даже какъ-будто легкомысленно, то и тутъ вы не такъ понимаете. Истинно хорошаго монаха вы сразу пожалуй и не узнаете; онъ и будетъ нарочью иногда такъ себя съ вами держать, какъ-будто и легкомысленно даже... Наше дѣло трудное съ мірянами: если будешь все серьезенъ—обвинять въ лицемеріи; будешь веселъ съ вами, осудите за легкомысліе. Намъ-то это осужденіе ваше, положимъ, и полезно для души; но мірянамъ-то вредно; ихъ не надо отталкивать... Вотъ и ищи средину!...

Эту „средину“, этотъ „царскій луть“ въ обращеніи съ вами, мірянами, отецъ Климентъ умѣлъ найти и хранить превосходно. Онъ былъ серьезенъ и веселъ въ одно и то же время, привѣтливъ и сдержанъ, остороженъ и любезенъ. Я говорю не о себѣ одномъ; меня онъ лично любилъ. Онъ былъ вообще, говорю я, таковъ съ мірянами. Съ отцомъ

Климентомъ можно было говорить обо всемъ... или почти обо всемъ. Я оговорился: почти. Разумѣется, онъ и съ глазу на глазъ не допустилъ бы какихъ-нибудь даже и серьезныхъ, но вольнаго оттѣнка разговоровъ. Ему можно было, напримеръ, вскользь уломянуть, если того требовалъ смыслъ бесѣды, о „женщинахъ“, о „любви“, но только вскользь. Ни стиховъ, ни повѣстей въ духѣ эротическомъ онъ не позволялъ себѣ читать; онъ старался кажется всячески забыть и то что онъ помнилъ въ подобномъ родѣ изъ прежней, мірской своей жизни. У меня есть сборникъ ново-греческихъ народныхъ пѣсень, составленный Пассовомъ. Отецъ Климентъ любилъ и цѣнилъ поэзію этихъ прекрасныхъ, наивныхъ пѣсень, но, ставъ монахомъ, онъ боялся увлекаться этимъ пріятнымъ чтеніемъ и подарилъ мнѣ сборникъ, отыскавъ его на чердакѣ. Онъ не находилъ себя еще дошедшимъ до высшаго безстрастія и безъ ложнаго стыда, безъ той монашеской гордости въ которую такъ впадаютъ иные, безо всякой претензіи на безусловную чистоту ума, отвергалъ всякое, даже самое дружеское, искреннее откровеніе помысловъ извѣстнаго рода. Онъ останавливалъ собесѣдника, говоря: „прошу васъ, оставьте это. Я самъ человѣкъ очень немощный“. Драгоценнѣе всего ему было очищеніе его внутренняго міра отъ всякой страсти, отъ всякой грѣховности. Онъ боялся до нельзя и гнѣва своего, и самолюбія, и воображенія, и лѣни. Онъ трепеталъ своихъ грѣховъ, и при всемъ видимомъ спокойствіи его въ обыкновенное время, при всей веселой простотѣ его обращенія, очень часто проглядывала въ немъ эта внутренняя его тревога за свою душу и за свою совѣсть. Я помню, однажды онъ прибѣгъ со мной, хотя и не совсѣмъ удачно, къ одной очень умной и древними отцами рекомендуемой уловкѣ. Я долго гостилъ въ Оптиной; жилъ отъ его кельи очень близко и мы часто видались. Мы разговаривали обо всемъ, о самыхъ высшихъ вопросахъ богословія, о католицизмѣ, о славянофильствѣ, о русской литературѣ, о Восточномъ вопросе, о греко-болгарской распрѣ, о духѣ времени. Онъ разказывалъ мнѣ кой-что о своей молодости и обращеніи, разказывалъ разные монашескіе преданія и анекдоты, зимою въ его уютной и пріятливой кельѣ, весною — въ лѣсу, гуляя или сидя на лѣняхъ.... Я видѣлъ что не мнѣ одному, но и ему со мной легко и не скучно; я сталъ ходить къ нему

все чаще и чаще. Для меня становилось нестерпимо скучно прожить одинъ день безъ него. Я подозрѣвалъ что и ему не всегда пріятно проходить къ себѣ откуда-нибудь мимо моего жилища, не заходя ко мнѣ; можетъ-быть я ошибаюсь, но мнѣ казалось что онъ какъ-то особенно угрюмо и озабоченно проходилъ по нѣскольку разъ въ день (по обязанностямъ своимъ) мимо моихъ оконъ, не оборачиваясь нарочно на нихъ и все гадая въ другую сторону. Можетъ-быть онъ подозрѣвалъ (и справедливо) что я вижу его съ дружескимъ вождѣніемъ изъ окна. Весьма вѣроятно что онъ началъ находить что я слишкомъ часто развлекаю и даже веселю его мірскими разговорами, слишкомъ живо напоминаю ему его собственную свѣтскую жизнь... Я все крѣпился, крѣпился и не вытерпѣлъ-таки чтобы два чрезъ два не придти къ нему. Онъ принялъ меня ласково, но тотчасъ же предложилъ мнѣ помолиться вмѣстѣ съ нимъ, прослушать „девятый часъ“. По правдѣ сказать, каюсь, мнѣ было бы въ эту минуту гораздо пріятнѣе налиться съ нимъ чаю и поговорить о чемъ-нибудь... Можетъ-быть я бы отказался и ушелъ бы недовольный, еслибы самъ не зналъ что эта уловка для испытанія развлекающаго поствитителя предлагается Св. Исаакомъ Сириномъ. („Когда придуть къ тебѣ нѣкоторые люди, говорить Исаакъ Сиринъ, любящіе праздность, и посидать немного, покажи видъ что ты хочешь возстать на молитву и скажи съ поклоуеніемъ: братъ, пойдѣмъ, помолимся, ибо пришло время моего лавила и я не могу оставить его. И не оставь его до тѣхъ поръ пока онъ не помолится съ тобой. Если же онъ скажетъ: помолись ты, а я пойду; сотвори ему поклонъ и скажи: любви ради хоть одну молитву сотвори со мною, чтобы мнѣ польза была отъ твоей молитвы. И когда возстанете на молитву, продолжи молитву твою сверхъ обыкновеннаго. И когда ты поступишь такъ съ этими проходящими, то они, понявши что ты не любишь праздности, не приблизятся даже къ тому мѣсту гдѣ они услышатъ что ты находишься.“)

Я тотчасъ же сложватился, повудилъ себя, и отвѣчалъ ему что очень радъ. Мы помолились; отецъ Климентъ услоукался и мы послѣ „девятого часа“ все-таки очень пріятно побесѣдовали за чаемъ. Я думаю что онъ хотѣлъ испытать меня и, увидѣвъ что я сталъ на молитву такъ охотно, рѣшилъ въ сердцѣ своемъ что мои поствѣненія и бесѣды не слишкомъ вредны.

Я говорю что вездѣ, во всемъ, въ образѣ жизни его, въ отношеніи къ мірянамъ, къ начальству и къ братіи, въ разговорахъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, у отца Климента свѣтились два прекрасныя христіанскія свойства: искреннее смиреніе духа и ревность, иногда даже можетъ-быть и слишкомъ пылакая. Я уже сказалъ что даже въ самыя веселыя и спокойныя минуты дружеской бесѣды и среди обыкновенныхъ будничныхъ заботъ, отъ которыхъ вполнѣ и монахъ освободиться не можетъ, виденъ былъ у него нервѣдо до тревоги доходившій страхъ грѣха... Этотъ страхъ, недовѣріе къ себѣ и есть именно то что называется обыкновенно смиреніемъ. Онъ думалъ о себѣ какъ о подвижникѣ и монахѣ въ сердцѣ своемъ очень низко и потому боялся самъ себя, своихъ немощей,—боялся власть въ гордость, въ самонадѣяемость, въ гнѣвъ, въ тщеславіе, боялся своего воображенія, опасался разсѣянныхъ мыслей... Словомъ, онъ былъ монахъ, положимъ, во многомъ еще страстный по природѣ и первоначальному воспитанію, но онъ добросовѣстно понималъ это, видимо преувеличивалъ свои немощи и былъ что называется въ монастыряхъ внимателенъ къ себѣ. Хорошее мірское воспитаніе, ученость, свѣтское и тонкое образованіе ума по отношенію къ монашеству имѣютъ и хорошія, и дурныя послѣдствія. Конечно, образованный умъ и тонкая подготовка сердца жизнью и художественно-научнымъ воспитаніемъ могутъ, съ одной стороны, значительно облегчить тотъ внимательный анализъ собственныхъ побужденій и помысловъ который почти ежедневно необходимо хорошему монаху; но съ другой, эти условія первоначальной жизни въ высшихъ общественныхъ и умственныхъ слояхъ во многомъ, не только тѣлесно, но и душевно, такъ-сказать, балуютъ человѣка, и аскетическая борьба, по вступленіи въ монашество, противъ закоренѣлыхъ умственныхъ и сердечныхъ привычекъ становится подъ часъ невыразимо трудна и болѣзненна. Личныя привычки иногда сильнѣе общечеловѣческихъ страстей. Отецъ Климентъ, конечно, помнилъ это. Кто знаетъ, не винилъ ли онъ самъ себя часто и за то что не сталъ монахомъ гораздо раньше. И можно вообразить себѣ какую бурю незримую ни для кого, кромѣ его старца духовника, неизвѣстной борьбы противъ самого себя онъ выносилъ въ этомъ тихомъ съ виду, столь мирномъ, разубранномъ разноцвѣтными и душистыми цвѣта-

ми и со всѣхъ сторонъ огражденномъ высокимъ и густымъ лѣсомъ Олтиномъ скиту...

Не скрою, онъ былъ вспыльчивъ, очень вспыльчивъ. И вспыльчивъ онъ былъ и за себя лично, и еще болѣе за идеи. Каково было сознавать это такому добросовѣстному человеку и такому требовательному къ себѣ монаху! Это должно было быть для него иногда нестерпимо.

У отца Климента былъ напримѣръ очень преданный ему келейникъ. Разумѣется, хорошій келейникъ ему былъ необходимъ; какъ первоначальная, столь трудно искоренимая его привычка, привычки столичнаго чиновника и кабинетнаго ученаго, такъ и самый родъ его занятій и обязанностей въ монастырѣ, не позволяли ему самому заниматься уборкою комнаты, толкою печей и т. л. Въ монастыряхъ заставляютъ иногда образованныхъ людей дѣлать подобнаго рода работу, но конечно, больше для ихъ собственной пользы, для испытанія ихъ покорности, ихъ умнаго смиренія, но долго какое же разумное начальство будетъ настаивать на этомъ?... Труды отца Климента и въ скиту были большею частію кабинетныя. Понятное дѣло, до какой степени ему необходимы были досугъ, тишина, порядокъ.... Келейникъ его (и теперь здравствующій) прекрасный, умный, серьезный, ложилой человекъ, изъ фабричныхъ рабочихъ. Отецъ Климентъ мнѣ самъ говорилъ что съ тѣхъ поръ какъ Т. поступилъ къ нему, ему стало несравненно покойнѣе. Онъ сердечно любилъ и уважалъ своего помощника; бесѣдовалъ съ нимъ дружески, обращался съ нимъ братски; бралъ его всюду съ собой и на желѣзныхъ дорогахъ напримѣръ сажалъ его въ тотъ же классъ въ которомъ ѣздилъ самъ по дѣламъ монастырскихъ изданій и готовъ былъ съ нимъ всѣмъ подѣлиться. Но онъ былъ вспыльчивъ и требователенъ. Онъ часто говорилъ неприятели келейнику за какія-нибудь ошибки и нарушенія порядка. Однажды онъ такъ его оскорбилъ, что Т. молча ушелъ къ себѣ и легъ въ отчаяніи на постель, не зная что ему дѣлать и какъ угодить отцу Клименту. Но не услѣлъ онъ, лежа, протосковать и нѣсколькихъ минутъ какъ Климентъ вошелъ въ его комнату и, ставъ на колѣни, началъ плакать и просить прощенія. „И кромѣ того, говорилъ Т., и другіе раза, если онъ скажетъ что-нибудь неприятельное, тотчасъ старается со мною помириться, подходитъ ко мнѣ, улыбается... Такъ что ужъ я привыкъ и былъ покоенъ“...

Т. разказывалъ еще слѣдующее:

„Если разбить или сломать у него вещь и цѣнную, онъ и вниманія никакого не обратитъ, ни слова не скажетъ... Тутъ бы самъ себя, кажется, страсть какъ разбранилъ за это; а онъ ничего. А вотъ попробуй зашумѣть когда онъ лишеть или читаетъ, или какую-нибудь книгу или другую вещь не такъ положить, онъ весь такъ и вспыхнетъ.... Я замѣчалъ у него еще вотъ что. По утрамъ мы часто пили вмѣстѣ чай и бесѣдовали; только вижу я что онъ слушаетъ меня сначала, а потомъ начнетъ по комнатѣ ходить, что-нибудь дѣлать, или книжку возьметъ, или не глядитъ на меня... Я сперва думалъ что ему скучна простота моихъ рѣчей; однако скоро понялъ что это не то.... Пока я говорилъ вещи безвредныя, среднія что называется, онъ бесѣдовалъ со мной, а у меня, каюсь, есть привычка тоже судить и осуждать людей.... И самъ не замѣчу какъ слово за словомъ и начну осужденія.... Вотъ что ему не нравилось... Я и сталъ осторожнѣе.“

Отецъ Климентъ, полный страха Божія и внимательности къ настроенію собственнаго ума, боялся даже слушать рѣчи своего келейника, когда тотъ по нѣкоторой разсѣянности впадалъ не замѣчая самъ того въ грѣхъ осужденія. Онъ помнилъ правило духовниковъ: человекъ осуждающій ближняго (или съ удовольствіемъ участвующій въ подобномъ осужденіи) легко можетъ быть наказанъ тѣмъ что самъ впадетъ въ тотъ самый грѣхъ или въ ту немощь которую такъ строго казнилъ.

Мнѣ скажутъ: все это мелочи недостойныя серьезнаго вниманія. Конечно, это все тонкія психологическія черты и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени будничныя подробности. Но ни къ кому поговорка: „день мой—вѣкъ мой“ не приложима такъ какъ къ монаху. Идеалъ монаха, это прежде всего „безъ грѣха въ этотъ день сохраниться“. Это даже высшій идеалъ всякаго христіанина... И въ церкви мы слышимъ молитву: „сподоби Господи въ сей день безъ грѣха сохранити ся намъ...“

И чѣмъ серьезнѣе выкажется и въ ученіе церкви, и въ свою душу христіанинъ, тѣмъ болѣе начинаетъ онъ заботиться о тѣхъ поступкахъ, чувствахъ и мысляхъ своихъ которые онъ прежде считалъ мелочами. Одинъ опытный монахъ говорилъ мнѣ: „пока человекъ безпрестанно нарушаетъ заповѣди, впадаетъ въ блудъ, въ злобу, зависть и тому подобное, онъ

боже тонкихъ ладеній своихъ и не замѣчаетъ и они его не тревожатъ; а потомъ, когда онъ освободится отъ грубыхъ прегрѣшеній своихъ, онъ начинаетъ замѣчать всю мелочную свою нечистоту и несовершенство. Все равно какъ при постройкахъ; лежать на полу щелки крупныя и всякій соръ; за щелками и разными обломками лыли и мелкаго сора не видно, а когда все крупное вынесли—становится виденъ на полу этотъ мелкій соръ.“

Къ тому же развѣ этотъ ходъ ежедневныхъ мыслей, эта нить тонкихъ привычекъ чувства не обуславливаетъ въ послѣдствіи, какъ невидимая со стороны непрерывная цѣль психическаго развитія, наши явные поступки, наши крупныя дѣла?

По моему мнѣнію, одно изъ главныхъ художественныхъ достоинствъ послѣдняго произведенія графа Льва Толстаго, это именно то что въ романѣ *Анна Каренина* для читателя внимательнаго замѣтна вся та психическая нить которая сознательно проведена авторомъ подъ блестящею картиною его вѣтшей драмы. Одно слово сказанное тѣмъ или другимъ лицомъ въ одной изъ первыхъ частей отзывается дѣйствіемъ въ послѣдующей; одно сильное ощущеніе, для другихъ лицъ романа вовсе незамѣтное, изображенное авторомъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ, одна мысль блеснувшая въ умѣ того или другаго героя влекутъ за собою неизбѣжныя послѣдствія въ будущемъ. Это отступленіе „въ міръ“ и даже въ свѣтъ міа было нужно чтобы напоминать читателямъ живымъ, и вовсе не монашескимъ примѣромъ, до чего тонкія мысли и чувства наши могутъ отзываться на самыхъ рѣзкихъ поступкахъ нашихъ и влечь за собою иногда гораздо позднѣ самыя серіозныя и преступныя послѣдствія...

Повѣтвю послѣ этого до чего монахъ долженъ быть ежедневно внимателенъ къ тому что онъ обязанъ по христіанскому ученію считать „пылью и мелкимъ соромъ“ души своей и какъ важенъ для него одинъ день безъ слишкомъ явнаго грѣха проведенный. Полагается молиться даже и о тѣхъ грѣхахъ которыхъ мы не видимъ и вовсе не успѣваемъ замѣчать.

И духовные писатели указываютъ весьма убѣдительно на эти мелочи и тонкости. Напримѣръ Авва Дорофей:

„Одинъ великій старецъ, говоритъ онъ, прохаживался съ учениками своими на нѣкоторомъ мѣстѣ, гдѣ были различ-

ные кипарисы, большіе и малые. Старецъ сказалъ одному изъ учениковъ своихъ: вырви этотъ кипарисъ. Кипарисъ же тотъ былъ малъ и братъ тотчасъ одною рукою вырвалъ его. Потомъ старецъ показалъ ему на другой, большій перваго, и сказалъ: вырви и этотъ; братъ раскачалъ его обѣими руками и выдернулъ. Опять показалъ ему старецъ другой еще большій; онъ съ великимъ трудомъ вырвалъ и тотъ. Потомъ указалъ ему на иной еще большій; братъ же съ величайшимъ трудомъ сперва много раскачивалъ его, трудился и потѣлъ и наконецъ вырвалъ и сей. Потомъ показалъ ему старецъ и еще большій, но братъ хотя и много трудился и потѣлъ надъ нимъ, однако не могъ его вырвать. Когда же старецъ увидѣлъ что онъ не въ силахъ сдѣлать этого, то велѣлъ другому брату встать и помочь ему; и такъ они оба вмѣстѣ едва успѣли вырвать его. Тогда старецъ сказалъ братьямъ: „вотъ такъ и страсти, братія: пока онѣ малы, то если мы пожелаемъ, легко можемъ исторгнуть ихъ; если же вознерадимъ о нихъ какъ о малыхъ, то онѣ укрьпляются, и чѣмъ болѣе укрьпляются тѣмъ большаго требуютъ отъ насъ труда; а когда очень укрьпятся въ насъ, тогда даже и съ трудомъ мы не можемъ одни исторгнуть ихъ изъ себя, ежели не получимъ помощи отъ нѣкоторыхъ святыхъ помогающихъ намъ по Богѣ.“

(До слѣдующаго №.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

ЛѢСЪ И ЗНАЧЕНІЕ ЕГО ВЪ ПРИРОДѢ *

А) ФИЗИЧЕСКІЯ СВОЙСТВА ЛѢСА (ПРОДОЛЖЕНІЕ)

Вліяніе лѣса на образованіе росы и тумана.—Вліяніе его на грозу и градъ.—Троякое дѣйствіе лѣса въ гигиеническомъ отношеніи.—Количество озона въ воздухѣ.—Вліяніе лѣса на холерную эпидемію.

XX.

Различіе лѣса отъ открытаго поля въ термическомъ и гигроскопическомъ отношеніяхъ обусловливаетъ образованіе въ лѣсу и вблизи его росы и тумана, которое не остается безъ вліянія на окружающія его поля.

Охлажденіе листвы влѣдствіе лучеиспусканія и испаренія служитъ главною причиною сгущенія именно вблизи лѣса и надъ нимъ водяныхъ паровъ, а воздушные токи, направленные ночью (или же вообще во время охлажденія открытаго поля) отъ поля въ лѣсъ, способствуютъ осажденію росы и тумана преимущественно на поляхъ находящемся у самой окраины лѣса, влѣдствіе охлажденія находящихся въ воздухѣ водяныхъ паровъ при прикосновеніи съ охлажденною древесною листвою. Подъ деревьями, вслѣдствіе осѣненія почвы листвою, образованія росы не бываетъ, но тѣмъ обильнѣе встрѣчается она у опушки лѣса, а также между прогали-

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1878 № 2 и 1879 №№ 1, 2, 5, 8 и 10.

нами, вслѣдствіе бѣльшей влажности лѣснаго воздуха. Въ главѣ о воздушныхъ теченіяхъ изъ поля въ лѣсъ и обратно мы говорили что ночью у самой почвы имѣеть мѣсто холодное теченіе, направленное изъ болѣе охладившагося открытаго поля въ лѣсъ, воздухъ котораго тогда имѣеть сравнительно высшую температуру. Эта холодная масса воздуха замѣняется болѣе теплымъ и влажнымъ лѣснымъ воздухомъ, влага котораго осаждается на полѣ. По этой причинѣ вблизи лѣса ночью росы осаждается большее количество, чѣмъ вдали отъ него и этимъ обстоятельствомъ пользуются при мочкѣ лѣва: его раскладываютъ преимущественно близъ лѣса, для воспринятія ночью бѣльшаго количества росы; обратно, колны сѣна или сжатаго хлѣба для просушки помѣщаютъ вдали отъ лѣса; сѣно скошенное въ лѣсу для просушки раскладываютъ на поляну, по возможности далеко отъ деревьевъ, въ противномъ случаѣ оно все промочится росой. Въ Италіи, въ мѣстахъ гдѣ уцѣлѣли лѣса, въ продолженіи сухаго времени года, когда нѣтъ дождей, поля плодородіемъ своимъ обязаны единственно образующейся на нихъ обильной росѣ; въ Тиролѣ же, а въ особенности въ южной Франціи и Испаніи, гдѣ истребленіе лѣсовъ производилось особенно сильно, замѣчается уменьшеніе росы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ухудшеніе ластбищъ, обуславливающее и падежи скота. *

Посмотримъ теперь каково вліяніе лѣса на образованіе росы и тумана, если почва веровная и поля чередуются съ лѣсомъ. Тутъ могутъ быть два случая: а) если лѣсъ растетъ въ долинѣ, вершина же горы и склоны ея къ лѣсу представляютъ собою открытое поле, то очевидно что ночью послѣднее охладится болѣе чѣмъ лѣсъ, вслѣдствіе чего равновѣсіе между слоями воздуха нарушится и установится токъ холоднаго и болѣе сухаго воздуха съ вершины горы въ долину. Токъ этотъ влѣзъ вытѣсняетъ собою болѣе теплый и влажный лѣсной воздухъ и заставляетъ его подниматься вверхъ. Но именно это поднятіе способствуетъ его охлажденію, а слѣдовательно и приближенію воздуха касательно содержащихся въ немъ водяныхъ паровъ къ точкѣ насыщенія, что еще болѣе ускорится прикосновеніемъ подыавшейся колонны воздуха съ холодною почвою на вершинѣ горы. Очевидно потому что

* Sperling, *die Erzfeinde des Waldes*, 1878, pg. 6.

тамъ осажденіе росы будетъ весьма обильное. Если при этомъ образуется туманъ, то движеніе его, повидимому, будетъ направлено снизу вверхъ, и именно на вершинѣ горы онъ достигнетъ наибольшей своей плотности; при восходѣ же солнца, разрѣжаясь, онъ этимъ самымъ отниметъ много теплота у низшихъ своихъ слоевъ, ближайшихъ къ почвѣ, и тѣмъ еще болѣе будетъ способствовать осажденію тамъ росы; в) если же лѣсъ растетъ на вершинѣ горы, то въ продолженіе всего дня имѣетъ мѣсто теченіе болѣе холоднаго и влажнаго воздуха съ горы въ долину; теченіе это достигаетъ наибольшей своей напряженности не задолго до захода солнца, когда прекращается восходящій съ долины токъ нагрѣтаго воздуха и вмѣстѣ съ тѣмъ въ долину же начинается осажденіе росы. По мѣрѣ охлажденія воздуха ночью, плотность его въ долину постоянно возрастаетъ, но воздухъ этотъ тамъ и остается, и слой его постоянно увеличивается вслѣдствіе притока болѣе теплаго и влажнаго воздуха сверху. Если на склонѣ горы также растетъ лѣсъ, то плотный и холодный воздухъ изъ долины направляется къ этому склону и замѣняется менѣе плотнымъ воздухомъ, изъ лѣса притекающимъ. Осажденіе росы, вслѣдствіе вышесказаннаго, идетъ послѣдовательно, начиная со склоновъ горы до долины, гдѣ количество ея достигаетъ наибольшей величины; если же образуется туманъ, то онъ въ долину имѣетъ наибольшую густоту внизу, на вершинѣ же горы наибольшая плотность его будетъ близъ вершины деревьевъ, вслѣдствіе сильнаго охлажденія листвы. Сказанное нами можно легко замѣтить въ особенности осенью, до листопада, когда образуется не роса, а иней: между тѣмъ какъ на самомъ верху склонъ горы поросшей лѣсомъ покрытъ лишь весьма тонкимъ бѣлымъ слоемъ, съ пониженіемъ въ долину толщина инея увеличивается. Такимъ образомъ оказывается, что въ обоихъ случаяхъ,—растетъ ли лѣсъ на горѣ или же въ долину,—онъ способствуетъ осажденію на лѣвѣ росы, а также и образованію тумана. Последнему въ особенности способствуетъ долина, такъ какъ здѣсь днемъ и ночью происходитъ смѣшеніе слоевъ воздуха различныхъ между собою какъ по температурѣ, такъ и по влажности. Послѣ дождя надъ лѣсомъ весьма часто замѣчается туманъ, причину котораго Бергеръ ищетъ въ томъ обстоятельстве что вмѣстѣ съ дождемъ холодный воздухъ съ высшихъ слоевъ атмосферы приносится

въ болѣе теплые и влажные слои воздуха вверху находящиеся, вслѣдствіе чего температура понижается, а испарившаяся изъ лѣса влага осаждается въ видѣ мельчайшихъ капель, что и образуетъ туманъ. * По нашему мнѣнію явленіе это можетъ быть объяснено проще. Послѣ дождя, особенно когда вслѣдъ затѣмъ солнце свѣтитъ ярко, начинается нагрѣваться поверхность древесныхъ листьевъ обращенная къ солнцу. Сначала нагрѣваніе происходитъ довольно медленно, благодаря испаренію оставшейся на листьяхъ дождевой воды; когда же листъ обоихъ, нагрѣваніе его, благодаря темному его цвѣту, увеличивается и вскорѣ температура листовнаго покрова становится выше не только температуры лѣсной почвы, но и покоящагося надъ лѣсомъ воздушнаго столба. Вслѣдствіе этого каждый листъ становится началомъ маленькаго восходящаго потока теплаго и вмѣстѣ съ тѣмъ влажнаго воздуха, который будетъ также подниматься съ каждаго мѣста подъ деревомъ куда проникають лучи солнца. Этимъ нарушается равновѣсіе слоевъ лѣсоваго воздуха. Повинуясь уменьшенному давленію вслѣдствіе поднимающагося восходящаго потока, лѣсной воздухъ также поднимается вверхъ и, будучи почти насыщенъ водяными парами, переносится въ слои атмосферы выше лежащій и болѣе холодный; слѣдствіемъ этого будетъ осажденіе паровъ въ видѣ тумана, висящаго надъ лѣсомъ и имѣющаго наибольшую густоту свою близъ самой листвы. Очевидно также что явленіе тумана надъ лѣсомъ послѣ дождя будетъ имѣть мѣсто и въ томъ случаѣ, если послѣ дождя небо остается пасмурнымъ: испаренія покрывшей поверхность листвы дождевой воды достаточно для произведенія надъ лѣсомъ тумана. Последній въ этомъ случаѣ будетъ образоваться несравненно медленнѣе и останется долѣе видимымъ, между тѣмъ какъ если послѣ дождя начинается сильная инсоляція, туманъ будетъ образоваться весьма быстро, но вскорѣ разрѣшится.

Этимъ же можно объяснить туманъ замѣчаемый въ ясную погоду на лѣсныхъ прогалинахъ, а также на лѣсныхъ дорожкахъ, между тѣмъ какъ надъ самымъ лѣсомъ тумана не замѣчается. Эти мѣста, какъ болѣе подверженныя инсоляціи, нагрѣваются сильнѣе и становятся центромъ восходящаго воздушнаго потока. Вслѣдствіе происшедшаго разрѣженія

* Bergr l. c. pgg. 546—547.

воздуха туда устремляется болѣе холодный и сырой воздухъ изъ лѣсной чащи; но поднимаясь вверхъ, потокъ этотъ, встрѣчая болѣе холодныя слои атмосферы, въ свою очередь, охлаждается и причиняетъ видимый на этомъ мѣстѣ туманъ. Послѣдній, стало-быть, наглядно показываетъ намъ болѣе нагрѣтыя мѣста въ лѣсу, подобно тому какъ кучевыя облака суть какъ бы проекціи на небесномъ сводѣ тѣхъ мѣстъ почвы которыя почему-либо имѣютъ въ данный моментъ болѣе высокую температуру и вмѣстѣ съ тѣмъ обладаютъ большею влажностью. Сказанное нами объ образованіи тумана надъ лѣсомъ подтверждается наблюденіемъ Кемца. „Послѣ того, лишетъ оны, какъ солнце освѣтило равнину послѣ дождя, та часть оной гдѣ трава была скошена показывала температуру 15°R , между тѣмъ какъ нескошенная часть показывала лишь $13^{\circ},4$; соотвѣтственно этому на нескошенныхъ мѣстахъ равнины замѣчался туманъ, какъ слѣдствіе понижающаго температуру испаренія. Явленіе это можно по аналогіи примѣнить къ мѣстамъ лѣсистымъ и безлѣснымъ. (Eine analoge Ausdehnung auf bewaldete und nicht bewaldete Flächen liegt sehr nahe).“ *

XXI.

Касательно вліянія лѣса на грозы и градъ высказаны были неоднократно совершенно различныя мнѣнія. Между тѣмъ какъ одни ученые полагаютъ что лѣсъ, подобно огромному громоотводу, предохраняетъ окрестныя мѣстности отъ дѣйствія атмосфернаго электричества и этимъ самымъ противодействуетъ образованію градинъ, другіе напротивъ того смотрятъ на лѣсъ какъ на вѣчто притягивающее и грозу и градъ, и тѣмъ причиняющее окружающимъ полямъ немалый вредъ. Различіе между этими взглядами обуславливается какъ малымъ числомъ наблюденій, такъ и главнымъ образомъ тѣмъ, что намъ еще неизвѣстны въ точности условія образованія грозъ, а еще менѣе—причины образованія града.

При разсмотрѣніи вопроса о вліяніи лѣса на количество дождя выпадающаго на занимаемую имъ площадь мы указали на то что лѣсъ медленнымъ электрическимъ разряженіемъ носящимся надъ нимъ облака способствуетъ сближенію между собою водяныхъ пузырьковъ, вслѣдствіе чего они

* Kämtz, *Lehrbuch der Meteorologie*, Bd. I, pg. 369.

и соединяются въ капли падающія на землю. Грозовое облако, дѣйствуя на землю чрезъ вліаніе и разлагая естественное электричество почвы и растеній, притягиваетъ ближе къ себѣ электричество противоположное собственному, и какъ извѣстно молнія есть не что иное какъ продуктъ быстраго соединенія между собою двухъ противоположныхъ электричествъ. Но если электричество почвы чрезъ деревья поднимается вверхъ и медленно соединяется съ электричествомъ облака, то напряженіе послѣдняго должно уменьшаться, а потому молнія устранится вовсе или же значительно уменьшится. Если же (какъ заставляютъ насъ предполагать многія наблюденія) атмосферное электричество играетъ значительную роль въ образованіи градинъ, то заключаемъ что уменьшеніе напряженія атмосфернаго электричества вслѣдствіе вліанія лѣса должно отражаться и на явленіи града, препятствуя градинамъ достигнуть значительной величины. Все это есть лишь предположеніе вытекающее изъ теоретическихъ соображеній и, какъ увидимъ ниже, находящее себѣ подтвержденіе въ нѣкоторыхъ наблюденіяхъ; но при нынѣшнемъ состояніи нашихъ познаній объ атмосферномъ электричествѣ этотъ вопросъ остается открытымъ и ничего рѣшительнаго и вѣрнаго еще сказать нельзя. Говоря о бесполезности градоотводоу, Араго указываетъ на вліаніе какое имѣетъ лѣсъ на электрическія явленія въ атмосферѣ, а также и на градъ, такъ какъ атмосферное электричество играетъ весьма важную роль при его образованіи. „Истребленіе лѣсовъ на возвышенностяхъ, говоритъ Араго, быть-можетъ страшно (d'une manière déplorable) увеличиваетъ вѣроятность града для окружающихъ мѣстностей. Я не говорю чтобы такъ было, но говорю что это возможно и что предметъ этотъ подлежитъ тщательному обсужденію.“ * *Marié - Davy* также принимаетъ что лѣсъ дѣйствуетъ разряжающимъ образомъ на градовое облако. „Градоотводъ, говоритъ онъ, отнимая электричество тамъ гдѣ онъ водруженъ, тѣмъ самымъ уменьшаетъ силу заставляющую градины держаться наверху. Поэтому нужно стараться чтобы градины не достигали большихъ размѣровъ; нужно озаботиться о естественныхъ градоотводахъ, каковы деревья, но прежде всего нужно подробно изучать самое явленіе.“ **

* *Arago, Oeuvres, T. XII, pg. 435.*

** *Marié - Davy, Météorologie, 1866, pg. 370.*

Въ Германіи есть повѣрье что лѣсъ останавливаетъ грозу (Der Wald hält das Gewitter auf.). Бергеръ объясняетъ справедливость этого повѣрья слѣдующимъ образомъ: по его мнѣнію громова и градовая тучи образуются вслѣдствіе столкновенія двухъ воздушныхъ токовъ: холоднаго въ верхнихъ слояхъ носящагося и теплаго поднимающагося съ нагрѣтой почвы. Вблизи лѣса поднятіе послѣдняго теченія облегчается и потому оно достигаетъ наибольшаго своего напряженія. Но какъ только оба теченія достигли мѣста гдѣ находится лѣсъ, то поднятіе теплаго воздуха снизу прекращается и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчается спусканіе внизъ холоднаго воздуха. Вслѣдствіе этого разность между температурой и электрическимъ напряженіемъ этихъ воздушныхъ теченій значительно уменьшается, а слѣдовательно уменьшается и гроза. Подобно тому какъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ лѣсъ, могутъ дѣйствовать и горы, а также и большія рѣки, чѣмъ и объясняется повѣрье въ рейнскихъ провинціяхъ, будто гроза не можетъ переходить рѣку (das Gewitter kann nicht über den Fluss). * Ту же мысль высказалъ и Кручъ, распространяя вліяніе лѣса не только на уменьшеніе грозы, но и града. **

Мы указали на роль какъ бы разрядника какую по вѣсѣмъ вѣроятностямъ играетъ лѣсъ, медленно соединяя противоположныя электричества почвы и облаковъ. Подтверженіе нашей мысли мы встрѣчаемъ въ недавно появившемся сочиненіи Лоренца: *Wald, Klima und Wasser*. Деревья, по его мнѣнію, благодаря постоянно поднимающимся изъ нихъ водянымъ парамъ, обладающимъ лучшею электрическою проводимостью чѣмъ сухой воздухъ, могутъ быть рассматриваемы какъ громоотводы (и градоотводы), а потому мнѣніе касательно предохраняющаго дѣйствія лѣсовъ противъ грозы и града имѣетъ нѣкоторое основаніе, хотя конечно лишь въ теплое время года. „Сколько извѣстно, говоритъ Лоренцъ, поднимающіеся изъ Океана водяные пары оказываютъ раздражающее дѣйствіе на атмосферное электричество, и по этой причинѣ на открытомъ Океанѣ грозъ никогда не бываетъ, а бываютъ онѣ лишь вблизи материковъ. А такъ какъ лѣса

* Berger, l. c., pgg. 559—560.

** Nördlinger, *Klimatischer Einfluss der Waldungen*, Kritische Blätter f. Forst- und Jagdwissenschaft, Bd. 44, 1862, pg. 182.

двѣмъ выдѣляютъ огромное количество водяныхъ паровъ въ атмосферу, то есть достаточное основаніе предполагать что обширные лѣса не остаются безъ вліянія на уменьшеніе грозъ.“ *

Вліяніе лѣсовъ на градъ признаетъ и Беккерель. Разсматривая карту градобитій въ департаментахъ Loiret и Loiret-Cher, онъ приходитъ къ заключенію что градъ, въ особенности же выпадающій періодически, имѣетъ стремленіе сдѣлать направленію долинъ и водъ, и напротивъ *избѣгать лѣсовъ*. Причина послѣдняго явленія, по мнѣнію Беккереля, двоякая: во-первыхъ, вслѣдствіе сопротивленія оказываемаго лѣсомъ массѣ воздуха, въ которомъ плаваютъ облака, образуются вихри и воздухъ движется легче близь окраины лѣса. Вслѣдствіе этого скорость воздушнаго теченія а также и облаковъ уменьшается и послѣднія *прежде достиженія или лѣса* разряжаются градинами. Вторая же причина заключается въ томъ что лѣсъ медленно разряжаетъ электричество облаковъ, а (допуская электрическую теорію града Вольты и Пельтье) это обстоятельство способствуетъ тому что именно въ предѣлахъ занимаемыхъ лѣсомъ градъ падать не будетъ. Впрочемъ, прибавляетъ Беккерель, это не препятствуетъ тому чтобъ облака, пронесшись надъ лѣсомъ, вновь не зарядились электричествомъ, вслѣдствіе быстрого испаренія водяныхъ поверхностей, и такимъ образомъ вновь не явились грозовыми тучами *.

По теоріи Беккереля надлежало бы ожидать что лѣсъ касательно града оказываетъ на окрестныя поля скорѣе вредное вліяніе чѣмъ полезное, заставляя градъ выпадать именно на нихъ. Но вотъ наблюденіе приводимое академикомъ Веселовскимъ, доказывающее прямо противное: 17 іюля 1836 года туча, несаясь съ юго-запада, разразилась ужаснымъ вихремъ и градомъ вдвое или втрое больше грѣцкаго орѣха близь Харькова, тамъ гдѣ начинаются большіе лѣса. Минувавъ Харьковъ, градъ прекратился, но пошелъ снова, хотя и не такъ сильно, верстахъ въ 18 по тому же направленію, съ того мѣста гдѣ опять начинаются лѣса. Въ Уманскомъ уѣздѣ (Тамбовской губерніи) градобитія большею частью бывають въ западной сторонѣ уѣзда, гдѣ находятся лѣса. По собран-

* Lorenz, l. c. pg. 149.

** *Comptes rendus*, T. LXI, pgg. 816, 817.

выми свидѣніямъ за десять лѣтъ оказывается что въ этой части уѣзда градъ былъ въ теченіе шести лѣтъ шестнадцать разъ и имъ побито до 5.000 десятинь хлѣба; въ срединѣ же уѣзда и въ восточной его сторонѣ, въ одно только лѣто прошель градъ которымъ повреждено до 300 десятинь **.

Подобнаго рода наблюденіе сдѣлано было и Фритчемъ въ 1864 году въ Зальцбургѣ: именно *въ лѣсахъ* находившихся по направленію градовыхъ облаковъ оказалось наибольшее опустошеніе и лѣсная почва покрыта была на 1—2 дюйма толщены слоємъ сбитыхъ листьевъ и сломанныхъ сучьевъ. Другой разъ градъ производилъ опустошительное дѣйствіе въ окрестностяхъ Зальцбурга, но и тутъ *лѣсъ особенно терпѣлъ отъ градобитія*, и ни направленіе долины, ни высота окружающихъ ее горъ на направленіе градовой тучи никакого вліянія не имѣли **. Приведенные нами факты какъ бы оправдываютъ мнѣніе что лѣсъ, играя роль электрическаго разрядника, тѣмъ самымъ лишаетъ градины возможности держаться въ высшихъ слояхъ атмосферы и заставляя ихъ падать на занимаемую имъ площадь, предохраняетъ отъ градобитія окрестныя поля.

Наблюденія произведенныя во Франціи, Германіи и Итали также говорятъ въ пользу вліянія лѣса на уменьшеніе града. Во Франціи уже давно вошло въ употребленіе страхованіе полей отъ градобитія, а потому тамъ страховыя общества обращаютъ на это явленіе особенное вниманіе и мѣста особенно подверженныя градобитію наносятся на карты. Изъ сравненія подобныхъ картъ въ департаментѣ Seine et Loire оказалось что въ болѣе лѣсистыхъ мѣстахъ поврежденій отъ градобитій было меньше, чѣмъ въ мѣстахъ не изобилующихъ лѣсомъ; между тѣмъ какъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ градъ произвелъ особенно опустошительныя дѣйствія, мѣста находившіяся близъ лѣса были пощажены. Въ Германіи неоднократно замѣчено что мѣста долгое время не страдавшія отъ града, вслѣдствіе порубки лѣсовъ на близъ лежащихъ горныхъ возвышенностяхъ, начали страдать отъ частыхъ градобитій, и это продолжалось до тѣхъ поръ пока на возвышенностяхъ лѣсъ снова не достигъ значительной высоты.

* Веселовскій. *О климатѣ Россіи*, стр. 347.

** Fritsch, *Einfluss der Wälder auf den Hagel-fall*, Zeitschr. der Wetter. Gesellsch. f. Meteorologie, Bd. II, pgg. 167—168.

Наблюденія показали что и въ Германіи лѣсистыя мѣстности менѣе подвержены градобитію чѣмъ безлѣсныя. Замѣчательно однако же что въ Фалькенбергѣ (въ прусской Саксоніи) градомъ неоднократно поражаемы были поля находящіяся на разстояніи отъ лѣса приблизительно на 80—100 сажень, причѣмъ граница до которой простиралось градобитіе шла всегда параллельно лѣсной опушкѣ *. Въ Молденфельдѣ, гдѣ начиная съ 1797 до 1831 года никто не видалъ града, послѣ истребленія лѣсовъ въ окрестностяхъ, чаще начали являться грозы и градобитія, и такіе же примѣры мы видимъ и въ другихъ мѣстахъ Германіи, гдѣ наконецъ дошло до того что въ нѣкихъ мѣстностяхъ, гдѣ градобитія стали все болѣе и болѣе частыми и опустошительными, страховыя общества вынуждены были отказаться вовсе отъ страхованій **.

Когда Альпы и Аппенины еще не были лишены своихъ великолѣпныхъ лѣсовъ, майскій градъ, опустошающій теперь плодородныя равнины Ломбардіи, случался рѣдко; но со времени истребленія лѣсовъ бури съ громомъ стали опустошать даже и тѣ горныя мѣста, гдѣ на памяти горныхъ жителей ихъ прежде никогда не бывало. Общество застрахованія отъ града подъ фирмою „La Riunione Adriatica“ выплачивало ежегодно съ 1854 по 1861 годъ страхователямъ въ Піемонтѣ, Венеціанской Ломбардіи и въ герцогствѣ Пармѣ болѣе 6.500.000 фр. за понесенныя ими отъ града убытки. Въ округѣ Аквы, по свидѣтельству Артура Юнга, опустошеніе отъ града увеличилось съ тѣхъ поръ какъ исчезли лѣса покрывавшіе горы между Ривьера и Монферратомъ. Суда по свидѣтельствамъ заслуживающимъ довѣрія, той же причинѣ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ приписать что бури съ градомъ стали чаще и опустошительнѣе близъ Салуццо и Мовдови, въ нижней части Вальтеллины и въ территоріяхъ Вероны и Виченцы. ***

Таковы факты говорящіе въ пользу вліянія лѣса на уменьшеніе грозъ и градобитій; но, повторяемъ, вопросъ этотъ еще далеко не рѣшенъ и положительнаго ничего сказать нельзя. Конечно, дозволено высказать то или другое мнѣніе, тотъ или другой взглядъ, основанный на теоретическихъ соображеніяхъ, но слѣдуетъ помнить мудрое правило: „de posse

* Colberg, l. c. pg. 170.

** *Bericht über die V. Versammlung deutsch. Forstm. in Eisenach, 1877, pg. 121.*

*** Martz, l. c. pgg. 151—153.

ad esse non valet consequentia". Изъ того что *можетъ быть* еще вовсе не слѣдуетъ чтобы такъ было на самомъ дѣлѣ. Но въ особенности слѣдуетъ остерегаться предвзятаго мнѣнія касательно связи между собою явленій, когда причина самаго явленія, какъ на примѣръ града, для насъ еще вовсе неизвѣстна. За отсутствіемъ теоріи, желательно бы имѣть бѣльшее число фактовъ, но конечно достовѣрныхъ, въ особенности же касательно Россіи. Для страны хлѣбородной, какъ наше отечество, вопросъ объ истребленіи лѣсовъ имѣетъ громадную важность; наблюденія же касательно градобитія, въ свою очередь, могли бы послужить къ освѣщенію этого вопроса.

XXII.

Мы разсмотрѣли физическія свойства лѣса. Прежде чѣмъ перейти ко второй части нашего труда—вопросу о климатическомъ вліяніи лѣса — разсмотримъ какое вліяніе оказываетъ лѣсъ въ *гигіеническомъ отношеніи*.

Хотя химическій анализъ воздуха въ лѣсу и вблизи его не показываетъ замѣтной разницы между составными частями его сравнительно съ воздухомъ на полѣ, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію что лѣсъ оказываетъ вліяніе на содержаніе въ воздухѣ кислорода и угольной кислоты. Извѣстно что растенія поглощаютъ изъ воздуха угольную кислоту и выдыхаютъ кислородъ, оказывающій столь сильное возбуждающее дѣйствіе на наши органы дыханія и кровообращенія. Напротивъ, ночью растенія поглощаютъ кислородъ изъ атмосферы и выдыхаютъ угольную кислоту. И не только выдыхаемый растеніями при дневномъ свѣтѣ кислородъ способствуетъ сильнѣйшему окисленію гнѣющихъ органическихъ веществъ, которыя безъ того медленною своимъ разложеніемъ наполняли бы воздухъ миазмами, но растенія корнями своими всасываютъ эти гнѣющія вещества и ими питаются. Такимъ образомъ животное и растительное царство находятся между собою въ антагонизмъ: вещества вредныя для царства животнаго оказываются не только полезными, но подчасъ даже необходимыми для царства растительнаго.

Выдыханію днемъ древесною листвою кислорода слѣдуетъ приписать то въ высшей степени освѣжающее чувство которое ощущаемъ мы лѣтомъ при сильномъ солнечномъ освѣ-

щеніи, когда входимъ въ лѣсъ. Нельзя приписать это лишь тому что тутъ охватываетъ насъ пріятная свѣжесть и влажность воздуха, а также и тому, что мы находимся въ тѣни, столь пріятной во время сильныхъ жаровъ. Все это мы одинаково чувствуемъ, входя напримѣръ въ сарай или въ погребъ; но всякому извѣстно что здѣсь и тѣнь, и прохлада далеко не такъ дѣйствуютъ на насъ, какъ когда входимъ въ лѣсъ. Тутъ и дышется легче, и чувствуется какое-то особенное оживленіе и все это вслѣдствіе кислорода выдыхаемого древесною листвою. Кислородъ дѣйствуетъ на наши органы дыханія и кровообращенія или непосредственно или же посредственно—устраненіемъ вредныхъ примѣсей, столь часто носящихся въ воздухѣ населенныхъ мѣстностей. Вотъ причина почему прогулка въ саду и въ лѣсу оказываетъ столь благотворное вліяніе на больныхъ и такое укрѣпляющее и оживляющее дѣйствіе на выздоравливающихъ.

Вообще гигиеническое дѣйствіе лѣса троякое:

1) Поддержаніемъ равномерной температуры воздуха, а также и большей его влажности, умѣреніемъ силы холоднаго полярнаго тока, равно какъ и южнаго жаркаго вѣтра, лѣсъ предохраняетъ нашъ организмъ отъ рѣзкихъ атмосферныхъ переменъ, а тѣмъ самымъ отъ многихъ болѣзней, въ особенности же отъ болѣзней дыхательныхъ органовъ, тѣмъ болѣе что предохраняетъ легкія и отъ льды несущейся по воздуху и осаждающей на поверхность листвы. Лѣса служатъ защитою и отъ миазмовъ несущихся по воздуху. Знаменитый Лансісі, врачъ при палахъ Иннокентіи XII и Климентъ XI и профессоръ медицины въ Римѣ (1654—1720), всачески заботился о насажденіи деревьевъ и тѣмъ предохранилъ цѣлыя провинціи Средней Италіи отъ перемежающей лихорадки. Когда князь Палестрина для уплаты своихъ долговъ захотѣлъ продать лѣса на срубъ и вошелъ уже объ этомъ въ переговоры съ покупателями, Ланчизи сталъ доказывать ему что частное благо должно уступать благу общему и увѣщаніями достигъ того что князь дозволилъ срубить лишь незначительную часть своихъ лѣсовъ. По словамъ Rigaud de Lille тѣ мѣстности Италіи которыя защищены лѣсами не страдаютъ отъ лихорадокъ, часто свирѣлствующихъ въ мѣстностяхъ безлѣсныхъ. Въ мареммахъ Тосканы, по распоряженію медицинскихъ властей, посажены были 3—4 ряда серебристыхъ тополей такъ чтобы ряды эти пер-

пендикулярны были къ направлению вѣтра приносящаго болотныя миазмы и могли преградить ему путь. Что тутъ дѣйствуетъ механическое задержаніе вѣтра листвою, доказывается тѣмъ что, напримѣръ, вредное вліяніе Понтійскихъ болотъ, по словамъ Гумбольдта, ощущается на высотѣ 200—300 метровъ; близъ же самой земли, смотря по направлению вѣтра и встрѣчаемымъ имъ механическимъ преградамъ, вредное его вліяніе устранивается. По наблюденіямъ Rigaud de Lille, мѣстности лежація у берега моря и не подверженныя вѣтрамъ прошедшимъ черезъ Понтійскія болота не страдаютъ отъ лихорадокъ; напротивъ, мѣста лежація позади этихъ болотъ, подъ вліяніемъ западныхъ вѣтровъ, насытившихся болотными миазмами, весьма подвержены лихорадкамъ. Даже въ Римѣ можно замѣтить то же явленіе на двухъ противоположныхъ сторонахъ улицы, изъ коихъ одна находится подъ вѣтромъ, а другая прямо ему противоположна. * Весьма замѣчательно также слѣдующее обстоятельство: знаменитый Мори замѣтилъ что подсолнечники, посаженные въ нѣсколько рядовъ между Вашингтонскою обсерваторіей и берегами Потомака, спасаютъ живущихъ въ этомъ учрежденіи отъ перемежающейся лихорадки, которой они прежде были подвержены. Наблюденіе Мори подтвердилось опытами сдѣланными въ Италіи. На наносныхъ осадкахъ Огліо, при входѣ ея въ озеро Изео, близъ Пизоны, разведены были большія плантаціи подсолнечника, а это, какъ говорятъ, имѣло благопріятное вліяніе на здоровье сосѣднихъ жителей. Маршъ, приводя эти факты, замѣчаетъ что „вообще благотвительное вліяніе лѣсной и другой растительности, какъ охраны отъ вредныхъ испареній болотныхъ и нездоровыхъ мѣстностей, есть фактъ общепризнанный.“ ** Если благотворное вліяніе подсолнечниковъ на задержаніе миазмовъ зависитъ отъ механическаго противодѣйствія ихъ вѣтру, а не отъ химическаго ихъ дѣйствія на миазмы, то это доказало бы что и незначительная по высотѣ преграда можетъ оказать замѣтное дѣйствіе на воздушныя теченія, на что уже указано было нами прежде.

2) Благодаря тому что разлагающіяся органическія вещества, въ высшей степени вредныя здоровью, служатъ пищей

* Becquerel, l. c. pgg. 9—10; Ebermayer, l. c. pg. 265.

** Маршъ, l. c. pg. 166.

растеніямъ, и входя въ составъ ихъ и претворяясь становятся совершенно безвредными, деревья, всасывающія данными своими корнями эти вредныя вещества изъ почвы, оказываютъ гораздо бѣльшую пользу въ гигиеническомъ отношеніи, чѣмъ другія растенія. Поэтому насажденіе деревьевъ особенно важно въ большихъ городахъ, гдѣ при отсутствіи правильной канализаціи, почва пропитана миазмами. Чѣмъ глубже корни деревьевъ проникаютъ въ почву и тамъ развѣтвляются, тѣмъ всасываніе ими нечистоты происходитъ сильнѣе, а потому насажденіе только подобныхъ деревьевъ приноситъ дѣйствительную пользу большимъ населеннымъ центрамъ. Вотъ причина почему городское управленіе Вѣны не щадило издержекъ для обсаживанія улицъ этой столицы большими взрослыми деревьями. Этимъ не только украсился городъ, но много выиграла чрезъ это и гигиена. Другимъ примѣромъ можетъ служить Sologne, мѣстность во Франціи, вслѣдствіе обезлѣсенія получившая печальную знаменитость по нездоровому своему климату. Стоячія воды и болота отравляли воздухъ и это оказывало въ высшей степени вредное дѣйствіе какъ на людей, такъ и на животныхъ. Смертность, а также выселенія жителей были столь значительны, что на пространствѣ одного квадратнаго километра считывалось среднимъ числомъ 20 человекъ, между тѣмъ какъ въ остальной части Франціи плотность населенія втрое больше. Уже въ 1787 году Лавуазье для оздоровленія этой мѣстности предлагалъ осушеніе болотъ проведеніемъ каналовъ, а также насажденіемъ деревьевъ. Въ новѣйшее время мысль эта нашла себѣ защитниковъ въ лицѣ Адольфа Броньяра и Беккереля (старшаго). „Облѣсеніе Солони, говорилъ между прочимъ Броньяръ указывая на экономическую важность этой мѣстности, послужило бы къ бѣльшему ея оздоровленію чѣмъ другія работы дорого стояща и далеко не столь производительныя. Мѣстность эта по площади почти равная любому департаменту Франціи, въ настоящее время безплодная, бѣдная, нездоровая и почти не населенная, превратилась бы въ страну производительную, могла бы прокормить многочисленное и здоровое населеніе и способствовала бы къ увеличенію богатства государства.“ * Слова эти не пропали даромъ: въ настоящее время, благодаря осушенію

* Becquerel l. c. pgg. 262—274.

болотъ и облѣсенію, производящемуся въ громадныхъ размѣрахъ, климатъ этой мѣстности много измѣнился къ лучшему, и недалеко то время, когда блѣстящія предсказанія знаменитаго ботаника сбудутся вполнѣ. Благоотворное гигиеническое вліяніе лѣсовъ видимъ мы и въ Америкѣ: достоверно извѣстно что большія болота въ Виргиніи и Каролинѣ, гдѣ климатъ почти такой же какъ и въ Италіи, были здоровы даже для бѣлаго населенія, пока не срублены были лѣса произраставшія на нихъ и кругомъ ихъ; по истребленіи же этихъ лѣсовъ мѣстность стала крайне нездоровою. *

3) Весьма важно также дѣйствіе лѣса касательно *озонирова-*нія воздуха, то-есть превращенія кислорода его въ другой (аллотропическій) видъ, именуемый озономъ. Какъ извѣстно, озонъ (открытый Шенбейномъ въ 1840 году) есть какъ бы сгущенный кислородъ и тяжелѣе послѣдняго въ $1\frac{1}{2}$ раза. Озонъ несравненно сильнѣе дѣйствуетъ чѣмъ обыкновенный кислородъ; онъ чрезвычайно скоро соединяется съ органическими веществами, а потому способствуетъ быстрому разложенію органическихъ тѣлъ на составныя части, съ коими образуетъ новыя соединенія. По этой причинѣ озонъ есть весьма сильное дезинфицирующее средство, потому имеемъ что содѣйствуя быстрому разложенію органическихъ веществъ, онъ заставляетъ ихъ образовывать новыя химическія соединенія для насъ безвредныя. Вотъ причина почему въ жилищахъ и вообще въ городахъ, въ особенности же на фабрикахъ, воздухъ содержитъ мало озона, такъ какъ онъ вошелъ въ соединеніе съ вредными испареніями содержащимися въ воздухѣ; напротивъ, чѣмъ далѣе отъ жилыхъ мѣстъ, тѣмъ количество содержащагося въ воздухѣ озона значительнѣе и воздухъ доброкачественнѣе. Если деревенскій и лѣсной воздухъ дѣйствуетъ на нашъ организмъ столь благотворно, то это въ значительной степени зависитъ отъ сравнительно бѣльшаго количества озона въ немъ содержащагося.

Какъ извѣстно, однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ превращенія кислорода воздуха въ озонъ служитъ электричество и испареніе воды, въ особенности при вѣтрѣ. Но такъ какъ относительно трехъ этихъ метеорологическихъ факторовъ лѣсъ представляетъ свои особенности, то естественно рождается вопросъ: каково количество озона содержащееся въ

* Маршъ, I. с. pg. 167.

лѣсномъ воздухѣ сравнительно съ воздухомъ на открытомъ полѣ?

На шести баварскихъ лѣсныхъ станціяхъ произведены были озонметрическія наблюденія посредствомъ озонметра, состоящаго изъ бумаги налитанной растворомъ іодистаго калия и крахмала: Подъ вліяніемъ озона воздуха іодистый калий разлагается и свободный іодъ входитъ въ соединеніе съ крахмаломъ, причѣмъ смоченная водою бумажка окрашивается въ болѣе или менѣе густой синій цвѣтъ, смотря по количеству содержащагося въ воздухѣ озона. Цвѣтъ этотъ сравниваютъ съ однимъ изъ цвѣтовъ озонметрической скалы, содержащей десять различныхъ степеней окрашиваній въ синій цвѣтъ, начиная съ совершенно бѣлаго цвѣта (0 скалы) до темносиняго (10). Подобнаго же рода наблюденія производили Брюсъ въ Лейпцигѣ (съ 1го января 1868 до 31го августа 1870), Бекъ близъ Готы (съ 1го іюля 1868 до конца 1870), Мейеръ въ Цвѣскоу (въ Саксоніи, въ то же время) и Людике въ Готѣ (тоже). *

Изъ баварскихъ наблюденій Эбермайеръ выводитъ слѣдующее:

- а) Чѣмъ влажнѣе воздухъ тѣмъ количество содержащагося въ немъ озона больше; воздухъ мѣстностей близъ морей, озеръ и рѣкъ особенно богатъ имъ.
- б) Содержаніе озона въ воздухѣ увеличивается по мѣрѣ возвышенія мѣста надъ уровнемъ моря.
- в) Воздухъ въ лѣсу и въ окрестностяхъ его на открытомъ полѣ богаче озономъ чѣмъ въ мѣстностяхъ вдали отъ лѣса находящихся. Но внутри большихъ лѣсовъ количество озона оказалось не бѣльшимъ, а напротивъ меньшимъ, чѣмъ на открытомъ примыкающемъ къ лѣсу полѣ. Вліяніе лѣса относительно озонирования воздуха ощущается въ мѣстахъ не слухкомъ отъ него отдаленныхъ.
- д) Воздухъ близъ древесной кроны оказался болѣе озонированнымъ чѣмъ на пятифутовомъ разстояніи отъ земли, что по всѣмъ вѣроятностямъ слѣдуетъ приписать перегною, отнимающему у воздуха значительное количество озона.
- е) Относительно содержанія воздухомъ озона различія между листовымъ и хвойнымъ лѣсомъ не оказалось;

* Сводъ этихъ наблюденій помѣщенъ въ *Zeitschrift der österr. Gesellsch. f. Meteorologie*, Bd. VI, pgg. 273—277.

вопреки Шёубейну, предполагавшему что воздухъ хвойнаго лѣса долженъ быть болѣе озонированъ.

г) Большое количество содержащагося въ лѣсномъ воздухѣ озона нельзя приписать дѣйствию солнечнаго свѣта на листву, а болѣею относительной влажности лѣснаго воздуха.

г) Воздухъ въ зимнее полугодіе (съ октября до мая) болѣе содержитъ озона, чѣмъ въ лѣтнее (съ мая до сентября). Хотя Эбермайеръ приписываетъ это обстоятельство болѣею влажности воздуха въ зимнее полугодіе, но намъ кажется что не малое вліяніе имѣетъ низшая температура зимнихъ мѣсяцевъ, вслѣдствіе чего разложеніе органическихъ веществъ происходитъ медленно.

h) Согласно съ другими мѣстностями, и наблюденія баварскія показываютъ болѣею содержаніе воздухомъ озона ночью чѣмъ днемъ.

i) Всѣ наблюденія единогласно подтверждаютъ что максимум озона въ воздухѣ бываетъ во время дождливыхъ и бурныхъ дней, при грозахъ, а также во время ладенія свѣта; напротивъ, минимумъ — во время тумана и инея, а также во время жаркой и сухой погоды.

к) Сообразно съ этимъ содержаніе озона въ воздухѣ уменьшается при появленіи сухаго сѣверо- и сѣверо-восточнаго вѣтра и, напротивъ, увеличивается при юго- и юго-западномъ вѣтрѣ, что легко объясняется тѣмъ что юго-западные вѣтры въ нашемъ полушаріи проходятъ чрезъ Океанъ, гдѣ испареніе воды происходитъ всего обильнѣе*.

Послѣдній выводъ еще болѣе выказываетъ пользу лѣсовъ въ гигиеническомъ отношеніи. Въ странахъ подверженныхъ сухимъ вѣтрамъ, послѣдніе, проходя чрезъ лѣсъ и надъ нимъ, дѣлаются влажнѣе, а потому воздухъ становится обильнѣе озономъ. Тамъ же гдѣ преобладаютъ горячіе вѣтры, лѣса умѣряютъ ихъ высокую температуру и тѣмъ самымъ содѣйствуютъ озонированію воздуха.

Какъ оказывается изъ наблюденій, лѣса оказываютъ во время холерной эпидеміи вліяніе на ходъ этой болѣзни. Известно что въ недавнее время профессоръ Петтенкоферъ старался найти зависимость холерной эпидеміи отъ высоты почвенной воды. По наблюденіямъ его оказывается что холера увеличивается съ пониженіемъ высоты уровня почвен-

* Ebermaier, l. c. pgg. 238—246.

выхъ водъ и ослабѣваетъ при ея поднятіи. По мнѣнію Петтенкофера, это можно объяснить тѣмъ, что при пониженіи почвенной воды органическія вещества въ верхнемъ слоѣ почвы находящіяся и которыми этотъ слой въ большихъ населенныхъ центрахъ, такъ-сказать, пролитанъ, подвергаются сильнѣйшему разложенію; продукты гніенія отравляютъ воздухъ и причиняютъ эпидемическія болѣзни.

Въ 1868 году Дг. Дельбрюкъ въ Гаале показалъ что развитіе холерной эпидеміи находится въ зависимости не только отъ высоты почвенныхъ водъ, но и отъ температуры самой почвы, такъ какъ чѣмъ теплѣе почва, тѣмъ болѣе гніеніе органическихъ веществъ усиливается. Поэтому появленію эпидемическихъ болѣзней особенно способствуетъ совпаденіе влажности почвы съ высокою ея температурой, и дѣйствительно болѣе частыя и опасныя проявленія холеры случаются особенно въ августѣ и сентябрѣ, и, напротивъ, холера появляется рѣже и бываетъ менѣе опасна въ тѣ мѣсяцы когда температура почвы меньше. *

Профессоръ Петтенкоферъ приводитъ нѣсколько фактовъ помѣщенныхъ въ отечествѣ холеры, восточной Индіи, и доказывающихъ благотворное вліяніе лѣсовъ на эту эпидемію: Во время холерной эпидеміи въ 1859 году бывшей въ области Аллахабада и охватившей значительное пространство, тѣ лишь части англійскихъ войскъ не подвергались холерѣ которыя помѣщались въ жилищахъ окруженныхъ деревьями; чѣмъ густота оныхъ была больше и чѣмъ ближе находились они къ жилищу, тѣмъ лучшую оказывали они защиту противъ распространенія эпидеміи. Кавалерія, помѣщавшаяся въ баракахъ обсаженныхъ четырьмя рядами большихъ манговыхъ деревьевъ, страдала менѣе, чѣмъ полкъ помѣщенный лагеремъ на холмѣ, подверженномъ дѣйствию вѣтра; бенгальская же конная артиллерія, помѣщенная внутри манговой рощи, не имѣла ни одного холернаго больного. Явленіе это не можетъ быть случайнымъ, такъ какъ оно повторилось и въ 1860 году. Деревня Bhudogaum, защищенная лѣсомъ съ западной и восточной стороны, во время жестокой холерной эпидеміи въ 1865 году, отъ которой пострадали всѣ окрестности, не имѣла ни одного холернаго больного. Вообще же девятилѣтнія наблюденія показали что деревни защищенныя со всѣхъ сто-

* *Zeitschrift für Biologie*, Bd. IV, 1868

ровъ лѣсами менѣе подвержены вторженію холерной эпидеміи чѣмъ мѣста открытыя; за то если холера туда занесена, то заболѣваетъ болѣе значительное число жителей, что, вѣроятно, зависитъ отъ малаго движенія воздуха и слабого стока воды. По словамъ майора Уильямса, служившаго въ Остъ-Индіи, деревья не могутъ воспрепятствовать распространенію холеры, но за то ему извѣстны случаи появленія холеры послѣ истребленія лѣсовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ во время существованія лѣсовъ она никогда не бывала. Петтенкоферъ указываетъ на неоднократное исчезновеніе изъ воздуха озона въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и даже частяхъ города именно во время холерной эпидеміи; послѣ же прекращенія оной озонъ появлялся въ прежнемъ количествѣ *.

На вопросъ: въ чемъ именно заключается вліяніе лѣса на приостановленіе распространенія эпидеміи—при настоящемъ состояніи нашихъ познаній нельзя дать удовлетворительнаго отвѣта. Если справедливо что появленіе мiasmовъ много зависитъ отъ высокой температуры почвы, то лѣсная почва, будучи значительно холоднѣе почвы открытаго поля, можетъ въ нѣкоторой степени способствовать меньшему разложенію органическихъ веществъ. Нельзя сказать опредѣленно, отъ чего именно зависитъ дѣйствіе лѣсовъ на холеру. Иные склонны принимать химическое дѣйствіе ихъ на мiazмы, основываясь на томъ что одѣнъ древесныя породы оказываютъ лучшее дѣйствіе чѣмъ другія. По мнѣнію другихъ, лѣса предохраняютъ отъ холеры тѣмъ что защищаютъ тѣло отъ сильной иссожденія и вообще отъ сильныхъ пережвѣвъ въ температурѣ. Третьи, наконецъ, приписываютъ это механическому препятствію представляемому листовою несущимся въ воздухѣ мiazмамъ; послѣднія будто бы остаются на листьяхъ, которая какъ бы процѣживаетъ воздухъ. Мы уже прежде упоминали о нѣкоторыхъ явленіяхъ доказывающихъ что дѣйствительно на болотный воздухъ, причинающій лонгійскія лихорадки, механическія препятствія остаются не безъ вліянія и что мiazмы переносятся вѣтромъ. Но относительно холеры это объясненіе оказывается невѣрнымъ. Еслибы холерныя мiazмы дѣйствительно задерживались листовою, то рано или поздно въ мѣстностяхъ лежащихъ внутри лѣса

* Dr. Pettenkofer, *Verbreitung der Cholera in Indien*, etc. Braunsch. 1871; Ebermayer, l. c. pgg. 246—248.

холера обнаружилась бы съ особенною силой, между тѣмъ какъ въ Остъ-Индіи подобныя мѣстности бывають иногда вовсе пощажены холерой. Кроме того, достоверно извѣстно что холерная эпидемія распространялась нерѣдко противъ вѣтра, даже прямо противоположно направленію сильнѣйшихъ пассатныхъ вѣтровъ. Какъ бы то ни было, вопросъ о гигиеническомъ вліяніи дѣса весьма важенъ и требуетъ болѣе точныхъ и, главное, болѣе многочисленныхъ наблюденій, а также надлежащей оптики различныхъ мѣстныхъ условій.

Я. ВЕЙНБЕРГЪ.

ПРОРОКЪ*

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

Искушленіе.

Дни и недѣли прошли, пока пробудилось сознанье
Слова у Яна въ душѣ, и горячечный бредъ прекратился;
Мысли его прояснились, сердечная буря утихла,
Сталъ онъ спокойно и ясно теперь вспоминать все бывшее
И равнодушно смотрѣть на грядущее. Онъ сознавался
Что въ малодушномъ уныніи онъ предавался преступно
Дикимъ и низкимъ порывамъ, что имъ овладѣлъ на мгно-
венье

Демонъ, стувившій Сіонъ, и звучали слова ему въ уши:
„Время велико и сильно, но горе намъ, если нечисты
Наши сердца!“ „Да, нечисты они“,—говоритъ онъ,—
„Жаръ свой утративъ, они стали жертвой страстей и по-
роковъ.

Но самый грѣшный въ Сіонъ—я самъ, потому что гордился:
Мнилъ себя выше толпы и хотѣлъ быть ея судіею;
Можетъ ли быть имъ тотъ смертный который въ душѣ
своей больше

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 4, 5, 6, 8 и 10я.

Низокъ и грѣшевъ, чѣмъ тотъ надъ кѣмъ онъ свой судъ
произносить?

Въ гордости я возмечталъ что могу водворить добродѣтель
И уничтожить пороки, но самъ подчивился пороку!

Такъ самъ себя осудилъ я! Народъ—вѣковѣчный ребенокъ,
Руководитель его—слѣпая болтаившая мудрость!

Ощущью должно идти имъ, не то угрожаетъ имъ гибель!

Палъ и не встанетъ Сіонъ, и моя съ нимъ судьба совер-
шилась!

Но отчего жъ на душѣ у меня такъ легко и отрадно?

Жизни надежды во мнѣ какъ и страха волненья угасли:

Вижу свои заблужденья и—примираюсь съ судьбою...

Какъ на окраинѣ кратера, послѣ его изверженья,

Снова является жизнь и лестрѣютъ цвѣты, такъ изъ пепла
Въ сердцѣ оставшемъ моемъ разцвѣтаютъ цвѣты прими-
ренья...

Миръ воцарился въ душѣ... Близость ли смерти онъ пред-
вѣщаетъ?

Иль это только затишье предъ новой послѣднею бурей?"

Такъ говорилъ самъ съ собою больной, возвратившійся
къ жизни.

Но во дворцѣ въ это время сошлись шутъ придворный
Вась Стратень

И велемудрый алхимикъ, явившійся нѣкогда къ Яну.

„Что тебѣ нужно?“ спросилъ его Лилсъ. — „Говорить съ
государемъ:

Нынче удался мнѣ опытъ и золото въ тиглѣ сверкаетъ,

И потому я слѣшу королю свою радость повѣдать.“

„Другъ!“ отвѣчалъ ему Лилсъ, — „для Сіона не золото нужно:

Съ голоду онъ умираетъ и проситъ насущнаго хлѣба,

Ты же въ замѣну его предлагаешь намъ золото въ слиткахъ!

Мы объ него изломаемъ послѣдніе зубы, — довольно

Мы притупили ужъ ихъ о подошвы и кожу, и кости!

Жаль что мы книги пожгли и изъ кожи свиной переллеть, —

Все бы годилось теперь и лошакъ бы въ пустые желудки.

Да, здѣсь, въ Сіонѣ, иной промѣнялъ бы жеу молодую

На чечевичное блюдо. Я самъ, — у меня ихъ три штуки, —

Рика, и Ника, и Мука — ихъ мнѣ навязали на шею

Послѣ покойной старухи, съ которою жилъ я счастливо, —

Царство небесное ей! такъ вотъ ихъ я бы отдалъ охотно —

Рику за окорокъ сочный, Нику — за лива полкварти,

А предложи мнѣ любимое блюдо — печенку съ приправой
Изъ имбиря и смѣтаны, то я распрощаюсь и съ Микой.
Вотъ всѣ кричали въ Сіонѣ, что слово въ немъ лютію
стало!

Ахъ! еслибъ въ правду слова что въ Сіонѣ теперь говорятся
Въ мясо могли обратиться, то мы голодать перестали бь.“

Такъ балагурилъ Ванъ Стратень. Но дверь отворилась
и вышелъ

Въ залу задумчивый Янъ, и алхимикъ къ нему обратился.
Онъ съ торжествомъ сообщалъ что теперь онъ имѣеть
возможность

Въ золото мѣдъ обращать. Но съ улыбкою Янъ его слушалъ
И, не отвѣтивъ ему, обратился вдругъ къ Лилсу съ во-
просомъ:

„Что ты такъ пристально смотришь на небо и что ты
тамъ видишь?“

„Вотъ уже нѣсколько дней, — отвѣчалъ онъ, — надъ Мюн-
стеромъ вьются

Съ карканьемъ вороновъ стаи: они знаютъ почували падааь.
Кра, они каркають, кра, точно Крехтингъ на сходкѣ на-
родной, —

Въ карканьѣ этомъ мнѣ слышится Крехтинга имя и голосъ:
Это ло мнѣ не къ добру, — видно завтра имъ будетъ ложива.“

„Видно, — сказалъ ему Янъ, — и невзгода тебя не сломила
Что ты все шутишь; за это веаю для тебя приготовить
Новый колакъ.“ — „Не трудись: отъ него я сытѣе не буду;
Лучше жаркаго кусочекъ мнѣ дай, если только осталось.
Ты понабѣаалъ монеты, да вотъ у меня и въ карманѣ
Нѣсколько талеровъ есть, а куда они къ чорту годятся?
Что на нихъ купишь телерь? Утѣшаетъ насъ Крехтингъ,
что скоро

Разная овощъ послѣветъ. Да, овощъ — здоровая лица,
Это и Ванька замѣтилъ, кусокъ ветчины улетаая.
Овощъ худить не могли и она при нуждѣ пригодится.
Вотъ и тебѣ не пришаось бы, какъ древле царю въ Ва-
вилонѣ,

Травку щилать на дугу, а ужъ это посаѣднее дѣло!“

Янъ его слушалъ разсѣяннo, занятый думой своею:
Ибо въ посаѣднее время въ Сіонѣ свирѣлствовалъ голодъ
И съ каждымъ днемъ возрастали въ народѣ нужда и ли-
шенья.

Прежде онъ три раза въ день собирался для трапезы
 общей
 На площадь передъ соборомъ, а нынѣ лишь разъ одиавъ
 въ сутки;
 Даже и лошади съѣдены всѣ, и собаки, и кошки;
 Лакомой пищей считались лягушки, вороны и гапки.
 Съ каждымъ днемъ больше нужда возрастала въ народѣ;
 не тайно

Стали теперь воровать, а ужъ явно у слабого сильный
 Каждый кусокъ отнималъ и несчастный средь улицы па-
 далъ

Жертвою смерти голодной... Порой находили въ канавѣ
 Труль лосинѣвшій съ травой во рту. Грудные младенцы
 Тщетно старались извлечь себѣ лицу изъ груди усохшей
 Бѣдныхъ своихъ матерей: ужасныя голода муки
 Часто мрачили ихъ умъ, заглушая въ нихъ вѣжныя чув-
 ства:

Въ остервенѣннѣи звѣрскомъ ивыя бросали малютокъ,
 Или въ безумномъ отчаяннѣи рвали ихъ тѣло зубами...
 Анабалтисты бродили какъ тѣни, ихъ мрачныя лица
 Приняли цвѣтъ земляной, осунулись дряблыя члены,
 Кожа присохла къ костямъ, потухли глаза и ввалились.
 Воздухъ, миазмами полный отъ труловъ, умножилъ болѣзнь,
 Люди валились какъ мухи въ осеннее время, а городъ
 Весь обратился въ больницу...

Янъ вышелъ съ обычною свитой
 На площадь передъ соборомъ и медленнымъ шагомъ на-
 правилъ
 Путь свой по улицѣ главной, которая длинной дугою
 Тянется къ самой рѣкѣ, до округа „Что надъ водою“.
 Граждане съ воллемъ къ нему простирають ослабшія руки.
 Янъ, ободрить ихъ желая, къ нимъ съ рѣчью хотѣвъ
 обратиться;

Вдругъ приметѣло со свистомъ ядро и къ ногамъ его падо,
 Овъ его поднявъ спокойно и, ближе его разсмотрѣвши,
 Лоскутъ изъ кожи на немъ увидалъ, испещренный словами:
 „Граждане Мюнстера! къ вамъ обращается князь вашъ
 епископъ:

Вновь предлагаетъ онъ вамъ локориться ему добровольно;
 Еслижъ отвергнете вы его увѣщанье, то знайте,
 Что не останется въ Мюнстерѣ камня на камнѣ и каждый

Смерти избѣгнѣй въ бою руки лалача не избѣгнетъ;
 А обольстителя вашего кара постигнетъ на плахѣ:
 Тѣло его отъ костей оторвутъ раскаленнымъ желѣзомъ!⁴
 Громкимъ голосомъ Явѣ прочитааъ объявленье на-

роду

И ожидать сталъ отвѣта спокойно и гордо, какъ будто
 Самъ онъ предсталъ предъ толпою какъ вѣстникъ епис-
 кола-князя.

Вдругъ появилась Дивара съ своей чернокудрой ватагой.
 „Мужи Сіона!—сказала она,—вамъ извѣстно, какъ часто
 Люди мои, проникая сквозь вражескій станъ, приносили
 Вѣсти къ намъ съ разныхъ сторонъ, а верѣдко и письма,
 искусно

Пряча ихъ въ прядяхъ волосъ или въ ухахъ; но въ по-
 слѣднее время

Въ станѣ внимательнѣй стали слѣдить за моими гонцами,
 И только чудомъ какимъ-то послѣднѣй изъ посланныхъ
 мною

Спаса отъ смерти; но онъ мнѣ принесъ изъ Голландіи
 вѣсти,—

Наши друзья тамъ придумали способъ иной для сношеній:
 Вотъ что сказали они: „лишь пройдетъ десять дней, на-
 блюдайте

Зорко за всѣмъ что лыветь по рѣкѣ.“ Этотъ срокъ уже
 минулъ,—

Нынѣ десятый ужъ день,—такъ слѣдите, друзья, за рѣкою!⁴

Такъ говорила Дивара и всѣ въ ожиданьи чего-то

Взоры къ рѣкѣ обратили, и точно: вдали показалась
 Тихо лывущая бочка. Тогда отъ толпы отдѣлился
 Тотъ кто искуснѣе лавалъ и бросился въ рѣку за бочкой;
 Онъ ея скоро достигъ и къ берегу ловко направилъ.

По приказанью Дивары ее осторожно разбила,

И къ удивленью гражданъ изъ нея, какъ птенецъ изъ скор-
 лупки,

Мальчикъ явился красивый, чернокудрявый и смуглый,
 И, обратившись къ народу, голосомъ громкимъ промолвилъ:
 „Граждане! вамъ посылаютъ привѣтъ изъ Голландіи братья,
 Помощь идетъ къ вамъ отъ нихъ изъ Брабанта, отъ Май-
 на и Рейна;

Скоро ихъ сильное войско прибудетъ подъ стѣны Сіона,
 Сниметъ осаду съ него и заставитъ враговъ удалиться.“⁴

3*

Вѣсть ободрила гражданъ, ихъ глаза загорѣлись восторгомъ;

Только лишь хилые старцы, да жены кормиція грудью
Грустно потушили взоръ и стояли въ тоскѣ безнадежной,—
Что не дожить уже имъ, изнуреннымъ, до этого часа!
Взоромъ участія Янъ посмотрѣлъ на несчастныхъ страда-

дальцевъ.
„Братья и сестры Сиона! сказалъ онъ,—въ комъ есть еще
силы

Съ бѣдствіемъ грознымъ борьбу продолжать, тотъ лускай
остается;

Тѣ же, въ комъ силъ уже нѣтъ, всѣ больные, всѣ хилые
старцы

Могутъ оставить Сионъ,—я велю отворить имъ ворота.“

Взоръ благодарности теплой ему былъ отвѣтомъ, и тотчасъ

Старцы и жены кормиція грудью толпой потянулись

Къ выходу въ поле; но тутъ имъ другая толпа повстрѣ-
чалась

Точно такихъ же несчастныхъ и съ воплями къ нимъ
обратилась:

„О, не ходите къ врагамъ и не ждите отъ нихъ состра-
данья!

Тайно изъ города вышедъ, мы долго межъ шанцевъ бродили

И со слезами молили о лицѣ; но всюду встрѣчали

Брань и угрозы отъ воиновъ; жестокосердые даже

Многихъ убили изъ насъ и грозили насъ всѣхъ лерерѣзать,

Если отъ нихъ не уйдемъ; они требуютъ чтобъ безусловно

Граждане всѣ имъ сдались, а не кучки отдѣльныя хилыхъ.“

Такъ говорили они и съ отчаяньемъ руки ломали.

Вдругъ съ городской площади, провожаемый шумной
толпою,

Бодро и весело Бернтъ Книппердолингъ идетъ, а за нимъ

Двигается длинный обозъ,—огромныя фуры со скрипомъ

Тянутся вдоль по дорогѣ. О чудо! все это запасы

Хлѣба, колченой свинины, и рыбы соленой, и масла.

Съ крикомъ восторга народъ окружилъ нагруженныя фуры,

Слышатся всюду вопросы: „Откуда все добыли это?“

„Гдѣ удалось отыскать?“ И Бернтъ Книппердолингъ со
смѣхомъ

Имъ отвѣчаетъ: „Не думайте что это шлетъ вамъ еписколъ;

Нѣтъ, это я отыскалъ и притомъ тутъ совсемъ недалеко.

Вотъ какъ случилось все это: я долго въ душѣ сокрушаася,
 Что голодаетъ народъ; но при этомъ мнѣ страннымъ ка-
 залось,

Что замѣчалъ я у многихъ веселыя, сытыя лица.
 Вотъ и пришло мнѣ на умъ осмотрѣть кладовыя Сіона.
 Пользуясь временемъ тѣмъ, когда граждане всѣ удалились
 На площадь, я обошелъ всѣ подвалы и тайные склады
 И отыскалъ тамъ запасы и мяса, и рыбы, и хлѣба,
 Даже и бочки съ виномъ въ погребехъ у бѣжавшихъ мо-
 наховъ;

Многое было зарыто, иное сокрыто въ подпольяхъ;
 Ясно мнѣ стало тогда, отчего среди сонма голодныхъ
 Вижу я столько веселыхъ, довольныхъ собою и сытыхъ.
 Вотъ они тутъ налицо, — посмотрите, какъ блѣдны ихъ
 рожи!"

Съ дикимъ, неистовымъ крикомъ толпа приступила къ
 обозу

Чтобъ завладѣть имъ скорѣе, но стража ее удержала:
 Прежде хотѣли разчислить, надолго ли станетъ запасовъ.
 „Нѣтъ!—закричали въ толпѣ, — мы и такъ ужъ довольно
 терпѣли!

Долѣе ждать не хотимъ! И къ чему намъ тельеръ бережли-
 вость?

Скоро къ намъ помощь придетъ. Нѣтъ, мы лучше устро-
 имъ лирушку,

Чтобы достойно почтить наступающій день избавленья!"

Такъ голосила ватага голодныхъ и тощихъ безумцевъ,
 И какъ вампиры накинудась вдругъ на воза съ провіантомъ.
 Стража сдержатъ не могла, всѣ труды ея были напрасны:
 Тысячи рукъ принялись расхищать торопливо и жадно
 Мясо, и рыбу, и хлѣбы, и рвали изъ рукъ другъ у друга
 То что казалось лучше, и кто былъ сильнѣй и задорнѣй,
 Бралъ себѣ лучшій кусокъ, отстраняя то го кто слабѣе.
 Жены и слабые старцы стояли печально поодаль

И съ сокрушеньемъ смотрѣли, какъ общее ихъ достоянье
 Хищники рвутъ беспощадно. Крики и брань не смокаютъ
 На городской площади, гдѣ разставлены винныя бочки.
 Вечеръ межъ тѣмъ наступилъ и повсюду огни загорѣлись,
 Граждане всѣ собрались вокругъ бочекъ съ виномъ и рѣ-
 шили

Пиромъ веселымъ достойно отпраздновать вѣсть избавленья.

Факелы всюду зажглись, загремѣли веселыя пѣсни,
 Анабалтисты въ восторгѣ залѣли священныя гимны;
 Звуки хорааа, саиваясь со звуками пѣсенъ разгульныхъ,
 Дико звучали въ ночи. Вотъ ватага Цыганъ и фигляровъ
 Вскорѣ пристала къ лирующимъ; флейты, цимбалы и бубны
 Вдругъ огласили всю площадь. Смуглая дѣвы-Цыганки
 Начали дикую пляску, фигляры — скачки и кривлянья.
 Тошя, желтыя лица гражданъ оживились весельемъ;
 Дикій разгулъ обуялъ всю толлу какъ угаръ ольвянея.

А между тѣмъ изъ дворца долетали веселыя звуки:
 Тамъ, по велѣнью Дивары, устроенъ былъ пиръ для при-
 дворныхъ

И для старѣйшихъ Сіона. Ея маювеніемъ зала
 Преобразилась какъ чудомъ въ чертогъ лучезарный и пыш-
 ный.

Крестообразно поставленный столъ былъ роскошно укра-
 шень

Разной посудой изъ золота и хрустала дорогаго;
 Съ позолоченнаго свода спускалась красивая люстра
 Въ видѣ вѣнца изъ цѣтвъ, леревитыхъ искусно гирляндой;
 Всѣ драгоцѣнности Мюнстера, что въ кладовыхъ сохра-
 нялись,

Были сюда свесены и разставлены въ рядъ въ пирамидахъ:
 Тутъ красовались различныя чаши, и вазы, и кубки,
 И золотыя сосуды, и утварь изъ ризницъ церковныхъ,
 И драгоцѣнные камни въ браслетахъ и разныхъ уборахъ,
 Все, что хранилось вѣка, какъ заветное предковъ наслажде,
 Собраво было сюда, чтобъ украсить роскошнѣе залу.

Гости сидятъ за столомъ; во главѣ его Янъ и Дивара,
 Нынѣ онъ ясенъ и веселъ, и взоръ его свѣтлый пылаеть
 Страннымъ огнемъ. Онъ прекрасенъ, и жень удивленные
 взоры

Смотрять съ восторгомъ на юноши ликъ, который привыкли
 Только лишь сумрачнымъ видѣть. Телерь онъ, какъ будто
 желая

Прежнюю сгладить угрюмость, пріятливъ и ласковъ со
 всѣми.

Подлѣ него, въ королевскомъ вѣнцѣ и въ роскошномъ уборѣ,
 Жень всѣхъ красюю своей затмѣвая, сидѣла Дивара;
 Взоръ ея мрачно сверкалъ, но порою онъ вновь прояснялся,
 И торжество выражалось въ улыбкѣ ея горделивой...

Шутъ говорливый Ванъ Стратеръ, усердно свой вкусъ
улаждалъ,

Былъ за троихъ и подтрунивалъ надъ миновавшей невзгодой
И надъ избыткомъ неожиданнымъ. „А все-таки, Янъ,—гово-
рилъ онъ, —

Прежнее время всломанешь и вольную жизнь подъ шатрами!
Помнишь, какъ велъ я хозяйство? И всё были сыты, до-
вольны,

Всѣмъ я тогда заправлялъ и у васъ былъ въ почетѣ, а нынѣ
Шутомъ гороховымъ сталъ! Да и что здѣсь у насъ за хо-
зяйство:

То голодаемъ по мѣсяцамъ, то вдругъ ѣдимъ до отвала!
О, золотая Голландія! Скоро ль, другъ Янъ, мы съ тобою
Въ Лейденъ вернемся родной, въ тотъ шинокъ, гдѣ быва-
ло сидѣли?“

Такъ вспоминалъ онъ бывшее; веселые гости, внимая,
Громко смѣялись надъ нимъ. Но вотъ музыка вдругъ за-
гремѣла,

Звуки литавровъ и трубъ заглушили пирующихъ говоръ;
Головы ихъ отуманило винныхъ паровъ ольганыи;е;
Рѣчи ихъ стали безсвязныи, насмѣшки и шутки грубѣе.
Съ хохотомъ дикимъ они поднимали завтые сосуды,
Тѣ, предъ которыми нѣкогда всё преклоняли колѣна
Въ храмахъ, когда предъ толпой возносилъ ихъ съ Дарами
священникъ...

Время къ полудночи близилось; лица гостей разгорались.
Роттманъ въ раздумьѣ сидѣлъ, близъ него Дузентшуръ пре-
старѣлый,

Взоръ устремивъ въ потолокъ, бормоталъ непонятныя рѣчи.
Говоръ и лязные крики все громче звучали по залѣ,
Громче же всѣхъ раздавался межъ ними пискливый и рѣзкій
Рыжого Крехтинга голосъ. Онъ, съ жаромъ махая руками,
Всѣхъ увѣрялъ что Сіонъ ихъ еще не достигъ совершенства,
Что еще многое въ немъ измѣнить и исправить имъ нужно:
„Такъ, напримѣръ, — онъ кричалъ, — мы владѣемъ имущес-
твомъ общимъ,

Пусть же и жемы у насъ будутъ общимъ для всѣхъ до-
стояньемъ!

Чтобы никто не завидовалъ что у инаго красивѣй
Чѣмъ у другаго жена.“ Негодующимъ взоромъ окинувъ
Роттманъ суровый безумца, другіе жъ внимали охотно

Рѣчи его непристойной и больше его поощряли.
 Ротмана взоръ отражая улыбкой презрѣнья, онъ, злобный
 Взоръ на него устремивъ, продолжалъ:

„Вотъ послушайте, братья,

Что я скажу вамъ еще: изгоните-ка вы изъ Сіона
 Этихъ мечтателей гаульных! Они только портятъ намъ дѣло.
 Время иное пришло, и я лучшее вамъ откровенье
 Нынѣ повѣдать хочу! Былъ у васъ Маттиссонъ какъ учи-

тель,

Послѣ него былъ избранникъ изъ Лейдена; нынѣ же бу-

детъ

Вашимъ учителемъ Крехтингъ. Впередъ же, о мужи Сіона!
 Маттиссонъ дѣло свое совершилъ, васъ избавивъ отъ ига
Внѣшняго слова, но иго другое надъ вами осталось,—
Внутреннiмъ словомъ зовется оно, и его будто въ душу
 Богъ намъ вложилъ. Это вздоръ! Его нѣтъ, я его отвергаю!
 Здравый разумокъ чуждается бредней подобныхъ, а серд-

це—

Это лишь задняя дверь для тиранства и всякаго гнета!
 Все что изгонимъ мы разумомъ вонъ, то чрезъ эту лазейку
 Снова вторгается къ намъ и тревогою духъ нашъ волну-

етъ.

Что вы зовете грѣхомъ? только то что противно уставу.
 Такъ уничтожьте уставъ,—съ нимъ исчезнетъ и страхъ
 согрѣшенья,

И вы безгрѣшны и праведны будете всѣ какъ святые.

Что запрещаетъ вамъ совѣсть? Она только кости отъ ви-

шень

Вамъ дозволяетъ глотать, а ихъ мякишъ у васъ отнимаетъ;
 Вы же поступите лучше, коль ей предоставите кости,
 Мякишъ оставивъ себѣ. И къ чему вамъ такое смиренье?
 Польза какая вамъ сѣдовать разнымъ чужимъ указаньямъ?
 Будьте какъ птицы небесныя или какъ звѣри пустыни:
 То что понравится имъ, берутъ они прямо и смѣло,
 И никакого не просятъ на то дозволенья у неба.

Жить вы должны какъ живетъ вѣковѣчно бродячее племя:
 Жизнью счастливой оно наслаждается въ полной свободѣ!
 Въ свѣтъ зовутъ ихъ бродягами, но чрезъ нихъ несомнѣнно
 Долженъ весь міръ обновиться. Возстанъ же, бродячее племя!
 Міръ покорится тебѣ, если только владѣть имъ захочешь:
 Вы—большинство на землѣ, потому и вся сила за вами!

Помните, какъ я въ грозу передъ вами безстрашно напращивалъ

Пушки жерло къ небесамъ и ядро къ ихъ громы отвѣтилъ?

Вотъ что я сдѣлалъ! И вы не робѣйте, когда не хотите
Чтобъ превзошелъ васъ отвагою Крехтингъ, горбу въ малоросамъ!“

Такъ говорилъ онъ, и всѣ отвѣчали ему одобреньемъ,
Даже и Явъ; но зачѣмъ онъ такъ странно притомъ улыбнулся?

Яли всѣ грустныя думы его утонули въ рейнвейнѣ?

Да, онъ откинулъ теперь все что прежде его волновало,
И, равнодушный къ судьбѣ предстоящей ему и Сіону,
Онъ со спокойной провѣей, какъ на нелѣпую пошлость
Глухой комедіи смотреть на все что его окружаетъ.

Вдругъ подъ вліяніемъ прихоти странной онъ крикнулъ
прислугѣ:

„Дайте сюда мнѣ корону и скульптъ золотой и порфиру!“

Слуги исполнили тотчасъ его повелѣнье; тогда онъ
Самъ подошелъ къ крикуну и порфиру на горбъ ему кинулъ,

Въ руки вложилъ ему скульптъ, а въцѣмъ королевскимъ
украсилъ

Черель лохматый его и сказалъ: „Если есть кто въ Сіонѣ
Чести достойный носить королевскій вънецъ и порфиру,
Такъ это ты лишь одинъ: ибо вижу въ тебѣ влаощенье
Новыхъ Сіона идеѣ! Помѣняйся же мѣстомъ со мною!
Все уступаю тебѣ: и почетъ мой, и женъ, и богатство,
Въ чемъ такъ завидуешь мнѣ: все твоимъ это будетъ отнынѣ!“

Граждане! вотъ вамъ король! Восхваляйте его и прославьте!“
Всѣ изумились, а Крехтингъ въ въцѣмъ и порфирѣ, кривляясь,

Мѣсто оставилъ свое и надувшись усѣлся на тронѣ.
Онъ неуклюжимъ поклономъ отвѣтилъ на возгласъ привѣта,
И чтобъ себя ободрить, выпилъ зааломъ представленный
кубокъ.

Но закружилась его голова и глаза осовѣли,
Слозъ на затылокъ вънецъ, а языкъ его льявый, коснѣя,
Только лишь могъ лепетать: „Впередъ!“ „Свобода Сіона!“
„Общія жемя у насъ!“ А потомъ онъ съ гримасою пошелъ

Бъ юнымъ красавицамъ вдругъ обратился и сталъ къ нимъ
ласкаться,

Но съ омерзѣньемъ и съ крикомъ испуга оны отшатнулись
Отъ безобразнаго лаута, а оны, оскорбленный улорствомъ,
Стали ихъ бранить и грозить что оны головы съ нихъ по-
снимаютъ.

Но хромоногий Ванъ Стратень къ нему обратился съ
вопросомъ:

Кто за него будетъ канцлеромъ, такъ какъ оны стали госу-
даремъ?

„Если ты хочешь,—сказалъ оны,—для должности этой на-
значить

Мужа который въ народѣ извѣстенъ свободою мыслей
И независимымъ духомъ, то лучше меня не отыщешь;
Самъ ты чай видѣлъ и знаешь какъ я обращался свободно
Съ прежнимъ моимъ королемъ,—я ему не являлъ уваженья.
Ты для него былъ подъ стать, такъ и я тебѣ буду подъ
пару!

Вѣдь и на свѣтѣ повсюду устроено такъ споконъ вѣку:
Если хозяинъ гаулецъ, то его управитель мошенникъ,
Если же лаутъ самъ хозяинъ, то вѣрно дуракъ управитель;
Вотъ, государь, потому-то и ты меня канцлеромъ сдѣлай!“

Крехтингъ ему ухмыляясь кивнулъ головой ольнявшею
И благосклонно сказалъ: „Дуракъ мой, будь канцлеръ
Сіона!“

Тутъ новый канцлеръ не медля сѣлъ подлѣ него горделиво
И обратившись къ собранью, промолвилъ: „Граждане Сіона!
Нечего вамъ мнѣ завидовать: если для насъ просіяетъ
Счастія лучъ золотой, то мы скоро весь свѣтъ завоемъ;
И какъ лавины въ ладеньѣ дары короля васъ осыплетъ:
Въ области каждой тогда ему будутъ намѣстники нужны,
Вѣдь самому, какъ ни бейся, за всѣмъ присмотрѣть не-
возможно,

Вотъ оны тогда и подѣлятъ всѣ области эти межъ вами.
Вамъ вѣдь извѣстно, друзья, что я много по свѣту ски-
тался,

Много видалъ на вѣку я своею и земель, и народовъ,
А потому-то едва ли кто лучше меня ихъ подѣлитъ,
Видите, вотъ и король мнѣ киваетъ; такъ слушайте, братья,
Что я какъ канцлеръ скажу вамъ: Кургессень—владѣнье
на славу!

Править имъ очень легко. Кто желаетъ тамъ властвовать?

Ксантусъ,

Честный пріятель! тебѣ отдаю я его во владѣнье.

Гехартъ мой храбрый! возьми Лотарингію, тамъ преотлично!

Шульце! ты Шварцвальдъ возьми: тамъ житье тебѣ славное будетъ!

Ты же, Куртъ Мейеръ изъ Ульма, ты тамъ былъ портнымъ, какъ я слышалъ,

Ну, а вернешься туда губернаторомъ,—это не дурно!

Юстъ ванъ-деръ-Шанцъ! для тебя я въ Италиі мѣсто придумаю:

Тамъ ужъ куда хорошо! померанцы цвѣтутъ тамъ и фиги!

Тиланъ! тебѣ я въ награду за вѣрную службу Сиону.

Область въ Богеміи дамъ. Но еще есть на диво земелька,

Это, друзья, Португалія: вотъ такъ ужъ край благодатный!

Что за красотки цвѣтутъ тамъ и что за вино золотое!

Хочешь ли, другъ Книллердоллингъ, тебѣ эту землю отдамъ я?

Если ты княземъ тамъ будешь, меня ужъ навѣрно вспомянешь

И золотистымъ Опорто почествуешь добраго Липса!¹⁴

„Какъ? закричалъ ему Ксантусъ, мясникъ ольвянѣвшій,—ужь если

Въ той сторонѣ и красотки цвѣтутъ, и вино золотое,

То не хочу я Кургессена, лучше отдай мнѣ Опорто!¹⁴

„Олухъ!—въ сердцахъ закричалъ на него Книллердоллингъ,—Кургессенъ

Слишкомъ хорошъ для тебя, ты не стоишь и этого дара!¹⁴

Страшно обидѣлся тотъ, и поднявши кулакъ свой огромный,

Всталъ и чрезъ столъ потаивуся, чтобъ сильнымъ и мѣткимъ ударомъ

Въ лобъ поразить оскорбителя; но Книллердоллингъ качулся

Въ бокъ и кулакъ мясника угодилъ по большому кувшину

Съ ливомъ; разбился кувшинъ, но буяна рука обогрилась

Кровью, и вскрикнувъ отъ боли мясникъ опустился на мѣсто.

Липсу съ трудомъ удалось усюкоить враговъ ольвянѣвшихъ

И водворить между ними олатъ ташину и согласье.

Крехтингъ, вращая едва языкомъ, говорилъ окружавшимъ:
„Подво вамъ спорить о земляхъ, на эту я ночь между
вами

Жень подѣлю, хоть онъ и таурятся; но я заставаю
Ихъ подчиниться уставу—мѣняться своими мужьями.“

И приступилъ онъ къ раздѣлу: одну онъ далъ канцаеру
Липсу,

Тильбеку выбралъ другую. „А мнѣ ты какую назначишь?“
Берягъ Книллердоллингъ спросилъ, и съ хохотомъ Крех-
тингъ отвѣтилъ:

„Лучшую дамъ изъ красавицъ—мою королеву Дивару!“
Берягъ хоть ея и не жаловалъ, но предпочтенье такое
Очень польстило ему и съ улыбкою сладкой, шатаясь,
Къ ней подошелъ онъ; но гордая женщина съ видомъ пре-
зрѣнья

Такъ оттолкнула его, что онъ на полъ какъ сволъ повалился.
Силъ не имѣя подняться, лежитъ онъ, кляня и ругая
Злую колдунью Дивару, которую нужно не медля
Сжечь на кострѣ... Даже Крехтингу брань эта стала про-
тивна

И онъ прислугѣ далъ знакъ удалить изъ палаты пьянчугу.
Тутъ онъ опять приступилъ къ раздѣленію жень; но ихъ
было

Меньше мушницъ налицо, и опять начались между ними
Споры и брань изъ-за жень какъ предъ тѣмъ изъ-за раз-
ныхъ владѣній.

„Слушайте, мужи Сіона! сказала съ коварной улыбкой
Пьянымъ Дивара гостямъ, — этотъ пиръ для васъ мною
устроенъ,

А потому я хочу чтобы всѣ вы остались довольны,
Но замѣчаю межъ вами печальныя, хмуряя лица;
Или ужъ такъ притупились всѣ чувства у гражданъ Сіона
Что для веселья потребны имъ болѣе сильныя средства?
Ну, такъ теперь угощу васъ виномъ ужъ такимъ я, какого
Вы никогда не пивали.“ И вотъ по ея повелѣнью
Смуглые слуги ея принесли искрометную влагу,—
Чистая, точно кристаллъ, она лѣвлася килѣла въ бока-
лахъ,—

И просіяли улыбкою лица гостей осовѣвшихъ.

Снова кивнула Дивара, и въ залу при звукахъ тимпа-
новъ

Быстро влетѣла толпа чернокудрыхъ красавицъ; предъ
 ними
 Мальчицъ съ красивою лампой, которая розовымъ свѣ-
 томъ
 Все озарила кругомъ, и при этомъ чарующемъ свѣтѣ
 Вдвое прелестнѣй казались и женщины танцующихъ лица.
 Полные вѣги и страсти ихъ взоры, движенья и пляска
 Чувства мушницъ возбуждали при мягкихъ ласкающихъ
 звукахъ
 Флейтъ и теорбъ. Но вотъ вдругъ эти вѣжные звуки
 замолкли,—
 Ихъ замѣнилъ оглушительный гулъ тамбурина и цимба-
 ловъ;
 И въ вакхически дикомъ разгулѣ, объявшись, помчались,
 Вихремъ по залѣ кружась, танцующихъ легкія пары.
 Лица ихъ кажутся юны при свѣтѣ магической лампы,
 А обнаженные перси ихъ дышать чарующей вѣгой.
 Съ жадностью страстной во взорахъ глядятъ на нихъ мужи
 Сіона:
 Всѣ очарованы ихъ красотой, одуряющей чувства;
 Даже и Янъ, увлеченный ихъ прелестью, смотритъ съ улыб-
 кой
 На сладострастную пляску полуобнаженныхъ прелестницъ.
 Только лишь шутъ хромовогій, Ванъ Стратень, съ холод-
 нымъ презрѣньемъ
 Смотритъ на пьяныхъ гостей и хохочетъ;—что значить
 Этотъ язвительный хохотъ? Прелестницы съ наглостью
 стали
 Виться вокругъ пьяныхъ мушницъ. Отдѣлившись отъ круга,
 ивыя
 Къ нимъ подлетаютъ и дразнятъ ихъ чувства коварною
 лаской;
 Вотъ наконецъ ихъ вѣнокъ раздѣлился на части, и ка-
 ждый
 Гость взялъ себѣ по цвѣтку и смѣясь посадилъ на ко-
 лѣвни.
 Къ Яну одна подошла и хотѣла къ нему приласкаться;
 Но, устрешенная злобнымъ рычаніемъ ясовъ исполни-
 скихъ,
 Чутко его охраняющихъ, прочь отъ него удалилась.
 Всѣ же другіе, качая прелестницъ своихъ на колѣвняхъ,

Ласками ихъ осыпають, цѣлуя уста ихъ и плечи.
 А хромоногий Ванъ Стратемъ межъ ними и скачетъ, и
 ляпаетъ,
 Точно шальной или безумный; но вдругъ онъ какъ будто
 случайно
 Лампу столкнулъ со стола и магическій свѣтъ прекра-
 тился.

Вздрыгнули мужи Сиона и ужасъ объялъ ихъ при видѣ
 Какъ исказились внезапно всѣ лица веселыхъ предествицъ:
 Смуглая кожа, морщины и тусклымъ впалымъ очи
 Лишь отвращенье одно возбудили въ сердцахъ сластолюб-
 цевъ.

Но и свой собственный видъ сталъ теперь имъ не менѣе
 страшенъ:

Желтыя, впалыя щеки со всѣми слѣдами какіе
 Гододъ на нихъ наложилъ ихъ самихъ лоразили, и ка-
 ждый
 Въ оцѣпѣнны безмолвномъ смотрѣлъ другъ на друга, а
 хохотъ
 Дилса Ванъ Стратена рѣзкій межъ тѣмъ раздавался по
 залу....

Только горбатый король, уронивши и скульпторъ, и короку,
 Съ кресла спустился подъ столъ и лежалъ тамъ, улившись
 черезъ мѣру.

Мрачный съдой Дузентшуръ, обмочивши въ вино свои
 ладцы,
 Что-то чертилъ на стѣнѣ. „Что ты лишишь?“ спросилъ его
 Ротманъ,

Свѣчку приблизивъ къ стѣнѣ, и мгновенно всѣ буквы ли-
 савья

Вспыхнули синимъ огнемъ и слова: „Mene-tékel-uphârsin“,
 Какъ на лиру Валтасара, явились лирующихъ взорамъ.

„Вотъ насъ какимъ расчудеснымъ видомъ угостили сего-
 дня,—

Съ хохотомъ шутъ закричалъ, — посмотрите: оно вѣдь по-
 жауи

Такъ и въ желудкѣ горитъ, какъ вотъ тутъ на стѣнѣ ле-
 редъ нами!“

Вдругъ будто громъ отдаленный раздался, и вздрыгнули
 гости,

И тишина гробовая мгновенно кругомъ воцарилась.

Чу! съ городской площади долетаютъ какіе-то крики,
 Выстрѣлы ружей, и въ залу, шатаясь, вторгается вѣст-
 никъ,
 Слѣдъ за собой оставляя кровавый... „Къ оружію, братья!“
 Голосомъ слабымъ сказалъ онъ и на полъ упалъ безды-
 ханный.

На площади между тѣмъ разгорѣлась кровавая битва.
 Въ ставѣ палистовъ дотолѣ все было спокойно и тихо;
 Но къ полководцу ихъ Вильке явилась Цыганъ-перебѣж-
 чикъ:

„Плодъ ужь созрѣлъ,—онъ сказалъ,—и сорвать его время
 пришло!“

Граждане Мюнстера всѣ ольянѣли; безъ силъ, безъ оружія
 Бродятъ шатаясь они. Приходи въ часъ полуночи въ го-
 родъ:

Отперты будутъ ворота; и ты имъ легко овладѣешь!“

Вильке былъ радъ этой вѣсти: онъ вспомнилъ свое обѣ-
 щанье

Городъ мятежный смирить, а солерникъ его горделивый,
 Вирихъ фонъ-Даунъ, былъ въ отлучкѣ, ухвативъ съ другими
 вождами

На совѣщаніе въ Гаммъ. Онъ немедленно далъ повелѣнье
 Чтобы все войско къ полуночи было готово для боя.

Вотъ наступилъ часъ урочный, и Вильке направилъ дру-
 жины

Прямо къ Крестовымъ воротамъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ смуг-
 лый измѣнникъ.

Идутъ безмолвно они по улицамъ темнымъ и видятъ

Всюду валяются люди. Уже ль это голода жертвы?

Нѣтъ,—ихъ вино уложило.... Иной, приподнявшись, съ про-
 совья

Мутными смотреть глазами на строй непріятелей грозный
 И, подъ наитіемъ страха, бѣжитъ слотыкаясь, но тутъ же
 Падаетъ мертвый на земаю, пронзенный мечомъ или пикой.

Что за ватага бойцовъ собирается такъ торопливо

На площади предъ соборомъ? Ахъ, это остатки послѣд-
 нихъ

Вѣрныхъ Сіону мужей—сыновъ Маттиссоновой рати,
 Всѣми давно позабытыхъ, но прежній свой пламень хра-
 нящихъ.

Ихъ не велико число,—покаютви не боѣ; но сѣбло

Вооружались они и, поднявши сіонское знамя,
Встрѣтить готовы врага и торжественный хоръ свой за-
пѣли,—

Гимнъ тотъ который предъ Мюнстеромъ пѣли въ день
славной побѣды.

Съ яростью дикой на эту ничтожную горсть сіонитовъ
Ринулись ратники Вильке, и сталъ умолкать поемному
Гимна священнаго хоръ; наконецъ, обливанное кровью,
Пало и знамя Сіона съ послѣднимъ изъ анабалтистовъ!...

А между тѣмъ во дворцѣ короля суета и тревога:
Гости при выстрѣлахъ первыхъ всѣ бросились къ окнамъ
и, вида

Копья враговъ на дворѣ и горящіе факелы, въ страхѣ
Вмигъ отрезвились и стали безумно метаться по залѣ,
Мѣста ища для спасенья, и падали черезъ лежащихъ
Пьяныхъ мертвецки, которые спали тутъ сномъ непробуд-
нымъ.

Къ Яну, который стоитъ съ обнаженнымъ мечомъ по-
среди

Залы съ четкою своихъ охранителей—людей испанскихъ,
Лилъ говорить мимоходомъ съ таинственнымъ видомъ:

„Терпѣнье,

Янъ! наступаетъ конецъ комедіи нашей недѣльной,
Завявсь скоро падеть и лампы погаснутъ. Ты кончила
Дѣло свое, ты сыгралъ короля съ достоинствомъ должнымъ
Какъ я и ждалъ отъ тебя; только жаль что не съ долж-
нымъ успѣхомъ!

Въ этомъ не ты виноватъ, а недѣлая эта лѣся.

Такъ успокойся, другъ Янъ! Предоставь остальное покон-
чить

Старому Лилеу, фиглярю, вожатому труппы артистовъ,
Онъ это знаетъ какъ сдѣлать... А ты отдохни, успокойся,
Кровь молодая! забудь о печальной комедіи жизни!

Сномъ безмятежнымъ усни, отрѣшась отъ житейскихъ вол-
неній!“

Такъ онъ сказалъ второпяхъ мимоходомъ безмолвному
Яну

И, обратившись къ гиганту Тилану, который, безцѣльно
Факель горящій схвативъ, направлялся къ дверямъ, онъ
рукою

Остановилъ великана. „Пойдемъ-ка дружище со мною!“

Тихо сказалъ онъ ему, и, кивнувши въ отвѣтъ головою,
Молча пошелъ тотъ за нимъ.

Вотъ спустились они въ подземелье,—
Въ темный, обширный подвалъ, гдѣ оружія складъ былъ
устроенъ:

Павцыри, племь, мечи, исподивскія бомбы и ядра,
А по срединѣ стояла огромная черная бочка.

Бъ ней подошелъ Лилсъ Ванъ Стратенъ, приподнялъ тя-
желую крышку

И, заглянувши въ нее, улыбаясь промолвилъ Тилану:

„Знаешь ли, что совершить съ королемъ нашимъ злобный
епископъ,

Если онъ въ лапы къ нему попадется? Мнѣ это извѣстно

И я открою тебѣ: здѣсь въ Мюнстерѣ онъ не оставитъ

Камня на камнѣ, а тѣхъ кто случайно останется цѣлымъ

Въ гибели общей, предастъ палачамъ, и они всѣ погиб-
вуть:

Пламень костровъ ихъ пожретъ и мечъ кровожадный из-
рубить!

Яву же нашему онъ приготовилъ иное мученье:

Кожу сдеретъ онъ съ него и его благородное сердце

Вырветъ клещами изъ груди!“

Нахмуясь, внималъ ему Тиланъ

И, задрожавъ, закричалъ съ угрожающимъ, дикимъ порывомъ:

„О, такъ скорѣе навверхъ, къ королю! ему нуженъ защит-
никъ;

Я охраню его жизнь, а епископа черель на части

Молотомъ я разнесу!“—Но Ванъ Стратенъ сказалъ испод-
лину:

„Стой, мой доблестный Тиланъ! теперь ужь безсилень твой
молоть,

Онъ короля не спасетъ! Но за то здѣсь вдвоемъ мы съ
тобою

Можемъ епископу славно за все отомстить. Посмотри-ка,

Сколько оружія здѣсь, а вотъ съ порохоми бочка,—ужели

Тутъ ей безъ пользы стоять? Подойди-ка сюда, посмотри-ка,

Только съ огнемъ осторожнѣй!“ И съ хохотомъ дикимъ
прибавилъ,

Бъ бочкѣ его подвоя: „осторожнѣй съ огнемъ, говорю я,

Иначе, другъ, ты епископу скверную штуку устроишь:

Мигомъ на воздухъ взлетать и дворець, и король, и лалисты,

А у епископа желчь разовется съ досады и гора
Что не полагъ ему въ дала Сиона король на потѣху!"

Такъ говорилъ Лилсъ Вязъ Стратень, а самъ хохоча
какъ безумный

Къ бочкѣ толкалъ великанъ, и дико подъ сводомъ подвала
Хохотъ его раздавался... Но вдругъ онь умокъ подъ рас-
катомъ

Страшнаго грома, и взрывъ, какъ въ жерѣ раскаленномъ
волкана,

Съ грохотомъ своды разнесъ и, объятые пламенемъ ярымъ,
Рухнули стѣны дворца...

Но до взрыва, который внезапно
Мюнстера зданья потрясъ, во дворцѣ, при всеобщемъ смя-
тенѣ,

Крептивгъ проснулся отъ шума; онь мутными смотритъ
глазами

И, на короны не вида, на скиптра, пришелъ въ раздраженье,
Ищетъ онь ихъ и увидя спокойно стоящаго Яна,

Вообразилъ что онь снова ихъ отнял и спряталъ, и съ
гнѣвомъ

Дерзко къ нему приступилъ, кулаками ему угрожая,
Но два громадные пса поднялись и съ неистовымъ лаемъ
Бросились вдругъ на него и на части его растерзали...

Некогда было смотрѣть на кровавое зрѣлище: въ залу
Вдругъ ворвались непріатели... Въ это мгновенье раздался
Грохотъ ужаснаго взрыва; земля задрожала подъ нима.
Съ трескомъ обрушились своды и стѣны и все что тутъ
было:

Всѣ драгоценности замка, лалисты проникшіе въ залу,
Сомъ лировавшихъ гостей и веселыхъ прелестницъ—мгно-
венно

Скрылось, погасло навѣкъ подъ дымящейся грудой разва-
линь...

Но будто чудомъ остался Сиона король невреди-
мымъ:

Онь оглушенный ударомъ улизъ и лишился сознанья;
Рухнувшій сводъ потолка, точно крыша могильнаго скаела,
Плотно сомкнулся надъ нимъ, и когда возвратилось со-
знаанье

Бъ Яву и онъ приподнялся,—кругомъ въ темнотѣ непроглядной,
 Точно лишенный очей, ничего онъ не видѣлъ и думалъ:
 „Гдѣ я? ужели я умеръ или заживо брошенъ въ могилу?“
 Нѣтъ, вотъ и мечъ его съ нимъ и рука упирается въ стѣну.

Вдругъ его чьи-то схватили горячія, мощныя руки
 И потащили сквозь мракъ и тяжелый удушливый воздухъ,
 Дальше и дальше влекутъ его... Люди ли это или духи
 Мрачныя ада? Но вотъ на лавиты пылавшія Ява
 Вѣтеръ прохладный повѣялъ. И вдругъ тѣ же самыя руки
 Крѣпко связали его и къ коню привязали; онъ слышитъ
 Ржанье и топотъ копей среди сумрака ночи безлунной.
 Чу! загремѣли мосты подъ копытами ихъ и несутся
 Дальше и дальше они по хрустящей песчаной полянѣ:
 Чу! прогремѣлъ по камнямъ потокъ и олять все затихло,

И не слышать ничего кромѣ конскаго топота въ полѣ.
 Дальше все мчатся они съ быстротою гудящаго вѣтра.
 Чу! захрустѣла трава подъ ногами копей, зашумѣли
 Листья деревьевъ,—то лѣсъ, и прохлада его охватила
 Ява и чувствуетъ онъ что съ коня его бережно сняли
 И завязавши глаза повели сквозь лѣсную трущобу;
 Птицы ночныя, порхая, кричатъ надъ его головою.
 Скоро ли кончится луть? Его сердце волнуется тревога.
 Вотъ онъ одинъ среди скалъ, съ его глазъ упадаетъ ловазка:

Онъ оглянулся кругомъ, его взоръ ослабѣло сіянье,
 Это не мѣсяцъ, не звѣзды, но розовый свѣтъ изъ лещеры,
 Сводомъ локрывшей его и сверкающей блескомъ кристалловъ.

Что это? горнаго духа жилище, твореніе громовъ?
 Гротъ ли богини лѣсной?—Вотъ съ роскошнаго ложа поднявшись,

Бъ Яву подходитъ она улыбаясь и онъ, изумленный,
 Слова узнавъ въ ней Дивару. Съ досадою онъ и съ презрѣньемъ

Прочь отъ нея отшатнулся. „Скажи мнѣ—вскричалъ онъ ей,—гдѣ я?“

Что отъ меня тебѣ нужно? Пусти! меня сводъ этотъ давить!“

Но съ обольстительной лаской взявъ за руку Яна,
Дивара

Вывела вонъ изъ пещеры и онъ изумился, увидя
Мѣсто знакомое въ Давертѣ: ту же скалу, на которой
Нѣкогда онъ съ Маттисономъ стоялъ у лѣснаго каскада,
Гдѣ онъ впервые услышалъ слова посвященья, гдѣ ста-
рецъ

Подный священнаго пыла подъ пологомъ звѣзднаго неба
Юношу вновь окрестивъ солричислилъ къ союзу свобод-
ныхъ,

Чистыхъ Сіона сыновъ, поборниковъ правды и блага...
Вотъ и телерь, какъ тогда, надъ его головою сіяетъ
Звѣздное небо и съ шумомъ качаютъ вершинами сосны,
Вотъ и телерь какъ тогда онъ стоитъ на вершинѣ утеса,
Но не съ пророкомъ свѣдимъ, а съ его молодою жемою, —
Два величавые образа въ свѣтѣ луны серебристомъ
И средь безмолвія ночи звучить такъ таинственно хрил-
лыи

Говоръ лѣснаго потока, летящаго въ бездну съ утеса...
Къ юношѣ, вѣжно ласкаясь, сказала съ улыбкой Ди-
вара:

„Милый! доволенъ ли ты? Ужъ давно приготавлилъ былъ
мною

Ходъ изъ дворца подъ землю: мои приближенные знали
Тайну его и въ одномъ изъ невѣдомыхъ Даверта гротовъ
Этотъ пріютъ намъ заранѣ устроили, тихій, надежный.
Вотъ посмотри, какъ сіяетъ въ ущельѣ роскошная зала,
Будто ее здѣсь устроили гномы для горнаго духа,
Ихъ властелина. Мы здѣсь пріутимся съ моею дружиной,
Знай что сюда я свезла драгоценности все изъ Сіона:
Здѣсь золотые уборы, сосуды, брилліанты и жемчугъ;
Даже корона и скипетръ твои при тебѣ остаются,
Въ этой надежной пещерѣ мы можемъ остаться, доколѣ
Станутъ свободны пути, чтобъ могли мы уйти за границу,
Въ край отдаленный, цвѣтущій, гдѣ снова дворецъ мы по-
строимъ

И наслаждаться въ немъ будемъ любовью и счастьемъ
жизни!“

Такъ говорила она съ обольстительной лаской; но гнѣвно,
Съ грозно пылающимъ взоромъ ее оттолкнулъ онъ, вос-
кликнувъ:

„Прочь отъ меня! удались, чародѣйка, исчадіе ада!
 Чары твои ужь однажды меня побѣдили при жизни,
 Но передъ смертью меня побѣдить имъ теперь не удастся!
 Въ чистому свѣту душой воспарю я, оставивъ во мракѣ
 Вѣстѣ съ тобою и то что меня запылаало при жизни!
 Прочь! удались отъ меня! Я хочу умереть одинокимъ!“
 Омъ, отвернувшись, пошелъ отъ нея; но она въ изступлен-
 нѣ

Сильной рукою схватила его; расширенныя очи
 Вспыхнули дикимъ огнемъ, рассыпались черныя кудри
 И демонической прелестью чаръ поражааь ея образъ...

„Прочь отъ меня!“ повторилъ омъ, и взоръ его вспыхнулъ
 угрозою.

„Прочь! ты страшна для меня, какъ тотъ мрачный, губи-
 тельный демонъ,
 Что сокрушилъ, уничтожилъ надежды и счастье Сіона!
 Не простирай ко мнѣ, женщина, рукъ своихъ съ ласкою
 вѣжливой:

Дьявола когти на нихъ! омъ силится съ завистью адскою
 Рвать и губить на землѣ всѣ цвѣты благодати небесной!
 Мнѣ отвращенье внушаетъ улыбка твоя,—въ ней я вижу
 Дьявола злую насмѣшку надъ слабостью рода людскаго;
 Въ темныхъ глазахъ твоихъ вижу я мракъ хаотической
 ночи,

Вѣчной той ночи, которая съ злобой убійцы глотаетъ
 Каждый едва возникающій лучъ благотворнаго свѣта!
 Прочь отъ меня!“

Омъ пошелъ, но она въ раздраженнѣ безумномъ
 Ставъ схватила его, какъ змѣя его сжала въ объятыхъ,
 Силась его удержать... И борьба началась роковая.
 На освѣщенномъ луною утесѣ, у края обрыва
 Борется Янъ съ изступленною, владѣющею дивною силою,
 Какъ съ духомъ тьмы преисподней духъ вѣчнаго свѣта
 прекрасный.

Омъ ощущаетъ въ себѣ исполинскую силу, и точно
 Горный орелъ, недовольный напрасной борьбою съ шака-
 ломъ,

Гдѣ на землѣ ему все представляетъ защиту, онъ быстро
 Въ высь поднимаетъ его и оттуда бросаетъ на скалы:
 Такъ поднимаетъ Дивару и Янъ надъ собою, и восклик-
 нувъ:

„Сгибни во мракъ ущелья, дочь мрака!“ съ вершины утеса
Сбросилъ ее въ глубину, и шумящія воды потока
Привяли съ радостнымъ ласкомъ и лѣвой добычу ущелья...
Но отъ скалы прогудѣло по лѣсу какъ будто стеланье;
Вѣтеръ завылъ межъ деревьевъ; крикъ филина дико раз-
дался

И стонъ болотныхъ дроздовъ отозвался ему изъ трясины...
Грудь облегчивъ себѣ вздохомъ, на чистое, звѣздное небо
Юноша взоръ устремилъ и сказалъ: „О сойди ко мнѣ свѣт-
лый,

Вселпримирающій ангелъ покоя и смерти! о, Тіланъ!
Какъ я тебѣ благодаренъ, что ты отточилъ мнѣ въ ущельѣ
Даверта мечъ, въ ту завѣтаую ночь, когда старецъ-мечта-
тель

Призвалъ меня для борьбы роковой, во высокой съ судь-
бою!

Мечъ этотъ былъ для меня цѣннѣй всехъ сокровищъ Си-
она,—

Онъ мнѣ одинъ лишь остался: нѣкогда имъ въ осаждаемый
Мірѣ покорить я мечталъ,—и теперь это время настало.
Не покорю я имъ міра того о которомъ я думалъ;
Но онъ отворитъ мнѣ двери иного и лучшаго міра!...“
И поднимаетъ онъ мечъ, а другою рукою срываетъ
Съ груди покровы; но вдругъ изъ-подъ складокъ одежды
на землю

Падаетъ желтая почка засохшей хранимой имъ розы...
Тронутый видомъ ея, онъ ее поднимаетъ, цѣлуетъ.
„О, мимолетный мой сонъ! О, мигъ безконечнаго счастья!“
Такъ говоритъ онъ,—„ты будешь моею послѣднею думой.
Этотъ блаженства мнѣ часъ искупаешь всей жизни стра-
данье.

Гилла! утративъ тебя, я утратилъ въ душѣ упованье
И на себя самого, и на міръ, и на все что высоко
И благородно на немъ! Но съ этой засохшею почкой,
Ставшей жемчужиной твердой, ко мнѣ возвращается вѣра
Въ вѣчное, высшее счастье, и съ этой отрадною думой
Кинусь спокойно въ объятія всепримирающей смерти!“
Такъ онъ сказалъ, и опять его взоръ обращается къ небу,
Гдѣ по вѣтру несется гряда облаковъ бѣлоснѣжныхъ,
Вьются, крутятся они и летятъ, обгоняя другъ друга,
Точно рой духовъ безплотныхъ, враждующихъ между собою.

Явз какъ восторженный смотритъ на нихъ. „Послѣ грозныхъ сраженій,—

Такъ повѣствуетъ сказанье,—борьба продолжается въ небѣ“,
Она говоритъ, „такъ, быть-можетъ, и брань сіонитовъ земную
Духи теперь продолжаютъ вести въ безраздѣльномъ зѣврѣ.
Какъ и когда она кончится—кто это можетъ повѣдать?
Грохотъ орудій земныхъ, звонъ мечей—лишь ничтожные
звуки:

Только лишь битва безлютныхъ судьбу человечества въ мирѣ
Можетъ рѣшить! Такъ кончайте, о духи, великую битву
Мысли высокой Сіона, кончайте любовно, чтобъ снова
Неомраченная грязью земною, она возсіяла
Ярко надъ міромъ! А намъ, утомленнымъ борьбою,
Смертнымъ, ничтожнымъ бойцамъ, ослабѣвшимъ отъ ранъ
и скитанья,

Дайте отраду покоя въ безмолвномъ святилицѣ смерти!“

Мечъ звизгнулъ и блеснулъ, и при первомъ мерцаньи
разсвѣта

Жизнь молодая, цвѣтущая, въ дикой пустынѣ угасла!
Такъ удалася изъ міра борьбою съ судьбой утомленный
Лейденскій юноша Явз, король перекрещенцевъ дивный.

Вотъ загорѣлся востокъ, и багровое пламя разсвѣта
Облело Мюнстера башни; въ туманѣ кровавое небо;
Улицы залиты кровью, и тихо кровавыя волны
Аа несутьъ черезъ городъ окровавленные трупы...
Сгибли Сіона бойцы! Тамъ свирѣлый ландскнехтъ, ухвативши
Волосы анабалтиста, пронзаетъ его и бросаетъ
Съ хохотомъ, тамъ изъ окна низвергаютъ другаго на колья.

.....
Мѣсяцъ проходить, и въ Мюнстерѣ все повенному
затихло.

Всѣмъ пережившимъ тревогу и ужасы грозной ссады
Сномъ лишь казалось минувшее; жизнь повседневная гра-
жданъ

Стихла отъ бури и вновь потекла своей прежней стезею;
Гражданинъ каждый спокойно идетъ совершать свое дѣло;
Ратуши площадь какъ прежде кипитъ суетливою толпою.
Тутъ, на ступеняхъ, какъ прежде, забытая смертью старуха
Сгорбясь сидитъ и бормочетъ слова изъ молитвы Господней:
„Царство Твое да приидетъ“ и „насъ не введи въ иску-
шенье!“

Мѣсяцы, годы промчались, и въ мюнстерскихъ храмахъ,
какъ прежде,

Предъ алтарями и съ каедръ монахи вѣщаютъ къ народу,

И съ умиленьемъ внимають толпа ихъ словамъ поученья.

Мюнстера церкви и граждане чтять торжествомъ ежегод-
нымъ

День тотъ въ который еписколъ вступилъ въ его стѣны
съ побѣдой.

И съ содроганіемъ внуки читають въ листахъ пожелтѣвшихъ

Страшную повѣсть ихъ дѣдовъ, едва лостигаая теперь

Какъ совершиться могло это все въ отдаленные годы...

Но возвратится то время, когда все забытое снова

Приметь значенье, и муза его воззодасть передъ нами;

И на лотокѣ время, отражающемъ вѣчныя звѣзды,

Явится музы челнокъ, колыхаемый вѣтромъ и бурей,

И средь буруна на немъ—король лучезарный Сіона.

Ө. МИЛЛЕРЪ.

НАВОЖДЕНИЕ *

XXIV.

Поселясь съ поступленіемъ въ университетъ у насъ, Ваня Рамзаевъ оказался большимъ мастеромъ достигать своихъ цѣлей: мама видѣла въ немъ превосходнаго юношу, вдобавокъ еще очень ей полезнаго въ исполненіи разныхъ мелочныхъ порученій. Всѣ наши домохадцы были отъ него безъ ума даже Софья Ивановна и Бабелина не распространяли на него своей ненависти. Онъ давалъ уроки дѣтямъ, и мама ему хорошо платила. Онъ былъ вѣчно завитымъ, раздушеннымъ франтомъ. Я не разъ встрѣчалъ его раздѣжающимъ на лихачахъ; къ нему являлись франты-товарищи; онъ часто выѣзжалъ куда-то вечеромъ и возвращался очень поздно.

Потомъ оказалось что онъ кутитъ и играетъ въ карты, и одинъ разъ мама пришлось заплатить за него довольно крупную сумму его проигрыша.

Наконецъ случилась одна очень странная исторія: у мама изъ ея спальни пропалъ бриліантовый фермуаръ и портфель съ деньгами. Сначала было поднялся изъ-за этого большой шумъ, но на слѣдующій день мама вдругъ всѣмъ объявила что ни на кого не имѣетъ подозрѣнія и чтобъ объ этомъ дѣлъ больше никто не говорилъ у насъ въ домъ.

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 10й.

— Да что жь, развѣ брилліанты нашлись? спрашивали ее.

— Нѣтъ, не нашлись, но я прошу васъ всёхъ оставить это: я никого не подозреваю.

Это было сказано при мнѣ, и я видѣлъ изъ лица мама что она совсѣмъ растеряна и чѣмъ-то мучится.

Ваня все это время былъ какъ ни въ чемъ ни бывало, больше остальныхъ волновался и стремался разыскивать вещи: предлагалъ даже сѣздить къ оберъ-полицеймейстеру. Но послѣ словъ мама вдругъ притихъ и никогда потомъ не заговаривалъ объ этой исторіи.

Меня все это поразило, и главнымъ образомъ поразило то что мама какъ-то особенно гадѣла на Ваню и весь этотъ день вздрагивала каждый разъ когда онъ подходилъ къ ней.

Наконецъ я не утерпѣлъ и, учувивъ удобную минуту, приближалъ къ ней, залеръ за собою дверь и сказалъ:

— Мамочка, ради Бога признайся мнѣ, отчего ты не велишь говорить о пропавшихъ вещахъ и деньгахъ? Послушай, я все понимаю, скажи мнѣ... Если ты хочешь, я никому ни словомъ однимъ не заикнусь, скажи мнѣ: ты думаешь что укралъ ихъ Ваня?

Мама вздрогнула и послѣшню закрыла мнѣ ротъ рукою.

— Молчи, молчи, какъ тебѣ не стыдно выдумывать такіе вздоры! На какомъ основаніи? Развѣ ты самъ что-нибудь видѣлъ, знаешь?...

— Я ничего не видѣлъ и ничего не знаю, я только догадываюсь.

— Такъ видъ можно догадываться и ужасно ошибаться. Если ты любишь меня, то прошу тебя выбросить все это изъ головы... Понимаешь ли ты что такое значить обвинить человека въ такой вещи? Можно обвинять только тогда когда видѣлъ своими глазами. А ты вдругъ обвинишь, вдругъ тебѣ покажется, и потомъ выйдетъ что ты обманулся; что жь тогда будетъ? Какой ты страшный грѣхъ возьмешь себѣ на душу. Боже мой! Да если такое подозрѣніе приходитъ въ голову, такъ это наказаніе; отъ этого подозрѣнія нужно отдалиться. Ахъ, André, ради Бога не думай что я подозреваю Ваню. Еслибы даже я подозревала, то мнѣ было бы стыдно за свое подозрѣніе...

— Мама, но что жь дѣлать, если есть подозрѣніе? Что жь дѣлать, если вотъ явилось такое убѣжденіе? Послушай, я на-

блюдавъ за нимъ, знаешь, можетъ-быть ты не замѣтила, вѣдь онъ какъ-то теперь не глядитъ тебѣ въ глаза, какъ будто не смѣетъ взглянуть,—замѣтила ли ты это?

Мама вздохнула и послѣшво прошептала:

— А ты развѣ замѣтила?

— Да, я замѣтила, я теперь невольно за нимъ наблюдаю.

— Ахъ, оставь это, оставь это, мой милый! Еслибы даже... еслибы даже это было... такъ я не хочу ничего знать, мнѣ не нужно доказательствъ, это было бы такъ ужасно!..

Она отвернулась отъ меня, быстро прошла по комнатѣ и затѣмъ олять, подойдя ко мнѣ, прижала меня къ себѣ и проговорила:

— Умоляю тебя, ради меня, молчи обо всемъ этомъ и никогда никому не говори ни слова.

— Если ты хочешь, хорошо, отвѣтилъ я и вышелъ отъ нея.

Но все же я никакъ не могъ выгнать Ваню изъ вида и все наблюдалъ за нимъ. И я видѣлъ потомъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, какъ онъ избѣгалъ взглядовъ мама, какъ онъ жася все въ ея присутствіи, хоть и глядѣлъ на всѣхъ самымъ веселымъ, даже черезчуръ веселымъ взглядомъ.

XXV.

Дѣло было къ лѣту. Черезъ мѣсяць по окончаніи экзаменовъ онъ уѣхалъ въ деревню къ своей матери, а затѣмъ переехалъ почему-то въ Петербургскій университетъ и ужъ къ намъ не показывался.

Я снова съ нимъ встрѣтился въ Петербургѣ, по окончаніи курса.

Конечно, я самъ его не разыскивалъ и не желалъ возобновленія нашихъ сношеній; но онъ ко мнѣ явился какъ къ старому другу, съ пламенными объятіями, съ восторженными фразами о томъ какъ онъ радъ что у него теперь будетъ близкій человекъ въ Петербургѣ. Онъ сразу совсѣмъ заговорилъ меня, не умолкая разказывалъ мнѣ о своей жизни, о томъ какъ онъ служить, какія у него багородныя лобужденія, какъ онъ борется со зломъ, какъ его ненавидятъ дрян-

ные людшки и всюду стараются подставить ему ногу, но какъ онъ не унываетъ и идетъ впередъ, къ достиженію высокой цѣли: занять видное положеніе въ служебномъ мѣрѣ и пользоваться этимъ положеніемъ для блага отечества.

Я совершенно одурѣлъ отъ этой трескотни и былъ очень радъ когда онъ наконецъ выложилъ все предо мною и удалился. Я думалъ теперь о томъ что поставленъ въ затруднительное положеніе. Чтò мнѣ дѣлать? Продолжать съ нимъ сношенія мнѣ не хотѣлось, а съ другой стороны я отлично понималъ что отдѣлаться отъ него мнѣ будетъ весьма трудно. Къ тому же я связанъ былъ давнымъ мною мамою обѣщаніемъ никогда и никому не разказывать прошлаго и остерегаться вредить ему.

„Я вовсе не требую, говорила мнѣ мама предъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, чтобы ты былъ его другомъ, чтобы ты искалъ съ нимъ сближенія; но если ты съ нимъ встрѣтишься, если онъ начнетъ бывать у тебя, то не отвертывайся отъ него, не оскорбляй его. Во всякомъ случаѣ, если то и было (а она отлично знала что то дѣйствительно было—потомъ явились этому сильныя доказательства), если даже то и было, то вѣдь онъ могъ съ тѣхъ поръ совершенно измѣниться, могъ раскаяться и загладить свою вину. А не согрѣшишь—не спласнешь!“

И вотъ я постарался побѣдить въ себѣ отвращеніе которое къ нему неволью чувствовалъ, постарался проникнуться взглядомъ мамою и смотрѣть на него какъ на человѣка спасающагося раскаяніемъ.

Я возвратилъ ему визитъ и засталъ его въ очень комфортабельной обстановкѣ. Онъ дѣйствительно прекрасно устроился на службѣ, искусно обдѣлывалъ свои дѣлашки и жилъ припѣваючи. Онъ повидимому обрадовался моему посѣщенію и затѣмъ сталъ ко мнѣ весьма часто являться; постоянно старался о томъ чтобы веселить меня, расширять кругъ моихъ знакомствъ; чуть не насильно возилъ меня къ своимъ знакомымъ и каждый разъ обстоятельно разказывалъ мнѣ какимъ образомъ и чѣмъ эти люди могутъ мнѣ пригодиться въ жизни.

Теперь я понимаю зачѣмъ я ему былъ нуженъ. Во первыхъ, ему хотѣлось предо мною и предъ мамою показать что у него чиста совѣсть, что онъ меня не избѣгаетъ и ничего не боится, а потомъ ему еще и другое нужно было. Онъ

въ душѣ меня ненавидѣлъ, ненавидѣлъ съ того самаго времени, съ той самой минуты какъ онъ превратился для меня изъ прекраснаго, волшебнаго Вани въ маленькое жалкое существо. Этой минуты никогда онъ не могъ простить мнѣ, но еще больше, конечно, не могъ простить того что я зналъ исторію пропавшихъ брилліантовъ и портфеля, а что я зналъ все это, онъ не могъ не догадываться. И вотъ ему нужно было такъ или иначе отмстить мнѣ, а средства мести у подобнаго человѣка какія же могли быть какъ не самыя мелкія и грязныя. Да, потомъ я все появлялъ и узнавалъ!... Онъ вводилъ меня въ какой-нибудь домъ только затѣмъ чтобы при удобномъ случаѣ очернить въ этомъ домѣ, чтобы разстроить каждое мое отношеніе къ людямъ.

О, я долго не зналъ какого врага въ немъ имѣю, но все же кое-о-чѣмъ ужъ могъ догадываться. Къ тому же сразу увидѣлъ какой это дѣятель на пользу ближняго: я узнавалъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ о его службѣ—конечно, это былъ мелкій интриганъ и ничего больше.

Его частыя посѣщенія и вѣчное слутничество мнѣ изрядно надоѣдали. Я началъ всячески избѣгать его. Думалъ что и у Зины не стану съ нимъ встрѣчаться, а между тѣмъ вотъ онъ ужъ и здѣсь и чувствуетъ себя какъ дома...

XXVI.

Зачѣмъ они всѣ здѣсь? Чтѣ это за друзья такіе, откуда эта дружба?!.. Рамзаева Зина ужъ у насъ не застала и познакомилась съ нимъ потомъ, случайно, гдѣ-то на югѣ Россіи. Александра Александровна, которая въ Зинино время оканчивала курсъ въ пансіонѣ, являлась къ намъ только по праздникамъ и на Зину не обращала никакого вниманія какъ на дѣвчонку,—а теперь вдругъ оказалась большимъ ея другомъ....

Зачѣмъ эти люди нужны были Зинѣ, я поять не могъ, но мнѣ сразу показалось что именно они ей нужны и что ихъ постоянное присутствіе не простая случайность. Конечно, еслибы Зина захотѣла, она бы могла удалить ихъ всѣхъ, могла бы настроить генерала; но она не хотѣла этого, и сама была съ ними чрезвычайно любезна, и генералъ встрѣчалъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ.

Когда бы я ни пришелъ, я всегда могъ быть увѣренъ что найду компанію въ полномъ сборѣ. День за днемъ могъ я наблюдать ихъ времяпровожденіе, и мнѣ становилось невыносимо отъ этихъ наблюденій.

Александра Александровна, когда была пансіонеркой, вѣкъ намъ казалась добренькою и хорошенькою барышней; теперь же она превратилась Богъ знаетъ во что. Она, несмотря на то что ей еще не было и тридцати лѣтъ, ужъ начала бѣлиться и румяниться, необыкновенно себя взбивала волосы, носила самые кричащіе туалеты; казалось вся цѣль ея жизни состояла только въ томъ чтобы лежать на диванѣ или кушеткѣ, болтать ножкой и обмахиваться вѣеромъ. Изъ этого положенія она выходила только для ѣды и карточного стола: въ карты могла играть по двѣнадцати часовъ сряду.

Мужъ ея представлялъ собою нѣчто совсѣмъ отвратительное. Волервыхъ, никто иначе и не могъ его себя представить какъ „мужемъ Александры Александровны“. Право, откровенно говоря, я и теперь не знаю навѣрное какъ его звали: Николай Филипповичъ или Филиппъ Николаевичъ. Хотя у него на перстняхъ и брелокахъ и были вырѣзаны фамиліные гербы, но я сильно подозреваю его происхожденіе; по крайней мѣрѣ лицо у него было совершенно жидовское: толстое, обрюзглое, съ черными, масляными и заслянными глазами. Вѣчно примазанный, онъ умѣлъ только улыбаться и какъ-то мычать, тряся головой. Какую печальную роль онъ игралъ относительно жены, это сразу бросалось въ глаза каждому: онъ былъ у нея на лосмакахъ и жилъ на ея счетъ.

Какъ-то мнѣ пришлось, по порученію Зины, заѣхать къ нимъ; я увидѣлъ обстановку очень безвкусную, но съ большими претензіями на роскошь. Откуда же взялось все это? Я зналъ что у Александры Александровны очень маленькія средства и что мужъ ея нигдѣ не служитъ и ровно ничего не дѣлаетъ. Но тутъ былъ „Мими“, которому родители оставили тысячу около двадцати годового дохода, и этотъ Мими всюду и неотступно слѣдовалъ за Александрой Александровной. На его-то деньги и была создана и поддерживалась вся эта обстановка.

Потомъ я даже подмѣчалъ какъ мужъ Александры Александровны иногда что-то такое шепталъ ему. Тогда Мими дѣлалъ кислую гримасу, но тѣмъ не менѣе отходилъ въ уголъ, вынималъ что-то изъ кармана и передавалъ „мужу“. Тотъ

самодовольно мычалъ и затѣмъ возвращался къ обществу съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства.

Обо всемъ этомъ безобразіи я какъ-то говорилъ съ Зивой. Я замѣтилъ что ей вовсе не слѣдовало бы принимать подобныхъ людей, но она только засмѣялась.

— Мнѣ-то какое дѣло! развѣ это ко мнѣ относится? Напротивъ, все это только смѣшно и смѣшнѣе, всего то что навѣрно они воображаютъ будто никто ничего не замѣчаетъ. Ахъ, это ужасно смѣшно! Помнишь, когда я пріѣхала, Мими явился ко мнѣ, былъ у меня два раза одинъ, а затѣмъ вдругъ послѣдовало появленіе Александры Александровны съ супругомъ. И теперь какъ только Мими здѣсь такъ и они непременно; понимаешь что это значитъ? Она ужасно боится что я отвишу у нея Мими,—ну и конечно должна быть тутъ и свидѣть за нимъ по латамъ. И какъ она меня ненавидитъ, какъ ненавидитъ — это прелесть! Право, я иногда развлекаюсь не мало!...

— Ну, а Коко, а Рамзаевъ зачѣмъ тебѣ нужны?

— Коко мнѣ нуженъ за его глупость. Знаешь ли ты что я люблю такихъ глупыхъ людей: это не простая глупость, простой глупости много на свѣтѣ, она ходитъ себѣ тихонько, и самая она скучная вещь, какая только можетъ существовать. Но эта глупость другого рода, эта глупость съ трескомъ, съ аллобомъ, глупость самонадѣянная, думающая что все ей по плечу и по карману... Коко за мной ухаживаетъ,—я не знаю чего онъ хочетъ: жениться на мнѣ что ли, или такъ просто, это ужъ его дѣло, только онъ ухаживаетъ отчаянно....

— Зачѣмъ же ты его не прогонишь?

— Вотъ вздоръ какой—прогонять! Я бы его прогнала конечно, есаубъ онъ на меня не обратилъ никакого вниманія, потому что тогда бы онъ былъ скученъ, но теперь онъ забавенъ. Я могу дѣлать изъ него что хочу, я могу подвигнуть его на всевозможнѣйшія нецѣлости! Знаешь ли, вчера мы съ Александрой Александровной и съ генераломъ сдѣлали ему визитъ—посмотрѣть какъ онъ живетъ, а главное—посмотрѣть его собакъ, у него три бульдога, необычайной свирѣлости; такъ вотъ пріѣхала я къ нему. Все у него очень мило: прелестная холостая квартирка. И начинаю я на все дѣлать гримасы. Что бъ онъ ни показалъ мнѣ,—онъ все показываетъ и всѣмъ восхищается и обозначаетъ всему цѣну,—я гримасни-

чаю, все мнѣ не нравится. Я ему и говорю: „Никогда въ жизни не видала я такой противной обстановки; у васъ нѣтъ никакого вкуса, все это никуда не годится.“ „Господи, говорить, да что же нужно? Какую же нужно обстановку? Что же нужно переменить по вашему мнѣнію?“ Я ему и начала объяснять что нужно переменить, то-есть все. „Давайте бумаги, я вамъ запишу“, и записала. „Да; но если мнѣ теперь все это сдѣлать, такъ вѣдь для такой обстановки моихъ средствъ не хватитъ“, печально замѣтилъ Кoko (знаешь ли, онъ вѣдь ужасно скулъ, хоть и скрываетъ это.) „Конечно, говорю, каждый долженъ жить по средствамъ, только я вамъ скажу одно: никогда больше вы меня не увидите ни подъ какимъ предлогомъ въ этой вашей скверной квартирѣ. Хоть бы весь Петербургъ собрался у васъ, а меня не будетъ. А вотъ если бы вы сдѣлали все такъ какъ я вамъ говорю, то я бы у васъ была на новосельи и обѣдала бы даже у васъ...“ Что жъ бы ты думалъ: сегодня прѣзжаетъ и объявляетъ что на дняхъ продаетъ всѣ свои вещи и все дѣлаетъ по моему! Сколько онъ долженъ былъ выстрадать до тѣхъ поръ пока рѣшился, и сколько ему еще предстоитъ страданій! Ну, развѣ это не весело?

Отъ этого разговора мнѣ сдѣлалось грустно. Въ это послѣднее время хотя у Зины и прорывались иногда смущающія меня фразы, но все же я еще полонъ былъ обаянія нашей встрѣчи, а теперь что жъ, развѣ это не прежняя Зина?

— Чего ты нахмурилася, André? вдругъ спросила она, подходя ко мнѣ.

— Есть чего нахмуриться; тутъ, я замѣчаю, на тебя повѣяло какимъ-то старымъ, сквернымъ воздухомъ. Ты измѣнилася, ты не та была когда прѣехала.

— А, ты хочешь сказать что опять во мнѣ обманулся, ты хочешь сказать что я опять прежняя Зина,—та, ваша, московская? Да, пожалуй что такъ, я не скрываюсь, такая какъ есть, вся тутъ предъ тобою. Нравится тебѣ — очень рада; не нравится — что жъ мнѣ дѣлать, не могу я измѣниться! Прошу тебя объ одномъ только: пожалуста не фантазируй, не придавай каждому моему слову важнаго значенія. Право, это гораздо проще чѣмъ ты думаешь; не всегда же жить только внутри себя, не всегда же искать одного только хорошаго и свѣтлаго; нужно и къ жизни возвратиться!

— Къ жизни; да, да, непременно, перебилъ я,—но развѣ это жизнь?

— А то что жь? Это-то, голубчикъ, и есть настоящая жизнь; вся наша телерешная жизнь такая: вездѣ тутъ, а можетъ-быть и на всемъ свѣтѣ, только и есть что Мими да Коко, да Александры Александровны, только подъ разными именами, да съ различнымъ вѣшнимъ видомъ, а въ сущности... ахъ, въ сущности одно и то же!... Пстой, погоди, не перебивай меня, я хочу досказать. Вѣдь ты меня спрашивалъ еще зачѣмъ мнѣ Рамзаевъ?... Но развѣ ты не видишь что Рамзаевъ-то ужъ непремѣнно интереснѣе прочихъ. Въ немъ есть что-то недосказанное, и мнѣ иногда кажется что отъ него можно ожидать чего-нибудь очень большаго, только конечно не въ хорошую сторону, а вѣдь такіе люди интересны!

— Отъ такихъ людей нужно подальше во всякомъ случаѣ, замѣтилъ я.

Зина встала со своего мѣста и покачиваясь, посмѣиваясь, оставовилась предо мною.

— Подальше!... Тебѣ бы, конечно, хотѣлось чтобъ я была подальше ото всѣхъ, чтобъ я удовольствовалась только однимъ твоимъ обществомъ, и знаешь отчего это? Потому что ты ужасный эгоистъ и деспотъ; ты хочешь всю власть сосредоточить въ рукахъ своихъ... И тебя проучить нужно, проучить нужно для твоего же блага. Да и потомъ, подумай хорошенько, было ли бы тебѣ лучше еслибъ я окружила себя людьми серьезными, достойными и т. д.? Ну, да, да, ты скажешь что лучше было бы, только я тебѣ не повѣрю. И ты самъ ошибаешься: тебѣ было бы тогда гораздо хуже, а навѣрное это знаю, гораздо хуже бы тебѣ было! Слѣдовательно, успокойся и не волнуйся, только радоваться можешь, видя кто и что меня окружаетъ!

Она быстро вышла изъ комнаты и присоединилась къ компаніи...

XXVII.

Нѣтъ, она ошибалась: я искренно могу сказать теперь что мнѣ было бы несравненно лучше видѣть ее окруженною другимъ обществомъ. Не знаю, впрочемъ, можетъ-быть мнѣ и тяжело бы было уступить ее другимъ людямъ, какъ бы высоки мнѣ ни казались эти люди; но уступать ее *этимъ*, дѣлаться ею съ *этимъ* было невыносимо и обидно

и за себя, и за нее. Къ тому же я не могъ не видѣть какое неотвратимое и ужасное вліяніе производитъ на нее каждый новый день проведенный такимъ образомъ.

Въ первое время я заставлялъ ее обыкновенно то за чтеніемъ, то за игрой на рояли, то за какимъ-нибудь рисункомъ; въ нашихъ разговорахъ съ ея стороны постоянно былъ замѣтанъ какой-нибудь серьезный интересъ; я подмѣчалъ въ ней нѣкоторые болѣе или менѣе глубокіе вопросы, приходившіе ей въ голову безъ меня и которые она каждый разъ старалась рѣшать съ моею помощію. Теперь же не было ужъ никакихъ вопросовъ, не удавался ни одинъ интересный разговоръ: она очевидно совсѣмъ бросила свои книги, свою рояль; на ея этажеркѣ было всегда много пыла; она весь день слонялась изъ угла въ уголъ, какъ и всѣ слонялась...

И что за жизнь была у генерала въ домѣ! Вотъ я помню особенно одно воскресенье проведенное мною у нихъ съ утра до вечера.

Генералъ утромъ былъ у обѣдни, вернулся и принесъ ей просвірку. Къ завтраку собралась вся компанія. Коко описывалъ прелести новой купленной имъ собаки. Его братецъ Мими и Александра Александровна перебранивались изъ-за какой-то глупости. Рамзаевъ дивно, предлинно разказывалъ генералу о засѣданіи какого-то общества и конечно все вралъ, потому что не былъ на этомъ засѣданіи. Мужъ Александры Александровны только мычалъ и ѣлъ съ необыкновеннымъ аплетитомъ. Сама Зина вставала то туда, то сюда незначащія слова и перемигивалась со мною насчетъ компаніи.

Послѣ завтрака ушли въ гостиную. Александра Александровна съ мужемъ и генералъ сѣли за карты; Мими тоже къ нимъ присоединилась. Рамзаевъ сталъ перелистывать альбомы Зина бродила или вѣрнѣе металась изъ комнаты въ комнату, не зная за что приняться. Коко сѣдовалъ по пятамъ за нею, перебѣгалъ то на одну ея сторону, то на другую, нѣсколько разъ наступая на шлейфъ ея платья. И все это продолжалось вплоть до самаго обѣда. Подъ конецъ ужъ предъ обѣдомъ всѣ зѣвали, но слова оживились войдя въ столовую и приступивъ къ закускѣ.

За обѣдомъ была опять собака, засѣданіе и т. д., а вечеромъ снова карты, метанье по комнатамъ... Вотъ Зина открываетъ рояль, беретъ нѣсколько аккордовъ и отходитъ. Рам-

завсѣ подсаживается къ рояли, затягиваетъ фальшивымъ голосомъ шансонетку, но не кончаетъ ея, подходитъ къ Зинѣ и начинаетъ разказывать ей какую-то исторію, въ которой вретъ все отъ перваго до послѣдняго слова и которая ни ее, ни его самого никакимъ образомъ интересовать не можетъ... И всѣ курятъ папиросу за папиросой, сигару за сигарой, такъ что наконецъ дымъ начинаетъ ходить по большимъ комнатамъ, и всѣ ждуть ужина.

Но ужина я ужъ не дождался. Я простился часовъ въ одиннадцать и вернулся къ себѣ съ такою головой какъ будто весь день только и дѣлалъ что качался на качеляхъ.

Такъ проходилъ день за днемъ, недѣля за недѣлей; прошелъ мѣсяцъ, другой, третій — и сами собою рушились всѣ наши планы съ Зиной. Мы должны были подробно осмотрѣть Эрмитажъ, Публичную Библиотеку, музей — и ровно ничего не осмотрѣли. Каждый разъ когда я заговаривалъ объ этомъ, оказывалось все неудобно. Иногда я думалъ даже хоть бы въ театръ ее вытащить, все же лучше, но и въ театръ она рѣдко рѣшалась выѣхать, да и опять-таки если и ѣхала, то въ ложу съ компаніей. И во время представленія продолжалась та же жизнь: никто ничего не слушалъ и не видѣлъ, — передавались только скандальные слухи о томъ или другомъ изъ бывшихъ въ театрѣ знакомыхъ и полужнакомыхъ... Но, что всего ужаснѣе и отвратительнѣе — это то что я самъ начиналъ незаметно для себя все больше и больше погружаться въ эту тину. Меня тянуло чуть не каждый день къ Зинѣ, а попадавъ туда — мысли оставались, что-то давило, что-то вертелось предо мною и въ конецъ затуманивало мнѣ голову.

Возвращаясь домой, я хотѣлъ было уйти въ свою собственную жизнь и не могъ: все валилось изъ рукъ, все переставало интересовать, — думалось только о той безобразной жизни. Но изъ этой мучительной мысли не выходило никакого результата. Тутъ нечего было думать, тутъ нужно было дѣйствовать или ждать, когда все это кончится само собою. И вотъ я начиналъ задавать себѣ вопросы: когда оно кончится? и какимъ образомъ кончится? Повидимому ничто не предвѣщало близкой и благополучной развязки; повидимому вся компанія вполнѣ наслаждалась, всѣмъ легко дышалось, всѣ благодумствовали, и особенно благодумствовалъ генералъ.

Онъ самъ не разъ говорилъ мнѣ что съ прѣзвдомъ Зины освѣтилась его одинокая жизнь, что онъ никогда себя такъ хорошо не чувствовалъ какъ все это время. Не будь Зины, можетъ-быть онъ говорилъ бы иначе, но все что творилось въ ея присутствіи должно было ему казаться превосходнымъ; я знаю что для нея онъ жилъ даже нѣсколько иначе чѣмъ прежде, и отказался отъ многихъ своихъ привычекъ.

XXVIII.

Генералъ былъ человѣкъ совершенно одинокій: у него не было близкихъ родственниковъ, не было ни одного дорогаго человѣка. Почти съ дѣтства онъ выброшенъ былъ судьбою изъ семейства: родные его рано умерли, оставивъ ему значительное состояніе. Онъ былъ тогда въ корпусѣ, потому вышелъ въ офицеры. Способностями и быстрымъ соображеніемъ природа его не надѣлала, но за то въ замѣнъ всего этого дала ему очень красивую симпатичную наружность и пріятныя манеры. Онъ всегда былъ что называется добрымъ малымъ, способнымъ на всякія мелкія услуги ближнему, лишь бы только эти услуги не очень его тревожили. Еще въ корпусѣ товарищи любили его и исполняли за него всѣ работы: они знали что ихъ трудъ не останется безъ награды: богатый товарищъ всегда радъ былъ угостить ихъ на славу, сдѣлать имъ кое-какіе подарочки.

То же самое продолжалось и по выходѣ изъ корпуса: являлись новые товарищи, новые пріатели; явилось знакомство со всевозможными милыми, но легкомысленными дамами. Для того чтобы получить благосклонность этихъ дамъ и всѣхъ этихъ новыхъ пріателей, опять-таки требовалось только добродушіе и деньги, а того и другаго у Алексѣя Петровича, какъ тогда еще звали генерала, было достаточно.

И такимъ образомъ вся жизнь проходила какъ праздникъ. Всюду, гдѣ бы ни появлялся Алексѣй Петровичъ, его встрѣчали съ распростертыми объятіями. Онъ былъ удобенъ во всѣхъ отношеніяхъ: онъ не перевозился, не хватался, держалъ себя скромно, ничѣмъ не мучилъ ни себя, ни другихъ. Онъ любилъ подчасъ и кутнуть, и поиграть въ карты, но часто мнѣ съ гордостью признавался что ни разу въ жизни не проигралъ большаго куша и не увлекся никакою женщиной до глупости.

„Все должно быть въ мѣру, все померенно, голубчикъ, говорилъ онъ мнѣ; только такъ и прожить можно хорошо на свѣтѣ.“

И всего у него было въ мѣру и померенно. Главный его принципъ былъ: не тревожить себя и не задавать себѣ трудныхъ рѣшаемыхъ вопросовъ.

Поразмысливъ о томъ сколько всякихъ несчастій бываетъ въ семействахъ, онъ рѣшилъ что женитьба создана не для него, потому что грозитъ вывести его изъ той праздничной жизни которую онъ такъ любилъ, и поэтому онъ никогда не женился. Ему гораздо пріятнѣе было входить въ чужое семейство и самымъ приличнымъ, скромнымъ и незамѣтнымъ образомъ занимать въ немъ, на время, чужое мѣсто. Но я думаю что онъ дѣлалъ это только въ томъ случаѣ, если видѣлъ что не особенно разстраиваетъ чужое счастье, что изъ его вышательства не выйдетъ никакой семейной драмы. Онъ ставилъ рога мужьямъ только положительно убѣдившись что они ничуть не прочь отъ этого украшенія и что онъ, во всякомъ случаѣ, можетъ за него вознаградить ихъ тѣмъ или другимъ способомъ.

Затѣмъ у него было весьма практичное правило: никогда не вести интригу саишкомъ долго, иначе опять-таки все это, грозило его спокойствію. Онъ обыкновенно уходилъ вовремя и тутъ оказывалъ даже нѣкоторыя особенныя способности: онъ постоянно все умѣлъ устроить такъ что оставался въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и со своею прежнею возлюбленною, и съ ея мужемъ.

Что касается до его службы, то и она шла необыкновенно удачно: за скромность и добродушіе начальники его любили; товарищи видѣли въ немъ добраго и щедраго человѣка, къ которому, въ случаѣ нужды, всегда можно было обратиться, не ожидая отказа; подчиненнымъ нравилось его неизмѣнно ласковое обращеніе. И ровно ничего не понимая въ своемъ дѣлѣ, ни разу не принявъ участія ни въ какой кампаніи, можетъ-быть дѣйствительно не зная какъ лахвуетъ порохъ, онъ дослужился до генерала лѣтъ въ сорокъ пять, имѣлъ многочисленныя знаки отличія и со спокойнымъ сердцемъ вышелъ въ отставку для того чтобъ отдохнуть, какъ онъ выражался.

Со времени отставки еще тише, еще безмятежнѣе потекла жизнь его. Если еще прежде, на службѣ, кто-нибудь и могъ

ему завидовать, если въ обществѣ кто-нибудь и могъ ревновать къ нему, теперь для этого совсѣмъ не представлялось возможности: онъ былъ въ отставкѣ, онъ былъ пожилымъ человекомъ. Онъ не заглядывался больше на чужихъ женъ, довольствовался какою-то таинственною особой, которой нанялъ квартиру на Пескахъ, и къ которой, втихомолку, ѣздилъ въ каретѣ съ опущенными шторами.

Но видно не суждено было генералу безмятежно докончить свою жизнь; видно за все то безоблачное счастье и спокойствіе которымъ онъ постоянно пользовался нужно было заплатить дорогою цѣной. Онъ, вѣчно благоразумный и спокойный, умѣвшій вовремя удалиться отъ неприятностей, умѣвшій сдерживать бѣненіе своего сердца одною мыслью о томъ что это бѣненіе можетъ повредить его здоровью, онъ вдругъ попалъ въ страшную драму, которая сначала показалась ему счастіемъ и свѣтомъ.

XXIX.

Я не могу понять какимъ образомъ Зина такъ сдѣлала что несмотря на частыя и продолжительныя наши свиданія, на нашу близость, я все еще никакъ не рѣшался прямо говорить съ ней. Но, конечно, она ужъ отлично все понимала и знала навѣрное теперь что я въ ея рукахъ, что она можетъ дѣлать со мною все что угодно.

И вотъ, мало-по-малу, начала она прежнюю игру. Она начала ее съ прежними уловками: она продолжала выражать мнѣ необыкновенную нѣжность, умѣла каждый разъ довести меня почти до признанія, и тутъ непремѣнно являлось какъ будто само собою такое обстоятельство которое дѣлало это признаніе невозможнымъ. Я съ каждымъ днемъ все больше погружался въ этотъ старый мракъ и терялъ власть надъ собою...

Бывали минуты когда я хотѣлъ остановиться: тогда я записался у себя, жадно принимался за работу, не выходилъ дня два изъ комнаты. Но къ вечеру второго дня всегда являлась или записка отъ Зины, или она сама. Она приходила какъ нѣжный другъ, какъ любящая сестра, съ участіемъ освѣдомлялась что со мною и увлекала меня. Я шелъ за ней безъ силы и безъ воли. Она заставляла меня появляться

въ своемъ обществѣ, зная до чего мнѣ не по душѣ это общество. И тутъ каждый день было новое. Иной разъ ей почему-то нужно было показывать мнѣ предпочтеніе предъ всѣми, она нисколько не стѣснялась тѣмъ что всѣ это замѣчаютъ, оставалась всѣхъ, занималась исключительно мною. Другой разъ я какъ будто не существовалъ для нея.

Наконецъ я рѣшился было выдержать, не показываясь ей два два и оставилъ безъ отвѣта даже ея записку. Я рѣшилъ что если она сама придетъ за мною, то все-таки же я отговорюсь занятіями и не пойду къ ней.

Она конечно являлась, являлась такая взволнованная, обиженная, съ упреками.

— Если ты хочешь совсѣмъ разойтись со мною, сказала она,—такъ объяви мнѣ это прямо, а такъ невозможно! Понимаешь ли что ты здѣсь одинъ у меня другъ и что я не могу безъ тебя быть! Неужели ты не видишь что ничего общаго нѣтъ у меня съ этими людьми? Я выношу ихъ присутствіе потому что такъ нужно, потому что этого не избѣгнешь; но вѣдь должна же я отдыхать, а отдыхаю я только съ тобою...

— Я не знаю зачѣмъ ты мнѣ говоришь это, отвѣтилъ я:— въ послѣдній разъ я очень хорошо замѣтилъ что тебѣ вовсе не нужно моего присутствія, ты даже забыла обо мнѣ.

— Ахъ, Боже мой, прежній мнительный характеръ!... да перестань же, André, что за вздоръ такой—выдумывать разные несообразности! Послушай, завтра если такая же будетъ хорошая погода, мы намѣрены устроить поѣздку въ Петергофъ, провести тамъ цѣлый день. Теперь ужъ начали ходить пароходы, поѣдемъ на пароходѣ, подышемъ весеннимъ воздухомъ, а то вѣдь здѣсь задохнуться можно, пообедаемъ тамъ гдѣ-нибудь, можетъ-быть хорошо проведемъ день. Но вѣдь я могу хорошо провести день только если ты будешь съ нами...

Своей обезсиленный, я забылъ свое рѣшеніе и далъ ей слово прійхать на слѣдующее утро къ пароходной пристани. День удался; было тепло и ясно. Все Зимино общество собралось уже на палубѣ парохода, когда я пріѣхалъ. Тутъ былъ конечно и генералъ, и Рамзаевъ, и Александра Александровна съ мужемъ, и оба брата.

Только что вошелъ я на палубу какъ Зина встала со своего мѣста и подошла ко мнѣ съ протянутыми руками.

— Ну вотъ, спасибо, спасибо, а я ужъ думала что ты обманешь. Какъ хорошо сегодня! Я такъ рада вырваться изъ города: мы отлично проведемъ день.

Со всѣхъ сторонъ ко мнѣ протянулись руки, всѣ мнѣ улыбались, выражали неестественную радость по поводу того что въ такую погоду я рѣшился оторваться отъ занятій и подышать воздухомъ. И тутъ же я замѣтилъ какъ всѣ они переглянулись между собою и подмигнули другъ другу. Я по обыкновенію не сталъ съ ними распространяться и сейчасъ же забылъ про нихъ; я замѣтилъ только что на генералѣ новое съ иглоочки платье и удивительно расчесанныя бакенбарды; а на Александрѣ Александровѣ какая-то яркая шляпка, чуть ли не съ цѣлою птицей на макушкѣ.

Черезъ минуту мы всѣ усѣлись. Рамзаевъ передавалъ слетни изъ министерства генералу и Александрѣ Александровѣ. Кого подсылъ было къ Зимѣ, но та ловко сумѣла сейчасъ же отогнать его, и онъ присоединился къ своему брату и мужу Александры Александровны.

Пароходъ тронулся; поднялся вѣтерокъ.

— Пойдемъ въ каюту, шелнула мнѣ Зина.

Мы сошли внизъ.

Въ дамской каютѣ никого не было. Зина прошла туда, пропустила меня и задвинула за собою дверцу.

Пароходъ покачивало; въ открытое круглое окошечко по временамъ плескала вода. Зина встала на козлы на диванъ и залерла окошко.

— Поди сюда, сказала она мнѣ, — посмотри, сколько на стеклѣ надписей.

Я подошелъ. Она обьяла меня одною рукою за шею и стала читать надписи.

Это были разныя имена и числа вырѣзанныя на стеклѣ.

— Давай придумывать, когда и при какихъ обстоятельствахъ все это было написано, сказала Зина: — рассказывай мнѣ!

Я сталъ рассказывать. Тутъ были разныя исторіи и конечно все любовныя. Тутъ были только что выпущенныя на свѣтъ Божій институтки и пансіонерки, лажики, правовѣдики, лицеисты, обманутые мужья и жены, старые опытные Ловеласы, наивная невинность, робко входящая въ дверь познанія добра и зла, разчетливый цинизмъ, скрывающійся подъ маской невинности. Я фантазировалъ на разныя темы.

Зина слушала внимательно, все сильнее прижимая плечо мое своею рукой и не спуская съ меня глазъ. Потомъ, все также внимательно слушая, она сняла свое бриллиантовое кольцо и начертила: „А“ и „З“, и „29 апрѣля“.

— Ну, а тутъ какая исторія? сказала она мнѣ, снова надевая кольцо на палець, — что значить это: 29 апрѣля и А и З?

— На это я не могу отвѣчать, тутъ моя фантазія мнѣ совсѣмъ измѣняется. Я знаю только что это какаа-то особенная исторія...

— И непремѣнно опять страшная, перебила меня Зина съ громкимъ смѣхомъ,—ахъ André André... А я именно хочу чтобы ты разказалъ мнѣ эту исторію. Ну разказывай, разказывай!...

Она порывисто приблизила ко мнѣ свое лицо и крѣпко меня поцѣловала.

Я хотѣлъ ужъ начать говорить, хотѣлъ наконецъ сказать все чтобы покончить такъ или иначе, но еще не успѣлъ произнести ни одного слова какъ ручка дверцы зашевелилась и въ каюту просунулась голова Рамзаева.

Зина быстро отъ меня отшатнулась, и конечно онъ замѣтилъ это, но на лицѣ его ничего не выразилось. Онъ взглянулъ на насъ самымъ серьезнымъ образомъ и только немножко закрылъ какъ-то свои зеленоватые глаза.

— Благую часть избрали вы, дѣти мои, сказалъ онъ,—на верху ужасно вѣтрено стало. Его превосходительство ужъ пледомъ закутался, а все сидитъ. Подите, приведите его сюда,—обратился онъ къ Зинѣ,—вѣдь простудится, такъ мы всѣ будемъ виноваты.

Зина вышла, а онъ стоялъ предо мною, молча смотрѣлъ на меня и чуть-чуть улыбался.

Но вдругъ онъ подошелъ ко мнѣ ближе, вызвалъ на своемъ лицѣ выраженіе необыкновеннаго достоинства и грустнымъ голосомъ произнесъ:

— Я право не знаю, André, зачѣмъ тебѣ нужно ее компрометтировать! Неужели ты думаешь что никто ничего не замѣчаетъ и что все это въ порядкѣ вещей и очень прилично? Я право не знаю, что съ тобой? Подумай, мой милый, что все-таки она молодая и неопытная дѣвушка, и одинокая дѣвушка главное; ее поберечь нужно!...

Онъ, онъ говорилъ эти слова, когда-то произнесенныя моею

матерью, говорилъ ихъ такимъ грустно-благодарнымъ тономъ! И эти слова, въ его устахъ, были до такой степени отвратительны что я почувствовалъ тоску и заобу. Я хотѣлъ было отвѣчать ему, но сейчасъ же раздумалъ и только съ изумленіемъ взглянулъ на него.

Онъ пожалъ плечами.

XXX.

Скоро вся компанія была въ каютѣ, за исключеніемъ Зимы и Коко. Прошло еще нѣсколько минутъ, и вотъ явилась Коко и объявилъ что Зина меня требуетъ къ себѣ.

Всѣ олять таинственно переглянулись. Я хотѣлъ было остаться, но сейчасъ же отправился на палубу.

Зина встрѣтила меня нѣжною улыбкой, ласкающими глазами, но до самаго Петергофа болтала всякій вздоръ, не давала мнѣ сказать ни слова, и при каждой моей попыткѣ заговорить только еще усиленнѣе, еще нѣжнѣе мнѣ улыбалась.

Все это утро Зина вела себя совершенно неприлично. Она не обращала ни малѣйшаго вниманія на компанію; на вопросы отвѣчала только „да“ или „нѣтъ“; обдавала всѣхъ холодными и презрительными взглядами; не отпускала моей руки и на прогулкѣ увлекала меня подальше ото всѣхъ. И вмѣстѣ съ этимъ все-таки настойчиво противилась всякому объясненію съ моей стороны.

Подъ конецъ я и самъ пересталъ думать о необходимости объясненія, оно показалось мнѣ даже и ненужнымъ теперь: я видѣлъ что Зина все понимаетъ и своимъ сегодняшнимъ отношеніемъ ко мнѣ она молча отвѣчала мнѣ на всѣ мои вопросы.

Но съ той минуты какъ мы вернулись въ петергофскій ресторанъ и расположились въ парусиной бесѣдкѣ, у самаго берега моря, обѣдать, все это измѣнилось: вдругъ, въ одно мгновеніе, я исчезъ въ глазахъ Зимы.

Она подѣшла къ генералу, по другую сторону помѣстившаго Рамзаева, улыбалась имъ и кончила тѣмъ что стала накладывать кушанье на тарелку Коко.

Теперь мнѣ въ свою очередь пришлось получать на мои вопросы отвѣты „да“ и „нѣтъ“ и презрительную усмѣшку.

Къ концу обѣда я ужъ не былъ въ состояніи владѣть себою, а Зина съ каждою минутой разыгрывалась больше и

больше. Теперь она сдѣлась центромъ нашего маленькаго общества: она оживилась, болтала, смѣялась, разказывала, обращалась ко всѣмъ, за исключеніемъ только меня. Конечно, въ ея расчетѣ было довести эту игру до конца. Я долженъ былъ испить всю чашу. Но я не могъ вынести больше. Я воспользовался первою удобною минутой и исчезъ,—въ это время мы были въ Англійскомъ паркѣ, недалеко отъ станціи желѣзной дороги. Я послѣлъ какъ разъ къ поѣзду и чрезъ полтора часа былъ ужъ у себя.

Я чувствовалъ себя возмущеннымъ до послѣдней степени. Зина съ презрѣніемъ глядитъ на меня! Но развѣ я не заслуживаю этого презрѣнія, если способенъ играть такую роль? Если нельзя ничего измѣнить, если все такъ опять безобразно и безнадежно, то всегда остается по крайней мѣрѣ одинъ способъ: уѣхать.

И конечно я уѣду на этихъ же дняхъ въ деревню.

Къ концу вечера мнѣ удалось себя достаточно успокоить: рѣшеніе уѣхать было принято неизмѣнно.

Но, какъ всегда это бывало, едва я успокоился, раздался звонокъ, и вошла Зина. Былъ ужъ часъ двѣнадцатый вечера; очевидно они только что вернулись изъ Петергофа.

— Я тебя убѣдительно прошу сейчасъ же уѣхать! сказалъ я ей.— Пожауйста и не снимай пальто, уѣзжай поскорѣе, потому что это совершенно неприлично.

Она и не сняла пальто, но вошла въ кабинетъ, тихо и робко приблизилась ко мнѣ, обняла меня и вдругъ заплакала.

— André, я тебя ужасно измучила сегодня, сказала она сквозь слезы.— Когда ты убѣжалъ отъ насъ, мнѣ стало такъ больно что я едва доѣхала. Я бы не могла ни на одну минуту заснуть этою ночью, не повидавшись съ тобою. Прости меня, и я сейчасъ же уѣду, будь слокоемъ.

Что было мнѣ отвѣчать на это?

— Господи, да кончимъ же наконецъ эту комедію! проговорила я,—вѣдь ты знаешь какого слова я жду отъ тебя; рѣши же....

Она порывисто меня поцѣловала и, ничего не отвѣтивъ, почти выбѣжала въ переднюю, гдѣ былъ мой Иванъ и гдѣ мнѣ конечно невозможно было требовать отъ нея отвѣта.

— Завтра увидимся, ужъ выходя изъ двери проговорила она.

XXXI

А завтра было вотъ что.

Вечеромъ, почти въ сумерки, она заѣхала за мною и объявила мнѣ что генерала нѣтъ дома, что она одна весь вечеръ и что мы можемъ свободно говорить.

Я отправился съ нею. Ее дожидалась наемная карета. Вотъ мы выѣхали на Морскую.

— Отчего ты мнѣ вчера ничего не отвѣтила? конечно спросилъ я ее.

— Не будемъ говорить объ этомъ, тихо произнесла она.

— Какъ не будемъ говорить, да развѣ это возможно? Только объ этомъ мы и можемъ теперь говорить, въ этомъ заключается все, и ты сама отлично это знаешь!

— Но я не могу... не могу!

— Такъ зачѣмъ же ты зовешь меня къ себѣ? О чемъ намъ говорить о другомъ? Теперь ничто другое не имѣетъ смысла!

— Ахъ Боже мой, но если я повторяю что невозможно мнѣ отвѣчать тебѣ.

— Какъ невозможно? Отчего невозможно?

— Невозможно, упрямо твердила она,—также невозможно какъ и для тебя невозможно теперь выпрыгнуть изъ этой кареты....

Очевидно это сравненіе, совершенно неаѣлое, пришло ей въ голову неожиданно, но въ сумеркахъ наступающаго вечера я вдругъ замѣтилъ какъ она вся вздрогнула.

— Вѣдь ты теперь ни за что не выпрыгнешь изъ кареты, медленно прошептала она.

Я молчалъ. На меня нашло прито безуміе, я сразу какъ будто потерялъ голову, я почему-то вообразилъ что весь вопросъ дѣйствительно заключается въ томъ: выпрыгну я изъ кареты или нѣтъ.

Я сказалъ ей, что, если она хочетъ, то я непременно выпрыгну.

— Какой вздоръ, конечно не выпрыгнешь! продолжала она дразнить меня.

— А вотъ увидишь.

Я отворилъ дверцу. Она быстро обернулась въ мою сторону, затѣмъ еще быстрее спустила переднее окно и крикнула

кучеру: „пошелъ скорѣе!“ Кучеръ хлестнулъ лошадей; тѣ пустились почти вскачь.

Я распахнулъ дверцу и выпрыгнулъ.

Мы были на Морской, у реформатской церкви. Вѣзда была незначительная, но все же, еслибъ я могъ соображать, то конечно повалъ бы что рискую прежде всего лоласть подъ какую-нибудь лошадь. Кромѣ того, я нисколько не разчиталъ своего прыжка и не привалъ никакихъ предосторожностей. Я просто выбросился изъ кареты и какъ-то свѣлъ на торцы. Никто на меня не навхалъ. Черезъ двѣ, три секунды я всталъ на ноги, убѣдился что совсѣмъ не расшибся, вжалъ перваго встрѣчнаго извозчика и поѣхалъ въ квартиру генерала. Издали маленька карета Зины.

Я пріѣхалъ можетъ-быть минутами тремя, четырьмя поздне Зины. Я засталъ ее въ пустой гостиной. Она сидѣла неподвижно, въ пальто и шалкѣ; лицо ея показалось мнѣ страшно блѣднымъ. Она взглянула на меня и слабо вскрикнула:

— Ты, это ты, тебя не раздавили? Ты не расшибся?

И вдругъ она захохотала, потомъ залакала, словомъ съ ней сдѣлалась истерическій припадокъ.

Я послѣдилъ достать ей воды и кое-какъ привелъ ее въ себя.

Она стала жадно слѣдить за моими движеніями, убѣдилась что я совсѣмъ не хромаю, совсѣмъ цѣлъ, и вотъ, при свѣтѣ лампы, я ясно различилъ на ея лицѣ выраженіе досады. Да, это была досада.

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ даже нигдѣ не ушибся, а я-то... я болаась выгаянуть въ окошко, думая что тебя тутъ же на мѣстѣ раздавили... Право, я не знала что ты такой ловкій гимнастъ, и не замѣтила какъ ты выбираешь удобную минутку чтобы выпрыгнуть тогда когда никто не ѣхалъ...

Я молча взялъ шляпу и пошелъ въ переднюю. Но она кинулась за мною и удержала меня.

— Куда жь ты уходишь? Или ты можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ думаешь что мнѣ было бы пріятнѣе еслибы тебя раздавили? Нѣтъ, Андрюша, я только удивляюсь и, разумѣется, радуюсь что ты невредимъ остался... Не уходи пожалуста, вѣдь я сказала тебѣ что мнѣ нужно переговорить съ тобою, и, знаешь,—теперь я отвѣчу тебѣ на все... Ну, слушай, садись сюда, положи шляпу... сюда, на этотъ диванъ, погоди... вотъ такъ! Дай только я немного, убавлю огня въ лампѣ, а то глазамъ больно...

XXXII.

Она почти совсѣмъ затушила лампу, усадила меня, а сама придвинула низкую табуретку, сѣла отъ меня близко, близко взяла меня за руки и заговорила.

— Чего тебѣ отъ меня нужно? На что мнѣ тебѣ отвѣтить? На то что ты меня любишь? Я давно это знаю, и мнѣ кажется что ты самъ себѣ долженъ прежде всего отвѣтить: люблю ли я тебя или вѣтъ?..

— Да, я могъ бы себѣ на это отвѣтить, проговорилъ я,— а ужъ и отвѣтилъ. Только есть какая-то сила которая владѣетъ мною и съ которою я не могу справиться. И вотъ эта-то сила, несмотря на все что для меня ласво и что я отлично понимаю, заставляетъ меня еще спрашивать, любишь ли ты меня, хоть я знаю что ты меня не любишь.

— Такъ ты вичего не знаешь, быстро перебила она,— конечно я тебя люблю, конечно, но только вичего изъ этого быть не можетъ!

— Ты любишь меня? Ты?!

— Господи, да неужели ты никогда этого не видѣлъ?

— Такъ зачѣмъ же ты меня такъ мучаешь? Зачѣмъ тебѣ это?

— Зачѣмъ? Для того чтобы ты не любилъ меня, для того чтобы ты ушелъ отъ меня. Развѣ ты можешь меня любить, меня, такую какъ я есть?

— Значить могу, тихо и съ болью прошепталъ я.

— Но ты меня еще не знаешь, на что я способна: я не всегда тебѣ рассказывала о себѣ искренно. Да и наконецъ я часто сама себя не понимаю. Знаешь ли ты мое прошлое въ эти шесть лѣтъ, что мы не видались съ тобою; знаешь ли ты, что тамъ, во всемъ нашемъ уездѣ, во всей губерніи, я оставила по себѣ самую дурную память.

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь это? Какъ будто мнѣ не все равно какую память ты о себѣ оставила! Неужели ты меня такъ мало знаешь и можешь вообразить что чье-либо мнѣніе о тебѣ меня касается...

— Нѣтъ, я не то, не то хочу сказать. Я хочу сказать что много было клеветъ, много лжи на меня, но много и правды рассказывали. Я безумствовала часто. Ахъ, есть вещи, которыхъ я даже не могу разказать тебѣ.

— Говори, говори все, прошептала я съ невольнымъ страхомъ, схватывая ее за руки.

— А, такъ ты хочешь все знать!... хорошо!... значить такъ нужно... слушай же, я все скажу тебѣ!...

Ея холодныя какъ ледъ руки вздрагивали въ рукахъ моихъ, она тяжело дышала, страшно неподвижныя глаза не мигая смотрѣли въ одну точку и жутко блеснули на мертвенно блѣдномъ лицѣ, едва освѣщенномъ потухающею лампой.

— Ахъ, какія бывали мучительныя ночи! говорила она, прижимаясь ко мнѣ и обдавая меня своимъ горячимъ дыханіемъ;—послѣ тихаго спокойнаго дня, довольная жизнью, а крѣпко засыпала; но вдругъ просыпалась будто отъ какого-то удара... Отчаянная тоска начинала сосать меня. Чего я хочу—я и сама не знала, я понимала только что мнѣ недостаточно обыкновенной жизни, обыкновеннаго счастья... Любовь, замужство!—все это представлялось мнѣ такимъ ничтожнымъ, даже противнымъ! Жить какъ живутъ всѣ я не могла!... Мнѣ нужно было что-то новое, выходящее изъ всякой мѣры, никому неизвѣстное... И я металась на постели до утра, а когда приходилъ день, непременно придумывалось что-нибудь ужасное... Послушай, вѣдь меня называютъ чуть что не убійцей... и это правда! Да, да, на моихъ глазахъ стрѣлялъ въ себя Глымовъ, молодой офицеръ, совсѣмъ еще почти мальчикъ, красавецъ... Я довела его до того что онъ совсѣмъ съ ума сходилъ... Я его ни на минуту не любила, не жалѣла... я увлекла его, дразнила, мучила, ласкала, издѣвалась надъ нимъ... Я видѣла какъ съ каждымъ днемъ онъ гибнетъ, и дрожала отъ восторга... Наконецъ онъ пришелъ ко мнѣ съ листолетомъ, и я знала что это не фразы, что онъ непременно застрѣлится. Знала тоже что могу его успокоить, отвести отъ него эту минуту... а потомъ мнѣ стоило только перемѣнить съ нимъ обращеніе, оставить его въ покоѣ, и онъ скоро бы излѣчился отъ своего безумія... Но я ужъ не могла его оставить, меня тянуло довести до конца, тянуло посмотреть какъ при мнѣ, изъ-за меня, человѣкъ умирать будетъ... И я это увидѣла, и я испытывала страшное наслажденіе!... Онъ лежалъ въ крови предо мною, съ искаженнымъ лицомъ. Лихорадка была меня; но я не отрываясь на него глядѣла... Онъ не умеръ... его вылѣчили...

Голосъ ея оборвался, и она схватилась за грудь, какъ будто ей дышать было нечѣмъ.

Мнѣ казалось что я слышу безумный горячечный бредъ и самъ теряю рассудокъ. Большая, едва освѣщенная комната измѣнялась въ глазахъ моихъ, стѣны уходили, открывалось безконечное темное пространство, которое надвигалось на меня и дышало то огнемъ, то мракомъ...

— Потомъ былъ другой, вдругъ снова заговорила она страшнымъ шепотомъ,—ужь не мальчикъ... самая первая наша губернская красавица его любила... Эта исторія продолжалась нѣсколько лѣтъ, и ее все знали. Я должна была его отбить у красавицы, и сдѣлала это: онъ скоро ходилъ за мной какъ собачка. Но мнѣ этого было мало, мнѣ хотѣлось его одурaczyć... Я согласилась на свиданіе... зимою, съ бала я ушла, какъ будто домой, къ теткѣ... онъ ждалъ меня за угломъ, мы сѣли въ карету, онъ привезъ меня за городъ, въ маленькій домикъ... Это было опасно: я чувствовала восторгъ и злобу. Подо мной была пропасть, я держалась на тонкой жердочкѣ, у меня духъ захватывало... И долго, долго я тянула эту отчаянную игру... я ужь и себя испытывала!... Онъ былъ счастливъ, онъ вѣрилъ любви моей: да и какъ ему было не вѣрить!... я... и вотъ въ ту минуту когда онъ ужь думалъ что владѣетъ мною, я вырвалась отъ него, захохотала, и прежде чѣмъ онъ опомнися, мчалась въ его каретѣ обратво въ городъ... Потомъ еще... слушай... я отгнала мужа у жены... Она его обожала, она была почти ребенокъ... она черезъ четыре мѣсяца умерла въ скоротечной чахоткѣ... Но мнѣ надоѣли все эти люди: все это было одно и то же... на бульварѣ я подошла къ погибшей женщинѣ и подружилась съ нею... я бывала у нея... я все видѣла...

Холодный потъ выступилъ на лбу моемъ, тоска невыносимая давила меня, и я жадно слушала.

Я говорилъ себѣ: все это вздоръ, ничего этого не могло быть, ничего этого не было. Она нарочно мучить меня, все это нарочно. Но, Боже мой, если ничего этого не было, такъ какъ же могло ей все это пригрезиться, какъ могла она додуматься до всего этого, найти все это для того чтобы меня мучить?

Наконецъ она замолчала.

— Ну вотъ, ну вотъ я все тебѣ и сказала. Что жь ты мнѣ отвѣтишь на это? противна я теперь тебѣ, или все еще лотворишь что меня любишь?

— Я не вѣрю тебѣ, прошептала я:—все что ты говорила невозможно! Ничего этого не было!

— Мнѣ самой иногда кажется, совершенно тихо, спокойно и серьезно сказала она,—мнѣ самой кажется что этого не было, что это мнѣ только снилось,—но вѣдь нѣтъ, все это действительно было.... Скажи мнѣ теперь, развѣ возможна любовь наша, развѣ можешь, развѣ смѣешь ты любить меня? такую!... Когда я тебя увидѣла снова, когда я увидѣла что ты опять меня любишь, что ты можешь-быть даже никогда и не переставалъ любить меня, на меня пахнуло счастьемъ и были минуты, даже дни въ эти послѣдніе мѣсяцы, когда я вѣрила въ возможность любви нашей. Но теперь я этому не вѣрю. О, André, милый мой! что бѣ я дала, что бѣ я сдѣлала, на что бѣ я рѣшилась, лишь бы можно было уничтожить все то что я тебѣ разказала, забыть все это прошлое! Еслибы кто-нибудь могъ взять надо мною такую силу чтобы вырвать изъ меня навсегда возможность этого безумства, этихъ мученій которыя меня преслѣдуютъ!... Я люблю тебя, но въ тебѣ нѣтъ такой силы, ты ничего со мной не сдѣлаешь. Вспомни, каждый день съ этой нашей послѣдней встрѣчи, вотъ теперь все это время—мы почти ежедневно видались, ты могъ меня ловить, ты знаешь меня. Ты видѣлъ—пройдетъ день, другой, третій: я твердо рѣшилась быть тебя достойною, я довольна, счастлива.... и вдругъ въ одну минуту, неожиданно для меня самой, все перевернется, тоска меня начинаетъ душить, сама не знаю чего хочу, сама не знаю что дѣлаю! Вотъ моя жизнь! Никто мнѣ не повѣритъ, но ты мнѣ долженъ повѣрить... Иной разъ цѣлыя ночи напролетъ я заснуть не могу и плачу, плачу.... Мнѣ кажется что кто-то стѣбитъ надо мной и давитъ меня и терзаетъ, и мнѣ хочется избавиться отъ этой пытки, хочетсядохнуть чистымъ воздухомъ, вырваться на волю!... О, какъ иногда я люблю тебя! Вотъ теперь, сейчасъ: мнѣ ничего не нужно, я понимаю все, я люблю все и всѣхъ; я могу наслаждаться всѣмъ что только есть прекраснаго въ свѣтѣ. Вотъ теперь если ты уйдешь отъ меня, я запроусь къ себѣ, я стану читать, и каждое слово во мнѣ будетъ оставаться и приносить мнѣ наслажденье. Теперь я могу сѣсть за рояль и найти цѣлую жизнь въ звукахъ,—а завтра можетъ-быть мнѣ тошно ставеть, темно покажется и музыка, и поэзія, и все чѣмъ

живешь и можешь жить ты. И меня опять потянетъ къ чему-нибудь дикому, безобразному. Ахъ, это ужасно!... Чтò жь ты молчишь, скажи мнѣ, скажи что-нибудь, а я тебѣ все ужь сказала!

Я молчалъ потому что жадно слушалъ, я молчалъ потому что теперь изъ этого ея послѣдняго признанія мнѣ стало многое выясняться. Да, я не обманывался: вотъ она, вотъ этотъ живой, этотъ свѣтлый образъ, который является мнѣ временами. Да, я правъ былъ, всю жизнь былъ правъ, зная что она неловивна, что надъ нею совершается какая-то кара за какое-то чужое преступленіе. Въ ней два существа: поэтому-то я и люблю ее, и конечно теперь, какихъ бы ужасовъ она мнѣ ни сказала, какихъ бы ужасовъ ни было въ ея прошломъ, я ее не оставляю. Она говоритъ что нѣтъ во мнѣ надъ нею силы. Но можетъ-быть есть эта сила, можетъ-быть въ концѣ концовъ и спадетъ эта ужасная оболочка и вырву я ее на свѣтъ Божій!

— Чтò жь ты молчишь, André? говори, скажи что-нибудь! повторяла она.

— Я люблю тебя, отвѣтилъ я ей,—и теперь люблю больше чѣмъ когда-либо, и теперь знаю что нельзя мнѣ уйти отъ тебя.

— Ахъ, уйдешь, откажешься... я чувствую что мы никогда ничего не рѣшимъ и никогда не будемъ счастливы!

Въ передней раздася звонокъ: это генераль возвращался.

Зина прибавила огня въ лампѣ и блѣдная, съ горящими глазами, но повидимому совершенно спокойная, вышла на встрѣчу генералу.

XXXIII.

Это объясненіе, котораго я такъ долго ждалъ и такъ страшился, пришло неожиданно и неожиданно хорошо для меня кончилось. Одишь, у себя, я долго разбирался во всемъ чтò случилось, вникалъ въ каждое слово Зины, и все лучше и лучше становилось на душѣ у меня. Зачѣмъ я такъ отчаявался? Какъ бы безумно поступилъ я, еслибы, не дождавшись, не понявъ наконецъ всего, уѣхалъ въ деревню; и какое счастье что не уѣхалъ!

Наконецъ-то теперь я ясно ее вижу и понимаю! Да, многое побороть нужно, но все же вотъ сегодня развѣ не вся

душа ея была предо мною? и развѣ теперь я имѣю право сомнѣваться въ душѣ этой? Нѣтъ! возможно счастье, и чѣмъ труднѣе достигнуть его, тѣмъ прочнѣе оно будетъ. Что будетъ завтра, послѣзавтра, я не могъ рѣшить этого, но зналъ что ничего дурнаго теперь быть не можетъ. Я вѣрилъ въ свои силы, надо мной звучали слова ея, я зналъ что она меня любитъ и что нужно только уничтожить, обезсилить тѣ мучительныя чары которыя издавна нависли надъ нею, и давать ея, и закутываютъ мракомъ ея свѣтаю душу. Одно только есть закливаніе способное уничтожить эти чары, и я владѣю этимъ закливаніемъ; оно—великая любовь моя къ ней. Эта любовь должна побѣдить все и побѣдить конечно... На другой день я только-что собрался было къ Зинѣ какъ услышалъ въ передней звонокъ.

„Никого не принимать, я уѣзжаю,“ крикнулъ я Ивану. „Слушаю-съ!“ отвѣтилъ онъ, а между тѣмъ вотъ онъ кого-то впускаетъ, кто-то вошелъ въ переднюю, кто-то ужъ въ моей приемной... шевелится лортьера въ кабинетѣ, и чрезъ мгновеніе кто-то крѣлко, горячо меня обнимаетъ...

Я едва пришелъ въ себя отъ изумленія—мама! Я никакъ не ожидалъ ея: ей незачѣмъ было теперь пріѣзжать въ Петербургъ и тѣмъ болѣе что самъ я долженъ былъ скоро ѣхать въ деревню, по крайней мѣрѣ они меня ожидали. Въ первую минуту я даже испугался: „не случилось ли у васъ чего-нибудь?“ Но мама меня успокоила. Она объявила что всѣ здоровы и что все благополучно.

— Такъ какъ же это ты... и даже ничего не написала! изумленно спрашивалъ я, цѣлуя ея руки и чувствуя что къ блаженству охватившему меня со вчерашняго вечера присоединяется еще новое блаженство, которое я всегда испытывалъ въ первыя минуты свиданія съ матерью.

— Да вотъ, на старости лѣтъ какія штуки устраиваю, сюрпризы люблю! отвѣчала мама, охватывая мою голову руками и крѣлко меня къ себѣ прижимая.

Но вѣдь я зналъ что никакихъ штукъ она не могла полюбить на старости лѣтъ, и все это меня изумляло и пугало.

Я всматривалъ въ ея глаза; она какъ угодно могла хитрить, но лицо ея не могло обмануть меня, и на этомъ лицѣ я увидѣлъ столько тоски, тревоги, столько мучительнаго, жаднаго въ меня всматриванья что я сразу догадался зачѣмъ она пріѣхала. Она почувала, какъ часто это съ нею

бывало, что мнѣ плохо, что для меня нужно ея присутствіе, и вотъ она являлась.

Только теперь она ошиблась, мнѣ не плохо, напротивъ, теперь я наконецъ у самаго счастья!

А между тѣмъ я зналъ что она не можетъ ошибаться, потому что никогда еще не ошибалась, и мнѣ становилось страшно.

— Знаю я теперь зачѣмъ ты пріѣхала, и вижу какъ хорошо что ты пріѣхала, да, именно тебя мнѣ очень нужно.

— Я знала что нужно, прошелтала мама съ легкимъ вздохомъ, и опустилась въ кресло, какъ будто у нея подкосились ноги.

Я сталъ снимать съ нея шляпку, кинулся велѣть подавать чай и завтракъ, вернулся опять въ кабинетъ, а она все сидѣла неподвижно на томъ же мѣстѣ.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ея маленькія, уже начинавшія сморщиваться руки, и жадно, жадно цѣловалъ ихъ, и смотрѣлъ на нее, и не могъ оторваться отъ лица ея. Долго мы такъ сидѣли, почти ничего не говоря, какъ всегда это бывало между нами въ лервыя минуты свиданія.

Она очевидно читала въ лицѣ моемъ все что ей нужно было знать, а я, что же я-то могъ прочитать въ ней, кромѣ этой безконечной любви ея, которая всегда, въ минуты сильнѣйшаго своего проявленія, поднимала сладкую боль и слезы въ моемъ сердцѣ.

Я не видалъ мама съ прошлаго лѣта, съ того самаго времени когда увѣжалъ изъ деревни счастливымъ и довольнымъ женихомъ Лизы. Я, должно признаться, такъ мало думалъ о ней всю эту зиму; я почти равнодушно извѣстилъ ее о томъ что моя свадьба разстроилась и потомъ въ другомъ письмѣ мелькомъ уломанулъ о пріѣздѣ Зины въ Петербургъ....

Еслибъ я не былъ логоточень тою новою жизнью которая нахлынула на меня въ послѣднее время, я былъ бы давно ужъ подготовленъ къ посвѣщенію мама, я долженъ былъ знать, какія минуты пережила она, получивъ эти два письма мои. Но развѣ тогда, когда это было нужно, думалъ я о томъ чего стоятъ ей нѣкоторыя мои письма и нѣкоторыя слова мои?! Потомъ, поздно ужъ, вспоминалъ я все и каждый разъ мучился и каждый разъ обвинялъ себя искренно, считалъ себя дурнымъ сыномъ, недостойнымъ такой матери. Но къ чему было все это? Что во всю жизнь

кромя мученій принесъ я ей? Да и давно ужь, во всѣ эти спокойныя годы моего внутренняго существованія, не пошатнулась, вѣтъ, но какъ будто вѣсколько забылась, какъ будто отошла моя прежняя связь съ нею. До сихъ поръ она мнѣ была не нужна—скверное слово, но я ставлю его потому что такъ кажется оно было,—она мнѣ была не нужна и я часто забывалъ о ней. То-есть вѣтъ, не забывалъ, забыть я не могъ конечно, но думая о ней, я не возвращался къ ней всѣмъ существомъ моимъ какъ прежде, потому что зналъ что она все-равно составляетъ мое владѣніе, которое только лежитъ теперь подъ слудомъ до тѣхъ лока мнѣ его не нужно. Но вотъ теперь она нужна мнѣ, хоть я еще вѣсколько минутъ предъ ея прїѣздомъ не сознавалъ этого; вѣтъ, видно нужна, потому что я такъ и прильнулъ къ ней и такъ мнѣ горько и отравно отъ ея присутствія...

Я опять взглядываюсь въ лицо ея. Я давно его не разглядывалъ, давно не замѣчалъ тѣхъ перемѣнъ которыя произвело на немъ время. И смотря на нее, я вспоминаю далекіе прежніе годы, вспоминаю всѣ тѣ минуты когда она была нужна мнѣ и меня спасала. Мнѣ снова вспоминается тотъ больной ребенокъ который когда-то съ горячею, безумною головою, съ бредомъ и лихорадочною дрожью во всемъ тѣлѣ прижимался къ ней и наковецъ подъ тихій ея голосъ, подъ ея ласки засыпалъ укрѣпляющимъ своимъ и просыпался бодрымъ и здоровымъ. Тѣмъ же роднымъ сладкимъ воздухомъ дышетъ на меня отъ нея; та же нѣжная мягкая рука прикасается къ головѣ моей и также благотворно дѣйствуетъ на меня это прикосновеніе...

Неизмѣнна она, но сколько пережито ею въ это время! Душа ея неизмѣнна, но внѣшность ея измѣнилась. Я только теперь замѣтилъ какъ она постарѣла, сколько мелкихъ морщинокъ легло кругомъ прекрасныхъ глубокихъ глазъ ея; сколько серебряныхъ нитей показалось въ блестящихъ черныхъ волосахъ; какъ глубокія двѣ тѣни вокругъ рта придали всему лицу выраженіе давнишняго привычнаго страданія.

Не радостна была жизнь ея въ эти послѣдніе годы: все какъ-то стало расшатываться, разстраиваться. Огромная домашняя машина, которая всегда цѣлкомъ лежала на плечахъ ея, давила ее своею тяжестью. Обстоятельства заставили ее разучиться со многими дѣтьми: Катя была ужь замужемъ и жила въ Одессѣ; двѣ сестры въ Москвѣ, въ инсти-

тутъ; младшій братъ вышелъ такимъ больнымъ что не могъ совсѣмъ учиться и ежедневно можно было ожидать его смерти. Со всѣмъ этимъ сколько злобы, сколько клеветы обрушилось на нее, и этою злобой, этою клеветой лускали въ нее именно тѣ люди которыхъ она не разъ поднимала на ноги и спасала въ тяжелыя минуты. Теперь отъ нея нечего было больше ждать, теперь она ужъ раздава почти все что имѣла, и вотъ отъ нея отвернулись и провозглашали ее безалаберною, нелюпою женщиной, разстроившею свое состояніе, не позаботившеюся о будущности своихъ дѣтей. Конечно, были люди которые знали ее и не могли къ ней имѣниться и должны были теперь-то именно и цѣнить ее больше; но даже и въ этихъ людей она какъ-то перестала вѣрить...

А всего больше все-таки я же самъ ее состарилъ; я, который конечно зналъ и цѣнилъ ее вѣрнѣе и лучше всѣхъ остальныхъ; я, который могъ только гордиться тѣмъ что она „не позаботилась о будущности своихъ дѣтей“. Я зналъ что вся ея жизнь была этою заботой, и все же я ее состарилъ. Я чувствовалъ и понималъ теперь какъ состарилась она даже въ эти послѣдніе четыре мѣсяца, съ тѣхъ поръ какъ получила письма мои о разрывѣ съ Лизой и о пребываніи Зины въ Петербургѣ. Я понималъ что должна была пережить она до той минуты какъ вышла изъ деревни и пріѣхала сюда безо всякой видимой лобудительной причины.

Наконецъ мы заговорили, и конечно обоимъ намъ не нужно было подходить къ этому разговору: мы его начали съ конца, съ настоящей минуты. Рассказывать мнѣ было нечего, такъ какъ она сразу объявила что все знаетъ: знаетъ что я разошелся съ Лизой ради Зины и что я теперь измученъ, и что мнѣ нужно спастись.

— Нѣтъ, въ этомъ ты кажется ошибаешься, мама!

Я передалъ ей весь вчерашній разговоръ.

Она грустно покачала головой.

— Что жъ ты можешь видѣть въ этомъ разговорѣ и откуда вдругъ изъ него выводимъ свое счастье? Почему надеешься ты что можешь ее передѣлать? Эхъ, André, бываютъ такія натуры которыхъ никакая сила любви не можетъ передѣлать, и это одна изъ такихъ натуръ. Я давно ее полюбила и давно знала что ничего кромѣ горя не принесетъ она намъ. Вотъ я было успокоилась, думала что чаша эта тебя миновала. Но и знаешь, тогда даже, когда я была совсѣмъ

увѣрена въ твоемъ семейномъ счастьи, увѣрена въ твоемъ чувствѣ къ невѣстѣ, и тогда мнѣ порою становилось страшно, и представлялось мнѣ: а вдругъ—вотъ ты счастливъ; у тебя любящая, любимая тобою жена, тихая, спокойная жизнь, можетъ-быть дѣти, которыхъ непременно ты и любишь бы, и вдругъ является она!... Вотъ что меня мучило, преслѣдовало какъ кошмаръ какой-нибудь.... Я представляла себѣ какъ она явится, и всегда, всегда сумѣетъ разрушить твое счастье и разбить твою жизнь....

Голосъ мама дрогнулъ, и она подавалась въ волненіи.

— Знаешь, продолжала она,—знаешь, это даже хорошо что она явилась слишкомъ рано; если суждено тебѣ погибнуть, то по крайней мѣрѣ ты одинъ погибнешь, а тогда бы съ тобою погибло много невинныхъ. Но, Боже, какъ все это страшно! Ты мнѣ ничего не писалъ, и хотя я все предчувствовала, все понимала, но все же мнѣ казалось иногда, все же я надѣялась что можетъ-быть и не такъ оно... Вѣдала я сюда и думала: „можетъ-быть она только посмѣется надъ нимъ и оттолкнетъ его,“ а вотъ ты теперь хвалишься что счастливъ!... Да я-то вижу что во вчерашнемъ этомъ разговорѣ и закрывается все твое несчастье. Она сказала тебѣ что любить тебя, она хорошо знала что въ этой фразѣ твоя гибель,—оттого можетъ-быть и сказала ее....

— Но неужели ты совсѣмъ не можешь повѣрить ей, мама? Неужели ты не предполагаешь въ ней дѣйствительно ничего ужъ свѣтлаго? Ты заблуждаешься, ты ее не знаешь.... Да, конечно.... я понимаю что ты иначе и не можешь смотрѣть на нее. Но увѣряю тебя, я знаю, всею душой моею знаю что можно теперь успокоиться и что все хорошо будетъ....

— Ничего не будетъ. Она родилась такою, такою и умретъ. Помнишь, помнишь ты мнѣ разказывалъ — не тогда, когда это было, тогда ты все скрывалъ отъ меня — а потомъ разказывалъ про ея жестокость съ животными, про сцену въ кухнѣ съ несчастнымъ ракомъ: она вся тутъ, такую и осталась. И теперь ты этотъ ракъ, которымъ она играетъ, котораго танцовать заставляетъ, котораго рветъ на части: это дьяволъ,—я ее знаю!...

XXXIV.

Мы были такъ взволнованы что ничего не слышали; но вдругъ слущенная портьера зашевелилась, и мы увидѣли Зину.

Въ первое мгновеніе, взглянувъ на нее и узнавъ ее, мама вся вздрогнула, хотѣла уйти куда - нибудь, искала глазами выхода изъ комнаты.

Зина посмотрѣла на меня, потомъ на мама и съ невольнымъ крикомъ, съ быстро набѣжавшими слезами бросилась предъ мама на колѣни, схватила ее руки, стала цѣловать ихъ и все плакала, и все цѣловала, и глядѣла съ такою нѣжностью, такимъ дѣтскимъ, жалкимъ и милымъ взглядомъ.

Я оставался неподвижнымъ предъ этою сценой, я жадно всматривался въ нихъ обѣихъ. И вотъ я сталъ замѣчать какъ мама, сначала испуганная, изумленная и негодующая, понемногу стала свѣтлѣть и измѣняться.

Да, я не ошибался: она ужъ не хочетъ уйти, не хочетъ освободиться отъ этихъ нежданыхъ, ненавистныхъ поцѣлуевъ. Она смотритъ, смотритъ на Зину, и вдругъ.... вдругъ обнимаетъ ее одною рукой.... Вотъ и на ея глазахъ слезы, вотъ она совсѣмъ ужъ обняла ее и цѣлуетъ. Я не могъ оставаться безучастнымъ свидѣтелемъ этого, я кинулся къ нимъ, я усадилъ ихъ рядомъ.

— Ахъ, Боже мой, заговорила Зина, нѣжно и радостно глядя на мама,—какое это было сумашествіе! Я, я думала что забыла васъ, что не люблю васъ; иногда мнѣ казалось даже что во мнѣ есть къ вамъ какое-то враждебное чувство и что я даже имѣю почему-то на него право.... Какое безуміе! Знаете, мама, знаете, что еслибъ я узнала что вы здѣсь и что я должна васъ встрѣтить у André, я бы ни за что не пріѣхала. Я въ первую минуту даже не узнала васъ; но когда узнала, то увидѣла какъ васъ люблю.... И, Боже мой, какъ я счастлива что вы здѣсь и именно теперь!... André, сказала она, взглянувъ на меня и протягивая мнѣ руку,—знаешь ли ты что это огромное для насъ счастье что мама пріѣхала.

— Конечно я это знаю, отвѣтилъ я.

— И какъ хорошо что сейчасъ же, теперь же мы все встрѣтились! продолжала Зина.—Мама, вотъ вы-то, вы-то должны меня ненавидѣть! Взгляните на меня, посмотрите, скажите мнѣ хоть что-нибудь, вѣдь вы мнѣ еще ничего не сказали!...

— Что жь мнѣ сказать тебѣ? прошептала мама, поднимая на нее свои глаза съ тихимъ и нѣжнымъ выраженіемъ,—я тоже никакъ не воображала что встрѣчусь такъ съ тобою... Ты-то смотри на меня, смотри... вотъ такъ!

Она взяла обѣими руками и наклонила къ себѣ лицо Зины, и Зина прямо на нее глядѣла. Ея странные, молчащіе глаза не молчали теперь, а издавали потоки яснаго свѣта. Мама видѣла этотъ свѣтъ: ея лицо говорило мнѣ это, и я не могъ сомнѣваться.

Зина вдругъ отстранилась отъ нея, будто для того чтобы лучше разгадѣть и прочесть ея мысли.

— Вѣрите ли вы мнѣ? проговорила она,—о, что бь я теперь сдѣлаю чтобы заставить васъ вѣрить! Да, вы мнѣ должны вѣрить!.. André, я шла къ тебѣ сегодня затѣмъ чтобы докончить вчерашній разговоръ. Мама, вѣдь вы все знаете, я полагаю что онъ не могъ утаить отъ васъ что-нибудь и что это не нужно. Я шла къ нему чтобы досказать... Еще вчера, говоря съ нимъ, я въ себѣ сомнѣвалась, но потомъ всю эту ночь я не заснула ни на мигу, я все думала, думала, я много пережила въ эту ночь, и вотъ я для того здѣсь чтобы сказать ему: не уходи, ты можешь спасти меня!..

Она крѣпко схватила мою руку, а другою рукой привакала къ себѣ мама.

— О, какъ вы должны были ненавидѣть меня, дорогая мама, и какъ я этого стоила! Сколько мукъ, сколько несчастья я вамъ причинила, и тогда, давно, а главное теперь, въ это послѣднее время!.. Да, но вѣдь и сама я очень несчастна, и меня тоже пожалѣть можно... Вотъ я теперь каюсь предъ вами!..

И точно, она каялась. Все лицо ея преобразилось; изъ глазъ ея, поднятыхъ куда-то надъ нами, по временамъ катили крупныя слезы; она вся была воплощеніе искренности.

— Да, говорила она,—пріѣхавъ сюда и увидя André я ужъ знала что дѣлаю: я видѣла что мнѣ стоить сказать ему одно слово, что мнѣ стоить такъ, а не иначе взглянуть на него, и онъ не уйдетъ отъ меня, и онъ порветъ все что было до меня. Я знала что онъ жевится, навѣрно слышала объ этомъ,

и я въ одинъ часъ разстроила все это... О, какъ вы должны меня ненавидѣть!

Мама ничего не отвѣчала, она только слушала.

— Я разстроила только для того чтобы разстроить, но когда онъ пришелъ ко мнѣ, когда я увидѣла что все конечно; что онъ ужъ не вернется туда, къ той дѣвушкѣ, должно-быть прекрасной дѣвушкѣ, я вдругъ поняла что можетъ-быть разстроила не даромъ, а для того чтобы быть счастливою. Я поняла что люблю его, впрочемъ я и всегда его любила. Больше я ничего не могу говорить, про все это время онъ самъ можетъ разказать вамъ; онъ самъ все видѣлъ, и вчера я ему все досказала. Пусть онъ скажетъ вамъ, какъ я отдавала минуту нашего окончателнаго разговора; пусть онъ скажетъ вамъ, какъ я, чувствуя что не въ силахъ совладѣть съ собою, все дѣлала для того чтобы отдать его отъ себя, чтобы онъ меня возненавидѣлъ, чтобы убѣжалъ отъ меня... Да, я ужасно виновата... Я знаю то зло которое во мнѣ есть, но все же, отдавая его отъ себя, я много мучилась, потому что люблю его. А вотъ вчера онъ совсѣмъ побѣдилъ меня... теперь мнѣ не страшно ни за себя, ни за него, и я рада, охъ, какъ я рада что могу это сказать ему при васъ, что вы свидѣтельница этому!

— Зина, я вѣрю твоей искренности, тихо проговорила мама,—но умоляю тебя, подумай хорошенько ты знаешь что теперь саишкомъ многое рѣшается, увѣрена ли ты въ себѣ?

— Нѣтъ, видно вы мнѣ не вѣрите! отчаяннымъ голосомъ почти крикнула Зина, хватаясь за голову.—Да вы и имѣете право не вѣрить!

Она замолчала. Лицо ея оставалось неподвижно, глаза закрыты, она какъ будто вся уходила въ свой внутреннй мнръ. Но вотъ она открыла глаза, прямо взглянула ими на меня и на мама и какимъ-то торжественнымъ, страшнымъ голосомъ сказала:

— Вѣрите мнѣ, я не обманываю ни себя, ни васъ, теперь я въ себѣ увѣрена.

Страшная тяжесть спада съ насъ...

XXXV.

Какое это было утро! какъ вдругъ просвѣтѣла моя маленькая квартирка, какъ онѣ обѣ, и мама, и Зина, у меня хозяйничали и все осматривали, пересчитывали всѣ принадлежности моего хозяйства и дѣлали свои милыя замѣчанія, и обѣ громко смѣялись. Зина превратилась въ шаловливаго, милаго ребенка, а мама вдругъ помолодѣла лѣтъ на десять, даже какъ-то разгладилась и совсѣмъ исчезли эти мучительныя тѣни вокругъ ея рта, которыя придавали ея лицу такое невыносимое для меня выраженіе.

Зина объявила что она весь день останется у насъ; что она не можетъ теперь отъ насъ оторваться, и мы весь день провели втроемъ. Это были самыя праздничныя минуты во всей моей жизни.

Прошло три дня. Зина являлась къ намъ съ утра, и мы не расставались до ночи... Погода все стояла прекрасная. По вечерамъ мы ѣздили за городъ. Ни одною миной, ни однимъ знакомъ Зина не нарушала очарованія въ которомъ мы находились. Я видѣлъ и чувствовалъ что мама совершенно успокоилась.

Но вотъ послѣ трехъ безмятежныхъ дней Зина исчезла: два дня о ней не было ни слуху, ни духу. Наконецъ даже мама сказала мнѣ:

— Поѣзжай, узнай что съ ней такое? Можетъ-быть заболѣла...

Я поѣхалъ.

Это было вечеромъ. Еще съ улицы я замѣтилъ что у генерала гости, потому что всѣ окна были ярко освѣщены. Я не ошибся: въ гостиной я застаю всю компанію, только Рамзаева не было. Вообще всѣ эти дни онъ куда-то исчезъ, иначе непримѣнно бы явился ко мнѣ, узнавъ что мама приѣхала.

Генералъ съ Александрой Александровной и ея мужемъ играли въ карты. Онъ пожаловался мнѣ на нездоровье и а пошелъ дальше, искать Зину.

Я застаю ее въ ея будуарѣ. Она лежала на chaise longue; Кoko сидѣлъ, согнувшись въ три погибели, на низкой скамеечкѣ у ногъ ея, а толстый Мими стоялъ у ея изголовья и махалъ ей въ лицо вѣеромъ.

— А! André, это ты! лѣнивымъ голосомъ проговорила Зина и даже не поднялась съ мѣста.—Видишь, я больна и мои придворные меня забавляютъ... Мими, дайте André стулъ!

Мими вмѣсто стула подала мнѣ руку, но Зина настойчиво повторила:

— Слушайте, дайте сейчасъ André стулъ, поставьте его сюда!

Мими что-то промычала, но послѣшво исполнилъ ея приказаніе.

— Садись, André.

Я сѣлъ, потому что у меня все равно подкашивались ноги.

Зина обернула ко мнѣ свое лицо съ полузакрытыми глазами. Какое это было лицо! въ немъ не было ровно ничего общаго съ тѣмъ которое я и мама видѣли въ эти послѣдніе дни.

— Если ты больна, отчего же ты не написала? мама такъ о тебѣ беспокоится! проговорилъ я.

Тутъ вмѣсто отвѣта Зина одѣлала какую-то странную гримасу.

— Я сама сегодня собиралась къ вамъ, только не удалось; къ тому же конечно я надѣялась что ты посѣтишь меня сегодня... Ахъ, какая скука! медленно продолжала она, потягиваясь и зѣвая.—Коко, отчего вы умѣете говорить только одніи глупости? Я желала бы знать, неужели никогда въ жизни вамъ не пришлось сказать ни одной умной вещи, хоть нечаянно?

— Я увѣренъ что всегда говорю самыя умныя вещи, очень серьезно отвѣчалъ Коко.—Вы знаете что самыя умныя вещи всегда кажутся глупостями людямъ...

— Ого! вдругъ засмѣялась Зина,—такъ вы въ самомъ дѣлѣ много разъ умѣете умно говорить! или, можетъ-быть, это сейчасъ была самая умная вещь которую вы сказали... Во всякомъ случаѣ поздравляю васъ и позволяю за это поцѣловать мою руку...

Она протянула ему руку, и онъ впился въ нее губами.

— Да отпустите же, отстаньте! какъ-то ужасно хохоча повторила Зина и вдругъ, повернувшись, оттолкнула отъ себя Коко ногою.

Я чувствовалъ какъ у меня пересохло въ горлѣ и закружилась голова.

„Что это такое было? Гдѣ я? Что это — будуаръ кокотки?..“

Я совсѣмъ задыхался въ этой атмосферѣ и приподнялся съ кресла, порываюсь уйти.

Зина быстрымъ движеніемъ меня остановила.

— Ты ужь исчезаешь, André? Теперь, такъ какъ мама здѣсь, я не смѣю тебя удерживать, но постой минутку, я напишу ей маленькую записочку.

Я машинально снова олустился въ кресло. Она подошла къ письменному столу, что-то быстро написала, залепетала въ конвертъ и подала мнѣ.

— Пожалуста, передай мама.

Я взялъ записку, положилъ ее въ карманъ, кажется погладилъ руки Кoko и Мими... Вотъ и Зина протянула мнѣ свою руку. Я ужь уходилъ, но она пошла за мною. Я не смотрѣлъ на нее и ничего не сказалъ ей.

Мы проходили черезъ столовую, блѣдно освѣщенную висающею лампой. Никого не было. Кoko и Мими не вышли за нами.

— André, остановись! вдругъ сказала Зина.

Я обернулся къ ней и схватилъ ее за руки.

— Зина, задыхаясь прошептала я,—пождемъ со мною, можетъ-быть еще возможно... Скорѣй, сейчасъ, рѣшайся... иначе будетъ поздно!

— Поздно, André, тихо отвѣтила она,—поздно, прощай, мой милый!...

Я замѣтилъ какъ она хотѣла обнять меня, какъ ужь подымались было ея руки, но тотчасъ же и олустились и вмѣстѣ съ ними низко, низко олустились ея рѣсницы. Страшно блѣдною показала она мнѣ въ полусвѣтѣ комнаты.

— Прощай, едва шевеля губами повторила она и тихо повернулась, и тихо пошла отъ меня.

Я хотѣлъ броситься за нею, хотѣлъ силой увлечь ее съ собою, но остановился. Ужасъ охватилъ меня, и я бросился скорѣй домой, къ мама.

Мама испуганно взглянула на лицо мое и дрожащими руками распечатала записку Зины. Она медленно прочла ее, уронила на полъ и нѣсколько мгновеній сидѣла неподвижно, блѣдая, съ такимъ страдающимъ лицомъ, что за одно это лицо я долженъ былъ навсегда возненавидѣть ту которая написала эту улавшую на полъ записку.

Мама все сидѣла неподвижно, а я нашелъ наконецъ въ себѣ силу поднять и прочесть записку.

И я прочелъ:

„Вы напрасно мнѣ повѣрили, я опять обманула и себя и васъ: я ничего не могу одѣлать съ собою. Сегодня все рѣшилось; я выхожу замужъ за этого старика, онъ меня покупаетъ. Я не въ силахъ была сказать это André, вы скажете лучше и спасете его, вѣдь затѣмъ вы и пріѣхали.“

Записка мнѣ не сказала ничего новаго. Уже простившись съ Зивой я все зналъ навѣрное.

Во весь конецъ этого вечера мы почти не сказали другъ другу ни одного слова.

Я напрягалъ всѣ усилія чтобы казаться твердымъ. Мама тоже не выражала ни горя своего, ни негодованія. Потому я понавъ что ея присутствіе тогда спасло меня.

На другой день мы вмѣстѣ уѣхали въ деревню.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ОЧЕРКИ ХАЛДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

I. Народности Халдеи.

Благодаря раскопкамъ въ Передней Азіи на развалинахъ городовъ древней Халдеи и Ассиріи и блестящимъ открытіямъ которыя за ними слѣдовали, воскресла предъ нами изъ глубины сѣдой древности, изъ-подъ груды мусора и развалинъ цѣлая цивилизація довольно значительной высоты. И замѣчательно,—фактъ этотъ есть одно изъ важнѣйшихъ открытій ознаменовавшихъ раскопки,—что въ созданіи этой древнѣйшей культуры человѣчества участвовали народности о которыхъ до сего времени вовсе не знали какъ о факторахъ халдейской культуры и которыхъ даже не считали способными къ культурному развитію. Созиданіе этой культуры относится къ такой глубокой древности что память объ этихъ созиданіяхъ ея не сохранилась даже въ наидревнѣйшихъ лѣтописяхъ человѣчества, и языкъ ихъ, языкъ, какъ теперь оказалось, обширной литературы, былъ уже мертвымъ по крайней мѣрѣ за двѣ тысячи лѣтъ до нашей эры. По древнѣйшему преданію, заключающемуся въ Библии, мы знаемъ о Халдеѣ только съ того момента когда Нимродъ, сынъ Куша, внукъ Хама, явился завоевателемъ въ Халдеѣ, гдѣ началомъ его царства были четыре города *; отсюда Халдейскій

* Быт. 10, 10.

народъ считали по происхожденію *халитскимъ* или, какъ иначе принято называть, *кушитскимъ*. Но уже свидѣтельство Библии *implicite* признаетъ существованіе въ Халдеѣ другого элемента кромѣ кушитскаго. Нимродъ является завоевателемъ и покоряетъ четыре города которые были уже до него. Въ Халдеѣ были значить народности, очевидно, другого племени, которыми созданы были города, а эти народности, равно какъ ихъ города, были покорены Кушитами. По другому древнему преданію * вся Передняя Азія первоначально въ продолженіе двѣнадцати столѣтій находилась исключительно во власти Скиеовъ; отсюда же мы узнаемъ что эти азіатскіе Скиеи были древнѣе Египтянъ, вообще древнѣйшій народъ въ мірѣ. Этихъ азіатскихъ скиеовъ принято относить къ народамъ туранской расы. Къ этой именно расѣ нужно отнести по первоначальнымъ памятникамъ и монументальнымъ надписямъ первоначальныхъ обитателей Халдеи, изобрѣтателей системы клинообразныхъ знаковъ, языкъ которыхъ служилъ долгое время языкомъ литературы даже послѣ того какъ давно сдѣлался мертвымъ. Народъ этотъ основалъ государство Сумаръ и Аккадъ, почему его называютъ въ настоящее время *сумарскимъ* народомъ или *аккадійскимъ*. Послѣднее названіе болѣе принято въ наукѣ, поэтому и мы будемъ называть туранскихъ обитателей Халдеи *Аккадійцами*.

Благодаря открытію этого участія туранскаго элемента въ халдейской цивилизаціи туранская раса сдѣлалась въ настоящее время для науки предметомъ большаго интереса чѣмъ до сего времени. Туранскую расу нельзя назвать вполне чистою, она есть смѣсь бѣлой и желтой расы, и народы принадлежащіе къ ней представляютъ со множествомъ промежуточныхъ ступеней переходъ отъ типа чистаго Европейца до типа Китайца. Несмотря на это ихъ общее родство обнаруживается въ родствѣ языка, религіи и нравовъ. Языки туранскихъ народовъ не представляютъ такого твердо очерченнаго, установившагося типа, по которому можно было бы назвать ихъ ступенью въ образованіи человѣческаго слова, какъ на примѣръ языки семитическіе и арійскіе: нѣтъ во всѣхъ этихъ языкахъ такихъ твердо образо-

* У Юстина въ приводимой имъ выдержкѣ изъ затеряннаго историческаго сочиненія Трога Помпея, 11, 3 ср. 1, 1.

вавшихся корней, которые были бы общи *всѣмъ* этимъ языкамъ, нѣтъ общихъ *пріемовъ* грамматической конструкціи, которые могли бы назваться объединяющими нормами, а если и есть то и другое, то въ самой ограниченной степени. Если что объединяетъ эти языки, такъ это ихъ переходное состояніе, ихъ общій характеръ и направленіе; именно во *всѣхъ* нихъ словообразованіе совершается посредствомъ *агглютинаціи*, то-есть механическаго соединенія почти совершенно самостоятельныхъ словъ; флексій въ собственномъ смыслѣ въ нихъ нѣтъ*. Религія *всѣхъ* этихъ народовъ, исключая конечно тѣхъ которые усвоили себѣ чуждую культуру, не возвышается надъ ступенью грубаго натурализма, превращающаго *всѣ* явленія природы въ два громадные лагеря духовъ, добрыхъ и злыхъ, и культъ ихъ состоитъ исключительно изъ магіи и заклинаній**.

Трудно сказать съ точностію гдѣ первоначальная родина туранскихъ народовъ, или лучше сказать центръ ихъ расселенія, равно какъ мы не знаемъ исторіи самаго этого расселенія. У Турокъ и Монголовъ есть преданіе что колыбель ихъ расы и мѣсто ихъ первоначальнаго райскаго блаженства находилось гдѣ-то около южныхъ склоновъ Алтая, въ одной изъ долинъ. Долина эта со *всѣхъ* сторонъ была заперта высокими, богатыми желѣзомъ, непроходимыми горами. Посредствомъ огня, который расплавилъ горный камень, первые люди разрушили средостѣніе отдѣлявшее ихъ отъ остальнаго міра, и такимъ образомъ могли оставить свой *павильонъ****. Это преданіе согласуется съ другимъ преданіемъ по которому восточные народы Сиріи и Месопотаміи находили свою родину на востокѣ отъ своего расселенія, а Мидо-Персы на сѣверѣ. Нѣтъ сомнѣнія что родину туранскихъ народовъ нужно искать въ томъ мѣстѣ гдѣ и другіе восточные народы находят колыбель своего рода, хотя, конечно, трудно приурочить ее къ какому-либо опредѣленному географическому пункту. Ученые обыкновенно считаютъ этою родиной человѣчества возвышенность *Памиръ*, откуда вытекаютъ четыре великія рѣки: *Индъ*, *Гель-*

* Max Müller, *The languages of the seat of war in the East.*, 2. edit. стр. 88.

** Fr. Lenormant. *La magie chez les Chaldéens.* стр. 184.

*** Lenormant. *Les premières civilisations.* t. I, стр. 111.

мендъ, Оксусъ и Яксартъ, соотвѣтственно библейскому преданію и преданію другихъ народовъ *. Что же касается до расселенія туранскихъ народовъ, то вѣроятно оно происходило въ двоякомъ направленіи: одна вѣтвь пошла по сѣверному направленію и расположилась первоначально около Алтая, Аральскаго озера и долинъ Уральскихъ горъ, откуда она распространилась по сѣверу Европы и Азии до Балтійскаго моря съ одной стороны и до устьевъ Амура съ другой; другія, не менѣе многочисленныя, туранскія племена приняла южное и западное направленіе и одни достигли до Арменіи и Малой Азии, другія расположились при подошвѣ Иранской возвышенности въ равнинахъ Сузіаны и на берегахъ Тигра и Евфрата, гдѣ они задолго опередили своимъ поселеніемъ Семитовъ и Кушитовъ.

Но и Туранцы не были первыми поселенцами въ Халдеѣ. Нужно думать что еще прежде ихъ долина Тигра и Евфрата была занята народностями дрѹгой расы, по всей вѣроятности близкой къ черному тѣлу. Объ этихъ народностяхъ не осталось ни малѣйшаго воспоминавія, самое имя ихъ исчезло, но мы должны признать ихъ существованіе при объясненіи этнографическихъ элементовъ первоначальной Халдеи. Быть - можетъ остатки этихъ дикарей еще и теперь находятъ путешественники близъ Персидскаго залива **. Вступивъ въ долину Тигра и Евфрата, Туранцы нашли ее по геологическому строенію совсѣмъ не такую какою мы видимъ ее теперь. Южная часть этой долины, собственно земля Халдеевъ, образовала морской берегъ и Тигръ и Евфратъ изливались въ море еще въ нѣкоторомъ отдаленіи другъ отъ друга. Въ болѣе же отдаленныя времена, въ началѣ нашего геологическаго періода, Тигръ и Евфратъ расходились другъ отъ друга по крайней мѣрѣ на двадцать миль при впаденіи въ заливъ, который удалялъ Персидскій заливъ и, благодаря наносамъ этихъ рѣкъ и ихъ притоковъ, образовалась эта аллювіальная мѣстность. Если въ настоящее время дельта Шательараба увеличивается на одну англійскую милю въ теченіе семидесяти лѣтъ, то въ древнѣйшія времена, о которыхъ мы говоримъ, этотъ про-

* G. Maspero. *Histoire ancienne*, стр. 132.

** Lenormant. *La magie chez les Chaldéens*, стр. 279. Ср. G. Rawlinson. *The five great Monarchies*, V. 11. стр. 500.

цессъ совершался болѣе чѣмъ вдвое скорѣе *. Эта-то наносная долина и была тою почвой на которую вступили Туранцы. Она имѣла пустынный, далеко не гостепріимный видъ, быть - можетъ похожій на тотъ въ какомъ она находится въ настоящее время, совершенно лишенная культуры. Вѣроятно тогда, какъ и теперь, Евфратъ свободно распространялъ свои воды направо и налево во множествѣ рукавовъ и почва орошалась неравномерно: тамъ гдѣ былъ избытокъ влаги, земля поросла сплошь водяными растеніями выше роста человека, въ мѣстахъ же гдѣ ея совсѣмъ не было почва засыхала и твердела, или же сплошь покрывалась пескомъ, въ изобиліи наносимымъ пустыннымъ вѣтромъ **. Культивировать эту страну составляло главнѣйшую задачу первыхъ обитателей Халдеи; благодаря энергіи и искусству съ какимъ они исполняли эту задачу, правильному регулированію наводненія Евфрата и равномерному распределенію его водъ посредствомъ канализаціи, земля эта сдѣлалась богатѣйшею и плодороднѣйшею въ свѣтѣ. „Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ земель, говоритъ Геродотъ ***, Вавилонія всѣхъ болѣе способна производить плодъ Деметры. Деревьевъ она не можетъ произращать, ни смоковницы, ни винограднаго дерева, ни маслины, но плодъ Деметры она въ состояніи производить въ такомъ изобиліи что онъ большею частію родится самъ въ двѣсти, даже на болѣе плодородныхъ мѣстахъ достигаетъ до самъ трехсотъ. Листья пшеицы и ячменя достигаютъ тамъ широты четырехъ пальцевъ; не стану описывать какъ велико дерево образуется изъ пшеицы и кукуруза, хотя и точно знаю это, такъ какъ увѣренъ, что люди не бывавшіе въ вавилонской землѣ съ большимъ недоумѣніемъ отвѣсутся къ моимъ словамъ.“

Нужно думать что Туранцы вступили въ долину Тигра и Евфрата уже съ развитшеюся до нѣкоторой степени культурой, которую они привезли съ собою изъ другаго мѣсто-пробыванія. Капивообразныя письма, которыми написана вся литература Халдеи и Ассиріи, были ихъ изобрѣтеніемъ и притомъ они изобрѣли ихъ еще прежде чѣмъ вступили въ

* Loftus, *Chaldea and Susiana*, стр. 282 G. Rawlinson, *The five great Monarchies*. v. 1. стр. 4—5.

** Loftus, *Chaldea and Susiana*, стр. 14.

*** Herodot, 1, 193.

Халдею. Первоначально знаки употреблявшіеся для выраженія идей были идеографическими, на подобіе египетскихъ іероглифовъ, т.-е. грубые символическіе образы конкретного предмета или абстрактной идеи, которымъ въ живой рѣчи соответствовалъ звукъ обозначающій эти предметы или идеи. Такъ напримѣръ божество изображалось въ формѣ звѣзды; ей соответствовалъ звукъ *an*, который и былъ именемъ божества. Въ послѣдствіи эти знаки получили фонетическое значеніе, такъ напримѣръ знакъ обозначающій *an* началъ входить въ составъ другихъ словъ какъ слогъ. Въмѣстѣ съ этимъ, самая идеографическая форма сглаживалась, знаки перестали походить на тѣ предметы которыхъ они были символомъ, и стали представлять простую комбинацію различныхъ, похожихъ на клины штриховъ. Вся система этихъ знаковъ вполнѣ соответствовала агглютивирующему идиому Туранцевъ, гдѣ слова и части словъ при взаимномъ соединеніи сохраняли свою самостоятельность, и только въ послѣдствіи была усвоена Кушито-Семитами Тигро-Евфратской долины, при чемъ оказалось все ея несовершенство для выраженія идей языка болѣе совершенной конструкціи. Письмена эти были изобрѣтены, какъ мы сказали, еще прежде поселенія Туранцевъ въ Халдею. Исцѣдованіе элементарныхъ клинообразныхъ знаковъ и сравненіе ихъ съ матеріальными предметами дали тотъ важный результатъ что клинообразныя письма вышли изъ земли болѣе сѣверной чѣмъ Халдея, съ другою флорой и фауной, гдѣ напримѣръ не было львовъ, но за то были во множествѣ медвѣди и волки, гдѣ неизвѣстны ни пальма, ни виноградная лоза, но за то были во множествѣ хвойныя деревья*.

Вмѣстѣ съ письменами, Туранцы или Аккадійцы первые ввели употребленіе и обработку металловъ въ Халдею. Изъ своего отечества на Алтаѣ они привесли готовое искусство обработки полезныхъ металловъ и драгоценныхъ минераловъ. Между древними іероглифами находятя особыя знаки для названія металловъ, каковы золото, серебро, желѣзо и мѣдь. „Древнѣйшіе гробы Халдеи, которые вводятъ

* Smith, *The phonetic values of the cuneiform characters*, стр. 4; Oppert, *Comptes rendus de la Société française de numismatique et d'archéologie*. Ч. 1, стр. 74.

насть въ такую же глубокую древность какъ и египетскія гробницы „древняго царства“, представляютъ намъ предметы изъ золота, бронзы и даже изъ желѣза. При этомъ мы находимъ одновременно употреблявшіеся сосуды и орудія изъ высѣченнаго, и шлифованнаго камня, острія стрѣлъ, топоры и молоты. Распространеннѣйшій металлъ есть бронза; изъ нея сдѣланы всѣ металлическіе сосуды и инструменты. Что касается до желѣза, то оно было рѣже и кажется что по трудности добыванія оно стояло на степеню драгоценнаго металла. Въмѣсто того чтобы дѣлать изъ него орудія, имъ пользовались для браслетъ и для другихъ грубыхъ предметовъ украшенія. Несмотря на это металлургія является для насъ совершенно развитою и не ограничивается одною бронзою, даже въ то очень древнее время, когда народъ изобрѣлъ первые несовершенные іероглифы, отъ которыхъ потомъ произошли клинообразныя письмена“ *.

Религія этихъ первоначальныхъ обитателей Халдеи была совершенно иная нежели та позднѣйшая форма халдейско-вавилонской религіи какую представляютъ намъ ламатники. Она носила тиль религиозныхъ воззрѣній финскіихъ и алтайскіихъ народностей. Правда, мы не имѣемъ ламатниковъ этой религіи отъ того времени когда она находилась еще въ чистомъ видѣ, но остатки этихъ вѣроваій обнаруживаютъ настолько самостоятельныя и выдающіяся черты что по нимъ мы легко можемъ начертить цѣльный образъ этихъ древнихъ вѣроваій. Эта религія состоитъ въ обожествленіи силъ и явленій природы, которыя представлялись какъ живыя существа или тождественныя съ духами ихъ вызывающими, или находящіяся подъ ихъ властію. Это первоначальная и грубая форма религіи, весьма близкая къ фетишизму. Надъ природою и въ ней самой стоитъ безчисленный сонмъ духовъ, которые вызываютъ и совершаютъ всѣ ея явленія: „Они господствуютъ надъ всѣми существами творенія и оживляютъ ихъ, они причиняютъ добро и зло, они направляютъ теченіе планетъ, они производятъ правильное обращеніе временъ года, они вызываютъ вѣваніе вѣтровъ и производятъ дождь, равно какъ всѣ цѣлебныя и вредныя явленія атмосферы; они доставляютъ почвѣ плодородіе, растеніямъ зерно и плодъ, они заботятся о происхо-

* Lenormant. *Les premières civilisations* t. I стр. 118.

жденіи и поддержаніи всякой жизненной силы, они посылаютъ также смерть и болѣзни. Духи сего рода обитаютъ всюду, въ звѣздномъ небѣ, на землѣ, въ воздухѣ. Всѣ элементы населены имъ, воздухъ, огонь, земля, вода; все существуетъ только черезъ нихъ. Каждое небесное тѣло, каждое существо, каждый предметъ природы имѣетъ особаго духа.*

Но такъ какъ явленія природы раздѣляются на полезныя и вредныя, то соотвѣтственно этому и духи дѣлятся на двѣ категоріи, добрыхъ и злыхъ, между которыми царствуетъ постоянный антагонизмъ и свирѣлствуетъ ожесточенная война, причемъ успѣхъ бываетъ то на той, то на другой сторонѣ. Отъ этого происходитъ что вслѣдъ за благодѣтельными явленіями природы тотчасъ наступаютъ разрушительныя катастрофы и наоборотъ. Человѣкъ также вовлеченъ въ эту борьбу; преслѣдуемый злыми духами онъ принуждается искать себѣ помощи и покровительства у духовъ добрыхъ, онъ призываетъ къ себѣ на помощь этихъ послѣднихъ, и посредствомъ ихъ старается изгнать и лишить силы злыхъ. Поэтому весь культъ этихъ народовъ состоитъ въ магіи, то есть въ таинственныхъ обрядахъ, посредствомъ которыхъ заклинали и изгоняли злыхъ духовъ, производящихъ вредныя дѣйствія, и вызывали духовъ добрыхъ. Насколько эта магія и соединенное съ нею ученіе о духахъ господствовало въ Халдеѣ, мы видимъ изъ того что и въ позднѣйшія времена оно составляло часть болѣе высшаго и сложнаго религіознаго міровоззрѣнія, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Между духами добрыми и злыми находили различныя степени: одни были высшаго, другіе низшаго ранга. Среди ихъ возвышались и такіе которые имѣли названіе боговъ. Но боги существенно не отличались отъ другихъ духовъ; все различіе ихъ состояло въ томъ что область подлежащая ихъ управленію была шире чѣмъ область обыкновенныхъ духовъ; они были духи не отдѣльныхъ явленій и силъ природы, а цѣлой ихъ категоріи. Но чтобы получить ясное понятіе о богахъ аккадійской религіи, нужно знать о томъ какъ представляли они форму земли, надъ крупными частями которой они помѣщали своихъ боговъ. Землю они представляли въ формѣ барки, но не продолговатой, какъ наши, а совер-

* Lenormant. *La magie chez les Chaldéens*, стр. 134.

шевно круглой, какія была въ улотребленіи у нихъ. Верхняя ея поверхность состоящая изъ суши и воды и есть собственно обитаемая земля; нижняя же часть составляетъ бездну, преисподнюю, въ которой имѣють мѣстопребываніе души умершихъ, куда заходитъ солнце для ночнаго обитанія. Надъ землею расширяется „подобно покрывалу“ небо, оно въ видѣ полусферы опирается на оконечности земли и движется вмѣстѣ со звѣздами около „горы востока“, которая соединяетъ небо и землю и служитъ осью для небеснаго свода. Эта гора не соответствуетъ зениту, землѣ Аккадъ, а лежитъ на сѣверо-востокъ отъ нея.

Эти три части міроваго цѣлаго находятся подъ управленіемъ трехъ главнѣйшихъ боговъ. Богъ неба—*Ана*, богъ земли—*Еа* и богъ преисподней—*Мулге*. *Ана* есть и самое небо и духъ его; онъ менѣе чѣмъ всѣ другіе боги отдѣленъ отъ той матеріальной области надъ которою онъ владычествуетъ. Онъ не есть первый принципъ бытія и не владычествуетъ надъ богами другихъ двухъ частей міра. *Еа* есть богъ земной поверхности и окружающей ее атмосферы, онъ есть духъ этого пояса міроваго цѣлаго, душа которая все проникаетъ и оживляетъ и всему сообщаетъ силу жизни и движенія. И такъ какъ водная стихія, по представленію Аккадійцевъ, была основною стихіей, то онъ по преимуществу на землѣ былъ богъ Океана; всѣ духи владычущіе водами были его дѣти. Его любимымъ мѣстопребываніемъ служитъ Океанъ, который кругомъ омываетъ землю, поэтому его и представляли въ формѣ рыбы и называли „могучею рыбой Океана“ или „возвышенною рыбой“. Какъ обладатель и направитель всѣхъ земныхъ явленій, онъ былъ носителемъ всякаго знанія. Старааясь о поддержаніи добраго порядка на землѣ, онъ является самымъ могущественнымъ противникомъ злыхъ духовъ, причинающихъ разрушеніе и болѣзни въ тваряхъ; отсюда къ нему главнымъ образомъ обращается человекъ за помощію противъ злыхъ духовъ. Его сулругою была *Дамкина* или *Давкина*, олицетвореніе земной поверхности которую онъ оладотворяетъ.

Надъ подземнымъ міромъ царствуетъ *Мулге*. Тамъ имѣють свое пребываніе души умершихъ, и земля эта называется „землею безъ возврата“, „гробомъ“, „храмомъ мертвыхъ“, „великимъ городомъ“, „пространнымъ обитаніемъ“. Тамъ всѣ люди, добрые и злые, ведутъ одинаково печальную жизнь и

ихъ участь не имѣетъ никакой связи съ заслугами ихъ земной жизни. Впрочемъ, гдѣ-то въ заднемъ углу этой „земли безъ возвращенія“ находится „источникъ воды живой“, тщательно оберегаемый подземными силами; кто по волѣ боговъ вкуситъ этой воды жизни, тотъ возвращается къ свѣту жизни. Изъ этого темнаго царства преисподней выходятъ духи приносящіе болѣзни и всякаго рода бѣдствія людямъ; они суть дѣти *Мулге*. Впрочемъ преисподняя не населена исключительно злыми духами, отъ *Мулге* и его супруги *Нинге* происходятъ также и добрые духи, равно какъ и самъ онъ есть доброе и благотворительное божество.

Кромѣ этихъ главнѣйшихъ боговъ, Аккадіицы признавали множество боговъ низшихъ. Особеннымъ почтеніемъ пользовались божества благотворительныхъ явленій и предметовъ природы; между ними особенно часто призывалось божество солнца, такъ какъ оно какъ божество свѣта всего болѣе является противникомъ злыхъ духовъ, для которыхъ мракъ и темнота были лучшимъ убѣжищемъ. „Его лучъ, говорится въ одномъ гимнѣ, освѣщаетъ всю землю, оно уничтожаетъ ложь, завыя вліянія предзнаменованій, волшебствъ, словъ и вредныхъ явленій, оно доставляетъ злымъ умысламъ счастливый исходъ.“ Гимны восхваляютъ также воды, дѣтей Океана, „блестящія, свѣтлая, чистыя“, восхваляютъ также огонь, который „своимъ священнымъ пламенемъ освѣщаетъ домъ тьмы, очищаетъ серебро и золото.“ По своей близости къ человеку этого бога, онъ часто является посредникомъ между нимъ и верховнымъ божествомъ *Еа*, непосредственное обращеніе къ которому считалось дерзновеннымъ.

Таковою была въ общихъ чертахъ религія Аккадіицевъ. Что касается до ихъ политическаго быта, то объ этомъ мы пока не имѣемъ еще никакихъ свѣдѣній, такъ какъ, строго говоря, мы не можемъ указать ни на одинъ памятникъ который восходилъ бы ко времени самостоятельнаго, не смѣшаннаго съ другими племенами, существованія Аккадійскаго народа. Вѣроятнымъ можно назвать только то что народъ ихъ раздѣлялся на двѣ части, изъ коихъ одна называлась *Сумиръ*, а другая *Аккадъ*. Нужно признать болѣе основательнымъ то мнѣніе что эти названія вовсе не обозначали различныхъ расъ населявшихъ Халдею, какъ думаютъ нѣкоторые, а обозначали одинъ и тотъ же народъ и первоначально имѣли чисто

географическое значеніе. *Сумиромъ* (по Бибіи Сеннааръ) называлась та часть Аккадійскаго народа которая первая вступила въ Тигро-Евфратскую долину и въ ней поселилась, а *Аккадомъ* та которая остановилась, не доходя до самой долины, на возвышенностяхъ на востокъ и сѣверо-востокъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно судить по значенію самыхъ этихъ названій. Въ послѣдствіи эти названія перестали соответствовать географическому положенію народностей, и *Аккадомъ* называлась та часть Халдейскаго народа которая поселилась на югѣ около Персидскаго залива, въ противоположность *Сумиру* или собственно Халдеѣ *. Долго ли продолжалась самостоятельная исторія Сумира и Аккада, мы не знаемъ, по всей вѣроятности эта исторія была продолжительна, пока не вступила на почву Халдеи другая порода, весьма различная по характеру и темпераменту, которую мы называли *кушитскою*.

Кушитская раса есть одна изъ самыхъ важнѣйшихъ, о какихъ сохранила память исторія. Всѣ преданія какія связаны съ народами этой расы свидѣтельствуютъ о той чрезвычайно важной роли какую играла она въ незапамятныя времена въ исторіи. По библейскому преданію колыбелью этой расы была земля *Кушъ*, тамъ гдѣ течетъ рѣка *Гилонъ* въ Бактріи **. Отсюда они направились къ берегамъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, къ подошвѣ горы Гивду-Кушъ, равно какъ въ Малую Азію; другіе направились на югъ и вдоль Инда проникли до Декана ***. Но главнымъ мѣстомъ ихъ населенія были берега Персидскаго залива, откуда смѣлѣйшіе изъ нихъ перешли чрезъ Аравію до Бабельмандебскаго пролива, перешли его и утвердились на берегахъ Голубаго Нила, гдѣ ихъ потомство „презрѣнный *Кушъ*“ многія сотни лѣтъ было ожесточеннымъ врагомъ Египта. Самый Египетъ есть отдаленная отрасль этого племени, которая въ незапамятныя времена чрезъ Суэзь перешла изъ Азіи въ Африку. Особенность этой расы выразилась въ склонности къ торговой и промышленной жизни, къ искусству и строенію городовъ. Море также сдѣлалось ихъ стихіей ****. Ихъ слава и ихъ

* Lenormant. *Etudes accadiennes*, t. 1. b. 3.

** Быт. 2, 13.

*** Mospero. *Histoire ancienne*, стр. 146.

**** D'Eckstein въ *Athénæum français*, 22 April, 1854.

могущество проникли даже до Греціи, хотя народы Греціи начали свою историческую жизнь уже когда значительно ослабли силы и единство кушитскаго племени. Поэты выводили на сцену Мемнона *, основателя Сузъ и союзника Пріама, а Гомеръ прославлялъ Эіоілянъ какъ самыхъ удобныхъ богамъ людей, которые жили на самыхъ отдаленныхъ концахъ земли — одни около восхода солнца, другіе около заката **.

По библейскому преданію къ Кушитамя принадлежали Египтяне, Вавилоныяне, Эіоілянне, Финикіянне и Хананеи. Всѣ эти народы обнаруживаютъ чрезвычайно близкое родство съ другими народами, которыхъ преданіе относитъ къ семитической расѣ, отъ Сима, сына Ноя. Это родство всего яснѣе выражается въ языкѣ; языкъ напимѣръ Евреевъ почти тождественъ съ языкомъ Финикіянъ и Хананеянъ; языкъ Ассирійцевъ имѣлъ только ничтожныя диалектическія отаціа отъ языка Вавилоныянъ, между тѣмъ преданіе строго отаціааетъ чистыхъ Семитовъ, именно Евреевъ, Арамеевъ, Арабовъ, Ассирійцевъ и другихъ, отъ Кушитовъ или Хамитовъ. Нѣтъ сомнѣнія что эти народы, несмотря на единство происхожденія, имѣли такіа рѣзко выдающіяся черты по которымъ они существенно отличались другъ отъ друга и могли быть относимы къ двумъ различнымъ расамъ. Кушитовъ отъ Семитовъ, по всей вѣроятности, отаціало особенно большее или меньшее смѣшеніе ихъ съ народами другой расы, и главнымъ образомъ съ черною расой, отъ чего измѣнилася ихъ антропологическій типъ, между тѣмъ какъ Семиты во всей чистотѣ удержали свой типъ бѣлой расы. Другое различіе заключается въ томъ что Семиты надолго оставались вѣрны традиціямъ пастушеской жизни и простоты нравовъ и вѣрованій, между тѣмъ какъ Кушиты прежде нихъ вкусили блага культуры, завели искусства, промышленность и торговлю и вели болѣе легкую и чувственную жизнь, чѣмъ естественно возбудили къ себѣ отвращеніе въ сродныхъ имъ семитическихъ племенахъ. ***

* Hesiod, *Theogonie*. V. 924, Aischylos, *Pers*. 17, 118; Herodot, V, 54. Diodor 11, 22, 3.

** Αἰθιοπᾶς τοῖ διχθὰ δεδαῖται, ἔσχατοι ἀνδρῶν, Οἱ μὲν δυσομένου Ὑπερίονος, οἱ δ' ἀνίοντος, *Odys*. 1, 23—24.

*** Lenormant. *La magie chez les Chaldéens*, стр. 278.

Это-то могучее кушитское племя въ отдаленныя времена вступило на берега Тигра и Евфрата, гдѣ пришло въ столкновение съ давно уже жившими тамъ Туранцами. Объ этой эпохѣ нѣтъ прямыхъ историческихъ свѣдѣній. Быть-можетъ библейское сказаніе о Нимродѣ, сынѣ Куша, „великомъ исплаивѣ и ловцѣ предъ Богомъ“, есть именно остатокъ преданія объ этой эпохѣ. Нѣтъ сомнѣнія что преданіе о Нимродѣ принадлежитъ Халдеѣ и весьма вѣроятно предположеніе что главный герой халдейской эпохи, о которой мы будемъ говорить ниже, есть одно съ нимъ лицо. Началомъ царства Нимрода называются въ Библии четыре города: Бавель (Вавилонъ), Ерехъ, Аккадъ и Калне, имена которыхъ, за исключеніемъ Вавилона, чисто аккадійскія, изъ чего слѣдуетъ что эти города существовали въ землѣ прежде Кушита-Нимрода и пріобрѣтены имъ посредствомъ завоеванія. Нужно думать что первое поселеніе Кушитовъ въ Халдеѣ сопровождалось страшными войнами, отголоски которыхъ вѣроятно мы находимъ въ халдейской эпохѣ. Впрочемъ, эти войны не имѣли своимъ послѣдствіемъ совершеннаго уничтоженія побѣждаемаго племени Аккадійцевъ; напротивъ, обѣ народности поселились рядомъ другъ съ другомъ, причемъ южную часть Халдеи, примыкающую къ Персидскому заливу, заняли преимущественно Туранцы, въ сѣверной же части, Сумиръ (Сеннааръ) поселились преимущественно Кушиты. Отъ ихъ соединенія и произошла та пестрая смѣсь народностей и языковъ въ Вавилоніи, о какой свидѣтельствуетъ древнее преданіе*.

Кушиты внесли въ унаслѣдованную ими культуру Аккадійцевъ отличительныя особенности своей расы, отчего происшедшая отъ смѣшенія Аккадійцевъ и Кушитовъ халдейская культура имѣетъ много общаго съ культурой родственныихъ Кушитами Халдеи Семито-Кушитовъ Сиріи, Палестины и Аравіи. Но усвоивъ достигшую нѣкоторой степени высоты культуру Аккадійцевъ, Кушиты Халдеи дали новый могущественный толчокъ ея развитію, вслѣдствіе чего она достигла такой высоты до какой немогла достигнуть культура родствен-

* Эсхилъ называетъ обитателей Вавилона πάσιςτος ἄλλος. Регн. 51; книга Даниила начинается едикты вавилонскихъ царей такими словами: „народы, племена и языки“ и т. д. Дач. 3, 4; 5, 20; 6, 25; 7, 14. *

ныхъ имъ народовъ Сиріи и Палестины, и въ этомъ именно сѣшавшемъ ея характерѣ заключается ея сила и широта и причина того могущественнаго вліянія какое она несомнѣнно имѣла на родственныя имъ племена. Въ настоящее время нельзя еще съ полною точностію опредѣлить что въ этой культурѣ исключительно принадлежитъ Туранцамъ и что Кушитамъ, несомнѣнно только одно что туранскій элементъ игралъ первобытную роль въ этой культурѣ. Древнѣйшіе города Халдеи, несмотря на свои аккадійскія названія, древнѣйшая литература Халдеевъ, несмотря на то что писана на аккадійскомъ языкѣ, носятъ въ своихъ развалинахъ и остаткахъ ясныя слѣды кушитскаго вліянія. Древность этихъ городовъ и надписей на ихъ памятникахъ такъ глубока что даже трудно составить приблизительное о ней понятіе, хотя эти города даже въ самую отдаленную эпоху были обширны и богаты. Главнѣйшими городами Халдеи, развалины которыхъ отчасти находятся до сего времени, были: *Уръ, Урукъ, Ларсамъ, Нипуръ, Сиппара, Борсинъ и Вавилонъ*. *Уръ* (въ настоящее время *Mugheyr*) лежалъ въ низменности находящейся на правомъ берегу Евфрата, въ шести миляхъ отъ него, недалеко отъ прежняго его устья. Развалины его окружены валомъ и заключаютъ въ себѣ около двухъ миль въ окружности; въ срединѣ его возвышается трехъярусный, построенный изъ кирпичей, покрытыхъ смолою, храмъ, все пространство вокругъ котораго наполнено множествомъ всякихъ гробницъ, указывающихъ на долгій періодъ, въ продолженіе котораго процвѣталъ этотъ городъ. * Этотъ городъ вѣроятно былъ тѣмъ *Уромъ халдейскимъ*, о которомъ говорится въ книгѣ Бытія какъ о родивъ патріарха Авраама; по крайней мѣрѣ несомнѣнно что онъ процвѣталъ въ то время которое соответствуетъ времени призванія Авраама, то-есть за двѣ тысячи лѣтъ до нашей эры. ** Въ древнѣйшее время эти города были по всей вѣроятности независимы, и земля Халдеи раздѣлялась на множество отдѣльных государствъ, независимыхъ другъ отъ друга, но подъ преобладаніемъ какого-нибудь одного города, иногда же они соединялись въ федерацію ***. Только въ двадцатомъ столѣтіи до Р. X. всѣ эти государства являютъ подъ ски-

* G. Rawlinson, *The five great Monarchies*, Vol. 1. стр. 15—16.

** Smith, *The history of Babylonia*, стр. 65.

*** Ibid, стр. 63

петромъ одного монарха, *Саргона I*, царя города *Агаме*; называлось это государство также *Сумирь* и *Аккадъ* и только въ девятомъ столѣтїи, съ того времени какъ среди Халдейскаго народа стало играть преимущественную роль племя *Калду*, оно стало называться *Халдеей* *.

Самостоятельная исторія Халдеи съ того момента какъ она выступаетъ предъ нами какъ цѣльное государство продолжалась не менѣе полуторы тысячи лѣтъ. Но въ эту эпоху, то-есть за двѣ тысячи лѣтъ до Р. X., мы застаемъ Халдею уже въ полномъ цвѣтѣ ея развитія: различіе между народностями сгладилось, аккадїйскій языкъ уже давно сдѣлался мертвымъ, и халдейская культура подъ преобладаніемъ *Кушитовъ* достигла своего завершенія. Халдея не играла выдающейся политической роли во всемирной исторїи; только при *Навуходоносорѣ* (*Набу-кудуръ-уссуръ*) и его отцѣ *Наболомасарѣ* (*Набу-палъ-уссуръ*) ей пришлось играть недолговременно первенствующую роль въ тогдашнемъ мїрѣ; эта роль вышла ей можно сказать случайно, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, такъ какъ Халдея никогда не претендовала на всемирное господство. Плодами ея мирнаго и спокойнаго развитія воспользовались одноплеменные съ нею *Ассирійцы*; въ продолженіе болѣе двухсотъ лѣтъ они владѣли Переднею Азіей и Африкой, держали самую Халдею подъ своимъ тяжелымъ игомъ. Ихъ завоеванія много способствовали распространенію халдейскаго вліянія на тогдашній мїръ, но сами они въ культурномъ отношеніи не произвели рѣшительно ничего; всѣ ихъ искусства, литература и религія, все это было заимствовано изъ Халдеи, они находились въ такомъ же отношеніи къ Халдеѣ въ какомъ *Римляне* въ отношеніи ко *Греціи*. Дворцы и храмы знаменитыхъ ассирійскихъ монарховъ вмѣщали въ себѣ обширныя библіотеки, состоящія исключительно изъ списковъ снятыхъ въ древнѣйшихъ книгохранилищахъ Халдеи. Эта литература писалась обыкновенно на четырехугольныхъ плиткахъ сдѣланныхъ изъ глинны, которая въ *Тигро-Евфратской* долинѣ отличалась себою липкостью и твердостью; эти плитки покрывали съ той и другой стороны строками необыкновенно тонкаго и убористаго клинообразнаго шрифта, затѣмъ обжигали или сушили на солнцѣ. Бóльшая часть этихъ произведеній,

* Smith, *The history of Babylonia*, стр. 104.

особенно древнѣйшія, написаны на аккадійскомъ языкѣ, то-есть на туранскомъ идиомѣ Халдеи. Впрочемъ изъ этого не слѣдуетъ что вся эта литература чисто аккадійскаго происхожденія; аккадійскій языкъ, сдѣлавшійся мертвымъ еще за двадцать столѣтій до Р. Х., былъ спеціально языкомъ литературы и жреческихъ школъ, онъ имѣлъ такое же значеніе, какое латинскій языкъ въ Средніе Вѣка на Западѣ. Въ царствованіе Саргона I, основателя халдейскаго единства, были собраны все древнѣйшія произведенія написанныя на аккадійскомъ языкѣ, приведены въ порядокъ и снабжены подстрочнымъ переводомъ на употребительный языкъ кушитской Халдеи, который принято въ настоящее время называть *ассирійскимъ* языкомъ, хотя онъ существовалъ тогда когда еще не было самаго имени Ассура. Литература эта состояла изъ произведеній религіозной поэзіи, гимновъ и заклинаній боговъ, мифологіи и эпосовъ, исторіи, астрономіи и астрологіи, математики и другихъ наукъ *. Особо славой пользовались библіотеки въ Силпарѣ и Урухѣ (Эрехъ Библии). Копіями съ этихъ произведеній, хранившихся въ библіотекахъ древнѣйшихъ городовъ Халдеи, и наполнены были, какъ мы сказали, книгохранилища ассирійскихъ царей. Одна изъ такихъ библіотекъ, именно библіотека послѣдняго и самаго знаменитаго изъ ассирійскихъ завоевателей, Ассурбанилала, жившаго въ VII столѣтіи до Р. Х., найдена въ новѣйшее время Лейардомъ въ Куйюнджикѣ, на мѣстѣ древней Ниневіи; она занимала обширную залу при дворцѣ царя и вмѣщала громадное количество произведеній, остатки которыхъ въ количествѣ болѣе десяти тысячъ плитокъ наполняютъ въ настоящее время Британскій Музей. Къ сожалѣнію, весь этотъ драгоценный матеріалъ былъ упакованъ и отправленъ въ Англію безо всякаго порядка, такъ что ученымъ предстояла чрезвычайно затруднительная работа привести все это въ порядокъ; но этотъ трудъ значительно облегчился, когда было открыто что каждая плитка занумерована и помѣчена цѣннею того произведенія часть котораго она составляла. Вообще, какъ оказалось, ассирійскія библіотеки, равно какъ и библіотеки Халдеи, которыя служили для нихъ образцами, были приведены въ строгій

* Краткій очеркъ этой литературы можно найти на русскомъ языкѣ въ брошюрѣ: Сэйсъ, *Ассирио-вавилонская литература*. Спб., 1879.

систематическій порядокъ, всѣ книги были занумерованы и внесены въ реестръ, были составлены точныя правила для всенароднаго ими пользованія. Должность библіотекаря была одна изъ почетныхъ въ государствѣ и переходила по наследству отъ отца къ сыну. Библіотека Ассурбанипада состояла въ свою очередь изъ копій снятыхъ съ произведеній хранившихся въ древнемъ Урукѣ, положеніе котораго еще до сего времени не опредѣлено. Трудомъ и терпѣніемъ талантавыхъ ученыхъ Англій и Франціи остатки этой библіотеки приведены въ значительной степени въ порядокъ, текстъ многихъ произведеній былъ восстановленъ, иногда по слученію нѣсколькихъ найденныхъ экземпляровъ, и опубликованъ для общаго знакомства *. Результатомъ этой работы и было то что предъ глазами современнаго образованнаго міра воскресла цѣлая цивилизація, о которой до сего времени имѣли весьма слабое и смутное представленіе.

III. Религія и религіозная поэзія Халдеевъ.

Религіозныя воззрѣнія Халдеевъ, усвоенныя во всей цѣлости Ассирійцами, составляютъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ ихъ культурнаго развитія. Въ нихъ всего яснѣе выражается и родство ихъ съ Семито-Кушитами Сиріи и Палестины, и то различіе которое свидѣтельствуетъ о новыхъ самостоятельныхъ шагахъ какіе были ими сдѣланы. Религіозныя воззрѣнія Халдеевъ, сколько мы можемъ судить о нихъ по памятникамъ, далеко не походили на тѣ какія имѣли Туранцы, первоначальные обитатели Халдеи, еще до смѣшенія ихъ съ Кушитами; о тѣхъ воззрѣніяхъ мы можемъ судить только по обширному развитію демонологіи и магіи у Халдеевъ, не стоящихъ ни въ какой связи съ утвердившеюся и такъ-сказать официальною формою религіи. Остатки древнихъ вѣрованій держались во все время когда водворились новыя и совершенно различныя религіозныя идеи и отражали почти во всей цѣлости тотъ строй воззрѣній какой исклю-

* Rawlinson. *Cuneiform inscriptions of Western Asia*. Vol. I—IV. Мы будемъ цитовать это изданіе такъ: W. A. I. Другія изданія: Layard, *Inscriptions in the cuneiform character*. Lenormant. *Choix de textes cunéiformes inédits* I, II, III.

чительно господствовалъ въ туранской Халдеѣ и какой господствуетъ до сего времени въ родственныхъ имъ племенахъ туранской расы. Эти воззрѣнія мы изложили въ предшествующей главѣ. Собственно халдейская религія, та религія памятники которой мы имѣемъ въ многочисленныхъ гимнахъ и мѣологическихъ произведеніяхъ Халдеи и чертами которой запечатлѣны почти всѣ произведенія халдейско-ассирійской литературы, принадлежитъ по своимъ основнымъ чертамъ Кушитахъ Халдеи. Хотя ихъ боги носятъ аккадійскія имена, хотя большая часть ихъ религіозныхъ гимновъ написаны на аккадійскомъ языкѣ, тѣмъ не менѣ эта религія носить совершенно другой типъ чѣмъ религія чистыхъ Аккадійцевъ. Подъ аккадійскими именами провикли въ ихъ пантеонъ совершенно другія божества; первоначально она раздѣстилась безо всякаго различія по достоинству и, какъ совершенно равныя, находились на одной и той же ступени, а потомъ они раздѣщены были по различнымъ степенямъ и поставлены въ іерархическую зависимость другъ отъ друга. Религія Халдеевъ въ ея древнѣйшей формѣ носить совершенно тотъ типъ какой имѣла религія всѣхъ Семито-Кушитовъ Сиріи и Палестины (за исключеніемъ Евреевъ); въ своей же позднѣйшей, систематической и законченной формѣ она есть величественное произведеніе чисто халдейскаго происхожденія, памятники ихъ болѣе высокаго культурнаго развитія, до котораго не могли возвыситься родственныя имъ племена.

Религіи Семито-Кушитовъ Сиріи и Палестины, родство съ которыми древнѣйшей религіи Халдеи можно считать несомнѣннымъ, составляютъ одну группу, несмотря на то что по вѣщности они являются столь различными другъ отъ друга. * Эта группа есть одна изъ самыхъ замѣчательныхъ среди древнѣйшихъ формъ религіи. Боги разныхъ народовъ носятъ различныя имена, имѣютъ различныя изображенія, различныя черты, но если ближе всмотрѣться въ эти черты, то мы найдемъ что эти божества въ сущности одни и тѣ же, отражаютъ одно и то же религіозное мировоззрѣніе, имѣютъ одинаковые атрибуты и суть видоиз-

* Объ этихъ религіяхъ: Vogüé, *Mélanges d'archéologie orientale*, pp. 51—57. Lenormant, *Manuel d'histoire ancienne de l'Orient*: 3 изд., т. III, стр. 127 сл. 303, 352 сл.

измѣняемыя по различнымъ мѣстностямъ представленія одной и той же божественной субстанціи. Въ основѣ этихъ религій лежитъ представленіе объ единой божественной субстанціи, которая состоитъ въ неразрывной связи съ происходящею изъ нея, хотя независимою отъ нея, матеріей. Это божество есть единое и многое въ одно и то же время; оно—едино, такъ какъ оно дѣйствуетъ, какъ натуральное божество, во всѣхъ предметахъ міра, есть виновникъ всей физической жизни, при чемъ оно ведетъ совокупную съ природой жизнь и ежегодно уничтожаетъ всѣ свои произведенія чтобы вновь ихъ создать. Но съ другой стороны это божество, какъ во всѣхъ пантеистическихъ религіяхъ, мало отличается отъ своихъ произведеній, которыя являются также божественными; производа измѣненія въ физическомъ мірѣ, оно въ то же время производитъ измѣненія и на самомъ себѣ: въ каждомъ моментѣ своего творчества, въ каждомъ произведеніи, оно является различнымъ божествомъ, особую личностью, отраженіемъ первоначальной субстанціи. Отсюда различныя имена и различныя божественныя личности; каждый народъ привыкъ видѣть олицетвореніе божественной сущности въ какомъ-нибудь одномъ изъ ея проявленій и подъ этою опредѣленною формою изображать его, но всѣ эти формы суть только различныя формы представленія одного и того же божественнаго существа. Всѣ подобныя религіи имѣютъ чисто мѣстный характеръ; каждое племя, каждый городъ имѣлъ свое особое божество, приурочивалъ его къ какой-либо особой силѣ природы, давалъ ему особое названіе. Но при этомъ какъ основная причина и первообразъ видимаго міра этотъ натуральный богъ имѣетъ двоякую сущность, мужскую и женскую, активную и пассивную. Каждое божество такимъ образомъ распадается на два лица, которыя составляютъ двуицу въ единицѣ и совмѣщаютъ оба принципа всякаго земнаго происхожденія. „Въ религіяхъ Евфрато-Сирийской группы богиня разсматривается какъ „откровеніе“ ея соответствующаго мужскаго бога. Она различается такимъ образомъ отъ него не существенно, но есть, такъ-сказать, субъективная форма первоначальнаго божества, второе божественное лицо, отъ перваго достаточно различное чтобы съ нимъ вступить въ брачныя отношенія, но однако опять не что иное какъ божество само въ его высшемъ откровеніи. Женское божество

ство въ этомъ всеобщемъ пониманіи распадается, равно какъ и мужское, на множество подраздѣленій мѣстныхъ и атрибутивныхъ личностей* *.

Такова сущность всѣхъ религій семитическихъ народовъ Сириі, Палестины и даже Аравіи. Всѣ они являются политеистическими, но идея о единичномъ принципѣ всего существующаго лежитъ въ основаніи этой религіи. Этому принципу давали различныя названія: такъ въ Финикіи онъ назывался *Уломъ* или *Шилмунъ*, въ Газѣ *Марна*, въ другихъ частяхъ Палестины *Бааль-Халдимъ*, въ Аравіи *Аудъ* или *Гобалъ*.** Таковымъ божествомъ въ халдейской религіи былъ по всей вѣроятности *Аму*, такъ какъ въ послѣдствіи, при систематизованіи религіи и при установленіи связи между нимъ и другими богами, онъ является первоисточникомъ всѣхъ другихъ эманацій и носителемъ тѣхъ же свойствъ какія имѣетъ высочайшій богъ позднѣйшей религіи *Илу*. Вообще же всѣ божества носятъ весьма колеблющійся и неопредѣленный характеръ, такъ что они легко сливаются другъ съ другомъ. „Они не обнаруживаютъ никакой твердости въ очертавіяхъ, никакой замѣтной опредѣленности, никакихъ свойствъ которыми напоминали бы живость и личность гомерическихъ боговъ; они скорѣе походятъ на тѣхъ боговъ дѣтства аріійской расы, тѣхъ ведическихъ божествъ которыя лишены почти всякой устойчивости и, какъ *Варуни*, *Индра* и *Агни*, часто сливаются другъ съ другомъ и всѣ разумѣются и прославляются какъ высшіе и могущественные боги***.

Божества Халдеи, какъ можно судить по древнѣйшимъ гимнамъ и надписямъ, имѣли также чисто мѣстный характеръ. Каждый изъ главнѣйшихъ городовъ Халдеи имѣлъ свое особое божество, которое онъ почиталъ какъ высочайшаго бога; между тѣмъ всѣ эти божества различныхъ мѣстностей носятъ совершенно одинаковый характеръ. Они также раздѣляются на мужское и женское лицо, къ которымъ часто присоединяютъ и сыновей. Такъ *Аму* со своею супругой *Наной* былъ почитаемъ въ *Урукъ*, *Бель* съ *Белитъ* и съ сыномъ *Адаромъ* въ *Нинуръ*, *Еа* съ *Даскиной* и со

* Lenormant. *La magie chez les Chaldéens* стр. 118.

** Lenormant. *Lettres assyriologiques*. Т. 11. стр. 164—178.

*** Soury. *Revue des Deux-Mondes*. 1 fevr. 1872.

своимъ сыномъ *Силикс-Мулу-Ки* въ *Эриду*, *Синъ* съ *Наной* въ *Урѣ*, *Самасъ* со своимъ сыномъ *Нергаломъ* (имя супруги неизвестно) въ *Ларсамѣ*, равно какъ въ *Синпарѣ*, гдѣ его супругой была *Анумитъ*. Боги Вавилона были *Марудукъ* (Меродахъ Библии) и *Царпанитъ*, *Небо* есть богъ *Барсини*, гдѣ его супругой была *Нана*, *Нергалъ* и *Лаузъ* были почитаемы въ *Кутѣ*, *Бикъ* и *Сала* въ *Муру*. Предпочтеніе одного божества другимъ всегда зависѣло отъ политическаго положенія города надъ которымъ оно владычествовало; въ то время когда цари Ура господствовали надъ всею Халдеей, *Синъ*, какъ спеціальный богъ ихъ города, пользовался преимущественнымъ почтеніемъ во всей Халдеѣ, но это преимущество перешло на *Самаса*, когда гегемонія въ Халдеѣ принадлежала не Уру, а Ларсаму.

Трудно составить болѣе ясное представленіе о всѣхъ этихъ божествахъ; ихъ мифологія такая же неопредѣленная и колеблющаяся какъ мифологія божествъ Сиріи и Палестины, она не даетъ намъ знать о свойствахъ и дѣйствіяхъ этихъ божествъ, по которымъ ихъ можно было бы приурочить къ какимъ-нибудь натуральнымъ силамъ. Во всякомъ случаѣ, эти божества не были планетными, какими являются боги позднѣйшей религіи, скорѣе многія изъ нихъ были олицетвореніемъ солнечной силы, какъ главнѣйшей въ природѣ, и высшаго откровенія божественной субстанціи. Соларный характеръ носили болѣею частію и божества родственныхъ имъ народовъ. По крайней мѣрѣ этотъ характеръ несомнѣнно имѣли три божества Халдеи: *Самасъ*, *Адаръ* и *Марудукъ*. *Самасъ* въ послѣдствіи сдѣлался спеціально богомъ солнца, *Адаръ* же въ культѣ *Синпары* отождествляется съ *Самасомъ* или по крайней мѣрѣ является формою его *; въ связи съ этимъ стоитъ свидѣтельство Діодора Сицилійскаго, что Халдеи Солнцемъ называли планету Сатурнъ, которая въ послѣдствіи отождествлена была съ *Адаромъ* **. Что же касается до *Марудука*, то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ божествъ которыя, какъ почти всѣ божества Сиріи и Палестины, періодически умираютъ и потомъ воскресаютъ и кото-

* Gelzer. *Zeitschrift für ägypt. Spr. und Alterthumskunde*, 1875, стр. 133.

** 11, 30.

рыя суть не что иное какъ олицетвореніе солнца съ фазами его дневнаго и годичнаго теченія. За нѣкоторыми и другими можетъ быть признавъ также соларный характеръ; такъ *Бинъ* въ нѣкоторыхъ астрологическихъ произведеніяхъ называется „солнцемъ юга надъ Эламомъ“, наконецъ *Белъ*, богъ Вавилона, справедливо отождествляется съ финикійскимъ *Вааломъ*, который несомнѣнно имѣлъ соларный характеръ*. Только объ одномъ изъ этихъ божествъ можно съ рѣшительностью сказать что оно не имѣло ничего общаго съ поклоненіемъ солнцу, это—*Синъ*, богъ мѣсяца. Что касается до женскихъ божествъ, то они имѣютъ то же самое значеніе какъ въ религіяхъ Сиріи и Финикіи; божественныя лица являются какъ двоица, а такъ какъ эта двоица образуетъ левое единство, которое надобно разсматривать какъ отраженіе единства первоначальной сущности, то и находятся она въ самомъ тѣсномъ взаимномъ отношеніи: если богъ имѣетъ соларный характеръ, то богиня лунный, если богъ есть богъ дня, то богиня ночи; если онъ есть олицетвореніе активно дѣйствующихъ элементовъ, огня и воздуха, то богиня—пассивныхъ, воды и земли.

Но религія Халдеи не осталась на этой низшей ступени, дальше которой не возвысились религіи сиро-палестинскихъ народовъ. Изъ разрозненныхъ и стоявшихъ на одной и той же ступени божествъ была образована стройная система божественныхъ эманаций, и изъ мѣстныхъ культовъ выработана одна національная религія. О времени этой важной религіозной реформы мы не имѣемъ прямыхъ свѣдѣній, но вѣтъ сомнѣнія что ея начало совпадаетъ съ началомъ политическаго объединенія Халдеи, а это послѣднее случилось при *Саргонѣ I*, царѣ города Агавъ, и сынѣ его *Нарамъ-синъ*, за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Ко времени этихъ царей относится процвѣтаніе религіозныхъ жреческихъ школъ, усиліями которыхъ были собраны всѣ древнѣшнія религіозныя и другія произведенія и переведены на семитическій языкъ Халдеи; внутри этихъ же школъ, вѣроятно, была произведена та важная религіозная реформа результатомъ которой была новая религіозная система. Ни одна изъ родственныхъ религій Сиріи и Палестины не испытала на себѣ

* Lenormant. *La magie chez les Chaldéens*. стр. 120 и слѣд.

реформирующаго вліянія школъ, выработавшихся подъ напоромъ развившейся политической и общественной жизни и новыхъ религіозныхъ идей. Эту реформу можно сравнить съ реформой браминовъ въ Индіи. Неопредѣленные до сего времени и стоявшія на одной ступени божества Халдеи получили опредѣленный характеръ и приведены были въ іерархическій порядокъ какъ различныя ступени эманации одного высшаго божественнаго принципа. Вопреки Туранцамъ, которые чувствовали инстинктивный страхъ предъ ночью и темнотой, гдѣ имъ мерещились привидѣнія и злые духи, Халдеи-Кушиты, напротивъ, съ восхищеніемъ и удивленіемъ устремляли свой взоръ на звѣздное небо, въ небесныхъ тѣлахъ они видѣли самое наглядное откровеніе божества и ихъ храмы были въ то же время величественными обсерваторіями. Отсюда многія изъ ихъ божествъ были отождествлены съ планетными тѣлами, и вся ихъ система получила ясный астральный отпечатокъ. Эта новая религіозная система сдѣлалась господствующею официальною религіею во всей Халдеи и Вавилоніи и въ послѣдствіи почти безъ измѣненія была усвоена Ассирійцами.

На вершинѣ этой системы стоитъ *Илу*, высшій принципъ и первоисточникъ, изъ котораго исходятъ все другія божественныя силы. Въ позднѣйшій, ассирійскій періодъ, онъ выразительно назывался „единнымъ богомъ и благомъ“; подъ именемъ *Ассура* онъ сдѣлался національнымъ богомъ Ассиріи, отъ котораго и самая земля получила свое названіе. Но въ древнѣйшій классическій періодъ Халдеи, понятіе этого общаго первоисточника божествъ было очень широко и неопредѣленно, такъ что это божество не имѣло даже храмовъ и спеціальнаго культа, хотя *Вавилонъ* обязанъ ему своимъ именемъ *babylu*, то-есть *ворота Илу* (по-аккадски *ka dingir*).

Изъ этого перваго принципа исходитъ первая троица божественныхъ эманаций: *Ану*, *Еа*, *Бель*. Эти божества имѣютъ одинаковое достоинство и могущество. Характеръ ихъ еще довольно неопредѣленный по близости ихъ къ первому и самому неопредѣленному принципу. *Ану*, стоящій на вершинѣ этой троицы, „первородный, первоначальный, древнѣйшій изъ боговъ, отецъ боговъ, обладатель тьмы“, есть по преимуществу богъ еще не образованнаго міроваго цѣлаго, есть оми-

дѣтвореніе первоначальнаго хаоса, вышедшаго изъ существа *Илу*. По этой близости къ первоначальной субстанціи онъ часто и носитъ атрибуты высочайшаго и перваго божества. *Еа*, „духъ, который яришь надъ водами“, божественная мудрость, которая все оживляетъ, оплодотворяетъ, есть вообще творческая сила и мудрость, приведшая въ порядокъ первоначальный хаосъ. *Белъ*, также образователь міроваго цѣлаго, есть въ то же время его одицетвореніе, онъ наблюдаетъ за правильнымъ теченіемъ его явленій и управляетъ движеніями и періодическимъ обращеніемъ планетъ. Вообще всѣ эти три божества служатъ одицетвореніемъ творческой силы и матеріи: *Ану* есть матерія міра, *Еа*—мудрость или творческое слово, создавшее міръ, *Белъ*—близжайшій исполнитель творческой мысли, міровое провидѣніе, охраняющее и поддерживающее твореніе. Каждое изъ этихъ божествъ высшей троицы имѣло свою женскую форму, которую надписи называютъ „отраженіемъ“ божества; такъ *Ану* соотвѣтствовала *Анатъ* или *Нана*, *Белу*—*Белитъ*, *Еа*—*Даккина*. Но это различіе божественныхъ личностей не строго проводится въ религіозной системѣ Халдеевъ; всѣ эти названія, равно какъ и многія другія, въ сущности обозначаютъ одно и то же женское божество, которое есть одицетвореніе влажной, пассивной, плодотворной матеріи и которое называется „высочайшею богиней, госпожей міра, владычицей великихъ боговъ, царицей земли и царицей плодородія“. Употребительное ея названіе есть *Белитъ*.

Послѣ первой троицы вышла изъ „единого и благаго“, по выраженію Халдеевъ, вторая троица, которая уже не имѣетъ такого неопредѣленнаго и колеблющагося характера. Ея сочлены имѣютъ преимущественно астральный характеръ и представляютъ тѣ великія небесныя тѣла въ которыхъ Халдеи видѣли отраженіе божества. На вершинѣ этой троицы стоитъ богъ луны *Синъ*, затѣмъ *Бинъ*, богъ атмосферы и воздуха, и *Самасъ*, богъ солнца. Богу луны Халдеи давали предпочтеніе предъ богомъ солнца; онъ называется „главою, могучимъ, блестящимъ, владыкою надъ тридцатью днями мѣсяца“. *Самасъ* есть „великій, движущій, управляющій, судья между небомъ и землею“. *Бинъ* „обладатель неба и земли, раздаватель изобилія и господинъ надъ каналами,“ играетъ роль какъ добраго, благодѣтельнаго, такъ и страшнаго разруши-

твѣрнаго божества. Какъ владыка „надъ бурю, вихремъ и наводненіемъ“ онъ держитъ лучъ молніи съ четырьмя зубцами въ рукѣ. И такъ какъ Халдеи не могли представить божества иначе какъ съ раздѣленіемъ на мужское и женское, то и этой второй троицѣ они придавали соответствующія три женскія личности; такъ рядомъ съ Сивомъ стоитъ богиня *Нингалъ*, съ Самасомъ *Гула*, съ Бивомъ *Сала*.

За этою второю троицею по нисходящей ступени слѣдуютъ пять планетныхъ божествъ: *Адаръ* (Сатурнъ), *Марудукъ* (Юпитеръ), *Нергалъ* (Марсъ), *Истаръ* (Венера) и *Небо* (Меркурій). Такъ какъ планеты Венера и Юпитеръ являются вечеромъ и утромъ, то принимали двѣ *Истаръ* и два *Небо* (*Небо* и *Нуску*). *Адаръ*, который часто носитъ названіе *Самданъ* (могущественный), имѣетъ сходство съ Геркулесомъ; на большомъ барельефѣ въ Луврѣ онъ представляемъ въ образѣ исполина, собственными руками онъ душитъ льва. Ему даютъ названія: „страшный, господь храбрыхъ, обладатель силы, уничтожитель враговъ, смиряющій непослушнаго и искоревающій возмутителей, владыка желѣза.“ *Адаръ* является сивомъ и вмѣстѣ супругомъ богини *Белитъ*. *Марудукъ*, Меродахъ Вабилу, есть богъ блестящей планеты Юпитера—„великое счастье“ восточныхъ астрологовъ. Онъ есть „богъ (звѣздныхъ) легионовъ“ и „судья покровитель высшей силы“, какъ и его планета на языкѣ халдейскихъ астрологовъ называется „звѣздою царя“. До религиозной реформы при Саргонѣ когда *Марудукъ* былъ отождествленъ съ планетою Юпитеромъ, онъ имѣлъ по всей вѣроятности, какъ мы уже говорили, солярное значеніе и принадлежалъ къ числу тѣхъ боговъ которые періодически умираютъ и возвращаются къ жизни, такъ что извѣстная пирамида въ Вавилонѣ считалась его гробомъ. Во времена же позднѣйшаго Вавилонскаго царства, основаннаго Набололасаромъ, *Марудукъ*, который считался спеціально богомъ Вавилона, былъ отождествленъ съ *Беломъ*, сочленомъ первой троицы, и назывался обыкновенно *Бель-Марудукъ*. Онъ изображался статнымъ мужемъ съ мечомъ или топоромъ въ рукахъ; его супругою была *Царпанитъ*. *Нергалъ*, „попирающій“, былъ воинственнымъ богомъ планеты Марса; его названія были: „великій герой, царь боеваго строя, господинъ боговъ, борецъ боговъ“. Онъ былъ почитаемъ въ Вавилонѣ, но въ особенности въ Кутѣ,

гдѣ оны имѣли богиню *Лауэ* супругою. Его изображали въ образѣ льва съ человѣческой головой и человѣческимъ туловищемъ. *Истаръ*, женское божество среди планетныхъ, богиня Венеры, часто отождествляется вообще съ женскимъ божественнымъ принципомъ, представляющимъ пассивный элементъ природы. Какъ самостоятельная богиня она является въ образѣ воительницы, „царицы побѣды“ и „судьи надъ военными дѣлами“; въ такомъ случаѣ ее изображали стоящею на львахъ и быкахъ, украшенною звѣздною тиарой и вооруженною лукомъ и колчаномъ. Вместе съ тѣмъ она была богиней сладострастія и рожденія и называлась *Царпанитъ* т. е. производительница существъ; въ такой роли она изображалась вполнѣ обнаженною, съ руками сложенными на груди. Наконецъ *Небо* или точнѣе *Набу*, богъ планеты Меркурія, — пророческой звѣзды, явленіе которой предвѣщаетъ восходъ солнца, есть прежде всего богъ пророческаго одаренія, на что указываетъ и самое его имя *Набу* „пророкъ“. Онъ является новою и низшею формою высшаго божества *Еа*; какъ этотъ послѣдній, онъ есть богъ мудрости и знанія, „описатель міроваго дѣла, охраняющій легіоны неба и земли“. Въ немъ видѣли образецъ того что есть совершеннаго на землѣ, къ достиженію чего должны стремиться преимущественно цари. Какъ богъ царскаго помазанія онъ изображается на памятникахъ въ человѣческомъ образѣ съ царскою короной и въ царской одеждѣ; часто къ его плечамъ бывають прикрѣплены четыре великія крыла. Его супругою была *Тасмитъ*.

Эти пять планетныхъ боговъ вместе съ двумя троицами и высочайшимъ богомъ образуютъ рядъ двѣнадцати высшихъ боговъ, собственный халдейско-вавилонскій Олимпъ, высшую ступень божественной іерархіи. Они называются въ астрально-богословской системѣ Халдеевъ „господами боговъ“ и управляютъ двѣнадцатью мѣсяцами года и двѣнадцатью знаками зодіака. Поклоеніе имъ составляло сущность официальной религіи. Но въ теологіи и міеологіи Халдеи и Ассиріи были еще *dii minores*, которые представляютъ собою низшую ступень эманации, подчиненныя божества и были большею частью предметомъ мѣстнаго, а не національнаго культа. Многія изъ подобныхъ божествъ суть безъ сомнѣнія только различныя формы высшихъ божествъ и только подъ дру-

гимъ именемъ составляли предметъ мѣстнаго культа; другія же напротивъ носятъ индивидуальный характеръ и надѣлены довольно значительною ролью. Изъ послѣднихъ особенно выдѣляются: *Серакъ*—богъ жатвы, *Ману*—судьбы, *Диббара*—заразительныхъ болѣзней, *Марту*—запада. Сюда также принадлежатъ безчисленные сыновья, жены, валожаиды и слуги великихъ боговъ, которыхъ также надѣляли божественною природою. Равно также къ этой категоріи относятся божества рѣкъ, городовъ, со звѣздъ и геніевъ земли близкихъ къ людямъ. Этимъ множествомъ боговъ объясняется то что въ пантеонѣ халдейскихъ боговъ вошли и тѣ безчисленные духи земли и неба которыхъ почитали туранскіе Халдеи, хотя они заняли здѣсь подчиненное мѣсто. По изложенію одной таблицы божествъ, найденной на развалинахъ Ниневіи, у Халдеевъ было не менѣе чѣмъ семь высшихъ боговъ, пятьдесятъ великихъ боговъ неба и земли, триста духовъ неба и шестьсотъ духовъ земли.

Изображенная нами система религіи есть высшая ступень религіознаго сознанія, до которой возвысились Халдеи сравнительно съ родственными имъ Кушито-Семитами Сиріи и Палестины. Послѣдніе, опять за исключеніемъ Еврейскаго народа, такъ и остались на той первоначальной ступени, на какой мы видимъ религіозное сознаніе въ древнѣйшей Халдеи когда божества имѣли чисто мѣстный характеръ. И если гдѣ, то именно въ этой религіозной области можно замѣчать то энергическое участіе какое принимало Кушитское племя въ созиданіи халдейской культуры. Въ созданной ими религіозной системѣ трудно найти что-нибудь такое что можно было бы признать чисто туранскимъ по происхожденію. Но Халдеи, какъ можно судить по остаткамъ ихъ религіозной литературы, были слобаны не только къ религіозному созерцанію, но и къ логическому творчеству въ выраженіи этихъ чувствъ. Ихъ гимны богамъ залечательны характеромъ глубокой религіозности и иногда достигаютъ степени высокой поэзіи. Собраніе этихъ гимновъ найдено также въ развалинахъ библіотеки Ассурбанипала въ Ниневіи; они всѣ написаны на аккадійскомъ языкѣ съ ассирійскимъ подстрочнымъ переводомъ. Время ихъ происхожденія опредѣлить очень трудно, но во всякомъ случаѣ они были составлены

раньше той реформы результатомъ которой была изложенная нами система религи, именно въ тотъ періодъ, когда божества имѣли еще мѣстный характеръ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ то что въ нихъ нѣтъ еще сдѣла той іерархической зависимости во взаимныхъ отношеніяхъ божествъ, они всѣ являютя почти на одной и той же ступени достоинства. Но нельзя также ихъ относить и къ чисто аккадійскому періоду халдейской исторіи, когда территоріей Халдеи владѣли одни Туранцы до прибытія Кушитовъ, такъ какъ въ нихъ совершенно нѣтъ намека на ту демонологию, которая составляетъ сущность и основной характеръ туранской религи. Тотъ фактъ что они написаны на аккадійскомъ языкѣ объясняется тѣмъ что аккадійскій языкъ, сдѣлавшись мертвымъ по крайней мѣрѣ за семнадцать столѣтій до Р. X., былъ специально языкомъ религиозной и богослужебной литературы и литературнымъ языкомъ жреческихъ школъ. Таковымъ онъ сталъ дѣлаться, вѣроятно, за много раньше указаннаго нами времени, а потому на немъ и были написаны религиозные гимны. Назначеніе ихъ было, вѣроятно, богослужебное и они пѣлись на празднествахъ тѣхъ боговъ которымъ были посвящены. Главнѣйшіе изъ нихъ были изданы Ленорманомъ подъ именемъ „Халдейской Веды“ *.

Изъ этихъ гимновъ удержался почти въ цѣломъ видѣ гимнъ одному изъ главнѣйшихъ божествъ, древнѣйшему божеству города *Ура*, *Сину* (по-аккадійски *Aky*), богу мѣсяца **. Переводъ его былъ сдѣланъ Фридрихомъ Деличемъ *** и Ленорманомъ ****. Представимъ его въ полномъ видѣ:

Владыко, князь боговъ, который на небѣ и на землѣ одинъ возвышенъ,

Отецъ, покровитель земли, господь, творящій богъ, князь боговъ,

Отецъ, покровитель земли, господь, великій богъ, князь боговъ,

Отецъ, покровитель земли, господь, владыка нарожденія †, князь боговъ,

Отецъ, покровитель земли, господь Ура, князь боговъ,

* Lenormant. *Les premières civilisations*, t. 2, стр. 147.

** W. A. I. IV, 9.

*** G. Smith. *Chalddische Genesis*, S. 281—283.

**** Lenormant. *Les premières civilisations*, t. 2, стр. 158.

† Намекъ на различные фазы луны.

Отецъ, покровитель земли, господь жилища великаго свѣта, князь боговъ,

Отецъ, покровитель земли, господь вѣдцовъ, творецъ, князь боговъ,
Отецъ, покровитель земли, властвующій величественно, князь боговъ,

Отецъ, покровитель земли, шествующій въ одеждѣ величія, князь боговъ,

Могучій свѣтоподатель, съ сильными рогами, совершенными членами, съ блистательно выпадающею бородою, сіяющей, когда ты красуешься въ подножьи блескъ,

Плодъ который самъ себя рождаетъ... который въ блаженномъ владычествѣ не прерываетъ дождя изобилія,

Милосердый, зерно всего сущаго; который среди живыхъ существъ устрояетъ возвышенное иѣстопробываніе,

Отецъ, милосердый и возстановитель, рука котораго держитъ жизнь всѣхъ земель.

Господь, въ своемъ божествѣ, подобно отдаеннымъ небесамъ и широкому морю, ты возбуждаешь глубокое благоговѣніе.

Обладатель земли, покровитель храма, вѣстникъ его славы,
Отецъ, родитель боговъ и людей, ты который возвышаешь свое жилище и основываешь все что добро.

Ты кто призываешь къ господству, доставляешь скипетръ, до отдаеннаго дня опредѣляешь участь,

Непоколебимое убѣжище, чье сердце широко и помнитъ каждаго.. чьи колѣни не утомляются, кто открываетъ путь богамъ, своимъ братьямъ,

...кто отъ глубочайшей бездны до высочайшей вершины неба проникаетъ блескомъ, кто открываетъ врата неба и творитъ..

Отецъ, родитель всѣхъ живыхъ существъ,

Господь, вѣстникъ рѣшенія надъ небомъ и землей, чьи повелѣнія никто не отворотитъ,

Кто заимствуетъ у неба времена года (?), равно какъ и воды, изливаетъ изобиліе живымъ существамъ,—никакой богъ не достигаетъ твоей полноты.

На небѣ кто возвышенъ? Ты, ты одинъ возвышенъ.

На землѣ кто возвышенъ? Ты, ты одинъ возвышенъ.

Твое повелѣніе возвыщаетъ ты на небѣ и духи неба прекаоняютъ ницъ лицо свое.

Твое повелѣніе возвыщаетъ ты на землѣ и духи земли падаютъ на землю.

Твое повелѣніе раздается съ высоты какъ бурный вѣтеръ во тьмѣ, оно заставляетъ пропращать землю.

Твое повелѣніе едва дошло до земли и вырастаетъ трава.

Твое повелѣніе простирается на населенныя мѣста и высоты,
оно уможаетъ живыя существа.

Твое повелѣніе вызываетъ къ существованію истину и правду,
оно заключаетъ людей истиною.

Твое повелѣніе изливаетъ счастье на отдаленныя небеса и широкую землю, помнитъ каждаго.

Твое повелѣніе,—кто можетъ его обнять, кто можетъ съ нимъ согласоваться?

Господь, на небѣ твое господство, на землѣ твое руководительство; между богами, твоими братьями, ты не имѣешь себя равнаго.

Царь царей, надъ кѣмъ нѣтъ судья, божество котораго не превосходитъ ни одинъ богъ,

Мѣсто твоего господства...

Мѣсто твоего благотворнаго обладанія...

...небе и землѣ....

Къ твоему храму будь милостивъ!

Къ городу Уру будь милостивъ!

Судя по содержанію, гимнъ этотъ можно отнести къ тому древнѣйшему періоду Халдеи, когда городъ *Уръ*, божествомъ котораго является *Симъ*, игралъ первенствующую политическую роль и его божество окружено было преимущественнымъ блескомъ предъ всеми другими божествами; оно является здѣсь единственнымъ высочайшимъ богомъ среди всѣхъ боговъ, „божества котораго не превосходитъ ни одинъ богъ“. Самый *Уръ*, какъ древнѣйшій изъ городовъ *Аккада*, считался священнымъ городомъ Халдеи и средоточіемъ культа, для котораго и предназначались гимны подобно вышеизложенному. Въ позднѣйшія времена Халдеи и во время господства *Ассирійцевъ* это божество утратило свой блескъ: съ высоты верховнаго божества оно было низведено на степенъ подчиненной эманации и включено въ составъ второй троицы, вышедшей изъ верховнаго первоисточника божества вмѣстѣ съ богомъ солнца. Несмотря на свою отдаленную древность гимнъ этотъ носитъ черты высокаго произведенія религіозной лирики; мы слышимъ здѣсь еще за нѣсколько тысячелѣтій до гимновъ *Давида* языкъ во многомъ наложивающій эти послѣдніе и замѣчаемъ, хотя не въ такой совершенной формѣ, тотъ же ритмъ и параллелизмъ членовъ какъ и въ еврейской поэзіи.

Не менѣе замѣчательнъ также въ этомъ отношеніи отрывокъ одного гимна *Мардуку*, божеству Вавилона, въ честь

котораго было составлено много гимновъ. Нужно думать что и этотъ гимнъ принадлежитъ къ тому древнѣйшему періоду Аккада, когда божества имѣли еще мѣстный характеръ и богъ Вавилона *Марудукъ* считался верховнымъ божествомъ. Вотъ содержаніе фрагмента о которомъ мы говоримъ:

Отъ паденія твоего града кто спасется?
Твоя воля есть возвышенный приговоръ, который ты полагаешь надъ небожъ и землею.

Къ морю я обратился и волны успокоили свое воздыманіе;
Ко цвѣту я обратился и цвѣтъ заваялъ;
Къ загражденію Евфрата я обратился, и воля Марудука опустошила его русло.

Господь, Ты возвышенъ; кто тебѣ равенъ?
Марудукъ между богами, вѣстникъ всякой славы, Ты тотъ кто.

Герой между богами.

Марудукъ, врагъ.

Господь битвъ. *

Другіе гимны имѣютъ иной характеръ, они прославляютъ спеціальныя дѣйствія боговъ въ той сферѣ которая подчинена ихъ владычеству. Таковъ гимнъ божеству солнца *Самасу*. Божество это далеко не является здѣсь такимъ возвышеннымъ и всеобъемлющимъ какъ божества предшествующихъ гимновъ, но вмѣсто того весьма близкимъ и благодѣтельнымъ какъ для другихъ боговъ, такъ и для людей:

Господь, просвѣтитель тьмы, ты, кто проясняешь печальное лицо,
Милосердый богъ, восстанавливающийъ ладшаго, защищающийъ сабабо,

На твой свѣтъ взираютъ великіе боги,
Духи земли, они все смотрятъ на твое лицо,
Къ тебѣ направлено ихъ всеобщее восхваленіе,
Тогда ихъ головы ащеть свѣта солнечнаго бога.

Подобно жемуху ты располагаешься радостно и привѣтливо.
Ты—свѣтоносецъ отдаленнаго небеснаго пространства;
Широкой землѣ ты служишь знаменемъ.

О, боже, на тебя взираютъ и веселятся пространно живущіе люди. **

* Lenormant. *Les premières civilisations*, t. 2, стр. 169.

** W. A. I., IV. 19, 2. ср. Lenormant, *La magie chez les Chaldéens*, стр. 165. Fr. Delitzsch, S. Smith's *Chald. Genesis*, стр. 284. Сейфъ, *Ассиро-вавилонская литература*, стр. 33.

Между молитвенными пѣснями есть такія которыя имѣютъ чисто локальный характеръ; но всей вѣроятности онѣ позднѣйшаго происхожденія. Грѣшникъ пораженный страданіями считаетъ эти страданія карою божества за свои грѣхи и молить его о прощеніи и исцѣленіи. Особенно заслуживаетъ вниманія одна изъ подобныхъ пѣсень. Въ основѣ этой пѣсни лежитъ столь глубокое понятіе о коренномъ и первоначальномъ поврежденіи природы человѣческой и столь искреннее сознаніе необходимости въ божественной помощи что это произведеніе является крайне замѣчательнымъ въ языческомъ мірѣ; едва ли какая-либо изъ другихъ языческихъ религій слободна была возвыситься до такого яснаго понятія о грѣхѣ и внушить своимъ послѣдователямъ столь тонкое и сильное чувство раскаянія во грѣхахъ. Пѣсня эта кромѣ того замѣчательна тѣмъ что представляетъ образецъ халдейской религіозной лирики въ формальномъ отношеніи: ни въ одномъ подобномъ произведеніи мы не встрѣчаемъ такой правильности въ строеніи строкъ и въ параллелизмѣ членовъ. *

1.

Господь мой, гнѣвъ его сердца
да уляжется!

Богъ, да приобрететъ глухой разуміе!
Богиня, да приобрететъ глухой разуміе!

Богъ, знающій сокровенное,
да умилоостивится!

Богиня, знающая сокровенное,
да умилоостивится!

Да смягчится сердце моего бога!
Да смягчится сердце моей богини!

Мой богъ и моя богиня,
да умилоостивятся оба!

Богъ, возставшій противъ меня,
да умилоостивится!

Богиня, возставшая противъ меня,
да умилоостивится!

* W. A. I, IV, 10. Lenormant, *La Magie chez les Chaldéens* стр. 63.
Сейсъ, *Ассиро-вавилонская литература*, стр. 33.

2.

Мои грѣхи.

.....

Мои грѣхи:

.....

Благодатное имя моего бога,
.....

Благодатное имя моей богини
.....

Благодатное имя бога, который знает сокровенное,
.....

Благодатное имя богини, которая знает сокровенное,
.....

3.

Я вкушаю пищу гнѣва,
а пью воду страданія сердца.

Преступленіемъ противъ моего бога
я питаюсь безсознательно.

Въ преступленіи противъ моего бога
я безсознательно иду впередъ.

Господь, беззаконія мои весьма велики,
весьма велики грѣхи мои.

Мой богъ, беззаконія мои весьма велики,
весьма велики мои грѣхи.

О моя богиня, беззаконія мои весьма велики,
весьма велики мои грѣхи.

Боже, ты, кто знаешь сокрытое,
беззаконія мои весьма велики, весьма велики грѣхи мои.

4.

Я совершаю беззаконіе
безсознательно.

Я совершаю грѣхъ
безсознательно.

Я питаюсь преступленіями
безсознательно.

Я хожу неправыми путями
безсознательно.

Русскій Вѣстникъ.

Богъ, во гнѣвъ своего сердца,
онъ поражаетъ меня разстройствомъ;
Богъ, въ раздраженіи своего сердца,
онъ раздробляетъ меня;
Разгнѣванная на меня богиня,
Она приводитъ меня въ ужасное безпокойство;
Богъ, знающій сокровенное,
онъ угнетаетъ меня;
Богиня, знающая сокровенное,
она лишаетъ меня всѣхъ силъ.

5.

Я склоняюсь въ смиреніи
и никто не подаетъ мнѣ руку.
Я исхожу слезами
и никто не беретъ меня за руку.
Я молюсь возвышеннымъ голосомъ
и никто не внимааетъ мнѣ.
Я обезсиленъ, стѣсненъ
и никто не испугаетъ меня.

Я приближаюсь къ богу, который произвелъ меня,
и жажду горючими словами.

Я цѣбую ноги моей богини
и

Я приближаюсь къ богу, который знаетъ сокровенное,
и жажду горючими словами

Я цѣбую ноги моей богини, которая знаетъ сокровенное,
и

6.

Господь, будь милостивъ
.

Богиня, будь милостива
.

Богъ, ты, кто знаешь сокровенное,
будь милостивъ

Богиня, знающая сокровенное,
будь милостива

Какъ долго еще, о мой богъ,
. ?

Какъ долго еще, о моя богиня,
. ?

Какъ долго еще, о мой богъ, знающій сокровенное,
 буду я
 О богиня, знающая сокровенное, какъ долго еще.....
 глѣзь твоего сердца?

7.

Участь человека опредѣлена письменно,
 Но никому она неизвѣстна.
 Люди, которые носятъ имя,
 Они не знаютъ опредѣленія его.
 Богохульствуютъ ли онъ, ревнуютъ ли о благочестивыхъ дѣ-
 лахъ,
 никому она не извѣстна.

Господь, не отталкивай твоего раба,
 Среди бурныхъ волкъ послѣши ему на помощь:
 Ухватись за его руку!
 Я совершаю грѣхъ,
 Преврати его въ благочестіе!
 Я совершаю грѣхъ,
 Развѣй его вѣтромъ!
 Мои худелія весьма велики,
 Разорви ихъ какъ покрывало!

8.

О мой богъ, моихъ грѣховъ седмижды семь,
 Прости мои грѣхи!
 О моя богиня, моихъ грѣховъ седмижды семь
 Прости мнѣ грѣхи!
 Богъ, ты, кто знаешь сокровенное,
 Моихъ грѣховъ седмижды семь, прости мнѣ грѣхи!
 Богиня, ты, кто знаешь сокровенное,
 Моихъ грѣховъ седмижды семь, прости грѣхи мои!
 Прости моя беззаконія,
 Возвѣсти твой приговоръ!
 Пусть твое сердце, какъ сердце матери, которая
 рождена,
 Увеселится!
 Пусть оно, какъ сердце матери, которая рождена; и
 отца, который производилъ на свѣтъ,
 Увеселится!

„Жалоба покаяннаго сердца.“

Шестьдесятъ пять стиховъ въ цѣломъ.

т. снхч.

Но религиозное чувство Хаалдеевъ не всегда выражалось въ такихъ возвышенныхъ изліяніяхъ. Во взглядѣ на зло въ его противоположности добру они примкнули къ своимъ туранскимъ предкамъ и внесли въ область своего религиознаго міровоззрѣнія тѣ идеи которыя лежали въ основѣ туранской религіи Хаалдеи. Это наследіе туранскихъ Хаалдеевъ составляло хотя подчиненную, но тѣмъ не менѣе существенную часть ихъ религіи и ихъ культа и самымъ могущественнымъ образомъ отразилось на ихъ жизни. Въ чемъ оно состояло мы будемъ разсматривать въ слѣдующей главѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. НИКОЛЬСКІЙ.

КРИТИКА ОТВЛЕЧЕННЫХ НАЧАЛ^{*}

XXXV. Реальность какъ явленіе, бытіе какъ отношеніе, матерія какъ ощущеніе. Общая характеристика критическаго реализма и три стелени его развитія: сенсуализмъ, отвлеченный эмпиризмъ и позитивизмъ.

Истинно есть то что дано въ дѣйствительномъ воспріятіи, что субъектъ находитъ существующимъ: таковъ общій принципъ всякаго реализма. Но эта данная въ нашемъ воспріятіи реальность, выражаетъ ли она собственное существо, субстанцію вещей, или же только ихъ отношеніе къ нашему субъекту, ихъ дѣйствіе на него и въ немъ—вотъ вопросъ, который составляетъ точку раздѣленія между двумя главными видами реализма. Первый видъ, различные фазисы котораго мы доселѣ разсматривали и который мы назвали реализмомъ субстанціальнымъ, рѣшаетъ вопросъ въ первомъ смыслѣ, предполагая что наше воспріятіе вещей прямо соответствуетъ ихъ собственному субстанціальному бытію, что мы познаемъ природу вещей самихъ по себѣ; какимъ образомъ сущность вещей можетъ переходить въ наше познаніе, этотъ вопросъ здѣсь не разрѣшается, соответствіе нашего позна-

^{*} См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 11 и 12ъ 1877 года; №№ 1 и 10ъ 1878 года и №№ 1, 6, 7 и 8ъ 1879 года.

нія вѣшнимъ вещамъ принимается здѣсь безъ изслѣдованія какъ вѣчто несомнѣнное, вслѣдствіе чего этотъ видъ реализма и опредѣляется какъ реализмъ *догматическій*.

Но такой догматизмъ въ области знанія является очевидно ирраціональнымъ, и съ развитіемъ философской мысли предполагаемое соотвѣтствіе нашего воспріятія вѣшнымъ вещамъ подвергается критикѣ разсудка, которая исходя изъ противоположенія между нашимъ субъектомъ и вѣшными вещами показываетъ что эти послѣднія не могутъ сами по себѣ, субстанціально, перейти въ познавательныя состоянія нашего субъекта, что онѣ могутъ только такъ или иначе дѣйствовать на него и вызывать въ немъ тѣ или другія ощущенія и представленія, выражающія собою отношенія этихъ вещей къ субъекту, а не ихъ собственное бытіе. Разсматривая всѣ данныя нашего дѣйствительнаго познанія эта критика показываетъ что всѣ они по своему субъективному и относительному характеру какъ состоянія нашего сознанія не суть прямые признаки вѣшныхъ вещей, не ихъ субстанціальныя свойства, а могутъ лишь выражать бытіе вещей *для насъ*, ихъ дѣйствіе на насъ и въ насъ, то-есть что всѣ эти данныя нашего дѣйствительнаго познанія о вещахъ показываютъ не то какъ эти вещи суть, а лишь какъ онѣ намъ являются, такъ что мы собственно и познаемъ не вещи, а *явленія*, и все то что даю въ нашемъ опытѣ и что мы называемъ реальностью есть лишь явленіе. Такимъ превращеніемъ субстанціальной реальности вещей въ феноменальную реальность явленій характеризуется этотъ второй видъ реализма, который мы повтому и обозначили какъ реализмъ феноменальный и который будучи основанъ на критическомъ отношеніи къ даннымъ нашего познанія опредѣляется съ этой стороны какъ реализмъ *критическій*.

Простое бытіе вещей, ихъ собственные признаки и свойства разрѣшаются теперь въ ихъ отношенія къ субъекту. Такъ какъ предметъ можетъ стать чѣмъ-нибудь для меня, получить для меня дѣйствительное существованіе лишь постольку онъ находится въ томъ или другомъ отношеніи ко мнѣ („быть для кого“ и „относиться къ кому“ есть одно и то же), такъ какъ безотносительное его бытіе меня совсѣмъ не касается и мнѣ недоступно, то слѣдовательно все что даю мнѣ какъ этотъ предметъ, вся его реальность, все его бытіе для меня, о которомъ только я и могу говорить, состоитъ

въ этихъ его *отношеніяхъ* ко мнѣ, къ познающему субъекту. Когда я воспринимаю извѣстный предметъ, то всѣ его признаки или свойства суть лишь извѣстныя отношенія его къ тѣмъ или другимъ сторонамъ моего воспринимающаго субъекта, къ тѣмъ или другимъ моимъ познавательнымъ способностямъ; что же такое этотъ предметъ помимо такого отношенія ко мнѣ, я не знаю и знать не могу, а могу только утверждать что внѣ этого отношенія онъ не есть *этотъ* предметъ, такъ что еслибъ у меня не было этихъ познавательныхъ способностей, то и этого предмета не было бы, а былъ бы какой-нибудь другой. Разумѣется, существо самой вещи не можетъ измѣниться отъ измѣненія моихъ познавательныхъ способностей, но объ этомъ существѣ я ничего не знаю и не могу говорить; бытіе же предмета, о которомъ я могу говорить, сводится къ отношенію между тѣмъ неизвѣстнымъ существомъ и моими способами воспріятія; слѣдовательно съ измѣненіемъ этихъ послѣднихъ измѣняется и самое бытіе этого предмета. И если догматическій реализмъ различаетъ въ познаваемомъ предметѣ его преходящія и измѣнчивыя формы отъ пребывающей *матеріи*, то реализмъ критическій въ послѣдовательномъ своемъ развитіи не можетъ сохранить такого различія. Въ самомъ дѣлѣ, все дѣйствительное содержаніе этого понятія „матерія“ сводится, какъ мы знаемъ, къ свойству сопротивленія или непроницаемости, то-есть къ извѣстному ощущенію субъекта; если же подъ матеріей захотятъ разумѣть не это явленіе непроницаемости, а производящую его вещь саму по себѣ, то должно сказать что мы объ этой вещи въ себѣ безусловно ничего не знаемъ, она есть чистое X, а потому совершенно велѣло обозначать ее опредѣленнымъ терминомъ матерія. Та же матерія, которая дѣйствительно для насъ существуетъ и о которой мы имѣемъ опредѣленное понятіе, есть бытіе чисто относительное, все содержаніе котораго опредѣляется нашими ощущеніями.

Такимъ образомъ если для реализма догматическаго „бытіе“ и „отношеніе“, „реальность“ и „явленіе“, „матерія“ и „ощущеніе“ суть понятія частію противоположныя, частію же разнородныя и во всякомъ случаѣ радикально различныя, то для критическаго реализма это различіе исчезаетъ: для него бытіе разрѣшается въ отношеніе, реальность обращается въ явленіе и матерія сводится къ ощущенію.

Безусловная реальность познаваемого, т.-е. его совершенная независимость отъ познающаго субъекта, оказывается недостижимою для нашего воспріятія. Вѣдшее бытіе предмета какъ такое, т.-е. какъ безусловно независимое отъ познающаго, тѣмъ самымъ исключается изъ предѣловъ познанія: поскольку же мы познаемъ предметъ постольку онъ перестаетъ быть вѣдшимъ, потому что входитъ въ формы нашего внутренняго психическаго бытія (становится нашимъ ощущеніемъ, нашимъ представленіемъ и т. д.), и обуславливаясь этими формами онъ очевидно перестаетъ быть безусловнымъ. Поэтому если мы въ силу общаго принципа реализма попрежнему требуемъ чтобы предметъ истиннаго знанія былъ реальнымъ, то мы должны при этомъ разумѣть реальность уже въ некоторомъ новомъ, условномъ смыслѣ.

На тѣхъ степеняхъ реализма которыя были нами прежде рассмотрѣны реальность разумѣлась въ безусловномъ смыслѣ, т.-е. какъ бытіе само по себѣ, въ совершенной независимости отъ познающаго субъекта; эта безусловная реальность усматривалась сначала въ непосредственномъ вѣдшемъ *фактъ* (какъ предметъ непосредственной чувственной увѣренности), затѣмъ въ пребывающемъ (субстанціальномъ) бытіи отдѣльной *вещи* и наконецъ въ *природѣ* или общей основѣ вещей, причемъ эта общая основа или *матерія* опредѣлялась окончатально какъ система элементарныхъ существъ или *атомовъ*. Во всемъ этомъ развитіи реального принципа, начинающемся съ простаго утвержденія что истинно только то что есть наглядный и осязательный фактъ, и кончающемся сложною теоріей атомовъ,—во всемъ этомъ развитіи реализма все вниманіе обращено исключительно на объективную сторону знанія, на вопросъ о познаваемомъ въ его истинѣ, и совершенно упускается изъ виду и забывается необходимое участіе субъекта, т.-е. познающаго, во всякомъ реальномъ знаніи. Всякое вѣдшее бытіе—факта, вещи, природы вещей—можетъ быть намъ доступно только въ нашемъ воспріятіи, въ насъ и чрезъ насъ; вѣдшее бытіе можетъ быть намъ доступно лишь поскольку оно не есть вѣдшее, т.-е. другими словами: вѣдшее бытіе какъ такое, безусловная реальность, совсѣмъ для насъ недостижимо, и если мы тѣмъ не менѣе должны сохранить различіе между реальнымъ и воображаемымъ, то намъ приходится перевести это различіе во внутреннюю сферу нашего субъектив-

наго бытія. Если для субстанціального реализма это различіе между реальнымъ и воображаемымъ или вымысломъ совпадало съ различіемъ между субъективнымъ и объективнымъ въ смыслѣ независимаго отъ субъекта, такъ что эта независимость отъ субъекта и составляла критерій истинной реальности, то теперь съ устраненіемъ этой чистой предметности какъ совершенно для насъ недостижимой мы должны уже въ самомъ субъектѣ искать критерія реальности. Дѣйствительнымъ предметомъ познанія являются только собственные внутреннія состоянія самого познающаго, потому что и внѣшнія вещи (предполагая бытіе таковыхъ) могутъ быть ему доступны только въ этихъ его внутреннихъ состояніяхъ, и слѣдовательно различіе реальнаго и воображаемаго въ нашемъ познаніи не можетъ быть различіемъ между внѣшнимъ бытіемъ предмета и внутреннимъ состояніемъ субъекта (ибо все для насъ есть только внутреннее состояніе субъекта), а можетъ быть лишь различіемъ въ предѣлахъ самихъ этихъ субъективныхъ состояній, то-есть различіемъ между одними субъективными состояніями и другими тоже субъективными. И въ самомъ дѣлѣ, оставая въ сторонѣ всякую внѣшнюю предметность (какъ безусловно непознаваемое) и ограничиваясь одною внутреннею сферою субъекта, мы находимъ здѣсь одно на первый взглядъ коренное различіе: нѣкоторыя изъ состояній субъекта являются какъ только происходящія въ немъ или имъ пассивно переживаемыя, ему данныя, другія же какъ имъ самимъ непосредственно производимыя или вызываемыя. И тѣ и другія совершаются въ самомъ субъектѣ, а не внѣ его, суть его собственные состоянія, но въ однихъ онъ чувствуетъ себя воспринимающимъ, въ другихъ же дѣлательнымъ, для первыхъ онъ есть условіе пассивное, для вторыхъ же активное. Состоянія перваго рода, являющіяся въ субъектѣ помимо его прямого и положительнаго участія, суть собственно *ощущенія* или воспріятія внѣшнихъ чувствъ, образующія такъ называемый внѣшній опытъ, которымъ мы и приписываемъ характеръ относительной реальности и объективности по сравненію съ внутренними состояніями другаго рода, въ которыхъ субъектъ самъ проявляетъ свое собственное бытіе, которыя непосредственно возникаютъ изъ самаго субъекта и потому представляются какъ чисто субъективныя и совершенно лишеныя внѣшней реальности, каковы наши

мысли, желанія, фантазіи и т. д. Такимъ образомъ, хотя вѣдѣнная реальность или въ себѣ бытіе совершенно намъ недоступны и все содержаніе нашего знанія ограничивается нашими собственными состояніями или нашимъ внутреннимъ опытомъ (въ широкомъ смыслѣ), но въ самой этой внутренней сферѣ нашего опыта, рядомъ съ такими состояніями которыя проявляютъ дѣйствіе самого субъекта и потому признаются нами за чисто-субъективныя, мы находимъ и такія состоянія въ которыхъ субъектъ является лишь психическою средой и которымъ мы поэтому приписываемъ значеніе вѣдѣннаго опыта въ условномъ смыслѣ; и эта-то условная, относительная объективность нашихъ ощущеній и составляетъ единственную доступную намъ реальность и единственное мѣрило истиннаго знанія какъ реальнаго. Истиннымъ въ этомъ смыслѣ является только то что можетъ быть въ концѣ концовъ сведено къ ощущенію внѣшнихъ чувствъ, что можетъ быть показано какъ ощущаемое или испытываемое, а не мыслимое или воображаемое только.

Итакъ, мы возвращаемся опять къ чувственному опыту какъ единственному источнику реальной истины; но теперь уже чувственный опытъ понимается въ другомъ смыслѣ и значеніи нежели прежде. Прежде (по точкѣ зрѣнія субстанціального или догматическаго реализма) чувственный опытъ хотя и принимался за основаніе истиннаго знанія, но не самъ по себѣ, а лишь поскольку онъ признавался выразителемъ и представителемъ вѣдѣннаго, безусловно независимаго отъ субъекта бытія; чувственный опытъ являлся здѣсь лишь какъ простой безразличный проводникъ или каналъ для вѣдѣнной дѣйствительности; если это есть сенсуализмъ, то сенсуализмъ наивный, доврчиво признающій за вѣдѣнными чувствами магическую способность передавать намъ самую суть вѣдѣнныхъ вещей. Теперь же, когда признано что суть вещей для насъ недоступна, единственною реальностью для насъ и объективнымъ основаніемъ нашего знанія являются наши ощущенія какъ такія, то-есть какъ данныя состоянія нашего сознанія, и чувственный опытъ самъ по себѣ становится основнымъ содержаніемъ нашего знанія и окончательнымъ мѣриломъ всякой истины. Здѣсь мы имѣемъ уже сенсуализмъ сознательный, сенсуализмъ въ собственномъ смыслѣ. Если прежде (на первыхъ ступеняхъ догматическаго реализма) чувствєнные данныя признавались за истину не

сами по себѣ, то-есть не какъ ощущаемыя или испытываемыя, а лишь какъ свидѣтели внѣшняго бытія или прямые показатели независимой отъ субъекта реальности, то теперь (въ реализмѣ критическомъ), съ устраненіемъ этой послѣдней, чувственные данныя сами по себѣ являются какъ окончательное основаніе всякой истины; они здѣсь не свидѣтели реальности, а сами суть реальность,—по крайней мѣрѣ единственная для насъ доступная реальность; чувственный опытъ не проводитъ только, а содержитъ въ себѣ всю познаваемую дѣйствительность.

Итакъ, критическій (или феноменальный) реализмъ, въ силу основнаго значенія которое имѣетъ для него чувственный опытъ, характеризуется прежде всего какъ *сенсуализмъ*.

Въ ощущеніяхъ дается намъ единственная доступная для насъ реальность—реальность явленія, въ силу чего ощущенія или данныя такъ-называемаго внѣшняго опыта составляютъ реальную *основу* истиннаго знанія. Но очевидно что эта реальная основа сама по себѣ еще не составляетъ истиннаго знанія. Въ ощущеніи явленіе существуетъ какъ простая дѣйствительность, но мы знаемъ что дѣйствительность есть лишь первый признакъ истины и что одного этого признака для истины какъ такой недостаточно; мы знаемъ явленіе какъ дѣйствительное, то-есть какъ существующее въ извѣстныхъ нашихъ ощущеніяхъ, но вотъ данное ощущеніе исчезло и съ нимъ исчезла и дѣйствительность явленія, но истина исчезнуть не можетъ; слѣдовательно, познавая явленіе въ его исчезающей дѣйствительности, мы еще не знаемъ его истины, которая есть въ немъ то что исчезнуть не можетъ, то-есть то что въ немъ есть необходимаго. Итакъ, для того чтобы знать истину явленія мы не должны ограничиваться одною его простою дѣйствительностью, данною въ нашихъ ощущеніяхъ, а должны узнать это явленіе въ его *необходимости* или его законѣ, то-есть постоянномъ отношеніи его къ другимъ явленіямъ. Но законъ явленія не дается въ непосредственномъ чувственномъ опытѣ, представляющемъ только его простую дѣйствительность; этотъ законъ открывается сложнымъ процессомъ изслѣдованія, который, основываясь на многихъ повторенныхъ наблюденіяхъ, выдѣляетъ путемъ опытовъ и различныхъ союставленій всѣ случайныя отношенія между явленіями и находитъ такимъ образомъ ихъ постоянную связь или закономерность. Этотъ процессъ изслѣдованія, откры-

вающій законы явленій, мы называемъ вообще научнымъ опытомъ. Итакъ, реальное знаніе, основанное на ощущеніяхъ или непосредственномъ чувственномъ опытѣ, настоящее свое осуществленіе (какъ истинное знаніе) получаетъ лишь чрезъ опытъ научный, и такимъ образомъ критическій (или феноменальный) реализмъ, будучи въ основѣ своей сенсуализмомъ, опредѣляется даѣе какъ *эмпиризмъ* (въ тѣсномъ смыслѣ).

Законы явленій открываемые научнымъ опытомъ опредѣляютъ постоянныя отношенія явленій въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности, или другими словами, эти законы опредѣляютъ постоянное и въ этомъ смыслѣ необходимое мѣсто занимаемое известнымъ явленіемъ въ известной пространственной группѣ и известномъ временномъ ряду. Но если такимъ образомъ мы познаемъ относительную необходимость явленій, то этимъ очевидно еще не удовлетворяется требованіе всеобщности, составляющей существенный признакъ истины; чтобы знать явленіе въ его полной истинѣ мы должны знать его всеобщее значеніе, то-есть его постоянное отношеніе не къ той или другой ограниченной группѣ или ряду явленій, а его отношеніе ко всѣмъ явленіямъ или его мѣсто въ общей системѣ явленій.

Итакъ, мы должны знать общую систему явленій, всѣ разнообразныя ихъ отношенія должны быть сводимы къ одному общему принципу, всѣ частныя эмпирическіе законы должны быть поняты какъ примѣненія одного общаго закона или одной универсальной дянны, связывающей всѣ явленія, и если научный опытъ въ каждой отдельной наукѣ познаетъ законы только въ которыхъ явленій или взаимныя отношенія явленій въ въ которой опредѣленной сферѣ, то для познанія общаго закона, управляющаго всѣми явленіями какъ одною системой, необходимо чтобы сами отдельныя науки были подчинены одному общему принципу, опредѣляющему ихъ отношеніе другъ другу, т.-е. другими словами, чтобы всѣ отдельныя науки были приведены въ одну систему: для познанія системы явленій необходима система наукъ, или научная система. Ясное сознаніе этого требованія и наиболее послѣдовательную попытку осуществить его, т.-е. создать на эмпирической почвѣ систему наукъ соответствующую системѣ явленій, мы находимъ въ такъ-называемомъ позитивизмѣ, который такимъ образомъ и является необходимымъ

послѣднимъ завершеиіемъ критическаго (феноменальнаго) реализма. Этотъ послѣдній слѣдовательно представляетъ три послѣдовательныя и тѣсно между собою связанныя фазиса, три степени въ развитіи одного и того же отвлеченнаго начала, изъ коихъ низшая требуетъ высшихъ, а высшая предполагаетъ и заключаетъ въ себѣ низшія, такъ что всѣ три являются необходимыми составными элементами одного общаго воззрѣнія. Эта связь можетъ быть выражена въ слѣдующихъ краткихъ положеніяхъ. Единственнымъ предметъ истиннаго реальнаго познанія суть *явленія* (общій принципъ критическаго или феноменальнаго реализма); но явленія познаются, во первыхъ, въ своемъ простомъ бытіи или *дѣйствительности*, какими они являются въ непосредственномъ чувственномъ опытѣ, или въ ощущеніяхъ внѣшнихъ чувствъ; во вторыхъ, явленія познаются въ своей относительной *необходимости* или законѣ, открываемомъ научнымъ опытомъ, и наконецъ третьихъ, они познаются въ своей *всеобщности*, представляемой системою наукъ или научною системою. Другими словами, съ точки зрѣнія критическаго реализма, утверждающаго истину какъ явленіе, мы получаемъ слѣдующія три другъ изъ друга вытекающія и другъ друга восполняющія опредѣленія истины: 1) *истина есть дѣйствительное явленіе, данное намъ въ ощущеніяхъ оппшнихъ чувствъ* (сенсуализмъ); 2) *истина есть необходимый законъ явленій, открываемый научнымъ опытомъ* (эмпиризмъ въ собственномъ смыслѣ); 3) *истина есть всеобщая система явленій, познаваемая наукою какъ такою, или системою есть наука* (позитивизмъ).

Итакъ, система положительныхъ эмпирическихъ наукъ заключаетъ въ себѣ высшую доступную для насъ истину, и единственное истинное знаніе есть знаніе положительно-научное. Въ умственной области все что не имѣетъ положительно-научнаго характера должно быть признано за субъективный вымыселъ. Всѣ понятія о безусловныхъ началахъ и сущностяхъ, о первыхъ производящихъ причинахъ и о причинахъ конечныхъ или цѣляхъ должны быть отвергнуты какъ принадлежащія къ области недоступной истинному, то-есть положительно-научному, знанію. Въмсто сущностей явленія, вмѣсто причинъ и цѣлей, законы явленій, вмѣсто трансцендентальной философіи, положительная наука,—въ такой замѣнѣ

принципъ реализма находитъ свое послѣднее выраженіе и свое полное торжество, которое здѣсь разумѣется есть торжество здраваго разума надъ туманными и безплодными призраками философствующей фантазіи,—торжество объективной истины надъ субъективнымъ обманомъ. Этотъ результатъ, то-есть принятіе системы явленій за предѣлы истиннаго знанія, повидимому удовлетворяетъ формальному требованію истины; міръ, какъ система явленій познаваемая эмпирическою наукой въ ея совокупности, повидимому представляетъ признаки реальности (относительной), необходимости и всеобщности. Посмотримъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ и можетъ ли послѣдовательный, ищущій истину умъ усложниться въ этой хотя и мелкой, но повидимому совершенно вѣрной приставкѣ позитивизма?

XXXVI. Критика сенсуализма. Дѣйствительное явленіе не познается въ ощущеніяхъ внѣшнихъ чувствъ. Дѣйствительное явленіе какъ продуктъ умственной дѣятельности.

Переходъ отъ сенсуализма къ идеализму.

Въ ощущеніяхъ внѣшнихъ чувствъ, и только въ нихъ, познаемъ мы объективную дѣйствительность явленія или явленіе какъ объективно-дѣйствительное: таково основное утвержденіе сенсуализма. Здѣсь говорится объ объективной дѣйствительности „явленія“, а не „вещи“, то-есть разумѣется не безусловная реальность или въ себѣ бытіе, признанное недоступнымъ для нашего познанія, а только относительная дѣйствительность предмета или его бытіе для насъ. Итакъ, дѣйствительность явленія, какъ предмета для насъ, познается въ ощущеніяхъ внѣшнихъ чувствъ. Повѣримъ это положеніе на дѣйствительномъ конкретномъ примѣрѣ.

Положимъ, предо мною сидитъ извѣстный человѣкъ и разговариваетъ со мною; я вижу и слышу его, онъ есть для меня дѣйствительное предметное явленіе. Но еслибы мы стали утверждать что это дѣйствительное явленіе дано мнѣ въ ощущеніяхъ моихъ внѣшнихъ чувствъ, что я *ощущаю* этого человѣка сидящаго и говорящаго со мною, то мы впали бы въ грубое заблужденіе. Намъ совершенно невозможно ощу-

щать это дѣйствительное явленіе, этого человѣка, по той простой причинѣ что у насъ нѣтъ такого высшаго чувства въ ощущеніяхъ котораго намъ могло бы быть дано это явленіе. Правда, у насъ есть извѣстная пяť чувствъ (къ которымъ въ послѣднее время психо-физиологи, на основаніяхъ за прочность которыхъ я не поручусь ни въ какомъ случаѣ, присоединяють еще шестое, такъ-называемое мускульное чувство), но въ этихъ пяти, или шести чувствахъ мы имѣемъ въ данномъ случаѣ нѣчто совершенно другое, вполнѣ отличное отъ этого дѣйствительнаго, для насъ существующаго явленія, отъ этого человѣка, сидящаго и говорящаго съ нами. И волевымъ, когда говорится: я *вижу* этого человѣка, если подъ словомъ „видѣть“ разумѣтся „имѣть зрительныя ощущенія“ (а другаго смысла не можетъ имѣть этотъ терминъ въ данномъ случаѣ), то легко можно показать что въ своихъ зрительныхъ ощущеніяхъ я вовсе не вижу этого человѣка и вообще никакого предмета не воспринимаю. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ зрительныя ощущенія, все что можетъ происходить или быть дано въ моемъ чувствѣ зрѣнія—сводится къ различнымъ видоизмѣненіямъ свѣта, тѣней и цвѣтовъ. Такъ въ данномъ случаѣ, когда я говорю что вижу этого человѣка, все что я могу имѣть при этомъ въ моемъ чувствѣ зрѣнія сводится къ ряду свѣтовыхъ ощущеній; все что я здѣсь прямо могу видѣть есть только извѣстное количество цвѣтныхъ пятенъ и извѣстная игра свѣта и тѣней. Но все это само по себѣ не только не похоже ни чуть на то дѣйствительное явленіе которое я имѣю предъ собою въ видѣ этого человѣка со мною сидящаго и разговаривающаго, но и вообще все это, то-есть всѣ мои зрительныя ощущенія сами по себѣ нисколько не предполагаютъ и не требуютъ и не указываютъ ни на какой дѣйствительный предметъ, ни на какое объективное явленіе. Не имѣя предъ собою никакого предмета и даже съ закрытыми глазами я могу имѣть тѣ же самыя свѣтотыя ощущенія, могу видѣть различныя цвѣтныя пятна и даже фигуры, причемъ я даже и не ищу никакого объективнаго явленія которое выражалось бы этими ощущеніями, а принимаю ихъ въ ихъ простомъ субъективномъ значеніи какъ мои собственные чувственныя состоянія и ничего болѣе.

Точно то же и съ еще бѣльшею очевидностью должно отнести и къ утвержденію: я *слышу* этого человѣка. Если подѣ

„я слышу“ разумѣть собственно мои слуховыя ощущенія какъ такія, то-есть различныя состоянія этого моего чувства, то должно признаться что я такъ же мало могу слышать этого человѣка какъ и видѣть его. Различныя звуки, которыя я воспринимаю какъ мои ощущенія, то-есть какъ различныя состоянія и видоизмѣненія моего собственнаго чувства, не выражаютъ сами по себѣ ничего объективнаго и въ этомъ смыслѣ такъ же мало имѣютъ общаго съ этимъ человекомъ какъ и съ этою стѣной, и если въ данномъ случаѣ я приписываю ихъ этому человѣку какъ ихъ объективной причинѣ, то для этого я имѣю конечно другія основанія помимо самихъ ощущеній, ибо сами эти слуховыя ощущенія могутъ быть во мнѣ и дѣйствительно бываютъ безо всякаго отношенія къ какому-нибудь объективному явленію: мнѣ могутъ слышаться извѣстные звуки и даже опредѣленные сочетанія звуковъ или слова, которыя я однако никому не приписываю, то-есть не придаю имъ никакого объективнаго значенія, чего очевидно не могло бы быть еслибы самый фактъ ощущенія выражалъ собою нѣкоторое объективное явленіе или въ самомъ себѣ заключалъ речательство своего опредѣленнаго предметнаго происхожденія.

Вообще говоря, такъ какъ всякаго рода ощущенія, какія мы только можемъ имѣть, поскольку они суть субъективныя состоянія нашихъ собственныхъ чувствъ, могутъ происходить въ насъ, а какъ показываетъ опытъ и дѣйствительно иногда происходятъ, безо всякаго отношенія къ какому-нибудь предмету помимо насъ самихъ, то если однако въ огромномъ большинствѣ случаевъ мы относимъ таковыя ощущенія къ извѣстнымъ предметамъ, или принимаемъ ихъ за объективныя явленія, за выраженія нѣкотораго предметнаго бытія для насъ существующаго, то такое отнесеніе ощущеній къ предмету, такое ихъ объективированіе, должно очевидно имѣть особыя основанія помимо самихъ ощущеній какъ такихъ, ибо эти послѣднія имѣютъ сами по себѣ лишь чисто субъективное бытіе (которымъ мы иногда и ограничиваемся), и самое это отнесеніе нашихъ субъективныхъ состояній къ извѣстному предмету, самое объективированіе нашихъ ощущеній является такимъ образомъ какъ особое самостоятельное дѣйствіе познающаго субъекта, не вытекающее непосредственно изъ самаго факта ощущеній, хотя разумѣется съ нимъ связанное, имъ вызываемое и въ этомъ смыслѣ матеріально отъ него зависимое.

Собственныя мои ощущенія, то-есть то что происходитъ во мнѣ самомъ, я переношу изъ себя на другое, ставлю предъ собою или представляю. Этотъ актъ психическаго оттакиванья ощущеній или ихъ предметнаго представленія есть такимъ образомъ особое дѣйствіе познающаго, не заключающееся необходимо въ самомъ фактѣ ощущенія, ибо бываютъ ощущенія и не соединенныя ни съ какимъ представленіемъ.

Итакъ мы, во первыхъ, имѣемъ ощущенія, и вторыхъ, мы ихъ объективируемъ или представляемъ. Въ представленіи самомъ по себѣ мы представляемъ лишь то что дано намъ въ ощущеніи; само по себѣ представленіе есть лишь объективация непосредственныхъ чувственныхъ данныхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ нашего воспріятія объективныхъ явленій; все дѣло этимъ почти и ограничивается. Такъ на примѣръ, если я идя ощулю въ совершенно темныхъ и мнѣ незнакомыхъ комнатахъ соприкасаюсь и сталкиваюсь съ различными предметами, то все мое представленіе объ этихъ предметахъ сводится къ простой объективации того сопротивленія которое я здѣсь ощущаю, тѣхъ осязательныхъ ощущеній которыя я здѣсь получаю; вся дѣйствительность здѣсь для меня существующая сводится къ извѣстному числу твердыхъ и мягкихъ предметовъ, соотвѣтственно количеству и качеству происходящихъ во мнѣ осязательныхъ и мускульныхъ ощущеній. Хотя эта дѣйствительность есть уже нѣчто большее нежели простая дѣйствительность ощущенія, такъ какъ я здѣсь не ощущаю только, но и представляю нѣчто объективное, но самое содержаніе этого объективнаго не выходитъ за предѣлы простыхъ данныхъ моего ощущенія, именно тѣхъ простыхъ качествъ твердости, мягкости, шероховатости и т. д., которыя даны въ моихъ осязательныхъ и мускульныхъ ощущеніяхъ.

Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ существующая для насъ дѣйствительность или объективное явленіе представляетъ собою нѣчто гораздо большее нежели простую объективацию нашихъ ощущеній. Такъ въ нашемъ прежнемъ примѣрѣ совершенно очевидно что простое отвесеніе къ предметной причинѣ моихъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній далеко еще не составитъ того объективнаго явленія которое представляется этимъ человекомъ, сидящимъ и говорящимъ со мною. Еслибъ я въ этомъ случаѣ только объективировалъ мои различныя ощущенія, то я получалъ бы

только рядъ отдѣльныхъ предметовъ соответствующихъ этимъ ощущеніямъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ я имѣю предъ собою одинъ опредѣляемый предметъ, къ которому всѣ различныя данныя этихъ моихъ ощущеній относятся какъ его составныя части или элементы; я не только соединяю различныя мои слуховыя ощущенія между собою и отношу ихъ къ одному предмету, несмотря на ихъ качественныя различія, а равно и всѣ мои зрительныя ощущенія соединяю между собою въ одномъ предметѣ, но я сверхъ того и цѣлый рядъ этихъ мною соединенныхъ и объективированныхъ слуховыхъ ощущеній соединяю съ таковымъ же рядомъ зрительныхъ ощущеній, относя оба эти разнородныя ряда къ одному и тому же предмету, къ одному и тому же объективному явленію, къ этому человѣку дѣйствительно для меня существующему. Такое соединеніе объективированныхъ ощущеній не вытекающее изъ ихъ простой объективации, такъ какъ я могу объективировать и отдѣльныя ощущенія, не сводя ихъ ни къ какому конкретному единству, ни къ какому цѣльному явленію,—это объединеніе ощущеній есть такимъ образомъ новый актъ познающаго субъекта, отличный не только отъ ощущенія, но и отъ простаго представленія. Если мы подвергнемъ анализу этотъ новый умственный актъ, то легко увидимъ что онъ отнюдь не ограничивается сведеніемъ къ единству моихъ настоящихъ представленій, то-есть тѣхъ моихъ представленій которыя происходятъ изъ простой объективации моихъ актуальныхъ, въ данный моментъ мною переживаемыхъ ощущеній. Такъ въ данномъ примѣрѣ положимъ что я сижу на извѣстномъ разстояніи отъ этого человѣка и не дотрогиваюсь до него; такимъ образомъ мои актуальныя ощущенія относительно его могутъ быть лишь зрительныя и слуховыя, а не осязательныя, и тѣмъ не менѣе та дѣйствительность или то объективное явленіе которое представляетъ мнѣ въ данный моментъ этотъ человѣкъ необходимо предполагаетъ и извѣстныя осязательныя ощущенія, которыхъ я однако въ данный моментъ дѣйствительно не имѣю; въ самомъ дѣлѣ, хотя я и не осязаю этого человѣка, но его дѣйствительность какъ этого живаго человѣка возможна для меня лишь въ томъ предположеніи что я могъ бы приблизиться къ нему осязать его; ибо еслибъ я на мгновеніе допустилъ противное, то-есть допустилъ бы что онъ совершенно неосязаемъ и прозраченъ, то, безъ сомнѣнія,

я тотчас призналъ бы его не за этого дѣйствительнаго человека, а за галлюцинацію или привидѣніе. Такимъ образомъ существующая для меня дѣйствительность какъ объективное явленіе необходимо заключаетъ въ себѣ кромѣ актуальныхъ переживаемыхъ мною ощущеній еще известный рядъ другихъ возможныхъ ощущеній неразрывно связанныхъ съ первыми и входящихъ вмѣстѣ съ ними въ составъ одного конкретнаго предмета, какимъ онъ для меня существуетъ или имѣетъ дѣйствительность.

Но кромѣ этой увѣренности въ нѣкоторыхъ возможныхъ ощущеніяхъ, которыя неизбѣжно должны быть мною испытаны при известныхъ условіяхъ и которыя такимъ образомъ являются по отношенію къ настоящимъ моимъ ощущеніямъ какъ будущія, ибо въ данномъ случаѣ я увѣренъ собственно въ томъ что если я совершу известныя дѣйствія, то я необходимо получу известныя ощущенія, такъ напримѣръ, если я подойду къ этому человеку и дотронусь до него, то я необходимо *буду* имѣть осязательныя ощущенія, — кромѣ этого признанія нѣкоторыхъ возможныхъ или будущихъ ощущеній, въ дѣйствительность (для меня) даннаго объективнаго явленія необходимо входитъ и признаніе нѣкоторыхъ прошедшихъ ощущеній и представленій, также неразрывно связанныхъ съ моими настоящими ощущеніями въ конкретномъ единствѣ этого объективнаго явленія; такъ если я признаю этотъ предметъ мною теперь воспринимаемый за *этого* известнаго человека, то-есть за того же самаго котораго я и прежде зналъ, котораго я видѣлъ вчера или мѣсяць тому назадъ, то это очевидно возможно лишь потому что я сохраняю въ памяти известный рядъ прошедшихъ, мною испытанныхъ ощущеній и образованныхъ мною представленій, и сравнивая эти ощущенія и представленія съ тѣми которыя я теперь имѣю, я на основаніи известныхъ тождественныхъ признаковъ отношу ихъ къ одному и тому же объективному явленію, къ этому одному человеку. Съ настоящею дѣйствительностью этого человека для меня неразрывно связана вся его прошедшая дѣйствительность сохраняемая въ моей памяти и вся его предполагаемая дѣйствительность въ будущемъ. Только подъ этимъ условіемъ, только въ связи съ прошедшимъ и будущимъ, тс-есть съ тѣмъ что вовсе не дано и не существуетъ въ моихъ теперешнихъ актуальныхъ ощущеніяхъ, только въ связи съ этимъ

не существующимъ можетъ воспринимаемое мною теперь объективное явленіе имѣть для меня то значеніе которое оно въ дѣйствительности имѣетъ: только прошедшая (не ощущаемая и слѣдовательно въ смыслъ сенсуализма не существующая) дѣйствительность этого явленія, напримѣръ этого человѣка, и его будущая (слѣдовательно также не ощущаемая и не существующая) дѣйствительность ручаются мнѣ за его дѣйствительность настоящую, и слѣдовательно мы должны признать что не только дѣйствительность этого объективного явленія не сводится къ ощущеніямъ, а что напротивъ сами наши ощущенія получаютъ свое опредѣленное предметное значеніе лишь отъ такихъ данныхъ которыя вовсе не существуютъ въ нашихъ актуальныхъ ощущеніяхъ, отъ данныхъ не ощущаемыхъ, а только мыслимыхъ; и никакому сомнѣнію не подлежитъ что при воспріятіи всякаго конкретнаго явленія то что непосредственно при этомъ ощущается,—реально-чувственный элементъ этого явленія, составляетъ лишь личную его часть, только самую элементарную матеріальную основу на которой нашъ умъ созидаетъ свой дѣйствительный предметъ; это объективное явленіе.

Итакъ, цѣлые ряды различныхъ представленій, соответствующихъ не однимъ только настоящимъ ощущеніямъ, но еще гораздо болѣе ощущеніямъ прошедшимъ или воспоминаемымъ и предваряемымъ или будущимъ—цѣлые ряды такихъ представленій соединяются въ этомъ объективномъ явленіи существующемъ для меня, имѣющемъ дѣйствительность въ данный моментъ, и такъ какъ это соединеніе многихъ и разнородныхъ представленій не есть ихъ простое сложеніе или какое бы то ни было вѣдшее сочетаніе, а представляетъ собою одно конкретное цѣлое явленіе существующее для меня заразъ въ своемъ единствѣ и къ которому я отношу мои частныя впечатлѣнія, какъ имъ опредѣляемая, то слѣдовательно и тотъ синтетическій актъ, которымъ созидается это единство, не можетъ быть простымъ механическимъ сочетаніемъ моихъ ощущеній и представленій, а есть нечто новое и самостоятельное. Данное объективное явленіе въ своей дѣйствительности для меня совсѣмъ не имѣетъ характера простой суммы или какого бы то ни было отвлеченнаго произведенія изъ многихъ элементовъ, а представляетъ собою опредѣленное индивидуальное единство или точнѣе опредѣленную *единицу*, и всѣ частныя ощущенія и представ-

явленія, связанныя въ моемъ сознаніи съ этимъ единичнымъ явленіемъ, относятся къ нему не какъ самостоятельные элементы его слагающіе, а какъ видоизмѣненія и проявленія его выражающія. Но болѣе того: сами мои ощущенія и представленія получаютъ для меня опредѣленное объективное значеніе и дѣйствительность лишь по тому и поскольку они относятся къ этому единичному конкретному явленію, которое слѣдовательно никакъ уже не можетъ быть простымъ выводомъ или итогомъ этихъ частныхъ представленій и ощущеній, не имѣющихъ сами по себѣ никакой объективной опредѣленности, получая ее лишь отъ того цѣльнаго представленія съ которымъ мы ихъ связываемъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда я вижу и слышу этого человѣка, то его слова и движенія имѣютъ для меня опредѣленное объективное значеніе въ качествѣ дѣйствій этого именно человѣка лишь по отношенію къ его цѣльному образу, который слѣдовательно предполагается моими актуальными ощущеніями и представленіями какъ частными выраженіями этого цѣльнаго образа. Чтобы въ извѣстныхъ данныхъ впечатлѣніяхъ, которыя я въ себѣ нахожу, выражался для меня этотъ опредѣленный предметъ, напримѣръ этотъ индивидуальный человѣкъ, я долженъ имѣть предъ собою относительно полный образъ этого человѣка, я долженъ воображать его, и только по отношенію или въ связи съ этимъ воображаемымъ, идеальнымъ предметомъ получаютъ объективную дѣйствительность и мои реальныя впечатлѣнія или ощущенія, которыя помимо этой связи могли бы быть лишь субъективными состояніями моихъ собственныхъ чувствъ (каковыми они и являются въ извѣстныхъ аномальныхъ случаяхъ).

Чувственный опытъ, то-есть совокупность нашихъ ощущеній, даетъ намъ только дробный и притомъ совершенно субъективный матеріалъ для познанія явленія. Въ самомъ дѣлѣ, объективное явленіе, или являющийся, существующій для насъ предметъ имѣетъ необходимо два признака, безъ которыхъ онъ не можетъ быть объективнымъ явленіемъ, а именно: во-первыхъ, онъ долженъ быть этимъ опредѣленнымъ единичнымъ предметомъ, отличающимся отъ другихъ одинаковыхъ предметовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющимъ въ-которое внутреннее единство и цѣльность, пребывая *тѣмъ же* во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ, и во-вторыхъ, онъ долженъ имѣть объективную (относительную) реальность,

то-есть, будучи для насъ, онъ долженъ тѣмъ не менѣе отъ насъ самихъ отличатся, не быть только нашимъ собственнымъ состояніемъ. Если мы говоримъ объ объективномъ явленіи и не предполагаемъ этихъ двухъ признаковъ, то мы не разумѣемъ ничего опредѣленнаго подъ терминомъ „объективное“ явленіе или сами хорошенько не знаемъ о чемъ говоримъ. Но именно согласно вышесказанному эти два неизбѣжные признака или условія объективнаго явленія какъ такого и не даются въ ощущеніяхъ нашихъ чувствъ отвлеченно взятыхъ, ибо эти ощущенія, вопервыхъ, не представляютъ никакого дѣйствительнаго единства, являясь лишь какъ рядъ отдѣльныхъ состояній, а во вторыхъ они не имѣютъ сами по себѣ и никакого объективнаго значенія, будучи лишь состояніями нашихъ чувствъ. Такимъ образомъ, для того чтобъ изъ такихъ данныхъ которыя не представляютъ сами по себѣ ни опредѣленнаго единства, ни объективной реальности, образовать опредѣленное объективное явленіе, очевидно необходимо въ-который самостоятельный (то-есть не заключающійся въ ощущеніяхъ какъ такихъ) актъ, который мы и называемъ *воображеніемъ*.

Итакъ, дѣйствительность объективнаго явленія дается не чувственнымъ опытомъ, а воображеніемъ; она открывается не въ ощущеніяхъ чувствъ, а въ образахъ или идеяхъ ума.

Это утвержденіе, замѣняющее сенсуализмъ идеализмомъ, стоитъ въ прямой зависимости отъ теоріи такъ-называемыхъ врожденныхъ идей, теоріи, какъ мы потомъ увидимъ, въ сущности вѣрной, но выразившейся доселѣ въ неудовлетворительной формѣ и потому связанной со многими недоразумѣніями. Если мы и не имѣемъ никакихъ готовыхъ врожденныхъ идей, это очевидно не можетъ мѣшать нашему уму вновь производить свои образы или идеи на матеріальной основѣ чувственнаго опыта по поводу актуальныхъ ощущеній, но въ совершенной формальной независимости отъ этихъ послѣднихъ (какъ форма статуи не зависитъ отъ матеріала изъ котораго она сдѣлана). Вообще относительно значенія идеи и способности воображенія могутъ возникать различные вопросы, разрѣшать которые здѣсь не мѣсто, такъ какъ ихъ разрѣшеніе можетъ быть дано только въ положительной теоріи познанія, предполагающей уже положительную метафизическую доктрину, которая здѣсь въ критикѣ ответченыхъ началъ есть лишь искомое. Но во всякомъ случаѣ однѣ

заключеніе съ логическою неизбежностью вытекаетъ изъ всего предыдущаго анализа нашего реальнаго познанія, а именно то, что объективная дѣйствительность явленія обусловлена не данными ощущенія самими по себѣ, а въ некоторомъ воздѣйствіи ума, такъ что само объективное явленіе въ своей цѣльной дѣйствительности какъ существующее лишь при активномъ участіи ума имѣетъ характеръ не чувственный только, а существенно интеллектуальный и идеальный.

XXXVII. Критика научнаго эмпиризма. Необходимость явленія познается не опытомъ, а умозрѣніемъ. Переходъ отъ эмпириі къ умозрѣнію.

Опредѣленная дѣйствительность явленія не дается, какъ мы видѣли, въ ощущеніяхъ чувствъ, а обуславливается воображеніемъ. Но чѣмъ бы ни обуславливалась дѣйствительность явленія, она сама по себѣ, какъ мы знаемъ, не можетъ составлять настоящаго предмета истиннаго знанія; въ ней какъ таковой еще не заключается содержаніе истины. Эта послѣдняя требуетъ чтобы мы знали явленіе не только въ его собственной дѣйствительности, но и въ его необходимости, то-есть въ его постоянномъ отношеніи къ другимъ явленіямъ или въ его *законѣ*. Если и въ обыкновенныхъ практическихъ отношеніяхъ мы далеко не всегда довольствуемся воспріятіемъ простой дѣйствительности явленія, знаніемъ факта какъ только факта, а стремимся *объяснить* явленіе изъ его необходимыхъ отношеній къ другимъ, то тѣмъ болѣе имѣетъ силы это требованіе въ области науки, которая именно и имѣетъ своею задачей узнать законы явленій, то-есть ихъ постоянныя и необходимыя отношенія, отношенія общія всѣмъ одинаковымъ явленіямъ во всѣхъ частныхъ случаяхъ ихъ прошедшихъ и будущихъ, вездѣ и всегда. Такъ какъ съ той точки зрѣнія которую мы имѣемъ теперь въ виду, единственный источникъ истиннаго познанія есть реальный опытъ, то изъ этого же опыта должны быть выведены здѣсь и законы явленій. Простой чувственный опытъ переходитъ здѣсь въ опытъ научный. Исхода изъ данныхъ непосред-

ственного опыта, наука путемъ повторенныхъ наблюдений и экспериментовъ (индуктивная сторона науки), путемъ аналогій, вычислений и выводовъ (дедуктивная часть науки) освобождаетъ явленіе отъ его измѣнчивыхъ и случайныхъ элементовъ, выдѣляетъ изъ него необходимое и постоянное, открываетъ такимъ образомъ его законъ. Таковъ взглядъ на науку съ точки зрѣнія эмпиризма. Представленный въ общихъ выраженіяхъ этотъ взглядъ кажется очень простымъ и твердымъ; посмотримъ таковъ ли онъ на самомъ дѣлѣ.

Прежде всего мы должны помнить то для эмпиризма несомнѣнное положеніе что во всякомъ дѣйствительномъ опытѣ мы имѣемъ только частный случай, только отдѣльное явленіе въ его простой фактической дѣйствительности. Мы можемъ дѣйствительно испытывать только то что происходитъ въ данный моментъ времени и въ данномъ мѣстѣ пространства, что существуетъ для насъ теперь и здѣсь; все остальное, все что идетъ дальше простаго факта мы не испытываемъ, а выводимъ или заключаемъ. То что мы не можемъ наблюдать въ дѣйствительномъ явленіи, то-есть въ отдѣльномъ случаѣ, мы выводимъ изъ наблюденія и опыта надъ многими случаями. Мы можемъ наблюдать и экспериментировать надъ различными случаями одного и того же, то-есть одинаковаго явленія, наблюдать или и ставить его въ различныя условія, и тѣ отношенія этого явленія которыя оказываются одинаковыми при всѣхъ этихъ различныхъ условіяхъ и суть его постоянныя отношенія, образующія законъ явленія.

Такъ какъ въ опытѣ вообще мы можемъ познавать только данныя явленія или факты, то и законъ познанный изъ опыта можетъ быть только обобщеніемъ изъ фактовъ—законъ съ эмпирической точки зрѣнія есть только общій фактъ; различіе же универсальнаго факта отъ фактовъ простыхъ, или частныхъ случаевъ состоитъ очевидно въ томъ что первый есть фактъ необходимый, то-есть неизмѣнно повторяющійся во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Изъ безчисленнаго множества различныхъ связей и отношеній, фактически существующихъ между явленіями, научный опытъ выдѣляетъ такія которыя являются постоянно и неизмѣнно и признаетъ ихъ въ этомъ смыслѣ безусловно-необходимыми. Такая безусловно-необходимая связь между явленіями, составляющая ихъ законъ, можетъ быть относительно явленій составляющихъ послѣдовательный рядъ въ формѣ времени всего про-

ще выражена такъ: каждый разъ, въ каждомъ частномъ случаѣ, когда происходитъ нѣкоторое (или нѣкоторыя) явленіе, неизбежно происходитъ и нѣкоторое другое или другія (?) явленіе. Въ этомъ смыслѣ одно явленіе вызываетъ неизбежно другое и можетъ быть такимъ образомъ названо его причиною, и самое отношеніе между ними опредѣляется какъ причинная связь *. Такимъ образомъ, понятія закона, необходимости и причинной связи являются здѣсь различными выраженіями одного основнаго понятія о постоянномъ и неизмѣнномъ отношеніи между явленіями; познаніе этихъ отношеній есть *summa* того что можетъ быть познаваемо съ точки зрѣнія научнаго эмпиризма.

Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о томъ, удовлетворяетъ ли такое познаніе всѣмъ требованіямъ нашего ума и соответствуетъ ли оно общему понятію истины, мы должны поставить болѣе рѣшительный вопросъ: можетъ ли научно-эмпирическое знаніе само по себѣ дать и то что оно обѣщаетъ, т.е. есть можно ли этимъ путемъ познать необходимымъ, въ смыслѣ безусловнаго постоянства, отношенія между явленіями? Во избежаніе недоразумѣній я долженъ замѣтить что вопросъ этотъ имѣетъ въ виду не саму науку въ ея дѣйствительности, а только отвѣченно-эмпирической взглядъ на науку. Я нисколько не сомнѣваюсь что настоящая наука можетъ познавать и дѣйствительно познаетъ необходимыя отношенія или законы явленій, но спрашивается только, остается ли она при этомъ познаніи на исключительно-эмпирической почвѣ, есть ли она то чѣмъ хочетъ сдѣлать ее отвѣченный эмпиризмъ, не пользуется ли она на самомъ дѣлѣ кромѣ эмпири и другими способами познанія, или, говоря точнѣе, тотъ опытъ на которомъ основывается истинная наука не заключаетъ ли онъ въ себѣ и другихъ познавательныхъ элементовъ, кромѣ того которыми хочетъ ограничить его отвѣченный эмпиризмъ?

* Здѣсь причина разумѣется не въ обыкновенномъ смыслѣ какъ дѣйствующая или производящая, а только какъ феноменальная, т.е. есть причиной называется то явленіе существованіе котораго есть фактическое условіе для существованія другаго, причемъ внутренняя связь между этими двумя явленіями остается за предѣлами познанія и можетъ даже быть совсѣмъ отвергаема.

Итакъ, возможно ли чисто эмпирическимъ путемъ познавать безусловно-необходимую связь явленій или ихъ законъ въ точномъ смыслѣ этого слова?

Прежде всего мы должны помнить что съ эмпирической точки зрѣнія нашему познанію совершенно и безусловно недоступно существо вещей ни съ реальной, ни съ идеальной, ни даже съ чисто-логической стороны: намъ не даны субстанціальныя причины производящія явленія, мы не обладаемъ идеями представляющими внутреннюю природу или сущность вещей и явленій, наконецъ у насъ нѣтъ даже всеобщихъ апріорныхъ категорій разума, выражающихъ алогичически непреложную формальную связь всего существующаго,—ничего этого мы не знаемъ изнать не можемъ,—намъ доступны только фактическія явленія въ ихъ также фактическихъ взаимоотношеніяхъ подобія, сосуществованія (въ пространствѣ) и послѣдовательности (во времени), и между этими-то вѣдшими взаимоотношеніями научный эмпиризмъ различаетъ такія которыя измѣнчивы и непостоянны и такія которыя неизмѣнны и безусловно постоянны, и весь вопросъ сводится собственно къ тому: какое основаніе можетъ имѣть эмпиризмъ для такого различенія, почему онъ считаетъ нѣкоторыя изъ фактическихъ отношеній между явленіями за неизмѣнныя и постоянныя, какое у него можетъ быть ручательство ихъ безусловнаго постоянства или необходимости?

Существуютъ два явленія *a* и *b*; наука при помощи извѣстныхъ методовъ точнаго индуктивнаго изслѣдованія обнаружила постоянную связь между этими явленіями, признала зависимость одного отъ другаго, признала что *a* есть феноменальная причина *b*; оно есть причина *b* не въ томъ смыслѣ что оно производитъ изъ себя *b* какъ свое дѣйствіе,—такое понятіе причины дѣйствующей или производящей есть понятіе чисто метафизическое, для эмпиризма чье имѣющее никакого значенія; равнымъ образомъ съ эмпирической точки зрѣнія *a* не можетъ быть причиной *b* въ томъ смыслѣ что эти два явленія по своей внутренней природѣ или сущности такъ между собой неразрывно связаны что разъ дано *a*, то мы уже изъ самаго понятія его съ логическою необходимостью должны вывести бытіе *b* на томъ основаніи что одно безъ другаго невысказано, такъ что бытіе *b* при существованіи *a* достоверно а priori равнѣе всякаго фактическаго наблюденія и совершенно независимо отъ количества

частныхъ случаевъ; и такое понятіе причинности, какъ что-то умозрительное, противорѣчитъ эмпирической точкѣ зрѣнія и ею отвергается; такимъ образомъ, для этой точки зрѣнія остается утверждать необходимую связь между *a* и *b* единственно на основаніи факта ихъ всегдашняго соприсутствія, на основаніи того что во всѣхъ наукахъ извѣстныхъ и наукой точнѣйшимъ образомъ изслѣдованныхъ и проверенныхъ случаяхъ *a* всегда оказывалось непремѣннымъ условіемъ для *b*, такъ что при существованіи *a* всегда являлось и *b*, при устраненіи *a* исчезало и *b*, при измѣненіяхъ въ *a* измѣнялось и *b*. Но логически разсуждая, изъ факта такой связи нисколько не слѣдуетъ ея необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, если (какъ это вытекаетъ прямо изъ основнаго принципа эмпиризма) предметъ нашего познанія существуетъ для насъ только въ своемъ фактическомъ, всегда условномъ явленіи, если другими словами, мы всегда знаемъ только частные случаи, то очевидно что и всѣ отношенія явленій наблюдаемыя или открываемыя нами имѣютъ значеніе только для этихъ частныхъ случаевъ, въ которыхъ мы ихъ открываемъ, и какъ бы ни обобщались извѣстныя отношенія чрезъ свое повтореніе во множествѣ частныхъ случаевъ, это обобщеніе всегда есть только относительное, именно оно можетъ относиться только къ извѣстному числу случаевъ отъ которыхъ оно отвлечено или которые обобщены въ этомъ отношеніи. Для научной эмпирии существуютъ только частные случаи, и законъ здѣсь есть только отвлеченіе отъ этихъ частныхъ случаевъ, такой же фактъ обобщенный въ извѣстныхъ предѣлахъ, именно въ предѣлахъ нашего дѣйствительнаго наличнаго опыта. Переступать за предѣлы этого наличнаго опыта, утверждать законъ не какъ замѣченное въ данныхъ случаяхъ единствообразіе, а какъ безусловную норму для всѣхъ возможныхъ случаевъ, не какъ обобщенную дѣйствительность данныхъ въ опытѣ фактовъ, а какъ безусловную необходимость обязательную для всякаго будущаго опыта и слѣдовательно предшествующую всякому опыту, утверждать законъ въ этомъ смыслѣ мы не имѣемъ никакого права съ эмпирической точки зрѣнія, потому что гдѣ же у насъ та познавательная сила которая можетъ идти дальше наличнаго опыта и, вмѣсто того чтобы подчиняться наблюдаемой и испытываемой дѣйствительности, предписываетъ ей безусловно необходимые законы? Допущеніе такой познаватель-

вой способности нашего ума переходящей за предѣлы всякаго даннаго опыта, допущеніе такой трансцендентальной способности нашего ума есть прямое отрицаніе эмпирическаго принципа признающаго дѣйствительный опытъ единственнымъ источникомъ и основаніемъ истиннаго знанія. Въ опытѣ какъ такомъ мы имѣемъ только фактическія отношенія явленій, то-есть ихъ отношенія въ данныхъ случаяхъ, нами изслѣдованныхъ. Извѣстное отношеніе послѣдовательности и подобія между данными явленіями одинаковое во всѣхъ нашихъ прошедшихъ опытахъ,—извѣстное, нами открытое единообразіе данныхъ явленій есть фактъ, и съ эмпирической точки зрѣнія мы можемъ утверждать это единообразіе только какъ фактъ; но что же въ такомъ случаѣ можетъ ручаться за неизмѣнность этого отношенія, этого единообразія явленій во всѣ времена безусловно, какъ послѣдующія, такъ и предшествовавшія нашимъ дѣйствительнымъ опытамъ, въ такія времена слѣдовательно когда мы не можемъ утверждать этого единообразія въ качествѣ дѣйствительнаго испытаннаго факта? Что же даетъ эмпирической, фактической связи явленій характеръ безусловной всеобщности и необходимости, что дѣлаетъ изъ простаго обобщенія данныхъ явленій, изъ дѣйствительнаго факта, необходимый законъ? Положимъ, извѣстное отношеніе между данными явленіями наблюдаемо во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія съ начала человѣческаго опыта; но самое это обстоятельство—отсутствіе исключеній—съ эмпирической точки зрѣнія есть только фактъ, не идущій за предѣлы своей наличной дѣйствительности, ничего не говорящій о неопредѣленномъ, не испытанномъ будущемъ; это „безъ исключенія“ имѣетъ силу и значеніе только до перваго исключенія. На основаніи опыта съ точки зрѣнія эмпиризма мы можемъ сказать только: *доселѣ* не было исключеній,—это есть фактъ, но изъ этого факта, именно потому что это есть только опытный фактъ, а не какая-нибудь абсолютная умозрительная истина—*veritas aeterna*—изъ этого простаго факта что *доселѣ* не было исключеній въ данномъ единообразіи, никакъ не можетъ слѣдовать что и не будетъ никогда исключеній. Еслибы мы имѣли право утверждать что фактическая, *доселѣ* нами наблюдавшаяся связь между явленіями *a* и *b* основана на самой ихъ природѣ или сущности безусловно равной себѣ и неизмѣнной, такъ что вытекающая изъ этой ихъ внутрен-

ней природы связь между ними была бы также неизмѣнною, въ такомъ случаѣ мы конечно могли бы быть вполне увѣрены что какъ доселѣ не находили исключенія въ отноше- нии этихъ явленій, такъ не найдемъ его никогда и впредь; но вѣдь именно съ точки зрѣнія эмпиризма мы и не имѣ- емъ права смотрѣть на отношеніе между этими явленіями какъ на вытекающее изъ ихъ внутренней природы, ибо объ этой послѣдней мы ничего не можемъ знать. Наблюдаемое нами отношеніе явленій какъ чисто фактическое и въ этомъ смыслѣ вѣднѣе можетъ всегда измѣниться, ни сколько не измѣняя характера самихъ явленій въ отдѣльности взятыхъ, такъ что между этими же самыми явленіями мы имѣемъ ло- гическое право предположить безчисленное множество воз- можныхъ отношеній кромѣ того которое нами наблюдалось доселѣ, ибо это доселѣшнее наблюденіе какъ чисто факти- ческое говоритъ только за самого себя и даѣе ни къ чему насъ не обязываетъ. Мы знаемъ только одно: доселѣ было такое-то отношеніе между этими явленіями,—почему *такое*, мы этого знать не можемъ, мы знаемъ только фактъ, и если завтра мы найдемъ другое отношеніе между этими явленіа- ми, то это ни сколько не должно насъ удивить, это также будетъ только фактъ, который мы должны будемъ конста- тировать: одинъ фактъ стѣбитъ другаго, одинъ такъ же мало понятенъ какъ и другой и также ни къ чему насъ не обязы- ваетъ относительно дальнѣйшаго будущаго.

То обстоятельство что наука на основаніи открытыхъ ею отношеній между явленіями безошибочно предсказываетъ та- ковыя же отношенія въ новыхъ случаяхъ не можетъ слу- жить никакимъ ручательствомъ за безусловную неизмѣн- ность этихъ отношеній. Это можетъ показаться парадок- сомъ, но логически это несомнѣнно. Въ самомъ дѣлѣ, вѣр- ность научнаго предсказанія сама есть только относитель- ная, не заключающая въ себѣ никакой дальнѣйшей безуслов- ной необходимости. Предсказаніе сбылось, оказалось вѣр- нымъ—это опять только фактъ. Сбывшееся научное пред- сказаніе показываетъ только что наблюдавшееся доселѣ от- ношеніе между данными явленіями осталось и на этотъ разъ такимъ же, но останется ли оно неизмѣненнымъ и завтра, и слѣдовательно окажется ли безошибочнымъ подобное пред- сказаніе завтра, это остается попрежнему совершенно про- блематичнымъ, ибо мы не можемъ знать безконечнаго числа

возможныхъ условій которыя могутъ измѣнить существующія отношенія и обмануть наше предвидѣнiе. Допустимъ даже что явленiе a имѣетъ постоянное свойство вызывать явленiе b (чего строго эмпирическая точка зрѣнiя допускать не имѣетъ права); но очевидно это свойство можетъ дѣйствовать или проявляться только при извѣстныхъ условiяхъ, положительныхъ и отрицательныхъ, а такъ какъ этихъ условiй можетъ быть безконечное множество, то мы никогда не можемъ быть увѣрены что мы знаемъ *всѣ* необходимыя условiя для произведенiя b чрезъ a или *всѣ* явленiя влiяющiя положительно или отрицательно, способствующiя или препятствующiя дѣйствительному обнаруженiю присущаго a свойства вызывать b ; такимъ образомъ мы должны допустить что могутъ быть неизвѣстныя намъ явленiя x, y, z , присутствiе которыхъ не позволяетъ явленiю a произвести или вызвать явленiе b . Положимъ теперь что во всѣхъ случаяхъ доселѣ намъ извѣстныхъ a всегда вызывало b , и что принявъ эту ихъ связь за непреложный законъ мы предсказывали появленiе b какъ слѣдствiе появленiя a , и что каждый разъ наши предсказанiя сбывались; это означаетъ очевидно только то что доселѣ x, y и z не появлялись одновременно и совместно съ a и не препятствовали этому послѣднему вызывать b ; но такъ какъ эти явленiя x, y, z намъ неизвѣстны, а слѣдовательно мы не можемъ знать и условiй при которыхъ они происходятъ, то мы и не можемъ утверждать чтобъ они никогда не появились совместно съ a , мы должны допустить что завтра же совместно съ a можетъ произойти x или y , и въ такомъ случаѣ a не вызоветъ b и наше предсказанiе сегодня сбывшееся, какъ и прежде всегда сбывавшееся, завтра окажется ошибочнымъ и мнимый законъ окажется только относительнымъ, временнымъ обобщенiемъ. Другое дѣло, еслибы мы знали внутреннюю природу a и b , или ихъ безусловное опредѣленiе, въ силу котораго они неразрывно между собою связаны по самой природѣ своей, такъ что одно безусловно немислимо безъ другаго; въ такомъ случаѣ условiя препятствующiя появленiю b по неразрывной связи его съ a мѣшали бы и появленiю этого послѣдняго, такъ что эти два явленiя или совсѣмъ бы не существовали оба или же существовали бы вмѣстѣ неразрывно связанные причинною связью, которая здѣсь была бы дѣйствительно неизмѣнною при всѣхъ возможныхъ условiяхъ,

была бы действительно безусловнымъ закономъ, какъ вытекающая изъ безусловной природы вещей. Но ничего такого мы съ эмпирической точки зрѣнія предпологать не можемъ; здѣсь связь между явленіями есть чисто фактическая и въ этомъ смыслѣ случайная, ни къ чему не обязывающая за предѣлами даннаго опыта; все постоянство нашихъ доселѣшнихъ наблюденій и вся безошибочность нашихъ доселѣшнихъ предсказаній указываетъ только на действительность прошедшихъ и настоящихъ событій, нисколько не ручаясь за необходимость будущихъ. Но если такимъ образомъ съ эмпирической точки зрѣнія мы не имѣемъ права, основываясь на аналогіи найденныхъ въ прошедшемъ опытѣ отношеній, утверждать съ достовѣрностью неизмѣнность этихъ отношеній въ будущемъ, то не даетъ ли по крайней мѣрѣ эта аналогія нѣкоторую *вѣроятность* такой неизмѣнности? Если доселѣ во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія данныя явленія находились между собою въ извѣстномъ отношеніи, не можемъ ли мы съ вѣроятностью утверждать что такъ же будетъ и впредь? Логическая добросовѣстность заставляетъ насъ, рискуя новымъ парадоксомъ, отвѣчать отрицательно и на этотъ вопросъ. Дѣло въ томъ что вѣроятность въ точномъ смыслѣ этого слова выражаетъ опредѣленное отношеніе существующаго къ возможному, въ нашемъ вопросѣ отношеніе действительнаго наличнаго опыта ко всему возможному опыту. Какое же это отношеніе? Нашъ научный опытъ существуетъ, можно сказать, со вчерашняго дня и количество случаевъ ему подлежащихъ въ сравненіи съ остальными безконечно мало. Но еслибы даже этотъ опытъ существовалъ милліонами вѣковъ, то и эти милліоны вѣковъ ничего не значили бы въ отношеніи къ безконечности всѣхъ возможныхъ опытовъ. Какую бы мы ни взяли конечную величину, большую или малую, отношеніе ея къ безконечности всегда одинаково, именно: безконечно приближается къ нулю. Примѣняя это математическое выраженіе къ нашему вопросу мы должны сказать что какъ бы ни былъ великъ нашъ прошедшій опытъ въ которомъ извѣстное отношеніе между явленіями (предполагаемый законъ) оказывалось неизмѣннымъ, это не даетъ намъ никакого основанія съ какою-нибудь опредѣленною вѣроятностью утверждать безусловную неизмѣнность или необходимость этого отношенія во всѣ времена. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ что представители научнаго эмпиризма, при

отсутствіи настоящихъ основаній для утвержденія неизмѣнности законовъ явленій, вынуждены прибѣгать къ такимъ основаніямъ которыхъ несостоятельность и даже странность съ точки зрѣнія эмпиризма бросается въ глаза; таково знаменитое положеніе что природа однообразна и постоянна въ своихъ дѣйствіяхъ,—положеніе совершенно равносильное аксіомамъ старинныхъ схоластиковъ о томъ что природа не терпитъ пустоты, не дѣлаетъ скачковъ и т. п.; но что было естественно со стороны схоластиковъ, вообще допускавшихъ что въ основѣ всякаго бытія и знанія лежатъ безусловныя умозрительныя принципы, извѣстныя *veritates aeternae et universales*, то совершенно непозволительно для современныхъ эмпириковъ, которые именно стоятъ на отрицаніи всякихъ аліоріорныхъ истинъ и безусловныхъ аксіомъ даже въ области математики и между тѣмъ представляютъ намъ такую чистѣйшую *veritatem aeternam* касательно природы и ея дѣйствій. Строго говоря сама природа для эмпиризма есть не болѣе какъ общее понятіе, отвѣчающее отъ дѣйствительности наблюдаемыхъ явленій и ихъ фактическихъ отношеній или эмпирическихъ законовъ и слѣдовательно не имѣющее никакого собственнаго содержанія и значенія независимаго отъ этихъ явленій и законовъ, такъ что выраженіе „природа однообразна и неизмѣнна въ своихъ дѣйствіяхъ“ есть только другой оборотъ рѣчи для утвержденія что законы явленій неизмѣнны; но вѣдь именно это-то утвержденіе и составляетъ вопросъ, его-то и слѣдуетъ обосновать; осмыслиться же для этой цѣли на неизмѣнность природы значитъ основывать неизмѣнность законовъ природы на простомъ утвержденіи этой самой неизмѣнности, значитъ владать въ *circulus vitiosus* и доказывать *idem per idem*, причѣмъ грубость логической ошибки только маскируется метафорическимъ выраженіемъ „природа и ея дѣйствія“.

Но если такимъ образомъ мы не можемъ съ эмпирической точки зрѣнія утверждать безусловную необходимость извѣстныхъ общихъ отношеній между явленіями ни въ качествѣ достовѣрной истины, ни даже въ качествѣ вѣроятнаго предположенія, то мы должны признать что вообще научный опытъ открываетъ намъ только относительную дѣйствительность, а не безусловную необходимость явленій, даетъ намъ только факты, а не законы, извѣщаетъ насъ только о томъ что бывало и бываетъ, а не о томъ что должно быть без-

условно. Притязаніе отвѣченнаго научнаго эмпиризма познавать неизмѣняемые законы явленій, познавать явленія въ ихъ необходимости оказывается неисполнимымъ съ точки зрѣнія самого эмпиризма, оказывается противорѣчающимъ самому его принципу. На вопросъ: почему извѣстное данное въ опытѣ отношеніе явленій есть необходимое, то-есть законъ, для послѣдовательнаго эмпиризма существуетъ единственный отвѣтъ: потому что это отношеніе всегда наблюдалось и находилось до сихъ поръ; но въ такомъ случаѣ это есть законъ лишь до перваго наблюденія могущаго показать другое отношеніе между тѣми же явленіями, слѣдовательно это уже не есть настоящій законъ всеобщій и необходимый. Такимъ образомъ, съ чисто-эмпирической точки зрѣнія невозможно даже познаніе явленій въ ихъ необходимости или въ ихъ законахъ; послѣдовательный эмпиризмъ подрываетъ не только умозрительную философію, но и положительную науку въ ея теоретическомъ значеніи. Остается только возможность эмпирическихъ свѣдѣній о явленіяхъ въ предѣлахъ наличнаго опыта, въ ихъ данной фактической связи, всегда могущей оказаться измѣнчивою и переходящею,—свѣдѣній имѣющихъ иногда практическую пользу, но очевидно лишенныхъ всякаго теоретическаго, умственнаго интереса,—интереса истины, требующаго безусловной неизмѣнности и необходимости.

Между простымъ непосредственнымъ опытомъ и опытомъ научнымъ съ точки зрѣнія эмпиризма различіе только относительное и можно сказать количественное; если простой чувственный опытъ извѣщаетъ насъ о томъ что совершается въ данномъ единичномъ случаѣ, то опытъ научный сообщаетъ намъ то что совершается или бываетъ во многихъ случаяхъ, что случается часто; для того же чтобы познавать бывающее не во многихъ только, а во *всѣхъ* случаяхъ, или случающееся не часто, а всегда, для этого требовалось бы (съ эмпирической точки зрѣнія) чтобы весь возможный опытъ былъ уже исчерпанъ и завершенъ, что на самомъ дѣлѣ очевидно невозможно. Какъ бы ни былъ усовершенствованъ нашъ научный опытъ, но если онъ есть только опытъ въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть извѣщеніе о томъ что дѣйствительно для насъ бывало или такъ или иначе нами наблюдалось, то онъ всегда указываетъ намъ только дѣйствительность предмета, а не его необходимость, даетъ намъ только фактъ, а не истину, ибо, какъ мы знаемъ, хотя истина и

должна заключать въ себѣ фактической элементъ, но это есть именно только одинъ ея элементъ, самъ по себѣ еще не отвѣчающій полному опредѣленію истины. Еслибъ истина выводилась только изъ фактическихъ отношеній, изъ фактического положенія предмета, то съ измѣненіемъ этихъ фактическихъ отношеній, этого фактического положенія предмета,—какое измѣненіе всегда возможно,—измѣнилась бы necessarily и истина, переставала бы быть чѣмъ была. Но истина по понятію своему неизмѣнна и безусловно обязательна для ума, иначе она будетъ не истиною, а случайнымъ утвержденіемъ.

Такимъ образомъ, несомнѣнно что для познанія истины какъ такой одинъ опытъ, передающій только наличную дѣйствительность предмета и его фактическія отношенія, недостаточенъ, и необходимъ другой родъ знанія, относящійся къ предмету не со стороны его дѣйствительности, а со стороны его необходимости, извѣщающій насъ не объ условномъ бытіи предмета въ области нашихъ чувствъ, а о его безусловномъ содержаніи, независимомъ отъ того, существуетъ ли онъ актуально въ нашемъ воспріятіи въ данную минуту или нѣтъ. Если, какъ мы видѣли, всякій основанный только на опытѣ законъ есть всегда только эмпирической законъ, то-есть только обобщенный фактъ или сокращенное выраженіе многихъ частныхъ случаевъ, такъ что величайшее множество сдѣланныхъ наблюденій и величайшее постоянство произведенныхъ опытовъ могутъ ручаться только за относительную общность и условную неизмѣнность даннаго отношенія, именно въ предѣлахъ наличной опытной области, откуда до безусловной всеобщности и необходимости, заключающейся въ понятіи истины, всегда остается безконечное разстояніе,—такъ что какъ бы мы ни умножали своихъ наблюденій и опытовъ, мы чрезъ это нисколько не подвинемся къ окончательной цѣли знанія,—то очевидно требуется такой родъ познанія который всегда и разомъ, то-есть во всякомъ частномъ случаѣ,—въ первомъ и въ миллионномъ все равно,—воспринималъ бы предметъ, не какъ этотъ частный случай, а какъ всеобщій законъ, рассматривалъ бы его не въ его данной дѣйствительности, а въ его безусловной необходимости, видѣлъ бы въ этомъ предметѣ не то чѣмъ онъ бываетъ, а то что онъ есть; ибо только это и составляетъ истину. Такой способъ познанія, представляющій элементъ всеобщности и необходимости

независимо отъ количества наблюдений и опытовъ, мы имѣемъ въ такъ-называемомъ умозрѣніи или чистомъ (формальномъ) мышленіи.

Умозрѣніе, съ точки зрѣнія сенсуализма и эмпиризма, есть вѣчто чисто субъективное, одновозначащее съ вымысломъ; ему противопоставляются данныя опыта какъ вѣчто положительное и объективное; но изъ вышеизложеннаго анализа чувствѣннаго опыта легко видѣть что самъ этотъ опытъ не идетъ далѣе субъективныхъ показаній, далѣе того факта что данными субъектами испытывалось то-то и то-то. Данныя опыта суть только состоявія сознанія, и противопоставлять ихъ умозрѣнію какъ вѣчто объективное вѣтъ никакого основанія. Въ извѣстномъ отношеніи, именно съ чисто психологической точки зрѣнія, все для насъ существующее есть только состоявіе нашего сознанія; но между состоявіями сознанія мы должны признать нѣкоторыя существенныя различія; одно изъ этихъ различій, именно различіе ощущеній или аффектовъ такъ-называемыхъ вѣшнихъ чувствъ отъ аффектовъ чувства внутренняго, было нами уже указано. Другое еще болѣе важное въ гнозеологическомъ отношеніи различіе, которое мы теперь имѣемъ въ виду, именно различіе между состоявіями сознанія вмѣющими умозрительное значеніе и такими которыя суть лишь данныя опыта въ тѣсномъ смыслѣ или имѣютъ только эмпирическое, чисто-фактическое значеніе,—это различіе легко можетъ быть усмотрѣно изъ анализа любого единичнаго случая. Положимъ напримѣръ что я вижу предъ собою горящую свѣчу, слышу звукъ шарманки на улицѣ, ощущаю боль въ правомъ колѣнѣ, чувствую жажду; все это состоявія сознанія болѣе или менѣе сложныя. Положимъ теперь съ другой стороны что я мысленно утверждаю равенство $(a + b)^2 = a^2 + 2ab + b^2$, или высказываю мысленно Пифагорову теорему, или утверждаю что двѣ величины равныя одной третьей равны между собою,—все это также суть состоявія моего сознанія, поскольку я все это мыслю и создаю, но эти состоявія сознанія имѣютъ то существенное отличіе отъ предыдущихъ что они, кромѣ своего психологическаго значенія, чисто субъективнаго и частнаго (какъ состоявія моего сознанія), имѣютъ еще значеніе логическое, объективное и вообще и что это послѣднее значеніе есть въ нихъ преобладающее; а именно, когда я утверждаю что двѣ величины равныя одной и той же

третьей равны между собою, я утверждаю это не какъ фактическое состояніе моего личнаго сознанія въ данную минуту, а какъ положеніе обязательное для всякаго сознанія во всё время мышлящаго о величинѣ. Если меня спросятъ, почему я утверждаю что у меня болитъ колено, я могу отвѣтить только: потому что я это чувствую въ данную минуту; но если меня спросятъ почему я утверждаю что двѣ величины равны одной и той же третьей равны между собою, я никогда не отвѣчу: потому что я это *мыслю*, а отвѣчу: потому что это необходимо *мыслится*, т.-е. всегда и всѣми, тогда какъ боль въ колѣнѣ ощущается только мною въ данную минуту; это ощущеніе ничего не даетъ мнѣ кромѣ своей надличной фактической дѣйствительности,—я ощущаю боль и только, и конечно никому не придетъ въ голову утверждать это мое состояніе какъ всеобщую и необходимую истину. Правда и это мое состояніе имѣетъ необходимость, но не само по себѣ, а лишь поскольку я его подвожу подъ какія-нибудь общія категоріи, и прежде всего подъ категорію причинности; рассматривая въ умѣ свое ощущеніе боли какъ извѣстное дѣйствіе, я приписываю его извѣстнымъ причинамъ, тѣмъ или другимъ внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ моего организма, и въ этомъ смыслѣ признаю его необходимымъ; но эта необходимость, поскольку она выводится изъ общаго закона причинности, есть уже нѣкоторая новая мысль, присоединяющаяся къ моему ощущенію, а не само это ощущеніе: эта мысль дается уже умозрѣніемъ, привходящимъ къ моему ощущенію, а не заключается въ самомъ ощущеніи какъ такое: въ моемъ чувствѣ боли нѣтъ ничего такого что бы прямо указывало на его причину и тѣмъ заявляло объ его необходимости. Точно также, когда я слышу звукъ шарманки, я приписываю этотъ звукъ опредѣленной внѣшней причинѣ, шарманщику играющему на улицѣ, и въ этомъ смыслѣ признаю свое ощущеніе звука явленіемъ необходимымъ; но эта необходимая зависимость отъ внѣшней причины нисколько не заключается въ самомъ звукѣ, въ качествѣ или содержаніи этого моего ощущенія, и въ самомъ дѣлѣ, въ случаѣ галлюцинаціи мое ощущеніе звука по содержанію или качеству своему можетъ быть совершенно такимъ же какъ и прежде, но внѣшней причины этого ощущенія не оказывается. Такимъ образомъ общее и необходимое значеніе нашихъ ощущеній, ихъ логическое или

онтологическое значеніе является только привходящимъ къ ихъ простой психологической дѣйствительности и поэтому нисколько не исчерпывающимъ и не покрывающимъ этой ихъ дѣйствительности, которая всегда остается чисто субъективною и единичною и потому никогда непередаваемою вполнѣ для другаго. * Какъ мы видѣли прежде, единичный фактъ чувственнаго опыта, единичное ощущеніе никогда не можетъ быть передано въ словахъ, потому что всѣ слова имѣютъ общее логическое значеніе; передана объективно можетъ быть только связь даннаго психическаго факта съ другими, опредѣляемая какимъ-нибудь общимъ принципомъ умозрительнаго характера. Когда я говорю: я ощущаю теперь свѣтъ этой свѣчки, то всѣ эти термины „я“, „ощущаю“, „теперь“ и т. д. суть общія категоріи, подъ которыми я подвожу субъективное ощущеніе, фактъ моего сознанія, и соединеніемъ или сочетаніемъ этихъ общихъ категорій опредѣляется мѣсто этого психическаго факта въ общемъ сознаніи; самое же ощущеніе, какъ принадлежащее моему внутренней дѣйствительности, всегда остается при мнѣ какъ моя неотчуждаемая собственность.

Совершенно другое находимъ мы въ состояніяхъ сознанія чисто мыслительныхъ или умозрительныхъ. Когда я утверждаю что двѣ величины равны одной и той же третьей равны между собою, то въ самомъ этомъ утвержденіи уже заключается его необходимость и всеобщность, ибо я мыслю при этомъ не о какой-нибудь особенной величинѣ, а о всякой

* Такимъ образомъ мы приходимъ къ результату прямо противоположному точкѣ зрѣнія сенсуализма и эмпиризма, согласно которой объективная дѣйствительность принадлежитъ даннымъ чувственному опыту, умозрительными же мыслями суть лишь субъективный вымыселъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оказывается что даннаго чувственного опыта (испытываемыя ощущенія) суть лишь чисто субъективныя состоянія, которыя могутъ получить объективное значеніе только отъ известныхъ категорій разума, которыя такимъ образомъ представляютъ собою относительно объективное начало. Если читатель припомнитъ то что было указано въ одной изъ предыдущихъ главъ (XXXIV), то увидитъ что критика сенсуализма и эмпиризма заставляетъ насъ въ известномъ смыслѣ вернуться къ тому что бесознательно предполагалось догматическимъ реализмомъ, но это предположеніе, пройдя черезъ настоящій анализъ, тѣмъ самымъ теряетъ характеръ догматическаго предположенія.

величинъ, или о всѣхъ величинахъ вообще, и утверждаю ихъ равенство при данномъ условіи не въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ, а во всѣхъ случаяхъ вообще, такъ что всеобщность и необходимость не привносится здѣсь какою-нибудь новою мыслью, а уже содержится въ первой мысли какъ ея собственное внутреннее качество. Здѣсь общіе отвлеченные термины служатъ не для характеризованія единичнаго факта, а для выраженія общаго содержанія самой мысли, которой такимъ образомъ эти термины вполнѣ соответствуютъ, вполнѣ ее покрываютъ. Я имѣю здѣсь въ виду только то что дѣйствительно высказываю; самое содержаніе моей мысли имѣетъ характеръ объективный, для всѣхъ равно обязательный, ни отъ какого субъекта не зависящій; въ этомъ положеніи о равенствѣ величинъ нѣтъ ничего субъективнаго, исключительно мнѣ принадлежащаго; значеніе этой мысли зависитъ не отъ мыслящаго, а отъ самой мысли, отъ ея собственного предмета; поэтому хотя это положеніе о величинахъ, поскольку я его мыслю, есть состояніе моего сознанія, но самое это обстоятельство что я его мыслю есть нѣчто приходящее, для содержанія мысли случайное и безразличное, ибо это положеніе вѣрно *не потому* что я его мыслю, а по существу дѣла, и оно было бы точно такъ же вѣрнымъ еслибы его мыслялъ кто-нибудь другой и еслибы меня совсѣмъ никогда не существовало, тогда какъ напро тивъ мое ощущеніе бола возможно только при моемъ субъективномъ существованіи, которому оно всецѣло принадлежитъ. Говоря объ услышанномъ мною ощущеніи я имѣю въ виду только фактъ моего внутреннего бытія; высказывая же математическому аксіому я имѣю въ виду не тотъ фактъ что я ее мыслю, а самое объективное содержаніе этой мысли ни сколько не связанное само по себѣ съ моимъ субъективнымъ бытіемъ, совершенно одинаковое для всѣхъ субъектовъ. Такимъ образомъ, хотя и данное чувственнаго опыта, и умозрительная мысль суть факты или состоянія нашего сознанія, но для первыхъ это есть обстоятельство существенное, для вторыхъ же совершенно случайное и приходящее.

Итакъ, между состояніями нашего сознанія есть такіа значенія которыхъ заключается главнымъ образомъ въ ихъ наличной дѣйствительности, въ ихъ простомъ бытіи въ качествѣ единичнаго психическаго факта, и есть другія, значенія которыхъ состоитъ прежде всего въ ихъ объективномъ

содержаніи всеобщемъ и необходимомъ, для всѣхъ одинаково и равно обязательномъ. Перваго рода состоянія сознанія не выводятъ насъ изъ нашего чисто субъективнаго бытія, остаются въ предѣлахъ нашей внутренней психической сферы и потому могутъ быть названы имманентными; состоянія же втораго рода переходятъ за предѣлы этой субъективной сферы, переводятъ насъ въ нейтральную область общихъ объективныхъ истинъ и потому могутъ быть названы трансцендентальными. Перваго рода состоянія сознанія, которыя мы только испытываемъ или переживаемъ, составляютъ опытъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и играютъ главную роль въ личной всѣдневной жизни, во всѣхъ чисто практическихъ отношеніяхъ къ предметамъ; втораго рода состоянія сознанія образуютъ умозрѣніе и играютъ главную роль въ дѣлѣ знанія, въ теоретическомъ отношеніи къ предметамъ. Но уже и всѣдневная, личная жизнь, хотя не имѣетъ никакихъ теоретическихъ цѣлей, не можетъ однако вовсе обойтись безъ умозрѣнія, ибо и эта жизнь имѣетъ свою логическую (словесную) сторону, и каждый разъ когда мы высказываемъ что-нибудь выходящее за предѣлы простаго, единичнаго факта нашей внутренней жизни, мы неизбежно трансцендируемъ область чистаго опыта и вступаемъ на почву умозрѣнія. Въ наукѣ же не только философской, но и положительной умозрѣніе играетъ роль первенствующую, только точка опоры и первый элементарный матеріалъ научныхъ построеній дается опытомъ: уже для первоначальной обработки этого матеріала необходимы понятія и принципы умозрительнаго происхожденія, въ окончательномъ же возведеніи научнаго зданія дѣятельная роль принадлежитъ всецѣло умозрѣнію, и если тѣмъ не менѣе наука не дѣлаетъ шага безъ опытныхъ данныхъ, то это совершенно естественно именно потому что эти данныя составляютъ ея первый матеріалъ, а въ наукѣ, какъ и во всемъ другомъ, форма нераздѣльна отъ матеріи. Если же эмпиризмъ основываясь на необходимости опытаго элемента для науки приписываетъ ему исключительное значеніе въ наукѣ, хочетъ свести всю науку къ одному этому элементу, выдѣляя его или отвлекая отъ остальныхъ, то онъ, конечно, этимъ нисколько не измѣняетъ дѣйствительнаго характера науки, а обнаруживаетъ только свой собственный характеръ—исключительнаго отвлеченнаго начала.

XXXVIII. Невозможность познать всеобщую систему явленій на почвѣ положительных наукъ. Необходимость рациональной философіи.

Положительная наука есть познаніе данныхъ въ опытѣ явленій въ ихъ необходимости или ихъ законахъ. Эта необходимость или закономерность явленій, какъ было показано, не заключается въ фактическихъ данныхъ опыта самихъ по себѣ, а открывается лишь приводящею дѣятельностью чистаго мышленія или умозрѣнія. Такимъ образомъ положительная наука не есть только опытное, эмпирическое познаніе, она основывается на опытѣ соединенномъ съ умозрѣніемъ (или по выраженію Огюста Канта „съ правильнымъ разсужденіемъ“, *raisonnement régulier*). Наука получаетъ изъ опыта извѣстныя данныя какъ фактической матеріалъ которому она сообщаетъ форму необходимости или закономерности. Эта необходимость въ законахъ явленій нисколько не опредѣляетъ самаго существованія явленій, ея не утверждается что извѣстное явленіе существовало тамъ-то и тогда-то (или вездѣ и всегда), а утверждается только что *если* это явленіе существуетъ, то когда и гдѣ бы оно ни существовало, оно необходимо существуетъ *такъ*, а не иначе, то-есть въ такомъ, а не иномъ отношеніи къ другимъ явленіямъ. Въ этомъ смыслѣ необходимость закона есть условная, именно она имѣетъ силу только подъ условіемъ существованія явленія, которое (существованіе) отъ закона не зависитъ и изъ него выведено быть не можетъ. Законъ утверждаетъ только что во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія когда будетъ существовать или существовало извѣстное явленіе, оно будетъ существовать въ этой опредѣленной формѣ, но самые случаи его существованія нисколько закономъ не опредѣляются и даже такихъ случаевъ можетъ и совсѣмъ никогда не произойти, такъ что законъ остается только въ области возможнаго. Законъ имѣетъ силу во всѣхъ относящихся къ нему случаяхъ безъ исключенія и въ этомъ смыслѣ его необходимость безусловна; но такъ какъ самое существованіе подлежащихъ ему случаевъ отъ него не зависитъ и есть условіе для его примѣненія, то съ этой стороны необходимость закона

является условною. Подобно этому и всеобщность закона является относительною, ибо изъ всего безконечнаго числа возможныхъ и действительныхъ отношеній, въ которыхъ каждое явленіе находится ко всѣмъ другимъ, закономъ опредѣляется только нѣкоторое отношеніе, онъ опредѣляетъ явленіе только съ известной стороны, такъ напримѣръ, законы математическіе опредѣляютъ явленія только въ ихъ количественныхъ отношеніяхъ въ пространствѣ и времени; по этому хотя эти законы и общи для всѣхъ явленій, хотя они обнимаютъ всѣ явленія, но они не обнимаютъ *всего* явленія, а касаются только известныхъ частныхъ сторонъ и отношеній.

Такимъ образомъ, законы явленій, составляющіе содержаніе частныхъ наукъ, представляютъ намъ только отдѣльныя стороны феноменальнаго міра, а не его всеобщую истину. Для достиженія этой послѣдней необходимо соединеніе всѣхъ этихъ частныхъ законовъ и слѣдовательно частныхъ наукъ въ одну цѣльную связную систему знанія. Таково совершенно законное требованіе позитивизма. Но какъ можетъ быть осуществлено это требованіе, какимъ образомъ частныя науки могутъ быть связаны въ одну всеобщую систему? Позитивизмъ указываетъ на существующее между научными законами явленій отношеніе большей или меньшей сложности, въ силу котораго законы явленій болѣе сложныхъ предполагаютъ законы менѣе сложные и болѣе элементарные и зависятъ отъ нихъ; такъ механическіе законы движенія тѣлъ предполагаютъ математическіе законы пространства и числа и зависятъ отъ нихъ; физиологическіе законы растительной и животной жизни предполагаютъ законы физическихъ и химическихъ явленій и отъ нихъ зависятъ и т. д. Соотвѣтственно этому всѣ частныя науки могутъ быть приведены въ одну іерархическую систему, въ основѣ которой будетъ лежать самая несложная, элементарная, а потому и самая общая, всѣми остальными предполагаемая наука, математика, на вершинѣ же будетъ находиться самая сложная, всѣ остальныя предполагающая наука—соціологія. Такимъ образомъ, система наукъ сводится здѣсь къ простой классификаціи частныхъ наукъ по стелени сложности или конкретности ихъ предмета. Спрашивается: даетъ ли такая система всеобщую истину явленій, то-есть представляетъ ли она ту внутреннюю связь которал соединяетъ каждое явленіе со всѣми другими и дѣлаетъ изъ

всѣхъ одно неразрывное цѣлое, какъ этого требуетъ единство истины? Для того чтобы многіе частныя законы явленій и многія частныя научныя знанія составляли одну всеобщую истину, очевидно требуется чтобы всѣ они были соединены не механически, а органически, то-есть чтобы каждый частный законъ (и каждая частная наука) былъ незамѣнимымъ членомъ всей системы, былъ внутреннею необходимостью для всѣхъ другихъ, чтобы всѣ они съ одинаковою необходимостью опредѣляли другъ друга, находились бы между собою во внутреннемъ взаимодействіи. Удовлетворяетъ ли этому требованію предлагаемая намъ система или классификація наукъ?

Возьмемъ законы механики, которыми опредѣляется движеніе физическихъ тѣлъ. Эти законы, какъ мы знаемъ, предполагаютъ изучаемые другою наукой, математикой, законы пространства и числа, и зависятъ отъ этихъ послѣднихъ поскольку всякое движеніе совершается въ пространствѣ и времени; такимъ образомъ, механика заключаетъ въ себѣ математическій элементъ и со стороны этого элемента естественно зависитъ отъ математики; но собственный специфическій предметъ механики какъ особой науки есть не этотъ ея элементъ, общій у нея съ математикой, не эти законы пространства и числа, а нѣкоторый новый привходящій факторъ, не вытекающій изъ пространства, времени и числа самихъ по себѣ, именно движеніе физическихъ тѣлъ. Но этотъ новый факторъ для математики есть нѣчто совершенно случайное, безъ чего она можетъ вполнѣ обойтись. Въ самомъ дѣлѣ, математика изучаетъ законы пространства и числа только какъ чистыхъ формъ, безо всякаго прямого отношенія къ тѣмъ предметамъ которые въ этихъ формахъ могутъ заключаться, каковы напримѣръ движущіяся тѣла, составляющія предметъ механики. Для математика какъ математика, физическія тѣла и ихъ движенія суть нѣчто вполнѣ безразличное и ненужное, ибо всѣ истины которыя она изучаетъ, всѣ математическіе законы пространственныхъ формъ и числовыхъ отношеній, не относясь ни къ какимъ конкретнымъ предметамъ, остались бы безъ малѣйшаго измѣненія еслибы даже совсѣмъ никакого движенія и никакихъ физическихъ тѣлъ никогда не существовало. * Такимъ образомъ, мы не можемъ

* Хотя геометрія и имѣетъ дѣло съ тѣлами, но безо всякаго отношенія къ ихъ механической сторонѣ, то-есть массѣ, силѣ и движенію.

утверждать чтобы механика вообще находилась во внутренней связи съ математикой, мы можемъ сказать только что въ механикѣ есть нѣкоторый математическій элементъ, составляющій ея зависимость отъ математики, но что въ своемъ собственномъ, специфическомъ элементѣ, дѣлающемъ ее этою опредѣленною, особенною наукою, именно поскольку она есть наука о движеніи тѣлъ, механика не состоитъ ни въ какой связи съ математикой и является для этой послѣдней какъ чистая случайность.

Возьмемъ далѣе законы органической жизни, изучаемые особою наукою, біологіей. Поскольку матерія организмовъ состоитъ изъ различныхъ простыхъ веществъ и ихъ сочетаній изучаемыхъ химіей, поскольку при различныхъ функціяхъ органической жизни развиваются тѣ или другія физическія явленія: какъ-то теплота, электричество и т. л., поскольку біологія предполагаетъ физику и химию и зависитъ отъ нихъ. Но біологія какъ особая наука о явленіяхъ жизни органической имѣетъ своимъ собственнымъ предметомъ не эти физическія и химическія явленія сами по себѣ, она имѣетъ въ виду не теплоту, свѣтъ, химическое сродство и т. д., въ ихъ общихъ свойствахъ и законахъ, изучаемыхъ физикой и химіей и не имѣющихъ никакого отношенія къ различію между органическимъ и неорганическимъ міромъ, нѣтъ, для біологіи эти явленія получаютъ значеніе, становятся ея предметомъ лишь когда и поскольку они входятъ въ нѣкоторую новую особую форму, именно органическую, поскольку они являются не въ своемъ общемъ свойствѣ какъ физическія и химическія явленія вообще, а въ нѣкоторыхъ особенныхъ видоизмѣненіяхъ и сочетаніяхъ соответствующихъ условіямъ жизни органической. Сами по себѣ физическія и химическія явленія въ своихъ общихъ законахъ составляютъ лишь безразличный возможный матеріалъ для явленій органическаго порядка; чтобы образовать дѣйствительныя органическія явленія и чрезъ то получить біологическое значеніе, этотъ физическій и химическій матеріалъ долженъ подчиниться нѣкоторому особенному порядку или плану бытія органическаго, эти простые явленія должны войти въ составъ того новаго сложнаго явленія которое мы называемъ жизнью. Итакъ, біологія какъ особая наука объ органической жизни имѣетъ нѣкоторый собственный специфическій элементъ, привходящій къ общимъ физическимъ и химическимъ

законамъ, и этотъ-то элементъ, существенный для биологiи, не имѣеть никакого необходимаго значенiя для физики и химiи, является для нихъ совершенно случайнымъ. Химикъ и физикъ совсѣмъ не нуждаются для своихъ наукъ въ предположенiи органическаго мiра; еслибъ его совсѣмъ не существовало, физическiе и химическiе законы мiроздавiя не потерпѣли бы никакого измѣненiя; вѣдь они несомнѣнно дѣйствовали на земномъ шарѣ когда на немъ еще не появлялась органическая жизнь и точно также продолжали бы дѣйствовать еслибъ она когда-нибудь исчезла. Такимъ образомъ, мы никакъ не можемъ утверждать чтобы между биологiей и предшествующими ей науками была внутренняя неразрывная связь и необходимое взаимодействие, ибо въ своемъ собственномъ формальномъ, специфическомъ элементѣ, образующемъ ее какъ особую науку органической жизни, биологiя совершенно независима отъ физики и химiи и для этихъ наукъ она и ея собственный предметъ являются какъ чистая случайность. *

Точно то же должно сказать и объ отношенiи биологiи къ социологiи. Очевидно, наукъ о животнымъ и растительнымъ организмамъ нѣтъ никакого дѣла до человѣческаго общества, и съ другой стороны, хотя люди, составляющiе общество, суть между прочимъ и животныя, но такъ какъ свои социальныя учрежденiя они созидаютъ очевидно не въ этомъ своемъ общемъ качествѣ животнымъ вообще, а въ своемъ особенномъ специфическомъ качествѣ животнымъ социальнымъ, что и даетъ основанiе для особой науки—социологiи, то ясно что эта особая наука какъ такая не находится ни въ какой внутренней связи и прямой зависимости отъ общихъ законовъ животнаго и растительнаго мiра, изучаемыхъ биологiей; съ точки же зрѣнiя этой послѣдней, самое существованiе человѣческаго общества, а слѣдовательно и особыхъ социологическихъ законовъ имъ управляющихъ является какъ нѣчто совершенно безразличное и случайное.

* Существуетъ, правда, „органическая химiя“, но и она имѣеть дѣло съ органическими веществами не въ ихъ биологическомъ качествѣ, не какъ съ матерiей живаго организма, а лишь какъ съ однимъ изъ многихъ возможныхъ родовъ сочетанiя химическихъ элементовъ, и то обстоятельство что этотъ родъ сочетанiя образуетъ ткани живыхъ организмовъ, для химика какъ химика есть нѣчто совершенно безразличное.

Изъ сказаннаго легко видѣть что въ той вѣтви системѣ наукъ какую предлагаетъ позитивизмъ, высшія, то-есть болѣе сложныя науки, хотя и опираются на низшія какъ на свой матеріальный базисъ, но по своему особенному предмету, или по тому специфическому элементу который образуетъ ихъ какъ особыя науки, онѣ стоятъ внѣ всякой внутренней зависимости отъ предыдущихъ, менѣе сложныхъ наукъ, а для этихъ послѣднихъ высшія науки съ ихъ особеннымъ предметомъ или въ ихъ специфическомъ элементѣ являются чистою случайностью. Чѣмъ сложнее и въ этомъ смыслѣ совершеннѣе явленія изучаемыя какою-нибудь наукой, тѣмъ болѣе представляютъ они элементъ случайности. Такъ если мы обозначимъ специфическій элементъ основной, наиболѣе общей науки, математики, чрезъ a , специфическій элементъ слѣдующей науки, механики, чрезъ b , астрономіи чрезъ c и такъ даже, то система наукъ установленная позитивизмомъ представится въ видѣ слѣдующаго ряда:

(Математика)— a .

(Механика)— $a + b$.

(Астрономія)— $(a + b) + c$.

(Физика)— $(a + b + c) + d$.

(Химія)— $(a + b + c + d) + e$.

(Биологія)— $(a + b + c + d + e) + f$.

(Соціологія)— $(a + b + c + d + e + f) + g$.

Если мы спросимъ теперь: гдѣ въ этомъ ряду наукъ тотъ всеобщій принципъ который связывалъ бы между собою всѣ эти частныя элементы наукъ— a , b , c и т. д., которому бы всѣ эти частныя элементы были подчинены и который заключалъ бы въ себѣ основаніе для ихъ внутренней координаціи? Такого общаго принципа здѣсь очевидно нѣтъ. Правда, у всѣхъ этихъ наукъ есть нѣчто общее, именно математическій элементъ a , но вѣдь это есть только одинъ изъ частныхъ элементовъ входящій въ составъ наукъ, а никакъ не всеобщій принципъ, обнимающій и связывающій всѣ частныя элементы; a не есть здѣсь единое во всѣхъ, а только одно изъ многихъ, наряду съ другими; этотъ элементъ образующій математику существуетъ въ остальныхъ наукахъ *альтѣ* съ ихъ специфическими элементами, онъ существуетъ вмѣстѣ съ a , c , d и т. д., но безо всякой общей, одинаковой связи съ b , c , d ; онъ не есть образовательное начало

для специфическихъ элементовъ всѣхъ наукъ, а только одна сторона или часть этихъ наукъ, причемъ легко видѣть что чѣмъ сложнее известная наука, тѣмъ эта часть имѣетъ въ ней меньше значенія; такъ всякій согласится что уже въ биологii, не говоря о социологii, влiянiе этого математическаго элемента (a) совершенно ничтожно. Во всякомъ случаѣ это есть только одинъ изъ частныхъ научныхъ элементовъ, самый бѣдный по содержанию, не обнимающій собою другихъ элементовъ и слѣдовательно не могущій соединять ихъ въ одну систему. Для такого соединенiя необходима, говоря математическимъ языкомъ, нѣкоторая *функция* общая всѣмъ частнымъ элементамъ a, b, c, d и т. д. и потому образующая изъ нихъ одно определенное цѣлое. Система наукъ, чтобы быть действительно системой, а не высшею классификацiей, должна представляться не какъ $a; a + b; (a + b) + c$ и т. д., а какъ $\varphi(a, b, c, d, e, f, g)$.

Эта общая функция, внутренне соединяющая всѣ специфическiе элементы частныхъ наукъ, очевидно не представляется ни одною изъ этихъ послѣднихъ, а равно не можетъ быть образована и ихъ простымъ соединенiемъ, ибо въ такомъ случаѣ мы получили бы только сумму частныхъ элементовъ, а не общую ихъ функцию. Эта послѣдняя не складывается изъ частныхъ наукъ, а предполагается ими. Если такимъ образомъ этотъ необходимый для системы наукъ синтетическiй принципъ не можетъ быть данъ самими частными науками ни въ отдѣльности, ни вмѣстѣ взятыми, то слѣдовательно должно допустить нѣкоторую всеобщую универсальную науку, содержащую въ своемъ единствѣ всѣ тѣ образовательныя (формальныя) начала которыя порознь проявляются въ частныхъ наукахъ. Эта всеобщая или всеобщая наука очевидно по самому существу своему должна имѣть характеръ по преимуществу умозрительный, принадлежать къ области логическаго мышленiя, а не чувственнаго опыта. Какъ мы видѣли, уже и въ частныхъ положительныхъ наукахъ вся ихъ формальная сторона, все то что даетъ ихъ истинамъ ту степень относительной необходимости и общности которая только для нихъ доступна,—все это имѣетъ умозрительный характеръ. Но здѣсь, въ частныхъ наукахъ, умозрѣнiе всегда обращено на какъ-нибудь отдѣльный данный въ опытѣ предметъ или на какую-нибудь особенную фактически существующую сторону въ бытiи явленiй, и на-

ука не выводитъ этого частнаго предмета, этой частной стороны явленій изъ какого либо принципа какъ нечто необходимое, а прямо беретъ этотъ предметъ какъ фактъ, какъ нечто существующее въ опытѣ: это для нея такимъ образомъ не истина разума, а только данное опыта. Такъ даже самая общая изъ наукъ, математика, имѣя своимъ предметомъ пространство и число, не выводитъ логической необходимости пространства и числа самихъ по себѣ, а беретъ ихъ какъ нечто данное и затѣмъ уже развиваетъ ихъ необходимыя отношенія. Въ остальныхъ наукахъ опытный элементъ, какъ мы знаемъ, занимаетъ еще болѣе мѣста. Такимъ образомъ хотя истины науки и необходимы, но такъ какъ самый предметъ къ которому онѣ относятся есть только одинъ изъ многихъ возможныхъ предметовъ, и его действительное существованіе не выводится и не объясняется наукой, а представляется какъ чистый фактъ, то-есть какъ нечто случайное, то и сами истины науки по *содержанію* своему становятся случайными и частными, такъ какъ необходимость ихъ есть только условная и общность ихъ только относительная: онѣ представляютъ то что необходимо заключается въ извѣстномъ частномъ предметѣ, самое существованіе котораго для нихъ есть только случайное. Въ противоположность этому всеобщая наука должна имѣть въ виду то что необходимо содержится во всякомъ опытѣ или то что лежитъ въ основаніи всего существующаго; такимъ образомъ предметъ ея необходимъ и всеобщъ безусловно, всѣ ея истины представляютъ внутреннюю необходимость обязательную для всякаго факта и ни отъ какого факта не зависящую; все содержаніе этой науки выводится изъ первыхъ началъ, то-есть изъ безусловныхъ принциповъ разума. Такая всеобщая наука есть раціональная философія, то-есть систематическое умозрѣніе изъ принциповъ, содержащее въ себѣ истины безусловно всеобщія и необходимыя, истины предполагаемыя всякимъ частнымъ опытомъ и всякою частною наукой. Основные принципы частныхъ наукъ, будучи связаны съ этими всеобщими и необходимыми истинами философіи, входятъ въ опредѣляемый этою послѣднею общій планъ мыслимаго бытія, получаютъ въ немъ опредѣленное мѣсто и чрезъ то становятся сами всеобщими необходимыми истинами и вмѣстѣ съ тѣмъ вступаютъ въ опредѣленное внутреннее отношеніе другъ къ другу, образуя действительную

систему. Если такимъ образомъ каждая отдѣльная наука въ своемъ опытномъ элементѣ получаетъ матеріалъ, а въ умозрѣніи научную форму, то всѣ частныя науки въ совокупности по отношенію къ раціональной философіи представляютъ матеріалъ, который отъ этой философіи получаетъ форму безусловной необходимости и всеобщности (всеединства), то-есть форму истиннаго знанія.

XXXIX. Общее начало раціонализма. Раціонализмъ догматическій и раціонализмъ критическій. Раціонализмъ абсолютный. Границы отвлеченной философіи.

Для того чтобы наше знаніе было истинной, оно должно представлять не одну дѣйствительность или реальность существующаго, а его *смысл* или *разумъ*. Въ истинномъ познаніи долженъ намъ открываться общій смыслъ или разумъ вещей (*ratio rerum, ó λόγος τῶν ὄντων*), мы должны познавать каждый предметъ въ его отношеніи ко всему, то-есть мы должны знать мѣсто, положеніе или значеніе которое данный предметъ занимаетъ въ общемъ порядкѣ или планѣ всего существующаго. Разумъ или смыслъ вещи состоитъ именно въ ея отношеніи ко всему, но такъ какъ совершенно очевидно что отношеніе каждой вещи къ бесконечному множеству всѣхъ другихъ предметовъ и явленій порознь взятыхъ никогда опредѣлено быть не можетъ, то слѣдовательно, говоря объ отношеніи даннаго предмета ко всему, подъ всѣмъ должно разумѣть не вѣдннюю совокупность или сумму всѣхъ вещей и явленій, каковая сумма всегда остается неопредѣленною, а должно разумѣть *все* какъ нѣкоторое *единство*, то-есть должно признать нѣкоторое единое начало общее всѣмъ вещамъ, обнимающее собою все дѣйствительное и все возможное бытіе и превращающее неопредѣленную множественность вещей и бесконечныя ряды явленій въ одно опредѣленное, въ себѣ замкнутое и совершенное „все“. Такимъ образомъ истинное знаніе возможно только подъ формой разумности или *всеединства*, то-есть его истинность опредѣляется не реальностью его содержанія, составляющею лишь матерію истины, а разумностью его формы, то-есть отношеніемъ этого содержанія ко всему въ единствѣ или ко все-

единому началу. Но эта разумность познаваемого, какъ мы видѣли, не дается опытомъ, потому что въ опытѣ мы всегда имѣемъ только частную и множественную дѣйствительность, потому что въ опытѣ имѣть ни „всего“, ни „единого“. Разумъ или смыслъ познаваемыхъ вещей и явленій можетъ быть познанъ только разумомъ же или смысломъ познающаго субъекта, отношеніе данного предмета ко всему можетъ существовать для насъ лишь постольку въ насъ самихъ есть принципъ всеединства, то-есть разумъ; иначе мы въ своемъ познаніи ограничивались бы подобно остальнымъ животнымъ непосредственно насъ касающеюся дѣйствительностью частныхъ предметовъ и явленій. Но человекъ, воспринимая или пассивно испытывая данную дѣйствительность въ качествѣ субъекта чувственнаго, въ то же время въ качествѣ субъекта разумнаго опредѣляетъ смыслъ этой дѣйствительности, опредѣляетъ ее по отношенію къ тому принципу всеединства который онъ въ себѣ самомъ имѣетъ какъ свой разумъ.

Такимъ образомъ мѣрило истины переносится изъ вѣшняго міра въ самого познающаго субъекта, основаніемъ истины признается не природа вещей и явленій, а разумъ человека. Реализмъ въ обоихъ своихъ видахъ ищетъ основанія истины въ познающаго субъекта какъ познающаго, или разума, въ независимой отъ него реальности. Правда, реализмъ критическій призналъ за реальностью лишь субъективное значеніе явленія, но и сведенная къ состояніямъ нашего сознанія реальность явленій все-таки остается чѣмъ-то вѣшнимъ для познающаго ума: онъ находитъ въ себѣ эти явленія, эти состоянія сознанія какъ вѣчто только данное, какъ простой фактъ не выводимый ни изъ какихъ внутреннихъ основаній, ни изъ какого необходимаго, присущаго субъекту принципа; такимъ образомъ и здѣсь основаніе истины остается вѣшнымъ для познающаго субъекта. Но, какъ мы видѣли, это вѣшное основаніе истины оказывается несостоятельнымъ, потому что всякая данная реальность (понимается ли она какъ вещь или какъ явленіе—все равно) какъ вѣчто частное и случайное не можетъ удовлетворять необходимой формѣ истины, которая требуетъ принципа, а не факта. Поэтому, настоящая, достигнутая нами теперь точка зрѣнія признаетъ опредѣляющимъ началомъ истиннаго знанія не матеріальное его содержаніе, которое для самаго

знанія есть нечто вѣдшее и потому случайное, а его идеальную форму, которая для него безусловно необходима; другими словами: эта точка зрѣнія видитъ основаніе истинны въ реальности познаваемого (вѣдшаго міра или природы), а въ разумѣ познающаго (человѣка). Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ привидѣль *раціонализма*. Но спрашивается: какимъ образомъ разумъ человѣческій можетъ познавать разумъ вѣдшихъ вещей, какимъ образомъ наше субъективное мышленіе можетъ имѣть значеніе объективнаго знанія, или другими словами, какъ можетъ наше отношеніе ко всеединому (нашъ разумъ) опредѣлять отношеніе ко всеединому другихъ независимыхъ отъ насъ вещей, или—такъ какъ это отношеніе ко всеединому составляетъ истинное существо вещей,—какимъ образомъ нашъ разумъ можетъ познавать существо вещей? Когда эта возможность не подвергается изслѣдованію, но объективное значеніе разума прямо предполагается какъ нечто данное и само по себѣ ясное, и затѣмъ истины разума прямо развиваются какъ истины вещей (истины логическія какъ истины онтологическія), тогда раціонализмъ представляетъ характеръ догматическій. Но на этомъ догматизмѣ самъ разумъ остановиться не можетъ, ибо его отличительное свойство въ томъ и состоитъ что онъ не допускаетъ ничего просто даннаго, непосредственнаго, что онъ стремится все объяснить, то-есть все вывести изъ принципа; поэтому раціонализмъ догматическій необходимо смѣняется раціонализмомъ критическимъ, въ которомъ самъ разумъ изслѣдуетъ свои познавательныя силы и подвергаетъ критикѣ свою предполагаемую способность постигать существо вѣдшихъ вещей. Здѣсь по вопросу о познаніи (то-есть объ отношеніи объективнаго бытія къ познающему субъекту) мы видимъ въ сферѣ раціонализма повтореніе того же самаго что видѣли на почвѣ реализма, только при обратной точкѣ отправленія — тамъ отъ реальности, здѣсь отъ разума; какъ тамъ является сначала реализмъ догматическій, принимающій на вѣру способность вѣдшихъ вещей входить въ воспріятіе субъекта и прямо опредѣлять собою его познаніе, такъ и здѣсь (въ раціонализмѣ) сначала принимается на вѣру способность нашего разума проникать въ существо вещей и опредѣлять ихъ истину; и какъ тамъ съ развитіемъ мыслей является критика разсудка, показывающая что вѣдшія вещи какъ такія не могутъ входить въ наше субъективное бытіе

и что слѣдовательно всѣ данныя нашего опыта суть не свойства вещей самихъ по себѣ, а только ихъ явленія въ насъ или состоянія нашего сознанія, такъ точно и здѣсь (въ раціонализмѣ) является критика разума, показывающая что разумъ субъекта какъ такой не можетъ переходить за предѣлы внутренней субъективной области и проникать въ существо вѣшнихъ вещей, и что слѣдовательно собственныя апріорныя истины разума суть необходимыя формы не вещей, а только явленій.

Критическій раціонализмъ (въ исторіи философіи неразрывно связанный съ именемъ Канта) исходитъ изъ самостоятельности нашего разума, признаетъ апріорный характеръ его истинъ, но принимаетъ эти истины лишь какъ общія формы и законы явленій (для насъ) или какъ необходимыя условія нашего опыта, и въ этомъ только смыслъ придаетъ имъ объективное значеніе. Здѣсь разумность или всеединство есть только формальный принципъ, выражающій только требованіе или умственную потребность сводить все къ одному идеальному началу, которое само такъ же какъ и это требованіе существуетъ только въ нашемъ умѣ, есть наша мысль, которой можетъ-быть ничего и не соответствуетъ во вѣшнемъ бытіи, такъ какъ это бытіе совершенно намъ неизвѣстно, то же что намъ извѣстно — міръ явленій — самъ по себѣ не представляетъ никакого всеединства или разумности, происходя изъ эмпирическихъ воздѣйствій вещей на наше чувственное воспріятіе. Согласно этому наше познаніе слагается изъ двухъ факторовъ: изъ данныхъ чувственного воспріятія, составляющихъ все реальное содержаніе познанія и имѣющихъ лишь эмпирическое значеніе (какъ факты сознанія) и изъ апріорныхъ формъ и законовъ нашего ума (то-есть во первыхъ, изъ способовъ созерцанія — пространства и времени, 2) категорій разсудка и 3) идей разума), не имѣющихъ никакого собственного содержанія, не представляющихъ собою никакого истиннаго бытія, а только придающихъ характеръ всеобщности и необходимости тому эмпирическому матеріалу ощущеній который дается въ нашемъ чувственномъ воспріятіи.

Но очевидно что такой взглядъ есть не разрѣшеніе вопроса о познаніи, а только постановка его въ новомъ видѣ. Если прежде спрашивалось: какимъ образомъ познающій субъектъ можетъ относиться ко вѣшнимъ вещамъ и соеди-

ваться съ ними въ истинномъ познаніи бытія, то теперь спрашивается: какииъ образомъ апіорныя формы разума могутъ относиться къ независимому отъ нихъ эмпирическому матеріалу нашихъ ощущеній и соединяться съ нимъ въ одно истинное познаніе явленія? Дѣло въ томъ что критическій рационализмъ принимаетъ эти два коренные фактора нашего познанія какъ безусловно самостоятельные относительно другъ друга, безо всякой внутренней необходимой связи между ними. Данныя чувственнаго воспріятія, какъ реальное содержаніе нашего познанія, совершенно независимы отъ формъ разума, ихъ существованіе нисколько не опредѣляется разумомъ, они не суть акты мыслящаго субъекта, а происходятъ изъ невѣдомаго дѣйствія невѣдомыхъ вѣшнихъ вещей на столь же невѣдомую основу нашего психическаго бытія; съ другой стороны, формы разума по своему чисто апіорному происхожденію безусловно независимы отъ эмпирическихъ данныхъ, относятся къ нимъ совершенно безразлично; онѣ суть сами по себѣ только пустыя субъективныя формы лишеныя всякаго субъективнаго содержанія и реальности, реальное же содержаніе нашего познанія, данное въ чувственномъ воспріятіи, имѣетъ исключительно эмпирический характеръ, лишено всякой общности и необходимости. Истинное же объективное познаніе, которое не можетъ быть сведено ни къ пустой формѣ, ни къ случайному эмпирическому факту, очевидно должно состоять въ синтезѣ этихъ двухъ элементовъ, должно соединять реальность чувственнаго воспріятія со всеобщностью и необходимостью апіорной формы. Но именно такой синтезъ и невозможенъ для критическаго рационализма, который утверждаетъ оба фактора познанія въ безусловной отдѣльности и отвѣченности, не допускающей между ними никакого перехода и внутренняго соединенія. Въ самомъ дѣлѣ, при безусловномъ противоположеніи апіорнаго и эмпирическаго элемента, между ними невозможно (по закону исключеннаго третьяго) допустить никакого третьяго фактора, общаго имъ обоимъ; слѣдовательно, требуемая связь сама должна имѣть или чисто эмпирической, или чисто апіорный характеръ, но въ первомъ случаѣ она лишена всеобщности и необходимости и слѣдовательно не можетъ сообщить познанію характера объективной истины, во второмъ же случаѣ она есть только субъективная форма, не могущая дать познанію объективной реальности. Такимъ образомъ крити-

чекій рационализмъ не даетъ намъ возможности познанія: оно немыслимо при взаимной независимости двухъ его непремѣнныхъ факторовъ. Итакъ мы неизбежно должны допустить зависимость между ними, должны допустить что одинъ изъ этихъ факторовъ опредѣляется другимъ. Но, какъ мы видѣли въ предыдущемъ, апіорный или рациональный элементъ познанія не можетъ зависетьъ отъ эмпирическаго, не можетъ опредѣляться этимъ послѣднимъ, ибо изъ факта не вытекаетъ принципъ и изъ частной дѣйствительности данной въ опытѣ нельзя вывести всеобщаго и необходимаго закона. Итакъ, не должны ли мы допустить обратное предположеніе и признать что все содержаніе истиннаго познанія зависитъ отъ его формы, всецѣло опредѣляется категориями разума. На такомъ предположеніи основывается абсолютный рационализмъ развитый Гегелемъ.

Вся истина, все содержаніе истиннаго познанія должно быть выведено изъ чистаго разума какъ формы познанія. Здѣсь не допускается никакого внѣшняго предмета, всѣ предметы, всѣ возможныя опредѣленія бытія должны быть созданы самимъ познаніемъ. Но если такимъ образомъ все содержаніе является лишь результатомъ познанія въ процессѣ его развитія, то слѣдовательно въ началѣ этого процесса можетъ полагаться только чистая форма познанія; но такая форма безо всякаго предмета и содержанія не можетъ уже называться и познаніемъ,—это есть чистое мышленіе. Итакъ, за начало принимается актъ чистаго мышленія или чистое понятіе, то-есть не понятіе чего-нибудь, какого-нибудь опредѣленнаго бытія, а понятіе бытія вообще безо всякой опредѣленности, ничего въ себѣ не содержащее, ничѣмъ не отличающееся отъ понятія „ничто“ и слѣдовательно ему равное. Таковъ принципъ, а такъ какъ здѣсь (въ абсолютномъ рационализмѣ) все выводится изъ принципа, то слѣдовательно все должно быть выведено изъ ничего или все должно явиться какъ саморазвитіе ничего—результатъ колоссальной нецѣлостности, но совершенно неизбежный для отвлеченнаго рационализма, признающаго единственнымъ принципомъ разумъ самъ по себѣ, то-есть лустую форму истины отвлеченно взятую.

Если исключительный реализмъ видитъ единственное основаніе истины въ эмпирическомъ матеріалѣ познанія и изъ него стремится, хотя и тщетно, вывести необходимую форму

истиннаго знанія и его логическіе принципы, то отвлеченный раціонализмъ, напротивъ, въ логическомъ началѣ знанія, въ чистой формѣ мышленія, находитъ единственный принципъ всего знанія и изъ этого логическаго принципа, изъ чистаго понятія, стремится — и столь же безуспѣшно — вывести и самое матеріальное содержаніе знанія. И если для реализма все достовѣрное знаніе сводится къ основанной на опытѣ положительной наукѣ, которая для него такимъ образомъ есть единственное истинное знаніе, то съ другой стороны отвлеченный раціонализмъ принимаетъ за единственное истинное знаніе основанную на чистомъ мышленіи умозрительную философію, ставя ей задачей вывести все познаваемое изъ чистой формы познанія, то-есть изъ чистаго понятія.

Несостоятельность обоихъ этихъ воззрѣній ставится вполнѣ ясною если только они проведены до конца со всею послѣдовательностью. Но исключительный реализмъ сохраняетъ еще тѣмъ не менѣе значительное вліяніе на многіе умы, благодаря той связи въ которую онъ ставится съ положительными науками, то-есть съ такою областью знанія которая въ извѣстныхъ предѣлахъ имѣетъ несомнѣнное и постоянное значеніе; поэтому, въ предыдущемъ изложеніи я считалъ нужнымъ рассмотреть съ нѣкоторою обстоятельностью главные пункты этого воззрѣнія. Что же касается до отвлеченнаго раціонализма, то его положеніе совершенно другое: будучи связанъ съ неопредѣленною областью умозрительной философіи (которую онъ возводитъ на степень абсолютнаго знанія), онъ не только не могъ найти въ ней твердой точки опоры, но еще успѣлъ уронить и ея собственное значеніе въ глазахъ большинства, и его несостоятельность стала давно уже столь очевидною для общаго сознанія что я нахожу возможнымъ, говоря здѣсь объ этомъ отвлеченномъ принципѣ, ограничиться лишь немногими словами.

Разумъ есть нѣкоторое *соотношеніе*, именно соотношеніе всѣхъ въ единствѣ, и оно, то-есть всеединство, есть *форма* истины; соотносящіяся же, то-есть „всѣ“ составляютъ *содержаніе* истины, а то „единое“, которое обнимаетъ собою или содержитъ въ себѣ все (будучи всѣмъ), есть безусловное *начало* или принципъ истины. Понятно что если всеединство есть форма истины, то этимъ предполагается безусловно существующимъ то чего оно есть форма, то-есть—

единое и все или всё, ибо соотношеніе предполагаетъ соотносящихся. Если же мы форму истины примемъ, какъ это дѣлаетъ отвлеченный раціонализмъ, за самый принципъ истины, изъ котораго должно быть выведено и все содержаніе истины, въ такомъ случаѣ мы будемъ имѣть въ началѣ одну пустую форму безъ того чего она есть форма, или соотношеніе безъ соотносящихся, то-есть чистое ничто.

Если подъ всеединымъ разумѣть то что одинаково содержится во всемъ или подлечь всему и получается чрезъ отвлеченіе ото всего, тогда конечно это всеединое можетъ быть опредѣлено только какъ чистое бытіе равное чистому ничто. Въ самомъ дѣлѣ, всё предметы одинаково имѣютъ въ себѣ бытіе и небытіе: всякій предметъ „есть“ („это“) и вмѣстѣ съ тѣмъ „не есть“ („другое“), и если мы отвлечемъ эмпирической элементъ „это“ и „другое“, тогда утвержденіе и отрицаніе совпадутъ и мы получимъ чистое бытіе равное чистому ничто. Такимъ образомъ принципъ Гегеля несомнѣнно имѣетъ общую форму истины, универсальность или всеединство. Но совершенно очевидно что это всеединство есть чисто отрицательное, представляющее собою такой принципъ съ которымъ по здравой логикѣ нельзя ничего начать и изъ котораго нельзя ничего вывести. Ибо это единое начало, полученное чрезъ отрѣшеніе ото всего, по самому опредѣленію своему есть лишеніе всего и бѣднѣе всякаго возможнаго содержанія, и следовательно всякое содержаніе, всякое опредѣленіе, хотя бы и самое скудное, по отношенію къ этому началу является какъ нечто большее его, какъ нечто новое, въ немъ не содержащееся, а потому логически изъ него и невыводимое. Но такое отрицательное всеединое, изъ котораго ничего вывести нельзя, очевидно не можетъ быть истиннымъ началомъ всего, не можетъ быть принципомъ истины. Такимъ образомъ можетъ быть всеединое только въ положительномъ смыслѣ, то-есть не то что *содержится* во всемъ, а то что все въ себѣ *содержитъ*, что есть абсолютное не какъ *отрѣшенное* (ото всего), а какъ *совершенное* (во всемъ). Всеединство какъ настоящая форма истины не можетъ существовать ни сама по себѣ, ибо форма сама по себѣ, то-есть безъ содержанія, есть бессмыслица, ни въ нашемъ разумѣ только, ибо тогда это будетъ только наша субъективная мысль; всеединство какъ форма истины предполагаетъ безусловную

реальность того чего оно есть форма, то-есть всеединого, которое следовательно опредѣляется не какъ истинно мыслимое только, но какъ *истинно-сущее*.

XL. Общій отрицательный результатъ реализма и рационализма. Необходимый переходъ къ религіозному началу въ области знанія.

Изъ предыдущаго не трудно вывести что познаніе истины такъ же недоступно для отвлеченнаго рационализма, какъ оно оказалось недоступнымъ для отвлеченнаго реализма и эмпиризма.

Отвлеченный реализмъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приходитъ къ утвержденію: все есть явленіе.

Отвлеченный рационализмъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приходитъ къ утвержденію: все есть понятіе.

И оба воззрѣнія, проводя свои принципы логически до конца, должны получить одинъ и тотъ же отрицательный результатъ, должны придти къ чистому ничто.

И вопервыхъ, что такое явленіе? Всякое явленіе сводится къ видоизмѣненіямъ познающаго субъекта, къ состояніямъ нашего сознанія и следовательно не можетъ имѣть притязанія на какую-нибудь иную реальность кромѣ той какую имѣютъ и всѣ остальные видоизмѣненія субъекта, какъ-то: желанія, чувства, мысли и т. д. Такимъ образомъ, исчезаетъ противоположеніе внутренняго и внѣшняго опыта; нельзя уже говорить о внѣшнихъ предметахъ и о нашихъ психическихъ состояніяхъ какъ о чемъ-то противоположномъ другъ другу, потому что и внѣшніе предметы, какъ оказывается, суть въ дѣйствительности наши психическія состоянія и ничего болѣе; все одинаково есть явленіе, то-есть видоизмѣненіе нашего субъекта, то или другое состояніе нашего сознанія. Это относится не только къ такъ-называемымъ неодушевленнымъ предметамъ, но и къ предлагаемымъ субъектамъ внѣ насъ. Все что мы можемъ воспринимать и звать о другихъ людяхъ сводится всецѣло къ состояніямъ нашего собственнаго сознанія: мы ихъ представляемъ и воображаемъ на основаніи извѣстныхъ ощущеній нашихъ чувствъ, какъ мы представляемъ и воображаемъ и всѣ другіе предметы на основаніи другихъ нашихъ ощущеній; въ этомъ отношеніи, въ отноше-

ни способа нашего воспріятія и познанія о нихъ, между людьми и остальными предметами нѣтъ никакого различія, и если, какъ это дѣлаетъ отвлеченный эмпиризмъ, актуальный способъ познанія принимать за единственный образъ бытія познаваемого и изъ того что этотъ вещественный предметъ воспринимается и познается мною въ моихъ ощущеніяхъ и представленіяхъ заключать что онъ и состоитъ только изъ моихъ ощущеній и есть по выраженію Милля лишь постоянная возможность ощущенія (permanent possibility of sensation), то такое заключеніе логически должно примѣняться и ко всѣмъ видимымъ субъектамъ кромѣ меня, ко всѣмъ другимъ людямъ. Если я могу признавать что-нибудь лишь въ томъ видѣ въ какомъ оно мнѣ фактически дается, бытіе же другихъ людей фактически дано мнѣ лишь въ состояніяхъ моего сознанія, то слѣдовательно я долженъ и признавать этихъ людей лишь за состоянія моего сознанія. Но и самого себя я эмпирически нахожу не иначе какъ въ состояніяхъ своего сознанія, слѣдовательно и себя самого я долженъ признавать лишь за состояніе моего сознанія; но это нехлѣбно, потому что „мое“ сознаніе уже предполагаетъ „меня“ какъ субъекта; остается слѣдовательно допустить что существуютъ явленія сознанія, но не моего, такъ какъ меня нѣтъ, а сознанія вообще, безъ сознающаго, равно какъ и безъ познаваемого. Существуютъ явленія сами по себѣ, представленія сами по себѣ; но это прямо противорѣчитъ логическому смыслу этихъ терминовъ: явленіе въ противоположность существу въ себѣ именно и значитъ лишь то что не есть само по себѣ, а существуетъ только для другаго; точно то же значитъ и представленіе. Если же этого другаго, представляющаго нѣтъ, то не можетъ быть и представленія, нѣтъ и явленія, все сводится къ какому-то безразличному, пустому и никакого отношенія ни къ чему другому, такъ какъ другаго нѣтъ, не имѣющему бытію, къ бытію безо всякаго опредѣленія и потому ничѣмъ не отличающемуся отъ чистаго ничто.

Совершенно такой же отрицательный результатъ представляетъ намъ и отвлеченный раціонализмъ въ своей окончательной формѣ какъ раціонализмъ абсолютный, или лавлогизмъ. Этотъ послѣдній исходитъ изъ того убѣжденія что все имѣетъ дѣйствительность только въ понятіи, что все существуетъ лишь поскольку понимается или мыслится. Но если все имѣетъ подавленное бытіе только въ понятіи, то и самъ познаю-

щій субъектъ не можетъ составлять исключенія, и онъ существуетъ только въ своемъ понятіи, есть не что иное какъ понятіе. Сами же эти понятія, образующія все существующее, не могутъ такимъ образомъ быть понятіями мыслящаго субъекта, ибо онъ самъ есть только одно изъ понятій; они суть сами по себѣ безъ субъекта такъ же какъ и безъ предмета. Все есть чистое понятіе, то-есть понятіе безъ понимающаго и безъ понимаемаго, мысль безъ мыслящаго и безъ мыслимаго; все существуетъ аси риго, въ чистомъ безразличномъ бытіи равномъ небытію, подобно тому какъ и для отвлеченнаго реализма все разрѣшилось въ представленіе безъ представляющаго и безъ представляемаго, въ состояніе сознанія безъ сознающаго и безъ сознаваемаго, въ такое же безразличное чистое бытіе или ничто. Разница только въ томъ что эмпирическій реализмъ опредѣляетъ это бытіе сенсуалистически, какъ ощущеніе, панлогизмъ же рационалистически, какъ понятіе. Но и эта разница только кажущаяся; ибо ощущеніе, которое есть все и ничто, не есть уже ощущеніе, а равно и понятіе которое есть все и ничто не есть уже понятіе; и ощущеніе и понятіе теряютъ здѣсь свою опредѣленность, свое характеристическое значеніе, и могутъ быть замѣнены одно другимъ; вся разница только въ словахъ, и то и другое лишеныя субъекта и предмета; безъ опредѣленной формы и опредѣляемаго содержанія, расплавляются въ безусловную неопредѣленность, въ чистое ничто.

Отсюда ясно что ни „явленіе“, ни „понятіе“ не могутъ быть допущены сами по себѣ какъ отвлеченные принципы, то-есть отвлеченно отъ своего содержанія, отъ того что существуетъ въ формѣ явленія или понятія. Явленіемъ называется нѣчто (существующее посколькѣ оно существуетъ для меня, для субъекта), посколькѣ оно воспринимается моею чувственностью, посколькѣ я это „нѣчто“ ощущаю въ себѣ какъ дѣйствительное состояніе моего сознанія. Итакъ, явленіе есть лишь чувственное *отношеніе* субъекта къ предмету. Точно также „понятіе“ есть „нѣчто“ посколькѣ я его мыслю, это есть предметъ какъ мыслимый; я имѣю понятіе о чемъ-нибудь посколькѣ я мысленно *отношусь* къ чему-нибудь. Итакъ, если явленіе есть ощущаемое отношеніе субъекта къ предмету, то понятіе есть отношеніе мыслимое. Но очевидно что отношеніе субъекта къ предмету само по себѣ еще нисколько не опредѣляетъ характера этого послѣдняго, не дѣлаетъ

его истиннымъ; я могу относиться эмпирически (реально) и логически ко всему чему угодно, я могу ощущать и мыслить всевозможные предметы. Такимъ образомъ, и реальный, и рациональный факторы нашего познания суть лишь *безразличныя сами по себѣ формы*, нисколько не опредѣляющія собою существенной истины познаваемаго. Ибо предметъ не становится истиннымъ отъ того что я его ощущаю, или отъ того что я его мыслю, я могу ощущать и мыслить также и не истинное. Ни реальный опытъ, ни нашъ разумъ не могутъ дать намъ основанія и мѣрила истины. Относительная реальность предмета для меня въ моихъ ощущеніяхъ нисколько не ручается за его безусловную реальность въ немъ самомъ, и относительная разумность (общность и необходимость) предмета въ моемъ мышленіи или для моего разума не ручается за его безусловную разумность въ немъ самомъ, за его объективную всеобщность и необходимость (всеединство); предполагать противное значило бы утверждать что если я смотрю на бѣлую стѣну въ синія очки, то она сама становится отъ этого синею; пытаться же (какъ это дѣлаетъ абсолютный рационализмъ) самое бытіе предмета вывести изъ формы нашего разума значило бы объяснять изъ синихъ очковъ, чрезъ которыя я смотрю, ту стѣну на которую я смотрю. Понятіемъ истины требуется безусловная реальность и безусловная разумность; истина, какъ мы видѣли, не можетъ быть только отношеніемъ, а есть то что даво въ отношеніи, то къ чему и субъектъ нашъ относится. Не истина опредѣляется нашимъ отношеніемъ къ ней, а напротивъ то или другое наше отношеніе къ предмету (въ чувствѣ или мысли), чтобы быть истиннымъ, должно опредѣляться безотносительною истиною предмета. Если мы въ своемъ познаніи находимся во взаимодействіи съ предметомъ въ его истинѣ, то-есть во всеединствѣ, то наше познаніе будетъ истиннымъ по содержанію, какую бы частную форму оно ни принимало. Если мы испытываемъ или ощущаемъ внутреннее единство всѣхъ предметовъ, то наши ощущенія, нашъ опытъ будутъ истинными не потому что это нашъ опытъ или наше ощущеніе, ибо всякій опытъ самъ по себѣ, то-есть какъ *только* опытъ, отвлеченно отъ своего содержанія, есть только фактъ единичный и случайный, ничего не говорящій объ истинѣ,—а потому что это есть известнаго рода опытъ, именно такой въ которомъ мы испытываемъ дѣйствіе пред-

мета въ его истинѣ или реально относимся, реально связаны съ истиннымъ предметомъ; и если затѣмъ мы полученное такимъ истиннымъ опытомъ содержаніе сдѣлаемъ предметомъ нашихъ мыслей, нашего разума, если это содержаніе будетъ облечено въ форму понятій, то наше мышленіе, наши понятія будутъ истинными, и не потому что это наши мысли и понятія,—ибо сами по себѣ наши мысли и понятія отвлеченно взятая суть только пустыя субъективныя формы безразличныя къ истинному и неистинному,—а потому что это суть мысли и понятія объ истинѣ или имѣющія истинное содержаніе данное истиннымъ опытомъ.

Итакъ, для истиннаго познанія необходимо предположить безусловное бытіе его предмета, т.-е. истинно сущаго или всеединаго, и его дѣйствительное отношеніе къ намъ,—къ познающему субъекту,—необходимо признать что начало всеединства или то единое которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и все или содержитъ въ себѣ все, что оно существуетъ для насъ не какъ пустая форма только или способъ возрѣнія нашего разума, а въ своей собственной безусловной дѣйствительности или какъ истинно сущее. Это начало какъ всеединое не можетъ быть безусловно внѣшнимъ для познающаго субъекта, оно должно находиться съ нимъ во внутренней связи въ силу которой и можетъ быть имъ дѣйствительно познаваемо, и въ силу этой же связи субъектъ можетъ быть внутренно связанъ и со всѣмъ существующимъ, какъ заключающимся во всеединомъ, и дѣйствительно познавать это все. Только въ связи съ истинно-сущимъ какъ безусловно реальнымъ и безусловно универсальнымъ (всеединнымъ) могутъ явленія нашего опыта имѣть настоящую реальность, и понятія нашего мышленія настоящую, положительную универсальность; оба эти фактора нашего познанія сами по себѣ, въ своей отвлеченности, совершенно безразличны къ истинѣ, получаютъ такимъ образомъ свое истинное значеніе отъ третьяго, религіознаго начала.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВЛАДИМИРЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ПО ГОРАМЪ И СТЕПЯМЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ МОСКВЫ ДО КУЛЬДЖИ

Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣвъ недвижнаго Китая...
Пушкинъ.

I. Отъ Оренбурга до Орска (265 верстъ).

Въ началѣ 1877 года я, согласно выраженному мною желанію, былъ назначенъ военнымъ врачомъ въ Туркестанскій округъ, въ 10-й линейный батальонъ, штабъ-квартира котораго находилась въ Кульджѣ.

Поездка въ центральную Азію составляла мое давнишнее желаніе; мнѣ давно хотѣлось посѣтить эти земли, такъ мало изслѣдованныя, такъ полныя таинственности, гдѣ и теперь еще есть мѣста въ сравненіи съ которыми безплодная африканскія лустыни и дикія американскія преріи представляются вполне изученными. Что напримѣръ мы можемъ сказать съ достовѣрностью о верховьяхъ Аму-Дарьи или о Памирѣ, этомъ таинственномъ плоскогоріи, составляющемъ, по мнѣнію туземцевъ, крышу міра? А между тѣмъ здѣсь была колыбель человечества; здѣсь, по преданію, на этихъ привольныхъ дугахъ, кочевалъ со своими многочисленными стадами Абулджа-ханъ сынъ Іафета; сюда ходили царь Киръ и Александръ Великій; здѣсь вѣкогда ключомъ кипѣла жизнь и цвѣла своеобразная

цивилизация; во время оно, когда молодая, не окрѣпшая Русь не успѣвала отбиваться отъ татарскихъ набѣговъ, сюда, въ великолѣпную столицу Тимура стекались почти всѣ князья Азіи, прося дружбы и покровительства, и съ покорностію цѣловали синій камень (кокъ-ташъ), знаменитый пьедесталъ Тамерланава трона.

Не долги были мои сборы и 26 февраля 1877 года я уже выѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ, врачомъ Л., который по счастливой случайности былъ назначенъ въ Караколъ (тоже въ Туркестанѣ) и съ которымъ поэтому мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ. Черезъ три дня ѣзды по желѣзной дорогѣ мы безъ особыхъ приключеній прибыли въ Оренбургъ, гдѣ провели два дня, но почти не видали города, потому что въ это время сдѣлалась оттепель и на улицахъ стояла такая невылазная грязь что шагу нельзя было сдѣлать. Я замѣтилъ только что военный элементъ преобладаетъ: вездѣ шпоры, эполеты, аксельбанты, блестящіе мундиры. (Тогда въ виду наступающей войны многіе ѣхали изъ Средней Азіи).

Грязь и вода положительно отбивали охоту куда-нибудь идти, и отъ нечего дѣлать, сидя въ номерѣ лучшей (хотя вовсе не хорошей) „Европейской“ гостиницы, гдѣ мы остановились, я наблюдалъ какъ по улицамъ табулись вереницы верблюдовъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ шлепая по грязи, да пробирались сторовкой Башкиры и Киргизы въ своихъ безобразныхъ малахаяхъ и стеганыхъ, засаленныхъ до невозможности, хапатахъ...

Но въ луты! въ луты! 2-го марта, въ 8 часовъ вечера, намъ подали сань, запряженные маленькими, лохматыми казачьи-ми лошадаками. Скоро Оренбургъ скрылся изъ глазъ, и послѣднія линіи городскихъ огней потонули во мракѣ. Лошади быстро бѣжали впередъ, и мои думы неслись вмѣстѣ съ ними. Три тысячи верстъ лежали предо мной; впереди необозримыя равнины, стекающіяся изъ конца въ конецъ, бесплодныя, „го-лодныя“ степи, сылчүіе „черныя“ лески, горы, предъ которыми блѣднѣютъ Альпы, вѣчные памятники прошедшаго, разрушенные города и села, пустынные мѣста, гдѣ по цѣлымъ днямъ не встрѣтишь ни одного человѣка, гдѣ на тысячѣ квадратныхъ верстѣ не найдешь ни одного города, гдѣ жизнь, ярко вслыхнувъ и беснувъ на мгновение, вдругъ остановилась и замерла и поколѣнія за поколѣніями плетутся теперь нога

за ногу, не видя въ будущемъ цѣли, не имѣя въ прошедшемъ ничего, кромѣ кровавыхъ драмъ безъ смысла...

И все это предстояло видѣть и посѣтить....

Время шло незамѣтно и чрезъ полтора часа предъ нами вынырнула изъ мрака первая станція, казачья станица Нѣженка. На всемъ протяженіи отъ Оренбурга до Орска станціи расположены по станицамъ, которыя прежде составляли нашу передовую линію и границу отъ Киргизовъ, почему живущіе въ нихъ казаки и до сихъ поръ называются линейными, хотя самая линія давнымъ давно утратила свое значеніе. Станціи, это большія деревни, села, имѣющія иногда по вѣскольку сотъ домовъ и одну или двѣ церкви. Въ нихъ можно достать все съѣстное и путнику нѣтъ надобности запасаться на этотъ промежутокъ дороги провизіей: Почтовую гоньбу содержатъ казаки, а женское населеніе этихъ станицъ поголовно занимается вязаніемъ пуховыхъ платковъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ оренбургскихъ. И дѣйствительно, на всемъ пространствѣ Россіи эта отрасль промышленности пріютилась исключительно между Оренбургомъ и Орскомъ.

За первую станціей лошади сѣдующія, прошелъ первый и второй день, безконечныя снѣжныя равнины смѣнялись другими и мы повсегому стали втягиваться въ путешествіе. Лошади попадались отличныя, мы часто дѣлали по двѣнадцати верстѣ въ часъ и съ завистью вспоминали эту быстроту, когда попали потомъ на проклятый Кузнецовскій трактъ. Неудобно здѣсь то что ямщики по большей части Киргизы или Татары и ни слова не говорятъ по-русски; что бы вы ни спрашивали, Киргизъ улорно твердитъ свое „белмей“, („не повимаю“) и по-русски знаетъ только одно, „на водку“, которую и истребляетъ въ огромномъ количествѣ, не стѣсняясь никакими предписаніями Корана.

Недалеко отъ Орска мѣстность сдѣлалась холмистою: намъ стали попадаться горы, сначала невысокія въ видѣ круглыхъ холмовъ, потомъ повыше; то отдѣльно, то соединяясь въ кучки, забѣгали онѣ впередъ, пересѣкая намъ дорогу. Это были передовые отроги Уральскихъ горъ. Намъ приходилось взбираться на нихъ или объѣзжать ихъ кругомъ по карнизамъ. Наконецъ они окружили насъ со всѣхъ сторонъ и предъ нами открылось Губерлинское ущелье.

Это было на третій день нашего пути, не далеко отъ Орска. Ущелье тянулось на семь верстѣ и не представляло ничего

замѣчательнаго даже для насъ, не видавшихъ никогда горъ. Справа и слѣва поднимались невысокіе холмики, совершенно дикіе и безжизненные. Мы ѣхали по самому дну ущелья, гдѣ протекалъ небольшой ручей, который теперь пробилъ покрывавшій его тонкій слой льда и съ шумомъ бѣжалъ по камнямъ. Ёхали конечно шагомъ, такъ какъ наша кошера (такъ называются здѣсь сани, рѣшетчатый верхъ которыхъ обтянутъ кошмой) то одною, то другою стороною тащилась по песку и грязи, и съ досадою думали что не попадемъ сегодня въ Орскъ какъ предполагали; къ довершенію несчастья, при самомъ выходѣ изъ ущелья, ямщикъ засадилъ насъ въ какой-то загоръ или оврагъ, гдѣ мы пробились до поздняго вечера, а на станціи намъ предложили переночевать, говоря что придется ѣхать ночью льдомъ по рѣкѣ Уралу, такъ какъ бы не попасть въ полынью. Мы уступили и остались. Потомъ горькій опытъ умудрилъ насъ; во время нашего сорока-четырёхдневнаго путешествія мы испытали все: насъ завосило свѣгомъ, завосило и пескомъ; мы тонули въ рѣкахъ, падали съ горъ, падали и на ровномъ мѣстѣ, и наконецъ до того обтерпѣлись и обколотились что не обращали ни на что вниманія и во время подобающихъ превратностей умоляли ямщика только объ одномъ, чтобъ онъ ѣхалъ скорѣе. Но тутъ мы только начинали путешествіе; мы сильно трусили, когда подъ давленіемъ на ледъ нашего экипажа вода въ баузѣ лежащей полыньѣ ключомъ поднималась вверхъ; мы тащались по Уралу какъ черепаха, и несмотря на то что выѣхали чуть свѣтъ, только къ полудню прибыли въ Орскъ.

III. Отъ Орска до форта Карабутика (213 верстъ).

Въ 1730 году могущественному Абуль-Хаиру, хану Малой Киргизской орды, до того наскучило возиться съ безлокойными сосѣдами, Башкирами и Калмыками, что онъ изъявилъ жалавіе принять подданство Россіи. Хитрый ханъ, не желая однако потерять все, просилъ между прочимъ чтобы ханское достоинство навсегда было оставлено за его родомъ, а такъ какъ онъ зналъ что это не понравится его будущимъ подчиненнымъ, то просилъ выстроить для его защиты крѣпость при саяніи рѣки Ори и Урала. Желаніе его было уважено и въ 1735 году былъ построенъ городъ Орскъ. По-

чтенный городъ насчитываетъ такимъ образомъ 143 года своего существованія.

Для насъ этотъ городъ представлялъ тотъ практическій интересъ что здѣсь трактъ раздѣляется на два и намъ надо было рѣшить трудный вопросъ—который изъ нихъ выбрать. Какъ извѣстно, въ наши средне-азиатскія владѣнія ведутъ двѣ дороги, причемъ Орскъ составляетъ узелъ, изъ котораго онѣ развѣтвляются. Одна дорога изъ Орска идетъ на сѣверо-востокъ по городамъ южной Сибири (Орскъ, Уральскъ, Троицкъ, Петропавловскъ, Омскъ, Семипалатинскъ) до Сергиполя, который уже относится къ Семирѣченской области Туркестанскаго округа. Другая же дорога идетъ на югъ, къ Аральскому морю, прямо въ наши средне-азиатскія владѣнія, прямо въ степь. Несмотря на то что сибирскій трактъ длиннѣе степнаго на четыреста верстъ, намъ нѣкоторые совѣтовали выбрать его, но... ни одной минуты совѣдѣнія не даю человѣку и не было даю намъ въ то время; къ тому же мнѣ хотѣлось посѣтить именно земли центральной Азии, да и на нашихъ маршрутахъ стояло: Орскъ, Казалинскъ, Чимкентъ.... однимъ словомъ сама судьба указывала намъ Туркестанскій трактъ, такъ что не удивительно что мы выбрали его, хотя скоро по этому поводу едва не прокляли часъ своего рожденія.

Итакъ въ путь! Степь, теперь уже настоящая степь, необъятная, безграничная, лежала предъ нами и намъ предстояло съ нею познакомиться. Мы стали собираться въ дорогу и прежде всего отправились закупать провизію, такъ какъ намъ категорически заявили что мы теперь на станціяхъ ничего не отыщемъ кромѣ самовара.

Орскъ открылся предъ нами во всей своей красѣ, когда мы вышли на улицу. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Урала и прежде назывался Оренбургомъ, до построенія этого послѣдняго въ 1744 году. Сначала, какъ передовой пунктъ, онъ имѣлъ смыслъ, но теперь утратилъ всякій *raison d'être* и только наводитъ уныніе на путешественниковъ. Много, много плохихъ русскихъ деревень гораздо лучше города Орска... Въ русскихъ лавкахъ мы нашли чай, сахаръ и папиросы. Кромѣ русскихъ въ городѣ есть еще бухарскія лавки, но въ нихъ не было ничего кромѣ кишмишу и сушеного урюку (абрикосовъ). Для насъ все это было неподходяще; но къ счастью намъ указали на одну новую, еще недавно выстроенную лавку, гдѣ спекуляторъ en grand

слекулировалъ предметами совсѣмъ цнаго сорта, очевидно разчитывая на лутешественниковъ. Такъ мы нашли у него сгущенное швейцарское молоко, либиховскій экстрактъ и даже довольно большой кусокъ какой-то любобытвой окаменѣлости подъ громкимъ названіемъ швейцарскаго сыра. Возвращаясь назадъ, въ одной татарской лавкѣ я хотѣлъ купить мѣховыя рукавицы; положили онѣ поражали скорѣе своею прочностью чѣмъ изяществомъ, но холода усиливались съ каждымъ днемъ со времени нашего выѣзда изъ Оренбурга и я думалъ что онѣ мнѣ пригодятся. Торгъ вышелъ пренеприятельный: купецъ не зналъ ни слова по-русски, а я столько же по-татарски. Напрасно я одною рукою указывалъ на рукавицы, а другою предлагалъ различные денежныя знаки, начиная отъ гривеньника и кончая рублевою бумажкой; Татаринъ только кивалъ головой и подъ конецъ, горячо жестикудирюя, самъ заговорилъ что-то, должно-быть очень интересное, но къ сожалѣнію совершенно для меня непонятное. Такъ я и остался безъ рукавиць.

Между тѣмъ въ этихъ сборахъ прошло нѣсколько часовъ и уже начало темнѣть. Мы заторопились; скоро были готовы лошади, и мы выѣхали въ широкую степь.

Скоро познакомились мы со степью; она въ тотъ же вечеръ дала себя знать и для перваго знакомства угостила насъ бураномъ...

Что такое буранъ? Мы много слышали и читали про бураны, но никогда не испытывали ихъ, да и вообще въ Россіи не имѣютъ понятія о настоящихъ буранахъ, о тѣхъ которые составляютъ грозу и ужасъ Туркестанскаго края. Здѣсь бураны раздѣляются на низовыя и верховыя: первые дуютъ съ начала зимы и представляютъ не что иное какъ простую метель: сильный вѣтеръ поднимаетъ снѣгъ съ поверхности земли и крутитъ его въ воздухъ. Но верховыя бураны—страшныя бураны. Они начинаются съ декабря мѣсяца и происходятъ оттого что холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, смѣняя теплый юго-западный, превращаетъ подвѣшшіеся при этомъ теплому вѣтрѣ пары въ иней. Эти бураны составляютъ истинный бичъ страны. Киргизъ, который въ самую темную ночь какъ въ ясный день ведетъ васъ на любое урочище, во время бурана и тотъ теряетъ голову. Случалось, люди замерзали въ городахъ, на улицахъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего дома. Скотъ во время такихъ бура-

новъ гибнетъ во множествѣ. До сихъ поръ съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ вспоминаютъ Киргизы Внутренней Орды бурякъ бывший въ 1827 году, когда погибло 10.500 верблюдовъ, 75.480 головъ рогатаго скота, 280.500 лошадей и 1.012.000 овецъ, на сумму около 13 милліоновъ руб. сер. Съ неслыханною силой цѣваю ведѣлю свирѣлствовалъ этотъ бурякъ на громадномъ пространствѣ. Скотъ весь шарахнулся съ испуга къ сѣверу, въ Саратовскую губернію, и частію замерзъ на голой степи, частію свалился въ овраги и балки или былъ захваченъ жителями. Да, плохая вещь бурякъ въ степяхъ Средней Азии.

По счастью, тотъ бурякъ который мы вытерпѣли былъ одинъ изъ самыхъ легкихъ.

Отъ Орска до первой станціи Токана считается 27 верстѣ. Когда мы выѣхали, слегка морозило, но все-таки вечеръ былъ прекрасный; луна ярко освѣщала степь и въ воздухѣ было тихо и ясно. Но не отъѣхали мы и трехъ верстѣ какъ поднялся вѣтеръ; сначала онъ дулъ не особенно сильно, и мы не обращали на него вниманія, а только слушали фартукъ кибитки. Я замѣтилъ только что по степи шелъ какой-то паръ; степь какъ будто курилась; свѣтъ подымался надъ степью около полуаршина и стался какъ дымъ погоняемый вѣтромъ. Но что насъ удивило, такъ это то что ящикъ, который до сихъ поръ ѣхалъ умеренною рысью, вдругъ погналъ лошадей въ карьеръ. Долго, около часа, ѣхали мы такимъ образомъ; наконецъ я рѣшился спросить его о причинахъ такой послѣдственности и открылъ фартукъ.

Картина перемѣнилась...

Сдѣлалось темнѣе. Звѣзды ярко горѣли и малѣйшія изъ нихъ отчетливо вырисовывались на темно-синемъ фонѣ неба. Но степи я уже не видалъ; она пропала и мы неслись какъ бы въ туманѣ или облакѣ. Свѣжій дымъ почти закрывалъ лошадей и кибитку. Мы неслись, и онъ несся за нами какъ непріятель, улорно догоняя и перегоняя насъ, заметая дорогу и становясь все выше и выше, гуще и гуще. Подъ лучами звѣздъ и уже заходящаго мѣсяца, свѣжныя лыжины, крутятся въ воздухѣ, горѣли брилліантами и равнина разстлалась вдали синеваато-бѣлыми полосами, безпрестанно мѣнявшими свое мѣсто. Все далеко было видно кругомъ и вездѣ стался по землѣ этотъ свѣжій туманъ. Картина была эффектная.

— Что это такое? спросилъ я ямщика.— Чего ты говоришь? По счастью ямщикъ былъ Татаринъ и говорилъ по-русски.
— Бѣда, буря! отвѣчалъ онъ.

Мой товарищъ тоже выглянулъ, но мы все-таки ничего не боялись, потому что составили себѣ о буряѣ совсѣмъ другое попятіе. Между тѣмъ лошади все неслись и намъ правился ихъ быстрый бѣгъ среди этого волнующагося снѣжнаго моря.

Вдругъ, трахъ... ураганомъ налетѣлъ сильнѣйшій порывъ вѣтра и чуть не опрокинулъ кибитку.

Все перемишилось. Снѣгъ закружился въ воздухѣ и поднялся на всю доступную глазу высоту. Луна уже закатилась, и мы вѣхали въ лотымахъ. Я едва видѣлъ ямщика, а лошадей положительно не было видно; ямщикъ погонялъ ихъ какимъ-то улавшимъ голосомъ, но лошади пошли все тише, тише. За первымъ порывомъ вѣтра слѣдовалъ другой, третій... Онъ съ такою силой билъ въ задъ и бокъ кибитки что стѣнка ея подавалась. Мы держали фартукъ обѣими руками, но при малѣйшей опасности вѣтеръ вырывалъ его изъ рукъ и мгновенно приносилъ въ кибитку цѣлую массу снѣжной пыли. Вой и свистъ раздавался кругомъ, какъ будто легіоны невидимыхъ ратей затѣяли между собой бѣшеную игру. Это буря разыгрывалась и крѣпчала на просторѣ. Да и что удивительнаго? На всемъ разстояніи отъ Орска до Базалинска, на пространствѣ въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верстъ, нѣтъ ни дерева, ни горы, ни строенія, ничего что могло бы представить какое-нибудь сопротивленіе вѣтру, и вѣтеръ, пробѣгая эти громадные разстоянія, пріобрѣтаетъ невѣроятную силу. Не знаю, сколько времени вѣхали мы такимъ образомъ, но лошади вдругъ стали. Я думалъ что это станція, но оказалось хуже: мы заблудились. Мнѣ неволью сдѣлалось жутко, особенно когда мы остались одни и ямщикъ отправился отыскивать дорогу. Кто былъ въ положеніи подобномъ нашему, кто, какъ мы, былъ затерянъ въ глухую ночь въ необозримыхъ средне-азіатскихъ степяхъ, тотъ пойметъ это. Вдругъ сзади шагула къ намъ какая-то громадная, бѣлая масса. Это былъ ямщикъ сплошь облѣянный снѣгомъ. Онъ нашелъ дорогу, такъ какъ по счастью мы не далеко отъѣхали отъ нея и вовремя остановились. Но все-таки я и теперь не понимаю какимъ образомъ онъ могъ ее найти; за всѣ богатства Индіи и Китая я не отыскалъ бы ничего

въ такую адскую ночь. Къ довершенію несчастія, когда мы хотѣли отправиться дальше, то несмотря на всѣ понуканія ямщика, съ удивленіемъ увидали что стоимъ на мѣстѣ. Дѣло въ томъ что пока ямщикъ ходилъ отыскивать дорогу, вѣтеръ нанесъ къ лѣвому боку кибитки цѣлую гору снѣга и измученныя лошади не могли стащить ее съ мѣста. Пришлось выйти намъ самимъ; не болѣе минуты простоялъ я, а уже былъ такъ-сказать весь пронизанъ снѣгомъ; онъ забрался за шубу, за шарфъ, даже за шалку, засыпался въ валенки.... бѣда! Наконецъ кое-какъ отправились дальше.

— Сколько верстъ до станціи? спросилъ я ямщика.

— А кто ее знаетъ, отвѣчалъ тотъ.

Я и спросилъ-то машинально, и дѣйствительно вопросъ былъ смѣшной, такъ какъ разобрать что-нибудь въ такомъ хаосѣ было никакъ нельзя.

— Не видно ли ея?

— Да къ ней и влооть подѣдешь, такъ не увидишь, отвѣчалъ тотъ неохотно. Бѣдный! когда онъ оборачивался чтобъ отвѣчать намъ, я слышалъ какъ стучали отъ холода его зубы.

Но все на свѣтѣ и хорошее, и дурное имѣетъ конецъ. Въ то время какъ мы почти примирились со своею судьбой, порывъ вѣтра налетѣлъ на кибитку, выхватилъ у насъ фартукъ, принесъ цѣлую кучу снѣгу, но вмѣстѣ съ тѣмъ принесъ и пріятный, знакомый звукъ собачьяго лая.... Прямо противъ насъ свѣтилось окно станціи, на которое изнутри была поставлена свѣчка.

Молодость легко переноситъ всѣ невгоды; на станціи было тепло, мы обсушились, обогрѣлись и съ удовольствіемъ пили горячій чай въ то время какъ буря грозно выла кругомъ и бросала въ окна хлопьями мокраго снѣга.

Да, много здѣсь придется вытерпѣть во время дороги, но кто бы ты ни былъ, одно скажу я тебѣ: будь мужественъ, другъ-путешественникъ! Трудно ожидать чего-нибудь хорошаго отъ дикаго края, но съ достаточнымъ запасомъ терпѣнія и настойчивости можно преодолѣть все, и чѣмъ труднѣе были прелестія тѣмъ пріятнѣе будетъ побѣда....

На другой день съ ранняго утра закипѣла работа на станціи; ее откалывали изъ-подъ снѣга. Во время ночи съ верхней стороны нанесло цѣлую гору, и только къ девяти

часамъ утра были проложены глубокіе дефилеи, по которымъ мы и выѣхали. Послѣ, уже въ Иргизѣ, узнавъ, я что не всѣмъ прошла даромъ эта ночь. На одной станціи заблудилась почта педшая изъ Казалинска въ Оренбургъ. На другой пропалъ ямщикъ и только на третій день воротилася блѣдный и худой, на одной лошади вмѣсто трехъ и безъ кибитки: его угнало вереть на пятьдесятъ въ сторону. Съ тѣхъ поръ мы влоть до Иргиза, при маелькомъ даже вѣтрѣ, спрашивали ямщиковъ: доѣдемъ ли мы до станціи? Но ямщики отпаивались замѣчательнымъ хладнокровіемъ и на всѣ вопросы отвѣчали только:—Кто жь ее знаетъ? Можетъ доѣдете, а можетъ и нѣтъ.

Утромъ предъ выѣздомъ мы осмотрѣли и самую станцію. Это простая изба. Сбоку стоитъ еще изба, гдѣ складывается кормъ, да еще навѣсъ для лошадей, вотъ и все: кругомъ степь. Мы навсегда распростились теперь съ тѣми прекрасными станціями которыя были расположены отъ Оренбурга до Орска, съ тѣми громадными сѣдлами, гдѣ можно было достать все чего хотѣлось. Впрочемъ и эти станціи устроены очень удобно: большая изба раздѣлена на двѣ части: справа помѣщеніе для ямщиковъ, а слѣва большая комната для проѣзжающихъ. Тутъ находятся два громадные клеенчатые дивана, два стола, зеркало и большая желѣзная печка. А прежде что? Я разкажу вамъ какое сообщеніе было прежде. Собственно до 1858 года не было никакого правильнаго сообщенія, по крайней мѣрѣ почтоваго, а ѣздили по транспортнымъ дорогамъ. Ыздили только при оказіи, при какомъ-нибудь казенномъ транспортѣ, въ своемъ или наемномъ экипажѣ или просто на верблюдахъ, съ бѣльшимъ или меньшимъ конвоемъ изъ казаковъ, смотря по степени сложности стели. Дѣлали въ день одинъ или два перехода, смотря по величинѣ ихъ. Переходы обуславливались разстояніемъ между колодцами и рѣчками. Наконецъ все это было найдено очень сквернымъ, и трактъ въ 1858 году былъ сданъ Киргизамъ до форта Карабутака. Отъ Карабутака же до форта № 1 (Казалинска) почта открыта только въ 1862 году. Киргизы повели дѣло по-своему: станцію у нихъ замѣняла кибитка или юрта. О томъ что такое кибитка я скажу послѣ, теперь же замѣчу только что путешественники, сплошь и рядомъ пріѣзжая на станцію или вѣрнѣе на то мѣсто гдѣ должна была быть станція, не находили ее вовсе.

Ямщикъ-Киргизъ думалъ только о томъ какъ бы отпречь лошадей и уѣхать назадъ, если же бывалъ остановленъ нетерпѣливыми разспросами проезжающаго, то апатично отвѣчалъ что станція куда-нибудь „укочевала“. Это факты, читатель, и часто повторявшіеся факты. Киргизъ переносилъ кибитку исправлявшую должность станціи на версту или на двѣ въ сторону, въ какой-нибудь ближайшій оврагъ, гдѣ больше было защиты отъ сѣвернаго холоднаго вѣтра, и измученному, озябшему и усталому путешественнику, вмѣсто того чтобы согрѣться и отдохнуть, приходилось по цѣлымъ часамъ отыскивать станцію какъ какую-нибудь дичь. Наконецъ въ 70хъ годахъ трактъ былъ снятъ вплоть до границы Туркестанскаго генераль-губернаторства (до станціи Терекли, отъ Орска 525 верстъ) оренбургскимъ кулцомъ Мякинковымъ и станціи построены въ телерешнемъ ихъ видѣ. До чего безнадѣжно плохъ былъ этотъ трактъ, видно изъ того что уже въ 1868 году мѣстное начальство вело даже официальную переписку съ министромъ путей сообщенія о томъ чтобы уничтожить его, а оставить другой болѣе длинный на Вѣрное и Омскъ. (Этотъ трактъ намъ и совѣтовали въ Орскѣ.)

Было прекрасное свѣтлое утро, когда мы выѣхали со станціи. Опять потянулись предъ нами съ обѣихъ сторонъ однообразныя свѣжныя поляны; безконечною лентой зилась по нимъ дорога, уходя въ синюю даль; ни дерева, ни стросвія кругомъ и только кое-гдѣ выбивались изъ-подъ свѣга тощіе кустики прошлогодней травы. На второй станціи отъ Орска въ окрестности, говорятъ, разбросаны обломки гранита, но мы ничего не видали подъ блестящимъ свѣжнымъ покровомъ. Изрѣдка выдавалась въ сторонѣ уже слегка посинѣвшая рѣка Ирғизъ, такъ какъ дорога отъ Орска до Карабутака проходитъ сначала вдоль рѣки Ори, а потомъ по правую и лѣвую сторону Ирғиза. Свѣгъ замѣтно таялъ на нашихъ глазахъ, по мѣрѣ того какъ мы подвигались къ югу и кой-гдѣ по сторонамъ леги уже проталины какъ громадыя черныя пятна на бѣломъ фонѣ. Цѣлые табуны киргизскихъ лошадей ласались по степи, отыскивая сухую траву; здѣсь скотъ пасется кругамъ годъ, такъ какъ Киргизы не заготавливаютъ корма на зиму, да и не имѣютъ возможности заготовить его вдоволь для своихъ часто громадныхъ стадъ. Вслѣдствіе такого порядка вещей животнымъ самимъ приходится доставать себѣ пищу. Обыкновенно впереди идутъ лошади; онѣ разбиваютъ

снѣгъ передними ногами и достаютъ прошлогодній ковыль; за ними сѣдуютъ рогатый скотъ и наконецъ овцы, которыя принуждены уже довольствоваться остатками. Одни только верблюды меланхолически стоятъ въ сторонѣ, такъ какъ не имѣютъ копытъ и не могутъ сами позаботиться о себѣ; съ ними одними дѣлать Киргизъ свой скудный запасъ проса и заготавливаетъ на зиму колючку. Если снѣгъ очень глубокъ или если послѣ оттепели сразу наступитъ морозъ, то лошади не въ состоянii пробить копытами твердую ледяную кору; тогда скотъ погибаетъ съ голоду, такъ что достаточно одной бурной зимы, чтобы Киргизъ изъ богача сдѣлался нищимъ. Впрочемъ нѣкоторые Киргизы уже теперь начинаютъ косить сѣно.

Попадались намъ на встрѣчу и киргизскія зимовки; это простыя землянки, возвышающіяся надъ поверхностью земли около аршина и обыкновенно вмѣстѣ съ крышей заносимыя снѣгомъ. Ихъ часто пройдешь мимо и не замѣтишь, если только на счастье не торчитъ изъ-подъ снѣга какой-нибудь шестъ. На первыхъ порахъ мы бывали не мало удивлены, когда, вѣроятно заслышавъ звукъ колокольчика, намъ на встрѣчу точно изъ земли выкатывалась цѣлая стая замѣчательно злыхъ собакъ или высыпала куча совершенно голыхъ ребятишекъ и съ любопытствомъ смотрѣла намъ въ снѣгъ.

Такъ вѣхали мы два дня; потомъ насъ опять хватилъ бурянь, хотя гораздо легче перваго; но такъ какъ мы на этотъ разъ вѣхали въ откритыхъ саяхъ, то онъ все-таки въ два часа исхлесталъ насъ снѣгомъ до того что мы совершенно измучились и передрогли до костей, когда наконецъ увидали вдали высокую башенку форта Карабутака.

III. Отъ форта Карабутака до Иргиза (177¹/₂ верстъ).

Фортъ Карабутакаъ построена въ 1848 году, при губернаторѣ Обручевѣ. Прежде онъ служилъ эталннымъ пунктомъ для соединенiя Иргиза и Оренбургской линiи, но для чего онъ служить теперь, это вѣроятно знаетъ одинъ Аллахъ. Построена онъ на горѣ при слиянiи Иргиза и Карабутака и вообще представляетъ не городъ, а какой-то глиняный горшокъ. Отлучаетъ

ся развѣ своими бурянами, которые дуютъ здѣсь круглый годъ и лѣтомъ навосятъ песокъ и поднимаютъ вѣдную, соленую пыль съ близъ лежащихъ солончаковъ, зимой же бушуютъ до того что даже часовые на гаултахтѣ ходятъ держась за веревку чтобы не заблудиться. Благодаря буряну и мы почти съ удовольствіемъ вѣхали въ него, между тѣмъ какъ при всѣхъ другихъ условіяхъ можно только съ удовольствіемъ вѣхать изъ этого города... Я не знаю сколько жителей въ Карабутахъ: ни тогда когда мы пріѣхали, ни тогда когда чрезъ нѣсколько часовъ мы вѣхали, мы не видали ни одного человека. До чего мало жителей въ подобныхъ маленькихъ фортахъ видно изъ того что напримѣръ въ Семипалатинской крѣпости въ 1747 году по второй переписи Симбирской губерніи, произведенной генераломъ Чернышовымъ, жителей оказалось всего двѣ души разночинцевъ.

Ночевали мы въ тотъ день на Аиззи-Сайской станціи (Сай значитъ оврагъ и вообще станція названа очень вѣрно, такъ что мы чуть не подѣзли кувыркомъ, подѣзжая къ ней). Я помню эту станцію еще потому что пріѣхали мы туда голодные, такъ какъ наши припасы уже истощились (оставалось только сгущенное молоко). Мы рассчитывали заластись кой-чемъ въ Карабутахъ, но не купили ничего по той простой причинѣ что въ этомъ городѣ рѣшительно ничего не продается и всѣ припасы везутся изъ Орска; на станціи тоже конечно не было ничего, такъ что мы надѣялись согрѣться хоть чаемъ, но увы! и увы! вода оказалась горько-соленого вкуса и чай представлялъ какой-то противный растворъ въ родѣ глауберовой соли. Такъ мы и улеглись спать голодные, хотя и нельзя сказать чтобы „не солоно хлебавши“.

Да, были-таки пріятности! Теперь, изъ своего прекраснаго далека, мнѣ есть что вспомнить въ этомъ путешествіи. Прошелъ уже годъ и краски успѣли лобавдѣть въ моемъ воображеніи, но въ то время всѣ эти неудобства до такой степени угнетали насъ что часто, измучившись и выбившись изъ силъ, мы вечеромъ пріѣзжали на станцію и намъ не хотѣлось ни ѣсть, ни пить, не хотѣлось даже спать и оставалось только одно достаточно сильное желаніе, чтобы весь Туркестанскій край съ его городами и жителями, да пожалуй и съ нами самими, провалился куда-нибудь сквозь землю...

Весна близилась. Все ближе и ближе съ каждымъ днемъ подходила она къ намъ съ юга. Все нетерпѣливѣе смотрѣли

мы въ эту сиюю туманную даль, гдѣ, говорятъ, уже давно зеленѣетъ трава и распустились цвѣты. Уже всего полдня ѣзды оставалось намъ до города Иргиза, откуда, какъ намъ сказали, мы поѣдемъ на колесахъ. Дорога съ каждымъ часомъ дѣлалась хуже и хуже; она сплошь представлялась черною полосой, по которой вереницей блеснули глубокія ямки, протоптанныя огромными ногами верблюдовъ и налитыя до краевъ водой. Ямщикъ поминутно сворачивалъ въ сторону, стараясь выбрать мѣстечко гдѣ было побольше снѣга. Богъ знаетъ откуда явились маленькія стелныя рѣчки, въ которыхъ лѣтомъ не хватаетъ воды чтобы напиться курицъ. Овраги наполнились водой. Мы среди бѣлаго дня ухитрились завязнуть въ рѣчкѣ Кайрактѣ около Кумъ-Сайской станціи и сидѣли въ водѣ и снѣгу до тѣхъ поръ пока ямщикъ не съѣздилъ на станцію и не привелъ оттуда цѣлую партію конныхъ Киргизовъ съ лопатами и колыями. Потомъ пришлось переѣзжать рѣчку Иргизъ; опасно было ѣхать: рѣка посиѣла и вздулась; около берега были лопыни и дорогу на рѣчкѣ какъ-то перекосило. Но ямщикъ нахлесталъ лошадей и лихо вынесъ насъ на противоположный берегъ, такъ что мы едва успѣли услышать какой-то подозрительный трескъ. На станціи однако я не утерпѣлъ:

— Долго ли вы будете еще возить по Иргизу? спросилъ я смотрителя.

— Да пока кто-нибудь не провалится, отвѣчалъ тотъ хладнокровно.

Послѣ этого, конечно, спрашивать было нечего и я порадовался только что не мы открыли собой навигацію.

Небывалое до сихъ поръ оживленіе господствовало въ молчаливой, пустынной степи. Прилетѣли грачи; мы уже два дня видѣли какъ они тучами носились надъ зимовками Киргизовъ. Явились скворцы, которыхъ почему-то называютъ зимними, вѣроятно потому что ихъ не бываетъ зимой. Прилетѣли еще какія-то птицы. Даже стада весело гуляли по оттаивающей землѣ, совсѣмъ не такъ какъ нѣсколько дней тому назадъ мы видѣли ихъ во время метели подъ Карабу-такомъ. Попадались и аулы, такъ какъ Киргизы уже бросили зимовки и перебрались въ кибитки, которыя придвинули почти къ самой дорогѣ. Караваны верблюдовъ иногда тянулись по дорогѣ на цѣлую версту и голыя животныя одинъ за другимъ неуклюже сворачивали предъ нами въ

жидкую грязь. Встрѣчались и всадники; Киргизъ сначала добродушно кричалъ „аманъ“ (здравствуй), а потомъ трусилъ около насъ нѣсколько времени, разговаривая о чемъ-нибудь съ лицикомъ на своемъ тарабарскомъ языкѣ. Встрѣчались, впрочемъ, типы и другаго рода. На поджаромъ конѣ напимѣръ ѣдетъ тощій, испитой старикъ; жиденъкая, сѣдая борода каиномъ рѣзко вырисовывается на темнобронзовомъ лицѣ. Вотъ онъ лоравлялся съ вами; при видѣ вашихъ веселыхъ, довольныхъ лицъ, взглядъ непримиримой ненависти сверкнетъ изъ-подъ густыхъ нависшихъ бровей; но еще мигута, и всадникъ, угрюмо лотулясь и сгорбившись на сѣдлѣ, молча проѣдетъ дальше. Это какой-нибудь мулла или богомолецъ, отправляющійся въ Самаркандъ или Бухару. Онъ влпоминаетъ бывшее время и злобно глядитъ на любѣдителей-кафировъ (не-вѣрныхъ). Въ самомъ дѣлѣ, только десять лѣтъ тому назадъ въ Самаркандѣ, цвѣтъ и красу мусульманскаго міра, никогда не ступала нога глаура; не дальше какъ въ 1863 году знаменитый венгерскій путешественникъ-филологъ пробирался туда съ опасностью жизни, расливая мусульманскіе псаамы и въ одеждѣ дервиша-лиагрима, опасаясь на каждомъ шагу быть узваннымъ и зарѣзаннымъ какъ собака, безъ суда и расправы; а теперь на Самаркандской цитадели бѣвается штыкъ и кели русскаго часоваго, а знаменитый кокъ-ташъ (синій камень) на гробѣ Тимуръ-Ленга, покорителя міра (Тимура или Тамерлана), обнесень изащвою желѣзною рѣшеткой, работы нашихъ же мастеровъ. Благородная (шерифъ) Бухара, олора Ислама, все равно что въ нашихъ рукахъ, такъ какъ въ любой годъ мы можемъ не заллотить арыковъ Зарештана и она останется безъ воды. Въ тридцати верстахъ отъ Хивы стоитъ и сторожитъ ее наше укрѣпленіе Петро-Александровское, сторожитъ ту самую Хиву, о которую разбилась нѣкогда эксспедиція Бековича и Перовскаго. Да, много перемѣнилось за послѣднее время въ Средней Азии и плохо живетъ теперь тамъ фанатикамъ-мулламъ.

Подъ мысли о нашемъ величіи мы ѣхали шагомъ по жидкой грязи и ждали когда окончится наше странствіе. Ждать пришлось не долго. Нежданно, негаданно лошади взобрались на какой-то высокой бугоръ и остановились. Мы пріѣхали.

Прямо подъ нами и глубоко внизу бурно шумѣлъ и пѣвилася Иргизъ. По ту сторону его видѣлась куча маленькихъ глиняныхъ, вытянутыхъ въ одну линію по берегу

рѣки, домиковъ. Это и былъ давно жданный нами городъ Иргизъ (укрѣпленіе Уральское).

Уже день какъ разошлась рѣка и попасть на ту сторону можно было только на паромѣ. Но паромъ еще не былъ готовъ, а лежалъ на берегу вверхъ дномъ и осмаливался, такъ какъ Иргизъ въ этомъ году не оправдалъ соображеній начальства и разошелся раньше чѣмъ ожидали. Тамъ и сямъ на берегу видѣлись котѣлки съ кипящею смолой, около которыхъ кучками сновали солдаты. Мы крикнули имъ. Тѣ въ надеждѣ получить на водку живо достали какую-то лодку и прибыли къ намъ.

Мы твердо рѣшились переправиться, такъ какъ не воевать же было въ полѣ; но несмотря на это я долго не хотѣлъ сходить внизъ. Берегъ былъ крутой и глинистый; кромѣ того онъ былъ довольно высокъ и должно-быть промокъ насквозь, такъ что сойти по немъ не было никакой возможности, а можно было только скатиться какъ по наклонной плоскости.

Наконецъ я рѣшился и растолыривъ руки и балансируя быстро покатился внизъ. Усатый ухтеръ, бывший внизу въ лодкѣ, кричалъ мнѣ:

— Не здѣсь, не здѣсь, ваше благородіе; здѣсь сколько; вотъ тутъ, тутъ...

Но и тутъ, и тутъ—вездѣ было сколько. Я не удержался и по всей вѣроятности со середины обрыва полетѣлъ бы кубаремъ, еслибы не подвернулись двое изъ прибывшихъ къ намъ солдатъ, которые раньше пробовали взбираться къ намъ, но не могли и остановились на подорогѣ.

Они подхватили меня подъ руки и мы покатались уже втроемъ, прямо въ лодку, которую чуть не опрокинули. Потомъ также спустился мой товарищъ. Иргизъ тяжело катилъ свои мутная, желтая волны и насъ сильно отвесло теченіемъ. Около полуверсты мы должны были идти лѣшкомъ до станціи, съ трудомъ вытаскивая ноги изъ вязкой глинѣ. Насъ радовала только одна мысль что наконецъ мы распрощались съ самымъ лутемъ и что здѣсь въ Иргизѣ конецъ нашимъ испытаніямъ. Но настоящія испытанія ждали насъ еще впереди.

IV. Отъ Иргиза до Казалинска (355 верстъ).

Когда мы вошли въ большую станціонную комнату въ Иргизъ, насъ поразило множество собравшагося тамъ народа. Больше 20 человекъ сидѣло на лавкахъ и диванахъ или лежало на какихъ-то постеляхъ по разнымъ угламъ. Тутъ были и военные и статскіе, мужчины и женщины, было даже два мальчика лѣтъ восьми и десяти. Въ другой маленькой комнатѣ, „черной“, ютились цѣлый десятокъ почтальоновъ со своими почтами. Все это объяснилось очень скоро, когда вошелъ смотритель и объявилъ намъ что ѣхать дальше въ разлитою воду нельзя, а надо ждать. Мы поинтересовались узнать сколько же времени придется ждать.

— Да недѣлки три слишкомъ придется подождать, ваше благородіе; ну а послѣ Пасхи-то мы васъ отпустимъ.

Ждать три недѣли? Три недѣли жить въ этой грязной, отвратительной тущобѣ, которая только по какому-то странному географическому недоразумѣнію называется городомъ. Мы рѣшительно протестовали противъ этого предложенія.

— Но всежели же никакъ нельзя выѣхать? спросили мы смотрителя.

— Никакъ нельзя, отвѣчалъ онъ;—рѣчки и овраги за Иргизомъ разлились верстъ на сто. Можетъ-быть вы пойдете гулять, тогда сами увидите какова дорога. До Иргиза дорога хорошая, а дальше нельзя.

Мы вспомнили эту хорошую дорогу и невольно подумали какія же въ такомъ случаѣ бываютъ дурныя дороги.

— Впрочемъ есть одно средство, продолжалъ смотритель,—только согласитесь ли вы?

— Какое?

— Уѣхать верхомъ на верблюдахъ.

Да! объ этомъ стоило подумать. Налившись чаю мы вышли на улицу чтобы на свободѣ обдумать свое положеніе. Грязною полосой раскинулся предъ нами Иргизъ направо и налево. Онъ построенъ генераломъ Обручевымъ въ 1845 году и расположенъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ праваго берега рѣки Иргиза. Онъ весь состоитъ изъ кучи домовъ, или вѣрнѣе мазанокъ глиняныхъ и земляныхъ (деревянныхъ нѣтъ) съ плоскими крышами, крытыми камышомъ и соло-

мой. На улицахъ неизобразимая мерзость; вся грязь казалась растворилась до степени первобытной хляби и мы едва-едва вытаскивали ноги. Но за то видъ на югъ представлялся чудесный; вслѣдствіе своего возвышеннаго положенія Иргизъ господствовалъ надъ степью. Она открывалась глазу на громадное пространство и подъ жаркими лучами полуденнаго солнца отливала какимъ-то синеваато-сѣрымъ колоритомъ. Тамъ и сямъ были разбросаны по ней огромныя скопища стоячей воды и блестѣли какъ зеркала. Слѣгу не было вовсе; дорога тоже не было и ѣхать въ какомъ-нибудь экипажѣ не представлялось никакой возможности.

Что же дѣлать? ждать? но мы боялись пропустить всѣ законные поверстные сроки и опоздать на службу. Послѣ я узналъ что эта боязнь напрасна. Въ Туркестанскомъ округѣ не соблюдается никакихъ сроковъ, такъ какъ прибыть туда вовремя можно только по особой счастливой случайности. Начальство отлично знаетъ что тамошніе пути сообщенія не ремонтируются вовсе, а предоставлены силамъ природы и особенному милосердію Божію. Но въ то время мы не знали еще дѣйствующихъ порядковъ.

Но прежде всего, оставаться или ѣхать, намъ надо было возобновить свои запасы, такъ какъ два послѣдніе дня мы и то пребывали на лицѣ Св. Антонія. Тутъ повторилась старая исторія; послѣ долгихъ поисковъ мы достали только какую-то въ полномъ смыслѣ слова ужасную колбасу, о которой я и теперь не могу вспомнить безъ отвращенія, да по счастью перекупили у одного изъ проѣзжающихъ кадушку съ медомъ. Хотѣли по крайней мѣрѣ поѣсть чего-нибудь горячаго и для этого зашли въ единственную гостиницу „Россия“ и спросили щей. Но хозяинъ гостиницы сказалъ намъ что сегодня нельзя, а приходите завтра, даже не объясняя почему нельзя. Впрочемъ и на другой день мы не добились ничего; когда мы пришли, хозяинъ олять намъ отвѣчалъ чтобы мы приходили черезъ три часа, а что теперь надо сушить дрова; за то обѣщалъ приготовить какую-то очень вкусную вещь изъ курдючьяго сала (изъ котораго дѣлаютъ мыло и свѣчи). Мы послали его къ чорту и съ его самомъ и все остальное время довольствовались чаемъ съ хлѣбомъ и медомъ.

Спать на станціи тоже не представлялось никакой возможности; всякій уголокъ былъ занятъ другими проѣзжающими,

вездѣ раздавалась брань и жалобы на задержку то въ микромомѣ, то въ мажорномъ тонѣ. Послѣ двухъ дней нашего пребывания въ Иргизѣ, большинство путешественниковъ не выдержало: они наняли влооть до Казалинска большой караванъ верблюдовъ и отправились. Предлагали и намъ, но мы отказались, все еще надѣясь на что-то.

Прошло еще два долгихъ, томительныхъ дня... и мы не выдержали; махнувъ на все рукой, мы попросили станціоннаго прислужника-Бурята нанять намъ верблюдовъ. Къ намъ присоединились еще два проезжающихъ: полковникъ К., ѣхавшій въ Казалинскъ, и майоръ дю-Бр., отправлявшійся въ Ходжентъ. Скоро было все порѣшено; мы наняли восемь верблюдовъ (по два на человѣка) при трехъ проводникахъ-Киргизахъ, съ обязательствомъ доставить насъ въ теченіе трехъ сутокъ на станцію Тереклаи, границу Туркестанскаго генералъ-губернаторства (100 верстъ отъ Иргиза). За это мы должны были заплатить Киргизамъ по пяти рублей съ верблюда и во все время пути кормить ихъ на свой счетъ. Послѣднее обязательство мы не ставили ни во что, но когда узнали что голодный Киргизъ легко сѣдаетъ по барану въ день, особенно на чужой счетъ, то ограничились условіемъ кормить ихъ только хлѣбомъ. Мы купили три пуда хлѣба и 12го марта въ полдень тронулись въ путь.

Выѣздъ нашъ изъ Иргиза представлялъ оригинальное зрѣлище и мы невольно подумали о томъ что сказали бы наши московскіе знакомые, увидя насъ въ такой обстановкѣ. Впереди ѣхалъ верхомъ на лошади проводникъ-Киргизъ, затѣмъ я на верблюдѣ, затѣмъ трое верблюдовъ съ грузомъ, потомъ мой товарищъ; затѣмъ олять проводникъ на ослѣ и въ нѣкоторомъ отдаленіи слѣдовалъ тарантасъ съ полковникомъ и майоромъ, запряженный тройкой верблюдовъ. Они ѣхали въ своемъ экипажѣ и никакъ не хотѣли бросить его. Собственно по дорогѣ не проѣхалъ бы никакой экипажъ, но мы потому и миковали большую почтовую дорогу и шли далеко стороной, цѣлкою, какъ говорится, даже по виду совсѣмъ не въ ту сторону, не прямо на югъ, какъ намъ было нужно. Въ этомъ мы положились на нашихъ проводниковъ, которые сначала заботились только о томъ какъ бы выбрать мѣстечко посуше или по крайней мѣрѣ гдѣ вода была не такъ глубока. И такъ ѣхать три дня и три ночи! Первое время отъ Иргиза мы шли почти сплошь по водѣ, переходя изъ

одной лужи въ другую, но къ концу дня воды стало меньше и только изрѣдка попадались намъ озера или вѣрвѣ скопища воды, образовавшейся отъ таянiя снѣга и не успѣвшей высохнуть и впитаться въ почву. Сначала, если лужа была довольно глубока и вода доходила верблюду выше колѣна, то мой верблюдъ обнаруживалъ непреодолимое желанiе лечь въ воду и на каждомъ шагу подгибалъ колѣни. Весело мнѣ было сидѣть на немъ въ это время! Но проводникъ и хозяинъ нашего маленькаго каравана, Киргизъ Камлышъ Рукумъ-бай, изъ всѣхъ силъ начиналъ тянуть за веревку, которая у верблюда продѣта черезъ носъ, кричалъ „беръ, беръ!“ и верблюдъ шелъ дальше. Ѣздить верхомъ на верблюдѣ страшно неудобно; онъ качается сзади напередъ на каждомъ шагу, и вы можете испытать совершенно новыя ощущенiя, раскачиваясь по цѣлымъ часамъ какъ маятникъ на его спицѣ. Даже Киргизы не могутъ долго выдержать подобной ѣзды и идутъ лѣшкомъ. Покачавшись такимъ образомъ часа два я тоже не выдерживалъ; у меня начинала кружиться голова и я версты двѣ или три шелъ лѣшкомъ, до тѣхъ поръ пока какая-нибудь длинная или широкая полоса воды не преграждала мнѣ дороги. Здѣсь преобладаетъ двугорбая порода верблюдовъ, одnogорбые же встрѣчаются рѣдко и цѣнятся очень дорого, такъ какъ они гораздо сильнѣе. Вообще верблюдъ несетъ на себѣ отъ двѣнадцати до пятнадцати пудовъ груза. Караванъ тянется гусемъ, причемъ у каждаго верблюда продѣта черезъ носъ веревка прикрѣпленная къ сѣдлу впереди идущаго верблюда. Упрямяство и гаупость верблюда невообразимы; все чему его можно выучить, это по слову „чокъ“ ложиться и по слову „беръ“ вставать. Если верблюдъ не захочетъ идти дальше, то онъ останавливается, причемъ веревка продѣтая ему черезъ носъ, ватавувшись, разрывается, но если веревка крѣпка, то разрывается носъ и тогда верблюдъ свободенъ на всю жизнь, оттого что имъ уже невозможно управлять.

Въ первый день мы остановились на ночлегъ около пустаго, заброшеннаго аула, у подножiя невысокаго холмика. Солнце давно сѣло и по стелѣ дожились уже мягкiя тѣни ночи. Киргизы живо ватаскали камышу, которымъ обнесень былъ аулъ, разложили костеръ и начали кипятить воду для чая. Всѣ они втроемъ, вмѣстѣ взятые, ни слова не говорили по-русски и мы объяснялись лавтомимами. Положимъ, я еще

въ Иргизѣ записалъ различныя киргизскія фразы, но онѣ принесли мнѣ мало пользы, потому что, заготовивъ вопросы, я не могъ предугадать отвѣтовъ, а потому совершенно не понималъ что отвѣчалъ Киргизъ. Одинъ изъ нашихъ слугъ, майоръ, долго жилъ на Кавказѣ и увѣрялъ что знаетъ киргизскій языкъ. Пока киятился чай, онъ принялся расспрашивать проводниковъ сколько верстъ осталось до Терекки и когда мы завтра отправимся дальше, но они очевидно не понимали другъ друга, такъ что майоръ въ концѣ концовъ сердито плюнулъ и отвернулася въ сторону, проворчавъ что-то очень неслестное для Киргизовъ. Налившись чаю, я отправился побродить кругомъ; ночь была лунная, свѣтлая и прекрасная. Теперь, когда прошелъ годъ, когда всѣ неприятности изгладились или забыты и осталась одна повитическая сторона путешествія, эта ночь ярко встаетъ предъ моими глазами. Подъ блѣдыми лучами мѣсяца степь далеко разстилалась кругомъ, вся какого-то дымчато-сизаго цвѣта; небольшіе кустики камыша и прошлогодней поковы казались издали какимъ-то лѣсомъ. Тишина была торжественная, почти абсолютная, и только изрѣдка, на дальнихъ, пустынныхъ оверахъ слышался крикъ дикихъ гусей и утокъ. Догоравшій костеръ вспыхивалъ по временамъ, ярко освѣщая склонившуюся надъ нимъ дремлющую фигуру Киргиза; около костра стояли тюки съ нашими вещами, а дальше полукругомъ лежали верблюды, поворотивъ морды къ потухающему огню. Было что-то особенно пріятное въ этомъ просторѣ молчаливой степи, среди этой чуждой для меня обстановки, и я долго простоялъ бы еще, но было уже поздно: мракъ сильнѣе сгустился на западѣ и съ востока потянуло какимъ-то рѣзкимъ холодомъ. Бросивъ послѣдній взглядъ кругомъ, я тихо разостлалъ кошму на сырой и холодной землѣ и завернулся въ нее возлѣ моего товарища...

Въ это время Киргизамъ было очень удобно, еслибъ они захотѣли взять своихъ верблюдовъ съ нашими вещами и оставить насъ однихъ на произволъ судьбы.

Киргизы подняли насъ въ два часа ночи. Меня разбудили два положенные около меня и отвратительно ревѣвшіе верблюда. Ужасно не хотѣлось вставать изъ-подъ теллой кошмы на холодъ, но дѣлать было нечего; вещи всѣ были навьючены и ждали только насъ. Киргизъ, чтобы дать намъ согрѣться, бросалъ въ огонь новую связку камыша и мы

трогались въ луть. Странную картину должно-быть мы представляли тогда: кругомъ ночь; вездѣ тихо и темно и только мы медленно и безшумно веревницей скользили по степи какъ стая привидѣній. Безмолвіе нарушалось только тогда когда мы переправлялись черезъ замерзшія рѣчки, покрытыя ледяною корою и сверкавшія при лувѣ матовымъ блескомъ; копыта лошадей и ноги верблюдовъ гулко врѣзывались въ ломавшійся ледъ и всплески воды долго еще слышались за нами. Перебিরались мы и черезъ сухіе солончаки и это по моему мнѣнію составляло лучшую часть дороги. Въ этомъ краю множество солончаковъ; они состоятъ изъ сѣроватаго соленого ила и составляютъ дно высохшаго моря. Они раздѣляются на сухіе и мокрые; сухіе, по которымъ мы напримѣръ проходили, блестятъ какъ полированное зеркало и такъ тверды что ни копыта лошадей, ни колеса экилажей, не оставляютъ на нихъ ни малѣйшаго сѣда. Мокрые же наоборотъ представляютъ непроходимую топь, не высыхающую даже во время самыхъ сильныхъ жаровъ. Сверху на нихъ лежитъ слой изъ соли и грязи, но чѣмъ глубже тѣмъ больше воды. Только твердые берега ихъ доступны, но дальше къ срединѣ они совершенно непроходимы. Отъ бассейновъ Арала, Балхаша и Каспія они врываются огромными полосами внутрь материка и таютъ иногда на цѣлые десятки верстъ. Солонцы представляютъ мертвую пустыню безо всякихъ слѣдовъ жизни. Только лѣтомъ твердые берега растрескиваются отъ солнечнаго жара и въ щели иногда запозазаютъ насккомыя или прячутся змѣи.

Но вотъ кончался солончакъ и мы опять таянулись ровною, однообразною степью, съ торчащими на ней маленькими кустиками сухой полыни. Дремота невольно смыкала глаза, но дремать на верблюдѣ нельзя, потому что, качаясь и раскачиваясь, тотчасъ полетишь внизъ. До разсвѣта еще далеко; отъ нечего дѣлать, я, какъ номады пустыни учился узнавать время по звѣздамъ. Вотъ мѣсяцъ закатывается за горизонтъ; онъ лобгровѣлъ отъ преломленія лучей въ водныхъ ларахъ атмосферы и казался огромныхъ размѣровъ. Исчезли крестъ и мечъ Оріона, скрылись Плеяды; далы Скорліона низко, низко стоятъ надъ горизонтомъ. Скоро наступитъ утро. Вотъ по степи легла предразсвѣтная мгла и закутала ее какъ бы дымкой; вотъ больше и больше начали блѣднѣть тѣни, ярче и ярче разгоралась заря на востокъ

и наконецъ появлялось солнце, чему мы всегда бывали очень рады, такъ какъ къ тому времени успѣвали продорваться до костей. Ставовилось теплѣе; иней докрывавшій землю быстро таялъ, ледъ на рѣчкахъ распухался, но мы еще долго продолжали свой путь и только часамъ къ восьми подходили къ какому-нибудь озеру и останавливались на привалъ.

На другой день мы остановились около киргизской могилы; предъ нами возвышалось большое глянцвое четырехугольное зданіе; въ одной изъ стѣнъ, восточной, были пробиты ворота и надъ ними высился громадный, традиціонный, мавританскій куполь. Около находилось нѣсколько маленькихъ могилъ, въ видѣ трехгранной усѣченной пирамиды. Эти могилы однѣ разнообразятъ степь и бывають часто очень оригинальной постройки.

Днемъ нашъ привалъ былъ оживленнѣе чѣмъ вечеромъ. Прежде всего надо было позаботиться о топливѣ, такъ какъ камыша мы болѣе уже не встрѣчали; мы отправлялись всѣ на поиски и выдергивали сухую подынь. Потомъ надо было достать воды. Съ каждымъ разомъ воды было все меньше, такъ какъ она быстро впитывалась въ землю. Озерки высыхали на нашихъ глазахъ; кромѣ того мы уже значительно подвинулись на югъ, гдѣ свѣтъ уже давно стоялъ и стало быть вода уже успѣла исчезнуть. Часто вода которую мы доставали была молочнаго цвѣта и какая-то густая, точно въ ней было раслущено что-то. Если мы останавливались на берегу порядочно большаго озера, то послѣ чая отправлялись охотиться, такъ какъ въ то время былъ перелетъ и на пустынныхъ, вѣкъ не тревожимыхъ озерахъ лавали тысячи птицъ. Никогда ни прежде, ни послѣ не видалъ я такого множества утокъ и гусей и намъ очень хотѣлось разнообразить ими хоть немножко свой скромный обѣдъ; впрочемъ охота была несчастлива и за все время мы не добыли ничего, то-есть мы нѣсколько разъ убивали утокъ, но онѣ падали въ воду, а такъ какъ мы не имѣли собаки, то и не могли ихъ достать.

Но вотъ наступилъ и третій день нашего путешествія; мы сдѣлали утренній привалъ, но Тереканъ еще не было. Но какво было наше удивленіе, когда послѣ вечернаго перехода мы расположились на ночлегъ въ открытомъ мѣстѣ. Кто-то предположилъ даже что насъ просто ведутъ въ лѣвѣ въ

Бухару. Майоръ употребилъ все свое краснорѣчiе и весь свой запасъ киргизскихъ словъ чтобъ узнать отъ проводниковъ близко ли Терекан, но не добился ничего.

Дѣлать было нечего; не вдалекѣ мы увидали киргизскiй аулъ и отправились его смотрѣть, взявъ съ собою одного изъ проводниковъ. При нашемъ приближенiи насъ чуть не съѣли двѣ собаки, пока какой-то Киргизъ не отогналъ ихъ. Мы вошли въ крайнюю кибитку. Бѣдность и грязь царствовали въ этомъ жилищѣ средне-азиатскаго кочевника. Кибитка, это родъ круглой палатки около двухъ сажень въ диаметръ. Рѣшетчатый остовъ изъ жердей обтягивается кошмой, сверху изъ жердей же конусообразно прикрѣпляется крышка и тоже обтягивается кошмой и связывается веревками. На самомъ верху конуса остается отверстiе для дыма, на ночь закрываемое четырехугольнымъ кускомъ войлока (тундукъ). Опытаыя киргизскiя женщины въ четверть часа разберутъ и соберутъ кибитку. Внутри на землѣ были постланы войлоки; три русскихъ сундука, покрытые ковриками, стояли около стѣнки, висѣлъ какой-то мѣхъ, вотъ и все. По срединѣ на треножникѣ висѣлъ котелъ; но въ немъ въ настоящее время не варилось ничего и подъ нимъ едва тлѣлъ огонекъ. Вѣсть о нашемъ прибытiи мигомъ разнеслась по всему аулу и въ кибитку набралось множество народа. Всюду мы видѣли рѣзкія, точно изъ бровей выцѣтыя фигуры, жиденькія, рѣдкія бороды, широко выдающіяся скулы и узкіе глаза. Двѣ безобразныя старухи сидѣли тутъ же. Миловидная киргизская дѣвушка жалась у выхода, зорко взглядывая на насъ черными глазками, когда этого никто не замѣчалъ, и лугаво куталась въ длинное бѣлое покрывало, когда мы въ свою очередь на нее смотрѣли. Мы сидѣли молча и только одинъ проводникъ тараторилъ съ Киргизами. Пробывъ десять минутъ мы встали; мой товарищъ далъ какую-то серебряную монету киргизскому мальчику и мы вышли, провожаемые почти всеми жителями аула, низко каанявшимися намъ вслѣдъ. Собаки давно уже охрипли отъ лая, улеглись около кибитки и молчали, глядя на насъ недоумѣвающими глазами. Потомъ нѣсколько Киргизовъ изъ аула пришли къ нашимъ проводникамъ и мы долго видѣли какъ они грѣлись у костра, расливая чай и разговаривая о чемъ-то.

Въ эту ночь насъ подняли раньше обыкновеннаго и мы отправились сердитые и недовольные, потому что это былъ

четвертый день нашего путешествія. Но этотъ день былъ и послѣдній; солнце только что взошло какъ Киргизъ вѣхавшій впереди подвигъ руку съ нагайкой кверху и указывая намъ на какое-то зданіе, чернѣвшееся на горизонтѣ, сказалъ: — Терекли манану (вотъ Терекли).

Наконецъ-то! Мы соскочили съ верблюдовъ и лѣшкомъ отъправились на станцію, по прибытіи на которую тотчасъ же легли спать, почти не вѣря что слымъ наконецъ на кроватяхъ, а не на промокнутой землѣ.

Со станціи Терекли мы поѣхали на колесахъ. Отсюда начинаются собственно наши средне-азиатскія владѣнія—Туркестанскій военный округъ. Этотъ округъ былъ образованъ въ концѣ 1866 года, послѣ цѣлаго ряда нашихъ побѣдъ, и открытъ въ іюлѣ 1867 года. Въ то время онъ состоялъ только изъ двухъ областей: Сыръ-Дарьинской и Семирѣченской. Но въ 1868 году, послѣ войны съ Бухарой, былъ присоединенъ Заревшанскій край; въ 1871 году Кульджинскій районъ; въ 1873 году, послѣ войны съ Хивой, Аму-Дарьинскій край и наконецъ въ 1875—76 году, послѣ покоренія Кокана, Ферганская область. Въ настоящее время наши средне-азиатскія владѣнія простираются слѣшкомъ на 100.000 квадратныхъ верстѣ.

Здѣсь, въ Терекли, кончилась наша хорошая ѣзда и порядочная станція; отсюда до границъ Семирѣченской области (1464 вер.) держитъ почту омскій купецъ Кузнецовъ. Впрочемъ этотъ трактъ такъ замѣчательнъ что я объ немъ буду говорить особо. Теперь уже на 1500 верстѣ не увидишь деревянныхъ станцій; все пойдутъ глиняныя мазанки. Въ нихъ для прѣзжающихъ маленькая комната, въ ней два стула, столъ, да вмѣсто кроватей вдоль обѣихъ стѣнъ сложены два глиняные заавка, на которыхъ можно отлично отломать бока; хотя они изъ приличія и покрыты какимъ-то коврикомъ, но этотъ коврикъ нисколько не сообщаетъ имъ мягкости, а служитъ только убѣжищемъ различнымъ насккомымъ.

Не совѣтую пить чай на станціи Терекли; тамъ замѣчательно соленая вода, такъ что нельзя выпить ни одного стакана. Впрочемъ ямщики разказывали мнѣ что они такъ привыкли къ этой водѣ, что когда прѣзжаютъ на другую станцію съ прѣсною водою, то всегда кладутъ въ чай щепотку соли.

Начиная съ Тереклай, во все время пути до Казалинска, намъ попададось по дорогѣ множество куролатокъ изъ породы обыкновенныхъ, сѣрыхъ, стелныхъ (*Pterocoles ageraius*, по-киргизски *пудрукъ*). Онѣ до того близко подлускали насъ что мы безо всякаго труда каждый день убивали достаточное количество ихъ себѣ на обѣдъ.

Къ ночи мы добрались до единственной, прекрасно, даже роскошно убранной станціи Константиновской, названной и устроенной такъ въ честь генераль-губернатора округа К. П. Кауфмана.

На другой день мы отправились дальше по мѣстности совершенно похожей на ту которую встрѣчали и раньше. Совершенно ровною, гладкою какъ скатерть, только кое-гдѣ покрытою прошлогоднею лынью, олять легла предъ нами стель. Погода все время стояла прекрасная, и въ полдень солнце грѣло уже довольно сильно. Воздухъ былъ до того чистъ и ясенъ что часто выѣзжая со станціи мы видѣли вдаль на горизонтѣ версты за 20 слишкомъ другую станцію. Дороги здѣсь уже совсѣмъ не было въ смыслѣ какой-нибудь определенной линіи, а просто мѣстность версты на двѣ въ ширину была испещрена грязными полосами съ глубокими колеями отъ экилажей и ямцику предоставлялось выбирать по его усмотрѣнію любую. Впрочемъ, онѣ ѣхалъ прямо, не разбирая ничего и только съ особенною тщательностью обходилъ затолканные соломы попадавшіеся на дорогѣ, такъ какъ, заѣхавъ туда, нельзя уже было выбраться. Достаточнымъ предостереженіемъ въ этомъ случаѣ служили встрѣчавшіеся тамъ и сямъ, уже завязнувшія, лустыя повозки. Здѣсь обыкновенно дѣлаютъ такъ: если ямцикъ завязнетъ въ солончакъ, то путешественникъ отправляется на станцію лѣшкомъ, лошади отпрягаются, а повозка оставляется въ солончакѣ до будущаго года. Въ степи ее все равно никто не украдетъ, а доставать было бы трудно, потому что солончакъ скоро до такой степени отвердѣваетъ что ее пришлось бы вырубать топоромъ.

Скоро это путешествіе нагнало на насъ совершенную хандру; начиная отъ Орска, вотъ уже на разстояніи около 600 верстъ, мы не видали буквально ни одного дерева. По ученію Зороастра, именно въ этомъ краѣ было жилище злаго духа, Аримана, возсѣдавшаго на мрачномъ чер-

вомъ тронѣ, поддерживаемомъ семью дивами или князьями тьмы. Жители солнечной страны, прекраснаго свѣтлаго Ирана, очевидно не могли смотрѣть на страну дикую, безводную и бездѣльную иначе, какъ на проклятую Богомъ. Но рядомъ съ этими безпріютными, мертвыми, лишенными всякой растительности мѣстами, есть такіе прекрасные оазисы, съ такою роскошною, почти тропическою природою, что Вамбери говоритъ: „Я долженъ замѣтить что богатствомъ и разнообразіемъ мѣстныхъ произведеній Туркестанъ на много превосходитъ извѣстныя намъ страны Европейской и Азіатской Турціи, Афганистана и Персіи. Да и вообще во всей Европѣ, столь благословенной и цвѣтущей въ другихъ отношеніяхъ, трудно найти страну которая могла бы сравниться со степною мѣстностью Туркестана.“ Вотъ эти-то оазисы постоянно привлекали сюда завоевателей всѣхъ странъ и народовъ и, начиная съ самой глубокой древности, нѣсколько разъ ярко вслыхивала и разцвѣтала здѣсь цивилизація. Въ XIV вѣкѣ Тимуръ своими завоеваніями образовалъ одну изъ громаднѣйшихъ державъ міра со столицею Самаркандомъ. Это была блестящая эпоха для Средней Азіи; въ то время, какъ говорятъ, мѣстность отъ Казалинска до Чимкента на разстояніи 824 верстъ по Сыръ-Дарьѣ представляла сплошной цвѣтущій садъ, такъ что соловей, перелархивая по вѣткамъ, и кошка, пробираясь по крышамъ домовъ, могли добраться до Араальскаго моря.

И какъ все это безслѣдно ушло, исчезло какъ во снѣ. И теперь этотъ край почти также мертвъ, дикъ и пустыненъ какъ нѣкогда вышелъ онъ изъ вѣдръ моря, и только въ самое послѣднее время, съ приходомъ сюда Русскихъ, замѣтемъ нѣкоторый поворотъ къ лучшему.

Но вотъ второй день какъ мы выѣхали съ Терекли близился къ концу и мѣстность предъ нами понемногу стала измѣняться. Намъ стали попадаться невысокіе плоскіе холмики, покрытые пескомъ на верхушкѣ. Какая-то песчаная горка, вся облитая золотомъ, вся сверкающая подъ послѣдними лучами заходящаго солнца, встала на самой нашей дорогѣ верстахъ въ двухъ. Но это былъ обманъ зрѣнія, такъ какъ мы не привыкли еще опредѣлять степныя разстоянія, и до горы, какъ сказалъ ямщикъ, было добрыхъ сорокъ верстъ. Дѣйствительно, сколько мы ни ѣхали, мы нисколько лови-

димому не приблизились къ ней; напротивъ: по мѣрѣ того какъ гасли солнечныя лучи, блѣднѣли и золотыя полосы по ея скатамъ, гора помутнѣла, потемнѣла и совсѣмъ ушла во мракъ. На другой день около полудня, когда мы проѣхали версть шестьдесятъ, мы увидели ее въ томъ же положеніи, но уже свали насъ. Дорога стала суше; вода и солонцы исчезли. Чаще и чаще стали попадаться небольшія пространства сплошь покрытыя чистымъ, бѣлымъ, сылучимъ пескомъ; песчаныя грядки пересѣкали самую дорогу, такъ что лошади съ трудомъ тащили нашъ тяжело нагруженный экипажъ. Мѣстность стала слегка холмистою.... Мы приближались къ знаменитымъ Кара-Кумскимъ пескамъ.

Въ Средней Азіи есть три системы большихъ песчаныхъ пространствъ: самая большая—это пески Кызыль-Кумъ (красный песокъ), затѣмъ Муюнь-Кумъ или Акъ-Кумъ (бѣлый песокъ) и наконецъ Кара-Кумъ (черный песокъ). Кара-Кумы всѣхъ меньше, хотя все-таки они представляютъ площадь въ нѣсколько тысячъ квадратныхъ верствъ. Сплошною полосой тянутся они отъ Сыръ-Дарьи къ сѣверу на 250 верствъ, достигая иногда въ ширину до 200 верствъ. Къ востоку отъ нихъ до озера Балхашъ тянется четвертое пустынное пространство Средней Азіи, отчасти песчаное, отчасти солонцовато-глинистое—Голодная Степь (Бекъ-лакъ-дала).

Кара-Кумы названы такъ не потому что въ нихъ находится черныи песокъ, а единственно вслѣдствіе своей дикости. Впрочемъ, и другіе пески не лучше. Во время нашего Хивинскаго похода, въ 1873 году, самая ужасная часть пути была та, когда Туркестанскому отряду пришлось проходить по южной части песковъ Кызыль-Кумъ.

Впрочемъ, пески все-таки лучше солончаковъ, которые представляютъ совершенно необитаемую пустыню. Въ пескахъ хотя нѣтъ нигдѣ ручьевъ и рѣчекъ, за то вездѣ неглубоко отъ поверхности есть вода и не трудно копать колодцы. Притомъ не всѣ пески подвижны, то-есть сылучи; часть ихъ заросла кустарникомъ и травой, и Киргизы даже кочуютъ здѣсь зимой, вопервыхъ, потому что въ пескахъ всегда меньше снѣгу, а вовторыхъ потому что мѣстность вслѣдствіе бархановъ (песчаныхъ бугровъ) хоть немного холмиста и сколько-нибудь защищаетъ отъ сѣвернаго холоднаго вѣтра.

Четыре станціи расположены въ Кара-Кумахъ отданы въ аренду Киргизамъ. Обыкновенно гдѣ-нибудь между двухъ высокихъ бархановъ ютится главный станціонный домикъ, а около него нѣсколько кибитокъ съ хозяевами Киргизами. Кстати, я долженъ здѣсь замѣтить что мы совершенно неправильно называемъ Киргизами жителей Средней Азии; по крайней мѣрѣ масса кочевниковъ отъ Каспія до Алатау это има совершенно неизвѣстно. Они сами называютъ себя казакъами (по-тюркски—бездомный бродяга); мы же назвали ихъ сначала Киргизъ-казаками, потомъ Киргизъ-кайсаками, а потомъ и просто Киргизами. Собственно же Киргизами (кръзь) называется народъ совсѣмъ иного племени, кочующій около Иссыкъ-Куля и южнѣе его за Тянь-Шаномъ и на Памирѣ. Мы же называемъ ихъ Кара-Киргизами или черными Киргизами, потому что управители ихъ (маматы) простаго происхожденія, а не „бѣлой кости“, какъ султаны у Киргизъ-казакъовъ. Это совершенно дикій народъ и производитъ себя отъ какой-то красной собаки.

Что же касается до Киргизъ-казакъовъ, которыхъ и я для краткости буду называть просто Киргизами, то я люблю этотъ лѣнивый, алатичный, но добродушный народъ; онъ чуждъ фанатизма, несмотря на то что исповѣдуетъ мусульманство, и охотно признаетъ превосходство Русскихъ.

На станціи Куль-Кудукъ намъ заложили верблюдовъ, такъ какъ по пескамъ на лошадяхъ ѣздить невозможно, и такимъ образомъ мы опять имѣли удовольствіе встрѣтиться съ этими милыми животными. Если верблюдъ неудобенъ подъ верхомъ, то еще неудобнѣе онъ въ упряжи. Наша тройка рѣшила всю дорогу то вмѣстѣ, то поодиночкѣ, и часто оставалась оттого что то одинъ, то другой верблюдъ ложился на землю и не хотѣлъ вставать, несмотря на всѣ пощипанія. Конечно, ѣхали мы шагомъ и десять верстъ до станціи Николаевской проѣхали въ четыре часа. Впрочемъ, бѣольшую часть дороги мы шли лѣшкомъ. Два раза закладывали намъ верблюдовъ и два раза лошадей, и такимъ образомъ въ сутки съ небольшимъ проѣхали мы Кара-Куму, которые захватили дорогу на разстояніи шестидесяти верстъ. Не весела дорога въ пескахъ: кругомъ со всѣхъ сторонъ возвышаются барханы, крутые съ одной стороны, отлогіе съ другой, навѣтренной, и съ этой стороны покрытые рябью, какъ волны. Вообще поверхность

сыпучихъ песковъ очень напоминаетъ поверхность моря во время волненія. Нога вязла до колѣна, несмотря на то что мы ѣхали въ лучшее время года, весной, когда песокъ пропитавъ водою и трудно подвиженъ. Что же лѣтомъ, когда въ воздухѣ носятся міриады насекомыхъ, когда малѣйшій вѣтеръ поднимаетъ цѣлыя тучи песчаной пыли, когда ѣдешь точно раскаленною печью и песокъ нагревается до того что рука приложенная къ нему въ одну минуту покрывается лузырями. Тамъ и сямъ по дорогѣ валялись лошадиные и верблюжьи скелеты; вѣтеръ и солнце убѣдили ихъ до степени сѣвжной бѣлизны и они представляли собой настоящее cemento mori въ пустынѣ. Съ третьей станціи Алты-Кудукъ мѣстность начала понижаться; появились прошлогодніе кусты саксауда и колючки, камыша и еще какого-то растенія въ родѣ камыша, которое называется *чій*; въ воздухѣ похолодѣло, множество раковинъ стало попадаться на дорогѣ и наковецъ, когда мы подѣхали къ четвертой Кара-Кумской станціи Акъ-Джулакъ, предъ нашими глазами заблестѣлъ оцневой ледяной покровъ Аральскаго моря.

Только около береговъ на разстояніи версты была вода. Дорога около десяти верстъ идетъ самымъ берегомъ моря, которое подходитъ сюда своимъ заливомъ Сары-Чегонакъ. Потомъ мы повернули къ востоку. Мѣстность опять пошла песчаная, иногда глинистая, съ большими солонцами. Насъ сильно дожималъ кромѣ того сѣверный и сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій въ этихъ мѣстахъ, особенно въ низовьяхъ Сыра, съ особенною силой. Между тѣмъ немного далѣе, въ среднемъ теченіи Сыръ-Дарьи, вѣтровъ совсѣмъ не бываетъ. Днемъ солнце грѣло очень сильно, между тѣмъ какъ ночью ртуть спускалась до—2°—3°. Вслѣдствіе жары и постоянного вѣтра мы совершенно загорѣли и кожа на лицѣ нѣсколько разъ прижималась у насъ дулитися. На станціи всегда узнавали что мы ѣдемъ въ степи въ первый разъ, оттого что на загорѣвшемъ темномъ лицѣ рѣзко выдавался защищенный фуражкой совершенно бѣлый лобъ. Несмотря на то что окрестности Аральскаго моря расположены между 43°—47° сѣверной широты, то-есть одинаковы со Среднею Италіей, климатъ здѣсь вовсе не италіянскій. Морозы зимою доходятъ здѣсь до—35°, а жары лѣтомъ до 40° на солнцѣ. Снѣга зимой падаетъ здѣсь очень мало и распутица

въ Туркестанскомъ округѣ считается тогда когда у насъ въ Россіи бываетъ зима, съ 15 ноября по 1 апрѣля.

На послѣдней станціи предѣ Казалинскомъ, Юнѣйской, съ нами повторилась та же исторія что около Орска. Смотритель объявилъ что ѣхать далѣе опасно, такъ какъ около Казалинска разлились арыки, и что повтому не худо бы перепочевать на станціи.

— Къ тому же, прибавилъ онъ,—вамъ слѣзть нечего; все равно придется сидѣть въ Казалинскѣ; Сыръ-Дарья разлилась и не пуститъ васъ дальше.

Тилууъ бы тебѣ на языкъ, отъ души подумалъ я въ эту минуту.

Такъ какъ воды въ Средней Азіи мало, то орошеніе производится ирригаціонною системою, посредствомъ арыковъ (каналовъ). Главныя арыки проводятся изъ рѣкъ и озеръ; отъ нихъ идутъ второстепенныя и т. д., кончая маленькими канавками, которыя каждый житель проводитъ на свои поля и сады. Когда же воды не надо, то арыкъ просто закладываютъ кускомъ глины. Въ главныхъ арыкахъ вода держится круглый годъ, но съ конца октября уровень ея понижается. Теперь, вслѣдствіе разлива Сыръ-Дарьи, откуда идутъ всѣ арыки около Казалинска, они были полнеховъки водой. Мы ничего не выиграли тѣмъ что дочевали. Несмотря на то что мы ложились днемъ, мы завязли два раза: одинъ разъ выбрались скоро, за то въ другой разъ арыкъ попался глубокий и мы просидѣли три часа, просидѣли бы и больше, но намъ наконецъ наскучило и мы ушли лѣшкомъ въ Казалинскъ, откуда уже прислали Киргизовъ на подмогу.

V. Отъ Казалинска (фортъ № 1) до Кармакчи (фортъ № 2) (174²/₄ в.).

Предсказаніе смотрителя исполнилось только отчасти, и мы пробыли въ Казалинскѣ всего два дня. Сообщеніе уже началось, но путешественниковъ скопилась масса и мы должны были ждать своей очереди. Впрочемъ, мы нисколько не жалѣли что пробыли два дня; мы отдохнули съ дороги, которая порядкомъ-таки насъ измучила, были въ банѣ и даже два раза ѣли горячій супъ, роскошь не всегда возможная

или вѣрнѣе сказать почти всегда невозможная во время путешествія по Средней Азии. Въ городѣ есть прекрасная гостиница, гдѣ мы и остановились, много лавокъ и магазиновъ, въ которыхъ накупили всякой-всячины изъ провизіи, наученные горькимъ опытомъ.

Казалинскъ расположенъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, въ тридцати верстахъ отъ владенія ея въ Аральское море и построенъ генераломъ Перовскимъ въ 1853 году. Хотя въ городѣ считается только 10.000 жителей, но это одинъ изъ немногихъ городовъ Средней Азии который имѣетъ будущность, такъ какъ большая часть каравановъ изъ Хивы и Бухары идутъ на него. На видъ онъ довольно красивъ, хотя и построенъ весь изъ глины; особенно порадовали насъ деревья, ряды пирамидальныхъ тополей, которыми окруженъ Казалинскъ. Городъ кажется очень оживленнымъ; множество туземцевъ толкуются на базарѣ, преимущественно Сартовъ. Слово Сартъ не значитъ названіе племени, а только профессіи; Сартами называютъ здѣсь торговцевъ къ какому бы племени они ни принадлежали. На взглядъ впрочемъ ихъ никакъ не отличишь отъ Киргизовъ, такъ какъ одѣты всѣ одинаково. Главную роль въ одѣждѣ средне-азиатскаго кочевника играетъ халатъ (халатъ); онъ дѣлается изъ ситца или бумажной или полусемяковой матеріи; чисто шелковые запрещены Кораномъ. Преимущественно господствуетъ въ стели ситецъ русскаго издѣлія, который не удастся вытѣснить никакимъ Англичанамъ, по причинѣ его дешевизны; конечно, онъ и льнучъ, и рѣдокъ, и гниль, но за то расписанъ яркими цвѣтами, а главное „чухъ, чухъ!“ то-есть такъ наощенъ что шумить при каждомъ движеніи. И Киргизъ гордо гарцуетъ на своей клячѣ предъ завистливыми товарищами одѣтый въ такой ситецъ и далеко по всей стели распространяется слава про русскаго торговца умѣвшаго такъ хорошо угодить на киргизскій вкусъ.... Халаты дѣлаются безобразно длинны и безобразно широки; рукава длиннѣе рукъ на цѣлый аршинъ, потому что когда ѣдешь въ гости или къ начальнику, то показывать руки считается верхомъ неприличія; онѣ должны быть спрятаны въ рукавахъ и сложены на животѣ. Всѣ халаты подбиты ватой, даже лѣтомъ, а зимой, если холодно, Киргизъ надѣваетъ другой халатъ, на него третій и т. д., такъ что въ стели не говорятъ: „холодъ во столько-то градусовъ“, а говорятъ: „холодъ въ два халата, холодъ въ три халата...“ Подъ халатомъ

кто побогаче носить рубашку, по шаріату (духовному закону) до пятъ, а кто побѣднѣе, тотъ надѣваетъ халатъ прямо на голое тѣло. На бритой головѣ тибетейка и на ней войлочная шапка дѣтомъ, или мѣховая, мѣхомъ внизъ (малахат), зимою. Салоги и шаровары изъ бараньей кожи докладываютъ убранство Киргиза. На кожаномъ поясѣ виситъ всякая дрянь: мѣшечки, сумочки съ ножомъ, огнивомъ, кремнемъ, тамгами (печатами), которыя прикладываются здѣсь вмѣсто подлиси. Женщины одѣты такъ же какъ мужчины, только халатъ онѣ закидываютъ за голову, которую сверхъ того покрываютъ бѣлымъ локрываломъ. Кокетство киргизской „кысь“ (дѣвушки) состоитъ въ замѣчательно бѣломъ цвѣтѣ лица, сначала природномъ, а потомъ поддерживаемомъ различными притираніями. Все же кокетство Киргиза состоитъ въ томъ что онъ щипчиками выдергиваетъ себѣ усы, оставляя только узкую полоску (преимущественно впрочемъ Туркмены).

Какъ одинакова одежда Киргиза, такъ одинакова и лица его; знаменитый паллау (палафъ) ѣсть и лервый киргизскій сутанъ, и послѣдній байгушъ (бѣднякъ), съ тою только разницею что богатый ѣсть его когда захочетъ, а бѣдный когда можетъ. Киргизы истребляютъ плоды въ страшномъ количествѣ; хлѣба у нихъ нѣтъ, а вмѣсто хлѣба у нихъ служатъ прѣсные пшеничныя лепешки (кульча). Изъ напитковъ преимущественно употребляются чай и кумысъ; сначала я не могъ въ ротъ взять кумыса, но въ послѣдствіи чрезвычайно пристрастился къ нему; въ жаркое время года это лучшее прохлаждающее, только сохранять его надо умѣючи: онъ такъ крѣпокъ что часто разрываетъ бутылки.

Мнѣ не спалось въ Казалинкѣ, и я поздно вечеромъ взялъ извозчика (отставнаго солдата, съ кокардой на фуражкѣ) и велѣлъ везти себя на Сыръ-Дарью. Спустившись съ обрыва, я часа два просидѣлъ у самой воды. Изъ-за рѣки неслись различныя звуки; слышались и лай собаки и голосъ человѣка, кое-гдѣ вдалекѣ мигали огоньки, — тамъ были расположены киргизскіе аулы; дикія утки кричали иногда въ прибрежныхъ камышахъ; прямо предо мной тяжело катились мутныя волны пустынной рѣки, догоняла и перегоняла одна другую или съ глухимъ ролотомъ умирали, расплескиваясь предъ моими ногами... Теперь Сыръ-Дарья вся наша; она начинается неиз-

мѣсто гдѣ, въ глубинѣ Тянь-Шаня, со страшной высоты 18.000 футовъ, и сначала не течетъ, а просто прыгаетъ по камнямъ со скоростью восьми верстъ въ часъ; потомъ скорость ея уменьшается и у Казаинска равняется только тремъ верстамъ. Устье ея—самое мелкое мѣсто на всемъ Аральскомъ морѣ.

Пароходство заведено на Сыръ-Дарьѣ въ 1853 году, въ годъ основанія Казаинска. Сначала были привезены сюда морской пароходъ *Перовскій* въ 40 силъ и паровой катеръ *Обручевъ* въ 12 силъ. Но оба они не могли совладать съ теченьемъ и оказались безсильными на быстрой рѣкѣ. Тогда изъ Америки былъ привезенъ специально сдѣланный для Сыръ-Дарьѣ пароходъ *Самаркандъ*. Онъ оказался наконецъ удобнымъ и теперь вмѣстѣ съ другими совершаетъ рейсы между Казаинскомъ и Чиназомъ (1640 верстъ).

Отъ Казаинска путь нашъ лежалъ къ юго-востоку въ направленіи Сыръ-Дарьѣ. Почта проведена изъ Казаинска до Тюмень-арыка 1 января 1866 года, а на это урочище годомъ раньше чрезъ Чимкентъ изъ Ташкента. На первыхъ двухъ станціяхъ было много воды, но потомъ дорога пошла прекрасная; съ правой стороны постоянно мелькала Сыръ-Дарьѣ, то исчезая въ крутыхъ берегахъ, то снова показываясь. Непроходимы заросли камыша окружали ее; въ этихъ заросляхъ зимою кочуютъ Киргизы, а лѣтомъ живутъ тигры. Вѣрнѣе сказать: жиаи, оттого что теперь про нихъ ничего не слышно, а прежде, говорить, пошалаивали, то-есть таскали скотъ у Киргизовъ. Признаюсь, часто по вечерамъ я невольно думалъ что еслибы какому-нибудь *Жудль-барсу* (тигру) вздумалось провѣдать кто ѣдетъ, то мы не могли бы оказать ему приличной встрѣчи, потому что уже спрятали револьверы и имѣли только ружье, да и то 'заряженое мелкою дробью.

Киргизы въ камышахъ кочевали бы и лѣтомъ, но по Сыръ-Дарьѣ такъ много комаровъ что тутъ не только кочевать, но и часъ пробыть нельзя.

Начала намъ попадаться и зеленъ, и чѣмъ дальше мы ѣхали къ югу тѣмъ больше. Какія-то растенія изъ семейства *Gnaphalium*, съ узкими, длинными листиками, не больше какъ на четверть высунулись изъ земаи, а уже верхушки ихъ пожелтели и поблекли. Чаще и чаще стали встрѣчаться кустики колючки (*Xanthium spinosum*). Этотъ кустарникъ кажется и состоитъ только изъ шиловъ, такъ что верхомъ можно вздѣть здѣсь не иначе какъ въ чембарахъ (шарова-

рахъ изъ бараньей кожи, выкрашенныхъ въ красный или черный цвѣтъ). Вообще то время когда мы ѣхали самое лучшее въ этомъ краѣ: въ мартѣ распускаются деревья и земля покрывается зеленью; апрѣль мѣсяцъ здѣсь прекрасный, но уже съ половиною мая жары доходятъ до 45° и вся трава сгараетъ. Тощую, чахлаю зелень можно тогда встрѣтить только около рѣчекъ и колодезь, да въ горахъ. Въ юнѣ и юлѣ все пусто и мертво, только вольный пустынный вѣтеръ гуляетъ взадъ и впередъ, подымая тучи песку и вѣткой солевой пыли, да свободно бѣгаютъ по степи однѣ ядовитыя фаланги...

Далѣе до Кармакчи мы ѣхали безо всякихъ приключеній, но только страшно медленно. Знаменитое правило древнихъ мудрецовъ *festina lente* вполнѣ примѣнимо къ Туркестанскому краю. И мы действительно „слѣшили медленно“, до того медленно что часто дѣлали въ сутки не болѣе 50 верстъ. Кузнецовскій трактъ самый несчастный трактъ; кто виновать, неизвѣстно; самъ содержатель, есаубы не былъ связанъ контрактомъ, давно бы бросилъ этотъ трактъ, такъ какъ овъ ему идетъ въ убытокъ. Всего болѣе виновата природа, потому что въ мѣстности гдѣ часто ни за какія деньги нельзя достать ни воды, ни корму, трудно содержать исправныхъ лошадей. Конечно, за все приходится расплачиваться проезжающимъ. Задержки на станціяхъ безпрестанныя: то должны лошадей кормить, прежде чѣмъ запрагать; то лошади угнаны въ степь на подвожный кормъ, часто за 10, 15 верстъ. Лошади худы до невозможности; это какіе-то остовы лошадей. Когда ихъ только ведутъ еще запрагать, ови и то едва летутся нога за ногу. Смотрителямъ, надо отдать имъ справедливость, дѣлаютъ все возможное чтобы помочь проезжающимъ. Намъ часто запрагали лять лошадей, вмѣсто трехъ, но ничего не помогало; верстъ чрезъ 10 какая-нибудь лошадь уставала и не везла, а только тормозила собой экилажъ; ее отпиргали, бросали и отправлялись дальше, а оставленное животное, понуривъ голову, брело назадъ на станцію. Чрезъ нѣсколько верстъ повторялась та же исторія... Часто, выѣхавъ на латерикъ, мы приходили на станцію лѣшкомъ и уже оттуда посылали за экилажемъ. Дошло до того что на одной станціи намъ заложили верблюдовъ; мы сначала не могли понять что это значитъ, такъ какъ дорога была прекрасная и представляла родъ превосходнаго природнаго

шоссе, но загадка скоро объяснилась. Смотритель повелъ насъ въ конюшню и мы увидѣли полный комплектъ лошадей, восемь троекъ, которыя всѣ были такъ истощены что лежали на землѣ. Нечего было дѣлать; станція была большая (25 верстъ) и мы потеряли прекрасный, длинный, весенній день на этотъ переѣздъ. За то въ этотъ разъ я убилъ прекраснаго чернаго орла; мнѣ давно хотѣлось шить чучелу этой птицы, но они сравнительно встрѣчаются очень рѣдко. Орелъ сидѣлъ на высокой копьѣ изъ сухихъ сучьевъ и гайвъ земли и глины, которыя служатъ здѣсь указателями дороги. Человѣкъ очень рѣдкій гость въ степи и потому орелъ подпустилъ меня на 20 шаговъ и только тогда тяжело поднялся и полетѣлъ прямо вверхъ, но было уже поздно; я выстрѣлилъ, и великолѣпная птица, свернувъ распушенные крылья, тихо легла подъ ударомъ... Онъ былъ весь черный, съ сѣрыми перьями на груди. Длина его крыльевъ равнялась 1 арш. 10 вершкамъ.

На всѣхъ станціяхъ заведены жалобныя книги; но жалобы никогда не разсѣдуются, да и не могутъ разсѣдываться съ достаточною правильностію. Теперь на эти книги никто не обращаетъ вниманія или лишутъ въ нихъ ради куріоза какую-нибудь челуху. Въ какомъ-то сочиненіи читаю я любозытные обрацики туркестанскихъ жалобъ. Такъ одинъ священникъ, котораго заставили просидѣть двое сутокъ на станціи, трогательно описалъ, отъ нечего дѣлать, восходъ и закатъ солнца въ степи. Въ другой разъ на листахъ жалобной книги было разыграно нѣсколько пулекъ въ преферансъ. Проѣзжающіе офицеры подписались подъ итогами что они нарочно оставили это доказательство того какъ долго сидѣли они на станціи, такъ какъ четыре пульки скоро разыграть нельзя. Мнѣ самому попадалось нѣсколько оригинальныхъ жалобъ французскаго уполномоченнаго de M., посланнаго какимъ-то парижскимъ Географическимъ Обществомъ съ ученою цѣлью въ центральную Азію. Впечатлительный Французъ такъ ошалѣлъ отъ нашихъ дорогъ и нашихъ порядковъ что кричалъ, ругался, выходилъ изъ себя; но такъ какъ вся его горячность разбивалась о непоколебимое, чисто философское хладнокровіе станціонныхъ смотрителей, то бѣднакъ кончилъ тѣмъ что на одной станціи не шутя хотѣлъ зарѣзаться.

VI. Отъ Кармакчи до форта Перовскаго
(178 верстъ).

Фортъ № 24 (Кармакчи) основанъ Перовскимъ въ 1853 году и расположенъ на правомъ берегу Сыръ-Дарьи, при владеніи въ нее рѣчки Кара-Узакъ. Невысокая эслаанада въ видѣ насыпи съ червѣющими на ней пушками, церковь, казармы, куча глиняныхъ мазанокъ.... вотъ и весь фортъ. Сказать про него просто что это скверный городишка, и то значитъ сдѣлать ему совершенно незаслуженный комплиментъ. Поэтому чѣмъ меньше мы будемъ говорить про него, тѣмъ лучше. Мимо, читатель, мимо!...

Дорога отъ Кармакчи до Перовска далеко отходить отъ Сыръ-Дарьи, образуетъ крутую дугу, потому что берега Сыръ-Дарьи (по обоимъ ея русламъ) въ этомъ мѣстѣ окружены болотами и поросли непроницаемою чащею тростника, камыша (*Arundo phragmetis*), чіа (*Luziagrostis splendens*) и чингилы (*Astragalus arenarius*). Эти заросли доставляютъ при-вольное убѣжище барсамъ, тиграмъ и цѣлымъ стадамъ кабановъ. Тучи комаровъ постоянно носятъ въ воздухѣ. Хотя тигры стали встрѣчаться здѣсь гораздо рѣже со времени прихода Русскихъ, но все-таки мы два видѣли какіе-то подозрительные слѣды пересѣкавшіе дорогу; большіе, круглые, они рельефно отпечатывались на мягкой почвѣ, и ямщикъ увѣрялъ что это слѣды тигра. Впрочемъ, мы отдѣлались только страхомъ, и я даже думаю теперь что это были слѣды вербаюда.

Съ берега Сыръ-Дарьи камыши и болота постепенно даютъ мѣсто саксауловымъ лѣсамъ, которые тянутся здѣсь на громадное разстояніе, слишкомъ на двѣсти верстъ, почти до укрѣпленія Джулекъ; сплошной же полосой идутъ они только до Перовска. Дорога пролегаетъ по самой срединѣ ихъ и такъ узка что два экилажа не могутъ разѣхаться. Собственно это не лѣса; ни одно дерево не превышаетъ здѣсь трехъ саженъ высоты, но несмотря на то глазъ, привыкшій къ утомительному однообразію безконечной степи, съ удовольствіемъ отдыхаетъ при видѣ ихъ. Здѣсь преобладаютъ только двѣ древесныя породы; вопервыхъ, джида (*Elaeagnus angustifolius*) дерево изъ породы финиковыхъ, съ гладкими

листиками, длинными, гибкими вѣтвями и ягодами, которыми питаются фазаны и затѣмъ саксаулъ (*Halimodendron ammodendron*) самый характеристическій представитель здѣшней песчаной и солонцоватой почвы. У него какіе-то особенные, мягкіе листики, торчащіе кверху. Его стволъ и корень изжелта-чернаго цвѣта, смолисты и перелаетены узлами какъ змѣи. Онъ очень тяжелъ и до того крѣпокъ что не поддается ни пилю, ни топору, и въ то же время такъ хрупокъ что брошенный на землю разлетается на куски. Саксауловыя дрова доставляютъ идеальное топливо. Сухія ли, сырыя ли, они скоро всыхиваютъ и сгораютъ ярко, свѣтло, съ сильнымъ пламенемъ, оставляя твердый уголь, долго, почти цѣлыя сутки, сохраняющій жаръ. Въ настоящее время саксауломъ оталливается Аральская флотація; для этого на берегу въ разныхъ мѣстахъ сложены большія полѣнницы этихъ дровъ, которыя впрочемъ часто растаскиваются Киргизами. Такъ какъ мы привыкли дѣлать все на широкую руку, то саксауловыя дѣла уже значительно порѣдѣли, что очень жаль, такъ какъ саксаулъ растетъ очень медленно и, будучи вырубленъ, вырастаетъ, по словамъ Киргизовъ, не ранѣе какъ чрезъ сто лѣтъ. По всему вѣроятію лѣтъ чрезъ пятьдесятъ отъ этихъ дѣсовъ останется одно пріятное воспоминаніе. Всякій свободный клочекъ земли между джидой и саксауломъ поросъ кустами колючки (*Xanthium spinosum*) до такой степени что невозможно продрасться. За то здѣсь водится множество фазановъ, куропатокъ и рябчиковъ. Не видавъ никогда человѣка они чрезвычайно ручны и подпускаютъ къ себѣ на нѣсколько шаговъ. Особенно красивы здѣсь фазаны, впрочемъ обыкновеннаго кавказскаго тѣла (*Phasianus mongolicus*).

До Перовска мы доѣхали скоро, меньше чѣмъ въ двое сутокъ, потому что ѣхали и ночью. Ночь выдалась тихая и теплая. Луны не было, но звѣзды до того ярко свѣтили на небѣ что отъ кустиковъ саксаула и колючки легли по дорогѣ длинныя тѣни. Уже по звѣздамъ можно было видѣть что мы значительно подвинулись къ югу; съ правой стороны надъ горизонтомъ всплыла цѣлая масса новыхъ звѣздъ и созвѣздій, совершенно незнакомыхъ мѣ, а знакомыхъ, сѣверныхъ звѣзды значительно перемѣнили свое положеніе.

VII. Отъ форта Перовскаго до укрѣпленія Джулекъ (108 верстъ).

Фортъ Перовскій основанъ генераломъ Перовскимъ въ 1853 году. Мы видѣли городъ только мелькомъ, такъ какъ останавливались на станціи всего часа на два. Городъ довольно чистъ и привлекателенъ на видъ и построенъ на мѣстѣ разрушенной нами коканской крѣпости Акъ-Мечети. Онъ имѣетъ хорошую церковь, и что чрезвычайно скрашиваетъ его—порядочный общественный садъ. Во время нашей остановки мы послали купить себѣ чего-нибудь съѣстнаго, но было уже поздно и многія лавки были закрыты, такъ что намъ достали только сушеного урюку и кишмишу, чѣмъ и предстояло намъ питаться цѣлыя сутки до Джулека, а можетъ-быть и до самаго Туркестана.

Дорога первая три версты отъ города пролегаетъ по глинистой почвѣ; недавно во время весенней распутицы она была страшно разбита проходившими караванами и огромныя ноги верблюдовъ оставили на ней глубокіе слѣды. Теперь, когда все это высохло и затвердѣло какъ камень отъ солнечнаго жара, дорога представляла цѣлый рядъ глубокихъ ямъ и ямокъ и точки были до такой степени несносны что мы бросили все и пошли пѣшкомъ. Потомъ почва стала снова песчаная и дорога сдѣлалась лучше.

На другой день было Благовѣщеніе и мы выѣхали пораньше, чтобы къ ночи добраться до Джулека. Погода была прекрасная, только уже съ утра чрезвычайно жаркая. Дорога шла тѣсомъ, какъ и до Перовскаго, но чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ этотъ тѣсъ рѣдѣлъ больше и больше. Справа онъ попрежнему доходилъ до Сыръ-Дарьинскихъ камышей, но слѣва намъ начали попадаться большія свободныя пространства покрытыя пескомъ и подалее видѣлась совершенно голая песчаная степь. Здѣсь на простаранствѣ между Перовскимъ и Джулекомъ подходятъ слѣва къ дорогѣ лески Муонъ-Кумъ. Дорога часто шла какими-то ложбинами, по обѣимъ сторонамъ которыхъ поднимались невысокіе песчаные холмики поросшіе саксаудомъ. Со второй станціи вдругъ поднялся вѣтеръ; онъ дулъ порывами, сильно и быстро и въ какую-нибудь четверть часа дошелъ до степени

настоящаго урагана. Песокъ полетѣлъ и закружился. Молодыя, гибкія деревья джиды со свистомъ склонялись до самой земли; сучья саксауды трещали и ломались. Вѣтеръ былъ до того быстръ что песокъ не успѣвалъ летѣть за нимъ и часто порывъ вѣтра проносился надъ деревьями и уже былъ далеко, и только тогда густою тучей устремлялся песокъ. Со всѣхъ сторонъ полетѣлъ песокъ къ намъ въ кибитку. Въ воздухѣ стало еще жарче, несмотря на вѣтеръ; горячій песокъ и такая горько-соленая пыль отъ соседнихъ солончаковъ били намъ въ лицо, раздражая кожу и производя какой-то неприятный зудъ и щекотаніе. Все небо было покрыто какими-то песчаными облаками.

Надѣво въ пескахъ мы увидали оригинальное зрѣлище.

Далеко отъ насъ въ разныхъ мѣстахъ быстро кружились по степи песчаные смерчи; ихъ было три; они походили на гигантскія воронки и казались какими-то громадными, сверхъестественными существами, носившимися съ мѣста на мѣсто. Иногда порывъ вѣтра наклонялъ ихъ въ сторону; они наклонялись, но потомъ снова выпрямлялись и быстро летѣли впередъ, отбрасывая отъ себя во всѣ стороны облака мелкаго песку. Это была чудная картина, дикое великолѣпіе которой я помню до сихъ поръ такъ ярко какъ будто это случилось только вчера. Мы любовались зрѣлищемъ нѣсколько времени, вовсе не думая объ опасности которой подвергались еслибы смерчи вмѣсто того чтобы кружиться по равнинѣ налетѣли на насъ. По всей вѣроятности, отъ насъ и нашего экипажа не осталось бы тогда и слѣда; но смерчи постелевно отдалялись и дѣлались меньше и меньше. Мы выѣхали въ глубокую ложбину, и когда выѣхали изъ нея, то уже не видали ихъ больше. Такимъ образомъ, намъ пришлось видѣть слабый обрацикъ тролическихъ циклоновъ и тифоновъ.

Скоро вѣтеръ сталъ стихать такъ же быстро какъ и начался. Ураганъ пролетѣлъ мимо. Всею своею массою онъ обрушился на соседніе Муюнь-Кумскіе пески и насъ задѣлъ только краемъ. Черезъ часъ все было тихо; солнце ярко светило попрежнему, и вѣтви деревьевъ даже не шевелились. Только какъ воспоминаніе объ ураганѣ, въ кибиткѣ у насъ массою лежалъ песокъ и толстымъ слоемъ покрывалъ наше платье, да по дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ легли новыя, свѣже всхожденныя песчаныя грядки и заносы. Кусты сак-

саула тоже густо были покрыты лескомъ и освѣщенная солнцемъ серебристая зелень джиды была точно пересылана золотою пылью.

Въ тотъ же день мы познакомились съ другимъ тоже невиданнымъ еще нами зрѣлищемъ. Часовъ около 4 дня, когда жара достигала своего апогея, мы увидали далеко вѣво на самомъ краю горизонта ярко блестящую синевою широкую полосу воды. По картамъ мы знали что въ этомъ мѣстѣ нѣтъ ни озера, ни рѣки, а между тѣмъ вода была предъ нами и берега ея окаймляли ряды прекрасныхъ, зеленыхъ деревьевъ. Все это какъ бы дрожало и прыгало въ мягкомъ, знойномъ воздухѣ. Это былъ миражъ. Ямщикъ сказалъ что это ничего, „такъ“, какъ онъ выразился, и что это часто бываетъ здѣсь, причемъ иногда видны вода и деревья, а иногда города и башни или караваны верблюдовъ. Миражъ продолжался минутъ пять, потомъ на солнце набѣжала тучка и миражъ исчезъ внезапно, это я могу сказать съ полною увѣренностью, такъ какъ во все время не спускалъ съ него глазъ.

Къ вечеру погода стала портиться. Появились тучки и наконецъ пошелъ мелкій дождь, первый и единственный во все время нашего путешествія. Должно-быть ураганъ привелъ въ движеніе атмосферу и нагналъ облака или это было слѣдствіемъ большихъ пространствъ занятыхъ растительностью.

На мгновеніе цѣль облаковъ разорвалась, и мы увидали предъ собою большую темную массу, полосой протянувшуюся вдаль. Она оставалась неподвижною и по ея прихотливо изрѣзанной верхушкѣ ползли болѣе свѣтлая сѣровая облака. Ямщикъ, привставъ съ козелъ и показавъ намъ нагайкою на эту массу, сказалъ:

— Кара-Тау!..

Наконецъ-то! Значитъ скучная половина нашего пути уже легла за нами. Утомляющее однообразіе степи кончилось. Полоса видѣнная нами были первыя горы, горный хребетъ Кара-Тау. Теперь горы пойдутъ сопровождать насъ до самой Кульджи. Дорога пойдетъ веселѣй.

(До слѣдующаго №.)

И. ЗАРУБИНЪ.

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА ВОСЬМАЯ

М И Т Я

V.

Внезапное рѣшеніе.

Та сидѣла въ кухнѣ съ бабушкой, обѣ собирались ложиться спать. Надѣясь на Назара Ивановича, онѣ изнутри опять таки не залерлись. Митя вбѣжалъ, кинулся на Фею и крѣпко схватилъ ее за горло.

— Говори сейчасъ, гдѣ она, съ кѣмъ теперь въ Мокромъ? завопилъ онъ въ изступленіи.

Обѣ женщины взвизгнули.

— Аѣ скажу, аѣ, голубчикъ Дмитрій Федоровичъ, сейчасъ все скажу, ничего не лотаю, прокричала скороговоркой на смерть испуганная Фея:—она въ Мокрое къ офицеру поѣхала.

— Къ какому офицеру? вопилъ Митя.

— Къ прежнему офицеру, къ тому самому, къ прежнему своему, лать лѣтъ тому который былъ, бросилъ и уѣхалъ, тою же скороговоркой протрецала Фея.

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 1, 2, 4, 5, 8, 9 и 10ѣ.

Дмитрій Федоровичъ отнялъ руки, которыми сжималъ ей горло. Онъ стоялъ предъ нею блѣдный какъ мертвецъ и безгласный, но по глазамъ его было видно что онъ все разомъ понялъ, все, все разомъ съ полслова понялъ до послѣдней черточки и обо всемъ догадался. Не бѣдной Фенѣ, конечно, было наблюдать въ ту секунду, понялъ онъ или нѣтъ. Она какъ была, сидя на сундукѣ, когда онъ вбѣжалъ, такъ и осталась теперь, вся трепещущая и, выставивъ предъ собою руки, какъ бы желая защититься, такъ и замерла въ этомъ положеніи. Испуганными расширенными отъ страха зрачками глазъ влилась она въ него неподвижно. А у того какъ разъ къ тому обѣ руки были залачканы въ крови. Дорогой, когда бѣжалъ, онъ должно-быть дотрогивался ими до своего аба, вытирая съ лица потъ, такъ что и на лбу, и на правой щекѣ остались красныя пятна размазанной крови. Съ Феней могла сейчасъ начаться истерика, старуха же кухарка вскочила и глядѣла какъ сумасшедшая, почти потерявъ сознаніе. Дмитрій Федоровичъ простоялъ съ минуту и вдругъ машинально олустился возлѣ Фени на стулъ.

Онъ сидѣлъ и не то чтобы соображалъ, а былъ какъ бы въ испугѣ, точно въ какомъ-то столбнякѣ. Но все было ясно какъ день: этотъ офицеръ—онъ зналъ про него, зналъ вѣдь отлично все, зналъ отъ самой же Грушеньки, зналъ что мѣсяцъ назадъ онъ письмо прислалъ. Значитъ мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ это дѣло велось въ глубокой отъ него тайнѣ до самаго теперешняго пріѣзда этого новаго человека, а онъ-то и не думалъ о немъ! Но какъ могъ, какъ могъ онъ не думать о немъ? Почему онъ такъ-таки и забылъ тогда про этого офицера, забылъ тотчасъ же какъ узналъ про него? Вотъ вопросъ который стоялъ предъ нимъ какъ какое-то чудище. И онъ созерцалъ это чудище дѣйствительно въ испугѣ, похолодѣвъ отъ испуга.

Но вдругъ онъ тихо и кротко, какъ тихій и ласковый ребенокъ, заговорилъ съ Феней, совсѣмъ точно и забывъ что сейчасъ ее такъ перелугалъ, обидѣлъ и измучилъ. Онъ вдругъ съ необычайною и даже удивительною въ его положеніи точностью принялся спрашивать Феню. А Феня хоть и дико смотрѣла на окровавленные руки его, но тоже съ удивительною готовностью и послѣшностью принялась отвѣчать ему на каждый вопросъ, даже какъ бы слѣша выложить ему всю „правду правдивскую“. Мало-по-малу, даже съ какою-то

радостью начала излагать всѣ подробности и вовсе не желая мучить, а какъ бы слѣша изъ всѣхъ силъ отъ сердца услужить ему. До послѣдней подробности рассказала она ему и весь сегодняшний день, посвященіе Ракитина и Алеша, какъ она, Оея, стояла на сторожахъ, какъ барыня лѣхала и что она прокричала въ окошко Алешѣ покловъ ему, Митенькѣ, и чтобы „вѣчно помнилъ какъ любила она его часочекъ“. Выслушавъ о покловъ, Митя вдругъ усмѣхнулся и на бѣдныхъ щекахъ его волыхнулъ румянецъ. Оея въ ту же минуту сказала ему уже ни крошечки не боюсь за свое любопытство:

— Руки-то какія у васъ, Дмитрій Федоровичъ, всѣ-то въ крови!

— Да, отвѣтилъ машинально Митя, разсѣянно посмотрѣлъ на свои руки и тотчасъ забылъ про нихъ и про вопросъ Оея. Онъ опять погрузился въ молчаніе. Съ тѣхъ поръ какъ вбѣжалъ онъ прошло уже минутъ двадцать. Давешній испугъ его прошелъ, но видимо имъ уже овладѣла вполнѣ какаѣ-то новая непреклонная рѣшимость. Онъ вдругъ всталъ съ мѣста и задумчиво улыбулся.

— Баринъ, что съ вами это такое было? проговорила Оея, опять показывая ему на его руки,—проговорила съ сожалѣніемъ, точно самое близкое теперь къ нему въ горѣ его существо.

Митя опять посмотрѣлъ себѣ на руки.

— Это кровь, Оея, проговорилъ онъ со страннымъ выраженіемъ смотря на нее,—это кровь человѣческая и, Боже, зачѣмъ она пролилась! Но... Оея... тутъ одинъ заборъ (онъ глядѣлъ на нее какъ бы загадывая ей загадку), одинъ высокій заборъ и страшный на видъ, но... завтра на разсвѣтѣ, когда „взлетитъ сояде“, Митенька черезъ этотъ заборъ перескочить... Не понимаешь, Оея, какой заборъ, ну да ничего... все равно, завтра услышишь и все поймешь... а теперь прощай! Не помѣшаю и устраюсь, сумѣю устранился. Живи, моя радость... любила меня часокъ, такъ и помни на вѣки Митеньку Карамазова.... Вѣдь она меня все называла Митенькой, помнишь?

И съ этими словами вдругъ вышелъ изъ кухни. А Оея выхода этого испугалась чуть не больше еще чѣмъ когда онъ давеча вбѣжалъ и бросился на нее.

Ровно десять минутъ спустя Дмитрій Федоровичъ вошелъ къ тому молодому чиновнику, Петру Ильичу Перхотину,

которому давеча заложил пистолеты. Было уже подовина девятого и Петръ Ильичъ, налившись дома чаю, только-что облекся снова въ сюртукъ чтобъ отправиться въ трактиръ „Столичный Городъ“ поиграть на биллиардѣ. Митя захватилъ его на выходѣ. Тотъ, увидѣвъ его и его запачканное кровью лицо, такъ и вскрикнулъ.

— Господи! да что это съ вами?

— А вотъ, быстро проговорилъ Митя,—за пистолетами моими пришелъ и вамъ деньги принесъ. Съ благодарностію. Тороплюсь, Петръ Ильичъ, пожалуста поскорѣе.

Петръ Ильичъ все больше и больше удивлялся: въ рукахъ Мити онъ вдругъ рассмотрѣлъ кучу денегъ, а главное, онъ держалъ эту кучу и вошелъ съ нею какъ никто деньги не держать и никто съ ними не входитъ: всѣ кредитки несъ въ правой рукѣ, точно на показъ, прямо держа руку предъ собою. Мальчикъ, сауга чивовника, встрѣтившій Митю въ передней, сказывалъ потому что онъ такъ и въ переднюю вошелъ съ деньгами въ рукахъ, стало-быть и по улицѣ все также несъ ихъ предъ собою въ правой рукѣ. Бумажки были все сторублевья, радужныя, придерживалъ онъ ихъ окровавленными пальцами. Петръ Ильичъ, потомъ на позднѣйшіе вопросы интересовавшихся лицъ: сколько было денегъ? заявлялъ что тогда сосчитать на глазъ трудно было, можетъ-быть двѣ тысячи, можетъ-быть три, но пачка была большая, „латоченькая“. Самъ же Дмитрій Федоровичъ, какъ показывалъ онъ тоже потому, „былъ какъ бы тоже совсемъ не въ себѣ, но не пьянъ, а точно въ какомъ-то восторгѣ, очень разсѣянъ, и въ то же время какъ будто и сосредоточенъ, точно объ чемъ-то думалъ и добивался и рѣшить не могъ. Очень торопился, отвѣчалъ рѣзко, очень странно, мгновеніями же былъ какъ будто вовсе не въ горѣ, а даже веселъ“.

— Да съ вами-то что, съ вами-то что теперь? прокричалъ опять Петръ Ильичъ, дико рассматривая гостя.—Какъ это вы такъ раскровенились, упали что-ли, посмотрите!

Онъ схватилъ его за локоть и поставилъ къ зеркалу. Митя, увидавъ свое запачканное кровью лицо, вздрогнулъ и гнѣвно нахмурился.

— Э, чортъ! Этого не доставало, пробормоталъ онъ со злобой, быстро передожиалъ изъ правой руки кредитки въ лѣвую и судорожно выдернулъ изъ кармана платокъ. Но и платокъ оказался весь въ крови (этимъ самымъ платкомъ

онъ вытиралъ голову и лицо Григорію): ни одного почти мѣстечка нѣ было бѣлаго, и не то что началъ засыхать, а какъ-то заскорузъ въ комкѣ и не хотѣлъ развернуться. Митя злобно шваркнулъ его объ полъ.

— Э, чертъ! нѣтъ ли у васъ какой тряпки.... оберетесь бы....

— Такъ вы только залащались, а не равены? Такъ ужъ лучше вымойтесь, отвѣтилъ Петръ Ильичъ.—Вотъ рукомойникъ, я вамъ подамъ.

— Рукомойникъ? Это хорошо.... только куда же я это дѣну? въ какомъ-то совѣтѣ ужъ странномъ недоумѣннѣи указалъ онъ Петру Ильичу на свою лачку сторубаевыхъ, вопросительно глядя на него, точно тотъ долженъ былъ рѣшить, куда ему дѣвать свои собственные деньги.

— Въ карманъ суньте, ади на столъ вотъ здѣсь положите, не пропадутъ.

— Въ карманъ? Да, въ карманъ. Это хорошо.... Нѣтъ, видите ли, это все вздоръ! вскричалъ онъ какъ бы вдругъ выходя изъ разсѣянности.—Видите: мы сперва это дѣло кончимъ, пистолеты-то, вы мнѣ ихъ отдайте, а вотъ ваши деньги.... потому что мнѣ очень, очень нужно.... и времени, времени ли калли....

И снявъ съ лачки верхнюю сторублевою онъ протянулъ ее чюновнику.

— Да у меня и сдачи не будетъ, замѣтилъ тотъ:—у васъ медалье нѣтъ?

— Нѣтъ, сказалъ Митя, поглядѣвъ опять на лачку и какъ бы неуверенный въ словахъ своихъ попробовалъ пальцами двѣ-три бумажки сверху, — нѣтъ, все такія же, прибавилъ онъ и опять вопросительно поглядѣвъ на Петра Ильича.

— Да откуда вы такъ разбогатѣли? спросилъ тотъ.—Постояйте я мальчишку своего лошаю сбѣгать къ Плотниковымъ. Они запираютъ поздно,—вотъ не разбѣгаютъ ли. Эй, Миша! крикнулъ онъ въ переднюю.

— Въ лавку къ Плотниковымъ — великолѣпнѣйшее дѣло! крикнулъ и Митя какъ бы осязанный какою-то мыслью.—Миша,—обернувся онъ къ вошедшему мальчику,—видишь, бѣги къ Плотниковымъ и скажи что Дмитрій Федоровичъ велѣлъ класться и сейчасъ самъ будетъ.... Да слушай, слушай: чтобы къ его приходу приготовили шампанскаго, этакъ дюжины три, да уложили какъ тогда когда въ Мокрое вѣдиль.... Я тогда четыре дюжины у нихъ взялъ (вдругъ обратился онъ къ Петру Ильичу)—они ужъ знаютъ, не безлокойся Ми-

ша, повернулся онъ опять къ мальчику.—Да слушай: чтобы сыру тамъ, лироговъ страсбургскихъ, сиговъ колчехныхъ, ветчины, икры, ну и всего, всего, что только есть у нихъ, рублей стаъ на сто или на сто двадцать, какъ прежде было.... Да слушай: гостинцевъ чтобы не забыли, конфетъ, грушъ, арбуза два или три, аль четыре,—ну нѣтъ, арбуза-то одного довольно, а шоколаду, леденцовъ, монпансье, тагушекъ—ну всего что тогда со мной въ Мокрое уложили, съ шампанскимъ рублей на триста чтобы было.... Ну, вотъ и теперь чтобы также точно. Да вспомни ты, Митя, есаи ты Митя.... Вѣдь его Мишей зовутъ? опять обратился онъ къ Петру Ильичу.

— Да постоитъ, перебилъ Петръ Ильичъ съ безлокойствомъ его слушая и рассматривая,—вы лучше сами пойдете, тогда и скажете, а онъ перевереть.

— Перевереть, вижу что перевереть! Эхъ, Митя, а я было тебя поцѣловать хотѣлъ за комиссію.... Коли не перевереть, десять рублей тебѣ, скажи скорѣй.... Шампанское, главное шампанское чтобы выкатили, да и ковыачку, да и красного, и белого, и всего этого какъ тогда... Они ужъ знаютъ какъ тогда было.

— Да слушайте вы! съ нетерпѣніемъ уже перебилъ Петръ Ильичъ.—Я говорю: пусть онъ только сбѣгаетъ развѣять, да прикажетъ чтобы не запирали, а вы пойдете и сами скажете... Давайте вашу кредитку. Маршъ, Митя, одна нога тамъ, другая тутъ! Петръ Ильичъ кажется нарочно поскорѣй прогналъ Мишу, потому что тотъ какъ сталъ предъ гостемъ, выпуча глаза на его кровавое лицо и окровавленныя руки съ лучкомъ денегъ въ дрожавшихъ пальцахъ, такъ и стоялъ, разиня ротъ отъ удивленія и страха и вѣроятно мало повнѣлъ изъ всего того что ему наказывалъ Митя.

— Ну, теперь пойдете мыться, сурово сказалъ Петръ Ильичъ.—Положите деньги на столъ, али сувейте въ карманъ... Вотъ такъ, идемъ. Да снимите сюртукъ.

И онъ сталъ ему помогать снять сюртукъ и вдругъ опять вскрикнулъ.

— Смотрите, у васъ и сюртукъ въ крови!

— Это... это не сюртукъ. Только немного тутъ у рукава... А это вотъ только здѣсь, гдѣ платокъ лежалъ. Изъ кармана просочилось. Я на платокъ-то у Секи сълъ, кровь-то и просочилась, съ какою-то удивительною довѣрчивостью тотчасъ же объяснилъ Митя. Петръ Ильичъ выслушалъ вахмурившись.

— Угрозило же васъ; подрался должно быть съ кѣмъ, пробормоталъ онъ.

Начали мыться. Петръ Ильичъ держалъ кувшинъ и подливалъ воду. Митя торопился и плохо было намывать руки. (Руки у него дрожали, какъ припомнилъ потомъ Петръ Ильичъ.) Петръ Ильичъ тотчасъ же велѣлъ намывать больше и тереть больше. Онъ какъ будто бралъ какой-то верхъ надъ Митей въ эту минуту, чѣмъ дальше тѣмъ больше. Замѣтимъ кстати: молодой человекъ былъ характера не робкаго.

— Смотрите, не отмыли подъ ногтями; ну, теперь трите лицо, вотъ тутъ: на вискахъ, у уха... Вы въ этой рубашкѣ и пойдете? Куда это вы идете? Смотрите, весь обшлагъ правого рукава въ крови.

— Да, въ крови, замѣтилъ Митя, рассматривая обшлагъ рубашки.

— Такъ переобмывайте бѣлье.

— Нѣкогда. А я вотъ, вотъ видите... продолжалъ съ тою же доверчивостью Митя уже вытирая полотенцемъ лицо и руки и надѣвая сюртукъ,—я вотъ здѣсь край рукава загнулъ, его и не видно будетъ подъ сюртукомъ... Видите!

— Говорите теперь, гдѣ это васъ угрозило? Подрался что ли съ кѣмъ? Не въ трактирѣ ли опять, какъ тогда? Не опять ли съ калитаномъ какъ тогда, били его и таскали? какъ бы съ укоровною припомнилъ Петръ Ильичъ.—Кого еще прибили... али убили пожалуй?

— Вздоръ! проговорилъ Митя.

— Какъ вздоръ?

— Не надо, сказалъ Митя и вдругъ усмѣхнулся:—Это я старушонку одну на площади сейчасъ раздавилъ.

— Раздавили? Старушонку?

— Старика! крикнулъ Митя, смотря Петру Ильичу прямо въ лицо, смѣясь и крича ему какъ глухому.

— Э, чортъ возьми, старика, старушонку... Убили что ли кого?

— Помирились. Сдѣлились—и помирились. Въ одномъ мѣстѣ. Разошлись пріятельски. Одинъ дуракъ... онъ мнѣ простилъ... теперь ужъ навѣрно простилъ... Еслибы всталъ, такъ не простилъ бы,—подмигнувъ вдругъ Митя,—только знаете, къ чорту его, слышите, Петръ Ильичъ, къ чорту, не надо! Въ сію минуту не хочу! рѣшительно отрѣзалъ Митя.

— Я вѣдь къ тому что охота же вамъ со всякимъ связываться... какъ тогда изъ лустяковъ съ этимъ штабсъ-калита-

номъ... Подрались и кутить теперь мчитесь—весь вашъ характеръ. Три дюжины шампанскаго,—это куда же столько?

— Bravo! давайте теперь пистолеты. Ей-Богу, нѣтъ времени. И хотѣлъ бы съ тобой поговорить, голубчикъ, да времени нѣтъ. Да и не надо вовсе, поздно говорить. А! гдѣ же деньги, куда я ихъ дѣлъ? вскрикнулъ онъ и принялся совать по карманамъ руки.

— На столъ положили... сами... вонъ онѣ лежатъ. Забыли! Подлинно деньги у васъ точно соръ алы вода. Вотъ ваши пистолеты. Странно, въ шестомъ часу давеча заложилъ ихъ за десять рублей, а теперь звона у васъ, тысячъ-то. Дѣл или три небось?

— Три небось, засмѣялся Митя, суя деньги въ боковой карманъ панталонъ.

— Потеряете этакъ-то. Золотые прииски у васъ что ли?

— Прииски? золотые прииски! изо всей силы закричалъ Митя и закатился смѣхомъ.— Хотите, Перхотивъ, на прииски? Тотчасъ вамъ одна дама здѣсь три тысячи отсылеть, чтобы только вѣхали. Мнѣ отсыпала, ужъ такъ она прииски любить! Хохлакову знаете?

— Не знакомъ, а самхалъ и видаалъ. Неужто это она вамъ три тысячи дала? Такъ и отсыпала? недоувѣрчиво глядѣлъ Петръ Ильичъ.

— А вы завтра, какъ солнце взлетитъ, вѣчно юный-то Себъ какъ взлетитъ, хваля и слава Бога, вы завтра пойдите къ ней, Хохлаковой-то, и спросите у ней сами: отсыпала она мнѣ три тысячи или нѣтъ? Справьтесь-ка.

— Я не знаю вашихъ отношеній... коли вы такъ утвердительно говорите, значитъ дала... А вы денежки-то въ алки, да вмѣсто Сибири-то по вѣзмъ по тремъ... Да куда вы въ самомъ дѣлѣ теперь, а?

— Въ Мокрое.

— Въ Мокрое? Да вѣдь ночь!

— Былъ Мастрюкъ во всемъ, сталъ Мастрюкъ ни въ чемъ! проговорилъ вдругъ Митя.

— Какъ ни въ чемъ? Это съ такими-то тысячами да ни въ чемъ?

— Я не про тысячи. Къ чорту тысячи! Я про женскій нравъ говорю:

„Легковѣренъ женскій нравъ

И измѣнчивъ, и перочелъ.“

Я съ Улиссомъ согласенъ, это онъ говоритъ.

— Не понимаю я васъ?

— Пьянъ что ли?

— Не пьянъ, а хуже того.

— Я духомъ пьянъ, Петръ Ильичъ, духомъ пьянъ, и довольно, довольно...

— Что это вы, пистолеть заряжаете?

— Пистолеть заряжаю.

Митя дѣйствительно раскрывъ ящикъ съ пистолетами отомкнулъ рожокъ съ порохомъ и тщательно всыпалъ и забилъ зарядъ. Затѣмъ взялъ пулю и, предъ тѣмъ какъ вкатить ее, поднялъ ее въ двухъ пальцахъ предъ собою надъ свѣчкой.

— Чего это вы на пулю смотрите? съ безпокойнымъ любопытствомъ слѣдилъ Петръ Ильичъ.

— Такъ. Воображеніе. Вотъ еслибы ты вздумалъ эту пулю всадить себѣ въ мозгъ, то, заряжая пистолеть, посмотрѣлъ бы на нее или нѣтъ?

— Зачѣмъ на нее смотрѣть?

— Въ мой мозгъ войдетъ, такъ интересно на нее взглянуть какова она есть... А впрочемъ вздоръ, минутный вздоръ. Вотъ и конечно, прибавилъ онъ, вкативъ пулю и заколовивъ ее лаплей.—Петръ Ильичъ, милый, вздоръ, все вздоръ и еслибы ты зналъ до какой степени вздоръ! Дай-ка мнѣ теперь бумажки кусочекъ.

— Вотъ бумажка.

— Нѣтъ, гладкой, чистой, на которой пишутъ. Вотъ такъ. И Митя, схвативъ со стола перо, быстро написалъ на бумажкѣ двѣ строки, сложилъ вчетверо бумажку и сунулъ въ жилетный карманъ. Пистолеты вложилъ въ ящикъ, залеръ ключикомъ и взялъ ящикъ въ руки. Затѣмъ посмотрѣлъ на Петра Ильича и длинно, вдумчиво улыбнулся.

— Теперь идемъ, сказалъ онъ.

— Куда идемъ? Нѣтъ, постойте... Это вы пожаауи себѣ въ мозгъ ее хотите послать, пулю-то... съ безпокойствомъ произнесъ Петръ Ильичъ.

— Пуля вздоръ! Я жить хочу, а жизнь люблю! знай ты это. Я затокудраго Теба и свѣтъ его горячій люблю... Милый Петръ Ильичъ, умѣешь ты устранишься?

— Какъ это устранишься?

— Дорогу дать. Милому существу и ненавистному дать дорогу. И чтобъ и ненавистное милымъ стало, — вотъ какъ

дать дорогу! И сказать имъ: Богъ съ вами, идите, проходите мимо, а я....

— А вы?

— Довольно, идемъ.

— Ей Богу скажу кому-нибудь (глядѣлъ на него Петръ Ильичъ), чтобы васъ не лустить туда. Зачѣмъ вамъ теперъ въ Мокрое?

— Женщина тамъ, жевщина, и довольно съ тебя, Петръ Ильичъ, и шабашъ!

— Послушайте, вы хоть и дики, но вы мнѣ всегда какъ-то нравились.... я вотъ и безпокоюсь.

— Спасибо тебѣ, братъ. Я дикій, говоришь ты. Дикари, дикари! Я одно только и твержу: дикари! А да, вотъ Миша, а я-то его и забывъ.

— Вошелъ въ полыхахъ Миша съ лачкой размѣняемыхъ денегъ и отралпортовалъ что у Плотниковыхъ „всѣ заходили“ и бутылки волокутъ, и рыбу, и чай—сейчасъ все готово будетъ. Митя схватилъ десятирублевую и подавъ Петру Ильичу, а другую десятирублевую кинулъ Мишѣ.

— Не смѣть! вскричалъ Петръ Ильичъ.—У меня дома нельзя, да и дурное баловство это. Спрячьте ваши деньги, вотъ сюда положите, чего ихъ сорить-то? Завтра же пригодятся, ко мнѣ же вѣдь и придете десять рублей просить. Чтò это вы въ боковой карманъ все суете? Эй потеряете!

— Слушай, милый человекъ, поѣдемъ въ Мокрое вмѣстѣ?

— Мнѣ-то зачѣмъ туда?

— Слушай, хочешь сейчасъ бутылку откупорю, выльемъ за жизнь! Мнѣ хочется вылить, а лучше всего съ тобою вылить. Никогда я съ тобою не пию, а?

— Пожалуй, въ трактирѣ можно, поѣдемъ, я туда самъ сейчасъ отправляюсь.

— Некогда въ трактирѣ, а у Плотниковыхъ въ лавкѣ, въ задней комнатѣ. Хочешь, я тебѣ одну загадку загадаю сейчасъ.

— Загадай.

— Митя вынулъ изъ жилета свою бумажку, развернулъ ее и показалъ. Четкимъ и крупнымъ почеркомъ было на ней написано:

„Казню себя за всю жизнь, всю жизнь мою наказую!“

— Право скажу кому-нибудь, пойду сейчасъ и скажу, проговорилъ, прочитавъ бумажку, Петръ Ильичъ.

— Не услѣшь, голубчикъ, идемъ и выльемъ, маршъ!

Лавка Паотниковыхъ приходилась почти черезъ одинъ только домъ отъ Петра Ильича, на углу улицы. Это былъ самый главный бакалейный магазинъ въ нашемъ городѣ, богатыхъ торговцевъ, и самъ по себѣ весьма не дурной. Было все что и въ любомъ магазинѣ въ столицѣ, всякая бакалея: вина „разлива братьевъ Елаисевыхъ“, фрукты, сигары, чай, сахаръ, кофе и проч. Всегда сидѣли три прикащика и бѣгали два разсыльных мальчишка. Хотя край нашъ и обдѣлывалъ, помѣщики развѣхались, торговля затихла, а бакалея процвѣтала попрежнему и даже все лучше и лучше съ каждымъ годомъ: на эти предметы не переводились покупатели. Митя ждалъ въ лавкѣ съ нетерпѣнiемъ. Слишкомъ помнилъ какъ онъ недѣли три-четыре назадъ забралъ точно такъ же разомъ всякаго товару и винъ на нѣсколько сотъ рублей чистыми деньгами (въ кредитъ-то бы ему ничего конечно не повѣрилъ), помнили что такъ же какъ и теперь, въ рукахъ его торчала цѣлая яичка радужныхъ и онъ разбрасывалъ ихъ зря, не торгуясь, не соображая и не желая соображать на что ему столько товару, вина и проч.? Во всемъ городѣ потому говорили что онъ тогда, укативъ съ Грушенькой въ Мокрое, „просадила въ одну ночь и саѣдующій затѣмъ день три тысячи разомъ и воротилась съ кутежа безъ гроша, въ чемъ мать родила“. Поднялъ тогда Цыганъ цѣлый таборъ (въ то время у насъ заочевашій), которые въ два дня вытащили де у него у пьянаго безъ счету денегъ и выпили безъ счету дорогаго вина. Разказывали, смѣясь надъ Митей, что въ Мокромъ онъ залопал шампанскимъ сиводалыхъ мужиковъ, деревенскихъ дѣвокъ и бабъ закармлилъ конфетами и страсбургскими пирогами. Смѣялись тоже у насъ, въ трактирѣ особенно, надъ собственнымъ откровеннымъ и публичнымъ тогдашнимъ признанiемъ Мити (не въ глаза ему конечно смѣялись, въ глаза ему смѣяться было нѣсколько опасно) что отъ Грушеньки онъ за всю ту „эскападу“ только и получалъ что „позволила ему свою кожу поцѣловать, а болѣе ничего не позволила“.

— Когда Митя съ Петромъ Ильичемъ подошли къ лавкѣ, то у входа наши уже готовую тройку, въ телѣгѣ покрытой ковромъ, съ колокольчиками и бубенчиками и съ ящичкомъ Андреемъ, ожидавшимъ Митю. Въ лавкѣ почти совсѣмъ услѣли „сладить“ одинъ ящикъ съ товаромъ и ждали только

появленія Мити чтобы заколотить и уложить его на театр. Петръ Ильичъ удивился.

— Да откуда послѣла у тебя тройка? спросилъ онъ Митю.

— Къ тебѣ бѣжалъ, вотъ его, Андрея, встрѣтилъ и велѣлъ ему прямо сюда къ лавкѣ и подѣзжать. Времени терять нечего! Въ прошлый разъ съ Тимошеемъ ѣздилъ, да Тимошее теперь тю-тю-тю, впередъ меня съ волшебницей одной укатилъ. Андрей, олоздаемъ очень?

— Часомъ только развѣ прежде нашего придутъ, да и того не будетъ, часомъ всего упредить! послѣшно отозвался Андрей.—Я Тимошею и снарядилъ, знаю какъ поѣдутъ. Ихъ ѣзда не наша ѣзда, Дмитрій Федоровичъ, гдѣ имъ до нашего. Часомъ не потрафить равьше! съ жаромъ перебилъ Андрей, еще не старый ящикъ, рыжеватый, сухощавый ларень въ поддѣвкѣ и съ армякомъ на лѣвой рукѣ.

— Пятьдесятъ рублей на водку, коли только часомъ отставишь.

— За часъ времени ручаемся, Дмитрій Федоровичъ, эхъ получасомъ не упредить, не то что часомъ!

— Митя хоть и засуетился распорядясь, но говорилъ и приказывалъ какъ-то странно, въ разбивку, а не по порядку. Начиналъ одно и забывалъ окончаніе. Петръ Ильичъ нашелъ необходимымъ вязаться и помочь дѣлу.

— На четыреста рублей, не менѣе какъ на четыреста, чтобы точь-въ-точь по тогдашнему, командовалъ Митя.—Четыре дюжемы шампанскаго, ни одной бутылки меньше.

— Зачѣмъ тебѣ столько, къ чему это? Стой! завопилъ Петръ Ильичъ.—Это что за ящикъ? съ чѣмъ? Неужели тутъ на четыреста рублей?

— Ему тотчасъ же объяснили суетившіеся прикащики со смачавою рѣчью что въ этомъ первомъ ящикѣ всего лишь поддожники шампанскаго и „всякіе необходимые на первый случай предметы“ изъ закусокъ, конфетъ, мовлясье и проч. Но что главное „потребленіе“ уложится и отправится сей же часъ особо, какъ и въ тогдашній разъ, въ особой телегѣ и тоже тройкой и потрафить къ сроку, „развѣ всего только часомъ лозже Дмитрія Федоровича къ мѣсту придутъ.“

— Не болѣе часу, чтобы не болѣе часу, и какъ можно больше мовлясье и тягушекъ положите; это тамъ дѣвки любятъ, съ жаромъ настаивалъ Митя.

— Тягушекъ—пустъ. Да четыре-то дюжины къ чему тебѣ? Одной довольно, почти осердилася уже Петръ Ильичъ. Онъ

сталъ торговаться, онъ потребовалъ счетъ, онъ не хотѣлъ усложниться. Слась однако всего одну сотню рублей. Оставились на томъ чтобы всего товару доставлено было не болѣе какъ на триста рублей.

— А чортъ васъ подери! вскричалъ Петръ Ильичъ какъ бы вдругъ одумавшись,—да мнѣ-то тутъ что? Бросай свои деньги коли даромъ важиль!

— Сюда, экономя сюда, не сердись, потащилъ его Митя въ заднюю комнату лавки:—вотъ здѣсь намъ бутылку сейчасъ подадутъ, мы и хлебнемъ. Эхъ, Петръ Ильичъ, поѣдемъ вмѣстѣ, потому что ты человекъ милый, такихъ люблю.

Митя усѣлся на плетеный стульчикъ предъ крошечнымъ столикомъ, накрытымъ глянѣвшею салфеткой. Петръ Ильичъ примостился напротивъ него и мигомъ явилось шампанское. Предложили не пожелаютъ ли господа устрицъ, „первѣйшихъ устрицъ, самаго послѣдняго полученія“.

— Къ чорту устрицъ, я не ѣмъ, да и ничего не надо, почти заобно огрызнулся Петръ Ильичъ.

— Некогда устрицъ, замѣтилъ Митя,—да и аппетита нѣтъ. Знаешь, другъ, проговорилъ онъ вдругъ съ чувствомъ,—не любилъ я никогда всего этого безпорядка.

— Да кто жь его любить! Три дюжины, помилуй, на мужиковъ, это хоть кого взорветъ.

— Я не про это. Я про высшій порядокъ. Порядку во мнѣ нѣтъ, высшаго порядка.... Но.... все это закончено, горевать нечего. Поздно, и къ чорту! Вся жизнь моя была безпорядокъ и надо положить порядокъ. Каламбурю, а?

— Бредишь, а не каламбуришь.

— Слава вышему на свѣтѣ,
Слава вышему во мнѣ!

Этотъ стихокъ у меня изъ души вырвался когда-то, не стихъ, а слеза.... самъ сочинилъ.... не тогда однако когда штабсъ-капитана за бородевку тащилъ....

— Чего это ты вдругъ о немъ?

— Чего я вдругъ о немъ? Вздоръ! Все кончается, все равняется, черта—и итогъ.

— Право мнѣ все твои листолеты мерещатся.

— И листолеты вздоръ! Пей и не фантазируй. Жизнь люблю, слпшкомъ ужъ жизнь полюбилъ, такъ слишкомъ что и мерзко. Довольно! За жизнь, голубчикъ, за жизнь выпьемъ, за жизнь предлагаю тостъ! Почему я доволенъ собой? Я

подай, но доволенъ собой. И однакожь я мучусь тѣмъ что я подай, но доволенъ собой. Благословляю твореніе, сейчасъ готовъ Бога благословить и Его твореніе, но... надо истребить одно смрадное насѣкомое, чтобы не позадо, другимъ жизни не лортило... Выльемъ за жизнь, милый братъ! Что можетъ быть дороже жизни! Ничего, ничего! За жизнь и за одну царицу изъ царицъ.

— Выльемъ за жизнь, а пожалуй и за твою царицу.

Выпили по стакану. Митя былъ хотя и восторженъ, и раскидчивъ, но какъ-то грустенъ. Точно какая-то непреодолимая и тяжелая забота стояла за нимъ.

— Миша.... это твой Миша вошелъ? Миша, голубчикъ; Миша, поди сюда, вылей ты мнѣ этотъ стаканъ, за Теба златокудраго, завтрашняго....

— Да зачѣмъ ты ему! крикнувъ Петръ Ильичъ раздражительно.

— Ну позволь, ну такъ, ну я хочу.

— Э—эхъ!

Миша выпилъ стаканъ, покачиваясь и убижалъ.

— Заломнить дольше, замѣтилъ Митя.—Женщину я люблю, женщину! Что есть женщина? Царица земли! Грустно мнѣ, грустно, Петръ Ильичъ. Помнишь Гамлета: „Мнѣ такъ грустно, такъ грустно, Гораціо.... Ахъ бѣдный Іорикъ!“ Это я можетъ-быть Іорикъ и есть. Именно теперь я Іорикъ, а черель потомъ.

Петръ Ильичъ слушалъ и молчалъ, помолчалъ и Митя.

— Это какая у васъ собачка? спросилъ онъ вдругъ разсѣянно прикащика, замѣтивъ въ углу маленькую хорошенькую боловочку съ черными глазками.

— Это Варвары Алексѣевны, хозяйки нашей боловочка, отвѣтилъ прикащикъ, — сами завесаи давеча, да и забыли у васъ. Отвести надо будетъ обратно.

— Я одну такую же видѣлъ.. въ полку.... вдумчиво произнесъ Митя,—только у той задняя ножка была сломана.... Петръ Ильичъ, хотѣлъ я тебя спросить кстату: крадь ты когда что въ своей жизни аль вѣтъ?

— Это что за вопросъ?

— Нѣтъ, я такъ. Видишь, изъ кармана у кого-нибудь, чужое? Я не про казну говорю, казну всѣ деруть и ты конечно тоже....

— Убирайся къ чорту.

- Я про чужое: прямо изъ кармана, изъ кошелька, а?
- Укралъ одинъ разъ у матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, со стола. Взялъ тихонько и зажалъ въ руку.
- Ну и что же?
- Ну и ничего. Три дня хранилъ, стыдно стало, признался и отдалъ.
- Ну и что же?
- Натурально, высѣкли. Да ты чего ужъ, ты самъ не укралъ ли?
- Укралъ, хитро подмигнулъ Митя.
- Что укралъ? залюбопытствовалъ Петръ Ильичъ.
- У матери двугривенный, девяти лѣтъ былъ, черезъ три дня отдалъ. Сказавъ это, Митя вдругъ всталъ съ мѣста.
- Дмитрій Федоровичъ, не послѣшуть ли? крикнулъ вдругъ у дверей лавки Андрей.
- Готово? Идемъ! всполохнулся Митя.—Еще послѣднее сказанье и.... Андрею стаканъ водки на дорогу сейчасъ! Да коньяку ему кромѣ водки рюмку! Этотъ ящикъ (съ пистоле-тами) мнѣ подъ сидѣнье. Прощай, Петръ Ильичъ, не помни-най лихомъ.
- Да вѣдь завтра воротиться?
- Непремѣнно.
- Разчетеъ телерь изволите покомчить? подскочилъ при-кащикъ.
- А, да, разчетъ! Непремѣнно!
- Онъ опять выхватилъ изъ кармана свою лачку кредитокъ, смялъ три радужныхъ, бросилъ на прилавокъ и слѣша вы-шелъ изъ лавки. Все за нимъ послѣдовали, и кланяясь, про-вожали съ привѣтствіями и пожеланіями. Андрей кракнулъ отъ только что выпитаго коньяку и вскочилъ на сидѣнье. Но едва только Митя началъ садиться какъ вдругъ предъ нимъ совсѣмъ неожиданно очутилась Оея. Она прибѣжала вся залыхавшись, съ крикомъ сложила предъ нимъ руки и бухнулась ему въ ноги:
- Батюшка, Дмитрій Федоровичъ, голубчикъ, не погубите барыню! А я-то вамъ все разказала!... И его не погубите, прежній вѣдь онъ, ихній! Замужъ телерь Аграфену Алексав-дровну возьметъ, съ тѣмъ и изъ Сибири вернуся.... Батюшка, Дмитрій Федоровичъ, не загубите чужой жизни!
- Те-те-те, вотъ оно что! Ну, надѣлаешь ты телерь тамъ дѣлъ! пробормоталъ про себя Петръ Ильичъ.—Телерь все

помято, теперь как не помять. Дмитрій Федоровичъ, отдай-ка мнѣ сейчасъ пистолеты, если хочешь быть человѣкомъ, восклицалъ онъ громко Митѣ,—слышишь Дмитрій!

— Пистолеты? Подожди голубчикъ, а ихъ дорогой въ лужу выброшу, отвѣтилъ Митя.—Фея, встань, не лежи ты предо мной. Не погубить Митя, впредь никого ужъ не погубить этотъ глупый человѣкъ. Да вотъ что, Фея, крикнулъ онъ ей уже усѣвшись:—обидѣлъ я тебя давеча, такъ прости меня и помилуй, прости поддеца... А не простишь, все равно! Потому что теперь уже все равно! Трогай, Андрей, живо улетай!

Андрей тронулъ; колокольчикъ зазвенѣлъ.

— Прощай, Петръ Ильичъ! Тебѣ послѣдняя слеза!...

„Не пьянъ вѣдь, а какую ахинею пореть!“ подумалъ вслѣдъ ему Петръ Ильичъ. Онъ расположился было остаться присмотрѣть за тѣмъ какъ будутъ снаряжать возъ (на тройкѣ же) съ остальными припасами и винами, предчувствуя что надуютъ и обсчитаютъ Митю, но вдругъ, самъ на себя разсердившись, лаюнулъ и пошелъ въ свой трактиръ играть на биліардѣ.

— Дуракъ, хоть и хорошій малый.... бормоталъ онъ про себя дорогой.—Про этого какого-то офицера „прежняго“ Грушенькина я слышалъ. Ну, если прибылъ, то.... Эхъ пистолеты эти! А, чертъ, что я его дядька что ли? Пусть ихъ! Да и ничего не будетъ. Горлавы и больше ничего. Нальются и подерутся, подерутся и помирятся. Развѣ это люди дѣла? Что это за „устраивюсь“, „казню себя“—ничего не будетъ! Тысячу разъ кричалъ этимъ сагомомъ пьяный въ трактиръ. Теперь-то не пьянъ. „Пьянъ духомъ“—слогъ любить поддецы. Дядька я ему что ли? И не могъ не подраться, вся харя въ крови. Съ кѣмъ бы это? Въ трактиръ узнаю. И лаптокъ въ крови.... Фу, чертъ, у меня на полу осталася.... наплевать!

Пришелъ въ трактиръ онъ въ сквернѣйшемъ расположеніи духа и тотчасъ же началъ партію. Партія развеселила его. Сыгралъ другую и вдругъ заговорилъ съ однимъ изъ партнеровъ о томъ что у Дмитрія Карамазова олатъ деньги появились, тысячъ до трехъ, самъ видѣлъ, и что онъ олатъ ука-тилъ кутить въ Мокрое съ Грушенькой. Это было принято почти съ неожиданнѣмъ любопытствомъ слушателями. И всѣ они заговорили не смѣясь, а какъ-то странно серьезно. Даже игру перервали.

— Три тысячи? Да откуда у него быть тремъ тысячамъ? Стали разспрашивать дальше. Извѣстiе о Хохлаковой ярилади сомнительно.

— А не ограбилъ ли старика, вотъ что?

— Три тысячи! Что-то не ладно.

— Похвально же убить отца вслухъ, всё здѣсь слышали. Именно про три тысячи говорилъ...

Петръ Ильичъ слушалъ и вдругъ сталъ отвѣчать на разспросы сухо и скупо. Про кровь которая была на лицѣ и на рукахъ Мити не упоминалъ ни слова, а когда шелъ сюда хотѣлъ-было разказать. Начали третью партiю, мало-помалу разговоръ о Митѣ затихъ; но докончивъ третью партiю Петръ Ильичъ больше играть не пожелалъ, подождалъ кiй и, не поужинавъ, какъ собирался, вышелъ изъ трактира. Выйдя на площадь онъ сталъ въ недоумѣнiи и даже думалъ на себя. Онъ вдругъ сообразилъ что вѣдь онъ хотѣлъ сейчасъ идти въ домъ Федора Павловича, узнать не произошло ли чего. „Изъ-за вздора, который окажется, разбужу чужой домъ и надѣлаю скандала. Фу, чортъ, дядька я имъ что ли?“

Въ сквернѣйшемъ расположенiи духа направился онъ прямо къ себѣ домой и вдругъ вспомнилъ про Женю: „Э, чортъ, вотъ бы давеча разспросить ее, подумалъ онъ въ досадѣ, все бы и зналъ.“ И до того вдругъ загорѣлось въ немъ самое нетерпѣливое и упрямое желанiе поговорить съ нею и раз-узнать что съ подороги онъ круто повернулъ къ дому Морозовой, въ которомъ квартировала Грушенька. Подойдя къ воротамъ онъ постучался и раздавшiйся въ тишинѣ ночи стукъ опять какъ бы вдругъ отрезвлялъ и обозначалъ его. Къ тому же никто не откликнулся, всё въ домѣ спали. „И тутъ скандалу надѣлаю!“ подумалъ онъ съ какимъ-то уже страда-нiемъ въ душѣ, но вмѣсто того чтобъ уйти окончательно принялся вдругъ стучать снова и изо всей уже силы. Под-нялася гамъ на всю улицу. „Такъ вотъ нѣтъ же, достучусь, достучусь!“ бормоталъ онъ, съ каждымъ звукомъ заясь на себя до остервенѣнiя, но съ тѣмъ вмѣстѣ и усугубляя удары въ ворота.

VI

Самъ ѣду!

А Дмитрій Федоровичъ летѣлъ по дорогѣ. До Мокраго было двадцать верстъ съ небольшимъ, но тройка Андреева скакала такъ что могла послѣть въ часъ съ четвертью. Быстрая ѣзда какъ бы вдругъ освѣжила Митю. Воздухъ былъ свѣжій и холодноватый, на чистомъ небѣ сіяли крупныя звѣзды. Это была та самая ночь, а можетъ и тотъ самый часъ, когда Алеша, улавъ на землю, „изступленно каялся любить ее во вѣки вѣковъ“. Но смутно, очень смутно было въ душѣ Мити, и хоть многое терзало телерь его душу, но въ этотъ моментъ все существо его неотразимо устремилось лишь къ ней, къ его царицѣ, къ которой летѣлъ онъ чтобы взглянуть на нее въ послѣдній разъ. Скажу лишь одно: даже и не слорило сердце его ни минуты. Не повѣрять мнѣ можетъ-быть, если скажу что этотъ ревнивецъ не ощущалъ къ этому новому челоѣку, новому солернику, выскочившему изъ-подъ земли, къ эту „офицеру“ ни малѣйшей ревности. Ко всякому другому, явись такой, приревновалъ бы тотчасъ же и можетъ вновь бы намочилъ свои страшныя руки кровью,— а къ этому, къ этому „ся лервому“, не ощущалъ онъ телерь, летя на своей тройкѣ, не только ревнивой ненависти, но даже враждебнаго чувства,—правда еще не видалъ его. „Тутъ ужъ бесплорно, тутъ право ея и его; тутъ ея лервая любовь, которую она въ пять лѣтъ не забыла: значить только его и любила въ эти пять лѣтъ, а я-то, я зачѣмъ тутъ подвернулся? Чтѣ я-то тутъ и при чемъ? Отстранись, Митя, и дай дорогу! Да и чтѣ я телерь? Телерь ужъ и безъ офицера все кончено, хотя бы и не явился онъ вовсе, то все равно все было бы кончено...“

Вотъ въ какихъ словахъ онъ бы могъ приблизительно изложить свои ощущенія, еслибы только могъ разсуждать. Но онъ уже не могъ тогда разсуждать. Вся телерешная рѣшимость его родилась безъ разсужденій, въ одинъ мигъ, была сразу почувствована и принята цѣлкомъ со всѣми послѣдствіями еще давеча, у Феня, съ лервыхъ словъ ея. И все-таки, несмотря на всю принятую рѣшимость, было смутно въ душѣ его, смутно до страданія: не дала и рѣшимость спокой-

ствія. Слишкомъ многое стояло сзади его и мучило. И странно было ему это мгновеніями: вѣдь ужъ написанъ былъ имъ самимъ себѣ приговоръ перомъ на бумагѣ: „казню себя и наказую“; и бумажка лежала тутъ, въ карманѣ его, приготовленная; вѣдь ужъ заряженъ пистолетъ, вѣдь ужъ рѣшилъ же онъ какъ встрѣтить онъ завтра первый горячій лучъ „Зеба златокудраго“, а между тѣмъ съ прежнимъ, со всѣмъ стоявшимъ сзади и мучившимъ его, все-таки нельзя было разчитаться, чувствовалъ онъ это до мученія и мысль о томъ вливалась въ его душу отчаяніемъ. Было одно мгновеніе въ пути что ему вдругъ захотѣлось остановить Андрея, выскочить изъ тележки, достать свой заряженный пистолетъ и закончить все не дождавшись и разсвѣта. Но мгновеніе это пролетѣло какъ искорка. Да и тройка летѣла, „пожирая пространство“, и по мѣрѣ приближенія къ цѣли олять-таки мысль о ней, о ней одной, все сильнѣе и сильнѣе захватывала ему духъ и отгоняла всѣ остальные страшные призраки отъ его сердца. О, ему такъ хотѣлось поглядѣть на нее хоть мелькомъ, хоть издали! „Она теперь съ нимъ, ну вотъ и погляжу какъ она теперь съ нимъ, со своимъ прежнимъ милымъ, и только этого маѣ и надо.“ И никогда еще не подымалось изъ груди его столько любви къ этой роковой въ судьбѣ его женщинѣ, столько новаго, неиспытаннаго имъ еще никогда чувства, чувства неожиданнаго даже для него самого, чувства вѣрнаго до моленія, до исчезновенія предъ ней. „И исчезну!“ проговорилъ онъ вдругъ въ припадкѣ какого-то истерическаго восторга.

Скакали уже почти часъ. Митя молчалъ, а Андрей, хотя и словоохотливый былъ мужикъ, тоже не вымолвилъ еще ни слова, точно опасаясь заговорить и только живо поговялъ своихъ „одровъ“, свою гнѣдую, сухоларую, но рѣзвую тройку. Какъ вдругъ Митя въ страшномъ безпокойствѣ воскликнулъ:

— Андрей! А что если спать?

Ему это вдругъ вспало на умъ, а до сихъ поръ онъ о томъ и не подумалъ.

— Надо думать что ужъ легли, Дмитрій Федоровичъ.

Митя болязненно нахмурился: что въ самомъ дѣлѣ, онъ прилетитъ... съ такими чувствами... а они спать... спать и она можетъ-быть тутъ же... Заое чувство закипѣло въ его сердцѣ.

— Погоняй Андрей, катая Андрей живо! закричалъ онъ въ изступленіи.

— А можетъ еще и не полегли, разсудилъ помолчавъ Андрей.— Даве Тимошей сказывалъ что тамъ много ихъ собралось...

— На станціи?

— Не въ станціи, а у Пластунныхъ, на постояломъ дворѣ, вольная значить станція.

— Знаю; такъ какъ же ты говоришь что много? Гдѣ же много? Кто такіе? вскинулся Мита въ страшной тревогѣ при неожиданномъ извѣстіи.

— Да сказывалъ Тимошей, все господа: изъ города двое, кто такіе—не знаю, только сказывалъ Тимошей двое изъ здѣшнихъ господъ, да тѣхъ двое, будто бы пріѣзжихъ, а можетъ и еще кто есть, не спросилъ я его толково. Въ карты, говорилъ, стали играть.

— Въ карты?

— Такъ вотъ можетъ и не спать коиа въ карты зачали. Думать надо, теперъ всего одиннадцатый часъ въ исходѣ, не болѣе того.

— Погоняй Андрей, погоняй! нервно вскричалъ опять Мита.

— Чтò это, я васъ спрошу, сударь, помолчавъ началъ снова Андрей,—вотъ только бы не осердить мнѣ васъ, боюсь баринъ.

— Чего тебѣ?

— Давеча Федосья Марковна легла вамъ въ ноги, молила бариню чтобы вамъ не сгубить и еще кого... такъ вотъ, сударь, что везу-то я васъ туда... Простите, сударь, меня, такъ, отъ совѣсти, можетъ гауло чтò сказалъ.

Мита вдругъ схватилъ его за ладони.

— Ты ямщикъ? ямщикъ? началъ онъ изступленно.

— Ямщикъ...

— Знаешь ты что надо дорогу давать. Чтò ямщикъ, такъ ужъ никому и дороги не дать, дави дескать, а ѣду! нѣтъ, ямщикъ, не дави! Нельзя давить человѣка, нельзя людямъ жизнь портить; а коиа испортилъ жизнь—наказуй себя... если только испортилъ, если только загубилъ кому жизнь—казни себя и уйди.

Все это вырвалось у Миты какъ бы въ совершенной истерикѣ. Андрей хотъ и подивился на барина, но разговоръ поддержалъ.

— Правда это, батюшка Дмитрій Федоровичъ, это вы правы что не надо человѣка давить, тоже и мучить, равно какъ

и всякую тварь, потому всякая тварь—она тварь созданная, вотъ хоть бы лошадь, потому другой ложить зря, хоша бы и нашъ ямщикъ... И удержи ему нѣтъ, такъ овъ и преть, прямо тебѣ такъ и преть.

— Во адъ? перебилъ вдругъ Митя и захохоталъ своимъ неожиданнымъ короткимъ смѣхомъ—Андрей, простая душа,—схватилъ овъ олатъ его крѣпко за плечи,—говори: поладеть Дмитрій Федоровичъ Карамазовъ во адъ али нѣтъ, какъ по твоему?

— Не знаю, голубчикъ, отъ васъ зависить, потому вы у насъ... Видишь, сударь, когда Сынъ Божій на крестѣ былъ распятъ и померъ, то сошелъ Овъ со креста прямо во адъ и освободилъ всѣхъ грѣшниковъ, которые мучились. И застоналъ адъ объ томъ что ужъ больше, думалъ, къ нему никто теперь не придетъ, грѣшниковъ-то. И сказалъ тогда аду Господь: „Не стони, аде, ибо придуть къ тебѣ отседева всякіе вельможи, управители, главные судьи и богачи, и будешь исполненъ такъ же точно какъ былъ во вѣки вѣковъ, до того времени пока снова приду“. Это точно, это было такое слово...

— Народная легенда, великолѣпно! Стегива лѣвую, Андрей!

— Такъ вотъ, сударь, для кого адъ назначень, стегнулъ Андрей лѣвую, — а вы у насъ, сударь, все одно какъ малый ребенокъ... такъ мы васъ почитаемъ... И хоть гнѣвливы вы, сударь, это есть, но за простодушіе ваше простить Господь.

— А ты, ты простишь меня, Андрей?

— Мнѣ что же васъ прощать, вы мнѣ ничего не сдѣлали.

— Нѣтъ, за всѣхъ, за всѣхъ ты одинъ, вотъ теперь, сейчасъ, здѣсь, на дорогѣ, простишь меня за всѣхъ? Говори, душа простодушина!

— Охъ, сударь! Боязно васъ и везти-то, страшный какой-то вашъ разговоръ...

Но Митя не разсмышлялъ. Овъ изступленно молился и дико шепталъ про себя.

— Господи, прими меня во всемъ моемъ беззаконіи, но не суди меня. Пропусти мимо безъ суда Твоего... Не суди, потому что я самъ осудилъ себя; не суди, потому что люблю Тебя, Господи! Мерзокъ самъ, а люблю Тебя: во адъ пошлаешь и тамъ любить буду, и оттуда буду кричать что люблю Тебя во вѣки вѣковъ... Но дай и мнѣ долюбить.. здѣсь, теперь долюбить, всего пять часовъ до горячаго луча Твоего... Ибо люблю царицу души моей. Люблю и не могу не любить. Самъ

видишь меня всего. Прискачу, ладу предъ нею: права ты что мимо меня прошла... Прощай и забудь твою жертву, не тревожь себя никогда!

— Мокрое! крикнулъ Андрей, указывая впередъ кнутомъ.

Сквозь блѣдный мракъ ночи зачерѣлась вдругъ твердая масса строевнй раскинутыхъ на огромномъ пространствѣ. Село Мокрое было въ двѣ тысячи душъ, но въ этотъ часъ все оно уже спало и лишь кое-гдѣ изъ мрака мелькали еще рѣдкіе огоньки.

— Гога, гога Андрей, ѣду! воскликнулъ какъ бы въ горячкѣ Митя.

— Не спать! проговорилъ опять Андрей, указывая кнутомъ на постоялый дворъ Пластуновыхъ, стоявшій сейчасъ же на въѣздѣ, и въ которомъ всѣ шесть оконъ на улицу были ярко освѣщены.

— Не спать! радостно подхватилъ Митя,—гремя Андрей, гога вскачь, звени, подкати съ трескомъ. Чтобы знали всѣ кто пріѣхалъ! Я ѣду! Самъ ѣду! изступленно восклицалъ Митя.

Андрей лустялъ измученную тройку вскачь и дѣйствительно съ трескомъ подкатилъ къ высокому крылецку и осадилъ своихъ зараренныхъ полузадохшихся коней. Митя соскочилъ съ телеги и какъ разъ хозяинъ двора, правда уходившій уже спать, полюбопытствовалъ заглянуть съ крылецка, кто это таковъ такъ подкатилъ.

— Трифонъ Борисычъ, ты?

Хозяинъ нагнулся, взглянулъ, стремглавъ сбѣжалъ съ крылецка и въ подобострастномъ восторгѣ кинулся къ гостю.

— Батюшка, Дмитрій Федорычъ! васъ ли вновь видимъ?

Этотъ Трифонъ Борисычъ былъ плотный и здоровый мужикъ, средняго роста, съ нѣсколько толстоватымъ лицомъ, виду строгаго и непримиримаго съ Мокринскими мужиками особенно, но имѣвшій даръ быстро измѣнять лицо свое на самое подобострастное выраженіе, когда чуялъ взять выгоду. Ходилъ по-русски, въ рубахѣ съ косымъ воротомъ и въ поддѣвкѣ, имѣлъ деньжонки значительныя, но мечталъ и о высшей роли неустаяно. Половина слѣшкомъ мужиковъ была у него въ когтяхъ, всѣ были ему должны кругомъ. Онъ арендовалъ у помѣщиковъ землю и самъ покупалъ, а обрабатывали ему мужики эту землю за долгъ, изъ котораго никогда не могли выйти. Былъ онъ вдовъ и имѣлъ четырехъ взрослыхъ дочерей; одна была уже вдовой, жила у него съ двумя

малолѣтками, ему внучками, и работала на него какъ подещица. Другая дочка - мужичка была замужемъ за чиновникомъ, какимъ-то выслужившимся писаречкомъ, и въ одной изъ комнатъ постоялаго двора на стѣнкѣ можно было видѣть въ числѣ семейныхъ фотографій, миниатюрнѣйшаго размѣра, фотографію и этого чиновничка въ мундирѣ и въ чиновныхъ погонахъ. Двѣ младшія дочери въ храмовой праздникъ, аки отправаляясь куда въ гости, надѣвали голубыя или зеленыя платья, спшитыя по-модному, съ обтяжкою сзади и съ аршиннымъ хвостомъ, но на другой же день утромъ, какъ и во всякій день, подымались чѣмъ свѣтъ и съ березовыми вѣтвями въ рукахъ вымстаи горвицы, выносили ломои и убрали соръ послѣ постояльцевъ. Несмотря на приобретенныя уже тысячки, Трифонъ Борисычъ очень любилъ сорвать съ постояльца кутяцаго, и помня что еще мѣсяца не прошло какъ онъ въ одни сутки поживиася отъ Дмитрія Федоровича во время кутежа его съ Грушевской двумя сотнями рубликовъ слышкомъ, если не всѣми тремя, встрѣтилъ его теперь радостно и стремительно, уже по тому одному какъ подкатилъ ко крыльцу его Митя лочувавъ снова добычу.

— Батюшка, Дмитрій Федоровичъ, васъ ли вновь обрѣтаемъ?

— Стой, Трифонъ Борисычъ, началъ Митя,—прежде всего самое главное: гдѣ она?

— Аграфена Александровна? тотчасъ поваялъ хозяинъ, зорко вглядываясь въ лицо Мити,—да здѣсь и она... пребываетъ....

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ?

— Гости проѣзжіе-съ.... Одиъ-то чиновникъ, надоть быть изъ Поляковъ, по разговорю судя, онъ-то за ней и послалъ лошадей отсюдова; а другой съ нимъ товарищъ его, аки полутчикъ, кто разбереть, по-штатски одѣты....

— Чтò же кутятъ? Богачи?

— Какое кутятъ! Небольшая величина, Дмитрій Федоровичъ.

— Не большая? Ну, а другіе?

— Изъ города эти, двое господъ.... Изъ Черной возвращались, да и остались. Одиъ-то, молодой, надоть быть родственникъ господину Миусову, вотъ только какъ звать забылъ.... а другаго надо полагать вы тоже знаете: помѣщикъ Максимовъ,

на богомолье, говорить, заѣхалъ въ монастырь рашъ тамъ, да вотъ съ родственникомъ этому молодымъ господина Миусова и ѣздить....

— Только и всѣхъ?

— Только.

— Стой, молчи Трифонъ Борисычъ, говори теперь самое главное: что она, какъ она?

— Да вотъ давеча прибыла и сидитъ съ ними.

— Весела? Смѣется?

— Нѣтъ, кажись не очень смѣется.... Даже скучная со всѣмъ сидитъ, молодому человѣку волосы расчесывала.

— Это Полаку, офицеру?

— Да какой же онъ молодой, да и не офицеръ онъ вовсе; нѣтъ, сударь, не ему, а Миусовскому племяннику этому, молодому-то.... вотъ только има забылъ.

— Кялгановъ?

— Именно Кялгановъ.

— Хорошо, самъ рѣшу. Въ карты играютъ?

— Играли да перестали, чай отпили, наливки чиковникъ потребовалъ.

— Стой, Трифонъ Борисычъ, стой душа, самъ рѣшу. Теперь отвѣчай самое главное: нѣтъ Цыганъ?

— Цыганъ теперь вовсе не слышно, Дмитрій Федоровичъ, согнало начальство, а вотъ Жиды здѣсь есть, на цимбалахъ играютъ и на скрилкахъ, въ Рождественской, такъ это можно бы за ними хоша и теперь послать. Прибудутъ.

— Послать, непременно послать! вскричалъ Митя.—А дѣвокъ можно подвать какъ тогда, Марью особенно, Степаниду тоже, Ариу. Двѣсти рублей за хоръ!

— Да за этакія дѣвчуги я все село тебѣ подыму, хоть и полегли теперь дрыхнутъ. Да и стоять ли, батюшка Дмитрій Федоровичъ, здѣшніе мужики такой ласки, али вотъ дѣвки? Этакой подлости да грубости такую сумму опредѣлять! Ему ли, нашему мужику, цыгарки курить, а ты имъ давалъ. Вѣдь отъ него смердитъ, отъ разбойника. А дѣвки всѣ сколько ихъ ни есть вшивыя. Да я своихъ дочерей тебѣ даромъ подыму, не то что за такую сумму, полегли только спать теперь, такъ я ихъ ногой въ сливу наливаю да для тебя пѣть заставляю. Мужиковъ намедни шампанскимъ поили—в—хъ!

Трифонъ Борисычъ нарасно сожалѣлъ Митю: онъ тогда у него самъ съ подюжины бутылочъ шампанскаго утаилъ,

а подъ столомъ сторублевую бумажку подъялъ и зажалъ себя въ кулакъ. Такъ и осталась она у него въ кулакѣ.

— Трифонъ Борисычъ, растрясъ я тогда не одну здѣсь тысячку. Помнишь?

— Растресли, голубчикъ, какъ васъ не вспомнить, три тысячки у насъ небось оставили.

— Ну, такъ и теперь съ тѣмъ прѣхалъ, видишь.

И онъ вынулъ и поднесъ къ самому носу хозяина свою пачку кредитокъ.

— Теперь слушай и понимай: черезъ часъ виво придетъ, закуски, пироги и конфеты,—все тотчасъ же туда на верхъ. Этотъ ящикъ что у Андрея туда тоже сейчасъ на верхъ, раскрыть и тотчасъ же шампанское подавать.... А главное—дѣвокъ, дѣвокъ, и Марью чтобы непременно....

Онъ повернулся къ театрѣ и вытаскивалъ изъ-подъ сидѣнья свой ящикъ съ пистолетами.

— Разчетъ, Андрей, принимай! Вотъ тебѣ лятнадцать рублей за тройку, а вотъ лятьдесять на водку... за готовность, за любовь твою... Помни барина Карамазова!

— Боюсь я, баринъ... заколебался Андрей,—пять рублей на чай пожалуйте, а больше не приму. Трифонъ Борисычъ свидѣтелемъ. Ужь простите глупое слово мое...

— Чего боишься, обмѣривъ его взглядомъ Митя,—ну и чортъ съ тобой коли такъ! крикнулъ онъ бросая ему пять рублей.—Теперь, Трифонъ Борисычъ, проводи меня тихо и дай мнѣ на нихъ на всѣхъ перво-валерво глазкомъ глянуть, такъ чтобъ они меня не замѣтили. Гдѣ они тамъ, въ голубой комнатѣ?

Трифонъ Борисычъ опасливо поглядѣлъ на Митю, но тотчасъ же послушно исполнилъ требуемое: осторожно провелъ его въ сѣни, самъ вошелъ въ большую первую комнату, сошедшую съ той въ которой сидѣли гости, и вынесъ изъ нея свѣчу. Затѣмъ потихоньку ввелъ Митю и поставилъ его въ углу, въ темнотѣ, откуда бы онъ могъ свободно разглядѣть собесѣдниковъ ими невидимый. Но Митя не долго глядѣлъ, да и не могъ разглядывать: онъ увидѣлъ ее и сердце его застучало, въ глазахъ помутилось. Она сидѣла за столомъ сбоку, въ креслахъ, а рядомъ съ нею, на диванѣ, хорошенькій собою и еще очень молодой Калгановъ; она держала его за руку и кажется смѣялась, а тотъ не глядя на нее что-то громко говорилъ, какъ будто съ досадою, сидѣвшему чрезъ

столъ напротивъ Грушеньки Максимоу. Максимовъ же чему-то очень смѣялся. На диванѣ сидѣлъ онъ, а подлѣ дивана, на стулѣ, у стѣны, какой-то другой незнакомецъ. Тотъ который сидѣлъ на диванѣ развѣлся курилъ трубку, и у Мити лишь промелькнуло что это какой-то толстоватый и широколицый, человѣчекъ, ростомъ должно-быть не высокій и какъ будто на что-то сердитый. Товарищъ же его, другой незнакомецъ, показался Митѣ что-то ужъ чрезвычайно высокаго роста; но болѣе онъ ничего не могъ разглядѣть. Духъ у него захватило. И минуты онъ не смогъ выстоять, поставилъ ящикъ на комодъ и прямо, холодна и замирая, направился въ голубую комнату къ собесѣдникамъ.

— Ай! взвизгнула въ услугѣ Грушенька, замѣтивъ его первая.

VII

Прежній и безспорный.

Митя скорыми и длинными своими шагами подступилъ власть къ столу.

— Господа, началъ онъ громко, почти крича, но заикаясь на каждомъ словѣ,—я... я ничего! Не бойтесь, воскликнулъ онъ,—я вѣдь ничего, ничего,—повернулся онъ вдругъ къ Грушенькѣ, которая отклонилась на креслѣ въ сторону Калганова и крѣпко ущѣлилась за его руку.—Я... Я тоже ѣду. Я до утра. Господа, произнесу путешественнику... можно съ вами до утра? Только до утра, въ послѣдній разъ, въ этой самой комнатѣ?

Это уже онъ докончилъ обращаясь къ толстоватому человѣчку, сидѣвшему на диванѣ съ трубкой. Тотъ важно отянулъ отъ губъ своихъ трубку и строго произнесъ:

— Пана, мы здѣсь приватно. Имѣются иные покои.

— Да это вы, Дмитрій Федоровичъ, да чего это вы? отозвался вдругъ Калгановъ:—да садитесь съ нами, здравствуйте!

— Здравствуйте, дорогой человѣкъ... и безцѣнный! Я всегда уважалъ васъ... радостно и стремительно отозвался Митя, тотчасъ же протянувъ ему черезъ столъ свою руку.

— Ай, какъ вы крѣпко пожали! Совсѣмъ сломали пальцы, засмѣялся Калгановъ.

— Вотъ онъ такъ всегда жметъ, всегда такъ! весело отозвалась еще робко, улыбаясь Грушенька, кажется вдругъ

убѣдившаяся по виду Мити что тотъ не будетъ буавить, съ ужаснымъ любопытствомъ и все еѣе съ безпокойствомъ въ него вглядывааясь. Было что-то въ немъ чрезвычайно ее поразившее, да и вовсе не ожидала она отъ него что въ такую минуту онъ такъ войдетъ и такъ заговорить.

— Здравствуйте-съ, сладко отозвалась сѣва и помѣщикъ Максимовъ. Мата бросилась и къ нему.

— Здравствуйте, и вы тутъ, какъ я радъ что и вы тутъ! Господа, господа, я... (Онъ снова обратился къ лаву съ трубкой, видимо принимая его за главнаго здѣсь человека.) Я летѣлъ... Я хотѣлъ послѣдній день и послѣдній часъ мой провести въ этой комнатѣ, въ этой самой комнатѣ... гдѣ и я обожаю... мою царицу!.. Прости лаве! крикнулъ онъ изстуженно,—я летѣлъ и далъ клятву... О, не бойтесь, послѣдняя ночь моя! Выльемъ, лаве, мировую! Сейчасъ подадутъ вино... Я привезъ вотъ это. (Онъ вдругъ для чего-то вытаскивалъ свою лачку кредитокъ.) Позволь, лаве! Я хочу музыки, грому, гаму, всего что прежде... Но червь, ненужный червь проползетъ по землѣ, и его не будетъ! День моей радости поману въ послѣднюю ночь мою!..

Онъ почти задохся; онъ многое, многое хотѣлъ сказать, но выскочили одни страшныя восклицанія. Павъ неподвижно смотрѣлъ на него, на лачку его кредитокъ, смотрѣлъ на Грушеньку и былъ въ видимомъ недоумѣнн.

— Ежели поволить моя крулева... началъ было онъ.

— Да что крулева, это королева что ли? перебила вдругъ Грушенька.—И смѣшно мнѣ на васъ, какъ вы всё говорите. Садись, Мита, и что это ты говоришь? Не лугай пожадуста. Не будешь лугать, не будешь? Коли не будешь, такъ я тебѣ рада...

— Мнѣ, мнѣ лугать? вскричалъ вдругъ Мита, вскинувъ вверхъ свои руки.—О, идите мимо, проходите, не помѣшаю!.. И вдругъ онъ совсѣмъ неожиданно для всѣхъ и ужь конечно для себя самого бросился на стулъ и залился слезами, отвернувъ къ противоположной стѣнѣ свою голову, а руками крѣпко обхвативъ спинку стула, точно обнимая ее.

— Ну вотъ, ну вотъ, экой ты! укоризненно воскликнула Грушенька.—Вотъ онъ такой точно ходилъ ко мнѣ,—вдругъ заговорить, а я ничего не понимаю. А одинъ разъ также заплакалъ, а теперь вотъ въ другой—экой стыдъ! Съ чего ты плачешь-то? Было бы еще съ чего? прибавила она вдругъ за-

гадочно и съ какимъ-то раздраженіемъ напирала на свое словечко.

— Я... я не плачу... Ну здравствуйте! 'повернулся онъ въ одинъ мигъ на стулѣ, и вдругъ засмѣялся, но не деревяннымъ своимъ отрывистымъ смѣхомъ, а какимъ-то веселымъ длиннымъ, нервнымъ и сотрясающимся смѣхомъ.

— Ну, вотъ олять... Ну, развеселись, развеселись! уговаривала его Грушенька.—Я очень рада что ты пріѣхалъ, очень рада, Митя, слышишь ты что я очень рада? Я хочу чтобъ онъ сидѣлъ здѣсь съ нами, повелительно обратилась она какъ бы ко всѣмъ, хотя слова ея видимо относились къ сидѣвшему на диванѣ.—Хочу, хочу! А коли онъ уйдетъ, такъ и я уйду, вотъ что! прибавила она съ загорѣвшимися вдругъ глазами.

— Что изволить моя царица—то законъ! произнесъ лаяъ, галаятво поцѣловавъ ручку Грушеньки.—Просту лана до нашей компаньи! обратился онъ любезно къ Митѣ. Митя олять привскочилъ было съ видимымъ намѣреніемъ снова разразиться тирадой, но вышло другое:

— Выльемъ, лане! оборвалъ онъ вдругъ вмѣсто рѣчи. Всѣ разсмѣялись.

— Господи! а я думала онъ олять говорить хочеть, нервозно воскликнула Грушенька.—Слышишь Митя, настойчиво прибавила она,—больше не вскакивай, а что шамлавакаго привезъ, такъ это славно. Я сама пить буду, а наливки я терпѣть не могу. А лучше всего что самъ прикатилъ, а то скучища... Да ты кутить что ли пріѣхалъ олять? Да спрячь денги-то въ карманъ! Откуда столько досталъ?

Митя, у котораго въ рукѣ все еще скомканы были кредитки, очень всѣми и особенно ланами замѣчевная, быстро и коффузаиво сунулъ ихъ въ карманъ. Онъ покраснѣлъ. Въ эту самую минуту хозяинъ привесъ откупореваную бутылку шамлавакаго на подносѣ и стаканы. Митя схватилъ было бутылку, но такъ растерялся что забылъ что съ ней надо дѣлать. Взялъ у него ее уже Калгановъ и разлилъ за него вино.

— Да еще, еще бутылку! закричалъ Митя хозяину и забывъ чокнуться съ ланомъ, котораго такъ торжественно приглашалъ выпить съ нимъ мировую, вдругъ вылилъ весь свой стаканъ одинъ, никого не дождавшись. Все лицо его вдругъ измѣнилось. Вмѣсто торжественнаго и трагическаго выраженія, съ которымъ онъ вошелъ, въ немъ явилось какъ бы

что-то маадеицеское. Онъ вдругъ какъ бы весь смирился и приизидся. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ робко и радостно, часто и нервно хихикая, съ благодарнымъ видомъ виноватой собачонки которую олять приласкали и олять впустили. Онъ какъ-будто все забылъ и оглядывалъ всѣхъ съ восхищеніемъ, съ дѣтскою улыбкой. На Грушевку смотрѣлъ непрерывно смѣясь и придвинулъ свой стулъ влѣтъ къ самому ея креслу. Помаменьку разглядѣлъ и обоихъ лавовъ, хотя еще мало осмысливъ ихъ. Павъ на диванѣ поражалъ его своею осанкой, польскимъ акцентомъ, а главное—трубкой. „Ну чтѣ же такое, ну и хорошо что онъ курить трубку“, созерцалъ Митя. Нѣсколько обрюзгае, почти уже сорокалѣтнее лицо лава съ очень маленькимъ носикомъ, подъ которымъ видѣлись два претоневскіе востренскіе усика, нафабренныя и нахальныя, не возбуждало въ Митѣ тоже ни малѣйшихъ пока вопросовъ. Даже очень дрянневкой ларичокъ лава, сдѣланный въ Сибири съ прегдуло зачесанными впередъ височками не поразилъ особенно Митю: „значить такъ и надо, коли ларикъ“, блаженно продолжалъ онъ созерцать. Другой же лавъ, сидѣвшій у стѣны, болѣе молодой чѣмъ лавъ на диванѣ, смотрѣвшій на всю компанію дерзко и задорно и съ молчаливымъ презрѣніемъ слушавшій общій разговоръ, олять-таки поразилъ Митю только очень высокимъ своимъ ростомъ, ужасно не пропорціональнымъ съ лавомъ сидѣвшимъ на диванѣ. „Коли встанеть на ноги, будетъ вершковъ одивнадцати“, мелькнуло въ головѣ Мити. Мелькнуло у него тоже что этотъ высокій лавъ вѣроятно другъ и прислѣшникъ лаву на диванѣ, какъ бы „тѣлохранитель его“, и что маленький лавъ съ трубкой конечно командуетъ лавомъ высокимъ. Но и это все казалось Митѣ ужасно какъ хорошо и безспорно. Въ маленькой собачкѣ замерло всякое соперничество. Въ Грушевкѣ и въ загадочномъ тонѣ нѣсколькихъ фразъ ея онъ еще ничего не понималъ; а понималъ лишь, сотрясаясь всемъ сердцемъ своимъ, что она къ нему ласкова, что она его „простила“ и подлѣ себя посадила. Онъ былъ вѣкъ себя отъ восхищенія, увидѣвъ какъ она хлебнула изъ стакана вино. Молчаніе компаніи какъ бы вдругъ однако поразило его и онъ сталъ обводить всѣхъ ожидающими чего-то глазами: „чтѣ же мы однако сидимъ, чтѣ же вы ничего не начинаете, господа?“ какъ бы говорилъ ослабленный взоръ его.

— Да вотъ онъ все вретъ, и мы тутъ все смѣялись, началъ

вдруг Бабагановъ, точно угадавъ его мысль и показывая на Максимова.

Митя стремительно уставился на Бабаганова и потомъ тотчасъ же на Максимова.

— Вреть? разсмѣялся онъ своимъ короткимъ деревяннымъ смѣхомъ, тотчасъ же чему-то обрадовавшись,—ха-ха!

— Да. Представьте, онъ утверждаетъ что будто бы вся наша кавалерія въ двадцатыхъ годахъ переженчалась на Полькахъ; но это ужасный вздоръ, не правда ли?

— На Полькахъ? подхватилъ опять Митя и уже въ рѣшительномъ восхищеніи.

Бабагановъ очень хорошо ловилъ отношенія Мити къ Грушенькѣ, догадывался и о лавѣ, но его все это не такъ занимало, даже можетъ-быть вовсе не занимало, а занималъ его всего болѣе Максимовъ. Попаавъ онъ сюда съ Максимовымъ случайно и лавовъ встрѣтилъ здѣсь на постояломъ дворѣ въ первый разъ въ жизни. Грушеньку же зналъ прежде и разъ даже былъ у нея съ кѣмъ-то; тогда онъ ей не понравился. Но здѣсь она очень ласково на него поглядывала; до прѣзда Мити даже ласкала его, но онъ какъ-то оставался безчувственнымъ. Это былъ молодой человекъ, лѣтъ не болѣе двадцати, щегольски одѣтый, съ очень милымъ бѣленькимъ личикомъ и съ прекрасными густыми русыми волосами. Но на этомъ бѣленькомъ личикѣ были предестные свѣтло-голубые глаза, съ умнымъ, а иногда и съ глубокимъ выраженіемъ, не по возрасту даже, несмотря на то что молодой человекъ иногда говорилъ и смотрѣлъ совсѣмъ какъ дитя и нисколько этимъ не стѣснялся, даже самъ это сознавая. Вообще онъ былъ очень своеобразенъ, даже капризенъ, хотя всегда ласковъ. Иногда въ выраженіи лица его мелькало что-то неподвижное и упрямое: онъ глядѣлъ на васъ, слушалъ, а самъ какъ будто упорно мечталъ о чемъ-то своемъ. То становился вялъ и лѣнивъ, то вдругъ начиналъ волноваться иногда повидимому отъ самой пустой причины.

— Вообразите, я его уже четыре дня вожу съ собою, продолжалъ онъ, немножко какъ бы растягивая лѣниво слова, но безо всякаго фатовства, а совершенно натурально.—Помните, съ тѣхъ поръ какъ вашъ братъ его тогда изъ коляски вытолкнулъ и онъ полетѣлъ. Тогда онъ меня очень этимъ заинтересовалъ и я взялъ его въ деревню, а онъ все теперь вреть, такъ что съ нимъ стыдно. Я его назадъ везу...

— Паяъ польской лави не видѣлъ и муви что бытъ не могло, замѣтилъ паяъ съ трубкой Максимову.

Паяъ съ трубкой говорилъ по-русски порядочно, по крайней мѣрѣ гораздо лучше чѣмъ представлялся. Русскія слова, если и употреблялъ ихъ, коверкалъ на польскій ладъ.

— Да вѣдь я и самъ былъ жемать на польской лави-съ, отхихикнулася въ отвѣтъ Максимовъ.

— Ну, такъ вы развѣ служили въ кавалеріи? Вѣдь это вы про кавалерію говорили. Такъ развѣ вы кавалеристъ? ввазлася сейчасъ Калгановъ.

— Да, конечно, развѣ онъ кавалеристъ? ха-ха! Крикнулъ Митя жадво слушавшій и быстро переводившій свой вопросительный взглядъ на каждаго кто заговорить, точно Богъ знаетъ что ожидалъ отъ каждаго услышать.

— Нѣтъ-съ, видите-съ, повернулася къ нему Максимовъ,— я про то-съ, что эти тамъ лавѣнки... хорошенькія-съ... какъ отганцуютъ съ нашимъ уааномъ мазурку... какъ отганцовала она съ нимъ мазурку, такъ тотчасъ и вскочитъ ему на колабни, какъ кошечка-съ... бѣленькая-съ... а паяъ-ойцъ и лави-матка видятъ и позволяютъ... и позволяютъ-съ... а уаанъ-то на завтра поидеть и руку предложить... вотъ-съ... и предложить руку, хи-хи! хихикнулъ закончивъ Максимовъ.

— Паяъ лабдакъ! проворчалъ вдругъ высокій паяъ на стулѣ и переложилъ ногу на ногу. Митѣ только бросился въ глаза огромный смазной салогъ его съ толстою и грязною подошвой. Да и вообще оба лави были одѣты довольно засаленно.

— Ну, вотъ и лабдакъ! Чего онъ бравится? разсердилася вдругъ Грушенька.

— Лави Агриппина, паяъ видѣлъ въ польскомъ краю хаолокъ, а не шляхетныхъ лавей, замѣтилъ паяъ съ трубкой Грушенькѣ.

— Можешь нѣ то раховаць! презрительно отрѣзалъ высокій паяъ на стулѣ.

— Вотъ еще! Дайте ему говорить-то! Люди говорятъ, чего мѣшать? Съ ними весело, орызнулася Грушенька.

— Я не мѣшаю, лави, значительно замѣтилъ паяъ въ ла-ричкѣ съ продолжительнымъ взглядомъ ко Грушенькѣ и, важно замолчавъ, снова началъ сосать свою трубку.

— Да нѣтъ, нѣтъ, это лавъ теперь правду сказалъ, загорячлася опять Калгановъ, точно Богъ знаетъ о чемъ шло

дѣло. — Вѣдь онъ въ Польшѣ не былъ, какъ же онъ говорить про Польшу? Вѣдь вы же не въ Польшѣ женились, вѣдь мѣть?

— Нѣтъ-съ, въ Смоленской губерніи-съ. А только ее уланъ еще прежде того вывезъ-съ, супругу-то мою-съ, будущую-съ, и съ пави-маткой и съ тавтой и еще съ одною родственницей со взрослымъ сыномъ, это ужъ изъ самой Польши, изъ самой... и мнѣ уступилъ. Это одинъ нашъ поручикъ, очень хорошій молодой человекъ. Сначала онъ самъ хотѣлъ жениться, да и не женился, потому что она оказалась хромая...

— Такъ вы на хромой женились? воскликнулъ Кагановъ.

— На хромой-съ. Это ужъ они меня оба тогда немощечко обманули и скрыли. Я думалъ что она подпрыгиваетъ... она все подпрыгивала, я и думалъ что она это отъ веселости...

— Отъ радости что за васъ идетъ? завопилъ какимъ-то дѣтски звонкимъ голосомъ Кагановъ.

— Да-съ, отъ радости-съ. А вышло что совсѣмъ отъ иной причины-съ. Потомъ, когда мы обѣдичались, она мнѣ послѣ вѣнца въ тотъ же вечеръ и призналась, и очень чувствительно извиненія просила, чрезъ лужу, говорить, въ молодыхъ годахъ однажды перескочила и ножку тѣмъ повредила, хи-хи!...

Кагановъ такъ и зацѣлся самымъ дѣтскимъ смѣхомъ и почти улегъ на диванъ. Разсмѣялась и Грушенька. Митя уже былъ на верху счастья.

— Знаете, знаете, это онъ теперь уже вправду, это онъ теперь не жетъ! восклицалъ обращаясь къ Митѣ Кагановъ. — И знаете, онъ вѣдь два раза былъ женатъ, — это онъ про первую жену говорить, — а вторая жена его, знаете, сбѣжала и жива до сихъ поръ, знаете вы это?

— Неужто? быстро повернулся къ Максиму Митя, выразивъ необыкновенное изумленіе въ лицѣ.

— Да-съ, сбѣжала-съ, а имѣлъ эту неприятность, скромно подтвердилъ Максимовъ. — Съ однимъ мусью-съ. А главное, всю деревушку мою перво-наперво на одну себя предварительно отписала. Ты, говорить, человекъ образованный, ты и самъ найдешь себѣ кусокъ. Съ тѣмъ и посадила. Мнѣ разъ одинъ почтенный архіерей и замѣтилъ: у тебя одна супруга была хромая, а другая ужъ чрезчуръ легконогая, хи-хи!

— Послушайте, послушайте! такъ и кипѣлъ Кагановъ, — если онъ и жетъ, — а онъ часто жетъ, — то онъ жетъ единственно чтобы доставить всѣмъ удовольствіе: это вѣдь не подло, не подло? Знаете, я люблю его иногда. Онъ очень

подлъ, но онъ натурально подлъ, а? Какъ вы думаете? Другой подлачиваетъ изъ-за чего-нибудь, чтобы выгоду получить, а онъ просто, онъ отъ натуры.... Вообразите, напримеръ, онъ претендуетъ (вчера всю дорогу слорилъ) что Гоголь въ *Мертвые Души* это про него сочинилъ. Помните, тамъ есть помѣщикъ Максимовъ, котораго высѣкъ Поздrevъ и былъ преданъ суду: „за нанесеніе помѣщику Максиму лич-ной обиды розгами въ льякомъ видѣ“—ну помните? Такъ что жь, представьте, онъ претендуетъ что это онъ и былъ и что это его высѣкли! Ну можетъ ли это быть? Чичиковъ ѣздилъ, самое позднее, въ двадцатыхъ годахъ въ началѣ, такъ что совсѣмъ годы не сходятся. Не могли его тогда высѣчь. Вѣдь не могли, не могли?

Трудно было представить изъ-за чего такъ горячился Калгавовъ, но горячился онъ искренно. Митя беззавѣтно входилъ въ его интересы.

— Ну, да вѣдь коли высѣкли! крикнулъ онъ хохоча.

— Не то чтобы высѣкли-сь, а такъ, вставилъ вдругъ Максимовъ.

— Какъ такъ? Или высѣкли, или нѣтъ?

— Блугра годзина, лане? (который часъ?) обратился со скучающимъ видомъ лавъ съ трубкой къ высокому паву на стулѣ. Тотъ вскинулъ въ отвѣтъ плечами: часовъ у нихъ у обоихъ не было.

— Отчего не поговорить? Дайте и другимъ говорить. Коли вамъ скучно, такъ другіе и не говори, вскинулась опять Грушенька, видимо нарочно привязываясь. У Мити какъ бы въ первый разъ что-то промелькнуло въ умѣ. На этотъ разъ лавъ отвѣтилъ уже съ видимою раздражительностью:

— Пани, я ницъ не мувѣнъ противъ, ницъ не повѣдзаемъ. (Я не противорѣчу, а ничего не сказалъ.)

— Ну да хорошо, а ты разказывай, крикнула Грушенька Максиму. — Чтѣ жь вы всѣ замолчали?

— Да тутъ и разказывать-то нечего-сь, потому все это одна гаупости, подхватилъ тотчасъ Максимовъ съ видимымъ удовольствіемъ и капельку жеманясь,—да и у Гоголя все это только въ видѣ аллегорическомъ, потому что всѣ фамиліи поставилъ аллегорическія: Поздrevъ-то вѣдь былъ не Поздrevъ, а Носовъ, а Кувшинниковъ—это уже совсѣмъ да-же и не похоже, потому что онъ былъ Шкворневъ. А Фенарди дѣйствительно былъ Фенарди, только не Итальянецъ,

а Русскій, Петровъ-съ, и мамзель Фемарди была хорошенькая-съ, и ножки въ трико, хорошенькія-съ, юлочка коротенькая въ блесткахъ, и это она вертелась, да только не четыре часа, а всего только четыре минутки-съ... и всёхъ обошла...

— Да за что высклаи-то, высклаи-то тебя за что? вопилъ Камгатовъ.

— За Пирона-съ, отвѣтилъ Максимовъ.

— За какого Пирона? крикнулъ Митя.

— За французскаго извѣстнаго писателя, Пирона-съ. Мы тогда всё вино лили въ большомъ обществѣ, въ трактирѣ, на этой самой ярмаркѣ. Она меня и пригласила, а я перво-наперво сталъ элиграммы говорить: „Ты ль это Буало, какой смѣшной нарядъ.“ А Буало-то отвѣчаетъ что онъ въ маскарадъ собирается, то-есть въ баню-съ, хи-хи, они и приняла на свой счетъ. А я поскорѣе другую сказалъ, очень извѣстную всёмъ образованнымъ людямъ, ѣдкую-съ:

Ты Сафо, а Фаонъ, объ этомъ я не спорю,
Но къ моему ты горю
Пути не знаешь къ морю.

Они еще лучше обидѣлись и начали меня неприлично за это ругать, а я какъ разъ, на бѣду себѣ, чтобы поправить обстоятельства, тутъ и рассказалъ очень образованный анекдотъ про Пирона, какъ его не приняли во Французскую Академію, а онъ, чтобы отомстить, написалъ свою эпитафію для надгробнаго камня:

Ci-git Piron qui ne fut rien
Pas même académicien.

Они взяли да меня и высклаи.

— Да за что же, за что?

— За образованіе мое. Мало ли изъ-за чего люди могутъ человека высъчь, кротко и правоучительно заключилъ Максимовъ.

— Э, полно, скверно все это, не хочу слушать, а думала что веселое будетъ, оборвала вдругъ Грушенька. Митя всплохнулася и тотчасъ же пересталъ смѣяться. Высокій лавъ поднялся съ мѣста и съ высококомѣрнымъ видомъ скучающаго не въ своей компаніи человека началъ шагать по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ за спину руки.

— Ишь зашагалъ! презрительно поглядѣла на него Грушенька. Митя забезлокался, къ тому же замѣтилъ что панъ на диванѣ съ раздражительнымъ видомъ поглядываетъ на него.

— Панъ, крикнулъ Митя,—выльемъ паве! И съ другимъ паномъ тоже: выльемъ, панове! Онъ мигомъ сдвинулъ три стакана и разалилъ въ нихъ шампанское.

— За Польшу, панове, лью за вашу Польшу, за польскій край! воскликнулъ Митя.

— Бардзо ми то мило, паве, выльемъ (это мнѣ очень пріятно, паве, выльемъ), важно и благосклонно проговорилъ панъ на диванѣ и взялъ свой стаканъ.

— И другой панъ, какъ его, эй, яснавельможный, бери стаканъ! хлопоталъ Митя.

— Панъ Врублевскій, подсказалъ панъ на диванѣ.

Панъ Врублевскій, раскачиваясь, подошелъ къ столу и стоя прижалъ свой стаканъ.

— За Польшу, панове, ура! прокричалъ Митя, поднявъ стаканъ.

Всѣ трое выпили. Митя схватилъ бутылку и тотчасъ же налилъ опять три стакана.

— Теперь за Россію, панове, и побратаемся!

— Налей и намъ, сказала Грушенька,—за Россію и я хочу пить.

— И я, сказалъ Каагановъ.

— Да и я бы тоже-съ... за Россейшкку, старую бабусеньку, подхихикнулъ Максимовъ.

— Всѣ, всѣ! восклицалъ Митя.—Хозяинъ, еще бутылочки!

Привесели всѣ три оставшіяся бутылки изъ привезенныхъ Митей. Митя разалилъ.

— За Россію, ура! провозгласилъ онъ снова. Всѣ, кромѣ пановъ, выпили, а Грушенька выпила разомъ весь свой стаканъ. Панове же и не дотронулись до своихъ.

— Какъ же вы, панове? воскликнулъ Митя.—Такъ вы такъ-то?

Панъ Врублевскій взялъ стаканъ, поднялъ его и зычнымъ голосомъ проговорилъ:

— За Россію въ предѣлахъ до семьсотъ семьдесятъ втораго года!

— Ото бардзо лѣвкне! (Вотъ такъ хорошо!) крикнулъ другой панъ и оба разомъ осушили свои стаканы.

— Дурачье же вы, панове! сорвалось вдругъ у Мити.

— Па-ае!! прокричали оба пана съ угрозою, наставившись на Митю какъ лѣтухи. Особенно вскипѣлъ панъ Врублевскій.

— Але не можно не мѣнь слабосици до своего краю? возгласилъ овъ. (Развѣ можно не любить своей стороны?)

— Молчать! Не ссориться! Чтобы не было ссоры! крикнула повелительно Грушенька и стукнула ножкой объ полъ. Лицо ея загорѣлось, глаза засверкали. Только-что выпитый стаканъ сказался. Митя страшно испугался.

— Панове, простите! это я виноватъ, я не буду. Врублевскій, лавъ Врублевскій, я не буду!...

— Да молчи хоть ты-то, садись, экой глухой! со злобною досадою огрызнулась на него Грушенька.

Всѣ усѣлись, всѣ примолкли, всѣ смотрѣли другъ на друга.

— Господа, всему я причиной! началъ опять Митя, ничего не появившій въ возгласѣ Грушеньки;—ну, чего же мы сидимъ? Ну, чѣмъ же намъ заняться... чтобы было весело, опять весело?

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ ужасно не весело, дѣлливо промямлилъ Калгановъ.

— Въ баячки бы-съ сыграть-съ, какъ давеча... хихиканулъ другъ Максимовъ.

— Баякъ? Великолѣпно! подхватилъ Митя,—если только панове...

— Пузыно, лаве! какъ бы нехота отозвалась лавъ на диванѣ.

— Тѣ правда, поддакнулъ и лавъ Врублевскій.

— Пузыно? Это что такое пузыно? спросила Грушенька.

— То значи поздно, лави, поздно, часъ поздній, разъяснилъ лавъ на диванѣ.

— И все-то имъ поздно, и все-то имъ нельзя! почти взвизнула въ досадѣ Грушенька.—Сами скучные сидятъ, такъ и другимъ чтобы скучно было. Предъ тобой, Митя, они все вотъ такъ молчали и надо мной фуфырились...

— Богина моя! крикнулъ лавъ на диванѣ,—по мувишь то семь стане. Виденъ неласкенъ, и естемъ смутны. (Вижу нерасположеніе оттого я и печальный.) Естемъ готувъ (я готувъ), лаве, докончилъ овъ, обращаясь къ Митѣ.

— Начивай, лаве! подхватилъ Митя выхватывая изъ карма на свои кредитки и выкладывая изъ нихъ двѣ сторублевыхъ на столъ.

— Я тебѣ много, лавъ, хочу проиграть. Бери карты, закладывай баякъ!

— Барты чтобъ отъ хозяина, лане, настойчиво и серіозно произнесъ маленькій ланъ.

— Тó ваилълиши слосубъ (самый лучший способъ), поддакнулъ ланъ Врублевскій.

— Отъ хозяина? Хорошо, ловимаю, пусть отъ хозяина, это вы хорошо, ланове! Барты! скомандовалъ Митя хозяину.

Хозяинъ привнесъ нераспечатанную игру картъ и объявилъ Митѣ что ужъ собираются дѣвки, Жидки съ цимбалами прибудуть тоже вѣроятно скоро, а что тройка съ припасами еще не успѣла прибыть. Митя выскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ въ соседнюю комнату сейчасъ же распорядиться. Но дѣвокъ всего пришло только три, да и Марьи еще не было. Да и самъ онъ не зналъ какъ ему распорядиться и зачѣмъ онъ выбѣжалъ: велѣлъ только достать изъ ящика гостинцевъ, леденцовъ и тягущекъ и одѣлать дѣвокъ.— „Да Андрею водки, водки Андрею! приказалъ онъ наскоро,—я обидѣлъ Андрея!“ Тутъ его вдругъ тронулъ за плечо прибѣжавшій вслѣдъ за нимъ Максимовъ.

— Дайте мнѣ пять рублей, прошелталъ онъ Митѣ:—я бы тоже въ банчикъ рискнулъ, хи-хи!

— Прекрасно, великолѣпно! Берите десять, вотъ! Онъ вытащилъ опять всѣ кредитки изъ кармана и отыскалъ десять рублей.—А проиграешь, еще приходи, еще приходи...

— Хорошо-съ, радостно прошелталъ Максимовъ и побѣжалъ въ залу. Воротилася тотчасъ и Митя и извѣстила что заставилъ ждать себя. Пань уже успѣлъ и распечаталъ игру. Смотрѣли же гораздо привѣтливѣе, почти ласково. Панъ на диванѣ закурилъ новую трубку и приготовился метать; въ лицѣ его изобразилась даже нѣкая торжественность.

— На мѣста ланове! провозгласилъ ланъ Врублевскій.

— Нѣтъ, я не стану больше играть, отозвался Каагановъ,—я давеча ужъ имъ проигралъ пятьдесятъ рублей.

— Панъ былъ неценсаивый, ланъ можетъ быть опять ценсаивымъ, замѣтилъ въ его сторону ланъ на диванѣ.

— Сколько въ банкѣ? Отвѣтнмъ? горячился Митя.

— Слухамъ лане, можетъ сто, може двѣсцьдѣ, сколько ставить будешь.

— Милліонъ! захохоталъ Митя.

— Панъ калитанъ можетъ слышалъ про лана Подвысоцкера?

— Какого Подвысоцкого?

— Въ Варшавѣ банкъ отвѣтныи ставить кто идетъ. Приходитъ Подвысоцкій, видитъ тысячцъ золотыхъ, ставитъ: вѣ банкъ. Банкеръ муви: „пане Подвысоцки, ставишь золото, чи на гоноръ?“—На гоноръ, пане, муви Подвысоцкій.—„Тѣмъ дѣлѣй, пане.“ Банкеръ мечеть талью, Подвысоцкій беретъ тысячцъ золотыхъ. — „Почекай пане“, муви банкеръ, вынулъ щипкъ и даеть миллионъ: „бери пане, ото есть твой рахунакъ“ (вотъ твой счетъ)! Банкъ былъ миллионнымъ.—Я не зналъ того, муви Подвысоцкій.—„Пане Подвысоцки, муви банкеръ,—ты ставилъ на гоноръ, и мы на гоноръ.“ Подвысоцкій взялъ миллионъ.

— Это не правда, сказалъ Калгановъ.

— Пане Калгановъ, въ шляхетной компаніи такъ мувиць не пржитои (въ порядочномъ обществѣ такъ не говорятъ).

— Такъ и отдасть тебѣ польскій игрокъ миллионъ! воскликнулъ Митя, но тотчасъ слохватился: — Прости, пане, виновень, вновь виновень, отдасть, отдасть миллионъ, на гоноръ, на польску честь! Видишь какъ я говорю по-польски, ха-ха! Вотъ ставлю десять рублей, идетъ — ваетъ.

— А я рубликъ на дамочку, на червовную, на хорошенькую, на ланечку, хи-хи! прохихикалъ Максимовъ, выдвинувъ свою даму и, какъ бы желая скрыть отъ всѣхъ, придвинулся влаеть къ столу и наскоро перекрестился подъ столомъ. Митя выигралъ. Выигралъ и рубликъ.

— Уголь! крикнулъ Митя.

— А я олятъ рубликъ, я семпелечкомъ, я маленькимъ, маленькимъ семпелечкомъ, блаженно бормоталъ Максимовъ въ страшной радости что выигралъ рубликъ.

— Бита! крикнулъ Митя.—Семерку на *пе!*

Убили и на *пе.*

— Перестаньте, сказалъ вдругъ Калгановъ.

— На *пе*, на *пе*, удваивалъ ставки Митя, и что ви ставилъ на *пе*—все убивалось. А рублики выигрывали.

— На *пе!* рывкнулъ въ ярости Митя.

— Двѣсць проигралъ, пане. Еще ставишь двѣсць? освѣдомился панк на диванѣ.

— Какъ, двѣсти ужъ проигралъ? такъ еще двѣсти! Вотъ двѣсти на *пе!* И выхвативъ изъ кармана ланги Митя бросилъ было двѣсти рублей на даму, какъ вдругъ Калгановъ накрылъ ее рукой:

— Довольно! крикнулъ онъ своимъ звонкимъ голосомъ.

— Что вы это? уставился на него Митя.

— Довольно, не хочу! Не будете больше играть.

— Почему?

— А потому. Паюйте и уходите, вотъ почему. Не дамъ больше играть!

Митя глядѣлъ на него въ изумленіи.

— Брось, Митя, онъ можетъ правду говорить; и безъ того много проигралъ, со страшною поткой въ голосъ произнесла и Грушенька. Оба лава вдругъ поднялись съ мѣста со страшно обиженнымъ видомъ.

— Жартуешь (шутить), лаве? проговорилъ маленькій лавъ, строго осматривая Каганова.

— Якъ сѣвъ поважашь то робиць, лаве! (Какъ вы смѣете это дѣлать!) рывкнулъ на Каганова и лавъ Врублевскій.

— Не смѣть, не смѣть кричать! крикнула Грушенька.— Ахъ лѣтухи ивадѣйскіе!

Митя смотрѣлъ на нихъ на всѣхъ поочередно; но что-то вдругъ поразило его въ лицѣ Грушеньки и въ тотъ же мигъ что-то совсѣмъ новое промелькнуло и въ умѣ его,—страшная новая мысль!

— Папи Агриплина! началъ было маленькій лавъ, весь красный отъ задора, какъ вдругъ Митя, подойдя къ нему, хлопнулъ его по плечу.

— Ясновельможный, на два слова.

— Чего хцешь, лаве? (Что угодно?)

— Въ ту комнату, въ тотъ покой, два словечка скажу тебѣ хорошихъ, самыхъ лучшихъ, оставьшяся доволенъ.

Маленькій лавъ удивился и опасливо поглядѣлъ на Митю. Тотчасъ же однако согласился, но съ непремѣннымъ условіемъ чтобы шелъ съ ними и лавъ Врублевскій.

— Тѣохранитель-то? Пусть и онъ, и его надо! Его даже непремѣнно! воскликнулъ Митя.—Маршъ, лавове!

— Куда это вы? тревожно спросила Грушенька.

— Въ одинъ мигъ вернемся, отвѣтилъ Митя. Какая-то смѣлость, какаа-то неожиданная бодрость засверкала въ лицѣ его; совсѣмъ не съ тѣмъ лицомъ вошелъ онъ часъ назадъ въ эту комнату. Онъ провелъ нановъ въ комнатку направо, не въ ту, въ большую, въ которой собирался хоръ дѣвокъ и накрывался столъ, а въ спальную, въ которой помѣщались сундуки, укаадки и двѣ большія кровати съ ситцевыми по-

душками горой на каждой. Тутъ на маленькомъ тесномъ столикѣ въ самомъ углу горѣла свѣчка. Павъ и Митя расположились у этого столика другъ противъ друга, а огромный павъ Врублевскій сбоку ихъ, заложивъ руки за спину. Паны смотрѣли строго, но съ видимымъ любопытствомъ.

— Чемъ можешь служишь паву? пролетѣла маленькій павъ.

— А вотъ чѣмъ, паве, я много говорить не буду: вотъ тебѣ деньги,—онъ вытаскивалъ свои кредитки:—хочешь три тысячи, бери и уѣзжай куда знаешь.

Павъ смотрѣлъ пытливо, во все глаза, такъ и впился взглядомъ въ лицо Митя.

— Тржи тысенцы, паве? Онъ перегаивался съ Врублевскимъ.

— Тржи павове, тржи! Слушай паве, вижу что ты человекъ разумный. Бери три тысячи и убирайся ко всемъ чертямъ, да и Врублевскаго съ собой захвати—слышишь это? Но сейчасъ же, сію же минуту, и это на вѣки, понимаешь паве, на вѣки вотъ въ эту самую дверь и выйдешь. У тебя что тамъ: пальто, шуба? Я тебѣ вынесу. Сію же секунду тройку тебѣ заложать и—до видѣнья паве! А?

Митя увѣренно ждалъ отвѣта. Онъ не сомнѣвался. Нѣчто чрезвычайно рѣшительное мелькнуло въ лицѣ пана.

— А рѣбай, паве?

— Рѣбай-то вотъ какъ, паве: пятьсотъ рублей сію минуту тебѣ на извожика и въ задатокъ, а двѣ тылочи пятьсотъ завтра въ городѣ—честью клянусь будутъ, доставу изъ-подъ земли! крикнулъ Митя.

Полыки перегаивудись опять. Лицо пана стало измѣняться къ худшему.

— Семьсотъ, семьсотъ, а не пятьсотъ, сейчасъ, сію минуту въ руки! надбавилъ Митя, почувствовавъ вѣчто нехорошее.—Чего ты павъ? Не вѣришь? Не все же три тысячи дать тебѣ сразу. Я дамъ, а ты и воротись къ ней завтра же... Да теперь и нѣтъ у меня всехъ трехъ тысячъ, у меня въ городѣ дома лежатъ, летѣла Митя, труся и падая духомъ съ каждымъ своимъ словомъ,—ей Богу лежатъ, спрятаны...

Въ одинъ мигъ чувство необыкновеннаго собственнаго достоинства засіяло въ лицѣ маленькаго пана:

— Чи не потшебуешь еще чѣго? спросилъ онъ провнически.—Пфе! А пфе! (стыдъ, срамъ!) И онъ плюнулъ. Плюнулъ и павъ Врублевскій.

— Это ты оттого илюешься, лане, проговорилъ Митя какъ отчаянный, появъ что все кончилось,—оттого что отъ Грушеньки думаешь больше таянуть. Балауны вы оба, вотъ что!

— Естемъ до живого доткнентнымъ! (Я оскорбленъ до послѣдней степени) раскраснѣлся вдругъ малекій лавъ какъ ракъ и живо, въ страшномъ негодованіи, какъ бы не желая больше ничего слушать, вышелъ изъ комнаты. За нимъ, раскачиваясь, послѣдовалъ и Врублевскій, а за ними ужъ и Митя, сконфуженный и олтшенный. Онъ боялся Грушеньки; онъ предчувствовалъ что лавъ сейчасъ раскричится. Такъ и случилось. Лавъ вошелъ въ залу и театралью всталъ предъ Грушенькой.

— Пани Агриллива, естемъ до живого доткнентнымъ! воскликнулъ было онъ, но Грушенька какъ бы вдругъ потеряла всякое терпѣніе, точно тронули ее по самому больному мѣсту.

— По-русски, говори по-русски, чтобы ни одного слова польскаго не было! закричала она на него.—Говорилъ же прежде по-русски, неужели забывъ въ пять лѣтъ! Она вся покраснѣла отъ гнѣва.

— Пани Агриллива...

— Я Аграфена, я Грушенька, говори по-русски или слушать не хочу! Лавъ залыхтѣлъ отъ гонора и, ломая русскую рѣчь, быстро и напыщенно произнесъ:

— Пани Аграфена, я лишѣхалъ забыть старое и простить его, забыть что было долпрежъ сегодня...

— Какъ простить? Это меня-то ты прѣхалъ простить? перебила Грушенька и вскочила съ мѣста.

— Такъ есть, лави (точно такъ, лави), я не молодущыи, я великодушныи. Но я быдемъ задивѣны (былъ удивленъ) когда видѣлъ твоихъ любовниковъ. Лавъ Митя въ томъ локоѣ давалъ мнѣ тржи тысеңцы, чтобы я отбылъ. Я лиюнулъ лаву въ физію.

— Какъ? Онъ тебѣ деньги за меня давалъ? истерически воскричала Грушенька.—Правда, Митя? Да какъ ты смѣлъ! Развѣ я продажала?

— Лане, лане, возопилъ Митя,—она чиста и сіаетъ, и ни-когда я не былъ ея любовникомъ! Это ты совралъ...

— Какъ смѣешь ты меня предъ нимъ защищать, вопила Грушенька:—не изъ добродѣтели я чиста была и не потому что Кузьмы боялась, а чтобы предъ нимъ гордой быть и чтобы право имѣть ему подлеца сказать когда встрѣчу. Да неужто жъ онъ съ тебя денегъ не взялъ?

— Да брааъ же, брааъ! воскликнулъ Митя, — да только всѣ три тысячи разомъ захотѣлъ, а я всего семьсотъ задатку давалъ.

— Ну и попятно: просамшалъ что у меня деньги есть, а потому и прѣхалъ вѣнчаться!

— Папи Агриппина, закричалъ павъ, — я рыцарь, а шляхтичъ, а не лайдакъ! Я лшибылъ взять тебя въ супругу, а вижу нову пави, не ту что прежде, а упарту и безъ стыду (своеправную и безстыдаую).

— А и убирайся откуда прѣхалъ! Веаю тебя сейчасъ прогнать и прогонять! крикнула въ изступленіи Грушенька. — Дура, дура была я что лять лѣтъ себя мучила! Да и не за него себя мучила вовсе, я со злобы себя мучила! Да и не олъ это вовсе! Развѣ олъ былъ такой? Это отецъ его какой-то! Это гдѣ ты парикъ-то себѣ заказалъ? Тотъ былъ соколъ, а это селезень. Тотъ смѣялся и мнѣ лѣсни лѣлъ... А я-то, я-то лять лѣтъ слезами заливалась, проклятая я дура, низкая я, безстыжая!

Она упала на свое кресло и закрыла лицо ладонями. Въ эту минуту вдругъ раздался въ сосѣдней комнатѣ салва хоръ собравшихся наконецъ Мокринскихъ дѣвокъ, — захватская лавсовая лѣсня.

— Тѣ есть содомъ! взревѣлъ вдругъ павъ Врублевскій. — Хозяинъ, прогони безстыжихъ!

Хозяинъ, который давно уже съ любопытствомъ загадывалъ въ дверь, слыша крикъ и чуя что гости перессорились, тотчасъ явился въ комнату.

— Ты чего кричишь, глотку рвешь? обратился олъ къ Врублевскому съ какою-то неловатною даже невѣжливостію.

— Скотина! заоралъ было павъ Врублевскій.

— Скотина? А ты въ какія карты сейчасъ игралъ? Я лдалъ тебѣ колоду, а ты мои спряталъ! Ты въ поддѣльныя карты игралъ! Я тебя за поддѣльныя карты въ Сибирь могу улрять, знаешь ты это, потому оно все одно что бумажки поддѣльныя... И подойдя къ дивану олъ засунулъ пальцы между спинкой и подушкой дивана и вытащилъ оттуда нераспечатанную колоду картъ.

— Вотъ она моя колода, не распечатана! Олъ подмалъ ее и показалъ всѣмъ кругомъ: — я вѣдь видѣлъ оттелева какъ олъ мою колоду сунулъ въ щель, а своей подмѣнилъ, — шильникъ ты этакой, а не павъ!

— А я видѣлъ какъ тотъ павъ два раза передернулъ, крикнулъ Калгановъ.

— Ахъ какъ стыдно, ахъ какъ стыдно! воскликнула Грушенька, сплеснувъ руками и воистину покрасѣла отъ стыда.—Господи, экой, экой сталъ человекъ!

— И я это думалъ, крикнулъ Митя. Но не успѣлъ онъ это выговорить какъ лавъ Врублевскій, сконфуженный и взбѣшенный, обратясь ко Грушенькѣ и грозя ей кулакомъ, закричалъ:

— Публично шельма! Но не успѣлъ онъ и воскликнуть какъ Митя бросился на него, обхватилъ его обѣими руками, поднявъ на воздухъ и въ одинъ мигъ вынесъ его изъ замка въ комнату направо, въ которую сейчасъ только вошелъ ихъ обоихъ.

— Я его тамъ на полъ положилъ! возвѣстилъ онъ тотчасъ же возвратившись и задыхаясь отъ волненія,—дерется каналья, небось не придетъ оттуда!... Онъ заперъ одну половинку двери и, держа настежь другую, воскликнулъ къ маленькому лаву:

— Ясновельможный, не угодно ли туда же? Пшелпрашамъ!

— Батюшка, Митрій Федоровичъ, возгласилъ Трифонъ Борисычъ,—да отбери ты у нихъ денъга-то, то что имъ проигралъ! Вѣдь все равно что воровствомъ съ тебя взяли.

— Я свои пятьдесятъ рублей не хочу отбирать, отозвался вдругъ Кагановъ.

— И я свои двѣсти, и я не хочу! воскликнулъ Митя,—ни за что не отберу, пусть ему въ утѣшенье останутся.

— Славно, Митя! Молодецъ, Митя! крикнула Грушенька и страшно злобая нотка прозвенѣла въ ея восклицаніи. Маленькій лавъ, багровый отъ ярости, но несколько не потерявшій своей самовитости, направился было къ двери, но остановился и вдругъ проговорилъ, обращаясь ко Грушенькѣ:

— Пани, ежели хцешь исьць за мною, идзьмы, если небывай зарова! (Пани, если хочешь идти за мной—пойдемъ, а если нѣтъ—то прощай!)

И важно, лыхтя отъ негодованія и амбиціи, прошелъ въ дверь. Человекъ былъ съ характеромъ: онъ еще послѣ всего происшедшаго не терялъ надежды что пани пойдетъ за нимъ,—до того цѣнилъ себя. Митя прихлопнулъ за нимъ дверь.

— Заприте ихъ на ключъ, сказалъ Кагановъ. Но замокъ щелкнулъ съ ихъ стороны, они заперлись сами.

— Славно! злобно и безпощадно крикнула опять Грушенька.—Славно! Туда и дорога!

VIII Бредъ.

Началась почти оргія, лиръ на весь міръ. Грушенька закричала первая чтобъ ей дали вина: „Пить хочу, совсѣмъ льявая хочу налиться, чтобъ какъ прежде, помнишь, Митя, помнишь какъ мы здѣсь тогда слознавались!“ Самъ же Митя былъ какъ въ бреду и предчувствовалъ „свое счастье“. Грушенька его впрочемъ отъ себя безпрерывно отгоняла: „Ступай, веселись, скажи имъ чтобъ плясали, чтобъ всѣ веселились, „ходи изба, ходи лечь“, какъ тогда, какъ тогда!“ продолжала она восклицать. Была она ужасно возбуждена. И Митя бросался распорядиться. Хоръ собрался въ сосѣдней комнатѣ. Та же комната въ которой до сихъ поръ сидѣли была къ тому же и тѣсна, разгорожена надвое ситцевою занавѣской, за которою олять-таки помѣщалась огромная кровать съ лухаю периной и съ такими же ситцевыми подушками горкой. Да и во всѣхъ четырехъ „чистыхъ“ комнатахъ этого дома вездѣ были кровати. Грушенька расположилась въ самыхъ дверяхъ, Митя ей принесъ сюда кресло: также точно сидѣла она и „тогда“, въ день ихъ перваго здѣсь кутежа, и смотрѣла отсюда на хоръ и на пляску. Дѣвки собрались всѣ тогдашнія же; Жидки со скрипками и цитрами тоже прибыли, а наконецъ-то прибылъ и столь ожидаемый возъ на тройкѣ съ винами и приласами. Митя суетился. Въ комнату входили гадѣть и посторонніе, мужики и бабы, уже славшіе, но пробудившіеся и почувшшіе небывалое угощеніе, какъ и мѣсяцъ назадъ. Митя здоровался и обнимался со знакомыми, припоминалъ лица, откулоривалъ бутылки и наливалъ всѣмъ кому попало. На шампанское заридись очень только дѣвки, мужикамъ же нравилась больше ромъ и коньякъ и особенно горячій луншъ. Митя распорядился чтобъ былъ сваренъ шоколадъ на всѣхъ дѣвокъ и чтобъ не переводились всю ночь и кипѣли три самовара для чаю и лунша на всякаго приходящаго: кто хочетъ лустъ и угощается. Однимъ словомъ, началось вѣчто безпорядочное и нелѣпое, но Митя былъ какъ бы въ своемъ родномъ элементѣ, и чѣмъ нелѣпѣе все становилось тѣмъ больше онъ оживлялся духомъ. Полпроси у него какой-нибудь мужикъ въ тѣ минуты

денегъ, онъ тотчасъ же вытаскилъ бы всю свою лачку и сталъ бы раздавать направо и налево безъ счету. Вотъ почему, вѣроятно чтобы уберечь Митю, сновалъ кругомъ его почти безотлучно хозяинъ, Трифонъ Борисычъ, совсѣмъ ужъ кажется раздумавшій ложиться спать въ эту ночь, пившій однако мало (всего только выкушалъ одинъ стакачикъ ливша) и зорко наблюдавшій по-своему за интересами Мити. Въ нужныя минуты онъ ласково и подобострастно останавливалъ его и уговаривалъ, не давалъ ему отдѣлать какъ „туда“ мужиковъ „цыгарками и ренскимъ виномъ“ и, Боже сохрани, деньгами, и очень негодовалъ на то что дѣвки льютъ ликеръ и ѣдятъ конфеты: „Вшивость лишь одна, Митрій Федоровичъ, говорилъ онъ;—я ихъ колѣнкомъ всякую наливаю, да еще за честь почитать прикажу,—вотъ онъ какія!“ Митя еще разъ вспомнилъ про Андрея и велѣлъ послать ему пушпу:— „Я его давеча обидѣлъ“, повторялъ онъ ослабѣвшимъ и умилеваннымъ голосомъ. Каагановъ не хотѣлъ было пить и хоръ дѣвокъ ему сначала не понравился очень, но выпивъ еще бокала два шампанскаго страшно развеселился, шагаль по комнатамъ, смѣялся и все и всѣхъ хвалилъ, и лѣсни, и музыку. Максимовъ, блаженный и пьявенькій, не покидалъ его. Грушенька, тоже начинавшая хмѣлѣть, указывала на Кааганова Митѣ: „Какой онъ миленькій, какой чудесный мальчикъ!“ И Митя съ восторгомъ бѣжалъ цѣловаться съ Каагановымъ и Максимовымъ. О, онъ многое предчувствовалъ; ничего еще она ему не сказала такого и даже видимо нарочно задерживала сказать, изрѣдка только поглядывая на него ласковымъ, но горячимъ глазкомъ. Наконецъ она вдругъ схватила его крѣпко за руку и съ силой притянула къ себѣ. Сама она сидѣла тогда въ креслахъ у дверей.

— Какъ это ты давеча вошелъ-то, а? Какъ ты вошелъ-то!... а такъ услугалась. Какъ же ты меня ему устулить-то хотѣлъ, а? Неужто хотѣлъ?

— Счастья твоего губить не хотѣлъ! въ блаженствѣ лепеталъ ей Митя. Но ей и не надо было его отвѣта:

— Ну, стулай!... веселись, отгоняла она его опять,—да не плачь, олять позову.

И онъ убѣгалъ, а она привнималась опять слушать лѣсни и глядѣть на пляску, слѣдя за нимъ взглядомъ, гдѣ бы онъ ни былъ, но черезъ четверть часа опять подзывала его и онъ опять прибѣгалъ.

— Ну, садись теперь подаль, рассказывай какъ ты вчера обо мнѣ усамышалъ что я сюда поѣхала; отъ кого отъ перваго узналъ?

И Митя начиналъ все рассказывать, безсвязно, беспорядочно, горячо, но странно однако же рассказывалъ, часто вдругъ хмурилъ брови и обрывался.

— Чего ты хмуришься-то? спрашивала она.

— Ничего.... одного больного тамъ оставилъ. Кабы выздоровѣлъ, кабы зналъ что выздоровѣетъ, десять бы лѣтъ сейчасъ моихъ отдалъ!

— Ну, Богъ съ нимъ, коли больной. Такъ неужто ты хотѣлъ завтра застрѣлить себя, экой гауптай, да изъ-за чего? Я вотъ этакихъ какъ ты безразсудныхъ люблю, летела она ему немного отяжелѣвшимъ языкомъ.—Такъ ты для меня на все пойдешь? А? И неужто жь ты, дурачокъ, вправду хотѣлъ завтра застрѣлиться! Нѣтъ, погоди пока, завтра я тебѣ можетъ одно словечко скажу.... не сегодня скажу, а завтра. А ты бы хотѣлъ сегодня? Нѣтъ, я сегодня не хочу.... Ну ступай, ступай теперь, веселись.

Разъ однако она подозвала его какъ бы въ недоумѣннѣи и озабоченно.

— Чего тебѣ грустно? Я вижу, тебѣ грустно.... Нѣтъ, ужъ я вижу, прибавила она, зорко вглядываясь въ его глаза.—Хоть ты тамъ и цѣлуешься съ мужиками и кричишь, а я что-то вижу. Нѣтъ, ты веселись, я весела и ты веселись.... Я кого-то здѣсь люблю, угадай кого?... Ай, посмотри: мальчикъ-то мой заснулъ, охмѣлялъ сердечный.

Она говорила про Калганова: тотъ дѣйствительно охмѣлялъ и заснулъ на мгновеніе, сидя на диванѣ. И не отъ одного хмѣля заснулъ, ему стало вдругъ отчего-то грустно или, какъ онъ говорилъ, „скучно“. Сильно обезкуражили его лодъ конецъ и лѣσαι дѣвокъ, начинавшія переходить, постелевно съ покойкой, въ вѣчто слѣшкомъ уже скоромное и разнуданное. Да и пляски ихъ тоже: двѣ дѣвки переодѣлись въ медвѣдей, а Степавида, бойкая дѣвка съ палкой въ рукѣ, представляя вожака, стала ихъ „показывать“. „Веселѣй, Марья, кричала она,—не то палкой!“ Медвѣди наконецъ повалялись на полъ какъ-то совсѣмъ ужъ неприлично, при громкомъ хохотѣ набравшейся, не въ прорѣзъ, всякой лублики бабъ и мужиковъ.—„Ну и пусть ихъ, ну и пусть ихъ, говорила сентенціозно Грушенька съ блаженнымъ видомъ

въ лицѣ,—кой-то денекъ выйдетъ имъ повеселиться, такъ и не радоваться людямъ?“ Калгановъ же смотрѣлъ такъ какъ будто чѣмъ залачкался:—„Свидѣство это все, эта вся народность“, замѣтилъ онъ отходя,—„это у нихъ весеннія игры когда они солнце берегутъ во всю лѣтнюю ночь.“ Но особенно не понравилась ему одна „новая“ лѣсенка съ бойкимъ ллясовымъ налѣвомъ, пролѣтая о томъ какъ вѣхал баринъ и дѣвушекъ пыталъ:

Баринъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любить али вѣтъ.

Но дѣвкамъ показалось что нельзя любить барина:

Баринъ будетъ больно бить,
А я его не любить.

Вѣхалъ потомъ Цыганъ (произносилось Цыганъ) и этотъ тоже.

Цыганъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любить али вѣтъ?

Но и Цыгана нельзя любить,

Цыганъ будетъ воровать,
А я буду горевать.

И много провѣхало такъ людей, которые пытали дѣвушекъ, даже солдатъ:

Солдатъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любить али вѣтъ,

Но солдата съ презрѣніемъ отвергли:

Солдатъ будетъ ратьець несть,
А я за нимъ...

Тутъ слѣдовалъ самый нецензурный стихокъ, пролѣтѣтый совершенно откровенно и произведшій фуроръ въ слушавшей публикѣ. Кончилось наконецъ дѣло на кулчѣ:

Кулчикъ дѣвушекъ пыталъ,
Дѣвки любить али вѣтъ?

И оказалось что очень любить, потому дескать что

Кулчикъ будетъ торговать,
А я буду царевать.

Калгановъ даже озлился:

— Это совсѣмъ вчерашняя лѣсенка, замѣтилъ онъ вслухъ,— и кто это имъ сочиняетъ! Не достааетъ чтобы желѣзно-дорожникъ адъ Жидъ провѣхали и дѣвушекъ пытали: эти всѣхъ

бы любѣдили. И почти обидѣвшись, онъ тутъ же и объявилъ что ему скучно, сѣлъ на диванъ и вдругъ задремалъ. Хорошенькое личико его нѣсколько любѣдѣло и откинулось на подушку дивана.

— Посмотри, какой онъ хорошенькій, говорилъ Грушенька, подводя къ нему Митю:—я ему давеча головку расчесывала; волоски точно лезъ и густые...

И нагнувшись надъ нимъ въ удивленіи она поцѣловала его въ лобъ. Балгановъ въ одинъ мигъ открылъ глаза, взглянулъ на нее, привсталъ и съ самымъ озабоченнымъ видомъ спросилъ: гдѣ Максимовъ?

— Вотъ ему кого надо, засмѣялась Грушенька;—да посиди со мной минутку. Митя, сбѣгай за его Максимовымъ.

Оказалось что Максимовъ ужъ и не отходилъ отъ дѣвокъ, изрядка только отбѣгалъ налить себѣ ликерчику, шоколату же вынулъ двѣ чашки. Личико его раскраснѣлось, а носъ побарбовѣлъ, глаза стали влажные, сладостные. Онъ подбѣжалъ и объявилъ что сейчасъ „подъ одинъ мотивчикъ“ хочетъ протанцовать тавецъ саботьеру.

— Меня вѣдь маленькаго всѣмъ этимъ благвоспитаннымъ свѣтскимъ танцамъ обучали-сь...

— Ну ступай, ступай съ нимъ, Митя, а я отсюда посмотрю какъ онъ тамъ танцовать будетъ.

— Нѣтъ, и я, и я пойду смотрѣть, воскликнулъ Балгановъ, самымъ наивнымъ образомъ отвергая предложеніе Грушеньки посидѣть съ нимъ. И всѣ направились смотрѣть. Максимовъ дѣйствительно свой тавецъ протанцовалъ, но кромѣ Мити почти ни въ комъ не произвелъ особеннаго восхищенія. Весь тавецъ состоялъ въ какихъ-то подпрыгиваніяхъ съ вывертываніемъ въ стороны ногъ, подошвами кверху, и съ каждымъ прыжкомъ Максимовъ ударялъ ладонью по подошвѣ. Балганову совсѣмъ не понравилось, а Митя даже обоимъ танцора.

— Ну, спасибо, усталъ можетъ, что глядишь сюда: конфетку хочешь, а? Цыгарочку можетъ хочешь?

— Цыгарочку-съ.

— Выпить не хочешь ли?

— Я тутъ ликеру-съ... А шоколатныхъ конфеточекъ у васъ вѣтъ-съ?

— Да вотъ на столѣ двѣмъ ногъ, выбирай любую, голубиная ты душа!

— Нѣтъ-съ, а такую-съ чтобы съ вапцьяю... для старичковъ-съ... Хи-хи!

— Нѣтъ, братъ, такихъ особенныхъ нѣтъ.

— Послушайте! нагулся вдругъ старичокъ къ самому уху Мити,—эта вотъ дѣвочка-съ, Марьюшка-съ, хи-хи, какъ бы мнѣ, еслибы можно, съ нею познакомиться, по добротѣ вашей...

— Ишь ты чего захотѣлъ! Нѣтъ, братъ, время.

— Я никому вѣдь заа не дѣлаю-съ, ушью прошепталъ Максимовъ.

— Ну, хорошо, хорошо. Здѣсь братъ только лаютъ и пляшутъ, а впрочемъ, чорты! подожди... Кушай пока, ѣшь, пей, веселись. Денегъ не надо ли?

— Потомъ бы развѣ-съ, улыбулся Максимовъ.

— Хорошо, хорошо...

Голова горѣла у Мити. Онъ вышелъ въ сѣни на деревянную верхнюю галлерейку, обходящую изнутри, со двора часть всего строенія. Свѣжій воздухъ оживилъ его. Онъ стоялъ одинъ, въ темнотѣ, въ углу и вдругъ схватилъ себя обѣими руками за голову. Разбросанныя мысли его вдругъ соединились, ощущенія слились во едино и все дало свѣтъ. Страшный, ужасный свѣтъ! „Вотъ если застрѣлится, такъ когда же какъ не теперь?“ провеслось въ умѣ его. „Сходить за лѣстолебомъ, привести его сюда и вотъ въ этомъ самомъ, грязномъ и темномъ углу и покончить.“ Почти съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости. Давеча, какъ летѣлъ сюда, сзади него стоялъ позоръ, совершенное, содѣянное уже имъ воровство и эта кровь, кровь!.. Но тогда было легче, о, легче! Вѣдь ужъ все тогда было покончено: ее онъ потерялъ, уступилъ, она погибла для него, исчезла,—о, приговоръ тогда былъ легче ему, по крайней мѣрѣ казался неминуемымъ, необходимымъ, ибо для чего же было оставаться на свѣтѣ? А теперь? Теперь развѣ то что тогда? Теперь съ однимъ по крайней мѣрѣ привидѣниемъ, устрашающимъ, покончено: этотъ ея „прежній“, ея бесплорный, фатальный человекъ этотъ исчезъ, не оставивъ слѣда. Страшное привидѣние обратилось вдругъ во что-то такое маленькое, такое комическое; его свесилъ руками въ спальню и залерли на ключъ. Оно никогда не воротится. Ей стыдно, и изъ глазъ ея онъ уже видитъ теперь ясно кого она любитъ. Ну, вотъ теперь бы только

и жить и... и нельзя жить, нельзя, о, проклатіе! „Боже оживи поверженнаго у забора! Промеси эту страшную чашу мимо меня! Вѣдь дѣлал же Ты чудеса, Господи, для такихъ же грѣшниковъ какъ и я! Ну что, ну что если старики живы? О, тогда срамъ остающаго позора я уничтожу, а ворочу украденныя деньги, а отдамъ ихъ, достану изъ-подъ земли... Слѣдовъ позора не останется, кромѣ какъ въ сердцѣ моемъ на вѣки! Но нѣтъ, нѣтъ, о, невозможныя, малодушныя мечты! о, проклатіе!“

Но все же какъ бы лучъ какой-то свѣтлой надежды блеснулъ ему во тьмѣ. Онъ сорвался съ мѣста и бросился въ комнаты—къ ней, къ ней опять, къ царицѣ его на вѣки! „Да неужели одинъ часъ, одна минута ея любви не стоятъ всей остающейся жизни, хотя бы и въ мукахъ позора?“ Этотъ дикій вопросъ захватилъ его сердце. „Къ ней, къ ней одной, ее видѣть, слушать и ни о чемъ не думать, обо всемъ забыть, хотя бы только на эту ночь, на часъ, на мгновение!“ Предъ самымъ входомъ въ сѣни, еще на галлерейкѣ, онъ столкнулся съ хозяиномъ Тимошеемъ Борисычемъ. Тотъ что-то показался ему мрачнымъ и озабоченнымъ и кажется шелъ его размокивать.

— Что ты, Борисычъ, не меня ли искалъ?

— Нѣтъ-съ, не васъ, какъ бы олъшилъ вдругъ хозяинъ,— зачѣмъ мнѣ васъ разыскивать? А вы... гдѣ были-съ?

— Что ты такой скучный? не сердисься ли? погоди, скоро спать пойдешь... Который часъ-то?

— Да ужъ три часа будетъ. Надо быть даже четвертый.

— Кончимъ, кончимъ.

— Помилуйте, ничего-съ. Даже сколько угодно-съ...

„Что съ нимъ?“ мелькомъ подумалъ Митя и вбѣжалъ въ комнату гдѣ лаяла дѣвка. Но ея тамъ не было. Въ голубой комнатѣ тоже не было; одинъ лишь Калгановъ дремалъ на диванѣ. Митя глянулъ за занавѣсы—она была тамъ. Она сидѣла въ углу, на сундукѣ, и склонившись съ руками и съ головой на подлѣ стоящую кровать горько плакала, изо всѣхъ силъ крѣпясь и скрадывая голосъ чтобы не услышали. Увидавъ Митю она поманила его къ себѣ и когда тотъ подбѣжалъ, крѣпко схватила его за руку.

— Митя, Митя, я вѣдь любила его! начала она ему шепотомъ,—такъ любила его, всѣ пять лѣтъ, все, все это время! Его ли любила, али только заобу мою? Нѣтъ, его! охъ, его!

Я вѣдь агу что любила только заобу мою, а не его! Мита, вѣдь я была всего семнадцать лѣтъ тогда, онъ тогда былъ такой со мной ласковый, такой развеселый, мнѣ лѣсни глазъ.. Или ужь показала тогда такимъ дурѣ мнѣ, дѣвчонкѣ... А теперь, Господи, да это не тотъ, совсѣмъ и не онъ. Да и лицомъ не онъ, не онъ вовсе. Я и съ лица его не узнала. Вѣхала я сюда съ Тимошеемъ и все-то думала, всю дорогу думала: „какъ встрѣчу его, что-то скажу, какъ гадѣть-то мы другъ на друга будемъ?... Вся душа замираетъ, и вотъ онъ меня тутъ точно изъ шайки помоями окатилъ. Точно учитель говоритъ: все такое ученое, важное, встрѣтилъ такъ важно, такъ я и стала въ тулукъ. Слова некуда вернуть. Я сначала думала что онъ этого своего длиннаго Полака-то стыдителя. Сижу, смотрю на нихъ и думаю: почему это я такъ ничего съ нимъ говорить теперь не умѣю? Знаешь, это его жена испортила, вотъ на которой онъ, бросилъ меня тогда да женился... Это она его тамъ передѣлала. Мита, стыдъ-то какой! Охъ, стыдно мнѣ, Мита, стыдно, охъ, за всю жизнь мою стыдно! Прокляты, прокляты пусть будутъ эти пять лѣтъ, прокляты! И она опять залилась слезами, но Митину руку не выускала, крѣпко держалась за нее.

— Мита, голубчикъ, постой, не уходи, я тебѣ одно словечко хочу сказать, прошептала она и вдругъ подняла къ нему лицо: Слушай, скажи ты мнѣ, кого я люблю? Я заѣсь одного человѣка люблю. Который это человѣкъ? вотъ что скажи, ты мнѣ.—На раслушаемъ отъ слезъ лицъ ея засвѣтилась улыбка, глаза сияли въ полутьмѣ.—Вошелъ давеча одинъ соколъ, такъ сердце и упало во мнѣ. „Дура ты, вотъ вѣдь кого ты любишь“—такъ сразу и шелнуло сердце. Вошелъ ты и все освѣтилъ. Да чего онъ боится? думаю. А вѣдь ты заболела, совсѣмъ заболела, говорить не умѣла. Не ихъ же, думаю, онъ боится, —равнѣ ты кого испугаться можешь? Это меня онъ боится, думаю, только меня. Такъ вѣдь рассказала же тебѣ, дурачку, Олена какъ я Аешѣ въ окно прокричала что любила часочекъ Митеньку, а теперь вѣду любить... другого. Мита, Мита, какъ это я могла, дура, подумать что люблю другого посаѣ тебя! Прощаешь, Мита? Прощаешь меня или нѣтъ? Любишь? Любишь?

Она вскочила и схватила его обѣими руками за плечи. Мита вѣмой отъ восторга гадѣлъ ей въ глаза, въ лицо, на улыбку ея, и вдругъ, крѣпко обнявъ ее, бросился ее цѣловать.

— А простишь что мучила? Я вѣдь со заобы всѣхъ васъ

измучила. Я вѣдь старикашку того нарочно со заобы съ ума свела... Помнишь какъ ты разъ у меня пилъ и бокалъ разбилъ? Запомнила я это и сегодня тоже разбила бокалъ, за „подлое сердце мое“ пила. Митя, соколы, что жъ ты меня не цѣлуешь? Разъ поцѣловалъ и оторвался, глядитъ, слушаетъ... Что меня слушать! Цѣлуй меня, цѣлуй крѣпче, вотъ такъ. Любить, такъ ужъ любить! Раба твоя теперь буду, раба на всю жизнь! Сладко рабой быть!... Цѣлуй! Прибей меня, мучай меня, сдѣлай что надо мной... Охъ, да и впрямь меня надо мучить... Стой! Подожди, потомъ, не хочу такъ...—Оттокнула она его вдругъ:—Ступай прочь, Митька, пойду теперь вина пьюсь, пьяна хочу быть, сейчасъ пьяная пласать пойду, хочу, хочу!

Она вырвалась отъ него изъ-за завѣсокъ. Митя вышелъ за ней какъ пьяный. „Да пусть же, пусть, что бы теперь ни случилось — за минуту одну весь миръ отдамъ“, промелькнуло въ его головѣ. Грушенька въ самомъ дѣлѣ выпила залпомъ еще стакавъ шампанскаго и очень вдругъ охмѣла. Она усѣлась въ кресла, на прежнемъ мѣстѣ, съ блаженною улыбкой. Щеки ея запылали, губы разгорѣлись, сверкавшіе глаза посоловели, страстный взглядъ маячилъ. Даже Балганова какъ будто укусило что-то за сердце и онъ подошелъ къ ней.

— А ты слышала какъ я тебя давеча поцѣловала, когда ты спалъ? пролетела она ему.—Ольгѣна я теперь, вотъ что... А ты не ольгѣна? А Митя чего не льешь? Что жъ ты не льешь, Митя, я выпила, и ты не льешь...

— Пьяна! И такъ пьяна... отъ тебя пьяна, а теперь и отъ вина хочу. Онъ вылилъ еще стакавъ и—странно это ему показалось самому—только отъ этого посафѣнаго стакана и охмѣла, вдругъ охмѣла, а до тѣхъ поръ все былъ трезвъ, самъ помнилъ это. Съ этой минуты все завертѣлось кругомъ него какъ въ бреду. Онъ ходилъ, смѣялся, заговаривалъ со всѣми и все это какъ бы ужъ не помня себя. Одно лишь неподвижное и жгучее чувство сказывалось въ немъ поминутно, „точно горячій уголь въ душѣ“, веломиналъ онъ потомъ. Онъ подходилъ къ ней, садился подлѣ нея, глядѣлъ на нее, слушалъ ее... Она же стала ужасно какъ словоохотлива, всѣхъ къ себѣ подымала, мамила вдругъ къ себѣ какую-нибудь дѣвку изъ хора, та подходила, а она или цѣловала ее и отпускала, или ивогда крестила ее рукой. Еще минутку и она могла заплакать. Развеселялъ ее очень и „старикашка“, какъ называла она Максимова. Онъ поминутно подбѣгалъ цѣло-

вать у нея ручки „и всякій лальчикъ“, а подъ конецъ проплясалъ еще одинъ тавецъ подъ одну старую пѣсеньку, которую самъ же и пропѣвалъ. Въ особенности съ жаромъ подплясывалъ за припѣвомъ:

Свилушка хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка му-му, му-му,
Уточка ква-ква, ква-ква,
Гусылька га-га, га-га.

Курочка по сѣнюшкамъ показывала,
Тюрю-рю, рю-рю выговаривала,
Ай, ай выговаривала!

— Дай ему что-нибудь, Митя, говорила Грушенька, — подари ему, вѣдь онъ бѣдный. Ахъ, бѣдные, обиженные!.. Знаешь, Митя, я въ монастырь пойду. Нѣтъ, вправду, когда-нибудь пойду. Мнѣ Алеша сегодня на всю жизнь слова сказалъ... Да... А сегодня ужъ пусть поплачемъ. Завтра въ монастырь, а сегодня поплачемъ. Я шалить хочу, добрые люди, ну и что жъ такое, Богъ проститъ. Кабы Богомъ была всѣхъ бы людей простила: „милые мои грѣшнички, съ этого дня прощаю всѣхъ.“ А я пойду прощенія просить: „Простите, добрые люди, бабу гаулюю, вотъ что.“ Звѣрь я, вотъ что. А молиться хочу. Я луковку подала. Злодѣйкъ такой какъ я молиться хочется! Митя, пусть пляшутъ, не мѣшай. Всѣ люди на свѣтѣ хороши, всѣ до одинаго. Хорошо на свѣтѣ. Хоть и скверные мы, а хорошо на свѣтѣ. Скверные мы и хорошие, и скверные и хорошие... Нѣтъ, скажите я васъ спрошу, всѣ подойдите и я спрошу: скажите вы мнѣ всѣ вотъ что: почему я такая хорошая? Я вѣдь хорошая, я очень хорошая... Ну такъ вотъ: почему я такая хорошая?—Такъ лепетала Грушенька, хмѣляя все больше и больше, и наконецъ прямо объявила что сейчасъ сама хочетъ плясать. Встала съ кресла и пошатнулась:—Митя, не давай мнѣ больше вина, просить буду—не давай. Вино спокойствія не даетъ. И все кружится, и лечка, и все кружится. Плясать хочу. Пусть всѣ смотрятъ какъ я пляшу... какъ я хорошо и прекрасно пляшу...

Намѣреніе было серіозное: она вынула изъ кармана бѣленькій батистовый платочекъ и взяла его за кончикъ, въ правую ручку, чтобы махать имъ въ пляскѣ. Митя захлопоталъ, дѣвки затихли, приготовясь грянуть хоромъ плясовую по первому маювенію. Максимовъ, узнавъ что Грушенька хочетъ сама плясать, завизжалъ отъ восторга и пошелъ было предъ ней подпрыгивать припѣвалъ:

Ножки тонки, бока звонки
Хвостикъ закорючкой.

Но Грушенька махнула на него платочкомъ и отогнала его:

— Ш-шь! Митя, что жь веждуть? Пусть всё придуть... смотреть. Повови и тѣхъ, залертыхъ... За что ты ихъ залерь? Скажи имъ что я лаяшу, пусть и они смотрять какъ я лаяшу...

Митя съ льявымъ размахомъ подошелъ къ залертой двери и началъ стучать къ панамъ кулакомъ.

— Эй вы... Подвысоцкіе! выходите, она лаясать хочетъ, васъ зоветъ.

— Лайдакъ! прокричалъ въ отвѣтъ который-то изъ пановъ.

— А ты подлайдакъ! Мелкій ты подлеченочекъ; вотъ ты кто.

— Перестали бы вы надъ Польшей-то насмѣхаться, сентенціозно замѣтилъ Калгановъ, тоже не подъ силу себѣ охмѣлѣвшій.

— Молчи, мальчижъ! Если я ему сказалъ подлеца, не значить что я всей Польшѣ сказалъ подлеца. Не составляетъ одинъ лайдакъ Польши. Молчи, хорошенъкій мальчижъ, конфетку кушай.

— Ахъ какіе! Точно они не люди. Чего они не хотятъ мириться? сказала Грушенька и вышла лаясать. Хоръ грянулъ: „Ахъ вы сѣни мои сѣни.“ Грушенька закунула было головку, полуоткрыла губки, улыбнулась, махнула было платочкомъ и вдругъ, сильно покачнувшись на мѣстѣ, стала посреди комнаты въ недоумѣніи.

— Слаба.... проговорила она измученнымъ какимъ-то голосомъ,—простите, слаба, не могу.... Виновата....

Она поклонилась хору, за тѣмъ принялась казаться на всѣ четыре стороны поочередно:

— Виновата.... Простите....

— Подлила, барынька, подлила хорошенъкая барынька, раздавался голоса.

— Овъ налились-съ, разъясаялъ хикая дѣвушкамъ Максимовъ.

— Митя, отведи меня.... возьми меня, Митя, въ бесиліи проговорила Грушенька. Митя кинулся къ ней, схватилъ ее за руки и любилъ со своею драгоценною добычей за занавѣски. „Ну, ужь я теперь уйду“, подумалъ Калгановъ, и выйдя изъ голубой комнаты притворилъ за собою обѣ половинки дверей. Но лиръ въ залъ гремѣлъ и продолжался,

загрѣмѣлъ еще пуще. Митя положилъ Грушеньку на кровать и влился въ ея губы поцѣлуемъ.

— Не трогай меня.... молящимъ голосомъ пролетѣла она ему,—не трогай пока не твоя.... Сказала что твоя, а ты не трогай.... лошади.... При тѣхъ, подлѣ тѣхъ невазя. Овъ тутъ. Гнусно здѣсь....

— Послушень! Не мыслю.... благоговѣю!.. бормоталъ Митя.— Да, гнусно здѣсь, о, презрѣнно.—И не выпуская ее изъ объятій, овъ олустился подлѣ кровати на полъ, на колѣна.

— Я знаю, ты хоть и звѣрь, а ты благородный, тяжело выговаривала Грушенька:—надо чтобъ это честно.... впредь будетъ честно.... и чтобъ и мы были честные, чтобъ и мы были добрые, не звѣри, а добрые.... Увези меня, увези далеко, слышишь.... Я здѣсь не хочу, а чтобы далеко, далеко....

— О да, да, непремѣнно! сжималъ ее въ объятіяхъ Митя,— увезу тебя, улетимъ.... О, всю жизнь за одинъ годъ отдамъ сейчасъ чтобы только знать про эту кровь!

— Какая кровь? въ недоумѣніи переговаривала Грушенька.

— Ничего! проскрежатаалъ Митя.—Груша, ты хочешь чтобы честно, а я воръ. Я у Катъки деньги украалъ.... Позоръ, позоръ!

— У Катъки? Это у барышни? Нѣтъ, ты не украалъ. Отдай ей, у меня возьми.... Чтѣ кричишь? Теперь все мое—твое. Чтѣ намъ деньги? Мы ихъ и безъ того прокутимъ.... Таковскіе чтобы не прокутили. А мы пойдемъ съ тобою лучше землю пахать. Я землю вотъ этими руками окрести хочу. Трудиться надо, слышишь? Алеша приказалъ. Я не любовацца тебѣ буду, я тебѣ вѣрная буду, раба твоя буду, работать на тебя буду. Мы къ барышнямъ сходимъ и поклонимся оба, чтобы простила, и уѣдемъ. А не простить, мы и такъ уѣдемъ. А ты деньги ей свеси, а меня люби.... А ея не люби. Больше ея не люби. А полюбить, а ее задушю.... Я ей оба глаза иголкой выколю....

— Тебя люблю, тебя одну, въ Сибири буду любить....

— Зачѣмъ въ Сибирь? А чтѣ жъ, и въ Сибирь коли хочешь, все равно.... работать будемъ.... въ Сибири свѣгъ.... Я по свѣгу люблю вхаты.... и чтобы колокольчикъ былъ.... Слышишь, звенить колокольчикъ.... Гдѣ это звенить колокольчикъ? Ъдутъ какіе-то.... вотъ и пересталъ звенѣть.

Она въ безсиліи закрыла глаза и вдругъ какъ бы заснула на одну минуту. Колокольчикъ въ самомъ дѣлѣ звенѣлъ гдѣ-то въ отдаленіи и вдругъ пересталъ звенѣть. Митя склонился

головою къ ней на грудь. Онъ не замѣтилъ какъ пересталъ звенѣть колокольчикъ, но не замѣтилъ и того какъ вдругъ перестали и лѣси, и на мѣсто лѣсемъ и пьянаго гema во всемъ домѣ воцарилась какъ бы внезапно мертвая тишина. Грушенька открыла глаза.

— Что это, я спала? Да... колокольчикъ... Я спала и сонъ видѣла: будто я ѣду, по снѣгу... колокольчикъ звенить, а я дремаю. Съ милымъ человѣкомъ, съ тобою ѣду будто. И далеко-далеко... Обнимала-цѣловала тебя, прижималась къ тебѣ, холодно будто мнѣ, а снѣгъ-то блещетъ... Знаешь, коли ночью снѣгъ блещетъ, а мѣсяцъ глядитъ, и точно я гдѣ не на землѣ... Проснулася, а милый-то податъ, какъ хорошо...

— Податъ, бормоталъ Мита, цѣлуя ея платье, грудь, руки. И вдругъ ему показалось что-то странное: показалось ему что она глядитъ прямо предъ собой, но не на него, не въ лицо ему, а поверхъ его головы, пристально и до отталкиващаго неподвижно. Удивленіе вдругъ вырвалось въ ея лицѣ, почти испугъ.

— Мита, кто это оттуда глядитъ сюда къ намъ? прошептала она вдругъ. Мита обернулся и увидѣлъ что въ самомъ дѣлѣ кто-то раздвинулъ занавѣску и ихъ какъ бы выматриваетъ. Да и не одинъ какъ будто. Онъ вскопчилъ и быстро ступилъ къ смотрѣвшему.

— Сюда, пожалуйста къ намъ сюда, не громко, но твердо и настойчиво проговорилъ ему чей-то голосъ.

Мита выступилъ изъ-за занавѣски и сталъ неподвижно. Вся комната была полна людьми, но не давешними, а совсѣмъ новыми. Мгновенный ознобъ пробѣжалъ по спинѣ его и онъ задрожалъ. Всѣхъ этихъ людей онъ узналъ въ одинъ мигъ. Вотъ этотъ высокій и дебелый старикъ, въ лапоть и съ фуражкой съ кокардой — это исправникъ, Михаилъ Макарычъ. А этотъ „забочный“ опрятный щеголь, „всегда въ такихъ вычищенныхъ сапогахъ“ — это товарищ прокурора. „У него хронометръ въ четыреста рублей есть, онъ показывалъ.“ А этотъ молоденькій, маленькій, въ очкахъ.... Мита вотъ только фамилію его позабылъ, но онъ знаетъ и его, видѣлъ: это садователь, судебный садователь, „изъ Правовѣднія“, недавно пріѣхавъ. А этотъ вотъ — становой, Маврикій Маврикичъ, этого-то ужъ онъ знаетъ, знакомый человѣкъ. Ну, а эти съ бляхами, эти зачѣмъ же? И еще двое какихъ-то, мужики.... А вотъ тамъ въ дверяхъ Багазовъ и Тимофей Борисычъ....

— Господа.... Что это вы, господа? проговорилъ было Митя, но вдругъ, какъ бы внѣ себя, какъ бы не самъ собой, восклицуя громко, во весь голосъ:

— По-ви-маю!

Молодой человѣкъ въ очкахъ вдругъ выдвинулся впередъ и, подступивъ къ Митѣ, началъ, хоть и осанисто, но немного какъ бы торопясь:

— Мы имѣемъ къ вамъ.... однимъ словомъ, я васъ попрошу сюда, вотъ сюда, къ дивану.... Существуетъ настоятельная необходимость съ вами объясниться.

— Старикъ! вскричалъ Митя въ изступленіи, — старикъ и его кровь!.. По-ви-маю!

И какъ подкошенный съязъ, словно улазъ, на подлѣ стоявшій стулъ.

— Повимаешь? Повимъ! Отцеубійца и извергъ, кровь старика-отца твоего вопіетъ за тобою! заревѣлъ внезапно, подступая къ Митѣ, старикъ-исправникъ. Онъ былъ внѣ себя, побагровѣлъ и весь такъ и трясся.

— Но это невозможно! вскричалъ маленькій молодой человѣчекъ. — Михаилъ Макарычъ, Михаилъ Макарычъ! Это не такъ, не такъ-съ!.. Прошу позволить мнѣ одному говорить.... Я никакъ не могъ предположить отъ васъ подобнаго эпизода....

— Но вѣдь это же бредъ, господа, бредъ! восклицалъ исправникъ,—посмотрите на него: ночью, ливный, съ безлутною дѣвкой и въ крови отца своего.... Бредъ! бредъ!

— Я васъ изъ всѣхъ силъ попрошу, голубчикъ Михаилъ Макарычъ, на сей разъ удержать ваши чувства, зашелтаалъ было скороговоркой старику товарищъ прокурора,—иначе я принужденъ буду принять....

Но маленькій сѣдователъ не далъ докончить; онъ обратился къ Митѣ, и твердо, громко и важно произнесъ:

— Господина отставной поручикъ Карамазовъ, я долженъ вамъ объявить что вы обвиняетесь въ убійствѣ отца вашего, Федора Павловича Карамазова, происшедшемъ въ эту ночь....

Онъ что-то и еще сказалъ, тоже и прокуроръ какъ будто что-то ввернулъ, но Митя хоть и слушалъ, но уже не понималъ ихъ. Онъ дикимъ взглядомъ озиралъ ихъ всѣхъ....

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

АНГЛІЙСКІЙ ПЛАСТЫРЬ

РАЗГОВОРЪ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

КНЯГИНЯ ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА (вдова, лѣтъ 29).

ГРАФЪ СОЛНЦЕВЪ (лѣтъ 40 съ небольшимъ, важный чиновникъ въ С.-Петербургѣ).

КУРАГИНЪ (лѣтъ 28, гусарскій ротмистръ).

Салонъ со вкусомъ убранный; предъ каминомъ, въ которомъ тихо горитъ огонекъ, КНЯГИНЯ сидитъ въ глубокомъ креслѣ и вышиваетъ по канвѣ.

ГРАФЪ (входя, съ дерзавъ):

Какъ я радъ что вы однѣ. Я на это разчитывалъ. Въ эту зиму въ Петербургѣ такой tohu-bohu что нельзя порядкомъ сказать двухъ словъ съ кѣмъ нужно.

КНЯГИНЯ.

Я въ самомъ дѣлѣ никого не ждала, но знала что вы-то навѣрно покажетесь, мой старыи и вѣрный другъ. Сегодня, вы знаете, у графини Марьи Петровны *matinée dansante*. Вотъ я и занялась вышиваньемъ; но очень рада что вы пришли.

ГРАФЪ.

Какъ же вы не на этой *matinée*?

КНЯГИНЯ.

Вопервыхъ, я все-таки сегодня принимаю, а вовторыхъ, и это главное, съ тѣхъ поръ какъ я овдовѣла, я не являюсь тамъ гдѣ тавдуютъ. Садитесь, съ вами можно тихо и по душѣ поговорить, не отрываясь отъ работы.

ГРАФЪ.

Знаете ли что? Я вамъ признаюсь. Я разчитывалъ что у васъ сегодня никого не будетъ и не хотѣлъ пропустить случая пробить съ вами en tête à tête. Это можетъ быть даже и нужно.

КНЯГИНЯ.

Да? и нужно? Вотъ какъ? Это интересно. Да это можетъ-быть опять какое-нибудь дѣло по Общину? Послушайте, теперь не прошлый годъ и я было совсѣмъ собралась покончить съ пережитою эпошеей нашихъ увлеченій, оковчивъ вотъ эти воздухи, и затѣмъ сложивъ все это въ архивъ.

ГРАФЪ.

Какіе это воздухи вы вышиваете?

КНЯГИНЯ.

Въ одну болгарскую церковь, не помню право гдѣ, въ Сливко, въ Яблоницѣ какой-то. Помню только что имя напоминающее какіе-то фрукты. Княгиня Варвара Александровна прислала мнѣ на дняхъ одного Болгарина, рекомендуя его носителемъ великихъ идей. Очень интересный. Только жаль что во фракѣ и утромъ. Это такъ нейдетъ. Они у себя тамъ въ Тырновь хотятъ устроить центръ новой свободной жизни, новой культуры....

ГРАФЪ (опыаетъ).

Помогать вамъ общими силами разрушать старый міръ и твиллой Западъ.

КНЯГИНЯ.

Да, что-то въ этомъ родѣ; только что жь я тутъ могу? А княгиня Варвара Александровна между тѣмъ рекомендуетъ. Два года тому назадъ—приготовлялась война, я ходила съ кружкой.... потомъ.... Красный Крестъ.... Вы смѣетесь? Нѣтъ, право, я очень увлекалась; чуть въ сестры милосердія не пошла: что-то стихійное во мнѣ заговорило. Ну, а теперь что жь я могу? обещаю вышить эти воздухи. Откровенно вамъ скажу: послѣ всего этого возбужденія, нервы какъ-то

опустились и мнѣ скучно больше чѣмъ прежде. (*Геронимъ движется откидываясь съ стороны шитья.*) Да, мой старшій и вѣрный другъ, мнѣ скучно....

ГРАФЪ.

Знаю и давно вижу что вамъ скучно. Мнѣ скучно тоже. Вотъ я и хотѣлъ съ вами поговорить, какъ это сдѣлать такъ чтобы вамъ обоимъ не было скучно.

КНЯГИНЯ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ это сдѣлать? видѣться съ вами почаще? Однако вы никогда еще мнѣ не разказывали романа вашей жизни: какъ вы изъ искателя приключеній, путешественника, фантазера, получившаго рану на дуэли, сдѣлались политическимъ дѣятелемъ, да еще съ такимъ успѣхомъ? Вотъ вы и теперь явились ко мнѣ должно-быть прямо изъ вашей комиссиіи и вѣроятно сорвали тамъ еще нѣсколько лавровыхъ листковъ? И что же, скучно?

ГРАФЪ.

Да, и все-таки скучно.

КНЯГИНЯ.

Да не дѣлаете ли и вы тоже въ этой комиссиіи такое же „broderie“ какъ и я предъ моимъ каминомъ? Тоже, можетъ-быть, вышаваете воздухи для неизвѣстной церкви.... Да, broderie! broderie! А жизнь-то идетъ своимъ чередомъ. Ну-съ такъ извольте... вашъ романъ?

ГРАФЪ.

Въ двухъ словахъ могу разказать: гонялся прежде за знаніемъ, не приготовивъ себя наукой для этой steeple chase; потомъ за идеальнымъ счастьемъ, не составивъ себѣ вѣрнаго лоятія о формѣ счастья на землѣ; потомъ наткнулся въ этой логонѣ на цѣлый лаетель условныхъ лоятіи, приличій, положеній въ свѣтѣ, страховъ предъ неопредѣленнымъ будущимъ; перешагнувъ черезъ лаетель, но наткнулся опять на немужнаго мужа—онъ мнѣ всадилъ луку въ ребро.... Только тогда я очнулся. Послѣ двухмѣсячной горячки, думалъ что я выздоровѣлъ совсѣмъ, принялся за то что люди называютъ дѣломъ, а мы службой, но....

КНЯГИНЯ.

Но что же?

ГРАФЪ.

Но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ увидѣлъ опять что я все-таки живу внѣ этого дѣла, что принимаю за дѣло только эту „broderie“, какъ вы говорите, что чувствъ и ощущеній я все-таки не пережилъ и что все-таки.... скучаю.

КНЯГИНЯ.

Есть сходство между моею и вашею скукой, а причины на первый взглядъ различны. Вы столько суетились на свѣтѣ, столько волновались, столько играли собой, чувствами и страстями и все-таки пришли къ скукѣ, но скука не успокоеніе. Успокоиться въ жизни видно нельзя, пока не достигнешь цѣли жизни на землѣ! А эта цѣль?..

ГРАФЪ.

Цѣль? Мнѣ кажется что я ее вижу смотря на васъ. А впрочемъ, кто знаетъ, можетъ-быть имя этой цѣли просто смерть.

КНЯГИНЯ.

Ай, что вы говорите! Цѣль и конецъ — двѣ вещи разные. (*Помолчалъ и принимаясь опять за работу.*) Я вамъ вотъ скажу про себя. Я не знаю.... жаловаться ли мнѣ или нѣтъ на мое прошедшее? Можетъ-быть я имѣю право и жаловаться, потому что продолжись оно дольше, это прошедшее, оно все-таки не досказало бы сказки моей жизни. Я вышла замужъ не то что по любви, но и не по расчету. Мой мужъ былъ гораздо старше меня, но я къ нему очень привыкла. Онъ былъ очень хорошій человекъ. Я не испытала волненій жизни, острыхъ припадковъ сердечной боли, можетъ-быть потому что некогда было.... Мой мужъ скоро заболѣлъ — я вся поглощена была этою болѣзнию, которая свела его во гробъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страданій. Вместе съ тѣмъ меня увлекало и первое воспитаніе сына, котораго я какъ-то страстно любила со дня его рожденія. Смерть мужа, хоть я ея и ждала, очень поразила меня; я осталась безъ дѣла, безъ цѣли на землѣ. Прошедшее мое не было счастьемъ, но и не было тѣмъ что люди называютъ несчастьемъ. Былъ какой-то покой, который могъ бы и продолжиться.... Мнѣ именно стало жаль этого покоя, каковъ бы онъ ни былъ. Я почувствовала что ниточка порвалась, что ни повторить, ни продолжить прошедшаго нельзя, а кромѣ того я испуга-

лась, увидавъ что не могу даже и въ любви моей къ сыну продолжить этой виточки.... и вотъ скука....

ГРАФЪ.

Конечно, нельзя повторить такого прошедшаго. Но, княгиня, что бы сказали вы, еслибы можно было продолжить его въ лучшей части его; еслибы можно было связать виточку узаомъ мира и спокойствія. Ну хоть повторить то же, только въ другихъ формахъ?

КНЯГИНЯ.

Въ другихъ формахъ? Да я ихъ не знаю, и развѣ формы зависятъ отъ насъ? Судьба не покажетъ намъ заранѣе покроя платья въ которое заставить насъ одѣться. Нѣтъ, знаете ли, я ждала не того. Я ждала съ нетерпѣніемъ моихъ тридцати лѣтъ, этой грани между прошедшимъ и будущимъ женщины, а en attendant я занялась свѣтомъ. Затѣмъ война... Я была очень рада войнѣ: можно было забыть про себя, про всѣ эти формулы своего маленькаго существованія. Знаете, я вамъ признаюсь... мнѣ иногда досадно становилось что я женщина; мнѣ казалось что мы безпомощныя рабы случая въ нашемъ обществѣ, я чуть не соглашалась уже вотъ съ этими... которые выдумали этотъ „женскій вопросъ“. Пересиливая себя, однако я все-таки думала что если я не усложусь, то замру. И что жъ? Всѣ мои теоріи разбились въ дребезги и я не могу собрать ихъ черепковъ... я ислугаю васъ: я только теперь понимаю вполнѣ стихъ Байрона: the best of life is but intoxication.

ГРАФЪ (*быстро вставая*)..

Нѣтъ, что вы? Опомнитесь. Вы хотите броситься въ жогую за такимъ же идеаломъ, гоняясь за которымъ я получила лулу въ бокъ. Опомнитесь, съ женщиною въ такихъ дѣлахъ можетъ быть еще хуже: она не получитъ лулу, но навѣрно наткнется на обманъ.

КНЯГИНЯ.

Да? вы правы, это было бы ужасно!

ГРАФЪ.

Такъ подальше отъ проласта, отъ туманныхъ идеаловъ, отъ этихъ intoxications. (*Беретъ ее за руку.*) Послушайте, дайте мнѣ вашу руку, я пришелъ просить ея.

КНЯГИНЯ (*удивленно*).

Мою руку и сердце?

ГРАФЪ.

Да, и сердце. Неужели вы не видите что вашъ вѣрный другъ васъ давно любитъ.

КНЯГИНЯ (*съ волненіем*).

Да, я знала, я васъ тоже люблю... Вы такой хорошій. Но вы такъ много пережили, а я... послушайте, что же я буду дѣлать вмѣстѣ съ вами... вотъ съ этими нескончаемыми *staccato* захватывающими духъ въ моемъ сердцѣ точно тѣ *staccato* которыя Сарасате дѣлаетъ на своей скрилкѣ. Вы ихъ слышите? Нѣтъ? да какъ же вы ихъ не слышите?

ГРАФЪ.

Что съ вами? я васъ такую никогда не видалъ, васъ, олицетвореніе спокойствія и вдовы въ траурѣ.

КНЯГИНЯ.

Ну вотъ видите! видите... это было стоячее болото, по которому блуждаютъ огоньки. Вы гоняетесь за ними, но вы можете завязнуть въ болотѣ, и у васъ, утомленнаго уже жизнью, можетъ не хватить силъ изъ него выбраться, когда будетъ нужно...

ГРАФЪ.

Нѣтъ, это минутная лихорадка, это судорога пустоты вашей жизни.

КНЯГИНЯ.

Пустоты? нѣтъ... это не пустота... Это, можетъ-быть, цѣлый міръ *blue devils*, а вѣдь *blue devils*... ils ont aussi un corps. Зачѣмъ вы ихъ разбудили, развѣ вы будете въ состояніи ихъ переловить?

ГРАФЪ.

Конечно, если вы хоть немножко меня любите.

КНЯГИНЯ.

Да, я васъ.... конечно люблю, мы такіе друзья. Вышли я за васъ замужъ, я въ самомъ дѣлѣ могла бы васъ любить.

ГРАФЪ (*взяла ея руку*).

Вотъ видите. Ну конечно это такъ: мы переловимъ этихъ *blue devils*, этихъ *raptins* вашего воображенія, къ которымъ въ продолженіи трехъ лѣтъ вашего вдовства вы приваивали кончики вашихъ нервовъ уже разстроенныхъ прежнею жизнью. Перестаньте. У насъ есть въ залахъ очень хорошее

средство: мы будемъ утѣшать другъ друга (*слѣясь*): вы меня будете утѣшать отъ того что у меня произошло въ моемъ прошедшемъ и что оставило во мнѣ столько боли, а я васъ буду утѣшать отъ того что не произошло съ вами и что оставило въ васъ такъ много разныхъ angoisses.

КНЯГИНЯ.

Да какъ же это любить и вмѣстѣ утѣшать? развѣ это можетъ быть одно и то же? И притомъ утѣшать отъ того чего еще не было, а только можетъ быть! Ахъ, подите, любовь не утѣшеніе. (*Усаживается глубоко въ кресло и беретъ опять работу.*) Но перестанемъ объ этомъ, придите завтра... ну послѣзавтра... мы поговоримъ. А то... такъ вдругъ—я немного взволнована. Перемѣнимъ разговоръ.

ГРАФЪ.

Княгиня, такъ значитъ я ошибся... я вамъ не могъ еще доказать своей любви.

КНЯГИНЯ.

Да нѣтъ же, отчего же вы ошиблись? Во всякомъ случаѣ вы вѣдь не могли же ошибиться въ томъ что меня любите? Какіе вы всѣ нетерпѣливые и никакъ не можете забыть что женское сердце не коммиссія, гдѣ главную роль играютъ „предварительныя соображенія“. Но простите, вы видите... я взволнована.... расскажите мнѣ лучше... вы знаете, моя кузина княгиня Любовь Алексѣевна очень больна? вы не знаете... этотъ докторъ Китаецъ помочь ей?

ГРАФЪ

Княгиня, вы меня мучаете!

КНЯГИНЯ (*нетерпѣливо обрываетъ нитку шерсти*).

Ба кую гадкую шерсть мнѣ купили. То и дѣло путается.... Боже мой! Ищешь, ищешь на этомъ свѣтѣ хорошей шерсти, а она все путается. А тутъ еще эти нервы... ну, конечно нервы и больше ничего. Такъ вы говорите: любовь и утѣшеніе.... Ай, какъ я себя уколола! (*Встаетъ и ищетъ что-то въ своей рабочей корзинкѣ.*) Гдѣ это моя англійская тафта? Найти не могу.

ГРАФЪ

Да бросьте ваше шитье! Вамъ больно?

КНЯГИНЯ.

Конечно больно. А вотъ она (*быстро отрываетъ кусокъ тафты*); видите какъ я себя уколола больно, кровъ! Вотъ это любовь. Я теперь предложила кусочекъ английской тафты, почти ужъ не больно.... вотъ утѣшеніе.

ГРАФЪ.

Что съ вами?

КНЯГИНЯ.

Погодите. Но еслибъ я себя не уколола, зачѣмъ мнѣ английскій пластырь? Зачѣмъ вы меня не укололи?

ГРАФЪ.

Что вы говорите? Это отказъ?... Вы нервы до невозможности.

КНЯГИНЯ.

Ахъ нѣтъ, не отказъ. Вы мнѣ здѣсь нравитесь больше всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ вами можно тихо и мирно вѣхать по той же колеѣ жизни въ которой мнѣ было въ самомъ дѣлѣ часто очень хорошо, то-есть покойно. Вы хорошая партія, и это такое благодѣтельное учрежденіе: условныя формы. Всѣ эти *bleu devils* могутъ поколоситься, поколоситься, да и перестать, убѣдившись въ томъ что изъ этой законченной формы имъ не выскочить. Но вотъ видите.. поговоримъ завтра.

ГРАФЪ.

Да успокойтесь (*беретъ ея руку*). Посмотрите какъ вы себя укололи. Какая же вы иногда взбалмошная! Ужъ въ самомъ дѣлѣ не опасная ли вы особа?

КНЯГИНЯ.

О, нѣтъ! это такъ... видите, мои мысли и чувства точно бѣгаютъ въ залуски, въ горѣлки; дайте имъ набѣгаться. (*Въ передней слышны звонки*.) Ну, вотъ звонятъ. Должно-быть *matinée dansante* кончилась... садитесь, будемъ умница (*слезка отстраняя графа, садится въ прежнее кресло и принимается снова за шитье*).

ГРАФЪ.

Нѣтъ, это должно-быть Курагинъ. Я его встрѣтилъ, идя къ вамъ. Онъ сегодня пріѣхалъ изъ главной квартиры съ дѣлешами и только успѣвъ на Невскомъ спросить меня о васъ и сказать что зайдетъ къ вамъ на минуту предъ обѣдомъ.

КНЯГИНЯ *(весело)*.

А, Курагинъ. Онъ прѣвхалъ? Чтò онъ? какъ прежде—милое дитя? А вѣдъ чуть было не сдѣалася ученымъ. Я бы рада была есаубъ онъ не измѣнился. Онъ былъ такой особенный.

ГРАФЪ.

Да кажется не измѣнился; въ самомъ дѣлѣ, милое дитя. Я его очень люблю, только досадно: все-таки помѣшалъ намъ.

КУРАГИНЪ *(быстро входитъ и останавливается въ дверяхъ)*.КНЯГИНЯ *(дѣлаетъ движеніе чтобы встать, но потомъ снова садится и съ притворною сдержанностью)*.

Здравствуйте, воинъ! какъ я рада! Вотъ правда: что когда говорить о солдцѣ, то видать его лучи.

КУРАГИНЪ.

Какое я солдце! я просто маленькая звѣздочка, которая была создана Богомъ для того чтобы скатиться къ вашимъ ногамъ, чтò и было вѣчнымъ честолюбіемъ этой звѣздочки *(быстро подходитъ къ княгинѣ и утлуетъ объ ея руки)*.

КНЯГИНЯ.

Ну, если вы не солдце, такъ загорѣли ужасно отъ него. Ахъ, Боже мой, да звѣздочка скатилась къ моимъ ногамъ съ Георгіевскимъ крестомъ.

КУРАГИНЪ.

Конечно, не могла же она дерзнуть скатиться къ нимъ безо великихъ заслугъ...

КНЯГИНЯ *(съ участіемъ)*.

Да, я чуть было не забыла. Вы были равны? Это такъ меня безпокоило.

КУРАГИНЪ.

Немного. Да это все прошло. Ахъ и вы здѣсь, графъ, какъ я радъ и васъ видѣть; дайте мнѣ положить вамъ руку еще разъ... Помните какъ мы съ вами философствовали, когда вы меня уговаривали поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ?

ГРАФЪ.

Да, признаться, я не могъ ловить какъ магистръ международного права пошелъ въ гусары, когда войны еще и въ поминѣ не было; да еще и въ армейскіе гусары.

КУРАГИНЪ.

Ничуть не раскаиваюсь; и теперь какъ прежде я находилъ это очень простымъ дѣломъ. Я учился пока хотѣлось учиться, а потомъ надоѣло... Какъ сказочный русскій богатырь, я остановился на перекресткѣ трехъ дорогъ, предъ столбомъ съ легендарною надписью на трехъ дощечкахъ: пойдешь по одной — куда не придешь; пойдешь по другой — найдешь камергерскій ключъ; пойдешь по третьей — живешь шесть сыновей и шесть дочерей. Четвертой надписи: что молъ „найдеши дѣло“ не было. Я плюнулъ — простите княгиня — вернулся назадъ и надѣлъ гусарскій мундиръ.

КНЯГИНЯ.

И ни разу не рассказали?

КУРАГИНЪ.

Ни минуты. Полкъ былъ армейскій, стояли мы въ Польшѣ: Польшки столько же предествныя сколько и мимолетвныя созданія — серьезно влюбиться ни въ одну, на свою погибель, было невозможно: а Жиды таскали контрабандой черезъ границу сколько угодно книгъ и запрещенныхъ и незапрещенныхъ; такъ что не зная что на Руси годится и что не годится читать, я не сбился съ толку и въ этомъ смыслѣ.

КНЯГИНЯ (смѣясь).

И никакихъ сомнѣній, никакой жажды дѣйствовать? никакихъ blue devils?

КУРАГИНЪ.

Blue devils? Были, когда не было денегъ или проигрывался въ карты. Вы знаете, я не богатъ.

КНЯГИНЯ.

И въ этихъ узкихъ рамкахъ вашего мундира и вашей полковой жизни вамъ не было скучно! Это вѣдь тоже въ своемъ родѣ наша свѣтская, только въ другой формѣ, жизнь; а мнѣ въ ней часто очень скучно.

КУРАГИНЪ.

Скучно? Видите, княгиня, многое зависитъ отъ названія: я это не называлъ скукой, а отъ того можетъ-быть и не было скучно. Конечно, послѣ чтенія, кутежа и полковой службы оставалось много времени, которое удлиннялось иногда и безсонницами. Есть что-то большое, очень большое въ рамкахъ

нашей жизни, и какъ ни стараешься кристаллизовать себя, все-таки частица васъ расплывается въ этомъ большомъ. Ну, что жь? вскочишь съ постели, вспрыгнешь на лошадь; лѣса тамъ въ Польшѣ такіе свѣжіе, густые, подлые жизни и тьмы, точно мистическое это большое, о которомъ я вамъ говорилъ. Три часа гадопа или рыси и—вернешься домой совсѣмъ готовымъ войти снова въ рамки жизни, готовымъ опять заснуть.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, это очень похоже! только какъ же вамъ... мнѣ, здѣсь можно утомиться? Гдѣ лѣса, гдѣ лошадь?

КУРАГИНЪ.

А на утро опять дисциплина—служба. Да, княгиня, я часто страстно жаждалъ этой дисциплины. Когда нѣтъ и не можетъ быть воли въ душѣ, а одуряютъ васъ одни желанія,—какъ хорошо украдкой уйти отъ мечты что я де что-то значу въ этой жизни, уйти въ сознаніе что я въ строю, что я не смѣю значить ничего другаго кромѣ того что мнѣ строго опредѣлено значить уставомъ кавалерійской службы, что я скованъ, а между тѣмъ живу, что я теперь ничтожный атомъ огромнаго цѣлаго, но что атомъ этотъ когда-нибудь на войнѣ побѣдитъ... побѣдитъ навѣрно. Нѣтъ, дисциплина не тюрьма.

ГРАФЪ.

Послушайте, такъ вы разрѣшили задачу русской жизни. Не было ли на четвертой дощечкѣ, вмѣсто надписи: „найдеши дѣло“, написано: „иди въ гусары“ (*всѣ сплываютъ*).

КУРАГИНЪ.

Не видалъ. Но вотъ что я видѣлъ, не про васъ будь сказано, дорогой графъ, если вы только участвовали въ придумываньи разныхъ формулъ для разрѣшенія Восточнаго вопроса или въ отыскиваньи ключа къ разрѣшенію русской загадки,—я видѣлъ пропасть воробьевъ, которые, чирикавъ, вертѣлись на кочкахъ, воображая что кочки эти скалы Кавказа, они же не воробьи, а орлы. Скалы нѣтъ на Руси, а есть кочки на безконечной равнинѣ. Хотѣть быть орломъ не практично—не на что сѣсть, а вѣчно держаться въ облакахъ невозможно. Вотъ я и пошелъ въ толпу, потерялся въ стихіи и вмѣстѣ съ этою стихійною толпой кубаремъ скатился съ Балканъ.

КНЯГИНЯ.

Да вы все такой же милый мальчикъ, только скатившись нечаянно съ Бакантъ, вы нечаянно сдѣлались героемъ, вы разрѣшили не только задачу своей жизни, но и историческую задачу.

КУРАГИНЪ.

Ну, про историческую задачу не знаю. Приѣхалъ въ Петербургъ узнать разрѣшили ли ее здѣсь. Здѣсь вы сочиняли, кажется, парады въ прозѣ, мы тамъ дѣлали des charades en action. Нѣтъ, скорѣй мы дѣлали эпопею. Я никогда не могъ ни себя, ни нашихъ вождей вообразить въ видѣ Мольтке, но очень легко и себя, и другихъ воображалъ Ахиллесами.

КНЯГИНЯ.

Сколько въ васъ жизни! Съ собою вы не привезли ни капли разочарованія, горькаго убѣжденія что мы сдѣлали глупость, какъ это все кругомъ только и говоритъ здѣсь.

КУРАГИНЪ.

Какой вздоръ. Да еслибъ это была и глупость, что жъ тутъ обиднаго? Глупость ближе чѣмъ умъ къ природѣ, а сдѣловательно и къ правдѣ. Глупость стихія, а умъ развѣ только машинка для приспособленія стихійной силы на потребу человѣка. Стало-быть вовсе не такъ оскорбительно быть на свѣтѣ частицею міровой глупости.

КНЯГИНЯ (смѣясь):

Ну вотъ вы сдѣлали свое дѣло, какъ частица міровой глупости, что же вы теперь будете дѣлать?

КУРАГИНЪ.

Ахъ, Боже мой, то же самое. Развѣ глупость можно исчерпать, это не филофская теорія. Да я и ѣхалъ сюда чтобы сдѣлать сейчасъ же, au débôté, самую смѣлую глупость.

КНЯГИНЯ (смѣясь):

Какую же могли вы придумать послѣ той міровой глупости, въ которой вы съ такимъ удовольствіемъ участвовали?

КУРАГИНЪ.

Да я и не думалъ, мнѣ сказала это сердце. Les grandes pensées viennent du coeur, какъ сказалъ кто-то, а я прибавлю „et les folies sublimes“. Я дальше не справлялся, летѣлъ сюда и вотъ у вашихъ ногъ.

И у моихъ ногъ?

КНЯГИНЯ.

КУРАГИНЪ (*подходя къ ней*):

Да, у вашихъ ногъ, Людмила Александровна. Я давно васъ люблю, война кончилась, другой ждать нельзя. Хотите выдти за меня замужъ?

КНЯГИНЯ (*отступая*):

Вы съ ума сошли?

ГРАФЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? что это за salto mortale?

КУРАГИНЪ (*графу*):

Ахъ, простите графъ, совсѣмъ забылъ что вы здѣсь... Это въ самомъ дѣлѣ глупо... такъ... втроемъ (*снова подходитъ къ княгини, вставшей со своего кресла*). Но, Людмила Александровна, вѣдь это же въ сущности все равно: не скажи я это сегодня, сказалъ бы завтра.

КНЯГИНЯ.

Завтра было бы не сегодня.

КУРАГИНЪ.

Сегодня это было при другомъ, хотите вы сказать? Да и это все равно: еслибы вы отдали мнѣ вашу руку, это сейчасъ же всѣ бы узнали; если нѣтъ—я сейчасъ пошелъ бы къ графу и разказалъ бы ему мое горе, потому что это было бы большое горе, а графъ мой большой другъ; мнѣ нужно было бы мое большое горе разказать другу. И мнѣ не было бы стыдно это разказать, потому что я васъ очень люблю. Я два года назадъ пришелъ бы къ вамъ съ этимъ предложеніемъ, съ этою мольбой, но ей Богу, война ломѣшала. Скажите же „да“ или „нѣтъ“.

КНЯГИНЯ (*въ волненіи, но стараясь улыбаться*).

Послушайте, это не хорошо—ставить женщину... ну, какъ вамъ сказать? да пожалуй, въ смѣшное положеніе. За туманомъ вашего волненія вы этого не видите, но я не могу этого не видѣть, я имѣю право сердиться. Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ лучше смѣяться. Вы, какъ видно, все еще ребенокъ. Не правда ли? (*тише графу*): Графъ, послушайте... вотъ одинъ изъ чертиковъ... поймите его.

КУРАГИНЪ.

Что жъ, Людмила Александровна, „да“ или „нѣтъ“? Вѣдь вы ничего не придумаете если будете думать. Если ваше

сердце ни чуточку не бьется—такъ „нѣтъ“ (*подходя къ ней, беретъ ея руку*). Но я чувствую что оно бьется. Да? вѣдь бьется? Вы такъ милы были ко мнѣ прежде и, грустя о мужѣ, скучая трауромъ, вы такъ отъ души смѣялись когда я съ вами болталъ.

КНЯГИНЯ.

Подите прочь, вы ребенокъ. Мнѣ сейчасъ графъ сдѣлалъ предложеніе.

ГРАФЪ.

Да, юный гусарь-герой, я сейчасъ сдѣлалъ предложеніе княгинѣ.

КУРАГИНЪ.

И что жь? она согласилась (*молчаніе*). Нѣтъ? Ахъ, Боже мой, какъ вдругъ забилось сердце, сильнѣе чѣмъ подъ Горнимъ Дублякомъ. Ну, такъ „нѣтъ“?

ГРАФЪ (*сердито*).

Нѣтъ, но почти. И какъ бы то ни было, это похоже на дерзость...

КУРАГИНЪ.

Полноте... ну не драться же мнѣ съ вами: я не на войнѣ, гдѣ нужно именно драться; княгиня не турецкій редуть, а у васъ ужь одна лула сидитъ въ боку и новой пулей вы ни мнѣ, ни самому себѣ ничего не докажете.

КНЯГИНЯ.

Однако эта комедія забавна можетъ-быть на сценѣ, а не у меня въ домѣ. (*Курагину*.) Вы сумашедшій, я посмѣюсь надъ этою шалостью и кончимъ...

КУРАГИНЪ.

Если скажете „да“.

КНЯГИНЯ.

Да вы въ самомъ дѣлѣ меня принимаете за турецкій редуть? берегитесь, вы знаете что было подъ Плевной? Графъ, помогите!

КУРАГИНЪ.

Подъ Плевной? ахъ, отлично! Вы сдадитесь стало-быть черезъ шесть мѣсяцевъ? но послушайте, практично ли это? на войнѣ еще позволительно выигрывать время, *roug l'honneur du drapeau*, а въ дѣлахъ любви это непростительно: тутъ, выжидая, приобрятаютъ не честь, а морщины.

КНЯГИНЯ (*досадливо*).

А! Вы теперь хотите мнѣ намекнуть что я старше васъ?...

КУРАГИНЪ.

Зачѣмъ же мнѣ это вамъ намекать, вы это и безъ меня знаете.

КНЯГИНЯ.

Что мнѣ дѣлать съ этимъ сумашедшимъ? Графъ, да что же вы молчите?

ГРАФЪ.

Не знаю, княгиня, чего вы сами хотите,—шутить или быть серьезною?

КНЯГИНЯ.

Да скажите же мнѣ, гдѣ здѣсь серьезное и гдѣ шутка?

КУРАГИНЪ.

Серьезное это я, потому что я новое. Развѣ повторенье стараго можетъ быть когда-нибудь серьезно? Людмила Александровна, вся странность того что мы тутъ дѣлаемъ только въ томъ и состоитъ что прямо изъ вагона я очутилася у вашихъ ногъ.... Но вѣдь это подробность.... Я такъ же поступилъ въ гусары и не раскаялся.... Повѣрьте, въ русской жизни только экспромты могутъ удаваться; природа еще не научила васъ долго думать.... Вотъ графъ вѣроятно долго думалъ какъ сдѣлать вамъ предложеніе и искалъ узнать что вы такое.... Женись онъ на васъ, онъ начнетъ долго думать о томъ какъ сдѣдуетъ съ вами жить, и изъ этого ничего не выйдетъ.... Что до сущности дѣла, то я вамъ вотъ что скажу: я моложе васъ, но я васъ люблю, а вы знаете что вамъ со мною всегда было весело болтать и что, весело болтая, мы можемъ съ вами весело прожить сколько проживется.... Затѣмъ.... Вы богаты, а я вѣтъ; вы были украшеніемъ свѣта, а я—армейскій гусарь; но я лобожусь что вамъ ни на минуту не пришло въ голову что я могу просить вашей руки изъ-за вашего богатства или положенія.... Фи, какой вздоръ! меня увлекло къ вашимъ ногамъ это, „certo non so che....“ Графъ, замѣтили вы въ княгинѣ это certo non so che? А если замѣтили, такъ какъ же вы ее не испугались?

КНЯГИНЯ.

Ахъ, это тѣ самые blue devils (*графу*): Вѣдь я вамъ говорила.... Боже мой, какъ это трудно!...

ГРАФЪ.

Аргументами женскаго сердца не берутъ, я это знаю....
Княгиня, чего же хотите ваше сердце наконецъ: мира или бури?

КНЯГИНЯ.

Мира, конечно мира..... но... я бури не испытала.

ГРАФЪ (*Курягину*):

А вы чего хотите? Вы хотите успѣха, вы думаете что тѣмъ дѣло и будетъ кончено для васъ и для нея, вы не подумали что женившись вамъ волей-неволей придется размотать женщину какъ этотъ клубокъ (*береть со стола клубокъ шерсти*). Берегитесь на первой же порѣ жизни размотать этотъ клубокъ, я знаю что это значить: вы рискуете, и даже навѣрно, найти внутри только сложенный вдвое и уже изматый какой-нибудь бубновый тузъ.... И этому-то вѣрному разочарованію вашего любопытства или вашей страсти, вы увлеченный какимъ-то „серго поп со ше“, хотите, очерта голову, жертвовать судьбою женщины и матери. Вы понимаете что я все это знаю!!

КУРАГИНЪ (*перемо беретъ клубокъ изъ его руки*).

Какой вздоръ! Ни на минуту я не захочу разматывать этого клубка и ни малѣйшаго любопытства не испытываю знать что въ немъ: бубновый тузъ или брилліантъ (*бросаетъ клубокъ на полъ*).... Княгиня, я вовсе васъ разматывать не хочу, а съ тѣмъ что скрыто въ васъ, или во мнѣ, мы всегда сладимъ и помиримся, если другъ друга любимъ... Экая невидаль! любя жизнь и не разматывая задачъ жизни, я лопелъ въ гусары, бывъ магистромъ, и очень доволею. Магистръ во мнѣ куда не годился бы, кромѣ какъ на безплодное исканіе причинъ той ерунды изъ-за которой я весело дрался, потому что не разматывалъ ея. Я зналъ что дѣлалъ, я дрался и больше ничего. А что выйдеть изъ этого—это дѣло судьбы, Россіи, кого хотите! На свѣтъ прежде всего нужно бороться, а изъ борьбы всегда что-нибудь да выйдеть.

ГРАФЪ (*Княгинѣ*):

Вотъ видите, ему нужно еще драться. А я къ вамъ пришелъ съ тоскующимъ сердцемъ, со страдающею душою, которая ищетъ любви и спокойствія. Я вамъ приношу не войну, а миръ—единственное царство, гдѣ можетъ царствовать

женщина на землѣ. Княгиня, это наконецъ тяжело — рѣшайте между нами.

КНЯГИНЯ.

Но вы оба меня пугаете. (Курагину). Что васъ влекло ко мнѣ? Вамъ воображеніе, которое послѣ войны осталось празднымъ? Берегитесь, самонадѣянный ребенокъ. Развѣ вы навѣрно знаете что можете подчинить себя необходимости переносить длинный рядъ одностороннихъ дѣлъ женатаго человека и еще на женщину... которая старше васъ. А я? развѣ я соглашусь подчиняться вамъ (а для жены это необходимо), вамъ, самонадѣянному ребенку, который не можетъ опомниться отъ восторга потому только что нечаянно скатился кубаремъ съ Балканъ.

КУРАГИНЪ.

Что вы говорите? это не такъ бываетъ на свѣтѣ! Подчинивши себя дисциплинѣ я побѣдилъ мусульманскій міръ. Это прошло, мнѣ нужна новая дисциплина для цѣли моей жизни, дисциплина любви къ вамъ, — именно къ вамъ, потому что я васъ люблю. Если вы старше меня, тѣмъ лучше. Въ тискахъ этой дисциплины, повѣрьте, я сумѣю тоже побѣдить міръ вашего сердца, со всеми его сомнѣніями, желаніями, со всеми этими привидѣніями, которыя въ немъ теперь навѣрно хозяйничаютъ.

ГРАФЪ.

Нельзя же, княгиня, продолжать безъ конца эту сцену.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Боже мой, гдѣ здѣсь правда? Можетъ-быть въ томъ только что мое сердце бьется! Графъ, а вамъ сказала что мои мысли бѣгаютъ въ горы. Дайте имъ набѣгаться, овѣ тогда усядутся чинно и мирно, а мы вмѣстѣ съ вами постараемся втолковать имъ резонныя вещи. Вѣдь я знаю что вы, а не овѣ, скажете имъ резонныя вещи.

ГРАФЪ.

Резонныя вещи, княгиня? да я ихъ вамъ давно сказалъ и вы ихъ знаете. Вамъ нуженъ миръ, миръ этотъ я. Я вамъ не буду говорить про то что вы называли сейчасъ благотѣльнымъ учрежденіемъ. Я вамъ не буду говорить о любви, потому что вы знаете что я васъ люблю. Да, наконецъ, и овѣ тоже говорить о любви. Я вамъ скажу только о вашемъ

сердцѣ, а сердце ваше вѣдь женское сердце, созданное не владѣть, не бороться, а утѣшать. Для женщины „утѣшать“ значитъ „любить“, любить самую возвышенною любовью—любовью мира. Я много страдалъ, страдаю и теперь; въ любви къ вамъ я ищу не дисциплины, а утѣшенія, мира моему сердцу, и повѣрьте я сумѣю влечь миръ и въ ваше сердце, лютонать моремъ моей любви всѣ эти привѣтнія которыя теперь въ немъ хозяйничаютъ.

КНЯГИНЯ.

Но, Боже мой, лучше завтра... послѣзавтра.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, ужь лучше сейчасъ.

КНЯГИНЯ *(озбавленно)*.

А! Вы хотите сейчасъ *(подходить ко графу)*. Графъ, беззавѣтное горе въ человѣкѣ соблазняетъ, разстраиваетъ нервы женщины и она чаще всего отдается со слезами состраданія на глазахъ. Но беззавѣтное счастье соблазняетъ тоже, можетъ-быть потому что честолюбію женщины хочется вызвать на дуэль это дерзкое счастье, равить его и заставить плакать. Десять лѣтъ назадъ я выбрала бы первое—въ первые минуты жизни женщины бываютъ такъ страстно добры. Но теперь... теперь, нѣтъ! Мнѣ хочется сломать, заставить плакать этого счастливаго ребенка.

КУРАГИНЪ.

Такъ это „да“ *(хочетъ взять ея руки)*.

КНЯГИНЯ *(отталкивается)*.

Подите прочь *(через мгновение подходитъ къ нему и беретъ его руку)*. Ну „да“ *(онъ съ жаромъ утлуется ея руки; она опять слегка отталкивая его)*. Оставьте меня...

ГРАФЪ *(съ досадою)*.

Такъ зачѣмъ же вы мнѣ говорили, не теперь только, а всегда, что хотите мира, а не бури; зачѣмъ вы притворялись? Вы испытали въ жизни только скуку. Вамъ хочется еще страданій. Конечно, тогда не я, а онъ... прощайте.

КНЯГИНЯ.

Да нѣтъ... я не знаю какъ вамъ это сказать... вотъ видите, прежде я взяла бы вашу руку съ вѣрою и надеждою на миръ и тишину—вѣдь Провидѣніе и не думало никогда

ваивать другихъ желаній въ чувства женщины. Но потому тѣснота жизни, вся эта неправда свѣта, всѣ эти искусственныя условія и не интересныя печальности перепутали нити чувства. Распутывать ихъ трудно, нервы дребезжать, хочется разорвать эти узлы, какъ нервному ребенку, котораго поставили за наказанье въ уголъ и который однако не понимаетъ своей вины, хочетъ надъ чѣмъ-нибудь выместить свою досаду, что-нибудь сломасть....

ГРАФЪ.

Сломасть? А потому если нервы все-таки не успокоятся, ребенокъ станетъ самого себя царапать?

КНЯГИНЯ.

Можетъ-быть, почему я знаю. Я знаю только что хочу будущаго. А посмотрите (*показывая на Курагина*), вѣдь это... будущее со всѣмъ его безумьемъ и безцѣльностью... можетъ-быть злое будущее, но мнѣ досадно на него, я до сихъ поръ его не знала, je veux le défiger.... je veux....

КУРАГИНЪ.

Сломасть меня какъ ребенокъ ломаетъ игрушку? Я и тогда буду счастливъ.... обломки этой игрушки вызовутъ можетъ-быть на ваши чудныя рѣсницы слезу сожалѣнія—это будетъ тоже счастье. (*Хочетъ взять ея руки.*)

КНЯГИНЯ.

Чему вы такъ рады? Можетъ-быть, влетѣвъ въ мое сердце, вы тоже наступили на потаенную мину—ее можетъ взорвать.

КУРАГИНЪ.

Ну, если мину взорветъ, можно взлетѣть и на воздухъ не жалѣя: тогда не будетъ ни мины, ни меня.

КНЯГИНЯ (*быстро подходитъ къ графу*).

Вамъ очень больно? Простите, я право не виновата—зачѣмъ вы требовали сейчасъ.... непременно сейчасъ. Вѣдь еслибъ я подумала и теперь даже.... завтра, послѣзавтра, чрезъ недѣлю, я вѣрно рѣшила бы отказать этому безумцу. Вѣдь это съ моей стороны сумашествіе. Я конечно рассудила бы что вы во всѣхъ отношеніяхъ не только партія, но и мужъ котораго мнѣ нужно: милый, знающій жизнь, необходимый для моихъ лѣтъ.... Зачѣмъ вы мнѣ не дали подумать? А то теперь, именно теперь, во мнѣ прыгали вотъ эти

голубые чортики которыхъ вы разбудили вашимъ предложеніемъ.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, надобно кончить. Въ моемъ сердцѣ есть вѣроятно какая-то трещина. Когда я вѣрилъ и любилъ безъ оглядки, женщина ускользнула изъ моихъ объятій—тогда это были фантазіи и иллюзіи раскаленныхъ лучами полудня въ четырнадцать часовъ. Теперь, когда я, не вѣря безъ оглядки, а казалось строго разсудивъ, иду впередъ, женщина ускользаетъ опять, потому что явился просто гусаръ... Въ кого не вѣрить? въ себя или въ женщину? Нѣтъ, это надобно кончить *(съ досады ударяетъ рукой по столу, на которомъ стояла китайская чашечка и разбиваетъ ее)*.. Ай, обрѣзалъ себя руку!

КУРАГИНЪ *(съ участіемъ)*.

Ахъ, бѣдный графъ, простите! Вамъ больно?

КНЯГИНЯ *(беретъ за руку графа)*.

Какъ вы оцарапали руку! Ну зачѣмъ это? скорѣй сюда *(ведетъ его къ столу съ шитьемъ)*, я вамъ приложу кусочекъ тафты. *(Торопясь отрываетъ кусокъ пластыря и наклеиваетъ его на руку графа.)*

ГРАФЪ.

Нѣтъ, это очень хорошо, это меня немало отрезвило. *(Проводя другою рукой по глазамъ:)* Ахъ, какъ вы мнѣ, Людмила Александровна, сдѣлали больно. Богъ съ вами! Ну да это вѣрно въ послѣдній разъ....

КУРАГИНЪ *(подходитъ къ нему)*.

Вы и меня простите. Вы видите, я тутъ не виноватъ. Это судьба перереженная гусаромъ; костюмъ этотъ она вѣрно очень любить. Оставайтесь друзьями, вы сами виноваты: помните, до войны, сколько разъ вы мнѣ говорили что идеальнѣе Людмилы Александровны нѣтъ женщины на свѣтѣ.

КНЯГИНЯ *(все еще зажимая рукой графа)*.

Подите прочь, вы мнѣ мѣшаете. *(Курагине немного отходитъ отъ графини; она нѣжно графу:)* Ну, да, конечно, мы остаемся друзьями. Вы ему тоже протягаете руку, да? не правда ли? Вы такой добрый.

ГРАФЪ.

За неимѣніемъ лучшаго, буду доживать жизнь играя роль добраго человѣка.

КНЯГИНЯ.

Вотъ, вы еще сердитесь. Это не хорошо; намъ нужна еще будетъ ваша дружба. Вотъ видите.... я знаю.... *il me donnera du fil à retordre*, но что же дѣлать? это все такъ надобно было пережить.... Ну, подумайте. Что еслибы не переживъ вотъ этого... какъ вамъ сказать... этихъ *stoccato* которыя дѣлаеть Сарасате на струнахъ... я вышла бы за васъ, а вы не переловили бы моихъ чортиковъ? Вѣдь одинъ изъ этихъ чортиковъ можетъ-быть выросъ бы въ страстную любовь и явился бы послѣ... ну... и... вѣтъ, онъ вовремя явился, какъ разъ вовремя. Ну, скажите, какъ же можно было упустить случай... какъ бы это выразить... выйти замужъ и вмѣстѣ съ тѣмъ найти въ мужѣ...

ГРАФЪ (*разводитъ руками*).

Софизмъ во образѣ женщины—всегда непреложная истина.

КУРАГИНЪ.

Да, софизмъ всегда только инкогнито правды. И магистръ въ гусарскомъ мундирѣ тоже софизмъ.... однако, видите....

КНЯГИНЯ (*осматриваетъ руку графа*).

Ну вотъ теперь отлучно. Тафта очень хорошо прилипла, скоро заживетъ (*мечтательно*). А впрочемъ, какъ знать! мы можетъ-быть очень были бы съ вами счастливы. Мнѣ жаль перспективы этой тихой, плавной любви, въ перемежку съ дружбой...

КУРАГИНЪ (*смѣясь*).

Какой вздоръ! Между мужчинами и женщинами дружба всегда только простывшая любовь. Он вопре авес са, но для обѣда это также не годится какъ холодная телятина.

КНЯГИНЯ.

Молчите, ловѣса.

СЛУГА (*изъ дверей*).

Обѣдъ подавъ, ваше сіятельство!

КНЯГИНЯ.

Ахъ какъ мы заговорились! впрочемъ и отлучно, это кста-ти; (*служъ*;) поставьте еще два прибора и заморозить шампанскаго. (*Служа уходитъ. Княгиня графу и Курагину*;) Хотите выпить за общую дружбу?

КУРАГИНЪ.

Конечно. Какъ вы прелестны! (*улыуется ея руку*.)

т. снлч.

12

КНЯГИНЯ (*графу*).

А вы протянете руку этому сумасшедшему? Это очень облегчить для меня глулость которую я дѣлаю.

ГРАФЪ.

Конечно да. Пора кончить! Шагая черезъ кочки фантазій, труда и терпѣнія, я завоевалъ наконецъ себѣ право на свободу—самый завидный результатъ человѣческой жизни. Но свободу нужно было употребить на добычу счастья. Иначе на что же она годится? И тутъ только я вижу что разрешивъ трудное уравненіе, я нашелъ что мой X равняется нулю. Ну что жъ дѣлать! убѣдиться въ этомъ — тоже утѣшеніе... (*Подаетъ руку Курагину.*)

КУРАГИНЪ (*беретъ его руку съ чувствомъ*).

Спасибо вамъ и простите. (*Клеинтъ:*) А вѣдь у графини Марьи Петровны теперь танцуютъ. Какъ вы хорошо сдѣлали что туда не поѣхали. (*Всѣ смеются.*)

АЛЕКСАНДРЪ С—ЧЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ второй.

Въ этотъ томъ вошли большою частію журнальныя статьи князя П. А. Вяземскаго за періодъ времени отъ 1827 до 1851 года. На ряду съ ними помѣщено нѣсколько его статей и записокъ не имѣющихъ прямого отношенія къ литературѣ и изъ коихъ многія еще не были до сихъ поръ напечатаны. Вообще появившійся томъ представляетъ весьма занимательное чтеніе. Покойный авторъ выступаетъ въ немъ со всеми блестящими своими достоинствами какъ литературный критикъ и какъ тонкій наблюдатель разностороннихъ явленій общественной жизни. Въ статьѣ о князѣ П. Б. Козловскомъ онъ говоритъ: „Воспоминанія, записки, наблюденія такого человѣка были бы драгоценны какъ въ отношеніи къ исторіи современной, такъ и въ отношеніи къ собственной исторіи, къ личному выраженію человѣка, который если и не былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ актеровъ своей эпохи, то рѣшительно однимъ изъ внимательнѣйшихъ и остроумнѣйшихъ ея зрителей.“ Слова эти можно вполнѣ примѣнить къ самому князю П. А.

Вяземскому. Это былъ дѣйствительно „одинъ изъ внимательнѣйшихъ зрителей“ всего что совершилось на его глазахъ. Къ цѣлому ряду фигуръ выведенныхъ въ *Старой Записной Книжкѣ* князя Вяземскаго — истинномъ перлѣ въ своемъ родѣ, присоединяются въ разбираемомъ нами томѣ нѣсколько другихъ столь же рельефно и тщательно отдѣланныхъ. Достаточно автору двухъ или даже одной страницъ чтобы явился предъ нами полный образъ человѣка. Для примѣра укажемъ на характеристику графа Нессельроде, близкаго родственника извѣстнаго нашего канцлера (въ статьѣ озаглавленной *Автобиографическое Введеніе*, въ которой авторъ разказываетъ о своемъ пребываніи въ Варшавѣ). Еще болѣшимъ мастерствомъ отличается биографическій очеркъ князя Петра Борисовича Козловскаго, нарисовать портретъ котораго было тѣмъ труднѣе что онъ не оставилъ явныхъ слѣдовъ ни въ какой сферѣ дѣятельности, а что по собственному его выраженію главнымъ его призваніемъ на землѣ было — „говорить“ и что именно бесѣда его, проникнутая умомъ обширнымъ образованіемъ, знаніемъ жизни и людей, дѣлала изъ этого человѣка одно изъ самыхъ симпатичныхъ и оригинальныхъ явленій. „Болтуновъ найдешь, но говоруны перевелись,“ замѣчаетъ князь Вяземскій. „Единственные говоруны нашей эпохи — журналы. На дипломатическихъ обѣдахъ, на вечеринкахъ литературныхъ, въ блестящихъ многолюдныхъ собраніяхъ, въ отдѣльномъ и немногимъ доступномъ избранномъ и высшемъ обществѣ, голосъ князя Козловскаго раздавался неутомимо. Жадно собирались около него и наслаждались доселѣ невѣдомымъ удовольствіемъ. Употребляя пошлое сравненіе и чисто русскую поговорку можно сказать что тогда „звали на князя Козловскаго“, какъ въ старину московскіе бригадиры звали на жирную стерлядь; даже карточные столы, сіи четверомѣстные омнибусы нашего общества, получасомъ позже обыкновеннаго заселялись своими привычными и присяжными засѣдателями. Казалось что вдругъ, неожиданно сдѣлано новое открытіе, — открытіе дара слова, и всѣ слѣшили хотя мимоходомъ полюбоваться симъ новымъ изобрѣтеніемъ.“ Къ числу превосходныхъ характеристикъ нужно отнести также и характеристику Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, которая, къ сожалѣнію, осталась неоконченною.

Особенную цѣну вышедшему нынѣ тому придаетъ то обстоятельство что въ немъ помѣщено нѣсколько записокъ и статей князя П. А. Вяземскаго служащихъ интереснымъ матеріаломъ для его собственной біографіи. Въ одной изъ нихъ (*Моя Исповѣдь*) разказываетъ онъ какъ развилось въ немъ то съ виду либеральное, въ сущности легкомысленное настроеніе, которое послѣ 1815 года господствовало въ извѣстныхъ кружкахъ нашего общества и примѣръ которому подавалъ самъ императоръ Александръ. Молодой, воспріимчивый, впечатлительный человѣкъ, какимъ былъ тогда князь Вяземскій, не могъ остаться чуждымъ этому настроенію, на которое сильныя вліянія какъ бы наталкивали его. Въ Варшавѣ, гдѣ авторъ находился на службѣ у Н. Н. Новосильцева, поручено было ему перевести польскую конституціонную хартію на русскій языкъ, а за тѣмъ, когда Новосильцевъ, по мыслу императора, занялся сочиненіемъ проекта конституціи для Россіи—или вѣрнѣе, когда подъ руководствомъ его страдалъ этотъ проектъ Французъ Дешанъ, то и тутъ предложеніе французской редакціи на русскую было возложено на князя Вяземскаго. Въ Петербургѣ удостоился онъ бесѣдовать съ государемъ и самъ государь повѣрялъ ему свои воззрѣнія. „Предоставляю судить, говоритъ онъ, какими смѣлами должны были подобныя слова (т.-е. слова сказанныя ему императоромъ) оплодотворить сердце, уже раскрытое политическимъ надеждамъ, которыя съ того времени освятились для меня самою державною властью.“ Но въ образѣ мыслей императора Александра произошелъ переворотъ. Князь Вяземскій, который подобно многимъ другимъ только что былъ натолкнутъ на одну луть, не могъ такъ быстро повернуть на другой. „Съ Тропаускаго конгресса, разказываетъ онъ, рѣшительно начинается новая эра въ умѣ императора Александра и въ политикѣ Европы. Онъ отрекся отъ прежнихъ своихъ мыслей; разумѣется примѣръ его обратилъ многихъ. Я (хотя это мѣстоименіе тутъ и очень неумѣстно, но должно же употребить его когда дѣло идетъ обо мнѣ) остался такимъ образомъ мнѣнія уже не торжествующаго, а оплакаваго... Въ такомъ положеніи всѣ слова мои (дѣйствій моихъ никакихъ не было), бывшія прежде въ общемъ согласіи съ господствующимъ голосомъ, начали уже отзываться дикимъ развогласіемъ: эта несообразность, несозвучность частная была большинствомъ голосовъ выдаваема за мятежничество.“ Князь

Вяземскій разказываетъ что долго въ послѣдствіи оставался онъ подозрительнымъ лицомъ. Сначала смотрѣли болѣе чѣмъ снисходительно на то что онъ являлся побраникомъ учрежденій столь чуждыхъ и непригодныхъ для Россіи, а затѣмъ хотѣли видѣть явчто опасное даже въ тѣхъ чувствахъ съ какими онъ и тысячи другихъ отнеслись къ трагической кончинѣ Пушкина (см. оправдательное письмо князя Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу въ *Русскомъ Архивѣ*, 1879, кн. 3). Можно только удивляться что человекъ съ образомъ мыслей князя Вяземскаго очутился въ такомъ положеніи, но несомнѣнно что для подобной роли не было никакихъ данныхъ ни въ немъ самомъ, ни въ окружавшей его средѣ. Корень всего этого лежалъ въ томъ примѣрѣ который подавъ былъ сверху. По этому поводу встрѣчаемъ у князя Вяземскаго глубоко вѣрное замѣчаніе: „Не дѣйствуя прямо и постоянно въ коренномъ смыслѣ исповѣдуемыхъ началъ, правительство потрясаетъ въ управляемыхъ вѣру къ словамъ своимъ. Дѣйствуя въ противность своимъ правиламъ, правительство порождаетъ въ обществѣ несогласіе, сбивчивость въ понятіяхъ, нравственное, вслѣдъ за тѣмъ политическое разстройство, которое тѣмъ труднѣе ему исправить и искоренить что оно само — безъ вѣдома или безъ признанія своего — начало и корень сего разстройства. Въ противорѣчіяхъ правительства съ самимъ собою заключается величайшее зло.“ Не объясняютъ ли очень многого эти слова, если примѣнять ихъ къ тому времени къ которому относится первая пора дѣятельности князя П. А. Вяземскаго?

Въ книгѣ о которой мы говоримъ разсѣяно много другихъ весьма справедливыхъ замѣчаній. Авторъ упоминаетъ объ обвиненіяхъ противъ него въ томъ что въ молодости, находясь на службѣ, позволялъ онъ себѣ въ своихъ письмахъ выражать рѣзкія мнѣнія. Онъ оправдывался, во первыхъ, тѣмъ что чувство руководившее имъ, когда онъ прибѣгалъ въ нихъ къ лориданію, не было легкомысленнымъ и еще менѣе преступнымъ. „Въ припадкахъ патріотической желчи, при мѣрахъ правительства несогласныхъ по моему мнѣнію ни съ государственною пользою, ни съ достоинствомъ Русскаго народа, при назначеніи на важныя мѣста людей которые не могли поддерживать возвышеннаго бремени на нихъ возложеннаго, я часто съ камѣреніемъ передавалъ письмамъ моимъ животрепещущее соболъзнованіе моего сердца; я

писалъ часто въ надеждѣ что правительство наше, лишенное независимыхъ органовъ общественнаго мнѣнія, узнаетъ черезъ перехваченныя письма что есть однако же мнѣніе въ Россіи, что посреди глубокаго молчанія, господствующаго на равнинѣ нашего общежитія, есть голосъ безкорыстный, укорительный представитель мнѣнія общаго; признаюсь, мнѣ казалось что сей голосъ не долженъ пропадать, а напротивъ, можетъ возбуждать чуткое вниманіе правительства. Пускай смѣются надъ симъ самоотверженіемъ безплоднымъ для общей пользы, надъ симъ добровольнымъ мученичествомъ донкихотскаго патриотизма, но пускай также согласятся что если оно не признакъ разчетливаго ума, то по крайней мѣрѣ — несомнѣнное выраженіе чистой совѣсти и откровеннаго прямодушія.“ Подобный образъ дѣйствій во всякомъ случаѣ не имѣлъ ничего общаго съ другимъ, сильно возмущавшимъ князя Вяземскаго, а именно съ тѣмъ чтобы, находясь на службѣ у правительства, стараться по мѣрѣ силъ не только словомъ, но частѣ и дѣломъ подрывать его авторитетъ. „Это походитъ на дѣйствіе сатира, говоритъ князь Вяземскій, который въ одно время дуетъ холодомъ и тепломъ: гласно служить правительству и слѣдовательно даешься орудіемъ въ его руки, а подъ рукою дѣйствуешь противъ него. Въ случаѣ противорѣчія кровныхъ мнѣній своихъ и душевныхъ чувствъ со званіемъ и обязанностями на себя приватными должно по возможности привести правительству покорное сознаніе или оставить службу...“

II.

Н. Пироговъ. *Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны съ Болгаріи и съ тылу дѣйствующей арміи съ 1877—1878 годовъ.* С.-Петербургъ, 1879, 2 тома.

Предъ нами въ вышей стелени интересная книга изданная Главнымъ Управленіемъ Общества Попеченія о Равенныхъ и Больныхъ Воинахъ и посвященная Государынь Императрицѣ, Августѣйшей Покровительницѣ этого Общества. По волю Ея знаменитый русскій хирургъ принялъ на себя порученіе „осмотрѣть всѣ санитарныя учрежденія какъ на театрѣ войны, такъ и въ тылу дѣйствующей арміи, а равно и средства транспорта больныхъ и равенныхъ по грунтовымъ и

железными дорогами." Книга Н. И. Пирогова представляет чрезвычайно любопытную картину санитарнаго устройства и положенія нашей арміи въ послѣднюю войну. Едва ли могъ бы найтись между русскими врачами человекъ болѣе компетентный для сужденія объ этомъ вопросѣ, человекъ болѣе опытный и болѣе занимавшійся теоріей и практикой военно-врачебнаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія новое сочиненіе нашего извѣстнаго хирурга представляет собою драгоценный вкладъ въ специальную литературу и будетъ имѣть значеніе не въ одной Россіи, но и за ея предѣлами. Книга Пирогова будетъ точно также служить предметомъ ссылки для иностранныхъ писателей; какъ ихъ сочиненія служатъ источниками цитатъ для нашего автора. Но этимъ не исчерпывается ея значеніе и интересъ. Разбираемое нами сочиненіе прочтется каждымъ русскимъ образованнымъ человекомъ. Это—живая и любопытная повѣсть прошедшаго, представляющая источникъ поученія для настоящаго и будущаго. Указаніе недостатковъ замѣченныхъ авторомъ въ нашѣмъ военно-врачебномъ дѣлѣ получаетъ какъ бы официальную санкцію самымъ фактомъ изданія отчета г. Пирогова Обществомъ покровительства больнымъ и раненымъ воинамъ. Это были, сдѣловательно, недостатки дѣйствительные, призванные и сознаваемые. Указывая на нихъ, авторъ въ то же время постоянно предлагаетъ и средства къ ихъ устраненію. Рядомъ съ вопросами чисто административными онъ касается вопросовъ затрагивающихъ все русское общество. Г. Пироговъ „возстаетъ противъ утопій и увлеченій и доказываетъ фактами вредъ происходящій отъ худо понятаго человеколюбія и непримѣнимаго въ нашихъ войскахъ требованія науки въ дѣлѣ первоначальной помощи и въ выборѣ транспортныхъ средствъ.“ „Я *обсуждаю*“, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, „*основныя начала и опредѣляю значеніе, по моему мнѣнію, наиболее соответствующее нашей частной помощи въ ея отношеніяхъ къ военно-врачебному вѣдомству; откровенно излагаю ея крупныя проблемы и указываю на то направленіе, принятое ею въ нынѣшнюю войну, которое мнѣ казалось ложнымъ и отклоняющимъ эту важную помощь отъ истиннаго ея назначенія.*“ Итакъ, мы имѣемъ предъ собою рядъ фактовъ установленныхъ и проверенныхъ вполнѣ авторитетнымъ ученымъ писателемъ и, вмѣстѣ съ этими фактами, рядъ сдѣланныхъ имъ выводовъ. Трудно сказать что цвѣте-

решше: описаніе ли фактовъ или извлеченныя изъ нихъ указанія. Давая отчетъ объ этой книгѣ остается лишь сожалѣть о томъ что приходится держаться общихъ штриховъ, что предѣлы журнальной статьи не позволяютъ привести изъ сочиненія г. Пирогова большаго количества извлеченій, выдержекъ, фактовъ. Мы сосредоточимъ наше вниманіе главнымъ образомъ на отдѣлѣ о *частной помощи*, во въ то же время коснемся нѣсколькихъ интересныхъ выводовъ и подробностей по другимъ отдѣламъ. Укажемъ прежде всего на дѣла которыя намѣтилъ себѣ г. Пироговъ въ своей книгѣ.

„Я раздѣляю на двѣ части мое описаніе военно-врачебнаго дѣла и частной помощи на театрѣ войны въ Болгаріи“, говоритъ авторъ. „Въ первой части я описываю: 1) госпитальныя помѣщенія на театрѣ нынѣшней войны вообще; 2) наши военно-временныя лазареты въ сравненіи ихъ съ дивизионными лазаретами и перевязочными пунктами. Потомъ я излагаю: 3) статистику убыли изъ строя въ битвахъ; статистику смертности въ военно-временныхъ госпиталяхъ; относительную численность санитарнаго персонала къ числу госпитальныхъ мѣстъ на театрѣ войны и общій взглядъ на врачебно-полевое дѣло при оказаніи помощи больнымъ; 4) обсуждаю главныя начала эвакуаціонной системы принятой въ нынѣшнюю войну, предлагаю мой взглядъ на систему эвакуаціи вообще въ нашихъ войнахъ съ Турціей и описываю учрежденіе эвакуаціонныхъ пунктовъ, столовъ и санитарныхъ лѣздовъ; 5) наконецъ я посвящаю цѣлую статью изложенію основныхъ началъ нашей частной помощи, ея дѣйствій, помѣщеній на театрѣ войны и въ тылу дѣйствующей арміи, транспортныхъ средствъ и самаго персонала. Каждая изъ этихъ пяти статей имѣетъ въ моихъ глазахъ особенное значеніе.

„Во второй части я изложу исключительно мой взглядъ на хирургическое врачебное дѣло въ послѣдней Турецкой войнѣ, и представлю, сколько можно, вѣрные статистическіе результаты хода и лѣченія различныхъ огнестрѣльныхъ поврежденій, изъ числа которыхъ я обращаю особенное вниманіе на огнестрѣльныя раны груди, колѣна и огнестрѣльные переломы бедра, какъ на самые надежныя указатели прогресса нашей полевой хирургіи.“

Отличалась ли санитарно-административная часть нашей послѣдней войны отъ Крымской и Франко-Прусской войнъ? Вотъ вопросъ который Н. И. Пироговъ чаще всего слышалъ

отъ разныхъ лицъ и на который онъ прежде всего отвѣчаетъ въ качествѣ очевидца участвовавшего въ административно-санитарной дѣятельности Крымской войны и ознакомившагося съ дѣятельностью многихъ санитарныхъ учреждений Германіи, Альзаса и Лотарингіи во время Франко-Германской войны. По мнѣнію г. Пирогова, эти три войны нельзя, по справедливости, сравнивать между собой, такъ какъ онѣ велись при совершенно различныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ.

„Крымская война велась на окраинѣ нашей Имперіи, была слѣдовательно оборонительная и по преимуществу осадная. Устройство нашей военно-медицинской администраціи того времени существенно отличалось и количественно, и качественно отъ вышшняго устройства. Наши пути сообщенія были, въ то время, по крайней мѣрѣ около театра войны, въ самомъ первобытномъ состояніи. Численность дѣйствовавшей арміи была гораздо меньшая; оружіе какъ непріятельское, такъ въ особенности наше, не имѣло степеней совершенства отличающаго вышнее оружіе; пораженія наносимыя нашимъ войскамъ непріятельскимъ оружіемъ были несравненно сильнѣе и убійственнѣе, такъ какъ въ осадной войнѣ они наносились исключительно огромными огнестрѣльными снарядами. Наконецъ *частная помощь того времени была только что въ зародышѣ.*

„Франко-Германская война была наступательная и велась при самой благопріятной обстановкѣ, въ мѣстностяхъ со здоровымъ климатомъ, цивилизованныхъ, богатыхъ и снабженныхъ всеми вспомогательными средствами. Германскіе и французскіе пути сообщенія представляли огромную непрерывную желѣзно-дорожную сѣть, раскинутую по всемъ направленіямъ страны; частная помощь, не только туземная но и заграничная и даже заморская, явилась въ эту войну въ первый разъ въ Европѣ въ такомъ громадномъ и организованномъ видѣ въ какомъ она еще никогда не являлась до тѣхъ поръ. Едва миновавшая наша, Восточная, война была тоже наступательная; но она велась въ мѣстностяхъ то болотистыхъ и нездоровыхъ, то почти дикихъ, гористыхъ и въ зимнее время едва проходимыхъ. Въ этой войнѣ такъ же какъ и въ Германской велась продолжительное время осада, но не міровой столицы и даже не города или крѣпости, а цѣлой территоріи занимавшей въ окружности почти сотни

версть, при чрезвычайно измѣнчивыхъ условіяхъ и въ наступившее уже суровое зимнее время. Пути сообщенія на этомъ театрѣ войны немногимъ отличались отъ первобытныхъ, и, сверхъ того, наша армія была еще отдѣлена отъ цивилизованныхъ мѣстностей большою рѣкой, отапливающейся своимъ непостоянствомъ и вреднымъ вліяніемъ на окрестныя мѣста. Сообщенія нашихъ войскъ чрезъ Румынію съ отечествомъ, хотя и рельсовыя, оказались плохо организованными и недостаточными для снабженія большой арміи непрерывнымъ подвозомъ запасовъ. Наша частная помощь, выступившая также въ первый разъ въ обширныхъ размѣрахъ, не могла быть, по причинѣ далекихъ разстояній и недостаточныхъ сообщеній, такъ тщательно организована, какъ мы ее видѣли во Франко-Германской войнѣ. Итакъ, сравненіе трехъ событій происходившихъ при столь различныхъ условіяхъ очевидно несправедливо и не выдерживаетъ критики.“

Очевидно, однако, что для спеціалиста видѣвшаго санитарную часть въ Крымской, Франко-Германской и послѣдней Турецкой войнѣ современное положеніе этой части въ русской арміи должно было хотя бы до нѣкоторой степени напомнить одинъ изъ трехъ видѣнныхъ имъ различныхъ типовъ устройства. По мнѣнію г. Пирогова, санитарная часть русской арміи относительно всего ближе напоминала то что автору пришлось видѣть во время его заграничной поѣздки въ 1870 году.

„Впечатлѣніе произведенное на меня осмотромъ санитарныхъ учрежденій въ тылу дѣйствующей арміи и въ Румыніи въ минувшую войну относительно сходно съ тѣмъ которое я вынесъ послѣ поѣздки моей въ Германію, Альзасъ и Лотарингію въ 1870 году, и это сходство я приписываю, исключительно, организаціи нашихъ санитарныхъ учрежденій Общества Краснаго Креста. Дѣйствительно, построенные имъ бараки, сортировочныя, сдѣланныя имъ приспособленія для вентиляціи въ занятыхъ подъ госпитали частныхъ домахъ, устройство отхожихъ мѣстъ, обиліе запасовъ въ его складахъ и содѣйствіе организованнаго имъ персонала ничѣмъ почти не отличались отъ частныхъ же санитарныхъ учрежденій Германіи, и даже, во многихъ отношеніяхъ, были важнѣе германскихъ въ дѣлѣ помощи.“

Но....

„Но это сходство исчезаетъ за Дунаемъ. Здѣсь уже мно-

гое напомнило давнопрошедшее о которомъ всё были такъ увѣрены что оно не повторится... Существенное различіе обнаружилось въ Болгаріи, гдѣ наша частная помощь уже не имѣла своихъ помѣщеній для больныхъ, а ограничивалась доставленіемъ въ помощь военнымъ госпиталямъ врачей, сестеръ, уполномоченныхъ, складовъ, организацію летучихъ санитарныхъ отрядовъ и транспортныхъ средствъ. Устройство госпитальныхъ помѣщеній въ Болгаріи оказалось такимъ же несовершеннымъ какимъ оно было въ Крымскую войну. Все что я говорилъ двадцать с лишкомъ лѣтъ тому назадъ о необходимости и выгодахъ для нашей арміи переносныхъ госпитальныхъ помѣщеній, оказалось вполнѣ вѣрнымъ и теперь. Да это и не могло быть иначе. Какъ скоро война ведется въ мало цивилизованной и дикой мѣстности, то прежде всего долженъ обнаружиться недостатокъ въ помѣщеніяхъ. На это обстоятельство я указывалъ еще не такъ давно въ моемъ отчетѣ о видѣнномъ мною во время Франко-Германской войны. Я и тогда совѣтовалъ Обществу Краснаго Креста озаботиться преимущественно приготовленіемъ переносныхъ и другихъ помѣщеній, и указывалъ въ особенности на заблаговременное изготовленіе въ большихъ размѣрахъ госпитальныхъ палатокъ, какъ наиболее удобныхъ къ храненію въ складахъ и перемѣщенію. Дѣйствительно, эти палатки, въ послѣднюю нашу войну, находившіяся почти исключительно въ рукахъ одного военного вѣдомства, сослужили нашей арміи вѣрную службу и пригодились ей еще несравненно болѣе чѣмъ въ Крымскую.

По мнѣнію г. Пирогова, въ нашихъ войнахъ забота администраціи должна быть „прежде и лаче всего“ направлена на изысканіе и изготовленіе импровизованныхъ и подвижныхъ помѣщеній. „Къ чему можетъ служить заготовка лѣкарствъ, перевязочныхъ средствъ, бѣлья и даже състныхъ припасовъ для больныхъ и раненыхъ, если имъ не дано будетъ крова? Наши военно-временные госпитали до тѣхъ поръ не достигнутъ своего назначенія пока они не будутъ снабжены значительнымъ запасомъ подвижныхъ и удобныхъ помѣщеній. Между тѣмъ всё военно-временные госпитали были скудно снабжены ими, исходя изъ предположенія о возможности размѣщаться въ домахъ и здавіяхъ, то-есть въ мѣстахъ людныхъ и цивилизованныхъ. *И это я считаю самымъ важнымъ пробѣломъ въ нашей военно-санитарной администраціи въ переживаемую нами войну.*“

Въ послѣднюю войну въ русской арміи *въ первый разъ* появились *юрты* на европейскомъ театрѣ войны. Починъ этого нововведенія принадлежитъ г. Пирогову, который еще въ 1870 году высказалъ предположеніе о пользѣ такихъ помѣщеній для военного времени, и затѣмъ въ 1876 году получилъ весьма подробныя практическія свѣдѣнія о нихъ въ разговорѣ съ офицеромъ проведеннымъ нѣсколько лѣтъ въ Средней Азіи и кочевавшимъ зимою въ юртахъ при значительной службѣ. Какъ помѣщеніе для здоровыхъ юрта представляется, по словамъ г. Пирогова, несомнѣннымъ достоинствомъ. Въ такой юртѣ прожилъ въ Боготѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ Его Высочество Главнокомандующій, въ юртахъ жили нѣсколько военныхъ начальниковъ, многія изъ сестеръ милосердія, Османъ-паша до отправления его въ Россію, и т. д.

„Относительно помѣщенія въ юртахъ больныхъ существуетъ нѣсколько различныхъ мнѣній,“ говоритъ г. Пироговъ. Упреки дѣлаемые юртамъ со стороны врачей сводятся къ тому что въ теплую погоду въ юртахъ становится послѣ дождей душно и сыро, вслѣдствіе испареній отъ промокшаго войлока, и слышится какой-то особый, войлочный запахъ. Нѣкоторые врачи приписывали мiasmамъ пропитавшимъ войлоки юртъ появленіе у раненыхъ рожистыхъ воспаленій, дифтерита и даже гангрены. „Но, говоритъ авторъ, перенесеніе больныхъ въ палатки не прекратило этихъ неприятныхъ осложненій. Никто изъ врачей не могъ съ точностью указать различія въ ходѣ ранъ и лѣченія у больныхъ помѣщавшихся въ юртахъ, отъ тѣхъ результатовъ которые наблюдались въ палаткахъ.“ Г. Пироговъ полагаетъ необходимымъ какъ для военной администраціи, такъ и для Общества Краснаго Креста *имѣть на будущее время въ своихъ складахъ постоянный и значительный запасъ юртъ*. Мы не можемъ входить здѣсь въ весьма интересныя подробности сообщаемыя авторомъ о различныхъ видахъ госпитальныхъ помѣщеній: баракахъ, землянкахъ, палаткахъ, обывательскихъ домахъ, объ ихъ относительныхъ выгодахъ и удобствахъ, ихъ вентиляціи и отопленіи. Передадимъ выводы. „Если мы,“ говоритъ г. Пироговъ, „спросимъ себя: какой изъ различныхъ системъ помѣщенія военно-временныхъ госпиталей на театрѣ войны долженъ отдать предпочтеніе тотъ госпиталь который, по обыкновенно счастливому стеченію обстоятельствъ, могъ бы располагать всѣми ими, то на это я отвѣчу что они должны

пользоваться всеми родами помѣщеній и если не пользоваться, то по крайней мѣрѣ ни одного не упускать изъ рукъ, когда они находятся въ его распоряженіи, такъ какъ они все, при разныхъ условіяхъ, могутъ ему пригодиться на театрѣ войны. Но администрація и главный врачъ госпиталя должны умѣть ими вовремя пользоваться. Охотникамъ до оравненій прошедшаго съ настоящимъ я скажу, для удовольствія ихъ любоблывства, что *въ отношеніи госпитальныхъ помѣщеній на театрѣ войны мы не прогрессировали съ 1854 года.* Будемъ впредь надѣяться что пріобрѣтенная врачами и администраторами въ нашихъ войскахъ олытность *не пройдетъ безслѣдно для будущихъ поколѣній...*“

Г. Пироговъ развѣртываетъ предъ нами всю картину военно-санитарной части въ русской арміи. Читателю не знакомому съ дѣломъ военно-медицинской организаціи сообщаются главные черты русскаго военно-госпитальнаго регламента.

„У насъ въ мирное время не существуетъ не только военно-временныхъ госпиталей, но даже *нѣтъ и кадръ* для ихъ образованія. Будущія составныя части каждаго военно-временнаго госпиталя разсыяны въ разныхъ пунктахъ Имперіи, и собрать ихъ во едино для образованія новаго госпиталя при началѣ войны предоставляется нѣсколькимъ инстанціямъ. Если мы просмотримъ исторію развитія каждаго военно-временнаго госпиталя *объ ово*, то увидимъ что его экономическая и интеллектуальная стороны формируются въ четырехъ инстанціяхъ: въ военно-окружномъ и военно-медицинскомъ управленіяхъ, въ главномъ штабѣ, и въ штабѣ дѣйствующей арміи. Такъ лица по хозяйственному управленію госпиталя (смотритель и проч.) назначаются военно-окружнымъ управленіемъ; начальникъ госпиталя избирается начальникомъ штаба дѣйствующей арміи; главный врачъ и аптекаръ и проч.—военно-медицинскимъ управленіемъ, а служители—главнымъ штабомъ. Итакъ, назначеніе персонала всего военно-временнаго госпиталя совершается по крайней мѣрѣ въ трехъ разныхъ пунктахъ Имперіи, въ С.-Петербургѣ, въ округѣ и на мѣстѣ пребыванія дѣйствующей арміи; матеріальная же сторона госпиталя собирается по распоряженію трехъ инстанцій: военно-окружнаго, военно-медицинскаго и полеваго управленій, частью изъ различныхъ складовъ разсыянныхъ по

Империю, частью же на мѣстѣ, посредствомъ кулаки или под-
ряда. Очевидно что при такомъ порядкѣ вещей быстрота въ
формированіи немислима. Читатель, познакомившись изъ
приведеннаго въ самыхъ общихъ чертахъ съ постановленіа-
ми о нашихъ военно-временныхъ госпиталяхъ, можетъ уже
оцѣнить въ какой мѣрѣ справедливы упреки незнакомыхъ
съ дѣломъ людей тому или другому администратору, прили-
сывающихъ лично ему одному медленность и самую несвое-
временность въ оказаніи госпитальной помощи раненымъ и
больнымъ на театрѣ войны.“

Кого же можно винить, если не отдѣльных администрато-
торовъ? Г. Пироговъ отвѣчаетъ и на этотъ вопросъ. *Вся суть*
санитарнаго дѣла, говоритъ онъ, заключается въ админи-
страціи:

„Пріѣхавъ въ первый разъ на театрѣ войны, особенно не
врачъ, увидѣвъ цѣлые ряды страдающихъ людей лежащихъ
въ крови и пыли на голой землѣ, конечно обвинить врачей
и распорядителей когда раненымъ не оказывается сейчасъ же
помощь, когда проходятъ часы и дни прежде чѣмъ снимутъ
съ этихъ раненыхъ пропитанную кровью и грязью одежду,
перевяжутъ, надѣнутъ чистое бѣлье, накормятъ и успокоятъ.
Кто же, въ самомъ дѣлѣ, долженъ быть виноватъ какъ не врачъ
и не администраторъ? Кто же если не эти лица? Нѣтъ, отвѣчу
я, не администраторъ, не врачъ, а *администрація, ея долги*
и учрежденія. Сущность хорошо организованной админи-
страціи и состоитъ именно въ томъ чтобъ она управляла
дѣйствіями лицъ, а не лицо дѣлало бы изъ нее худое или
хорошее.“

Изъ своихъ наблюденій въ госпиталяхъ Россіи, Румыніи
и Болгаріи, изъ собранныхъ имъ документовъ и устныхъ
сообщеній доставленныхъ очевидцами г. Пироговъ выводитъ
заключеніе что *последняя война отличалась* не только отъ
прошлыхъ нашихъ, но и отъ предшествовавшихъ ей
шести западно-европейскихъ и американской *необыкновенно*
благоприятнымъ ходомъ ранъ и умѣренной больнич-
ностью. Доказательствамъ такого положенія посвященъ по-
чти весь второй томъ книги. Отдѣлъ этотъ чрезвычайно ин-
тересенъ, но мы къ сожалѣнію должны ограничиться общимъ
перечнемъ причинъ вызвавшихъ такое явленіе. Причины эти,
по мнѣнію г. Пирогова, заключаются:

1. Въ свойствахъ войскъ, оружія и снарядовъ, причинившихъ травматическія поврежденія; *

2. Въ малочисленности первичныхъ большихъ операцій (*ампутацій, резекцій*) и значительномъ числѣ неподвижныхъ повязокъ;

3. Въ перемѣщеніи раненыхъ транспортомъ, не позволявшими имъ сгущиваться и залеживаться въ переломенныхъ помѣщеніяхъ;

4. Въ свойствахъ помѣщеній на театрѣ войны, состоявшихъ исключительно изъ однихъ палатокъ;

5. Въ разсыяніи раненыхъ и больныхъ;

6. Въ самыхъ способахъ оказанія медицинской помощи.

Въ какомъ отношеніи находились эти благопріятныя условія къ устройству нашей военно-медицинской администраціи? Г. Пироговъ думаетъ что эти условія „неожиданно и непроизвольно ослабляли“ худыя послѣдствія, несмотря „на все вопіющее недостатки распоряженій“. Безъ этихъ неожиданныхъ условій худыя послѣдствія „неминуемо бы отразились на судьбѣ больныхъ и раненыхъ въ болѣе ужасающемъ видѣ и въ болѣе огромномъ размѣрѣ; тогда вышедшая война въ Болгаріи сдѣлалась бы гибельнѣе чѣмъ достопамятная Крымская.“ „Какъ очевидецъ,“ говоритъ г. Пироговъ, „я могу сравнить и стеленъ бѣдствій причиненныхъ войскамъ, и оцѣнить санитарно-административныя мѣры въ обихъ этихъ войнахъ.“

Авторъ рисуетъ картину главнаго перевязочнаго пункта. По его мнѣнію главное дѣло такого пункта есть *сортировка* раненыхъ. „Дѣло такъ просто и очевидно что про него не стоило бы казаться и говорить. Но опытъ доказываетъ что это было не такъ просто и удобоисполнимо какъ кажется. Я разумно *раскладку* раненыхъ доставляемыхъ съ передовыхъ перевязочныхъ пунктовъ на главные. Если порядокъ и дисциплина, то-есть хорошо организованный

* „Пули Шасспо и Пибоди-Мартини тѣмъ замѣчательны что вынутыя изъ картныхъ, скорострѣльныхъ ружей, заряжающихся съ казенной части, причиняя, при известныхъ условіяхъ, страшное опустошеніе въ рядахъ войскъ, вмѣстѣ съ тѣмъ являются наименѣе гибельными поврежденіями. Этимъ и объясняется что въ крымской войнѣ 1877 — 1878. годовъ, вмѣстѣ со страшною убылью убитыми, замѣчались и наиболѣе доброкачественныя раны.“ Томъ II, стр. 54. См. стр. 57—102 того же тома.

военно-полевой надзоръ не господствуютъ на главномъ перевязочномъ пунктѣ, то сумбуръ при раскладкѣ раненыхъ неизбеженъ. Привезшая или привезшая раненыхъ прислуга, слыша и толкаясь, кладетъ ихъ на землю какъ попало, и вскорѣ вся окрестность на большое пространство около помѣщенія перевязочнаго пункта занимаетъ лежащими *rôle-shèle*, такъ что дѣлается невозможнымъ не только осмотрѣть или оказать пособіе каждому раненому, но и пройти, не задѣвъ ногами того или другого. И вотъ съ самаго начала дѣйствій перевязочнаго пункта водворяется безпорядокъ неисправимый въ послѣдствіи, когда начинается переноска и въ самое помѣщеніе (палатку или строеніе) перевязочнаго пункта. Неловкіе наши санитары (если позволено этимъ именемъ назвать нашу госпитальную прислугу), заходя между ранеными толкаютъ ихъ безпощадно своими толстыми сапогами, наступаютъ на передомленные члены, вызывая крики и стоны; все обнаруживаетъ неулыбчивость, грубость въ обращеніи и отсутствіе всякаго порядка. Долго нужно потомъ биться и толковать, и все-таки безъ толку, чтобы поправить съ самаго начала испорченное дѣло. Поэтому-то опытный администраторъ на главномъ перевязочномъ пунктѣ всегда обратитъ первое вниманіе на правильную раскладку раненыхъ рядами въ линіи, у главнаго перевязочнаго пункта, такъ чтобы ряды образовали широкіе проходы-улицы, открывающіе доступъ къ каждому изъ раненыхъ. Когда есть налицо довольно запасныхъ носилокъ, а это необходимо при хорошо организованномъ перевязочномъ пунктѣ, то раненые (по крайней мѣрѣ тяжелые) кладутся рядами на землю вмѣстѣ съ носилками и съ ними же потомъ переносятся на операціонные столы и на койки. За раскладкою наблюдаютъ *постоянно*, если не врачи, то другія военныя лица, руководя носильщиковъ, показывая имъ дорогу и мѣсто для каждаго раненаго. Лишь только этотъ санитарно-полицейскій надзоръ будетъ, хотя на короткое время, улучшится, то тотчасъ же носильщики, желающіе какъ можно скорѣе освободиться отъ ноши и уйти изъ виду вонъ, начинаютъ класть снова какъ попало и все приходитъ въ безпорядокъ.“

Удовлетворительна ли была въ послѣднюю войну военная полиція при главныхъ перевязочныхъ пунктахъ и военно-временныхъ госпиталяхъ? Г. Пироговъ приводитъ любопыт-

ные факты изъ такъ-называемой имъ „біографіи“ военно-временныхъ госпиталей.

„Въ бытность свою въ Зимницѣ военно-временный госпиталь № 63 служилъ перевязочнымъ пунктомъ и эталомъ для раненыхъ привозимыхъ изъ-подъ Николая (3 іюля) и послѣ двухъ штурмовъ подъ Плевною (8 и 18 іюля). Въ это трудное время онъ долго не былъ снабжаемъ сестрами, прибывшими къ нему только послѣ второй Плевневской битвы, и уходъ за ранеными былъ крайне недостаточенъ. Недоставало также и еще болѣе важнаго: врачей, помѣщенія, пищи, бѣлья, платя, котловъ и *госпитальной полиціи*. Транспорты приходили и уходили безпорядочно и какъ-бы случайно; помощь Общества Краснаго Креста оказалась недостаточною; безпорядокъ и отсутствіе отчетности были слѣдствіемъ такого безвыходнаго положенія. Ко всему этому присоединилась еще 19 іюля паника въ городѣ и въ его окрестностяхъ, распространившаяся также и на госпиталь. Вотъ какъ описываетъ главный врачъ госпиталя № 63 это происшествіе.

„19 іюля утромъ шла обыкновенная госпитальная работа; къ 12 часамъ почти всѣ врачи собрались къ производству операцій въ операціонный баракъ; только что кончилась перевязка подключичной артеріи, какъ къ приѣмному локумъ пріѣхало троекъ лять съ ранеными офицерами и нѣсколькими живыми чинами. Въ одинъ голосъ говорили они что наши войска отступили и преслѣдуются Турками, а за ними дѣлаю ночь гнались башу-бузуки, и что они спаслись только благодаря быстротѣ лошадей. Это извѣстіе уже неблагопріятно подѣйствовало на весь госпитальный лагерь. Черезъ четверть часа прибыла новая партія раненыхъ, подводъ въ пятнадцать, и повторила слова перваго транспорта, увѣряя что ее также до самаго Систова преслѣдовали башу-бузуки. Черезъ полчаса началъ прибывать главный транспортъ раненыхъ изъ-подъ Плевны, троекъ шестьдесятъ. Я вышелъ изъ барака посмотрѣть въ чемъ дѣло; толпа сильно шумѣла, часть раненыхъ слѣзла уже съ телегъ; вдругъ въ направленіи отъ Систова показался казакъ кричавшій: „спасайтесь, мы окружены Турками, Систовскій мостъ взять уже!“ Какъ электрическая искра прошла эта вѣсть по лагерю; прибывшіе раненые въ мигъ очутились снова на повозкахъ и тройки помчались стремглавъ, наискось лагеря, и скоро скрылись изъ виду, захвативъ нѣкоторыхъ госпитальныхъ раненыхъ. За

ними ползали, куда глаза глядятъ, всѣ прочіе госпитальныя раненыя и остались въ госпиталѣ только трудные, съ гипсовыми повязками, съ ранами внутренностей и проч. Тщетно я съ дежурнымъ врачомъ и бывшими съ плачемъ сестрами метался изъ стороны въ сторону по госпитальному лагерю, уговаривая остановиться, — но общественная волна была такъ сильна что влекла съ собою все бывшее въ состояніи двигаться, и я поневолѣ наконецъ остановился на успокоеніи только недвижимыхъ раненыхъ. Затѣмъ отправился въ шатеръ оперированныхъ которые были весьма возбуждены, но между ними уже не нашелъ того которому только что сдѣлана была перевязка подключичной артеріи. Вѣроятно онъ попалъ на одну изъ умчавшихся повозокъ и такимъ образомъ пропалъ безъ вѣсти. Успокоивъ оперированныхъ, я направился въ баракъ временно-слѣпыхъ, то-есть страдавшихъ бленнорейнымъ воспаленіемъ глазъ, и здѣсь уже не нашелъ нѣкоторыхъ изъ нихъ; нѣкоторые же оказались залутавшимися въ веревкахъ между палатками, а нѣкоторые увели съ собою въ сосѣднее кукурузное поле сердобольные служители. Словомъ: изъ 600 раненыхъ осталось на мѣстахъ около 200, а прислуги осталось считомъ на весь госпиталь 14 человекъ. Эта катастрофа стоила не дешево госпиталю; черезъ часъ, по успокоеніи волненія, я нашелъ три трупа раненыхъ, умершихъ въ это короткое время лапки. Одинъ офицеръ съ огнестрѣльнымъ переломомъ ребра, въ гипсовыхъ штанахъ, вмѣстѣ съ другими тяжело ранеными попалъ на транспортную телегу и, возвратившись черезъ нѣсколько часовъ назадъ въ госпиталь, началъ тотчасъ же бредить, а черезъ два дня умеръ отъ острой септикѣміи.

Г. Пироговъ приводитъ еще другой разказъ убѣждающій его въ необходимости „сильной военной полиціи“ для военно-временныхъ госпиталей при наплывѣ раненыхъ или прибытіи транспортовъ.

„Паника въ Зимницѣ, 19 іюля, кончилась весьма плачевно для многихъ лицъ, какъ больныхъ, такъ и здоровыхъ. Тутъ полиціи никакой не было, — два комиссара заняты были на кухнѣ и въ цейхаузѣ; одинъ главный врачъ, конечно, не могъ ничего сдѣлать. Въ Болгарени, сверхъ толкотни и сумбура, отъ недостатка полиціи на перевязочномъ пунктѣ оказалось и еще одно важное злоупотребленіе, требовавшее также полицейскаго надзора: это *тунеядство бродячихъ раненыхъ*,

приходившихъ лѣшкомъ большими партіями (8.000?) на перевязочный пунктъ. Они бродили изъ кухни госпитала въ кухню Общества Краснаго Креста, поставленную, къ сожалѣнію, рядомъ съ госпитальной, и болѣе ловкіе изъ нихъ, пообѣдавъ на одной кухнѣ, то же дѣлали и на другой, а истинно голодные лежали вдали и, за недостаткомъ прислуги, тщетно просили пищи то у госпитала, то у Краснаго Креста. Бродячіе раненые скрывали ихъ изъ виду. Выходило, какъ описываетъ главный врачъ, „и госпиталь и кухня Краснаго Креста кормятъ день и ночь, а все-таки слышалось часто: я не ѣлъ уже два дня и проч.“ Изъ этого слѣдуетъ что на главныхъ перевязочныхъ пунктахъ легко раненые, могущіе двигаться и приходящіе лѣшкомъ большими партіями на перевязочный пунктъ, должны быть тотчасъ же отдѣляемы полицейскимъ надзоромъ отъ трудныхъ и лежащихъ, и отводимы въ какое-либо другое близъ лежащее мѣсто, гдѣ для нихъ долженъ быть устроенъ особый питательный пунктъ. Иначе смѣшеніе ихъ съ тяжелыми ранеными всегда будетъ служить къ ущербу послѣднихъ.“

Авторъ перечисляетъ длинный рядъ недостатковъ нашего военно-санитарнаго дѣла и вездѣ указываетъ на слобобы которые, по его мнѣнію, могли бы исправить эти недостатки. Мы не можемъ прослѣдить здѣсь за всѣми разнообразными и интересными указаніями, составляющими содержаніе цѣлыхъ двухъ томовъ. Приведемъ общее заключеніе г. Пирогова. По его мнѣнію въ военно-санитарномъ дѣлѣ не доставало во многихъ случаяхъ „рукъ управляемыхъ дальнозоркою и идущею прямо къ цѣли администраціей.“

„И не то чтобы дѣйствительно рукъ и головъ не было. Но онѣ не вездѣ и не всегда были налицо, на мѣстѣ, гдѣ имъ нужно быть. Не нужно однако же *преувеличивать самоѣство*; война такого рода событіе, въ которомъ человеческой и въ особенности административной предусмотрительности чрезвычайно трудно дѣйствовать, и мы видимъ что не у насъ однихъ при наступленіи военныхъ дѣйствій оказываются наводящіе ужасъ безпорядки и неурядицы въ санитарной,—самой чувствительной для общества,—части арміи. Понятно что высшая, чисто военная администрація и военачальники заботятся въ началѣ войны всего прежде о самой войнѣ и ея успѣхахъ. Прежде всего надо побѣдить, и все что препятствуетъ побѣдѣ, что стѣсняетъ быстроту

движеній арміи и ея вѣтсокъ, должно быть удалено или отдалено. А весь этотъ госпитальный багажъ, этотъ обозъ съ ранеными, развѣ это не препятствіе, да еще какое? И вотъ, не ходя далеко, мы видимъ что и въ образцовой Франко-Германской войнѣ 70—71 годовъ, въ началѣ ея дѣйствій встрѣчалось не мало плохихъ распоряженій. Послѣ сраженія при Вейссенбургѣ 400—500 раненыхъ цѣлые сутки оставались безъ помощи. Швейцарскій международный госпиталь съ врачами, доѣхавъ почти до самаго Седана, за день до сраженія развѣхался со своими врачами, которые не нашли потомъ вагона съ вещами. Жаловались также въ эту войну и на пренія, ссоры съ военными людьми, скученіе и ничего недѣланіе въ городахъ лицъ частной помощи; вмѣсто дѣльной помощи завели тамъ какихъ-то *Unterhaltungsdamen*, которыя по очереди мѣнялись для бесѣды съ ранеными и т. д.⁴

Что же слѣдуетъ изъ этого?

„*Partout comme chez nous*—это не утѣшеніе. Причины безпорядковъ въ началѣ войны вездѣ одни и тѣ же; но устраненіе ихъ идетъ не одинаковымъ образомъ. У насъ, въ нынѣшнюю войну, мы видимъ что санитарное дѣло въ началѣ шло повидимому безупречно, при блистательномъ переходѣ нашей арміи черезъ Дунай, и въ Галацъ, и въ Зимницъ, раненымъ было оказано самое тщательное пособіе. Профессоръ Бергманъ надѣялся даже на успѣшное приспособленіе Листерова слособа на перевозочномъ пунктѣ, и только въ послѣдствіи разубѣдился. Но, по мѣрѣ того какъ война въ Болгаріи разгоралась, санитарное дѣло становилось плоше и неурядицы проявлялись на каждомъ шагу. Къ окончанію войны это дѣло можетъ-быть и у насъ исправилось бы такъ же какъ и въ другихъ государствахъ, но намъ, очевидно, помѣшали особенности нашей войны, равная холодная осень, а потомъ и быстрые переходы нашей арміи, преодолевавшей небывалыя трудности и препятствія на Балканахъ зимою, при 20—30 градусахъ мороза въ горахъ. Какъ бы то ни было, но наша администрація получила знаменательное предостереженіе, показавшее ей что у насъ промахи и ошибки сдѣланныя въ началѣ не исправляются и въ послѣдствіи.“

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ книги г. Пирогова есть тотъ въ которомъ авторъ излагаетъ свои взгляды на значеніе частной помощи, на ея принципы и отношеніе къ военному въдожству во время войны. Вопросу этому

посвящена одна изъ самыхъ большихъ главъ всего сочиненія, страницы 266—400 первого тома. Нельзя разчитывать чтобы сочиненіе г. Пирогова сдѣлалось извѣстнымъ всей читающей публикѣ, несмотря на весь его интересъ, общедоступность и понятность въ изложеніи повидимому наиболѣе спеціальнаго вопроса. Не каждый рѣшится приобрести и „одоудѣть“ два большихъ тома, изъ которыхъ одинъ при бѣгломъ просмотрѣ представляетъ залугивающую вѣдѣнность какъ бы совершенно спеціальнаго сочиненія полевой хирургіи. Вотъ почему было бы желательно чтобы Общество Краснаго Креста издало отдѣльною брошюрой V главу первого тома, исключительно посвященную вопросу о частной помощи и изложенію тѣхъ недостатковъ которые г. Пироговъ замѣтилъ въ ней въ послѣднюю войну. Не слѣдуетъ бояться указанія на недостатки частной помощи, когда такое указаніе дѣлается спеціалистомъ, дѣлается вполнѣ объективно и спокойно. Выясненіе недостатковъ и сознаніе ихъ представляетъ лучшее ручательство за то что частная помощь организуется въ будущемъ болѣе целесообразно нежели это было сдѣлано въ прошедшемъ. Кругъ лицъ принимающихъ участіе въ дѣлѣ частной помощи такъ обширенъ что нельзя разчитывать чтобы каждое изъ этихъ лицъ подробно ознакомилось съ книгой г. Пирогова. Между тѣмъ возможно большее распространеніе наблюденій сдѣланныхъ г. Пироговымъ надъ практической дѣятельностію и организаціей частной помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій принесло бы несомнѣнную пользу. Мы постараемся познакомить читателей вѣскольکو подробнѣе съ этимъ чрезвычайно интереснымъ отдѣломъ. Какъ и въ предыдущемъ, мы не будемъ имѣть возможности коснуться всѣхъ пунктовъ разбираемаго авторомъ вопроса, и остановимся лишь на самыхъ существенныхъ изъ нихъ. Посмотримъ прежде всего какого взгляда держится г. Пироговъ на отношеніе частной помощи къ военно-врачебной администраціи. Взглядъ этотъ, сложившійся лутемъ долгаго опыта и сравненія, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія.

„Я не по слухамъ и не со вчерашняго дня“, говоритъ г. Пироговъ, „знакомъ съ частною помощьюъ въ военное время. Когда блаженныя памяти великая княгиня Елена Павловна, въ 1854 году, первая въ цивилизованномъ мѣрѣ возымѣла мысль объ организаціи частной помощи на театрѣ войны,

ей благоутодно было поручить мнѣ руководство, на театрѣ войны, ею основанной Кресто-Воздвиженской Общиной сестеръ. Прозорливая учредительница имѣла уже въ виду будущее значеніе и отношеніе этой Общины къ военному и военно-врачебному вѣдомствамъ и повелѣла мнѣ обратить вниманіе преимущественно на эти два обстоятельства. Организация и выборъ лицъ, сдѣланные слѣшно, съ ограниченными средствами, но вообще удачно, въ частностяхъ оставляли желать еще многого. Цѣлый годъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ недѣль, я руководилъ дѣлами Общины и частною помощью въ Крыму, принималъ участіе въ ея дѣлахъ и послѣ, прибывъ изъ Крыма въ С.-Петербургъ, былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ переворотовъ и преобразованій въ ея учрежденіи. И вотъ, основываясь на такихъ данныхъ, я составилъ себѣ довольно опредѣленное мнѣніе о значеніи частной помощи и объ отношеніяхъ ея у насъ къ военному вѣдомству. Въ послѣдствіи, когда частная помощь проявилась въ огромныхъ размѣрахъ, и уже организованная, на театрѣ Американской войны, и еще болѣе, когда она достигла международныхъ правъ, то значеніе ея и отношеніе къ военному вѣдомству должны были, казалось, сдѣлаться для всѣхъ ясными. Но на дѣлѣ вышло не такъ. Это доказываетъ и прошлая Франко-Германская война 70—71 годовъ, и вышедшая наша война. Да и въ будущемъ взгляды на дѣло частной помощи долго еще будутъ не одни и тѣ же. Въ Американскую войну частная помощь была, очевидно, выраженіемъ недовѣрія къ правительственной администраціи. Общество, такъ-сказать, вооружилось своею помощью противъ недостатковъ и пробѣловъ въ административныхъ распоряженіяхъ. Оно отправило въ армію своего инспектора для наблюденія за недостатками, ошибками и недосмотрами военно-врачебной администраціи и привнесло огромныя жертвы для оказанія помощи раненымъ и больнымъ воинамъ. Въ Германіи въ 70—71 годахъ частная помощь, выступившая во второй разъ въ громадныхъ размѣрахъ на сцену войны, имѣла уже совершенно иное значеніе. Она болѣе или менѣе подчинялась крѣпкому устройству германской администраціи, превосходившей безмѣрно своею организаціей американскую. У насъ, при началѣ учрежденія частной помощи, въ Крымскую войну 1854 года, сами военачальники, на моихъ глазахъ, приветствовали Общину, какъ надежное средство къ уменьшенію господство-

вавшихъ тогда недостатковъ и злоупотребленій военно-врачебной администраціи. Старшія сестры Общины сдѣлались мало-помалу надсмотрщицами и контролершами въ военныхъ госпиталѣхъ надъ дѣйствіями смотрителей, комиссаровъ и даже главныхъ врачей. Отчасти искреннее убѣжденіе, отчасти же высокое имя покровительницы Общины способствовали къ тому что такая дѣятельность сестеръ не только не порицалась главными военновачальниками, но и находила себѣ содѣйствіе. Такой образъ дѣйствій частной помощи того времени могъ существовать только при двухъ условіяхъ: при действительныхъ недостаткахъ и явныхъ злоупотребленіяхъ со стороны госпитальной администраціи, и вторыхъ, при исключительныхъ качествахъ сестеръ,—примѣрой ихъ добросовѣстности, тактѣ и пониманіи дѣла. Счастливымъ выборомъ личностей старшихъ сестеръ въ то время содѣйствовалъ успѣху. Оба эти условія потомъ болѣе или менѣе сгладились. Организациа общинъ сдѣлалась ивою. Расширеніе круга дѣятельности Общества Краснаго Креста сдѣлало выборъ лицъ менѣе требовательнымъ. Недостатки администраціи во многомъ исправились. Злоупотребленія въ госпиталѣхъ потеряли свой острый характеръ и, если существуютъ, то не такъ явно. Все это измѣнило характеръ, значеніе и назначеніе частной помощи въ военное время. Но, тѣмъ не менѣе, и теперь, при большемъ развитіи частной помощи, невольна является вопросъ: почему частная помощь ревнито старается сохранить при себѣ право распоряженія собранными ею средствами, а не передаетъ ихъ всецѣло въ распоряженіе общей администраціи? Есть ли это выраженіе недовѣрія или же только желаніе участвовать собственными силами въ дѣлѣ помощи? Откровенно говоря, я полагаю что и то и другое. А если такъ, то понятно и то, почему въ дѣйствіяхъ частной помощи, особенно когда общество взволновано необычайными событіями, проявляется антагонизмъ съ администраціей. Тутъ есть всего понемногу: и стремленія къ общему благу, и человѣколюбія, и соревнованія, и недовѣрія, гоньбы за популярностью, и личнаго самолюбія. Понятно что при такой смѣси стремленій и мотивовъ общее дѣло невольно и незамѣтно можетъ ускользнуть изъ виду; проявляются и борьба, и гонка за эффектомъ. Это и бываетъ рано или поздно неминуемымъ слѣдствіемъ того взгляда на частную помощь по которому она выступаетъ на сцену въ видѣ контролера и антагониста администраціи.

„По другому, болѣ скромному и спокойному взгляду на значеніе частной помощи, въ военное время она должна быть всегда готовою пополнять пробѣлы, и временные и мѣстные дефициты военной администраціи, неизбежные при тяжеломъ и медленномъ ходѣ ея механизма. Но и при этомъ взглядѣ частная помощь въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, по ходу обстоятельствъ, можетъ быть привлечена къ значительнымъ отступленіямъ отъ нормы. Если позволено сравнить военно-врачебную администрацію по сложности и медленности ея механизма въ военное время съ тяжелою артиллеріей, то частную помощь при этомъ взглядѣ на ея значеніе можно бы было сравнить съ легкимъ кавалерійскимъ отрядомъ, являющимся вездѣ вовремя на помощь.

„Два взгляда и протекающія изъ нихъ два противоположныя стремленія частной помощи во время войны трудно уживаются вмѣстѣ. Частная помощь должна лучше сдѣлывать одному изъ избранныхъ ею направлений и, не отступая, проводить тотъ или другой взглядъ. Но одно изъ двухъ направлений,—первое, когда частная помощь выступаетъ съ собственными средствами въ видѣ контролера и антагониста,—требуетъ такой организаціи которая по своему механизму должна рано или поздно сдѣлать ее сходною съ общою администраціей. Механизмъ этотъ современемъ неминуемо осложнится; движенія его сдѣлаются медленнѣе; вся дѣятельность приметъ болѣе суровый, офиціальныи характеръ; явится продолжительная и утомительная перелиска, придирчивый и мелочной контроль; личная дѣятельность членовъ будетъ стѣснена разнаго рода формальностями. Словомъ, частная помощь сдѣлается чѣмъ-то въ родѣ *status in statu* въ отношеніи къ правительственной администраціи. Столкновенія между ними будутъ неизбежны и примутъ рѣзкій и раздражительный характеръ; окажется не соревнованіе, а явная или поджогная борьба, и все это отзовется вредно на общемъ дѣлѣ. Такое направленіе возможно только тамъ гдѣ, какъ въ Америкѣ, военно-врачебной администраціи до войны почти вовсе не существовало. Тамъ же, гдѣ, какъ у насъ или въ Германіи, существуетъ уже окрѣпшая лѣтами и выработанная администрація, послѣдовательное проведеніе частной помощи въ этомъ направленіи немислимо; оно возможно развѣ только въ отрывочномъ видѣ. Но тогда вредъ для хода общаго дѣла отъ бесполезныхъ столкновеній и

взаимныхъ пререканій еще скорѣе неизбѣженъ чѣмъ при послѣдовательномъ проведеніи такого взгляда. Итакъ, у насъ правильная и раціонально полезная дѣятельность частной помощи возможна только при слѣдованіи ей по другому направленію. Механизмъ въ организаціи долженъ быть такъ простъ, легокъ и удободвижимъ чтобъ она могла всегда вовремя и на всякомъ мѣстѣ являться во всеоружіи на помощь, гдѣ только окажется недостатокъ или пробѣлъ въ распоряженіяхъ общей администраціи. Частная помощь должна быть во время войны надежною и вѣрою слодручицей общей администраціи. Это не значитъ однакоже чтобъ частная помощь должна была утратить свою самостоятельность и свое самоуправленіе. Частная помощь должна всегда оставаться чувствительною къ сохраненію своей самодѣтельности. Никогда никто добровольно и охотно не откажется въ дѣлѣ частной помощи отъ приложенія собственныхъ силъ и личнаго участія. Сохраненіе самостоятельности для частной помощи есть вопросъ жизни.

„Существуетъ однакоже и при этомъ второмъ, болѣе скромномъ взглядѣ на значеніе частной помощи еще одинъ замѣчательный отбѣнокъ въ ея отношеніяхъ къ общей администраціи. Онъ существуетъ у насъ и теперь въ нѣкоторомъ размѣрѣ. Такъ администрація военнаго вѣдомства и въ настоящее время сама обратилась къ частной помощи и передала ей въ руки нѣкоторый контролъ за дѣйствіями госпитальнаго персонала, соединенный со своимъ собственнымъ контролемъ. Извѣстно что въ нашихъ военныхъ госпиталяхъ сестры снабжены правомъ, по данной имъ инструкціи, контролировать при приемѣ съѣстные припасы и бѣлье вмѣстѣ съ госпитальными врачами и наблюдать въ госпитальныхъ кухняхъ за приготовленіемъ пищи. Это право частной помощи, существующее только съ Крымской войны, вводилось постепенно и основаніемъ ему послужили вѣролатно тѣ благіе результаты въ уничтоженіи злоупотребленій которые доставила дѣятельность сестеръ при первомъ ихъ появленіи въ госпиталяхъ въ 1854 году. Такого рода контролъ частной помощи, существующій теперь по соглашенію съ правительственною администраціей, потому раціоналенъ что онъ не обязываетъ частную помощь къ организаціи у себя особаго вѣдомства; онъ дѣлается съ обѣихъ сторонъ такъ-сказать *tacito consensu* и есть признакъ довѣрія правительства къ

дѣтельности и хорошему выбору дѣателей частной помощи. Этимъ же самымъ ослабляется и тѣмъ недоверію присущаго, какъ я замѣтилъ, учрежденіямъ частной помощи. Частная помощь такими уступками со стороны администраціи вводится нѣкоторымъ образомъ въ составъ правительственныхъ учреждений, не теряя своей самостоятельности,—а это главное.

„Каждый изъ членовъ частной помощи не можетъ не имѣть права назначенія своего пожертвованія именно для той, а не для другой цѣли. Но и при такой свободѣ дѣствій должны существовать опредѣленные правила о свойствахъ и видахъ которыя всякій жертвователь обязанъ бы былъ сообщить приносимому имъ въ жертвованіе предмету. Такъ, нельзя допускать въ дѣлѣ частной помощи для большихъ и рѣдкихъ вещей чтобы жертвуемые предметы имѣли роскошную обстановку, бьющую на эффектъ и затемняющую собою скромное достоинство предметовъ назначаемыхъ правительственной администраціей. Частная помощь, какъ сподручица общей военно-врачебной администраціи, не должна нарушать ея унисонъ. И всякое значительное отступленіе отъ опредѣленной администраціей нормы въ средствахъ и пособіяхъ не должно быть допускаемо частною помощью. Но нельзя не допускать въ извѣстной степени и при извѣстныхъ условіяхъ для главныхъ дѣателей частной помощи въ военное время права контроля надъ дѣствіями администраціи. Это не поведетъ къ столкновеніямъ, когда сама военно-врачебная администрація убѣдится въ необходимости и пользѣ такого контроля, а убѣжденіе, при выработанномъ сообщеніи съ военною администраціей планъ дѣствій, водворить не трудно. И для этого-то именно необходимо привести всю дѣтельность частной помощи въ унисонъ съ требованіями военно-врачебной администраціи. Эта администрація со своей стороны не должна смотрѣть свысока на частную помощь и откоситься къ ней непріязненно и какъ бы нехотя, если она желаетъ въ ней имѣть вѣрную сподручицу. Обоюдныя и откровенно сдѣланные уступки въ дѣлѣ управленія тутъ необходимы. Никакая администрація не можетъ разчитывать на нелогрѣшимость своихъ распоряженій, непреложную предусматрительность, невозможность временныхъ дефицитовъ въ заготовкахъ, полную добросовѣстность и глубокія знанія своихъ дѣателей. Это была бы ничѣмъ неоправдываемая утопія.

„Номо виш“ настолько же относится къ администраціи, какъ и къ каждому изъ насъ. Я не настолько оптимистъ чтобы предполагать возможность всегда точнаго исполненія предлагаемыхъ принциповъ. Я знаю какъ трудно разграниченіе и опредѣленіе правъ и обязанностей лицъ принадлежащихъ не къ одной сферѣ и дѣйствующихъ, хотя и для общаго дѣла, но съ разными взглядами. Много значить однакоже уясненіе каждымъ своего положенія и выработка общаго плана дѣйствій. Вспышки личнаго самолюбія вездѣ неизбежны, но сдѣлствія ихъ смягчаются, когда всакій знаетъ кругъ своихъ дѣйствій и границы своей власти.“

Таковъ общій взглядъ г. Пирогова на принципы частной помощи и на отношенія ея къ военно-врачебной администраціи. Посмотримъ теперь на рядъ частныхъ замѣчаній дѣлаемыхъ авторомъ относительно частной помощи, какою она являлась въ послѣднюю войну. *Главною статею* въ дѣлѣ частной помощи г. Пироговъ, какъ и естественно, считаетъ *содержаніе больныхъ и раненыхъ и уходъ за ними*. Онъ не совсѣмъ согласенъ съ тѣмъ какъ была понята эта важная задача частною помощьюъ въ послѣднюю войну.

При самомъ началѣ организаціи Общества Краснаго Креста у насъ явилась странная мысль что будто бы частная помощь должна совершенно отличаться въ содержаніи больныхъ отъ нормы принятой военно-врачебнымъ вѣдомствомъ. Въ бывшее время, когда частная благотворительность выступила въ первый разъ въ скромныхъ размѣрахъ на театрѣ войны, она ограничивалась доставленіемъ больнымъ чаю, сахару и въ некоторыхъ улучшеній госпитальнаго содержанія. Но ея главною цѣлью въ то время, кромѣ ухода за больными, былъ надзоръ за правильнымъ исполненіемъ госпитальной нормы. Частная помощь старалась тогда предупредить недостатки и явныя злоупотребленія администраціи. Теперь же выступила на сцену своего рода крайность,—какое-то желаніе дѣлателей частной помощи отнчаться предъ военнымъ вѣдомствомъ. Такъ частная помощь въ вышнюю войну завела въ своихъ госпиталяхъ особенныя меню для госпитальнаго стола; ввела въ употребленіе тонкое и совершенно отличное отъ военно-госпитальнаго бѣлье; ввела даже и предметы роскоши. Мы читаемъ въ газетахъ что въ мѣстныхъ обществахъ Краснаго Креста предлагаютъ приславнымъ къ нимъ больнымъ шампанское, лакомать ихъ тортами и кон-

фетами, предлагают и разнаго рода развлечения. Все это, конечно, как личное дѣло прекрасно. Никто не можетъ воспретить частному благотворителю ходить и баловать того или другаго равнаго и даже нѣсколькихъ равныхъ. Но управленіа частной помощи должны, по моему мнѣнію, зорко наблюдать за тѣмъ чтобы въ содержаніи больныхъ соблюдалась извѣстная норма, какъ можно менѣе отступающая отъ содержанія ихъ военно-врачебнымъ вѣдомствомъ. Непринятіе такой нормы влечетъ за собою много худыхъ послѣдствій и вредно отзывается на самихъ больныхъ. Волевыхъ, не рачетлива та частная помощь которая вмѣсто того чтобы быть достаточно полезною сотѣмъ людей, стремится быть съ излишкомъ полезною и пріятною десятерымъ. Вотъ вторыхъ, и это самое главное,—больной простолюдинъ, какъ и всякій неразвитой человѣкъ, лобывая въ лазаретѣ частной помощи снабженномъ разными причудами, потомъ требуетъ ихъ уже обязательно. Если больной солдатъ, получавшій въ лазаретѣ частной помощи два или три раза въ день пищу по причудливому меню, перейдетъ потомъ въ военный госпиталь на казенное содержаніе, то онъ сейчасъ же думаетъ что госпитальное начальство не кормитъ его по положенію. Между тѣмъ переходъ изъ лазарета частной помощи въ военный госпиталь для большей части больныхъ въ военное время неминуемъ. Да и въ госпиталяхъ военнаго вѣдомства вообще никто вывѣ не жалуется, и грѣхъ было бы жаловаться на худое содержаніе. Недовольство же приученныхъ къ изысканному содержанію частной помощи солдатъ доходитъ иногда въ военныхъ госпиталяхъ до того что дѣлается необходимо расправа за нарушеніе дисциплины. Къ чему ведетъ отступленіе частной помощи отъ принятой въ военныхъ госпиталяхъ нормы, можно судить изъ сообщеннаго намъ въ Букурештѣ разказа. Намъ сказывали что одинъ главный врачъ лазарета частной помощи на вопросъ осматривавшаго лазаретъ военачальника: какія принимаются врачами мѣры противъ нарушенія больными дисциплины, отвѣчалъ: „мы только страшаемъ нашихъ больныхъ переводомъ въ военные госпитали!“ Втретыхъ, частная помощь, стремясь отличиться содержаніемъ больныхъ отъ военнаго вѣдомства, принуждена бываетъ, по ограниченности ея средствъ, неравномерно распределять свои пособія между больными. Дѣйствуя, напримеръ, вмѣстѣ съ военно-врачебнымъ вѣдомствомъ въ

одномъ военномъ госпиталѣ, она не можетъ для всѣхъ больныхъ значительно улучшить содержаніе. Слѣдствіемъ этого бываютъ ропотъ, затаенное недовольство и даже нарушеніе порядка. Не нужно забывать что съ массами людей и больныхъ, и здоровыхъ нужно обращаться осторожно, если хотимъ избѣгать вредныхъ слѣдствій. Эти массы весьма чувствительны къ неравномѣрному распредѣленію пособій. Онѣ зорко, хотя и не всегда замѣтно и почти инстинктивно, слѣдятъ за сохраненіемъ равенства предъ помощью. Заупотреблять своимъ правомъ на помощь онѣ считаютъ такимъ же правомъ, если только находятъ къ тому возможность и поводъ. Между скопившимися въ военномъ госпиталѣ больными и легкіе, и тяжелые (если только не потеряли отъ болязни сознанія) одинаково оберегаютъ свои права на помощь. И вотъ, если частная помощь отвесится исключительно къ тяжелымъ и сосредоточить на нихъ всѣ свои заботы и средства, то легкіе больные, замѣтивъ это, пускаютъ въ ходъ хитрости, обманъ, а иногда и своеволие въ пріисканіи себѣ тѣхъ же пособій. Тогда можетъ случиться что средствъ частной помощи вскорѣ не хватитъ и для тяжело-больныхъ, такъ какъ эти средства незамѣтно расхищаются болѣе сильными. И это явленіе встрѣчается почти всегда при большомъ скопленіи раненыхъ на перевязочныхъ пунктахъ; примѣръ этому мы видѣли въ Болгаріи въ военно-временномъ госпиталѣ № 68. Предупредить его можно только двумя средствами. Нужно частной помощи держаться опредѣленной для себя нормы и улучшать госпитальное содержаніе больныхъ только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ размѣрахъ и сколько можно равномѣрнѣе. А сверхъ того необходимо для частной помощи строгій полицейскій надзоръ, которымъ она должна быть снабжена отъ военного вѣдомства. Итакъ излишняя сентиментальность и незнаніе свойства людскихъ массъ могутъ нанести большой вредъ частной помощи. Если же въ военномъ госпиталѣ найдется значительный процентъ больныхъ дѣйствительно требующихъ особенныхъ заботъ и измѣненія госпитального содержанія, то гораздо лучше для частной помощи отдѣлять ихъ, по возможности, отъ другихъ въ особое помѣщеніе. Военно-временные госпитали представляютъ къ тому всѣ удобства. Отдѣленія этихъ госпиталей, расположенныя всегда въ нѣсколькихъ домахъ или лаваткахъ, легко могутъ быть приспособлены для больныхъ требующихъ улучшеннаго или измѣненнаго содержанія.

Г. Пироговъ замѣтилъ еще и другой видъ неравномѣрнаго распредѣленія помощи:

„Нѣкоторыя младшія сестры въ вывѣшную войну смотрѣли на вѣренныя ихъ уходу больныя какъ исключительно на *своихъ*, считая какъ бы *чужими* другихъ; въ такомъ случаѣ онѣ обращали все вниманіе только на *своихъ* и съ трудомъ соглашались удѣлать изъ имѣвшихся у нихъ средствъ другимъ *чужимъ* больнымъ, хотя и болѣе нуждавшимся, но находившимся не на ихъ рукахъ. Это случалось именно при поѣздахъ, когда, напримѣръ, обращались воинскіе поѣзды за помощью къ санитарнымъ. Замѣчено было также у нѣкоторыхъ дѣателей частной помощи и предпочтеніе оказываемое раненымъ предъ больными. Я представляю здѣсь только отѣвки болѣе общаго стремленія у многихъ дѣателей къ неравномѣрному и неправильному распредѣленію частной помощи между *своими* и *чужими*. Со стороны управленій и главныхъ дѣателей частной помощи необходимо искоренять такое ложное направленіе и выяснитъ подвѣдомственнымъ лицамъ строгими инструкціями и другими слободами главный смыслъ ихъ нравственныхъ обязанностей по отношенію къ больнымъ и къ самому Обществу Краснаго Креста.“

Авторъ обращаетъ вниманіе на одно очень важное обстоятельство. *Частная помощь не должна быть слишкомъ щедрою въ началѣ войны.*

„Частная помощь должна знать что солдатъ въ продолженіе войны изнуренный походами, бивуаками, земляными работами и т. п., дѣлается къ концу ея гораздо слабѣе, худосочнѣе и болѣе расположеннымъ къ болѣзнямъ. Поэтому въ разгарѣ и къ концу войны требуется гораздо болѣе средствъ и улучшеній въ госпитальномъ содержаніи больнаго. На это-то тяжкое для солдата время частная помощь и должна приберегать свои пособія, а не тратить ихъ преждевременно. Между тѣмъ въ началѣ вывѣшной войны частная помощь дѣйствовала необыкновенно щедро и ревностно. Я видѣлъ, напримѣръ, въ Кіевѣ (въ сентябрѣ 1877) что привезенные въ госпиталь легко раненыя были перевязаны въ поѣздахъ марлевыми бинтами, въ нѣсколько аршинъ длиной, и повязки ихъ, несмотря на незначительное нагноеніе, разрѣзывались во всю длину и потомъ бросались. Я видѣлъ, около того же времени, какъ сестры обмывали все тѣло легко раненыхъ губками; видѣлъ также какъ частная помощь

кормила такихъ же раненыхъ, еще хорошо улитанныхъ и не требовавшихъ особеннаго ухода, пирожками и котлетами. Между тѣмъ, въ разгаръ и въ концѣ войны въ Болгаріи, для извуренныхъ дизентериковъ въ военно-временныхъ госпиталяхъ нужно было выписывать котлеты черезъ аптеку, а главные врачи за перерасходование яицъ трепетали предъ контролемъ. Дѣятели и дѣятельницы Общества Краснаго Креста считали дѣломъ чести исполнять немедленно всѣ требованія врачей съ театра войны, нисколько не стѣсняясь количествомъ наличнаго запаса пособій. Огромныя массы перевязочныхъ и другихъ средствъ частной помощи тратились едва ли всегда производительно. Господствовавшая въ нынѣшнюю войну крайность въ расходованіи врачебныхъ пособій диаметрально противоположна той которая парализовала медицинскую помощь въ Крымскую кампанію, когда мы дожидались пересыпки корпіи какъ манны небесной, а залачканные гноемъ бинты стирали въ холодной морской водѣ для новыхъ повязокъ. Рационально выработанная норма для расходования врачебныхъ средствъ въ госпиталяхъ—важное дѣло. Многие изъ молодыхъ, вновь опредѣленныхъ, госпитальныхъ врачей вовсе не знаютъ цѣны лѣкарствамъ и перевязочнымъ средствамъ и, незнакомые по собственному опыту съ ихъ образомъ дѣйствія и цѣною, тратятъ, отчасти изъ научнаго интереса, а отчасти и просто не думая, дорого стоящаго врачебнаго пособія. И частная помощь, увлекаемая требованіями врачей, не останавливалась въ нынѣшнюю войну предъ грозящимъ дефицитомъ, а между тѣмъ ресурсы, въ военное время, могутъ легко изсякнуть не вовремя. Только недѣльная норма и самодурный, незнакомый съ дѣломъ, надзоръ за такою нормой стѣснительны и вредны. Въ нынѣшнюю же войну въ оказаніи пособія врачамъ частною помощью не было никакой нормы и надзора. Всѣ требовали безъ отказа и привыкли считать отказъ въ своихъ требованіяхъ нераспорядительностью или халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Частная помощь можетъ уже и тѣмъ чрезвычайно много содѣйствовать успѣху въ лѣченіи тяжело-больныхъ и раненыхъ, если она только улучшитъ своими средствами, въ извѣстныхъ размѣрахъ, военно-госпитальную норму и качественно, и количественно.“

Г. Пироговъ считаетъ необходимымъ норму и большее одностороннее образованіе также для больнаго и перевязочныхъ средствъ частной помощи.

„Я удивлялся, въ развѣшную войну, увидѣвъ въ складахъ частной помощи запасы тонкаго бѣлья и цѣлыя массы дорогахъ перевозочныхъ средствъ, множество гуттаперчевыхъ приборововъ, разнаго рода шнуръ, новѣйшахъ хирургическихъ инструментовъ и проч. и проч., лежавшихъ безъ употребленія. Я уже сказалъ какую расточительность позволяли себѣ врачи съ перевозочными средствами, въ надеждѣ что заготовленные для нихъ частною помощью материалы неистощимы. Дѣло до того что всё исключительно разчитывали на щедрость частной помощи. Необходимо, наконецъ, положить этому границы и опредѣлить извѣстный максимумъ, не дожидаясь пока онъ укажетъ самъ на себя. Я не постигаю какъ представляютъ себѣ благотворители снабдившіе санитарныя поѣзды тонкимъ бѣльемъ положеніе нашего солдата, когда онъ изъ такого роскошнаго помѣщенія переселится въ военно-временный госпиталь или къ себѣ домой! Есть и еще одна худая сторона выдачи больнымъ солдатамъ относительно дорогахъ вещей. Они, при выходѣ изъ госпиталя, вмѣсто того чтобы ими пользоваться для своего удобства и здоровья, продаютъ ихъ не рѣдко на рынкѣ и иногда съ цѣлью получить ихъ снова отъ частной помощи. Не разъ случались такіе примѣры. Въ Систонѣ извѣстенъ былъ рынокъ, на которомъ выписываемые изъ госпиталя солдаты продавали выданные имъ частною помощью фуфайки; въ поѣздахъ происходила также изъ котораго рода торговля вещами частной помощи и именно при проѣздѣ поѣздовъ черезъ провинціи съ еврейскимъ народонаселеніемъ. Все это понятнo и никакого не должно удивлять; кромѣ охоты къ наживѣ, простолюдинъ употребляетъ съ пользою для себя и съ приваивающею къ предмету только то исключительно къ чему онъ привыкъ; все другое ему кажется роскошью; онъ охотно отдѣлывается отъ дарованнаго предмета, какъ скоро найдетъ хотя малѣйшую выгоду сбыть его съ рукъ. Поэтому я считаю крайне необходимымъ правило о снабженіи частною помощью больныхъ солдатъ только самыми употребительными въ ихъ быту предметами, не дозволяя себѣ никакой роскоши.“

По мнѣнію автора *санитарныя поѣзды* представляли случай *крайней нерациональности въ распредѣленіи помощи.*

„Еслибы частная помощь не зналась мыслью отличатьсь своими пособіями отъ военнаго вѣдомства, то какаа, спра-

шваю я, была причина тому что больные въ санитарныхъ поѣздахъ получали, сверхъ суточныхъ 40 коп., еще всѣ изысканныя пособія частной помощи, а перевозимые въ воинскихъ поѣздахъ, то-есть самое огромное число больныхъ, до поздней осени получали только 25 коп. отъ казны и скудное пособіе отъ частной помощи? Такимъ образомъ вся обстановка частной помощи въ санитарныхъ поѣздахъ отличалась отъ воинскихъ какъ небо отъ земли. Не даромъ безвыходное положеніе больныхъ въ воинскихъ поѣздахъ вызывало состраданіе въ каждомъ видѣвшемъ ихъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ позднюю осень 1877 года. Неравномерное распредѣленіе частной помощи въ госпиталяхъ и транспортахъ въ вышедшую войну производило на меня болѣе тягостное впечатлѣніе чѣмъ равенство предъ бѣдствіемъ въ Крымскую. Тогда предстало больному въ госпиталяхъ и транспортахъ одно изъ двухъ: или предаться волю Божіей, или жаловаться безцѣльно на неисповѣдимую судьбу,—теперь же, сверхъ того, еще жаловаться и на людскую несправедливость. Конечно, всѣмъ помочь нельзя; но равномерно распредѣлить помощь имѣющуюся подъ руками, чтобы извѣстество въ одномъ, а недостатокъ въ другомъ случаѣ не кололо глаза, всегда можно.“

Склады частной помощи произвели на г. Пирогова весьма благопріятное впечатлѣніе

„Я не знаю способа которымъ велась въ нихъ отчетность; но полагаю что въ складахъ близко лежавшихъ къ театру войны едва ли отчетность въ полномъ смыслѣ слова была возможна; особенно она была почти невысказима у деятелей поставившихъ себя цѣлью удовлетворять безъ малѣйшаго замедленія всѣ требованія обращающихся къ нимъ врачей. Во время сколаемій равенныхъ на перевозочныхъ и эвакуаціонныхъ пунктахъ одно требованіе поступало непосредственно за другимъ; нужно было тотчасъ же отгускать требуемыя вещи, улаковывать ихъ и отсылать съ нарочитыми для вѣрности и скорости доставки. Къ складамъ такого рода принадлежалъ и главный Букурештскій, имѣвшій трудную обязанность снабжать эвакуаціонный и перевозочный пункты во Фратештахъ. За то онъ и отличался отъ другихъ роскошною обстановкой; содержался въ прекрасномъ зданіи на одной изъ лучшихъ улицъ Букурешта и платилъ за наемъ помѣщенія 12.000 франковъ въ годъ. Въ немъ-то между

многими прекрасными, хотя и дорого стоящими, но все-таки полезными предметами, как-то: вѣнская марля, отличная клеенка, принадлежности для повязки Листера и т. п., находилось и много вовсе не употреблявшихся приборовъ и инструментовъ. Заласы медикаментовъ были также громадны; въ особенности частная помощь была подспорьемъ военному ведомству при расходованіи хинина. Сверхъ употребленія этого средства въ леченіи болѣзней, оно раздавалось частною помощью въ значительныхъ размѣрахъ какъ средство предохранительное отъ лихорадокъ. Такъ, извѣстно что общество профессоровъ Киевскаго Университета снабдало дѣйствующую армию особо приготовленнымъ растворомъ хинина для примѣси къ водкѣ и питью солдатамъ завывавшимъ лихорадочныя мѣстности.“

Самая щекотливая для наблюдателя статья это—высказать свое мнѣніе о *персоналѣ* частной помощи, говорить г. Пироговъ. „Съ одной стороны дѣло частной помощи въ нынѣшнюю войну было такъ громадно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ново, а благіе результаты его дѣятельности въ общемъ такъ очевидны для каждаго, что нельзя не отдать полной справедливости и дѣйствіямъ управленія Краснаго Креста, и истинному самоотверженію санитарнаго персонала. Съ другой стороны, данное мнѣ порученіе обязываетъ меня откровенно указать во всемъ на замѣчательныя мною пробѣлы и недостатки.“ Высказавъ убѣжденіе что *нельзя было дѣйствовать съ большимъ рвеніемъ къ общей пользѣ* нежели какъ поступали дѣятели частной помощи, г. Пироговъ переходитъ къ сужденію о *врачебномъ персоналѣ, женскомъ санитарномъ персоналѣ* и *санитарной прислугѣ*. „Врачебный персоналъ частной помощи дѣйствовалъ въ нынѣшнюю войну, какъ и военные врачи, съ такимъ самоотверженіемъ и, прибавлю, съ такимъ знаніемъ дѣла что, можно сказать, превзошелъ себя. Сигла можно утверждать что ни въ одной изъ нашихъ прошедшихъ войнъ не было такого интеллектуально-научнаго капитала на театрѣ военныхъ дѣйствій какъ въ нынѣшнюю.“ Но врачи Краснаго Креста „не имѣли общаго для нихъ медицинскаго начальства, и отношенія ихъ къ удономоченнымъ Краснаго Креста не были вполнѣ регулированы“. Изъ этого положенія вещей происходили иногда, по мнѣнію г. Пирогова, недоумѣнія и столкновенія въ госпиталахъ Краснаго Креста.

„Врачи считали себя, по справедливости, отвѣтственными за санитарное состояніе госпиталя, а между тѣмъ хозяйственныя и административныя распоряженія, такъ сильно вліяющія на санитарное состояніе, зависѣли не вездѣ отъ нихъ. Въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ частной помощи, какъ на примѣръ въ госпиталяхъ находившихся въ тылу арміи (Вологодскій, Пермскій и др.) и въ этапномъ лазаретѣ Государыни Цесаревны (во время его дѣятельности въ Боготѣ), врачи завѣдывали вполнѣ самостоятельно хозяйствомъ госпиталя, и санитарное дѣло шло отлучно. Неимѣніе своего непосредственнаго представителя у врачей Краснаго Креста невыгодно вліяетъ на ихъ дѣятельность. Положеніе врачей Краснаго Креста, по неимѣнію своего представителя, сравнительно съ военными врачами было болѣе шатко и неопредѣленно. Гдѣ дѣйствовали въ лазаретахъ частной помощи профессора, тамъ конечно научный авторитетъ наставниковъ былъ уже достаточною связью для единства дѣйствій. Но гдѣ врачи Краснаго Креста были подчинены главнымъ военнымъ врачамъ госпиталей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, были зависимы отъ уполномоченныхъ Общества Краснаго Креста своего района, тамъ нельзя было ожидать точно опредѣленныхъ отношеній и обязанностей. Тогда замѣчался нѣкоторый произволъ, хотя и не имѣвшій особенно вредныхъ послѣдствій. Я полагаю что назначеніе одного медицинскаго представителя для всего врачебнаго персонала Общества Краснаго Креста было бы дѣломъ не лишнимъ. Такому представителю должно бы предоставить регулированіе какъ обязанностей, такъ и отношеній врачей Краснаго Креста къ военному вѣдомству и къ уполномоченнымъ Общества. Равномѣрное и соотвѣтственное средствамъ Общества Краснаго Креста распредѣленіе частной помощи больнымъ и раненымъ должно бы также зависѣть отъ главнаго представителя медицинскаго персонала Краснаго Креста. Такимъ образомъ и соблюденіе отчетности въ израсходованіи врачебныхъ средствъ и пособій частной помощи въ военныхъ госпиталяхъ и перевязочныхъ пунктахъ было бы болѣе возможно и болѣе опредѣленно. Почти то же можно замѣтить и о положеніи врачей на санитарныхъ поѣздахъ. Для многихъ изъ нихъ были отношенія къ уполномоченнымъ и къ комендантамъ поѣздовъ стѣснительны и для санитарнаго дѣла вовсе невыгодны. Что же касается до контингента врачей, какъ частной помощи,

такъ и военныхъ, сопровождавшихъ грунтовые транспорты и воинскіе лошады, то оны не былъ и вовсе организованъ. Брались врачи, попрежнему, изъ разныхъ мѣстъ и госпиталей, что, при системѣ безграничнаго разсыпанія больныхъ, было крайне неудобно. Врачи, уже по одному закону самохраненія, должны были стараться избѣгать этихъ командировокъ, для нихъ не менѣе бѣдственныхъ какъ и для самихъ больныхъ. Терпя вынужденіе съ транспортируемыми больными нужду и даже голодъ, врачи не видѣли въ своей командировкѣ никакой пользы и для больныхъ. Что могъ сдѣлать одинъ врачъ для транспорта 300—400 человекъ? Одного такого безпомощнаго врача, сопровождавшаго большой транспортъ, озябшаго и проголодавшагося до обморока, мы застали на этапѣ въ селѣ Павло (6 ноября 1877 года).“

Женскій санитарный персоналъ впервые выступилъ у насъ въ большихъ размѣрахъ на театрѣ войны. Поэтому, говорить г. Цароговъ, персоналъ этотъ требуетъ *новой оупки*. Оцѣнка эта очень интересна.

„Въ прошлую, Крымскую кампанію, принимали только три или четыре частныя женскія лица участіе въ оказаніи помощи; всѣ же другія принадлежали къ учрежденной тогда Крестовоздвиженской Общинѣ и къ давнишнему обществу сиротобольныхъ вдовъ; и тѣ и другія обязаны были носить особенные знаки (кресты на шеѣ на лентахъ извѣстныхъ цвѣтовъ) и особенный костюмъ и руководствоваться данными имъ инструкціями подъ надзоромъ начальницъ и старшихъ сестеръ. Въ нынѣшнюю же войну, мы видимъ уже нѣсколько прежде организованныхъ общинъ и значительное число добровольныхъ лицъ женскаго пола, оказывавшихъ посobie только подъ эгидою Краснаго Креста. Сверхъ того, дѣйствовали и добровольцы, принятыя Обществомъ Краснаго Креста по найму. Это стеченіе лицъ, не принадлежавшихъ до войны ни къ какимъ организованнымъ обществамъ, дѣйствовавшихъ на театрѣ войны вмѣстѣ съ организованными уже общинами, сообщало частной помощи, какъ и слѣдовало ожидать, совершенно особенный характеръ. Такъ всѣ особы женскаго пола въ нынѣшнюю войну оказывавшія посobie больнымъ и раненымъ носили названіе „сестеръ“ или „сестрицъ“, и изъ нихъ добровольныя существенно ничѣмъ не были отличены отъ тѣхъ которыя принадлежали къ организованнымъ общинамъ. На войнѣ, безъ сомнѣнія, всякая помощь и всѣ руки

дороги, а женская помощь и женскій уходъ за ранеными и больными неотдѣльны. Это все вещи безспорныя. Но я полагаю что для управленія частной помощи и главныхъ ея дѣятелей на театрѣ войны не должны быть безразличны отношенія къ санитарному дѣлу настоящихъ общинныхъ сестеръ въ сравненіи съ дѣятельностью добровольныхъ, вступившихъ на неизвѣстное имъ полрище только во время войны и по окончаніи ея снова возвращающихся въ прежнюю жизнь. Хотя наши общины сестеръ, по духу учрежденій, совершенно отличны отъ сестеръ милосердія въ католическихъ странахъ и отъ протестантскихъ діакониссъ, такъ какъ наши общины не имѣютъ чисто религіознаго характера; но весь строй нашихъ общинъ все-таки имѣетъ серьезное и положительное призваніе и отношенія ихъ къ обществу и правительству опредѣлены извѣстнымъ образомъ. Постояно слѣдовало бы нашихъ общинныхъ сестеръ и въ такое чрезвычайное время, то-есть во время войны, поставить выше и отличнѣе отъ добровольныхъ сестеръ. Это я считаю тѣмъ болѣе необходимымъ что въ нѣкоторыхъ общинахъ съ самаго начала ихъ учрежденія сестры не получали жалованья или какого-либо денежнаго вознагражденія. И, сверхъ того, многія изъ общинныхъ сестеръ, личности уже испытанныя въ дѣлѣ подаванія помощи и заслужившія продолжительнымъ и ревностнымъ служеніемъ общее довѣріе, а нѣкоторыя изъ нихъ и высокоуважаемыя особы по своимъ заслугамъ и нравственнымъ качествамъ. Добровольныя же только на время войны принятыя лица женскаго пола, какъ бы ихъ дѣятельность въ оказаніи помощи на войнѣ ни была высоко цѣнима, все еще должны себѣ заслужить имя настоящихъ сестеръ милосердія. Выборъ такихъ личностей во время войны, по справедливости, не можетъ быть требователенъ; поэтому всегда предстоить возможность что избранныя не будутъ имѣть цѣлью искреннее служеніе дѣлу помощи, и даже можетъ случиться что выборъ падетъ на личности не вполнѣ нравственныя. Все это можетъ повредить въ послѣдствіи дѣлу частной помощи. Молодость и красивая наружность особъ женскаго пола понимается болѣею частью военныхъ людей въ лагерѣ односторонне и своеобразно, и такой взглядъ съ непримичной дѣлу помощи стороны можетъ современемъ подорвать его нравственныя основы и достоинства. Хоть при скопленіи больныхъ и раненыхъ на театрѣ войны нѣтъ на-

доблести въ чистотѣ нравственныхъ свойствъ и безукоризненною поведениі женщинъ подающихъ помощь (есть примѣры истиннаго самоотверженія при уходѣ за больными особъ самаго легкаго поведенія), но для Общества Краснаго Креста, какъ организованнаго учрежденія частной помощи, не безразлично имѣть въ своемъ распоряженіи однихъ только руки, безъ нравственныхъ качествъ. Это могло бы потрясти его главную основу и поэтому при выборѣ добровольныхъ сестеръ для частной помощи не худо имѣть въ виду тотъ своеобразный взглядъ военныхъ людей на женскую личность и стараться оградить репутацію частной помощи отъ нареканій и скандаловъ. Выборъ добровольныхъ сестеръ долженъ быть порученъ опытнымъ и искусившимся въ этомъ дѣлѣ лицамъ и, безъ сомнѣнія, преимущественно старшимъ сестрамъ общины, пріобрѣтшимъ всеобщее уваженіе и известнымъ своими нравственными качествами. Не даромъ же въ Европѣ издавна придавала женской помощи религіозный характеръ; это доказываетъ что для помощи страждущимъ никогда не считала безразличнымъ, кому вѣряется помощь, — рукамъ или сердцу. Нельзя и въ нашихъ общинахъ сестеръ, хотя и учрежденныхъ въ недавнее и потому болѣе реальное время, игнорировать присущее во всемъ учрежденіямъ этого рода духовное (религіозное) начало. И многія изъ старшихъ сестеръ нашихъ общинъ доказываютъ это на дѣлѣ. Кто изъ очевидцевъ не убѣдился, какое значеніе имѣетъ дѣятельность нашей миссъ Нейтингаль, Е. П. Карцовой, обратившей обязанность сестры въ духовное призваніе жизни. Кто не видѣлъ ея самоотверженія на театрѣ войны, тому не понятна будетъ ея неусмысленная 25лѣтняя дѣятельность въ дѣлѣ частной помощи, если основаніемъ ея не будетъ принято высшее духовное начало. Какъ Е. П. Карцова на театрѣ войны въ Болгаріи, такъ Е. М. Бакунина, дѣйствовавшая въ эту войну въ Азіатской Турціи, могутъ служить для насъ идеаломъ старшихъ сестеръ. Такихъ-то высокоуважаемыхъ и испытанныхъ особамъ и долженъ бы быть порученъ выборъ сестеръ и общій надзоръ за ихъ служебными и нравственными обязанностями. Вообще можно заявить что и старшія сестры прежде еще не бывавшія на театрѣ войны оказались въ нынѣшнюю войну вполне достойными своего призванія. Дѣятельность и ревность въ дѣлѣ помощи такихъ личностей, какъ княжна Дондукова-Корсакова, Сабинава, княгиня Шаховская и другія, заслужили

безспорно общую признательность. Но мнѣ казалось что въ кнѣжскую войну выборъ такъ-называемыхъ добровольныхъ сестеръ и надзоръ за ними не были вполне безупречными, и я боюсь чтобъ это обстоятельство не повалило вредно въ будущемъ на дѣло женской помощи во время войны. И еще одно обстоятельство мнѣ показалось нѣсколько страннымъ, именно: что положеніе добровольныхъ сестеръ было по вѣтшей обстановкѣ какъ-то эффективѣ сравнительно съ положеніемъ общинныхъ.“

„Я полагаю,“ говоритъ г. Пироговъ, „что не слѣдовало бы именовать сестрами особъ предложившихъ себя для дѣла женской помощи на войнѣ (какъ и добровольныхъ фельдшерницъ и студентокъ) и ставить ихъ въ одинъ уровень съ общинными сестрами. Я считаю также не свойственнымъ нравственному началу общинъ держать сестеръ на жалованьи. При обезпеченномъ содержаніи мнѣ кажется болѣе приличнымъ, для денежныхъ вознагражденій сестеръ, учрежденіе общей кассы и выдачи изъ нея денегъ только по выходѣ сестеръ изъ общины, смотря по заслугамъ ихъ, въ видѣ единовременнаго вознагражденія или пожизненной пенсіи. Шумное происшествіе съ требованіемъ сестеръ о раздачѣ жалованья на руки, случившееся, по разказамъ, въ одной общинѣ, на театрѣ войны, доказываетъ неумѣстность такого порядка вещей.“

Санитарная прислуга составляла, по отзыву г. Пирогова, самую слабую сторону частной помощи. Прислуга эта не была организована и приучена къ дѣлу. „Учрежденіе военными вѣдомствами и частною помощью санитарныхъ командъ въ мирное время, при гонимыхъ, подъ надзоромъ врачей и сестеръ, составляетъ *возникшую* необходимость нашего времени.“

Заканчиваемъ нашъ отчетъ объ этой въ высшей степени интересной книгѣ нѣсколькими строками изъ предисловія г. Пирогова.

„Въ интересахъ истины я позволяю себѣ изложить въ моемъ отчетѣ съ полною откровенностью все то что мнѣ казалось въ видѣнномъ мною на театрѣ войны недостаточнымъ или ошибочнымъ въ административномъ и научномъ отношеніяхъ. Я это дѣлаю, конечно, не для того чтобъ упрекать, упрекать или обвинять кого бы то ни было. На это я уже потому не имѣю права что все то что мнѣ казалось ошибкою, промахомъ или недостаткомъ, могло быть въ сущ-

ности не таково, такъ какъ мнѣ не всегда извѣстны были въ подробностяхъ всѣ условія и обстоятельства при которыхъ совершалась та или другая мѣра заслуживавшая похвалы. Кто знакомъ по опыту со всеми трудностями управления тяжелымъ механизмомъ административной машины въ военное время, тотъ не отнесется такъ легко къ обвиненію администраторовъ и не сразу рѣшится похвалить ихъ за допущеніе даже самыхъ вопиющихъ недостатковъ и пробѣловъ во время войны.“

III.

Д. В. Березинъ: *Хорватія, Славонія, Далматія и Военная Граница*. С.-Петербургъ, 1879, 2 тома.

Со времени Крымской войны, говоритъ авторъ, славянскія земли стали все болѣе и болѣе интересоваться образованнымъ міромъ. Какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ появилось съ того времени не мало сочиненій о Славянахъ. Иностранные писатели въ большинствѣ случаевъ относятся крайне враждебно ко всемъ проявленіямъ славянскаго духа. Враждебность эта иногда доходитъ до того что самые факты представляются въ извращенномъ видѣ. Иностранный ученый прѣзжающій въ славянскія земли является туда съ заранее составленнымъ мнѣніемъ что онъ посещаетъ медуварварскую страну. Къ населенію славянскихъ странъ эти ученые относятся съ некоторымъ презрѣніемъ; нужды и національныя стремленія Славянъ не вызываютъ въ нихъ сочувствія. Русская литература обогатилась въ послѣднее время многими учеными изслѣдованіями о Славянахъ австрійскихъ и турецкихъ. „Но насколько мнѣ извѣстно,“ продолжаетъ г. Березинъ, „ни на русскомъ, ни на иностранныхъ языкахъ не существуетъ ни одного ученаго труда въ которомъ были бы сгруппированы свѣдѣнія касающіяся всѣхъ сторонъ жизни одного котораго-либо славянскаго племени. Желая пополнить такой пробѣлъ, я и возымѣлъ намѣреніе составить настоящій трудъ, который имѣетъ своимъ предметомъ всестороннее изученіе частной, общественной и государственной жизни Хорватовъ.“ У автора было еще другое побужденіе къ предпріятію такого труда. Во время продолжительнаго его пребыванія среди Хорватовъ, г. Березинъ неоднократно приходилось слышать сѣтованія хорватской

интеллигенція на то что Русскіе слависты въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ касаются лишь вскользь, мимоходомъ бытовой и общественной жизни Хорватскаго племени, тогда какъ другія славянскія племена являются уже предметомъ подробнаго и всесторонняго изслѣдованія. Между тѣмъ жизнь Хорватовъ во всѣхъ проявленіяхъ не можетъ не интересоваться въ особенности насъ, Русскихъ, говоритъ авторъ. „Ознакомившись ближе со вседневною и традиціонною жизнью Хорвата - селянина, нельзя не найти въ этомъ отношеніи большаго сходства между нимъ и русскимъ крестьяниномъ. По многимъ вопросамъ касающимся обычнаго права мы не можемъ не придти къ тому же самому заключенію. Многія черты обрядовой стороны быта Хорватовъ являются разительнымъ подтвержденіемъ вышесказаннаго. Даже самый хорватско-сербскій языкъ въ лексикографическомъ отношеніи болѣе схожъ съ русскимъ языкомъ чѣмъ языки другихъ славянскихъ народовъ. Итакъ, между народами хорватскою и русскою существуетъ тѣсная связь, которая приобретаетъ, по нашему мнѣнію, еще большее значеніе въ силу того обстоятельства что она построена не на государственномъ, а на бытовомъ началѣ, слѣдовательно вытекаетъ изъ самой жизни народа.“

Г. Березинъ говоритъ въ своемъ предисловіи что трудъ его является плодомъ пятилѣтнихъ усидчивыхъ занятій, не говоря уже о времени употребляемомъ авторомъ на поѣздку по юго-славянскимъ окраинамъ Австро-Венгріи съ цѣлью пополнить имѣвшіяся у него свѣдѣнія объ этихъ еще мало извѣстныхъ странахъ. Дѣйствительно, только упорнымъ и многолѣтнимъ трудомъ возможно было собрать и обработать ту массу матеріаловъ которая обработана въ двухъ томахъ сочиненія г. Березина, каждый въ 500 страницъ. Авторъ описываетъ *топографическія особенности изучаемыхъ имъ странъ, климатическія ихъ условія, статистику, административное устройство, судебныя учрежденія, промышленность и торговлю, состояніе сельскаго населенія, дворянство въ Хорватіи, Славоніи и Далматіи, состояніе народнаго образованія и религіозное состояніе.* Каждый изъ этихъ отдѣловъ подраздѣляется опять на отдѣльныя главы, причемъ авторъ всегда старается уяснить настоящее историческимъ очеркомъ прошлаго. Такъ, напримѣръ, отдѣлъ о состояніи народнаго образованія въ Хорватіи и Славоніи

заключаетъ въ себя: 1) очеркъ современной хорватско-далматинской литературы, которому посвящено четыре главы; 2) описаніе ученыхъ обществъ въ Хорватіи и Славоніи; 3) обзоръ тилографій, библіотекъ, архивовъ и музеевъ; 4) очеркъ хорватской прессы съ тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія по 1860 годъ, равно какъ и современнаго ея состоянія; 5) состояніе учебныхъ заведеній въ Хорватіи и Славоніи, приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, воскресныхъ школъ, гимназій, реальныхъ училищъ, Загребскаго университета, учебныя программы, статистическія данныя, распредѣленіе классовыхъ занятій и т. д. Въ отдѣлѣ *Религіознае состояніе Хорватіи и Славоніи* мы встрѣчаемъ: 1) очеркъ исторіи сербской православной церкви на Балканскомъ полуостровѣ (четыре главы); 2) очеркъ исторіи сербской православной церкви въ Хорватіи и Славоніи (три главы); 3) современное состояніе православія (шесть главъ); 4) сербскіе православные монастыри (двѣ главы); 5) католичество въ Хорватіи и Славоніи—исторія и современное состояніе римско-католической церкви въ этихъ странахъ; 6) римско-католическіе монастыри въ Хорватіи, Славоніи и Далматіи (три главы); 7) уніатская церковь и 8) протестантство въ Хорватіи и Славоніи.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ книги г. Березина составляетъ *общая этнографія южныхъ славянскихъ провинцій Австро-Венгеріи*. Авторъ описываетъ здѣсь мѣстологическія вѣрованія австрійскихъ южныхъ Славянъ, ихъ домашнюю жизнь, полухристіанскіе обряды и повѣрья, сельскія забавы, народныя игры и танцы. Читатель подробно знакомится здѣсь съ бытовою стороною жизни Хорватско-Далматинцевъ, начиная съ рожденія человѣка на свѣтъ и кончая погребеніемъ умершаго. Мы узнаемъ что такое „задруга“, „побратимство“, „посестримство“, входимъ въ дома, присутствуемъ на свадьбахъ и крестинахъ, знакомимся съ народными способами врачеванія, съ погребальными обычаями, съ особенностями празднованія Пасхи, съ обрядовою стороною различныхъ праздниковъ христіанской церкви. Вотъ какъ описывается, напримѣръ, г. Березинъ *побратимство*, договоръ или союзъ дружбы, заключаемый Хорватско-Далматинцами не только между собою, но даже иногда съ мусульманами. Замѣтимъ предварителью что побратимство бываетъ трехъ родовъ: побратимство неволи, мало-побратимство и

„побратимство причесно“. Авторъ указываетъ способы которыми устанавливается каждый изъ этихъ союзовъ.

1. *Побратимство неволи*. „Этотъ родъ побратимства устанавливается въ томъ случаѣ если кто спасетъ кого отъ неминуемой гибели или опасности. *Помоги мнѣ во имя Бога и Св. Иоанна, и я возьму тебя за своего побратима*, говорить находящійся въ опасности Славянинъ, прося кого-либо о помощи и обѣдая ему считать его впредь своимъ побратимомъ. Когда этотъ носаднѣй выручитъ его изъ опаснаго положенія, то они цѣлуются три раза, и такимъ образомъ устанавливается между ними побратимство неволи.“

2. *Мало-побратимство*. „Оно устанавливается между людьми уже находящимися въ дружбѣ. Въ некоторыхъ мѣстностяхъ оно обыкновенно заключается въ помедѣльникъ на Туминскій недѣль. Въ означенный день, послѣ полудня, собираются *момки* (парни) и дѣвушки, заводятъ на лужайкѣ вблизи приходской церкви разныя игры и *дружатся* (дружичаю се), по большей части парни съ парнями, а дѣвушки съ дѣвушками, плетутъ вѣнки и сквозь нихъ цѣлуются, момки съ момками, дѣвушки съ дѣвушками, взаимно обмѣниваются вѣнками, и такимъ образомъ парни заключаютъ между собою *побратимство*, а дѣвушки—*посестримство* на годъ. По прошествіи года, побратимство и посестримство или снова возобновляются или расторгаются.“

Побратимство причесно. „Оно состоитъ въ томъ что два человека, между которыми уже заключено на годъ мало-побратимство, хотятъ упрочить свою дружбу новымъ болѣе долгимъ и прочнымъ союзомъ. Давъ слово вѣчно сохранять дружбу, всегда оказывать другъ другу помощь, а въ случаѣ крайности даже жертвовать жизнью другъ за друга, два пріятеля цаутъ въ церковь, гдѣ, снявъ съ себя оружіе, садятся на ивѣстныхъ мѣста, взявъ при этомъ въ руки по зажженной свѣчѣ. Около нихъ становится обыкновенно сельскій староста, держа также въ рукѣ зажженую свѣчу. Священникъ во время обѣды подходитъ къ нимъ и спрашиваетъ: *что за причина, братъ?* На это старшій изъ нихъ отвѣчаетъ: *за любовь*. Получивъ такой отвѣтъ, священникъ начинаетъ имъ объяснять важность даннаго ими обѣта: *смотрите чтобы въ послѣдствіи не пришлось раскаяться въ своемъ поступкѣ; если вы заключите вѣчное побратимство, то должны твердо держаться даннаго*

объта. Затѣмъ священникъ читаетъ особую на этотъ случай молитву и благословляетъ ихъ. Въ концѣ обѣдни они троекратно цѣлуются, а по выходѣ изъ церкви стрѣляютъ изъ ружей чтобы придать большую торжественность заключаемому ими братскому союзу. Родные обоихъ побратимовъ сопровождаютъ ихъ до дому, гдѣ было заключено побратимство и гдѣ ожидается ихъ обѣдъ. За столомъ оба побратима садятся вѣнотъ и должны пить изъ одной кружки и есть хлѣбъ отъ одного куска. Во время обѣда одинъ изъ нихъ провозглашаетъ слѣдующій тостъ: *за наше побратимство! дабы мы умные годы жили и здоровы были; дабы одинъ справлялся о томъ куда бы другой пошелъ; отнюдѣ любили безъ другъ друга и не ссорились бы.* Начиная съ этого дня каждой изъ побратимовъ зоветь отца другаго *поочимъ*, мать — *помай-ка*, жену — *нестьстка*, сестру — *посестрима*, сына — *посинакъ*, брата — *побратимъ*, и приходя въ его домъ приносить всемъ домашнимъ по подарку, состоящему изъ шалки, лавтака, табаку и т. д. Въ случаѣ отъѣзда одного побратима жена остающагося даритъ уважающему его пріятелю рубашку, лавтокъ или сапога. При разлукѣ стрѣляютъ изъ ружей и говорятъ: *побратимъ, счастливыи путь!* Этотъ родъ побратимства связываетъ крѣпкими, неразрывными узамъ побратимовъ, и договоры о вѣчной дружбѣ такъ свято соблюдаются что въ народѣ составилась даже поговорка: *родные братья могутъ ссориться, а побратимы — никогда.*

Мы считаемъ достаточною эту небольшую выдержку чтобы дать читателямъ понятіе объ интересѣ представляемомъ повидимому отагъ сухимъ по названію отѣломъ: *общая этнографія степей четырехъ юго-славянскихъ провинцій Австріи.* Независимо отъ своего значенія въ смыслѣ систематично изложенной монографіи, сочиненіе г. Березина важно какъ справочная книга, въ которой можно найти самыя подробныя разъясненія на все вопросы касающіеся устройства, исторіи, топографіи и быта Славоніи, Хорватіи, Далматіи и Военной Границы. Къ первому тому приложена карта юго-славянскихъ провинцій Австріи. Трудъ г. Березина посвященъ Государю Наслѣднику и рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія основнымъ библиотечнымъ вѣдомства министерства.

IV.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга первая. 1873—1877 года, издача подъ редакціей В. С. Иконникова. Киевъ, 1879.

Книга эта, печатанная по опредѣленію историко-филологическаго факултета Университета Святаго Владиміра, заключаетъ въ себѣ рядъ чтеній въ Киевскомъ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Въ числѣ другихъ статей читателю найдутъ здѣсь: *какая мѣстность называлась въ древности Олеговой могилой* (П. Г. Лебедянцева), *сказаніе о Васильѣ Ростиславичѣ* (И. И. Хруцова), *лѣтописныя преданія о Куликовской битвѣ* (И. И. Розонова), *князь М. В. Скопина-Шуйскій* (В. С. Иконникова), *археологическія находки и раскопки въ Киевѣ и Киевской губерніи въ теченіе 1875 года* (В. Б. Антоновича). Въ свѣдѣніяхъ о засѣданіяхъ Общества помѣщены, между прочимъ, нѣсколько интересныхъ сообщеній г. Котляревскаго: „*очеркъ учено-литературной дѣятельности О. М. Бодянскаго*“, „*къ происхожденію сказанія о новгородскихъ баняхъ*“, „*объ обычаяхъ у Славянъ при рожденіи дитяти до его возмужалости*“, „*свѣдѣнія о текущей исторической и археологической литературѣ*“. Известнее сказаніе нашей лѣтописи *о днѣхъ* обычаяхъ на счетъ бань въ Новгородѣ, о томъ какъ люди „*немучимы никимъ же сами ся мучатъ и творятъ не мовенья собѣ, а мученья*“, сказаніе это, по мнѣнію г. Котляревскаго, едва ли можно считать произведеніемъ русскаго пера: это одна изъ вставокъ понапущенныхъ въ Несторову лѣтопись; „*есть глупіе слѣды что составитель почерпнулъ его изъ южно-славянской литературы, изъ сербскихъ и болгарскихъ лѣтописей*“. Интересно параллельное сказаніе приводимое г. Котляревскимъ изъ сочиненія юриста Діонисія Фабриція, жившаго въ Гамбургѣ „*кажется*“ въ XVI—XVII вѣкѣ и записавшаго по неизвѣстнымъ источникамъ сочиненіе *Livonicae historiae compendiosa series*. Въ сочиненіи этомъ онъ упоминаетъ что около Дерпта существовалъ доминиканскій монастырь, Фалькена, братія котораго отъправила къ папѣ письмо съ просьбою о предательствѣ за нихъ у дерптскаго епископа, такъ какъ средства ихъ совершенно оскудѣли. Въ письмѣ между прочимъ разказывалось что они „*каждую субботу умерщвляютъ плоть свою въ страш-*

во натопленых банях, бичуютъ себя розгами, и обливаютъ холодною водою." Пала удивился и отправилъ своего посланца узнать самолично дѣла монастыря. „Его угостили сухою рыбой и горькимъ пивомъ и ввели въ жарко-истопленную парную баню. Когда пришло время париться вѣшиками, итѣнный Италианецъ не вытерпѣлъ: онъ выскочилъ изъ бани, говоря что такой образъ жизни невозможно и несмысленъ между людьми. Возвратившись въ Римъ, онъ разказалъ прѣль о видѣнной диковинкѣ, и монахи достигли желаемого.“ Разказъ этотъ, говоритъ г. Котларевскій, совершенно сходенъ съ разказомъ русской дѣтописи даже по способу выраженія, а сказаніе въ общихъ неперемѣнно идетъ изъ одного источника. Къ книгѣ приложено нѣсколько рисунковъ: они представляютъ найденныя въ мѣстечкѣ Бѣгородкѣ, въ девятнадцати верстахъ отъ Кіева (еще Карамзинъ указалъ въ этомъ мѣстечкѣ древній Владиміровъ Бѣгородъ), золотую медаль съ изображеніемъ Богородицы съ Младенцемъ на правой рукѣ, и узорные изразцы. Каждое изданіе имѣющее задачей распространеніе свѣдѣній изъ области русской исторіи и археологіи заслуживаетъ пріятнаго и вниманія. Въ особенности представляютъ интересъ изданія ученыхъ обществъ, специально изслѣдующихъ обширную и богатую область родной старины. Нужно только желать чтобы послѣдующія книги чтеній въ Обществѣ *Нестора Дѣтописца* появлялись ежегодно, а не за періодъ въ нѣсколько лѣтъ.

V.

Новые книги о Кипрѣ. Англичане уже годъ какъ владѣютъ Кипромъ, и не могло не казаться страннымъ что до сихъ поръ, кромѣ скудныхъ газетныхъ статей, не появлялось серьезнаго сочиненія объ этомъ приобрѣтеніи которое вызвало столько споровъ и естественно должно было привлекать туристовъ и любопытныхъ провѣрить развѣрнуція мѣлкія. Не появлялось и официальныхъ отчетовъ изъ коихъ можно бы почерпнуть цѣнныя свѣдѣнія. Дѣйствительно ли Кипръ столь выгодное приобрѣтеніе, и въ какомъ смыслѣ? Какъ распорядятся на немъ Англичане и что дѣлаютъ? Довольны ли сами они новымъ владѣніемъ, и довольны ли жители своими новыми господами? Какая

будущность предстоитъ острову, чѣмъ онъ можетъ стать въ рукахъ Англичанъ, и что слѣдуетъ сдѣлать чтобы возвысить его цѣну? Вотъ вопросы которые должны интересовать всѣхъ и на которые нельзя было найти отвѣта въ газетахъ. Наконецъ, недостатокъ этотъ отчасти восполненъ. Явилась обстоятельная книга о Кипрѣ извѣстнаго изслѣдователя Нула и путешественника, египетскаго паши и члена Лондонскаго Географическаго Общества, сэръ-Самюэля Бекера, подъ заглавіемъ: *Кипръ какъ я его видѣлъ въ 1879 году.* (*Cyprus, as I saw it in 1879, by sir Samuel Baker*). Онъ посѣтилъ островъ именно не въ качествѣ официального лица, а какъ любопытный туристъ. Онъ отправился вмѣстѣ со своею супругой и, высадившись въ Ларнакъ 4го января сего года, провелъ на островѣ зиму, весну и лѣто, извѣдывая его во всѣхъ направленіяхъ. Для передвиженія въ странѣ не имѣющей порядочныхъ дорогъ онъ принималъ довольно оригинальный способъ. Онъ привезъ съ собою изъ Ангаіи двѣ повозки, одна изъ коихъ была большая цыганская повозка, приспособленная служить и спальней, и столовой. Въ этихъ экипажахъ, въ сопровожденіи двухъ нанятыхъ туземныхъ слугъ, сэръ-Самюэль Бекеръ и извѣдалъ весь островъ съ января до юня. Большею частью повозки тащились быками, но когда дорога становилась очень трудною даже для этихъ повозокъ, то путешественникамъ приходилось прибѣгать къ верблюдамъ.

Книга представляетъ большой интересъ, и мы вкратцѣ передадимъ какое впечатлѣніе вынесъ авторъ о самой странѣ, и что онъ говоритъ о положеніи ея жителей и порядкахъ введенныхъ Англичанами. Въ началѣ островъ произвелъ на путешественниковъ рѣшительно неблагопріятное впечатлѣніе. Южный берегъ, гдѣ они высадились, пустыненъ и некресивъ. Ларнака представляетъ самый жалкій портъ, и у сэръ-Самюэля вызвалось восклицаніе: „Вотъ сокровище приобретенное лукавою дипломатіей!“ Также и Никосія, столица острова, оставила непріятное впечатлѣніе. Сэръ-Самюэль Бекеръ похвалялъ резиденцію верховнаго комиссара, коимъ въ то время состоялъ еще сэръ-Гарнетъ Воллей, но находить что мѣстоположеніе города дурно для обороны, такъ какъ надъ нимъ господствуютъ сосѣднія высоты. Кромѣ того, онъ совершенно въ сторонѣ отъ торговой дороги и климатическія условія его неблагопріятны. Въ повѣдствіи первомъ

впечатлѣніе значительно измѣнилось, особенно когда путешеники перебрались на сѣверную сторону острова, которая отличается красотой мѣстоположенія и представляет богатые и плодородныя долины. Торговою столицей острова, по мнѣнію автора, долженъ бы быть Лимасоль. Киренія также привлекала его болѣе чѣмъ Никосія, но самое большее вниманіе посвятилъ онъ Фамагустъ, по причинѣ ея гавани, которая, по мнѣнію автора, при небольшомъ расходѣ, „можетъ быть обращена въ неприступный арсеналъ и складъ угля, замкнувъ звенья въ цѣпи крѣпостей которыя суть стражи Средиземнаго моря“. Все стратегическое значеніе Кипра заключается де въ этой гавани, которая и „дѣлаетъ Кипръ ключомъ важной позиціи“.

Измѣнивъ такимъ образомъ первоначальное мнѣніе о значеніи Кипра, авторъ излагаетъ что, по его мнѣнію, требуется для поднятія острова до прежняго благосостоянія, коимъ онъ некогда славился. Главная потребность острова въ ирригаціи, за тѣмъ проведеніе дорогъ и наконецъ прекращеніе безплоднаго лѣсоистребленія и насажденіе деревьевъ для смягченія слишкомъ жаркаго лѣтомъ климата, для улучшенія коего должна быть также предпринята осушка болотъ. Обо всемъ этомъ сэръ-Самюэль Бекеръ высказываетъ свои соображенія, но насъ болѣе интересуеъ узнать о порядкахъ заведенныхъ на островѣ Англичанами, объ ихъ управленіи, какъ они воспользовались своею пресловутою конвенціей, чтобы сдѣлать въ Кипрѣ, по выраженію одного англійскаго министра, нѣчто въ родѣ образцовой фермы, которая представила бы Туркамъ завидный примѣръ для подражанія и внушила бы имъ охоту достигнуть того же въ Малой Азіи. Увы! книга сэръ-Самюэля Бекера болѣе чѣмъ подтверждаетъ что вмѣсто того чтобы подавать примѣръ Туркамъ въ хорошемъ управленіи, англійскія власти на Кипрѣ сами преспокойно подражаютъ Туркамъ въ ихъ системѣ управленія. Только сдача на откупъ налоговъ отмѣнена, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ турецкіе законы и турецкая администрація, даже самая система налоговъ, остались безъ малѣйшаго измѣненія. Фактъ этотъ до такой степени возмущаетъ сэръ-Самюэля Бекера что приводитъ его къ замѣчанію: „Киприоты ожидали видѣть Англію и Англичанъ своими правителями; но, подобно извѣстной поговоркѣ: „поскоблите Русскаго и вы найдете Татарина“, они могли бы „поскоблить

Англичанина и найти подъ нимъ Турку.“ Въ таможенныхъ въ Ларнакѣ и Лимасолѣ даже оставлены на мѣстахъ турецкіе чиновники. Для сбора налоговъ съ жителей остается во всей силѣ варварская система десятинной подати, которая, изъ году въ годъ осуждалась въ донесеніяхъ англійскихъ консуловъ, а теперь примѣняется англійскими властями. Сэръ-Самюэль Бекеръ разказываетъ что всѣ земледѣльческіе, огородные и садовые продукты подлежатъ оцѣнкѣ правительственнымъ чиновникомъ для сбора налога въ 10% стоимости. Потому продукты всякаго рода должны быть осмотрѣны этимъ чиновникомъ на корню, на куствѣ или на деревѣ. А какъ на каждаго чиновника отведенъ обширный участокъ, то онъ никогда не можетъ явиться именно когда нужно, и потому большое количество плодовъ и растеній портится и пропадаетъ вслѣдствіе промедленія въ оцѣнкѣ. Особенно подробно разказываетъ сэръ-Самюэль Бекеръ какъ вредно и убыточно дѣйствуетъ подобная система сбора доходовъ на вывозѣ, которое есть одинъ изъ важнѣйшихъ туземныхъ промысловъ. Такъ какъ владѣлецъ виноградника не смѣетъ приступить къ уборкѣ ягодъ прежде оцѣнки ихъ, то когда виноградъ почти дозрѣлъ, приходится прѣдти въ Лимасоль, попросить официальнаго оцѣнщика явиться въ назначенный день; тотъ является, дѣлаетъ обыкновенно саишкомъ высокую оцѣнку, начинается уборка, послѣ коей уплачивается налогъ съ ягодъ. Но настоящія холоты для несчастнаго владѣльца начинаются при выдѣлкѣ вина. Приходится снова отпраиваться въ Лимасоль просить чиновника прибыть чтобы смѣрить посуду. Наконецъ посуда вымѣрена, производится общая оцѣнка стоимости производства всего округа, и взимается новый налогъ въ 10% стоимости. Теперь вывозѣлъ можетъ везти вино на рынокъ. На островѣ нѣтъ такихъ дорогъ чтобы можно было разлить вино въ бочки и привезти удобнымъ образомъ, а потому вино наливается въ козьи мѣха привѣшиваемые къ бокамъ муловъ, и въ нихъ вино взбалтывается и нагрѣвается, а главное — пропитывается отвратительнымъ запахомъ козьей шкуры. И для этой перевозки, притомъ, владѣлецъ долженъ заластись официальнымъ разрѣшеніемъ на вывозъ опредѣленнаго количества вина. По прибытіи въ Лимасоль, вино еще должно быть смѣшано прежде разрѣшенія на продажу оваго. Случается что чиновникъ въ этотъ день саиш-

комъ завять, приходится ждать еще сутки, и за это время, отъ долгаго пребыванія въ козьей шкурѣ на солнцѣ, вино нерѣдко такъ портится что его никто не покушаетъ и о-стается бросить его въ море.

Вообще вся англійская администрація для населенія Кипра дала себя знать лишь отрицательными результатами въ та-кой мѣрѣ что при всей похвалѣ энергіи и преданности ан-глійскихъ чиновниковъ сэръ Самюэль Бекеръ обличаетъ вы-вѣшніе порядки на островѣ какъ „позоръ для Англїи“, ме-жду тѣмъ какъ жители острова заслуживаютъ лучшей участи своею кротостю, вѣжливостю и услужливостю. „Мнѣ жалъ было“, пишетъ сэръ-Самюэль Бекеръ, „всѣхъ этихъ бѣд-няковъ: они принижены и несчастны духомъ и тѣломъ. Вме-сто того чтобы выжимать изъ нихъ налоги, ихъ слѣдовало бы всевозможнымъ образомъ поддерживать и поощрять пра-вительственнымъ пособіемъ.“ Но почему же этого не дѣ-лается? А потому что Англїя связана по рукамъ и ногамъ въ управленіи островомъ своею преславною конвенціей съ Турціей. Изъ общаго дохода 170.000 ф. ст. болѣе половины или 96.000 ф. ст. должно быть ежегодно уплачиваемо Тур-ціи, и, кромѣ того, конвенція съ Портой стѣсняетъ дѣйствїя англійскихъ властей еще другимъ образомъ, въ томъ что онѣ^о обязаны управлять островомъ согласно съ турецкими зако-нами, а къ тому же еще полное незнаніе греческаго языка англійскими чиновниками ставитъ ихъ въ сличкомъ боль-шую зависимость отъ не всегда достойныхъ довѣрія турец-кихъ драгомановъ. Относительно этого послѣдняго обстоя-тельства у автора довольно оригинальное мнѣніе. Зная что туземцы ненавидятъ и страшатся переводчиковъ, которые почти поголовно всѣ ваяточники, онъ все-таки находитъ ихъ необходимыми „до тѣхъ поръ пока все кипрское населеніе не выучится по-англійски“. Ученому Англачанину путешествен-нику и въ голову не приходитъ что гораздо проще и удоб-нѣе было бы нѣсколькимъ десяткамъ англійскихъ чинов-никовъ познакомиться немного съ туземнымъ нарѣчіемъ. Конвенцію же съ Портой онъ осуждаетъ безусловно и са-мымъ энергическимъ образомъ. За обѣщаніе давное Турціи охранять ея азіатскїя владѣнія Кипръ долженъ бы былъ быть переданъ вполнѣ во владѣніе Англїи. Только въ такомъ слу-чаѣ онъ могъ бы стать выгоднымъ прїобрѣтеніемъ, и иначе не стоило де и брать его. О значеніи вообще конвенціи

касательно Кипра и протектората надъ Малою Азіей сэръ-Самюэль Бекеръ высказываетъ слѣдующее мнѣніе:

„Мы приняли на себя громадную отвѣтственность протектората надъ Малою Азіей на условіяхъ которыя, какъ мы должны знать, никогда не будутъ исполнены. Турція обѣщаетъ устроить реформами злоупотребленія своей внутренней администраціи и пр. Волкій кто знаетъ Турцію долженъ понимать что такая реформа невозможна; честнаго административнаго матеріала не существуетъ въ Оттоманской имперіи, и достаточно хорошія примѣры обѣщаній Порты бывъ даны со времени Крымской войны. При такихъ обстоятельствахъ англо-турецкій союзъ есть вещь сомнительная. Мы взяли на себя протекторатъ надъ Малою Азіей условно; мы занимаемъ Кипръ условно; и если Турція не исполнитъ своихъ обѣщаній въ отношеніи управленія ея азіатскихъ провинцій, то у насъ, есть задняя дверь чтобы ускользнуть отъ нашего тягостнаго обязательства: къ несчастію, англійская дипломатія прославилась задними дверями. Въ Берлинскомъ трактатѣ мы вошли въ Кипръ черезъ заднюю дверь, и пожалуй можемъ и уйти оттуда черезъ тотъ же выходъ; но почти нѣтъ сомнѣній что Турки не вѣрять въ заявляемую нами рѣшимость защищать ихъ силой оружія въ случаѣ будущаго столкновенія между Россіей и султаномъ въ Малою Азію. Несмотря на заявляемую искренность нашу, Турки извѣрились въ добросовѣстности трактатовъ и политическихъ обязательствъ; они вполнѣ убѣждены что еслибы для „британскихъ интересовъ“ потребовалось пожертвовать честью, то Англія такъ или иначе проскользнетъ чрезъ оттоманскіе пальцы и выведется отъ своего союза, когда будетъ приглашена выступить противъ Россіи. Разумѣется, вѣнжественный Турокъ ошибается и его подозрѣнія неосновательны.“

Вышла еще другая книга о Кипрѣ, любопытнымъ образомъ дополняющая и подтверждающая сочиненіе сэръ-Самюэля Бекера. Это разказъ жены одного англійскаго офицера служащаго на островѣ о своей жизни тамъ, изданный ею подъ заглавіемъ „Нашъ домашній очагъ въ Кипрѣ“ (*Our Home in Cyprus*. By Esté Scott-Stevenson). Книга гжи Скоттъ-Стивенсонъ менѣе серіозна и обстоятельна чѣмъ вышеупомянутое сочиненіе извѣстнаго ученаго, за то она имѣетъ такъ-сказать нѣкоторый officialный отпечатокъ, а такъ какъ притомъ

супруга англійскаго чиновника проявляет довольно явно свое туркофильство, то тѣмъ болѣе замѣчательно встрѣчать на ея страницахъ поразительныя изобличенія безтолковой неурядицы. Мы ограничимся лишь немногими указаціями. Такъ, напрѣмръ, относительно организаціи полиціи на островѣ гжа Скоттъ-Стивенсонъ разсказываетъ что все заглѣи почти исключительно Турки и магометане, несмотря на то что населеніе острова преимущественно греческое и; само собою разумѣется, христіанскаго вѣроисповѣданія. Многие и въ этихъ заглѣвахъ къ тому же изъ бывшихъ разбойниковъ Малой Азіи, а одиныхъ изъ начальниковъ полиціи, всюдиръ Неймъ-эффенди, бывшій турецкій чиновникъ, который былъ уволенъ изъ турецкой службы за утайку казенныхъ денегъ! Затѣмъ все поминать что и въ газетахъ много писали, и въ парламентѣ дѣлали запросы, о введеніи англійскими властями въ Кипрѣ принудительной работы, которая прежде была отиѣмена самими Турками; извѣстие также что первый указъ объ этомъ, издаанный первымъ верховнымъ комиссаромъ острова сэръ-Гарнетомъ Возлдеемъ, былъ измѣненъ лордомъ Солсбери, въ видахъ устранивъ всякую возможность злоупотребленій. По повидимому повелѣніа лорда Солсбери, вѣдомству коего подчинено управленіе Кипра, остаются безъ исполненія, такъ какъ гжа Скоттъ-Стивенсонъ разсказываетъ что она и ея мужъ „видѣли около тысячи мушкетъ, женщинъ и дѣтей работавшихъ на горной дорогѣ,“ и „когда работа шла влад, тѣ надсмотрщики грозили сдѣлать работавшихъ легкими бичами.“ Интересно также узнать изъ ея книги наивное признаніе что когда англійскіе чиновники разѣзжаютъ по острову, то они заставляють отводить себѣ помѣщеніе въ селеніяхъ угрозами „ссылки въ другую страну“. Она оговаривается что мужъ ея капитанъ Скоттъ-Стивенсонъ всегда расплачивался за постой, но у ней проскользнуло замѣчаніе что одиныхъ англійскій чиновникъ не былъ столь заботливъ. О переводчикахъ служащихъ для объясненій англійскихъ чиновниковъ съ туземцами гжа Скоттъ-Стивенсонъ отзывается еще суровѣе чѣмъ сэръ-Самуэль Бекеръ. Переводчикъ въ Киренскомъ округѣ былъ уличенъ что бралъ взятки во всѣхъ дѣлахъ которыя разбирались тамошнимъ британскимъ комиссаромъ. Гжа Скоттъ-Стивенсонъ пишетъ что мужъ ея рѣшился разоблачить это дѣло и „всю систему“, потому что его глубоко задѣло часто слышанное восклица-

віе: „Нѣкоторые изъ этихъ Англичанъ все равно что Турки, и точно такъ же берутъ подарки и бакшишъ.“ И въ другомъ мѣстѣ она говоритъ: „Я знаю что многіе джентльмены не были такъ строги какъ мой мужъ и смотрѣли на бакшишъ почти какъ на часть своего жалованья. А начальники ихъ и не осуждали ихъ за полученіе оного.“ Довольно кажется этихъ немногихъ указаній взятыхъ изъ книги вообще проникнутой скорѣе тономъ официального благодушія.

По поводу этихъ двухъ книгъ нельзя не замѣтить что оба автора едва ли правы, приписывая всю неудовлетворительность настоящей администраціи острова стѣснительности условій англо-турецкой конвенціи, по условіямъ коей большая часть доходовъ Кипра попрежнему должна поступать въ казначейство султана и островъ долженъ управляться по турецкимъ законамъ. Въ дѣйствіяхъ Англичанъ и въ особенностяхъ ихъ презрительномъ отношеніи къ туземцамъ скорѣе можно усмотрѣть систему. Англичане безъ труда нашли бы орудства измѣнить варварскіе турецкіе порядки, а тѣмъ легче могли бы замѣнить турецкихъ залтievъ и чиповниковъ въ таможенныхъ людяхъ выбранными изъ туземцевъ, еслибы видѣли въ этомъ свою выгоду. Похвалы воздаваемые обоими авторами добротѣ, учтивости и локорному характеру Киприотовъ тѣмъ болѣе поражаютъ странностью что этого не сдѣлали. Англія требуетъ отъ Порты очищенія ея административнаго персонала въ Малой Азіи, предлагаетъ ей для замѣны ненадежныхъ Турокъ своихъ англійскихъ офицеровъ и чиповниковъ, а сама удерживаетъ на службѣ въ Кипрѣ Турокъ выгнанныхъ изъ турецкой службы и своимъ взяточничествомъ набрасывающихъ тѣнь на англійскія власти. Зачѣмъ это дѣлается? зачѣмъ, напримѣръ, понадобилось издать законъ по коему поземельную собственность въ Кипрѣ не дозволяется пріобрѣтать никому кромѣ англійскихъ и турецкихъ подданныхъ? Кажется, довольно ясно зачѣмъ. Населеніе Кипра, правда, кротко и послушно, но для Англіи нужно было дать понять въ полной очевидности не только Грекамъ острова, но и Грекамъ Элиинскаго королевства, а также и Грекамъ всей Турецкой имперіи что она вовсе не думаетъ заботиться о нихъ, а тѣмъ менѣе поощрять ихъ мечтанія „великой идеи“, чтобы они откинули всякую надежду, каковую пріобрѣтеніе Кипра могло возбудить относительно повторація такой же исторіи каковая случилась съ Ионическими остро-

вами. Англія явно показываетъ имъ что възвѣдъ Кипръ вовсе не затѣмъ чтобъ улучшить положеніе его жителей, а единственно для своихъ цѣлей, чтобъ имѣть новую стоянку въ Средиземномъ морѣ и чтобы при случаѣ скорѣе подавать мечтания эллинскихъ патріотовъ чѣмъ имъ содѣйствовать. Такова мораль которая вытекаетъ изъ всѣхъ дѣйствій Англіи.

VI.

Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le seizième siècle, par Gabriel Compaugé. 2 vol. 1879.

Во Франціи очень мало сочиненій по исторіи народнаго просвѣщенія въ этой странѣ. Потому обширное сочиненіе г. Компейре, посвященное впрочемъ не столько исторіи учебныхъ учрежденій Франціи, сколько критическому обзорѣю воспитательныхъ доктринъ заслуживаетъ вниманія. Оно появилось въ то время когда республиканская партія, и даже та ея часть которая начинаетъ сильно тревожиться призракомъ коммунизма, ведетъ непримиримую войну съ католическимъ духовенствомъ по вопросу о народномъ воспитаніи. Духовенство хотеть пользоваться вліяніемъ на воспитаніе или непосредственно или при содѣйствіи многочисленныхъ конгрегацій, а противники его поставили себя задачей не только ослабить это вліяніе, но по возможности даже уничтожить его вовсе. Среди разгара страстей, вызванныхъ этою борьбою, нужно было г. Компейре обладать большою ловкостью чтобы написать такую книгу которая со всѣхъ сторонъ не встрѣчаетъ ничего кромѣ похвалъ. Ему приходилось касаться весьма щекотливыхъ при теперешнихъ обстоятельствахъ вопросовъ и онъ дѣйствительно коснулся ихъ, но такъ что не огорчилъ никого. Едва ли не это и ставитъ ему въ главную заслугу. Авторъ излагаетъ различныя педагогическія системы господствовавшія во Франціи, говоритъ о томъ что думали о воспитаніи тѣ или другіе умные люди, изъ которыхъ многіе даже вовсе не были педагогами, — перечень этотъ довольно неожиданно начинается съ Рабле, — но какъ скоро переходитъ къ самому дѣлу и старается разъяснить кому же обязана была Франція прежняго времени тѣмъ что школа ея получила солидную организацію и способствовала роскошному про-

цвѣтанію науки и литературы, то долженъ прежде всего выставить дѣятельность духовныхъ орденовъ, и между ними едва ли не на первомъ планѣ орденъ іезуитовъ.

Въ XVI вѣкѣ іезуиты, нуждавшіеся для своихъ цѣлей въ людяхъ которые по умственному своему развитію не уступали бы лучшимъ представителямъ свѣтскаго общества, обратили самое серьезное вниманіе на школу. Они исполнили эту задачу съ такимъ успѣхомъ что, по выраженію г. Компейре, учрежденіе ихъ училищъ „слѣдуетъ считать величайшимъ событіемъ въ исторіи учебно-воспитательнаго дѣла во Франціи“. Въ этомъ отношеніи имъ удалось очень скоро затмить университетъ съ его коллегіумами слишкомъ проникнутыми духомъ средневѣковой рутины. О достоинствѣ іезуитскихъ школъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ то обстоятельство что изъ нихъ вышла цѣлая плеяда людей составляющихъ гордость Франціи — Ковде, Виалларъ, Люксембургъ, Боссюэтъ, Ламуаньоль, Сегье, Декартъ, Монтегье, Корнелль, Мольеръ, Фонтенель и Вольтеръ. Въ концѣ XVI вѣка было у іезуитовъ шестьсотъ двѣнадцать коллегіумовъ и сто пятьдесятъ семь пансіоновъ. Знаменитый Беконъ въ своемъ трактатѣ *De augmentis scientiarum* говорилъ: „что касается воспитанія молодежи, придерживайтесь системъ господствующихъ въ іезуитскихъ школахъ; ничего лучшаго не можетъ быть“. Въ книгѣ г. Компейре обстоятельно изложено какъ были устроены означенныя учебныя заведенія и что именно обеспечивало превосходство ихъ предъ другими до революціоннаго разгрома прошлаго столѣтія; вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ указываетъ и на коренныя ихъ недостатки—изученіе латинскаго языка преимущественно съ цѣлью изящно излагать на немъ мысли, изученіе слишкомъ формальное, ибо древніе писатели читались не вполнѣ, а лишь въ избранныхъ отрывкахъ и такимъ образомъ молодежь лишена была возможности усваивать себѣ надлежащимъ образомъ богатое содержаніе ихъ произведеній. Іезуиты руководились при этомъ расчетомъ. „Они, говоритъ г. Компейре, хотѣли такъ-сказать очистить древнихъ авторовъ ото всего что было отмѣчено характеромъ эпохи, что давало этимъ произведеніямъ своеобразную физиономію; еслибы было можно, то іезуиты изгладили бы самое имя автора, все что напоминало у него объ обществѣ предшествовавшемъ христіанскому. Вслѣдствіе того они были крайне сдержаны относительно комментаріевъ о писателяхъ, ихъ жизни, дѣ-

тельности и окружающей их обстановки. Имъ казалась опасною метода которой сѣдовалъ Боссюэтъ при обученіи дофина, — метода состоявшая въ томъ чтобы читать отъ начала до конца избранное твореніе того или другаго автора. Иезуиты предпочитали предлагать своимъ воспитанникамъ отдѣльные образцы краснорѣчія, отрывки изъ новѣй и другихъ стихотвореній, не давая понятія о томъ какіе глубокіе корни и эта поэзія, и эта проза имѣли въ античномъ мірѣ. То были такъ — сказать — аномальные фрагменты превосходные сами по себѣ, но которые, будучи оторваны отъ цѣлаго, утрачивали свое значеніе.“ Далѣе читатель книги г. Компейре можетъ ознакомиться съ дѣятельностью Ораторіанцевъ, Ясенистовъ, съ послѣдовательнымъ преобразованіемъ въ Парижскомъ университетѣ, съ содержаніемъ знаменитаго трактата Ролена *Traité des études*, появившагося въ 1726 году. Въ этой книгѣ, которую г. Компейре называетъ „педагогическою хартіею“ Франціи, подробно изложены основы учебнаго дѣла, сохранившіяся у Французовъ въ главныхъ чертахъ неизмѣнными до сихъ поръ. „Со времени *Traité des études*, говоритъ Вильмонъ въ своей исторіи литературы восемнадцатаго столѣтія, мы не сдѣлали ни шагу впередъ.“ По словамъ автора разбираемой нами книги еще и теперь продолжается старинная борьба между знаменитымъ орденомъ и тѣми которые хотѣли вырвать у него пальму первенства въ дѣлѣ воспитанія юношества. „Великіе соперники XVII вѣка, иезуиты и ясенисты — замѣчаетъ г. Компейре — еще и въ настоящее время стоятъ лицомъ къ лицу. Иезуиты господствуютъ попрежнему какъ въ своихъ школахъ, такъ отчасти и въ школахъ университетскихъ, гдѣ сохранилось многое изъ того что было установлено ими. Въ ясенистахъ же сѣдуетъ видѣть предшественниковъ тѣхъ которые желали бы произвести перемѣны въ господствующей у насъ учебной системѣ.“

Большую половину втораго тома своей книги авторъ посвящаетъ философскимъ теоріямъ XVIII вѣка и вопросу о томъ что сдѣлано было въ революціонный періодъ для народнаго просвѣщенія. Въ 1762 году иезуиты были изгнаны изъ Франціи и судьба ихъ не могла не повліять весьма невыгодно на учрежденныя ими школы. „Открылось поле для всякаго рода экспериментовъ, говоритъ г. Компейре; дѣло шло о томъ чтобы замѣстить людей

которые въ теченіи двухсотъ лѣтъ сряду были воспитателями французскаго юношества.“ Теоретики выступили съ несокрушимой вѣрой въ успѣхъ своихъ плановъ; Руссо мечталъ о совершенно новыхъ училищахъ, которыя „не имѣли бы ничего общаго со смѣхотворными учебными заведениями носящими названіе коллежумовъ“ (*ces risibles établissements qu'on appelle colleges*). То были только планы, но лѣтъ тридцать спустя, когда Франція подверглась революціонному разгрому, стали съ лихорадочною поспѣшностью осуществлять ихъ одинъ за другимъ. „Революція—долженъ сознаться авторъ разбираемой нами книги—проявлялась во всемъ что касалось педагогической области только порывами, стремленіями, но не оставила по себѣ никакихъ солидныхъ результатовъ въ образованіи; она не создала ничего столь оригинальнаго какъ іезуитскія школы возникшія въ 1660 году.“ Послѣ этого категорическаго приговора нельзя не удивляться тому благодушному и исповедному уваженію тону съ какимъ г. Компейре отзывается о дѣятельности Конвента.

Не мало подобныхъ странностей встрѣчаемъ мы въ его книгѣ. Въ одномъ ея мѣстѣ онъ говоритъ между прочимъ: „Въ настоящее время дѣло идетъ не столько о томъ чтобы гоняться за новизной сколько хорошенько уразумѣть идеи уже находящіяся въ оборотѣ, сдѣлать между ними разумный выборъ и энергически примѣнять то что оправдывается опытомъ.“ Вопреки этому мудрому правилу авторъ посвящаетъ однако обширную (последнюю) главу своего сочиненія придуманной имъ теоріи воспитанія на основаніи психологическихъ данныхъ, почерпнутыхъ имъ главнымъ образомъ изъ произведеній Герберта Спенсера, — теорію такого рода что Французская Академія, присудивъ премію г. Компейре, сочла не лишнимъ оговориться устами своего непремѣннаго секретаря что награда эта отнюдь не отводится къ измышленіямъ помѣщеннымъ въ означенной главѣ.

Бракъ и нравы во Франціи. Louis Legrand: *Le Mariage et les moeurs en France*, ouvrage couronné par l'Académie des sciences morales et politiques. Paris, Hachette, 1879.

Авторъ этой книги изслѣдуетъ въ своемъ сочиненіи естественныя и историческія основы брака, статистику его во Франціи, воспитаніе обоихъ половъ съ точки зрѣнія будущей

супружеской жизни, вопросы о разводе, о равенствѣ половъ, о власти мужа, о незаконныхъ дѣтяхъ, о законахъ относящихся ко браку и вытекающихъ изъ послѣднихъ обязанностей и правахъ. Сочиненіе г. Леграна еще въ 1870 удостоено преміи Парижской Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, но, какъ объясняетъ авторъ, онъ не слышалъ печатаніемъ своего труда, желая подвергнуть его „испытанію времени и размышленія“. Съ одной стороны ему хотѣлось довести до настоящаго времени собираемыя имъ статистическія свѣдѣнія, съ другой стороны онъ желалъ исключить изъ своей книги все что слишкомъ могло бы возбудить споры. По мнѣнію г. Леграна, каждая новая доктрина о бракѣ есть доктрина *противъ* брака. Современный прогрессъ долженъ направлять свои изысканія на то что подлежитъ усовершенствованію; но пусть этотъ прогрессъ не забываетъ что есть учрежденія почти изъятая отъ его вліянія, ибо они организованы въ своихъ главныхъ чертаніяхъ самою природою. Въ числу такихъ учрежденій относится бракъ. Именно потому что французская демократія освободилась отъ многихъ историческихъ узъ, ей слѣдуетъ теперь искать свою основную точку опоры въ домашнемъ очагѣ, который дастъ ей противовѣсъ противъ злоупотребленій свободою и увлеченія утоліями.

Новое руководство къ исторіи искусства. Theodor Seemann: *Geschichte der bildenden Kunst von der ältesten Zeit bis auf die Gegenwart*. Jena, Costenoble, 1879.

Книга эта предназначена служить руководствомъ для образованныхъ людей вообще, а также быть употребляемой въ художественныхъ, ремесленныхъ и общеобразовательныхъ школахъ. Сочиненіе это мало-по-малу выработалось изъ практической потребности которое авторъ ея, профессоръ исторіи искусства, испытывалъ въ яскомъ и сжатомъ руководствѣ для преподаванія. Слишкомъ обширные объемы сочиненій по исторіи искусства уже часто служили препятствіемъ для распространенія ихъ въ массѣ публики. Руководство Земана представляетъ, какъ намъ кажется, именно тѣ размѣры и приемы которые должны сдѣлать его общедоступнымъ. Книга издана чрезвычайно тщательно и снабжена множествомъ прекрасныхъ иллюстрацій въ самомъ текстѣ.

Въ концѣ помѣщены примѣчанія и ссылки на всѣ лучшія сочиненія по исторіи искусства; алфавитные списки художниковъ, предметовъ, странъ и городовъ. Число иллюстрацій простирается до 166; выборъ ихъ, равно какъ и группировка матеріала, весьма удачны и обнаруживаютъ не только полное знакомство автора съ его предметомъ, но также и съ потребностями лицъ желающихъ приобрести свѣдѣнія по исторіи искусства.

Монографія кавказскаго племени Хевсуровъ и ихъ страны. Dr. Gustav Radde: *Die Chews'uren und ihr Land untersucht im Sommer 1876.* Cassel, Fischer, 1878.

Каждое сочиненіе касающееся Россіи и принадлежащихъ ей странъ всегда заслуживаетъ вниманія и интереса, и вотъ почему мы отмѣчаемъ здѣсь книгу хотя и появившуюся уже годъ тому назадъ, но только недавно сдѣлавшуюся намъ извѣстною. Книга эта принадлежитъ г. Радде, директору Кавказскаго музея и Публичной Библіотеки въ Тифлисѣ, и имѣетъ своимъ предметомъ специальное описаніе Кавказскаго племени Хевсуровъ и ихъ страны. Авторъ называетъ свой трудъ „опытомъ монографіи“ и раздѣляетъ его на географическую и этнографическую часть; въ текстѣ книги помѣщено нѣсколько иллюстрацій, въ концѣ ея находится прекрасная карта и рядъ рисунковъ изображающихъ одежду Хевсуръ и Тушинъ, ихъ военное убранство, виды горъ, хевсурскихъ деревень, равно какъ и нѣсколько мужскихъ и женскихъ фигуръ снятыхъ съ натуры. Нѣкоторые изъ рисунковъ печатаны красками. По словамъ автора, онъ могъ пользоваться при своемъ трудѣ только двумя русскими сочиненіями, сообщеніями князя Рафаила Эристова о Тушино-Пшавско-Хевсурскомъ округѣ въ *Запискахъ Географическаго Общества* и статьями г. Зиссермана въ газетѣ *Кавказъ* и въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Такимъ образомъ книга г. Радде является первымъ опытомъ специального научнаго изслѣдованія „самаго интереснаго изъ христіанскихъ племенъ Кавказа“, какъ называетъ авторъ Хевсуровъ. По мнѣнію г. Радде Хевсуры представляютъ смѣшанное племя въ теченіе вѣковъ образовавшееся на основаніи почвъ грузинскаго элемента изъ различныхъ окрестныхъ племенъ; племя это постоянно скрывалось въ горахъ и отчасти сохранило здѣсь привнесенные уже обычаи, отчасти же

создало новые, совершенно не заботясь объ окружающем мірѣ. Въ приложеніи помѣщенъ списокъ растений собраныхъ авторомъ во время своего путешествія.

Исторія письменъ. Karl Faulmann: Illustrierte Geschichte der Schrift. Populär-wissenschaftliche Darstellung der Entstehung der Schrift, der Sprache und Zahlen, sowie der Schriftsysteme aller Völker der Erde. Hartleben, Wien, 1879.

Книга Фаульмана представляетъ первую попытку изложить исторію происхожденія письменъ, цифръ и системъ письма у всѣхъ народовъ земнаго шара. Матеріалы для такого труда собраны были въ достаточной полнотѣ лишь въ нашемъ столѣтіи. Въ 1811 году Александръ Гумбольдтъ пробудилъ интересъ и вниманіе къ мексиканскимъ иероглифамъ; въ двадцатыхъ годахъ Шамполіонъ объяснилъ египетскіе иероглифы, а Гротенфендъ разобралъ клинообразныя надписи Персеполиса; въ 1845 году Лейардъ въ своихъ раскопкахъ Ниневіи нашелъ ключъ къ вавилонскимъ и ассирійскимъ письменамъ; въ нашемъ же столѣтіи были собраны и изданы палеографическіе памятники Индіи. Въ 1852 году на всемірной лондонской выставкѣ была выставлена вѣнскою государственною типографіей таблица заключающая въ себѣ около ста различныхъ видовъ письменъ. Въ 1878 году та же типографія издала книгу афанитовъ, *Buch der Schrift*, представляющую уже *двести шестидесятъ шесть* различныхъ видовъ письменъ. По мѣрѣ увеличенія матеріала намѣнялись и взгляды на происхожденіе письменъ. Песавъ открытія египетскихъ иероглифовъ установилось мнѣніе что человекъ сначала рисовалъ грубыя изображенія, потомъ съ помощію ихъ создалъ систему письма въ которой изображались рисунками только цѣлыя слова, затѣмъ перешелъ къ изображенію отдѣльныхъ слоговъ и уже наконецъ изобрелъ буквы. По мнѣнію Фаульмана развитіе письменъ совсѣмъ не представляетъ такой простоты и систематичности. Это очень сложный и равнообразно складывавшійся процессъ, изслѣдованіе котораго возможно только сравнительнымъ путемъ. Исторія письменъ есть въ то же время исторія культуры. Она находится въ тѣсной связи съ преданіями, обычаями и религіей народовъ, съ открытіями геологовъ и астрономовъ.

Въ настоящее время появилась первая половина этого интереснаго труда, превосходящаго издавнаго въ Вѣстѣ. Кромѣ множества иллюстрацій въ самомъ текстѣ, къ книгѣ приложены большіе печатанные красками рисунки изображающіе мексиканскіе и египетскіе гіероглифы, письма Китаицевъ, кинообразныя письма, еврейскія и нѣмецкія письма въ эпоху Среднихъ Вѣковъ. Предпринимая свое изданіе, авторъ, какъ онъ самъ указываетъ въ предисловіи, желалъ сдѣлать его какъ по содержанию, такъ и по вѣдшему виду доступнымъ и интереснымъ для круга образованныхъ читателей вообще, а не для однихъ только специалистовъ.

Новое изданіе Энциклопедическаго Лексикона Мейера. Meyers Conversations-Lexicon. Eine Encyclopaedie des allgemeinen Wissens. Dritte gänzlich umgearbeitete Auflage, Leipzig, Bibliographisches Institut, 1879.

Энциклопедическій словарь сдѣлался въ настоящее время необходимою справочною книгою для каждаго образованнаго чловѣка. Потребность ориентироваться въ массѣ новыхъ изобрѣтеній и открытій, въ массѣ измѣненій происшедшихъ въ разныхъ отрасляхъ знанія съ той поры какъ мы покинули школьную скамью, необходимость быстро возобновить въ памяти извѣстные факты или ознакомиться съ другими, все это отразилось на современномъ положеніи энциклопедическихъ словарей. Нужно сознаться что они доведены въ наше время до возможной степени совершенства, и въ этомъ легко убѣдиться сравнивъ настоящія изданія ихъ съ прежними. Такой во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный трудъ представляетъ третье изданіе Энциклопедическаго Словаря Мейера, заново пересмотрѣннаго, исправленнаго и дополненнаго. Но энциклопедическіе словари приобрѣтаются не часто; они составляютъ капитальное приобрѣтеніе для дома и для библіотеки. Вотъ почему Лейпцигскій Библиографическій Институтъ рѣшилъ рядомъ съ общедоступнымъ новымъ изданіемъ энциклопедическаго словаря предпринять еще особое, роскозное изданіе, такъ называемую *Pracht-Ausgabe*. Собственно говоря слово *роскозное* не совсѣмъ примѣнимо къ этой книгѣ, или око, по крайней мѣрѣ, нуждается въ нѣкоторомъ объясненіи. По вѣдшему виду *роскозное* изданіе очень просто. У него

нѣтъ отеративныхъ золотыхъ обрѣзовъ и пестро разно-
 лочнаго переплета. Переплетъ очень простой, черный,
 гладкій, безъ вычуръ. Но переплетъ этотъ сдѣланъ нарочно
 для этого лексикона. Несмотря на то что въ каждомъ томѣ
 болѣе 1.500 страницъ, книга раскрывается совершенно сво-
 бодно на каждой страницѣ; множество географическихъ
 картъ и цѣлый рядъ рисунковъ вставлены такъ искусно
 что въ среднѣ ихъ не образуется того углубленія кото-
 рое обыкновенно дѣлаетъ невозможнымъ пользованіе. Вме-
 сто того чтобы составлять отдѣльный атласъ, рисунки
 присоединены къ каждому тому по принадлежности; это рас-
 положеніе чрезвычайно облегчаетъ справки. Типографская
 часть изданія не представляетъ также никакихъ вычуръ ко-
 торыми стали такъ изобильны новѣйшія книги. Но шрифтъ
 доведенъ до изумительной чистоты и отчетливости; бумага
 превосходная; опечатокъ нѣтъ и въ поминѣ; строки не
 жмутся къ краямъ и къ среднѣ, но спокойно лежатъ обра-
 мленные просторными бѣлыми полями. Роскошь изданія за-
 ключается въ необыкновенномъ удобствѣ его для пользованія.
 Что касается до содержанія, то въ редакціи этого лекси-
 конна принимали участіе специалисты по всемъ отраслямъ
 знанія и имена ихъ не скрыты, какъ это дѣлалось прежде,
 а приложены въ особомъ спискѣ къ концу каждого тома.
 Весь словарь обнимаетъ собою *шестнадцать томовъ*, съ
 1434 иллюстраціями въ текствѣ и 388 большими рисунка-
 ми и картами. Лейпцигскій Библиографическій Инсти-
 тутъ очевидно самъ не нарадуется на это превосходное из-
 даніе. Для помѣщенія энциклопедическаго словаря специаль-
 но изготовлены особыя штажерки изъ лакированнаго орѣхо-
 ваго дерева, которыя выставляются приобретаателямъ лексико-
 на за особую плату.

*Новыя стихотворенія Павла Гейзе. Paul Heyse: Verse aus Italien.
 Skizzen, Briefe und Tagebuchblätter. Berlin, Hertz, 1880.*

Имя Гейзе хорошо извѣстно въ Россіи по переводамъ его
 предствныхъ разказовъ и новеллъ. Что касается до читателей
 владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, то не можетъ подлежать со-
 мнѣнію что между ними Гейзе пользуется въ полной мѣрѣ тою
 симпатіей которую невольно вызываетъ удивительное из-
 щество и необыкновенная художественность всѣхъ его про-

изведеній. Италия обладаетъ особою притягательною силою для этого нѣмецкаго поэта. Лучшія изъ его новеллъ рисуютъ намъ италіанскую жизнь; та же тема составляетъ содержаніе новаго тома стихотвореній Гейзе только что вышедшихъ ихъ печати и уже помѣченныхъ наступающимъ годомъ. Поэтъ посвящаетъ эти стихи своимъ дѣтямъ. Содержаніе дѣлится на *эскизы Неаполя, письма, дневникъ, сонеты изъ Рима, картины городовъ* (Бресція, Миланъ, Туринъ, Генуя, Парма, Венеція и т. д.) и *мелкія стихотворенія* названныя различными художественными памятниками Италіи. Въ видѣ особаго приложенія присоединенъ рядъ мастерскихъ переводовъ изъ новѣйшихъ италіанскихъ поэтовъ: Цедарина, Имбриани, Кардуччи, Таркетти и Стекетти. Новыя стихотворенія Гейзе прелестны. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести на выдержку двѣ картинки неаполитанскоі уличной жизни. Счастливый народъ! восклицаетъ авторъ, ты впитываешь любовь къ искусству съ молокомъ матери!

Im Museum.

Am Sonntag stets und Feiertags mitunter
Ist freier Eintritt hier. Das Volk in Schaaren
Strömt durch die Säle, froh, den Franc zu sparen,
Und gafft und staunt und lacht und plaudert munter.

Ein stattlich Bürgerweib sah ich darunter,
Das einen Säugling trug mit krausen Haaren
Und leider noch viel krauserem Gebahren;
Er strampfte, schrie und trieb es bunt und bunter.

Da, öffnend ihre volle Brust in Eile,
Im Weiterschreiten stillte sie den Schreier,
Indess sie selber sättigte die Augen.

Gesegnet Volk! Dir ward das Glück zu theile,
Den Sinn für Kunst in früher Sonntagsfeier
Schon mit der Milch der Mutter einzusaugen.

Поэтъ разговариваетъ съ молодою дѣвушкою на островѣ Капри:

Auf Capri.

Baarfüssig, braun, das Haar zerzaust vom Wind,
Trieb sie ihr Eselchen mit sonderbaren
Zurufen an. Da wir gesprächig waren,
So kü'st auch ihr das Zünglein sich geschwind.

„Concetta heiss ich. Hier auf Capri sind
Die meisten Mädchen hübsch. Vor wenig Jahren
Kam ein Milordo über's Meer gefahren,
Der nahm zur Frau sich ein Capreser Kind.

„Was half das Glück ihr? Weil's im Norden schneite,
Starb sie vor Frost und Heimweh, *poveretta!*
Der arme Herr! *Tanto carina* war sie!

„Man sagt nun komm' er wieder, sich die Zweite
Zu holen.“—Hattest du wol Lust, Concetta?—
Und sie, ganz ernsthaft: „*Ehl potrebbe darsi.*“

Метрические переводы греческих и римских поэтов, Гейбелъ.
Emanuel Geibel: *Classisches Liederbuch*. Griechen und Römer
in deutscher Nachbildung, Berlin, Hertz, 1879.

Нѣмецкая литература извѣстна своимъ обиліемъ превосходныхъ переводовъ древнихъ классиковъ. Переводы эти бываютъ особенно интересны и поучительны когда за нихъ берутся дѣйствительные поэты, пользующіеся громкою извѣстностью собственныхъ произведеній. Къ числу такихъ нѣмецкихъ поэтовъ принадлежитъ Гейбелъ, къ числу такихъ переводовъ его „передачи“, *Nachbildungen*, какъ онъ ихъ называетъ. Читатель встрѣтитъ здѣсь рядъ греческихъ лириковъ, Тиртея, Солона, Мимнерма, Архилоха, Алкея, Анакреона и т. д.; изъ римскихъ поэтовъ Гебелъ даетъ пятьдесятъ одъ, вѣсколько сатиръ и посланій Горация, элегій Тибулла, Проперція и Овидія. Изданіе чрезвычайно изящно. Переводы сдѣланы въ размѣрахъ подлинниковъ; нѣкоторыя стихотворенія переведены съ греческаго совмѣстно съ Курціусомъ. За достоинство книги ручается, помимо имени Гейбеля, уже и то обстоятельство что она выходитъ третьимъ изданіемъ.

Фейстеръ: *Исторія нѣмецкаго искусства*. Ernst Förster: *Die deutsche Kunst in Bild und Wort*, für Jung- und Alt, für Schule und Haus. Mit 146 Bildtafeln in Stahlstich. Leipzig Weigel, 1879.

Авторъ этого превосходнаго изданія извѣстный знатокъ нѣмецкаго искусства, написавшій уже вѣсколько капитальныхъ сочиненій. Теперь онъ задался цѣлью предтавить въ
т. склв.

картинахъ и описаніи памятники нѣмецкаго художественнаго творчества и сдѣлать какъ то такъ и другое доступнымъ для каждаго, для семьи и школы. Въ противоположность своей исторіи нѣмецкаго искусства въ *пяти томахъ*, Фёрстеръ излагаетъ здѣсь на 300 страницахъ ходъ развитія и судьбы искусства въ Германіи. „Исторія искусства каждаго народа, говоритъ Фёрстеръ, составляетъ такую существенную составную часть въ исторіи народной культуры, что ознакомленіе съ этою исторіей принадлежитъ къ условіямъ образованія точно такъ же какъ знакомство съ исторіей литературы.“ Это—великая истина, къ сожалѣнію, еще не вполне постигнутая не только у насъ, но даже въ Германіи. Фёрстеръ жалуется на то что даже среди образованныхъ людей господствуютъ совершенно неаппыя представленія о романскомъ, готическомъ, византійскомъ стилѣ, объ эпохѣ Возрожденія, о памятникахъ искусства и ихъ творцахъ. Въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи авторъ съ особою подробностью останавливается на времени до XVI столѣтія, такъ какъ въ этомъ періодѣ національное творчество Германіи оказывается болѣе дѣятельнымъ нежели въ послѣдующія эпохи. Онъ не касается новѣйшихъ произведеній нѣмецкаго искусства, ибо считаетъ ихъ знаменующими наступленіе новаго времени, о которомъ еще нельзя составить себѣ вполне законченнаго представленія. Рисунки приложенные къ книгѣ чрезвычайно интересны и невольно пробуждаютъ въ умѣ русскаго читателя рядъ сравненій и параллелей. Большинство читателей ознакомятся посредствомъ нихъ съ памятниками вѣроятно еще не бывшими имъ хорошо известными. При всѣхъ достоинствахъ этого изданія, общедоступность его, къ сожалѣнію, затрудняется высокою цѣной: книга стоитъ въ переплетѣ 40 рублей; это объясняется дороговизною гравюръ, превосходною бумагой и чрезвычайно прочнымъ переплетомъ.

Новый метрическій переводъ [индусскихъ драмъ. Indisches Theater. Sammlung indischer Dramen in metrischer Uebersetzung von Ludwig Fritze. Dritter Band: Mricchakatika, oder das irdene Wägelchen, ein indisches Schauspiel. Chemnitz, Schmeitzner, 1879.

Подъ названіемъ „индусскій театр“ въ Германіи выходитъ собраніе индусскихъ драмъ въ метрическомъ нѣмецкомъ переводѣ Лудвига Фритце. Первый томъ заключалъ въ себѣ переводъ *Сакунталы*, во второмъ былъ помѣщенъ пере-

водъ драмы *Ратнавали* или „жемчужное ожерелье“, третій, только что появившійся томъ даетъ намъ переводъ драмы *Мритчакатика*. Драма эта переведена уже на англійскій языкъ (Н. Н. Wilson: *Select specimens of the Theatre of the Hindus*), на французскій (*Paul Regnaud, Paris, 1876—1877*), на датскій (*Brandes, Коленгагенъ, 1870*); кромѣ того извѣстный Бётлингкъ издалъ въ 1877 году въ Петербургѣ переводъ этой драмы на нѣмецкій языкъ. Появленіе этого послѣдняго труда совершенно устранило бы переводъ Фритце, еслибы самъ Бётлингкъ не посоветовалъ ему продолжать начатое уже дѣло. „Мой переводъ,“ говоритъ Фритце, „возникъ совершенно независимо отъ перевода Бётлингка; послѣдній разчитанъ главнымъ образомъ на ученыхъ специалистовъ и представляетъ собою сводъ всѣхъ научныхъ изслѣдованій касающихся *Мритчакатики*; это комментарий, тогда какъ мое стараніе состояло въ томъ чтобы придать прочно установленному матеріалу надлежащую поэтическую форму и доставить обширному кругу читателей то же наслажденіе которое доставляетъ чтеніе самого оригинала.“

По словамъ Фритце, ни одна индусская драма не даетъ читателю въ такой мѣрѣ какъ *Мритчакатика* такого обширнаго представленія о нравственныхъ воззрѣніяхъ и принципахъ различныхъ классовъ Индускаго народа. *Ce drame suffirait presque à lui seul pour permettre une restitution de la société de l'Inde et de ses usages à l'époque où il a été composé*, говоритъ про эту драму Реньо. Вотъ въ короткихъ словахъ содержаніе *Мритчакатики*.

Въ богатомъ городѣ Удшаива царствовалъ некогда король Палака. Онъ не обращалъ вниманія на законы и обычаи и позволялъ своему зятю Самстганаку, необразованному и развратному человѣку, совершать всевозможныя преступныя дѣянія. Жители были этимъ очень недовольны; на нихъ произвело очень сильное впечатлѣніе предсказаніе одного прорицателя о томъ что на престолъ скоро вступитъ молодой пастухъ Ариака. Тогда король приказалъ схватить молодаго пастуха и посадить его въ тюрьму.

Самстганака искалъ расположенія Васантасены, прекрасной и богатой баядерки, обладавшей благороднымъ характеромъ. Она презирала свой образъ жизни и была баядеркою не по легкомыслію или призванію, но потому что по рожденію безповоротно принадлежала къ этому сословію. Васанта-

сена презирала также и зятя короля Палаки; сердце ея принадлежало Чарудаттѣ, кулцу обдѣланному вслѣдствіе своей щедрости; въ свою очередь Чарудатта любилъ Васантасену. Узнавъ про ихъ любовь, Самстганака возненавидѣлъ Чарудатту и началъ искать средствъ какъ бы его погубить. Однажды Чарудатта и Васантасена сговорились встрѣтиться въ саду принадлежавшемъ Самстганаку, но открытомъ для всѣхъ. По странному сдѣланію обстоятельствъ Ариака, освобожденный своими друзьями, воспользовался для бѣгства повозкой Чарудатты въ которой Васантасена должна была ѣхать въ садъ. Ариака открылся Чарудаттѣ и тотъ далъ ему возможность совершенно спастись въ принадлежавшей ему повозкѣ. Между тѣмъ Васантасена съѣла по ошибкѣ въ повозку Самстганаки и явилась въ садъ послѣдняго. Самстганака подумалъ сначала что Васантасена измѣнила свой прежній образъ мыслей и чувствъ; узнавъ что прекрасная баядерка все также презираетъ его, онъ въ гнѣвѣ приказалъ своимъ слугамъ убить ее. Тѣ съ негодованіемъ отказались. Тогда Самстганака лукаво удалил ихъ, задушилъ Васантасену и, когда въ ней повидимому уже не оставалось признаковъ жизни, закрылъ ее тѣло сухими листьями. Затѣмъ онъ отправился въ городъ и началъ предъ судомъ обвинять Чарудатту какъ убійцу Васантасены. Всѣ улики были противъ Чарудатты; его приговорили къ смертной казни. Но Васантасена не умерла. Она была приведена въ чувство факиромъ-нищимъ которому когда-то оказала благодаріе; по дорогѣ въ городъ она встрѣтила толпу народа сопровождавшаго Чарудатту на мѣсто казни. Невинность Чарудатты обнаружилась. Между тѣмъ Ариака убилъ короля Палаку и сталъ царемъ. Онъ своею властію изгналъ Васантасену изъ ея прежняго званія, такъ что она могла стать женою Чарудатты. Послѣдній простилъ Самстганаку, выборъ казни для котораго былъ предоставленъ на его волю.

Такова канва драмы. Быть-можетъ не всѣмъ извѣстно что два французскихъ писателя, Мери и Жераръ де-Нерваль, переложили *Мрмчакатюку* въ пяти-актную драму которая подъ названіемъ *Le Chariot d'enfant* въ первый разъ была представлена на парижскомъ театрѣ *Одеонъ* 13 мая 1850 года.

Ежегодник немецкаго театра. Jahrbuch für das deutsche Theater, eine umfassende Rundschau über die Zustände und Ereignisse auf theatralischen und verwandten Gebieten während des letzten Theaterjahres, von Joseph Kürschner. Erster Jahrgang. Vom 1 October 1877 bis zum 30 September 1878. Leipzig, Foltz, 1879

Большой томъ въ 300 саишкомъ страницъ. Простое изложене содержанія покажетъ читателямъ какую массу интереснаго матеріала удалось собрать здѣсь автору. Онъ даетъ въ своемъ ежегодникѣ:

1. Хромику по мѣсяцамъ и днямъ.
2. Некрологъ всѣхъ актеровъ, музыкантовъ, певцовъ, пѣвицъ, декораторовъ, директоровъ, драматическихъ писателей, критиковъ и т. д. умершихъ въ отчетномъ году.
3. Юбилейныя и тому подобныя торжества.
4. Столѣтія и тому подобныя замѣчательныя дни. Такъ мы узнаемъ что 17 декабря 1877 года исполнилось сто лѣтъ съ того дня какъ въ Берлинѣ въ первый разъ представлень былъ *Гамлетъ*. Успѣхъ драмы былъ такъ великъ что въ 1782 году въ Германіи появились даже особыя игральныя карты съ фигурами изъ *Гамлета*.
5. Памятники и различныя учрежденія въ воспоминаніе о замѣчательныхъ людяхъ.
6. Присужденіе премій и объявленіе конкурсовъ на ихъ полученіе.
7. Отличія, назначенія, производства.
8. Состояніе и дѣятельность различныхъ обществъ: германскаго общества драматическихъ писателей и композиторовъ, германскаго общества оценическихъ артистовъ, общества для воспитанія бѣдныхъ дѣтей актеровъ, общества германскихъ театральныхъ директоровъ, общества нѣмецкихъ музыкантовъ и т. д.
9. Юрисдикція и законы касающіяся театра. Различныя процессы и рѣшенія судовъ.
10. Театральныя и музыкальныя школы Германіи, ихъ исторія, программы, составъ и статистика.
11. Пожары театровъ.
12. Новыя пьесы (656) съ разборомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ.
13. Нѣмецкія оперы.
14. Литература театра. Сюда входятъ: рецензіи новыхъ драмъ; всѣ новыя сочиненія по драматургіи, исторіи и техникѣ теа-

трагическаго искусства, альманахи, календари, портреты и т. д., съ краткимъ разборомъ каждаго новаго явленія; перечень статей въ газетахъ и журналахъ.

15. Свѣдѣнія и замѣтки не подходящія къ выше приведеннымъ рубрикамъ, какъ, напримѣръ, сезонъ италянскон оперы, представленія прѣзжихъ труппъ и артистовъ и т. д.

16. Списокъ нѣмецкихъ театровъ.

Какая обширная, дѣльная и интересная программа! Какъ-желательно и полезно было бы имѣть *русскій театральнѣй ежесгодникъ*, въ который могло бы войти большинство изъ перечисленныхъ выше рубрикъ. Замѣтимъ что книга Кюршиера составлена въ высшей степени добросовѣстно и представляетъ собою чрезвычайно полную и подробную справочную книгу для всѣхъ кто интересуется нѣмецкою драматургическою и судьбою театра въ Германіи.

Künstlerheim. Festgeschenk für Freunde der Kunst, München, 1880
Zweite Sammlung.

Подъ названіемъ *Künstlerheim* второй годъ кряду появляется въ Мюнхенѣ прелестная коллекція состоящая изъ 25 оригинальныхъ рисунковъ лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ. Рисунки эти сдѣланы свинцовымъ карандашомъ, углемъ, перомъ, мѣломъ, и затѣмъ фотолитографированы. Фотолитографію исполнены въ заведеніи *Römmler und Jonas* въ Дрезденѣ и представляютъ такое мастерское воспроизведеніе техники оригинала что нѣтъ возможности отличить печатный ли предъ вами рисунокъ или же дѣйствительно сдѣланный карандашомъ и углемъ. Въ составѣ новой коллекціи встрѣчаются имена *Каульбаха* (3 рисунка), *Лиценмейера* (2 рисунка), *Бейшлага*, *Ленбаха*, *Лоссова*, *Горшельта*, *Циммермана*, *Брандта* и т. д. Рисунки чрезвычайно изящны и представляютъ дѣйствительное художественное достоинство. Содержаніе ихъ весьма разнообразно. Тутъ есть сюжеты чисто фантастическіе, есть головки, животныя, ландшафты, есть превосходный портретъ князя Бисмарка, работы извѣстнаго Ленбаха; большинство рисунковъ принадлежитъ къ области жанра. Въ отаичномъ портфельѣ всѣ 25 рисунковъ стоятъ 15 рублей.

L'Art contemporain. Peintres et sculpteurs. Paris, ateliers de reproductions artistiques.

Еженедѣльное изданіе въ формѣ выпусковъ заключающихъ въ себѣ двѣ превосходно сдѣланныя фототипическія коніи съ лучшихъ произведеній появляющихся на парижскихъ выставкахъ и въ мастерскихъ парижскихъ живописцевъ и скульпторовъ. Цѣль изданія—популяризовать произведенія французскихъ художниковъ; сообразно съ этимъ каждый выпускъ стоитъ только *полтора франка*, несмотря на то что за эту цѣну покупатель получаетъ два большихъ рисунка, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности стоилъ бы по крайней мѣрѣ столько же сколько платится здѣсь за оба. Каждый выпускъ продается отдѣльно. Въ составъ появившихся уже 22 выпусковъ вошли, между прочимъ, слѣдующія картины: *Retour du bal* Жервекса, *Jour de fête* Гарье, *Le Soir sur les terrasses* Бенжамена Констана, *Le coup de l'etrier* Гроса, *L'appel des Girondins* Фламенга, *Eclaireurs d'avant-garde* Деталя, *La victime du-Reveillon* Гамото, и множество другихъ. Коллекція эта очень интересна для изученія современной французской школы живописи, весьма доступна по цѣнѣ и замѣчательна своимъ прекраснымъ исполненіемъ. Нужно искренно желать чтобы подобнаго рода изданіе было предпринято для произведеній русскихъ художниковъ. При одинаковыхъ условіяхъ исполненія и цѣны, такому русскому изданію заранѣе можно предсказать большой успѣхъ.

Faust - Illustrationen von Gabriel Max. Zehn Zeichnungen, in Holzschnitten von Bren'damour und Hecht. Mit einleitendem und erläuterndem Text von Richard Gosche. Erste Lieferung. Berlin, Grote, 1879.

Illustrationen zu Goethe's Faust, von A. v. Kreling. Nach den Original-Gemälden photographirt. Cabinet-Ausgabe. München, Bruchmann.

Извѣстный нѣмецкій художникъ-мистикъ Габріель Максъ уже лѣтъ десять тому назадъ предпринялъ циклъ иллюстраціи къ Гётевскому *Фаусту*. Полный циклъ не состоялся. Художнику мѣшали въ окончаніи его другія занятія. Въ настоящее время предпринято изданіе тѣхъ десяти рисунковъ которые пока составляютъ все что вышло изъ-подъ каранда-

даша Макса для иллюстраціи *Фауста*. Въ особомъ текетѣ будетъ заключаться исторія живописныхъ воспроизведеній *Фауста*, характеристика Габріеля Макса и, наконецъ, отношеніе его иллюстрацій къ ряду всѣхъ остальныхъ. Изданіе выходитъ выпусками въ два рисунка и одинъ листъ текста *in folio*. Всѣхъ выпусковъ *пять*. Цѣна изданію 15 руб.

Въ отличіе отъ гравюръ и фотографій, иллюстраціи Макса исполнены *ксилографическимъ* способомъ, но рѣзба по дереву доведена теперь до такого изумительнаго совершенства, что ксилографіи Бреддамура почти не отличаются отъ гравюръ. Въ двухъ рисункахъ перваго выпуска предъ нами изображены Фаустъ и Мефистофель. Рисунки эти уже достаточно характеризуютъ совершенно своеобразное отношеніе Макса къ избранному имъ сюжету. На первомъ рисункѣ изображенъ Фаустъ въ ту минуту когда онъ слышитъ въ раскрытое окно лѣніе хора вознѣщающаго Воскресеніе Христа. Въ противоположность другимъ художникамъ, обыкновенно рисующимъ предъ нами лабораторію Фауста, Максъ представляетъ лишь одно громадное, высокое растворенное окно. Въ окно это льется утренній свѣтъ; горизонтъ золотится ужь первыми лучами солнца; небо чисто; по воздуху несется съ веселымъ щебетаніемъ маленькая птичка; другая сидитъ въ своемъ гнѣздѣ на каменномъ выступѣ самаго окна. Въ окно видна церковь; въ перспективѣ раскинулись дома, вдали тянутся горы. Фаустъ ловикъ годовую на руки положенная на окно; самъ онъ стоитъ на колѣнахъ спиной къ зрителю. Художникъ удивительно изобразилъ чарующую и манящую предестъ весенняго утра. Съ необыкновенною глубиной и тонкостію художественнаго замысла онъ даетъ намъ почувствовать тѣ впечатлѣнія которыя заставляютъ Фауста произносить слова составляющія подпись и тему картины:

Раздайтесь вновь, святые звуки рай!

*Слеза течетъ, жила мнѣ узкимъ земляка!**

На второмъ рисункѣ изображенъ Мефистофель сидящій въ одеждѣ Фауста за рабочимъ столомъ послѣдняго. Это та минута когда Фаустъ уже произнесъ свое знаменитое проклятіе и готовится уйти за Мефистофелемъ. Но предварительно послѣдній еще будетъ бесѣдовать со школьникомъ.

* *Фаустъ*, два пролога и первые 15 сценъ. Перевелъ И. Павловъ. Москва, 1875, стр. 37.

Лицо Мефистофеля поразительно. Это совершенно другой типъ вежели тотъ подъ которымъ мы обыкновенно привыкли встрѣчать эту фигуру. Ни демоническихъ бровей, ни волось рожками. Но какъ характерно это лицо! Какимъ холоднымъ и злымъ разумомъ сверкають эти глаза, съ какимъ презрѣніемъ сжались эти тонкія губы, какимъ презрѣніемъ дышетъ это ловидимому совершенно *спокойное* лицо!

Смотри съ презрѣніемъ на разумъ и на знанье,
 На это высшее людское достоянье;
 Дай дуку жи лукавымъ коловствомъ
 Запутать мысль твою въ обманъ роковымъ—
 Тогда ужъ нѣтъ тебѣ спасенья. *

Такова подпись подъ картиною. Удивительно характеристичны руки Мефистофеля. Одна изъ нихъ гнѣвно сжата въ кулакъ, длинныя и тонкія пальцы другой какъ будто хватають невидимую добычу. Достаточно взглянуть на эти руки чтобы понять кто сидитъ здѣсь въ одеждѣ и шалкѣ Фауста. Изданіе рисунковъ Макса будетъ принадлежать къ числу самыхъ интересныхъ и и своеобразныхъ иллюстрацій къ великой поэмѣ Гёте.

Извѣстные рисунки Крединга къ Гётевскому *Фаусту* вышли теперь въ коллекціи фотографій кабинетнаго формата, и сдѣлались такимъ образомъ доступными по своей цѣнѣ. Вся коллекція въ 14 фотографій стоить въ портфель 8 рублей. Чрезвычайно интересно будетъ сравнить между собою сходныя по сюжетамъ картины Макса и Крединга. Для этого необходимо имѣть предъ собою вполне оконченное изданіе иллюстрацій Макса.

Хивинскій Походъ. Альбомъ хромолитографій, исполненныхъ заведеніемъ Вилкельмана и Штейнбока въ Берлинѣ, по рисункамъ Н. Н. Каразина. Цѣна 18 рублей, съ пересылкою 20 руб.

Мы всё говоримъ про Хивинскій походъ, про стелы, зной, лесокъ, солончаки, отсутствіе воды, про всё тѣ трудности и лишения которыя пришлось испытать нашимъ войскамъ въ этомъ походѣ. Едвали кто-нибудь изъ насъ имѣеть ясное представленіе о природѣ и обстановкѣ окружавшихъ наши

* Тамъ же стр. 83.

войска въ Хивѣ. Такое представленіе даетъ намъ альбомъ рисунковъ Каразина, превосходно хромолитографированныхъ съ акварелей художника известнымъ берлинскимъ заведеніемъ Штейнбока и Винкельмана. Только здѣсь мы наглядно знакомимся съ тѣмъ что такое хивинскій *песокъ*, хивинскій *эной*, хивинскіе *солончаки* и *горы*. Г. Каразинъ въ цѣломъ ряду эскизовъ сдѣланныхъ съ натуры рисуетъ намъ сцены изъ Хивинскаго похода и жизни нашего войска въ Хивѣ. Мы видимъ *перевалъ артиллеріи и верблюжьяго обоза черезъ горы Аристанъ-бель-тау*, присутствуемъ *на парадъ предъ воротами дворца Хивинскаго хана*, *при ночномъ сраженіи подъ Чандыроль*, участвуемъ вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ въ ночномъ переходѣ *по замерзшимъ солончакамъ*, когда блѣдная луна заставляетъ безконечную степь казаться еще печальнѣе и унылѣе, видимъ *зимній ночлеги въ кибиткахъ*. Посмотрите: вотъ предъ вами желтое, раскаленное небо, желтый, раскаленный сыпучій песокъ въ которомъ тонуть по колѣна люди и лошади! По этому зыбкому песку, между этихъ песчаныхъ холмовъ тянется колонна и везутъ артиллерію. Земля усыяна лавшими верблюдами и лошадьми; нигдѣ ни травинки, ни капли воды, ни признака жилья. Эной и песокъ. Наступаетъ ночь. Поднимается ураганъ. Все небо задернуто грозными тучами, вихрь крутитъ песокъ и несетъ его цѣлыми облаками, рветъ палатки, засыпаетъ людей. А тутъ „тревога“, непріятель, стычка....

Рисунки г. Каразина соединяютъ въ себѣ интересъ мастерски набросанныхъ эскизовъ съ интересомъ удовлетворенія нашей любознательности относительно природы Хивы и обстановки которыя окружали тамъ наши войска. Рисункамъ этимъ нужно пожелать между русскою лубликой еще большаго успѣха нежели какой они несомнѣнно будутъ имѣть за границей. Мы, Русскіе, иногда недостаточно цѣнимъ то что выходитъ изъ-подъ кисти и пера нашихъ художниковъ, и часто позволяемъ иностранцамъ опередить насъ какъ въ интересѣ къ нашимъ произведеніямъ, такъ и въ благопріятномъ сужденіи о нихъ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

20 ноября 1879.

Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, когда *Das Bischen Herzegowina* разыграла роль искры отъ которой произошелъ большой пожаръ, глава Англійскаго правительства занималъ самое видное положеніе и всеобщее вниманіе было устремлено на лорда Беконсфильда: „что-то онъ скажетъ“, спрашивали себя дипломаты, журналисты, любопытствующая публика. И дѣйствительно, всякій разъ какъ руководитель Британскаго кабинета поздравлялъ лондонскаго лорда мера со вступленіемъ на должностъ или на какомъ-нибудь банкетѣ благодарилъ за тостъ въ честь министровъ ея величества, онъ краснорѣчиво излагалъ *лицевую сторону* своей политики по Восточному вопросу, стремящуюся къ „защитѣ свободы и цивилизаціи Европы, цѣлости и независимости Оттоманской имперіи“ и проч. и проч. Онъ не скрывалъ благороднаго негодованія противъ тѣхъ державъ которыя, не зная предѣла своимъ завоевательнымъ цѣлямъ, нарушаютъ спокойствіе Европы подъ предлогомъ защиты какихъ-то единовѣрцевъ единоплеменниковъ, не умѣющихъ оцѣнить отеческаго управленія довольствующагося вырѣзываніемъ *какихъ-нибудь 10-15 тысячъ душъ*, вмѣсто 50 тысячъ, къ чему имѣлась полная возможность и основаніе. Онъ, благородный лордъ, при всемъ своемъ миролюбивомъ, безкорыстномъ направленіи въ политикѣ, вынужденъ однако со всею энергіей противиться дѣйствіямъ угрожающимъ

„свободѣ“ и т. д., хотя бы для этого пришлось вести двѣ, три кампаніи и изстратить много денегъ, коихъ впрочемъ у Англіи такъ много что за ними дѣло не станетъ.

Благодаря такимъ рѣчамъ, производившимъ зачастую желаемое дѣйствіе, словъ оратора стали ожидать повсемѣстно съ напряженнымъ нетерпѣніемъ. Такъ было и въ концѣ прошлаго мѣсяца, когда у новаго лорда мера долженъ былъ состояться обычный банкетъ. 30 октября телеграфъ разнесъ по всему свѣту сущность рѣчи произнесенной наканунѣ лордомъ Беконсфилдомъ и—какъ времена измѣняемы!—послѣдовало всеобщее разочарованіе, не измѣнившееся и съ полученіемъ полного текста этой рѣчи. Куда дѣвались огонь и сила, грозныя предваренія и рѣдкое остроуміе, эффектные фразы и краткіе періоды, дававшіе однако тему для длинныхъ газетныхъ разсужденій? Все это замѣнено какою-то бездѣлною рѣчью, не то благодушно провизирующею о тщетѣ суеты мірской, не то старающеюся избѣгать затрогиванія наиболѣе интересныхъ вопросовъ, по коимъ въ данную минуту даже ему, оратору не особенно стѣсняющемуся требованіемъ истины, ничего удовлетворительнаго и положительнаго сказать невозможно. Тонъ пониженъ; о Россіи, Турціи, положеніи восточныхъ дѣлъ, ни слова; о „новомъ евангеліи“ созданномъ въ Вѣнѣ княземъ Бисмаркомъ никакого намека, хотя ближайшій помощникъ оратора маркизъ Соасбери только нѣсколькими днями раньше возвыщалъ объ этой „гой вѣсти“ какъ „великой радости“ для Англіи... Никакихъ эффектовъ, если не считать удовольствія по поводу быстрого отмщенія виновникамъ избіенія посольства Кавеньяри въ Кабуль. * Говорилось объ улучшеніи торговыхъ дѣлъ въ Англіи, о неразуміи Ирландцевъ, возбуждающихъ волненія и безпокойства по поводу плохаго урожая картофеля, говорилось даже о развитіи производства химическихъ продуктовъ. Въ заключеніе ораторъ добавилъ что хотя Европа и покрыта милліонами вооруженныхъ людей, онъ надѣется и полагаетъ что миръ

* Кстати сказать, по собственному сознанію генерала Робертса, отмщеніе было чисто англійское: почтенный генералъ приказалъ казнить всѣхъ *связанныхъ мальчишекъ* и отдавъ приказъ въ этомъ смыслѣ своей кавалеріи, а въ Эостской долинѣ одиннадцать деревьевъ были истреблены до основанія, то-есть съ *жестынами* и *дѣтьми* *включительно!*...

будетъ сохраненъ, и что пока могущество и совѣты Англiи ощущаются въ совѣтахъ Европы, миръ будетъ сохраненъ на долгій періодъ; безъ присутствiя же этихъ факторовъ война, какъ это бывало прежде и слишкомъ часто въ послѣднее время, кажется ему, оратору, неизбежною; что, *impregium et libertas*—наилучшая программа для правительства ея величества.

Немного нужно провидѣтельности чтобы видѣть фальшь всѣхъ этихъ разглазговъ. Теперь, когда Ирландiя усиливаетъ свои волненiя до того что съ минуты на минуту нужно ждать кровавыхъ столкновенiй съ войсками, когда недостатокъ хлѣба вызвалъ большое повышенiе цѣны и общiй ропотъ, а дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ достигъ круглыхъ размѣровъ—60 милліоновъ рублей, когда въ Африкѣ новые противники открываютъ враждебныя дѣйствiя; въ Бирмѣ ожидаются столкновенiя, въ Афганистанѣ перядочный хаосъ и далеко до обезпеченности положенiя, не говоря о возможности ихъ усложненiя внимательствомъ Россiи; а въ Турціи желанiе прибрать все къ своимъ рукамъ, превратиться въ единственнаго ховлина и насажденика, встрѣчается, какъ кажется, мало предвидѣнныя прелатствiя,—весь этотъ оптимизмъ и самоодобренiе своихъ дѣланiй также фальшивы какъ и хвастливое увѣренiе что миръ Европы невозможенъ безъ внимательства и совѣтовъ могущественной Англiи. Въ этомъ отношенiи лучшаго отвѣта оратору нельзя дать какъ повторенiемъ словъ газеты *Times*: „миръ Европы гораздо болѣе былъ бы обезпеченъ еслибъ онъ *меньше завистель* отъ Англiи“. Явительно и неоспоримо вѣрно: кто же и довелъ до послѣдней войны Россiю съ Турціей какъ не Англiя, отказавшаяся отъ принятаго всею остальною Европою берлинскаго меморандума? Кто подстрекалъ Турцію не соглашаться на самыя свисходительныя требованiя нѣкоторыхъ реформъ въ управленiи ея христіанскими подданными? Кто ободрялъ Порту грозными возгласами стоять за ея цѣлость и независимость? Кто морочилъ ее демонстраціями своихъ флотовъ, кто наводилъ ее скопищемъ своихъ агентовъ, не стѣсняящихся лускать въ ходъ вожицы и фальшивыя донесенiя, угрозы и подкулы, вовлекать въ неоплатимыя долги и олутывать всѣми возможными сѣтями? Кто свергъ Турцію въ ту бездну гдѣ она очутилась теперь? И это называется поддержанiемъ мира посредствомъ совѣтовъ

и вліянія Англіи! Какое кощунственное лицемеріе! Но такова сила ловкихъ фразъ, ловкаго лuskanія тумана на подкладкѣ свободы, гуманности, цивилизаціи и проч., искусство окружить себя большою свитой своихъ и чужихъ закупленныхъ журналистовъ, что девять десятыхъ европейской публики поддаются этимъ риторическимъ фокусамъ и, при традиціонной враждебности ко всему русскому и славянскому, поддакиваютъ англійской джи, нравственно ее поддерживаютъ и служатъ торжеству нахадьства и насилія противъ очевидной правды и справедливости.

Когда, по инициативѣ Россіи, державы согласились потребовать у Турціи нѣкоторыхъ улучшеній въ положеніи ея христіанскихъ подданныхъ, нѣкотораго возмездія Боснякамъ за истребленныя села и посѣвы и наказанія нѣкоторыхъ чрезуцуръ ужь свирѣлствовавшихъ и кулавашихся въ болгарской крови нашей, въ родѣ Шевкета и другихъ, — досточтимые лорды сочли это нарушеніемъ державныхъ правъ султана, вмѣшательствомъ въ его внутреннія дѣла, нарушеніемъ независимости его имперіи и потому не согласились присоединиться къ протоколу составленному въ Берлинѣ, чѣмъ разстроили послѣднюю возможность мирнаго исхода дѣла. Теперь же, когда Боснія и Герцеговина со всемъ отваты у Турціи, сѣверная Болгарія освобождена, а южная обезпечена отъ появленія Шевкетовъ; когда, кромѣ Армявъ Малой Азіи, разоряемыхъ разбойниками Курдами, вообще остатки христіанскихъ подданныхъ султана сравнительно отдыхаютъ, — теперь тѣ же лорды настойчиво, съ ножомъ къ горлу, пристають къ Портѣ, требуя реформъ гораздо болѣе радикальныхъ чѣмъ тѣ какія предполагались тогда, въ началѣ 1877 года? До войны, Порта была и нравственно, и матеріально сильнѣе, легче могла сдѣлать что-нибудь для облегченія христіанскаго населенія, безъ особеннаго ущерба своему обаянію, и тогда реформъ не требовалось. Теперь, когда Турецкое правительство доведено до крайней нужды и почти безвыходнаго положенія, борется съ финансовыми и политическими затрудненіями, забыто не только о цѣлости и независимости, но даже о простомъ свисхожденіи къ находящимся въ несчастіи; самымъ рѣзкимъ, грубымъ образомъ требуются реформы, дѣлаются угрозы, двигается флотъ, а стороной даже намечается на лишеніе султана престола, какъ будто онъ уже окончатель-но сталъ англійскимъ вассаломъ?

Дѣло въ томъ что до войны Англійскому правительству реформы были не нужны и не желательны; онѣ устранили бы возможность войны, отъ коей ожидалось для Россіи пораженіе даже одними турецкими войсками, съ несыханною щедростью снабженными всѣми военными запасами, оружіемъ, совѣтниками. Вотъ почему два года тому назадъ, требованіе реформъ было посягательствомъ на независимость султана, на свободу и цивилизацію Европы; а теперь,—теперь, дѣло другое, теперь онѣ актъ высокой гуманности со стороны Ангаіи, шествующей впереди человечества! Теперь вся Европа должна уже съ энергіей поддерживать дѣло о реформахъ, и если султанъ держаетъ колебаться, медлить, не находить ни денегъ, ни людей нужныхъ для введенія реформъ, то тутъ нечего стѣсняться и,—какой прекрасный предлогъ,—съ одной стороны показать восточнымъ христіанамъ свою высокую цивилизаторскую роль, а съ другой свое могущество не чета какому-нибудь русскому, и вмѣстѣ съ дѣломъ о реформахъ прибрать къ своимъ рукамъ всю Турцію, конечно, ислодоволь, съ употребленіемъ разныхъ хитрыхъ маневровъ, прикрывающихъ самую суть обрабатываемаго дѣльца... Вотъ при этомъ всѣ эти Бекеры, въ роли начальниковъ жандармеріи, инспекторовъ реформъ, консуловъ, собирателей налоговъ, контролирующихъ судебные приговоры и т. п., сослужать свою службу и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вопервыхъ, подготавливать почву къ окончательному переходу страны въ англійскія руки, вовторыхъ, такъ укрѣплять и усилать средства обороны чтобы Россіи уже не представлялось ни малѣйшаго шансовъ сдѣлать хотя бы шагъ впередъ изъ теперешнихъ ея позицій... Мало того, эти ловкіе, не стѣсняющіеся въ своихъ дѣйствіяхъ агенты, вотулающіе въ союзъ гдѣ нужно и съ разбойничьими шайками, берущіе то лодкуломъ, то угрозой, то наглостью, не улустать ни единого случая возбуждать населеніе соседнихъ мѣстностей противъ русскаго управленія и готовить намъ постоянныя затрудненія.

Въ послѣднее время, какъ читатели могли видѣть изъ газетъ, все повторялись извѣстія то объ угрозахъ Ангаіи лишить Турцію своего покровительства, то о движеніи ея флота изъ Мальты въ Босфоръ; Портъ давался ультиматумы съ десятидневнымъ срокомъ, козвенно намекалось даже о сверженіи султана; адмиралъ Горьби со своею эскадрой то уже двигался къ Босфору, то стоялъ подъ парами у Мальты;

можно было ожидать катастрофы... Но видно нѣкоторая нетерпѣливая торопливость, всегда замѣчаемая у хищниковъ близко подошедшихъ къ добычѣ, неможно испортить дѣло; пришлось отступить, прикрывъ отступление въ газетѣхъ лубяки самымъ простымъ избитымъ маневромъ: отрицаніемъ очевиднаго; знать де не знаю, вѣдать не вѣдаю. Съ этою дѣлю въ министерской газетѣ *Morning Post* появилась замѣтка: 1) мы отрицаемъ безусловно послыску Портъ ультиматума, 2) назначеніе десятидневнаго срока для отвѣта на ультиматумъ, 3) приказаніе эскадрѣ отправиться въ четырехдневный срокъ въ турецкія воды и отбытію этого приказанія, 4) требованіе Англіей уступки порта въ Черномъ Морѣ, 5) *заключеніе союза между государствами Балканскаго полуострова*. Какъ сюда попалъ этотъ пунктъ? Можно подумать что Лондонскій кабинетъ желаетъ убѣдить Европу что онъ не грозилъ Портъ фактомъ, не требовалъ себѣ въ Черномъ Морѣ порта и не старался составить союза балканскихъ княжествъ.... Да кто же заподозритъ Англію въ такомъ предпріятіи какъ союзъ княжествъ? Подобный союзъ былъ бы благомъ для христіанскихъ населеній Европейской Турціи, гарантіей упроченія политической и экономической жизни самихъ княжествъ и большою радостью для Россіи, и потому самому ни Австро-Венгерія со своею союзницею Германіей, ни Англія подобнаго союза и допустить не желаютъ; но такъ какъ въ послѣднее время, въ числѣ извѣстій распространяемыхъ газетами, особенно вѣнскими, неоднократно повторялось что союзъ княжествъ состоялся въ Бѣлградѣ и что опроверженіямъ этихъ извѣстій со стороны сербскаго министра Ристича не слѣдуетъ давать вѣры, то для успокоенія англійской лубяки министерскій органъ въ число отрицаемыхъ пунктовъ включилъ и этотъ. А не слѣдуетъ забывать что *Morning Post* болѣе всѣхъ англійскихъ газетъ содѣйствовалъ распространенію отрицаемыхъ слуховъ. Итакъ, совершилось вынужденное легкое отступление, скрашенное пуценымъ въ русскую сторону намекомъ на счетъ не состоявшагося, столь намъ желательнаго союза княжествъ. Затѣмъ уже появились извѣстія объ устраненіи всѣхъ поводовъ къ неудовольствіямъ между Портою и Англією, о возобновленіи искреннѣйшей между ними дружбы, о назначеніи Бекера на важный постъ вводителя реформъ въ Малой Азіи и проч. Очевидно, Англія не встрѣтила въ остальной

Европѣ сочувствія своимъ вождѣніямъ, а въ Портѣ встрѣтила довольно рѣшительный отпоръ, къ чему въ Лондонѣ вовсе не привыкли. Не новое ли это доказательство что уступчивость блаетъ, а стоить заговорить рѣшительнѣе, то даже противъ Порты слышать пасовать.

Что касается союза Балканскихъ княжествъ, то мы готовы повѣрить отрицанію лондонской газеты: при такомъ количествѣ могущественныхъ, враждебныхъ олекуновъ и соглядатаевъ, держащихъ въ своихъ рукахъ торгово-промышленные и экономическіе интересы этихъ маленькихъ государствъ, дѣйствительно трудно имъ совершать что-нибудь неугодное этимъ олекунамъ, тѣмъ болѣе что и сами княжества во многомъ не вполне между собою согласны и не могутъ отрѣшиться отъ розни и мелкаго соперничества. Но мы увѣрены что отсутствіе заранѣе заключаемыхъ, писанныхъ союзовъ едва ли помѣшаетъ этимъ княжествамъ, въ случаѣ нужды, слѣститься въ союзъ такъ-оказать экспромптомъ: всякая опасность одному изъ нихъ будетъ явною опасностью прочимъ, и потому чувство самосохраненія заставитъ ихъ слѣститься съ увѣренностью въ поддержкѣ со стороны Россіи.

Всѣмъ остальнымъ пунктамъ опроверженія мы положительно не вѣримъ. Отложить не значитъ отказаться. Виноградъ, оказавшійся зеленымъ въ 1879 году, можетъ-быть созрѣть въ 1880 году. Не таковы руководители англійской политики, не легко отказываются отъ давно желѣемыхъ цѣлей. Серіознаго сопротивленія ихъ планамъ можно ожидать только со стороны Россіи, и всѣ мѣры къ парализованію этого сопротивленія или по крайней мѣрѣ къ поставленію ему самыхъ трудныхъ прелатетвій будутъ съ энергическою настойчивостью продолжаться. Съ остальными же державами можно надѣяться сторговаться и ударить по рукамъ, удовлетворивъ одного насчетъ другаго, проведя одного за вось обѣщаніями, отвѣкши третьяго въ рѣшительную минуту какимъ-нибудь внутреннимъ кризисомъ и т. п. Изобрѣтательности въ такихъ случаяхъ лордамъ не занимать стать. Да наконецъ нужно же что-нибудь оставить на долю счастливой случайности, всегда являвшейся на помощь Англіи въ самое нужное время...

Россія не можетъ услокаиваться отѣжкиваньями и всякими хитро придумываемыми маневрами британскихъ государственныхъ людей. Сколько бы ни старались чьие наши публицисты

пронизировать надъ неудачными якобы ходами англійскихъ политиковъ, надъ преувеличеннымъ значеніемъ придаваемымъ посылкѣ г. Бекера въ Малую Азію и проч., мы не считаемъ всего этого лустяками и думаемъ что ужъ гораздо лучше пять разъ ошибиться, прижавъ муху за саона, чѣмъ одинъ разъ, не замѣтивъ саона принять его за муху. Мы полтора года тому назадъ въ *Московскія Вѣдомостя* въ статьѣ „по поводу новаго соедѣнства“ уже говорили что теперь настала пора подумать о вознагражденіи потеряннаго времени и приступить къ обезпеченію Закавказья отъ возможной опасности, а путей ведущихъ въ Малую Азію отъ окончательнаго закрытія. Присутствіе Бекера съ десяткомъ англійскихъ помощниковъ въ Эрзерумѣ, подъ предлогомъ введенія реформъ, можетъ причинить намъ въ будущемъ множество неприятностей и затрудненій. Едва ли мы избежимъ столкновеній съ Англіею въ Азіи; въ этомъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ кабинетныхъ идеалистовъ или вздоръ болтающихъ газетныхъ квазі-либеральныхъ радѣтелей о благѣ меньшей братіи, никто не сомѣвается, менѣе всего англійскіе политики и высшіе дѣятели въ управленіи. Борьба неминуема и борьба серьезная; къ ней нужно готовиться безъ промедленія и по заранѣе обдуманной, строго исполняемой системѣ. Валяніе наше среди армянскаго населенія сдѣдуетъ воинами упрочить, а не ослаблять дѣйствіями разныхъ мѣрикъ, не по разуму ретивыхъ администраторовъ и агентовъ. Вообще, выборъ административнаго персонала для новыхъ пограничныхъ областей сдѣдало бы производить съ самою строгою разборчивостію, посылать самыхъ лучшихъ, честныхъ и заявившихъ свои достоинства людей, что, къ крайнему сожалѣнію, не соблюдается и даже верѣдко дѣлается совсѣмъ противное, ибо въ такіа окраины *ссылаютъ* зря первыхъ изъяснившихъ готовность. Важнѣйшимъ пунктомъ ватѣмъ должны быть пути сообщенія связывающіе Россію съ Каспійскимъ моремъ и Закавказьемъ. Отсутствие путей стѣбло уже Россіи столько лишней крови и денегъ что при мысли о возможности повторенія такихъ обстоятельствъ становится просто жутко. Слава Богу, на дняхъ стало извѣстно что проведеніе Бакинско-Тифлисской желѣзной дороги, послѣ десяти лѣтъ раздумыванья, наконецъ утверждено и концессія дана Обществу Поти-Тифлисской

дороги за 34 милліона кредитныхъ рублей. Что же тормозило это дѣло если даже денежная сторона вопроса разрѣшается такъ просто—отпускомъ кредитныхъ рублей безъ заграничныхъ займовъ и дорогаго посредничества банкировъ? И почему же строителемъ избирается общество заявившее себя на Потійской дорогѣ крайне неисправнымъ и, безъ сомнѣнія, ничѣмъ не гарантирующее лучшаго положенія на новой дорогѣ? Однако, слава Богу, дѣло рѣшено: такъ или иначе, года чрезъ два-три, Баку будетъ связанъ желѣзнымъ путемъ съ Тифлисомъ. Но это половина дѣла: нужна еще вѣтвь къ Александрополю и Барсу, или уже, на худой конецъ, вполнѣ исправное шоссе, и желѣзная дорога чрезъ Дербентъ и Петровскъ къ Ростово-Владикавказской дорогѣ, да вѣтвь къ Батуму. Только тогда можно будетъ сказать что пути сообщенія не поставятъ намъ уже такихъ ужасныхъ препятствій какъ прежде. Есть и еще не мало другихъ пунктовъ требующихъ особаго вниманія и рѣшительныхъ мѣръ, но мы не имѣемъ возможности коснуться здѣсь всего и ограничимся указаніемъ на обезпеченіе нашего *кавказскаго тыла*, дабы въ рѣшительную минуту не повторились происшествія 1877 года парализовавшія 20ю и 21ю дивизію и лишившія дѣйствующую армію такой значительной отборной силы.

Въ числу замѣтныхъ событій минувшаго мѣсяца слѣдуетъ отмѣсти отозваніе графа Шувалова изъ Лондона, гдѣ онъ около пяти лѣтъ былъ представителемъ Россіи. Въ теченіе этихъ пяти лѣтъ произошло столько важныхъ дѣлъ, затрогивавшихъ интересы и взаимныя отношенія двухъ державъ, что роль посла становилась исключительно выдающеюся. Весною 1878 года, когда разрывъ между Россією и Англією висѣлъ на волоскѣ — по крайней мѣрѣ такъ сдѣлалось это показывать съ британской стороны—повѣдка графа Шувалова изъ Лондона въ Петербургъ и обратно имѣла первенствующее значеніе и отъ нея зависѣло, какииъ результатами Русско-Турецкой войны суждено осуществиться. Отзывъ всѣхъ иностранныхъ газетъ весьма благопріятны графу; онъ единственный почти русскій государственный человекъ котораго считаютъ вполнѣ Европейцемъ, противникомъ ультра - русскаго національнаго направленія, тождественнаго, по мнѣнію господъ вѣмецкихъ политиковъ, съ панславизмомъ, этимъ пугаломъ западной Европы, напоминающимъ *жупелъ и геенну огненную въ Грозъ*

Островскаго. Отозванію графа Шувалова газета *Times* посвятила большую статью, прочитанную, конечно, всеми интересующимися ходомъ политическихъ дѣлъ. По увѣренію *Times*, Англія будто бы только *послѣ Санъ-Стефанскаго договора выступила противницей Россіи!* Въ заключеніе лондонская газета говоритъ: „теперь, когда дѣла нашей политики существенно обезпечены, намъ нѣтъ никакого основанія не быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Россіей, если Русскіе этого желаютъ; Русскій народъ можетъ убѣдиться что мы не завидуемъ его законному развитію въ Азіи (!) и не ропщемъ на его законное вліяніе въ западной Европѣ или на Востокѣ (!). *Лишь бы Константинополь и наша индійская граница были въ безопасности, а то зачѣмъ же намъ желать чтобы Россія играла въ убыточную игру и мела разорительныя потери. Теперь можно сказать что кризисъ миновалъ если только Русскіе не пожалѣютъ возобновить его безпокойною политикой въ Константинополь.*“

Мы вполнѣ цѣнимъ высокую честь со стороны органа Лондонскаго Города предложеніемъ своей драгоценной дружбы и забвенія нашихъ заблужденій и прегрѣшеній. Но, увы, къ крайнему сожалѣнію, никакъ не можемъ ему обѣщать исполненія его желаній. Въ Средней Азіи съ Тевкивцами должно быть покончено; Мервъ или Герать, а еще лучше оба, должны быть заняты какъ эквивалентъ завоеванія Англіей Афганистана; въ Англіи такіа дѣйствія Россіи считаются угрозой границамъ Индіи, а у насъ, наоборотъ, дѣйствія генерала Робертса считаются угрозой границамъ Туркестана; для Англіи границы Индіи—Ахиллесова пята. Естественно если противникъ старается бить въ слабый пунктъ. И безопасности Константинополю мы никакъ обѣщать не можемъ, конечно, въ томъ смыслѣ, какъ эту безопасность понимаютъ въ Англіи. Англичане уже сравниваютъ его съ Индіей, какъ нѣчто *имъ принадлежащее*; но едва ли кто въ Европѣ раздѣляетъ такой взглядъ, а мы тѣмъ менѣе; нѣтъ жертвы которую не принесло бы Русское государство чтобы не допустить осуществленія такихъ англійскихъ взглядовъ... Наконецъ, что касается прекращенія *безпокойной* политики въ Константинополѣ, то надлежитъ замѣтить почтенной лондонской газетѣ что она уже слишкомъ преувеличила въ своемъ маѣвнѣ степень русской наивности. Содержа въ Турціи гг. Эміотовъ, Леардовъ,

Бекеровъ, пуская въ ходъ покушенія, уличные заговоры, угрозы, демонстраціи, вмѣшиваясь открыто во всѣ дѣла Порту и т. д., Англія, какъ видно, считаетъ свою константинопольскую политику *спокойною!* Малѣйшее противодействие махинаціямъ Деларда, любезный пріемъ султаномъ князя Лобанова-Ростовскаго, добрый совѣтъ или, о, ужасъ! назначеніе одного министра не пылающаго враждой къ Россіи,—это *безтокойная* политика, при коей дружба Англіи и Россіи уже немислима! Вотъ что значитъ быть избалованнымъ; вотъ что значитъ привычка къ смиренію противника и уступчивости безъ конца подъ дѣйствіемъ пустыхъ угрозъ.

Отозваніе графа Шувалова не обошлось и безъ оффиціальнаго заявленія Англійскаго кабинета: подсекретарь иностранныхъ дѣлъ Боркъ произнесъ по этому поводу рѣчь въ Кингсливѣ и, воздавъ хвалу миролюбію графа, прибавилъ что тотъ „уважаетъ извѣ Англіи съ основательными убѣжденіями съ той важности какую Британскій народъ придаетъ сохраненію великихъ интересовъ Англіи на Востокѣ.“ Выходитъ что графъ Шуваловъ убѣдился окончательно какъ Англичанамъ важны ихъ интересы на Востокѣ (какъ будто до сихъ поръ этого никто не зналъ!) и предоостережетъ свое отечество отъ малѣйшей попытки потревожить ихъ, не то бѣда: сейчасъ семь тысячъ индійскихъ воиновъ привеземъ на Мальту и на багнетѣ объявимъ готовность вести три кампаніи. Мы напротивъ желали бы думать что графъ Шуваловъ оставитъ англійскимъ министрамъ убѣжденіе въ томъ *какое значеніе Россія придаетъ своимъ интересамъ на Востокѣ.*

Коснемся отношеній нашихъ къ другимъ, главнѣйше насъ интересующимъ, державамъ. Въ Австро-Венгріи и Германіи министры что-то не посвящаютъ багкетовъ и не произносятъ рѣчей,—должно полагать что едва ли они огорчены такимъ обстоятельствомъ,—и потому намъ, не посвященнымъ въ тайны оффиціальныхъ сношеній, приходится довольствоваться исключительно содержаніемъ газетныхъ статей какъ оффиціозныхъ, такъ и пользующихся большою распространенностью, и по нимъ выводить заключенія, безошибочность коихъ, конечно, гарантировать не можемъ.

Послѣ заключенія австро-германскаго союза, въ Берлинѣ и Вѣнѣ вопросамъ до армій относящимся придаю особое значеніе. Въ Австріи правительство потребовало отъ народныхъ представителей утвержденія цифры арміи въ 800.000

человѣкъ, съ причитающимися суммами, еще на *десять лѣтъ*, безъ права парламента ежегодно трактовать и вотировать военный бюджетъ. Министръ-президентъ графъ Таафе, въ виду сопротивленія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ централистовъ такому требованію, пригласилъ къ себѣ вожаковъ всѣхъ партій рейхстага, нарисовалъ имъ картину политическаго положенія Европы въ такомъ смыслѣ что безъ 800 тысячъ солдатъ Австріи и существовать нельзя, а—это еще важнѣе—*безъ сильной арміи она можетъ лишиться могущественнаго союзника*, которому нѣтъ расчета связываться со слабыми.... Всѣ партіи до Чеховъ включительно вполнѣ согласились съ доводами графа Таафе, одни Нѣмцы-централисты (то-есть недовольные гегемоніей Мадьяръ и еще боѣе попытками къ сближенію съ Чехами) пока упорствуютъ; но нѣтъ сомнѣнія, имъ придется уступить и заковъ будетъ принять. Въ то же время корреспондентціи извѣщаютъ будто бы минавшими лѣтомъ десятки австрійскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, подъ видомъ торговцевъ, прикащиковъ и пр., извѣдали и ознакомились съ западною Россіей; результатомъ ихъ осмотра были де мнѣнія что крѣпости русскія находятся въ жалкомъ состояніи, армія вооружена не однородною системою ружей, ослаблена *правственно* (?) послѣднеею войною, и если присоединить къ этому критическое положеніе финансовъ, да общее внутреннее неудовольствіе, то для войны съ Россіей ближайшая весна представляется де самымъ удобнымъ временемъ, а чрезъ два-три года обстоятельства могутъ совершенно измѣниться.... Вслѣдствіе ли этихъ донесеній или быть-можетъ просто изъ любви къ филологіи, но австрійское военное министерство строго предписало всѣмъ офицерамъ, особенно генеральнаго штаба, завѣяться изученіемъ русскаго языка, чѣмъ, какъ положительно извѣстно, въ Германіи занимаются уже давно и съ большимъ усердіемъ.

Въ Берлинѣ, по свѣдѣніямъ заслуживающимъ вѣры, хлопчуть о сформированіи новыхъ 55 батарей артиллеріи съ 500 орудій, нѣсколькихъ полковъ кавалеріи и т. л. Крѣпости же свои на восточной границѣ Пруссія усилила новыми сооруженіями скорѣ послѣ войны съ Франціей, издержавъ на этотъ предметъ не малую часть французскихъ милліардовъ.

Привода всѣ эти свѣдѣнія, мы вовсе не хотимъ пугать читателей наступающими ужасами вторженія къ намъ двухъ милліоновъ германо-мадьярской рати; мы скорѣ скажемъ

ны думать что наши ближайшіе сосѣди, какъ весьма предусмотрительные аккуратные люди, только дѣйствуютъ по пословицѣ: залазъ не чинить бѣды. Система похвальная и достойная подражанія. Но вотъ что ужъ не совсѣмъ хорошо, не по-сосѣдски, и на это мы собственно хотѣли обратить вниманіе: печать Берлина и Вѣны, съ помощью газетъ Кёльна и Аугсбурга, силится увѣрить европейскую публичку что Россія увеличила свою армию до страшныхъ размѣровъ, двѣ трети ея сконцентрировала на прусской границѣ (особенно массы кавалеріи), всѣхъ офицеровъ заставляетъ изучать географію Австро-Венгріи и, о, ужасъ, для усиленія крепости Иванъ-Города, прикрывающей привисланскую желѣзную дорогу, возвела въ послѣднее время нѣсколько новыхъ фортовъ! Не ясно ли что она готовится къ нападенію и намерена распространить ужасъ панславизма, *нигилизма* *тоуэ*, на всѣ культурные западные народы, воскапцають херомъ главные заплѣвы германской печати. Вотъ это уже дѣйствительно не хорошо. Въ Германіи массы народныя во всѣхъ ливныхъ и харчевняхъ читаютъ газеты и, по ограниченности своихъ политическихъ познаній, могутъ повѣрить что не сегодня завтра die wilden Kozaken нагрянутъ въ ихъ деревни, произведя Тамерлановскія опустошенія; страхъ, вражда, ненависть могутъ быть возбуждены въ нихъ безвремено и повліять на естественныя добрыя отношенія Русскихъ и Нѣмцевъ. Во всѣхъ странахъ защищать національные интересы считается естественнымъ и почетнымъ, а относительно Россіи силится выставить это какъ какой-то преступный абсурдъ, искорененіемъ коего слѣдовало бы давно заняться власть имущимъ.... Недавно въ *Allgemeine Zeitung* (отъ 9/10 ноября) дѣлая передовая статья даже силится доказать что заключенный княземъ Бисмаркомъ въ Вѣнѣ союзъ имѣеть единственною цѣлю борьбу съ угрожающими Европѣ революціонными элементами Франціи, Італіи и особенно Россіи, гдѣ ультра-національная партія услала уже перетачить въ свой лагерь всѣхъ нигилистовъ и социалистовъ...

Соглашенія Турціи съ Греціею насчетъ *округленія* границъ послѣдней и до сихъ поръ не послѣдовало, даже переговоры совсѣмъ прерваны: доказательство, какъ державы подписавшія Берлинскій трактатъ озабочены строгимъ исполненіемъ всѣхъ его постановленій... Мы впрочемъ не предаемъ особенной печали по поводу такого

исхода греческихъ притязаній: не всакому удастся въ мутной водѣ рыбу удить и чужими руками жаръ загребать. Пусть Греція ожидаетъ великихъ и богатыхъ милостей отъ своихъ заладныхъ покровителей и отъ своей вражды къ Славянству.

Насъ гораздо болѣе интересуеъ удовлетвореніе требованій Черногоріи, основанныхъ на томъ же Берлинскомъ трактатѣ и тоже еще не исполненныхъ. Гусинскій округъ до сихъ поръ не переданъ князю Николаю. Но Порта наконецъ серьезно обратила на этотъ предметъ вниманіе, вслѣдствіе поддерживаемыхъ нашимъ посольствомъ настояній черногорскаго представителя въ Константинополь Радовича, и приказала Мухтаръ-пашѣ съ пятнадцатью баталіонами визама двинуться въ Албанію для прекращенія сопротивленія Арнаутовъ и передачи присужденной Черногоріи провинціи. Вотъ до чего довели продолжительныя подстрекательства и двусмысленность поведенія прежнихъ турецкихъ министровъ: Албанцевъ приходится силою оружія заставить исполнять приказанія султана. Весьма возможно что они окажутъ вооруженное сопротивленіе; при неосторожныхъ подстрекательствахъ и нѣкоторой поддержкѣ, ихъ упорство можетъ возбудить происшествія весьма прискорбныя и довести не только до кровавыхъ столкновеній между Черногорцами и Албанцами, но и до вышательства Австріи въ это дѣло.. Благодаря враждѣ Европы къ Россіи, пресловутый Берлинскій ареолагъ употребилъ всѣ усилія только на то чтобы дать выраженіе этой враждѣ и недовѣрью. Такимъ образомъ, изъ Восточнаго вопроса созданъ не потухающій вулканъ, ежечасно грозящій изверженіями. А у великихъ людей дирижировавшихъ оркестромъ на этомъ берлинскомъ концертѣ еще достаетъ духу торжественно объявлять что они создали миръ и обезлечили спокойствіе Европы.

Мы имѣли случай (въ обзорѣ за июль) говорить о министерскихъ кризисахъ, привавшихъ чуть не эпидемическій характеръ, особенно въ Италіи, гдѣ тогда кабинетъ Депретиса палъ, передавъ власть въ руки Каироли. Не прошло четырехъ мѣсяцевъ, опять кризисъ, падаетъ министерство Каироли, чтобы возродиться въ соединеніи Каироли-Депретисъ... Въ девять лѣтъ семь министерскихъ кризисовъ, и каждый разъ изъ-за борьбы чисто личныхъ раздорѣй и несогласій? Примѣръ заразителенъ: юное Болгарское княже-

ство сочло нужнымъ создать и у себя кризисъ... Впрочемъ, намъ пока неизвѣстны подробности обвиненій заводимыхъ на прежнихъ министровъ, повинныхъ якобы въ важномъ нарушении параграфовъ конституціи, и потому нельзя судить о томъ насколько кризисъ былъ дѣйствительно неизбеженъ.

А пока намъ отрадно отмѣтить фактъ, доказывающій прекрасныя чувства представителей Болгарскаго народа, безъ различія партій, и подтверждающій неоднократно высказанныя нами убѣжденія, и то что ни время, ни какія-либо усилія враждебныхъ Россіи правительствъ и народностей не смогутъ довести христіанскія племена Балканскаго полуострова до забвенія благодарности къ своимъ освободителямъ отъ многовѣковаго рабства. Пришлось бы отчаяться за человечество есаубы на почвѣ столь сильно улитавной русскою кровью выросли чувства—не говоримъ врагамъ, но даже равнодушія и забвенія. Нѣтъ правилъ безъ исключеній, и потому возможны единичныя личности, исковерканныя въ вѣнскихъ кофейняхъ, которыя будутъ гаумиться надъ сентиментальностью, будутъ повторять почерпнутыя изъ заграничныхъ газетъ фразы о варварствѣ Россіи, угрожающей цивилизаціи и пр., но они не стѣять вниманія: мы говоримъ о народной массѣ, о лучшихъ, честныхъ ея представителяхъ.

Въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь князя Александра болгарскіе депутаты включили между прочимъ слѣдующія слова: „Мы высказываемъ глубокую признательность и благодарность вашей свѣтлости за то, посѣщеніе которое вы, послѣ избранія вашего царствующимъ болгарскимъ княземъ, успѣшили сдѣлать *нашему Царю-Освободителю*, чтобы поблагодарить Его со своей стороны и отъ лица Болгарскаго народа за безчисленные *благодѣянія и неопуценныя эфертвы сдѣланныя Имъ и Его народомъ для нашего освобожденія*. Народное собраніе, имѣя въ виду что *всѣ блага коими нынѣ наслаждается наше отечество суть плоды великихъ дѣлъ и подвиговъ нашихъ освободителей*, въ одномъ изъ своихъ заведеній рѣшило: *при открытіи каждой сессіи выражать чрезъ вашу свѣтлость свою искреннюю любовь и признательность великому Русскому Монарху, Его Величеству Александру II и Его народу, дабы эти соединяющія два братскія народа съ каждымъ днемъ дѣлались болѣе тѣсными и крѣпкими.*“

Въ вышншемъ обозрѣніи вышнихъ политическихъ дѣлъ намъ приходится коснуться отношеній Россіи къ Персіи, о

чемъ до сихъ поръ не представлялось «лучша говорить. Со времени заключенія 10 февраля 1828 года мирнаго трактата въ Туркманчай, въ теченіи пятидесяти лѣтъ, между обѣими державами существовали самыя добрыя сосѣдскія отношенія, въ послѣдніе годы, повидимому, все болѣе и болѣе крепнувшія вслѣдствіе поѣздокъ шаха Насръ-Эддина по Европѣ, причемъ онъ посѣщалъ наши столицы и пользовался не только дружественными приѣмами Двора, но и покровленіемъ - сочувственными встрѣчами русскаго общества. Съ вѣкотораго времени однако во взаимныхъ отношеніяхъ нашихъ стала появляться вѣкоторая *шерзговатость*... Шайки персидско-подданныхъ Куртианъ, отъ десяти до пятидесяти и даже до ста человекъ, стали врывать въ предѣлы Эриванской губерніи, грабить и разорять мирное мѣстное населеніе, уходя безнаказанно обратно въ Персію. Наши малочисленные казачьи посты занимающіе персидскую границу, преимущественно съ цѣлью преслѣдованія контрабанды, не въ силахъ воспрелятствовать подобнымъ набѣгамъ, а Персидское правительство по неоднократнымъ заявленіямъ нашего посольства и пограничныхъ властей никакихъ мѣръ къ прекращенію разбоевъ, нанесшихъ русскимъ подданнымъ убытковъ уже больше милліона рублей, не принимаетъ, и виновные остаются безъ наказанія. Кроме этого обстоятельства, въ послѣднее время оказываются и еще болѣе прискорбныя признаки по меньшей мѣрѣ не советамъ дружественнаго расположенія шахскаго правительства къ Россіи: Ахаль-Текинская экспедиція, имѣющая право разчитывать на полное сочувствіе и содѣйствіе со стороны Персіи, постоянно разоряемой Текинцами, и поэтому одному уже заинтересованной, кажется, въ ихъ усмиреніи, встрѣтила однако не содѣйствіе, а чуть не противодѣйствіе (конечно скрытое) иранскихъ властей въ важномъ дѣлѣ обезпеченія войскъ нашихъ продовольствіемъ и перевозочными средствами.

Французскій выразитель якобы русскихъ офиціозныхъ взглядовъ, *Agence Générale Russes*, увѣряетъ что Тегеранское правительство поставлено въ щекотливое положеніе борьбой двухъ конкурирующихъ правительствъ: Русскаго и Англійскаго, добывающихъ каждое персидскихъ содѣйствій, и потому нельзя де строго относиться къ образу его дѣйствій, а нужно разчитывать что тамошніе государственные люди оцѣнятъ нашу дружбу, сознаютъ пользу доб-

рыхъ къ Россіи отношеній и такъ далѣе, въ извѣтномъ тонко дипломатическомъ жанрѣ. Все это очень хорошо, и если тегеранскіе министры не сознаютъ очевидной пользы для ихъ страны отъ усмиренія хищныхъ Туркменъ и отъ дружбы Россіи, то почему бы и не разъяснить имъ этого? Но какое же это имѣть отношеніе къ безнаказаннымъ грабежамъ Буртасъ въ Эриванской губерніи и неудовлетворенію нашихъ по этому поводу жалобъ? Какое же это балансированіе между двумя конкурентами если замѣчается въ дѣйствіяхъ очевидная наклонность въ одну сторону? Въ такихъ случаяхъ единственное средство—строжайшій нейтралитетъ, а таковой не можетъ запретить персидскимъ подданнымъ *продолжать* продовольствіе или вьючныхъ животныхъ кому бы то ни было. Мы не споримъ что деньги въ нашъ вѣкъ великая сила, въ особенности на Востокѣ, и англійскіе агенты могутъ въ этомъ отношеніи имѣть значительныя преимущества надъ Русскими, но мы полагаемъ что это не даетъ еще основаній опускаться въ бездѣйствіи руки. Изъ исторіи мы видимъ что въ 1796 году графъ Зубовъ не встрѣтилъ особыхъ препятствій къ овладѣнію иррадной частью Персидскаго государства, и могъ бы подвигаться гораздо далѣе, утвердившись во всякомъ случаѣ прочно на границахъ Эриванскаго ханства, еслибы не смерть императрицы Екатерины и новое царствованіе, считавшее нужнымъ отнѣять ея распоряженія. Далѣе мы видимъ что съ 1803 по 1813. Персія пыталась одолѣть наши крайне ограниченныя военныя средства за Кавказомъ и возвратитъ себѣ прежнее владѣніе на Грузію и въкоторыя мусульманскія провинціи, даже мечтала о совершенномъ изгнаніи Русскихъ изъ Закавказья; но много разъ разбитая, потерявшая еще нѣсколько областей, вынуждена была просить мира, который и былъ заключенъ въ Гюлистанѣ. Наконецъ, въ 1826, не взирая на крайнее миролюбіе и уступчивость Россіи, желавшей всяки мѣры избѣжать столкновеній съ сосѣдомъ, Персія еще разъ попыталась помѣряться силами съ нашими кавказскими войсками, съ тѣмъ чтобы возвратитъ свои потери, забывъ или не зная поговорки: *играй да не отыгрывайся*. Кончилось тѣмъ что зиму съ 1827 на 28 годъ войска графа Паскевича проводили въ Тавризи, Ховъ, Урміи, и лишь русское великодушіе продиктовало трактатъ Туркманчайскій, ограничившійся присоединеніемъ къ Россіи только четвертой части заватой нашими войсками персидской территоріи и денежною контрибуціей, не

очень обременительною... А обстоятельства тогда были далеко не столь благоприятны Россіи, какъ теперь: Кавказъ былъ не покоренъ, борьба съ горцами на громадномъ пространствѣ отъ Аналы до Терека, Суэжи, Судана и Самура связывала свободу нашихъ дѣйствій и удерживала двѣ трети всѣхъ войскъ; на правомъ флангѣ нашемъ стояла Турція, во всемъ грозномъ величій тогда еще не сломаеннаго своего могущества, грозя въ свою очередь обнажить противъ насъ мечъ свой, что и случилось дѣйствительно почти одновременно съ Персидскою войною 1826—28; мусульманское населеніе Закавказья далеко еще не въ той степени какъ теперь было подчинено и приучено къ русской власти, угрожая волненіями; пути сообщенія въ край и въ связи съ Россіей были въ ужасномъ состояніи; количество войскъ, ихъ снабженіе и всѣ средства въ самомъ скудномъ размѣрѣ. Все это рѣзко измѣнилось къ лучшему, и персидскимъ государственнымъ людямъ едва ли можетъ быть неизвѣстнымъ; между тѣмъ какъ перемены въ теченіе минувшихъ пятидесяти лѣтъ послѣдовавшія въ Персіи, насколько намъ онѣ извѣстны, едва ли были бы въ состояніи ручаться за другіе результаты борьбы, если себѣ представить возможность ея возникновенія, чѣмъ тѣ которые оказывались уже три раза...

Мы отнюдь не говоримъ всего этого въ качествѣ партизановъ *ultimae rationis* относительно нашей почтенной закавказской сосѣдки; напротивъ, мы самымъ искреннимъ образомъ желаемъ продленія на новыя пятьдесятъ лѣтъ такихъ же мирныхъ, добрыхъ отношеній какія существовали до послѣдняго времени. Мы боимся только чтобы ловкіе, снабженные въ изобиліи соверенными агенты не успѣли увлечь обманчивыми увѣреніями и обѣщаніями кого-либо изъ вліятельныхъ тегеранскихъ лицъ, не довели бы до обостренія зараждающагося дисгармоній и до возможности серіозныхъ несогласій, ведущихъ весьма часто къ послѣдствіямъ рѣшительно никому не желательнымъ. Государственные люди Персіи извѣстны своимъ гибкимъ умомъ и провидательностью; пусть же они взвѣсятъ хорошенько всѣ обстоятельства...

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ИЗЪ „МОСКОВСКИХЪ ВЪДОМОСТЕЙ“

Ближка эта была уже готова къ печати когда свершилось событіе ужасающее.... Новое, по истинѣ чудесное, предостереженіе Провидѣнія! Утромъ 20 ноября изъ устъ въ уста разнеслась по Москвѣ страшная вѣсть о взрывѣ мины на желѣзной дорогѣ, угрожавшемъ опасностью Государю Императору, на обратномъ пути Его Величества изъ Брима. Листокъ *Московскихъ Вѣдомостей* переходилъ изъ рукъ въ руки. Съ замираемъ сердца всѣ читали въ немъ:

„Господь снова явилъ намъ Свою милость и спасъ наше отечество отъ великаго бѣдствія.

„Вчера, вслѣдъ за благополучнымъ прибытіемъ Царскаго поѣзда въ Москву, въ то время когда Государь Императоръ уже былъ на пути въ Кремль и молился предъ чудотворною иконою Иверской Божіей Матери, около половины одиннадцатаго вечера, подъ поѣздомъ, дополнительнымъ къ Царскому, на третьей верстѣ отъ пассажирской станціи Курской желѣзной дороги, послѣдовалъ взрывъ произведенный миною въ насыпи дороги. Одинъ багажный вагонъ былъ опрокинутъ и отброшенъ въ сторону, а десять вагоновъ сошли съ рельсовъ, причемъ однако никто не раненъ.

„День великой скорби, который вражеская рука готовила для Москвы и Россіи, Господь снова чудесно обращаетъ въ день благодаренія Его святому Промыслу.“

20го, въ 12 часовъ, послѣдовалъ Высочайшій выходъ. Остановясь въ Георгіевской залѣ Государь обратился къ присутствующимъ съ словами:

„Прибывъ вчера вечеромъ въ Москву, Я радовался имѣть случай лично повторить вамъ Мое сердечное спасибо за чувства преданности выраженные Мнѣ по случаю грустнаго событія 2 апрѣля. Подобныя же заявленія дошли до Меня со всѣхъ концовъ Россіи и были для Меня истиннымъ утѣшеніемъ посреди всѣхъ Моихъ заботъ. Между тѣмъ вчера же вечеромъ Богъ вновь спасъ Меня отъ угрожавшей Мнѣ опасности. Слѣдовавшій за Мною поѣздъ подвергнулся, у самой городской черты, крушенію отъ взрыва, причемъ къ счастью никто не былъ раненъ. Этотъ случай еще болѣе доказываетъ необходимость искоренить крамолу и упрочить внутреннее спокойствіе. Обращаюсь при этомъ ко всѣмъ благомыслящимъ и въ особенности къ отцамъ семействъ, чтобы своимъ вліяніемъ на увлекающуюся молодежь они старались направлять ее на путь истины и сдѣлать изъ нея полезныхъ для Россіи дѣятелей. Да поможетъ намъ въ этомъ Богъ!“

Воспроизводимъ сказанное нами въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 297, 21 ноября):

„Заумышленники, какъ будто не безъ намѣренія избрали Москву мѣстомъ своего покушенія. Они хотѣли при этомъ наругаться надъ нами и обезславить Москву позоромъ своего покушенія. Богъ не допустилъ совершиться злодѣянію о которомъ нельзя и помыслить безъ ужаса. Чудо Божьяго Промысла видимо хранитъ священную жизнь Монарха Россіи. Но вражеской крамолѣ не удастся и попытка запятнать честное имя Москвы. Она ли, наша твердыня, Москва ли, хранительница священныхъ преданій нашего отечества, колыбель государственнаго величія Россіи, Москва ли будетъ гнѣздомъ крамолы, или ея пособницей, или ея лотворицей? Но ей пора теперь явить во всей силѣ государственный духъ своей исторіи, тотъ духъ которымъ такъ дорога она для Россіи. Не довольно чуждаться зла, надо бороться съ нимъ, надо страхнуть съ себя дремоту и дѣйствовать какъ Москва умѣла дѣйствовать въ великія минуты нашей исторіи. Къ ней прежде всѣхъ обращено слово Монарха, Который стяжалъ столько правъ на любовь и преданность Сво-

его народа. Москва должна подать примѣръ другимъ; она должна начать дѣйствовать. Въ чемъ же сила ожидаемаго дѣйствія? Въ оживленіи ея патріотизма, ея государственнаго духа, отрезывающаго людей отъ праздномыслія и пусто-словія.

„Проснемся же и соберемся вокругъ великихъ символовъ нашей народности, и будемъ не ослаблять правильное дѣйствіе государства, но укрѣплять его и способствовать ему, освѣщая пути его органамъ.

„Изъ числа готовыхъ понятій особенно употребительны въ наше время, въ сужденіяхъ о предметахъ политическихъ, *либерализмъ* и *консерватизмъ*. Вы то и дѣло слышите о либералахъ и консерваторахъ, о либеральныхъ партіяхъ и партіяхъ консервативныхъ, и люди употребляющіе эти слова большею частію не сопровождаютъ ихъ никакою мыслію и сами не знаютъ что говорятъ. Если рѣчь идетъ о государствѣ котораго мы граждане, о народѣ котораго мы дѣти, о дѣлѣ котораго мы служимъ, объ общемъ интересѣ которому мы призваны способствовать, то вопросъ отнюдь не въ томъ либералы мы или консерваторы, весь вопросъ въ томъ хорошо ли мы служимъ, полезна ли принимаемая или предлагаемая нами мѣра дѣлу нашего служенія, а не въ томъ либеральнаго ли она пошиба или консервативнаго. Только слабоумная голова можетъ придавать значеніе этимъ титуламъ, и думая служить дѣлу будутъ заботиться не о томъ что для дѣла полезно, а о томъ что либерально или консервативно, только гаулицы будутъ предлагать или будутъ дѣлать не то что нужно въ данную минуту, а то что помѣчено въ ихъ доктринѣ подъ тѣмъ или другимъ титуломъ. Иное дѣло тѣ у кого есть свои виды, не имѣющіе ничего общаго съ дѣломъ нашего служенія или ему враждебные: тѣмъ нужно и выгодно морочить слабыхъ людей и подъ либеральнымъ или консервативнымъ предлогомъ направлять ихъ во вредъ дѣлу котораго они думаютъ служить...

„Мы русскіе люди; наше отечество Россія: давайте жъ намъ то что требуется пользою нашей страны, что можетъ послужить дѣйствительно во благо нашему народу. Если вы честные люди и не хотите быть въ дуракахъ, не думайте ни о консервативныхъ мѣрахъ, ни о либеральныхъ учрежденіяхъ, а заботьтесь только о томъ что по искрайнему и арф-

тому убѣжденію вашему соответствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ страны въ данное время.

„Говорять, мы теперь на военномъ положеніи. Говорять желѣзная диктатура воздвиглась въ главныхъ центрахъ Россійской Имперіи. О насъ жалѣютъ добрые люди въ разныхъ странахъ Европы, не скрывая въ то же время своей ненависти къ намъ. Пустые люди между своими считаютъ догомъ своей либеральной совѣсти скорбѣть о мѣрахъ столь нелиберальнаго характера какъ усиленіе власти ограждающей общественную безопасность. Въ Англійскомъ парламентѣ уже дѣлались сердобольные запросы о несчастныхъ жертвахъ свирѣлствующаго въ Россіи деспотизма.

„Нельзя не скорбѣть о необходимости вызывающей суровыя мѣры, но нельзя не желать и не призывать полезными мѣрѣ вызываемыхъ необходимостью. Чѣмъ болѣе власть проникнута чувствомъ своего долга, чѣмъ неуклоннѣе ея правильное дѣйствіе, тѣмъ менѣе бываетъ необходимости прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ преслѣдованія и кары. Печальная необходимость вынуждающая принятіе исключительныхъ мѣрѣ есть всегда послѣдствіе слабого или неправильнаго дѣйствія власти. Бываютъ обстоятельства, иногда реальныя, иногда мнимыя, причиняющія ея бездѣйствіе, и вотъ, мало-малу, часто изъ ничего, развивается печальная необходимость прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ для восстановленія авторитета закона, для успокоенія общества, для огражденія порядка, для обезпеченія жизни, чести и собственности людей. Все это лежитъ на ответственности государственной власти, и все давлѣннѣе возможно только при условіи что государственная власть крѣпка, вѣрить въ святость своего призванія и не подвержена болѣзнямъ мнѣнія, парализующимъ ея дѣйствіе или направляющимъ его на ложные пути.

„Мы были свидѣтелями явленій невѣроятныхъ, непостижимыхъ, совершенно невозможныхъ при нормальномъ дѣйствіи власти. Горсть полоумныхъ, или развращенныхъ, или одичалыхъ людей, служба орудіемъ тайной крамолы, безчинствованіе безнаказанно и дерзость ея росла не по днямъ, а по часамъ. Въ нѣдрахъ могущественнаго государства возникалъ призракъ революціи грозившей все поколебать и все разрушить. Отъявленные негодяи, бродяги, дезертиры, чувствовали себя достаточно сильными чтобы затѣвать какое-то страшное дѣло, долженствовавшее охватить пожаромъ изъ конца

въ конецъ всю громадную Русскую землю. Дѣло доходило до того что четырнадцатилѣтняя дѣвчонка посмѣвалась надъ властію и себя чувствовала властію... Есарбы государство у насъ дѣйствительно колебалось въ своихъ основахъ, разрушалось и падало, то явленія эти были бы дѣломъ естественнымъ. Но Россія, слава Богу, не рухнетъ, государственная власть въ ней могущественна и незыблема. Что же могло быть причиною явленій которыхъ мы были недавно свидѣтелями? Бездѣйствуетъ власть, и появляются признаки хаоса; появляются эти признаки, значитъ бездѣйствуетъ власть. Отчего же происходитъ бездѣйствіе власти могущественной и бесплорной? Власть безсильная бездѣйствуетъ по безсилію; но если власть сильна и бездѣйствуетъ, то это можетъ быть только вслѣдствіе какихъ-либо парализующихъ ее мѣръ или какой-нибудь неправильности въ распорядкѣ ея органовъ....“

Приводимъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* разказъ очевидца взрыва и собранья на мѣстѣ событія свѣдѣнія рисующія со всеми подробностями обстоятельства ужасающаго локушенія.

„17 ноября, пишетъ очевидецъ, согласно утвержденному маршруту, Государь Императоръ имѣлъ отбыть изъ Симферополя въ 12 часовъ ночи, предшествуемый въ получасовомъ разстояніи такъ-называемымъ свитскимъ поѣздомъ, въ которомъ помѣщался и багажъ Его Величества, всего 14 вагоновъ при двухъ паровозахъ. По чистой случайности, оказавшейся въ послѣдствіи столь счастливою, Государь прибылъ въ Симферополь немного ранѣе, а потому первымъ лущемъ былъ Императорскій поѣздъ, который уже шелъ по расписанію свитскаго, то-есть на полчаса впереди маршрутнаго назначенія, и прибылъ такимъ образомъ благополучно въ Москву въ часъ назначенный для прибытія свитскаго поѣзда.

„Послѣдній шелъ въ разстояніи одной станціи отъ Императорскаго поѣзда и также безпрепятственно достигъ товарной станціи Москвы; въ немъ помѣщалось, въ 14 вагонахъ, до 50 человекъ, въ томъ числѣ военно-походная канцелярія Его Величества, нѣкоторые секретари, офицеры, инженеры вѣдомства путей сообщенія, фельдъегеря и случайно вѣзавшій на поѣздѣ штабмейстеръ

Высочайшаго Двора князь Оболенскій. Для свитскаго поѣзда были приняты всѣ тѣ же предосторожности какъ и для Императорскаго: луть также былъ освѣщенъ, и пройдя товарную станцію въ Москвѣ, мы могли изъ оконъ видѣть толпы народа которыя только что проводили радостными восклицаніями Государя и смотрѣли на нашъ поѣздъ. Иллюминація Москвы также представилась намъ издали. Мы уже начали надѣвать шивели, такъ какъ оставалось около 2¹/₂ версты до пассажирской станціи, то-есть 5 минутъ ходу, какъ вдругъ страшный трескъ поразилъ нашъ слухъ, и моментально начало бросать вагонъ изъ стороны въ сторону, что ясно показывало что мы сошли съ рельсовъ. Предполагая простой сходъ, многіе стали пробираться къ двери, другіе стали ложиться, ибо сзади напиравшіе вагоны заставляли бояться какъ бы не быть задавленными. Наконецъ сильный толчокъ остановилъ нашъ вагонъ. Я выскочилъ почти первый и подбѣжалъ къ двумъ стоявшимъ около поѣзда людямъ. Одинъ былъ городской, другой, кажется, стрѣлочникъ. Оба лежали приговаривая что ихъ чѣмъ-то пришибло. При общей суматохѣ, среди которой въ первый моментъ трудно было что-нибудь разобрать, мы сперва думали что провалился мостъ, но чрезъ нѣсколько минутъ стали ясны слѣды взрыва. Первый паровозъ оторвался отъ поѣзда, второй сошелъ съ рельсовъ, а 4й багажный вагонъ лежалъ колесами кверху. Такъ сильно было сотрясеніе что его выкинуло изъ поѣзда. Наши вагоны всѣ сошли съ рельсовъ, и нѣкоторые стали поперекъ дороги. Вагонъ въ которомъ я сидѣлъ остановился около самаго того мѣста гдѣ послѣдовалъ взрывъ. Около луты по которому мы шли образовался огромный въ нѣсколько аршинъ глубины провалъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ послѣдовалъ взрывъ, такъ что идти поѣздъ по лѣвому, а не по правому луту Курской дороги, онъ безъ сомнѣнія погибъ бы, и несчастій съ людьми было бы много. Сбѣжалась полиція и масса народа. У всѣхъ въ одинъ голосъ вырывалось: „Боже, какое счастье что Царь проѣхалъ благополучно!“ Выбѣжали фабричные изъ соседнихъ фабрикъ; но никому не пришло сразу въ голову какого ужаснаго замысла были мы всѣ свидѣтели. Большинство вообразило что долнулъ паровозъ,—такъ силенъ былъ взрывъ. Я бросился къ ближайшей казармѣ чтобы телеграфировать на станцію о случившемся, но отъ взрыва повалило телеграфъ-

ный столбъ, и проволоки перервались; передать депешу о случившемся не было возможности. Негодование народа было велико, и всѣ подбѣгавшіе не переставали креститься благодаря Промысла Божію Который вновь спасъ драгоценную жизнь Государя. Стрѣлочникъ и городской пострадали, кажется, значительно: они находились около самаго мѣста взрыва. Въ поѣздѣ всѣ отдѣлялись одними толчками и испугомъ. Явно что заодни предполагали что Государь находится во второмъ поѣздѣ, такъ какъ нашъ поѣздъ прибылъ во время назначенное для Императорскаго. Намъ также спасла случайность: мы шли по другому пути, а не по мнѣнированному. Но и при этомъ отъ сотрясенія багажный вагонъ выкинуло изъ поѣзда,—что же было бы есаибы взрывъ случился подъ нашимъ поѣздомъ? Врядъ ли кто остался бы въ живыхъ.

„Оставшись безъ средствъ передвиженія, я попросилъ достать мнѣ извозчика, котораго мнѣ и привели, и я отправился въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа доложить мою печальную повѣсть кому слѣдуетъ.“

„Когда ошеломляющее впечатлѣніе неожиданнаго несчастія успѣло улечься, городовые, по распоряженію мѣстнаго пристава, оцѣнили сосѣдніе съ мѣстомъ катастрофы дома. Сейчасъ же наткнулись на подозрительное обстоятельство. Ворота ближайшаго къ мѣсту несчастія двухъэтажнаго дома оказались залертыми, и хотя въ его окнахъ виденъ былъ свѣтъ, но на требованіе отворить ворота и сильный стукъ въ калитку и окна нижняго этажа не послѣдовало отклика. Ворота и примыкавшій къ нимъ заборъ были высокіе, тесовые, новые. Обошли домъ. Сзади его оказался ветхій, съ вылавшими тесинами заборъ, чрезъ который во дворъ дома легко проникали городовые. Небольшой дворикъ, въ нѣсколько аршинъ ширины, отдѣлялъ домъ отъ сарайчика и упирался въ ворота. Городовые отодвинули задвижку у воротъ. Одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ вошелъ во дворъ дома и оглядѣвшись замѣтилъ что окна нижняго этажа наглухо заколочены досками, въ верхній же, освѣщенный этажъ, прямо со двора ведетъ деревянная лѣстница. Въ сопровожденіи городскихъ офицеръ поднялся по этой лѣстницѣ и въ темнотѣ, съ трудомъ раз-

глядѣвъ двери въ домъ, отперъ ихъ. Изъ дверей на него пахнуло тѣломъ. Онъ очутился въ небольшой кухонкѣ. Противъ самыхъ дверей была русская печь, на которой дремалъ бѣлый котъ, а рядомъ съ нею досчатая въ перегородкѣ дверца вела въ довольно просторную комнату. Дверца была полуотворена. Никто изъ комнаты не отозвался на окликъ. Офицеръ, оласаясь засады, осторожно вошелъ въ комнату. Прямо противъ входа въ нее, въ простѣвкѣ между двумя окнами, на обѣденномъ складномъ столѣ, догорала свѣча въ подсвѣчникѣ, стояли двѣ бутылки, лежалъ жгутъ проволоки и двое щилчиковъ, одми которыми сжимають проволоку, другіе которыми проволока отбѣкается. Въ одной бутылкѣ было немного винограднаго вина, другая съ водкой была только что почта. Въ правомъ углу комнаты, предъ иконою Николая Чудотворца теплилась лампада, на лѣвой стѣнѣ висѣли портреты Государя, Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича, на правой портретъ митрополита Макарія, а надъ столомъ, прямо противъ входа, видѣлась дубочная картинка, изображающая посѣщеніе Государемъ Императоромъ раненыхъ въ военно-походномъ госпиталѣ и награжденіе ихъ георгиевскими крестами. Въ комнатѣ у стѣнъ стояло нѣсколько простыхъ стульевъ. Двое дверей въ досчатыхъ перегородкахъ, отдѣленныхъ отъ потолка рѣшеткой, вели въ сосѣднія комнаты. Изъ расположенной направо и пріотворенной двери видѣлась зажженная лампада предъ расположенными въ правомъ углу образами Спасителя и Божіей Матери въ сіявшихъ позолотой ризахъ; предъ однимъ изъ образовъ прикрѣплена была восковая съ позолотой свѣча, но она не была зажжена. Подъ самыми образами, на полу, стоялъ красный сундукъ. Въ комнатѣ было нѣсколько стульевъ, небольшое ветхое зеркало на наружной стѣнѣ и противъ него, около внутренней стѣнки, двухспальная, деревянная кровать, довольно ветхая и окрашенная темною краской. На кровати, покрытой ситцевымъ одѣяломъ, лежали четыре въ ситцевыхъ цвѣтныхъ наволочкахъ подушки, а за ними, на вбитыхъ въ стѣнку гвоздочкахъ драповая съ бахромой женская кофта и ситцевыя юлки. Женскій шерстяной платокъ былъ небрежно брошенъ на кровать. Подъ кроватью были найдены ботинки и двѣ ситцевыя мужскія рубашки, совершенно замощенныя и изветшавшія. Въ другой комнатѣ, отдѣленной отъ первой описанною зальцей, былъ найдень ветхій диванъ, нѣ-

около стульев и въ углу небольшая икона Божіей Матери. Рядомъ съ кухней, направо отъ входа въ квартиру, оказалась еще маленькая комната съ небольшимъ столикомъ у окна, на которомъ въ ящикѣ лежали разные слесарные инструменты и куоки проволоки. При осмотрѣ кухни, на кухонныхъ полкахъ было найдено нѣсколько бумажныхъ мѣшечковъ съ рисомъ и т. л., кусокъ свѣжей калусты, соевые огурцы и нѣсколько пустыхъ бутылокъ отъ винограднаго вина.

„Совершенно мирная обстановка квартиры могла ввести въ заблужденіе относительно ея обитателей. Полагали что въ квартирѣ этой проживалъ какой-либо жезвъзвздожный слесарь съ женой. Но гдѣ они, зачѣмъ послѣдншо бѣжали изъ дома? Кругомъ дома былъ оставленъ сильный караулъ. Вскорѣ прискакалъ московскій оберъ-полицеймейстеръ и лично сдѣлалъ нужныя распоряженія. Ночь была холодная. Явившіеся затѣмъ на мѣсто катастрофы нѣсколько лицъ прокурорскаго надзора съ судебнымъ сѣдователемъ рѣшили обождать разсвѣта. Сильная стужа загнала ихъ въ служебный вагонъ.

„Около 7 часовъ утра начали обыскъ дома, и лишь вошли въ расположенный рядомъ съ нимъ и запертой сарай какъ въ углу его замѣтили гальваническую батарею, которая стояла прямо на землѣ. Начали рыть землю и наткнулись на проволоку въ гутталерчевой трубкѣ, обернутой тонкой бичевой. Гутталерчевая трубка шла подъ землей вдоль передней, обращенной къ полотну дороги, стѣны сарая и дошла до его угла поднимаясь по стѣнѣ въ ростъ человека къ миниатюрному, въ потолка вершка окошечку, имѣвшему видъ щели случайно прорубаемной ударомъ топора. У этого окошечка, сквозь которое поверхъ воротъ дома видны были до половины вагоны проходившихъ по линіи поѣздовъ, оказались двѣ металлическія пластинки. Одною изъ этихъ пластинокъ оканчивалась проволока сейчасъ открытой батареи, отъ другой же начиналась новая проволока. Очевидно что сквозь окно сдѣлали за приближеніемъ поѣзда, и когда локомотивъ его прошелъ мимо сарая, моментальное соединеніе пластинокъ произвело взрывъ. Въ боковой стѣнѣ сарая оказалась свѣже прорубаемное большое окно, сквозь которое и выскочилъ виновникъ взрыва, убѣжавъ черезъ ветхій заборъ на прымакающій къ нему и обращенный къ сторонѣ

города пустырь, а затѣмъ на прилетающую близъ пустыря улицу.

„Взрывая землю у стѣны сарая, увидѣвъ что проволока, не доходя двери, круто повернувшись подъ нижнимъ бревномъ на дворъ, гдѣ подъ снѣгомъ была открыта засыпанная землей канавка. По этой-то канавкѣ проволока была проложена къ дому. Домъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ срубовъ, и изъ нихъ правый въ два этажа, лѣвый же, имѣющій видъ пристройки къ дому, въ одинъ этажъ. Между срубами узкій, менѣе аршина ширины, пролетъ, упирающійся въ бревенчатую стѣну, проложенную посрединѣ дома. Проволока шла по дну этого пролета и, дойдя до указанной бревенчатой стѣны, поднималась по ней до шестаго бревна; затѣмъ, въ лазу между бревнами, поворачивала во второй этажъ дома и здѣсь подъ поломъ проходила къ углу спальни въ сундукъ гдѣ помѣщался снарядъ Румкорфа; изъ этого же сундука въ стѣнѣ подъ обоями проволока загибалась подъ поломъ въ нижній этажъ дома, шла здѣсь по стѣнѣ и исчезала подъ поломъ нижняго этажа. Полъ былъ плотно уложенъ. Когда въ томъ мѣстѣ гдѣ проволока опускалась въ землю подвѣсивъ въ полу доски, то сейчасъ наткнулись на квадратомъ сколоченныя бревна, которыми начинался срубъ колодца. При первыхъ же ударахъ въ землю долотомъ, послышался металлическій звукъ. Скоро отрыли кусокъ обыкновенной водосточной трубы, за нимъ другой, третій. Куски трубы легко вынимались изъ насыпанной въ колодезь земли. Вдругъ подъ ударами долота послышался глухой звукъ и въ землѣ обнажились доски, подъ которыми проходила водосточная труба. Такимъ образомъ была открыта галлерей подкоча. Она была заложена на глубинѣ около сажени и шла по направленію къ полотну дороги. Галлерейю составляла рядъ досокъ поставленныхъ подъ угломъ, основаніе котораго упиралось въ глинистый грунтъ. Въ самомъ концѣ галлерей, верхній уголъ, была укрѣплена обыкновенная жестяная водосточная труба, и въ нее проведена проволока. Труба предохраняла проволоку отъ вліянія сырости, но кромѣ того имѣла и другое назначеніе, именно освѣжать воздухъ въ галлерей, для чего она была соединена съ русскою печью въ домѣ. Въ галлерейю можно было проникнуть безъ особаго труда, пристѣвъ на корточки и немного согнувъ голову. На полу галлерей во всю ея длину была проложена доска, по которой въ же-

старыхъ ведрахъ, уставленныхъ на маленькую, четырехколесную тачку, рывшіе подколь возили землю. Два такіа ведра были найдены въ концѣ галлерей у образовавшагося отъ взрыва провала; здѣсь также нашли острую лопатку, изъ отлачной англійской стали, которою взрывалась земля.

„Подколь велъ не прямо, а небольшими зигзагами, вѣроятно уклоняясь отъ встрѣчавшихся на пути въ грунтѣ препятствій. Онъ оканчивался каменною уклонною для сосредоточенія силы взрыва стѣной, которая была заложена посрединѣ желѣзнодорожнаго полотна у второй пары рельсовъ, по коимъ идутъ поѣзды изъ Курска въ Москву. Думаютъ, что ведшіе подколь, вслѣдствіе уклоненія съ прямой линіи, ошиблись въ разстояніи и заложили уклонную стѣну раньше чѣмъ это ими было предположено. Будь эта стѣна выведена лишь на поларшина дальше, тогда бы все полотно дороги было взорвано, а вмѣстѣ съ нимъ взлетѣлъ бы на воздухъ и вагонъ свитскаго поѣзда подъ которымъ произошелъ взрывъ.

„Въ теченіе 20го ноября, надъ исправленіемъ поврежденія пути работало четыреста рабочихъ, и къ 4 часамъ вечера движеніе по линіи влоднѣ было возобновлено.

„Какъ только въ Москвѣ разнеслась вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Государя Императора, множество народа и въ экипажахъ, и пѣшкомъ направились къ мѣсту взрыва. Народная толпа озлобленно поглядывала на этотъ „разбойничій“ домъ. На другой день, 21го ноября, въ праздникъ, свободные отъ работы мастеровые съ ранняго утра толпились у дома охраняемаго цѣлюю городовыхъ. Къ тремъ часамъ послѣ полудня народная толпа около дома увеличилась; по разказу мѣстной полиціи, толпа эта состояла по крайней мѣрѣ изъ четырехъ тысячъ человекъ. Городовые не подпускали ее близко къ дому, въ которомъ все имущество было описано. Вдругъ кто-то въ толпѣ крикнулъ: „братья на ура!“ Ура было подхвачено толпой, и она бросилась на ненавистный домъ. Въ нѣсколько секундъ въ домѣ всѣ окна были перебиты, мебель изломана въ мелкие куски. Сейчасъ же прибылъ мѣстный приставъ съ мушкетерскою командой, и порядокъ безъ труда былъ возобновленъ, когда приставъ объяснилъ народу что въ домѣ все описано судебною властію. Толпа отхлынула отъ дома, считая что еще нельзя сражать его съ землей.

„И сегодня множество любопытныхъ толпилось кругомъ дома, охраняемого сильною цѣлью городовыхъ и полицейскими офицерами.

„Домъ этотъ принадлежалъ крестьянкѣ Тихоміровой и былъ построенъ на заарендованной у купца Р. землѣ. Тихомірова, какъ говорятъ, заложила этотъ домъ нѣкому Кононову за 2.000 р. Когда наступилъ срокъ закладной, Кононовъ предоставилъ Тихоміровой продать этотъ домъ. Домъ былъ проданъ молодому человѣку, назвавшемуся саратовскимъ мѣщаниномъ Сухоруковымъ и проживавшему въ 1 кварталѣ Яузской части, по выданному изъ Саратовской мѣщанской управы виду, на срокъ до 1 мая 1880 года. Купчая была совершена у нотариуса Величко, причемъ покупатель представилъ засвидѣтельствованіе о своей личности изъ квартала по мѣсту своего жительства. За домъ онъ заплатилъ 2.350 р.

„Поселившись въ домъ съ молодою бѣлокурою женщиной, которую онъ назвалъ своею женой, новый домовладелецъ сталъ рыть погребъ въ одноэтажной пристройкѣ къ дому, для чего, при содѣйствіи желѣзнодорожнаго сторожа, нанялъ троихъ рабочихъ изъ такъ-называемой „золотой роты“ Хитрова рынка. Вынутая изъ погреба земля была свалена за сараемъ на дворѣ дома. Около этого новаго погреба, по примѣру другихъ обитателей Андроновки, была насылана земляная завалилка для того чтобы погребъ не замерзалъ. Такъ какъ нижній этажъ дома требовалъ ремонтировки, производить же ее по позднему осеннему времени было неудобно, то окна въ немъ были наглухо заколочены, для прохода же въ погребъ изъ расположенныхъ во второмъ этажѣ рядомъ съ квартирой небольшихъ стѣнъ было устроено въ полу творило куда вставлялась легонькая лѣстница. По этойто лѣстницѣ изъ квартиры спускались въ нижній этажъ для рытья подкола, откуда земля сваливалась во вновь вырытый погребъ. Въ настоящее время этого погреба не существуетъ, такъ какъ онъ весь заваленъ вынесенною изъ подкола землей.

Какъ было упомянуто, домъ стоитъ на отагѣ, и потому лишь съ одной лѣвой стороны дворъ его примыкаетъ къ соседнему дому, съ правой же и задней стороны выходитъ на пустырь. Отъ единственныхъ сосѣдей домъ отгороженъ сараемъ, въ которомъ была найдена гальваническая батарея, и курятникомъ, похожимъ на собачью конуру. Въ соседнемъ домѣ живетъ старикъ глухой и полудѣлной, жематый уже на

третьей жёнѣ, тоже пожилой женщицѣ. Оба они старовѣры, весьма богомольны и ведутъ тихую, уединенную жизнь. Наружная религіозность ихъ новыхъ сосѣдей возбуждала въ этихъ простыхъ людяхъ полное къ нимъ сочувствіе. Они видѣли что новый домовладѣлецъ, ихъ сосѣдъ, роетъ у себя погребъ, но это обстоятельство не могло возбудить въ нихъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Привозили къ Сухоруковымъ доски на полъ въ погребъ, и въ этомъ тоже ничего не было подозрительнаго. Какъ оказалось въ послѣдствіи, Сухоруковъ трубы для вентиляціи галлерей покупалъ по частямъ и носилъ ихъ на себѣ, въ мѣшкѣ. Это видѣли сосѣди, но обстоятельство это не могло обратить ничего вниманія, такъ какъ эти трубы требовались для дома.

„Дѣло было ведено чрезвычайно осторожно и искусно. Говорятъ что по ночамъ около дома останавливались извозчики, но старики-сосѣди не могли этого замѣтить, такъ какъ они дожились спать весьма рано.

„Полагаютъ что еслибы полиція даже наканунѣ самой катастрофы произвела осмотръ во всѣхъ прилегающихъ къ линіи дороги домахъ, между прочимъ и въ этомъ домѣ, то она ничего не нашла бы при поверхностномъ осмотрѣ, такъ искусно все было замаскировано. Кому бы пришло въ голову вскрывать стоявшій въ углу обыкновенный красный сундукъ, такой въ какихъ у мѣщанъ прячется домашній скарбъ? Крышка этого сундука была оклеена изнутри *Полицейскими Вѣдомостями*, а батарея въ немъ была закрыта хаомомъ. Только сѣдуча за проволокой дошла до этого сундука и открыла что въ немъ было припрятано. Найденная въ сараѣ батарея, по всемъ признакамъ, была поставлена лишь за нѣсколько часовъ до взрыва.

„Теперь уже обнаружено что въ Саратовской мѣщанской управѣ никакого вида на жительство Сухорукову не выдавалось, но самый видъ былъ такъ искусно поддѣланъ что не могъ возбудить подозрѣнія.

„Все адски разчитано было на то чтобъ ударить Рускій народъ въ самое сердце, осквернить его святыню, наругаться надъ его вѣрованіями. Для совершенія самаго гнуснаго злодѣянія выбрана Москва. Злоумышленникъ назвался Сухоруковымъ чтобъ осквернить собою одно изъ лучшихъ именъ нашей исторіи. Въ жилищѣ злоумышленника иконы въ позолоченныхъ окладахъ, лампадки, восковая свѣча съ позолотою,

портреты Царской Фамиліи, лубочная картина патріотическаго содержанія: все утонченно придумано чтобъ обстановка казалась вполнѣ русскою. Для того чтобъ обмануть сосѣдей не требовалось доходить до такихъ подробностей какъ восковая свѣчка съ позолотою, какъ икона стараго лошуба. Даже въ задней комнатѣ не забыли зажечь лампадку, что вовсе не требовалось въ минуту покушенія, когда уже не зачѣмъ и некого было обманывать. Все свидѣтельствуетъ что, задумывая свое адское дѣло, злодѣи хотѣли чтобъ оно казалось дѣломъ русскимъ и пало позоромъ на Русскій народъ...

„Заклятый врагъ нашего народа успѣлъ прокрасться къ намъ въ домъ въ то время какъ мы спали. Ужели мы еще не проснемся, ужели и теперь не признаемъ съ кѣмъ имѣемъ дѣло, откуда идетъ отравы, и чья крамола обнаруживаетъ свое присутствіе у насъ дѣлами неслыханной дерзости и глубочайшей вражды?“

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНИЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддоуъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВЪРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сень-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ Романъ Албани Фюбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА или жизнь негровъ въ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ гжи Бичеръ-Стоу. Переводъ съ англійскаго. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ

на

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

большой иллюстрированный журналъ

СЪ РАЗНЫМИ БЕСПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1 января 1880 года журналъ *Всемирная Иллюстрація* начнетъ XII годъ (то-есть томы XXIII и XXIV) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (то-есть 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа самой лучшей бумага, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

Всемирная Иллюстрація, благодаря своей аккуратности и строгому выполнению программы, приобрѣла въ теченіе одиннадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редація *Всемирной Иллюстраціи* стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается предъ расходами и всегда даетъ больше чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная что въ теченіе своей дѣятельности она достаточно заявила себя, редація считаетъ излишними всѣ лишняя рекламы и ограничивается только обещаніемъ что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ НА 1880 ГОДЪ:

Безъ доставки въ	Съ доставкой въ
С.-Петербургъ 13 р. — к.	С.-Петербургъ 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ	Съ пересылкой въ
Москву 14 „ 50 „	другіе города 16 „ — „

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

представляет политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географию, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусство, и пр., и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Каждый томъ *Всемирной Иллюстраціи* представляет собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатныхъ страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библиотеки, а также одно изъ лучшихъ настоящихъ украшеній каждой гостиной.

ПОВРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

„Всемирной Иллюстраціи“

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 руб. 75 коп., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

Цѣна первыхъ 20 томовъ „Всемирной Иллюстраціи“:

1869 годъ (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англійскомъ коленкор. перепл. 14 руб.; 1870 годъ (томы III и IV), 1871 годъ (томы V и VI), 1872 годъ (томы VII и VIII) и 1873 годъ (томы IX и X) — по 8 руб. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ., тиснен. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 руб. безъ пересылки. 1874 годъ (томы XI и XII), 1875 годъ (томы XIII и XIV), 1876 годъ (томы XV и XVI), 1877 годъ (томы XVII и XVIII) (безъ приложеній) и 1878 годъ (томы XIX и XX) (безъ приложеній) — по 9 руб. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ пересылки по 13 руб.

На пересылку каждаго года слѣдуетъ прилагать 3 р. сер.

Главная контора редакціи *Всемирной Иллюстраціи* въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, домъ № 16.

Редакторъ-издатель *Всемирной Иллюстраціи* Германъ Голле.

●● Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Голле принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностраннныя журналы и газеты. ●●

К. 9.092.—2.

XI г. Открыта подписка на 1880 годъ

**НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ**

НИВА,

выходящій еженедельно, то-есть 52 номера въ годъ (болѣе 2.000 рисунковъ и чертежей и 2.000 столбцовъ текста) съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ

„ПARIЖСКІЯ МОДЫ“ и другими ПРЕМІЯМИ: на 1880 годъ двѣ большія акварели М. ЗИЧИ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи, по Большой Морской, № 9.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годовое изданіе *Нивы* съ правомъ на получение всѣхъ бесплатныхъ премій въ теченіе 1880 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ.....	4 р.	Безъ доставки въ Москвѣ чрезъ И. Г. Соловьева, А. Ланга и П. Н. Шапошниковъ.....	5 р.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ.....	5 „	Съ доставкой въ Москвѣ и другихъ городахъ и мѣстечкахъ Имперіи.....	6 „

Для гг. служащихъ, какъ въ частныхъ такъ и въ казенныхъ учрежденіяхъ, допускается разсрочка за ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ.

Сочувствіе и довѣріе которыми *Нива* пользуется выразилось въ небываломъ до сего въ русской журналистикѣ количествѣ подписчиковъ. *Нива* имѣла въ 1879 году 45.000 подписчиковъ. Это совершенно поматно, если припомнить весьма низкую цѣну, массу разнообразнѣйшаго чтенія и богатыхъ премій; программа расширяется и преміи ежегодно учащаются въ такой степени въ какой это возможно только при такомъ состояніи дѣла. Болѣе 2.000 гравюръ, рисунковъ и чертежей и при этомъ 2.000 столбцовъ текста представляютъ годовую матеріалъ журнала, то-есть болѣе 15 томовъ обыкновеннаго формата книгъ для чтенія цѣной не менѣе 20 рублей.

Нива даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ русской исторіи, разказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію (особенно зоологіи), гигиенѣ (ученіе о здоровьѣ), этнографіи, путешествіямъ, технологіи, астрономіи, новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣдѣнія изъ внутренней жизни страны, еженедѣльное политическое обозрѣніе, смѣсь, хозяйственные совѣты, шашечныя, шахматныя и математическія задачи, загадки и пр. Большая часть статей сопровождается художественно исполненными гравюрами.

Сверхъ сего при *Нивѣ* выдается для удовлетворенія потребностей каждой семьи (въ приготовленіи платья и бѣлья) особое бесплатное ежемѣсячное прибавленіе „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ и въ немъ до 500 модныхъ гравюръ въ годъ, до 400 чертежей, выкроекъ въ натуральную величину, до 300 рисунковъ руководящихъ работъ и до 400 разнообразныхъ рисунковъ буквъ, вензелей и т. п. для шитья—словомъ полный модный журналъ.

Для помѣщенія въ *Нивѣ* въ будущемъ 1880 году мы имѣемъ, кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, какъ-то: Большой романъ изъ современной жизни въ 2хъ частяхъ „КУПЛЕННОЕ СЧАСТЬЕ“ Н. Морскаго (автора романа *Аристократія Гостиннаго Двора*).— „ИВАНЪ ДА МАРЬЯ“, большая повѣсть извѣстнаго А. А. Потѣхина.— „ЛѢСНИКЪ“, большая повѣсть въ 2хъ частяхъ, Б. Маркевича.— „НАРАДНИГИТЬ“, разказъ Н. Н. Каразина, съ большими рисунками самого автора.— „КОРОЛЕВИЧЪ ВЛАДИСЛАВЪ“ и „ЗАРНИЦА“, двѣ историческія повѣсти В. Подпковскаго.— „НОЧЬ“, разказъ Н. Морскаго.— Четыре разказа Н. Боева: „БОЖЬЯ ВОЛЯ“, „БЛИЗЪ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ“, „ТРИ ТЫСЯЧИ“, „НА КРАЙНЕМЪ ВОСТОКѢ“.—Какъ ПРЕМІИ на будущій 1880 годъ мы дадимъ (кромѣ большаго стѣннаго календаря 1880) двѣ превосходныя, исключительно для *Нивы* исполненныя, большія акварели знаменитаго М. ЗИЧИ, придворнаго художника Е. И. Велючества. Содержаніе картинъ взято изъ того же чуднаго, фантасическаго *Демона* Лермонтова, къ которому уже не разъ обращалась мысль художника. Наши картины изображаютъ два момента поэмы: 1) Пляска Тамары и 2) Умершая Тамара въ цвѣтахъ, окруженная родными. Достоинства блестящаго таланта М. ЗИЧИ слышкомъ извѣстны. Предаютъ лицъ, блескъ красокъ живописныхъ восточныхъ костюмовъ, переданы художникомъ съ его обычнымъ мастерствомъ. Такимъ образомъ *Нива* и въ будущемъ 1880 году будетъ стараться дать своимъ подписчикамъ оригинальныя произведенія самыхъ талантливыхъ писателей и художниковъ.

Желающихъ подписаться на будущій 1880 годъ *Нивы* просятъ благововременно обращаться въ главную контору редакціи журнала *Нива* (помѣщается въ Петербургѣ, Большая Морская ул., д. № 9).

Издатель „Нивы“ А. Ф. МАРКСЪ.

●● Самый распространенный и самый дешевый журналъ въ Россіи. Огромное количество статей, рисунковъ и премій. ●●

СРЕДНЕ-АЗІЯТСКІЕ КАРА-КУМЫ

И

ФРАНЦУЗСКІЯ ЛАНДЫ

О Ч Е Р К Ъ

„Внутри, бури, землетрясенія, моря атмосферическія явленія не производятъ на землю столь великихъ измѣненій какія производятъ человекъ съ тѣмъ поръ какъ явился на ней и началъ надъ ней господствовать.“ Н. Buchnell. Sermon on the Power of Endless Life.

Средняя Азія обращаетъ на себя въ послѣднее время всеобщее вниманіе. Ученый и туристъ наперерывъ стараются проникнуть въ ея лесчаныя пустыни и солончаковыя степи, стремятся изучить ласкіе безжизненные берега Каспія и Арава, поплавать по многоводнымъ и глубокимъ рѣкамъ той жѣвности. Какъ для того, такъ и для другаго возникаетъ масса самыхъ интересныхъ вопросовъ, а съ изученіемъ ихъ проявляется вся характерность и своеобразность фیزیоміи этого малоиссѣдованнаго уголка земнаго шара.

Но не всякій желающій можетъ легко попасть въ эти отдаленныя окраины. Долгій, почти нескончаемый путь, со

всѣми удобствами почтоваго сообщенія, отдѣляетъ мѣстность бассейновъ Сыра и Аму отъ „цивилизованнаго“ міра и для того чтобы рѣшиться предпринять такое путешествіе, необходимо заластись большимъ количествомъ энегіи и силы воли.

А между тѣмъ мы видимъ что возрастающее значеніе Ташкента все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ силы изъ Европы. Изъ этого азіятскаго Парижа во всѣ стороны, какъ по радіусамъ, устремляются изслѣдователи и, проликая все дальше и дальше, вглядываясь и присматриваясь къ окружающей природѣ, дѣйствительно внесли уже много интересныхъ и богатыхъ вкладовъ въ науку. Такимъ образомъ, какъ видно не даромъ стремятся многіе въ эти лалестины; трудность и неудобство пути совершенно изглаживаются изъ ламати послѣ того какъ станешь лицомъ къ лицу съ нелючатыми богатствами страны и неизслѣдованными представителями фаоры и фауны той мѣстности.

Изъ всей Средней Азіи, въ обширномъ значеніи этого слова, чуть ли не наибольшее вниманіе возбуждаетъ Арало-Каспійская низменность. Начиная съ Др. Давіада Мессершмидта, отправленнаго Петромъ Великимъ въ 1720 году для изслѣдованій Сибири и коснувшася только сѣверной части названной мѣстности, и кончая экспедиціями прошлаго года, ученые стараются уяснить себѣ какъ образованіе и строеніе этой замѣчательной котловины, такъ и собрать вообще побольше естественно - историческихъ фактовъ. Результаты всѣхъ этихъ изслѣдованій доступны только сравнительно небольшому кружку специалистовъ и, мало касаясь практической жизни, не могли вызвать всеобщаго интереса, интереса большинства лублики. Но едва стали логоваривать о проведеніи желѣзной дороги въ Ташкентъ и, слѣдовательно, едва было указано практическое приложеніе, такъ-сказать ушь всѣхъ изслѣдованій, чуткая лублика не осталась безучастною. Тотчасъ начались толки о томъ, по какому направленію лойдетъ дорога, каковы мѣстности встрѣчающіяся на пути и какъ описываютъ ихъ прежніе путешественники, лонадобились факты, научные выводы, и разрозненныя наблюденія ботаника, зоолога, геолога и просто путешественника всѣ пригодились и пошли въ ходъ.

Что касается до линій проектируемыхъ желѣзныхъ дорогъ, то въ началѣ предполагались два направленія: 1) отъ Ека-

теринбурга, 2) отъ Оренбурга; обѣ линіи сходились по близости города Тургаа, направляясь оттуда прямо на Ташкентъ. *

Въ 1876 году были произведены изысканія отъ Екатеринбургa чрезъ Челябинъ, Троицкъ и Тургай по направленію къ Туркестану, а также вѣтви отъ истока рѣки Тѣкс до Оренбурга. ** Путь пройденный инженерами представлялъ поую возможность сооружеія желѣзной дороги чрезъ Киргизскую степь. Оказалось что это пространство не настолько страшно своими толкими солончаками и отсутствіемъ прѣсной воды какъ о томъ кричали въ печати.

Тѣмъ не менѣе, однако, разсматривая означенную линію только по картѣ, невольно спрашиваетъ: нельзя ли *сократить* дорогу?

На самомъ дѣлѣ это оказывается возможнымъ если направить ее по прямому направленію изъ Оренбурга на Кара-Тугай, причеиъ однако линія должна пересѣчь Мугоджарскія горы и пески Кара-Кумы. Названныя горы вовсе не высоки, следовательно не могутъ составить затрудненія для продолженія рельсового пути. О нихъ мало заботились. Не то съ песками.

Если мы заглянемъ въ прежнюю литературу и поищемъ что тамъ говорилось о средне-азиатскихъ пескахъ вообще, то составимъ о нихъ весьма невыгодное мнѣніе. Нѣкоторые путешественники, каковы: Борися, Вамбери, Муравьевъ и др., сравниваютъ пески Средней Азии съ Сахарой, гдѣ, по преданію, завосятъ и гибнутъ цѣлыя караваны. Пески Хала-Ата (между Хивой и Бухарой, на правомъ берегу Амударьи) и Кызыль-Кумы, представившіе собою почти непреодолимыя трудности для сѣдланія нашихъ войскъ во время Хивинскаго похода, повидимому подтвердили это мнѣніе. Наконецъ почтовый трактъ ведущій изъ Орска въ Ташкентъ, проходя по берегу Аральскаго моря, прорѣзываетъ глубокіе сылучіе пески — западную часть Кара-Кумовъ.

* Не вхоая здѣсь въ дальнѣйшія подробности, замѣчу что есть нѣсколько русскихъ и иностранныхъ проектовъ средне-азиатской желѣзной дороги. Изъ иностранныхъ проектовъ болѣе извѣстны проектъ инженера Лесселса и президентовъ географическихъ обществъ: Лондонскаго Раулимсона и Вѣнскаго Хохштеттера.

** Э. Соколовскій. *Описаніе восточной части Киргизской степи.* (Журн. Мин. Путей Сообщ. 1878. Т. I. 3 кв. 215.)

Передвиженіе по этой единственной дорогѣ до такой степени затруднительно что есть станціи не болѣе какъ въ десять верстъ (например Буль - Кудукъ); перекаладную еле тащить нѣсколько верблюдовъ, и прежде чѣмъ доберешься до глиняной полуразвалившейся хаты, удивленно стоящей среди голыхъ подвижныхъ бархановъ и служащей убѣжищемъ станціонному смотрителю,—легко можно изжариться на солнцѣ или замерзнуть отъ холода, смотря по времени года. Прѣсную воду на этомъ трактѣ добываютъ съ большимъ трудомъ, а иногда привозятъ верстъ за двѣнадцать.

Испытавъ всѣ прелести такого удобнаго и быстрого сообщенія, невольно приходишь къ такому заключенію: „если на своихъ окраинахъ Кара-Кумы настолько непривѣтны, то чего же мы должны ожидать, попавъ въ центральную часть? Само собою разумѣется, что тамъ должно быть еще хуже, и человѣкъ погибаетъ какъ муха“.

Но, впервыхъ, теперь стало уже извѣстнымъ что въ пустыняхъ Африки и Аравіи, гдѣ прежніе путешественники указывали примѣры *засыпанія* пескомъ цѣлыхъ каравановъ, ничего подобнаго не совершается.

Маршъ объясняетъ эти сказки выдумками наблюдателей, которые любятъ прихвастнуть испытанными опасностями и страданіями. „Старая басня, говоритъ онъ, о гибели каравановъ отъ страшнаго самума, которую теперь даже и Арабы уже болѣе не повторяютъ, хотя сами же ее и выдумали—до такой степени укоренилась въ умахъ во всемъ христіанскомъ мірѣ что почти всѣ путешественники, принадлежащіе къ разряду простыхъ туристовъ, считают долгомъ разказать, какъ они, едва не были живо похоронены въ пескахъ пустыни, а иначе читатель, не найдя этой „сенсаци“ въ описаніи ихъ путешествія, останется крайне недоволенъ. Вилькинсонъ говоритъ что во все долговременное свое пребываніе въ самыхъ песчаныхъ частяхъ Ливійской пустыни, онъ ни разу не видѣлъ и, несмотря на всѣ]разспросы, не слышалъ чтобы человѣкъ или животное подвергались опасности быть завесенными пескомъ. То же самое говоритъ Чесней, который дѣлалъ наблюденія въ Аравіи и спрашивалъ объ этомъ Бедуиновъ. Опасность которую представляетъ самумъ заключается вовсе не въ завесеніи пескомъ, а имѣетъ совершенно другой характеръ, хотя конечно значительно уве-

личивается вслѣдствіе того что при этомъ пыль и песокъ застилаютъ глаза и затрудняютъ дыханіе.“*

Такимъ образомъ, одно изъ самыхъ страшныхъ качествъ песчаныхъ пустынь должно отойти въ область сказокъ.

Съ другой стороны, рядомъ съ невыгодными мѣнѣями о пескахъ Средней Азии вообще и Кара-Кумахъ въ частности, насъ поражаютъ показанія такого безпристрастнаго путешественника какъ Палласъ. Посѣтивъ Рынъ-пески (Ryn-peski), имѣющіе очень много общаго съ Кара-Кумами, онъ былъ весьма обрадованъ, найдя между барханами колодцы (кудуки, chuduk) съ прекрасною прѣсною водою. По его мнѣнію, невозможно описать того удовольствія которое чувствуешь выѣзжая изъ солончаковой безплодной пустыни въ мѣстность покрытую цвѣтами и травой (in eine adgenehm begrünte und blumenreiche Gegend)**.

Когда наступило время отъѣзда, Палласъ съ грустью покинулъ песчаную степь***.

Правда что приведенныя слова относятся не къ Кара-Кумамъ, но во всякомъ случаѣ описаніе это до такой степени не вѣжется съ мнѣніемъ какое составилось вообще о средне-азиатскихъ пескахъ что не знаешь кому вѣрить. Ясно одно, что *напрямъ* никто не могъ сказать ничего о центральной части Кара-Кумовъ, такъ какъ тамъ никогда не бывало ни одного Европейца. Изъ всего вышесказаннаго понятно, почему явилось желаніе изслѣдовать кратчайшее направленіе средне-азиатской желѣзной дороги, то-есть проникнуть и пройти Кара-Кумы по ихъ внутренней области.

Экспедиціи снаряженныя съ этою цѣлью въ 1877 и 1878 годахъ исполняли свое порученіе съ полнымъ успѣхомъ. Оказалось что пески на пути слѣдованія вовсе не такъ страшны, какъ можно было предполагать, а наоборотъ, барханы связаны растительностью, въ лощинахъ находятся цѣлые сѣнокосные луга и, благодаря строенію почвы, вездѣ можно найти прѣсную воду.

Объ этомъ интересномъ открытіи было уже нѣсколько разъ опубликовано и доложено въ Русскомъ Географическомъ Обществѣ (8 марта 1878). Интересующимся ходомъ дѣла

* Маршъ. Человѣкъ и Природа, или о вліяніи человека на измѣненіе физико-географическихъ условій природы. 1867. 480.

** Pallas. Reise etc. 1771. Т. III. S. 532

*** Pallas I. c. S. 534.

вѣроятно известна брошюра: *О выборъ кратчайшаго направления средне-азиатской желѣзной дороги*. Спб. 1878. Первая глава ея „сравненіе Оренбургскаго и Екатеринбургскаго направлений“ помѣщена въ *Beiblatt der St.-Petersburger Zeitung* №№ 260, 264 и 287а 1878 года.

Изысканія послѣдняго лѣта (1878) напечатаны также отдельною брошюрой: *Исследование направленія средне-азиатской желѣзной дороги между Ураломъ и Сыръ-Дарьей*. Самара. 1878, и въ главныхъ чертахъ переданы въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, № 283. Кроме того, какъ доказательство насколько вопросъ этотъ интересуется многихъ и за границей, скажу только что первая замѣтка о дорогѣ переведена уже въ Парижѣ на французскій языкъ и доказывалась въ *Société de Géographie*; она носитъ названіе *Choix de la direction la plus courte pour le chemin de fer de l'Asie centrale* и снабжена предисловіемъ переводчика, инженера J. Vargand, занимающагося специально вопросомъ о соединеніи центра Азіи съ желѣзными путями Европы.

Два лѣта сряду мнѣ удалось побывать во внутренней части Кара-Кумовъ и заняться изслѣдованіемъ лесковъ Джаръ-Булакъ. Затѣмъ я имѣлъ возможность осмотрѣть юго-западный берегъ Франціи, состоящій исключительно изъ песчаныхъ дюнь (ланды, landes); на всемъ этомъ пространствѣ уже давно шумитъ сосновый лѣсъ, разведенный благодаря неуслышному трудолюбію и желѣзной волѣ Бремонтае.

О всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ своихъ странствованіяхъ я и думаю поговорить съ читателемъ.

I.

Къ востоку отъ низовьевъ Волги раскидывается необозримая равнина, упирающаяся въ отроги Тянь-Шана и Гиндуку. Равнина эта издавна известна подъ названіемъ Киргизъ-Кайсацкой степи или Туранской низменности. Только въ сравнительно недавнее время г. Борцовъ предложилъ переименовать этотъ край въ Арало-Каспійскую низменность, Арало-Каспійскую котловину *.

* Борцовъ. *Материалы для ботанической географіи Арало-Каспійскаго края*. 1865. 2.

Названная мѣстность вообще носитъ въ высшей степени оригинальный, своеобразный характеръ, выразившійся между прочимъ въ геологическомъ строеніи почвы и интересныхъ формахъ растительнаго царства.

Несмотря на свою плоскую поверхность, локатую съ сѣвера, востока и юга къ срединѣ, котловина состоитъ изъ дѣлой системы площадей, понижающихся замѣтными уступами къ центральной части, гдѣ помѣщаются Каспійское и Аральское моря. Наконецъ съ сѣвера въ нее врѣзываются отроги Уральскаго хребта, известнаго подъ названіемъ *Мугоджарскихъ* горъ, имѣющихъ одинаковое строеніе съ Ураломъ и достигающихъ вышины отъ 500 до 600 футовъ надъ поверхностью моря. Южная оконечность Мугоджаръ терруется между Каспіемъ и Араломъ, прикрывшись позднѣйшими осадками, изъ которыхъ состоитъ обширная возвышенная площадь *Усть-Уртъ*, служащая раздѣломъ бассейновъ двухъ средне-азиатскихъ морей.

Не вдаваясь въ подробности описанія тѣхъ переворотовъ на землѣ шарѣ которые образовали Каспійскую котловину, я приведу слова г. Борцова касающіяся названнаго момента. Площадь понизившаяся вслѣдствіе этого переворота далеко не занимала всей теперешней прикаспійской низины, какъ полагали Гумбольдтъ и другіе. Все повидимому ограничилось образованіемъ огромнаго провала въ южной части Каспійскаго моря * къ югу отъ линіи проведенной отъ Ашперовскаго полуострова къ Красноводскому заливу, гдѣ море вообще очень не глубокое вдругъ получаетъ глубину болѣе пятисотъ сажень. Линія эта обозначается подводнымъ рифомъ, лежащимъ на сто пятьдесятъ сажень ниже горизонта воды. Положеніе рифа и линіи провала на продолженіи оси Кавказа крайне замѣчательно. Гора Чагаданъ, лежащая къ сѣверу отъ Бакавскаго залива, и горы Большой и Малый Балханъ находятся почти на той же параллели и также представляютъ, быть-можетъ, восточную оконечность кавказскаго поднятія. Еслибы провалъ не ограничился одною южною частью Каспійскаго моря, еслибы въ самомъ дѣлѣ произошло вдавленіе всей прикаспійской страны, то мощные пласты зеленого песчаника на Эмбѣ и къ югу отъ нея, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ моремъ (напри-

* Мнѣніе это было высказано и академикомъ Беромъ.

мѣръ около грязей Иссеуджалъ и Карачунгулъ) должны бы были также поколебаться и наклониться, хотя незначительно, по линіи движенія пластовъ лежащихъ подъ ними, или по меньшей мѣрѣ подвергнуться мѣстами переломамъ и смѣщеніямъ. На самомъ же дѣлѣ толщи эти лежатъ совершенно горизонтально и не представляютъ ни того, ни другаго нарушенія въ порядкѣ напластыванія. Поэтому весьма вѣроятно что низменная сторона между среднею и нижнею Эмбой, южною оконечностью Мугоджаръ и Усть-Уртомъ въ настоящее время немногимъ отличается отъ того чѣмъ она была когда была двоямъ новѣйшаго третичнаго моря. Вся разница состоитъ, вѣроятно, только въ томъ что многія прежде существовавшія толщи песчаниковъ и мергелей расмыты и перенесены сильными теченіями, происшедшими въ морѣ вслѣдъ за образованіемъ провала въ южной его части *.

Наконецъ, чтобы дорисовать общую физіономію котловины, напомнимъ что Каспійское море лежитъ ниже уровня Океана: по Борцову на 81,3 парижскихъ футовъ ниже горизонта Чернаго Моря, ** а по Кладену на 78,76 футовъ ниже Океана *** При этомъ соединяеое Арабское море поднято надъ Каспійскимъ на 103,7, по свѣдѣніямъ другихъ на 248 футовъ. ****

Благодаря скалону къ морямъ низменность изливаетъ всѣ свои рѣки или въ Арабъ, или въ Каспій; кромѣ того, въ ней есть довольно значительное количество озеръ, прѣсной или соленой воды, разбросанныхъ то тамъ, то сямъ Таковы: Темгизъ, Чаакаръ, Арысъ-Су, Саумалъ-Куль, Балхашъ, Сасыкъ-Куль, Ала-Куль, Зайсамъ, Иссыкъ-Куль и др.

Самая интересная часть котловины безспорно есть юго-восточная, изобилующая песчаными равнинами, занимающими почти все пространство между двумя величайшими рѣками Средней Азии, Сыръ-и Аму-Дарьями. Кромѣ того, на югъ отъ Аму снова разливается цѣлое море песку, въ ко-

* Борцовъ. Л. с. 10. Я останавливаюсь на предположеніи Борцова какъ на самомъ правдоподобномъ; мнѣнія же остальныхъ ученыхъ объ интересующемъ насъ вопросѣ не считаю возможнымъ приводить здѣсь, такъ какъ этого не дозволяетъ самая программа статьи.

** Л. с. 2.

*** Кладенъ. *Всеобщая Географія*. 1875 года. Т. I. 115.

**** Аму и Узбой. 1879 года, стр. 45.

торомъ какъ островъ лежитъ Хивинскій оазисъ. Различныя участки песковъ носятъ различныя названія. Таковы *Кара-Кумы*, *Кизылъ-Кумы*, *Муюнъ-Кумъ*. Сюда же можно отнести и песчаныя урочища разбросанныя по сѣвернымъ берегамъ средне-азиатскихъ морей: Нарынъ, Большіе Барсуки, Мааме Барсуки и проч.

Остановимся пока на Кара-Кумахъ, которые упираются въ восточный берегъ Арала и Сыръ-Дарью и находятся между 45° и 46° сѣверной широты и 31° и 34° восточной долготы (отъ Пулкова). Названіе *Кара-Кумъ*, какъ думаютъ въ некоторые, дано пескамъ по темноту цвѣту ихъ растительности. Дѣйствительно, издали барханы представляются покрытыми какъ бы темными пятнами. Во всякомъ случаѣ слово *кара* (черный) употреблено здѣсь не въ смыслѣ мрачный, зловѣщій *.

Въ означенномъ четырехугольникѣ, пески лежатъ на глинисто-солонцоватомъ пластвѣ, играющемъ чрезвычайно важную роль въ жизни такъ-сказать Кара-Кумовъ, о чемъ мы будемъ говорить въсколько дальше. Такъ какъ большинство ученыхъ, со временъ Гумбольдта, не отрицаетъ того что разсматриваемое нами пространство составляетъ также часть высохшаго когда-то громаднаго моря, то понятно что глинистый пластъ долженъ былъ образоваться изъ осадковъ древняго бассейна, а матеріалами для него служили размытые берега и дно. Нѣсколько залутаннѣе находимъ мы объясненія касательно происхожденія песковъ. Вероятнѣе всего допустить что вслѣдствіе метеорологическихъ и механическихъ вліяній, какъ въ настоящую эпоху, такъ и въ прежніе геологическіе періоды въкоторыя каменные породы могли и могутъ разрушаться на мелкія частицы **.

Эти частицы, раздробляясь все болѣе и болѣе, въ состояніи наконецъ превратиться въ неосвязаемо-мелкій илъ. ***

Понятно что песокъ происшедшій отъ разрушенія известныхъ породъ можетъ или оставаться на томъ мѣстѣ гдѣ его засталъ разрушительный процессъ, или же можетъ перемѣститься на далекое разстояніе дѣйствіемъ воды или вѣтра.

* О выборѣ кратчайшаго направленія и пр., стр. 33.

** Маршъ I. с. 473, 474, 478; Рекаю, Земля (Океанъ) стр. 193.

*** Маршъ I. с. 476. См. объ этомъ также у А. Федченко, *Во Кавказскомъ ханствѣ*. 1а тетрадь, стр. 34.

Воду обыкновенно считаютъ самымъ главнымъ дѣтелемъ этихъ перемѣненій, и имѣть никакого сомнѣнія что колоссальныя скопища песка въ Сахарѣ, Гоби и вообще въ степяхъ центральной Азіи разбросались силою морскихъ теченій.

Нѣкоторые геологи, каковы Старингъ, занимавшіеся спеціально изслѣдованіемъ песковъ Севернаго Моря, приписываютъ образованіе наносовъ дѣйствию лотоловъ. Наблюдая Зюдерзе и морской берегъ Голландіи, онъ приходитъ къ тому заключенію что нидерландскія рѣки производятъ только весьма медленное перемѣненіе песчаныхъ мелей, но не поднимаютъ и не везутъ песку какъ плавающий матеріалъ. Онъ того мнѣнія что пески Нѣмецкаго Моря составляютъ продуктъ великаго „Северо-Германскаго наноса“, который образовался въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ и въ настоящее время до начала теперешняго геологическаго періода. * То же видимъ мы у песковъ выброшенныхъ Средиземнымъ моремъ въ устьѣ Нила и на Варварійской берегъ. ** Такимъ образомъ вообще всѣ *большіе наносы* песку имѣютъ весьма древнее происхожденіе. Тѣмъ не менѣе въ настоящее время горныя теченія везутъ въ море весьма значительное количество раздробленнаго камня. Попадъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ въ какой-нибудь бассейнъ, частицы переносятся волнами на большія разстоянія и выбрасываются на берегъ снова. Европа даетъ Средиземному морю большое количество матеріаловъ для образованія песку, который отлагается обратно на европейскіе берега.

Говорятъ что морской берегъ близъ Каррары и Массы *** подвинулся въ море на 475 футовъ въ теченіе 33 лѣтъ. Приведу еще нѣсколько примѣровъ для того чтобы доказать образованіе песку изъ каменныхъ породъ въ настоящее время, такъ-сказать на нашихъ глазахъ. Самымъ лучшимъ мѣстомъ для наблюденій подобнаго рода можетъ служить Синайскій полуостровъ. „Горы этого полуострова, говоритъ Маршъ, высоки и круты, не имѣютъ никакой растительности и никакихъ даже слѣдовъ землянаго слоя, и камень ихъ составляющій находится уже въ растрескавшемся или раздроб-

* *De Bodem van Nederland.* 1, стр. 243, 246—377. (Извѣстно мнѣ изъ сочиненія Марша.)

** *De Bodem van Nederland.* 1, стр. 339.

*** Böttger, *Das Mittelmeer.* 8. 128.

ленномъ состояніи. Онѣ всѣ изборождены глубокими и крутыми оврагами, которыхъ русла имѣютъ достаточный склонъ для быстрого стока водъ и которые не представляютъ такихъ бассейновъ, гдѣ бы увлеченные потоками камни могли задержаться. На высокихъ вершинахъ здѣсь бываютъ сильныя морозы и выпадаетъ много снѣга, зимніе дожди здѣсь обильны и падаютъ крупными каплями. Горы преимущественно огневой формаціи, но многія менѣе высокія изъ нихъ одѣты песчанникомъ. На восточномъ откосѣ полуострова, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ перваго же взгляда отличается высокія пирамиды гравита, отстоящія одна отъ другой на значительное разстояніе и окаймляемыя сверху горизонтальными слоями песчанника, имѣющими часто не болѣе нѣсколькихъ яровъ; эти пирамиды почти одинаковой высоты; очевидно, онѣ современны другъ другу по своему образованію и составляли нѣкогда сплошную массу. Эти гравитныя формаціи, вслѣдствіе осѣданія камня на которомъ лежатъ, постоянно обрываются цѣлыми массами и, смѣшавшись съ обломками базальта, порфира, известняка, увлекаются потоками въ долины, а оттуда въ море, подвергшись на пути большому и меньшему разложенію. Едва ли гдѣ потоки имѣющіе не большій бассейнъ чѣмъ потоки Синайскаго полуострова наносятъ въ море большее чѣмъ они количество песку. Будучи разсматриваемо само по себѣ, это количество можно сказать велико, но оно, очевидно, весьма незначительно, если сравнить его съ тою массой песку какаля выбрасывается Нѣмецкимъ Моремъ и Атлантическимъ Океаномъ на берега Давіи и Франціи. Въ Каменистой Аравіи многіе потоки имѣютъ весьма короткое теченіе, такъ какъ море во многихъ мѣстахъ оmyваетъ самую подошву горы полуострова, вслѣдствіе чего камень, увлекаемый этими потоками, достигаетъ моря прежде чѣмъ успѣваетъ достаточно разложиться чтобы можно было его назвать пескомъ, а иногда даже не успѣваетъ раздробиться въ мелкіе округленныя камешки. Упадающіе такимъ образомъ въ море крупныя угловатые обломки камня сцѣпляются одинъ съ другимъ съ помощью извести или другихъ связующихъ веществъ, содержащихся въ морской водѣ, и быстро образуютъ изъ себя причудливо разнообразныя бреччи. Въ сѣверной части Синайскаго полуострова находится большой наносъ песку, перемѣшаннаго съ агатовыми камешками и съ окаменѣлымъ

деревомъ, но эти наносы, очевидно, происходятъ не отъ Синайской каменной группы и не суть продукты мѣстныхъ силъ, дѣйствующихъ тамъ въ настоящее время.“ *

Не могу не указать еще на интересное наблюдение Жобара, произведенное имъ въ устьяхъ Нила: „Волна, говоритъ онъ, набѣжавъ на берегъ, оставляетъ на немъ осадокъ песку столь тонкій что онъ почти не замѣтенъ; каждая слѣдующая волна дѣлаетъ то же самое, и такимъ образомъ мало-по-малу образуется слой наноснаго песку, который, постепенно возвышаясь, становится наконецъ недосыгаемымъ для волнъ. Тогда его сушатъ солнечные лучи, а потомъ вѣтеръ поднимаетъ или катитъ по поверхности и заноситъ внутрь материка. Волны не выбрасываютъ на берегъ мелкаго камня, а только катаютъ его взадъ и впередъ, и эта операція продолжается до тѣхъ поръ пока камень не превратится въ песокъ.“ **

Приведенныхъ примѣровъ мнѣ кажется совершенно достаточно для того чтобы составить себѣ понятіе объ образованіи песку вообще. Кара-Кумы на основаніи произведенныхъ изслѣдованій, кромѣ кремнезема, содержать въ своемъ составѣ гипоземъ, хлористый натръ и другія соли; присутствія же извести не было открыто. *** Они въ общей своей массѣ представляютъ осадки глубокой древности, въ особенности на пространствѣ между урочищемъ Майли-Башъ и Фортонъ № 2 (Кармакчи.) Это послѣднее предположеніе высказано Л. Мейеромъ на основаніи крутвозернистости песку и залегающей подъ нимъ формации. **** Впрочемъ, юго-западная часть Кара-Кумовъ есть продуктъ моря менѣе отдаленной эпохи; на сѣверо-восточномъ углу Арала, у залива Сары-Чагалакъ, морскія волны постоянно и постепенно отступаютъ, высохшее дно представляется песчанымъ и входитъ въ составъ увеличивающейся площади Кара-Кумовъ. †

Эверсманъ высказываетъ однако предположеніе что названные пески произошли вслѣдствіе вывѣтриванія мергеля и известняка (Rogenstein) на самомъ мѣстѣ ихъ залеганія.

* Мартъ, I.. 475.

** Staring. *De Bodem v. Nederland.* I. 327.

*** *О выборѣ кратчайшаго направленія средне-азіатской желѣзной дороги* стр. 31.

**** *О выборѣ вѣст.* стр. 30.

† L. с.

Противъ этого однако говорятъ, вопервыхъ, современные осадки въ Сары-Чагамакскомъ и другихъ заливахъ, и восторыхъ, находимые въ пескѣ остатки раковинъ *Cardium* и *Mutilus*, живущихъ и въ настоящее время въ Арабскомъ морѣ.

Кромѣ того, въ Кара-Кумахъ мы находимъ и каменные породы. Таковы въ средней части: Камаасъ, Музь-Билъ и Быръ-Тамаръ, направленіе которыхъ съ сѣверо-востока на юго-западъ. Въ составъ возвышенности Камааса входятъ глинистые сланцы и кварць. Музь-Билъ—ракушечные конгломераты съ отлѣтками животныхъ организмовъ и белемниты, а Быръ-Тамыра—глинистыя и известковыя породы. * Накопецъ Леманъ находилъ остатки морскихъ водорослей и камыша сохранившіеся подъ несчастными наносами. Все это ясно говоритъ за осадочное происхожденіе Кара-Кумовъ.

Мы рассмотрѣли способъ образованія песчаныхъ равнинъ и видѣли что метеорологическія и механическія причины даютъ начало этимъ пустынямъ въ настоящее время такъ же какъ и въ отдаленныя геологическія эпохи. Мы упомянули также что песокъ можетъ переноситься дѣйствіемъ воды и вѣтра. Съ первымъ дѣвателемъ намъ удалось уже ознакомиться. Коснемся теперь вкратцѣ втораго, не менѣе могучаго и важнаго; въ Кара-Кумахъ на каждомъ шагѣ можно подмѣтить его силу и вліаніе.

Пески отложенныя моремъ равняются вѣтрамъ на далекое разстояніе. Гдѣ только встрѣчается какое-нибудь препятствіе, будетъ ли это кустъ растенія, камень или другой какой предметъ, песчинки задерживаются, на нихъ наносятся послѣдующія, и такимъ образомъ довольно быстро появляется небольшой песчаный бугорокъ. Само собою разумѣется что этотъ бугорокъ можетъ постепенно превратиться въ холмъ и наконецъ въ большой такъ-называемый барханъ.

Такъ какъ Кара-Кумы, Кизыль-Кумы и другіе пески Средней Азіи почти исключительно состоятъ изъ цѣлыхъ рядовъ бархановъ, а плоскія песчаныя поверхности попадаются только между этими холмами, то становится весьма убѣдительнымъ предположеніе г. Богданова что названныя пески составляютъ настоящую *барханную формацію*. „Матеріалъ составляющій эту формацію—песокъ, по его словамъ, отложенный первоначально моремъ въ видѣ дювъ наполненныхъ ракови-

* L. c., стр. 29.

нами, былъ потомъ разнесенъ по степи вѣтрами, отложившими его тамъ гдѣ теперь простирается барханная формація. Еслибы принять что эта формація и ея рельефъ образованы текущими водами, то во многихъ мѣстахъ по Усть-Урту (напримѣръ урочища Самъ, Асмантай-Матай, Исень-Чагыль) и въ Кизыль-Кумахъ такіе пески не могли бы существовать по топографическимъ условіямъ. Прослѣдивъ во время двукратнаго путешествія песчаную пустыню, я убѣдился вполнѣ что барханная формація отложена въ ея современномъ видѣ вѣтрами. Направленіе грядъ бархановъ, форма самыхъ бархановъ (плоскій подвѣтренный склонъ и крутой завѣтренный), напоминающая вполнѣ форму свѣжыхъ удюновъ, наконецъ замѣчательно правильная сортировка песчинокъ въ различныхъ частяхъ склоновъ и отсутствіе въ нихъ раковинъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ что тутъ дѣйствовалъ вѣтеръ, а не текучая или какая бы то ни было вода.“ *

Не надо однако думать что образуя дѣлая горы, песокъ поднимается вѣтромъ на большое разстояніе отъ поверхности земли, что въ степяхъ носятъ цѣлыя песчаные тучи. Изъ массы примѣровъ собранныхъ въ книгѣ Марша мы видимъ совершенно обратное. Такъ Бремонтье, описывая дюны на западномъ берегу Франціи, говоритъ: „Песчинки изъ которыхъ состоятъ эти холмы недостаточно велики чтобы сопротивляться значительному вѣтру, но въ то же время и недостаточно малы чтобы вѣтеръ могъ ихъ подыять какъ лыжъ; онѣ только катятся по поверхности, и хотя вѣтеръ иногда увлекаетъ ихъ съ большою быстротой, но онѣ рѣдко поднимаются выше трехъ или четырехъ дюймовъ.“ **

Андерсень утверждаетъ что вѣтеръ пробѣгающій сорокъ футовъ въ секунду достаточно силенъ чтобы подыять песокъ въ уровень съ головой человѣка, но что обыкновенно песокъ только катится вѣтромъ по поверхности, весьма рѣдко поднимается отъ поверхности выше двухъ ярдовъ и что въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ по большей части не летитъ въ воздухъ по вѣтру, а только подпрыгиваетъ и поэтому достаточно весьма неширокаго пространства воды чтобы наносъ песку прекратился и весь подыятый вѣтромъ песокъ

* О выборѣ кратч. направл. etc. Письмо Богданова, стр. 66.

** *Mémoire sur les Dunes. Ann. des Ponts et Chaussées, 1833.* первое изданіе, р. 148. (Маршъ I. с. 479.)

уламъ въ воду. Баскъ также указываетъ на то что въ степи Колорадо песокъ не поднимается высоко въ воздухъ, а катится по поверхности или же поднимается отъ поверхности не болѣе какъ на нѣсколько дюймовъ. * Наконецъ я имѣлъ уже случай коснуться тѣхъ сказокъ которыя разказываютъ путешественники по Сахаръ, желающіе изобразить опасность отъ песчаной бури самаума.

Въ нынѣшнемъ году (2 іюня) я былъ застигнутъ буряномъ около станціи Кара-Тугай, на Сыръ-Дарьѣ. Страшный вѣтеръ свирѣпствовалъ нѣсколько часовъ сряду; горизонтъ исчезъ въ облакахъ песку; сдѣлалось темно какъ въ сумеркахъ, несмотря на то что было всего два часа дня. Темъ не менѣе, присматриваясь, я легко могъ замѣтить что собственно песокъ гонимый съ бархановъ Кара-Кумъ катился по поверхности солончаково-глинистой почвы и, встрѣчая какое-нибудь препятствіе, подпрыгивалъ вверхъ. Прыжки отдѣльныхъ песчинокъ не превосходили однако вышины нашего тарантаса. Облака наполнившія воздухъ и съ необыкновенною быстротой мѣнявшія свои очертанія, принадлежали не песку, а тому мелкому *глинистому порошку* который покрываетъ толстымъ слоемъ (чуть не въ двѣ четверти) поверхность почтовой дороги на всемъ трактѣ отъ Казаши-ска до Ташкента.

Подтвержденіе моему наблюденію мы находимъ опять-таки у Марша. Онъ указываетъ на то что „на прилегающихъ къ Нильской долины степяхъ пески никогда не поднимаются вѣтрами такъ высоко и не переносятся столь большими массами какъ это обыкновенно полагаютъ; притомъ тотъ песокъ который дѣйствительно поднимается или катится течениями воздуха и такимъ образомъ заносится въ долину Нила преимущественно или известковый, стало-быть способный скоро разлагаться, или же мелкій какъ пыль и следовательно во всякомъ случаѣ не вредный для почвы. Правда, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Аравіи, есть значительныя пространства мелкаго кремнистаго песку, который можетъ быть далеко заносимъ сильнымъ вѣтромъ, но это исключительный случай, обыкновенно же песокъ въ степяхъ не поднимается вѣтромъ, а только катится по поверхности“ **.

* Маршъ I. с.

** L. с.

Федченко во время своего путешествія въ Фергану описываетъ какъ во время сильнаго вѣтра воздухъ наполнился мелкой, горы сдѣлались неясны и песокъ сталъ переноситься съ одного холма на другой. При этомъ однако „песокъ начинаетъ двигаться по склону вверхъ и пересылается на другую сторону, увеличивая его крутизну“. Появленіе мглы оныя объясняетъ поднятою вверхъ пылью. „Эта тончайшая, проникающая въ малѣйшія щели пыли поднимается съ осохшихъ иловатыхъ мѣстъ; илъ измельченный до нельзя при движеніи ледниковъ и принесенный внизъ горными рѣками а и считаю именно причиной мглы. Стоить только поднять-ся илу въ атмосферу чтобъ оныя по своей легкости держалась при самомъ небольшомъ токъ воздуха снизу. При такомъ объясненіи происхожденія мглы будетъ понятно, почему надъ Сыръ-Дарьей тянется такая рѣзко-очерченная полоса болѣе сильной мгмы: илъ скопается больше всего въ рѣкѣ и ея разливахъ, а сѣдовательно и на осохшихъ берегахъ и поемныхъ мѣстахъ.“

Приведенное мѣсто изъ путешествія Федченко также доказываетъ что во время бури не песокъ подымается вверхъ и носится въ воздухѣ, а только одна пыль. Само-собою разумѣется что условія мѣстности при сравненіи Ферганы съ Кара-Кумами не могутъ браться въ расчетъ, такъ какъ песокъ вездѣ песокъ, и различіе въ составѣ пыли ничего не значить.

Я уже имѣлъ случай сказать что песчинки задержанныя на своемъ пути какимъ-нибудь предметомъ даютъ первое начало барханамъ. Съ особенною ясностью удалось мнѣ видѣть подобный процессъ зарожденія песчаныхъ холмовъ въ прошломъ году въ Кара-Кумахъ, не доѣзжая нѣсколькихъ десятковъ верстъ до Сыръ-Дарьи. На глинисто-солонцеватой ровной поверхности кое-гдѣ виднѣлись небольшіе кустики различныхъ растений выжженныхъ лающимъ солнцемъ. Горячій вѣтеръ катилъ песокъ. Песчинки, вертась и прыгая, налетали на кустикъ и задерживались; за ними сѣдовали другія, потомъ еще и еще, пока не получалось небольшое возвышеніе. Возвышеніе это имѣло продолговатую форму; одинъ конецъ его былъ нѣсколько выше, заключалъ внутри себя погребенное растеніе и оно круто обрывалось на заѣтренную

* А. Федченко. *Путешествіе въ Туркестанъ 1875*. Томъ I, ч. 2; *Въ Коканскомъ кантонѣ*, тетрадь 1, стр. 35.

сторону; другой повижался постепенно и наконецъ какъ бы ступеньвался на глинистой почвѣ. Новыя колонны песчинокъ скользили по молодому холмику, достигали его верхушки и обрывались на крутой сторонѣ, все болѣе и болѣе засылая еще живой кустикъ. На площади на которой происходило развитіе песчаныхъ холмиковъ можно было видѣть постепенность въ ростѣ бархановъ: тамъ только стали обрисовываться контуры маленькой кучки, тамъ уже видно было какъ вытанулась она и приподняла одинъ изъ своихъ концовъ, адѣсь, наконецъ, холмикъ выросъ довольно значительный и изъ его верхушки едва выглядываетъ вѣточка чагыра (полыни).

Около Кара-Тугая мѣся удалось уже въ нынѣшнемъ году сдѣлать кое-какія наблюденія надъ быстротой роста барханчиковъ: холмики имѣвшіе въ прошломъ октябрѣ (1878) вышины 1,2, 2¹/₂, четверти (приблизительно) достигли въ мѣся (1879) 2, 2¹/₂ и 3 четвертей аршина. Само собою разумѣется что вообще при ростѣ должно имѣть въ виду количество вѣтряныхъ дней и самую силу вѣтра.

Такимъ образомъ рождаются и растутъ барханы. Обыкновенно между ними всегда замѣчаются ложбинки (*комерюкы* по-киргизски), состоящія изъ глинистой почвы, на которой лежитъ песокъ болѣе или менѣе толстымъ слоемъ. Тамъ гдѣ барханы стоятъ правильнымъ кругомъ, въ его центрѣ замѣчается глубокая впадина, или лучше сказать, котловина. На двѣ ихъ часто можно видѣть точно снѣжный бѣлый налетъ. Это не что иное какъ такъ-называемые соры или соленыя высохшія грязи. Содержаніе солей бываетъ различно, равно какъ и степень влажности самой глины. Иногда соры покрыты тонкою сухою корой. Неолытый лутникъ или животное, ступившее на такую поверхность, проваливается и тщетно стараются выбиться изъ глубокой толкой и вязкой грязи; чѣмъ больше бьется жертва, тѣмъ быстрее засасываетъ ее предательская ловушка, и чрезъ нѣсколько времени полужидкая масса сливается надъ головой. Таковъ солонецъ Сарке-Соръ или *красагый*. Попадаются равнины гдѣ лежитъ песокъ тонкимъ и твердымъ слоемъ на глинисто-солонцеватой подпочвѣ или же гдѣ песокъ перемеживается съ солонцомъ и образуетъ разныхъ видовъ суглинка. Киргизы обозначаютъ солонцы перваго рода особымъ названіемъ *Кумакъ*, а втораго *Кибръ*.

Наковецъ довольно часто предъ глазами путешественника, утомленнаго однообразною картиной высокихъ бархановъ, вдругъ откроется большая площадь. По срединѣ раскинулось круглое высохшее озеро; безводное дно его сѣроватаго цвѣта и постепенно переходитъ въ отлогіе берега. Кое-гдѣ по окраинамъ замѣчаются небольшія трещины прихотливаго очертанія. Весною здѣсь скопляется снѣговая вода, но едва наступитъ знойное лѣто, въ продолженіе котораго не выпадаетъ иногда ни одной капли дождя, вода испаряется, дно высыхаетъ и дѣлается до того твердымъ и жесткимъ что проѣхавшее колесо и копыта лошади не оставляютъ на его поверхности ни малѣйшихъ слѣдовъ. Надо однако замѣтить что во время распутицы перевѣзъ черезъ такое сухое озеро въ высшей степени затруднителенъ, такъ какъ дно дѣлается скользкимъ какъ ледъ. Тѣмъ не менѣе, какъ отлчительный характеръ подобныхъ мелкихъ бассейновъ можетъ служить то что глина никогда не бываетъ такою вязкою какъ въ горахъ, почему Киргизы и обозначаютъ ихъ особеннымъ названіемъ *такыр*.

Вернемся опять къ нашимъ барханамъ. Вышина ихъ бываетъ весьма значительна. Иногда она достигаетъ трехъ и четырехъ сажень и тогда они известны подъ именемъ *Чагылъ* (киргизск.), иногда же вырастаютъ въ бугры имѣющіе десять сажень, считая отъ подошвы до вершины (*Ореулъ*, киргизск.). Г. Богдановъ видѣлъ также песчаные холмы въ 100—130 футовъ, около Кокче, и между Таджи-Казганомъ и Бай-Муратомъ.

Что касается до строенія бархановъ, то оно также указываетъ на способъ происхожденія ихъ; песокъ на буграхъ мелче нежели въ ложбинахъ. Когда море высохло и дно начало подвергаться дѣйствию вѣтра, легкія песчинки и глинистая пыль, носясь въ воздухъ и падая на поверхность земли, располагались на ней такимъ образомъ что болѣе тяжелыя частицы достигали ея ранѣе нежели болѣе легкія, затѣмъ уже сталъ подвергаться передвиженію только верхній болѣе легкій слой*.

Иногда можно замѣтить слѣдующее интересное явленіе на вершинѣ бархана: песокъ въ тихую погоду остается неподвиженъ,¹ влага находящаяся между частицами связываетъ ихъ впасть. Отъ испаренія и отъ движенія воздуха поверх-

* О выборѣ кратчайшаго направленія и т. д. стр. 33.

ностный слой высыхает прежде всего. Какъ только вслѣдствіе испаренія воды связь частицъ нарушена, песокъ быстро скатывается цѣлымъ каскадомъ внизъ, пока не обложитъ ниже лежащій болѣе влажный слой; въ которомъ чрезъ нѣсколько времени продѣлывается то же самое. Очень часто случается видѣть что съ верхушки холма буквально *течетъ* узкая полоска сухаго песку. Вотъ она остановилась предъ какимъ-нибудь кускомъ дерева и раздѣляется на два рукава; каждый оmyваетъ съ одной и другой стороны помѣшавшую щелку; вотъ самаась опять въ одинъ общій потокъ и потекла далѣе, пока не достигаетъ подножія.

Но всего интереснѣе это параллельныя бороздки на поверхности сыпучихъ бархановъ. Послѣ сильныхъ вѣтровъ можно легко замѣтить безчисленное множество зигзаговидныхъ линій, которыми испещрены бока холмовъ. Словомъ, здѣсь мы имѣемъ картину похожую на то что замѣчается на поверхности взморья. Форхгаммеръ говоритъ: „Производимыя вѣтромъ борозды на поверхности дюнь совершенно схожи съ бороздами производимыми водою на поверхности песчаныхъ возвышенностей, которыя во временахъ затопленія моремъ; при самомъ тщательномъ изслѣдованіи я никогда не могъ найти между ними ни малѣйшей разницы. Это легко объясняется тѣмъ что и на затопленномъ пескѣ, какъ на поверхности дюнь, борозды производятся, собственно говоря, вѣтромъ, а вода служитъ только проводникомъ, чрезъ который волны теченія воздуха отпечатываются на пескѣ“.*

Такимъ образомъ нѣтъ никакаго сомнѣнія что и на барханахъ вѣтеръ, ударяясь напримѣръ о крутую его сторону, производитъ борозды. Тотъ же Форхгаммеръ, описывая Югандскія дюны, состоящія изъ желтаго кварцеваго песку съ примѣсью чернаго титанистаго желѣза, говоритъ, что при вѣтрѣ на поверхности дюны образуются борозды, рядъ возвышеній и углубленій, складки, рябины или волны, въ родѣ того какъ на поверхности воды, и что эти борозды или волны состоятъ изъ легкихъ кварцевыхъ зеренъ, между тѣмъ какъ тяжелыя зерна титанистаго желѣза скатываются въ углубленія и такимъ образомъ вся поверхность дюны имѣетъ видъ какъ будто она покрыта тонкою черною сѣтью.

* *Geognostische Studien am Meeres-Ufer.* (Leonhard v. Bronn. Jahrbuch, 1841. 7. 8. Маршъ 506.)

Чѣмъ круче подымается песчаный барханъ тѣмъ рѣзче выдѣляются зигзаговидныя линіи. Оно и понятво, если мы вспомнимъ, какое сильное сопротивленіе представляютъ обрывистыя стороны холма валору вѣтра. Укажу на примѣры приводимыя въ сочиненіи вышеупомянутаго изслѣдователя Ютаандскаго берега. Онъ говоритъ что при сильномъ вѣтрѣ „на дюнахъ нельзя почти устоять на ногахъ, но тѣ дюны которыя омываются волнами и имѣють перпендикулярный откосъ къ морю составляютъ изъ этого исключенія. На нихъ вѣтеръ не силеетъ или даже почти вовсе нечувствителенъ. Это общеизвѣстный фактъ въ нашихъ мѣстахъ и замѣчается на всѣхъ крутизнахъ Ютаандскаго берега, которыя имѣють иногда до двухсотъ футовъ вышины. То же самое замѣчается на Ферейскихъ островахъ, гдѣ береговые утесы достигаютъ до двухъ тысячъ футовъ высоты; тамъ, при наступленіи бури, какъ только подуетъ сильный вѣтеръ, скотъ бѣжитъ на самую вершину утесовъ, ища убѣжища, причемъ нерѣдко обрывается и гибнетъ. Вѣтеръ, ударяясь въ вертикальный откосъ утеса, образуетъ теченіе воздуха вверхъ, которое переходитъ отчасти за гребень утеса, и такимъ образомъ наблюдатель или животное находящіяся на вершинѣ утеса охраняются этимъ теченіемъ отъ вѣтра какъ ширмами“.*

Какъ ни странно кажется намъ съ перваго взгляда это явленіе, тѣмъ не менѣе оно извѣстно каждому изъ жителей приморскихъ дювъ. Само собою разумѣется что при такой сильной задержкѣ какую производитъ барханъ теченіямъ воздуха будетъ понятна та рѣзкость въ очертаніи бороздъ какую мы замѣчаемъ иногда на крутой его сторонѣ.

Что касается до наружной формы песчаныхъ Бара-Кумскихъ холмовъ, то она по большей части продолговата; съ одной стороны—полога, а съ другой оканчивается круто. Молодые барханчики во время своего первоначальнаго возраста имѣють иногда подковообразную форму, причемъ вогнутость обращена назадъ (подвѣтренная сторона) и представляется постепенно повижающимся склономъ. Надо однако замѣтить что подобная правильная (болѣе или менѣе) фигура уничтожается весьма рано, и окончательно барханъ имѣеть видъ неправильнаго пирамидальнаго возвышенія.

* *Geognost. Studien* p. 3.

По наблюденіямъ Федченка въ Ферганѣ также замѣчаются сыпучіе холмы песку съ подковообразною выпуклиной на той сторонѣ откуда дуетъ вѣтеръ. *

Въ другихъ частяхъ свѣта мы также находимъ странную форму бархановъ, которую они принимаютъ смотря по тому будутъ ли пески подвижными или неподвижными. Мейенъ видѣлъ между Андами и Тихимъ Океаномъ песчаные холмы серповидной формы. Эти груды имѣли отъ семи до пятнадцати футовъ высоты; хорда ихъ дуги была длиною отъ двадцати до семидесяти шаговъ, наклонъ выпуклой стороны весьма небольшой, а вогнутой отъ 70° до 80° , поверхность изборозженная. Вогнутая сторона этихъ дюнъ была обращена къ сѣверо-западу; исключеніе отъ этого представляли только дюны находившіяся въ центрѣ степи, у которыхъ выпуклая сторона на протяженіи отъ ста до двухсотъ шаговъ представляла постепенный поворотъ къ западу, а потомъ опять постепенный поворотъ къ сѣверо-западу.

Поллигъ раздѣляетъ дюны или меданос помянутой американской степи на подвижныя и неподвижныя, изъ которыхъ первыя имѣютъ серповидную форму, а вторыя—коническую. Меданос, говоритъ онъ, суть холмообразныя песчаная возвышенія; одни изъ нихъ имѣютъ твердый, а другія рыхлый базисъ. Форма послѣднихъ представляетъ видъ подушечка; высота ихъ отъ десяти до двадцати футовъ, гребень заостренный; внутренняя сторона перпендикулярна, а вѣшняя или выпуклая образуетъ уголъ съ крутымъ наклономъ. При сильномъ вѣтрѣ онѣ быстро движутся по равнинѣ. При этомъ движеніи впереди обыкновенно идутъ болѣе мелкія и легкія, а за ними болѣе крупныя; но послѣднія скоро нагоняютъ переднія и разрушаютъ ихъ, причемъ и сами подвергаются разрушенію, вслѣдствіе чего эти меданос получаютъ самыя разнообразныя формы, и такимъ образомъ иногда движутся по равнинѣ многими рядами, представляя самый залутанный лабиринтъ. Часто случается что равнина покрывается рядами меданос, а потомъ черезъ нѣсколько дней опять получаетъ прежній однообразный видъ. Неподвижныя меданос, имѣющія твердый базисъ, образуются на большихъ камняхъ, которые разбросаны по равнинѣ. Песокъ наносится вѣтромъ къ одной сторонѣ камня и когда достигаетъ

* Въ *Коканской ханстѣ*, стр. 35; Рекаю, Земля. 200.

вершины камня, то перекачивается на другую сторону и такимъ образомъ мало-по-малу образуется холмъ конической формы. Такъ образуются цѣлыя цѣли холмовъ съ заостренными гребнями. На южныхъ откосахъ этихъ холмовъ скопляются горными вѣтрами большія массы песку; сѣверные же откосы, хотя и не круче южныхъ, но покрыты только небольшимъ количествомъ песку. Когда цѣль такихъ холмовъ идетъ въ вѣкоторомъ отдаленіи отъ моря параллельно съ Аядами, а именно отъ ЮЮВ. къ ССЗ., то западный ихъ откосъ почти совсѣмъ не имѣетъ песку, такъ какъ песокъ съ этой стороны сметается далѣе въ равнину юго-восточнымъ вѣтромъ, который здѣсь постоянно чередуется съ южнымъ. *

Лоранъ говоритъ что углубленіе на вершинѣ имѣющее форму воронки есть характеристическая принадлежность песчаныхъ холмовъ Алжирской степи. Изъ этого можно заключить что и Алжирскія дюны имѣютъ форму близко подходящую къ формѣ полушарца, какую имѣютъ внутреннія Перуанскія дюны. **

Я остановилась съ особенною подробностью на описаніи серповидныхъ бархановъ, такъ какъ это явленіе въ высшей степени интересно, и имѣетъ большое сходство съ тѣмъ что видѣлъ Федченко и о чемъ я вскользь упомянулъ выше. „Такъ какъ холмы (въ Ферганѣ), говоритъ онъ, не велики, то концы ихъ загнуты, такъ что основаніе холма подковообразно. При вѣтрѣ песокъ начинаетъ двигаться по склону вверхъ и пересылается на другую сторону, увеличивая ее крутизну. Когда крутизна сдѣлается значительна, песокъ не останавливаясь несется далѣе и ложится въ подковообразной выемкѣ холма, гдѣ укрытый отъ вѣтра онъ накапливается въ видѣ кучи. Мало-по-малу большая часть первоначальнаго холма пересылается на новообразованную кучу и затѣмъ, при пониженіи стараго, вновь образовавшійся будетъ доступенъ дѣйствию вѣтра, который начнетъ ему придавать указанную своеобразную форму, а старый будетъ снесенъ до основанія. Такъ медленно но постоянно движется песокъ и притомъ въ направленіи съ запада на востокъ, вслѣдствіе того что сильныя вѣтры въ Ферганѣ преобладаютъ западные, по крайней мѣрѣ лѣтомъ.“

* *Travels in Peru*. 1848. Chap. IX (Маршъ 507).

** *Mémoire sur le Sahara* p. 11. 12 (Маршъ 506).

Въ Кара-Кумахъ, какъ я имѣлъ уже случай сказать, иногда только можно замѣтить серповидную форму бархановъ и то въ молодомъ возрастѣ ихъ. Тогда обыкновенно изъ наиболѣе крутой части торчатъ тѣ предметы которые послужили прелатствіемъ несущимся лещинкамъ и дали такъ-сказать начало лещаному холмику.

Такимъ образомъ мы видимъ что лещки передвижныя или случіе многихъ мѣстностей земнаго шара имѣютъ чрезвычайно своеобразный характеръ, выражающійся главнымъ образомъ въ формѣ холмовъ. Слабый намекъ на это свойство проявляется даже въ Кара-Кумахъ. Дюны морскія выбрасываемыя морскою водою никогда не выражаютъ стремленія принять хоть какую-нибудь правильную форму. Вотъ это-то различіе въ строеніи морскихъ и внутреннихъ лещаныхъ холмовъ остается до сихъ поръ совершенно не разъясненнымъ, хотя и заслуживаетъ тщательнаго изслѣдованія.

Мы коснулись случіе лещковъ, свойства которыми обладаютъ всѣ нескрѣпленные растительностью барханы, образуются ли они водою или же принесены вѣтромъ, свойства котораго боится каждый и которое приписывается Кара-Кумамъ.

Остановимся сначала на примѣрахъ доказывающихъ что лещки передвигаются, что они засыпаютъ цѣлыя зданія, угрожаютъ цѣлымъ селеніямъ, и потомъ рассмотримъ, во первыхъ, отчего это происходитъ, а во вторыхъ, можно ли помочь горю? Дюны находящіяся на морскомъ лобережьи, гдѣ влажная и валитанная солями морская атмосфера постоянно поддерживаетъ въ лещкахъ бѣольшую или меньшую степень влажности, липкости, не такъ быстро могутъ двигаться какъ внутренніе, сухіе и рыхлые лещки. Мы еще будемъ говорить объ этомъ, касаясь французскихъ ландъ, здѣсь же приведу примѣры случіе лещковъ не европейскихъ. Поразительную картину можно видѣть въ долинахъ нижняго Евфрата. Здѣсь лещки, образовавшіеся на мѣстахъ отступившаго моря, подвигаются къ сѣверо-западу съ такою быстротою которая кажется баснословною по сравненію съ медленнымъ движеніемъ лещаныхъ холмовъ на гасконскихъ и вѣмецкихъ берегахъ. Лофтусъ, описывая древній арабскій городъ Ниаію, отстоящій на пять миль къ востоку отъ развалинъ Вавилона, говоритъ что въ 1848 году кругомъ него стали скопляться лещки и въ теченіе какихъ-нибудь *шести лѣтъ* образовали кругомъ на шесть миль лещаную степь, на которой видѣ-

ются только немногія вершины развалинъ, такъ что теперь невозможно даже опредѣлить первоначальную форму или протяженіе города *. Лофтусъ называетъ этотъ песчаный потокъ авангардомъ тѣхъ громадныхъ песковъ которые поднимаются съ юго-востока и угрожаютъ засыпать Вавилонъ и Багдадъ.

Въ прежнія времена, когда долина Евфрата орошалась и воздѣлывалась, песокъ сдерживался влагою, наноснымъ иломъ и растительностью, но въ настоящее время эта долина совершенно заброшена, поверхность ея высохла, обратилась въ порошокъ; оголилась; какаѣ-нибудь случайная разсѣлина въ верхнемъ слое можетъ въ короткое время превратиться въ большое отверстіе и обнаружить такую массу рыхлаго песку котораго достаточно чтобы засыпать цѣлую область **.

Федченко въ Коканскомъ ханствѣ слѣдующимъ образомъ описываетъ разрушительную дѣятельность песковъ: „Противъ Кара-Куйлюка, говоритъ онъ, мы видѣли кладбище печально помѣстившееся на возвышеніи и прежде вѣроятно окруженное полями. Далѣе видѣлся брошенный курганъ, вокругъ котораго когда-нибудь были селенія. Затѣмъ, наконецъ, предъ нашими глазами совершался самый процессъ оттѣсненія культуры пескомъ, эта борьба между жизнью и смертью. Въ одномъ изъ кышаковъ, до котораго уже достигъ разрушитель, сады были на половину занесены пескомъ и только одинокія, полузасохшія деревья, торчавшія на погребенной почвѣ, свидѣтельствовали о печальной участи окружавшей ихъ недавно растительности. Стѣна ближайшихъ садовъ служила еще нѣкоторою оградой дальнѣйшему распространенію песчанаго потока, но скоро уже песокъ и тутъ доберется до края и станетъ заносить садъ, потомъ второй, третій и т. д. ***

Студеръ высказалъ предположеніе что даже африканскіе передвижные пески были первоначально морскими береговыми долинами и что въ послѣдствіи вѣтеръ загналъ ихъ внутрь материка. Въ настоящее время общее движеніе песковъ Африки совершается по направленію къ юго-западу и западу, такъ какъ тамъ преобладаютъ сѣверо-восточные и восточные вѣтры. Впрочемъ еще не рѣшено окончательно, занесены ли они

* *Travels and Researches in Chaldaea.* Chap. XI.

** Маршъ, I. 536.

*** L. c., стр. 35.

съ глубины Атлантическаго океана или же наоборотъ, они явились изъ Сахары. Очень можетъ быть что какъ подвижныя песчаные холмы африканскихъ степей, такъ и пески западнаго берега сѣверной Африки были первоначально выброшены Средиземнымъ моремъ на Ливійскіе берега и отсюда уже занесены далѣе на югъ и западъ.

Науманъ въ своей *Geognosie*, II, S. 1.172, прямо утверждаетъ однако что на западномъ берегу Африки дюны движутся по направленію къ морю и постоянно получаютъ новыя наносы песку съ Сахары. Они постепенно подвигаются далѣе въ море. Затѣмъ онъ прибавляетъ: „Сѣверо-африканская степь раздѣляется на двѣ части, *Savanne* или западная и *Sahara* или восточная. Пески Сахары уже съ незапамятныхъ временъ смесены вѣтрами далѣе къ западу. Въ Сахелѣ преобладаютъ восточныя вѣтры и постепенно движутъ песокъ по направленію къ западу; восточная ея половина уже совершенно очищена вѣтрами отъ песку.“ *

Въ Америкѣ хотя и существуютъ большія цѣпи дювъ на сѣверо-американскомъ берегу Тихаго Океана и хотя въ Санъ-Франциско онъ прилегаетъ къ самымъ улицамъ города, но Маршъ говоритъ что онъ не знаетъ ни одного Американца который бы занимался изслѣдованіемъ законовъ ихъ образованія и передвиженія. **

Что касается до Кара-Кумовъ, то здѣсь мы имѣемъ также примѣры случаети этихъ песковъ. Киргизы, обитатели степей, даже отличаютъ передвигающіеся холмы отъ твердо стоящихъ (и даже не измѣняющихъ свою форму) и обозначаютъ ихъ особымъ названіемъ *Урме*, *Батнакъ-Кумъ*.

Стоитъ только проѣхать по Ташкентскому тракту, по берегамъ Аральскаго моря чтобы встрѣтиться съ песчаными волнами, заливающими тотъ или другой предметъ. Путешественника невольно поражаетъ полуразрушенная и оставленная станція Алты-Кудукъ, окончательно затонувшая въ глубокомъ случаемъ пескѣ. Съ одной стороны барханы взобрались уже на крышу, раскинулся кругомъ стѣнъ высокими валомъ и до половины засыпалъ входную дверь. А кругомъ блестятъ на солнцѣ раскаленная поверхность цѣлой толпы холмовъ, которые подымаясь все выше и выше, уходятъ въ

* *Geognosie*, 3, 1173.

** L. с. 492.

необозримую даль. Ночью, при лунномъ свѣтѣ, картина необыкновенно эффектна.

Такихъ зданій на протяженіи почтовой дороги попадаетъ нѣсколько и только неустанный надзоръ за приближающимися лесками можетъ до нѣкоторой степени бороться съ ихъ натискомъ.

Наковецъ, по словамъ киргизскаго воинскаго начальника, И. А. Чижовскаго, во время урагановъ 1870 года лески окрестностей Иргиза до такой степени приблизились къ городу что ими были засыпаны три хаты. *

Если припомнить все это, то становится мало вѣроятнымъ чтобы можно было бороться съ такимъ могучимъ и безплощаднымъ разрушителемъ. Но вездѣ ли, спросимъ прежде всего, Кара-Кумы подвижны? На этотъ вопросъ надежить дать отрицательный отвѣтъ, такъ какъ чѣмъ дальше отъ моря, чѣмъ ближе къ центральной, внутренней своей части, тѣмъ болѣе лески скрѣплены растительностью и тѣмъ менѣе они подвижны. Слѣдовательно все дѣло заключается въ зависимости которая существуетъ между барханами и покрывающими ихъ растеніями. Приведу нѣсколько примѣровъ. Въ 1869 году лесчавыя окрестности Иргиза были совершенно лишены растительности, вырубленной на надобности гарнизона, и на слѣдующій годъ лесокъ придвинулся къ зданіямъ и, какъ я уже указалъ, засыпалъ нѣкоторые изъ нихъ. Въ 1871 году было запрещено рубить растенія вокругъ города на разстояніи двухъ верстъ и передвиженіе леску прекратилось. Киргизы и вообще кочевники, уничтожая растительность своимъ скотомъ, способствуютъ много тому что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Кара-Кумовъ можно найти *случай* лесокъ (въ центральной части урочища) какъ въ барханы Киятъ-Чагылъ. Нѣкоторые изъ ученыхъ до такой степени недоброжелательно смотрятъ на номадовъ что приписываютъ имъ чуть ли не исключительно образованіе передвижныхъ лесковъ. Извѣстный ориенталистъ В. Васильевъ прямо заявляетъ: „Поймемъ ли мы что номады есть врагъ и природы, и цивилизаціи, что онъ разрушитель богатствъ, создаваемыхъ только трудами осѣлости, земледѣлія? Кому мы обязаны происхожденіемъ тѣхъ случаевъ лесковъ которые завалили внутренность Азіи какъ не номадамъ? Дайте

* О выборѣ кратч. направ., стр. 40.

пройти еще какимъ-нибудь ста годамъ, и русскія границы на югъ будутъ отдѣлены отъ остальнаго міра такими же случайными песками какъ нынѣ Хотанъ отъ Китая. Прежде земля еще находила возможность отдыхать отъ гнета комадовъ; достигнувъ независимости они вооружали противъ себя сосѣдей или предавались внутреннимъ смутамъ; отъ этого не только народонаселеніе, но и стада сокращались; теперь покровительство Китая и Россіи уничтожаетъ послѣднія преграды къ развитію всего вреда происходящаго отъ комадства. Тамъ гдѣ завелся комадъ не растетъ уже ни одного деревца кромѣ травы, которая какъ и на нашихъ выгонахъ тоже не можетъ высоко подыматься если постоянно на ней пасти скотину; лѣса, конечно, существовали на всѣхъ нынѣшнихъ степяхъ отъ Дуная до Восточнаго Океана; но явились комады, стали залускать въ нихъ свои стада и вотъ ни одна уже молодая поросль не могла замѣнять старое дерево лошадшее на костеръ; мы имѣемъ свидѣтельство что еще не задолго до Чингисхана комады имѣли телѣги на которыхъ перекочевывали съ мѣста на мѣсто; это значитъ, они имѣли подъ рукой достаточно лѣсу чтобы дѣлать эти телѣги. Теперь они повеломъ должны прибѣгать къ юртамъ. Съ уничиженіемъ лѣсовъ открылся просторъ и жгучему солнцу, и бурнымъ вѣтрамъ; оголенные горы подверглись вывѣтриванію; въ степяхъ Монголіи мы имѣли возможность наблюдать горныя цѣли вершины которыхъ были обрѣзаны какъ бы по ватерпасу и у подошвы ихъ лежалъ еще крутой хрящъ дождавшійся дальнѣйшаго размельчанія, чтобы, бывъ поднятымъ вѣтромъ и разнесеннымъ на далекое пространство, застлать и зеленые луга, изъ которыхъ послѣ уже едва будетъ проглядывать трава. Вотъ гдѣ кроется причина происхожденія песковъ, нынѣ все болѣе и болѣе увеличивающихся.*

Наконецъ, мы знаемъ что лѣтъ тридцать тому назадъ, въ горной части Киргизской степи вообще было гораздо больше растительности. Причина ея исчезанія заключается въ томъ что Киргизы не заходили туда далеко, опасаясь набѣговъ шаекъ барантчей. Съ водвореніемъ спокойствія на нашихъ южныхъ границахъ кочевники двинулись въ Кара-Кумахъ, стали выбирать себѣ мѣсто для зимовокъ и проводить тамъ

* Васильевъ. *Три вопроса*. 1878, стр. 68.

зимніе мѣсяцы. Высокіе барханы служатъ имъ прекрасною защитой отъ вѣтра, а стада имѣютъ большое количество подложнаго корма. Само-собою разумѣется, что отъ этихъ посѣщеній рѣдѣютъ кустарники, уничтожается трава, и песокъ, оголенный и высохшій на солнцѣ, начинаетъ разлетаться во всѣ стороны, засылая прилегающіе низкорослые представители растительнаго царства. Достаточно чтобы песчаный ластвъ обнажился на небольшое пространство, достаточно какой-нибудь даже случайной разсѣлины между корнями растений,—и эта разсѣлина можетъ въ короткое время превратиться въ большое отверстіе и обнажить такую массу рыхлаго леску котораго достаточно чтобы засыпать цѣлую область. *

Лейардъ видѣлъ два или три мѣста въ песчаныхъ степяхъ гдѣ песокъ идетъ изъ земли какъ вода: такія мѣста называются по-арабски *айюнъ-эръ-румаль*, т.-е. песчаный ключъ. Явленіе это весьма попятно и объясняется выдуваніемъ леску изъ какой-нибудь впадины окруженной растительностью. Старингъ разказываетъ что одна изъ самыхъ большихъ дюнъ Фрисландіи обязана своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству что на песчаномъ слогъ былъ вырванъ съ корнемъ большой дубъ! **

Но какимъ образомъ леску, служащія эмблемою безплодія, могутъ производить на своей поверхности зеленныя ластвища могущія прокормить многочисленныя стада кочевниковъ? Какимъ образомъ на подобной подвижной почвѣ растутъ столѣтніе старцы-саксаулы со своимъ уродачивымъ туловищемъ и зеленою листвою?

Эти вопросы везольно приходятъ на умъ когда мы подумаемъ о томъ что уже сказано, и весьма легко объясняются если впомнимъ о глинистомъ и водоупорномъ подпочвенномъ пластѣ о которомъ я упоминалъ въ началѣ.

Дѣло въ томъ что атмосферныя водяные осадки, падая на поверхность песчанаго холма, проникаютъ между песчинками и пробираясь все глубже и глубже задерживаются глинистымъ пластомъ. Здѣсь происходитъ скопленіе влаги въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Какъ только вода собралась у основанія бархана, она снова поднимается между песчинками

* Мартъ L. с. 586.

** *De Bodem van Nederland. I. 425. (Мартъ. 521.)*

и увлажняет весь холмъ вслѣдствіе волоснаго просачиванія, испаренія изъ нижнихъ слоевъ и вслѣдствіе задержанія вновь улавшею дождевой воды.

По поводу перваго положенія существуетъ однако разногласіе. Форхгаммеръ утверждаетъ что песчаныя дюны всегда содержатъ въ себѣ много воды вслѣдствіе волоснаго просачиванія. Андерсенъ съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ и въ подтвержденіе указываетъ на такой фактъ что подвижной песчаный холмъ, пролежавъ всю ночь въ водѣ, увлажнился не выше восьми съ половиною дюймовъ. По его наблюденіямъ, въ пескѣ дювъ, на футъ отъ поверхности, минимумъ воды послѣ продолжительной засухи составляетъ 2⁰/₀, максимумъ послѣ дождливаго мѣсяца 4⁰/₀; на большой же глубинѣ количество воды значительнѣе. Влажность песковъ Ютландскаго берега онъ опредѣляетъ мѣрой въ 33⁰/₀, а въсомъ въ 21,5. Годовое количество атмосферическихъ осадковъ на Ютландскомъ берегу простирается до 27 дюймовъ, и такъ какъ годовое количество испареній почти равняется количеству осадковъ, то Андерсенъ указываетъ на этотъ фактъ, какъ на подтвержденіе того что дождевая вода не проникаетъ глубоко въ дюны сквозь ихъ поверхность и приходитъ къ тому заключенію что влажность песчаныхъ холмовъ можетъ быть объяснена только испареніями снизу*.

Будущія изслѣдованія рѣшатъ, кто правъ.

Благодаря такому свойству и строенію бархановъ, между ними въ котловинахъ всегда легко найти прѣсную воду. Въ прошломъ и нынѣшнемъ году, во время остановокъ въ Кара-Кумахъ и Джаръ-Булакѣ, на нашихъ глазахъ возобновлялись старые колодцы (кудуки) и рыли новые. Едва лопата углубится на одинъ аршинъ какъ со всѣхъ сторонъ ямы брызнутъ безчисленныя струи холодной прѣсной воды; въ самое короткое время живительная влага не только наполняетъ кудукъ по самые края, но иногда даже выступаетъ изъ береговъ. Первое время вода имѣетъ неприятный сернисто-водородный запахъ и вкусъ, зависящій отъ разлагающихся органическихъ остатковъ случайно попавшихъ на дно ямы, но потомъ, когда эту негодную воду вычерпать, новые струи обыкновенно имѣютъ свѣжій и пріятный вкусъ. Вообще надо замѣтить что въ пескахъ Кара-Кумъ хорошіе колодцы

* Маршъ 496.

могутъ быть вездѣ выколаны и вездѣ они будутъ имѣть глубину самую незначительную, отъ одного до трехъ аршинъ. Этимъ свойствомъ Кара-Кумы отличаются отъ остальныхъ средне-азиатскихъ песковъ, въ которыхъ вода попадаетъ на большой глубинѣ, въ небольшомъ количествѣ и съ неприятнымъ вкусомъ. Такъ напримѣръ въ Кизыль-Кумахъ кудуки имѣютъ отъ 12, 18—20 саженъ глубины *.

Въ пескахъ или дюнахъ другихъ частей свѣта находимъ тоже самое что и въ Кара-Кумахъ. Въ алжирскихъ дюнахъ вода такъ обильна что на высокихъ холмахъ выкалываютъ колодцы имѣющіе не болѣе трехъ или четырехъ метровъ глубины; вода въ нихъ достигаетъ иногда высоты одного метра **. Песчаная степи Сѣверной Америки снабжены прѣсною водою, скопаяющеюся въ видѣ прудовъ въ углубленіяхъ между барханами ***.

Кромѣ того, надо замѣтить что барханный песокъ, въ особенности его нижніе слои, превращаются въ песчаникъ. Маршъ утвердительно говоритъ что внутри дюнъ и особенно въ углубленіяхъ между ними образуются сцѣпленія песку, которыя бывають иногда столь обширны и столь плотны что задерживають достаточное количество воды для снабженія постоянныхъ ключей и для образованія небольшихъ прудовъ. **** Въ Алжирской степи, въ мѣстности называемой Эль-Муа-Таджеръ, между дюнами находится долина съ колодцами глубиною отъ 2 до 2½ метровъ. Колодцы пробиты въ песокъ, который вслѣдствіе давленія, а также въ обратномъ вслѣдствіе присутствія нѣкоторыхъ солей, отвердѣлъ до такой степени что представляетъ настоящій песчаникъ, который хотя и мягокъ, но уступаетъ только желѣзному заступу. † Близъ устья Нила дюны имѣютъ также отвердѣвшіе нижніе пласты и отвердѣніе это происходитъ подъ влияніемъ просачивающихся въ нихъ водъ Нила †*.

Этотъ сплоченный пластъ задерживаетъ между своими песчинками органическія частицы увлекаемая водою и достигаетъ въ лавдахъ значительной толщины (до одного метра).

* О выборѣ кратчайшаго направленія, 35.

** Laurent, *Mémoire sur le Sahara* p. 11, 12, 13.

*** Маршъ I. с. 496.

**** L. с. 499.

† Laurent, *Mémoire sur le Sahara* p. 12 (Маршъ I. с. 504).

†* Маршъ I. с.

Въ Кара-Кумахъ мы видимъ то же самое. Здѣсь можно найти въ барханахъ твердый нижній слой, окрашенный въ болѣе темный цвѣтъ чѣмъ сыпучій песокъ и настолько сильно провикутый органическими остатками что, по увѣренію жителей Казалинска, можетъ горѣть въ огнѣ (?).

Изъ описываемаго строенія бархановъ стаетъ понятнo, почему такъ близка вода въ пескахъ; съ другой стороны, такъ какъ водоупорный пластъ уходитъ все глубже и глубже отъ поверхности земли, направляясь къ З. и ЮЗ. то становится легко объяснимою значительная глубина колодцевъ и даже совершенное отсутствіе воды на берегахъ Арала и въ Кызыль-Кумахъ.

Такимъ образомъ, главное и необходимое условіе для поддержанія растительности въ пескахъ, *обиліе воды*, въ Кара-Кумахъ существуетъ *. Кроме того, по мѣрѣ удаленія отъ морскаго берега, пески все болѣе и болѣе выщелочены и по-этому предоставляютъ полную возможность и удобства для жизни травъ и кустарниковъ. Подобныхъ условій не встрѣчается на пути слѣдованія почтоваго тракта и тамъ мы видимъ дикую песчаную пустыню, полное отсутствіе жизни.

Можно привести много примѣровъ тому что въ мѣстахъ гдѣ пески скрѣплены растительностью они не двигаются и должны быть названы *почвенными*. Такъ на примѣръ въ такихъ пескахъ были найдены на мѣстахъ произрастанія корни многолѣтнихъ растений, иногда длинныя (до 1½ арш.), иногда узловатые, формы неправильнаго шара, діаметромъ до четырехъ вершковъ (корень кызыль-джузгека), но всегда чрезвычайно плотные. Присутствіе ихъ показываетъ что въ пескахъ жили и живутъ растенія развивавшіяся въ продолженіе многихъ лѣтъ. У самой окраины лесковъ Наръ-Кызыль-Кумъ и Иргизъ-Кумъ, прилегающихъ къ Кара-Кумамъ съ сѣверной стороны, Киргизы заводятъ постоянныя зимовки, состояція изъ гонимыхъ и земляныхъ хатъ съ пристройками. Со времени постройки первыхъ зимовокъ, одиннадцать лѣтъ назадъ, жители не замѣчали чтобы пески сдвигались съ мѣста или засыпали ихъ жилища.

Внутри и на окраинахъ лесковъ Наръ-Кызыль-Кумъ и Джамбура-Кумъ, также прилегающихъ къ Кара-Кумамъ съ

* *Безводные* пески Кызыль-Кумы также покрыты растительностью.

сѣвера, Киргизы съ 1875 года начали заводить зимовки. Уходя съ зимовокъ въ апрѣль и возвращаясь въ октябрѣ, они находятъ оставленные запасы топлива не занесенными. Во время поѣздки въ концѣ сентября можно было убѣдиться не только въ этомъ, но даже и въ томъ что вообще сѣвды кочевокъ остаются не занесенными пескомъ. Ясныя и отчетливыя тропинки, сѣвды расположенія кибитокъ, черныя сѣвды костровъ, мѣста на которыхъ стоялъ скотъ и проч., служатъ достаточнымъ тому доказательствомъ.

Находящаяся внутри песковъ соленая грязь (напримѣръ въ Кара-Кумахъ, *Букавъ-Бай-Саръ*, показанный на картѣ 1843 года), а также солонцы, тапиры и коланы, изъ которыхъ, по преданію туземцевъ, нѣкоторыя вырыты болѣе ста лѣтъ назадъ, напримѣръ коланы *Мансуръ*, въ Джингше-Кумахъ, остаются не занесенными. Если послѣдніе иногда случается видѣть засыпанными почти до краевъ, то это происходитъ преимущественно отъ обваловъ за отсутствіемъ срубовъ. Песчаные заносы не принимаютъ въ этомъ почти никакого участія и не только не уничтожаютъ сѣвдовъ коланей, но даже не способны закрыть сколько-нибудь замѣтнымъ слоемъ песокъ выброшенный изъ коланей.

Верблюжьи тропы Иргизо-Казанскаго караваннаго пути, проложенная частію по окраинамъ Наръ-Кизыль-Кумъ, около которыхъ намъ приходилось проѣзжать, и сами пески сохранились, по словамъ старыхъ Киргизовъ-проводниковъ, совершенно въ томъ же видѣ и разстояніи другъ отъ друга въ какомъ были тридцать лѣтъ назадъ.

Наконецъ рога и черепа сайгака (*Antilope Saiga*), верблюжьи кости, содержація лишь одинъ нерастворимый минеральный остатокъ, а также сухіе корни и части стволовъ долголѣвныхъ растений (*саксауда* и *кизыль-джузгека*) были найдены на поверхности песковъ. Выштретное состояніе костей, корней и стволовъ даетъ основаніе полагать что они продолжительное время лежали на пескѣ, не будучи имъ занесены. Съ другой стороны, въ существующихъ описаніяхъ Кара-Кумовъ видѣтъ не упоминается о нахожденіи тамъ животныхъ остатковъ, сохранившихся вслѣдствіе защиты ихъ заносами отъ окружающаго воздуха.

Всѣ вышеприведенные факты: сѣвды кочевниковъ и тропы, солонцы, коланы и разбросанные на поверхности предметы, найденные не засыпанными, а также растительность, дающая

возможность Киргизамъ кочевать, доказываютъ что признавать передвиженіе Кара-Кумскихъ песковъ массою и слѣдовательно Кара-Кумы пустынею нѣтъ никакого основанія. * *

Изъ всего сказаннаго видно что если мы воспрепятствуемъ кочевникамъ уничтожать растительность въ тѣхъ мѣстахъ Кара-Кумовъ гдѣ пески становятся перевозными, если мы защитимъ или по крайней мѣрѣ ограничимъ безнощадное истребленіе остатковъ саксауловыхъ зарослей идущихъ на топливо и, наконецъ, если вообще мы будемъ слѣдить чтобы песокъ покрытый растительностью не разрыхлялся, то мы должны будемъ согласиться что Кара-Кумы есть оазисъ среди безводной глинистой степи, окружающей ихъ съ сѣвера, востока и запада. Въ прошломъ году я въѣхалъ въ Кара-Кумы прямо со стороны Мугоджаръ. Такъ какъ былъ уже конецъ сентября, то на глини вся растительность была выжжена; кругомъ, на есколько хваталъ глазъ, видѣлось только сѣрое пыльное пространство; почва растрескавшая отъ лучей солнца была тверда какъ камень. Попадъ въ Кара-Кумы, очутившись между высокими барханами, я былъ пораженъ неожиданною картиной: несмотря на позднее время года здѣсь было почти все зелено; цѣлыя десятины свѣжаго высокаго камыша тянулись по бокамъ тропицки; кой-гдѣ подвигалась серебристая джидда и сѣроватые кусты гребенщика. Попадались одиноко стоящіе уродливые саксаулы. Высоко въ воздухѣ торчали метелки чія, кіяка и другихъ травъ.

Все это носило отпечатокъ свѣжести, и на листьяхъ не лежало цѣлаго слоя пыли, отъ которой нельзя было отдѣлаться въ глинистой пустынѣ.

На барханахъ, на самой верхушкѣ, толпились красные вѣтвистые джугены; рядомъ плотнымъ ковромъ скрѣплялся песокъ чагаръ, а отцвѣтшія сухія зонточныя растенія цѣлыми грудами цѣплялись по бокамъ холмовъ у ихъ лодножія.

Не успѣвъ я насмотрѣться на эту характерную, своеобразную картину, какъ видъ измѣнился: мы повернули за барханъ; продолговатая долина раскинулась предъ нами и уперлась въ дальніе песчаные бугры; верхушка у нѣкоторыхъ почти бѣлая, она блеститъ на солнцѣ. Это бугры съ верхушками не скрѣпленными растительностью; во время вѣтра они

* О выборѣ кратчайшаго направленія, 41.
т. СХІV.

измѣняютъ свою форму, разсыпаютъ песокъ по вѣтру и точно дыматся. У подножія бархановъ расположилася солончакъ. Весь оазъ, какъ бѣлымъ пушистымъ сѣтгомъ, покрытъ солью. Безчисленные сѣтды птицъ и звѣрей испестрили его поверхность, а отлогіе берега поросшіе красными солянками точно облиты кровью. Лучшаго пейзажа трудно себѣ вообразить и поневолѣ припомнишь восторгъ Палааса.

Но если осенняя картина песковъ можетъ привести путешественника въ восторгъ, то нѣтъ словъ выразить красоты барханной растительности весной. Мнѣ удалось провести нѣсколько времени въ Джаръ-Булакѣ, когда подъ благотворными лучами майскаго солнца все было въ полномъ цвѣту. Это было нѣчто превосходящее всякое пылкое воображеніе! Въ глубокой долинѣ, между высокими барханами, собрались почти всѣ представители такъ-называемой растительной области бугристыхъ песковъ. * Все дно котловины заросло зеленымъ камышомъ, вышиною превосходящею ростъ человека. По ея окраинамъ возвышалась непроницаемая стѣной колючка съ красными цвѣтами и различныя виды *Astragalus*. Въ одномъ угау видѣлась бѣлая роца цвѣтущей жидды, ароматъ которой разносился далеко въ воздухъ. Тутъ же ломѣщались заросли хвоща, дикаго лука и множества мелкой зеленой травы, которая какъ ковромъ покрывала влажную почву. Но самыми эффектными оказались джугемы. Взобравшись, по своему обыкновенію, на самую верхушку бархана, они представлялись розовыми шарами самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ. Прибавьте еще ко всему этому журчанье свѣтлаго ручья, пробивавшагося изъ-подъ песковъ у самаго мѣста нашей стоянки, и вы поймете всю прелесть картины которой мнѣ пришлось полюбоваться.

Изъ этого легкаго очерка растительности бугристыхъ песковъ видно что пески производятъ и могутъ производить весьма многое. И дѣйствительно, станція на почтовомъ тракѣ получаютъ сѣно исключительно изъ Кара-Кумовъ, а Аральская флотилія запасается въ этихъ мѣстахъ топливомъ. Количество сѣна, какъ и топлива надо считать тысячами пудовъ.

* Борцовъ, *Матеріалы*, 42.

Есть, кромѣ того, еще одно преимущество Кара-Кумовъ предъ глинистою степью, преимущество извѣстное очень хорошо кочевникамъ,—это болѣе мягкій климатъ.

Борщовъ, прожившій до ольво долгое время въ этихъ мѣстахъ, говоритъ что вообще зима на Сыръ-Дарьѣ, и особенно къ югу отъ нея, не особенно сурова. * Въ рѣдкихъ случаяхъ морозы доходятъ до 12—15° R., держась по три два подъ рядъ и только одинъ разъ ему удалось испытать холодъ въ 20° R. въ декабрѣ мѣсяцѣ (въ Кара-Тукаѣ). Въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, дулъ сильный ССЗ. вѣтеръ, нагнавшій цѣлыя массы снѣга. Обыкновенно же въ Перовскѣ въ продолженіе декабря, января и февраля мѣсяцевъ температура колеблется между 0° и 10°—12° R.; при этомъ часто наступаютъ оттепели при чистомъ небѣ. То же самое видимъ мы въ Кара-Кумахъ (въ ихъ средней части) и на восточномъ берегу Каспійскаго моря.

Между тѣмъ на сѣверныхъ окраинахъ Кара-Кумовъ, въ глинистой степи у Иргиза, въ Усть-Уртѣ и близъ Мугоджаръ холодъ доходитъ до 30° и даже—32° R. Такая суровость зимы въ области глинистой пустыни хорошо извѣстна Киргизамъ, вслѣдствіе чего они проводятъ зимніе мѣсяцы въ центральной части Кара-Кумовъ или же въ другихъ пескахъ, о чемъ мы говорили выше. **

Такимъ Кара-Кумы, о которыхъ имѣлось до сихъ поръ самое невыгодное понятіе.

II.

Возвратившись изъ пустынь Средней Азій, я въ тотъ же мѣсяцъ отправился въ Южную Францію. Конечно, каждый можетъ себѣ представить насколько пріятно было попасть въ центръ цивилизованнаго міра, послѣ долгаго пребыванія въ необитаемыхъ пескахъ Кара-Кумовъ.

По прибытіи въ Парижъ я немедленно двинулся къ устьямъ Гаронны. На другой день на разсвѣтѣ, когда густой туманъ нѣсколько разсѣялся, предо мною развернулась чудная картина многоводной рѣки, заставленной цѣлымъ

* Борщовъ, *Материалы*, 42.

** Bogaczow. *Die Aralo-Caspischen Calligoneen*. S. 5.

лѣсомъ мачтъ и кораблями самыхъ разнообразныхъ величинъ и физиономій. Поѣздъ остановился. Я вѣхалъ въ Бордо и съ нетерпѣнiемъ сталъ ждать часа когда можно будетъ отправиться къ префекту, отъ котораго надѣялся получить свидѣнiя полезныя для предстоящаго путешествiя.

Оказалось однако что хотя Аркашонъ (у котораго находится сѣверная оконечность ландъ) отстоитъ всего въ полутора часахъ ѣзды отъ Бордо, у префекта тамъ не нашлось никого знакомыхъ къ кому бы онъ могъ меня направить. Я долженъ былъ раскладывать и сѣсть снова въ вагонъ. Положенiе мое было не особенно завидно. Попасть въ такую страну гдѣ многое предстояло осмотрѣть, гдѣ передвигаться съ мѣста на мѣсто можно было только на лошадяхъ и лѣшкѣ, въ сторонѣ отъ линiи желѣзной дороги, гдѣ наконецъ жители говорятъ на непонятномъ patois и не знаютъ къ кому обратиться—вотъ что стояло предо мною въ прiятной перспективѣ! Пока я размышлялъ подобнымъ образомъ, поѣздъ со свистомъ влетѣлъ въ густой сосновый лѣсъ. Съ обѣихъ сторонъ потянулись зеленныя стѣны, деревья стояли ровныя, прямыя, высокiя, между ними кое-гдѣ бѣлѣлъ песокъ, стояли лужи воды. Я догадался что мы вѣхали въ ланды. Еще полчаса, и я очутился въ Аркашонѣ.

Маленькiй городокъ, затонувшiй въ сосновомъ бору, былъ по случаю зимняго сезона почти совершенно пустъ.

Только вездѣсущiе Англичане со многочисленными семействами занимали нѣсколько дачъ.

На другое утро, когда я сошелъ въ общiй залъ пить чай, состоянiе моего духа было весьма неприятное: я не зналъ что дѣлать, къ кому прибѣгнуть. Къ счастью, я разговорила съ лакеемъ. Одѣтый во фракъ, безукоризненно бѣлый галстукъ и жилетъ, онъ очень вѣжливо постарался разспросить съ какою цѣлю я явился въ Аркашонъ. Мнѣ пришлось разказать ему о своихъ намѣренiяхъ въ самой удобопонятной формѣ и попросить его помочь моему горю. Французъ сдѣлалъ самую серьезную, озабоченную физиономiю, заложилъ руки назадъ и заявилъ что хотя дѣйствительно исторiя очень трогательна, но помочь возможно: стоить только обратиться къ здѣшнему архитектору г. Ормьеру, который знаетъ де все.

Дѣлать было нечего, я отправилась въ мерiю, гдѣ и нашелъ

архитектора. Опять посаждовало подробное изложеніе всего хода дѣла и просьба о содѣйствіи. Monsieur Ормьеръ наговорилъ мнѣ кучу любезностей и заявилъ, совершенно справедливо, что моя просьба не по его части, а что надо обратиться къ monsieur Nemeaux, médecin-inspecteur des bains de mer à Arcachon и президенту общества естествоиспытателей.

Само собою разумѣется что лучшаго не могло быть ничего, и я съ облегченнымъ сердцемъ направилась къ указанной квартирѣ доктора. Но и здѣсь меня ожидала маленькая неудача. Когда я остановилась предъ дверью съ карточкой „M. le docteur G. Nemeaux“ и позвонилъ, появившаяся служанка объявила что докторъ принимаетъ больныхъ только въ 7 часовъ вечера, а что теперь его нѣтъ дома. Надо было цѣлый день ждать. Но все на свѣтѣ имѣетъ свой конецъ, а саждовательно и мое томительное ожиданіе также должно было кончиться. Я дождалась вечера и была принята докторомъ.

Докторъ оказался очень обязательнымъ, разказалъ мнѣ все что было желательно и указалъ на мѣсто, гдѣ лучше всего наблюдать образованіе дюнь и ихъ строеніе. Къ сожалѣнію, я услышала, что въ настоящее время уже не существуетъ питомниковъ, что дюны уже закрѣплены и что теперь Французы пользуются трудами прежнихъ временъ.

Побродивъ въ окрестностяхъ Аркашона, высмотрѣвъ всѣ облаженія песку, въ мѣстахъ строящихся домовъ, исходявъ на дальнее разстояніе берегъ аркашовскаго бассейна (bassin d'Arcachon), я рѣшилъ двинуться на югъ, проникнуть внутрь ланды, посѣтить *засыпаемый*, по описанію Кледема, Бедекери и другой городокъ Mimizan и пробраться къ Океану.

Въ ненастное холодное утро сѣлъ я въ вагонъ курьерскаго поѣзда, направляющагося на югъ. Не успѣлъ порядкомъ взглянуть въ окружающій темный дѣсь, какъ уже добрались до станціи La Bouheug'a. Вышелъ я на мокрую платформу маленькой станціи, посмотрѣлъ направо и налево—ни одного человека пассажировъ. Только одинъ синій жандармъ въ Наполеоновской шляпѣ и бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ медленно расказивалъ у дверей телеграфной комнаты. А поѣздъ свистуль и исчезъ въ туманной дали, предоставивъ мнѣ дѣлать что угодно. Необходимость заставила обратиться къ жан-

дарму. Я сказалъ ему что желаю направиться въ Мимизанъ, но не знаю гдѣ могу найти лошадей и провожатаго.

— Вы Англичанинъ? спросилъ онъ, пристально вглядываясь въ меня и стаскивая перчатки.

— Нѣтъ.

Жандармъ слегка усмѣхнулся и медленно произнесъ:

— Полиція все видитъ, полиція все знаетъ, полицію обмануть невозможно, — вы Англичанинъ. Никакая другая нація въ Мимизанъ не поѣдетъ, такъ какъ никому эта трущоба не нужна. Итакъ, г. Англичанинъ, я могу вамъ сказать слѣдующее. Въ Мимизанъ у насъ еженедѣльно одинъ разъ ходитъ почта, хотя случается что обходимся и безъ этого. Почта ушла только два часа тому назадъ. Еслибы вы раньше попали къ намъ, можно бы было какъ-нибудь присѣсть въ одвоколку къ почталоюу, а теперь не знаю удастся ли достать лошадь. Впрочемъ, пойдите я васъ сведу къ одному сѣдельнику, у него есть одвоколка и лошади; быть-можетъ онъ согласится даже съѣздить вмѣстѣ съ вами. Пойдите, г. Англичанинъ.

Мы вышли на площадь. Кругомъ стояли небольшіе грязные домики. На одномъ висѣла покривившись сивая доска съ надписью Hôtel. Пройдя площадь, мы свернули въ узкій переулокъ, гдѣ еще издали замѣтили красную полову и большую узду, которая болталась на длинномъ шестѣ, около полурастворенной двери.

— Вотъ тамъ живетъ сѣдельникъ. Идите къ нему, г. Англичанинъ, а я отправлюсь отдохнуть: полиція должна набираться силами на всякій случай.

Я раскланялся и поблагодарилъ полицію за любезность и пошелъ къ красной половѣ.

Въ комнатѣ, предъ пылавшимъ очагомъ громадныхъ размѣровъ, сидѣла старушка въ большихъ очкахъ и съ большою книгой въ рукахъ, точь-въ-точь какъ на картинкахъ. Рядомъ съ ней помѣщался высокій красивый мужчина съ сѣдломъ на коблякахъ, а въ углу молодая женщина украшала башмаки новую узду.

Я обратился къ сѣдельнику съ своею просьбой.

Онъ, также какъ и жандармъ, посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— Вамъ зачѣмъ же надо въ Мимизанъ?

— По дѣламъ.

— Вы Англичанинъ?

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Ужь это извините, я вижу что вы Англичанинъ. У меня вѣдь есть кое-какія убѣжденія, безъ убѣжденій человекъ не можетъ существовать.

Когда пришлось выслушать и отъ этого субъекта чуть не цѣлаю проповѣдь, терпѣніе мое стало истощаться.

— Скажите мнѣ прямо, спросилъ я,—можете вы меня свезти въ Мимизанъ?

— Отчего же нельзя? все возможно—въ этомъ я убѣжденъ. У меня есть лошадь, но одвоколки нѣтъ. Тѣмъ не менѣе я возьму ее у сосѣда, у котораго нѣтъ лошади. Черезъ полчаса, г. Англичанинъ, я буду къ вашимъ услугамъ. За это путешествіе вы мнѣ заплатите тридцать франковъ—дорога очень скверная. А пока идите въ Hôtel на площади и лозавтракайте.

Я ушелъ.

Гостиница съ синею вывѣской была тогда пуста; по крайней мѣрѣ въ залѣ никого не было, вездѣ царствовало глубокое молчаніе. Толстая женщина, молча, двигаясь безъ шума, какъ тѣнь, подавала мнѣ обѣдъ, не дожидаясь моего приказанія.

Томительно прошелъ часъ; я окончилъ свой обѣдъ, а сѣдельника все не было. Наконецъ, когда я уже отчаялся выѣхать въ тотъ день, такъ какъ было часа четыре полонудни, звонъ бубенчиковъ и стукъ колесъ возвѣстали что мой спутникъ готовъ.

Расплатившись съ молчаливою хозяйкой, я примостился въ маленькой одвоколкѣ, сѣдельникъ ловко щелкнулъ бичемъ и мы покатали.

Темный сосновый лѣсъ примыкалъ вплотъ къ самому городу. Плохое шоссе извивалось между толстыми деревьями. Мелкій дождь брызгалъ холодными каплями, туманъ стался густою пеленою и начиналъ затягивать предметы все больше и больше.

Мой спутникъ болталъ безъ умолку и все говорилъ объ убѣжденіяхъ.

— Если у кого-нибудь не окажется своихъ убѣжденій, объяснялъ онъ,—его надо застрѣлить, а если убѣжденія чьи-нибудь не согласуются съ убѣжденіями старшихъ, такого надо

также застрѣлить. Тогда будетъ спокойствіе, тогда не будетъ войнъ и междуусобій.

Само собою разумѣется что мнѣ надо было соглашаться со свободнымъ республиканцемъ.

Дорога становилась все хуже и хуже. Дождь полилъ какъ изъ ведра. На встрѣчу намъ изрядка попадались большая телега, напряженная разукрашенными лошаками, или изъ-за деревьевъ показывались пастухи въ синихъ блузахъ и черной вязкой круглой шляпѣ. Всѣ они ходили на высокихъ хедулахъ и вязали шерстяные чулки. Когда мой спутникъ заговаривалъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, они шагали около насъ и нисколько не отставали отъ бѣгущей лошади.

Наконецъ ночь наступила. Стало совершенно темно. Туманъ сгустился до такой степени, что ѣхать можно было только шагомъ. Сырость и холодъ становились весьма ощутительны.

Сѣдельникъ зажегъ фонари. Отъ ихъ свѣта, каждый камень, каждое дерево казались какими-то фантастическими фигурами, а темное небо безъ звѣздъ, едва видѣвшееся надъ головой, представлялось совершенно чернымъ.

Поздно ночью добрались мы наконецъ до Mimizan

Одноколка наша остановилась предъ большимъ зданіемъ, въ которомъ сквозь затворенныя ставни видѣлась свѣтъ и раздавалась лѣвіе *Марсельезы*.

— Здѣсь, г. Англичанинъ, мы найдемъ прекрасное помѣщеніе, сказалъ мнѣ сѣдельникъ, слѣзая съ одноколки.

Я вошелъ въ первую комнату. Огонь пылалъ въ каминѣ, за столомъ сидѣло нѣсколько пьяныхъ мушкетъ; двѣ старыя женщины разносили вино. Мой проводникъ объяснилъ появившейся хозяйкѣ, что я желаю имѣть хорошую комнату. Хозяйка, худая, черноватая женщина, сдѣлала мнѣ книксенъ, затараторила на какомъ-то непонятномъ нарѣчій и повела на верхъ по грязной лѣстницѣ, свѣта разбитымъ фонаремъ.

Надъ скользкими ступенями протянуты были веревки, на нихъ развѣшено мокрое бѣлье. Нырля направо и налево, причемъ иногда мокрый рукавъ какого-нибудь платья клеветалъ по глазамъ, мы добрались до нѣсколькихъ дверей. Одна изъ нихъ распахнулась. Сырой холодный воздухъ пахнулъ на меня и я вошелъ.

— Вотъ прелестная комната! съ какимъ-то увлеченіемъ выкрикнула хозяйка на домашнемъ французскомъ языкѣ и подняла фонарь чтобы освѣтить это чудное помѣщеніе.

Мнѣ представился большой сарай съ каменнымъ поломъ, голыми стѣнами и двумя двойными кроватами съ грязными занавѣсками. Столъ и нѣсколько стульевъ сдвинуты были въ одинъ изъ темныхъ угловъ.

Я подошелъ къ окнамъ. Оказалось что въ рамкахъ не было ни одного стекла и холодный ноябрьскій воздухъ безпрятственно дулъ въ нихъ сколько ему было угодно.

Само-собой разумѣется, что я не согласился остаться въ этой прелестной комнатѣ. Мнѣ показали другую. Она оказалась такая же, съ тою только разницею, что изъ двухъ оконъ стекла были побиты въ одномъ; *volens-nolens* а пришлось оставаться.

Я думаю не надо и говорить, что ночь была проведена не особенно пріятно: холодъ, сырость и грязь не позволили лечь въ постель, а крики пьяныхъ не дали даже вздремнуть снѣ.

Едва разсвѣло, едва только стало возможнымъ различать предметы, я вышелъ на улицу чтобы посмотреть на „полузасыланный“ городъ.

Но ничего подобнаго мнѣ не пришлось увидѣть. Довольно чистыя улицы были обсажены деревьями, въ садикахъ видѣлись цвѣты и зелень, не боящіеся ночныхъ зимнихъ морозовъ, песку нигдѣ не попадалось на дорогѣ. Я направилась къ видѣвшейся вдали церкви. Улица немного поднималась въ гору и упиралась въ высокой холмикъ. Подойдя ближе можно было разсмотрѣть что этотъ холмъ есть не что иное какъ дюна, которая когда-то угрожала дѣйствительно городу и по разказамъ жителей, поглотила церковь. Впрочемъ, по поводу этого несчаднаго факта имѣются два разныхъ мнѣнія: одни говорятъ что въ одну изъ страшныхъ бурь дюна накатилась на городъ и завалила множество зданій, въ томъ числѣ и церковь, другіе же утверждаютъ, что въ эту бурю произошло провалъ, въ который и скрылся единственный храмъ *Mimizan'a*. Какъ бы то ни было, но есть указанія на то что нѣсколько большихъ построекъ исчезло безвозвратно.

Въ настоящее время, эта страшная дюна отстоитъ отъ вновь

выстроенной церкви въ 2—3 саженьяхъ и совершенно неподвижна, такъ какъ на ней растутъ довольно толстыя сосны и много молодыхъ деревьевъ.

Слѣдуя по дорогѣ пролегающей между церковью и дюной и которая ведетъ изъ города, я очутился на большой плоской долинь.

Кое-гдѣ были небольшія полянки, все же остальное пространство занято густымъ сосновымъ боромъ. Долину перерѣзаетъ широкой и шумливый потокъ, а на горизонтъ высоко поднимается довольно крутой склонъ дюны, также покрытый деревьями.

Едва я вышелъ изъ города, какъ до моего слуха долетѣлъ глухой ревъ: то шумѣлъ Океанъ по ту сторону дюнь.

По узкой, заросшей дорогѣ, проложенной сквозь лѣсъ, направился я къ Океану. Ни одного человѣка, ни одного животнаго не встрѣтилъ я во все время своей прогулки. Подъ навѣсомъ деревьевъ царствовала еще полутьма, опять зачастилъ дождь, холодный вѣтеръ крѣпчалъ.

Наконецъ, слуха довольно долгое время, деревья начали рѣдѣть, освѣтѣло, и я вышелъ на песчаное поле. Передо мною точно изъ земли выросъ цѣлый городокъ. Большіе и маленькіе домаки, заборы, лавочки, — все это довольно живописно было разбросано на пескѣ. Но эта-то предательская почва и есть причина тому что жизнь здѣсь невозможна. Въ городѣ царствовало гробовое молчаніе. Въ немъ не было видно ничего живаго. Страшно было приближаться къ грунлѣ строемъ заколоченныхъ и брошенныхъ. Вѣтеръ крутилъ и гналъ цѣлыя тучи леску, который засыпалъ всякій предметъ попадавшійся ему на пути. Здѣсь онъ волной перекатился черезъ крылечко, тамъ засыпалъ почти совсѣмъ небольшой домикъ: только крыша торчитъ, да окно выглядываетъ изъ-подъ песчанаго бугра. А вотъ буря вырвала раму изъ довольно пространной лавки. Въ оконное отверстіе врывается песокъ, насыпаетъ цѣлую гору внутри зданія и снова вылетаетъ изъ полуразрушенной двери.

Между зданій приходится идти чуть не по колѣно въ сыпучемъ пескѣ.

Вѣтеръ рветъ шапку съ головы, заплываетъ глаза.

Съ большимъ трудомъ проходите вы этотъ мертвый, покинутый городъ, дѣлаете еще нѣсколько шаговъ, и предъ

вами открывается безбрежный могучій Океанъ. Съ вершины дюны на которой выстроено брошенное мѣстечко ведетъ крутая деревянная лѣстница съ ветхими перилами къ самому Океану. Зданія служили, да и теперь, говорятъ, служатъ мѣстомъ гдѣ живутъ въ лѣтній сезонъ желающіе пользоваться купаньемъ въ морѣ. Съ каждымъ годомъ песокъ выживаетъ прибывшихъ, и въ настоящее время туда съѣзжается только бѣдный людъ, не очень взыскательный къ комфорту. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ говорили, хотя я самъ лично думаю что жить въ такомъ случаемъ лещѣ совсѣмъ невозможно.

Въ день моего перваго посѣщенія Океанъ глядѣлъ очень непривѣтливо. Синій и мрачный раскидывался онъ предо мною. Длинными безконечными рядами медленно катилъ онъ свои волны; все выше и выше вздымались онѣ, все грознѣе выглядывали бѣлыя лѣнистыя верхушки, пока наконецъ съ глухимъ грохотомъ не разсыпались на песчаной отмели. Съ легкимъ шипѣньемъ взбѣгали струйки на покатыи берегъ и быстро струились назадъ, оставляя каждый разъ едва замѣтный новый наносъ лещу.

Я присутствовала при рожденіи новой дюны.

Остановимся пока на вѣкоторое время и посмотримъ что извѣстно намъ о дюнахъ Европы вообще, и о ландахъ въ частности.*

Пески холмовъ о которыхъ идетъ рѣчь обязаны своимъ происхожденіемъ морю. Волненіе, захватывая иногда съ большой глубины частицы дна, выбрасываетъ постоянно на берегъ матеріалъ изъ котораго мало-по-малу образуется тонкій слой песчинокъ. Во время отлива или когда волненіе утихнетъ, новый слой высыхаетъ на солнцѣ и сдувается вѣтромъ далѣе внутрь страны. Такъ какъ мы видали что песокъ не можетъ подниматься высоко, а только катится по поверхности почвы, то если мы представимъ себѣ что какой-нибудь случайный предметъ (камень, обрубокъ, водоросль, выброшенная на берегъ) попадетъ на пути движущагося песчинокъ, то, задерживаясь объ него, онѣ останавливаются, и, группируясь въ небольшой холмикъ, даютъ начало едва

* Къ сожалѣнію, во время составленія этого очерка, я не имѣла подъ руками капитальнаго сочиненія Wessely, *Der Europ. Flugsand*.

замѣтной дюны. Въ молодомъ возрастѣ, по мнѣнiю Рекаю, которое я не могу, однако, подтвердить, замѣчается то же самое что и при образованiи бархановъ, а именно холмики имѣютъ серповидную форму, которая удерживается однако весьма продолжительное время. * По моимъ наблюденiямъ, песокъ отложенный волнами всегда располагается гребнями и болѣе или менѣе параллельными другъ ко другу линiями. Потомъ, при поступленiи новаго матеріала дюна растетъ все болѣе и болѣе, достигая иногда вышины 293 футовъ, какъ наприимѣръ Ласкурская. ** Въ окрестностяхъ Аркашона и Теста всѣ песчаные холмы имѣютъ видъ полуобрушившихся вулкановъ; внутренность кратеровъ (craters) покрыта богатою растительностью, состоящею изъ брока (Genista), толокняки (Arbutus). Въ другихъ мѣстахъ прибрежья лавъ дюны такой формы не имѣютъ. Только тогда когда песокъ попадетъ подъ исключительное влiяніе вѣтра и начнетъ передвигаться по долинѣ совершенно ровной, могутъ образоваться холмы серповидной формы, напоминающіе собою барханы Ферганы.

При этомъ надо замѣтить что всѣ дюны выбрасываемыя Океаномъ имѣютъ въ общемъ смыслѣ рядовое расположеніе своихъ холмовъ, параллельное берегу. Кромѣ того, склоны ихъ гораздо круче чѣмъ склоны дюнъ на видерландскихъ и датскихъ берегахъ ***; у послѣднихъ, по свидѣтельству всѣхъ наблюдателей, обращенныя къ морю стороны представляютъ уголъ съ горизонтомъ отъ 5° до 12°, а обращенныя къ материку—до 30°, между тѣмъ какъ соответствующія стороны саксонскихъ дюнъ представляютъ уголъ отъ 10° до 25° и отъ 50° до 60°. Интересенъ вопросъ: съ какой глубины могутъ подниматься песчинки дѣйствіемъ воды? Мнѣнiй по этому предмету довольно много. Вообще полагаютъ что дѣйствіе вѣтра на воду ощутительно не далѣе какъ на глубинѣ въ 15 футовъ при обыкновенныхъ условiяхъ, а при условiяхъ исключительныхъ не далѣе какъ на глубинѣ въ 80 или 90 футовъ, но эти предположенiя, по всей вѣроятности, далеко ниже дѣйствительности. Андерсенъ при-

* Рекаю, *Земля (Океанъ)*, стр. 200.

** Рекаю: l. c., стр. 202.

*** Laval. *Mémoires sur les Dunes de Gascogne. Ann. d. Ponts et Chauss.* 1847. (Маршъ, l. c. 508.)

водитъ свидѣтельство Бремонтье что движеніе волнъ простирается иногда на глубину до 500 футовъ и прибавляетъ что по мнѣнію другихъ оно можетъ простираться до 600 и даже до 700 фут. глубины. *

Но, прибавляетъ Маршъ, надо замѣтить что волненіе не есть необходимо такое движеніе которое могло бы переносить твердый матеріалъ; кромѣ того, на глубинѣ часто бываютъ движенія воды противныя верхнимъ движеніямъ и они стремятся увлечь твердый матеріалъ въ море съ менѣшею силой съ какою верхнія стремятся выбросить его на берегъ. Иногда случается что песчаная мелъ вмѣсто того чтобы приблизиться къ берегу, отдаляются отъ него. Рекаю говоритъ что песчаная мелъ называемая *Mauvais*, которая находится близъ Пуанъ де-Гревъ, на Атлантическомъ берегу Франціи, отодвинулась на пять миль къ западу мѣсячѣмъ въ столѣтіе. **

Очень можетъ быть что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе теченій принимали за дѣйствіе волнъ. Морскія теченія, достаточно сильныя чтобы переносить песокъ, текутъ въ открытомъ морѣ на значительной глубинѣ и, достигая узкихъ проливовъ, получаютъ большую силу и стремительность. Въ 1853 году въ Востфорѣ, близъ Константинополя, на такомъ мѣстѣ которое совершенно открыто для теченій отъ Галаты и Перы, водолазы нашли на глубинѣ 25 сажель нѣсколько чугунныхъ пушекъ, принадлежащихъ, какъ полагаютъ, военному судну которое было на этомъ мѣстѣ взорвано назадъ тому полтораста лѣтъ. Эти пушки не были занесены пескомъ или иломъ и только снаружи были покрыты слоями земли толщиной въ дюймъ; жерла же ихъ были совершенно чисты. Теченіе на глубинѣ гдѣ лежали пушки было такъ сильно что водолазы съ трудомъ могли ему противостоять, боченокъ съ гвоздями опущенный въ воду для отысканія мѣшка съ деньгами который былъ оброченъ съ судна стоящаго въ гавани, занесло теченіемъ на нѣсколько сотъ ардовъ пока онъ успѣлъ достичь дна. ***

Полавъ на берегъ, песокъ раздуваемый вѣтромъ захватываетъ подъ себя все большее и большее количество земли. Въ

* Маршъ, 477.

** *Revue de deux Mondes*. Decembre, 1862, p. 905 (Маршъ, 477).

*** Маршъ, l. c.

маленькомъ Датскомъ королевствѣ, включая сюда Шлезвигъ и Гольштинію, дюны занимаютъ поверхность въ 264 кв. миль, что составляетъ 166.000 акровъ. Хотя пространство прусскихъ дюнъ, не опредѣлено съ точностью, тѣмъ не менѣе полагаютъ его отъ 85 до 100.000 акровъ; голландскія содержатъ 140.000 акровъ, а саксонскія, расположившись между 43° 28' и 44° 32' ш. и между 2° 12' и 3° 52' вост. долготы, представляютъ площадь въ 300.000 акровъ. Пески на Британскихъ островахъ, въ Прибалтійской области Россіи и неизслѣдованныхъ мѣстахъ Франціи занимаютъ развѣ немного меньше милліона акровъ. * Панаевичъ высказалъ предположеніе что пески Европы, какъ подвижныя, такъ и неподвижныя, имѣютъ пространство въ 21.000 квадр. миль, хотя Маршъ съ этою цифрой и не согласенъ.

При этомъ замѣчу, что въ Даніи ширина занимаемой дюнами полосы земли иногда незначительна, такъ какъ песчаные холмы расположены въ одинъ рядъ, иногда же захватываютъ пространство до шести миль ширины. На западномъ берегу Франціи лавды, расположившись отъ Адуръ до устья Жиронды, занимаютъ, какъ оказало, 375 квадр. миль, при ширинѣ отъ $\frac{1}{4}$ до 5 миль.

Что касается до количества выбрасываемаго песку въ годъ на берегъ французскихъ лавдъ, то оно по истинѣ громадно. Лаваль показалъ своими изслѣдованіями что оно равняется 210 милліонамъ кубическихъ футовъ! **

Въ строеніи дюнъ мы видимъ значительную правильность. „Еслибы выкопать яму въ бургѣ, то можно бы было сосчитать и промѣрять лежащія одинъ на другомъ пласты различнаго свойства, послѣдовательно навесенныя вѣтромъ. Тахая брызга отлагала мельчайшія песчинки или пыль; болѣе сильный вѣтеръ несетъ тяжелый раковистый песокъ; наконецъ, штормъ притащивалъ цѣлыя раковины, вѣтви деревьевъ и различныя выкидки моря. При этомъ нужно замѣтить что частицы переносимыя вѣтромъ и отлагающіяся на берегу, вообще говоря, тѣмъ легче чѣмъ болѣе удалены отъ моря, что весьма естественно, ибо онѣ должны летѣть тѣмъ далѣе, чѣмъ менѣе сопротивленія оказываютъ увлекающему ихъ воздушному току. Въ узкихъ

* Маршъ, стр. 532.

** *Ann. d. Ponts. Рекаю, Земля (Океанъ), 202.*

цѣпляхъ дювъ, окаймляющихъ нѣкоторыя части прибрежья Средиземнаго моря, можно наблюдать на протяженіи нѣсколькихъ сотъ саженъ это расположеніе подводныхъ матеріаловъ по ихъ относительному вѣсу: сначала идутъ осколки раковинъ, затѣмъ крупный песокъ и наконецъ мелкая песчаная глыба.*

Верхушка каждаго холма немного заострена и такъ какъ она высыхаетъ весьма быстро, то мѣняетъ свою форму, смотря по направленію вѣтра, подобно сылучимъ барханамъ Средней Азіи.

Между песчаными буграми обыкновенно находятся длинныя узкія долины, которыя крестьяне французскихъ ландъ называютъ *ледами* (ledes, lettres)**. Имѣя расположеніе параллельное берегу, дювы не даютъ возможности прѣсноводнымъ бассейнамъ лежащимъ по сю сторону заливовъ изливаться въ Океанъ. Поэтому значительныя массы воды должны отступать внутрь страны предъ вторженіемъ силучихъ песковъ. Вотъ причина, почему въ ландахъ мы имѣемъ или, лучше сказать, *илъли* (до осушенія) множество болотъ и береговыхъ озеръ или лагувъ. На пространство 200 верстъ тянется, параллельно дювамъ, рядъ лагувъ, которыя имѣютъ между собою то общее свойство что лежатъ почти въ одинаковомъ разстояніи отъ моря. Бассейны: Гуртенъ, Лакоко, Казо, Паранги и пр., сообщаются съ моремъ лишь посредствомъ довольно быстрыхъ ручьевъ и находятся въ настоящее время на уровнѣ значительно возвышающемся надъ морскою поверхностью. Только одинъ, такъ называемый Аркашонскій бассейнъ, представляющій громадную бухту, соединенъ съ Океаномъ широкимъ каналомъ. Лагуна Казо (Сазаи) лежитъ выше всѣхъ изъ бассейновъ и отступила въ глубину материка подъ натискомъ дювъ лежащихъ на высотѣ изменяющейся отъ 62½ до 65½ футовъ, смотря по времени года. Площадь ея равняется среднимъ числомъ 5.490 десятинамъ. Предполагаютъ что Казо нѣкогда была бухтой Океана, такъ какъ дно этого внутренняго моря и теперь еще на 33 фута ниже уровня моря. Рыболовы разказываютъ даже что глубина озера доходить въ

* Marcel de Serres. *Bullet. de la Soc. Géolog. d. France.* 1859. (Реклю. *Земля.* 199).

** A. Joanne. *Geographie d. 89 Départements de la France.* Landes. 1869, p. 15; Реклю. *Земля.* 199.

въ некоторыхъ мѣстахъ до 100 футовъ и что большія глубокія ямы встрѣчающіяся на днѣ въ прежнее время сообщались съ Океаномъ; они указываютъ на губу Мебрюкъ, какъ на старинный портъ, и опредѣляютъ среди дювъ направленіе пролива соединявшаго Казо съ моремъ. Точно также рыбаки живущіе на берегахъ лагуны Гуртенъ показываютъ мѣста гдѣ стоялъ древній портъ Аншизъ.

Такое постепенное превращеніе прежняго залива Казо и другихъ морскихъ бухтъ, которыми въ старину былъ изрѣзанъ берегъ ландъ, нынѣ совершенно ровный, объясняется очень просто. Сначала узкія песчаныя стрѣлки или платины, какія часто образуются на низменныхъ берегахъ, отаѣлила эти бухты отъ Океана и обратила ихъ въ замкнутыя бассейны, которые затѣмъ мало-по-малу оттѣснялись въ глубину суши наступающими параллельными грядами дювъ. Лагуны, такъ-сказать, бѣжали вверхъ по скату материка подъ неостановимымъ натискомъ песчаныхъ массъ. Въ то же время дожди и задержанные ручьи постоянно несли новымъ озерамъ свою дань прѣсной воды, между тѣмъ какъ соленая вода уходила въ море по естественнымъ стокамъ, уцѣлѣвшимъ между песчаными холмами. Такимъ-то образомъ песчанки гонимыя вѣтромъ совершила въ теченіе вѣковъ громадный геологическій переворотъ, превративъ морскіе заливы въ прѣсноводныя озера, и перенесла ихъ внутрь континента на значительную высоту надъ уровнемъ Атлантическаго Океана *.

Лаваль указываетъ, кромѣ того, на весьма замѣчательный фактъ лока еще необъяснимый. Нѣкоторые бассейны или пруды имѣютъ глубину болѣе чѣмъ во сто тридцать футовъ и слѣдовательно два ихъ въ этихъ мѣстахъ не менѣе какъ на восемьдесятъ футовъ ниже уровня моря при отливѣ **.

Западные ихъ берега почти также круты какъ и склоны дювъ, сѣверные же и южные отлоги. Самая большая глубина этихъ прудовъ соответствуетъ глубинѣ моря въ десяти миляхъ разстоянія отъ берега. Цитируя Лавала, Маршъ съ своей стороны прибавляетъ: „не слѣдуетъ ли признать возможнымъ что подъ тяжестью песковъ земля осѣла и что это осѣданіе распространилось на нѣкоторое пространство не покрытое песками?“ ***

* Реклю. *Земля*. 205.

** Laval. *Mémoire*, etc. 223.

*** Маршъ. 523.

Какъ бы то ни было, но образованіе почти замкнутыхъ прудовъ и обширныхъ болотъ есть рѣзкая отличительная черта ландовъ. Въ послѣднемъ случаѣ песокъ гонимый вѣтромъ, падая на поверхность стоячей воды, образуетъ тонкій слой, совершенно скрывающій жидкую массу на которой онъ держится. Слой этотъ можетъ окрѣпнуть настолько что остается въ равновѣсіи даже послѣ того какъ уровень понизится подъ нимъ и частицы песку, высохнувъ на солнцѣ, не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ существованія скрытой западни. Пастухи и животныя въ ландахъ, ступивъ на эту топь, называемую блузою (*blouse*), проваливаются болѣе или менѣе глубоко, а вода выходитъ на поверхность. Опасности отъ этого впрочемъ нѣтъ никакой. На мѣстѣ провала песокъ скоро осѣдаетъ; выждавъ когда дно вѣсколько окрѣпнетъ, они осторожно вытаскиваютъ одну ногу и становятся ею на образовавшуюся ступень; потомъ то же самое дѣлаютъ они на слѣдующей ступенькѣ, и такимъ образомъ какъ по лѣстницѣ выходятъ изъ ямы *.

И въ ландахъ такъ же какъ и въ Кара-Кумахъ встрѣчаются слои песка лежащіе болѣе или менѣе глубоко, окрѣпшіе и окрашенные въ темный цвѣтъ, благодаря органическимъ остаткамъ лопавшимъ между ихъ частицами. Такой пластъ обозначается названіемъ *alios* и, по увѣреніямъ жителей, горитъ слабымъ пламенемъ.

Атмосферныя осадки, просачиваясь сквозь песокъ, задерживаются водоупорнымъ подпочвеннымъ пластомъ, почему въ дюнахъ вездѣ есть возможность добыть хорошую прѣсную воду, о чемъ было уже говорено выше.

Дюны нескрѣпленныя растительностью двигаются внутрь материка и засыпаютъ все что попадетъ имъ на пути. Цѣлыя селенія и города при приближеніи этой могучей песчаной арміи должны были или переноситься на новыя мѣста или же отдавать на погибель зданія **. Такъ церковь Лежа (*Léje*) была дважды переносима, именно въ 1480 и въ 1650 годахъ, въ первый разъ на четыре, а во второй на три версты подальше внутрь отъ песковъ. А мѣстечки Лилавъ (*Lislan*) и Лело (*Lélos*) исчезли окончательно съ лица земли, и мы не знаемъ

* Рекао. Земля. 204.

** Dejean. *Arcachon et ses environs*. 1867 p. 65.

даже гдѣ именно они находились *. О Мимизанѣ мы читаемъ: „Мѣстечко Мимизанъ, нѣкогда важный торговый пунктъ, потерявъ свой портъ и подгородныя деревни, засыпанныя пескомъ, стояло уже на краю гибели; но по счастью успѣли вовремя прикрѣпить дюны съ помощью частоколовъ и посадки деревьевъ. И теперь еще полукруглый рядъ песчаныхъ холмовъ, наломивающій полуобвалившееся жерло вулкана, возвышается предъ Мимизаномъ, какъ бы собираясь пожрать раскинувшійся лодъ нимъ городокъ.“ **

Можно рядомъ сопоставленій приблизительно опредѣлить время потребное для того чтобы дюна могла пройти пространство известной ширины. Пески Даніи двигаются къ востоку съ быстротой отъ трехъ до двадцати-четырехъ футовъ въ годъ. Если примемъ за средній размѣръ годоваго ихъ движенія $13\frac{1}{2}$ ф., то въ широкихъ мѣстахъ песчаной полосы этого королевства движеніе ихъ продолжается уже двадцать пять столѣтій. Мы не можемъ сказать утвердительно въ какое время они образовались и когда сдѣлались подвижными, но есть множество указаній на основаніи которыхъ мы должны заключить что въ теченіе послѣднихъ трехъ-четырехъ столѣтій ими засыпано много плодородной земли, кромѣ того можно отыскать явные доказательства прежнихъ опустошеній произведенныхъ песками, такъ какъ при своемъ передвиженіи они обнажаютъ развалины древнихъ человѣческихъ жилищъ и разные признаки обитанія человека въ такихъ мѣстахъ которыя въ настоящее время находятся далеко внутри песчаной полосы. Андерсенъ вычисляетъ что средняя глубина песковъ на датской береговой песчаной полосѣ простирается до тридцати футовъ, следовательно въ общемъ итогѣ эта полоса имѣетъ $1\frac{1}{2}$ кубич. мили песку.

Назадъ тому не болѣе столѣтія сдѣлались подвижными дюны Пруссіи. Фришъ-Нерунгъ отдѣляется отъ материка только Фришъ-Гафомъ и на восточной окраинѣ имѣетъ узкую полоску воздѣланной земли. Хотя эти пески казались и весьма незначительными, тѣмъ не менѣе покрыли плодородныя воздѣланныя поля, засыпали селенія и лѣса. Рядъ рыкыхъ песковъ надвинулся на закрѣпленные дюны, перекатился черезъ нихъ и засыпалъ нѣсколько сотъ акровъ

* Рекаю. Земля. 207.

** Рекаю I. с.

Крупнаго соснового лѣса покрывавшаго защищенную равнину. Это песчаное наводненіе совершилось въ промежутокъ времени съ 1804 по 1827 годъ. *

Намъ неизвѣстно также когда лишились закрѣпленной ихъ растительности дюны ландовъ; если предположимъ что они двигались всегда къ востоку среднимъ числомъ до $16\frac{1}{2}$ футъ въ годъ какъ теперь, то для того чтобы пройти всю ширину песчаной полосы отъ Океана до восточной границы потребовалось бы четырнадцать столѣтій.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ видно что дюны могутъ быть опасными сосѣдями, что они довольно быстро заваживаютъ чуть не цѣлыя страны. Но все это имѣетъ мѣсто только тогда когда растительность, скрѣплявшая подвижную поверхность песчаныхъ холмовъ, уничтожена. Въ прежнія времена пески Европы всѣ были покрыты лѣсами. По единогласному свидѣтельству прежнихъ географовъ, въ равнинахъ занимаемыхъ нынѣ Нидерландами лѣса тянулись до самаго берега моря, и Батавы, Англи, Фризы не имѣли въ своихъ нарѣчіяхъ спеціальнаго слова для обозначенія горки изъ сыпучаго песка. ** Ни Страбонъ, ни Плиній, ни какой-нибудь другой писатель древняго міра не говоритъ о передвиженіяхъ сыпучихъ холмовъ, хотя это явленіе не могло не поразить ихъ, еслибы было извѣстно въ тѣ времена.

Подъ многими изъ дюнъ Саксоніи находятъ стволы дубовъ и сосенъ поглощенныхъ пескомъ. Нѣкоторыя дюны покрыты до сихъ поръ вѣковыми лѣсами, въ появленіи которыхъ человекъ не принималъ никакого участія. Въ обширномъ лѣсу недалеко отъ Аркатона растутъ исполинскія сосны и громадныя дубы до $5\frac{1}{2}$ сажень въ обхватъ. Грамоты отъ 1332 года упоминаютъ о лѣсахъ покрывавшихъ дюны Медока, въ которые владѣльцы ѣздили охотиться, и только Монтель, въ своихъ *Essais*, вышедшихъ въ свѣтъ около половины XVI столѣтія, говоритъ что береговые пески „съ вѣ котораго времени“ стали проникать внутрь страны.

Всѣ лѣса закрывавшіе дюны, къ сожалѣнію, были истреблены въ злоху Среднихъ Вѣковъ или варварами-завоевателями или неразумными баронами или наконецъ самими крестьянами.

* Мартъ. С. 524.

** Staring. *Voormals en Thans.* (Реклю С. 211)

Разказываютъ что, не даде какъ въ прошломъ столѣтїи, прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I, нуждаясь въ деньгахъ, велѣлъ срубить сосновый лѣсъ тянувшійся безъ перерыва по дюнамъ Фрише-Нерунгъ между Гданскомъ (Данцигомъ) и Паллау. Посредствомъ этой операціи было получено 20.000 таллеровъ, но освобожденные лески ворвались въ обширную внутреннюю бухту, уничтожили рыболовные тони, засорили фарватеръ, засыпали прибрежныя крѣпости и надѣлали много бѣдъ. * Такое же губительное послѣдствіе имѣло истребленіе лѣсовъ въ Бретани и Голландіи.

Первыя попытки закрѣпить лески французскихъ земель относятся къ началу XVIII столѣтїя. Рюга, получивъ въ собственность нѣсколько песчаныхъ участковъ, посѣялъ сосны на нѣкоторыхъ холмахъ Теста; хотя опытъ былъ и удаченъ, но начатое дѣло должно было остановиться, такъ какъ лѣвивые сосѣди не поддержали плана засѣвовъ и нѣсколько не заботились о томъ что холмы песку все болѣе и болѣе приближались.

Затѣмъ, братья Десби (Desbieu) и инженеръ Вильеръ неоднократно указывали на необходимость начать закрѣпленіе песковъ, но указанія ихъ остались безъ послѣдствій.

Наконецъ, знаменитый Бремонтъ успѣлъ убѣдить своихъ современниковъ принять общій планъ засѣва и положилъ начало осуществленію этого плана на практикѣ. Въ первый разъ онъ принялся за работу въ 1787 году. Въ 1789 надо было прекратить эти начинанія, въ 1791 они снова возобновлены, а въ 1793, по причинѣ оппозиціи жителей Теста, окончательно оставлены, но и тогда уже результаты были осязательны. Близь Аркашона закрѣпилось 225 десятинъ сылучихъ песковъ; сосны, дубы, виноградъ приваались отлично, и засѣвъ десятины обошелся не дороже 222 франковъ. Этимъ фактомъ была на дѣлѣ доказана возможность оставки песковъ безъ особенно большихъ затратъ. Въ началѣ текущаго столѣтїя дѣло возобновили и нѣсколько лѣтъ тому назадъ всѣ работы были закончены. На сылучихъ пескахъ шумитъ теперь сосновый лѣсъ, и вслѣдствіе постоянного увеличиванія дѣяности лѣсовъ вообще и ихъ продуктовъ, ежегодное приращеніе народнаго богатства надо считать сотнями тысячъ франковъ. Общая стоимость этихъ лѣсовъ

* Foss. Zeitschr. für die Erdkunde 1861 (Реклю 212).

опредѣляется въ 25 милліоновъ франковъ, что составляетъ 666 франковъ за десятину.

Надо замѣтить что сосна разводимаая въ ландахъ есть такъ-называемая *приморская* (*Pinus maritima*) изъ которой добываютъ смолу. На стволѣ дѣлають нѣсколько ранъ и изъ нихъ вытекаетъ смола въ особенные, привѣшанные для этой цѣли, горшечки. Затѣмъ остывшій сокъ обдѣлываютъ и продають. Подобными спекуляціями заняты тысячи рукъ, такъ что благодаря разведенію именно этой породы дерева во Франціи появилась новый источникъ дохода для государства. Второе доходное дерево есть пробковый дубъ, достигающій здѣсь громаднхъ размѣровъ. О немъ было такъ много писано и говорено что я съ полнымъ правомъ могу умолчать какъ о самомъ растеніи, такъ и о способѣ добыванія пробки. Благодаря трудамъ Бремонтъе, въ настоящее время съ каждымъ годомъ уничтожаются болота, съ каждымъ годомъ растетъ цѣлность разведеннаго лѣса и необитаемый почти край снова начинаетъ привлекать къ себѣ жителей. Тѣмъ не менѣе этому энергическому дѣятелю старались сдѣлать многое при его жизни чтобы только помѣшать исполненію плана, и уже долгое время спустя, граждане города Теста воздвигли скромный памятникъ въ честь сосноваго лѣса имъ самимъ насаженнаго. На памятникѣ стоитъ надпись: *

L'An MDCCLXXXVI,

sous

les auspices de Louis XVI,

Nas BREMONTIER,

Inspecteur général des Ponts-et-chaussées,

fixe le premier les dunes

et les couvrit de forêts.

En mémoire du bienfait,

Louis XVIII,

continuant les travaux

de son frère,

éleva ce monument.

Ante Lainé,

Ministre de l'Intérieur,

Comte Comte de Tournon,

Préfet de la Gironde.

MDCCCXVIII.

* Dejean. *Arcachon et ses environs*. p. 86.

Такимъ образомъ благодарное потомство оцѣнило труды Бремонтье болѣе нежели его современники.

Во время моего пребыванія въ Мимизанѣ, я могъ видѣть способы закрѣпленія песковъ на берегу Океана. На верхушкѣ образующейся дюны ставятъ вертикально рядъ досокъ, одна около другой на известное небольшое разстоянiе. Песокъ, задерживаясь, образуетъ холмъ, вершина котораго достигаетъ скоро верхняго края досокъ; затѣмъ, доски вынимаютъ и снова ставятъ на верхушкѣ. Отъ этого хотя дюна и растетъ вверхъ, но не двигается внутрь материка.

Изъ Мимизана опять съ тѣмъ же сѣдельникомъ я отправился назадъ на станцію La Bouheuge и оттуда, дождавшись поѣзда, пустился въ Биаррицу, гдѣ кончаются ланды. Въ окрестностяхъ этого маленькаго городка я могъ видѣть только нѣсколько *молодыхъ* сосенъ, остальные же были стары и превосходно росли, доставляя неизсякаемое количество смолы. Но надо замѣтить что, говоря вообще, окрестности Биаррица уже не носятъ такого угрюмаго, своеобразнаго характера, какимъ отличаются ланды. Здѣсь все рачищено, все улыбается, все устроено такъ чтобы доставить возможность путешественнику забыть однообразную картину лѣса танувшуюя вплоть отъ Аркатона до испанской границы.

Читатель слѣдившій внимательно за тѣмъ что я говорилъ о пескахъ вѣроятно замѣтилъ уже большое сходство между Кара-Кумами Средней Азии и ландами Франціи. Какъ тѣ такъ и другія осадочнаго происхожденія.

Какъ тѣ такъ и другія случя въ своемъ молодомъ возрастѣ, но могутъ быть скрѣплены растительностью.

Кара-Кумы и ланды имѣютъ прекрасную прѣсную воду, расположенную весьма не глубоко подъ поверхностью. Нижний слой какъ бархановъ, такъ и дюнъ превращается въ плотный песчаникъ окрашенный органическими остатками.

Наконецъ, какъ ясно въ настоящее время, Кара-Кумы вовсе не страшны для проведенія черезъ нихъ линіи желѣзной дороги. Въ центральной своей части эти послѣдніе пески представляютъ полную возможность и прекрасныя удобства для укладки полотна рельсоваго пути.

Остается сказать два слова о способахъ закрѣпленія Кара-Кумскихъ песковъ. Прежде всего, конечно, необходимо

сохранить, или лучше сказать *охранить* существующую растительность отъ кочевниковъ, а потомъ постараться развести такія породы растений которыя бы могли также и привносить нѣкоторую пользу въ хозяйственномъ отношеніи.

Что касается до возможности закрѣпленія, оставляя въ сторонѣ практическую сторону вопроса, то изъ 501 вида * явнотрачныхъ присущихъ флорѣ бугристыхъ песковъ можно выбрать нѣсколько наиболее часто встрѣчающихся, которыя съ успѣхомъ могутъ быть разведены въ той или другой мѣстности Кара-Кумовъ. Самымъ превосходнымъ средствомъ для того чтобы поверхность песка осталась въ болѣе или менѣе спокойномъ состояніи, есть разведеніе песчаного камыша (*Elymus agenarius*, *Agundo agenaria*). Его корень, въ 40 лотчи футовъ, чрезвычайно хорошо связываетъ песчинки, когда онъ рыхлы. Затѣмъ, когда эта рыхлость утрачивается, *Elymus* умираетъ, корни его идутъ на удобреніе бархана, а засохшіе и упавшіе листья прикрываютъ поверхность. Незыскательность этого растенія изумительна, и Маршъ совершенно справедливо выразился, говоря что „песчаная пыль, по видимому, также освѣжаетъ *Elymus* какъ дождь освѣжаетъ другія растенія“. Кроме того, его листья служатъ прекрасною питательною пищей для овецъ и вообще скота, а зѣрна для домашней птицы; изъ его волоконъ выдѣлываются веревки, высушенные корни составляютъ превосходное топливо и наконецъ, по свидѣтельству Андерсена, изъ зеренъ можно дѣлать хлѣбъ, хотя не очень вкусный.

Обыкновенный камышъ (*Agundo Phragmites*) покрываетъ почти всѣ долины между барханами и составляетъ чуть ли не единственный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кормъ для скота.

Разведеніе его въ Кара-Кумахъ ничего не стоить и почтовые станціи пробавляются положительно этимъ сѣномъ.

Изъ остальныхъ растений укажу на гребенчикъ (*Tamarix*) и на джугзены (*Sulligonum*) встрѣчающіеся въ большомъ количествѣ на пескахъ. Послѣдніе въ такой степени глубоко впадаютъ своими длинными, красными и крѣпкими корнями что трудно вытащить ихъ не порвавши. Мнѣ случалось

* Борцовъ. *Матеріалы для ботан. географ. Арало-Каспійскаго края*. 1865, ст. 44. Краузе насчитываетъ 171 растеніе которыя произвольно растутъ на песчаномъ берегу Пруссіи. Андерсенъ указываетъ на 234 вида собранныхъ имъ на дюнахъ Ютландіи. (Маршъ 256.)

вытаскивать корни въ $3\frac{1}{2}$ и 4 сажени и все-таки верхушка скрывалась въ бархатъ.

Но для того чтобъ, удерживая лески, растеніе приносило еще какую-нибудь пользу матеріальную, необходимо отыскать такое дерево которое бы, будучи посажено въ лескѣ, могло быстро разрастаться и дѣлаться годнымъ къ какому-нибудь хозяйственному употребленію. Въ этомъ смыслѣ наиболѣе пригоднымъ можетъ быть таль или тальникъ (*Salix*). Воткнутый болѣе или менѣе глубоко въ песчаную почву, онъ весьма легко принимается и чрезъ 4—5 лѣтъ можетъ быть уже пригоднымъ для различныхъ подѣлокъ, если привитый колъ былъ посаженъ порядочной толщины. Также легко растетъ пересаженная джидда (*Elaeagnus hortensis*), образующая въ долинахъ Кара-Кумовъ и Джаръ-Булакъ цѣлыя рощицы. Къ сожалѣнію, ея стволъ въ большинствѣ случаевъ сильно вѣтвится. Изъ большихъ деревьевъ укажу на осокорь (*Populus nigra*), который можетъ идти на постройку и который росъ прежде въ этихъ мѣстахъ цѣлыми рощами.

При разведеніи растеній самое лучшее употреблять отводки или колья. Практика показала что сѣять не такъ удобно: волевыхъ, посѣвы требуютъ гораздо больше присмотра, а вонторыхъ, сѣянцы легко засыпаются лескомъ и умираютъ безъ полвки. Посѣвы въ Кара-Кумахъ и Аиръ-Кизылъ произведенные въ прошломъ году не могутъ назваться удачными, тогда какъ посадки (болѣе чѣмъ въ пяти мѣстахъ) превзошли всякія ожиданія. При этомъ выкапывалась яма (въ квадратную сажень и болѣе) глубиною приблизительно около трехъ аршинъ. Крутые откосы обсаживались таломъ и джиддой и, кромѣ того, на двѣ размѣщались тѣ же растенія параллельными рядами.

Во всѣхъ случаяхъ не было ни одного растенія которое бы не прижилось, хотя колья тала имѣли въ длину до трехъ аршинъ и болѣе; джидда пересаживалась также большими кустами и цвѣла нынѣшнею весной.

Замѣчу еще что въ нѣкоторыхъ разсадникахъ почва была настолько влажна что нога токула и вода просачивалась на поверхность.

Такимъ образомъ кажется не можетъ быть никакого сомнѣнія что упомянутыя растенія могутъ съ успѣхомъ разводиться близъ будущихъ станцій желѣзной дороги и размѣщаться, кромѣ того, по бокамъ полотна въ состояніи защитить отъ наносовъ леску.

Наконецъ, если выкопать болѣе или менѣе гаубокія ямы, причеъ добраться до подпочвенной воды и обсадить края бассейновъ таломъ, то получатся довольно хорошія озерки, годныя на всякія потребности. Я уже не говорю о колодцахъ, которые вездѣ можно копать во множествѣ.

Въ настоящее время самое лучшее было бы запретить пока разрыхлять песокъ кочевникамъ. Правительству необходимо вмѣшаться въ это дѣло. Въ исторіи мы видимъ много примѣровъ, какъ налагался штрафъ за уничтоженіе растительности песковъ. Такъ въ 1539 году король Датскій Христіанъ III издалъ законъ, который строго преслѣдовалъ истребленіе растений на дюнахъ Ютландіи. Законъ этотъ въ 1558 году былъ возобновленъ и расширенъ, а въ 1569 году издаво было королевское повелѣніе чтобы жители скрѣпляли пески, хотя и не указаны были къ тому средства.

Подобныя же распоряженія дѣлались въ Пруссіи, Нидерландахъ и Франціи.

Въ Новой Англіи, для укрѣпленія Кал-Кодскихъ песковъ устанавливаемъ былъ родъ повинности. Тамъ, по разсказамъ Дуайта, растетъ какая-то имъ не опредѣляемая трава, свѣтло-голубовато-зеленаго цвѣта, имѣющая сходство съ осокой. „Ежегодно, говоритъ онъ, въ апрѣлѣ жители оловѣщались должностными лицами выходить на разсадку травы, точно такъ какъ въ городахъ Новой Англіи вызывались на починку дорогъ. Это была обязанность установленная законами Штата, и невыполненіе ея влекло взысканія. Словомъ, это была общественная повинность. Траву выкалывали лучками, какъ она растетъ, потомъ эти лучки раздѣляли на болѣе мелкіе и садили на пескѣ прямыми рядами, оставляя между лучками пространство въ три фута. Окончивъ одинъ рядъ, садили другой такимъ образомъ чтобы лучки приходились какъ разъ противъ промежутковъ перваго ряда. Разсаженная такимъ образомъ трава разрасталась весьма быстро. Сѣмена этой травы такъ тяжелы что наклоняютъ ея вершины къ землѣ; и упавъ на землю сейчасъ же даютъ ростокъ. Песокъ поросшій этою травой не сдувается вѣтрами, а напротивъ, скопается между травой, подобно тому какъ скопается снѣгъ между кустами или сучьями, разбросанными по землѣ. По мѣрѣ скопленія песку, трава поднимается выше, такъ что нависимый вѣтрами песокъ ея не засыпаетъ.“ (*Dwight's Travels in New England, II.*)

Таковы распоряженія правительства касательно закрѣпленія лесковъ *. У насъ, оказывается, все это гораздо легче сдѣлать, и я глубоко убѣжденъ что если приняться за дѣло какъ слѣдуетъ и не откладывая въ долгій ящикъ, физиономію Кара-Кумовъ можно измѣнить очень быстро,—не пройдетъ и двадцати пяти лѣтъ какъ въ этихъ пескахъ будутъ шумѣть зеленыя рощицы....

Н. СОРОКИНЪ.

Ташкентъ
10го іюля 1879 года.

* Особенно успѣшно пошло бы дѣло, еслибы правительство по примѣру Франціи назначало хоть небольшую премію за лучшій участокъ обласенныхъ лесковъ.

ОТЕЦЪ КЛИМЕНТЬ*

V.

Усердіе отца Климента, его христіанская ревность выражались не только въ постоянной, со стороны даже видимой, борьбѣ съ самимъ собою, съ характеромъ своимъ, со слабымъ здоровьемъ, съ привычками мірскаго „комфорта“, противъ котораго онъ былъ въ принципѣ, но которому онъ невольна и часто подчинялся **,—нѣтъ, эта ревность находила себѣ

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣсти.* № 11.

** По этому поводу я вспоминаю два случая, два сужденія его о двухъ отшельникахъ. Одинъ изъ нихъ былъ оптинскій; онъ никогда, несмотря на предложеніе игумена, не хотѣлъ постричься, и такъ и умеръ простымъ послушникомъ, живя постоянно одинъ въ дѣсу, въ самой убогой обстановкѣ. Онъ говорилъ: „На что мнѣ постриженіе? Я и такъ все съ однимъ Богомъ вдѣсь!“ Отецъ Климентъ съ восторгомъ говорилъ объ этомъ человѣкѣ: разказывалъ мнѣ съ чувствомъ, до чего онъ сжился съ природою, какъ дикія птички по одному зову его садялись на его руки, плечи и голову... Отецъ Климентъ видимо завидовалъ этому отшельнику, завидовалъ не въ худомъ, а въ хорошемъ смыслѣ этого слова, и

исходъ и въ дѣйстви на другихъ. Не говоря уже о томъ полезномъ влияніи которое онъ могъ имѣть и на знакомыхъ ему православныхъ мірянъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на младшихъ и новоначальныхъ братіи скита, отецъ Климентъ пользовался всякимъ случаемъ для обращенія иновѣрцевъ въ православіе. Онъ привлекалъ къ нему одного изъ братьевъ своихъ; обратилъ и присоединилъ послѣ долгой борьбы съ отцомъ-пасторомъ престарѣлую мать свою. Третьій братъ его, генералъ Зедергольмъ, принимавшій участие въ послѣдней кампаніи и не задолго до смерти отца Климента скончавшійся на Кавказѣ, въ послѣдніе годы тоже начиналъ подъ влияніемъ брата-монаха думать о муропомазаніи

желалъ бы самъ быть ему подобенъ, не не могъ. Въ этого рода разказахъ и сужденіяхъ выражалось презрѣніе отца Климента къ комфорту и къ собственнымъ привычкамъ болѣе утонченнаго быта. Другой шокъ (въ сужденіяхъ о которомъ, видно было у отца Климента, напротивъ того, невольное желаніе престопа и удобства) жилъ не здѣсь, а въ цномъ, дальнемъ монастырѣ. Онъ былъ дворянинъ, образованъ, богатъ; но, удалившись въ обитель вслѣдствіе семейныхъ огорченій, построилъ себѣ чрезвычайно тѣсную, очень темную и низкую келью, и жилъ въ ней, окруженный большою библіотекой, въ которой вмѣстѣ съ духовными книгами находилось и множество свѣтскихъ сочиненій. Отецъ Климентъ, познакомившись съ этимъ монахомъ, очень жалѣлъ о томъ что онъ, не имѣя около себя хорошаго наставника, впалъ относительно обстановки своей въ большую ошибку. „Келью, жилище, говорилъ отецъ Климентъ, надо бы ему было построить себѣ болѣе сообразное съ его прежними привычками; эта тѣснота и этотъ мракъ ужасны. Но Байрова и французскіе романы можно было бы и не привозить съ собою въ монастырь.... Такое чтеніе вредитъ неутвержденному монаху, а пересидывать сразу свои тѣлесныя привычки и непомѣрно отѣснять свое жилище тоже неосторожно.... Это наводитъ уныніе, а за уныніемъ слѣдуетъ много худаго. Въ всакопостной молитвѣ „Господи и Владыко живота моего“ у Грековъ слѣдуетъ: „духъ правды, *любопытства* (περιεργία) и т. д.“ Въ славянскомъ же переводѣ: „духъ правды, *унынія* и т. д.“ У Грековъ указывается на источникъ; у насъ, предпочли указать на результатъ. Если мы въ правды нашей увлекаемся ненужнымъ любопытствомъ, на примѣръ, начинаемъ читать вовсе до насъ не касающіяся книги, то это ведетъ непремѣнно къ унынію.... Измѣненіе внесенное въ эту молитву переводившими чрезвычайно глубокомыслебно. И всѣ эти мысли пришли мнѣ въ голову, при видѣ мрачной, тѣсной кельи отца Д. и при взглядѣ на любовныя поемы которыя стояли у него на полкахъ. Мнѣ стало его очень жалъ!“

и присоединеніи къ православію. Отецъ Климентъ жалѣлъ что братъ умеръ въ такихъ еще сравнительно равныхъ годахъ, и еще больше сокрушался о томъ что братъ умеръ протестантомъ, а не православнымъ, что его колебанія и промедленія разрѣшились неожиданно и раннею кончиною. Зная характеръ отца Климента, я подозреваю и почти увѣренъ въ томъ что онъ и въ этомъ случаѣ находилъ какой-нибудь поводъ винить самого себя.... Какое-нибудь нерадѣніе, недостатокъ ревности и заботы о спасеніи братвиной души, недуховность собственная, неумѣніе и т. п....

Мать, какъ я сказалъ, онъ обратилъ подъ конецъ ея жизни, послѣ долгой борьбы съ отцомъ. Отецъ сначала отговаривалъ жену свою, а потомъ просто не позволялъ ей присоединиться къ православію. Отецъ Климентъ побѣдилъ его наконецъ его же собственнымъ оружіемъ, главнымъ оружіемъ протестантской теологіи. Онъ началъ настаивать на принципѣ свободнаго личнаго толкованія Св. Писанія. „Если мать моя разумно и свободно убѣдилась что православіе правильное: зачѣмъ же вы хотите стѣснять ея свободу?“ Отецъ на основаніи этого довода уступилъ.

У Зедергольма отца была съ сыномъ долгая борьба, долгая полемика. И она кончилась тѣмъ что отецъ сознался „что только одинъ велобѣдимый стыдъ удерживаетъ его самого отъ присоединенія къ Восточной церкви; потому что онъ самъ пасторъ!“ Одинъ стыдъ, а не разумъ, разумъ сдался.

У Климента была по поводу вопросовъ вѣры переписка съ отцомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Отцовскихъ писемъ я не видалъ; но собственныя свои письма Климентъ сохранилъ въ копию, и начальство скита довѣрило ихъ мнѣ. По отвѣтамъ Климента легко можно познать что писалъ ему отецъ. Послѣдовательная переписка по вопросамъ вѣры начинается лѣтомъ въ 63 году и прекращается зимой 64 года. Въ то время Зедергольмъ былъ уже монахомъ. Но есть еще одно особое письмо его къ отцу же, отъ 59 года, изъ Петербурга. Оно довольно любопытно и доказываетъ что старому пастору очень не нравилось настроеніе сына. Несмотря на то что въ это время (въ 59 году) уже прошло шесть лѣтъ со дня присоединенія и миропомазанія Константина Карловича, отецъ должно-быть продолжалъ литать какія-то надежды и вдался, по видимому, въ переписку своей съ сыномъ въ какія-то болѣе философскія чѣмъ собственно евангелическія рассу-

жденія. Такъ видно по крайней мѣрѣ изъ сыновняго отвѣта. Но молодой Эдергольмъ, хорошо знакомый съ философскими системами еще на студенческой скамьѣ, вѣроятно, былъ въ то время въ первомъ жару православнаго прозелитизма и искалъ лишь одного: какъ укрѣпить въ себѣ простоту вѣры. Можетъ-быть онъ тогда или желалъ забыть все противорѣчивыя основы и разнообразныя выводы германской и эллинской метафизики, желалъ, по выраженію акаеиста, „растерзать аеивейскія плетенія,“ или хотѣлъ лишь воспользоваться тою силой діалектической выработки которую даетъ уму философская образованность, употребляя эту силу на утвержденіе въ сердцѣ своемъ отвлеченныхъ понатій православнаго богословія. Какъ бы то ни было, письмо о которомъ я говорю, хотя и почтительное съ виду, весьма раздражительно и даже нѣсколько коако:

„С.-Петербургъ, 20 іюля, 1859.

„На твой вопросъ, способенъ ли я еще чему-нибудь сердечно радоваться, ле чистой совѣсти могу отвѣтить тебѣ: „да“. Слава Богу! чувство внутренняго довольства и радости мнѣ не безызвѣстно. Но въ настоящей жизни невозможно чтобы все, а слѣдовательно и настроеніе человека, было всегда въ одинаковомъ положеніи. Характеръ мой, какъ ты знаешь, съ самого дѣтства болѣе наклоненъ къ серіозности.

„Я не могу быть равнодушнымъ къ тому что мы въ нашихъ воззрѣніяхъ и въ бесѣдахъ никогда не можемъ понять другъ друга. Тебѣ извѣстно какъ я въ продолженіе многихъ лѣтъ старался достигнуть этого согласія. Чѣмъ больше я дѣлалъ усилій и чѣмъ больше желалъ соединиться съ тобою въ воззрѣніяхъ нашихъ, тѣмъ прискорбнѣе было мое разочарованіе. Впрочемъ, вижу теперь что я оставаясь безъ вниманія многое о чемъ равьше слѣдовало бы мнѣ подумать.

„Ты стоишь на высокой точкѣ спекулятивнаго мышленія. Это мышленіе философское не можетъ признать съ собою равноправнымъ никакое другое мышленіе; оно можетъ передаваться другому, но не можетъ принять возраженій мышленія обыкновеннаго именно потому что сознаетъ себя стоящимъ на высшей точкѣ. Напротивъ того, я скорѣе обыкновенный мыслитель. Не сочти это за скромность, но это дѣйствительно такъ: я не совсѣмъ понимаю твои философскіе доводы. Несмотря на самое искреннее желаніе и долготѣнія усилія (съ 1846 года, а можетъ-быть еще и равьше) я не по-

нимаю тебя, и пришелъ къ тому убѣжденію что понимать тебя не могу. Чтобы достигнуть спекулятивнаго мышленія мнѣ недостаетъ многого; можетъ-быть и времени; попросить тебя сойти съ твоей высоты было бы можетъ-быть неблагодарно, тѣмъ болѣе что уже одна попытка такого рода, на которую я сильно разчитывалъ, совершенно не удалась.

„Что же намъ теперь остается?

„Несмотря на все это продолжать дѣлаться нашими философскими и религиозными воззрѣніями? Это значило бы безъ надежды когда-нибудь повяты другъ друга, возобновлять воспоминаніе о разногласіяхъ господствующихъ между нами, безъ пользы растравлять раны. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ ты сообщаемъ мнѣ какъ ты счастливъ тѣмъ что принадлежишь къ евангелической церкви. Что же я могу сказать тебѣ на это?!

„Все это привело меня къ слѣдующему заключенію, которое я въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ зрѣло обдумалъ. Я считаю что всѣ философскія и религиозныя пренія, сообщенія и даже легкіе намеки между нами совершенно безцѣльны, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже вредны; потому что они могутъ только возобновлять скорбныя чувства.

„Будемъ, любезный батюшка, говорить обо всемъ другомъ, только не о философіи и религіи. Иначе будетъ повторяться все то же—что ты будешь мною недоволенъ, а я не буду тебя понимать.

„Ужь лучше разомъ съ этимъ покончить.

„Это не можетъ и не должно портить взаимныя наши отношенія, напротивъ, это будетъ ихъ укрѣплять. Ты не говоришь про философскіе предметы ни съ однимъ изъ братьевъ моихъ и это не уничтожаетъ взаимной между вами любви. Пусть будетъ также и со мною. Мнѣ только жаль что ты отличалъ меня до сихъ поръ отъ братьевъ и считалъ меня слособнымъ къ мышленію.

„То что лишу тебѣ, то я зрѣло обдумалъ, и лишу въ полной увѣренности что ты поймешь мои чувства. Одна любовь къ тебѣ ставитъ меня въ необходимость рѣшиться на этотъ шагъ.

„Съ вѣтерлѣніемъ ожидаю твоего отвѣта. Прошу тебя сообщить содержаніе сего письма моего матушкѣ. *Константинъ.*“

Изъ этого перваго письма уже достаточно явствуетъ что убѣжденія пастора Зедергоальма отличались нѣкоторымъ личнымъ философскимъ отѣнкомъ, который онъ естественно хотѣлъ навязать сыну, далеко и совсѣмъ въ другую сторону уклонившемуся. Письмо это, признаюсь, мнѣ не совсѣмъ даже нравится. Оно слишкомъ корко и, вѣрно, монахомъ, позднѣе, Константинъ Карловичъ не написалъ бы его отцу (который, замѣтимъ, любилъ его видимо больше другихъ сыновей). Позднѣе, въ теченіе цѣлаго года (1863—1864 годовъ), продолжалась у пастора съ сыномъ-монахомъ та непрерывная переписка по вопросамъ вѣры о которой мимоходомъ было уже сказано. Здѣсь мы ею займемся подробнѣе. Я не думаю чтобы Зедергоальмъ отецъ имѣлъ и въ это время какую-нибудь надежду по-двѣять на сына въ своемъ духѣ. Если человѣкъ ученый и образованный обращается въ православіе, если онъ переходитъ въ него изъ иного ли исповѣданія, или изъ деизма, или изъ безбожія, то его уже поколебать сынова невозможно. Онъ всякое недоумѣніе свое, всякое охлажденіе, всякую шаткость мысли сочтетъ грѣхомъ, „искушеніемъ“, то-есть испытаніемъ.

Старикъ Зедергоальмъ видимо не твердъ въ основахъ своихъ. Онъ, не желая признавать ничего кромѣ Евангелія, предлагаетъ сыну спорить только на этомъ одномъ основаніи. Онъ даже даритъ ему книжку — *Евангеліе* съ нѣмецкою надписью: „Nur auf diesem einigen Grunde.“

Сынъ согласенъ. Но какъ же быть? Евангеліе признаетъ чудеса. Пастору чудесъ признать не хочется, потому что онъ ихъ самъ не видалъ. Сынъ зоветъ отца рационалистомъ; пасторъ съ негодованіемъ отвергаетъ это имя; онъ — евангеликъ. Сынъ опять отвѣчаетъ текстами изъ Евангелія. Отецъ говоритъ что онъ не рационалистъ, а евангеликъ; но въ то же время старается все свое ученіе основывать больше на разумѣ чѣмъ на вѣрѣ. Онъ даже пишетъ какое-то богословское сочиненіе, въ которомъ хочетъ разумомъ доказать возможность воскресенія Христова. Сынъ радуется:

„30го мая, 1863.

„Желаю тебѣ, дражайшій батюшка, полнаго успѣха въ трудѣ твоёмъ „о Воскресеніи Господа“. Хорошо было бы еслибы ты могъ убѣдить вывѣвшихъ саддукеевъ. Я не знаю

что сказать о томъ что большая часть ученаго человечества отвергаетъ главные догматы христіанскаго ученія, какъ на-примѣръ: догматъ Пресвятой Троицы или догматъ Воскресенія; послѣ того уже почти ничего не остается отъ христіанства. Только я не постигаю какъ ты посредствомъ учености и умозаключеній хочешь доказать то что выше человеческого разума и всѣхъ наукъ, какъ на-примѣръ Воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа. Для этого прежде всего нужна живая вѣра, которую нельзя передать учеными доводами такъ же какъ нельзя ими передать и чувство изящнаго. *Константинъ.*“

Еще въ одномъ письмѣ отецъ Климентъ писалъ старику Зедергольму такъ:

„Въ области вѣры я полагаю что умозаключеніями можно только опровергать возраженія разума; то-есть можно доказать что доводы разума противопоставляемые вѣроученію не имѣютъ глубокаго основанія; но главные вопросы вѣрованія (какъ на-примѣръ ученіе о Воскресеніи, о Вознесеніи Иисуса Христа) нельзя доказать и постигнуть разумомъ; заблуждающимся мы должны только дѣлать намеки, такъ-сказать, потому что вѣра выше и тоньше разума. Вѣра не товетъ на водѣ, не сгараетъ въ огнѣ; разумъ не можетъ съ нею сравняться; онъ даже и постигаетъ ее не совсѣмъ точно; стоять предъ фактомъ вѣры, но не въ силахъ объяснить его.“

Пасторъ возражалъ на это письмо, говоря: „а я не могу согласиться съ тѣмъ что вѣра выше разума“. Отвѣтъ на это Климента я выпишу здѣсь почти весь:

„Въ письмѣ твоемъ отъ 14го мая ты пишешь что не можешь согласиться съ тѣмъ что вѣра выше разума, и что то и другое отъ Бога. Безъ сомнѣнія и разумъ отъ Бога; но какъ въ вѣрѣ, такъ и въ разумѣ есть извѣстная стелена. Волевыхъ, есть плотскій (βλικός) разумъ (Римл. 8, 5), который заботится о матеріальной жизни и направленъ только къ усовершенствованію ея; онъ дѣлаетъ разныя открытія, изобрѣтаетъ на-примѣръ желѣзныя дороги и проч. Далѣе онъ не идетъ. Вовторыхъ, есть разумъ душевнаго человѣка (ψυχικός) (Коринѣ. 2, 14), который заботится о благочестивой, нравственной жизни, и усиливается приобрѣтатъ добродѣтели. Эта стелена разума ведетъ къ вѣрѣ, то-есть къ благораз-

умомъ, тотъ понимаетъ что обязанъ вѣрить и безъ сомнѣній принимать Евангеліе Христово. Отъ вѣры въ Бога переходимъ мы, какъ ты правильно замѣтилъ, къ жизни по Богу, и это есть истинное христіанское вѣрованіе, когда мы съ твердостью и безъ отдыха стремимся къ христіанской жизни. Итакъ, кто вѣруетъ и живетъ по ученію Христову, тотъ по многому старанію достигаетъ степені духовнаго человѣка (πνευματικός). Тогда какъ душевный человѣкъ заботится о себѣ и не пренебрегаетъ матеріальною жизнью съ ея заботами и выгодами, духовный человѣкъ живетъ только въ вѣрѣ и по вѣрѣ, не заботится о тѣлѣ своемъ, возлагаетъ всю печаль свою на Господа, безъ страха остаивается среди пустыни, не боится дикихъ звѣрей, потому что знаетъ что и они—творенія общаго Создателя, на аспидка и василиска наступить, и попретъ льва и змія (Псал. 90, 13), и аще что смертное испиетъ, не вредитъ ему (Марк. 16, 18). Духовный разумъ, то-есть разумъ духовнаго человѣка, освѣщаемый чрезъ вѣру, чрезъ исполненіе заповѣдей Христовыхъ и чрезъ особенную благодать и откровенія Господа, понимаетъ и обнимаетъ многое чего не только плотскій, но и душевный человѣкъ понять и объять не можетъ; и такъ какъ всякаго человѣка съ обыкновеннымъ его человѣческимъ разумомъ многіе могутъ постигнуть, то тѣмъ болѣе духовный человѣкъ смотритъ на все вѣрно, судитъ и все постигаетъ, но его самого никто не можетъ судить и постигнуть (1 Коринь. 2, 15). Итакъ, если разумъ въ средней своей степені, то-есть когда онъ заботится о душѣ, ведетъ насъ только къ вѣрѣ, а въ высшей степені своего развитія только чрезъ вѣру получаетъ всю свою силу и свѣтъ, какъ же можно ставить разумъ выше вѣры? Это было бы все то же еслибы народную школу поставить выше гимназіи или даже университета. „Желаніе (говоришь ты) отдать себѣ отчетъ *какъ? что и почему?*—навѣрно отъ Господа.“ Конечно такъ. Но безошибочный путь къ этому лежитъ чрезъ вѣру и чрезъ жизнь сообразную заповѣдямъ Христовымъ. Кто же ищетъ другаго пути и преждевременно хочетъ узнать это: *какъ и почему?* тотъ похожъ на человѣка который не бывъ въ гимназіи, не учившись, хочетъ постигнуть математику или метафизику со всѣми ихъ тонкостями. Такой никогда ничему не выучится и никогда ничего не достигнетъ; точно также не достигнетъ своей цѣли и тотъ кто обыкновеннымъ своимъ разумомъ хочетъ

постигнуть все то что постигается вѣрой и не одною только вѣрой, но и испованіемъ заповѣдей Христовыхъ и благодатию Божіею. Безъ сомнѣнія, вѣра тольше и провицательше разума и даетъ человѣку высшее и тончайшее пониманіе. Разумъ возбуждаетъ сомнѣніе и страхъ, вѣра даетъ надежду. Въ христіанской церкви были примѣры что люди чрезъ вѣру не сторади въ огнѣ и не тонуди въ водѣ. Съ однимъ своимъ разумомъ человѣкъ не можетъ этого сдѣлать. Господь сказалъ что: увѣровавшихъ будутъ сопровождать знаменія (Марк. 16, 17).“

Конечно, борьба была не равна и пасторъ, раздражааясь повидимому, начинаалъ не разъ даже *язвить монашество*. Напримѣръ, ему захотѣлось колынуть сына за то что онъ ставитъ *кресты* надъ каждымъ письмомъ своимъ.... Сынъ отвѣчаетъ на это такъ:

„Ты спрашивалъ меня, любезнѣйшій батюшка, что означаетъ крестикъ въ началѣ моихъ писемъ? Онъ означаетъ то же самое что и крестъ изображенный рукою при благословеніи, или когда крестятся при входѣ въ домъ и т. д. Здѣсь предлагаю изъ сочиненій Кирилла Іерусалимскаго мѣсто относящееся до этого предмета. Ты спрашивалъ: „не есть ли это вѣчто официальное твоимъ начальствомъ предписанное? Извини, любезный батюшка, если я скажу тебѣ что наша жизнь издали кажется тебѣ совершенно иначе чѣмъ она есть. Наша жизнь нисколько не официальная или форменная, но скорѣе патриархальная. Если что-нибудь вѣншнее и обыкновенное кажется тебѣ такъ странно, то сколько труднѣе оказался бы переворотъ внутренней жизни? Что имя Іисуса Христа Распятаго, произнесенное съ вѣрою движеніемъ губъ, то же самое есть и изображеніе креста, когда оно съ вѣрою изображается рукою или какимъ-нибудь другимъ образомъ. Кирилла Іерусалимскій пишетъ: „Не будемъ стыдиться и словѣдывать Распятаго; смѣло да изображаемъ знаменіе креста на челѣ и на всемъ, на хлѣбѣ, который ѣдимъ, на сосудѣ изъ котораго пьемъ; да изображаемъ его при входѣ и при выходѣ, когда ложимся спать и встаемъ, когда мы на пути или когда отдыхаемъ. Онъ есть великое предохраненіе, данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда. Онъ есть великая милость Божія: знакъ для вѣрующихъ и страхъ для злыхъ духовъ.“

Есть еще одно письмо отъ Клементя къ пастору, не знаю въ какое время посланное. Старикъ Зедергольмъ еще въ 38 году (какъ сообщали мнѣ лица заслуживающія довѣріе и знавшія его еще въ то время лично) по должности суперъ-интендента объѣзжалъ, кажется, тогда смежныя съ Москвою губерніи для посѣщенія разсѣянной по нимъ протестантской паствы. Онъ заѣхалъ между прочимъ и въ Оптину пустынь. Архимандритъ Моисей ему очень понравился; понравился и строй обители, и цвѣтники, и почти все. Свои благопріятныя для Оптиной впечатлѣнія суперъ-интендентъ записалъ очень неразборчивымъ почеркомъ на маленькомъ листкѣ бумаги. Замѣтивъ что розъ тогда въ Оптину не было, онъ почему-то слышитъ заключить что монахи считаютъ этотъ цвѣтокъ грѣховнымъ (sündliche). Не доволенъ старикъ Зедергольмъ только однимъ, именно тѣмъ что Оптинскіе столь серьезныя монахи—„эгоисты“, не заботятся о народной пользѣ и не устраиваютъ школъ. Много лѣтъ спустя пасторъ размыскалъ въ своихъ бумагахъ этотъ листокъ и въ добрую минуту прислалъ его сыну, желая ему доставить удовольствіе своими похвалами. Отецъ Клементъ и тутъ нашелъ возможность соединить въ своемъ отвѣтѣ пріятность съ полемикою.

„Сердечно благодарю тебя за описаніе посѣщенія твоего нашего монастыря въ 1838 году. Я читалъ его съ большимъ интересомъ, и другимъ давалъ читать. Но заключеніе твое не согласуется не только съ благопріятнымъ твоимъ описаніемъ нашего братства, какъ оно было за двадцать пять лѣтъ тому назадъ, но и противорѣчитъ дружелюбнымъ впечатлѣніямъ твоего сердца. Ты полагаешь что монахи для средства забываютъ цѣль. Напримеръ, что они должны бы были устроить у себя школу для дѣтей, для того чтобы жизнь и дѣянія ихъ не были бы только эгоистичны. Но недостаточно ли того что самый монастырь есть школа для трехсотъ братій, которые въ немъ духовно обрзо вываются и воспитываются, и твои же хорошіе отзывы о нашихъ монахахъ лучше всего говорятъ о плодахъ этого нравственнаго воспитанія. Приведу еще сѣдующій примѣръ: не достаточно ли что студенты учатся въ университетѣ; было ли бы цѣлесообразно требовать отъ нихъ, чтобы они въ то же время были еще учителями въ народныхъ школахъ? Въ Петербургѣ, въ Италиіи и въ другихъ мѣстахъ уже пробовали это, но

кончилось тѣмъ что студентамъ не оставалось времени и самимъ учиться.

„Что же касается до содѣйствія общенародному благу, то въ этомъ отношеніи монастыри не безплодны, только въ нихъ обучаются не дѣти, а взрослые. Ты видѣлъ самъ какое большое стеченіе народа всѣхъ сословій бываетъ у насъ, и кто приходитъ съ вѣрою, тотъ непременно получаетъ пользу.“

Кромѣ успѣшной катехизаціи родныхъ своихъ, отецъ Климентъ обратилъ и нѣсколько постороннихъ иновѣрцевъ.

Въ Олтинскомъ скиту записаны имена лицъ иновѣрнаго исповѣданія которыя въ теченіе послѣднихъ лѣтъ были обращены въ православіе при большемъ или меньшемъ участіи олтинскихъ монаховъ. Въ обращеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ отецъ Климентъ принималъ дѣятельное участіе. Послѣднимъ предсмертнымъ дѣломъ его было присоединеніе одного Нѣмца (Орловскаго командера, кажется), желатаго на Русской. Можетъ-быть этотъ Нѣмецъ началъ съ того что хотѣлъ доставить удовольствіе жемъ („лутей у Бога много“, говоритъ церковь); но этого чувства ему вѣроятно было мало; ему нужны были *доводы* и отецъ Климентъ убѣждалъ его. Присоединеніе этого лютеранина произошло для за два до смерти Зедергольма. Онъ былъ ужъ очень слабъ, все лежалъ и просилъ келейника не пускать къ себѣ никого. Но когда онъ узналъ что этотъ прозелитъ желаетъ взглянуть на него,—онъ всталъ, принялъ его, долго говорилъ съ нимъ и даже стоя на ногахъ, восклицалъ: „вотъ теперь я здоровъ! Вотъ теперь я могу все дѣлать... Теперь мнѣ хорошо!“

У отца Климента было много почитателей и друзей между монахами, особенно между тѣми которые умѣли понимать его, но въ изнеможеніи силъ своихъ онъ не искалъ никого изъ нихъ видѣть; чувство личной пріязни было въ глазахъ его, конечно, невинное и даже хорошее чувство, но не оно было идеаломъ его... Связь душъ о Христѣ, любовь въ Богѣ, ищущая взаимнаго спасенія за гробомъ, вотъ что считалъ онъ важнейшимъ. У него это не было фразой или обязательнымъ чувствомъ; долгимъ духовнымъ стараніемъ оно дошло до естественнаго, невольнаго, сердечнаго порыва; вошло ему „въ плоть и кровь“, какъ любить выражаться нынче. Вотъ почему видъ этого новообращеннаго и вовсе посторонняго Нѣмца былъ ему въ предсмертныя часы пріятнѣе великой боляе земной, болѣе пристрастной дружбы.

VI.

Отецъ Климентъ былъ тѣмъ что называется катехизаторъ, но онъ, какъ еще въ началѣ я говорилъ, не могъ быть старцемъ.

Катехизаторъ убѣждаетъ, старецъ руководитъ. Катехизаторъ передаетъ съ успѣхомъ общія основы ученія; онъ не беретъ на себя нравственную отвѣтственность за частныя дѣла, онъ не вѣяетъ на подробности жизни; старецъ соглашается давать прамыя совѣты, какой путь избрать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, онъ рѣшается иногда даже поведѣвать тѣмъ кто съ вѣрою и покорностью обращается къ нему, старецъ осмысливается въ предѣлахъ допущенныхъ ученіемъ разнообразить свои требованія и разрѣшенія до мѣзья, смотря по личнымъ условіямъ и по мѣрѣ силъ ученика и духовнаго смысла своего... Старцы вѣрѣдко рѣшаютъ однимъ словомъ своимъ: „да“ или „нѣтъ“ самыя важныя семейныя дѣла, вопросы о бракахъ, о разсудахъ и примиреніяхъ, о наследствахъ и т. п. Вотъ въ чемъ разница.

Отецъ Климентъ могъ превосходить дѣйствовать доводами; его значительныя свѣтскія познанія, авторитетъ его учености, его обширная и основательная духовная начитанность, логическая ясность его рѣчи и въ особенности его умѣніе говорить именно тѣмъ языкомъ какимъ мы всѣ говоримъ (умѣніе, которому, къ сожалѣнію, такъ чужды многіе изъ лучшихъ монаховъ),—вотъ что придавало особый, исключительный вѣсъ его словамъ въ глазахъ образованныхъ людей такого рода которые не въ состояніи стать прямо на духовную точку зрѣнія. Въ подобныхъ случаяхъ онъ былъ иногда незамѣнимъ. Глядя на него и слушая его, я часто съ сокрушеніемъ думалъ о томъ: какую бы исполинскою силою могло обладать духовенство наше есабы въ средѣ его было больше людей подобныхъ Клименту, свѣтски образованныхъ и по-міреки ученыхъ, но по волѣ и убѣжденію склонившихся предъ строгимъ императивомъ церковнаго ученія...

Многіе свѣтскіе люди будутъ почтительно слушать рѣчи хорошаго монаха, не по-свѣтски воспѣтаннаго; они будутъ уважать его личный характеръ, будутъ подходить подъ его благосаовеніе; но умственные доводы такого монаха

иногда уже потому долго не будутъ имѣть покаяна въса въ ихъ глазахъ что этотъ примѣрный и добрый монахъ не тѣмъ языкомъ говоритъ какимъ говорятъ въ свѣтскомъ обществѣ, не тому учился, не то, совсѣмъ не то, можетъ-быть, чувствовалъ что чувствовали въ жизни они.... И даже аскетическіе подвиги самаго высшего порядка, совершаемые людьми чужаго воспитанія, иной образованности, иныхъ привычекъ, могутъ легко такимъ не на духовной, мистической, точкѣ зрѣнія стоящимъ людямъ казаться какъ будто легкими для тѣхъ, для иныхъ, для чуждыхъ имъ по первоначальному воспитанію людей. Средній и даже небольшой тѣлесный подвигъ человѣка въ началѣ жизни своей свѣтскаго и болѣе или менѣе благовоспитаннаго, человѣка избалованнаго хотя бы тѣмъ умѣреннѣйшимъ комфортомъ и тою полною свободой которые доступны въ наше время образованнымъ людямъ средняго положенія, больше трогаетъ насъ чѣмъ самыя неслостижимыя уму самоистязанія человѣка простаго и вообще иначе, не по-свѣтски воспитаннаго. Я объяснюсь нагляднѣе.

Видитъ свѣтскій человѣкъ на Авостѣ Болгарина или Грека живущаго въ сырой, лютыи недоступной пещерѣ или слышитъ разказы о немъ. Пустыяникъ этотъ питается давно, въ теченіе многихъ уже лѣтъ лишь сухарями и водою и ночи проводитъ на молитвѣ; совѣты его уважаются самыми вліятельными лицами Святой Горы. Его ставятъ въ примѣръ младенчества о Христѣ; умою онъ мужъ духовнаго совѣта; но сердцемъ онъ незлобивый младенецъ.... Отшельничество его сурово до неслостижимости; одинъ почитатель его проситъ его убѣдительно позволить у себя хоть разъ переночевать. Пустыяникъ находитъ это не по силамъ тому, но уступаетъ.... Все тѣло поствителя покрывается за одну ночь какою-то сыпью съ пузырями, отъ простуды; до того пещера сыра.

— Это любопытно! Это удивительно! говоритъ свѣтскій человѣкъ; но тотчасъ же его же мысль возражаетъ ему:

— Да! Но какъ живутъ въ міру эти простые Греки и Болгары? Не живутъ ли они часто безъ потолка, на земляномъ полу? Въ домахъ у нихъ нѣтъ печекъ; а только очагъ въ родѣ костра, который и въ пещерѣ можно развести.... Что ѣдятъ въ міру эти люди юга? Перець, маслины, хлѣбъ и самый грубый сыръ.... Достичь стало-быть такому Греку или Болгарину

этого легче чѣмъ даже русскому крестьянину, который привыкъ хоть къ теплу зимой въ избѣ....

И хотя такое разсужденіе свѣтскаго христіанина не совсемъ правильно; хотя истинный христіанскій разумъ отвѣтитъ на это возраженіе совсемъ иначе, ибо и между монахами изъ пастуховъ и дровосѣковъ такого рода люди выходятъ очень рѣдко; но я говорю не о правильности, а только о естественности подобнаго возраженія, о томъ что для цѣлыхъ людей знакомство съ монахами подобными Клименту, который жилъ въ хорошенкомъ домикѣ, очень любилъ тепло топить у себя и спалъ на хорошей кровати, можетъ-быть весьма полезнымъ предварительнымъ средствомъ понять и афонскаго пустынника. По вѣншнимъ, видимымъ подвигамъ послѣдній, конечно, выше; по внутренней борьбѣ—неизвѣстно кто. Несомнѣнно одно—что Климента вообще такихъ Грековъ и Болгаръ, у которыхъ переночевать безнаказанно нельзя, чтуть неизмѣримо выше себя, и этого одного довольно. Ибо, владѣя нашими формами, они могли бы лучше всякаго другаго объяснить намъ сущность христіанства (такъ какъ понимаетъ его церковь, а не такъ какъ хотятъ понимать теперь его многіе, исключительно въ смыслѣ школъ и благотворительныхъ заведеній).

Когда кто-нибудь изъ насъ, мірянъ извѣстнаго рода, видѣлъ этого бывшаго московскаго студента даже и въ его свѣтлой и чистой ивоческой кельѣ и пилъ съ нимъ не только обыкновенный чай или кофе, но и какао (которое онъ любилъ между прочимъ за то что оно отвмаетъ аппетитъ и такимъ образомъ облегчаетъ немного строгость поста), то на него съ одной стороны это дѣйствовало примиряющимъ образомъ, заставляло больше вѣрить, такъ-сказать, въ физическую возможность монашества для всякаго кто бы только искренно пожелалъ его; а съ другой стороны, видя убѣжденіемъ Климента и слушая его разказы о прежнихъ и нынѣшнихъ оптинскихъ старцахъ, глядя на его честное, одушевленное и пріятное лицо, каждый изъ насъ начиналъ все больше и больше постигать ту истину что сущность христіанскаго самоограниченія (аскетизма) не столько въ достиженіи явномъ, сколько въ ежеминутной, часто никому невѣдомой борьбѣ, имѣющей свои и невнятные, простые и чрезвычайно высокія, неопытному и неопытныя утѣшенія.

Однажды когда Климентъ говорилъ мнѣ долго и прекрасно о душѣ, о поужденіи себя, о Промыслѣ, я спросилъ у него:

— Хорошо все это; но я прошу васъ, скажите мнѣ откровенно: тутъ-то, на землѣ, есть ли хоть столько пріятнаго у монаха, сколько бываетъ у мірянина, при обыкновенной смѣнѣ печалей и радостей жизни?

У Климента глаза заблестали:

— Есть, есть и гораздо больше! Надо только имѣть полное довѣріе къ старцамъ. А безъ старчества и внутренняго послушанія трудно и понять какъ могутъ жить на свѣтѣ чины монахи. Когда я по нуждѣ бываю въ міру, я не дожжусь вернуться сюда. Мнѣ скучно если я не въ Оптиной.

Какія же могутъ быть радости и утѣшенія въ жизни добросовѣстнаго инока который далъ клятву отреченія „отъ міра“? Вѣдь этотъ „міръ“ вездѣ; онъ не оставляетъ человека и въ самомъ строгомъ общежитіи, онъ преслѣдуетъ его въ безлюдной пустынѣ. „Міръ“ — это не столько совокупность вѣшнихъ предметовъ, возбуждающихъ наши чувства и страсти, сколько тѣ внутренніе задатки возбужденій которые мы носимъ въ себѣ. Вѣшніе предметы—это руки ударяющія по струнамъ, но струны эти находятся въ сердцѣ нашемъ. Страсти мы носимъ въ себѣ, и давая клятву отреченія, монахъ даетъ обѣщаніе бороться ежечасно противъ своего внутренняго міра. Но куда отъ него скрыться? Я сказалъ что этотъ міръ носимый нами въ вѣдрахъ души нашей преслѣдуетъ даже отшельниковъ въ самыхъ безлюдныхъ пустыняхъ. Великіе учителя иноческой жизни очень немногимъ совѣтуютъ, напримѣръ, совершенно разобщаться съ людьми.

Непомѣрное самолюбіе, неутолимый гнѣвъ на людей, ужасное уныніе и сладострастныя мечты терзаютъ въ одиночествѣ и безмолвіи такого пустыльника который удалился отъ людей безъ предварительной и долгой подготовки. Способность къ равнему „безмолвію“ есть особенный даръ благодати.

Большая часть отшельниковъ предварительно испытываютъ и готовятъ себя въ многолюдныхъ общежитіяхъ. Такъ дѣлается и теперь на Афонѣ. Въ общежитіяхъ вырабатываются уступчивость, отреченіе воли; въ общежитіи человекъ отвыкаетъ отъ своевольныхъ желаній.... Столкновения, частыя оскорбленія отъ братій (даже и отъ хорошихъ людей) неизбѣжны и душеспасительны. Оскорбитель виноватъ,

положимъ; но оскорбленному это на пользу.... Идеаль въ томъ чтобы всякій находилъ самъ себя вѣчно неправымъ и ежеминутно грѣшнымъ....

Это ужасно! Какія же тутъ возможны утѣшенія? Какія радости?...

Да! внутренній подвижъ серіознаго монаха очень труденъ, но подвижъ этотъ влечетъ за собой особаго рода вознагражденія и здѣсь, на землѣ.

Упрощаются требованія, вырабатывается въ человѣкѣ больше прежняго способность благодарить Бога за то что по крайней мѣрѣ не хуже. Всѣ ничтожныя, будничныя, такъ-сказать, отправления жизни озаряются высшимъ идеальнымъ смысломъ. Плохая, грубая пища радуется иногда монаха больше чѣмъ могутъ веселить тонкія блюда человѣка ими избалованнаго. Прогулка какая-нибудь въ хорошую погоду, отдыхъ послѣ долгихъ службъ и тяжелыхъ послушаній, свиданіе съ близкими людьми, къ которымъ и монахамъ не запрещается имѣть умѣренныя и разумныя чувства. Всѣ эти общечеловѣческія права не отняты и у монаха. Внимательный къ себѣ человѣкъ и за нихъ сумѣетъ поблагодарить Бога.... И отца Климента я часто видалъ очень веселымъ, разговорчивымъ, шутивнымъ даже, за чашкой чаю, въ прекрасномъ лѣсу и на дружеской прогулкѣ, за чтеніемъ книги какой-нибудь въ кельи.... А великолѣпныя церковныя службы, столь глубоко осмысленныя, онъ зналъ и постигалъ все такъ хорошо, такъ ясно!...

Я видалъ его служащимъ. Я думалъ всегда что въ эти торжественныя минуты онъ былъ особенно счастливъ. И какъ онъ мнѣ казался хорошъ собой тогда!... Онъ ростомъ былъ не великъ, лѣшивъ и безъ клобука много терялъ. Но я не разъ видалъ его служащимъ въ клобукѣ и мантии. Тогда онъ былъ красивъ. Черный клобукъ, флѣръ, который виснадалъ сзади на золотое облаченіе, увеличивалъ его ростъ.... Изъ подъ лышной ризы іерея такъ осмысленно влчилась по землѣ черная мантия личваго смиренія.... Онъ ходилъ тихо, произносилъ прекрасно: въ голосѣ и въ интонаціи его не было и тѣни той грубости которая такъ нерѣдко насъ поражаетъ въ возгласахъ и рѣчахъ многихъ другихъ священниковъ и монаховъ, менѣе Климента благовоспитанныхъ, и такъ неприятно дѣйствуетъ на чьихъ мірянъ, справедливо взыскательныхъ съ этой точки зрѣнія.

Что отецъ Климентъ былъ счастливъ, служа въ церкви, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя. Я случайно разъ услышалъ какъ онъ обрадовался когда, будучи одинъ изъ младшихъ іеромонаховъ въ екиту, при мнѣ онъ получилъ отъ игумена приглашенiе всегда участвовать въ соборныхъ службахъ монастыря...

— Я очень радъ! я очень радъ! повторялъ онъ, и лицо его стало такое радостное.

И мало ли еще какiя другiя земныя утѣшенiя предостоятъ тому кто рѣшился избрать иноческiй путь... Неожиданное умиление на принудительной и наскучившей молитвѣ; какая-нибудь удача въ занятiяхъ; любопытное чтенiе, одво какое-нибудь ласковое слово и ободренiе старца, иногда даже шутка его ... Самыя оскорбленiя и неудачи могутъ служить источникомъ особеннаго рода отрады.

Безъ оскорбленiй, безъ неудачъ, и безъ собственныхъ простулковъ жить нельзя. Но впечатлѣнiе отъ обиды зависитъ отъ нашей точки зрѣнiя; и оскорбленному монаху предстоитъ большая духовная радость если онъ весело и кротко перенесетъ какую-нибудь несправедливость и глупость ближняго. Неудача объясняется милосердiемъ Божиимъ.... для нашего исправленiя.

— Богъ *злыскалъ* меня, Богъ *постыдилъ* меня.... Наказывая, Онъ ищетъ исправить меня...

За простулкомъ и грѣхомъ, за гнѣвомъ, за движенiемъ зависти, за мечтами о женщинахъ, за честолюбивыми порывами слѣдуетъ верѣдко несказанная сладость покаянiя и даже слезъ...

Люди близкiе къ отцу Клименту заставляли его не разъ плачущимъ въ келii предъ образомъ.

Слезы не всегда бываютъ тяжелы и горестны, въ нихъ иногда величайшая отрада...

Относительно скорбей вообще, у монаховъ существуютъ такiя суровыя утѣшенiя, отъ которыхъ человекъ вопреки къ монашескому мировоззрѣнiю легко можетъ придти въ ужасъ. Но и эти, страшныя въ земномъ смыслѣ утѣшенiя, могутъ быть очень действительны при извѣстнаго рода напряженiи ума.

Вотъ что говоритъ блаженный Иоаннъ Карпаѣвскiй въ словѣ поствическомъ и утѣшительномъ (извлечено изъ книги *Доброталюбiе*).

„Никогда не подумай превозносить выше инокъ—мирянина имѣющаго жеу и дѣтей, который утѣшается тѣмъ что дѣлаетъ многимъ добро и обильно подаетъ милостыню и при этомъ ничуть отъ злыхъ духовъ не искушается; и не считай себя выше такого мирянина въ благоугожденіи Богу. И не презирай себя какъ погибающаго. Я не говорю уже это о томъ случаѣ, если ты живешь велорочно, терпя монашескія скорби: но даже если ты при этомъ и очень грѣшишь. Скорбь твоей души и твои страданія выше предъ Богомъ чѣмъ житійскія добродѣтели; славная печаль твоя и жалобы, и вздохи, и стогнанія, и слезы, и мученія совѣсти, и недоумѣніе помысла, и самоосужденіе, и рыданіе, и плачь ума, и вопли сердца, и сокрушеніе, и смущеніе, и презрѣніе къ себѣ, и безсиліе, и униженіе,—все это и подобное этому, случающееся съ иноками, свергаемыми въ желѣзную печь искушений, почетнѣе и пріятнѣе предъ Богомъ чѣмъ благоугожденіе мірянина.“

Разумѣется, добросовѣстному монаху легче чѣмъ намъ свыкнуться съ подобными мыслями, ибо въ теченіе долгихъ лѣтъ онъ слышитъ и читаетъ ихъ, и въ церкви, и въ келейномъ одиночествѣ, и въ бесѣдахъ съ духовнымъ наставникомъ своимъ, и за трапезой, и въ лѣтніи, и въ проловѣди, и въ житіяхъ, и въ богословскихъ книгахъ... Прибавлю еще и то что всякій родъ жизни и всякое занятіе имѣютъ свои горести и свои особыя радости. Объясните толковому торговому человѣку или „хозяину“ какому-нибудь какъ страдаетъ и чему радуется художникъ. Онъ даромъ не возьметъ этихъ радостей, локулаемыхъ такою дорогою цѣной. Увѣрьте человѣка привыкшаго къ покойной жизни и къ безопасности благоустроенныхъ городовъ, что моряку на морѣ и воину въ бою бываетъ иногда очень весело. Онъ повѣритъ, быть-можетъ, на слово... Но не скажетъ ли онъ: „Да идетъ мимо меня сія чаша!“ Пусть такъ, но не пріятно ли видѣть, когда практической человѣкъ понимаетъ и любитъ поэта, благодаритъ его, такъ-сказать, за тѣ страданія которыя онъ рѣшился избрать? Не пріятно ли видѣть, когда мирный и быть-можетъ по личнымъ привычкамъ робкій гражданинъ восхищается подвигами воина и преклоняется предъ нимъ?...

Пусть же христіанинъ, неспособный самъ стать монахомъ (это не есть необходимость) умѣетъ чтить и понимать хорошаго инокъ хотя бы „въ теоріи“, такъ какъ нерѣдко умѣетъ понимать умный дѣлецъ страданія художника; пусть онъ

чувствуетъ его какъ чувствуютъ храбрыхъ солдатъ и генераловъ люди неспособные сами даже взять оружіе въ руки.

Это будетъ гораздо справедливѣе и умнѣ чѣмъ отрицать важность и заслугу того къ чему мы сами не чувствуемъ себя способными.

VII.

Я не стану распространяться здѣсь о пользѣ которую я самъ во многихъ отношеніяхъ извлекаю изъ бесѣдъ моего высокообразованнаго и вѣрующаго друга. Эта идеальная польза есть пріобрѣтеніе моего внутренняго міра, о которомъ было бы неумѣстно сообщать въ печати. Здѣсь рѣчь идетъ не обо мнѣ самомъ; себя я долженъ коснуться лишь тамъ гдѣ это мнѣ кажется необходимымъ для лучшаго объясненія характера отца Климента.

Напримѣръ, по вопросу о католицизмѣ. Здѣсь чтобы указать на катехизаторскія наклонности покойнаго и обрисовать живымъ примѣромъ его ревность, я вынужденъ сознаться что къ католицизму у меня есть нѣкоторое пристрастіе, не въ смыслѣ догматическомъ, конечно, не въ смыслѣ чисто религіозномъ, но такъ-сказать въ культурно-политическомъ. Этими вкусами моими я очень много тревожилъ отца Климента; по этому поводу у насъ съ нимъ было много горячихъ споровъ; онъ самъ заводилъ объ этомъ предметѣ рѣчь; увѣщевалъ меня, стыдилъ, преслѣдовалъ за это на словахъ и даже въ письмахъ; зимою—въ моей или его кельѣ, лѣтомъ—въ лѣсу на прогулкахъ споръ этотъ не разъ возобновлялся; въ Москвѣ, въ Петербургѣ, вездѣ я отъ времени до времени получалъ отъ него письма, въ которыхъ онъ касался этого предмета, по его мнѣнію очень щекотливаго, по моему очень простаго и для меня яснаго. Сначала я думалъ что онъ не понимаетъ меня, что онъ смѣшиваетъ во мнѣ совершенно независимыя другъ отъ друга чувства и понятія; но потомъ я убѣдился что не онъ меня, а я его не понималъ. Наконецъ, онъ рѣшился договориться до конца. И тогда я его понялъ; и хотя все-таки остался при своемъ взглядѣ, но увидалъ что разница между нами большая. Я никакъ не могу забыть ту исполнинскую культурную борьбу яснаго и выработанаго стараго съ неопредѣленнымъ и неяснымъ новымъ,

которая ведется теперь по всему земному шару; онъ ни на минуту не хотѣлъ вполнѣ оставить заботу о спасеніи души не только своей собственной, но и ближняго. Я, защищая нѣкоторыя стороны папства, думалъ о судьбахъ Европы; онъ тревожно и настойчиво возражая мнѣ, думалъ о моей душѣ. Онъ боялся даже этой искры сочувствія папизму; онъ опасался чтобы политическое сочувствіе, ясно отдѣляемое мною отъ личныхъ религіозныхъ вѣрованій, не перешло незамѣтно во что-то иное. Однажды, слушая мою апологию католицизму, онъ повторилъ нѣсколько разъ, съ укоризною качая головой:

— Сметрите! Берегитесь.

— Что такое? сказалъ я, смѣясь;—не бойтесь, я католикомъ не сдѣлаюсь; но мнѣ жаль только что большинство нашего духовенства не имѣетъ той ревности которую имѣетъ католическая іерархія, и сверхъ того мы, къ несчастію, такъ глубоко связаны съ Западомъ что всякое вредное движеніе тамъ, поздравѣе, вы знаете, отзывается у насъ. Наша церковь еще не пережила тѣхъ открытыхъ гоненій, которыя вотъ уже скоро вѣкъ терпитъ папство отъ западныхъ либераловъ, а между тѣмъ и у насъ церковь если не потрясена, то уже подкопана со многихъ сторонъ.

— Послушайте, воскликнулъ Зедергольдъ горячо. — Вы должно не были настоящимъ христіаниномъ; вы обратились поздно. Я понимаю что это очень полезно для начала уважать всякую религію, любить всякую вѣру, даже и буддизмъ и предпочитать всякое исповѣданіе пустотѣ мнимаго прогресса. Да, для начала обращенія.... Но останавливаться на этомъ нельзя.... Надо идти дальше и чувствовать духовное омерзѣніе ко всему что не православіе.

— Зачѣмъ я буду чувствовать это омерзѣніе? воскликнулъ я.—Нѣтъ! для меня это невозможно. Я Коранъ читаю съ удовольствіемъ....

— Коранъ—мерзость! сказалъ Климентъ, отвращаясь.

— Что дѣлать! А для меня это прекрасная лирическая поэма. И я на вашу точку зрѣнія не стану никогда. Я не понимаю этой односторонности и вы напрасно за меня опасаетесь. Я православію подчиняюсь, вы видите сами, вполнѣ. Я признаю не только то что въ немъ убѣдительно для моего разума и сердца, но и то что мнѣ претитъ.... Credo quia absurdum....

— Въ ученіи церкви не можетъ быть абсурда, горячо возразилъ Климентъ.

— Вы придираетесь къ словамъ. Я выражусь иначе: я вѣрую и тому что по немощи человѣческой вообще и моего разума въ особенности, что по старымъ и неизгладимымъ привычкамъ европейскаго, либеральнаго воспитанія, кажется мнѣ абсурдомъ. Оно не абсурдъ, положимъ, само по себѣ, но для меня какъ будто абсурдъ.... Однако я вѣрую и слушаюсь. Позволю себѣ похвастаться и впасть на минуту даже въ духовную гордость и скажу вамъ что это лучший можетъ-быть родъ вѣры.... Совѣтъ который намъ кажется разумнымъ мы можемъ принять отъ всякаго умнаго мужа на примѣръ. Чужая мысль поразила нашъ умъ своею истинной. Что же за диво принять ее? Ей подчиняешься невольно и только удивляетесь какъ она самому не пришла на умъ раньше. Но, вѣруя въ духовный авторитетъ, подчиняться ему противъ своего разума и вкусовъ воспитанныхъ догмами годами цѣлой жизни, подчинять себя произвольно и насильственно, вопреки цѣлой бури внутреннихъ протестовъ, мнѣ кажется, это есть настоящая вѣра. Конечно то что я говорю не слишкомъ смиренно. Это—гордость смиренія. Знаю, знаю все это, но, простите, я хочу чтобы вы поняли что во мнѣ происходитъ. Поэтому будьте покойны. Я къ иезуитамъ не пойду; хотя даже и иезуитъ мнѣ нравится больше равнодушнаго пола, которому хоть трава не роси и который не перекрестится пока громъ не грянетъ.

— Это національный недостатокъ, сказалъ Климентъ.— Это къ ученію церкви не относится, это—историческія условія.... Впрочемъ и у насъ были ревнителі. Я теперь собираю матеріалы для составленія книги объ этихъ русскихъ ревнителяхъ послѣднихъ вѣковъ.

Тутъ насъ, я помню, прервали; но Климентъ не усложнилась и на другой же день возобновилъ разговоръ.

Я сказалъ ему такъ:

— Вы видите, я подчиняюсь всему. Умъ мой упростить я не могу. Я даю ему волю наслаждаться мыслями; это можетъ, конечно, отнимать время, но колебаній въ основахъ вѣры не причиняетъ никакихъ. Я скажу вамъ одинъ примѣръ. У меня дома есть *Философскій Лексиконъ* Вольтера. Однажды я прочелъ тамъ статью о пророкѣ Давидѣ. Вольтеръ доказываетъ что въ теперешнее время его признали бы

достойнымъ галерѣ и больше ничего.... въ этомъ родѣ то-то.... Я очень смѣялся.... Я люблю силу ума; но я не вѣрю въ безошибочность разума.... И потому у меня одно не мѣшаетъ другому. Я точно также чрезъ полчаса послѣ чтенія этой статьи Вольтера, какъ и прежде, могъ искренно молиться по Псалтырю Давида. Мы всѣ многого не понимаемъ. Лучше я буду подчиняться всему чему угодно по вѣрѣ, чѣмъ подчиняться хотя бы Вольтеру по разуму. Мой разумъ для меня дороже и милѣ всякаго другаго разума. Я вѣдь и крещусь, и въ церковь хожу, и все стараюсь исповядать такъ же какъ любая изъ этихъ нищихъ старухъ, которыя собираются изъ Козельска у вашихъ скитскихъ воротъ. Поэтому предоставьте мнѣ бояться за все христіанство, и за весь міръ, когда я вижу какъ глубоко потрясень католицизмъ, самый могучій, самый выразительный изъ охранительныхъ оплотовъ общественнаго зданія. Дайте мнѣ свободу жалѣть обо всѣхъ этихъ разнообразныхъ монахахъ съ капюшонами и въ широкихъ шляпахъ, о пышныхъ процессіяхъ, о красныхъ кардиналахъ. Высшая поэзія и высшая политика связаны глубже между собой чѣмъ обыкновенно думаютъ. Отходить поэзія, отходить и государственная сила, отходить даже и глубина мысли. Не вы ли сами недавно съ завистію говорили мнѣ что у западныхъ народовъ все было глубоко и выразительно. *Всѣ трещины съ углубленіемъ.*

(Чтобы понять послѣднія слова, необходимо здѣсь передать одинъ анекдотъ про русскаго купца и Нѣмца полковаго командира. Купецъ этотъ когда-то пріѣзжалъ въ Олтиву пустынь и жаловался, между прочимъ, на убытки и разказалъ что болѣе всего убытку причинилъ ему одинъ полковой командиръ, Нѣмецъ. Купецъ ставилъ ему телѣги. Полковой командиръ забраковалъ большую часть за то что на деревѣ были трещины. Купецъ воскликнулъ: „помилуйте, ваше высокоблагородіе, развѣ можно безъ трещинъ?“ Но Нѣмецъ возразилъ: „нѣтъ, бывають просто трещина, бывають трещина съ углубленіемъ,“ и отказался отъ телѣгъ. Отецъ Климентъ самъ разказывалъ мнѣ этотъ анекдотъ именно по поводу того что какъ онъ самъ сознавалъ, у Романо-Германцевъ все выразительнѣе чѣмъ у Славянъ. Онъ говорилъ объ этомъ тогда съ сокрушеніемъ сердца, такъ какъ себя ужъ считалъ союзнымъ Славяниномъ по духу.)

Увидавъ что я пользуюсь его же оружіемъ и привожу его же слова, отецъ Климентъ разгорячился, началъ говорить горячо, заикался даже, какъ это съ нимъ верѣдко случалось, когда онъ былъ въ сильномъ волненіи, и едва-едва успокоившись продолжалъ такъ:

— Это правда. Я говорилъ это по поводу книги *Ресистантологіи* Мирвиля. Да, я привелъ эти слова командира: трещина съ углубленіемъ. Но слушайте, я прошу васъ, внимательно что я вамъ скажу: эта страстность, эта энергія, эта изобрѣтательность и смѣлость ума, которыми отличаются люди Запада, очень хороши и полезны въ мірскихъ дѣлахъ; въ государственномъ дѣлѣ, въ наукѣ, въ литературѣ. Но эта самая энергія и страстность были пагубны для Европейца въ религіозномъ отношеніи. Слушайте: со времени грѣхопаденія перваго человѣка дьяволъ тщится всячески совратить человѣчество съ истиннаго пути. За первоначальнымъ монотеизмомъ послѣдовалъ рядъ уклоненій въ многобожіе; явились одинъ за другимъ всѣ эти политеистическія религіи Востока. Еврейскій народъ одинъ боролся съ ними во все время своего существованія. Послѣ воплощенія Сына Божія, политеизмъ сталъ невозможенъ; но злой духъ съ самаго начала послѣдшилъ вселить въ церковь раздоры и ереси: арианство и такъ далѣе; вы это знаете. Гибла одна ересь при помощи Божіей; являлась другая. Противъ этихъ ересей и расколовъ боролась церковь одинаково и на Востокѣ и на Западѣ. Въ Испаніи арианство одно время очень усилилось. Западное духовенство ревностно боролось противу него; оно было право; но по чрезмѣрной страстности и энергіи своей западные народы не умѣли ни въ чемъ найти должную мѣру; они все переливали черезъ край. Нужно было возвысить второе лицо Св. Троицы, такъ какъ Аріане уничтожали Христа и отрицали Его божественность. Западные люди не удовлетворились утвержденіемъ восточнаго догмата; они прибавили въ пылу борьбы что даже Духъ Святой исходитъ „и отъ Сына“, что бы, всячески Сына прославить. И еще: всѣ христіане читали какъ слѣдуетъ Божію Матерь; но восточная церковь никогда не признавала что на ней не было, какъ на другихъ людяхъ, скверны первороднаго грѣха; безгрѣшны только Богъ; всѣ святые грѣшили. Западные народы не могли остановиться на этомъ; они изобрѣли догматъ безпорочнаго зачатія; они опять перелили черезъ край. Они

стали увлекаться этимъ поклоненіемъ Богородицѣ до того что чтутъ Ее нерѣдко выше самого Христа. Еще примѣръ: никто не отрицаетъ что нужно чтить глубоко епископскій санъ, чтить святость сана даже и тогда когда человѣкъ посвящій этотъ санъ лично недостоинъ и очень грѣшенъ... Это азбука христіанства, безъ которой христіаномъ нельзя быть. Никто не отвергалъ даже что римскій епископъ первый между равными, старшій въ средѣ другихъ епископовъ. Его первенство готова признать и теперь православная церковь, еслибы Римъ отрекся отъ своихъ догматическихъ заблужденій. Но западные народы и здѣсь перешли границы. Они выдумали что римскій епископъ не епископъ, а нѣчто особое, папа, наследникъ Петра Апостола; что онъ непогрѣшимъ....

— Позвольте (перебилъ я его), позвольте... Я понимаю что это неправильно, но я хочу провѣрить себя. Вѣдь и у насъ есть непогрѣшимость; непогрѣшимость вселенскихъ соборовъ въ общихъ дѣлахъ вѣры и непогрѣшимость мѣстныхъ соборовъ и даже постоянныхъ синодовъ въ дѣлахъ мѣстныхъ. Мы должны вѣрить что Духъ Святой правитъ нашими соборами и синодами и внушаетъ имъ рѣшенія, независимо отъ того каковы лично всѣ или нѣкоторые изъ вліятельныхъ членовъ этихъ соборовъ; несмотря даже на кажущуюся намъ несправедливость или мнимое несовершенство ихъ рѣшеній. Богу извѣстно почему Онъ собору внушилъ такое, а не иное рѣшеніе... иначе безъ этой непогрѣшимости, безъ этого рода вѣры могла ли бы церковь держаться?...

Отецъ Климентъ едва удерживался, слушая меня... Я не давалъ ему прервать себя; но едва я кончилъ, онъ воскликнулъ съ жаромъ и краснѣя даже въ лицѣ.

— Эта разница между соборною и единоличною непогрѣшимостью очень важная, очень важная... вы должны понимать это... вы, я говорю (продолжалъ онъ, почти съ гнѣвомъ наступая на меня)... вы обязаны все понимать; еслибы вы были дама какая-нибудь, или... одинъ изъ тѣхъ прогрессистовъ, которыхъ мнѣнія вы справедливо презираете... тогда можно бы это простить... Но вы должны понимать что разница въ догматахъ важнѣе всего для нашей души... безъ правильнаго догмата нѣтъ спасенія; положимъ наши великіе старцы олтинскіе, отецъ Макарій,

отецъ Автопій, говорилъ всегда „что быть-можетъ Господь многихъ искренно вѣрующихъ и правильно живущихъ католиковъ и протестантовъ будетъ судить снисходительно потому что они не вѣдали истины“; но оправданы быть они не могутъ вполнѣ. Это выдумка—будто православная церковь допускаетъ спасеніе внѣ своего ученія. Такого рода терпимость невозможна.... Внѣ православія внѣ истиннаго спасенія.... Вы должны, вы обязаны знать и помнить это.... Вы говорите о простыхъ этихъ козельскихъ мѣщанкахъ, которыя лобираются у насъ, и что вы вѣрите просто какъ овѣ... Мы должны стремиться къ простотѣ и незабю сердца, а не ума. Козельской нищей простительна простота ума; а вы должны идти впередъ въ богопознаніи. Вы должны понуждать себя. Прекрасно восхищаться разными религіями и понимать ту долю истины которая въ нихъ заключена; конечно, это порядко очень полезный первый шагъ къ обращенію.... Но нельзя на немъ останавливаться, чтобы не стать добычей дьявола.... Врагъ пользуется всѣми нашими наклонностями, всѣми слабостями.... и вотъ ваша любовь къ поэзіи, которой, конечно, много и въ неправильныхъ религіяхъ, даже въ язычествѣ.... она вредитъ вамъ въ этомъ случаѣ.... Дьяволъ знаетъ чѣмъ каждаго изъ насъ взять.... Вы замѣтите,—продолжалъ еще Каиментъ,—что правильная нравственность не можетъ даже процвѣтать на неправильномъ догматѣ.... Духовенство католическое слишкомъ лукаво.... И обвиненія мірянъ въ этомъ отношеніи основательны...

— Увы! возразилъ я: — все это такъ; но и наши духовныя лица не чужды лукавства когда дѣло идетъ о томъ чтобы нажить побольше денегъ, или для монастыря собрать, или карьеру сдѣлать. А честные, добросовѣстные, ловящіе истинный духъ христіанства, лучшіе наши представители православія, какихъ я встрѣчалъ больше между монахами чѣмъ между бѣлымъ духовенствомъ, обремененнымъ грубыми семейными и хозяйственными заботами,—ужь слишкомъ мягки, слишкомъ честны, такъ-сказать, слишкомъ думаютъ только о спасеніи души своей и развѣ, развѣ о спасеніи знакомыхъ имъ людей, но не ищутъ вліять на общество, не ведутъ упорной, горячей пропаганды въ средѣ русскаго общества. А умная, дѣятельная пропаганда въ высшихъ слояхъ русскаго общества нужнѣе была бы чѣмъ проповѣдь Алеутамъ и борьба со старообрядцами, представляющими для Россіи очень

полезный тормазъ.... Уничтожая старовѣрство, мы, такъ сказать, передвигаемъ хоть немного центръ общей тяжести нашей справа влево.

Опять безпокойство для Климента, опять тревога за мое индивидуальное устройство.... Опять возгласы:

— Берегитесь... берегитесь.... Не хорошо.... Надо чувствовать омерзѣнiе ко всемъ ересамъ и расколамъ....

Онъ не исправилъ меня, сознаюсь; я все тотъ же; я не умѣю упростить себя такъ какъ онъ упростилъ себя умственно; можетъ-быть мы оба правы.... Онъ былъ монахъ, — я мирянинъ; онъ былъ iерей, священникъ; я духовнаго сана не имѣю; онъ, постригаясь въ мантию, давалъ страшные обѣты отреченiя и былъ связанъ ими; — я связанъ съ миромъ, я имѣю дурную привычку писать, имѣю великое несчастiе быть русскимъ литераторомъ.... Это, конечно, большая разница. Другiя обязанности, другая отвѣтственность; иныя впечатлѣнiя, иная борьба... Онъ не измѣнилъ моихъ взглядовъ; не уничтожилъ, не убилъ ни одною изъ пристрастiй, вскормленныхъ во мнѣ годами и годами безмолвныхъ и печальныхъ размышленiй надъ судьбами нашей общей отчизны и человечества. Трудно и было ему уничтожить что-нибудь въ этихъ моихъ взглядахъ; онъ не могъ по собственнымъ убѣжденiямъ не чувствовать что я говорю правду и о косвенной пользѣ раскола, какъ тормазъ, безъ котораго мы ушли бы еще дальше; и о томъ что православная проповѣдь въ высшемъ обществѣ и ученомъ русскомъ кругу была бы полезнѣйшимъ изъ миссионерствъ; и о томъ что католичество западное есть корень западнаго охраненiя.

Климентъ не могъ заставить меня думать иначе; ибо видимо онъ соглашался со мной во всемъ этомъ съ исторической точки зрѣнiя и вмѣстѣ со мной готовъ былъ это все оплакивать...

Онъ тревожился чисто монашескою мыслью; онъ заботился о своей душѣ во всемъ этомъ хаосѣ медленнаго современнаго разложенiя и еще о душѣ ближняго, о моей душѣ... Съ этою цѣлью онъ и въ Москву и въ Петербургъ писалъ мнѣ письма, убѣждая помнить что всѣ ереси и расколы отъ дьявола...

Неужели онъ думалъ что я перейду въ другую вѣру? Разумѣется, считать перемѣну вѣры низостью могутъ только невѣрующiе или очень ограниченные люди. Кто понимаетъ

что такое вѣра, тотъ конечно не сочтетъ визостью или измѣной отечеству искренній переходъ человѣка по убѣжденію (или по заблужденію, все равно) въ другое исповѣданіе... Но онъ сочтетъ это великимъ несчастіемъ, съ которымъ никакое другое несчастіе сравниться не можетъ. И Климентъ, я увѣренъ, не могъ бояться что со мной случится подобное бѣдствіе. Нѣтъ, онъ не думалъ что я измѣню правослазію. Онъ только хотѣлъ привлечь мое вниманіе на нѣкоторую безбоязненность моего ума, который не опасался даже и мусульманство хвалить, и Коранъ читать съ удовольствіемъ. Ему хотѣлось поднять меня все выше и выше на лѣстницѣхъ христіанскаго одухотворенія; ему хотѣлось чтобъ я боялся всего подобнаго, чтобъ я боялся еретическихъ даже и невинныхъ сочувствій, какъ боялся легкихъ порывовъ злости, гнѣва, сладострастія, чтобъ изъ легкихъ они не стали тяжкими или даже чтобъ и легкія эти движенія чувствъ и мыслей не сквернили души его друга имѣющаго скоро быть-можетъ предстать предъ судъ Божій... Онъ самъ былъ такъ духовенъ по образу мышленія своего, что, мнѣ кажется, умственной ереси онъ долженъ былъ трепетать гораздо больше чѣмъ всѣхъ возможныхъ нравственныхъ паденій и даже глубокихъ пороковъ, ибо все исправимѣе должныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искреннихъ убѣжденій...

Вотъ, чтобы характеризовать полнѣе Климента, я невольно долженъ былъ упомянуть тутъ и о себѣ. Подобными бесѣдами онъ заставлялъ меня нерѣдко разсматривать предметы вѣры и жизни съ новыхъ сторонъ и привлекалъ мое вниманіе на то, на что оно еще ни разу не обращалось... Этимъ онъ сдѣлалъ мнѣ много добра.

Не мнѣ одному старался отецъ Климентъ сдѣлать добро.

Я помню также, между прочимъ, сколько душевной пользы онъ сдѣлалъ и сколько утѣшеній доставлялъ одному молодому Греку, простому слугѣ по званію, но очень способному, развитому умомъ и до крайности впечатлительному. Этотъ молодой человѣкъ вѣрующій, простодушный (вопреки Несторовской фразѣ: „всѣ Греки лѣстивы до сего дня“), умный, но въ то же время практически безтолковый, малодушный и измѣнчивый до невѣроятія, впадалъ безпрестанно въ уныніе, отчаяніе, почти что въ безвѣріе отъ большаго самолюбія и бѣдности своей. Нужно было видѣть, какъ отецъ Климентъ заботился о немъ, когда онъ пріѣз-

жалъ со мной гостить въ Олтину пустынь. Отецъ Климентъ говорилъ прекрасно по-новогречески; онъ приходилъ самъ ко мнѣ нарочно для этого Грека, смѣясь и шутя заговаривалъ съ нимъ по-гречески: то подкрѣплялъ его духъ самими отвлеченными богословскими бесѣдами (слуга этотъ понималъ отвлеченныя вещи), то ободрялъ его шутками на „эллинскомъ божественномъ языкѣ“, смѣялся самъ, острилъ, говорилъ ему даже что-то стихами, восхищалъ его своими познаніями и своимъ грекофильствомъ. Никогда никого не исповѣдуя и страшась даже быть духовникомъ по искренности своего духовнаго смиренія, отецъ Климентъ рѣшился для этого иностранца сдѣлать исключеніе: онъ самъ попросилъ позволенія у своего старца исповѣдывать этого Грека на греческомъ языкѣ (хотя тотъ могъ почти все объяснить кой-какъ по-русски). Отецъ Климентъ зналъ до чего это утѣшить разстроеннаго юношу. И надо же было видѣть какъ повеселѣлъ и какъ надолго ободрился молодой человѣкъ послѣ этой исповѣди. Я говорилъ что Грекъ этотъ, хотя самоучка и простой крестьянинъ изъ Элирскихъ горъ, былъ способенъ къ отвлеченному мышленію и богословіе понималъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ въ Олтину пустынь онъ впадалъ въ нестерпимую тоску и раздраженіе.... Я, зная его характеръ, посоветовалъ ему читать что-нибудь духовное. На этотъ разъ и это не подѣйствовало. Къ нравственнымъ тревогамъ прибавились, какъ нарочно, и теологическія сомнѣнія. Для того чтобы почерпнуть практическія правила и пригодныя для нашихъ личныхъ и частныхъ чувствъ и обстоятельствъ утѣшенія изъ духовныхъ книгъ, нужно непоколебимо вѣрить во всѣ главныя основы ученія. Какую же личную отраду можетъ извлечь человѣкъ изъ аскетическихъ наставленій, когда онъ, какъ нарочно, вдругъ тутъ-же, при чтеніи, начинаетъ сомнѣваться въ догматахъ, въ чудесахъ и т. п.? Съ бѣднымъ единовѣрцемъ нашимъ случилось именно такое несчастіе. Философскія искушенія усугубили его сердечную тоску. Онъ заговаривалъ объ этомъ со мною.

Сколько я ни старался его успокоить, я видѣлъ что рѣчи мои, духовнымъ авторитетомъ въ его глазахъ не согрѣтыя, дѣйствуютъ слабо, и я повелъ его съ собой къ отцу Клименту. Отецъ Климентъ былъ чѣмъ-то занятъ и озабоченъ; мы кажется ему помѣшали; такъ показалось мнѣ по недовольному выраженію

его лица въ первую минуту. Но едва только я сказалъ въ чемъ дѣло, нужно было видѣть какъ встрепенулся онъ, какъ забѣгалъ, какъ обрадовался случаю привести человѣку духовную пользу, такъ измѣнилось и просвѣтлѣло его привѣтливое лицо! Онъ кинулся искать „книги“, онъ не хотѣлъ говорить „свое“; отыскалъ не помню какой греческій фолиантъ; разложилъ его съ торжествующимъ до наивности видомъ; отыскалъ по бывшей уже замѣткѣ одно мѣсто и прочелъ его Греку. Затѣмъ указалъ на Иоанна Дамаскина. Дѣйствіе его рѣчей было совсѣмъ иное чѣмъ дѣйствіе моихъ. Угрюмое и горькое настроеніе молодого человѣка мгновенно исчезло.... Оно исчезло еще прежде чѣмъ началъ говорить отецъ Климентъ... Только что онъ еще улыбулся, произнесъ первое слово, Грекъ началъ уже почти хохотать отъ радости какъ ребенокъ, озираясь на меня, чтобы видѣть раздѣляю ли я его восторгъ... Я раздѣлялъ его. Послѣ этого Грекъ сталъ читать спокойно творенія св. отцовъ, говѣлъ и утихъ надолго.

Я, припоминая этотъ незначительный случай, всегда вижу предъ собой доброе, честное, умное, нѣмецкое и бѣлокурое лицо этого человѣка. Я улыбаюсь, вспоминая какъ онъ именно кинулся искать фолианта. Эту готовность, эту заботливость, эту ревность, видную въ мелочахъ, отецъ Климентъ обнаруживалъ часто, иногда быть-можетъ даже и слишкомъ. Примѣровъ много я видѣлъ самъ.

Мнѣ могутъ возразить что этотъ разказъ о сношеніяхъ отца Климента съ молодымъ Грекомъ нѣсколько противорѣчить тому что я сказалъ прежде о неспособности Зедергольца быть старцемъ-руководителемъ. Въ этомъ случаѣ онъ, конечно, не только убѣждалъ, объяснялъ или проповѣдывалъ, онъ утѣшалъ и руководилъ, дѣйствовалъ на сердце, волю, а не на одинъ умъ. Конечно это такъ; но этотъ случай исключеніе. Старецъ прежде всего долженъ быть спокойенъ самъ, по крайней мѣрѣ съ виду. Пусть и у старца свершается въ душѣ общечеловѣческая борьба; и у него бываетъ, какъ у другихъ людей, духовникъ (иногда несравненно низшій его по уму и жизни), предъ которымъ онъ можетъ излить свои тайныя скорби; но для духовныхъ чадъ своихъ старецъ долженъ являться невозмутимымъ. Онъ долженъ быть подобенъ терпѣливому и проникнутому любовью къ наукѣ своей врачу, который, самъ страдая какою-нибудь неспособно

болѣзнью и сознавая ея серіозность, принимаетъ все-таки болѣзныхъ ласково и внимательно. Отецъ Климентъ былъ саишкомъ горячъ, саишкомъ требователемъ и вспыльчивъ для этого. Мнѣ кажется что и прекаонные года не измѣнили бы его въ этомъ отношеніи. Года ослабляютъ другаго рода страсти. Но раздражительность и безпокойный нравъ не только мало уступаютъ вліянію лѣтъ и недуговъ, но напротивъ того нерѣдко усиливаются подъ конецъ жизни.

Нѣтъ! этотъ усердный слуга церкви, этотъ ревностный учитель, этотъ благородный страдалецъ о Христѣ руководить и поддержать другихъ спокойно не умѣлъ. Разкажу еще одинъ случай изъ его жизни. Я познакомился въ Оптиной съ однимъ помѣщикомъ; мы тамъ гащивали съ нимъ не разъ. Подобно мнѣ этотъ помѣщикъ былъ въ восторгѣ отъ Зедергольма. Онъ тоже кончалъ курсъ въ университетѣ, былъ сверхъ того человѣкъмъ вачитавнымъ, но къ половинѣ жизни своей, отстранивъ всякое „лжемудріе“, сказалъ себѣ: „блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ“. Ему до невѣроятія пріятно было встрѣтять въ оптинскомъ монахѣ человѣка своего общества, своихъ початій, своего воспитанія... человѣка который точно такъ же какъ и мы всѣ читалъ смолоду Гоголя, Пушкина, Шллера и Гѣте, переживалъ то что и мы переживали, который (какъ замѣчалъ довольно удачно этотъ помѣщикъ) „улыбаецъ даже именно тамъ гдѣ нужно, тамъ гдѣ мы улыбаемса!...“ Подобно мнѣ этотъ оптинскій гость любилъ подолгу бесѣдовать съ Климентомъ и требовалъ чтобы тотъ самъ непремѣнно руководилъ его. Напрасно Климентъ уговаривалъ его почаще въ скорбяхъ и сомнѣніяхъ обращаться къ настоящимъ оптинскимъ духовникамъ, напрасно увѣрялъ его что они скорѣе его утѣшатъ и успокоятъ. Помѣщикъ, при всей своей набожности, все-таки былъ болѣе душевный чѣмъ духовный человѣкъ. Ему все казалось что настояціе-то духовники именно и не поймутъ всѣхъ отѣнковъ его сомнѣній и страданій, тогда какъ ученый человѣкъ все это разберетъ и разсудитъ. Онъ ходилъ и къ духовникамъ, прибѣгалъ къ нимъ ирѣдка, когда ему становилось ужъ саишкомъ тяжело, или когда Климентъ почти насильно гналъ его къ нимъ; но былъ все чѣмъ-то недоволенъ, тяготился и страдалъ. Горестей домашнихъ у него было много, прошедшее его было бурно и настоящее

печально; онъ не могъ долго быть безъ Оптиной; но съ другой стороны готовъ былъ всякій разъ съ радостью бѣжать изъ нея... Я его видѣлъ очень часто больнымъ, смущеннымъ и взволнованнымъ.

Недавно мы встрѣтились еще разъ. Климентъ былъ уже въ могилахъ. Это было Великимъ Постомъ. Я замѣтилъ что при Климентѣ этотъ помѣщикъ бывалъ въ церкви правильнѣе и чаще. Теперь же онъ то по цѣлымъ недѣлямъ не ходилъ въ церковь, то являлся туда по два раза въ день и болѣе, выстаивалъ много и продолжалъ такъ поступать по нѣскольку дней подъ рядъ. При этомъ онъ былъ замѣтно веселѣе и покойнѣе. Мы шли однажды вмѣстѣ по скитской дорожкѣ. Могила отца Климента занесенная снѣгомъ была видна налѣво.

Помѣщикъ остановился и сказалъ мнѣ:

— А знаете ли вы что безъ него мнѣ стало легче въ Оптиной?.. Какъ онъ, бѣдный, былъ правъ когда послалъ меня къ старцамъ. Онъ не умѣлъ обращаться со мной, онъ требовалъ отъ меня слишкомъ многого. Онъ доводилъ меня почти до слезъ.... Сердился на меня.... Однажды онъ меня называлъ „неблагодарнымъ“ за то что я, изнемогая отъ болѣзни и унынія, ушелъ прежде времени изъ церкви. По внутреннему моему чувству мнѣ пробыть въ церкви и одинъ часъ казалось въ этотъ день подвигомъ, мучительнымъ распатіемъ плоти; а онъ на другой день сдѣлалъ мнѣ за это сцену.... Правда, я тогда счелъ себя неправымъ и попросилъ прощенія, и онъ смутился и тоже какъ будто покаялся предо мной. Но я тогда его поклоны принималъ за обязательный формализмъ, за смиреніе это.... знаете.... Но только теперь, нынѣшній годъ я повалью ясно что вина моя была не столько въ томъ что я уходилъ изъ церкви раньше времени, сколько въ томъ что я не слушался Климента и не шелъ къ тѣмъ къ кому онъ меня посылалъ. Онъ былъ искренній человекъ и видѣлъ самъ что не умѣетъ быть старцемъ.... Онъ мучилъ меня и мучился самъ.... А я упорствовалъ.... Правду говорятъ монахи что монашество есть „наука изъ наукъ“. Тутъ есть такіе отгѣнки которые намъ и въ голову не придутъ. Вотъ наприкладъ, на первой недѣлѣ поста, въ поведѣвникъ, я отстоялъ часы охотно, но къ длинной вечернѣ мнѣ ужасно не хотѣлось идти; мнѣ хотѣлось лучше дома, одному, почитать что-нибудь духовное.... Однако,

помня Клаимента, я пошелъ. Не отстоявъ я и часу какъ скука и усталость мои дошли почти до злости. Я не могъ молиться. Уйти мнѣ было стыдно; оставаться несносно. Наконецъ я рѣшился подойти къ скитоначальнику (къ тому именно духовнику, къ которому меня такъ часто звалъ Клаиментъ) и потихоньку сказалъ ему всю правду. Онъ тотчасъ же съ ласковымъ видомъ благословилъ мнѣ идти домой, и сказалъ: „Богъ желаетъ доброхотнаго дателя. Лучше идите домой съ миромъ и будьте покойны духомъ. Господь видитъ ваши немощи и знаетъ ваше усердіе! И впередъ всю первую недѣлю поста ходите въ церковь только разъ въ день, или къ часамъ, или къ вечернѣ. Тогда не будете озабляться.“ Я такъ обрадовался этому спокойному и ласковому слову скитоначальника что остался еще уже охотно, кажется цѣлой частью, и потомъ утѣшенный и веселый отправился домой. Уходя, я долженъ былъ зайти въ маленькую келію монаха живущаго при церкви чтобы взять тамъ свою шубу. Вошелъ и вспомнилъ тотчасъ какъ два года тому назадъ случилось со мной то же самое. Я изнемогалъ и въ тоскѣ и въ уныніи вышелъ сюда и сѣлъ. Вдругъ предо мной явилася отецъ Клаиментъ. Онъ пожалѣвъ, повѣлъ что я страдаю и пришелъ меня утѣшить и ободрить. Доброты въ этомъ было много; вы сами знаете, онъ былъ строгій формалистъ и ему выйти прежде при всѣхъ изъ церкви было нелегко. Это была жертва дружбы. И что же? Въмѣсто утѣшенія, онъ слово за словомъ увлекся, разгорячился и чуть-чуть было не наговорилъ мнѣ неприятностей.... Я осмѣлился не то чтобы проплатить.... о! вѣтъ.... а'еще и не началъ ролтать, а онъ ужъ вообразилъ что вотъ-вотъ я сейчасъ заролтцу, вспыхнулъ въ лицѣ, началъ заикаться и поскорѣе ушелъ отъ меня.. А я отправился къ себѣ. Вотъ что значитъ безпокойный характеръ! Такому человѣку не дана сила старчества. Вообразите себѣ еще что на другой день онъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ, свикая предо мной каобукъ и по-мироки кааваясь: Будьте такъ добры, есаи для своей души не хотите поусердствовать, то сдѣлайте это для меня, изъ дружбы. Сегодня вечеромъ приходите на бдѣніе изъ первыхъ и выйдите послѣднимъ изъ церкви. Пробудьте всѣ четыре часа въ церкви; сидите, дремайте, есаи хотите, только не оставляйте храма Божія до конца.... Я прошу васъ, сдѣлайте это для меня. Я тоже немощный человѣкъ; мнѣ стыдно предъ мона-

хами. Они скажутъ: „Вотъ Климентъ нянчится, нянчится съ ***; а тотъ все его не слушается.“ Прощу васъ! — И олятъ покловъ. Я, скрѣпя сердце, согласился, общалъ и исповнялъ; пришелъ прежде многихъ монаховъ, половину бдѣнія сидѣлъ и ушелъ посафдящимъ. Климентъ служилъ въ этотъ вечеръ самъ. Онъ кадилъ мнѣ серьезно и прочесть невозможно было на лицѣ его въ эту минуту ничего. Но на другой день онъ смѣялся, ликовалъ. — Напрасно вы хвалите меня, сказалъ я ему полушутя, полусердито. — Я сдѣлалъ это не столько изъ ревности по Богѣ сколько въ угоду монахамъ.... Богъ милостивъ, а монахи жестокосерды... Отецъ Климентъ воскликнулъ: — Ну, что жь, и это хорошо! Постоите, я вамъ дамъ рахать-аукума за то что вы умѣете ладить съ монахами. — Вообще онъ до того усердно заботился обо мнѣ, прибавилъ помѣщикъ, — что я въ цѣны недѣли трудныхъ службъ просто боялся его.... И увѣряю васъ что мнѣ безъ бесѣды его скучнѣе въ Оптиной, а безъ внимательства его въ мое поведеніе легче....

— Послушайте, однако, возразилъ я.—Простите, но это въ самомъ дѣлѣ неблагодарность....

Собесѣдникъ мой наклонилъ голову и отвѣтилъ:

— Что дѣлать! Это невольное чувство.... Я самъ былъ виновать что не слушался его тогда же, не ходилъ чаще къ другимъ, но довѣрялся болѣе университетскому воспитанію и свѣтскому образованію чѣмъ дѣйствительному олыту и духовному разуму.

Къ хорошему, искусному начальствованію отецъ Климентъ тоже обнаруживалъ мало способностей. Положимъ что эти свойства вѣтшей распорядительности онъ могъ бы современемъ легче пріобрѣсти чѣмъ силу внутренняго руководенія; начальникомъ онъ могъ стать добросовѣстнымъ, твердымъ въ долѣ своемъ; но едва ли бы онъ сталъ когда бы то ни было начальникомъ популярнымъ. Для этого нужно больше имѣть спокойствія и той искусственной, пожалуй, скажемъ даже притворной самоувѣренности которой онъ бы никогда вѣроятно не достигъ. Хорошій начальникъ можетъ помучиться сомнѣніемъ въ пользѣ своихъ распоряженій; но надо чтобы подчиненные какъ можно меньше видѣли эту муку. Пусть начальникъ смиряется и мучается предъ Богомъ— это его обязанность. Но пусть подчиненные вѣрятъ, по воз-

можности, въ его правоту, видя его спокойнымъ, кстати кроткимъ и ласковымъ и кстати гнѣвнымъ и строгимъ. Отецъ же Климентъ былъ въ вѣчномъ волненіи. По усердію своему, по душевной любви къ „младшей скитской братіи“, онъ вмѣшивался въ дѣла скита, не имѣя къ тому прямой должностной обязанности, былъ чѣмъ-то въ родѣ благочиннаго по призванію; но всѣ замѣчанія и выговоры его были рѣзки, слышкимъ горячи; взволновавшись самъ до невязья, онъ поднималъ цѣлую бурю и, отагощая молодежь или оскорбляя новоначальныхъ, дѣла достигалъ рѣдко. Его боялись, конечно; слышались до извѣстной степени, но вѣрѣдко тяготились и, надо правду сказать, не очень его любили. Любили его крѣпко только тѣ кто его понимали. А такого пониманія характера сложнаго, ума весьма развитаго, души страдальческой и бурной, вѣчно ищущей спокойствія во Христѣ, вѣчно собою недовольной, вѣчно усердствующей и вѣчно болязненно кающейся, такого пониманія какъ ждать отъ тѣхъ простыхъ русскихъ людей, изъ которыхъ большею частью набираются монастырскіе послушники и новоначальные монахи. Одинъ изъ нихъ юноша, сынънокъ кульца уздаваго, другой тоже юноша, крестьянинъ, едва знающій грамоту, третій, тоже молодой, сынъ бѣднаго чиновника, читавшій въ міру только *Бытѣю Русскихъ съ Кабардинцами* и *Гулькель или торжество добродѣтели*. Четвертый старшій, отставной дьячекъ, который въ міру никакаго характера кромѣ характера своей дьячихи не изучалъ. Все люди русскіе безпорядочные по природѣ, неопратные по привычкѣ, разсѣянныя, не очень исполнительные, хотя и добрые, вѣрующіе, честные. Они жаловались, на примѣръ, что отецъ Климентъ не умѣялъ быть ласковъ съ ними, никогда даже не шутилъ. А на это была простая причина. Климентъ былъ очень добръ, очень чувствителенъ, очень жалостливъ даже; онъ ихъ всѣхъ отъ души любилъ уже за одно то что они всѣ олѣтвскіе, дѣти и слуги той обители, за которую онъ готовъ былъ отдать жизнь свою; но не сознавая въ себѣ настоящей административной ловкости, не чувствуя себя въ должной мѣрѣ самоувѣреннымъ внутренно, онъ боялся фамильярности. Гдѣ же было понять эти тонкости его характера доброму и бѣдному отставному дьячку, который сердился на отца Климента за то что тотъ не позво-

аялъ ему много сидѣть въ церкви на бдѣніяхъ, или неопытному юношѣ, читателю *Гулькема*, тоже не разъ испытавшему на себѣ что значить пылъ Климентовыхъ увѣщаній.

Замѣчу еще здѣсь кстати что чрезмѣрная прямота и горячность отца Климента создавали ему нередко недоброжелателей и въ міру, и въ средѣ духовенства.

При всемъ своемъ исканіи смиренія и покорности, онъ и съ равными, и съ высшими не всегда стѣснялся и часто высказывалъ правду. Умолчать въ иныхъ случаяхъ было для него страданіемъ.

VIII.

Смерть отца Климента была почти внезапная, никѣмъ не-ожиданная.

Въ Св. Синодѣ его давно уже имѣли въ виду для какой-нибудь высшей должности. Онъ сямъ о монашеской карьерѣ нисколько не заботился. Онъ былъ самолюбивъ; но добросовѣстность, прямота и тотъ страхъ грѣха, о которомъ я говорилъ прежде, были въ немъ сильнѣе всякихъ еще не угасшихъ влодѣй страстей. Страсти и всякія чувства могли волновать его, но при помощи любимаго старца и духовника, при постоянной усердной молитвѣ борьба всегда кончалась побѣдой честнаго инокѣ надъ плотскимъ еще человѣкомъ....

Для карьеры онъ шагу для себя самъ не позволялъ бы никогда сдѣлать, не только по страху Божію, но еще по той сильной привязанности которую онъ имѣлъ къ старцу своему, извѣстному отцу Амвросію. Всякая начальническая должность на сторонѣ рязлучила бы ихъ, а Климентъ даже погулять по лѣсу или прокатиться въ телѣжкѣ не дерзалъ безъ благословенія старца. Говорятъ что онъ считалъ самъ себя до того „непотребнымъ и слабымъ“ монахомъ что постоянно молилъ Бога не оставлять его одного на землѣ, безъ отца Амвросія. Годы его были не велики, и онъ больше всего боялся пережить своего, давно уже недужнаго и старѣющаго руководителя. Какъ же могъ такой человѣкъ искать карьеры? Но прошлую весной, незадолго до болѣзни его, пришло ему предложеніе принять должность игумена въ одномъ изъ вѣроустроенныхъ монастырей Клаужской губерніи.

При этой вѣсти началась у отца Климента мучительная борьба. Какъ разстаться съ духовнымъ воспитателемъ своимъ,

оставить этотъ милый его сердцу скитъ, гдѣ онъ желалъ всегда жить и умереть, этотъ домикъ, эту келью, построенную дорогимъ его памяти графомъ А. П. Толстымъ, эту братію, этихъ товарищей поста, безм лвіа, молитвы, эти ели темныя, эти дорожки скита, цвѣты разведенныя самимъ великимъ старцемъ Макаріемъ, котораго онъ еще сподобился застать въ живыхъ!

Но съ другой стороны чувство особаго рода смиренія шептало ему: „Увѣренъ ли ты что ты уже настолько высокъ и безлаотень устроеніемъ своимъ что не пожалѣешь послѣ зачѣмъ отказавшись отъ власти, отъ болѣе широкой дѣятельности на пользу церкви? Желаніе скромной и безмолвной жизни навсегда не есть ли высшая степень самоувѣренности? Не опаснѣе ли гордость духовная этого рода чѣмъ простое и смиренное сознаніе: „да! я еще тщеславенъ, и мнѣ можетъ быть власть и значеніе будутъ пріятны, особенно когда я не искалъ ихъ самъ“?

Такими мыслями терзался отецъ Климентъ по повѣду предстоящаго назначенія своего, и даже старецъ любимый не могъ вдругъ утишить и уничтожить эту скорбь и эту бурю. Но то чего не могъ разрѣшить на этотъ разъ даже и самъ старецъ, разрѣшилъ самъ Богъ.

Климентъ весною вдругъ заболѣлъ какою-то острою болѣзью и умеръ.

Болѣзнь его сначала не была понята, хотя лѣчилъ его врачъ считавшійся весьма хорошимъ. Въ Олтинѣ пустынѣ есть свой собственный врачъ, ложилой монахъ, изъ настоящихъ и опытныхъ медиковъ, человекъ кончившій въ свое время курсъ въ Московскомъ Университетѣ. Этотъ медикъ-монахъ съ самаго начала говорилъ что у отца Климента воспаленіе легкихъ; но посторонній врачъ былъ съ нимъ не согласенъ и локалился въ своей ошибкѣ только за день, кажется, до кончины пациента.

Всегда очень требовательный, какъ мы уже знаемъ (потому что самъ былъ аккуратенъ и во всемъ толковъ), отецъ Климентъ во все время послѣдней болѣзни сталъ удивительно терпѣливъ и кротокъ.

Послѣ свиданія съ новообращеннымъ Нѣмцемъ, который его такъ развеселилъ и ободрилъ на минуту своимъ посѣщеніемъ, отецъ Климентъ опять легъ и утихъ....

Уже зарадивъ исповнявъ все требованія вѣры, соборовавшись и причастившись еще прежде, онъ почти уснувъ безъ страданій, припавъ ко груди любимаго и предавшаго кельника.

Я въ это время былъ въ Москвѣ и ничего не зналъ. Недѣлю чрезъ двѣ-три, въ самомъ началѣ мая, я пріѣхалъ въ Олтиву. Всю дорогу я думалъ объ отцѣ Климентѣ и собирался даже прочесть ему знаменитое стихотвореніе Альфреда де-Мюссе *L'espoir en Dieu*. Мнѣ хотѣлось знать что онъ скажетъ объ этомъ превосходномъ произведеніи, гдѣ всѣ нападки на безвѣріе, на практическую безплодность философіи такъ правдивы и такъ блестящны...

Было такъ пріятно вѣхать въ Олтиву пустынь въ это прекрасное время года. Зеленая и ровная, влажная и широкая Россія наша въ этотъ веселый мѣсяцъ такъ хороша! Я пріѣхалъ, вошелъ на гостиницу; мальчикъ мнѣ вумеръ, и когда я спросилъ его объ отцѣ Климентѣ, онъ съ дѣтскимъ равнодушіемъ и даже веселою улыбкой отвѣчалъ: „отецъ Климентъ умеръ!“

Ни въ чемъ неповинный мальчикъ этотъ въ эту минуту показался мнѣ неприятнымъ.

Я пошелъ въ скитъ.

Въ скиту есть одна боковая дорожка. При началѣ ея стоять широкая, очень развѣсистая липа. Подалѣе виденъ большой деревянный крестъ съ вылукатымъ, довольно грубо сдѣланнымъ Раслатіемъ; это не могила; это Раслатіе лишь обозначаетъ мѣсто маленькаго скитскаго кладбища. Около Раслатія цѣлый рядъ деревянныхъ валиковъ и чугуныхъ плитъ. Это все въ разное время умершіе иноки и послушники скита. Здѣсь могила монаха изъ ломъщичковъ (Огіевскаго); тутъ памятникъ надъ инокомъ постулившимся въ Олтиву еще во времена Наполеона I; тамъ кулець; даальше діаконъ, и еще кулець; вотъ нѣсколько крестьянъ... Подъ липой погребень отецъ Александръ Лихаревъ, въ міру—гвардеецъ, когда-то предводитель дворянскій и вивѣръ, окончившій жизнь свою тоже монахомъ. Всѣ эти могилы были не новыя и коротко знакомыя мнѣ; дернъ на нихъ обросъ давно густою травой. По другую сторону креста я увидалъ могилу новую. На ней прежняя трава была суха и низка; а свѣжая еще не выросла; все эти края правильно сдѣланнаго дерна, эти могильные швы такъ выразительно зяли... Это была могила моего

бѣднаго друга! Я не могъ ни плакать, ни сокрушаться. Сердце мое было также сухо какъ эти жесткіе края сухаго дерна, еще не обросшаго новою травой. Каюсь, я былъ скорѣе въ негодованіи чѣмъ въ истинной скорби...

Напрасно я даже вспоминалъ прекрасное слово протоіерея Сергіевского у гроба, тоже почти внезапно умершаго П. М. Леонтьева... „Смерть есть таинство; еслибы человѣкъ умиралъ всегда въ глубокой старости, при постепенномъ истощеніи силъ, тогда смерть можно было бы повать простымъ явленіемъ физической природы... Но это смерть человѣка исполненнаго еще силъ и дѣятельности“...

Все это такъ; но моему сердцу не было легче, и стало легче много поздѣе...

Я хотѣлъ бы насильно подчиниться взгляду монаховъ, изъ которыхъ стоить многіе жалѣли о томъ что не видать больше Климента, но прибавляли всегда „видно для него-то такъ лучше. Господь, видя усердіе его, призвалъ его. Быть-можетъ дальнѣйшая жизнь и начальствованіе не были бы ему для его души полезны!“

Я хотѣлъ по разуму и не могъ по сердцу очень долго подчиниться этому сужденію. Наконецъ и я сталъ повемногу соглашаться съ этимъ. Желаніе написать біографію отца Климента заставило меня больше и больше спрашивать о немъ; и всѣ, восхваляя его усердіе, его вѣру, его умъ, его искреннюю и горячую доброту, указывали однако на ту непопулярную впечатлительность его и вслышчивость, о которой я уже столько говорилъ; она терзала гораздо больше его чѣмъ тѣхъ на кого онъ сердился. Обдумывая всѣ эти вещи, слыша всѣ эти рассказы о немъ, съ другихъ сторонъ столь похвальныя, я сталъ думать: „какъ могъ стать покойнымъ начальникомъ монаховъ столь строгій ко своему внутреннему міру и вмѣстѣ съ тѣмъ такой тревожный въ сношеніяхъ съ людьми?“

Такъ думаютъ въ Оптиной когда рѣчь идетъ о душевной пользѣ покойника; но совершенно иначе относятся тѣ же люди когда говорятъ объ уtratѣ повсеселной монастыремъ и можетъ-быть церковью вообще.

Утрата эта очень велика...

Мнѣ часто приходится теперь зимою, когда я прѣзжаю въ Оптину пустынь, проходить мимо той дорожки которая ведетъ къ большому деревянному Раслатію маленькаго скитскаго кладбища. Дорожка разчищена, но могилы завесены

свѣгомъ. Вечеромъ на Распятіи горитъ красная лампадка въ фонарѣ и, откуда бы я ни возвращаюсь въ поздній часъ, я издали вижу этотъ свѣтъ въ темнотѣ и знаю что тамъ, около этого лунцоваго сіяющаго пятна.. иногда оно кажется кроткимъ, но за то иногда нестерпимо страшнымъ во мракѣ посреди свѣговъ!... Страшно за себя, страшно за людей, страшно особенно за родину, когда вспомнишь какъ мало въ ней такихъ людей и какъ рано они умираютъ, не свершивъ и половины возможнаго...

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

НАВОЖДЕНІЕ*

XXXVI.

Какіе чудные дни наступили теперь здѣсь, на берегахъ Женевского озера!... Какъ все блещетъ теплыми, ласкающими взглядъ красками, какъ все дышетъ молодою весеннею жизнью!... И эта жизнь съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ требуетъ себѣ больше и больше простора, поднимается выше и выше на бѣлыя горы...

И горы темнѣютъ; таютъ и разливаются сотнями ручьевъ ихъ снѣга и льдины... И бѣгутъ ручьи, перегоняя другъ друга со звономъ и ласкомъ, бѣгутъ въ килучія воды Роны и Арвы... Только вѣчно мертвы и угрюмы далекіе великаны, предводимые Монбланомъ, до нихъ не добраться веснѣ и жизни, и холодно обливаешь солнце ихъ блѣдныя вершины...

Я послушался мадамъ Grosbet и пошелъ подышать воздухомъ. Долго бродилъ я по знакомымъ мѣстамъ, гдѣ такъ часто бывалъ вмѣстѣ съ Зивой. Но, странное дѣло, теперь она мнѣ не вспоминалась, даже какъ-то призвятихъ тоска моя. Весенній запахъ, весеннія краски стали навѣвать на меня другія воспоминанія.

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 10 и 11ѣ.

Какимъ далекимъ мнѣ кажется то лѣто, когда я прѣхалъ съ мама въ деревню! Намъ пришлось тогда больше двухъ дней ѣхать по желѣзнымъ дорогамъ. Ахъ, какая это была каторга! Но я рѣшился во что бы то ни стало не поддаваться своимъ мученіямъ и выдержать,—у меня хватило силы подумать и о мама.

Мы ѣхали и бодрились другъ предъ другомъ; то сознавали этотъ обманъ, то, минутой, надѣялись что онъ удался. Мама только объ одномъ заботилась, какъ бы настолько сильно выразить мнѣ свою любовь чтобъ я почувствовалъ что эта любовь чего-нибудь да отбѣтъ, и нашелъ въ ней утѣшеніе и поддержку. Ея присутствіе, необходимость вслѣдствіи одерживать себя, отгонять свои мысли отъ ужаснаго предмета, заботиться о томъ какъ бы обмануть ее, подъ конецъ оказались благотворными: я прѣхалъ въ деревню несравненно болѣе бодрымъ чѣмъ можно было ожидать. Прощай первые страшные дни. Мама неустанно садилась за мною, она рѣшилась во что бы то ни стало залѣчить тоску мою. Она употребляла для этого всѣ тѣ средства которыми обладала и которыхъ у нея всегда было много...

Я думаю, мало кто изъ нашихъ знакомыхъ считалъ ее умною женщиной; она никогда не играла ровно никакой роли въ обществѣ, напротивъ, общество всегда тяготило ее, и она его избѣгала. Она до старости не умѣла отдѣлаться отъ какой-то дѣтской конфузливости, при чужихъ терялась, часто не находила словъ, часто даже говорила невпопадъ и отъ этого конфузилась еще больше, и можетъ-быть въ чьихъ глазахъ казалась даже смѣшною. Тотъ кто видѣлъ ее и зналъ только мелькомъ, въ гостевой, конечно никогда и вообразить себѣ не могъ какой необыкновенный умъ сердца у этой женщины. Ее нужно было видѣть дома, въ ея постоянной обстановкѣ, въ ея отношеніяхъ къ самымъ близкимъ, дорогимъ ей людямъ. Вотъ тутъ она являлась въ совершенно новомъ свѣтѣ. Тамъ, гдѣ близкій ей человѣкъ страдалъ, гдѣ надъ нимъ собиралась или ужъ разразилась гроза, тамъ появлялась она во всеоружіи, и тогда для нея все ужъ было ясно, она ни надъ чѣмъ не задумывалась, ничѣмъ не смущалась, у нея вдругъ находились и слова, и поступки...

Ей удалось и меня скоро успокоить. Я началъ кое-какъ справляться съ собою. Конечно, все же бывали дни

когда я не зналъ куда дѣваться отъ тоски, и въ такія минуты обыкновенно приходилъ къ мамѣ и бесѣдовалъ съ нею.

Въ этихъ разговорахъ мы никогда не касались Зины. Мы говорили объ общихъ дѣлахъ, о планахъ на будущее. Наконецъ, какъ-то послѣ долгихъ подготовокъ, мамѣ рѣшилась упомянуть имя Лизы. Я видѣлъ, я понималъ, какъ бы она была счастлива, еслибы я снова сошелся съ Лизой, я понималъ даже что она мечтаетъ объ этомъ, и если никогда мнѣ этого не высказала, такъ потому только что ее смущалъ вѣчный призракъ. Еслибы она была увѣрена что я никогда больше въ жизни не встрѣчусь съ Зиной, что Зина или умерла или уѣхала куда-нибудь, откуда никакимъ образомъ не можетъ вернуться, о, тогда бы она конечно заговорила иначе. Но теперь не говорила и только старалась узнать отъ меня все мое прошлое съ Лизой чтобы сообразить что-то: ей вѣрно хотѣлось знать возможна ли наша встрѣча. И вотъ изъ моихъ разказовъ она должно-быть поняла что эта встрѣча возможна, что Лиза пожалуй опять ко мнѣ вернется, стоить мнѣ захотѣть только.

— Какое бы это было счастье! проговорила мамѣ.—Только нѣтъ, лучше и не думать, лучше не мечтать объ этомъ,—продолжала она тяжело вздыхая;—знаешь, Андрѣ, я часто по цѣлымъ ночамъ о тебѣ думаю... я иногда надѣюсь... но потомъ какой-то голосъ будто говоритъ мнѣ что ты никогда не будешь счастливъ... Господи!.. бѣдный мой мальчикъ, зачѣмъ ты такимъ несчастнымъ родился!.. Все я передумываю, себя вижу; можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ это видя моя... я, глупая, не умѣла воспитать тебя какъ слѣдуетъ... у другой матери ты вышелъ бы счастливѣе...

Я могъ только грустно улыбнуться, дѣлая ея руки. А она ужъ плакала.

— Да, право такъ, говорила она,—и не возражай мнѣ... я умѣла и умѣю только любить тебя и мучиться вмѣстѣ съ тобою. Но вѣдь этого мало! Лучше пусть бы я тебя меньше любила, да сумѣла съ дѣтства указать тебѣ истинную дорогу.... Андрюша, милый мой, какъ ты живешь, что у тебя въ душѣ.... вѣдь это ужасъ.... вѣдь я понимаю! Тебѣ даны и способности, и таланты, и что ты съ этимъ сдѣлалъ?!... Ты только мечешься, ты ищешь чего-то и ничего не находишь.... Такъ жить нельзя—безъ дѣла, безъ цѣли, безъ радости, безъ вѣры, Андрѣ, лучше всего безъ вѣры!... Ну и тутъ я ужъ дѣйствительно не виновата.... я только и живу, только и сла-

саю себя вѣрою, и ты знаешь это.... я всегда тебя говорила съ дѣтства.... Андрюша...

Я слушалъ ее съ невольнымъ трепетомъ, но при послѣднихъ словахъ ея мнѣ сдѣлалось ужасно неловко, какъ и всегда, когда она говорила со мною о религіи. Въ эти минуты она почему-то дѣлалась вдругъ для меня чужою и непомятою.

— Что же мнѣ дѣлать, сказалъ я,—если я не могу вѣрить... не мало было тяжелыхъ минутъ, и если даже въ эти минуты я не повѣрилъ—такъ значитъ это невозможно...

Слезы катились по щекамъ ея, она опустила голову и на ея лицѣ выражалось такое страданіе что я сталъ проклинать себя за эти вырвавшіяся слова: вѣдь я тысячу разъ рѣшался молчать предъ нею объ этомъ!

— Ну, такъ ты погибъ! гаухимъ голосомъ прошептала она;—если ни на землѣ, ни на небѣ тебѣ нѣтъ помощи, такъ чѣмъ же ты отгоняешь отъ себя навожденіе когда оно снова найдеть на тебя?!... и чѣмъ же ты думалъ спасти Зиву?!..

Она силалась подавить свои слезы, но не могла и громко безнадежно зарыдала.

Меня самого душили слезы. Я кинулся къ ней, я обнималъ ее, цѣловалъ ея руки, но долго не могъ ее успокоить.

Весь этотъ разговоръ, каждое слово такъ и звучитъ теперь предо мною.

XXXVII.

Я долго пробылъ въ деревнѣ и уѣхалъ ужъ зимою, послѣ Нового Года.

До сихъ поръ я не имѣлъ никакихъ извѣстій о Зивѣ, тутъ же я зналъ что сразу получу ихъ, что сразу придется стоакинуться съ кѣмъ-нибудь изъ компаніи.

Такъ оно и случилось. Рамзаевъ немедленно же провѣдалъ о моемъ пріѣздѣ и явился ко мнѣ со своими новостями.

Зива съ генераломъ въ Парижѣ. Александра Александровна прогнала мужа, то-есть сдѣлала его управляющимъ имѣніемъ Мими и онъ живетъ теперь въ деревнѣ, его же мѣсто ужъ совершенно открыто и безо всякаго стѣсненія занялъ Мими. Коко еще недавно былъ здѣсь, а теперь отправился въ Парижъ, конечно ради Зивы.

— Только, конечно, онъ тамъ ничего не добьется, замѣтилъ Рамзаевъ, пристально смотря на меня своими зеленоватыми

глазами;— наша барышня оказалась вовсе не такою какъ нѣкоторые люди о ней думали. Она искренно приваивала къ мужу несмотря на то что онъ старъ, да и вообще, какъ оказывается, о ней составилось легкомысленное и невѣрное мнѣнiе..

Онъ все пристаиванiе и пристаиванiе глядѣлъ на меня. Онъ очевидно вызывалъ меня, онъ ждалъ что я не выдержу и выскажусь. Но онъ ошибся: я слушала его совершенно спокойно, я была подготовлена къ этимъ словамъ и ко всемъ этимъ свидѣнiямъ.

День за днемъ началась моя вторая петербургская жизнь, я снова принялся за мою неоконченную диссертацию, ежедневно цѣлое утро проводилъ въ Публичной Библиотекѣ. Работа быстро подвигалась и наконецъ къ веснѣ была окончена; я выдержалъ экзаменъ, защитилъ диссертацию. Все это прошло тихо: и время было не такое (уже совсемъ къ лѣту), и названiе книги моей не подзадоривающее любопытство, да и самъ я наконецъ не искалъ никакой извѣстности. Прежде когда-то, еще въ Лизино время, я мечталъ объ этомъ диспутѣ, но теперь мнѣ было рѣшительно все равно, будутъ ли говорить обо мнѣ и что обо мнѣ скажутъ.

Иногда мнѣ бывало невыносимо скучно; я работалъ и спалъ только для того чтобы не видѣть времени, чтобы оно шло какъ можно скорѣе. Что жъ это такое было? не бессознательное ли ожиданiе чего-то въ будущемъ? Можетъ-быть: но во всякомъ случаѣ совершенно бессознательное, потому что и никогда въ то время о будущемъ не думалъ.

Послѣ диспута я вернулся опять въ деревню, но прожилъ не долго и поѣхалъ за границу, а потомъ на Кавказъ; мнѣ пришло тогда на мысль найти тамъ себѣ какое-нибудь постоянное занятiе, службу, словомъ, уѣхать какъ можно подальше отъ Петербурга, чтобы совсемъ забыть о немъ. Къ тому же, какъ мнѣ казалось, прекрасная, новая и неизвѣстная мнѣ природа должна была возбудить во мнѣ послѣднее что еще могло скрасить мою жизнь, а именно—страсть къ живописи.

Эта страсть въ послѣднiе годы совсемъ ушла отъ меня, и я тщетно звалъ ее. Сколько разъ принимался за кисти, начиналъ то то, то другое и бросалъ чрезъ день: ничего не удавалось.

Я объѣхалъ почти весь Кавказъ, но мѣста себѣ тамъ не нашелъ и даже не набросалъ ни одного эскиза.

Кончилось тѣмъ что, право, самъ не знаю какимъ образомъ я вернулся-таки опять въ Петербургъ и снова сталъ жить день за днемъ. Здѣсь я ничего не искалъ; но мнѣ предложили мѣсто, и я взялъ его. Это измѣнило мое времяпровожденіе, но ни чуть не измѣнило моей внутренней жизни.

Во все это время не было ни одной интересной встрѣчи, этого мало, даже тѣ люди къ которымъ болѣе всего привыкъ я, которыхъ считалъ своими добрыми знакомыми, гдѣ встрѣчалъ до сихъ поръ всегда самый радушный пріемъ, даже и эти люди стали какъ-то странно ко мнѣ относиться. И я не обманывался въ этомъ: это было дѣйствительно такъ. Я спрашивалъ себя, чтѣ жъ все это значить? Не виноватъ ли я дѣйствительно въ чемъ-нибудь относительно этихъ людей? Веломичалъ все, каждый свой поступокъ, каждое слово; но моя память ничего мнѣ не подсказывала. Совѣсть моя была совершенно чиста, я никому не дѣлалъ зла, не выводилъ никакихъ слезенъ, ужъ даже потому что съ дѣтства не мало ихъ наслушался и чувствовалъ инстинктивное къ нимъ отвращеніе. Чтѣ же все это значило? А то что мой другъ Рамзаевъ наконецъ достигъ своей цѣли: очернилъ меня гдѣ только могъ и какъ только могъ, выдумывалъ про меня всевозможныя леблядицы; и, конечно, все это ему отлично удавалось. *Calomniez—il en restera toujours quelque chose.*

По правдѣ сказать, я даже не особенно изумился и вознегодовалъ, узнавъ что многіе люди, которые имѣли полную возможность хоть немного узнать меня, такъ скоро измѣнили обо мнѣ свое мнѣніе. Я, конечно, не сталъ оправдываться и просто ушелъ отъ нихъ и не страдалъ отъ этого, такъ какъ они ничего обиднаго не вносили въ мою жизнь.

Опять я продолжалъ служить, работать, заботиться о сегодняшнемъ днѣ и не думать о завтрашнемъ.

Но вѣдь не могло же такъ продолжаться до безконечности. Тоска начинала меня одолевать, я чувствовалъ все яснѣе и яснѣе, все мучительнѣе и мучительнѣе, что долженъ наконецъ что-нибудь съ собой сдѣлать, что долженъ выйти изъ этой невозможной апатичной жизни.... Однако чтѣ же было съ собой дѣлать? чтѣ было придумывать? Въ такихъ обстоятельствахъ вѣдь ничего нельзя придумать, и все придуманное не поведетъ ни къ чему.

Ждать — но чего же? Только двѣ встрѣчи могли меня встряхнуть, и обѣ эти встрѣчи были для меня невозможны.

Лизы не было въ Петербургѣ, она жила съ матерью въ деревнѣ. А Зина... я конечно желалъ только одного: съ ней никогда не встрѣчаться. И конечно я былъ увѣренъ что не допущу этой встрѣчи.

Иногда мнѣ начинало безумно хотѣться чтобы Лиза пріѣхала въ Петербургъ, чтобы я какъ-нибудь снова ее увидѣлъ. Я говорилъ себѣ что если она отъ меня не отвернется, если еще въ ней не умерло прежнее чувство, то она спасетъ меня, поставитъ на ноги, съ ея помощью я найду интересъ въ жизни и начну все снова. Но какъ же я съ ней встрѣчусь? Развѣ я имѣю какое-нибудь право надѣяться на то что она забудетъ старое? О, конечно забудетъ, конечно все проститъ и олять вернется!...

И вотъ я съ ней встрѣтился. Это было почти ровно черезъ три года послѣ моей послѣдней разлуки съ Зиной. Это было весною, въ Петербургѣ, на улицѣ. Я возвращался домой со службы и замѣтилъ ее только тогда, когда она уже совсѣмъ была предо мною. Она очень мало измѣнилась, только прежній яркій румянецъ ея сдѣлался вѣсколько блѣднѣе, да глаза глубже и серьезнѣе смотрѣли. Она была еще лучше чѣмъ прежде. Этотъ серьезный взглядъ такъ шелъ къ ней.

Я вздрогнулъ и не зналъ что мнѣ дѣлать, имѣю ли я право остановиться или должемъ пройти. Она не дала мнѣ времени рѣшить этотъ вопросъ, она протянула мнѣ руку, и даже въ лицѣ ея я не замѣтилъ особеннаго смущенія; я видѣлъ только что она откровенно и радостно смотрѣла на меня. Я жмъ ея руку, стараюсь выразить въ этомъжатіи всю благодарность которая наполняла меня.

— О, какъ я радъ что вы не прошли мимо, невольно прошепталъ я.

Она только качнула слегка головою.

„Пойдемте!“ разсывшалъ я и пошелъ рядомъ съ нею.

Я не зналъ про нее ничего въ послѣднее время. Можетъ-быть она замужемъ? Только вѣтъ, конечно вѣтъ, потому что тогда бы она не смотрѣла на меня такъ свѣтло и радостно, тогда бы можетъ-быть она не протянула мнѣ руку. И дѣйствительно, оказалось что она не замужемъ. Она сейчасъ же сказала мнѣ что недавно пріѣхала съ матерью изъ деревни, пробудетъ здѣсь недѣли три, посоветуются съ докторами, а затѣмъ вѣроятно отправятся куда-нибудь за границу, такъ какъ Софья Николаевна очень дурно себя чувствуетъ.

Лиза говорила и разказывала, и расспрашивала меня своимъ ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, только я замѣтилъ какъ румянецъ все ярче и ярче вспыхивалъ на щекахъ ея и какъ грудь ея высоко поднималась.

Я послѣшилъ разказать ей что я одинъ въ Петербургѣ, далъ ей понять что встрѣча съ нею для меня величайшее счастье. Она еще разъ быстро и глубоко взглянула на меня и кончила наконецъ тѣмъ что просила сегодня же вечеромъ придти къ нимъ.

Я съ ней простился и возвращался домой съ легкимъ сердцемъ, со счастливымъ сознаніемъ что теперь мнѣ есть куда идти и что я знаю зачѣмъ я пойду. Снова мнѣ вспомнились тѣ милые, беззаботные дни, то свѣтлое наше время въ деревнѣ. Я радостно отдавался этимъ воспоминаніямъ и радостно чувствовалъ какъ съ каждою новою минутою вмѣстѣ съ ними возвращаются и мои прежнія чувства къ Лизѣ, какъ все милѣе и милѣе она мнѣ кажется. Я ужь сгоралъ нетерпѣніемъ и, вынувъ часы, лодѣтски разчитывалъ сколько еще времени оставалось мнѣ до возможности къ нимъ отправиться.

XXXVIII.

Въ такомъ настроеніи я вернулся въ свою квартиру и отворивъ дверь кабинета, остановился съ невыразимымъ ужасомъ. Предъ моимъ письменнымъ столомъ сидѣла Зина.

Конечно, ничего безобразнѣе, ничего страшнѣе этого не могло со мной случиться. Ея посѣщеніе ужь само по себѣ было невозможно и невыносимо, но то что оно случилось именно въ этотъ день, въ эту самую минуту—могло довести меня до сумашествія. Какая страшная судьба меня преслѣдуетъ! и развѣ не судьба это, развѣ это не демонъ, которому суждено разбивать мою жизнь всакій разъ какъ она начинаеть казаться мнѣ свѣтлою!...

Какъ смѣла она придти ко мнѣ! Какъ смѣетъ она чего-нибудь ждать отъ меня!...

Я взглянулъ на нее съ ненавистью и негодованіемъ.

Она тоже, какъ и Лиза, мало измѣнилась, только кажется попомята немного. Она обернулась ко мнѣ, поднялась съ кресла и глядѣла на меня въ смущеніи.

Да, вотъ оно, это вѣчное фатальное лицо! вотъ она смотритъ на меня своими молчащими глазами. Это тѣ самыя

глаза изъ-за которыхъ я вынесъ столько муки, которые столько разъ меня обманывали.

Мое негодованіе и ненависть росли съ каждою секундою. Я наконецъ подошелъ къ ней.

— Зачѣмъ вы здѣсь? Неужели вы думали что имѣете право придти ко мнѣ? Только нѣтъ, конечно, какое вамъ дѣло до этого!.. нѣтъ, не то... неужели вы думаете что я могу допустить эту встрѣчу? что я могу и хочу васъ видѣть?

Она не шевельнулась. Она глядѣла на меня, глаза ея и все лицо были неподвижны, совсѣмъ какъ будто мертвые.

Я вышелъ изъ комнаты, прошелъ въ спальню, залеръ дверь и ждалъ. Я прислушивался, когда она уйдетъ, и ничего не слышалъ. Проходили минуты,—я не знаю сколько прошло времени, только все это тянулось безконечно долго. Наконецъ я опять вошелъ въ кабинетъ,—можетъ-быть я не слышалъ, можетъ-быть она давно ужъ ушла...

Но нѣтъ, она здѣсь. Она стоитъ все такъ же неподвижно, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ я ее оставилъ! Я готовъ былъ кинуться къ ней и насильно вывести ее изъ комнаты. Я имѣлъ на это право, и это было бы самое лучшее что я могъ сдѣлать. Но я опять взглянулъ на нее. Она мнѣ показалась такою странною, такою испуганною и въ то же время жалкою что у меня олустились руки.

— Прошу васъ, уйдите, оставьте меня въ покоѣ, едва слышно прошепталъ я.—Оставьте меня—между нами нѣтъ ничего общаго, вамъ не зачѣмъ встрѣчаться, уйдите, уйдите!...

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ; мнѣ показалось что она шатается. Она ужъ не глядѣла на меня; ея глаза были опущены.

— Хорошо, я уйду, если ты меня гонишь, услышалъ я ея голосъ,—я уйду!...

И она опять сдѣлала нѣсколько шаговъ, схватила свою голову руками и громко зарыдала.

Слезы отчаянья! но развѣ я не слышалъ ужъ ихъ, развѣ я могу имъ придавать какое-нибудь значеніе?

А между тѣмъ безумная, отвратительная жалость ужъ закрадась въ меня, и я погубилъ себя этою жалостью.

— Я не гоню васъ, я прошу васъ уйти, потому что между нами нѣтъ ничего общаго и потому что я никакъ не могу понять, зачѣмъ я вамъ нуженъ? Если я вамъ нуженъ зачѣмъ-нибудь, говорите—я васъ слушаю.

— Нѣтъ, я уйду, уйду! проговорила она и вдругь обернулась ко мнѣ, и вдругь опять взглянула на меня и продолжала:

— Боже мой, какъ будто я сама не понимаю что не имѣла никакого права приходить къ тебѣ, что ты можешь, что ты долженъ гнать меня. Я четыре раза подходила къ этому дому и все не рѣшалась войти. Гови же меня, гови, я уйду, я знаю что мнѣ нечего ждать твоего состраданія, что я его не стою!

Но могъ ли я послѣ этого прогнать ее?

— Что съ тобой, говори, спросилъ я у нея, не будучи въ силахъ уничтожить въ себѣ жалости, которая ужь охватила меня.— Говори, чѣмъ я могу помочь тебѣ? несчастье съ тобой случилось что ли какое?

— Несчастье, конечно несчастье, иначе не хватило бы у меня силы придти къ тебѣ... Только это не то несчастье которое можно назвать однимъ словомъ; какъ видишь я здорова, никто у меня не умеръ, никто меня не обокралъ.

— Такъ что же съ тобою? Чего тебѣ нужно?

— Ахъ, мнѣ нужно только чтобы ты не гналъ меня, чтобы ты не отвертывался отъ меня, чтобы ты протянулъ руку, простилъ бы меня. Вотъ въ чемъ мое несчастье!

Она глядѣла на меня своимъ умоляющимъ, знакомымъ мнѣ взглядомъ,—которымъ три года тому назадъ обманула мама и заставила себѣ вѣрить. Я зналъ этотъ взглядъ, я зналъ настоящую ему цѣну. Теперь я могъ, я долженъ былъ снова вознегодовать и возмутиться, теперь я долженъ былъ встать и указать ей двери. Но я не всталъ—на меня ужь дохнуло старымъ ядомъ, меня ужь заколдовало ея прикосновеніе, я опять былъ въ рукахъ ея.

Она пришла, потому что ее пригнало ко мнѣ несчастье, и это несчастье заключается въ томъ что я далеко отъ нея, что я не простилъ еще ея... Вотъ она станетъ теперь мнѣ рассказывать, какъ она мучилась изъ-за меня всѣ эти три года,—и я ей повѣрю, и я буду прощать ей, и въ концѣ концовъ я снова уладу къ ногамъ ея, и все это будетъ такая глупая ложь, все это будетъ моя окончательная погибель. Ну что жъ, такъ видно нужно: не она пришла ко мнѣ, пришла моя судьба, пришла въ ту самую минуту, когда я думалъ наконецъ уйти отъ судьбы этой, когда мнѣ снова блеснула другая жизнь и другая участь. Судьба зоветь! и я опять безсиленъ, опять мучаюсь, опять брежу, опять безумно люблю ее.

Я протянулъ ей руку. Она вдругъ вся преобразилась, дѣтская, блаженная улыбка мелькнула на лицѣ ея, она жадно схватила мою руку.

— Скажи мнѣ, скажи одно слово—ты меня прощаешь, André? О, какъ ты добръ, какъ ты бесконечно добръ!...

Я угадалъ: она сѣла рядомъ со мною и стала разказывать, и я заранѣе зналъ все что она мнѣ разкажетъ. И между тѣмъ жадно ловилъ каждое ея слово и вѣрилъ каждому этому слову. Она разказывала о томъ, какъ терзалась своимъ поступкомъ со мною и какое тяжкое несетъ за это наказаніе.

— Знаешь ли ты что все еще можно было вернуть, что это можетъ-быть была бы моя послѣдняя безумная вспышка. Да, тогда, въ своемъ проклятомъ припадкѣ, въ тотъ послѣдній день я приняла это отвратительное предложеніе. Я могла съ тобой проститься, могла написать записку твоей матери, но потомъ, на слѣдующій день, я одумалась, я пришла въ себя, припадокъ прошелъ, и я любилъ къ тебѣ—тебя ужъ не было. Еслибы зналъ ты, какое отчаяніе охватило меня! О, какъ я была наказана! какую жизнь вела на себя!... Я обвинчалась... Мы уѣхали тогда за границу, но я ничего не видѣла, ничего не слышала, это была не жизнь, мнѣ все стало тошно, противно. Иногда являлись калризы, я удовлетворяла имъ, но это не принесло мнѣ радости. Потомъ мы переехали въ деревню, и вотъ два года безвыѣздно прожили тамъ, и въ эти два года я ждала только одного, только объ одномъ думала,—чтобы снова тебя увидеть, чтобы вымолить себѣ прощенье, чтобы ты, вотъ такъ, какъ теперь, протянулъ мнѣ руку. Но я не смѣла надѣяться что ты простишь меня,—и я гнала отъ себя мысль о возможности такого счастья... Андрюша, пойми... все же вѣдь ты одинъ у меня, къ кому же было мнѣ идти... вѣдь только ты одинъ на всемъ свѣтѣ и можешь быть моимъ другомъ, только ты одинъ можешь прощать меня, одинъ меня понимаешь! André, если три года человѣкъ задыхается, вѣдь простительно же ему наконецъ желать вздохнуть свободнѣе, выйти на чистый воздухъ... И вотъ въ эти три года я дышу въ первый разъ, дышу потому что ты со мною! André, голубчикъ, не оставлай меня, не оставлай,—а то я совсѣмъ задохнусь!...

Каждое ея новое слово все больше и больше наполняло меня ядомъ; я жадно вливалъ этотъ ядъ и, конечно, снова безумный, снова беспальный, общалъ ей не оставаятъ ея. Я

готовъ былъ опять идти за нею въ самую глубину того мрака изъ котораго она мнѣ явилась и который вѣчно окружалъ ее.

Когда она ушла отъ меня, я машинально взглянулъ на часы и увидѣлъ что пришло именно то время которое назначила мнѣ Лиза. Но, конечно, къ Горидкимъ я не отправился. Теперь я опять считалъ часы и едва дождался возможности снова увидѣться съ Зиной.

XXXIX.

Покуда, она съ мужемъ остановилась въ гостиницѣ, гдѣ они заняли нѣсколько комнатъ.

Уже подходя къ ихъ дверямъ, я понялъ что мнѣ предстоитъ снова встрѣча со всею компаніей. Я не ошибся. Первое лицо которое я увидѣлъ былъ Рамзаевъ, а за нимъ стоялъ Коко и во весь ротъ мнѣ уламбался; въ эти три года мы почти не видались съ нимъ. Только Александры Александровны съ Мими еще не было, но навѣрное и они скоро явятся.

Генералъ встрѣтилъ меня очень радушно; но я невольно отъ него отшатнулся, такъ меня поразила перемѣна происшедшая съ нимъ.

Я оставилъ его постоянно удачно молодящимся человекомъ, а теперь предо мной былъ дряхлый старикъ, совсѣмъ больной, съ трудомъ передвигавшій ноги. Изъ-за его нездоровья они и пріѣхали въ Петербургъ.

Онъ очень боленъ, онъ вѣрно скоро умретъ, подумалъ я, но изъ этой мысли не сдѣлалъ тогда никакого вывода, да и не сообразилъ, какой тутъ можетъ быть для меня выводъ. Вообще, я долженъ замѣтить что ни тогда, ни долго потомъ этотъ старикъ не представлялся мнѣ прелатствомъ, — я о немъ какъ-то совсѣмъ не думалъ.

Я весь вечеръ провелъ у нихъ. Генералъ скоро ушелъ къ себѣ въ спальню. Ужасная скука была въ этотъ вечеръ. Мы всѣ перекидывались рѣдкими фразами, больше молчали и лосматривали другъ на друга. Меньше всѣхъ говорила Зина.

По нѣкоторымъ ея минамъ и движеніямъ я замѣтилъ, какъ ей хочется чтобы лоскорѣй всѣ ушли, чтобы намъ можно было поговорить на свободѣ. Я понималъ что и Рамзаевъ съ Коко отлично это замѣтила и ни за что теперь не уйдутъ.

Мы стали пересиживать другъ друга, но мнѣ не удалось ихъ пересидѣть. Было ужь два часа ночи, когда мы наконецъ встали и вышли всѣ вмѣстѣ.

— Да, вотъ какія дѣла, сказалъ Рамзаевъ, когда мы слукались съ дѣстницы,—старикъ-то лаохъ, того и жди помереть, а барыня наша вдовушкой останется.

— Предъ Испанкой благородной трое рыцарей стоятъ въ отвѣтъ на это замѣчаніе пропѣлъ Коко.

— Parlez vous! къ чему-то произнесъ Рамзаевъ, протягивая на прощанье руку Коко.

Я, конечно, не сказалъ ничего, а только тутъ ловялъ что Коко, несмотря на всю свою гаупость, вѣрно выразилъ положеніе дѣла. „Предъ Испанкой благородной“ дѣйствительно теперь стоятъ три рыцаря, и я одинъ изъ этихъ трехъ рыцарей. Какая мучительная, какая жалкая роль выпадаетъ на мою долю! Но я ужь не думалъ объ этой роли, я думалъ только о Зинѣ и съ истерическимъ внутреннимъ хохотомъ называлъ ее въ своихъ мысляхъ „благородной Испанкой“.

XL.

Опять для меня лотянулись лихорадочные дни. Начиналось лѣто, душевное петербургское лѣто. Я давно долженъ былъ ѣхать въ деревню, но не ѣхалъ. Проводилъ почти все время у Зины, а когда показывался на улицѣ, то меня охватывалъ страхъ, какъ бы не встрѣтился гдѣ-нибудь Горюцкія.

Незнаю, что бы случилось со мною, еслибы я ихъ увидѣлъ. Я старался не думать о нихъ, старался забыть мою встрѣчу съ Лизой. Мнѣ и некогда было обо всемъ этомъ думать теперь, но все же, когда вспоминалось, мнѣ становилось ужасно неовко; я созывалъ себя такимъ приближеннымъ, я готовъ былъ самъ презирать себя.

Теперь болѣе чѣмъ когда-либо въ жизни чувствовалъ я что ничего съ собою не подѣлаю и махнулъ на себя рукой. Будь что будетъ, судьба стоитъ надо мною, судьба меня захватила, и я не самъ дѣйствую. Ахъ, только бы все это кончилось такъ или иначе, кончилось бы скорѣе!

И что же давали мнѣ эти дни, къ чему они приводили? Ровно ни къ чему! Я почти не имѣлъ возможности говорить

наединѣ съ Зиной, а когда являлась эта возможность, мнѣ становилось страшно, и я избегалъ всякаго разговора.

Зина затормошила всю компанію и меня въ томъ числѣ: нужно было найти удобную квартиру, такъ какъ генералъ, несмотря на совѣты докторовъ и даже ихъ настоятельныя требованія, вдругъ заупрямился, ни за что не хотѣлъ ѣхать за границу, а положилъ остаться въ Петербургѣ. Это былъ какой-то капризъ большаго дряхлаго старика: „Не хочу за границу, не хочу на дачу, хочу здѣсь!“

Ему говорили что нельзя дѣлать жить въ Петербургѣ, особенно въ его положеніи, что здѣсь и здоровый заболѣетъ; но онъ ничего не хотѣлъ и слышать.

Наконецъ, квартира была найдена, совсѣмъ готовая, прекрасно меблированная. Генералъ отправился, осматривалъ, остался очень доволенъ и на слѣдующій день они переехали. Снова все пошло по старому, какъ было три года назадъ, предъ свадьбой Зины. Разница была только въ генералѣ: тогда онъ былъ раздуреннымъ любезнымъ хозяиномъ, теперь—капризнымъ старикомъ, котораго *компанія* должна была развлекать.

Первые двѣ-три недѣли послѣ переезда на квартиру онъ чувствовалъ себя бодрѣе, онъ даже спалъ мѣховою халатъ. Опять его порѣдѣвшіе сѣдые волосы были хитро зачесаны, и отъ усовъ пахло англійскими духами. Опять Александра Александровна и Мими чуть ли не каждый день прѣзжали изъ Петергофа съ дачи чтобъ играть съ нимъ въ карты. Рамзаевъ, Коко и я состояли при Зинѣ.

И вотъ тутъ-то шла потайная жизнь, велась интрига. Теперь мнѣ все представляется яснымъ, какъ оно тогда было. Въ первое время Коко и Рамзаевъ оказались въ ссорѣ, но затѣмъ, и внезапно, между ними произошло полное примиреніе. Вѣроятно было какое-нибудь таинственное совѣщаніе, на которомъ они рѣшили дѣйствовать заодно противъ меня.

Рамзаевъ растолковалъ Коко что относительно Зины я одинъ только опасенъ, а затѣмъ, если они успѣютъ меня уничтожить, то вдвоемъ будетъ уже свобода: предъ Испанкой благородной будутъ стоять только два рыцаря. Можетъ-быть Рамзаевъ дошелъ и до того что предложилъ Коко даже подѣлать благородную Испанку, и, конечно, Коко ничего не имѣлъ противъ этого раздѣла. Его чувства къ Зинѣ и

притязанія были такого сорта что допускали возможность всякаго соглашенія съ человѣкомъ подобнымъ Рамзаеву. Про меня же онъ зналъ что со мной невозможны ужь никакія соглашенія и что это дѣло совсѣмъ другое.

Но уничтожить меня имъ однако не удалось и весь этотъ союзъ на первое время кончился погибелью Коко. Ему очевидно было поручено всячески чернить меня въ глазахъ Зины. Онъ это и началъ исполнять съ необыкновенною добросовѣстностью. Въ теченіи одной недѣли Зина пять разъ передавала мнѣ самыя невѣроятныя и грязныя исторіи на мой счетъ, разказанныя ей балбесомъ. Наконецъ это вывело меня изъ терпѣнія.

— Если хочешь и можешь его слушать, сказалъ я ей, — такъ слушай, даже вѣрь пожалуй; но мнѣ, сдѣлай милость, не передавай ничего.

— Конечно я ему не вѣрю и дѣйствительно пора прекратить это, отвѣтила Зина. — Я скажу ему чтобъ онъ не смѣлъ больше о тебѣ заикаться.

Она вѣрно такъ и сдѣлала, потому что Коко съ этого дня сталъ какъ-то особенно коситься, встрѣчаясь со мною. Тогда Рамзаевъ придумалъ новую мѣру. Видя что со стороны Зины ничего не подѣлаешь, онъ задумалъ попробовать генерала. Онъ разчитывалъ на мое самолюбіе, онъ разчитывалъ что если генералъ сдѣлаетъ мнѣ сцену, то я пожалуй, не смотря даже на Зину, уйду въ деревню, а Зину въ это время онъ услѣдетъ забрать въ руки. Но все же и тутъ ему нужно было дѣйствовать такъ чтобы самому остаться въ сторонѣ, — нужно было опять выставить на первый планъ Коко. На это онъ и рѣшился; только обстоятельства нѣсколько замедлили исполненіе его плана.

XLI.

Генералу вдругъ стало хуже, и такъ стало ему худо что былъ созванъ консилиумъ чуть ли не изъ всѣхъ бывшихъ тогда ваццо въ Петербургѣ, болѣе или менѣе извѣстныхъ докторовъ. Доктора рѣшили что дѣло весьма плохо, что непременно нужно увязать изъ Петербурга, но во всякомъ случаѣ не теперь, такъ какъ въ такомъ состояніи больного перевозить невозможно. „Если поправится — сейчасъ увязайте,

но врядъ ли поправится.“ Таково было послѣднее рѣшеніе консуліума.

И вся компанія на время оставила свои планы и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждала что будетъ. Это ожиданіе длилось почти три недѣли. Жара стояла страшная, а генералъ лежалъ въ мѣховомъ халатѣ, сверхъ него еще покрытый толстымъ стеганымъ одеяломъ, и стоналъ.

Надъ домомъ ужъ носилась та атмосфера которая обыкновенно является въ квартирѣ умирающаго: во всѣхъ комнатахъ царствовалъ безпорядокъ; прислугѣ было приказано снать сапоги и ходить въ туфляхъ. Звонки посѣтителей раздавались едва слышно. Никто не говорилъ громко, всѣ таинственно шептались.

Уже появились нѣкоторыя фигуры, присутствіе которыхъ почему-то неизбѣжно въ такихъ обстоятельствахъ: явилась сидѣлка, съ совершенно idiotскимъ и въ то же время какимъ-то таинственнымъ лицомъ, которая, очевидно захлебываясь отъ блаженства, священнодѣйствовала. Явился фельдшеръ, тоже придававшій себѣ необыкновенное значеніе, громко кашлявшій и мычавшій, тогда какъ всѣ остальные шептались. И каждый разъ, кашляя и мыча, онъ обводилъ присутствующихъ такимъ взглядомъ въ которомъ ясно читалось: „вотъ вы всѣ шепчетесь, а я кашляю и мычу. А почему я кашляю и мычу? Потому что я знаю когда можно кашлять и мычать, а вы не знаете. И попробуйте вы замычать, такъ я сейчасъ вамъ запрещу это, потому что имѣю на то право.“

Явился наконецъ и мужъ Александры Александровны пріѣхавшій изъ деревни. Онъ почему-то оказался необходимымъ въ домѣ и даже совсѣмъ сюда переселился. Этотъ господинъ ужъ положительно блаженствовалъ, даже больше сидѣлки и фельдшера. Онъ направилъ свою дѣятельность на кухню и столовую. Подъ предлогомъ что Зинѣ теперь вмѣшиваться въ хозяйство невозможно, онъ заказывалъ обѣды и ежедневно обѣдался. Если кому-нибудь нужда была до него, нельзя было его искать ни въ комнатѣ больного, ни въ гостиной. Нужно было идти прямо въ буфетную, тамъ онъ пребывалъ неизмѣнно. Глядя на него я только удивлялся, какимъ это образомъ человекъ можетъ постоянно ѣсть или пить безо всякаго перерыва и оставаться такимъ здоровымъ и глядѣть на всѣхъ такъ лучезарно.

Александра Александровна съ Мими исчезли на это время.

Они показывались только изрѣдка и то все на минуту. Они вѣрно нашли себѣ лучшее времяпровожденіе и къ тому же вовсе не желали встрѣчаться съ „мужемъ“, къ которому оба чувствовали непреодолимое отвращеніе.

Рамзаевъ искусно разыгрывалъ роль предавнаго друга и необходимаго человѣка. Отъ него теперь такъ и дышало „теплымъ участіемъ“. Онъ пріѣзжалъ прямо со службы, таинственно и тихо освѣдомлялся о здоровьѣ больного, и если ему говорили что немного полегче, онъ на цыпочкахъ входилъ въ спальню, подходилъ къ постели генерала, неслышно присаживался возлѣ него и не усложивался до тѣхъ поръ пока тотъ не обратитъ на него вниманія и не протянетъ ему руку. Тогда онъ вставалъ и объявлялъ генералу что радъ бы посидѣть съ нимъ, но нужно слѣшнить исполнить кой-какія порученія Зивы. И дѣйствительно слѣшилъ исполнять ихъ. Каждымъ своимъ движеніемъ, каждымъ взглядомъ онъ говорилъ Зивѣ: „ну вотъ и судите между вами, кто изъ насъ лучше, кто изъ насъ полезнѣе и кто больше вамъ преданъ! Посмотрите кругомъ, что дѣлаютъ всѣ эти ваши друзья? Ничего, только торчатъ. А я себя забываю, забываю удовольствіе быть съ вами, забочусь только о томъ какъ бы услужить вамъ, какъ бы привести вамъ ощутительную и осязательную пользу.“

Зива благосклонно пользовалась его „теплымъ участіемъ“ и ежедневно давала ему столько порученій что воображаю какъ онъ бѣсился исполняя ихъ.

Кого тоже былъ на своемъ посту. Онъ неотлучно, шагъ за шагомъ шліонилъ за мною.

А Зива? Я всѣми своими силами наблюдалъ за нею и не могъ не замѣтить въ ней большую перемѣну. Она видимо оживилась и очень волновалась. Она почти цѣлый день нигдѣ не находила себѣ мѣста: то зачѣмъ-то запрется у себя въ комнать, просидитъ зелершись съ часъ, выйдетъ растерянная, съ горящими глазами, слѣшнить въ комнату мужа, подойдетъ къ его постели, что-то говоритъ ему, спрашиваетъ, очевидно не даетъ себѣ отчета что говоритъ и что спрашиваетъ, слушаетъ его разсѣянно, глядитъ на него какъ-то пылаиво, странно, соображаетъ что-то.

Иногда же цѣлый день не заглядываетъ въ комнату больного, уходитъ подальше чтобы не слышать его стонъ. То вдругъ засядетъ у постели и сидитъ по цѣлымъ часамъ, отстраняетъ

сидѣла, сама подаетъ ему лѣкарство, поправляетъ подушки, одѣяло, всячески ухаживаетъ, и въ то же время глаза ея такъ безжизненно, такъ страшно на него смотрятъ.

Со мной она почти не говорила, а между тѣмъ настоятельно требовала моего присутствія. Я присутствовалъ, я машинально каждый день отправлялся къ нимъ, машинально ходилъ на цыпочкахъ, шелтался.

Такъ проходили дни; генералу не было ни лучше, ни хуже.

— Господи! когда же все это кончится! нѣсколько разъ шелла мнѣ Зина.

XLII.

Наконецъ это кончилось. Еще наканунѣ я оставилъ генерала въ очень плохомъ состояніи: онъ стоялъ и метался на постели. Возвратился я къ нимъ на другой день и сразу, съ самой передней меня поразила перемена. Трудно даже сказать, въ чемъ она заключалась. Все казалось совершается точно такъ же какъ прежде: лакеи точно такъ же ходятъ на цыпочкахъ. Мужъ Александры Александровны такъ же торчитъ въ буфетной, хлолаетъ рюмку за рюмкой и заѣдаетъ икрой и сардинками. Сидѣла такъ же вылетаетъ, какъ помѣшанная, изъ комнаты больного и что-то хлопочетъ, что-то приказываетъ горничной, растолковываетъ ей... А между тѣмъ во всемъ этомъ уже что-то совсѣмъ другое.

— Ну что, какъ? спросилъ я сидѣла.

— Лучше, гораздо лучше, отвѣтила она.—И ужъ такъ это неожиданно что и сказать нельзя. Еще вчера, сами изволили видѣть, совсѣмъ плохо было, и докторъ вотъ тоже качалъ головою—не надѣялся значить. А сегодня... заснула я часамъ къ пяти утра, такъ только—вздремнула немножко... Очнулась и слышу, говорить это онъ мнѣ: „Дайте пожалуста стаканъ съ лимонадомъ.“ Такъ меня всю и передернуло, слышу, ушамъ своимъ не вѣрю: ну совсѣмъ какъ есть не тотъ голосъ, здоровый человѣкъ это сказалъ мнѣ, да и баста!.. Смотрю—сидитъ это онъ на постели бодро такъ, и лицо у него другое. У меня и руки опустидись... Вотъ, батюшка, чѣмъ кончилось!..

— А что жь, вамъ бы хотѣлось чтобъ онъ умеръ сегодня? невольно улыбаясь на ея отчаянную безнадежную мину, замѣтилъ я.

— Ахъ, что вы, батюшка, Господь съ вами, какъ вамъ не грѣхъ! Слава Богу, говорю, слава Богу,—только неожиданно то больно...

И она откатилась отъ меня въ другую комнату.

Я невольно посмотрѣлъ ей вслѣдъ и даже на минуту заинтересовался ею. Она не на шутку была въ отчаяннѣи что больной ея поправился и что все это кончилось совсѣмъ не такъ какъ она ожидала.

Я очнулся только услышавъ голосъ Зины. Она стояла предо мною блѣдная и растерянная.

— Слышала, шепнула она, поднимая на меня свои безжизненные глаза,—ему лучше! Онъ видимо поправляется.... Доктора объявили что совершился неожиданный кризисъ, рѣдкій примѣръ, и что теперь онъ можетъ очень быстро поправиться и жить еще долго.

— Ну такъ что жь? Это очень хорошо! проговорилъ я совершенно искренно.

Зина вздрогнула и какъ-то отшатнулась отъ меня.

— André, что жь это? притворяешься ты что ли? Неужели ты не понимаешь что это невозможно? Неужели ты не понимаешь что онъ не долженъ жить?.. Тутъ кто-нибудь: или онъ, или я!.. Я ужь изъ силъ выбилась и не могу больше!..

Она проговорила все это задыхаясь. Въ лицѣ ея выражалось и отчаяннѣе, и ненависть.

Мнѣ стало вдругъ невыносимо душно. Я взглянулъ на нее еще разъ и не нашелъ въ ней ровно ничего что всегда такъ влекло меня къ ней и что отдавало меня въ ея руки.

Я увидѣлъ въ ней существо холодное, загрязненное, отъ меня далекое, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ что въ ней должно было быть и чего такъ безумно, такъ отчаянно искалъ я.

Вся мучительная любовь моя мгновенно исчезла. Я смотрѣлъ на нее какъ на чужую, незнакомую мнѣ женщину и, не сказавъ ей ни слова, ушелъ отъ нея. Долго, весь этотъ день и весь этотъ вечеръ, я не хотѣлъ къ ней возвращаться.

XLIII.

О, еслибъ я воспользовался этими минутами и уѣхалъ въ деревню! Только нѣтъ, зачѣмъ? все равно не привело бы это ни къ чему. Все равно вернулся бы я съ дороги.... Еслибъ даже и совсѣмъ уѣхалъ, не слась бы ни ее, ни себя.

На другой день я опять былъ у нихъ и опять ничто меня въ ней не возмущало.

Генералъ сталъ замѣтно поправляться. Черезъ три дня онъ уже вышелъ изъ спальни, опять снялъ свой мѣховый халатъ и надушилъ усы.

Онъ не только не стоналъ, но съ радостною улыбкой объявлялъ чуть не каждую минуту что ему несравненно лучше, что невыносимыхъ прежнихъ болей и въ лопинѣ нѣтъ, какъ будто никогда ихъ и не бывало. Онъ заранѣе облизываясь толковалъ о томъ что вотъ сегодня докторъ разрѣшилъ ему сѣсть кусоокъ кроваваго бифстeka и пару яицъ въ сметку.

Рамзаевъ, и въ особенности Коко, вертѣлись вокругъ него и очевидно что-то замышляли.

Скоро случай помогъ мнѣ узнать что именно они замышляли. Какъ-то я довольно рано вышелъ отъ Зины. У меня сильно разболѣлась голова, я сдѣлалъ большую прогулку, проголодался и зашелъ поужинать къ Палкину.

Народу было мало. Я прошелъ въ дальнюю, совсѣмъ пустую комнату, спросилъ ужинъ и усѣлся въ уголкѣ на диванѣ. Я ужъ кончилъ мою котлету, когда замѣтилъ что въ комнату кто-то входитъ, оглянулся—вижу Рамзаевъ и Коко.

Они мнѣ до такой степени надоели, мнѣ такъ было тошно снова толковать съ ними. Къ тому же пришла врезалная мысль послушать о чемъ они говорить будутъ, если меня не замѣтятъ.

Я не шевельнусь, а когда услышу что они про меня говорить, а они непременно будутъ говорить, я встану и хоть немножко сконфужу ихъ: все же какое-нибудь развлеченіе.

Я такъ и сдѣлалъ.

Я сидѣлъ къ нимъ спиной въ углу, а тутъ еще и нарочно скрылся за высокою спинкой дивана.

Они усѣлись въ двухъ шагахъ отъ меня и не замѣтили моего присутствія.

Разговоръ обо мнѣ начался слѣшкомъ скоро, то-есть съ первыхъ же словъ.

— Ты не знаешь, спросилъ Рамзаевъ,—куда это сегодня нашъ гусь скрылся?

— Чортъ его знаетъ, не знаю! пробурчалъ Коко, наливая себѣ рюмку водки и принимаясь за закуску.—Я объ немъ и думать-то теперь не хочу, такъ онъ мнѣ олротивѣлъ. Ужь я не знаю что онъ такое говоритъ Зинаидѣ, только она чуть не отворачиваться отъ меня стала въ послѣднее время.

— Да, этому надо положить предѣлъ! замѣтилъ Рамзаевъ.— Жалѣя ее нужно положить предѣлъ, потому что такъ добромъ не кончится. Теперь старикъ пришелъ въ себя, умирать еще не хочетъ, теперь можно его настроить и нужно не терять времени. Вѣдь Богъ ихъ тамъ знаетъ, можетъ у нихъ ужъ и рѣшено все.... Ты замѣтилъ, какъ она странно возбуждена все это время? Вотъ того и жду что исчезнетъ съ нимъ куда-нибудь. Ну, не ба долго! перегрызутся чрезъ медѣлю, другую. Да дѣло-то ужъ будетъ испорчено! Непремѣнно старика нужно предупредить, ее спасти надо. Она фантазерка, безумная, она вотъ убѣжитъ, а старикъ возьметъ да и измѣнитъ свою духовную! Вотъ тогда ни при чемъ она и останется! Нѣтъ, этого допустить невозможно! Нужно ему открыть глаза..., но только понимаешь какъ? Ее не замѣшивать, она пусть въ сторонѣ. Это онъ все ее смущаетъ и развращаетъ.

— А вотъ я возьму да завтра же и переговорю съ генераломъ! рѣшительно крикнулъ Коко, стукаявъ ножомъ объ тарелку.

— Что жъ ты ему скажешь?

— Ну ужъ это мое дѣло, знаю что скажу.

— Да нѣтъ, не „знаю что скажу“, а ты говори обстоятельно. Ты расскажи, какой человекъ этотъ идеальный André! Расскажи что это самый что ни на есть отлѣтый развратникъ, какіе только у насъ въ Петербургѣ бываютъ! Расскажи, понимаешь, будто онъ ждетъ не дождется, какъ бы забрать Зинаиду въ руки—и се, и состоянье все! Скажи что она смотритъ на него какъ на друга, родственника, что она вотъ по неопытности только къ нему на квартиру ѣздитъ, а онъ и радъ.... Что онъ хвастается этимъ, портитъ ея репутацію, надъ старикомъ издѣвается. Понимаешь—говори: ужъ по го-

роду сплетни scandalныя ходять..., вотъ въ какомъ тонѣ ты все разкажи!

Я всталъ съ дивана и тихо подошелъ къ этимъ двумъ друзьямъ моимъ.

Они взглянули на меня, вздрогнули и какъ-то съежились.

— Ну что жь, продолжайте, сказала я,—только нѣтъ, покончите! Еслибъ этотъ вашъ разговоръ былъ для меня неожиданностью, я можетъ-быть вышелъ бы изъ себя, но вы видите—я спокоенъ, и спокоенъ именно потому что заранѣе зналъ все что вы можете говорить и что скажете...

Кого все сидѣлъ смущенный, но Рамзаевъ ужь оправился и нахальнѣйшимъ образомъ взглянулъ на меня.

— А! подслушивать! это тоже къ твоему идеальному благородству относится! прошипѣлъ онъ.

Я едва удержался чтобы не плюнуть ему въ лицо.

— Да ужь одно то что я услышалъ доказываетъ что я имѣлъ право васъ подслушивать. Васъ, господишь Кого, я буду просить не приводить въ исполненіе вашего плана ради васъ же самихъ, потому что все это можетъ очень плохо для васъ кончиться. А что касается тебя, другъ моего дѣтства, то тебѣ и совѣта никакого подать не могу...

Я взглянулъ на него, я увидѣлъ этотъ его бравирующій вызывающій взглядъ, я мгновенно вспомнилъ все,—все наши отношенія, все наше дѣтство. Кровь ударила мнѣ въ голову. Я вспомнилъ мою мать, все чѣмъ она была ей обязана, но въ то же время я не могъ вспомнить того о чемъ она меня просила. Мнѣ безумно захотѣлось смять эту нахальную физиономію.

Я задыхался.

— Тебѣ я скажу только одно: не смѣй внигдѣ подходить ко мнѣ, не смѣй сталкиваться со мною, потому что иначе при всѣхъ я назову тебя подлецомъ и воромъ! И докажу неопровержимо что ты подлець и воръ!

Онъ задрожалъ и вдругъ глаза его опустелись.

Но я ужь былъ внѣ себя, я ужь не помнилъ что дѣлаю.

— Воръ! воръ! повторялъ я подъ натискомъ старыхъ воспоминаній.—Ну, отвѣчай же мнѣ какъ подобаетъ отвѣчать, если въ глаза тебя называютъ воромъ, а ты не укралъ ничего! Отвѣчай!...

Онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ опустился на стулъ, онъ ждалъ что я ударю его. Я наконецъ пришелъ въ себя и быстро вышелъ изъ комнаты.

XLIV.

Эта безобразная сцена меня сильно разстроила и я долго находилась подъ ея впечатлѣнiемъ.

Я давно ужъ зналъ и понималъ съ какими людьми приходится мнѣ постоянно сталкиваться, какъ только въ жизнь мою начинаетъ входить Зина, какіе люди ее окружаютъ. Но есть же всему предѣлъ!...

Я сознавалъ что нужно наконецъ лорвать это, что я не имѣю никакаго права до такой степени унижаться. Да и сама она, слышалъ я внутри себя разсуждающій голосъ—что она такое? Что вышло изъ того что я согласился простить ее? Отъ чего я ее спасаю? Зачѣмъ я ей? Во все это время, какъ и прежде, вѣдь ничего не выяснилось. Какъ и прежде я увидалъ въ ней просвѣтъ только въ минуту свиданiя, а затѣмъ она была все тою же, неизмѣнною!

И вотъ теперь, теперь въ ней видно одно только отчаянiе и негодованiе оттого что мужъ ея выздоровѣлъ. И она даже ничѣмъ не объясняетъ мнѣ этого отчаянiя и негодованiя. Изъ-за меня что ли она отчаивается? Она ни разу не поговорила по душѣ со мною. Она снова что-то таиетъ. Нужно покончить, нужно непременно! Но въ то же время я отлично зналъ что ничего не покончу.

Мнѣ только невыносимы были эти минуты отрезвленiя. Я съ мученiемъ вслушивался въ разсуждающій голосъ, потому что въ эти минуты сознавалъ все свое позорное безсилiе.

Во всякомъ случаѣ, по крайнѣй мѣрѣ этихъ отвратительныхъ людшекъ нужно удалить отсюда... или пусть они сдѣлаютъ тамъ свое дѣло!

Я даже сталъ чувствовать что буду радъ, если они успѣютъ оклеветать меня, если генералъ прямо объявитъ мнѣ что не желаетъ моего присутствiя. Вѣдь только этими внѣшними препятствiями и можно меня заставить не ходить къ нимъ. О, какая слабость!

Во весь слѣдующій день я однако туда не пошелъ. Я именно ждалъ, я давалъ возможность Рамзаеву и Коко исполнить ихъ замыселъ.

И еще день прошелъ, а я все не трогался. Вечеромъ полу-

чилъ записку отъ Зины. Она зоветъ, пишетъ что ей необходимо меня видѣть. Я пошелъ.

Она встрѣтила меня одна, и первая ея слова были:

— Что такое случилось между тобою и Коко?

— Ты не такъ спросила, отвѣтилъ я. — Ты должна была спросить, что случилось между мною и Рамзаевымъ.

Я подробно разказалъ ей всю безобразную сцену у Палкина.

— Ну да, я такъ все это и знала! Зачѣмъ же ты сейчасъ не пріѣхалъ, а бы предупредила...

— А, такъ значить было что предупредить. Оттого-то я и не пріѣхалъ. Я далъ имъ полную волю. Ну, что же вышло? говори. Мужъ твой намѣренъ отказать мнѣ отъ дома?

— Да!—Она улыбулась.—Я желала бы посмотреть, какъ это онъ будетъ отказывать моимъ друзьямъ! Нѣтъ, совсѣмъ не то! Коко дѣйствительно явился, говорилъ съ мужемъ и на тебя наговаривалъ. Но мужъ поступилъ весьма благоразумно и даже такъ что я отъ него этого и не ожидала. Онъ призвалъ меня и заставилъ Коко при мнѣ повторить все. Тотъ смутился, сталъ краснѣть, заикаться, но все же повторилъ. Ну, а когда онъ повторилъ, я, конечно, попросила его избавить меня навсегда отъ своего присутствія. Слѣдовательно ты можешь быть покоенъ: его никогда ужъ у васъ не увидишь.

— Да, это хорошо, сказалъ я.—Но дѣло не въ немъ,—онъ просто дуракъ и бессмысленное орудіе въ рукахъ другаго. А о другомъ ты пока еще не сказала ничего!

Она не сразу мнѣ отвѣтила. Она какъ-то странно олустила глаза.

— Съ Рамзаевымъ, наконецъ проговорила она,—мы еще не видѣлись, и тутъ, я думаю, будетъ очень трудно поладить съ мужемъ: онъ слишкомъ высокаго о немъ мнѣнія.

Въ это время въ комнату вошелъ генералъ.

Онъ прямо подошелъ ко мнѣ съ протанутыми руками, обнялъ меня и приложилъ къ моей щекѣ свои колючіе, надупшенные усы.

— Очень радъ васъ видѣть, голубчикъ, заговорилъ онъ медленно, все еще слабымъ голосомъ. — Я нарочно просилъ Зиночку послать за вами. Она навѣрно ужъ вамъ все разказала. Да, не думалъ я что у васъ есть враги такіе! Но только они безсильны, уснокойтесь! Мы васъ знаемъ и, повѣрьте, я очень цѣню вашу дружбу къ моей женѣ. Это старая дружба, съ

дѣтства, такая дружба не измѣняется! Да и характеръ вашъ я хорошо позналъ, такъ ужъ такой скверный мальчишка не можетъ измѣнить моего мнѣнія о васъ. Будьте покойны: во мнѣ вы имѣете друга. Я вамъ вѣрю.

Онъ крѣпко сжалъ мою руку. Мнѣ вдругъ сдѣлалось тяжело и неловко.

Еще такъ недавно, еще сейчасъ, да и всегда, этотъ старикъ представлялся мнѣ какъ бы не существующимъ, я никогда не обращалъ на него никакого вниманія. Но тутъ я позналъ что онъ существуетъ, этого мало, что онъ очень много значитъ. Мнѣ захотѣлось чтобъ онъ говорилъ мнѣ теперь совсѣмъ другое. Мнѣ захотѣлось чтобъ онъ вѣрилъ всему, чтобъ вѣрилъ всѣмъ рассказамъ Кско и компаніи, считалъ бы меня своимъ врагомъ, человѣкомъ жаждущимъ похитить его семейное счастье.

Мнѣ захотѣлось даже чтобъ онъ сейчасъ указалъ мнѣ на двери! Тогда бы я могъ прямо взглянуть ему въ глаза, тогда бы свалилась съ плечъ моихъ та тяжесть которая, очевидно, давно ужъ лежитъ на нихъ, но которую я только что сейчасъ замѣтилъ. Но онъ все повторялъ: „Будьте спокойны,— я вамъ вѣрю!“

— Да, продолжалъ онъ, усаживаясь въ кресло, — право, въ деревнѣ жить лучше. Я ужъ не говорю о своей болѣзни, а о томъ что тамъ гдѣ нѣтъ людей всегда лучше, право такъ! Тутъ же... вотъ, думаешь, окруженъ друзьями преданными, со всѣми ласковъ, ко всѣмъ расположеніе показываешь, а вонъ и найдется такой вертопрахъ, придетъ,—и такъ ужъ тебѣ плохо, чуть не умираешь,—а онъ придетъ да и старается всячески разбередить тебя. Хорошо что другаго болвана не видно, Мими. Это право кончится тѣмъ что не ведемъ никого лускать. И безъ нихъ проживемъ en petit comité съ вами, да вотъ съ Рамзаевымъ...

— Такъ вы Рамзаева считаете своимъ другомъ, Алексѣй Петровичъ? проговорилъ я.

— Да, хорошій онъ человѣкъ, хорошій! не замѣтивъ тона моего вопроса, отвѣтилъ генералъ. — Въ его расположеніе я вѣрю, да и вамъ онъ другъ старый.

— Я не стану разубѣждать васъ, хоть можетъ-быть и слѣдовало бы,—только объ одномъ прошу: не считайте его моимъ старымъ другомъ; это самый старый врагъ мой!

Генераль изумленно поднялъ на меня глаза и покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, Андрей Николаевичъ, я не знаю что такое произошло между вами; можетъ-быть тотъ же скверный малячишка и васъ хотѣлъ посорить; видно у него нѣтъ другаго занятія въ жизни какъ строить каверзы; только вѣдь и вамъ тоже не слѣдъ всему вѣрять и поддаваться такимъ гаулымъ людямъ.... Нѣтъ! Рамзаева не обижайте. Я за него въ такомъ случаѣ заступникъ. Нѣтъ, это хорошій человекъ, дай Богъ побольше такихъ! Я ужь его знаю. Отъ него никогда дурнаго слова не слышалъ, а ужь въ это-то все время, въ болѣзнь мою, какой намъ былъ всѣмъ помощникъ! Нѣтъ, это золотой человекъ!

Конечно, я могъ кое-что сдѣлать, я могъ разказать все серьезно, съ самаго начала и, можетъ-быть, моимъ разказомъ заставилъ бы генерала измѣнить мнѣніе о его другѣ. Но мнѣ вдругъ стало все это необыкновенно противно. „Да Богъ съ вами, лускай дѣлають что хотятъ!“ А тутъ еще и Зина заговорила, и я съ изумленіемъ слушалъ ее. Она нашла нужнымъ стать на сторону мужа и заступаться за Рамзаева.

— Да, это правда, онъ одинъ изъ самыхъ любезныхъ людей какихъ я только знаю, и дѣйствительно онъ оказалъ намъ большія услуги во все время болѣзни Алексѣя Петровича. Еслибы не было его, я просто не знала бы что мнѣ и дѣлать. Не будь къ нему строгъ, André, даже если и есть какія-нибудь недоразумѣнія между вами,—все можно покончить мирно. Къ тому же я вѣдь тебя знаю, ты все черезчуръ принимаешь къ сердцу. Нужно быть хладнокровнѣе.

— Да, да, нужно быть хладнокровнѣе! совѣтъ какъ будто машинально повторилъ генераль и, медленно поджавшись съ кресла, вышелъ изъ комнаты.

XLV.

Я взглянулъ на Зину, но ровно ничего не прочелъ въ лицѣ ея.

— Скажи мнѣ, зачѣмъ тебѣ нуженъ Рамзаевъ? началъ я.— Какъ сумѣла ты уничтожить Коко, такъ, конечно, сумѣла бы уничтожить и этого, еслибы захотѣла. Но ты не хочешь! Зачѣмъ же онъ тебѣ?

Она слегка пожала плечами и едва замѣтно улыбулась.

— Да я право ничего противъ него не имѣю! До сихъ поръ я не видѣла отъ него ничего дурнаго.

— Ну, такъ въ такомъ случаѣ выбирай между имъ и мною, сказалъ я.

— Чтѣ? чтѣ? перебила она,—выбирать между имъ и тобой? Оставь эти фразы—между тобою и имъ нѣтъ ничего общаго, слѣдовательно и выбирать нечего. Тебѣ его нечего бояться; онъ мнѣ не близкій человѣкъ, не другъ; онъ мнѣ просто нуженъ, потому что ты знаешь какъ я лѣнива, какъ я непрактична, какъ я ничего не умѣю устраивать. Если онъ когда-нибудь осмѣлится мнѣ говорить про тебя дурное, тогда другое дѣло,—сумѣю ему отвѣтить какъ слѣдуетъ, сумѣю ему показать настоящее его мѣсто. Но пока этого ничего нѣтъ,—я его терплю по его удобствамъ. Я на него смотрю какъ на моего управляющаго: все ему поручаю. Онъ теперь ведетъ всѣ мои дѣла. Гдѣ я найду такого человѣка?

— Онъ ведетъ твои дѣла изъ безкорыстной дружбы, ты думаешь?

— Нѣтъ, я этого не думаю. Очень можетъ-быть что онъ разчитываетъ превратиться въ официала нашего управителя.

— Да, для того чтобы васъ обманывать и въ концѣ концовъ обобрать!

— Я не думала, André, что ты сталъ такъ рѣзокъ. Ну хорошо, ну положимъ хоть бы даже и это; такъ вѣдь еще вопросъ: удастся ли ему? А пока, пока я поручаю ему только такія дѣла гдѣ онъ не можетъ ни обманывать меня, ни обирать. Успокойся же пожалуйста! Не повторяй мнѣ эту смѣшную фразу о выборѣ между вами.

— Но я серьезно тебѣ повторяю, сказалъ я,—что вовсе не желаю встрѣчаться съ нимъ.

— Вотъ это дѣло другое! Да вѣдь день великъ,—онъ можетъ здѣсь бывать и не встрѣчаться съ тобой. Я ужъ буду такъ устраивать чтобы не было вашихъ встрѣчъ. Только одно: ты долженъ мнѣ дать честное слово не оскорблять его предъ моимъ мужемъ. Нужно чтобы все это было подальше отъ Алексѣя Петровича—теперь всякая малость его раздражаетъ и чрезвычайно вредно на него дѣйствуетъ....

— Давно ли ты стала такъ заботиться о его здоровьѣ? невольно сказалъ я, взглянувъ ей въ глаза.

Но она нисколько не смутилась.

— Ты меня въ самомъ дѣлѣ, кажется, начинаешь за убійцу принимать? проговорила она какъ-то странно усмѣхнувшись.—Но, во всякомъ случаѣ, ты долженъ мнѣ дать честное слово не дѣлать ему сценъ. Дашь? Ну, пожалуйста, прошу тебя!

Она подошла ко мнѣ еще ближе, съ нѣжною улыбкой заглянула мнѣ въ глаза,—и я далъ ей это слово.

Впрочемъ, на весь разговоръ съ нею и съ генераломъ я обратилъ мало вниманія: мнѣ нужно было совсѣмъ не то. Мнѣ нужно было наконецъ объясниться съ нею, выяснить мое положеніе относительно нея, и я рѣшился вызвать ее на откровенность.

Я началъ прямо.

— Зина, сказалъ я,—ты называешь неумѣстною фразой мои слова о томъ что должна выбрать между мною и Рамзаевымъ. Пожалуй, я отказываюсь отъ этой фразы, но дѣло въ томъ что мнѣ кажется и безо всякаго выбора сѣдуетъ мнѣ уйти отъ тебя.

— Это еще чтѣ! изумленно шепнула она.

— А то что я тебѣ вовсе не нуженъ! Ты пришла за мною, ты звала меня, ты меня уговаривала, ты повторяла о своемъ несчастіи, о томъ что я такъ необходимъ для тебя.... Ну вотъ я здѣсь, я вмѣстѣ съ тобою, и неужели ты думаешь что у меня совсѣмъ ужъ глазъ нѣтъ. Да, я точно сѣплю, и ты лучше чѣмъ кто-либо знаешь до какой степени сѣплю, но все же я вижу что тебѣ я вовсе не нуженъ и что самое лучшее уйти мнѣ отъ тебя. И я прошу тебя, отпусти меня, отпусти!

Я замѣтилъ, какъ она слабо улыбнулась на это слово.

Но къ чему мнѣ было скрываться? развѣ она не знала своей власти надо мною?

— Уйди, тихо сказала она,—насилъно я не стану тебя удерживать, если ты меня не жалеешь.

— Господи! да этою-то жаждостью ты и притянула меня опять сюда! А между тѣмъ, наблюдая за тобою, я вовсе не нахожу тебя жалкою. Ты очевидно спокойна. Если чтѣ тебя тревожило до сихъ поръ; то одна только страшная, скверная вещь: выздоровленіе твоего мужа. А въ этомъ тебя успокоить и помочь тебѣ, конечно, ужъ я не могу.

Она внимательно слушала и смотрѣла на меня своими молчащими глазами, но при послѣднемъ моемъ словѣ встрепенулась.

— Ты называешь это ужасною и скверною вещью, но есть вещи еще ужаснѣе, еще сквернѣе, съ которыми однако мы должны мириться: жизнь заставляетъ насъ брать ихъ. Я не виновата въ этомъ желаніи.

— Да, ты могла бы быть не виновата, но я не знаю, такъ ли это? Ты могла бы быть не виновата, еслибы было все ясно предъ тобою, еслибы у тебя были опредѣленные цѣли, еслибы ты жила сознательно. А ты живешь бессознательно, Зина! Ты сама не знаешь чего тебѣ нужно!

— Въ этомъ-то мое и мученье! въ этомъ-то мое и несчастье! горячо возразила она.—Отъ этого-то мнѣ такъ и холодно на свѣтѣ! Отъ этого-то мнѣ и нуженъ такой человекъ какъ ты.

— Зачѣмъ же я тебѣ нуженъ? Во все это время ты ни разу не обратилась ко мнѣ. Ты ни разу не пришла чего-либо что бы нужно тебѣ было передать мнѣ. Ты ни разу по-душѣ не поговорила со мною. Зачѣмъ же я тебѣ нуженъ?

— Ахъ, ты олятъ ничего не понимаешь, André! Что жь такое что я не говорю съ тобой? Иной разъ и много на душѣ, а словами всего не выразишь, да и не нужно.... Знаешь ли ты что много вопросовъ тяжелыхъ, мучительныхъ могутъ разрѣшиться безо всякихъ словъ, однимъ только присутствіемъ человека? Ты говоришь—зачѣмъ ты мнѣ нуженъ! Вотъ я ни въ чемъ не совѣщались съ тобою, ты ничего мнѣ не совѣтовала, а между тѣмъ не разъ, конечно, ты многое рѣшала для меня. Нѣтъ тебя—и я тревожна, и я мучаюсь. Пришелъ—и я знаю что ты тутъ, рядомъ со мною, и мнѣ теплѣе становится, и я спокойнѣе. Вотъ зачѣмъ ты мнѣ нуженъ!

— Хотѣлъ бы я вѣрить что все это такъ, да не вѣрится. Вообще, я думаю ты сама отлично понимаешь и видишь что много чего-то невысказаннаго въ нашихъ отношеніяхъ. Дикія какія-то это отношенія. Скажи что не такъ, возрази, если умѣешь!...

— Да, конечно оно можетъ казаться тебѣ неестественнымъ и дикимъ, если ты постоянно будешь обращаться назадъ и вспоминать старое.

— Да развѣ можно его забыть? изумленно спросилъ я.

— Можно! отвѣтила Зина.—Я, по крайней мѣрѣ, о прошломъ не думаю, не позволяю себѣ думать. Я гляжу на тебя какъ на единственнаго своего друга, какъ на любимаго брата. Гляди и ты на меня такъ же, гляди на меня какъ на несчастную сестру, которая поковеркала, испортила себѣ жизнь, какъ только можетъ испортить свою жизнь женщина. И если ты будешь такъ смотрѣть на меня, тогда ничего неестественнаго и дикаго не покажется тебѣ въ нашихъ отношеніяхъ.

Я не могъ не задуматься надъ этими ея словами. Конечно, она была права; конечно, иначе теперь я и не долженъ смотрѣть на нее, ничего другого я и не имѣлъ права ждать. Если я согласился вернуться къ ней, то именно только за тѣмъ чтобъ быть ей братомъ. Да къ тому же, развѣ наконецъ сегодня я не разгадывалъ этого старика? развѣ мнѣ не стало неловко отъ его довѣрчивыхъ словъ, отъ его лжата? Чего же въ самомъ дѣлѣ я хочу? Отнять жену у мужа?! Я ничего не хочу, но вѣдь я люблю ее, люблю всю жизнь, безумно люблю! Съ нею соединено все мое будущее! въ ней вся судьба моя! Такъ какъ же я могу не думать о прошломъ! какъ же я могу успокоиться на этихъ отношеніяхъ и не считать ихъ неестественными! Да и наконецъ, вотъ она все рѣшила и высказала такъ прямо, такъ умно и справедливо, а между тѣмъ развѣ не ложь эти умныя и справедливыя слова ея и развѣ она сама не сознаетъ что оувъ ложь?!

— Зина, проговорилъ я,—ты сама отчаянно ловимаешь что я не могу не думать о прошломъ. И я знаю что ты сама о немъ думаешь: такое прошлое не забывается!..

— Зина! Зиночка! лоды сюда на минуточку! раздался изъ дальней комнаты голосъ генерала.

Она встала, хотѣла выйти, но остановилась предо мною и, обдавъ меня однимъ изъ своихъ невыносимыхъ быстрыхъ и горячихъ взглядовъ, шелнула:

— Зачѣмъ же считаешь ты ужаснымъ и безобразнымъ мое желаніе никогда больше не слышать этого голоса?!

Долго я сидѣлъ одинъ и много всякихъ тяжелыхъ мыслей обрывалось и луталось въ головѣ моей.

XLVI.

Съ этого вечера и съ этого разговора все же ледъ былъ разбитъ между нами.

Я продолжалъ ежедневно бывать у Зины.

У нихъ рѣшено было что они останутся въ Петербургѣ. Съ генераломъ дѣлалось что-то странное. Всѣ доктора твердили ему о необходимости поѣздки за границу, но онъ ничего и слушать не хотѣлъ.

— Мнѣ лучше! мнѣ гораздо лучше, повторялъ онъ.—Я останусь здѣсь! Мнѣ здѣсь хорошо! Никакой медицины не вѣрю. Суждено умереть—умру и за границей, и здѣсь, все равно. Но я еще не умру,—мнѣ гораздо лучше!

Они остались.

Съ Рамзаевымъ я не встрѣчался. Зина исполнила свое обѣщаніе и всегда умѣла такъ устроить что онъ являлся когда меня не было. Одинъ разъ только встрѣтился я съ нимъ на крыльцѣ у нихъ. Мы сдѣлали видъ что не замѣчаемъ другъ друга.

Съ Зиной я теперь оставался вдвоемъ иногда по цѣлымъ часамъ. Генералъ полюбилъ лежать въ маленькой комнатѣ, возлѣ Зининой гостиной, и оттуда слушать игру ея. Собственно для этого рояль былъ перенесенъ изъ залы въ гостиную и Зина подолгу играла, особенно вечеромъ въ сумерки.

Старикъ часто засыпалъ подъ музыку. Тогда она отходила отъ рояля, подсаживалась ко мнѣ на маленькій диванчикъ и у насъ начинались безконечные разговоры. И я самъ не замѣтилъ какъ эти разговоры мало-по-малу приняли самое невѣроятное направленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я уже ощущалъ безкомечную тоску, но даже не понималъ откуда она, чувствовалъ только что мысли мои начинаютъ лутаться.

Я наконецъ сообразилъ все только тогда когда какъ-то вернувшись домой, припомнилъ послѣдній разговоръ съ ней. Чтò жъ это такое было? Къ чему все это свелось? Чѣмъ все это кончилось? Теперь я ужъ былъ не братъ, было не забвеніе прошлаго, была наконецъ не законность ожиданія смерти. Было опять что-то окончательно безобразное.

опять разговоры о диких желаніяхъ и капризахъ, о дикихъ сценахъ въ невѣдомомъ для меня ея прошломъ. Упоминалось тутъ и о таинственномъ человѣкѣ который что-то для нея значить и имя котораго она никогда не назоветъ мнѣ.

Прошло еще нѣсколько дней, и я чувствовалъ что положительно съ ума схожу.

Я не находилъ себя нигдѣ мѣста. Я опять собирался бѣжать въ деревню, куда мама отчаянно звала меня своими частыми письмами, и не трогаясь съ мѣста, уходилъ къ Зинѣ и слушалъ ее. И то что я слышалъ отъ нея съ каждымъ вечеромъ все болѣе принимало видъ невыносимаго бреда.

Очевидно въ первый разъ когда она сказала свою первую дикую фразу я черезчуръ поразилоя ею. Очевидно она замѣтила впечатлѣніе произведенное на меня, и это ей понравилось, и тутъ ей пришла фантазія, одна изъ ея большихъ, ужасныхъ фантазій, меня мучить. Она стала практиковаться въ этомъ ежедневно, окончательно вошла въ новую роль свою.

Ей было пріятно видѣть какъ я задыхался отъ словъ ея, какъ на ея глазахъ я сходилъ съ ума. Ей пріятно было сознаніе ея безконечной власти надо мною. Она торжествовала, когда я окончательно измученный и выведенный изъ всякаго терпѣнія объявилъ ей и генералу что завтра ѣду за границу.

Она въ тотъ же вечеръ пріѣхала ко мнѣ, увидѣла уложенныя мои вещи, сама все выложила опять изъ чемодановъ въ комоды, заперла, ключи взяла съ собою, цѣловала меня, бѣсилась, хотела—и я не уѣхалъ.

Я на другой день опять былъ у нея и при ней сплеталъ генералу гаульную исторію о томъ какъ на службѣ мнѣ дали важное слѣшное дѣло, которое помѣшало моей лѣвѣ.

Чего она отъ меня хотѣла? Я ей говорилъ что не вынесу, что убью или ее или себя. И она смѣялась, и она представляла мнѣ какъ это будетъ. Какъ вотъ меня нѣтъ; цѣлый день проходитъ—меня нѣтъ! Она ѣдетъ ко мнѣ и застаётъ меня застрѣленнымъ. Она описывала какъ будетъ мучиться, рыдать, рвать на себѣ волосы и хотела!

Иногда я замѣчалъ что она наконецъ хочетъ оставить эту отчаянную безобразную игру. Вотъ она встрѣчаетъ меня серьезно и спокойно, вотъ она наконецъ просить у меня про-

щенія, говорить что понимаетъ какъ безумно, какъ плохо (это ея выраженіе) ведетъ себя, плачетъ. Вотъ почти весь вечеръ прошель, и я едва узнаю ее. Снова я вижу въ ней другой образъ и слова въ своемъ безумномъ, несчастномъ ослѣвленіи, готовъ ей вѣрить, готовъ ждать чего-то, на что-то надѣяться.

Но она не можетъ долго выдержать, и конецъ вечера завершается новымъ бредомъ.

XLVII.

Зачѣмъ я тогда уѣхалъ изъ Петербурга? Но, Боже мой, какъ же мнѣ было не вѣхать?! Да и помочь ли бы я чему-нибудь, отвратилъ ли бы что-нибудь? Такъ или иначе, а вышелъ бы то же самое, такъ должно было.... Какой это ужасный день и какъ ясно я его вижу предъ собой.... Я по обыкновенію послѣ обѣда получалъ отъ нея записку. Она звала меня и сердилась что я два дня не показывался, писала что въ девять часовъ будетъ непременно дома. Я вышелъ въ половине девятого и пошелъ лѣшкомъ, хотя съ утра не переставая шелъ дождь, и на улицахъ было грязно и скверно. Но я всегда любилъ такую погоду и имелъ осенью, вечеромъ, въ Петербургѣ. Я любилъ эту мглу, этотъ паръ въ сырость, безвѣтряномъ воздухѣ, блестящія мокрая плиты тротуаровъ, осторожно ступающія черезъ лужи фигуры прохожихъ. Мнѣ дѣлалось тогда какъ-то тихо, будто внутри остывала что-то и замираетъ....

Я шелъ медленно знакомою дорогой и по временамъ со всѣмъ забывался, такъ что не помнилъ пройденнаго пространства; еслибы въ такую минуту подошли ко мнѣ и закричали у самого уха, я бы и этого не замѣтилъ. Потомъ вдругъ очнувшись я начиналъ усиленно интересоваться всѣмъ что было кругомъ меня. Я заглядывалъ въ окна магазиновъ, рассматривалъ каждую встрѣчную фигуру. Я и теперь помню все, всякую мелочь бывшую тогда предъ моими глазами, какъ будто все это нужно помнить, какъ будто оно имѣетъ какую-нибудь связь съ тѣмъ что потомъ случилось.... Наконецъ я остановился у знакомаго подъезда.

Входя въ ея гостиную, я чуть не наткнулся на Рамзаева. Онъ стоялъ со шляпой въ рукѣ и застегивалъ перчатку.

Зина была рядомъ съ нимъ и очевидно что-то ему сейчасъ говорила. Она, по обыкновенію, чуть замѣтно покачиваясь, подошла ко мнѣ и крѣпко сжала мнѣ руку. Съ Рамзаевымъ мы не поклонились. При видѣ его мое раздраженіе усилилось еще больше. Мнѣ захотѣлось еще разъ назвать его подлецомъ и посмотреть какъ онъ опять промолчитъ на это названіе. Но я далъ Зинѣ честное слово его не трогать, къ тому же въ соседней комнатѣ я слышалъ шаги ея мужа и, конечно, жалѣя старика, долженъ былъ молчать.

Рамзаевъ отаично понималъ мое положеніе. Поэтому онъ нисколько не слѣдилъ уходить, нахальнѣйшимъ образомъ дѣлалъ видъ что меня не замѣчаетъ, и даже два раза посмотрѣлъ на меня какъ будто въ пустое пространство.

— Такъ я завтра же съѣзжу на почту, все устрою и дамъ вамъ знать, а за симъ до свиданія, спокойно сказалъ онъ Зинѣ.

Она вышла его проводить.

Я едва владалъ собою. Я хорошо понималъ что Рамзаевъ нарочно хвастается предо мной что вотъ она поручаетъ ему свои дѣла, что онъ близкій ей человѣкъ, другъ дома и что моя исторія съ нимъ нисколько не испортила ихъ отношеній. Но вѣдь я и такъ безъ этихъ вѣншихъ доказательствъ все равно давно ужъ понималъ что тутъ есть какая-то близость и даже можетъ-быть гораздо болѣе серьезная чѣмъ дружеское испованіе порученій и веденіе дѣлъ. И эта близость, это что-то таинственное что было между нами и что я и сейчасъ замѣтилъ по тому какъ они глядѣли другъ на друга, возмущало мою душу....

Шевельнулась лортьера, выглянула голова старика.

— Здравствуйте, голубчикъ, сказалъ онъ мнѣ своимъ тихимъ, кроткимъ голосомъ.—Только не подходите, не подходите: вы съ холоду! Обогрѣйтесь....

Онъ спрятался за лортьеру.

Вошла Зина. Я хотѣлъ было выразить ей все что мучило меня и возмущало по поводу Рамзаева; но взглянулъ на нее и не сказалъ ни слова. Она тоже ничего не говорила. Она подошла ко мнѣ, слутала мнѣ рукою волосы, а потомъ сѣла къ фораму и заиграда что-то очень странное, дачное, безконечное, гдѣ по временамъ мнѣ слышались какіе-то колокольчики, каждый разъ больно ударявшіе мнѣ въ сердце и голову.

Я придвинулъ кресло къ самой ея табуреткѣ. Мы почти касались другъ друга. Мы могли говорить тихо, тихо, и старикъ не могъ насъ слышать изъ соседней комнаты, гдѣ онъ, кажется, уже дремалъ за своею газетой. На далекомъ угловомъ столикѣ слабо свѣтилась лампа прикрытая темнымъ абажуромъ. Я чувствовалъ какъ необычайный мракъ начиналъ окутывать все предо мною....

— Что дѣлать, Зина? почти безсознательно прошепталъ я.

— Что, что дѣлать? повторила она.

— Что дѣлать человѣку который идетъ во мракъ и навѣрное знаетъ что нужно идти впередъ.... его мозгъ работаетъ, его чувства напрягаются невыносимо, но онъ ничего не видитъ, не слышитъ, не понимаетъ. Предъ нимъ мелькаютъ только туманные призраки, и онъ сейчасъ же сознаетъ что это призраки его воображенія, а не живые, настоящие предметы....

— Коли человѣкъ силенъ, такъ онъ долженъ знать что ему дѣлать, шепнула Зина, и новый колокольчикъ, сорвавшись съ клавишей, злобно ударилъ въ меня.

— Ахъ, Зина! вскрикнулъ я, даже невольно схватившись за грудь,— да вѣдь всякая сила только тогда можетъ, выказаться когда есть съ чѣмъ бороться, когда то что лобороть нужно—видно! А вѣдь въ этой темнотѣ ничего не видно и не слышно,—силу-то и обратить не на что! Она можетъ только вестись куда-то впередъ, въ пропасть....

— Нестись!... То-есть сложить руки и отдаться теченію—какая же это сила? Это слабость!... усмѣхнулась Зина, искося и лукаво взглянувъ на меня.

— Нѣтъ.... это не „по теченію“, это бездна.... это несчастіе и безуміе....

— Можетъ-быть ты и правъ, только я не понимаю, зачѣмъ все это: ничего этого нѣтъ и быть не можетъ....

И она оборвала свою музыку цѣлымъ дождемъ невыносимыхъ колокольчиковъ.

Я подвинулся съ кресла и взглянулъ за портьеру: старикъ лежалъ въ своемъ мѣховомъ халатѣ на кушеткѣ, газета свалилась на коверъ, очки спустились къ самому кончику носа. Глаза были закрыты и старое, красивое лицо его показалось мнѣ до такой степени безжизненнымъ и страшнымъ что я навѣрное бы подумалъ что онъ уже умеръ, еслибы тс-

невѣдкій свистъ не выходилъ изъ-подъ сѣдыхъ, вѣчно надушенныхъ усовъ его.

— Спать? спросила Зина.

— Да, отвѣтилъ я, возвращаясь въ гостиную.

Зина сѣла на маленькомъ диванѣ. Я попросилъ ее подвигнуться.

— Ну, вотъ тебѣ мѣстечко, сказала она, поправляя платье.

Я сѣлъ рядомъ съ нею и взялъ ея руки; онѣ были какъ ледяныя.

— Холодно, холодно! говорила она, сжимая мои пальцы,— отъ меня дышетъ холодомъ, да и отъ тебя тоже; мы не согревемъ другъ друга, уйди лучше.

Она отшатнулась, освобождая мои руки. Но только-что я хотѣлъ подняться съ мѣста какъ ея голова очутилась на груди моей, и она прижалась ко мнѣ, а я крѣпко ее обнялъ и началъ цѣловать ея холодный лобъ, глаза и щеки.

Ея губы потянулись впередъ и встрѣтились съ моими. Такъ мы сидѣли долго и слышали какъ тихо, тихо лостукивали часы на каминѣ. Потомъ она подняла голову, открыла на мгновеніе глаза, снова закрыла ихъ и прижалась ко мнѣ еще крѣпче.

Она заговорила тѣми прозрачными намеками, къ которымъ стала прибѣгать въ послѣднее время, заговорила о томъ какъ она любитъ его, того таинственнаго человека, о томъ какъ она ненавидитъ весь міръ, о томъ сколько въ ней злобы и жестокости, какъ легко ей безо всякихъ угрызений совѣсти быть причиною гибели человека....

Это былъ безумно раздражающій, горячечный бредъ, въ которомъ слышались то наивность безсмысленнаго ребенка, то дикая, циничная злоба безвѣстной женщины. Это былъ тотъ бредъ который въ послѣдніе вечера все чаще и чаще приходилось мнѣ выслушивать, который сопровождался поцѣлуями и заканчивался угрозой убить меня какимъ бы то ни было способомъ.

Она и теперь повторила свою угрозу и въ то же время разбирала и гладила мои волосы, и цѣловала меня горячими, влажными губами.

Я съ безконечнымъ отвращеніемъ вслушивался въ слова ея, я бессмысленно отдавался мученью ея поцѣлуевъ.... Наконецъ я почувствовалъ совершенно оцѣпенѣнно и ясно что еще двѣ такіа минуты,—и я задушю ее.

Я сдѣлала надъ собою послѣднее усиліе и, оторвавшись отъ нея, встала съ дивана.

— Куда же ты? посиди еще! сказала Зина.

— Нѣтъ, пора, прощай, уже первый часъ; мы не замѣтили какъ пробило двѣнадцать.

Она подошла къ часамъ, сняла абажуръ съ лампы, а потомъ тихонько залезла дверь, за которою посамышала старческой кашель.

— Подожди еще!

Она положила мнѣ на плечи свои руки.

— Довольно, Зина, сказалъ я:—ты сегодня сдѣлала все что только могла сдѣлать....

— Ну, уходи, заговорила она, обнимая меня,—только знай что ты не заснешь сегодня ночью, ты будешь умирать, умирать по настоящему, умирать мучительною смертию.... и ты увидишь двѣ тѣни... двухъ людей.... прощай!..

— Прощай, Зина.

Нѣжно и кокетливо склонилась она снова на плечо мое и глядя на меня своими странными глазами, глядя какъ тихій, добѣрчивый ребенокъ, какъ любящая и невинная женщина....

Я смотрѣлъ на это лицо, и мучительная жалость поднялась во мнѣ. Кого жалѣлъ я—себя или ее—не знаю....

Я почти шатаясь вышелъ въ переднюю, гдѣ сонные люди уже давно дожидались чтобы залереть за мою дверь.

XLVIII.

Темная, дождливая ночь охватила меня сыростью и порывами вѣтра. Я помню что нѣзко висѣли густыя тучи; но не помню какъ шелъ я, что думалъ и что чувствовалъ. Придя домой, я сѣлъ за письменный столъ, началъ было писать, потомъ читать, но ничего не могъ... Не помню, сколько прошло времени,—можетъ-быть часъ, а можетъ-быть нѣсколько минутъ,—не помню. Я сидѣлъ неподвижно и вотъ тутъ-то меня охватило то ужасное ощущеніе, всплывшая о которомъ я и теперь холодѣю.

Оно подкралось ко мнѣ какъ-то незамѣтно, завладѣло мною сразу, сейчасъ же вслѣдъ за полнѣйшимъ бездумьемъ и легкой дрожью, пробѣгавшею по всему тѣлу. Когда я со-

зналъ его—было уже поздно. Я почувствовалъ что уже никакою силой воли не разрою его, что борьба напрасна.

Предсказаніе Зины исполнилось: я начиналъ умирать, „умирать по настоящему, мучительною смертью,“ какъ она предсказала мнѣ.

Напрасно пытаюсь я передать въ словахъ это ощущеніе медленной агоніи. Оно началось бесконечно холоднымъ сознаніемъ моей полной одинокости, одинокости не въ безпредѣльномъ пустомъ пространствѣ, а напротивъ, въ громадномъ мірѣ, кишачемъ разнообразнѣйшею жизнью. Этотъ живой, цѣльный міръ окружалъ меня, но не имѣлъ со мною ровно ничего общаго. Я видѣлъ и понималъ, какъ блестящія нити матеріи, по которымъ струилась эта мировая жизнь, распределялись причудливыми, но математически правильными формами, обуславливавшими ихъ взаимное равновѣсіе и соотношеніе. Только одно мѣстечко громаднаго міра, то мѣстечко въ которомъ трепетало мое существованіе, было прорванымъ, или, вѣрнѣе, еще недоделаннымъ. И мнѣ уже видѣлись со всѣхъ сторонъ концы блестящихъ нитей, стремившихся также правильно размѣститься и закончиться на мѣстѣ занимаемомъ мною. И, разумѣется, я долженъ былъ уничтожиться, чтобы не мѣшать общей гармоніи. Вѣдь не могъ же я, одинъ я, удерживать за собою это недоделанное мѣсто всемірной паутины!..

Вотъ какое невозможное, но тѣмъ не менѣе совершенно яркое, определенное представленіе сложилось въ моемъ мозгу и въ моемъ чувствѣ. Мнѣ казалось что уже раскаленные, острые концы этихъ нитей вонзаются въ меня по всѣмъ направлениямъ. Я вскочилъ и остановился посреди комнаты. Свѣчи, зажженные въ канделябрѣ на столѣ, почему-то потухли; можетъ-быть я самъ бессознательно затушилъ ихъ. Я остался въ темнотѣ и сейчасъ же замѣтилъ что я не одинъ, что въ двухъ шагахъ отъ меня, на моемъ турецкомъ диванѣ, кто-то есть; мнѣ слышалось чье-то дыханіе, чей-то тихій неопредѣленный шелеть.

Мои ноги ледкашивались, въ груди давило. Я медленно подошелъ къ дивану и протянулъ руки. Я почувствовалъ чьи-то мягкіе волосы, нѣжное, гладкое женское лицо. Я понялъ что это была Зина. Но она была не одна,—она кому-то тихо шептала на ухо и этотъ кто-то былъ отъ нея также близко, какъ былъ и я на маленькомъ диванѣ въ ея

постигой. Мнѣ не нужно было допытываться, кто онъ; я узналъ его сразу, по одному ужасу охватившему меня. Это былъ онъ, тотъ таинственный человекъ которымъ она меня мучила, это былъ Рамзаевъ.

Я крикнулъ безумнымъ голосомъ, кинулся впередъ и потерялъ сознание....

XLIX.

Не знаю сколько времени продолжался мой обморокъ. Я очнулся на коврѣ предъ диваномъ и долго еще не могъ пошевеливаться и лежалъ въ темнотѣ и тишинѣ. Наконецъ со-всѣмъ машинально приподнялся, зажегъ свѣчу, прошелъ въ спальню и, странное дѣло, заснулъ какъ убитый.

Проснулся я поздно. Вчерашняго ощущенія слабости, разбитости какъ не бывало. Я даже удивлялся своей бодрости, своей силѣ. Только внутри меня оставалась все та же тоска, тотъ же отвратительный туманъ носился предо мною. Я хорошо помнилъ весь этотъ страшный вечеръ, эту невыносимую галлюцинацію. Какъ все въ ней было живо, ясно, отвратительно.... Нѣтъ, такъ не можетъ продолжаться! думалъ я, такъ съ ума сойти можно!... Нужно бѣжать, бѣжать и покончить разомъ...

Что жъ такое что все перепуталось, что я потерялъ счетъ днямъ и позабылъ всѣ прежніе интересы моей жизни? Что жъ такое что всѣ близкіе мнѣ люди куда-то провалились, а въ ихъ платьѣ облеклись какія-то отвратительныя чудовища, которыя только меня дразнятъ и жимають со свѣта? Что жъ такое что вмѣсто скучнаго, но все же яснаго теченія жизни, съ крошечными обязанностями, съ крошечными развлечениями и заботами о дѣлахъ житейскихъ, для чего-то, для какого-то будущаго устраиваемыхъ,—что жъ такое что вмѣсто всего этого явилось сплошное мученіе и не оставляетъ меня, не покидаетъ ни на минуту вотъ ужъ больше двухъ мѣсяцевъ... Такъ неужели мнѣ такъ и согнуться, такъ и замереть и только смотрѣть что изъ этого выйдетъ, скоро ли и какимъ образомъ я оковчательно погибну? Зина права, когда говоритъ что это значитъ сложить руки, что это „по теченію“... Нѣтъ, я еще постою за себя, я еще выплыву! Я покажу ей что меня не такъ ужъ легко „убить“ тѣмъ или другимъ способомъ“. И покажу сегодня же, сейчасъ, сію минуту.

Я достааь свой заграничный паспортъ, взятый уже больше мѣсяца тому назадъ, велѣлъ Ивану уложить мои вещи. Я сказаь ему что чрезъ два часа буду дома, а вечеромъ уѣзжаю за границу. Но я не хотѣлъ уѣхать такъ, не повидавшись съ Зиной. Это было бы бѣгствомъ. Я рѣшился отправиться къ ней и побороться съ нею: Я знааь что она не захочетъ меня теперь выпустить.

Я застааь ее въ гостиной вмѣстѣ съ мужемъ. Онъ былъ веселъ, бодръ, разодѣтъ и раздушенъ; отъ вчерашняго страшнаго, почти умирающаго старика, ничего не осталось. Онъ ужь не боялся того что я съ холоду и простужу его. Напротивъ, онъ объявилъ что отаично себя чувствуетъ, и, благо солнце выглянуло и на улицахъ пообсохло, собирався сдѣлать небольшую прогулку.

— Въ такомъ случаѣ я долженъ проститься съ вами, сказаь я,—я къ вамъ на минуту и сегодня ѣду за границу...

— Ты сегодня ѣдешь за границу? спросила Зина съ насмѣшливою улыбкой.

— Да, ѣду, ужь и вещи мои укладываютъ.

— И на долго?

— Вѣроятно.. вѣдь я давно собираюсь.. нужно же когда-нибудь выбраться.. вотъ рѣшилъ наконецъ и ѣду...

— Съ Богомъ, съ Богомъ, голубчикъ, ласково бери меня за руку, говорилъ старикъ.—Вѣдь вы въ Швейцарію.. теперь тамъ самое лучшее время, скоро начнется уборка винограда; подышите воздухомъ, освѣжитесь.. съ Богомъ.. а я ужь пойду, посидѣлъ бы съ вами, да боюсь, пожалуй дождь опять, такъ я безъ прогулки останусь.. ну, прощайте, пишите почаще...

Онъ подставилъ мнѣ свои надушенные усы и трижды поцѣловался со мною.

— А можетъ еще и застану.. вѣдь я не долго, только въ скверъ пройдуь и домой.. а ты, Зиночка, вели мнѣ кофе сварить, да яичекъ.. въ сматку.. только чтобы не переварилась...

L.

Наконецъ мы остались одни. Зина оставилась предо мной и захохотала.

— Такъ ты сегодня за границу ѣдешь?.. хоть бы при немъ-

то постыдилася говорить, вѣдь опять какую-нибудь невѣроятную исторію придумывать придется... вѣдь не уйдешь..

Я молча улыбулся и спокойно взглянул на нее. Она говорила съ такою непоколебимою вѣрой въ свою власть надо мною, она считала меня ужь окончателно и невозвратно прикованнымъ къ ней, обезсиленнымъ, ничтожнымъ... И вдругъ она сама показала мнѣ какою-то далеко, чужою, совсѣмъ другою. Все что влекло меня къ ней, изъ-за чего она владела мною, куда-то исчезло. Я все глядѣлъ на нее и улыбался. Ея блестящія, неподвижныя глаза уже не обдавали меня страстью и мученіемъ. Она была теперь просто красивая, стройная женщина, съ блѣдыми, нѣсколько болѣзненнымъ лицомъ, съ не совсѣмъ естественною заую усмѣшкой. Ея волосы были плохо причесаны и закрученная коса кое-какъ придерживалась на затылкѣ, утренній пеньюаръ, по обыкновенію, смять и даже довольно заносенъ.. я невольно припомнилъ, какъ еще дѣвочкой ее всегда бравили за верашество...

Но я не смѣлъ радоваться что она такая, что я такъ гляжу на нее и спокойно улыбаюсь. Вѣдь я зналъ что и прежде бывали не разъ подобныя минуты: иногда она представлялась мнѣ просто грубою, глупою и даже противною... но проходила минута, и все забывалось, и слова она могла дѣлать со мною все что хотѣла...

Но теперь вѣрно она прочла въ глазахъ моихъ что-нибудь для себя опасное. Она вдругъ оставила свою заую усмѣшку и съ видимымъ безпокойствомъ подошла ко мнѣ еще ближе.

— Чего же ты смѣешься, чего ты молчишь?.. да говори же?.. что это такое?!.. серьезно ты ѣдешь?..

— Я уже сказалъ тебѣ что ѣду... не вѣрь, если хочешь, я каяться не стану... сама увидишь...

Она глядѣла на меня не отрываясь, какъ будто хотѣла высмотрѣть всю мою душу, потомъ сѣла на ручку моего кресла и обняла меня за шею. Широкій рукавъ пеньюара откинулся, я видѣлъ почти у самыхъ глазъ своихъ ея розовый локоть, я чувствовалъ у щеки своей ея гладкую теплую руку. Я хотѣлъ приподняться, но она удержала меня.

— Послушаѣ, Зина: я думаю что говорить намъ не о чемъ и нечего повѣрять другъ другу предъ разлукой.. Про-

стимся теперь же, и я увижу... право такъ будетъ гораздо лучше...

— Нѣтъ, постой, что ты! быстро заговорила она, наклонилась ко мнѣ.—Я не могу тебя отпустить... я должна поговорить съ тобою... какъ же это? вѣдь я совсѣмъ не ожидала что ты въ самомъ дѣлѣ вздумаешь ѣхать.. Что жъ, ты сердитъ на меня?

Она совсѣмъ прижалась ко мнѣ, и говорила ужъ надъ самыми моими ухомъ.

Я не могъ выносить этого. Я чувствовалъ что еще мигъ и она опять станетъ для меня прежнею, вѣчною, мучительною Зивой. Я отстранилъ ея руку и поднялся съ кресла.

— Мнѣ на тебя сердиться!.. странные ты выдумываешь вопросы! проговорилъ я.—Ну, да о чемъ ужъ тутъ!.. я думаю что и тебѣ самой будетъ гораздо лучше когда я увижу... вѣдь ты сама мнѣ недавно сказала что я за тобой наблюдаю и что ты этого не любишь.

— Послушай! ты меня ревнуешь къ Рамзаеву! какъ это глупо! вдругъ леребила меня Зива и засмѣялась.

Я взглянулъ на нее и понялъ что все пропало. Меня слова охватило мученье, страсть, жalousть.

— Нѣтъ, не ревную, отвѣтилъ я, — но мнѣ очень тяжело видѣть что между вами есть что-то общее, какая-то проклятая близость, которую я не могу постигнуть.

— А! ты видишь между нами близость!..

— Да, вижу и чувствую, и ты ничѣмъ меня не разубѣришь... и это ужасно! Вѣдь Рамзаевъ это ужъ совсѣмъ последнее дѣло, Зива... Прикоснуться къ этому человеку, завести съ нимъ что-нибудь общее, кромѣ грази, кромѣ позора тутъ ничего, ничего быть не можетъ... и вѣдь ты сама это знаешь...

— Ничего я не знаю. Но если ты такъ ужъ *видишь* и *чувствуешь* и скорбишь обо мнѣ,—зачѣмъ же ты *уѣзжаешь*? ты долженъ оставаться, ты долженъ оберегать меня отъ вліянія этого *ужаснаго*, по твоему, человека...

— Я бы и не смутился твоими насмѣшками... и остался бы, и оберегалъ бы даже хоть насильно... но я понялъ и рѣшилъ что ровно ничего не въ состояніи сдѣлать... вѣдь только ради того чтобы помучить меня ты окунешься во что угодно... на смѣхъ мнѣ становишь кликать этого Рамзаева... развѣ я тебя не знаю!...

У меня, дѣйствительно, еще утромъ мелькнула мысль что можетъ-быть послѣ моего отъѣзда она его прогонитъ. Думая и передумывая, даже несмотря на свои предчувствія и наблюденія, я иногда начинала сомнѣваться въ возможности между ними общихъ интересовъ. Мало ли что еще вчера могло мнѣ казаться въ бреду и сумашествіи, мало ли какъ она меня дурачила и дурачить. Можетъ-быть и весь-то этотъ таинственный любимый человекъ, весь этотъ Рамзаевъ существуетъ только для того чтобы меня помытать и помучить. Но вѣдь и въ такой даже роли онъ вреденъ: онъ и эту роль сумѣетъ воспользоваться для какой-нибудь своей радости...

— Ты думаешь что я теперь насмѣхаюсь надъ тобою? сказала Зина, — ты ошибаешься...

Она взяла мою руку; на ея лицѣ вдругъ мелькнула тѣрпкая, серьезная и въ то же время дѣтски-жалкая мина, которую такъ любилъ я.

— Я говорю правду, André, продолжала она. — Ты мнѣ теперь очень нуженъ и ты можетъ-быть расскажешь что уѣхать...

Она совсѣмъ превращалась въ несчастнаго, измученнаго ребенка. Она гадѣла такъ какъ бывало тогда, давно, когда приходила жаловаться мнѣ на какую-нибудь обиду. Я не могъ выносить этого. Я опять сѣлъ въ кресло и старался не смотрѣть на нее.

Она почти упала на коверъ предо мною, спрятала лицо въ мои колѣни и зарыдала.

— Зина, Зина, что съ тобою? съ мученіемъ повторялъ я, стараясь ее поднять. Наконецъ, вся въ слезахъ, она откинула голову и схватила мои руки. Въ ея лицѣ выражался дѣйствительный ужасъ и отчаянье.

— Развѣ я сама не знаю что гибну, шептала она прерывающимся голосомъ. — Я гибну и знаю что совсѣмъ погибну безвозвратно. И ты не спасешь меня. Когда ты пришелъ сегодня, я думала что у тебя въ карманѣ или листочекъ или ножъ... или что-нибудь... я думала что ты убьешь меня... и я даже рада была этому..

Она опять зарыдала. Она дрожала всѣмъ тѣломъ. Я слушалъ ее какъ помѣшанный, и чувствовалъ опять весь мракъ, весь бредъ, всѣ муки вчерашняго вечера.

— Убей меня, ради Бога убей меня! заговорила она снова, останавливая свои рыданія и продолжая глядѣть на меня страшными широко раскрытыми глазами.— Убей меня сейчасъ, теперь... теперь лучше, послѣ будетъ слишкомъ поздно...

У меня голова кружилась. Я отстранилъ ея руки, я отбѣжалъ отъ нея, взялъ шляпу и слѣзши къ двери. Прочь отъ этой безумной... не то—еще нѣсколько минутъ, и она навсегда сбѣгаетъ и меня сумашедшимъ, и я ужъ никогда и никуда не убѣгу отъ нея.

Но она кинулась за мною, она заслонила дверь, она хватала меня за платье. Ея коса распустилась, въ лицѣ не было ни кровинки, а поблѣднѣвшія губы судорожно вздрагивали. На нее страшно было глядѣть въ эту минуту.

— Ты думаешь что я съ ума сошла, задыхаясь шептала она;—нѣтъ, я не безумная, именно теперь не безумная, можетъ-быть только теперь я и въ своемъ разсудкѣ... André! я умоляю тебя, убей меня, убей, не то будетъ хуже... Или спаси меня... Только нѣтъ! ты не можешь спасти меня... убей же меня, убей... André, милый мой, умоляю тебя!..

Она опять опустила въ предо мной на колѣни и, крѣпко держа мои руки, стала вдругъ цѣловать ихъ.

Но эта оцена была черезчуръ ужъ дика и невыносима, и я какъ-то сумѣлъ очнуться.

— Знаю, я въ послѣдній разъ прошу тебя успокоиться и не безумствовать... ты меня не пускаешь, но я все-равно уйду сейчасъ, хоть еслибъ ты повисал на мнѣ и волочилась за мною...

Она вдругъ встала и выпустила мои руки.

— Такъ ты уходишь, ты ѣдешь... ты оставляешь меня, проговорила она уже новымъ и болѣе спокойнымъ голосомъ.— Значить такъ надо, такъ суждено... ты не знаешь зачѣмъ ты ѣдешь... Ну хорошо, прощай... только я не на долго прощаюсь съ тобою... я можетъ-быть скоро къ тебѣ прїѣду... прощай...

Она сбѣжала нѣсколько шаговъ отъ меня, какъ будто на-мѣревалась выйти изъ комнаты. Вдругъ обернувшись, порывисто обняла меня и прежде чѣмъ я успѣлъ сказать ей слово, скрылась за портьерой.

Выйдя на воздухъ, я вздохнулъ полною грудью. будто вырвавшись изъ душнаго подземелья.

„Она скоро ко мнѣ придетъ,“ думалъ я; „ну это-то фраза! старикъ ни за что не выйдетъ изъ Петербурга и еще не скоро умретъ: ему въ послѣднее время видимо лучше. Что жь, убѣдить она отъ него что ли? но ей черезчуръ не годно теперь бѣжать отъ него... не рѣшится она...“

Еслибы только хоть на мгновенье могла у меня мелькнуть мысль о томъ что должно было случиться,—конечно я остался бы. Но я ничего не подозревалъ и не предвидѣлъ, я все еще недостаточно зналъ Зину. Вечеромъ я уже былъ въ вагонѣ и ѣхалъ въ Швейцарію.

LI.

Я поселился тогда здѣсь, въ Лозаннѣ, у madame Brochet. Поѣздка освѣжила меня, тишина моей новой жизни, чудный воздухъ успокаивали мои больные нервы. Я рѣшилъ что мнѣ еще рано отчаиваться въ своей жизни, что нужно же наконецъ отвязаться отъ болѣзненныхъ сновъ и поставить цѣль свою на болѣе здоровомъ и твердомъ основаніи. Здѣсь, въ полномъ уединеніи, я отдохну скоро и сами собою придутъ благодатныя мысли...

А пока буду работать, буду рисовать и читать, готовить матеріалы для своей второй диссертациі: со мною всѣ нужныя книги, со мною полотно и краски, а кругомъ прекрасная, могучая природа.

Время шло, прошелъ мѣсяць. Я чувствовалъ себя иногда легче, спокойнѣе.

Но все это было днемъ, на яву, а приходила ночь, я засыпалъ, и тутъ ужъ не могъ владѣть собою, тутъ ужъ не могъ отговять Зину: она приходила какъ и въ далекое время моей первой юности, приходила свѣтлая и чистая, и вся душа моя рвалась къ ней навстрѣчу. Она говорила мнѣ что свободна, что послѣднее испытаніе окончилось, что тотъ человекъ которому она продала себя и который стоялъ между нами умеръ и что она теперь моя, на всю жизнь, нераздѣльно. „Въ тебѣ одномъ все мое спасеніе“, говорила она: „разбей мои цѣли, прогони злыя чары, и будемъ счастливы!“

Я просыпался еще весь полный блаженства, и невольное мечталось мнѣ: „Да вѣдь можетъ же это быть! большой ста-

рикъ не вѣчь.. и, если она тогда придетъ ко мнѣ,—я спасу ее, о, тогда я спасу ее!”

Этотъ старикъ долгое время не имѣлъ для меня никакого значенія; я только недавно разглядѣлъ его; но теперь почему-то онъ начиналъ представляться мнѣ единственною преградой, мнѣ казалось что только его присутствіе и дѣлало меня слабымъ, а не будетъ его,—и я вырву ее изъ мрака.

Но я не смѣлъ этого ждать.. да и придетъ ли она тогда ко мнѣ?!

Бывали у меня и другіе сны; другія грёзы. Иногда цѣлую ночь страшный кошмаръ душилъ меня; Зина являлась мрачная и ужасная, съ окровавленными руками, и говорила мнѣ: „я его убила!“ Она простирала ко мнѣ свои руки, съ которыхъ струилась кровь, обнимала меня,—и я захлебывался кровью, задыхался, рвался изъ ея объятій. Тогда она брала ножъ и погружала его по рукоятку въ грудь мою. И я чувствовалъ что умираю, а она стояла надо мной и злобно смѣялась..

Я просыпался, я какъ безумный выбѣгалъ на воздухъ и бродилъ по горамъ во мглѣ и сырости уже поздняго осенняго разсвѣта..

III.

Какъ-то возвращаюся я домой. Тишина природы въ этотъ день на меня особенно успокоительно дѣйствовала.

Моя дверь, по обыкновенію, была не на запорѣ; сумерки ужъ совсѣмъ сгустились. Я вошелъ въ темную комнату, подошелъ къ столу, вынулъ спичку и зажегъ свѣчу. И вдругъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя я увидѣлъ черную фигуру. Невольнымъ движеніемъ я отшатнулся, закрылъ глаза, открылъ ихъ снова.. фигура не пропала.

Свѣча, медленно разгораясь, освѣщала ее больше и больше: на меня глядѣло блѣдное лицо Зины.

Я опять закрылъ глаза и схватился за голову: „призракъ!“ подумалъ я.. я ни на минуту не усумнился что нахожусь снова предъ галлюцинаціей. Мысль о возможности появленія живой Зины не приходила мнѣ въ голову, и тѣмъ болѣе что ничто не нарушало тишины комнаты. Призракъ съ ужающею ясностью, молча и неподвижно, стоялъ предо мной.

Я нѣсколько разъ закрывалъ глаза и открывалъ ихъ, пока наконецъ совсѣмъ не разгорѣлась свѣча и я не лопалъ что не можетъ быть такого призрака, что это живая Зина.

Вотъ она покачнулася и протянула мнѣ руку. Я едва не вскрикнулъ. Она прикоснулася ко мнѣ такою холодною рукою, была до такой степени страшно блѣдна, а глаза ея такъ неестественно холодно блестящи, что въ ней ничего не было живаго. Страхъ, напическій страхъ охватилъ меня, я выдержуль отъ нея свою руку и бросился вонъ изъ комнаты. Но она успѣла удержать меня и наконецъ заговорила:

— Да ты кажется въ самомъ дѣлѣ привилъ меня за привидѣнїе?!—это я, живая, не бойся... Видишь, я исполнила свое обещанїе: я къ тебѣ прїѣхала...

Она сказала все это какимъ-то не своимъ голосомъ и продолжала дико и мертво глядѣть на меня. Отъ нея вѣяло такою смертью и во всемъ этомъ появленїи ея было столько страшнаго, столько подято было имъ во мнѣ невыносимыхъ предчувствїй, что я почелъ бы себя счастливымъ, еслибы это былъ призракъ только, привидѣнїе, а не живая женщина.

— Зачѣмъ же ты прїѣхала? Какъ ты прїѣхала? Гдѣ мужъ твой?

— Я тебѣ говорила что прїѣду—и прїѣхала; я предчувствовала что прїѣду. Мой мужъ умеръ, я одна.

— Умеръ! закричалъ я, вздрогнувъ всемъ тѣломъ,—умеръ?

— Да, умеръ, прошептала она, медленно опускаясь въ кресло и продолжая смотрѣть на меня неподвижными глазами.

„Господи, что же тутъ такого необыкновеннаго что онъ умеръ, большой давно, старикъ? Не самъ ли я по временамъ ожидалъ его скорой смерти? Отчего же мнѣ такъ страшно смотрѣть на нее? Неужели я вѣрю своимъ снамъ, своему бреду?“

Дрожь пробѣгала по мнѣ все сильнѣе и сильнѣе, я не отрываясь глядѣлъ на Зину. Я чувствовалъ, какъ весь холодѣю, какъ стучать мои зубы, и начиналъ все яснѣе и яснѣе понимать, отчего я холодѣю, отчего мнѣ такъ страшно.

— Это ты его убил! неожиданно для самого себя произнесъ я и, шатаясь, схватился за стулъ, чтобы не упасть, но все-таки ни на секунду не оторвался отъ лица ея.

Она молчала, она оставалась такою же блѣдною, каменною, спокойною.

— Отвѣчай мнѣ, отвѣчай мнѣ! задыхаясь повторяя я,— отвѣчай!.. Я подошелъ къ ней въ упоръ и положилъ ей на лечи свои руки.

„Сейчасъ, сейчасъ все рѣшится, мелькнуло во мнѣ,—она скажетъ, но чтѣ она скажетъ?“

Прошло нѣсколько страшно долгихъ мгновеній. Она все стояла предо мной, неподвижная, съ опущенными глазами. Но вдругъ ея щеки всякнули яркимъ румянцемъ.

— Такъ вотъ ты какимъ вопросомъ встрѣчаешь меня! съ негодованіемъ произнесла она высоко поднимая голову и блестя глазами.—Я слышала, слышала, нигдѣ не оставалась, чтобы сказать тебѣ: „бери меня—я твоя теперь!“—а у тебя нѣтъ для меня другаго слова, кромѣ этого ужаснаго подозрѣнія?!

Глаза ея опять опустились, а изъ-подъ рѣсницъ блеснули слезы. Я отошелъ отъ нея, взялъ стулъ и сѣлъ рядомъ съ нею.

„Она сказала, она отвѣтила, я могу быть спокойнымъ. Я долженъ ей вѣрить, да и наконецъ я все же не имѣю права подозрѣвать ее!“

Я не сталъ отъ нея требовать повторенія, не сталъ ни о чемъ ее разспрашивать, не оправдывался въ словахъ своихъ; я только ждалъ чтѣ она дальше говорить будетъ.

И она заговорила.

— Онь три дня былъ боленъ, очень мучился... Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ я выѣхала...

„Чтѣ жь это? думалъ я, чтѣ жь это все значить? Она свободна,—она пріѣхала ко мнѣ, она ждетъ отъ меня спасенія, и теперь я могу, я долженъ сласти ее... мои лучшія мечтанія осуществляются... Теперь мы можемъ быть счастливы. Отчего же я такъ несчастливъ?“

— Зина, зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхала? спросилъ я.

Она взяла мою руку своими холодными, дрожащими руками, она слабо, какъ-то жалко мнѣ улыбулась.

— Куда же мнѣ было ѣхать? Я здѣсь, потому что люблю тебя, потому что не уйду теперь отъ тебя никуда. Теперь я имѣю право на тебя, теперь я не стану тебя мучить; ты увидишь—я совсѣмъ другая. О, я знаю, знаю какъ я страшно предъ тобой виновата! Да вѣдь все можно забыть, все

забывается. Скажи мнѣ: вѣдь правда, вѣдь все забывается? усиленно переспросила она;—вѣдь ты забудешь самъ и можешь мнѣ забыть? Я искупаю всѣ вины мои. Я говорю тебѣ, ты меня не узнаешь. Я ужь саишкомъ много пережила и измучилась... такъ нельзя больше... Какое хочешь назначь мнѣ испытаніе.... ты увидишь... Я не дамъ твоего мученья пріѣхала, а для твоего счастья.

Она робко, боязливо, какимъ-то страннымъ, стыдливымъ движеніемъ поднесла мою руку къ своимъ губамъ и стала цѣловать ее.

Но я не былъ счастливъ, у меня сдавливало грудь, мнѣ дышать было нечѣмъ.

Мы замолчали. Я отвелъ отъ нея глаза и увидѣлъ тутъ же, въ моей первой комнатѣ, большой сундукъ, сакъ-воажъ, плаедъ, картонку. Она пріѣхала, очевидно, прямо сюда ко мнѣ, значить надо было подумать о томъ какъ ей устроиться.

LIII.

Увыло вышелъ я изъ комнаты и кликнулъ madame Brochet. Та немедленно явилась.

— Вотъ моя родственница пріѣхала, сказала я;—ее какъ-нибудь устроить здѣсь нужно.

Madame Brochet привѣтливо улыбнулась Зинѣ. Она ужь видѣлась съ нею до моего прихода.

— Eh, monsieur, mais j'ai déjà pensé à tout. Я сейчасъ сообразила; и по счастью мы можемъ хорошо устроить madame, конечно, если только она удовольствуется одною комнатою. Пойдемте, я покажу вамъ.

Зина подвѣлась, и мы пошли за madame Brochet.

Она дѣйствительно ужь обо всемъ подумала, потому что комната была прибрана, и даже на окнахъ появились бѣлоснѣжныя занавѣски.

— Ну вотъ, какъ тебѣ нравится? все также увыло спросилъ я Зину.—Если тебѣ неудобно здѣсь, возьми мои двѣ комнаты, а я перейду въ эту.

— Съ какой стати, тоже увыло отвѣчала Зина,—здѣсь отлично.

Черезъ полчаса ея вещи были перенесены, и она разбиралась. Я присутствовалъ при этой разборкѣ и помогалъ ей.

Вотъ она потребовала кипятку, вынула привезенный ею чай, напилла себя и мнѣ и даже смесла чашку *madame Brochet*, приглашая ее попробовать *du thé russe*.

Комнатка была такая чистенькая, свѣтлая, съ блѣдно-зелеными обоями и изобиліемъ кисец. Вечеръ чудесный, лунный; изъ окна видѣлось озеро и далекіе, неясные силуэты горъ. Не разъ уже грезилось мнѣ все это; такая же свѣтлая комнатка, такой же лунный вечеръ, такое же озеро и горы; и Зина разбирающаяся послѣ дороги, и чашка душистаго чая; свиданье послѣ долгой разлуки; любовь, и свобода, и счастье. Вотъ эти грезы превратились въ дѣйствительность, вотъ все это предо мной. И разлука окончена, и Зина свободна и пріѣхала ко мнѣ для того чтобы никогда отъ меня не уѣхать—любовь и счастье! Но мнѣ страшно, уныло теперь все это, и я избѣгаю смотреть на Зину. И она смотритъ такъ странно.

Вотъ она подѣла ко мнѣ, обняла меня одною рукой, а другою машинально мѣшаетъ ложкой въ чашкѣ чаю. Вотъ она говоритъ, говоритъ много, говоритъ все такія хорошія вещи. Она вспоминаетъ самыя лучшія, самыя свѣтлыя минуты нашей общей жизни,—ихъ было мало, но все же онѣ были, и она ихъ вспоминаетъ. Она общается мнѣ что такіхъ минутъ теперь будетъ много, и при этомъ страстно, горячо цѣлуетъ меня. Мнѣ душно, я задыхаюсь. Я говорю ей что ужъ поздно, что она устала съ дороги, прощаюсь съ нею—и слышу отъ нея, весь въ лихорадкѣ, съ горящею головой, съ остаивающимися мыслями.

LIV.

Я проснулся довольно поздно и въ первую минуту не могъ сообразить что такое случилось со мною,—зналъ только что что-то очень страшное.

„Она его убила“, наконецъ мелькнуло въ головѣ моей. Или все это во снѣ?.. Какой вздоръ, какіе пустяки... онъ умеръ... Нужно удивляться какъ еще до сихъ поръ прожилъ съ такимъ болѣзнью.

Я послѣшнво одѣлся и постучался въ дверь Зины. Она тоже была ужъ совсѣмъ готова; мы вышли съ ней на воздухъ. Утро было свѣжее,—осеннее утро. Мы пошли въ *bois de Sau-*

vabelin. Деревья ужь пожелтѣли, покрасѣли и медвенно осылались; инья были совсѣмъ красныя съ темнымъ отливомъ. Ночью шелъ дождь и теперь еще по небу неслась тучи, во вдали разгласивало. Насъ охватывалъ осенній запахъ; подъ ногами нашими шелестѣли завядшіе листья. Мы пошли по дорогѣ къ озеру.

Я не разъ разказывалъ Зинѣ объ этомъ моемъ любимомъ мѣстѣ. Я помню какъ она каялась мнѣ, тогда, до своей ужасной свадьбы, въ присутствіи мама, что рано или поздно будетъ здѣсь идти со мною: и вотъ она идетъ, а мы молчимъ, но молчимъ не отъ лояноты чувства, а потому что странно и не о чемъ говорить намъ. Еслибы Зина не заговорила, я бы кажется такъ и вернулась домой не проронивъ ни слова. Но она внезапно оживилась, даже легкій румянецъ показался на щекахъ ея. Она начала усиленно восхищаться окружающимъ, вдыхать въ себя свѣжій, чистый воздухъ. Наконецъ она остановилась и пристально стала глядѣть на дальнія горы.

— Гдѣ же Мюбланъ? покажи мнѣ! сказала она.

— Вонъ, смотри, тамъ лѣвъ! Кстати теперь кругомъ ясно. Онъ хорошо виденъ.

Она повернула голову по направлению руки моей.

— Гдѣ? гдѣ? Вотъ это?

И вдругъ она задрожала, судорожно оперлась о плечо мое, и вся блѣдная взглянула на меня испуганными, страшно раскрытыми глазами.

— Это? задыхаясь повторила она.—Смотри, ты ничего не видишь? смотри, ты ничего не замѣчаешь? на что похожа эта гора, эта бѣлая вершина? Вѣдь это лицо, лицо... вѣдь это мертвецъ! Онъ лежитъ бѣлый, страшный!...

— А ты развѣ никогда не слышала, отвѣтилъ я,—что вершина Мюблана дѣйствительно похожа на лицо лежащаго человѣка...

Я сказалъ это спокойнымъ голосомъ, но въ то же время у меня холодѣла кровь въ жилахъ: „какъ она испугалась!“ Но она ужь справилась съ собою. Мы пошли дальше.

Она довольно обстоятельно начала мнѣ разказывать всѣ подробности происшествій этого послѣдняго времени. Наконецъ она произнесла имя Рамзаева, и снова мнѣ показалось что дрогнула рука ея у моего локтя.

— Чтѣ жь, рѣшилась ты навсегда развязаться съ этимъ че-

ловѣкомъ?... или можетъ-быть у васъ продолжаются общія дѣла? будете получать отъ него письма?

— Ахъ, не говори мнѣ о немъ, не говори ради Бога! быстро перебила она.—Ради Бога не говори о немъ, а не хочу о немъ и думать, и конечно ничего общаго нѣтъ между нами!

Въ эту прогулку мы все окончательно рѣшили: мы проживемъ здѣсь мѣсяцъ, потомъ вернемся въ Россію. Зина окончить всѣ дѣла по насажденію отъ мужа, потомъ поѣдемъ опять путешествовать; гдѣ-нибудь въ Германіи или здѣсь, въ Женевѣ, обвѣчаемся. Последние зимніе мѣсяцы и весну проведемъ въ Парижѣ, а лѣтомъ поѣдемъ въ деревню.

И опять такъ, какъ и вчера, хотя мы все рѣшили, но я ничему не вѣрилъ.

LV.

Прошло нѣсколько дней. Съ утра и до поздняго вечера мы не разлучались ни на минуту. Мы предпринимали большія прогулки въ коляскѣ и верхомъ на осликахъ, въ горы. Зина не только не капризничала, не мучила меня, но казалась совсѣмъ новымъ существомъ. Она была теперь какая-то тихая, робкая, никакого блеска не могъ замѣтить я въ глазахъ ея, на губахъ не появлялась прежняя страшная для меня усмѣшка.

Часто глядѣла она съ грустною нѣжностью. Она обращалась со мной такъ бережно, она вслушивалась въ каждое мое слово. Даже самыя ласки ея были не прежнія: она больше не жгла меня ими, она тихо брала меня за руку, тихо наклонялась ко мнѣ, какъ будто не смѣя поцѣловать меня, какъ-будто спрашивая меня, позволю ли я ей это. Въ ней было теперь что-то дѣтское, робкое.

Иногда, мгновеніями, я забывался; иногда мнѣ удавалось поймать это счастье, котораго такъ долго и такъ жадно искалъ я: но эти мгновенія быстро проходили и опять та же тоска давила меня; и опять стояла предо мной неразрѣшенная вѣчная загадка.

И Зина видѣла и понимала мое состояніе. Я часто подмѣчалъ что она пристально въ меня всматривается и потомъ задумывается, соображаетъ что-то. Она улотребляла всѣ усилія прогнать тоску мою, заставить меня забыть все смущающее

и тревожное. Вдругъ ея обращеніе со мной измѣнилось, ея робость и тихая вѣжливость исчезли...

Послѣ долгой и тоскаливой прогулки мы вернулись домой. Въ домикъ madame Brochet все затихло. Было уже поздно, но мы не зажигали свѣчи и сидѣли облитые голубою мглой, тѣлымъ луннымъ свѣтомъ, врывавшимся въ окна.

— Ты меня не любишь, André, ты меня не любишь! вдругъ отчаяннымъ глухимъ голосомъ прошептала Зина, прижимаясь ко мнѣ и схватывая меня горячими, дрожащими руками.—Ты меня не любишь!—повторяла она,—а я, Боже мой, какъ я люблю тебя!... Что же это такое, Андрюша? Неужели теперь я обманулась... неужели ты измѣнился, и я ужь не нужна тебѣ?... Такъ скажи, говори... я не вынесу этого сомнѣнія.

Она все крѣпче и крѣпче ждалась ко мнѣ, меня жгло ея дыханіе. Все заблосось... я видѣлъ только въ голубомъ туманѣ милое лице ея, и оно казалось мнѣ не такимъ какимъ было въ эти послѣдніе годы, а прежнимъ, почти дѣтскимъ.

Мнѣ чудились длинныя, черныя косы, какъ она носила тогда, въ Москвѣ и въ Петровскомъ. Слышались сладкія слова ея перваго признанія, десять лѣтъ тому назадъ, въ такой же лунный вечеръ....

Я задыхался.

— Андрюша, если любишь меня, такъ вѣдь я—твоя.... возьми меня! едва слышно прошептала Зина....

LVI.

Мы оставили проводника и нашихъ осликовъ въ тавернѣ и пошли бродить по извиистой горной тропицкѣ. Надъ нами поднимались скалы, подъ нами скалы, а дальше, вверху, громадная ледорама—съ одной стороны Женевское озеро, съ другой—селенія долины Арвы и Ромы. Свѣжій вѣтеръ поднялся и гвалъ облака которыя клубились вверху у ногъ нашихъ.

Зина крѣпко опиралась на мою руку. Она была очень блѣдна, ея глаза совсѣмъ потухли. Мы все это утро обмѣнивались только незначительными фразами. Наконецъ я почувствовалъ что больше никакъ не можетъ это продолжаться, что нужно наконецъ все кончить, но какъ кончить, что кончить, что нужно—я ничего не зналъ и мы долго шли молча, скоро, какъ будто слышали куда-нибудь къ опредѣленной

цѣли. Вотъ опять поворотъ дорожки, вотъ огромный камень, наклонившійся надъ пропастью, вотъ еще нѣсколько разбросанныхъ камней, на которыхъ кой-гдѣ вырѣзаны имена путешественниковъ отдыхавшихъ здѣсь.

— Что это какъ я устала сегодня! проговорила Зина, оставляя мою руку и садясь на одинъ изъ камней.

Я остановился предъ нею. Она подняла на меня усталые, унылые, безжизненные глаза. Я зналъ что сейчасъ случится наковецъ то что порветъ эту невыносимую жизнь послѣднихъ дней, которую даже страсть не могла скрасить.

— Зина, понимаешь ты что вѣдь нельзя жить такъ? наковецъ сказалъ я, опускаясь возлѣ нея на камень.

— Понимаю, робко и не глядя на меня, шепнула она.

— Что жь это значитъ? Отчего это, отчего такая тоска, отчего, несмотря на все, мы такъ несчастливы?

— Я не знаю, еще болѣе робкимъ голосомъ и еще ниже опускала голову, проговорила она.

— Нѣтъ, ты знаешь, Зина, ты знаешь!

Я схватилъ ее за руки.

— Смотри на меня, смотри мнѣ въ глаза!

Она съ усиленіемъ подняла глаза и все-таки не могла взглянуть на меня.

— Смотри на меня, отчаянно говорилъ я, сжимая ея руки,— отвѣчай мнѣ, ты его убила?

Она задрожала всѣмъ тѣломъ, она вырвала у меня свои руки и схватилась ими за голову.

Мнѣ показалось что скалы висяція надъ нами обрываются, мнѣ показалось что земля уходитъ изъ-подъ ногъ нашихъ и что мы летимъ въ пропасть. Стовъ вырвался изъ груди моей, но я оставался неподвижнымъ.

Зина бросилась на мокрую траву къ ногамъ моимъ.

— André, выслушай меня—все же не я его убила! О, выслушай меня, да, нужно чтобы ты все зналъ. Я думала что можно скрыть это, я думала нужно скрыть это, я думала что возможно счастье. Я не могла, я не смѣла, мнѣ казалось что я не имѣла права, не должна была говорить тебѣ, но теперь вижу что ошиблась. О, какое безуміе! какъ будто я не знала, давно, всю жизнь, что скажу тебѣ все. Теперь значитъ пришелъ этотъ день, этотъ часъ, слушай же меня, слушай.

И я слушалъ, и я все не могъ пошевеливаться, и все мнѣ казалось что со всѣхъ сторонъ скалы летятъ на насъ и что мы ужъ задыхаемся подъ ними. И я слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и не проронилъ ни одного звука, и каждый звукъ ударялъ въ меня какъ громадный камень.

LVII.

— Не я его убила, слышалъ я страшный голосъ, — только нѣтъ, все равно, я... я, конечно! Зачѣмъ ты тогда ухалъ? Вѣдь я говорила тебѣ что ты не знаешь для чего ѣдешь! Ты могъ еще спасти меня, да, ты могъ... Вѣдь ужъ все тогда было почти рѣшено, а ты ничего не позволялъ, хоть и предчувствовалъ что-то страшное... Помнишь какъ я тебя мучила Рамзаевымъ, помнишь какъ ты боялся его за меня; ахъ, ты кажется ревновалъ его, ты не зналъ что онъ мнѣ для другаго нуженъ. Онъ, этотъ дьяволъ, онъ все сдѣлалъ. Ты вѣдь не знаешь какъ часто я съ нимъ видѣлась. О, онъ меня позволялъ, онъ зналъ какъ говорить со мною, онъ зналъ чего мнѣ было нужно... Вѣдь тѣ два года что я прожила съ мужемъ въ деревнѣ, я совсѣмъ задыхалась, я сдѣлалась какъ помѣшанная. Ты и представить себѣ не можешь что такое это была за жизнь! Не разъ я лорывалась убѣжать, но убѣжать было не легко. Ты не зналъ его, онъ былъ вовсе не такъ ужъ мягокъ, какъ это казалось, онъ отлично забралъ меня въ руки. Знаешь ли ты что незамѣтно для меня самой всѣ даже мои крошечныя средства оказались у него, и я сама ровно ничего не имѣла: мнѣ не съ чѣмъ было бѣжать. Какъ же бы я убѣжала, куда? Къ тебѣ, но я помыслить не могла объ этомъ, ты былъ для меня ужъ не живымъ человѣкомъ, я мечтала иной разъ о тебѣ—и только... не понимаю до сихъ поръ, какъ потомъ, по прїездѣ въ Петербургъ, рѣшилась я прїидти къ тебѣ... Тогда, выйдя за него, я думала что буду совершенно свободна; его громадное состояніе мнѣ представлялось ужъ моимъ состояніемъ. А вдругъ онъ залуталъ меня, обернулъ такъ скоро, такъ неожиданно что я и очнуться не могла и не сумѣла вырваться. Онъ только обѣщалъ мнѣ скоро умереть... сулилъ тогда полную свободу!.. Но онъ не умиралъ, а пойми же ты что мнѣ нужна была воля... я вѣдь тысячу разъ тебѣ это повторяла...

„Теперь у нея есть воля — что жь она пришла ко мнѣ? мелькнула у меня и сейчас же прошла эта мысль. Я опять слушала и опять скалы давили меня.

— Что жь мнѣ оставалось еслибъ я рѣшилась убѣжать отъ него? продолжала она.—Видъ мнѣ оставалось только явиться въ Петербургъ, показаться въ ложѣ и на другой день продать себя какому-нибудь другому старику и еще на худшихъ условіяхъ—мнѣ не того было нужно!. Вотъ онъ наконецъ заболѣлъ. Я видѣла что болѣзнь его серьезна. Ты знаешь все что тогда было. Я ждала день за днемъ, недѣла за недѣлей, ты видѣлъ... ты видѣлъ что онъ все поправлялся. Еслибы только зналъ ты какъ иногда я его ненавидѣла!... А тутъ пришелъ тотъ дьяволъ и разказалъ мнѣ все что я думаю и чего я желаю... Конечно, онъ притворился въ меня влюбленнымъ. Онъ началъ увѣрять меня что мнѣ стѣдуетъ сказать ему одно только слово и онъ для меня на все готовъ: онъ сдѣлаетъ все, онъ пойдетъ на всякое преступленіе. Я сначала смотрѣла на это какъ на вздоръ, я забавлялась его словами, его гаулою ролью....

— И ты мнѣ ничего не сказала! И ты могла слушать и его и меня?—не знаю выговорилъ ли я это вслухъ или только подумала, но все равно она отвѣтила:

— Я не прогнала его, я его слушала! И онъ добился того что я стала слушать его все внимательнѣе. Онъ умѣлъ именно тогда являться, когда я была особенно въ раздраженномъ состояніи, когда я особенно не могла равнодушно глядѣть на мужа. Онъ являлся и лѣлъ все ту же лѣсію на разные лады, онъ видѣлъ и понималъ какъ я начинаю его слушать. Одного только онъ боялся—тебя... но ты самъ уѣхалъ! ты убѣжалъ и оставилъ меня ужь совсѣмъ въ рукахъ его... О, какъ все это невыносимо, какъ страшно вспоминать объ этомъ! Онъ какъ будто околдовалъ меня. Послѣ тебя онъ являлся все чаще и чаще: цѣлые дни проводилъ у насъ и все твердилъ, твердилъ одно и то же. И я сходила съ ума все больше и больше. Зачѣмъ, для чего я сказала ему что между мной и тобой все кончено—не знаю; только я сказала... Вотъ наконецъ онъ увѣрился въ томъ что если я соглашусь только, такъ буду совсѣмъ ужь въ рукахъ у него, и я согласилась... и мнѣ казалось что я согласилась..

Ея голосъ оборвался, и она замолчала. Не знаю откуда взялъ я силы, но только я взглянулъ на нее. Я никогда не

могъ себѣ представить ничего болѣе страшнаго какъ лицо ея въ эти минуты. И между тѣмъ, на этомъ ужасномъ, преступномъ лицѣ въ то же самое время мелькала знакомая жалкая дѣтская мица; и между тѣмъ, несмотря на весь мой ужасъ, на отвращеніе и ненависть, я чувствовалъ... съ невыносимымъ отчаяніемъ и позоромъ, я чувствовалъ что мнѣ ее жалко.

— Я согласилась... начался опять ея невыносимый шепотъ;— я видѣла что онъ поправляется, что онъ не умретъ этою зимою и ни за что меня отъ себя не отпуститъ. А я не могла больше выносить его, я не могла безъ отвращенія, безъ отчаянія и дикой злобы войти въ его комнату. Дьяволъ былъ тутъ же,—онъ все зналъ; я при немъ громко думала. Сначала онъ все продолжалъ увѣрять меня въ любви своей, объяснять все любовью. Онъ все говорилъ: „скажите одно слово—и черезъ нѣсколько дней вы свободны, и я пойду за вами куда хотите, я удовлетворю всѣмъ вашимъ желаніямъ, ваша воля будетъ закономъ!...“ Но я могла только хохотать на эти безумныя слова: онъ хотѣлъ освободить меня для того чтобы закабалить себя.. Наконецъ онъ увидѣлъ что этимъ ничего не возьметъ и вотъ тогда-то онъ высказался. Онъ снова повторилъ: „шепните только—и я возьму все на себя“. Но для того чтобы все взять на себя ему ужъ теперь не нужно было моей любви, ему не нужно было идти за мной, чтобы исполнять всѣ мои капризы; ему нужно было только половину состоянія мужа, и не знаю, онъ можетъ-быть думалъ что потомъ все равно заберетъ меня въ руки, залугаетъ, что я изъ страха буду связана съ нимъ на вѣки.... И я опять его слушала.... опять слушала еще внимательнѣе и наконецъ сказала это слово!... то-есть нѣтъ, я не сказала его, но онъ понялъ—это было все равно что я и сказала, и онъ сдѣлалъ.... Я все видѣла, все знала и молчала. Я знаю когда, въ какую минуту все это было; я ужаснулась, я хотѣла было все уничтожить, но взглянула на него—на старика.. Еслибы ты видѣлъ какое у него было тогда лицо, еслибы ты видѣлъ какъ онъ тогда смотрѣлъ на меня.... ничего не осталось во мнѣ кромѣ отвращенія.... и я не шевельнулась. И вотъ потомъ, потомъ цѣлыхъ два дня я была возлѣ него, я смотрѣла, я слышала какъ онъ стонетъ, я знала почему онъ стонетъ, я знала чѣмъ это кончится и я все молчала. И дьяволъ былъ тутъ же, и

дьявола все видѣлъ и все слышалъ.... Ахъ, какіе были эти два дня!

— И никто ничего не узналъ, никто не догадался? Вырвалось у меня, хоть я конечно не могъ объ этомъ думать теперь и не могъ этимъ интересоваться.

— Никто ничего не узналъ. Какъ было догадаться? Ты помнишь мнѣніе доктора, вѣдь онъ говорилъ что это можетъ случиться вдругъ, очень быстро. Тотъ все отлично устраивалъ, такъ что меня ничѣмъ не тревожили—хлопоталъ, вертѣлся, все такъ быстро обдѣлалъ. Когда все кончилось, онъ ужъ совсѣмъ не отходилъ отъ меня, не отпуская меня, сидѣвалъ за мной по пятамъ, говорилъ... о, что онъ такое говорилъ!.. И знаешь ли что была минута когда я подумала что такъ оно и будетъ, что я теперь съ нимъ связана, что мы теперь одно и пойдемъ вмѣстѣ. Но это была только минута. Я поняла наконецъ все, я поняла весь этотъ ужасъ, я поняла что такое сдѣлала, и вотъ тогда-то я тебя увидела. Ты явился мнѣ снова; я рѣшилась бѣжать къ тебѣ за смертью.... И вотъ, когда я сюда вѣхала, я все думала, думала, и мнѣ снова стало казаться что можетъ-быть и не смерть, что можетъ все забыться, что можетъ быть возможно и наше счастье, что легко мнѣ будетъ обмануть тебя, что я всю жизнь, каждымъ мгновеніемъ выкупаю все это. Я пріѣхала и стала тебя обманывать, но, ты знаешь, не обманула. Кончай же скорѣе! Вотъ я... тутъ.... я не шевельнусь! Что жь мнѣ дѣлать! Я въ твоей волѣ....

Она замолчала, она наклонилась ко мнѣ, подняла на меня глаза полные слезъ, скрестила на груди руки. Я смотрѣлъ, смотрѣлъ на нее—это была воплощенная Магдалина. Но, Боже мой, вѣдь это она призвалась, вѣдь это она говорила, это ужъ не сонъ! Развѣ это можетъ быть смыто и уничтожено? И я все глядѣлъ на нее, и вдругъ мнѣ начало казаться что-то новое... мой ужасъ, мое отвращеніе проходили.... Куда же она пойдетъ теперь? Если я ее оставляю, ей идти куда.... Я глядѣлъ на нее и теперь-то я ужъ не могъ обмануться, теперь-то я читалъ въ душѣ ея: вся душа выражалась у нея на лицѣ. Это лицо не могло лгать, эти глаза не могли лгать, и я видѣлъ какъ съ каждою секундой спадаетъ и исчезаетъ весь мракъ, весь ужасъ, остается только одна тоска, одно страданье, одно раскаяніе. Она пришла ко мнѣ за смертью! Но развѣ возможна теперь смерть? Теперь нужна

жизнь больше чѣмъ когда-либо, и теперь придетъ истинное возрожденіе.

— О, какое страшное нужно было испытаніе для того чтобы вырвать тебя изъ мрака! вдругъ зарыдала я, простирая къ ней руки.—Но все же ты вырвана! Не за смертью пришла ты ко мнѣ... живи! Будемъ жить для того чтобы жизнью своею искупить все это прошлое... все пройдетъ, все очистится, все простится,—живи!

Какъ будто лучъ яркаго свѣта зажегся мгновенно въ лицѣ ея, какъ будто чистая душа засвѣтилась въ немъ и она, живое воплощеніе словъ моихъ, съ громкимъ благодатнымъ рыданіемъ кинулась къ ногамъ моимъ. Я самъ склонился надъ нею, и мы оба рыдали; но скалы ужъ не давили насъ, а разступались предъ нами. Туманъ расходился, облака таяли, надъ свѣтами горныхъ вершинъ проглянуло солнце.

LVIII.

Я обѣщала ей искупленіе и новую жизнь, а страство повѣрилъ въ возможность этого. Нѣсколько часовъ продолжался мой порывъ, мое лихорадочное возбужденіе; но уже въ тотъ же вечеръ я почувствовалъ что тяжесть послѣдняго времени вовсе не спала съ меня, что мучительное призваніе Зины не спало ни ее, ни меня....

О, какіе страшные дни потянулись! Никогда еще во всю жизнь мою, въ самыя невыносимыя минуты, не бывало на душѣ у меня такого ужаса! Сначала мною овладѣло безпокойство. Мнѣ вдругъ начало казаться что я не одинъ съ Зиной, что между нами постоянно есть кто-то, или вѣрнѣе что-то чужое, лишнее и отвратительное. И это что-то постепенно стало окружать меня со всѣхъ сторонъ, давить. Мое безпокойство возрастало съ каждымъ часомъ. Ночью иногда мнѣ удавалось заснуть; но и во снѣ мелькала отвратительный призракъ. Наконецъ лавической страхъ охватилъ меня, я не смѣлъ оставаться одинъ, не смѣлъ оглянуться. Я жался къ Зинѣ, не покидалъ ее ни на минуту.

Но я не хотѣлъ и не могъ говорить ей о своемъ состояніи, я не долженъ былъ пугать ее,—вѣдь я обѣщала ей возрожденіе, она ждетъ его отъ меня!... Она мнѣ шепчетъ:

— Веди меня, теперь я всюду пойду за тобой... спаси

меня! Я не могу такъ жить... я задыхаюсь... я знаю что всею жизнью нужно смыть этотъ ужасъ... такъ скорѣе же, скорѣе говори мнѣ, что нужно дѣлать? Чѣмъ труднѣе, чѣмъ невозможнѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ я буду спокойнѣе...

Я не зналъ куда вести ее и что указать ей.

Я говорилъ ей о честной жизни, о добрѣ и пользѣ, и самъ понималъ что говорю совсѣмъ не то, и самъ не вѣрилъ въ слова свои. Я разказывалъ ей о грѣзахъ, о волшебныхъ снахъ моей юности, о томъ какою являлась она мнѣ тогда, о счастья которое она съ собою приносила. Но я видѣлъ что ничего не умѣю передать ей, что она меня не понимаетъ. Да и для меня самого эти старые сны теперь вдругъ потеряли свое прежнее значеніе, поблѣднѣли, расплылись. Я не могъ ужъ поймать ихъ главнаго смысла; онъ ускользалъ отъ меня....

Бывали минуты когда я бессильный и совсѣмъ измученный хотѣлъ бѣжать куда-то дальше, какъ можно дальше, на край свѣта; но сейчасъ же и соображалъ что тоска и страхъ, и отвратительный призракъ будутъ всегда и вездѣ стоять между мною и Зиной. А бѣжать безъ нея, бѣжать отъ нея я не могъ; я попрежнему, даже еще больше, еще безумнѣе любилъ ее. Только тогда, въ началѣ ея призванія, она представлялась мнѣ страшною и преступною. Потомъ же я ни на минуту не выкинулъ ее, не связывалъ съ нею ничего ужаснаго. Она была мнѣ жакка; и чѣмъ больше я чувствовалъ свое бессиліе помочь ей, тѣмъ дороже и дороже она мнѣ становилась.

Мы доживали послѣдніе дни въ Лозаннѣ. По настоянію Зины, я началъ ея портретъ, и въ этой работѣ кое-какъ убивалось время.

Пришло письмо отъ мама. Я всегда такъ радовался этимъ письмамъ; но теперь прочелъ машинально и сейчасъ же забылъ что такое она мнѣ пишетъ.

Зина почти каждый день получала дѣловыя письма, и мы всегда вмѣстѣ ихъ читали. Почтадьонъ обыкновенно приносилъ ихъ утромъ и отдавалъ ей прямо въ руки. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда я самъ видѣлъ какъ онъ принесъ и передалъ ей три письма... и вдругъ у нея ихъ оказалось только два.

— Право, у тебя въ рукахъ три письма было, сказалъ я;—

уже не получила ли ты письмо отъ Рамзаева... такъ покажи мнѣ!

— Вотъ все что я получила, спокойно отвѣтила мнѣ Зина, протягивая два письма.

Этотъ разговоръ такъ и кончился между нами. Не могъ же я въ самомъ дѣлѣ залодозреть что она что-нибудь отъ меня скрываетъ. Значитъ мнѣ просто показалось.

LIX.

Прошло еще три дня. Зина объявила мнѣ что съѣздить въ Женеву купить предъ дорогой необходимыя вещи. Я конечно предложилъ проводить ее, но она отказалась, очень спокойно доказавъ что мнѣ не мѣшаетъ остаться дома и по-работать надъ портретомъ, иначе онъ не будетъ готовъ къ нашему отъѣзду.

Я остался.

Она уѣхала рано утромъ. Проводивъ ее до парохода, я принялся за работу.

Прошелъ часъ; я усиленно работалъ, и вдругъ мнѣ стало какъ-то тяжело и неловко. Я старался успокоиться и уйти въ свою работу, но это мнѣ не удавалось. Напротивъ, тоска давила меня больше и больше. Я не зналъ что дѣлать съ собой. Я ни въ чемъ не могъ подозрѣвать Зину, а между тѣмъ мнѣ казалось что у меня безсознательно явились какія-то подозрѣнія; словомъ, я просто не зналъ что со мною, только видѣлъ что долженъ что-то сдѣлать.

Я одѣлся и отправился въ Женеву. Она мнѣ сказала что можетъ-быть залодзаетъ въ городѣ, что вернется послѣ обѣда, и что въ такомъ случаѣ будетъ обѣдать въ Hôtel Métropole. Прямо туда я и поѣхалъ, но ее не засталъ. Впрочемъ времени еще достаточно, обѣдаютъ черезъ часъ. Искать ее по магазинамъ невозможно, я вернусь сюда черезъ часъ: она навѣрное здѣсь будетъ.

Я пошелъ по набережной, вошелъ въ садъ и сталъ бродить тамъ попрежнему смущенный и волнующійся. Погода въ этотъ день стояла прекрасная, но все же въ саду было очень пусто. Я повернулъ за уголъ одной дорожки и остановился: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, на скамейкѣ,

сидѣли Зина съ какимъ-то человѣкомъ. Съ какимъ-то!... вѣтъ, я сразу его узналъ: это былъ Рамзаевъ.

Сначала я не повѣрилъ глазамъ своимъ, я не пошевелился, чувствовалъ только какъ внутри меня все холодѣетъ. Ни отчаянія, ни злобы, ничего не было: мнѣ кажется, я тогда ничего не чувствовалъ, ни о чемъ не думалъ. Я только машинально повернулъ назадъ и тихо, тихо сталъ отгибать дорожку. Какъ-то безсознательно сообразилъ я что можно такъ обойти и такъ къ нимъ приблизиться что они не будутъ меня видѣть, а я буду ихъ слышать: за скамейкой гдѣ они сидѣли были густые кусты, еще не совсѣмъ осыпавшіеся, а за этими кустами что-то въ родѣ бесѣдки. Тамъ есть тоже скамейка, и оттуда будетъ слышно все... Тихо, едва перевода дыханіе, забрался я въ бесѣдку, сѣлъ на скамью и сталъ слушать.

Я не обманулся. Вотъ... вотъ слышу я голосъ Зины, не могу только разслышать что говоритъ она. Но сейчасъ все буду слышать.. вотъ теперь говоритъ онъ. И даже при звукѣ этого отвратительнаго голоса я не вздрогнулъ, я осталася такимъ же спокойнымъ, я только внимательно, всѣмъ существомъ своимъ слушалъ.

— Да вѣдь вы себя обманываете, говорилъ онъ,—и я, право, удивляюсь вамъ: это какой-то новый калпризъ, но онъ пройдетъ также скоро какъ и все, и тогда увидите что будетъ еще хуже. Вѣдь я хорошо его знаю: ну развѣ онъ—этотъ фантазеръ, мечтатель,—развѣ можетъ онъ наполнить жизнь вашу? Развѣ то вамъ было нужно, и для того вы освободились?

— Прошу васъ, тихо перебила его Зина,—не говорить объ André; я сама знаю что дѣлаю, и не вамъ вмѣшиваться въ мою жизнь. Если я согласилась встрѣтиться съ вами и если я васъ слушаю, то это только по необходимости.

— Я ни во что не вмѣшиваюсь и кажется ничего дурнаго не говорю про него, олять раздался отвратительный, вкрадчивый голосъ,—но согласитесь что я имѣю право высказать вамъ свои мысли, тѣмъ болѣе что вы меня до такой степени удивили что я едва могу придти въ себя. Вамъ воляно сейчасъ же перестать слушать, встать и уйти отсюда, но я все-таки же вамъ повторю что эта новая ваша жизнь, какъ вы говорите, не будетъ продолжительна. Господи Боже мой, вы—и André! Вы не могли вывести неволи,

деспотизма старика, ну а деспотизмъ André послышьте! Черезъ мѣсяцъ какой-нибудь вы не будете знать сами куда дѣваться: онъ станетъ вамъ навязывать свои мысли, будетъ заставлять васъ восхищаться всѣмъ тѣмъ чѣмъ онъ самъ можетъ восхищаться; преклоняясь предъ вами и называя васъ богиней, сдѣлаетъ васъ рабою своею... Помню, вы говорили когда-то о его какой-то необычайной, неземной любви къ вамъ! Знаете ли, подъ отличными словами все скрыть можно... Какая такая неземная любовь—просто высшая степенъ эгоизма! Не для васъ, а для себя онъ васъ любитъ, и попробуйте, докажите мнѣ что я не правъ въ этомъ!.. это очень легко сдѣлать: вамъ стѣдуетъ только заявить ему о какомъ-нибудь собственномъ желаніи, о чемъ-нибудь такомъ что будетъ не по немъ, вамъ стѣдуетъ поглядить его противъ шерсти, ну тогда и увидите какъ онъ васъ любитъ! Тогда и конецъ всей этой неземной вашей жизни!

Рамзаевъ засмѣялся... а она молчала и слушала.

Тихо подвывая я со скамейки, вышелъ изъ сада и, не заходя въ Métropole, поѣхалъ домой.

LX.

Соображать и думать я долго не могъ, но наконецъ вышелъ изъ своего страннаго состоянія. Madame Brochet спросила меня, гдѣ я былъ; я сказалъ что я ходилъ въ горы.

Оставшись одинъ у себя, я все началъ приводить въ ясность. „Тогда она получила письмо, это письмо было отъ него, она спокойно притворилась, солгала, все отъ меня скрыла. Въ этомъ письмѣ, конечно, онъ извѣщалъ ее о своемъ пріѣздѣ: не случайно же они встрѣтились въ Женевѣ! Она, уговоривъ меня остаться дома, отправилась на свиданіе съ нимъ. Изъ того что я слышалъ, было ясно, какова была цѣль этого свиданія съ его стороны. Но съ ея стороны что же? Она его боится. Да, это возможно. Она сказала что слушаетъ его только по необходимости, но она его слушала, и зачѣмъ это она все отъ меня скрыла? Что въ этомъ заключается? Ужасное что-нибудь, смерть наша, или нѣтъ еще? Можетъ-быть что нѣтъ, и это нужно рѣшить непремѣнно! Она могла все скрыть отъ меня изъ простаго, понятнаго чувства любви ко мнѣ, она имѣла право не хотѣть влуты-

вать меня въ это дѣло. Можетъ-быть она боялась за нашу встрѣчу; да, конечно, она должна была бояться этой встрѣчи. Можетъ-быть она хорошо даже сдѣлала что все отъ меня скрыла. Я ничего не слышалъ дурнаго отъ нея сегодня въ саду, въ Женевѣ....“

Все-таки же ничего не рѣшается. Нужно выждать, вотъ она прійдетъ...

Она прійхала часа черезъ три послѣ меня. Она сейчасъ же вошла ко мнѣ, спросила что я дѣлалъ.

— Madame Brochet сказала мнѣ что ты гулялъ долго очень; гдѣ ты былъ?

— Я былъ въ горахъ. Вышелъ пройтись, да попалъ на прелестный пейзажъ и не могъ удержаться...

Я показалъ ей одинъ изъ моихъ эскизовъ, который она не видѣла еще и который теперь нарочно выложилъ.

Изъ ея словъ, изъ ея тона, изъ всего наконецъ, я хорошо понялъ что она не подозрѣваетъ о моей поѣздкѣ въ Женеву. Значить она не была въ Métropole, иначе тамъ бы ей сказали что я ее спрашивалъ. Теперь посмотримъ, что она будетъ говорить?

— А ты что такъ долго дѣлала въ Женевѣ? спросилъ я.

— А вотъ пойдемъ ко мнѣ, я покажу тебѣ всѣ мои покупки. Все кончилось довольно рано, хотѣла было вернуться, но опоздала къ пароходу....

— Гдѣ же ты обѣдала?

— Не въ Métropole, а въ Hôtel de la Balance. Это было мнѣ по дорогѣ и тамъ очень недурно готовить.

— Никого ты не видала въ Женевѣ?

— Кого же мнѣ видѣть? никого не видала.

Она уведла меня въ свою комнату и стала показывать покупки, потомъ сѣла на диванъ рядомъ со мною, положила мнѣ на плечо руку, какъ обыкновенно это дѣлала, и задумалась о чемъ-то.

— А знаешь ли, Зина, что я очень безъ тебя тревожился, сказалъ я.—Мнѣ вдругъ приснился на яву страшный сонъ: мнѣ вдругъ приснилось что ты отъ кого-то получила письмо, помнишь тогда, когда я у тебя спрашивалъ, и скрыла отъ меня это письмо, что ты можетъ-быть съ кѣмъ-нибудь видѣлась и скрываешь отъ меня это.

Это было уже такъ ясно и такъ грубо. Что она отвѣтитъ?

Она засмѣялась, засмѣялась откровеннымъ, громкимъ смѣхомъ.

— Какіе ты вздоры болтаешь! сквозь смѣхъ проговорила она;—вѣдь не хочешь же ты чтобы я тебя заподозрила въ ревности?

— Но ты знаешь что одна мысль о томъ что можетъ-быть когда-нибудь ты въ состояніи что-либо скрыть отъ меня можетъ меня измучить. Скажи мнѣ, можешь ли ты что-нибудь скрыть отъ меня?

Она тихо покачала головой.

— Теперь отъ тебя скрывать,—съ какой же стати?

Больше говорить спокойно я ужъ не могъ и повтому долженъ былъ остановиться. Она давно бы должна была мнѣ все разказать послѣ моихъ словъ; если же не разказала, если продолжаетъ такъ упорно и хладнокровно скрывать, значитъ рѣшилась скрыть во что бы то ни стало. Теперь весь вопросъ въ томъ, зачѣмъ ей такъ необходимо скрывать отъ меня: ради ли меня или тутъ что-нибудь ужасное?

Я пристально, внимательно смотрѣлъ на нее и мало-помалу начиналъ приходить къ убѣжденію что все это дѣлаетъ она для меня, что только повтому она можетъ такъ спокойно притворяться. Теперь было бы слишкомъ безумно заподозривать ее и не вѣрить ей. Теперь не вѣрить ей, что жъ бы тогда было? Подожду еще, можетъ-быть въ концѣ концовъ она мнѣ все сама разкажетъ, и я самъ какъ-нибудь окончательно рѣшу все это.

— На другое утро я и рѣшилъ окончательно: я успокоился на той мысли что Зина имѣла право скрывать отъ меня свою встрѣчу съ Рамзаевымъ. Теперь я буду знать, увидится ли она еще разъ съ нимъ: конечно не увидится; конечно, отдѣлавшись отъ него, то-есть заллативъ ему, она никогда его больше не увидитъ. А что на его дьявольскія слова она не можетъ поддаться, объ этомъ теперь мнѣ было бы смѣшно заботиться. Развѣ я не достаточно зналъ ее—новую, развѣ я могъ не вѣрить любви ея.

LXI.

Черезъ два дня мы должны были ѣхать и рѣшили что предъ отъѣздомъ непременно отправимся въ горы.... Этотъ день весь въ мельчайшихъ подробностяхъ сохранился у меня въ памяти. Можетъ-быть это былъ послѣдній ясный и теплый осенній день. Я какъ сейчасъ помню сидѣлъ предъ своимъ столомъ и дописывалъ письмо къ мамѣ. Я сидѣлъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ гдѣ пишу теперь, и Зина вошла тихонько и я замѣтилъ что она вошла только тогда когда она ужъ положила мнѣ на плечо свою руку. Я обернулся; она совсѣмъ была готова: вотъ предо мною ея фигура въ черномъ платьѣ, я вижу склоненное надо мною лицо ея, улавливъ и касающійся моей щеки локоть. Она пришла за мною; и мы отправились. По обыкновенію, оставили мы у знакомой таверны нашихъ осликовъ и пошли по извилистой, знакомой намъ тропинкѣ.

Мы остановились и долго молча смотрѣли вокругъ, въ послѣдній разъ любовались огромною панорамой, бывшею предъ нами.

— Вѣдь мы вернемся сюда, не правда ли? сказала мнѣ Зина.—Знаешь, все это мѣсто, всѣ эти горы, все это мнѣ теперь родное, какъ будто я родилась здѣсь и выросла; пусть же это будетъ *нашимъ мѣстомъ*.

— Да, конечно мы должны сюда возвращаться, отвѣтилъ я, и вдругъ мнѣ ужасно захотѣлось олять чтобъ она мнѣ все разказала про встрѣчу съ Рамзаевымъ, хоть я ужъ рѣшилъ что она имѣла право умалчивать и что она для меня это дѣлала. Наконецъ мнѣ самому захотѣлось сказать ей что я все знаю, но что-то меня удерживало.

Къ тому же и нельзя теперь было: она говорила о томъ какъ мы поѣдемъ въ деревню къ нашимъ и спрашивала меня, хорошо ли отнесется къ ней мама, сказала что этотъ вопросъ ее очень сталъ тревожить въ послѣднее время.

— Напрасно, отвѣтилъ я,—развѣ ты не знаешь мамѣ; вотъ ужъ объ этомъ-то нечего беспокоиться! Она сразу, взглянувъ на насъ, увидитъ что ты меня любишь... А вѣдь она увидитъ это? Да, Зина?...

— Зачѣмъ ты говоришь такъ? Зачѣмъ ты какъ будто спросилъ меня? перебила Зина.—Развѣ ты теперь еще можешь во мнѣ сомнѣваться?

— Нѣтъ, я не сомнѣваюсь, но скажи мнѣ правду, — думаешь ли ты что тебѣ всегда будетъ достаточно меня одного, что всѣ твои старые капризы никогда больше не вернутся?

Она съ изумленіемъ на меня взглянула.

— Я не понимаю, сказала она, — о чемъ ты меня спрашиваешь, не понимаю какъ могутъ придти тебѣ въ голову такіе вопросы!.. И это очень не хорошо что они тебѣ приходятъ. Или мы не оставили здѣсь всего стараго?... Я думала что оставили.

— Да, это глупо конечно, прости меня, я не знаю зачѣмъ сказалъ это!..

Я самъ ужаснулся своему вопросу.

— Конечно, мнѣ всегда будетъ довольно жизни съ тобою, вдругъ сказала Зина, — но ужь если мы говоримъ объ этомъ, скажи мнѣ: что бы ты сдѣлалъ есаибы вдругъ мнѣ пришла какая-нибудь фантазія, неужели ты возмутилась бы этимъ?

— Какая фантазія? растерянно спросилъ я.

— Такъ, какой-нибудь вздоръ, то что прежде тебя такъ возмущало...

— Такъ ты думаешь что фантазія можетъ придти?

— Почему звать! Фантазія можетъ придти, но она не можетъ помѣшать мнѣ любить тебя.

„Фантазія можетъ придти!“

Я съ ужасомъ взглянулъ на нее: она смотрѣла на меня и улыбалась, и улыбалась не такъ какъ все это время, улыбалась какъ-то странно.

— Зина, послушай, ты получила письмо отъ Рамзаева, ты отправилась въ Женеву для того чтобы съ нимъ видѣться. Ты съ нимъ видѣлась? отвѣчай мнѣ, правда ли это?

— Какой вздоръ, какой вздоръ! захохотала она.

— Зина, я самъ былъ въ Женевѣ, я самъ былъ въ саду, я слышалъ вашъ разговоръ.

Она вздрогнула, поблѣднѣла, что-то злое блеснуло въ глазахъ ея, ея губы сжались въ знакомую мнѣ усмѣшку.

— А, такъ ты подсматриваешь за мною! шепнула она: — ну такъ и подсматривай!

— Зина, сейчасъ же расскажи мнѣ все; зачѣмъ ты отъ меня скрывала, зачѣмъ все это было нужно? Сейчасъ же скажи!

Ты теперь видишь что это необходимо, что без этого все-му конец!..

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ меня къ самому краю обрыва и, смѣясь и все затѣ и затѣ смотря на меня, проговорила:

— Ты слишкомъ многого хочешь, André; ты меня хочешь сдѣлать своею рабой, а я на это не способна!

„Вѣдь это его слова, его слова!“ съ отвращеніемъ мелькнуло въ головѣ моей.

— Хорошо, теперь я тебѣ скажу все, продолжала она. — Конечно я могла бы избѣгнуть свиданія съ Рамзаевымъ, я могла бы ограничиться простою запиской; но меня что-то тянуло увидаться съ нимъ... для меня было что-то завлекательное и интересное въ этомъ свиданіи... именно теперь... теперь! понимаешь?.. И это свиданіе доставило мнѣ удовольствіе, и я рада была скрывать все отъ тебя... Да, мнѣ было пріятно все скрывать отъ тебя... Вотъ я тебѣ всю правду сказала!..

Она улыбалась, глаза ея дико блестящи, видимая дрожь пробѣжала по ней.

Я съ ужасомъ глядѣлъ на нее, я видѣлъ что предо мной опять прежнее страшное существо. Я повялъ и ужъ теперь въ послѣдній разъ и окончательно что она неизмѣнна.

Отчаяніе, злоба, безуміе охватили меня, я кинулся къ ней, крѣпко схватилъ ее за плечи...

Она стояла у самого обрыва. Она слабо вскрикнула; но не шевельнулась. Вдругъ я увидѣлъ въ лицѣ ея совсѣмъ испуганное и локорное выраженіе.

Я очнулся, я оттолкнулъ ее отъ обрыва, оставилъ и бросился бѣжать, слотыкаясь на каждомъ шагу, дрожа всѣмъ тѣломъ, будто цѣлый адъ гнался за мной.

LXII.

Я бродилъ по горамъ, въ полномъ почти забытьи, весь день и всю ночь. Вернуся домой только утромъ, не чувствуя ни усталости, ни голоду.

Старуха Brochet, попавшаяся мнѣ у крыльца, какъ-то боязливо взглянула на меня и тихо сказала: „Madame est déjà patrie“.

— Je le sais, спокойно отвѣтилъ я и прошелъ въ свои комнаты.

Да, я не смутился этимъ извѣстiemъ, я уже зналъ что ея не увижу, что она теперь въ Женеvъ, съ Рамзаевымъ, если онъ еще не уѣхалъ.

На столѣ меня дождалось письмо.

Вотъ что она мнѣ писала: „Прощай, André, и теперь ужъ навсегда. Вѣдь такъ должно было кончиться... Я всю жизнь была виновата предъ тобою; да! но теперь, совсѣмъ уходя отъ тебя, хочу сказать тебѣ что еслибы ты былъ другимъ человекомъ, то могло быть иначе. Послушай, я пришла къ тебѣ за рѣшенiemъ своей участи. Ты самъ увѣрилъ меня что возможна жизнь, ты обѣщалъ возродить меня. Я тебѣ повѣрила,—но что же ты со мной сдѣлалъ? что далъ мнѣ въ замѣнъ того мрака который въ душѣ моей? Я готова была на все,—на великіе труды и подвиги: можетъ-быть у меня и хватило бы на нихъ силы, еслибы я чувствовала крѣпкую, поддерживающую меня руку. Но ты даже не могъ указать мнѣ этихъ трудовъ и подвиговъ. Ты только мучился и дрожалъ отъ страху; развѣ я этого не видѣла! Да, ты всегда хотѣлъ спастись меня, а тебя самого спастись было нужно! Ну вотъ мы и не спасли другъ друга. Я сегодня надѣялась на послѣднее, я думала что ты хоть убьешь меня; столкнешь съ обрыва въ пропасть. Я говорю серьезно, я не стала бы бороться съ тобою, я ждала смерти... Но даже и это было тебѣ не по силамъ; ты оставилъ меня жить. И я буду жить, но ты ужъ не приходи возмущаться моею жизнью и спасать меня! Не приходи, потому что теперь мнѣ еще тебя жалко, а тогда я буду только смѣяться надъ тобою...“

LXIII.

Это было лѣтгода тому назадъ. Шестъ мѣсяцевъ я прожилъ скитаюсь по Европѣ, переѣзжая изъ города въ городъ. Я не въ силахъ выразить словами всю пытку этой жизни. Я уже ничего не ждалъ и ни на что не надѣялся. Я зналъ что мнѣ ужъ не подняться. Я не въ силахъ былъ даже вернуться въ Россію, къ матери. А она такъ звала меня, такъ умоляла. Я читалъ ея письма, залитыя слезами, отъ которыхъ такъ и дышало любовью и мученiemъ, читалъ и оставался равнодушнымъ. Наконецъ она должно-быть поняла что я совсѣмъ гибну, она рвалась ко мнѣ; но до весны ей

невозможно было вы́хать изъ деревни. Я об́щала вернуть-ся и перестала даже о ней думать; я ни о чемъ не думала...

Между т́мъ я была въ постояномъ движеніи, къ концу зимы пер́ехалъ въ Парижъ и всюду бродилъ съ утра до поздней ночи. Ежедневно пос́щала театры, вс́ публичныя м́ста, толкала въ толп́, по разнымъ caf́ и другимъ парижскимъ притонамъ.

Три нед́ли тому назадъ я забрела на одинъ изъ т́хъ ба-ловъ, гд́ собираются kokотки высшаго полета, прожигающая свою жизнь молодежь и праздные лутешественники.

Балъ былъ въ полномъ разгар́, газъ сл́лилъ глаза, просторныя залы сверкали своею мишурною роскошью. Подъ разнузданные звуки шансонетной музыкы гуд́ла лестрая толпа, мелькали безстыдно обнаженные женщины. Къ раздражающему, приторному залуху кр́лкихъ духовъ то тамъ, то зд́сь уже прим́шивалась винный залахъ. Всякія приличія забывались, никто не ст́снулся, цинизмъ и развратъ снимали маску...

— Tiens! elle n'est pas mal!..

— Elle a du chien, cette princesse russe!.. вдругъ разда-лось возгъ меня н́сколько голосовъ.

Я оглянулась и увид́ла высокую, стройную женщину. Она шла подъ руку съ какимъ-то красивымъ юношей. Предо мною мелькнули круглыя, б́лыя плечи, высокая грудь, едва скрываемаая короткимъ корсажемъ, голыя руки въ сверкаю-щихъ брилліантами браслетахъ. Она громко см́ялась и по-чти лежала на плеч́ своего кавалера.

Едва сдвигивая отчаянный крикъ, готовый вырваться изъ груди моей, я отшатнулась, я хот́лъ скрыться въ толп́. Но она шла прямо на меня, и вотъ ея черныя, неподвижныя глаза встр́тились съ моими. Она перестала см́яться.

— Здравствуй, Андриша! громко сказала она и, обезум́в-шій, прикованный къ м́сту, я почувствовалъ прикосновение руки ея.

— Вотъ гд́ встр́тились! ну, я рада тебя вид́ть!... C'est mon cousin, un brave garçon! обратилась она къ окружающимъ ее мужчинамъ.

Я молча гляд́лъ на нее, не могъ оторвать отъ нея взгля-да, не могъ пошевелинуться. Я вид́лъ неестественный блескъ ея глазъ, я слышалъ ея слышомъ громкій, какъ-то обрываю-щійся голосъ...

— Что ты такъ дико на меня смотришь?... эти господа

сегодня меня совсѣмъ напоила, такъ что даже все ужъ двоится предо мною... Я кучу, Андриша!... Приходи завтра ко мнѣ въ Grand Hôtel, сегодня не могу... сегодня, я съ нимъ....

Она совсѣмъ положила голову на плечо красиваго юноши и, страшно улыбувшись мнѣ, прошла мимо.

Я все стоялъ неподвижно. Изъ толпы на меня спокойно глядѣли зеленые глаза Рамзаева.

На другое утро я уѣхалъ сюда, въ Лозанну.

Я вспомнилъ и будто пережилъ снова всю мою жизнь. Я зналъ что это необходимо для того чтобы понять все что до сихъ поръ было для меня непонятнымъ, чтобы избавиться отъ всякихъ колебаній въ послѣднюю минуту.

И я все понималъ. Онѣ обѣ были правы—и мама, и Зина. Нельзя жить человѣку, когда у него нѣтъ никакой помощи и поддержки ни на землѣ, ни на небѣ. Нельзя спастись другихъ, когда самъ нуждаешься въ спасеніи. Еще недавно я считалъ себя мученикомъ, я упрекалъ судьбу въ несправедливости; теперь я самъ себѣ гадокъ...

Скорѣй, же!... минута пришла... все готово...

Мама!... она ждетъ меня... но что же мнѣ дѣлать? вѣдь не могу я къ ней вернуться! Можетъ-быть прежде, когда я ничего не понималъ, она бы меня еще удержала; но теперь не удержать... такъ зачѣмъ же я къ ней вернусь? чтобы на ея глазахъ покончить съ собою? Нѣтъ, объ этомъ нечего и думать... такъ легче...

О, какъ холодно, какъ отвратительно внутри меня! Ничего нѣту, никакого свѣта! Да вѣдь и вся жизнь была такою—одно безцѣльное метаніе. Неужели оно такъ и есть, неужели эта холодная пустота—дѣйствительность, а остальное, чѣмъ живутъ другіе люди,—только самообольщеніе, только грезы?... Но какія должно-быть могучія, живыя грезы! Хотъ бы теперь, предъ концомъ, на мигъ одинъ пришла такая греза!... но она не приходитъ...

Мама, прости меня! ты должна понять, должна видѣть что я не могу иначе... Молись своему Богу; Онъ и теперь спасетъ тебя.

Дверь на залорѣ, занавѣски на окнахъ слущены... Вотъ... мнѣ не страшенъ этотъ ледяной холодъ стали на вискѣ моемъ... рука не дрогнетъ...

ВСЕВОЛОДЪ СОЛОВЬЕВЪ.

ПО ГОРАМЪ И СТЕПЯМЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ ОТЪ МОСКВЫ ДО КУЛЬДЖИ

VIII. Отъ укрѣпленія Джулекъ до города Туркестана (209 $\frac{1}{2}$ верстъ).

Укрѣпленіе Джулекъ построено въ 1861 году при генералъ-губернаторѣ Безакѣ, для защиты отъ Кокандцевъ нашего города Перовска. Къ нему примѣнимо все то что и къ остальнымъ городамъ и фортамъ по Сыръ-Дарьѣ. Всѣ они имѣли прежде извѣстное военное значеніе, но потеряли его съ тѣхъ поръ какъ граница наша далеко отодвинулась на югъ. Теперь же они являются какимъ-то анахронизмомъ и влачатъ самое жалкое существованіе; промышленность въ нихъ не развивается; торговли нѣтъ и не будетъ; умственного или административнаго центра они не представляютъ. Исключеніе составляетъ одинъ Казалинскъ, которому несомнѣнно предстоитъ будущность, такъ какъ онъ расположенъ при устьѣ судоходной рѣки и по тракту большихъ торговыхъ каравановъ.

Пасху мы встрѣтили на станціи Джалакъ-Талъ или вѣрнѣе только подѣзжая къ станціи въ голой степи. Встрѣтили

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 11.

мы ее въ крайне непривлекательной обстановкѣ: дорога отъ вчерашняго дожда была грязна и толка до невозможности; мы тащились шагомъ, несмотря на то что было заложено пять лошадей; къ тому же дорога была проложена по какимъ-то густымъ зарослямъ изъ колючки и такъ узка что крайнія лошади ничего не везли и только мѣшали другимъ. Къ довершенію всего мы испытали грозу, первую и единственную во все время нашего путешествія. Въ послѣдніе дни были очень жарки; вчерашній дождь, тоже единственный, несколько не освѣжилъ атмосферу и только теперь накопившееся электричество нашло себѣ исходъ. Гроза была очень сильна, хотя и кратковременна; среди густыхъ тучъ и окружающей почти абсолютной темноты вдругъ ярко блеснулъ молнія, точно полнеба загорится сразу и заальетъ огненнымъ свѣтомъ всю долину; минуту спустя, какъ залпъ орудій артиллерійскаго парка, гряветъ страшный громовой ударъ; эхо подхватить звукъ и далеко несетъ его по Сыръ-Дарьинскимъ камышамъ.... затѣмъ все тихо, потомъ опять ударъ и.... ни одной капли дожда во все время. Наконецъ туча уползла къ горамъ, а мы допозаи до станціи.

На другой день (27 марта, первый день пасхи) къ станціонному смотрителю пришли Киргизы-тамыры (пріатели) изъ сосѣдняго аула, разчитывая по поводу праздника на даровое угощеніе. Случайно узнавъ отъ него что мы врачи, они зашацъ и къ намъ полѣвиться и скоро ихъ набралась порядочная куча. Медицины здѣсь, собственно говоря, не существуетъ и народное здоровье предоставляется природѣ. Туземныхъ докторовъ нѣтъ, кромѣ нѣкоторыхъ шарлатановъ умѣющихъ специально изгонять злаго духа; впрочемъ въ послѣднее время Киргизы научились вѣрить русскимъ докторамъ и охотно идутъ къ нимъ. Большинство больныхъ страдало различными хроническими болѣзнями органовъ пищеваренія, происходящими отъ употребленія жирной, тяжелой пищи и незрѣлыхъ плодовъ, а также кожными болѣзнями, такъ какъ Киргизы очень не чистоплотны, несмотря на то что производить омовенія по нѣскольку разъ въ день. При нашемъ скудномъ запасѣ лѣкарствъ мы дѣлали что могли, и бѣдный, дикій, оборванный и голодный народъ съ жаднымъ любопытствомъ сѣдилъ за нашими манипуляціями. Особенный эффектъ произвели содовые порошки, которые я приготовилъ для одного Киргиза.

— Ой, бой, Урусъ шайтанъ! съ какимъ-то суевѣрнымъ ужасомъ шелтали вокругъ насъ въ толгѣ;—вода холодная, а у него кипитъ...

Когда мы вышли со станціи, насъ встрѣтили опять знакомые виды: ровная, открытая мѣстность; иногда каменистый въ родѣ превосходнаго шоссе, иногда песчаный грунтъ; въ однихъ мѣстахъ земля была уже покрыта свѣжею зеленою травой, въ другихъ была точно обсыпана мукой или свѣжною пылью: то были солончаки. Лѣса яролали; саксаулъ исчезъ уже около Джулеки; заросли колючки тоже скрылись куда-то. Справа едва видѣлись убѣгающіе камыши Сыръ-Дарьи, они отдалялись все дальше и наконецъ вмѣстѣ съ рѣкой повернули на югъ и скрылись изъ глазъ. Слева грозною каменною стѣной стояли Кара-Тау. Предгорія были покрыты травой и ихъ зеленый цвѣтъ арко отдѣлялся отъ сѣдаго, сизаго фона горъ, по которымъ легкою дымкой стлалися туманы; выше лежали облака; въ трещинахъ и впадинахъ утесовъ бѣжали свѣжныя полосы и пятна. Лѣса на Кара-Тау мало, а въ некоторыхъ мѣстностяхъ и совсемъ нѣтъ. Вообще здѣшнія горы не похожи на европейскія; зачастую это безобразныя каменные глыбы, совершенно голыя, совершенно обнаженныя отъ всякой растительности. Горъ вообще много въ этомъ краѣ; вся юго-восточная и южная окраина его гориста. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, наши люверы цивилизаціи, малороссійскіе мужички, отыскивая новыя вольныя мѣста и спускаясь изъ Сибири къ югу, къ верховьямъ Иртыша, дошли наконецъ до Тянь-Шаня. (Китайское слово Тянь-Шань значитъ по-русски небесныя горы; по-киргизски они называются Мусъ-Тау, ледяныя горы.) Это нашъ главный хребетъ въ Средней Азии. Начавшись въ глубинѣ Китая, онъ идетъ сплошною, непрерывною стѣной, страшной высоты, 21.000 футовъ, въ русскія владѣнія и окружаетъ озеро Иссыкъ-Куль. Продолженіемъ Тянь-Шаня на западъ служитъ высокій хребетъ Александровскій (Киргизыиъ-Алатау), а отъ него къ СЗ идетъ Кара-Тау. Кара-Тау не достигаютъ свѣжной высоты, оттого и названы такъ туземцами (Кара-Тау, черныя горы). Вышина хребта 6.000 футовъ, а ширина до 50 верстъ. Онъ представляетъ массу остроконечныхъ сопокъ, поставленныхъ на высокомъ основаніи, съ рѣзкими контурами и крутыми, скалистыми,

обрывистыми скатами. Хребетъ начинается въ 120 верстахъ отъ Перовска у мыса Кара-Мурунъ.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ мы увидали далеко на горизонтѣ широкую, блестящую бѣлую полосу. Это былъ Ала-Тау, другой горный хребетъ, идущій съ юга. Мы ѣхали прямо на него и думали что скоро доѣдемъ, такъ какъ горы медленно выростали на нашихъ глазахъ, но до нихъ было слишкомъ двѣсти верстъ. За городомъ Чимкентомъ, Ала-Тау встрѣчаются съ Кара-Тау и тамъ намъ придется проѣзжать между ними. Киргизы каждой небольшой горной цѣли любятъ давать отдѣльныя названія, такъ что напримѣръ однихъ Ала-Тау здѣсь больше десятка. Большинство имевъ крайне неудобовыговариваемо, напримѣръ Кызыльташъ Яманъ-Тау; впрочемъ попадаются и такія названія какъ Кысы-Имчикъ (дѣвичья грудь); впрочемъ это мертвыя каменные груды, похожія на гигантскія кучи мусора и нисколько не соответствующія своему граціозному наименованію.

Съ Кара-Тау течетъ нѣсколько горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, большая часть которыхъ пересыхаетъ лѣтомъ, но весною нѣкоторыя изъ нихъ доставляютъ большія неудобства при переправѣ. Они текутъ быстро по открытой мѣстности; совершенно крутые, отвѣсные берега ихъ представляютъ какъ бы трещину на поверхности земли. Эти ручьи мѣняютъ свою глубину сообразно времени дня. Утромъ они мелки и легко проходимы въ бродъ, но начиная съ полудня, когда жаркое солнце сильнѣе пригрѣветъ сѣвныя вершины, вода въ нихъ быстро начинаетъ прибывать и къ вечеру ничтожный потокъ, шума и бурля, съ лѣвой летитъ по камнямъ, а о переправѣ нечего и думать; такъ продолжается до полуночи, а съ полуночи вода опять убываетъ до слѣдующаго полудня. Такіе ручьи обыкновенно переѣзжаютъ или верхомъ, или на арбѣ. Арба, это характеристическій экипажъ Востока и для здѣшняго края она очень удобна. Ея саженныя колеса безъ труда переходятъ мелкія канавы или арыки, гдѣ завязло бы или сломалось обыкновенное колесо европейскаго экипажа. Главное же ея достоинство что она не опрокидывается при переправѣ отъ напора воды, такъ какъ не имѣетъ кузова, и вся масса воды уходитъ въ промежутки между спицами ея колесъ.

Между Джулекомъ и Туркестаномъ намъ пришлось переѣхать одинъ такой ручей или оврагъ, Карачикъ. Добрались

мы до него лоздно, часовъ въ десять вечера; добрались и остановились. Было уже совсѣмъ темно; неясными очертаніями дожидаясь впереди насъ степь, а прямо подъ нами чернѣлъ обрывистый берегъ и съ шумомъ плескалась вода. Ямщикъ сталъ откладывать лошадей и привался звать кого-то:

— Арбакешъ, арбакешъ! звучно раздавался его голосъ въ мягкомъ ночномъ воздухѣ.

— Э-ге, довелось ему въ отвѣтъ откуда-то снизу.

Черезъ нѣсколько минутъ ярко замигалъ на черномъ фонѣ стели огонекъ фонаря и послышался стукъ лошадиныхъ копытъ. Явился арбакешъ, хозяинъ арбы. Въ арбу была запряжена громадная, вершковъ семи, вороная лошадь. Потомъ явились еще какихъ-то трое конныхъ Киргизовъ.

На платформу арбы поставили наши чемоданы и предлагали помѣститься и намъ. Но это было легче сказать чѣмъ сдѣлать. Арба сама по себѣ представляетъ экипажъ не совсѣмъ удобный или вѣрнѣе сказать совсѣмъ неудобный для Европейца; къ тому же она была вся загромождена нашими вещами. Но дѣлать было нечего; я какъ-то ухитрился взобраться на самую верхушку, Л. пріютился около меня и мы тронулись по крутому спуску прямо въ воду. Оврагъ былъ довольно глубокъ, такъ что отъ лошади виднѣлась только поднятая кверху морда да часть спины. Вода неслась страшно быстро, съ шумомъ ворочая по двѣ большіе камня; волны какъ сѣдые призраки мелькали предъ нами. Впрочемъ мы благополучно перѣехали оврагъ, который весь былъ около двадцати сажень ширины. За нами переправили впаивъ нашихъ лошадей, а потомъ верхомъ впаивъ же отъехали Киргизы и волокомъ на веревкахъ перетянули нашъ тарантасъ. Вода надила въ него до верху и мы недоумѣвали какъ ѣхать дальше.

— Ничего, выльется, утѣшилъ насъ ямщикъ.

Дѣйствительно, вода съ шумомъ выливалась вонъ и только на двѣ осталась собой какой-то жидкой грязью. Но мы тутъ проявили чисто восточное равнодушіе; поставили въ эту грязь свои вещи, сѣли сами и локатили дальше.

Отъ Карачика пошла прекрасная дорога, лошади тоже ползали хорошия и мы быстро подвигались впередъ. На другой день было уже такъ жарко что нельзя было дотронуться до твердой, глинистой почвы, до того она раскалилась. Чтобы избѣгнуть прикосновенія разогрѣтой земли туземцы здѣсь лѣтомъ ходятъ въ кааошахъ изъ лошадиной кожи.

За двѣ станціи до Туркестана намъ пришлось проходить развалинами Саурана. Сауранъ древній, разрушенный городъ, отъ котораго въ настоящее время сохранились только глиняные остовы домовъ. Дорога идетъ съ правой стороны Саурана, подъ самыми его стѣнами. Изъ-за этихъ стѣнъ видны съ сѣверной части города двѣ какія-то громадныя башни. Онѣ расположены другъ около друга и оканчиваются высокими минаретами изъ обожженного кирпича. Верхъ одного минарета сломанъ. Народная фантазія окружила эти башни различными легендами: по однимъ преданіямъ съ нихъ сбрасывали осужденныхъ на смерть преступниковъ; по другимъ же онѣ были выстроены Тимуромъ для его любимой внучки, чтобъ она могла любоваться съ нихъ видомъ громадной мечети Азрета, которая отсюда уже видна. Вообще глубокій мракъ неизвестности покрываетъ все прошлое этого мѣста.... Говорятъ что прежде Сауранъ былъ столицей какого-то независимаго владѣнія, но когда и кѣмъ разрушенъ онъ, неизвестно. Киргизы утверждаютъ что здѣсь стояла конница Тамерлана. Другіе относятъ его существованіе гораздо раньше, къ двѣнадцатому вѣку. Именно, когда около этого времени, подъ предводительствомъ страшнаго Темурджи, впрочемъ болѣе известнаго подъ именемъ Джевгизъ или Чингизъ-хана (крѣпкій, могущественный) двинулись полудикія тучи Монголовъ изъ своихъ пустынныхъ степей и наводнили цѣлѣю долины Трансоксаніи, то полагаютъ что первый въ длинномъ рядѣ городовъ разрушенныхъ ими былъ именно Сауранъ.

Въхать становилось веселѣй. И лошади и дорога были все лучше и лучше.

Степь была уже покрыта травой и общее впечатлѣніе портило только безпрестанно попадавшіеся сухіе кусты полыни. Это растеніе положительно преобладаетъ здѣсь; впрочемъ оно вполнѣ приличествуетъ унылому и печальному краю, потому что по преданію полынъ выросла на томъ мѣстѣ гдѣ въ первый и послѣдній разъ брызнули слезы ладшаго загега поверженнаго на землю.

Но вотъ и послѣдняя станція осталась позади и скоро предъ нами на горизонтѣ показались зеленѣющіе сады Туркестана.

IX. Отъ города Туркестана до города Чимкента (153 $\frac{3}{4}$ версты).

Туркестанъ—первый туземный городъ по дорогѣ въ Среднюю Азію. Прежде онъ принадлежалъ Коканскому ханству; но въ 1864 году взятъ нашими войсками. Какъ извѣстно, къ началу шестидесятыхъ годовъ мы далеко углубились уже внутрь Азіи; со стороны Россіи мы имѣли рядъ форпостовъ по Сыръ-Дарьѣ до Джулека включительно; со стороны Сибири мы дошли до Пишпека. Но между этими пунктами находилось свободное пространство сквозь которое легко прорывались кочевники и грабиди наши караваны и нашихъ подданныхъ Киргизовъ. Необходимо было чтобы наша граница не оканчивалась среди песковъ и охватывала бы со всѣхъ сторонъ кочевки Киргизовъ, иначе она всегда оставалась бы только фиктивною, какъ фиктивна и теперь часть нашей границы съ Хивой, около урочища Аристанъ-бель-Кудукъ. Съ этою цѣлью въ 1864 году двинуто было одновременно два отряда изъ разныхъ мѣстъ; рѣшено было соединить оба конца линіи, что и было исполнено въ томъ же году: Сибирскій отрядъ взялъ Аулиъ-Ата, а Оренбургскій—подъ командой Вревкина, 12 іюля 1864 года Туркестанъ. Здѣсь для дальнѣйшихъ дѣйствій оба отряда соединились подъ начальствомъ командира Сибирскаго отряда Чернаева, который 22 сентября того же года взялъ Чимкентъ, а въ іюнь 1865 года и Ташкентъ. Этимъ на время предполагалось закончить наше движеніе по Средней Азіи, но какъ извѣстно обстоятельства и въ послѣдствіи неоднократно заставляли насъ братьяся за оружіе.

Въ Туркестанъ мы прибыли въ понедѣльникъ на Пасхѣ, и комендантъ, узнавъ что есть проезжающіе, звалъ насъ къ себѣ, но мы къ сожалѣнію должны были отказать отъ радужнаго приглашенія, такъ какъ наши мундиры были далеко убиты, а дорожный костюмъ былъ рѣшительно ни на что не похожъ; время и продолжительное лутешество наложили на него свою печать и онъ скорѣе поражалъ своею оригинальностью и разноцвѣтнымъ видомъ чѣмъ изяществомъ. За то въ тѣ два часа которые мы пробыли въ Туркестанѣ мнѣ удалось осмотрѣть городъ.

Восточные города всё похожи другъ на друга и достаточно видѣть одинъ изъ нихъ чтобы получить обо всѣхъ самое ясное понятіе. Бѣдность и грязь, нищета, отсутствие всякихъ удобствъ и почти первобытная простота—необходимыя атрибуты ихъ. Время въ своемъ полетѣ не коснулось ихъ своимъ крыломъ и телерешніе обитатели живутъ такъ же какъ нѣкогда жили ихъ предки во времена Тимура и Чингизъ-хана. Только въ послѣднее время жители, глядя на Русскихъ, стали вводить нѣкоторыя улучшения. Вообще результаты нашего движенія по Средней Азіи нельзя не назвать благотвительными. Кромѣ цивилизующаго вліянія, которое мы несомнѣнно несемъ съ собою на Востокъ, какъ народъ болѣе развитой, наша громадная заслуга по отношенію къ этому краю заключается въ томъ что мы обезопасили здѣсь жизнь каждому подданному, чтъ прежде при независимыхъ, разбойничьихъ государствахъ было невысказано, и восторыхъ, уменьшили болѣе чѣмъ вдвое несоразмѣрную массу податей и налоговъ лежавшихъ на народѣ.

Прежде, кромѣ безчисленныхъ спеціальныхъ поборовъ, которые высасывали всё соки изъ народа и окончателно деморализовали массы по совершенному произволу съ которыми собирались, здѣшній народъ платилъ слѣдующіе главные налоги: вопервыхъ, поземельный (*херадзъ*) натурою отъ $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{8}$ урожая; если же натурою съ нѣкоторыхъ продуктовъ, на примѣръ, съ плодовъ взять было нельзя, то платили деньгами (*тананъ*). Съ товаровъ бралась $\frac{1}{4}$ часть (*зикетъ*), такъ какъ по Корану каждый мусульманинъ долженъ былъ отдавать $\frac{1}{40}$ часть своего имущества на богоугодныя дѣла. Съ кочевниковъ, съ которыхъ нечего было взять ни натурою, ни деньгами, ни товаромъ, брали сороковую голову скота. Съ кафировъ (неверныхъ) брали по шаріату двойной зякетъ ($\frac{1}{20}$), чтъ впрочемъ не мѣшало брать и тройной и четверной и десятерной, какъ случится. Теперь всё эти налоги уменьшены.

Городъ по мусульманскому закону отличается отъ киблака или кента (деревни) тѣмъ что онъ долженъ быть обнесенъ одною общою стѣною и имѣть по крайней мѣрѣ одну такую мечеть гдѣ бы могло помѣститься все населеніе. Въ этой мечети и совершается великое моленіе (*намазъ-джума*) по пятницамъ. Кромѣ того городъ долженъ имѣть *аркъ* (цитадель).

Въ Туркестанѣ находится знаменитая мечеть Азрета, по имени которой самый городъ часто называется Азретъ-Султанъ. Она существуетъ 500 лѣтъ и построена Тимуромъ въ честь святаго Хаджи-Ахметъ-Азретъ-Яссави. Послѣ Вага-Эддина это второй національный святой Туркестана и могила его, находящаяся тутъ же, очень уважается Киргизами. По своимъ размѣрамъ мечеть Азрета принадлежитъ къ тѣмъ семи постройкамъ Тимура которыя здѣшними лѣтописями считаются чуть ли не семью чудесами свѣта и къ числу коихъ относятся напримѣръ цитадель города Шарсабиза и мечети города Мешеда (въ Персіи). Слѣды нашихъ ядеръ видны на куполѣ мечети. Это обстоятельство и было причиною того что мы такъ легко взяли Туркестанъ, рѣшившійся на упорную защиту. Когда изъ стратегическихъ соображеній рѣшено было бомбардировать мечеть и сдѣлано было по ней 12 выстрѣловъ, то испуганные имамы сами отворили ворота и сдали городъ.

Городъ весь изъ глины: и стѣны, и цитадель, и мечети, и дома, все глиняное. Стѣны крѣпости такъ толсты что на нихъ вѣскольکو всадниковъ свободно могутъ развѣхаться. Отъ главныхъ воротъ стѣны идетъ большая, широкая улица къ центру города, гдѣ находится торговая площадь; и площадь и улица густо усажены множествомъ лавочекъ, въ которыхъ продается всякая дрянь. Въ этихъ лавочкахъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ сидятъ купцы и торгуютъ такъ какъ имъ Богъ на душу положитъ, какъ навѣрное торговало человечество когда только что вышло изъ пещеръ и начало жить общественной жизнью. Они не ведутъ рѣшительно никакихъ книгъ, одно покупаютъ, другое продаютъ и въ концѣ концовъ сами не знаютъ въ барышѣ они или въ убыткѣ.

Пожаровъ здѣсь не боятся и ихъ вовсе не бываетъ, такъ какъ рѣшительно нечему горѣть. Всѣ дома дѣланы изъ глины. Здѣсь не знаютъ ни отвѣса, ни ватерпаса, не соблюдаютъ ни правилъ архитектуры, ни законовъ механики. Всякій самъ себѣ архитекторъ и строитъ домъ какъ захочетъ. Дома непрочны, кривы и неуклюжи и часто разваливаются отъ собственной тяжести. Но хозяинъ-архитекторъ не унываетъ. Онъ тутъ же рядомъ роетъ яму, достаетъ оттуда глину и строитъ новый домъ, который чрезъ недѣлю и послѣдуетъ.

Помѣщеніе состоитъ изъ вѣсколькихъ строеній, образующихъ какъ бы большой квадратъ, такъ что въ срединѣ

получается нѣчто въ родѣ внутренняго двора. Дома обращены на улицу заднимъ фасомъ, и туда выходитъ только глухая стѣна, да узкій ходъ въ родѣ двери; окна же выходятъ на внутренній дворъ и заклеиваются бумагой вмѣсто стеколъ. Крыши плоски и состоятъ изъ ряда жердей, на которыя кладется трава или камышь, а затѣмъ земля и глина. На нихъ лежатъ собаки, живутъ куры и сохраняется сѣно и какіе-нибудь хозяйственные запасы. Помѣщеніе раздѣляется на мужское и женское; въ послѣднемъ живутъ жены и женская прислуга. По *Корану* каждый мусульманинъ можетъ имѣть нѣсколько женъ, но здѣсь это роскошь, доступная только богатымъ. У Киргизовъ какъ и у всѣхъ народовъ Востока не невѣсты приносятъ приданое, а напротивъ женихи даютъ калымъ. Въ опредѣленіи количества калыма большое значеніе играетъ число 9. Обыкновенно даютъ 9 верблюдовъ, 9 лошадей, 9 коровъ и 9 барановъ, но иногда даютъ 2×9 то-есть по 18 верблюдовъ, лошадей, коровъ и т. д., или даже 3×9 , смотря по состоянію жениха и по требованіямъ какія предъявляются родителями невѣсты. Условившись на счетъ калыма свадьбу обыкновенно откладываютъ на годъ или даже на нѣсколько лѣтъ, и во все это время жениху позволено тайно посѣщать свою невѣсту и приходить по ночамъ къ ней въ кибитку, причемъ родители дѣлаютъ видъ что ничего не замѣчаютъ. За то и брату невѣсты предоставляется завидная привилегія, во все это время безнаказанно воровать у своего будущаго beau-frère все что ни заблагоразсудится, причемъ его впрочемъ бьютъ если поймутъ на мѣстѣ преступленія. Повѣстно что побои ничего не значатъ въ странѣ, гдѣ прежде господствовали самые строгіе законы и гдѣ за ничтожное воровство отрубалась рука.

Туркестанъ весь окруженъ садами, и въ степи, гдѣ каждое дерево рѣдкость, это придаетъ ему чрезвычайно красивый и привлекательный видъ.

За Туркестаномъ опять пошла открытая мѣстность, совершенно ровная, несмотря на близость горъ. Воздухъ днемъ удивительно чистъ и прозраченъ; дорога часто идетъ по каменистому грунту и далеко видно какъ она идетъ свѣтлою лентой, убѣгая въ зеленѣющую даль. Здѣсь въ степи за Туркестаномъ мы встрѣтили первые цвѣты и чрезвычайно обрадовались этимъ вѣстникамъ весны. Чаще всего попадались какія-то растенія съ большими, одиночными кра-

свыми и желтыми цвѣтами, должно-быть изъ рода *Galautia*, но совсѣмъ не похожя на нашъ *Galautus nivalis*. Кроме того встрѣчались различныя виды *Iris*, *Allium* и *Crocus*. Что же касается фауны, то мы видѣли множество черепахъ на всемъ протяженіи между Туркестаномъ и Чимкентомъ. Это были такъ-называемыя земляныя черепахи (*Testudo*); онѣ величиною отъ чайнаго блюда до тарелки. Щиты ихъ такъ крѣпки что нѣсколько разъ мы пересѣзжали ихъ колесами экипажа и онѣ оставались цѣлы. Послѣ, уже въ Кульджѣ, я отлодировалъ одинъ щитъ, причемъ оказался очень красивый рисунокъ; здѣсь же, гдѣ ихъ цѣлыя тысячи, изъ нихъ кажется ничего не выдѣлываютъ.

По обѣ стороны дороги разстилась степь, причемъ вѣво она постепенно переходила въ предгорія Кара-Тау. Кара-Тау въ этомъ мѣстѣ начинаютъ мало-по-малу понижаться и за Чимкентомъ тавутся уже невысокими отрогами. Все же они еще довольно высоки и, освѣщенные солнцемъ, казались очень эффектно въ эту минуту съ ихъ темнокрасными или фіолетовыми каменными градами на вершинѣ. Они здѣсь кажется совершенно необитаемы и только медвѣди и дикія козы находятъ въ нихъ убѣжище.

Съ другой стороны прямо предъ нами медленно выростали Ала-Тау. Снѣгъ покрывалъ еще большую часть ихъ и на солнцѣ ярко блестяли серебромъ ихъ причудливо вырѣзанныя верхушки. Они гораздо выше чѣмъ Кара-Тау и Киргизы называютъ ихъ Ала-Тау (Ала-Тау, лестрыя горы) потому что и лѣтомъ не всегда ставается съ нихъ снѣгъ, образуя бѣлыя пятна на сѣромъ фонѣ. Они поднимаются съ юга подъ прямымъ угломъ къ Кара-Тау, и за Чимкентомъ, тамъ гдѣ Кара-Тау оканчиваются, они отходятъ въ сторону, на востокъ, постепенно втягиваясь въ общую горную систему Тянь-Шаня.

Первая станція отъ Туркестана—Иканъ, громадное туземное селеніе. Иканъ пользовался большимъ значеніемъ до прихода сюда Русскихъ въ 1864 году. Иканцы встрѣтили ихъ радушно и вообще относились къ намъ очень сочувственно, за чтѣ на первыхъ же порахъ жестоко и полатились. Дѣло въ томъ что обезкураженные быстрымъ взятіемъ у нихъ городовъ Туркестана, Аулиѣ-ата и Чимкента, Кокъанды наконецъ рѣшились отомстить и въ декабрь 1864 года нестройныя скопища ихъ, какъ говорятъ до 20.000 человекъ, начали около Икана на находившуюся здѣсь сотню есаула Стрѣва.

Съровъ три дня (4го, 5го и 6го декабря) геройски отбивался и наконецъ ему все-таки удалось прорвать живое кольцо, охватившее его, и ускакать съ оставшимися 52 казаками, изъ которыхъ 40 было уже ранено. Раздосадованный неудачею Алимкулъ, предводитель коканскихъ войскъ, напалъ на Иканъ и разграбилъ его, а жителей за ихъ преданность Русскимъ угналъ въ Ташкентъ (тогда еще не нашъ). Я не успѣлъ разсмотрѣть Икана, потому что здѣсь у ямщиковъ есть привычка мчаться по городамъ во весь духъ. Изъ Туркестана намъ дали хорошихъ лошадей и мы въ карьеръ неслись по Икану, чуть не раздавивъ и навѣрное перелугавъ на смерть двухъ верблюдовъ, которые спокойно шли съ тюками хлопчатой бумаги по главной улицѣ села. Я замѣтилъ только что улицы были кривы, а дома скучены до невозможности, такъ что въ цѣломъ представлялся какой-то лабиринтъ. Только встрѣчающіяся тамъ-и-сямъ кулы деревьевъ разнообразятъ Иканъ. Особенно хороши были какія-то отдѣльныя дачи въ родѣ нашихъ хуторовъ. Впрочемъ самихъ строеній мы не видали, а видѣли только громадныя четырехугольныя глиняныя стѣны, въ двѣ сажени вышины, изъ-за которыхъ высидлись густо насаженные рядами стволы пирамидальныхъ тополей; что же было въ глубинѣ двора—неизвѣстно.

На другой день мы поѣхали по водѣ. Дождь, который четыре дня тому назадъ мочилъ насъ предъ Джулекомъ, выпалъ здѣсь въ горахъ въ видѣ снѣга, въ большомъ количествѣ. Потомъ настала жара и снѣгъ такъ скоро сталъ таять что вода совершенно затопила мѣстность. Она покрывала степь отъ четверти до полуаршина глубиной и мы цѣлыя версты ѣхали по какому-то мутному, грязному морю. Иногда по желтой поверхности этого моря быстро видѣлись болѣе свѣтлыя, синія струйки. Это были арыки, пересѣкавшіе степь въ разныхъ направленіяхъ, и попасть въ нихъ нечаянно, значило засѣсть надолго. Встрѣчая эти арыки, ямщикъ обыкновенно отпрягалъ одну пристяжную, садился верхомъ, и вооружась длинною палкой, которая съ этою цѣлью нарочно была имъ взята со станціи, отправлялся въ арыкъ, щупая палкой глубину. Если арыкъ былъ не глубокъ, то мы брали вожжи и отправлялись по его снѣдамъ; если же глубина была значительна, то сворачивали въ сторону вправо или влево до тѣхъ поръ пока арыкъ не былъ мельче или тоже не отходилъ въ

сторону. Такъ ѣхали мы вереть двадцать, ѣхали конечно шагоми, потому что при каждой попыткѣ лошадей бѣжать скорѣе, насъ съ головы до ногъ обдавало водяными брызгами. Это очевидно было самое низкое мѣсто степи, гдѣ вода и скопилась.

За двѣ стациі до Чимкента намъ опять пришлось переѣзжать на арбѣ другую горную рѣчку Арысь. Но Арысь гораздо больше Карачика и состоитъ изъ нѣсколькихъ истоковъ, которые берутъ начало и изъ Кара-Тау, и изъ Ала-Тау. Переправа черезъ него и лѣтомъ, когда воды мало, затруднительна, а весной она часто и совсѣмъ невозможна. Въ виду этого давно рѣшено устроить чрезъ Арысь мостъ, но къ сожалѣнію работа подвигается туго и когда будетъ кончена—неизвѣстно. Эта переправа впрочемъ не произвела на насъ такого впечатлѣнія какъ первая, такъ какъ дѣло было днемъ и мы успѣли уже освоиться съ обстановкой. За то она была гораздо опаснѣе и насъ чуть-чуть не увесло теченіемъ.

Къ ночи мы прибыли въ Чимкентъ, близко, близко надъ которымъ, темною громадой высились Ала-Тау, закутанные туманомъ и облаками....

Х. Отъ города Чимкента до города Аулиэ-ата (181¼ верста).

Чимкентъ—небольшой туземный городъ, взятый нашими соединенными войсками 22 сентября 1864 года. Онъ расположенъ на ручьяхъ Бадамъ и Кучкаръ-ата, кругомъ горы, на вершинѣ которой находится цитадель. Главную красоту города составляютъ многочисленные сады, отъ которыхъ и самъ онъ получилъ свое названіе (Чимъ-кентъ, зеленый городъ). Они расположены по склонамъ горы и устроены слѣдующимъ образомъ: прежде всего мѣсто для сада обносится высокою глиняною стѣной, вдоль которой посажены разныя нефруктовыя деревья: тальникъ, тополь, а гдѣ есть, то карагачъ, для того чтобъ они защищали фруктовыя деревья отъ холодныхъ вѣтровъ. Въ срединѣ сада находится большой прудъ, отъ котораго въ разныя стороны идутъ арыки; по обѣимъ сторонамъ этихъ арыковъ посажены рядами фруктовыя деревья: яблоны, груши, сливы, персики, гранаты, абрикосы, виноградъ, тутовое дерево и др. Несмотря на то что посаъ масса плоды

составляютъ главную лицу Киргиза, садоводство находится здѣсь почти въ первобытномъ состояніи; туземцы не умѣютъ культивировать фруктовыхъ деревья и поэтому большинство плодовъ водянисты, а клетчатая основа ихъ очень тверда, деревяниста. Прививки здѣсь совсѣмъ не знаютъ и посадка производится слѣдующимъ нехитрымъ способомъ: отрѣзываютъ вѣточку отъ дерева и втыкаютъ въ землю, мимо нея проводится арыкъ, вотъ и все; остальное предоставляется прекрасному климату и природѣ.

Въ Чимкентѣ находится телеграфная станція, такъ какъ чрезъ него проведена проволока изъ Сибири въ Ташкентъ. Дорога здѣсь въ Чимкентѣ раздѣляется: одна идетъ на югъ, въ Ташкентъ, Ходжентъ, Самаркандъ и города Кокана, а другая поднимается сначала на сѣверо-востокъ до Аулиэ-ата, затѣмъ идетъ прямо на востокъ къ Вѣрному, а оттуда въ Кульджу и по городамъ южной Сибири. По этой второй дорогѣ мы и отправились.

Дорога отъ Чимкента чрезвычайно привлекательна. Мѣстность становится неровною и холмистою и чѣмъ дальше тѣмъ больше. Справа и слѣва разстилаются громадные, низкіе, но длинные и пологіе холмы, покрытые прекраснѣйшею густою травой и цвѣтами. Точно ѣдешь слошь по какому-то бархатному ковру. Между холмами течетъ съ горъ множество ручьевъ и рѣчекъ и по этимъ рѣчкамъ въ разныхъ мѣстахъ расположены туземныя селенія (кенты) слошь обсаженныя деревьями. Кромѣ того, особенное впечатлѣніе производила чрезвычайно быстрая ѣзда. Какъ прежде намъ давали такихъ лошадей которыя не везли совсѣмъ или везли шагомъ, такъ теперь лошади были все лучше, но только какія-то бѣшенныя. Здѣсь при каждой станціи находятся табуны которыя круглый годъ пасутся въ степи. Обиліе корма, постоянное пребываніе на волѣ и сравнительно рѣдкая ѣзда сдѣлали то что эти лошади почти совсѣмъ одичали. Обыкновенно когда мы пріѣзжали на станцію, посылаема верховой или нѣсколько верховыхъ въ табунъ. Тамъ они ловили арканомъ трехъ первыхъ попавшихся лошадей и пригоняли. Процедура закладыванія лошадей крайне интересна и въ ней обыкновенно принимаютъ участіе всѣ обитатели станціи и всѣ ямщики-Киргизы. Коренную осторожно подводятъ къ тарантасу и для того чтобъ она не лугалась ей закутываютъ голову и глаза овчиной. Но ничто не помо-

гасть; какъ только она почувствуетъ на себѣ сбрую, такъ тотчасъ начинаетъ бить передомъ и задомъ и визжитъ какъ свинья. Киргизы держатъ ее за хвостъ, за уши, за гриву, за что только можно ухватиться. Наконецъ кое-какъ она заложена; прививаются за пристяжныхъ. Телерь по крайней мѣрѣ для всѣхъ лошадей заведены сбруи, а прежде пристяжныхъ не закладывали, а просто привязывали къ экипажу веревками за хвостъ. Ихъ также держатъ нѣсколько человекъ и только надѣвуть хомутъ и вожжи, а постромки не закладываютъ и идутъ за проезжающими. Староста Татаринъ приходитъ и говоритъ: садись! Послѣ, гаученные горькимъ опытомъ, мы не поддавались на эту удочку, а говорили: „ладно, братъ, садись-ко самъ сначала“, и когда онъ предварительно дѣлалъ большой кругъ и мы видѣли что лошади его не разбили, тогда только рѣшались ѣхать. Но сначала мы, не подозревая ничего, прямо садимся. Моментально закладывались постромки, отдергивалась овчина, отскакивали въ разные стороны ямчики, и вся тройка, поднявшись нѣсколько разъ на дыбы, въ полныи карьеръ лускалась по степи, не разбирая ни дорогъ, ничего рѣшительно. Въ этой бѣшеной скачкѣ нечего было и думать править лошадьми, а всѣ, и ямчики, и проезжающіе, старались только сидѣть покрѣпче и держаться за что-нибудь чтобы не вылетѣть вонъ. Такъ продолжалось 4—5 верстъ, потомъ лошади шли немного тише и ими становилось возможно управлять; но все-таки мы ѣхали чрезвычайно быстро, такъ что рѣдко дѣлали меньше 18—14 верстъ въ часъ. Трясетъ не очень сильно, такъ какъ нѣтъ ни рытвинъ, ни ухабовъ, ни камней и дорога гладка какъ доска, но не надо забывать что ѣдешь все-таки по горамъ. Сначала меня неволью разбираетъ страхъ, когда вся тройка бѣшено летѣла съ холма внизъ, часто по крутому откосу косогора и потомъ такъ же быстро, почти по инерціи, взбиралась на противоположный холмъ. По счастливой случайности во все время мы ни разу не вылетѣли вонъ, а только два раза ломался экипажъ, да нѣсколько разъ случалось такъ что пристяжныя оборвутъ все, и постромки, и гужи, и вожжи, и убѣгутъ назадъ въ табунъ, а мы катимъ дальше на одной коренной. Но привычка взяла свое и намъ потомъ очень нравилась эта быстрая ѣзда, когда съ обѣихъ сторонъ овраги и ущелья, а ѣдешь такъ что духъ захватываетъ.

Кстати о лошадяхъ: подъѣзжая къ станціи Машатъ, мы по случаю *батыи* (скачекъ) имѣли возможность полюбоваться различными образчиками туземныхъ лошадей. Для Киргиза, который всю жизнь проводитъ на лошади, нѣтъ выше удовольствія какъ *байга*. Скачка устраивается здѣсь при каждомъ торжественномъ случаѣ, на свадьбѣ, при рожденіи перваго сына, при поминкахъ, на сороковой день послѣ смерти. Оловѣщается обыкновенно нѣсколько ауловъ; всѣ родные и знакомые, множество участвующихъ въ скачкахъ и цѣлыя толпы зрителей съ раннаго утра стекаются къ назначенному мѣсту. Распространенная здѣсь порода лошадей—киргизская. Это маленькія, низенькія лошади, въ родѣ казачьихъ, съ лохматою головою и толстыми, неуклюжими ногами. Но онѣ чрезвычайно выносливы и, какъ говорятъ, могутъ сдѣлать до ста верстъ безъ корма и питья. Богатые имѣютъ другую породу лошадей, такъ-называемыхъ карабауровъ. Но самыя лучшія лошади Средней Азіи—это безспорно аргамаки. На нихъ ѣздятъ Туркмены, дикое разбойничье племя, кочующее къ югу отъ Каспійскаго и Аральскаго морей. Хорошій аргамакъ долженъ имѣть только два аллюра: шагъ для похода и путешествія и карьеръ для набѣга. Туркмены очень высоко цѣнятъ аргамаковъ и чрезвычайно неохотно продаютъ ихъ за предѣлы своей территоріи, такъ что этихъ лошадей трудно встрѣтить въ другихъ мѣстахъ. По словамъ Зиновьева, аргамаки всѣ большаго роста; у него прекрасная спина, хребетъ и крутъ прямые какъ стрѣла, высоко поставленный хвостъ, высокая, длинная и тонкая шея, довольно большая голова, узкая грудь, тонкія ноги и длинныя бабки. Кромѣ того почти всѣ они несравненно яркой, золотисто-желтой масти. Туркмены сидятъ на сѣдлѣ подавъ назадъ лѣвое плечо; во время набѣга, на своихъ быстрыхъ коняхъ они носатся какъ вѣтеръ въ пустынѣ и не нашимъ казакамъ догнать ихъ.

Къ сожалѣнію байга еще не начиналась, когда мы проѣзжали мимо, не всѣ были въ сборѣ, хотя толпы конныхъ Киргизовъ безпрестанно подъѣзжали къ мазаркѣ, сборному пункту, большой могилѣ, причудливой, странной архитектуры, съ массивнымъ кулоломъ и узенькими башенками на четырехъ углахъ. Отъ нечего дѣлаютъ Киргизы гарцовали кругомъ могилы, пробуя своихъ коней. На байгѣ, кромѣ скачекъ, бываютъ различныя конныя игры, напримѣръ ловятъ барана или упраж-

входятся въ джигитовкѣ. У Киргизовъ чрезвычайно некрасивая посадка: они сидятъ скорбившись, на высокихъ стременинахъ, но тѣмъ не менѣе они дикіе наездники и въ этомъ отношеніи уступаютъ однимъ развѣ Калмыкамъ, которые на всемъ скаку бросаютъ люку и ловятъ ее.

Между тѣмъ мы незамѣтно втягивались въ горы. Станціи Терсь и Куюкъ расположены уже въ самыхъ горахъ. Собственно мы ѣхали не по горамъ, а между горами. Съ правой стороны, близко, близко отъ дороги стояли Ала-Тау, сплошную, не прерывающуюся стѣной, съ ихъ ярко зелеными предгоріями и сѣрыми и бурными скалами на бокахъ и вершинахъ; на нихъ еще массаи лежалъ свѣтъ и свѣтлыми полосами тянулись золотые блики отъ солнечныхъ лучей. Горы въ этомъ мѣстѣ говорятъ густо поросши лѣсомъ, но лѣса мы не видали. Мало-малу Ала-Тау медленно начали отодвигаться вправо и наконецъ скрылись изъ вида. За то съ другой стороны дороги намъ безпрестанно пересѣкали отроги Кара-Тау. Они потеряли здѣсь свой дикій характеръ и представлялись въ видѣ исполинскихъ конусовъ, громадныхъ холмовъ, покрытыхъ травой. Мы не взирались на нихъ, а объѣзжали ихъ при подошвѣ, при чемъ съ непривычки ошибки въ глазомѣрѣ были постоянны. Холмъ кажется такимъ маленькимъ и миниатюрнымъ, издали и ласкаетъ глазъ своими мягкими очертаніями; но вотъ подъѣзжаешь ближе; онъ растетъ предъ глазами и наконецъ громадная гора занимаетъ полгоризонта, такъ что нужно около получаса чтобъ объѣхать ее кругомъ. Не успеешь доѣхать до половины, какъ изъ-за горы высовывается другая гора, а тамъ третья, какъ сторожевой великанъ, загораживаетъ дорогу, и такъ безъ конца.

Мы медленно, нечувствительно, но все-таки поднимались вверхъ, въ чемъ ясно убѣдились около станціи Аса-буда, гдѣ дорога вдругъ быстро, крутыми уступами пошла внизъ и привела насъ въ глухое ущелье, по дну котораго гремѣлъ горный ручей. Слукъ былъ очень крутъ, такъ что пришлось тормозить экипажъ. Тормозятъ здѣсь самымъ первобытнымъ способомъ; берутъ просто веревку, одинъ конецъ которой привязываютъ къ ободу колеса, а другой къ боку телѣги. Не удивительно что тормоза здѣсь часто ломаются. Ущелье было чрезвычайно дико; нѣсколько деревьевъ съ обнаженными корнями лѣпились по сторонамъ; угрюмыя сѣрыя скалы стояли кругомъ и красныя каменные гряды лежали по ихъ

скаламъ. Кремнистые сланцы подъ острыми углами высовывались изъ земли. Это ущелье принадлежитъ горамъ Куюкъ, сланцовымъ массамъ, возвышающимся на 2.000 футовъ. Рѣчка въ ущельи ручей Куюкъ.

Когда мы проѣхали ущелье, горы остались позади насъ. Предъ нами разстлалась ровная долина въ родѣ тѣхъ которыя мы часто встрѣчали и прежде. Это была долина рѣки Таласа. Справа и далеко впереди ее окаймлялъ, ярко бѣлестя близкой, высокій и свѣжый хребетъ Александровскій. Слѣва въ твердый и каменный грунтъ дороги мало-по-малу отдѣльными островками стали врываться лески. Это наши старые знакомые, лески Муювъ-Кумъ, раскинувшіеся на громадномъ пространствѣ, и видѣнные нами еще около Перовска, опять подошли сюда. Мы переѣхали вѣскольکو сухихъ каменистыхъ рукавовъ Таласа, который разливается въ маѣ и июнѣ, и вступила въ городъ Аулів-Ата.

XI. Отъ города Аулів-Ата до города Вѣрнаго (494 версты).

Аулів-Ата довольно большой городъ, принадлежавшій прежде Боканскому ханству и взятый нами 3го іюля 1864 года. Какъ всѣ туземные города, онъ имѣетъ цитадель и обнесень стѣнами. Тутъ же рядомъ пріютился и новый или русскій городъ, тоже вездѣ одинаковаго устройства: церковь, госпиталь, казармы и вѣскольکو домиковъ мѣстныхъ офицеровъ. Аулів-Ата расположенъ на лѣвомъ берегу одного изъ рукавовъ Таласа; прежде онъ пользовался большимъ значеніемъ и велъ обширную торговлю, такъ что одно время было предположеніе сдѣлать изъ него административный центръ края; впрочемъ потомъ справедливо отдумали и столицей округа выбрали Ташкентъ. Въ Аулів-Ата находится большой базаръ и могила одного святаго (Кара-хана) очень уважаемаго Киргизами, и по имени котораго самый городъ получилъ свое названіе (Аулів-Ата значитъ святой отецъ). Городъ расположенъ недалеко отъ подошвы Александровскаго хребта, одного изъ самыхъ высокихъ отроговъ Тянь-Шаня, онъ идетъ отъ озера Иссыкъ-Куль и здѣсь оканчивается крутыми террасами, почти безъ предгорій. Горы покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и достигаютъ 15.000 футовъ высоты.

Дорога отъ Аулис-Ата измѣнилась какъ бы волшебствомъ и измѣнилась къ худшему; опять пошла совершенно однообразная, скучная мѣстность, подобная тѣмъ которыя мы часто видали въ началѣ нашего путешествія и съ которыми думали уже совсѣмъ распротиться. Предъ нами разстилась почти голая пустыня, кое-гдѣ покрытая чахлою, жамкою травой, уже на половину сожженною солнцемъ. Слѣва отъ дороги тянулись пески Муовъ-Кумъ; опять стали попадаться солончаки. Множество ядовитыхъ насѣкомыхъ водится здѣсь и дополняетъ непріятную картину. Въ глинистой почвѣ и около стѣнъ и домовъ живутъ тарантулы, ядовитые пауки, укушеніе которыхъ хотя и не смертельно, но чрезвычайно болѣзненно и сопровождается сильною реакціей со стороны организма. Въ песчаныхъ мѣстахъ водятся скорпионы. Они зеленого цвѣта и менѣе ядовиты чѣмъ знаменитые черные скорпионы, но и ихъ укушеніе, особенно къ концу лѣта, производитъ сильную боль, красноту, олухоль и часто флегмонозное воспаленіе. По степи быстро бѣгаютъ мохнатыя фаланги, изъ рода челюстоногихъ, самыя отвратительнѣйшія насѣкомыя какія я когда-либо видалъ. Онѣ похожи на гигантскаго муравья и тоже ядовиты. Разъ, когда я сидѣлъ на землѣ около одной стаціи, дожидаясь лошадей и отъ нечего дѣлать приводя въ порядокъ собранныя мною на послѣдней стаціи растенія, ко мнѣ на ногу взобралась фаланга и быстро побѣжала вверхъ по платью; я тотчасъ стряхнулъ ее вѣткой; но до сихъ поръ не могу безъ содроганія подумать объ этой минутѣ. Кромѣ того, здѣсь, а также и въ другихъ мѣстахъ этого края водится чрезвычайно зловредный жучокъ (*Latrodectus lugubris*), который у Киргизовъ называется *каракуртъ*. Онъ замѣчательнѣе тѣмъ что укушеніе его очень опасно для большихъ животныхъ, а для верблюда нерѣдко смертельно.

Вотъ единственныя живые представители этой мѣстности, которыя нисколько не содѣйствуютъ ея привлекательности.

Мы ѣхали полпрежнему быстро, но даже скорая ѣзда доставляла однѣ непріятности, такъ какъ то за нами, то навстрѣчу намъ массой летѣла сухая, горячая пыль, поднимаемая сильными вѣтрами, дующими здѣсь часто изъ ущелій Александровскаго хребта.

Но скоро мѣстность пошла опять лучше; часто стали встрѣчаться рѣчки и ручьи, берущіе начало въ свѣжыхъ

вершинахъ Александровскаго хребта и соединяющіеся потомъ въ одну большую рѣку Чу. Совершенно справедлива и вполнѣ приложима къ здѣшнему краю здѣшняя же пословица: „гдѣ вода, тамъ жизнь; гдѣ нѣтъ воды, тамъ смерть.“ Какъ только показалась вода, перемѣнилась и мѣстность: вмѣсто голой, печальной пустыни предъ нами бархатнымъ ковромъ разстлались ровныя, необозримыя, зеленѣющія пространства, очень похожія на наши южно-русскія степи. Наконецъ мы пріѣхали на станцію Карабалта и остановились въ изумленіи: вмѣсто одинокой избы предъ нами лежалъ прекрасный малороссійскій выселокъ, точно насъ какимъ чудомъ перенесли назадъ въ Россію. Вкругомъ возвышались деревянные опрятные домики или же глиняные, чисто вымазанные мѣломъ; около домовъ были посажены по широкой улицѣ яблы, ракиты и тополя; тутъ же огороды обнесенные лѣтнемъ, къ которому прислонились сохи и боровы. Видны русскія лица и слышится русская рѣчь. Мы съ удовольствіемъ смотрѣли на все это, и тотъ кто, подобно намъ, путешествовалъ сапшкомъ мѣсяцъ въ дикихъ степяхъ, тотъ пойметъ вашу радость.

Со станціи Карабалта начинается Семирѣченская область, названная такъ отъ семи рѣчекъ, текущихъ къ озеру Балхашъ; рѣчки эти: Аягузъ, Делса, Аксу, Биень, Каратаалъ, Коксу и Или. Кузнецовскій трактъ кончается здѣсь и почта до самаго Вѣрнаго отдава казакамъ. Жители Карабалты, ваши пионеры цивилизаціи, забрались сюда въ шестидесятыхъ годахъ. Обитатели какой-нибудь Черниговской или Полтавской губерніи и не подозреваютъ что вашъ историческій дѣлать завелъ ихъ земляковъ за 4.000 верстъ отъ родины и заставлялъ осѣсть на рѣчкахъ Карабалтѣ, Аксу и Сукулукъ, вблизи дикихъ, неприступныхъ горъ...

Мы невольно пробыли подольше на этой станціи, гдѣ получили все что встрѣчали въ казачьихъ станицахъ между Оренбургомъ и Орскомъ и отъ чего отвыкли уже такъ давно. Намъ привесли прекрасныхъ густыхъ сливокъ, свѣжаго масла, достали мяса и хлѣба, отыскали душистаго меду къ чаю. Давно мы не роскошествовали подобнымъ образомъ и съ сожалѣніемъ оставили гостепріимную станицу, утѣшаясь мыслію что впереди будутъ такія же. Здѣсь три деревни слѣдуютъ подъ рядъ. За Карабалтой идетъ Аксу, а тамъ Сукулукъ, на рѣчкахъ того же имени, истокахъ Чу. Когда про-

взжаешь этимъ мѣстомъ, то сама дорога кажется участвуетъ въ обманѣ и заставляетъ думать что вы въ Россіи, а не въ Средней Азіи. По обѣ стороны лежатъ дуга или воздѣланные поля, идутъ телеграфныя столбы, даже верстовыя столбы поставлены между этими тремя станціями. Иллюзію разрушаетъ только высокій снѣжный хребетъ, идущій справа, такъ какъ такихъ горъ нѣтъ ни въ Россіи, ни въ цѣлой Европѣ. Александровскій хребетъ выше Альпъ и выше Кавказа, одна изъ высочайшихъ точекъ котораго, Казбекъ (15.524 фута), едва достигаетъ средней высоты горъ этого хребта, а высочайшая точка Альпъ, Монбланъ (14.754 фута), даже гораздо ниже. А между тѣмъ въ нашихъ средне-азиатскихъ владѣніяхъ есть вершины гораздо болѣе величественныя. Что, сказать, напримѣръ, о такомъ снѣжномъ исполинѣ какъ Пикъ Кауфмана, который по приблизительному измѣренію Федченко, достигаетъ 25.000 футовъ? Вообще здѣсь есть мѣста поразительныя своимъ дикимъ великолѣпіемъ. Гдѣ, напримѣръ, въ Европѣ можно найти такой ледникъ какъ ледникъ Щуровскаго, простирающійся верстъ на семьдесятъ и дающій начало царю средне-азиатскихъ рѣкъ, знаменитому „раздавателю золота“ Зарешану (древнему Согду или Когіку)? Гдѣ можно встрѣтить такой горный проходъ какъ Мусартскій, который находится на высотѣ 15.500 футовъ и отличается тѣмъ что по немъ можно перебраться съ сѣверной стороны Тянь-Шаня на южную (и то слухая лошадей и выюки на веревкахъ по блокамъ и самому сходя внизъ по ступенькамъ вырубленнымъ въ ледяной горѣ), назадъ же вернуться совсѣмъ невозможно... Александровскій хребетъ начинается около Ауліе-Ата невысокимъ мысомъ Текъ-Турмасъ, всего около 2.600 футовъ надъ уровнемъ моря и 150 футовъ абсолютной высоты надъ уровнемъ рѣки Таласа. Предгорія состоятъ изъ песчаника, за которымъ слѣдуетъ темный и твердый известнякъ, а за нимъ выше главный гребень хребта, пробитый кристаллическими породами.

За станціей Сухулукомъ слѣдуетъ Пишпекъ, бывшая коканская крѣпость, взятая и разрушенная нами въ 1860 году; сначала мы изъ нея сдѣлали было укрѣпленіе, но потомъ оставили его въ свѣдѣніе совершенной неважности, по замѣренію края; теперь мѣстечко это похоже на заброшенный

казацкій пикетъ. Мы прибыли сюда 3го апрѣля вечеромъ. Здѣсь дорога раздѣляется и мнѣ надо было проститься со своимъ другомъ-товарищемъ Л., съ которымъ въ продолженіе 36 дней я дѣлилъ всѣ невзгоды и опасности путешествія. Мой путь лежалъ дальше на востокъ къ городу Вѣрному, а ему надо было ѣхать на югъ, въ бывшій коканскій, а теперь нашъ увѣданный городъ Токмакъ, и оттуда дальше въ самую глубину Тянь-Шаня, въ русскій городокъ Караколь, пріотившіяся въ заоблачныхъ горахъ, на берегу озера Иссыкъ-Куль.

Въ послѣдній разъ пожавъ другъ другу руки и пожелавъ всего хорошаго мы разстались, и я отправился дальше одинъ на легонькой *рашпанкѣ* (открытая телега).

Было уже довольно поздно; великолѣпный весенній день, лучезарный и жаркій, 36й день моего путешествія, догоралъ мало-по-малу. Все пылая какъ громадный огненный шаръ, отошло и закатилось солнце на совершенно ясномъ небѣ. Нѣтъ лучшаго времени дня въ этомъ краѣ какъ короткій промежутокъ между солнечнымъ закатомъ и быстро набѣгающими сумерками. Еще облитые розовымъ свѣтомъ, стояли скалистые лики и смѣжныя вершины Александровскаго хребта; ближайшія горы отчетливо вырисовывались въ ясномъ вечернемъ воздухѣ; дальше за ними шла сплошная сѣрая масса хребта, а еще дальше закутаные, какъ дымкой, туманомъ величаво высились синіе силуэты отдаленныхъ вершинъ. Въ воздухѣ была какая-то пріятная прохлада, которая впрочемъ скоро смѣняется здѣсь довольно сильнымъ холодомъ по ночамъ.

Подъ вліяніемъ ли одиновчества или вслѣдствіе весьма лоятной грусти произведенной разлукой, я невольно задумался. Воображалъ ли я нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ что мнѣ придется быть на этихъ новыхъ, чуждыхъ для меня мѣстахъ, среди дикой, но все-таки мѣстами великолѣпной природы, подъ этимъ небомъ, телѣе и ярче нашего... Я невольно думалъ о томъ что оставилъ позади себя на родинѣ и что ожидало меня впереди въ неизвѣстномъ будущемъ; оно и пугало, и манило къ себѣ, это будущее. Невольно вспоминалась прежняя жизнь и милыя тѣви малаго прошлаго опять вставали предо мною какъ живыя...

Но, прочь мечты! скоро станція и покой. Уже совсемъ стемнѣло; на пустынные долины легли тѣви ночи. Далеко

вверху обширный сводъ потемавшаго неба, по которому огненною пылью раскинулись мириады звѣздъ. Отъ телеграфныхъ столбовъ протавулись по степи черныя полосы и перешагнули чрезъ дорогу. Вездѣ темнота и безмолвіе... Но постепенно изъ этой темноты предо мною вставали другія, новыя горы, а это безмолвіе нарушалось какимъ-то вняснымъ шумомъ, подобно отдаленному грому. Шумъ становился слышнѣе по мѣрѣ того какъ мы приближались къ ставціи. Это ревѣла рѣка Чу, сжатая въ высокихъ, крутыхъ берегахъ.

Какъ я уже сказалъ выше, рѣка Чу беретъ начало многочисленными истоками съ Александровскихъ горъ; потому она течетъ въ лески Муюнь-Кумъ, въ которыхъ и теряется. Эта рѣка больше всѣхъ другихъ горныхъ рѣчекъ которыя я видѣлъ до сихъ поръ и такъ какъ тутъ она совершенно непроходима, то на ней устроенъ деревянный мостъ. Она течетъ здѣсь со страшною быстротою, восемь верстъ въ часъ, и съ шумомъ ворочаетъ огромные камни. Берега ея густо заросли камышомъ, который былъ такъ великъ что достигалъ почти до перилъ моста. Мостъ весь дрожалъ отъ постоянного шума. Я хотѣлъ посмотрѣть на рѣку и взглянуть внизъ, но не увидѣлъ ничего кромѣ массы бѣлой пѣны. Чтобы судить о быстротѣ теченія Чу, достаточно сказать что на первомъ 100 верстъ протяженіи отъ Иссыкъ-Куля она имѣетъ 1.700 футовъ паденія, то-есть больше чѣмъ Волга на всемъ протяженіи 3.100 верстъ отъ истоковъ до Астрахана.

На другой день я имѣлъ удовольствіе видѣть многихъ животныхъ представителей этого края. Множество ящерицъ бѣгали по дорогѣ, скрываясь въ ея впадинахъ. На лугу въ равныхъ мѣстахъ, грѣясь на солнцѣ, лежали, свернувшись въ кольцо, змѣи. Я не могъ опредѣлить какой они породы, но по словамъ туземцевъ, они очень ядовиты. Нѣкоторые изъ нихъ достигали до полутора аршина длины и были толщею съ добрую палку. Змѣи, говорятъ, особенно много предъ Пишпекомъ, но вчера я не видалъ ихъ, оттого что прѣхалъ въ Пишпекъ поздно вечеромъ и они успѣли попрятаться по норамъ.

Мѣстность начиная отъ Чу стала подниматься. Горы видѣнныя мною вчера въ темнотѣ были Курдайскія, чрезъ которыя на слѣдующей ставціи мнѣ надо было перевалить. Прежде дорога шла правѣе, знаменитою Кастекскою щелью,

находящеюся въ этомъ же хребтѣ, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ она была оставлена по ея крайней непроходимости и 1го ноября 1870 года трактъ былъ перенесенъ сюда, такъ какъ здѣсь горы болѣе доступны. Курдайскій хребетъ въ мѣстѣ перевала достигаетъ 6.000 футовъ высоты, а въ ширину простирается на 40 версты. Со станціи Сыгаты дорога идетъ по горамъ; подъемъ чрезвычайно отлогъ и тянется на 37 версты, между тѣмъ какъ на спускъ приходится всего три версты. Впрочемъ подъемъ мнѣ показался немного короче, да и вообще можно сомнѣваться въ вѣрности этихъ цифръ, такъ какъ дорога здѣсь еще не измѣрена одомеромъ.

Сначала мы поднимались по длиннымъ, отлогимъ холмамъ, покрытымъ травою. Чѣмъ дальше взбирались мы, тѣмъ холмы становились выше и круче, и дорога шла какими-то зигзагами, часто по карнизамъ вырытымъ сбоку и по крутымъ косогорамъ. Мы поднимались выше и выше и вотъ постепенно изъ-подъ дерна стали показываться кремнистые сланцы, правильными острыми пластинками, какъ будто нарубленными съ какою-нибудь цѣлью. Мягкія, округленныя вершины, покрытыя травой, смѣнились острыми ликами съ сѣрыми и бурыми камнями на верхушкѣ, поросшими мохомъ. Гдѣ дорога шла круче, я слѣзалъ съ телѣги и цѣпая версты шелъ лѣшкомъ, подстрѣливая попадавшихъ изрѣдка горныхъ рябчиковъ. Въ глубинѣ ущелій и во владинахъ утесовъ еще бѣлѣлъ снѣгъ; ручейки катились изъ-подъ снѣга въ разные стороны по склонамъ горъ или падали въ пропасти съ глухимъ шумомъ. Въ воздухѣ похолодѣло и часто сильный вѣтеръ налеталъ порывами изъ ущелій. На Курдайскихъ горахъ нѣтъ ни одного дерева, что придаетъ дикій и мрачный видъ всему ландшафту. Какое-то розовое облачко приютилось около одной скалы, и когда мы послѣ многочисленныхъ поворотовъ вѣхали въ него на нѣсколько минутъ, оно все какъ-то расплылось и охватило насъ сырмъ и холоднымъ туманомъ. Дорога пошла еще круче; куски гранита валялись разбросанными по окрестности, лошади едва тащили шагомъ нашу телѣгу. Но вотъ еще одно, послѣднее усиліе—и я на вершинѣ перевала.

Эффектная картина открылась предо мною. По обѣимъ сторонамъ надо мной возвышались горы точно взволнованное море во время бури. Справа горы были болѣе дики чѣмъ слѣва; тутъ утесы громоздились надъ утесами, скалы дѣли-

лись другъ надъ другомъ и сурово вокругъ глядѣли фантастически выточенные каменные гребни. Изъ глубины ущелій поднимались новые утесы и далеко спускались внизъ своими склонами. Сзади все было видно въ ясномъ воздухѣ на громадное разстоянiе; стель какъ развернутая скатерть лежала вдали и маленькою точкой чернѣла на этой скатерти вся окруженная какимъ-то сивимъ дымомъ станція Сыгаты, съ которой мы отправились нѣсколько часовъ тому назадъ. Впереди насъ лежала на высотѣ 6.000 футовъ надъ уровнемъ моря широкая площадь, возвышенное плато въ пять верстъ длины. Мы быстро проѣхали эти пять верстъ по каменистому грунту и добрались до спуска.

Ямщикъ остановилъ на минуту лошадей чтобы затормозить экипажъ. Я съ недоумѣнiемъ глядѣлъ на страшно крутой спускъ разстилавшiйся подо мной; онъ шелъ почти подъ угломъ 45° къ горизонту крутыми зигзагами вокругъ утесовъ и сплошь по острымъ камнямъ; для меня казалось немислимымъ ѣхать тутъ. Однако мы лѣзли. Камни съ шумомъ катились изъ-подъ колесъ и падали внизъ. Какой-то туманъ волнамъ поднимался изъ глубины ущелiй. Коренная лошадь почти садилась на заднiя ноги и тормазъ, визжа и скрипя, околазилъ по камнямъ. А между тѣмъ это еще называется удобною дорогою; но, признаюсь, въ такомъ случаѣ я никакъ не могу понять что же такое неудобная дорога. Вотъ говорятъ на Кастекѣ, немного правѣе отсюда, была подобная неудобная дорога; тамъ почта и пассажиры перевозились не иначе какъ на колесахъ (особенный родъ экипажа въ которомъ кромѣ двухъ колесъ ничего нѣтъ); здѣсь же-таки было лучше, относительно, конечно. Утѣшаясь подобными мыслями, мы ѣхали внизъ и доѣхали бы по всему вѣроятiю благополучно, но вдругъ на одномъ поворотѣ долгулъ тормазъ.... По проклятой небрежности со станціи взяли глупую веревку и она не выдержала. Признаюсь, я пережила скверную минуту; точно какая-то невидимая сила подтолкнула лошадей; по страшно каменистому грунту мы помчались съ такою быстротою что я видѣлъ своими глазами какъ среди бѣлаго дня брызнули искры изъ-подъ колесъ экипажа. Около ста сажень проѣхали мы такимъ образомъ; слѣва было глубокое ущелье, справа какой-то косогоръ; на поворотѣ ущелье казалось такъ близко, такъ темно что я позорно струсилъ и выскочилъ вонъ изъ телѣги, причеиъ преоблавно

т. склв.

ушибся объ острѣе камни. Лошади скрылись за выступомъ скалы, затѣмъ я услышалъ какой-то трескъ и потомъ настала тишина.... Я думалъ что все уже кончено, но оказалось что мы отдѣлались дешево; ямщикъ, потерявъ надежду сдержать лошадей и опасаясь каждую минуту полетѣть внизъ и съ экипажемъ, направилъ ихъ въ бокъ; телега ударилась въ громадный монолитъ темнофіолетоваго цвѣта, цѣлую скалу, два колеса разсыпались въ дребезги и лучше всякаго тормазы остановили экипажъ. Мы оставили его и лошадей на произволъ судьбы, только залутали вожжи за какой-то камень чтобы лошади не ушли, а сами отправились внизъ на станцію. Ямщикъ повелъ меня какою-то прямою дорогою которая была ближе. Я никакъ не думалъ что спускъ можетъ быть такъ труденъ. Гора кажется не велика, но навѣшь спускаться и ей конца нѣтъ. Къ тому же бездна притягиваетъ васъ къ себѣ съ какою-то непобѣдимую силой. Такъ и хочется бѣгомъ броситься внизъ и конечно разбиться о камни. Я проклялъ эту прямую дорогу; больше часа шли мы двѣ версты до станціи.

Со станціи Курдая перевалъ былъ очень красивъ; горы какъ стѣны почти отвѣсно поднимались другъ надъ другомъ. За Курдаемъ потянулась ровная степь, иногда слегка холмистая, а впереди вставали уже другія высокія горы, Заилийскій Ала-Тау, около котораго расположено Вѣрное. По дорогѣ встрѣтили мы небольшой киргизскій караванъ, отправлявшійся въ Курдайскія горы на лѣтнія кочевки. Согласно обыкновенію аула при этихъ перевздахъ, на переднемъ верблюдѣ сидѣла самая красивая дѣвушка аула, съ черными глазками, черными длинными косами, въ которыя влетены были шелковые шnurки, и въ распашномъ шелковомъ халатѣ. Около нея болтались двѣ ярко вычищенные костюли и большой должно - быть тульскій самоваръ. Потомъ шли другіе верблюды съ раскрашенными, обитыми жестью сундуками; это тоже привычка Киргизовъ выставлять наружу изъ тщеславія всѣ цѣныя вещи. Впрочемъ какъ кажется это были Киргизы какого-то другаго племени, можетъ-быть это были Кара-Киргизы, а можетъ-быть и вовсе не Киргизы. Только настоящій ученый могъ бы разобраться въ здѣшней этнографической путаницѣ, къ разъясненію которой мы очень мало способствовали. Какъ прежде еще до Магомета масса полудикихъ кочевниковъ и тюркскаго и татаро-мо-

гольского племени, населявшихъ степи къ сѣверу отъ Аму-Дарьи, вся была известна у сосѣднихъ народовъ, Арабовъ и Персовъ, подъ общимъ собирательнымъ именемъ Гудъ, такъ и теперь весь этотъ разнокалиберный разношерстный сбродъ, живущій здѣсь, сваливается нами въ одну общую кучу съ общимъ, да къ тому же и невѣрнымъ именемъ Киргизовъ.

Черезъ нѣсколько станцій опять встрѣтились двѣ русскія деревни, Узунъ-Агачь и Кискелень, а за ними наконецъ былъ и городъ Вѣрный, въ который я и прибылъ вечеромъ 5го апрѣля.

XII. Отъ города Вѣрнаго до города Бороху-дзира (301 верста).

Городъ Вѣрный, столица Семирѣчинской области, основанъ въ 1854 году, при Гасфорть. Недавно это была простая деревушка, построенная нашими казаками на мѣстѣ прежняго туземнаго поселенія Алматы (яблонный).

Вѣрный находится на мѣстѣ бывшей Джунгаріи. По китайскимъ историческимъ источникамъ, именно по книгѣ Си-юй-вынь-дзянь-лу (записка о земляхъ лежащихъ близъ западной границы Китая), край этотъ, начиная съ глубокой древности, населяли различные народы. Еще до начала нашего счисленія (до Р. Х.) здѣсь жилъ народъ Сэ, потомъ У-эч-жи, затѣмъ племя У-сунь и наконецъ Хунны; за ними слѣдовали Сянь-би и Турки Уй-гуры; потомъ Монголы Элюты; изъ нихъ племя Джунгары имѣло здѣсь свои кочевки. Ханство этихъ Джунгаровъ разрушено Китайцами въ 1757 году; затѣмъ по лустымъ джунгарскимъ степямъ кочевали Торгоуты и наконецъ Киргизы, прижавшіе въ 1846 году русское подданство.

Вѣрный довольно большой городъ, насчитывающій до 15.000 жителей. Онъ раздѣляется на новый городъ, старый городъ (Алматинская станица), Алматинскій выселокъ и Татарскую сабодку. Въ немъ есть скосныя гостиницы, нѣсколько лавокъ и магазиновъ, множество деревянныхъ домовъ, но все это бѣдно, сѣро и грязно и въ общемъ вовсе не похоже на главный городъ области. Вѣрный стоитъ на рѣчкѣ Алма-

тинѣ, текущей съ горъ и владающей въ рѣку Или, и расположенъ на высотѣ 2.500 футовъ у подножія Запайскаго Ала-Тау. Это большой, высокій хребетъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ; онъ возвышается на 14.000 футовъ. Горы до того массивны что несмотря на то что находится отъ Вернаго въ семи верстахъ, а главная масса хребта еще дальше, онъ кажется стоять надъ самымъ городомъ и давать его своею тяжестью. Съ широкой и степной Илиской долины Запайскій Ала-Тау поднимается совершенно крутою, отвѣсною стѣной, почти безъ предгорій, по крайней мѣрѣ его порфировыя предгорія совершенно ничтожны въ сравненіи съ его колоссальностью и такъ близко подходят къ контрфорсамъ или короткимъ поперечнымъ отрогамъ хребта что почти сливаются съ ними. Масса горъ состоитъ изъ гранита и сіенита; по окатамъ встрѣчаются кремнистые сланцы, сильно прорванные и метаморфозированныя порфирами. Кромѣ этихъ кристаллическихъ горныхъ породъ и жилъ діорита, распространенныхъ здѣсь и тамъ, встрѣчаются и осадочныя, — сланцы, песчаники и известняки палеозоическихъ формаций. Отдѣльныя точки Запайскаго Ала-Тау превышаютъ 15.000 футовъ и перевалы хребта выше горныхъ проходовъ Швейцарскихъ Альпъ.

Горы покрыты лѣсомъ; впрочемъ лѣсъ начинается не съ самой подошвы, но сначала идутъ предгорія покрытыя только травой и уже потомъ, приблизительно на половинѣ высоты, разстилаются громадные хвойные лѣса, издали вырисовывающіеся тоненькими черточками. Несмотря на короткое время нашего владѣнія, лѣса эти уже значительно вырублены и только въ послѣднее время положены ограниченія такому хищническому хозяйству. Преобладающая древесная порода — лихта. За лѣсами идетъ бластачій сѣвѣный покровъ; вслѣдствіе континентальнаго каимата сѣвѣная лихта здѣсь довольно высока, а именно начинается на высотѣ 10.000 футовъ, между тѣмъ какъ въ Европѣ въ соответствующихъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Пиринеяхъ, сѣвѣная лихта идетъ на высотѣ всего 8.500 футовъ.

Горы Запайскаго Ала-Тау дики и живописны; виды одинъ другаго лучше развертываются предъ глазами. Утесы бесконечною вереницей таятся другъ за другомъ, скалы чередуются со скалами и высоко надъ ними стелются громадные сѣвѣные поля. Иногда, особенно часто весной, съ глухимъ

шумомъ падаютъ лавины и, случается, заваливаютъ неосторожныхъ дровосѣковъ. Вся сверкая бѣлою, блестящею лѣвою скачетъ внизъ по камнямъ Алматинка... Ущелья и бока горъ густо поросли лѣсомъ и между столѣтними деревьями густо разрослись обліпиха, черная барбарисъ, боярышникъ и другіе ягодные кусты.... Многие жители Вѣрнаго проводятъ лѣто въ этихъ горахъ.

Почтовый трактъ отъ Вѣрнаго до Омска содержитъ опять Кузнецовъ, но лошади здѣсь хороши, оттого что много корму. Дорога идетъ по ровной, степной мѣстаости, которая постепенно повышается и чрезъ двѣ станціи отъ Вѣрнаго выходитъ на долину рѣки Или, къ укрѣпленію Илійскому.

Рѣка Или—одна изъ большихъ рѣкъ этого края. Она начинается въ Тянь-Шанѣ и впадаетъ въ озеро Балхашъ. Длина ея—700 верстъ. По своей глубинѣ она способна для судоходства на большомъ протяженіи и имѣла бы большое значеніе, еслибы быстрота теченія не мѣшала навигаціи, по крайней мѣрѣ первая, а кажется и единственная попытка купца Кузнецова въ этомъ отношеніи потерпѣла неудачу. Я переправился чрезъ Или на паромѣ, причемъ вѣсъ теченіемъ далеко отнесло внизъ. Здѣсь уже давно предполагается переводить паромъ по канату и я видѣлъ врытые съ этою цѣлью столбы, толстый канатъ, привезенный откуда-то издаека, но... и только.

Берега Или въ этомъ мѣстѣ довольно пустыжны и даже не поросли камышомъ, который густо растетъ въ ея верховьяхъ. Въ долинѣ кой-гдѣ встрѣчаются лески и только узкая полоска по берегу имѣетъ плодородную почву, да около укрѣпленія мѣстами посажены кусты и деревья.

За Или тянутся широкіе низкіе холмы съ глубокими оврагами, а дальше на горизонтѣ сивѣетъ новый массивный хребетъ....

На станціи Алтынъ-Имельъ дорога опять раздѣляется, но уже въ послѣдній разъ: одна идетъ къ сѣверо-востоку, на Семилалатинскъ и Омскъ, а другая поворачиваетъ къ юго-востоку, въ Борохудзиръ и Кульджу.

Около Алтынъ-Имельской станціи возвышаются горы Чулакъ-Тау (Алтынъ-Имельскій перевалъ), чрезъ которыя мнѣ надо было переѣхать. Перевалъ имѣетъ 4.660 футовъ, а въ ширину простирается верстъ на лятнадцать. Прямо со станціи мы поѣхали въ гору какими-то большими длинными

холмами, въ родѣ гигантскихъ грядъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянулись очень глубокіе овраги. На двѣ ихъ по обыкновенію бѣлѣлъ снѣгъ. Но вообще дорога здѣсь лучше разработана и ѣхать удобнѣе чѣмъ по Курдаю. Только въ некоторыхъ мѣстахъ дорога идетъ по карнизу, за то эти мѣста особенно неудобны зимой, такъ какъ перевалъ отличается страшными бурями, которые здѣсь дуютъ часто по цѣлымъ недѣлямъ, причѣмъ прекращается всякое сообщеніе. Въ теченіи зимы я еще три раза былъ на этомъ перевалѣ и однажды тутъ было чуть не свѣтопреставленіе. Горы до половины своей высоты сплошь были покрыты тучами, и еще далеко не доѣжая былъ слышенъ свѣтъ вѣтра въ ихъ ущельяхъ, причѣмъ снѣжная пыль вихремъ крутилась около скалъ; двое сутокъ просидѣлъ я на станціи прежде чѣмъ можно было перебраться на ту сторону, да еще нѣсколько часовъ нужно было разчищать дорогу, которую совсѣмъ замело.

Дорога, въ концѣ становясь немножо круче, приводитъ наконецъ на гребень перевала, гдѣ по преданію какой-то киргизскій султанъ, спасаясь отъ непріятеля, закопалъ золотое сѣдло, отчего и самый перевалъ получалъ свое названіе (Алтынъ-Имель—значитъ золотое сѣдло). Гребень перевала очень остръ, не шире двухъ или трехъ саженъ. На немъ дуетъ холодный вѣтеръ, такой сильный что въ нѣсколько минутъ я совсѣмъ продрогъ. Когда въ долину идетъ дождь, здѣсь говорятъ идетъ снѣгъ. Видъ открывающійся съ вершинами Алтынъ-Имельскаго перевала поражаетъ своимъ пустыннымъ величіемъ. Снѣга, гряда за грядою, поднимались крутыя и скалистыя горы, а прямо впереди снѣжалъ другой хребетъ, вершины котораго кое-гдѣ упирались въ волнующіяся, скользящія по ихъ скатамъ, облака.

Спускъ не крутъ, такъ что мы даже не тормозили экипажъ. Горы совсѣмъ обнажены отъ растительности, по крайней мѣрѣ въ мѣстѣ перевала, за то обильно населены животными. Часто встрѣчаются медвѣди и кабаны, множество различныхъ видовъ антилопъ живетъ здѣсь; водятся горные козлы и бараны.

Спускаясь съ перевала ямщикъ показалъ мнѣ на одну недалеко стоящую горную вершину.

— Вотъ, матфѣй, сказалъ онъ.

— Какой Матфѣй? спросилъ я.

— Матфэй, аю, тамъ.

Это былъ горный медвѣдь, аю. Киргизъ хотѣлъ щегольнуть знаніемъ русскаго языка и изъ медвѣдя вышелъ матфэй. Я взглянулъ вверхъ по указанному направленію и дѣйствительно увидалъ что-то; какая-то острая морда смотрѣла на меня съ вершины скалы. У меня одишь стволъ ружья былъ заряженъ пулей, и я не вытерпѣлъ и выстрѣлялъ, хотя безо всякой надежды попасть, такъ такъ горка лодымалась футовъ на 800. Морда исчезла и только звукъ выстрѣла долго будилъ эхо въ горныхъ ущельяхъ.

Спускъ съ перевала еще лучше подъема и все время идетъ по какимъ-то бороздкамъ между горами. За переваломъ идетъ ровная дорога до станціи Баши.

На слѣдующихъ двухъ станціяхъ дорога также хороша и только изрѣдка пересѣчена неглубокими оврагами. Намъ пришлось переѣхать одинъ большой солончакъ верстѣ около пяти въ діаметрѣ. Что за чудная дорога! ѣдешь точно по мостовой изъ асфальта или макадама. Поверхность гладка какъ зеркало и на всемъ пространствѣ ни одной травки.

Затѣмъ предъ нами встали новыя горы. Это было знаменитое Койбынское ущелье. Оно особенно замѣчательно тѣмъ что дорога идетъ по совершенно горизонтальной, почти нисколько не поднимающейся мѣстности. Точно какая-то невидимая сверхъестественная сила во гнѣвъ своемъ однимъ ударомъ раздвоила горы, и горы треснули до самаго основанія, образовавъ каменный корридоръ въ семь верстѣ длины. Ущелье очень узко, часто не шире нѣсколькихъ саженъ; это настоящая каменная щель, ограниченная съ обѣихъ сторонъ отвѣсными стѣнами. Солнечные лучи рѣдко забираются сюда и поэтому все ущелье еще было покрыто снѣгомъ, въ которомъ мы часто глубоко вязли. Дорога прихотливо извивается между голыми обнаженными утесами; особенно дикъ входъ въ ущелье; здѣсь все одинъ камень. Прямо съ поверхности земли совершенно перпендикулярно поднимаются отвѣсныя скалы; стройныя доколы лорфира и гранита, большія глыбы бурога и фіолетоваго камня возносятся вверхъ справа и слева. Плиты, обломки сіенита, куски какой-то другой горной породы краснаго цвѣта, точно нарочно нарубленные кремни, разсыпаны по дорогѣ. Далеко вверху утесы висятъ надъ самою головой и иногда отъ нихъ отрываются камни и падаютъ на дорогу. Никогда не видалъ я такого мрачнаго ущелья.

Впрочемъ вторая половина корридора лучше первой; горы теряютъ свой дикій характеръ и постепенно переходятъ въ мягкія водообразныя возвышенности, длинными уступами спускающіяся до самой станціи Койбынъ. Станція расположена въ самомъ ущельѣ, на берегу ручья, покрытаго кустами и деревьями. Она имѣетъ очень привлекательный видъ, хотя и носитъ такое странное названіе (Койбынъ значитъ саванъ).

За Койбынемъ пошла степь покрытая рѣдкимъ кустарникомъ. Нѣсколько разъ встрѣчали мы стада дикихъ козъ ласшихся по стелю, тѣхъ маленькихъ карауруковъ, о которыхъ я говорилъ уже выше. Мнѣ очень хотѣлось убить хоть одного изъ этихъ красивыхъ животныхъ, тѣмъ болѣе что они очень ручны и подпускаютъ шаговъ на 70; но къ сожалѣнію я свою послѣднюю пулю выпустилъ въ „матфелъ“ на Алтынь-Имеальскомъ перевалѣ и теперь остался съ пустыми руками.

Слѣдующая станція былъ городъ Борохузиръ.

XIII. Отъ города Борохузира до города Кульджи (144 версты).

Борохузиръ—небольшой русскій городокъ, построенный въ 1868 и 1869 году на мѣстѣ бывшаго китайскаго ликета и расположенный на рѣчкѣ того же имени. Я бы съ удовольствіемъ сказалъ про него что-нибудь; но къ сожалѣнію онъ рѣшительно ничѣмъ не замѣчательнъ; Впрочемъ имѣетъ широкія прямыя улицы и прекрасный общественный садъ. Прежде онъ былъ пограничнымъ городомъ съ Китаемъ. Тогда наша туркестанская граница съ Китаемъ была опредѣлена Чугучакскимъ договоромъ, заключеннымъ 25 сентября 1864 года, на основаніи Пекинскаго трактата (1860 года, 2го ноября). По второй статьѣ этого трактата „граница должна слѣдовать теченію большихъ рѣкъ, направленію горъ и линіи китайскихъ ликетовъ, начиная съ послѣдняго маака, называемаго Ша-Банъ-Дабатъ, поставленнаго въ 1728 году (Юнь-Чжэнь, VI года), по заключеніи Кяхтинскаго договора, на юго-западъ до озера Зайсанъ, а оттуда до горъ проходящихъ южнѣе озера Иссыкъ-Куль, называемыхъ Тэвгри-Шанъ

или Киргизыиъ-Ала-Тау, иначе Тянь-Шань-Нань-Лу (южные отроги Небесныхъ горъ) и по симъ послѣднимъ до Коканскихъ владѣній (горъ Цунь-Лишь).“ Но какъ извѣстно въ 1871 году Илійскія провинціи были заняты нами.

Мѣстность отъ Борохудзира сразу измѣняется; несмотря на всеобщій хаосъ и разрушеніе, она сохранила слѣды могучей культуры, такой какую мы не привыкли встрѣчать въ другихъ мѣстахъ нашихъ средне-азиатскихъ владѣній. Невольно чувствуется что нѣкогда здѣсь арко горѣла цивилизація. Прямо отъ Борохудзира вы вступаете въ большой лѣсъ, тянущійся на 25 верстѣ до первой станціи Аккента. Лѣсъ въ равнинѣ—чрезвычайная рѣдкость въ Средней Азіи и эта прекрасная роща вся до послѣдняго дерева была нѣкогда насажена трудолюбивыми руками Китайцевъ. Изъ древесныхъ породъ преобладаетъ здѣсь карагачъ (*Ulmus campestris*), нѣкоторые виды *salix* и другіе кусты, которыхъ опредѣлить не умѣю. Черезъ лѣсъ протекаетъ рѣчка Усекъ, которая собственно и составляла нашу границу *de jure*, а за рѣчкой на невысокомъ холмѣ виднѣется совершенно разрушенный китайскій городъ Джаркентъ; онъ былъ весь вырѣзанъ до тла и теперь только голыя, исковерканныя стѣны виднѣются предъ глазами. Въ лѣсу, который тянется на нѣсколько сотъ квадратныхъ верстѣ, находятся развалины четырехъ такихъ городовъ: Тургенъ, Ташканъ - Кента, Джаръ-Кента и Акъ-Кента. Въ этомъ благословенномъ уголкѣ должна бы кипѣть жизнь, а между тѣмъ здѣсь безмолвіе могилы; разрушенные дома, высохшіе арыки, самый лѣсъ чахнуцій годъ отъ года отъ недостатка воды... Точно какое-то проклятіе тяготѣетъ надъ всею мѣстностью; а было время и еще очень недавно, когда это была прекрасная цветущая страна и оставалась бы такою и теперь, еслибы въ началѣ 60хъ годовъ не вспыхнуло дунганское возстаніе и буквально не залило ее кровью...

Дунгане—это татарское племя мусульманскаго вѣроисповѣданія, но совершенно окитаившееся и принявшее китайскій бытъ и привычки. Съ этнографической стороны это народъ почти совершенно не изученный; откуда они ведутъ свое происхожденіе—въ точности неизвѣстно, но крайней мѣрѣ на этотъ счетъ нѣтъ одного опредѣленнаго воззрѣнія. По одному взгляду, котораго придерживается большинство

мусульманскихъ ученыхъ, Дунганамъ приписывается такое происхожденіе: когда Тимуръ-Ленгъ (хромой Тимуръ), могущественный татарскій ханъ, жившій въ XIV вѣкѣ, задумалъ покорить себя весь міръ, то между прочимъ онъ отправился въ Китай и разгромилъ его; возвращаясь назадъ онъ оставилъ въ Китаѣ значительный корпусъ Монголовъ. Въ одномъ изъ горныхъ проходовъ Тянь-Шаня есть гора, вся состоящая изъ мелкихъ камней и очевидно насыщенная руками человеческими; она называется Санъ-Ташъ, что буквально значитъ число или счетъ камней. Когда Тимуръ шелъ въ Китай этимъ проходомъ, то велѣлъ каждому воину взять камень и свести его въ извѣстное мѣсто; образовалась громадная гора. Когда онъ возвращался назадъ, то велѣлъ опять воинамъ взять изъ этой горы по камню; оставшіеся неразорванные камни и составили Санъ-Ташъ, гору, по величинѣ которой Тимуръ могъ судить о томъ, сколько народу умерло у него въ Китаѣ на войнѣ и какъ великъ корпусъ который онъ тамъ оставилъ. Эти-то оставшіеся Монголы-мусульмане, осѣвшие по рѣкамъ Или и Текесу, ея притоку, и суть предки нынѣшнихъ Дунганъ, на что отчасти указываетъ и самое имя ихъ (Дунгане, Дунгени — испорченное отъ Тургени, оставшіеся). Такимъ образомъ нынѣшніе Дунгане ни болѣе ни менѣе какъ потомки побѣдителей Китая и охотно вѣрятъ этой баснѣ, которая льститъ народному самолюбію. Нѣкоторые видоизмѣняютъ эту легенду и идутъ еще далѣе, приписывая все это не Тимуру, а самому Искандеру Эулькарнаву (Искандеръ двурогій, прозвище Александра Македонскаго на Востоку). Будто бы онъ, въ царствованіе какого-то богдыхана Ханъ-Ванъ, взялъ даже Пекинъ и жилъ тамъ три года. Въ такое долгое время многие изъ его воиновъ женились на Китайкахъ и не захотѣли идти въ обратный путь. Отсюда—Дунгане.

По другому взгляду Дунгане суть разныя мусульманскія народности послѣдовательно покоряемыя Китайцами. Собственно говоря, Китайцы не знаютъ слова Дунгане, а всѣхъ своихъ мусульманскихъ подданныхъ, безъ различія племени, называютъ общимъ именемъ „Хой-Хой“.

Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе Дунганскаго восстанія, отпалъ отъ Китая весь его сѣверо-западъ и весь Восточный или Китайскій Туркестанъ. Въ послѣдствіи сила вещей заставила насъ занять Илійскія провинціи, а въ нынѣшнемъ

году рѣшено возвратить ихъ назадъ. Китайцы, отправляя по этому поводу къ намъ свое посольство, поставили возвращеніе этихъ провинцій какъ *conditio sine qua non* будущихъ дружественныхъ отношеній. Они особенно упирали на то что эти земли всегда составляли исконное владѣніе Китая.

Это не совсѣмъ такъ. Начиная съ глубокой древности, Китайцы дѣйствительно нѣсколько разъ завоевывали эти земли, но нѣсколько разъ теряли ихъ и обратно.

Остановимся на минуту и бросимъ хотя бѣглый взглядъ назадъ, въ далекуя, туманную глубину прошедшаго...

Прежде всего мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ фактомъ что страна нами разсматриваемая, то-есть часть бывшей Джунгаріи и Китайскій Туркестанъ, не оставила почти никакихъ древнихъ памятниковъ своей исторіи. Находясь въ самомъ центрѣ Азіатскаго материка, бывъ окружена Индіей, Бактріей и Китаемъ, тремя государствами раньше всѣхъ начавшими жить историческою жизнью, она оставалась совершенно неизвѣстною. Индіи въ то время было не до нея; Бактрія сошла со всемірной сцены еще до начала письменности и только Китай даетъ объ этой странѣ кое-какія свѣдѣнія. Но изъ древнѣйшаго китайскаго сочиненія по этой части *Ши-чи* мы ничего не узнаемъ, такъ какъ это просто записка, да и то мало вѣроятная, о путешествіи сюда нѣсколькихъ Китайцевъ. О томъ кто жилъ здѣсь въ это время и какъ жилъ, намъ ничего неизвѣстно. Но есть намеки что въ это время здѣсь вымирали, беслѣдно уничтожались цѣлые народы, напримѣръ Аптелеи. Объ этомъ край слышали Птоломей и Плиній; объ немъ писалъ Страбонъ въ своей географіи, составленной въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Около этого же времени появляется и первое официальное китайское сочиненіе *Цань-кань-шу* (Исторія старшаго дома Хань), написанное Вань-гу. Изъ него мы узнаемъ что западный край остался подъ властію Китая со времени государей Сюань-ди и Юань-ди (74—89 лѣтъ до Р. Х.).

Но власть Китая надъ этими странами была почти номинальная. Всѣ 55 владѣній составлявшихъ въ то время Туркестанъ нѣсколько разъ возставали противъ Китайцевъ, передавались сосѣднимъ народамъ, напримѣръ Хуннамъ, заводили междоусобныя войны, опять подчинялись Китаю и наконецъ совсѣмъ отложились отъ него въ концѣ II вѣка по Р. Х.

Тутъ въ исторіи этихъ странъ наступаетъ промежутокъ въ 500 лѣтъ, во время котораго объ нихъ очень мало извѣстно. Освободившись отъ китайскаго владычества, они вели постоянныя войны между собою. Одни владыкія увеличивались насчетъ другихъ, затѣмъ опять уменьшались и распались. Пользуясь благоприятнымъ случаемъ, на нихъ напали сосѣди.

Въ этотъ же періодъ страна приняла буддизмъ. Какая здѣсь была религія раньше, неизвѣстно. Должно-быть огнепоклонничество, такъ какъ по сосѣдству на востокъ была Бактрія, центръ и столица огнепоклонниковъ, гдѣ жилъ самъ основатель этой религіи Зердустъ (Зороастръ), переселившійся въ нее изъ Персіи послѣ того какъ его родная провинція Атролатене (нынѣшній Азербайджанъ) отказала ему въ послушаніи. Навѣрное тутъ были и христіане, по крайней мѣрѣ въ то время въ другихъ мѣстахъ Средней Азіи христіанство было сильно распространено. Въ то отдаленное время когда между полудикими славянскими народами населявшими нынѣшнюю Россію навѣрное не было ни одного христіанина, въ Самаркандѣ, напримѣръ, въ 411—415 году была епископія. Въ Мервѣ въ 420 году былъ даже митрополитъ, въ томъ самомъ Мервѣ, который, по мнѣнію Англичанъ, составляетъ непрерывную цѣль нашей нынѣшней Ахаль-Текинской экспедиціи. То были христіане Несторіанскаго исповѣданія, которые перебирались сюда, гонимые и преслѣдуемые византійскими императорами.

Въ VII вѣкѣ Китайцамъ опять удалось овладѣть краемъ и покрыть его сѣтью своихъ колоній, но не надолго; въ X столѣтіи они снова потеряли его, и въ исторіи этого края снова наступаетъ пробѣлъ.

Затѣмъ въ XIII вѣкѣ на сцену выступили Монголы. Чингизъ, въ своемъ стремленіи завоевать весь міръ, покорилъ и Восточный Туркестанъ, и преемники его долго владѣли краемъ, до тѣхъ поръ пока у нихъ подъ бокомъ, на сѣверѣ, не выросло другое могущественное государство Джунгарія, населенное тоже Монголами, но только иного племени (Калмыками). Джунгарія скоро получила громадное географическое распространеніе и сдѣлалась грозой самого Китая, у котораго часто отнимала нѣкоторыя изъ его собственныхъ владѣній. Въ семидесятыхъ годахъ XVI столѣтія Калмыки под-

чинили себѣ и Восточный Туркестанъ, и этотъ край такъ понравился имъ что на рѣкѣ Или они построили городъ Кабу-Халиякъ-Баку и перенесли сюда свою резиденцію. Но прошло 200 лѣтъ, и счастье повернулось спиною къ Джунгарамъ.

Въ 1756 году Китайцы, при помощи интригана Амурсаы, завоевали Джунгарію. На другой же годъ вспыхнулъ мятежъ. Тогда Китайцы устроили настоящую травлю: съ оружіемъ въ рукахъ они прошли всю страну, убивая всѣхъ жителей безъ различія пола и возраста. Больше полумилліона Джунгаръ было зарѣзано; объятые паникой небольшія уцѣлѣвшія кучки бросались кто куда могъ: въ сосѣдную Монголію, въ Туркестанъ, къ намъ на Волгу, и джунгарскія степи опустѣли...

Получивъ въ числѣ прочихъ владѣній Джунгаровъ и Восточный Туркестанъ, и Илійскій округъ, Китайцы рѣшились не терять его назадъ и устроили дѣло иначе. Малевскій Илійскій округъ они обратили въ обширную военную колодію и на небольшомъ сравнительно пространствѣ построили девять сильныхъ крѣпостей. Въ 1764 году на рѣкѣ Или, на мѣстѣ разрушенной зимней резиденціи Джунгарскихъ хановъ города Кабу - Халиякъ - Баку, они построили городъ Хой-Юань-Чень, который сталъ столицей области и скоро сдѣлался извѣстенъ въ Средней Азіи и вообще у мусульманъ подъ именемъ Новой Кульджи. Новомъ она была названа потому что въ 40 верстахъ отъ нея находилась Старая Кульджа, построенная еще сто лѣтъ тому назадъ Джунгарами, гдѣ была у нихъ дамская кумирня, отчего Китайцы стали ее называть Дзинь-дзинь-сы (кумирня съ золотымъ верхомъ). Эта Старая Кульджа была населена мусульманами и ей суждено было пережить Новую.

На слѣдующій годъ (въ 1765 году) вспыхнуло возстаніе въ городѣ Учъ, одномъ изъ городовъ Восточнаго Туркестана. Китайцы поступили тутъ такъ какъ они привыкли поступать въ подобныхъ случаяхъ. Они разрушили городъ до основанія и зарѣзали всѣхъ жителей. Эта жажда мести, эта беспощадная жестокость къ побѣжденнымъ составляетъ отличительную черту Китайцевъ и проходитъ красною ниткою сквозь всю ихъ исторію.

Но устрашать побѣжденныхъ было мало; надо было засе-

лить край, такъ какъ Илійская долина послѣ поголовнаго избіенія Джунгаровъ представляла чуть не лустыню.

Прежде всего здѣсь были поселены привилегированныя классы—Китайцы и Манчжуры; они составляли войска и жителей городовъ. Потомъ, какъ иррегулярное войско, выселены сюда изъ Дауріи тоже манчжурскія племена Сибо, поселенныя на лѣвомъ берегу рѣкѣ Или и Солоны, и Дауры—на правомъ. Но все это были „чи-жену“, солдаты зеленого знамени, своего рода дворянство, которымъ Китайцы платили жалованье. Тогда въ качествѣ низшаго класса были переселены сюда въ большомъ количествѣ китайскіе мусульмане (Дунгане) изъ провинціи Гань-су. Дунгане по численности составляли преобладающій элементъ въ край и всѣ были ревностные мусульмане. Кромѣ того, изъ мусульманскаго же города Учъ, населеннаго Сартами, при поголовномъ избіеніи его жителей въ 1765 году, было отдѣлено семь тысячъ семей и поселено здѣсь, а въ наказаніе за мятежъ они были записаны въ казенныя земледѣльцы (тарань), отъ того они и ихъ потомки стали называться Таранчами. Далѣе сюда прикочевали изъ сосѣднихъ земель Киргизы-Торгоуты; вернулись мало-по-малу остатки Джунгаръ и даже бѣжавшіе къ намъ на Волгу Калмыки. Наконецъ Китайцы стали ссылатъ сюда своихъ каторжниковъ (Чампане).

Теперь мы видимъ какой разноплеменный сбродъ населялъ эту прекрасную долину. Конечно, какъ высшій классъ жители-мусульмане подвергались различнымъ притѣсненіямъ. Китаецъ могъ брать у Дунгана все что хотѣлъ, начиная съ какой-нибудь вещи и кончая его собственною женой. Будучи земледѣльцами, Дунгане и Таранчи отдавали болѣе половины своего урожая; кромѣ того, исполняли различныя тяжелыя работы, строили стѣны, колали канавы и вдобавокъ ко всему этому были совершенно безправны. Кромѣ того, главною причиною дунганскаго возстанія была разница религій. Собственно Китайцы, народъ самый индифферентный въ религіозномъ отношеніи. Обѣ кроткія официальныя религіи Китая, буддизмъ и даосизмъ собственно и не религіи, а отвлеченныя философскія системы; конфуціанство же просто гражданское ученіе. По словамъ профессора Васильева, Китаецъ сегодня вѣритъ одному, завтра другому; члены одной семьи часто бываютъ разныхъ религій; мальчики въ семьѣ иногда исповѣдуютъ одну религію, а дѣвочки другую, и это

никого не шокируетъ, такъ какъ ни одному КитаЙцу не придетъ въ голову сомнѣваться что Будда не такой же богъ какъ и Лаоцзы.

Но магометанство другое дѣло и мусульмане Средней Азіи очень привязаны къ своей религіи, какъ прежде были привязаны и къ религіи Зороастра, ей предшествовавшей. Когда въ VII вѣкѣ, въ огнепоклонническую еще въ то время Бухару, явились арабскіе эмиры, распространяя Исламъ огнемъ и мечомъ и взяли ее, то Бухара три раза прогнала непрощенныхъ проповѣдниковъ и только на четвертый разъ пала подъ ихъ ударами. Съ тѣхъ поръ магометанство распространилось по всей Средней Азіи, да продолжаетъ распространяться и до сихъ поръ.

Но кромѣ разницы религіи и притѣсненія которымъ подвергались Дунгане и о которыхъ я говорилъ выше имѣли тоже свое значеніе. Въ теченіе послѣдняго столѣтняго владычества КитаЙцевъ надъ страной мусульмане возставали пять разъ (въ 1765, 1796, 1825, 1857 и 1862 годахъ). Каждое возстаніе подавлялось съ ужасными жестокостями и народъ малуганный репрессалиями молчалъ до поры до времени, но въ сердцѣ его ярко горѣла ненависть къ своимъ притѣснителямъ. Онъ ожидалъ только удобнаго случая и случай этотъ скоро представился.

Въ 1862 году въ сѣверо-западномъ Китаѣ, въ провинціи Шанзи, въ городѣ Сянгань-Фу, одинъ богатый дунганскій кулець не отдалъ долга китайскому купцу и когда этотъ послѣдній началъ публично укорять его, то Дунганъ распоролъ КитаЙцу животъ. За убитаго вступились родственники и въ свою очередь распоролъ животъ Дунгану. Весь городъ раздѣлился на партіи и Дунгане, болѣе многочисленныя, вырѣзали КитаЙцевъ. Какъ только окрестныя селенія узнали объ этомъ, въ городъ тотчасъ стали стекаться вооруженныя толпы Дунганъ и возстаніе начало распространяться дальше. Нѣсколько разъ высылались противъ мятежниковъ регулярныя китайскія войска и постоянно были разбиваемы; и КитаЙцы, и Дунгане отлично знали что въ случаѣ если они будутъ побѣждены, имъ предстоитъ смерть, и потому борьба была ожесточенная; въ этой борьбѣ не давали и не просили пощады. Такъ тянулось дѣло два года, но впрочемъ внутри самаго Китая, гдѣ преобладали КитаЙцы, Дунгане потерпѣли неудачу. Въ 1864 году

возстаніе добралось до Урумчи, богатаго китайскаго города, въ коемъ считалось 2.000.000 жителей, причеиъ и Дунганъ, и Китайцевъ было почти поровну. Долго длилась рѣзня; даже по официальнымъ китайскимъ донесеніямъ, старавшимся, понятно, все дѣло представить въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, однихъ Манчжуръ было убито 135.000 человекъ. Наконецъ Дунгане побѣдили и въ томъ 1864 года взяли и разграбили Урумчи съ его громадными чайными складами. Послѣ этого возсталъ весь сѣверо-западъ Китая. Дунгане быстро взяли города Манасъ, Шихо и др. 15го января 1865 года возстаніе началось въ Чугучакѣ и 5го апрѣля 1866 года взята его цитадель. Изъ всего Восточнаго Туркестана опять были прогнаны Китайцы, но не Дунганамъ пришлось взять Кашгаръ. Въ новѣйшее время Восточный или Китайскій Туркестанъ извѣстенъ подъ именемъ Алтышара (шестиградіе) или даже вѣрнѣе Джитышара (семиградіе) и Кашгаръ столица Алтышара. Въ немъ волненіе вслыхнуло еще раньше, въ 1857 году, и тоже были прогнаны или зарѣзаны Китайцы, но тамъ въ концѣ концовъ престоломъ завладѣлъ коканскій выходецъ, Якубъ-бекъ, бывший прежде бекомъ въ Акъ-Мечети. Онъ хорошо знаетъ и ненавидитъ Русскихъ, съ которыми сражался въ 1853 году, когда Акъ-Мечеть была взята штурмомъ нашими войсками, и на этомъ мѣстѣ построены городъ Перовскъ. Потомъ онъ бѣжалъ въ Ташкентъ и, набравъ всякаго вооруженнаго сброду, отправился въ Кашгаръ. Воспользовавшись тѣмъ что Китайцы были заняты усмирениемъ возстанія въ другихъ мѣстахъ, онъ посадилъ на престолъ одного вліятельнаго туземца Бузурукъ-хана, но потомъ прогналъ его, сѣлъ самъ и въ концѣ концовъ соединилъ подъ своею властью весь Восточный Туркестанъ.

Въ Илійской долинѣ возстаніе вслыхнуло одновременно во всѣхъ городахъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1864 года. До сихъ поръ здѣсь все было спокойно, но Китайское правительство, чтобъ избѣгнуть возстанія, пожелало, по своему обыкновенію, устрашить народъ и приказало кульджинскому дзаян-дзыиу (китайскому губернатору, управлявшему стравой) умертвить всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ и опасныхъ Дунганъ въ Кульджѣ. Чтобъ удобнѣе привести въ исполненіе этотъ планъ, дзаян-дзыиу пригласилъ на совѣтъ другихъ китайскихъ чиновниковъ. Но слуга Дунганъ испортилъ все дѣло; онъ подслушалъ разговоръ и передалъ его своимъ землякамъ.

Народъ, доведенный до отчаянiя, возсталъ какъ одинъ чело-
вѣкъ. Ужасная рѣзня продолжалась двѣнадцать дней и кон-
чилась тѣмъ что Дунгане, по большей части вооруженные
только палками и ножами, потерпѣли неудачу и должны были
бѣжать въ Старую таранчинскую Кульджу. Дзьянь-дзынь, обо-
дренный побѣдой, выступилъ съ войскомъ противъ нихъ, но
былъ разбитъ на голову и едва спасся въ цитадель. Тогда
Дунгане ободрились въ свою очередь; къ нимъ пристали Та-
ранчи, сначала по повелѣнiю, такъ какъ Дунгане подъ страхомъ
смерти принудили знатныхъ Таранчей склонить народъ къ
возстанiю. Соединенное войско въ свою очередь осадило Но-
вую Кульджу. Она долго держалась и была взята только 3го
марта 1866 года. Минь-су, послѣднiй китайскiй дзьянь-
дзынь, видя неминуемую смерть, поступилъ какъ древнiе
герои. Онъ заперся въ цитадель, задалъ роскошнѣйшiй пиръ,
пригласилъ всѣхъ приближенныхъ и когда ему довели что
Дунгане ворвались въ крѣпость,—сказалъ прощающую рѣчь,
выкурилъ послѣднюю трубку, потомъ горячимъ, раскален-
нымъ лелломъ отъ нея зажегъ фитиль проведенный къ по-
роховымъ погребамъ и взорвалъ себя на воздухъ. Что про-
исходило по взятiю города, какiя сцены звѣрства и насилiя
совершались тутъ—неизвѣстно; но въ настоящее время гро-
мадный городъ совершенно разрушенъ до основанiя и лежитъ
въ развалинахъ. Изъ 200.000 жителей не осталось ни одного
человѣка; Дунгане покинули городъ, Китайцы и Манчжуры
всѣ зарѣзаны или скрылись въ горахъ.

Послѣ этого китайское населенiе было быстро истреблено
во всей долианѣ; многiе города были взяты и разрушены еще
во время осады Кульджи. Дунгане и Таранчи удалились въ
Старую Кульджу; тамъ съ 1867 года началась между ними
вражда за первенство. Междуусобiя росли все больше и на-
конецъ Дунгане были разбиты на голову Таранчами въ полтора
верстахъ отъ Старой Кульджи. Тогда они обратились за по-
мощью къ своимъ землякамъ Дунганамъ въ Урумчи, но при-
шедшия оттуда двѣ тысячи войска разбиты около Баяндаа.
Таранчи захватили власть въ свои руки; у нихъ перемѣни-
лось нѣсколько султановъ, но наконецъ послѣднiй изъ нихъ
былъ брошенъ своими подданными въ зашитомъ мѣшкѣ въ
рѣчку Или, и на престолѣ сѣлъ таранчинскiй выборный сул-
танъ Аля-ханъ, извѣстный подъ именемъ Абель-Оглы.

Между тѣмъ положенiе Русскихъ во все время этихъ

смуть было самое неопредѣленное. Намъ еще при Китайскомъ правительствѣ въ 1851 году были открыты факторіи въ Кульджѣ и Чугучакѣ; но взбунтовавшаяся чернь разрушила и сожгла факторіи и наши консулы должны были уѣхать изъ этихъ городовъ. Во время возстанія Китайское правительство предлагало намъ помочь ему въ борьбѣ съ подданными, но мы отклонили это предложеніе, не желая возстановлять противъ себя нашихъ мусульманскихъ подданныхъ въ Средней Азіи. Уже по изгнаніи Китайцевъ мы продолжали игнорировать настоящее положеніе вещей и принципиально все еще признавали власть Китайцевъ надъ этимъ краемъ. Конечно, это создало массу недоразумѣній. Наши Киргизы укочевывали въ предѣлы Илійской провинціи, а мы глядѣли на это сложа руки; кулджинскіе Таранчи грабили нашихъ подданныхъ и преспокойно уходили назадъ за границу, которую мы обязались не переходить; наша торговля была стѣснена до невозможности. Когда мы стали наконецъ обращаться къ самому Абилю Оглы, требуя свободной торговли, наказанія виновныхъ и возвращенія бѣглыхъ, то султаны отвѣчали молчаніемъ.

Впрочемъ онъ самъ былъ игрушкой въ рукахъ различныхъ партій, и удивительно какъ при постоянныхъ волненіяхъ въ султанатѣ, онъ еще сумѣлъ такъ долго продержаться. Наконецъ ясно стало видно все безсиліе Китайскаго правительства въ борьбѣ съ инсургентами; съ другой стороны для насъ было невозможно допустить между собой и Китаемъ существованіе независимаго разбойничьяго государства. На этомъ основаніи въ 1871 году повелѣно было занять Кульджинскій султанатъ и присоединить его къ Россійской Имперіи.

Не долго продолжалась борьба; мы дали сраженіе при Мазарѣ, дали сраженіе при Суйдунѣ, взяли штурмомъ Чин-чаго-дзи и въ лять дней кончили дѣло. Послѣ взятія Чин-чаго-дзи, жители упорно сопротивлявшіеся ожидали поголовнаго избіенія; каково же было ихъ удивленіе, когда мы не только сохранили имъ жизнь, но не тронули и имущества. Вѣсть о такомъ великодушіи Русскихъ мигомъ разнеслась по всей долинкѣ и всѣ остальные города уже сдавались безъ боя и добровольно отворяли ворота побѣдителю. Только въ самой Кульджѣ партія сопротивленія, желавшая войны во что бы то ни стало и огорченная неудачей, рѣшилась со зна

зарѣзать всѣхъ Дунганъ и въ ночь наканунѣ взятія Кульджи до 2.000 Дунганъ и Китайцевъ было убито; было бы убито и больше, но командующій отрядомъ прислалъ сказать что если рѣзня не прекратится, то заживчики заплатятся головами. Эта мѣра лодѣйствовала и сохранила жизнь остальнымъ несчастнымъ.

Кульджа взята нами 22 июня 1871 года. Разказываютъ что когда на другой день по взятіи Кульджи султана спросили, какъ онъ находитъ свое новое положеніе, то онъ отвѣчалъ что это первая ночь во все время его трехлѣтняго царствованія которую онъ ярсуелъ спокойно. Потомъ его перевели на жительство въ Оренбургъ.

Между тѣмъ по взятіи нами Кульджи, Китайцы, большіе охотники загребать жаръ чужими руками, думая что мы тотчасъ же отдадимъ имъ ее, отправили своего уполномоченнаго князя Жуна „принять ее отъ насъ“. Но имъ объявили что во избѣжаніе дальнѣйшихъ смуть они только тогда получатъ Кульджу, когда подчинятъ опять своей власти всѣ отпавшія владѣнія. Это имъ чрезвычайно не понравилось и они вообще ужасно скверно относятся къ Русскимъ. Въ средѣ китайскаго населенія города Кульджи появлялись письма извѣщавшія о томъ что скоро Китайцы пойдутъ на Кульджу и вырѣжутъ Русскихъ. Каждый годъ распускался слухъ что 60.000 отборнаго китайскаго войска стоитъ въ горныхъ проходахъ, готовое двинуться на Кульджу. Положимъ, мы не вѣрили этимъ слухамъ и всепрежнему высылали въ одинъ горный проходъ роту солдатъ да сотню казаковъ а въ два другіе всего пикеты изъ 25 человекъ.

Между тѣмъ въ эти шесть лѣтъ Китайцы собирались съ силами, и въ 1877 году имъ удалось наконецъ отнять вараздъ бѣольшую часть взятыхъ у нихъ городовъ. Я уже жилъ въ Кульджѣ, когда лѣтомъ 1877 года Китайцы взяли одинъ изъ этихъ городовъ, Манасъ. Въ то время въ Манасѣ былъ агентъ одного кульджинскаго торговаго дома, нѣкто Кл. и онъ, вѣрнувшись въ Кульджу, разказывалъ слѣдующее: когда Китайцы ворвались въ городъ, то по своему обычаю умерщвляли всѣхъ инасургенговъ—принялись рѣзать мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Узнавъ случайно что Кл. Русскій, они привели къ нему дунганскихъ дѣвушекъ, предлагая купить ихъ, и въ противномъ случаѣ грозя ихъ тотчасъ же зарѣзать. Напрасно Кл. говорилъ что русскій законъ запрещаетъ покупать

людей, что онъ ему вовсе не нужны; наконецъ, невольно тронутый положеніемъ лавилицъ, онъ согласился. Какъ только Китайцы узнали объ этомъ такъ тотчасъ привели къ нему пропасть женщинъ, молодыхъ и старыхъ, предлагая купить, и такъ какъ Кн. не имѣлъ возможности удовлетворить ихъ требованію, то на его же глазахъ всѣхъ этихъ женщинъ зарѣзали.

Счастье рѣшительно повернулось къ Китайцамъ. Осенью 1877 года умеръ ихъ самый опасный противникъ и непримиримый врагъ, Якубъ-бекъ кашгарскій. Послѣ его смерти на престолъ вступилъ его сынъ, слабый и безхарактерный бекъ Кули-бекъ и Китайцамъ въ началѣ 1878 года удалось овладѣть Кашгаромъ. Такимъ образомъ, вернувъ все потерянное, они принялись хлопотать и о возвращеніи Кульджи и, какъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году отправляли къ намъ посольство, прося отдать ее и обѣщая за это различныя торговыя льготы.

Еще въ бытность мою въ Кульджѣ, Таравчи и Дунгане, узнавъ что Кульджу хотятъ отдать назадъ Китайцамъ, страшно встревожился. Они отправили нѣсколько петицій прося принять ихъ въ русское подданство и выселить куда-нибудь, а не отдавать назадъ Китайцамъ, у которыхъ ихъ ждетъ мучительная смерть или мучительная жизнь. Они говорили что еслибы Русскіе не взяли Кульджу, то они бы никогда не допустили Китайцевъ взять опять Кашгаръ; что Русскіе ихъ обезоружили и что поэтому на ихъ обязанности лежитъ ихъ защищать, а не отдавать безоружныхъ Китайцамъ; что въ такомъ случаѣ они сдѣлаютъ новое возстаніе, такъ что русское внимательство опять станетъ необходимымъ.

Кульджу рѣшено отдать назадъ. Вѣроятно наше правительство по этому поводу руководило какія-нибудь высшія соображенія. Я не хочу соваться въ политику и не буду говорить о томъ, какой ударъ обаянію нашего имени въ Средней Азии нанесетъ этотъ фактъ, и какое нравственное впечатлѣніе произведетъ отдача Кульджи на туземцевъ. Если обѣщаніе отдать Кульджу перевѣсило на дипломатическихъ вѣсахъ всѣ другія соображенія, то пусть будетъ такъ. Я не скажу ничего о томъ что если рѣшено отдать Кульджу ради торговыхъ льготъ которыя намъ обѣщаны, то мы могли добиться этихъ льготъ и ничего не уступая, какъ сдѣлали это

съ тѣмъ же Китаемъ Французы и Англичане. Нѣтъ, а просто скажу что жаль отдавать этотъ прекрасный и дѣйствующій край, подобнаго которому у насъ немного въ Туркестанѣ. Въ самомъ дѣлѣ что дѣйствительно хорошаго имѣемъ мы на всемъ громадномъ пространствѣ земель занятыхъ нами въ Средней Азии, на пространствѣ почти вдвое превосходящемъ Францію. Долину Или, долину Ферганы и Заревшана,—вотъ и все.

Теперь однимъ этимъ мѣстомъ стало мѣтѣ.

Такова печальная исторія страны по которой я ѣхалъ въ настоящее время....

Но вернемся къ путешествію.

На первой станціи отъ Борохудзира, Аккентѣ, я остановился на вочлегъ, предварительно прекрасно поужинавъ фазанами, которыхъ мнѣ удалось убить въ лѣсу. Я легъ спать со сладкимъ сознаніемъ что завтра послѣдній день моего путешествія.

На слѣдующій день я отправился дальше по мѣстности которая была вѣкогда прекрасно воздѣлана, теперь же представляла голую степь. Только въ разные стороны тянулись неглубокія канавки отъ высохшихъ арыковъ, да кое-гдѣ видѣлись разрушенныя домики. Несмотря на семилѣтнее владычество Русскихъ, Китайцы до сихъ доръ не могутъ оправиться отъ погрома, и только нѣкоторые изъ нихъ, которымъ уже больше нечего терять, рѣшаются вновь садиться въ развалинахъ.

Слѣва отъ дороги сивля скалистые лики Борохорора, горнаго хребта идущаго къ сѣверо-востоку отъ Кульджи и составляющаго теперь нашу границу съ Китаемъ. Въ два его прохода, Талки и Цытарты, ежегодно высылаются небольшіе ликеты, впрочемъ, единственно противъ контрабандистовъ. Этотъ хребетъ чрезвычайно дикъ; изъ Талкинскаго прохода, точно изъ какой-нибудь отдушны, не видно ничего, кромѣ каючка сивляго неба наверху; тамъ, за этимъ проходомъ, идетъ въ глубь Китая знаменитая вѣкогда большая Императорская дорога. Тамъ, влѣво отъ дороги, на высотѣ 7.000 футовъ, какъ въ глубокой каменной чашѣ, спокойно дремлетъ горное озеро Сайрамъ-Нортъ; ни одной рыбы не живетъ въ его глубинахъ, ничего живаго не встрѣтишь по его окрестностямъ и только дикія скалы глядятся въ лустыняныя воды...

Съ вершикъ Борохорора течетъ рѣчка Хоргосъ, на которой построена станція Хоргосъ, слѣдующая за Аккентомъ.

Недалеко отсюда былъ прежде городъ Хоргосъ, теперь разрушенный (официально ло-китайски Гуань-Чень-Чень). Хоргосъ настоящая горная рѣка. Осенью, когда мало воды, она течетъ тремя или четырьмя тоненькими рукавами не болѣе какъ въ поларшина глубины; во время же половодья, въ юнѣ и июлѣ, всѣ эти рукава соединяются въ одно цѣлое и рѣка съ шумомъ несетъ по равнинѣ на двѣ и даже на три версты шириной. Когда мнѣ ее пришлось переѣзжать (10го апрѣля) она еще не разлилась и только по тремъ ея рукавамъ текла вода, все же остальное пространство представляло груды безпорядочно наваленныхъ камней. Переправа черезъ Хоргосъ страшно затруднительна, такъ какъ, кромѣ быстроты теченія, дно ея покрыто большими камнями, о которыхъ скользятъ ноги лошадей. Кромѣ того, на всемъ пространствѣ между рукавами, фарватеръ мѣняется чуть не ежедневно; гдѣ сегодня было ровное, глубокое мѣсто, тамъ завтра нѣтъ зачастую проѣзда отъ кучи камней. Каждую переправу сопровождаютъ нѣсколько конныхъ Киргизовъ для подавнїя помощи на всякій случай. Они привязываютъ длинныя веревки къ колесамъ и бокамъ телеги и тянутъ за нихъ въ разныя стороны, такъ что по моему мнѣнїю больше мѣшаютъ чѣмъ помогаютъ; телега переваливается съ камня на камень, грозя перевернуться каждую минуту и вообще эта переправа была одна изъ самыхъ непрїятныхъ вещей во все время моего путешествїя.

Берега Хоргоса изобильно поросли мелкимъ кустарникомъ, въ которомъ водится множество лисицъ и зайцевъ.

Не далеко отъ Хоргоса на нашей дорогѣ лежали развалины нѣкогда прекраснаго китайскаго города Чин-лан-ви. Дорога идетъ самымъ городомъ и по обѣ стороны ея нагромождены безобразныя кучи кирпича и глинны, да исковерканныя обломки стѣнъ. Здѣсь все разграблено и разорено; даже деревянныя потолки домовъ и тѣ сняты; на нѣкоторыхъ стѣнахъ предъ домами уцѣлѣли разнцныя украшенїя, рельефныя изображенїя; на внутреннихъ стѣнахъ остались какїя-то яркія краски. Еще недавно, уже при русскомъ владычествѣ, въ разныхъ мѣстахъ между стѣнами валялись человѣческіе скелеты. Даже могилы были разрыты, такъ какъ Китайцы имѣютъ обыкновеніе хоронить своихъ умершихъ со всеми драгоценностями и въ богатыхъ одеждахъ. Черепла валялись на самой землѣ; сквозь глазныя орбиты ихъ проросла трава

и длинныя черныя косы Китайцевъ отаивали на солнцѣ металлическимъ блескомъ. Теперь все это убрано... и слава Богу! Около двухъ верстѣ ѣхали мы городомъ и наконецъ уже на выѣздѣ проѣхали какими-то великолѣпными воротами, единственно уцѣлѣвшими среди всеобщаго разрушенія. Уже по однимъ воротамъ видно насколько этотъ городъ стоялъ выше другихъ мусульманскихъ городовъ. Они построены въ видѣ массивной арки, толщиной въ нѣсколько сажень, всё изъ прекраснѣйшаго обожженаго кирпичика. Наверху уцѣлѣла какая-то надпись или украшенія—не знаю. Ни прежде, ни послѣ не видалъ я такихъ построекъ въ Средней Азіи. Тайна приготовленія подобныхъ кирпичей известна только Китадцамъ; они немногимъ больше нашихъ, темнокраснаго цвѣта съ какимъ-то желѣзистымъ блескомъ и звенятъ какъ стекло. Многие жители Кульджи берутъ кирпичи для своихъ построекъ изъ разрушенныхъ крѣпостей, но эти ворота запрещено трогать и потому они цѣлы до сихъ поръ.

Проѣхавъ слѣдующую за Хоргосомъ станцію Алашту мы вступили въ китайскій городъ Чин-ча-го-дзи. Впрочемъ здѣсь мало Китайцевъ, а почти всё жители Дунгане, потому онъ уцѣлѣлъ среди погрома. Городъ этотъ не похожъ на мусульманскіе города Средней Азіи. Въ немъ прекрасныя улицы, обсаженныя деревьями; дома по большей части деревянные, высокіе. Станція помѣщается въ бывшемъ китайскомъ зданіи, гдѣ находится много китайскихъ вещей. Какая-то стариннаго фасона мебель и ширмы, рѣзное слоновой кости украшеніе въ родѣ нашего туалетнаго стола, къ сожалѣнію изломанное, на стѣнахъ китайскія картины, совершенно особенныя, безъ соблюденія тѣней и перспективы.

За Чин-ча-го-дзи идетъ другой дунганскій городъ Суйдунь (Суй-динь-чель). Еще издалека, когда мы только подъѣзжали къ нему, до насъ доносился ароматъ его садовъ. Фруктовые сады составляютъ гордость Суйдуна, и его яблоки, груши и абрикосы далеко развозятся по всему краю. Въ сторонѣ отъ Суйдуна лежитъ совершенно разрушенная Новая Кульджа. Уже стемнѣло, когда я выѣхалъ изъ Суйдуна. Былъ чудный весенній вечеръ и молодой мѣсяцъ уже второй разъ во время моего путешествія сіялъ на ясномъ небѣ. Дорога постепенно приближается къ рѣкѣ Или, и въ разныхъ мѣстахъ я видѣлъ огни и столбы густаго дыма. Это выжигали камыши по рѣкѣ Или для того чтобы лучше росла трава и чтобы камыши не

зависали слишкомъ много плодороднаго пространства. Въ нихъ водятся кабаны, а прежде были тигры. Здѣсь около Кульджи Или течетъ со скоростью девяти футовъ въ секунду; скорость порядочная, если вспомнить что Нева въ Петербургѣ протекаетъ всего три фута въ секунду.

Мѣстность отъ Судува становится холмистою и около сѣвдующей станціи, Баандаа, невысокіе отроги Борохорора подходятъ къ самой дорогѣ. Здѣсь, въ горахъ Гангуи, находятся копи каменнаго угля, которыми отапливается Кульджа. Угля теперь добывается около милліона пудовъ въ годъ; онъ плохаго качества, не даетъ антрацита, содержитъ много землистыхъ частицъ и легко выѣтривается на воздухѣ. Къ югу, на горизонтѣ медленно всплываютъ высокія горы, отроги Тянь-Шаня, расположенныя уже сзади Кульджи.

Баандаа—послѣдняя станція предъ Кульджей; не вдалекѣ развалины китайскаго города Баандаа (городъ Хой-минъ-ченъ), имѣвшаго до 80.000 жителей. Отъ станціи идетъ прекрасная мѣстность съ воздѣланными полями, тавутся селенія окруженныя деревьями. Въ пяти верстахъ отъ Кульджи находится мазаръ; это могила какого-то святаго или просто богатаго человека—не знаю. Тутъ прекрасный садъ, куда часто привѣзжаютъ гулять жители Кульджи. Отъ него мѣстность представляетъ тоже несковчаемый садъ: изрѣдка мелькаютъ домики среди деревьевъ; дорога широкая, ровная, точно шоссе, съ канавами по обѣимъ сторонамъ и обсаженная аллеями молодыхъ деревьевъ. Зелень сопровождаетъ васъ до самыхъ предмѣстій города, который уже издали представляется среди степи какимъ-то зеленымъ пятномъ.

Наконецъ, уже въ глубокой темнотѣ, показались ворота крѣпости. 10го апрѣля, послѣ сорокачетырёхдневнаго путешествія я въѣхалъ въ Кульджу. Длинный, утомительный путь былъ конченъ.

XIV. Старая Кульджа.

Старая или Таравчанская Кульджа лежитъ подъ 79°50' восточной долготы и 43°30' сѣверной широты, на высотѣ 1.700 футовъ надъ уровнемъ моря. Она расположена по срединѣ широкой (50—60 верстъ) ровной Илиской долины, постепенно суживающейся и поднимающейся къ востоку. Ее со всѣхъ сторонъ, кромѣ запада, окружаютъ горы. Съ сѣвера

идутъ горы Борокороръ, съ юга горы Улькунъ-Тау, отроги Тянь-Шаня; обѣ горныя цѣли сходятся на востокъ въ 250 верстахъ отъ Кульджи, такъ что вся долина представляетъ треугольникъ. Преобладающій вѣтеръ западный.

Будучи такъ далеко выдвинута на югъ и расположена почти въ самомъ центрѣ Азиатскаго материка, Кульджа имѣетъ континентальный и притомъ чрезвычайно жаркій климатъ. Ея средняя годовая температура $+10^{\circ}$ С., а средняя температура лѣта $26,5^{\circ}$ С. Мы, жители Европы, не имѣемъ понятія о такой жарѣ. Всѣ города которые мы привыкли считать жаркими далеко отстаютъ отъ Кульджи въ этомъ отношеніи. Алжиръ, Пекинъ, Мадридъ, Миланъ, Римъ, Флоренція, Палермо, Константинополь, Неаполь, Ницца, — холоднѣе лѣтомъ Кульджи. Такіе города какъ Каиръ и Калькутта только на одинъ градусъ теплѣе ея. Континентальность кульджинскаго климата сказывается въ томъ что между тѣмъ какъ большинство перечисленныхъ городовъ вовсе не имѣетъ зимы, въ Кульджѣ она продолжается сдѣшкомъ мѣсяцъ, причемъ средняя температура бываетъ -9° С. Туземцы утверждаютъ что съ приходомъ Русскихъ зима каждый годъ дѣлается холоднѣе. Зима 1877—1878 года, которую я провелъ въ Кульджѣ, была дѣйствительно очень сурова.

Несмотря на такія особенности климата онъ вообще можетъ назваться здоровымъ и мягкимъ, такъ какъ чрезмерная сухость и жара умѣряются частымъ дождемъ. Этимъ Кульджинскій районъ рѣзко отличается отъ нашихъ остальныхъ средне-азиатскихъ владѣній, гдѣ лѣтомъ почти не бываетъ дожда. Вообще долина верхней и средней части Или очень богата водой. Кромѣ многихъ рѣчекъ, текущихъ съ горъ, здѣсь сильно развита ирригаціонная система. Съ обѣихъ сторонъ рѣки Или, артеріи края, которая пересѣкаетъ долину въ прямомъ направленіи съ востока на западъ, проведены громадныя арыки, которые сами по себѣ составляютъ цѣлыя рѣки; съ лѣвой стороны изъ Или проведенъ арыкъ Сумунъ, а съ правой арыкъ Арустанъ, впрочемъ не изъ самой Или, а изъ притока ея рѣки Каша, впадающаго въ Или близъ урочища Ямату. Этимъ арыкомъ орошается Кульджа. Чрезвычайно сильная жара и обиліе воды сдѣлали то что здѣсь лѣтомъ развивается почти тропическая растительность; всевозможныя плоды, начиная отъ обыкновенныхъ яблоковъ и кончая самыми тонкими сортами персиковъ и абрикосовъ,

повсемѣстно растутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ, а тѣ которые не растутъ могутъ быть легко культивированы. Хлопчатникъ часто встрѣчается здѣсь въ дикомъ видѣ, тутовое дерево тоже порядко и шелководство легко могло бы развиться. Чайное дерево растетъ въ горахъ. По берегамъ арыковъ развивается лѣтомъ такая роскошная растительность какую никогда не видала и не увидитъ Европа. Весною вся степь, а лѣтомъ склоны горъ покрыты густою, сочною травой, превышающею ростъ человека.

Почва песчано-глинистая и плодородная, она вовсе не требуетъ удобренія и нуждается только въ водѣ. Производительность природы здѣсь изумительна, пшеницу иногда снимаютъ въ лѣто два раза и она родится самъ 30—50. Урожай проса доходятъ до самъ 200—300. Клеверъ, который составляетъ исключительную пищу лошадей и рогатаго скота, косятъ до пяти разъ. Дешевизна мѣстныхъ продуктовъ здѣсь замѣчательная, особенно была въскольکو лѣтъ тому назадъ; теперь же къ сожалѣнню все дороже. Такъ при взятн Кульджи курица стоила 1 кол. сер.; лудъ пшеницы осенью стоить 5 кол.; рабочий получаетъ въ день на своихъ харчахъ въскольکو копѣекъ; тысяча кирпича-сырца стоила 70 кол. Яблоки не продавались десятками и сотнями, а прямо накладывались въ мѣшокъ, 6 лудовъ въсомъ (каль), и это стоило 10—20 кол.; лудъ каменнаго угла стоилъ 1 кол.; а на самыхъ коляхъ даже $\frac{1}{4}$ кол. Теперь все это стало дороже, но все-таки до сихъ поръ чрезвычайно дешево.

Предметами туземной торговли служатъ: хлѣбъ, потому плоды, бараны и мѣха; въ Россню вывозится также серебро въ слиткахъ (амбы). Русскн торгуютъ преимущественно краснымъ товаромъ и различными мелкими вещами. Туземцы не знаютъ никакаго правила торговли и торгуютъ какъ имъ Богъ на душу положить. Колебанн цѣнъ поражаютъ своею неожиданностью; достаточно чтобы увеличился спросъ на какой-нибудь предметъ, достаточно показать видъ что вамъ понравилась такая-то вещь, и за нее запрашиваютъ вдесятеро. Сотня яицъ стоить напримѣръ обыкновенно 12—15 кол.; вдругъ безъ всякихъ видимыхъ причинъ цѣна на нихъ начинаетъ подниматься, точно на перебой: она у всѣхъ купцовъ дѣлается выше, выше и доходить до 1 р. 50 к. и даже до 2 р. Тогда всѣ перестаютъ покупать яйца и цѣна на нихъ падаетъ до ихъ первоначальной стоимости. Или арба камен-

ваго угля въ 20—25 пудовъ стоитъ зимой, обыкновенно 1 р. 50 к.—2 р. Но вотъ выпадаетъ подъ рядъ нѣсколько холодныхъ, морозныхъ дней; въ холодъ Таранчу ни за какія деньги не вытащишь изъ дому; никто не ѣдетъ на коли за углемъ, базаръ пустъ и стоять всего 5—6 арбѣ, за которыя просятъ 6, 7, 8 р. и больше. Но наступаетъ чрезъ нѣсколько дней оттепель, и на базарѣ отъ угля опять вѣтъ прохода и цѣна ему грошъ.

Окрестности Кульджи чрезвычайно живописны, вездѣ сады и кенты (селенія). Рядъ кентовъ идетъ съ сѣверной стороны; другой рядъ такихъ же поселеній (сумуновъ) идетъ съ южной стороны Кульджи, вдоль предгорій Тянь-Шаня. Кроме того въ разныхъ мѣстахъ разбросаны отдѣльныя деревни окруженныя садами. Иногда только печально поражаютъ глазъ разрушенныя села, сухіе арыки, медленно погибающіе отъ недостатка воды и ухода, кулы заглохшихъ деревьевъ, да обширныя кладбища—все слѣды бывшаго возстанія. Огромныя пространства засѣяныя пшеницей, ячменемъ и просомъ, обширные участки кукурузы и клевера, рисовыя и маковыя поля окружаютъ самый городъ. Особенно оригинальны и красивы маковыя поля, засѣяныя ярко-краснымъ, бѣлымъ или пестрымъ макомъ. Опіумъ здѣсь бываетъ готовъ около половины или конца юня и сборъ его составляетъ настоящій праздникъ. Работники выходятъ въ поле по-парно; одинъ маленькимъ острымъ ножомъ надрѣзываетъ косвенно незрѣлыя маковыя головки, а другой собираетъ выстулающій млечный сокъ въ роговый стаканчикъ. Чрезъ нѣсколько дней сокъ твердѣетъ, прижимаетъ бурый цвѣтъ и въ видѣ опіума постулаетъ въ обращеніе.

Съ перваго взгляда Кульджа производитъ каксе-то странное впечатлѣніе; нельзя уловить никакого характера въ фисіономіи города, что конечно зависитъ отъ разнообразія племенъ его населяющихъ. Здѣсь живутъ: Таранчи, Дунгане, Калмыки, Манджуры, Китайцы; отчасти живутъ, отчасти только прѣзжаютъ сюда для торговли: Сарты, Киргизы, Таргоуты, Сибо и Солоны; затѣмъ Русскіе; наконецъ попадаются Афганцы и даже Индійцы. Преобладающее населеніе Таранчи; это лучшая народность края, честный, трудолюбивый народъ; они строгіе мусульмане и даже дома ихъ отличаются мусульманскимъ характеромъ. Затѣмъ идутъ Дунгане; они тоже мусульмане, но совершенно окитаились въ образѣ жизни

и привычкахъ. Они приняли китайскую одежду и постройку, носить косу и бритье бороду, женятся на Китаанкахъ, только дочерей своихъ не отдаютъ за Китайцевъ, что очевидно надо приписать разницѣ религій. Они приняли китайскій календарь и лѣтосчисленіе и вмѣстѣ со своими празднуютъ даже и китайскіе праздники. Китайцы и Манджуры отчасти участвовали во время погрома, заранѣе покорившись Дууганамъ, отчасти вернулись на прежнія мѣста уже при русскомъ владычествѣ. Они все буддисты; впрочемъ въ низшемъ классѣ и между Калмыками господствуетъ самое грубое суевѣріе и идолопоклонство.

Самый городъ довольно грязенъ: длинныя, узкія, извилистыя улицы; маленькіе низенькіе домики, скученные до возможности. Но что чрезвычайно скрашиваетъ Кульджу, это обиліе зелени и воды. Тысячи и тысячи арыковъ проведены по всемъ направленіямъ, начиная отъ широкихъ и глубокихъ—пятисаженной ширины и глубины въсколькихъ аршинъ, и кончая такими чрезъ которые легко перешагнуть. То отдѣльными группами, то цѣлыми аллеями обступили ихъ, наклонившись надъ ними и свѣсивъ вѣтви до самой воды, столѣтніе карагачи и тополы. Вездѣ перекинуты висачіе мостики, на лѣпкахъ которыхъ всегда можно застать Таранчей и Дууганъ, совершающихъ свое far niente. Садовъ въ Кульджѣ тоже чрезвычайно много и чѣмъ дальше отъ центра города тѣмъ больше; тутъ каждый домъ обнесень отдѣльною стѣной и казалось потонулъ въ массѣ зелени. Сады очень обширны; они рѣдко имѣютъ меньше десятины и часто простираются на 5—6 десятинъ и предмѣстья города сплошь окружены садами какъ яркимъ зеленымъ кольцомъ. Лѣтомъ все начальство города живетъ въ этихъ садахъ. Лучшіе изъ садовъ, кромѣ тѣхъ въ которыхъ живутъ туземцы и которые потому мало известны Русскимъ — три. Общественный садъ, гдѣ лѣтомъ живетъ начальникъ сѣвернаго участка—С., садъ гдѣ живетъ начальникъ Кульджинскаго района—полковникъ В. и наконецъ садъ гдѣ находится дворецъ бывшаго Кульджинскаго суктана; такой, въ полномъ смыслѣ слова, великолѣпной аллеи изъ пирамидальныхъ тополей, какъ въ этомъ саду, я никогда не видалъ ни прежде, ни послѣ.

Большая часть присутственныхъ мѣстъ и казенныхъ зда-

ній находится въ туземномъ городѣ, но все-таки въ сторону отъ него, за рѣчкой, на возвышеніи расположенъ новый или русскій городъ. Тутъ находятся казармы, церковь, казандище, госпиталь и много частныхъ домовъ и лавокъ. Верстахъ въ двухъ отъ него, по другую сторону большой почтовой дороги, лежитъ лагерь квартирующихъ въ Кульджѣ войскъ. Здѣсь стоитъ 10й Туркестанскій линейный баталіонъ, 5я и 6я сотня 1го коннаго полка Сибирскаго казачьяго войска и два взвода горной батареи 2й Туркестанской артиллерійской бригады. Впрочемъ эти войска никогда не бывають въ сборѣ, такъ какъ часть пѣхоты и кавалеріи постоянно стоитъ въ городахъ Суйдунъ и Борохундиръ, а лѣтомъ кромѣ того въ трехъ горныхъ проходахъ.

Съ ранняго утра кипитъ жизнь на улицахъ Кульджи. Вотъ крѣпость, центръ туземнаго города. Ея массивныя стѣны, выстроенныя Каалмыками, отчасти сохранились и по нимъ разгуливаютъ Таранчи. Стѣны строемы еще при китайскомъ владычествѣ и имѣють $8\frac{1}{2}$ сажени вышины, $2\frac{1}{2}$ сажени толщины и 350 сажень длины. Около стѣнъ приотлились въ разныхъ мѣстахъ оранжереи и полвучія растенія и цвѣты прихотливо вьются по скатамъ. Китайцы страстные любители цвѣтовъ, и молодая Китаанка, кто бы она ни была, непременно, кромѣ массы серебряныхъ украшеній, носить въ волосахъ два-три цвѣтка. Мусульмане чужды этихъ поэтическихъ прибавленій къ своей жизни, но, впрочемъ таранчинскія дѣвушки теперь начинаютъ перенимать у Китайцевъ этотъ обычай.

Крѣпость подъ прямымъ угломъ перестѣкають двѣ улицы; улицы прямыя, широкія; онѣ окаймлены съ обѣихъ сторонъ арыками, выложенными досками и кирпичами и посаженными деревьями. На главной улицѣ даже поставлены фонарные столбы, хотя для чего—неизвѣстно, такъ какъ фонарей на нихъ нѣтъ, и мѣстные остраки увѣряють что они поставлены для того чтобы въ темныя, беззвѣзныя ночи Таранчи разбивали себѣ абы объ эти столбы. Вездѣ, прямо на землѣ, навалены груды плодовъ и овощей; въ лавкахъ подъ навѣсами невозмутимо сидятъ Таранчи и продають всякую дрянь. Это мусульманскій или таранчинскій базаръ.

Въ центрѣ крѣпости, гдѣ сходятся обѣ улицы, площадь и на ней мечеть; впрочемъ эта мечеть въ китайскомъ вкусѣ и совершенно не похожа на мусульманскія мечети въ другихъ

восточныхъ городахъ. Это широкое, многостажное зданіе, украшенное разноцвѣтными изразцами съ рельефными, выпуклыми изображеніями. Оно имѣетъ черепичную кровлю съ приподнятыми углами и влоавъ напоминаетъ китайскую лагуну. Дѣло въ томъ что почитатели Магомета въ Кульдѣ не имѣютъ собственной мечети и имъ отведены старыя китайскіе буда-ханы; другая такая же мечеть въ восточной части города.

За крѣпостью обширное пространство въ видѣ площади, на которомъ разбѣяны присутственныя мѣста и болѣе красивыя частныя дома. Тутъ же прекрасный бульваръ, устроенный уже Русскими, а рядомъ фруктовый и конный базаръ, на которомъ съ утра до вечера Таранчи съ крикомъ и гиканьемъ объѣзжаютъ своихъ лошадей. Дальше безконечнымъ лабиринтомъ идутъ ряды узкихъ и кривыхъ улицъ, во всякое время дня густо покрытыхъ народомъ. Можно сказать что здѣсь вся жизнь проходитъ на улицѣ; пользуясь своимъ чуднымъ климатомъ, жители цѣлый день проводятъ на воздухѣ, и только поздняя ночь загоняетъ ихъ домой.

Около лавокъ движеніе, говоръ; рѣжутъ на рѣзкѣ каверъ; продаютъ баранину, большими кусками подвѣшенную къ навѣсу лавки; тутъ же на улицѣ лекутъ прѣсмыя лшеничныя лепешки (кульча) и готовятъ какія-то кушанья. Вотъ низшая мусульманская школа (муртабдаръ); вокругъ одного старика сидятъ 15—20 мальчиковъ и разомъ повторяютъ за учителемъ молитву или слова Корана. Это еврейскій обычай перенятый мусульманами, и неустовый гамъ далеко несется отъ такой школы. По свѣдѣніямъ 1877 года всѣхъ школъ въ районѣ считается 344 съ 5.387 учащимися; а это на 131.500 человекъ жителей округа составляетъ около 5%, между тѣмъ у насъ въ Европейской Россіи приходится менѣе одного процента.

Трое Таранчей рядомъ ѣдутъ верхами и горячо разсуждаютъ о чемъ-то; на перилахъ моста, недалеко отъ своей мечети сидитъ мулла въ бѣлой чаапѣ. Мальчикъ-Дунганъ въ короткой пестрой курткѣ и ермоакѣ на головѣ выдвигаетъ и задвигаетъ мѣхъ въ кузницѣ, а старикъ-Дунганъ съ рѣдеющей, сѣдою бородой и какими-то грустно равнодушными глазами поворачиваетъ на огнѣ длинную желѣзную полосу. Молодая Таранчинка, въ распашномъ теплому стеганомъ ситцевомъ халатѣ, стоитъ на крышѣ и сбрасываетъ оттуда

клевверъ. Ослы, нагруженные каменнымъ углемъ, лѣзливо бѣгутъ мелкою рысцою, похлопывая ушами. Ребятишки шныряютъ и перебѣгаютъ черезъ улицу, оласаясь каждую минуту быть раздавленными проезжающими всадниками. Маленькія, хорошенькія таранчинскія дѣвочки, въ круглыхъ парчевыхъ, вышитыхъ серебромъ и золотомъ шалочкахъ, съ вычерченными, совсѣмъ сходящимися бровями и съ длинными косами, въ которыя влаетены черные шелковые шнурки, взявшись за руки, жмутся около стѣнки; старуха-Таранчинка что-то кричитъ на нихъ. Собаки бѣгаютъ по крышамъ или лежатъ свернувшись около домовъ на самой дорогѣ, рѣшительно не обращая вниманія на проезжающихъ. Около арыка нѣсколько Киргизовъ кричатъ на воловъ, которые боятся идти въ воду; высокія, неуклюжія арбы скрилятъ при каждомъ движеніи; одинъ Киргизъ длинною палкой бьетъ по мордѣ вола, но упрямое животное не двигается и только отвертываетъ голову.

Вотъ китайская кумирня, изящное зданіе съ высокими рѣшетчатыми воротами; въ ней находится колоссальное изображеніе Будды и множество мелкихъ идоловъ (бурхановъ). На воротахъ традиціонный кружокъ, выкрашенный пополамъ въ черный и бѣлый цвѣтъ; это символическое изображеніе двухъ противоположныхъ началъ, поровну владѣющихъ міромъ: дня и ночи, добра и зла. Дальше къ сѣверо-восточной части города китайскій базаръ; его улицы всегда слышны покрыты народомъ и по непрерывной тѣсотѣ и суетѣ его можно сравнить съ нашею толкучкой. Въ прохладной глубинѣ лавокъ, за темными крытыми навѣсами меланхолически сидятъ Китайцы, предлагая товаръ покупателямъ; это торговцы-аристократы, тогда какъ мелочь торгуетъ прямо на улицѣ. Впрочемъ все хорошее или по крайней мѣрѣ рѣдкое и оригинальное раскулачено и теперь осталась только ничего не стоящая дрянь, такъ какъ новыхъ вещей не подвозится и торговая Кульджи съ городами внутряннаго Китая, послѣ завоеванія ея Русскими, совсѣмъ пала. Стѣны лавокъ часто покрыты какими-то картинками или китайскими лисьменами и чрезъ улицу перекинута въ видѣ висячихъ арокъ цвѣтными бумажными лентами съ изображеніемъ драконовъ или цвѣтовъ. Вотъ китайская аптека, гдѣ шарлатанская медицина предлагаетъ желящимъ различныя, большею частью возбуждающія средства;

тутъ можно достать знаменитый китайскій корень жень-шень (*Radix Ginsengi*), продающійся на двойной вѣсъ золота, или не менѣе извѣстныя молодая налитыя еще кровью маральи рога (отъ *Aegoceras sibiricus*). Тутъ китайская кухня-ресторанъ, гдѣ любитель полакомиться можетъ спросить себя пивокъ подъ бѣлымъ соусомъ или стручковаго перцу зажареннаго въ горчичномъ маслѣ; здѣсь же вамъ подадутъ филе изъ мышинныхъ лалокъ или цѣлый обѣдъ приготовленный изъ мяса кошки. Всѣ кушанья изготавливаются на открытомъ воздухѣ, вонь стоитъ ужасная и, говорятъ, пролетая мимо такой кухни, налету умираетъ воробей.

Вотъ испитой, поблѣднѣвшей Баамыкъ катитъ какую-то тачку съ грузомъ; толстый, жирный Китаецъ, съ длинною черною косою и съ чваннымъ выраженіемъ на глупомъ лицѣ важно плетъ впереди держа трубку въ зубахъ. Молоденькія Китайки съ узкими косыми глазками, что придаетъ нѣкоторымъ изъ нихъ ликантное задорное выраженіе, съ черными какъ смола волосами, въ которые вплетены цвѣты и воткнуты какія-то серебряныя стрѣлы и кольца, въ ларчевыхъ вышитыхъ кофточкахъ и до безобразія маленькихъ, миниатюрныхъ башмачкахъ, взявшись за руки или опираясь на локку, идутъ вдоль стѣны. Жертвы уродливой моды, онѣ почти совсѣмъ не могутъ ходить и малѣйшій порывъ вѣтра валитъ ихъ съ ногъ. Цѣлое китайское семейство въ голубой двухколесной кареткѣ, завѣшанной синею или бѣлою матеріею, медленна прокладываетъ себѣ дорогу среди волнующейся толпы. Всевозможныя рѣчи на всѣхъ языкахъ слышатся здѣсь и отъ непрестаннаго крика и гама стовъ стоитъ въ воздухѣ...

Но вотъ медленна погасаетъ день и полу-мусульманскій и полу-китайскій городъ затихаетъ мало-по-малу. Раньше всѣхъ ушли Китайцы со своего базара; масса разнаго оброчу приѣзжающаго въ Кульджу ежедневно по торговымъ дѣламъ тоже разѣзжается поемному. Въ крѣпости съ закатомъ солнца въ послѣдній разъ влѣзаетъ мулла по ступенямъ вырубленнымъ въ глинаной стѣнѣ на какое-то возвышеніе и тамъ оборотавъ къ западу (къ Меккѣ), зажмуривъ глаза и закрывъ пальцами уши, заунывно поетъ призывную молитву. Къ мечети со всѣхъ сторонъ какъ муравьи ползутъ Тараичи и шумъ на площади стихаетъ. Только не полавшіе почему-то въ мечеть двое Тараичей преспокойно совершаютъ

намазъ у ближайшаго арыка, да проходящiе мимо русскiе солдаты громко разсуждаютъ о чемъ-то. Медленно расходится народъ послѣ вечерней молитвы; трое Таранчей, наговорившись обо всемъ вдоволь, наконецъ въ знакъ прощанiя нѣсколько разъ прикладываютъ руки ко груди и ко лбу и важно расходятся по домамъ. Тутъ мирно ужинаетъ лечеными лепешками мусульманская семья. На площади лусътъеть и темнѣеть... Только сторожа-Дунгане со своими трещотками расхаживаютъ по улицамъ или бросивъ пригоршню каменнаго угля и разведя огонь въ выбоинѣ стѣны грѣютъ озабшiе пальцы. Надъ успокоившимся городомъ водарается тишина; лишь иногда струя набѣжавшаго вѣтра донесетъ собачiй лай или неясный шумъ далекаго арыка, да изрѣдка по сонной улицѣ проскачетъ залоздавшiй офицеръ и звучный гудъ лошадиныхъ копытъ далеко несется въ мягкомъ ночномъ воздухѣ...

Такова Кульджа, которую, судя по послѣднимъ извѣстiямъ, рѣшено отдать назадъ. Воображаю, зададутъ теперь Китайцы жару своимъ вновь возвращеннымъ подданнымъ.

И. ЗАРУБИНЪ.

Москва, 1879 года.

ОЧЕРКИ ХАЛДЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ *

III. Демонологія и магія Халдеевъ.

Что магія процвѣтала въ Халдеѣ, объ этомъ извѣстно было и до сего времени, но въ чемъ она состояла и какія вѣрованія лежали въ ея основаніи, объ этомъ ничего не было извѣстно пока не была найдена въ послѣднее время удѣльшая отъ времени обширная бібліотека по этой области. Кромѣ отдѣльных, болѣе или менѣе краткихъ, фрагментовъ магическаго содержанія, мы имѣемъ въ настоящее время многочисленныя фрагменты одного цѣльнаго обширнаго произведенія по магіи, которое въ своемъ цѣломъ объемѣ заключало въ себѣ не менѣе двухсотъ плитокъ. Оно найдено было также среди тысячи плитокъ открытых Лейрдомъ на мѣстѣ древней Ниневіи и находится въ настоящее время въ Британскомъ Музѣ. Съ достойнымъ удивленіемъ знаніемъ и терпѣніемъ всѣ эти фрагменты выбралъ изъ массы остальныхъ Сэръ-Генри Раудинсонъ и издалъ въ 4мъ томѣ *Клинообразныхъ Надписей* **, а Франсуа Лемэрманъ съ замѣчательною проицательностью охарактеризовалъ сущность этой литературы, отражающей одну изъ главныхъ особенностей Халдей-

* Окончаніе. См. *Русск. Вѣстн.* № 11.

** Часто цитруемый нами 4-й т. *Cuneiform Inscriptions of Western Asia* подъ литерамъ W. A. I.

скаго народа, объяснил нѣкоторыя болѣе замѣчательныя мѣста и показалъ происхожденіе и значеніе магіи Халдеевъ*.

Вышеупомянутое произведеніе написано на аккадійскомъ языкѣ съ подстрочнымъ ассирійскимъ переводомъ. Впрочемъ, нельзя относить его по происхожденію къ чисто аккадійскому періоду Халдеи; на немъ весьма замѣтно вліяніе идей кушито-семитическаго происхожденія. Но по своему духу и характеру оно совершенно отражаетъ тотъ строй вѣрованій какой господствовалъ въ Халдеѣ въ эпоху чистыхъ Туранцевъ. Торжество новыхъ вѣрованій и новаго культа не уничтожило совершенно, какъ мы уже говорили, прежнихъ вѣрованій; напротивъ боги туранской Халдеи были приняты въ пантеонъ официальной религіи какъ *dii minoris*, а вмѣстѣ съ ними и вѣра въ безчисленный міръ духовъ и демоновъ и все господство магіи перешло и въ кушитскую Халдею.

Кромѣ безчисленныхъ добрыхъ духовъ и гениевъ, мы видимъ цѣлый міръ злыхъ духовъ и демоновъ, іерархическій порядокъ которыхъ, насколько можно судить, былъ устанавливаемъ съ великою ученостью и личности которыхъ съ ихъ характеристическими чертами были старательно разграничены. Впрочемъ, точную классификацію ихъ еще нельзя представить по настоящему состоянію нашихъ знаній. Кромѣ двухъ высшихъ классовъ демоновъ, природа которыхъ близка къ божественной, одного по имени *аладъ* (гений), другаго *ламма* (колосъ), Халдеи различали пять классовъ собственно демоновъ, природа которыхъ была рѣшительно злаго характера: *утукъ*, *аладъ*, *гигимъ*, *телламъ*, *маскимъ*. Каждый классъ образуетъ группу *семь*, число, которому въ особенности приписывали магическое значеніе. Между демонами были ихъшіе космическій характеръ, дѣятельность которыхъ была направлена на борьбу съ порядкомъ міра въ его цѣломъ, съ самими богами. Это—семь злыхъ духовъ или „огненныхъ сферъ“, сыновъ *Ана*, которые нарушаютъ порядокъ теченія планетъ, причиняютъ затменія солнца и луны и при началѣ творенія міра вели ожесточенную борьбу противъ небесныхъ боговъ. Это событіе такъ описывается въ одномъ изъ пространныхъ заклинаній элическаго содержанія:**

* Въ его сочиненіи: *La magie chez les Chaldéens*.

** W. A. I. IV. 5. ср. Smith, *Assyrian discoveries*, стр. 398. Fox Talbot, *Records of the past*. s. 5.

Въ круговоротѣ возвращающіеся дни * это злые боги
геніи возмущенія, которые сотворены въ нижнихъ частяхъ
неба,

они, они были орудіями насилія,

.....

Они были семеро числомъ: первый.....

второй—людоедъ,

третій—леопардъ,

четвертый—змея.

пятый—дѣлная собака, которая.

шестой—мятежный исполицъ, который не подчиненъ ни
Богу, ни царю,

седьмой—вѣстникъ рокового вѣтра, который.

Они были семеро числомъ, вѣстники *Ана*, ихъ царя;

изъ города въ городъ они направляли свои стопы.

Они были мчащимися облаками неба, тѣснющимися дожде-
выми облаками,

бурнымъ вѣтромъ, который сильно шумитъ и въ ясный
день производитъ темноту.

Какъ дурные вѣтры они бродятъ;

буря *Мермера* ** была пропавденіемъ ихъ воинственной
силы,

по правую сторону *Мермера* они проникли;

изъ глубины неба, подобно молніи, они вырвались,

потоплая, какъ рѣки, они стремились впередъ.

Въ широкомъ небесномъ пространствѣ, мѣстопребываніи
Ана, ихъ царя, они учинили зло

и не имѣли они противника.

Вотъ дошелъ до *Мулге* слухъ объ этомъ,

и внутри своего сердца онъ придумалъ рѣшеніе.

Съ *Еа*, высочайшимъ мудрецомъ между богами, устроилъ
онъ совѣщаніе,

и они послали *Уруки*, *** *Уту* **** и *Сукуса* † въ нижнюю
часть неба, чтобы управлять ею,

они предоставили имъ, вмѣстѣ съ *Ана*, господство надъ
воздушными воинствами.

Этимъ тремъ богамъ, своимъ дѣтамъ,

сторожить день и ночь, безъ перерыва,

онъ приказалъ.

* Отъ 25 февраля до 3 марта—опасные семь дней по представ-
ленію сиро-палестинскихъ народовъ, см. Wetzstein, въ *Commen-
tar zu Kohleth*, v. Franz Delitzsch стр. 445.

** Въ ассирійскомъ переводѣ *Бинъ*.

*** Въ ассирійскомъ переводѣ *Синъ*.

**** Въ ассирійскомъ переводѣ *Саласъ*.

† Въ ассирійскомъ переводѣ *Истаръ*.

Но вотъ семь боговъ, которые рыскали въ нижней части
неба,
презь свѣтомъ *Ану* * сильно и заносчиво они выступили,
Благородные *Уту* и *Мермерь* противостояли со своей сто-
роны;

Суккус возвысился съ *Ана* къ верховнымъ сѣдающимъ,
и вступили въ царственное господство неба.

.....

Вотъ, эти семь.....

Во главѣ.....

Злое.....

Для путиа его блестящихъ устъ.....

Аку, пастырь человечества земли,

..... былъ возмущенъ и остановился

на высочайшей высотѣ (своего теченія),
обезпокоенный онъ не садился день и ночь на сѣдающе
своего господства.

Заме боги, вѣстники *Ана*, ихъ царя,

.....

замышляли тайно зло;

изъ средины неба съ быстротою вѣтра спускаются они
на землю.

Мулле, боязь сердца благороднаго *Аку*

на небѣ восчувствовать.

Поведительно обратился онъ со словомъ къ *Нуску*, сво-
ему слугѣ:

„Нуску, мой слуга, носи мое слово къ океану,

„извѣстие объ *Аку*, моемъ сынѣ, который находится на
небѣ въ сильномъ смущеніи,

„перескажи *Еа* въ океанѣ.“

Нуску повиновался приказанію своего царя,

онъ послѣдовалъ къ *Еа*, какъ быстрый вѣстникъ,

Владыкѣ, высочайшему мудрецу, неизмѣнному учителю,

повторилъ *Нуску* слово своего царя.

Еа въ океанѣ услышалъ это слово;

онъ кусалъ себѣ губы и его лицо было покрыто слезами.

Еа позвалъ своего сына *Силликъ-мулу-ки* ** и сказалъ къ
нему сѣдующія слова:

„иди, мой сынъ *Силликъ-мулу-ки*,

„*Аку* находится на небѣ въ большомъ смущеніи,

„печааль его сердца очевидна.

* Въ ассирійскомъ текстѣ *Синъ*.

** Въ ассирійскомъ текстѣ *Марудукъ*.

„Эти злые и убійственныя семь боговъ, какъ молнія, жизнь
 земли они уничтожаютъ;
 „на землю, какъ пламенный вихрь, они спустились;
 „предъ свѣтомъ Аку они бурно и непокорно выступили,
 „благородный Уту и Мермеръ, борецъ, со своей стороны
 противостояли.“

Къ сожалѣнiю, мы не имѣемъ окончанiя этого разказа, въ
 которомъ должно находиться повѣствованiе объ освобожденiи
 бога мѣсяца. Эта борьба семи злыхъ духовъ съ богомъ мѣсяца,
 во время которой наступаетъ его затменiе, повидимому дол-
 жна повторяться периодически, какъ скоро наступаетъ за-
 тменiе луны. Дѣятельность этихъ семи злыхъ духовъ на пра-
 влена болѣе на небесныя сферы; но кромѣ нихъ мы знаемъ
 еще о семи другихъ злыхъ духахъ, называемыхъ *маскиль*, олу-
 стошительныя дѣйствiя которыхъ обнимаютъ и землю, и небо.

Семь, они рождены въ горѣ запада;
 семь, они выросли въ горѣ востока;
 они имѣютъ тропь во глубинѣ земли;
 они покоятся въ неопредѣленномъ пространствѣ на небѣ
 и на землѣ.

добримъ имеемъ на небѣ и на землѣ не владѣютъ они.

Эти демоны космическаго характера нападаютъ часто и на
 человѣка и производятъ страшныя катастрофы, напримѣръ
 всемирный потопъ въ одномъ заклинанiи приписывается этимъ
 демонамъ. Но кромѣ нихъ человѣкъ окруженъ безчисленнымъ
 множествомъ демоновъ низшаго ранга, дѣятельность которыхъ
 специально направлена на обыкновенныя событiя его жизни.
 Они дѣлаютъ человѣка исключительно цѣлью своихъ напад-
 денiй и вносятъ разстройство и несчастье всюду, гдѣ только
 можно; такъ говорится объ этихъ демонахъ въ одномъ за-
 клинанiи:

Они проникаютъ изъ одного дома въ другой;
 они не удерживаются дверями;
 они не стѣсняются запорами;
 они прокрадываются между дверями какъ змѣи.
 они препятствуютъ оплодотворенiю жены мужемъ;
 они крадутъ дѣтей изъ нѣдръ людей;
 они изгоняютъ владѣльца изъ его отеческаго дома.
 они—голоса, которые прокаиваютъ и пресѣждаютъ че-
 ловѣка.**

* W. A. I. IV, 15,

** W. A. I., IV, 1. ст. 1.

Мѣстопребываніемъ этихъ демоновъ считались пустыни, оставленныя человѣкомъ, одичалыя мѣстности, откуда они вторгались въ жилище человѣка. Пустыня была ихъ любимымъ мѣстомъ убѣжища, и цѣль многихъ заклинаній состояла въ томъ чтобъ изгнать ихъ опять въ пустыню. Всѣ болѣзни постигавшія человѣка считались произведеніемъ демоновъ; многія болѣзни, особенно тяжкія, представляются иногда личными существами, въ видѣ незримыхъ чудовищъ нападающими на человѣка, такъ напримѣръ моровая язва считалась особымъ демономъ, который назывался *намтаръ*, также лихорадка, называвшаяся *идна*—самыя ужасныя изъ демоновъ. Но изъ всѣхъ вліяній демоновъ на человѣка, самымъ страшнѣйшимъ считалось бѣснованіе, когда человѣкъ весь дѣлался орудіемъ и жилищемъ злаго духа, и множество заклинаній направлено на изгнаніе злыхъ духовъ изъ бѣсноватаго. При такомъ господствѣ и повсюдномъ участіи злыхъ духовъ въ судьбѣ человѣка многіе изъ людей входили съ ними въ тѣсныя отношенія и пользовались ихъ силою для колдовства и чаръ причиняющихъ страшный вредъ людямъ. Связь со злыми духами была, по понятіемъ Халдеевъ, поворомъ для человѣка, черная магія всячески преслѣдовалась, но тѣмъ не менѣе колдовство и всякое чернокнижіе пользовались въ Халдеѣ необыкновенною распространенностью и силою. Никто не могъ противостоять вредному дѣйствию черной магіи, не было зла какого не могъ бы сдѣлать чернокнижникъ: онъ могъ обворожить дурнымъ взглядомъ и словомъ, могъ своимъ искусствомъ и магическими формулами заставить демоновъ повиноваться его приказаніямъ, налускать ихъ противъ того кому хотѣлъ повредить, поразить его какимъ угодно зломъ, болѣзнію, даже смертію. Сами боги часто находились подъ всемогущею силою ихъ заклинаній. Чернымъ искусствомъ занимались и женщины. Въ заклинаніяхъ не мало говорится о вѣдьмахъ; господствовало даже суевѣріе что вѣдьмы ѣздятъ на метлахъ по воздуху, когда отправляются на свои ночныя собранія. *

При такихъ понятіяхъ человѣкъ ни на минуту не могъ считать себя въ состояніи полной безопасности: что бы онъ ни предпринялъ, куда бы ни отправился, всюду ему

* W. A. I., 11, 33. стр. 12, а—в, здѣсь говорится о „кускѣ дерева“ служащемъ „верховою лошадыю вѣдьмы“.

мерещились цѣлые сонмы незримыхъ враговъ, которые были неизмѣримо сильнѣе его и борьба съ которыми безъ посторонней высшей помощи должна была представляться рѣшительно невозможною. Для противодѣйствія и борьбы съ ними онъ долженъ былъ искать помощи у добрыхъ боговъ и духовъ, призывать ихъ для изгнанія злыхъ. Отсюда магія добраго свойства, которая была не только дозволенною, но и неизбѣжною принадлежностью культа Хаадеевъ. На ряду со жрецами въ собственномъ смыслѣ мы встрѣчаемъ постоянно заклинателей и волхвовъ (*asiri*) и магическій культъ держался совершенно самостоятельно, несмотря на господство совершенно другихъ идей въ религіозной системѣ Хаадеевъ. Эту-то область официальной магіи и имѣетъ своимъ содержаніемъ обширное сочиненіе издаваемое Раулинсономъ о которомъ мы говорили выше. Оно состоитъ изъ трехъ частей: первая содержитъ заклинанія предназначенныя къ тому чтобъ изгнать демоновъ и злыхъ духовъ; вторая—заклинанія которымъ приписывали силу исцѣлять различныя болѣзни; третья—обнимаетъ гимны различнымъ богамъ, содержаніе и произношеніе которыхъ могло оказать таинственное дѣйствіе.

Главнѣйшимъ и употребительнѣйшимъ средствомъ противъ злыхъ духовъ и ихъ вредныхъ вліяній были заклинанія, торжественныя формулы, основательнымъ и полнымъ знаніемъ которыхъ обладали жрецы, но и каждый человекъ зналъ ихъ столько сколько нужно было знать для домашняго обихода. Форма этихъ заклинаній большею частью однообразна. Прежде всего называются злые демоны или изображаются ихъ дѣйствія, затѣмъ слѣдуетъ желаніе чтобъ они были изгнаны, каковое желаніе часто выражено въ категорической формѣ требованія. Въ заключеніе необходимо приводится неизбѣжная во всехъ заклинаніяхъ формула: „духъ неба, заклинай ихъ, духъ земли, заклинай ихъ,“ которой приписывали особенное мистическое значеніе. Для образца приведемъ заклинаніе направленное противъ демоновъ, болѣзней и вредныхъ вліяній.

Язва и лихорадка, которыя землю опустошаютъ,
зараза, сухотка, которыя землю опустошаютъ,
вредныя тѣла, губительныя для внутренностей,
злой демонъ, злой *алалъ*, злой *гигиль*.

Дурной человекъ, дурной взглядъ, злая уста, злой языкъ,

Пусть они оставят тѣло человека,
 пусть они оставят его внутренность,
 къ моему тѣлу пусть они никогда не пристанутъ,
 предо мною никогда не причинять зло,
 пусть никогда не сопровождаютъ меня,
 Не проходить никогда чрезъ мое жилище,
 въ домъ моего обитанія никогда не войдутъ.

Душъ неба, заклинай ихъ!

*Душъ земли, заклинай ихъ! **

Заклинательныя формулы часто имѣютъ довольно обширный объемъ. Ихъ авторы даютъ свободный просторъ своей фантазии въ изображеніи несчастій причиняемыхъ злыми духами. Часто они имѣютъ драматическую форму. Вводится въ концѣ заклинанія *Силикъ-мулу-ки* **, который, внимая заклинанію, обращается къ своему отцу *Еа*, носителю божественной мудрости и главному покровителю людей противъ злыхъ духовъ, съ просьбою о помощи страждущему человѣку, и *Еа* указываетъ ему средство посредствомъ котораго *Силикъ-мулу-ки* можетъ изгнать злыхъ духовъ. Большая часть заклинаній направлена противъ болѣзней причиняемыхъ злыми духами. Медицина въ Халдеѣ была отраслью магіи, никогда не была рациональною наукою, какою сдѣлалась въ Греціи. Вѣсть съ произношеніемъ формулъ больному давались въ которые налитки, которымъ приписывалось чарующее дѣйствіе и которые могли быть дѣйствительными лѣкарствами. Допускались и другія мистическія дѣйствія, — накладываніе различныхъ матерій и связываніе узловъ, которымъ приписывали также чарующую силу. Такъ въ одномъ заклинаніи говорится:

Возьми шерсть верблюдницы, которая никогда не была оплодотворена,
 Раздѣли на дважды семь частей и сообщи ей чарующую силу,
 которая приходитъ отъ *Эриду*.

Покрой голову больного,
 покрой шею больного,
 покрой сѣдалище его жизни,
 покрой его руки и ноги,
 опусти его на его кровать и
 окропи его цѣлительными водами.

* W. A. I. IV, 1, ст. 3.

** По-ассирійски *Марудикъ*.

чтобы болѣзнь его головы унеслась въ небесное пространство,
подобно бурному вѣтру!

Чтобъ она была поглощена землею, какъ временно появляющіяся
воды!

Чтобы приказаніе *Еа* его исполнило!

Чтобы *Давкина* его подѣлала!

Чтобы *Силликъ-мулу-ки*, первородный океана, доставилъ образу
цѣлебную силу! *

Кромѣ заклинаній, Халдеи употребляли талисманы, которыми приписывали чрезвычайную силу даже надъ самими богами. Есть одно обширное заклинаніе, въ которомъ описывается сила талисмана и въ которомъ онъ между прочимъ называется „пограничнымъ предѣломъ между небомъ и землею,“ „богомъ, силу котораго не можетъ поборотъ ни одинъ богъ“ ** и т. л. Талисманы были различнаго рода; нѣкоторые состояли изъ кусковъ какой-либо матеріи, на которыхъ были написаны извѣстныя формулы. Эти доскутки привѣшивались къ домашнимъ сосудамъ или одеждамъ. Кромѣ того употреблялись дощечки или статуетки, изображающія боговъ или духовъ, которыя или ставились въ домахъ, или какъ амулеты носились на шеѣ для предохраненія себя отъ демоновъ, болѣзней и всякихъ несчастій. Такихъ талисмановъ и амулетовъ, выдѣланныхъ часто изъ твердаго камня, весьма много находится въ европейскихъ музеяхъ. На нихъ непремѣнно находятся надписи, состоящія изъ заклинаній. Такъ на одномъ амулетѣ, хранящемся въ Британскомъ Музее, находится надпись, которая свидѣтельствуетъ что онъ носился беременною женщиной: **

Я *Витъ-нуръ*, слуга *Адара*, борецъ боговъ, глазное яблоко
Бела.

Заклинаніе. О *Витъ-нуръ*, изгони страданія какъ можно дальше,

Укрѣпи зерно, доведи голову челоуѣка до полного развитія.

Статуетки боговъ, которыя употреблялись какъ талисманы, были большею частью изображеніемъ добрыхъ божествъ. Въ Луврекомъ музее находятся три статуетки изъ обожженной глины, довольно грубой работы. Одна изображаетъ *Бела*

* W. A. I IV, 3, столб. 2, стр. 3—26.

** W. A. I. W, 16, 1.

*** Lenormant, *Choix de textes cunéiformes inédits*, 1 fasc. стр. 87.

съ повязкой на головѣ, другая—*Нергала* со львиною головою, третья—*Небо* со скелетромъ. Въ надписи, находящейся въ настоящее время въ Кембриджѣ, *Нериглиссоръ* (*Нергалъ-саръ-усуръ*), одинъ изъ приемниковъ Новуходоносора, говоритъ что при восстановленіи дверей священной пирамиды въ Вавилонѣ онъ велѣлъ сдѣлать восемь талисманныхъ фигуръ изъ чистой бронзы, „чтобъ удалять зло и враговъ“. Назначеніе этихъ фигуръ можно видѣть изъ одного фрагмента, уломяющаго о подобныхъ фигурахъ, которыя должны быть выставлены въ различныхъ частяхъ дома:

поставь два связанныя другъ съ другомъ образа, непорочные образа, которые изгоняютъ злыхъ демоновъ, подай головы большаго направо и малваго.

Поставь образъ бога *Унгалъ-нирра*, * который не имѣетъ себя равнаго, на изгороди дома, и образъ бога *Наруди*, владыки могущественныхъ боговъ, на земаѣ, подъ постелью.

Для предупрежденія приближающагося бѣдствія поставь бога

и бога *Латаракъ* при двери. Для устранения всякаго несчастія поставь какъ пугало при двери.....

Подъ воротами поставь воинственнаго героя, который блистаетъ славою войны.

На порогѣ двери поставь воинственнаго героя который свою руку простираетъ врагу;

поставь его на правую и на лѣвую сторону.

Поставь бдительные образы *Еа* и *Силикъ-малу-ки* подъ воротами;

поставь ихъ на правую и на лѣвую сторону.

.....

О, вы, вышедшія изъ океана, блестяція, дѣти *Еа*,

ѣшьте что вкусно, пейте что сладко,

благодаря вашей защитѣ не проникнетъ никакое несчастіе. **

Кромѣ талисмановъ изображающихъ добрыя божества, употреблялись весьма оригинальные талисманы съ изображеніемъ тѣхъ самыхъ духовъ которыхъ нужно было изгнать при ихъ помощи. Халдеи напрягали всю свою фантазію чтобъ изобразить духовъ этихъ какъ можно безобразнѣе и уродливѣе, такъ чтобъ они сами испугались, увидя свой образъ, и приуждены были оставить свою жертву. Что Халдеи употреб-

* Прозвище *Нергала*.

** W. A. I. IV, 21, 1.

ляли подобныя фигуры, это видно изъ одного весьма замѣчательнаго записанія, въ которомъ *Силикъ-мулу-ки* жалуется своему отцу *Еа* что *Намтаръ* (язва) поражаетъ человѣка, и что онъ не знаетъ чѣмъ его извать. Въ отвѣтъ на это *Еа* говоритъ:

Выйди, мой сынъ *Силикъ-мулу-ки*,
сѣли тину изъ океана
и образуй изъ нея подобный ему (*Намтару*) образъ.
Положи на человѣка, послѣ того какъ ты подвергнешь его
очищенію;
положи образъ на его обнаженномъ животѣ;
сообщи ему чарующую силу, которая приходитъ отъ *Эриду*.
Обрати свое лицо на западъ,
чтобы заой *Намтаръ*, который живетъ въ его тѣлѣ, удалился
въ другое мѣсто! *

Въ Луврскомъ музеѣ находится между другими крайне замѣчательная бронзовая статуетка ассирійской работы. Она представляетъ ужаснаго демона съ головой мертвеца, полуободранною и снабженною козлиными рогами, съ туловищемъ собаки, съ орлиными когтями на ногахъ и львиными лапами на рукахъ, съ хвостомъ скорпіона назадъ и съ четырьмя сильными крылами, сложенными на спинѣ. Колецъ, находящееся на затылкѣ фигуры, служило для того чтобы можно было ее вѣшать. Изъ аккадійской надписи, находящейся на спинѣ фигуры, мы узнаемъ что она представляетъ демона западнаго вѣтра, и что ее надлежитъ ставить на дверяхъ или на окнѣ дома чтобы отстранить вредное вліяніе этого вѣтра. Много и другихъ подобныхъ фигуръ находится въ Британскомъ Музеѣ: одна съ бараньею головой и чрезмѣрно длинною шеей, другая съ головой гieny, туловищемъ медвѣдя и лапами льва. Въ скульптурныхъ украшеніяхъ ассирійскихъ дворцовъ мы находимъ вмѣстѣ съ историческими сценами и чисто религиозными изображеніями многочисленныя барельефы неоспоримо съ характеромъ тѣлесмановъ. Барельефы эти безъ сомнѣнія назначены были къ тому чтобы отстранять злыя вліянія. Крылатые быки съ человѣческой головой, которые были поставляемы при входахъ, были изображенія гениевъ-покровителей; мы узнаемъ это изъ надписи *Асагаддона* (*Ассуръ-аге-идина*): „чтобы охраняющій быкъ,

* Lenormant, *Etudes accadiennes*, 11, 1. Nr. XVIII.

охраняющій геній, который защищает силу моего царства, на всё времена удержалъ мое имя, раздвигаящее радость и уваженіе, пока его ноги не будутъ сдвинуты съ сего мѣста.“

Не углубляясь даѣе въ область халдейскихъ суевѣрій, замѣтимъ только что многія изъ нихъ сохранились до нынѣ, переживъ и триумфъ христіанства, и побѣды цивилизаціи.

IV. Мифическія сказанія и національная эпопея Халдеевъ.

Выше мы говорили что въ исторіи Халдеи былъ періодъ составленія религиозныхъ лѣсенъ и гимновъ богамъ (собраніе которыхъ, согласно съ Леворманомъ, можно назвать „Халдейскою Ведой“), періодъ который можно такимъ образомъ назвать ведическимъ соответственно исторіи Индіи. Но нужно думать что за этимъ ведическимъ періодомъ слѣдовалъ періодъ эпическій, за религиозною лирикой слѣдовала религиозная и національная эпопея. Мнѣніе что только народы арійской расы способны къ созданію мифовъ и эпоса рѣшительно должно быть названо ошибочнымъ послѣ того какъ въ остаткахъ ассиро-вавилонской литературы найдены отрывки обширныхъ и стройныхъ произведеній, которыя по всей вѣроятности составляли одну цѣльную эпопею. Боги Халдеи не были какими-либо отвлеченными божествами; они принимаютъ участіе въ образованіи земли, послѣ образованія ея они являются первыми существами, жизнь которыхъ составляетъ первоначальное содержаніе ея исторіи: они находятся въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ людямъ, какъ герои и цари они живутъ на землѣ; совершаютъ сказочныя приключенія, строятъ города и храмы. Халдейская эпопея должна быть довольно обширною, но мы имѣемъ только отдѣльные куски ея и притомъ изъ различныхъ источниковъ. Значительную часть ея мы можемъ теперь изучать по первоначальнымъ клинообразнымъ ламатникамъ, но по нимъ однихъ еще нельзя пока имѣть понятія о всѣхъ ея сторонахъ. О сказаніяхъ Халдеевъ касающихся времени предшествовавшаго ихъ дѣйствительной исторіи до ассирійскихъ раскопокъ извѣстно было многое изъ интересныхъ въ высшей степени отрывковъ изъ сочиненія *Бероза*, халдейскаго жреца, который жилъ во времена Селевкидовъ и написалъ на греческомъ языкѣ книгу о халдей-

скихъ древностяхъ. Самая книга Бероза утратилаеь и остались только выдержки изъ нея у древнихъ писателей. Многое изъ этихъ сказаній подтвердилось и дополнилось раскопками, такъ что оказалась замѣчательная точность и достоверность сказаній Бероза, вслѣдствіе чего ему можно давать вѣру и въ томъ остальномъ что только изъ него мы еще знаемъ объ эпическомъ періодѣ Халдеи.

Эти сказанія начинаются съ самаго творенія міра. Среди глинѣныхъ плитокъ найденныхъ на развалинахъ Ницевіи открыты Смитомъ два халдейскія сказанія о твореніи міра, и одно весьма сходное со сказаніемъ Бероза. * Трудно сказать о взаимномъ отношеніи этихъ повѣствованій и о сравнительной ихъ древности. По всему вѣроятію, первое сказаніе древнѣе; но къ сожалѣнію оно дошло до насъ въ такомъ жалкомъ видѣ и смыслъ его настолько теменъ что мы предпочитаемъ привести во многомъ сходный разказъ Бероза для того чтобы дать понятіе объ этомъ древнемъ сказаніи. По смыслу этого сказанія, земля первоначально была пустыней и населена существами которыхъ трудно описать: люди съ тѣлами птицъ и лицами вороновъ. Берозъ такъ описываетъ твореніе міра: „Было время, когда все было покрыто тьмою и пролито водою, и когда среди этого дикаго хаоса внезапно произошли омерзительнѣйшіе звѣри и страннѣйшія твари; были люди съ двумя и четырьмя крылами, съ двумя различными лицами и головами, изъ которыхъ часто одна была мужскаго, другая женскаго пола, даже такіе люди которые въ одно и то же время были и мужскаго и женскаго пола; были люди съ козлиными ногами и рогами или съ ногами лошади; были наконецъ люди которые снабжены были заднею частію лошади, а переднею частію человѣка, подобно гиллоцентаврамъ. Были быки съ человѣческою головою, собаки съ четырьмя головами и рыбами хвостами, лошади и люди съ собачьими головами, равно какъ животныя которыя были снабжены головою и тѣломъ лошади, а хвостомъ рыбы, также и другія четвероногія, составленныя изъ частей различныхъ животныхъ, каковы: змѣи, рыбы и другія рептиліи, точно также многочисленные роды страшныхъ чудовищъ, которыя имѣли самый разнородный видъ и изображенія которыхъ можно ви-

* Herm. Delitsch. *G. Smith's Chald. Genesis.* 1876.

дѣтъ на стѣнныхъ картинахъ храма *Ваала*. Жена *Оморока* руководила этимъ твореніемъ; она называется на халдейскомъ языкѣ *Таваттэ*, имя, которое на греческомъ означаетъ море, однако она была отождествлена съ мѣсяцемъ.“*

То же самое читается на глиняной плиткѣ открытой Смитомъ:

Людей съ тѣлами пустынныхъ птицъ, человѣческія существа съ
лицами вороновъ,

такихъ создали великіе боги,
и на землѣ создали боги для нихъ обитаніе.

Тіаматэ (Берозъ: *Таваттэ*) даровала имъ силу,

Ихъ жизнь возвысила владычица боговъ,

среди земаи выросли они и стали великими и умножились въ числѣ.**

Другое сказаніе начинается изображеніемъ первоначальнаго хаоса и происхожденія изъ него первыхъ боговъ.

Въ это время было нѣчто безыменное, nebo,
во глубинѣхъ нѣчто безыменное, земаи;

Аясу (Океанъ), простирающійся широко, былъ ихъ родителемъ.

Мумму-Тіаматэ (хаосъ и море) была родительницей ихъ всѣхъ.

Ея воды носятъ ихъ въ соединеніи и смѣшеніи;

но въ нихъ не росъ тростникъ, не распускался цвѣтъ.

Въ то время не произошло еще никакой богъ,

они не имѣли еще именъ и судьбы еще не было.

Потомъ прежде всего созданы были великіе боги:

Лакла и *Лаклама* (мужская и женская форма субстанціи) вышли
черезъ эманацию

и они выросли.

Сарг и *Кисарг* (творческая сила на высотѣ и внизу) были потомъ
рождены.

Прошелъ двинный рядъ дней и созданы

Аму, *Белл* и *Еа*.

Всякъ за появленіемъ боговъ начинается твореніе видимаго міра. Къ сожалѣнію, только одна плитка сохранилась въ довольно полномъ видѣ, остальные же или не найдены, или въ весьма несовершенномъ видѣ. Въ твореніи міра и человѣка, какъ можно судить по этимъ сказаніямъ, попеременно участвовали всѣ главнѣйшія божества. Въ твореніи земной поверхности, суши и моря участвовалъ *Сарг*; оуъ

* *Berosos fragm. IV. VII, ed. Lenormant. Müller. Fragm. hist. graec. t. 2, стр. 497.*

** *Smith. Chald. Genesis, стр. 95.*

отдѣлялъ небо отъ земли и произвелъ сушу „для обитанія чело-
вѣка, чтобъ онъ могъ строить въ ней города“. *Бель* и *Еа*
устроили и утвердили великія небесныя тѣла. Вотъ начало
этого сказанія:

Величественно было все устроено великими богами.

Явленіе звѣздъ привелъ онъ въ порядокъ въ образѣ звѣрей,
чтобъ опредѣлять годъ чрезъ наблюденіе ихъ соизвѣдій,
расположилъ онъ двѣнадцать мѣсяцевъ (или знаковъ) звѣздъ въ
три ряда,

отъ дня когда начинается годъ, до заключенія.

Онъ опредѣлялъ положенія блуждающихъ звѣздъ, чтобъ онѣ
являлись на ихъ орбитахъ,
чтобъ онѣ не могли приносить вреда и никого не разстраивать.

Когда боги устроили такимъ образомъ небесныя тѣла и
поверхность земли, „произвели они живыя существа, скотъ
полевой, животныхъ полевыхъ, насткомыхъ полевыхъ“. Въ
заключеніе всего, когда земля была устроена и заселена жи-
выми существами, былъ вызванъ къ жизни челоѣкъ. Въ
роли творца челоѣкъ является особенно *Мардукъ*, какъ
дуга своего отца *Еа*, въ одинаковомъ достоинствѣ съ *Бе-
ломъ*, потому онъ и называется, какъ творецъ челоѣкъ,
Бель-Мардукъ. Впрочемъ, самаго сказанія о твореніи чело-
ѣкъ не находится на глиняныхъ плиткахъ; сохранился толь-
ко отрывокъ, который, вѣроятно, составлялъ заключеніе этого
сказанія, гдѣ излагается заповѣдь творца челоѣкъ. У Бери-
за же это твореніе челоѣкъ описывается такъ: „Когда мі-
ровое цѣлое было въ движеніи и въ немъ произошли суще-
ства, отрубилъ *Бель* себѣ голову и другіе боги смѣшали про-
литую кровь съ землею и образовали людей; поэтому люди
разумны и имѣютъ участіе въ божественной мудрости. Но
Бель, имя котораго переводится *Зевсъ*, отстраняя тьму, отдѣ-
лялъ землю отъ неба и привелъ въ порядокъ мировое цѣлое.
Существа которыя не выносили силы свѣта погибли. Но
когда *Бель* увидалъ что земля необитаема и однако плодо-
носна, приказалъ онъ одному изъ боговъ отрубить ему го-
лову, смѣшать землю съ пролитой кровью и образовать лю-
дей и животныхъ способныхъ выносить воздухъ (*Berosos
fragm. IV, VII ed. Lenormant*).“ Новосозданному челоѣку
божество сообщило свое откровеніе, въ которомъ изложилъ
его обязанности какъ въ отношеніи къ Богу, такъ и другъ
къ другу. (Smith. *Chald. Genesis*, стр. 76.)

Но Тіаматъ, олицетвореніе первоначальнаго хаоса, мать боговъ, возгорѣлась завистію и ревностію къ происшедшимъ отъ нея богамъ, которые привели въ порядокъ міровое цѣлое и положили конецъ хаосу: она явилась ожесточенною противницей этого новаго строя міра, въ особенности человека. Она склонила человека къ непослушанію заповѣдамъ и ученію бога *Еа*, высшаго покровителя людей. Но высшіе боги съ своей стороны вооружились. Отсюда возникаетъ борьба между двумя мірами, неба и ада, свѣта и тьмы, ужасная борьба, истинная борьба титановъ хаадейскаго преданія. Боги вооружаютъ Мурудуга на эту борьбу, который съ лучомъ молніи и серповиднымъ мечомъ выходитъ противъ этой исполинской змѣи, повергаетъ ее на землю вмѣстѣ съ ея сообщниками, демонами, и псочадіями ада, сковываетъ ее, низвергаетъ въ бездну и сгасаетъ боговъ и существованіе міра.

Дальнѣйшую исторію міра Хаадеи приурочиваютъ къ своему отечеству, Хаадею. Они забыли о первоначальной своей родинѣ, которая должна быть гораздо восточнѣе мѣста ихъ позднѣйшаго поселенія, и всѣ свои преданія централизуютъ на берегахъ Тигра и Евфрата. Первоначальная жизнь и исторія ихъ народа представляетъ непрерывный рядъ откровеній боговъ, эпоху ихъ совокупной жизни вмѣстѣ съ людьми, и ихъ первые цари суть въ сущности тѣ же божества, живущіе на землѣ десятки тысячъ лѣтъ и иногда получающіе бессмертіе. „Въ началѣ, говоритъ Берозъ, было въ Вавилонѣ множество людей различнаго племени, которые населяли Хаадею. Они жили безъ правильнаго устройства подобао животнымъ. Но въ первый же день вышло изъ Эритрейскаго моря, тамъ гдѣ оно соприкасается съ Вавилономъ, одаренное разумомъ существо, по имени *Оаннъ*. Оно имѣло совершенно форму рыбы, но подъ рыбьею головою выросла другая голова (голова человека) и у рыбьяго хвоста выросли человѣческія ноги. По голосу оно походило на человека и изображеніе его еще сохранилось до сего дня. Это существо пробыло въ продолженіи дня среди людей, не принимая никакой пищи. Оно сообщало имъ завіе буквъ, наукъ и многочисленныхъ искусствъ, научило какъ селиться въ городахъ и строить храмы, основнымъ понятіямъ о законахъ и о землемѣріи, показало имъ какъ сѣять плоды и жать, коротко дало людямъ все что способствуетъ облагороженію жизни. Съ того времени вообще не было сдѣлао никакихъ изобрѣтеній. Когда зашло солнце,

погрузилось то существо, *Оаннз*, опять въ море и пробывало ночь въ волнахъ, потому что оно было изъ рода амфибій... *Оаннз* написалъ о началѣ и о государственныхъ дѣлахъ книгу которую и сообщалъ людямъ. *

Между первымъ откровеніемъ божества и выступленіемъ первой мѣщеской династіи прошелъ длинный промежутокъ: „первымъ царемъ былъ Халдей *Аларь* изъ Вавилона, о которомъ разказывается только что онъ самимъ божествомъ былъ избранъ пастыремъ народовъ. Онъ управлялъ въ продолженіи 10 саръ, то-есть 36.000 лѣтъ, такъ какъ саръ содержитъ 3.600, веръ 600 и соссъ 60 лѣтъ. По смерти *Алара* господствовалъ его сынъ *Алморъ* три сара, послѣ него *Амлоръ* изъ города Пантибибіи 13 саръ. При немъ вышелъ изъ Эритрейскаго моря второй *Аннедотъ*, который по своему виду, получеловѣкъ, полурыба,—былъ очень похожъ на *Оанна*, полубогъ. Послѣ него господствовала *Алменонъ*, равно также Халдей изъ Пантибибіи, въ продолженіи 12ти саръ. При немъ явился таинственный *Оаннъ*. Послѣ него господствовала 10 саръ пастухъ *Давъ* изъ Пантибибіи. При немъ вышелъ изъ Эритрейскаго моря четвертый *Аннедотъ*, который также какъ и прежніе по виду былъ вѣчто среднее между человѣкомъ и рыбой. Потомъ господствовалъ *Еведоранъ* изъ Пантибибіи въ продолженіе 18 саръ. Въ его время еще также вышелъ изъ моря странный звѣрь, по имени *Анадафъ*. Всѣ эти странныя существа развили даѣе то что въ великомъ цѣломъ создавалъ своимъ словомъ *Оаннъ*. Послѣ сего господствовала 10 саръ Халдей *Алмисинъ* изъ *Доранхи* и 8 саръ *Обартъ*, также Халдей изъ *Доранхи*. И когда умеръ *Обартъ* былъ царемъ въ продолженіи 18 саръ его сынъ *Кси-сутръ*; при немъ случился великій потопъ, такъ что въ цѣломъ получается 10 царей и 120 саръ. ** Изъ этихъ баснословныхъ цифръ лѣтъ какими Халдеи надѣляли первыхъ царей своихъ можно заключить что эти цари не были простыми людьми; они если не были богами, то по крайней мѣрѣ имѣли природу близкую къ божественной. Она какъ можно думать принимала что отъ начала міра до потопла протекло 691.200 лѣтъ, изъ коихъ 259.200 прошло при вступленіи на престолъ *Алара*, а 432.000 они удѣляли ему и его пріем-

* *Berosos fragm. ed. Lenormant.*

** *Berosos fragm. IX, X и XI у Ленормана.*

никамъ. Бóльшая часть новѣйшихъ исследованийъ думаютъ что они этимъ десяти царямъ придавали астрономическое значеніе и видѣли въ нихъ олицетвореніе 10 знаковъ зодиака. Вообще какъ мы увидимъ послѣ, астрономической элементъ игралъ весьма важную роль въ халдейскомъ эпосѣ.

Халдейское сказаніе о потопѣ мы знаемъ теперь по клинообразнымъ памятникамъ. Открытіе этого сказанія есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій ассириологии, соединенное съ именемъ Смита, которому принадлежитъ честь этого открытія. * Среди плитокъ привезенныхъ съ развалинъ Ниневіи, Смитъ собралъ фрагменты обширной эпической поэмы которая состояла изъ 12 плитокъ. Съ большимъ трудомъ ему удалось подобрать и разобрать фрагменты шести различныхъ плитокъ, изъ которыхъ одна, которая должна быть по числу одиннадцатую, и заключаетъ въ формѣ эпизода сказаніе о потопѣ. Поэма эта содержитъ послѣдовательный разказъ о приключеніяхъ одного мифическаго лица, имя котораго къ сожалѣнію остается неизвѣстнымъ, такъ какъ всегда изображается идеографическимъ знакомъ, фонетическое значеніе котораго теперь еще нельзя опредѣлить. Чтобы не обозначить его простымъ X Смитъ далъ ему названіе, на основаніи чтенія отдѣльныхъ его частей, *Издубаръ*, хотя нѣтъ сомнѣнія что по-аккадійски и ассирійски оно произносилось иначе. О самой этой личности и ея приключеніяхъ мы будемъ говорить ниже, а теперь остановимся на содержаніи 11й плитки этой открытой Смитомъ поэмы, передающей отдѣльный и самостоятельный эпизодъ въ цѣломъ разказѣ. Халдейскій Ной, какъ мы видимъ изъ Бероза, былъ десятый царь до потопа. Его имя точно такъ же какъ имя главнаго героя поэмы остается неизвѣстнымъ, такъ какъ изображено идеографомъ. Берозъ называетъ его *Киситромъ* или, по другому чтенію, *Сиситромъ*. За свое благочестіе и повиновеніе волѣ боговъ, онъ былъ избавленъ съ женою, дѣтьми и друзьями отъ всеобщаго истребленія потопомъ и вслѣдъ за тѣмъ получилъ безсмертіе и блаженную жизнь съ богами. Къ нему является *Издубаръ*, олеченный приближеніемъ конца своей жизни, чтобъ узнать какимъ образомъ можно избѣгнуть этого общаго рока людей и подобно ему, *Сиситру*, сдѣлаться безсмертнымъ. Въ отвѣтъ на

* G. Smith. *Chaldaean account of the Deluge*. London. 1872.

это *Сиситра* рассказываетъ исторію потола и свое спасеніе и обожествленіе.

Халдейское сказаніе о потоля имѣеть много общихъ чертъ съ библейскимъ сказаніемъ, что было причиною того потрясающаго впечатлѣнія какое произвело въ свое время открытіе этого сказанія на ученый міръ и той славы какую она доставила виновнику этого открытія Смиту. Но важность этого открытія значительно преувеличивалась. Несмотря на поразительныя сходства съ Моисеевымъ сказаніемъ въ особенности во взглядѣ на потоля какъ на наказаніе за грѣхъ людей, въ изложеніи самаго хода событія и многихъ частностей, оба повѣствованія носятъ совершенно различный характеръ. Впрочемъ вопросъ о ихъ взаимномъ отношеніи заслуживаетъ быть предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія, которое не входитъ въ нашъ планъ; мы ограничимся замѣчаніемъ что рѣшеніе этого вопроса страшно затруднено недостаточностью обработки самаго этого сказанія. Филологическая разработка его еще можно сказать не началась, въ настоящее время еще не окончилась работа возстановленія самаго текста изъ различныхъ фрагментовъ, принадлежащихъ къ различнымъ экземплярамъ этого сказанія, вполнѣ правильное и точное истолкованіе его еще принадлежитъ будущему.

Но обратимся къ дальнѣйшему изложенію матеріала халдейскаго эпоса. Судьба спутниковъ *Сиситра*, спасенныхъ отъ общаго истребленія, не рассказывается въ поэмѣ *Идубара*. Объ этомъ такъ говоритъ Берозъ, который также оставилъ намъ халдейское сказаніе о потоля. „Когда оставшіеся на корабль замѣтили что *Сиситра* не возвратился съ тѣми кто съ нимъ были, вышли, искали его и звали по имени. Самаго *Сиситра* они не видали болѣе, но голосъ пришелъ съ неба который сказалъ имъ что они должны быть богобоязненными, потому что за свое благочестіе онъ восхитенъ къ богамъ и живетъ съ ними; равной чести удостоились также его жена, его дочь и кормчіи. Онъ сказалъ имъ далѣе чтобъ онъ возвратился въ Вавилонъ, что имъ надлежитъ вырыть книги въ Силларѣ и сообщить людямъ, и что они находятся въ Арменіи. Когда они усмыслили это, то принесли жертвы богамъ и переселились въ Вавилонъ. Отъ ковчега остановившагося въ Арменіи находится еще часть въ Гордіейскихъ горахъ, съ которой путешественники соскабливаютъ асфальтъ чтобъ употрѣблять его

как предохранительный амулет. Слушайки Сиситра придя въ Вавилонъ выколали олатъ книги въ Силларѣ, написали много книгъ, построили храмы и создали такимъ образомъ второй Вавилонъ.* * Люди которые снова засеяли землю были исполненной силы и гордости. „О первыхъ людяхъ разказывается что они такъ надѣялись на свою силу и были провѣнчаны своимъ величіемъ что считали за ничто боговъ и воображали что они выше ихъ, потому тамъ, гдѣ теперь стоитъ Вавилонъ, построили возвышенную башню чтобы быть какъ можно ближе къ божеству. Тогда пришли вѣтры на помощь богамъ и низвергли на нихъ все это твореніе. Развалины называются Вавилономъ. До сего времени люди говорили однимъ языкомъ, теперь боги заставили ихъ издавать смѣшанные звуки.“** Какъ воспоминаніе объ этомъ событіи у Халдеевъ служила башня въ *Ворсиннѣ*, которую они считали тождественною съ *башнею языковъ* и которая, по выраженію царя Навуходоносора, съ незапамятныхъ временъ оставалась неоконченною.*** Она состояла изъ семи лежащихъ одна надъ другою террасъ, изъ которыхъ каждая имѣла полную четырехугольную форму и была построена такъ что значительно суживалась сравнительно съ лежащею ниже, такъ что все строеніе имѣло видъ пирамидальной дѣйствицы съ весьма широкимъ базисомъ и весьма узкою верхушкой. Вопреки вавилонскому обычаю, къ четыремъ сторонамъ свѣта были обращены стороны, а не углы зданія.

Вскорѣ послѣ потопа и смѣшенія языковъ, по сказанію Вероза, начала царствовать первая халдейская династія. Она имѣетъ такой же мифическій характеръ какъ и династія до потопа и состояла изъ 86 царей, которые царствовали 34.080 лѣтъ.**** Къ позднѣйшей эпохѣ этого доисторическаго періода Халдеи относятся безъ сомнѣнія жизнь того истиннаго героя халдейскаго эпоса, котораго мы назвали *Издубаромъ*, хотя имя его остается неизвѣстнымъ. Преданіе объ немъ соединяется съ одной стороны съ мифологіей Халдеи, съ другой—съ воспоминаніемъ о той борьбѣ между различными народностями какою несомнѣнно была ознаменована

* *Berosos fragm. XV, XVI. ed. Lenormant.*

** *Berosos fragm. XVII. XVII*

*** *W. A. I. Vol. 1, 51. 1. Oppert, Etudes assyriennes, стр. 91—132.*

**** *Berosos fragm. 11.*

первоначальная исторія Хаадеи. Въ число элементовъ его имени, написаннаго идеографически, входитъ понятіе огня или лучше бога огня, поэтому съ полнѣйшею основательностью можно предполагать что это лицо первоначально было аккадіи́скимъ божествомъ огня. Въ одномъ изъ полнѣйшихъ списковъ божествъ его имя встрѣчается какъ имя одного изъ божествъ подчиненнаго ранга. Культъ огня несомнѣнно игралъ большую роль въ религіи Аккадіи́цевъ и божество огня занимало видное мѣсто въ ряду боговъ, но съ того времени какъ религія Хаадеевъ получила во времена Саргона систематическую форму, это божество отодвинулось на задній планъ, взамѣвъ того оно получило выдающееся значеніе въ хаадеи́скомъ эпосѣ. Весьма остроумно и въ то же время основательно открытіе сэръ-Генри Раулинсона что поэма Издубара имѣетъ связь съ фазисами солнца или съ жизнью солнечнаго бога, въ неразрывную связь съ которымъ можно поставить и божество огня. * Двѣнадцать частей поэмы, изображенной на двѣнадцати плиткахъ, отвѣчаютъ двѣнадцать мѣсяцамъ или двѣнадцать знакамъ зодіака, причемъ хаадеи́скія названія знаковъ зодіака, изъ которыхъ несомнѣнно получили происхожденіе и наши названія, вполнѣ отвѣчаютъ содержанію частей поэмы. Отсюда естественно думать что съ каждымъ знакомъ зодіака Хаадеи связывали различныя эпическія сказанія, которыя и заключались въ поэмѣ Издубара; такъ напримѣръ 11я глава этой поэмы, содержащая сказаніе о потопѣ, должна соответствовать одиннадцатому мѣсяцу, а этотъ мѣсяцъ (январь-февраль), время сильнѣйшихъ дождей, носилъ знакъ вододея или сосуда изливавшего воду.

Но будучи съ одной стороны божествомъ, Издубаръ являетъ съ другой человѣческимъ царемъ и завоевателемъ, который борется и съ людьми, и съ различными чудовищами, бичами благосостоянія людей, завоевываетъ и основываетъ царства. Какъ такогo его отождествляютъ нѣкоторые (Ленорманъ, Смитъ и др.) съ библейскимъ *Нимродомъ* и думаютъ что и дѣйствительное имя Издубара, изображенное идеографически, должно быть *Нимродъ*. Основаніемъ для этого прежде всего служитъ то что въ надписяхъ *Ассурбанипала* одинъ изъ ассирійскихъ городовъ, *Ресенъ*, основаніе котораго Книга Бытія

* S. H. Rawlinson. *Athenaeum*, 7 Dec. 1872.

приписывает *Нимроду*, * называется „городомъ ловца“, ** изъ чего слѣдуетъ заключить что послѣдствіе о Нимродѣ „могучемъ ловцѣ предъ Богомъ“ халдейскаго происхожденія. Далѣе Издубаръ основываетъ свое господство въ четырехъ городахъ, изъ которыхъ три отвѣчаютъ тремъ изъ тѣхъ также четырехъ городовъ, называемыхъ въ *Библии* „началомъ царства Нимрода“ (*Вавилонъ, Урукъ и Калне* или *Нинуръ*). Что же касается до тождества Издубара съ солнечнымъ богомъ, то и здѣсь есть нѣкоторое соответствіе съ преданіями о Нимродѣ, которыя также поставляютъ его въ нѣкоторую связь съ огнемъ, такъ какъ по арабскимъ преданіямъ Нимродъ жегъ Еврея Авраама въ огненной печи. *** Конечно, подтвержденія этой догадки нужно ожидать отъ дальнѣйшей разработки ламаттиковъ, но во всякомъ случаѣ мы считаемъ весьма вѣроятнымъ что библейское сказаніе о Нимродѣ стоитъ въ связи съ халдейскою эпопеей, заимствуя изъ нея то что можно назвать историческимъ зерномъ этой эпопеи, именно выступленіе Нимрода, Хамита, сына Куша, какъ великаго завоевателя, который во главѣ Кушитовъ покорилъ туранскихъ Халдеевъ и основалъ великое, смѣшанное изъ двухъ народностей Халдейское государство.

Къ сожалѣнію, самая поэма сохранилась въ весьма жалкомъ видѣ. **** Ничтожное число фрагментовъ удалось найти Смитту, которые относятся къ первымъ пяти ланткамъ и образуютъ начало разказа. Одна изъ нихъ содержитъ разказъ о лавненіи краснаго звѣря, котораго Издубаръ поймалъ живымъ съ помощію своего звѣрнаго слуги *Еа-бани*, который всюду его сопровождалъ. Другое повѣствуетъ о морскомъ чудовищѣ, по имени *Буль*, которое въ опредѣленные промежутки времени выходило изъ рѣки опустошать землю и поглощать дѣвицъ, которыя предавали себя въ жертву его ярости. Вотъ какъ разказывается объ уничтоженіи Издубаромъ этого звѣря:

Издубаръ обратился съ сими словами къ своему охотнику
(Цауду)

„Иди, мой охотникъ, съ женою Гакарту
„и съ женою Уласамру

* Бытіе 10, 12.

** W. A. I. Vol. 11, 46.

*** *Коранъ*, Сура 29, ст. 23.

**** Smith. *Assyrian discoveries* и его же *Chald. Genesis*.

„и если чудовище будетъ проходить мимо,
 „выступая изъ своей области,
 „пусть каждая жена опометъ свое одежаніе;
 „тогда откроется ихъ красота,
 „и чудовище устремится на нихъ.
 „Тогда ты умертви его, если оно такъ представеть.“

— Охотникъ удалился;
 съ нимъ пошелъ Гакарту
 и Уласамру.

Они шли по дорогѣ и обратились
 внизъ вдоль дороги.

На третій день въ пустынную землю
 они прибыли, охотникъ и жена Гакарту
 и жена Уласамру.

Они пробыли тамъ день
 и на другой день
 предъ областію чудовища,

.
 чудовище проходило мимо
 и
 оно устремилось на нихъ
 оны уничтожили его, чудовище
 савдуга приказанію своего отца
 охотникъ Данде

Оны пошелъ, оны быль на пути оны пришелъ
 въ средину города Уруха *

Дальнѣйшая глава представляетъ Издубара во главѣ завоевателей, которые побѣждаютъ царя города Уруха *Белзу*. Эта-то борьба и есть по всей вѣроятности отголосокъ той борьбы расъ какая происходила въ первомъ періодѣ халдейской исторіи, борьбы между Туранцами и Кушитами. Наглядно изображается весь ужасъ этой борьбы, такъ что живущіе въ святилищахъ Уруха боги и духи принимаютъ образъ звѣрей, чтобъ избѣжать преслѣдованія завоевателей. При этомъ замѣчательна черта въ этомъ повѣствованіи что Издубаръ, покоритель Уруха, представляемъ такъ, какъ будто бы оны въ началѣ своей жизни жилъ въ Урухѣ и происходилъ изъ этого города. Эта черта параллельна греческимъ преданіямъ о Гераклидахъ. Послѣ смѣшенія завоевателей съ побѣжденными самолюбіе послѣднихъ побуждало смотрѣть на своихъ завоевателей не какъ на чуждыхъ пришельцевъ, а

* Smith's *Chald. Genesis*, стр. 175.

какъ на соотечественниковъ имѣющихъ законное право на наслѣдіе.

Текстъ шестой плиткі читается такъ:

. Велесу онъ умилилъ Велесу.

Какъ зѣръ растопталъ онъ землю позадѣ себя;

онъ уничтожилъ его и его всекомманіе ичезало.

Земля была покорена, и затѣмъ онъ принялъ вѣнецъ.

Издубаръ выставилъ вѣнецъ, и затѣмъ принялъ онъ вѣнецъ.

Съ благоволеніемъ царица Истаръ направилъ свои глаза на Издубара,

и она сказала такъ:— „Издубаръ, ты будешь моимъ мужемъ,

„твое слово будетъ связывать меня въ оковы;

„ты будешь моимъ мужемъ и я буду твоею женой,

„ты будешь ѣдить на колесницѣ изъ драгоценныхъ камней и золота,

„кузовъ которой будетъ золотой и дышло которой будетъ прекрасно;

„ты будешь выходить во дни великой славы

„въ *Битъ-Али* *, область котораго заключаетъ священную кедровую рощу;

„тамъ будутъ тебѣ покорены цари, владѣтели и князья;

„они будутъ приносить тебѣ дань горъ и равнинъ, дары благоговѣнія

„они будутъ доставлять тебѣ. **

Затѣмъ слѣдуетъ супружество Издубара съ богиней Истаръ, халдейско-ассирійскою Афродитой и вдовой божественнаго супруга, котораго имя, идеографически написанное, означаетъ „сына жизни“ или „сына духа“. Періодъ вдовства богини Истаръ служитъ предметомъ другаго эпического сказанія „о схожденіи во адъ“, о которой мы будемъ говорить ниже. По свидѣтельству Смита, послѣ повѣствованія о супруествѣ Издубара съ Истаръ во фрагментахъ эпопеи слѣдуетъ выускъ многихъ плитокъ. Тамъ гдѣ текстъ получаетъ свою нѣкоторую связь, герой болеетъ и боится смерти, „послѣдняго врага людей“. Обезпokoенный этимъ онъ старается отыскать Сиситра, которому боги, послѣ того какъ спасли его отъ лотопы, даровали вѣчное безсмертіе, съ намѣреніемъ узнать отъ него какимъ образомъ онъ получилъ это безсмертіе и есть ли возможность ему самому достигнуть того же блаженства.

* „Домъ неба“, имя великаго пирамидальнаго храма въ Урухъ.

** Smith's *Chald. Genesis*, стр. 188.

Издубарь по своемъ слугѣ *Еа-бани*
горько скорбѣлъ и оставался поверженнымъ на земаю.
— „Я получилъ извѣстiе объ *Еа-бани* и
„немощи проникли въ мою душу;
„я боялся смерти и лежалъ, поверженный на земаю.
„Найти Сиситра, сына Убаратугу
„я предпринялъ путешествiе и весело я достигнулъ
„до тѣни горъ, къ которымъ я прибылъ во время ночи.
„Я увидѣлъ боговъ и былъ ослѣпленъ страхомъ.
„ я молился къ *Сину*,
„и въ присутствiи боговъ вознесена была моя молитва;
„они благоволили миръ надо мною
„и послали мнѣ семъ. *

Съ помощiю искуснаго морехода, имя котораго Смитъ переводитъ *Уркамси*, а Ленорманъ *Урз-белъ*, онъ плыветъ внизъ по Евфрату въ продолженiе мѣсяца и пятнадцати дней, пока не достигъ лежащей при устьѣ рѣки и окруженной болотами земаи, въ которой жилъ Сиситръ. Это плаванiе отмѣчено было различными приключенiями, между прочимъ бесѣдуетъ *Урз-белъ* съ Издубаромъ о водѣ жизни, „воды смерти, говоритъ онъ, не будутъ омыватъ твоихъ рукъ“. Ближайшiя обстоятельства свиданiя Издубара съ Сиситромъ весьма трудно возстановить; насколько можно заключить, Сиситръ и его жена находились въ некоторомъ отдаленiи отъ героя, который ихъ искалъ, по ту сторону рѣки. Не могли ее перейти, такъ какъ она образуетъ средотѣнiе между смертными и бессмертными, и высшею божественною силою сдѣлана непроходимой, Издубаръ зоветъ Сиситра стать въ виду его и обращается къ нему съ роковымъ вопросомъ о жизни и смерти. Сохранилось только заключенiе отвѣта Сиситра, который возвѣщаетъ всеобщаость смерти для всѣхъ людей: „богиня *Малитъ*, говоритъ онъ, создательница участи, опредѣлила имъ роковой жребiй, она рѣшила смерть и жизнь, однако день смерти неизвѣстенъ“. Эти слова Сиситра образуютъ заключенiе десятой пiитки.

Одиннадцатая пiитка начинается новымъ вопросомъ Издубара къ Сиситру о томъ, какъ онъ сдѣлался бессмертнымъ; въ отвѣтъ на это разказываетъ Сиситръ исторiю потолка. Когда Сиситръ окончилъ свой разказъ,

* Smith's *Chald. Genesis*, стр. 210.

Издубаръ и Урбелъ взошли снова на корабль,

Съ того мѣста гдѣ стояли, они отправились.

Его жена обратилась съ сими словами къ Сиситру издалека:

„Издубаръ удаляется, онъ удовлетворенъ, онъ совершилъ то что ты ему повѣляла и онъ возвращается въ свою землю.“

И онъ услышалъ это и въ сопровожденіи Издубара вышелъ онъ на берегъ.

Сиситръ съ сими словами обратился къ Издубару:

„Издубаръ, ты удаляешься, ты удовлетворенъ, ты совершилъ

„То что я тебѣ приказала и ты возвращаешься въ свою землю.

„Я открылъ тебѣ, Издубаръ, сокровенную исторію.“ *

На этомъ оканчивается связанный разказъ объ Издубарѣ. Но эта поэма, есаибъ она сохранилась и во всей цѣлости, далеко не исчерпывала бы всего матеріала халдейской эпоса. Нѣтъ сомнѣнія что эта эпоса была обширна и состояла изъ самостоятельныхъ разказовъ, которые были между собою во взаимной связи и обнимали всѣ части традиціи относительно доисторической жизни ихъ народа. Однимъ изъ эпизодовъ этой поэмы можетъ быть названъ замѣчательный разказъ „о схожденіи богини Истаръ въ землю безъ возвращенія“; онъ имѣетъ связь съ поэмой Издубара и имѣетъ большое значеніе для мифологіи Халдеи и другихъ родственныхъ народовъ Сиріи и Палестины. Въ повѣсть Издубара богиня Истаръ, когда она сочеталась съ Издубаромъ, представляется вдовой другой божественной личности, фонетическое значеніе имени котораго, изображеннаго идеографически, не вполнѣ ясно. Среди своей печали она испускается въ темную область преисподней для свиданія съ этимъ покинутымъ еще въ цвѣтуція лѣта страстно любимымъ супругомъ. Здѣсь весьма важно знать кто этотъ молодой супругъ богини Истаръ, о смерти котораго она предается такой безутѣшной скорби и ради котораго сама отправляется въ преисподнюю чтобъ излить на него „воды жизни“. Самое вѣроятное чтеніе его имени есть *Дуци* или *Дуауци*; въ немъ находятъ соотвѣтствіе съ именемъ столь извѣстнаго въ семитическомъ Востокѣ *Таммуза*, почтеніе котораго вмѣстѣ съ ассирійскимъ господствомъ проникло въ Сирію и Палестину, даже въ Иудею, гдѣ оно вызвало жестокое порицаніе со стороны пророковъ. ** Въ Кипрѣ и

* Smith's *Chald. Genesis*, стр. 230.

** Lenormant, *Lettres assyriologiques*, 11.

Библосъ его называли *Адонисомъ*. Культъ этого божества, который вездѣ представляется юношей, похищеннымъ изъ объятій богини въ цвѣтущія лѣта, состоялъ въ печальныхъ церемоніяхъ, во время которыхъ мужчины и женщины оплакивали его при его гробѣ. Объ этой церемоніи оплакиванія говорится и въ настоящемъ влическомъ разказѣ, въ послѣднихъ, хотя не вполне ясныхъ строкахъ его. Здѣсь также говорится о драгоценныхъ камняхъ, объ ожерельяхъ изъ лалиса, носимыхъ во время этого праздника, что согласуется съ однимъ древнимъ свидѣтельствомъ, что „Изида, скорбящая объ Осирисѣ и Венера оплакивающая Адониса носятъ семеричное украшеніе, такъ какъ природа носитъ семеричное украшеніе и одѣта семью вѣтрями покрывалами.“ * Супругъ богини Истаръ дѣйствительно имѣетъ много сходнаго съ *Адонисомъ* или *Таммузомъ* семитическихъ религій по своимъ основнымъ чертамъ. Но и самое названіе *Таммузъ* легко можетъ быть видоизмѣненіемъ *Дуумъ* или *Дусаумъ*, такъ какъ въ аккадійскомъ языкѣ почти не было различія какъ въ изображеніи, такъ и въ произношеніи между буквами *с* и *л* и *Дусаумъ* могло быть произнесимо *Думаумъ* или съ нѣкоторымъ умягченіемъ буквъ *Тумазумъ*.

Но обратимся къ самой повѣсти **. Она начинается разказомъ объ обстоятельствахъ сходженія Истаръ въ преисподнюю и описаніемъ самой этой области. Для міеологии Востока весьма интересны черты которыми изображается это подземное царство. Нѣтъ сомнѣнія что здѣсь господствуетъ еще аккадійскій взглядъ на преисподнюю, которая представляется особымъ царствомъ, населеннымъ особыми богами и духами, хотя находящимся въ зависимости отъ верховныхъ боговъ земли и неба, въ чемъ сказывается вліяніе позднѣйшихъ идей кушитскаго происхожденія. Поэма начинается такъ:

Въ землю безъ возврата, въ область усоншихъ,
Истаръ, дочь Сина, мысль пристально
направила, дочь Сина направила мысль
къ жилищу усоншихъ, въ мѣстопребываніе бога Иркаала,
къ жилищу, куда входятъ безъ возможности выхода,
къ тропикѣ, куда идутъ безъ возврата,

* Въ книгѣ *Philosophumena*, приписываемой Св. Ипполиту.

** Она опубликована Ленорманомъ въ *Choix de textes cunéiformes inédits*, 1 fasc. стр. 100.

къ жилищу, входъ котораго отдаенъ отъ свѣта,
къ мѣсту, гдѣ только прахъ саужитъ для утоленія жажды,
только тина—лицею,
гдѣ не видать свѣта, гдѣ живутъ въ темнотѣ,
гдѣ тѣни подобно птицамъ облетаютъ своды;
надъ притоками и порогами лежить грудою прахъ.*

Дорога для богини Истаръ въ землю безъ возвращенія должна была лежать чрезъ Океанъ, который по аккадійскому пред- ставленію со всѣхъ сторонъ омывалъ обитаемую землю. Эта земля безъ возвращенія, подобно аду Данте, состояла изъ семи круговъ, въ каждый изъ которыхъ вела особая дверь. Глав- ный входъ въ нее находился на западѣ, вблизи „великой горы“, которая на этой сторонѣ соответствуетъ „горѣ востока“, то- есть „колыбели человеческого рода“, „домосу небесныхъ дви- жений“, гдѣ было по халдейской мифологіи мѣсто собранія боговъ. Надъ главнымъ входомъ въ преисподнюю была постав- лена особый богъ *Негабъ*, „великій привратникъ міра“; онъ назывался также „стражемъ двери“ и „стражемъ воды“. Къ этому главному входу земли безъ возвращенія являлась Истаръ и требуетъ у главнаго привратника впустить ее.

Истаръ, приблизившись къ двери отдаленной земли безъ воз- вращенія,
стражу двери возвѣщаетъ свою волю,
стражу воды: „отвори твою дверь;
отвори твою дверь чтобъ я вошла;
если ты не отворишь твоей двери и я не буду имѣть возмож- ности войти,
я устремлюсь на дверь, я разобью засовы,
я устремлюсь на пороги, я насильно пройду чрезъ дверь,
я возстановаю мертвыхъ чтобы поглотить живыхъ
и мертвые будутъ многочисленнѣе живыхъ.“
— Стражъ отворилъ свою дверь и сказалъ,
онъ сказалъ великой Истаръ,
онъ ей объявилъ: „госпожа, ты не обращай назадъ,
пока я не схожу, вѣстникъ этой вѣсти, къ царицѣ великихъ боговъ.“

Эта царица великихъ боговъ называется здѣсь иначе „кня- гиней гроба“, въ другихъ мѣстахъ она носитъ названіе *Алматъ* (*Алмита* Геродота), вѣроятно она тождественна съ

* Smith's *Chald. Genesis* стр. 198.

супругою *Мулге Нин-ге*. Она встрѣтила *Истаръ* какъ свою ревнивую солеряицу, велѣла отворить ей дверь, но „покончить съ нею, какъ съ тѣми которые проникали сюда прежде“. Затѣмъ описывается самый процессъ вхожденія ея чрезъ семь дверей преисподней. Стражъ впустилъ ее въ первую дверь, но тотчасъ же снялъ большую корону съ ея головы; на вопросъ зачѣмъ это онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ: „иди, госпожа, потому что княгиня гроба дѣлаетъ такъ со своими посьвителями“. Та же самая церемонія происходила при входѣ въ другія шесть дверей, причемъ она лишалась какого-либо одного изъ своихъ украшеній и одежды, такъ что наконецъ явилась къ княгинѣ гроба совершенно голою. Княгиня гроба приняла ее съ великимъ гнѣвомъ и велѣла *Налтару*, своему слугѣ, поразить ее болязнями во всѣхъ частяхъ тѣла и заключить ее въ преисподней. Но такое насиліе надъ великою богиней отозвалось катастрофами на обитаемой землѣ:

Послѣ того какъ *Истаръ*, госпожа, была низведена подъ землю, воля не оплодотворяла болѣе корову, ослѣпа не допускала ослѣ; рабыня не соединялась болѣе въ любви съ господиномъ, господинъ удерживался повелѣвать, рабыня отказывалась повиноваться.

Великіе бога узнали отъ своихъ слугъ объ этихъ событіяхъ и пришли въ движеніе. *Самасъ* предсталъ предъ своимъ отцомъ *Симолъ*, а тотъ склонился предъ верховнымъ *Еа*, объявилъ ему объ участи постигшей *Истаръ* и объ ея послѣдствіяхъ на землѣ. *Еа* „въ таинственномъ словѣ своего сердца“ принялъ рѣшеніе и послалъ нарочно сотворенный имъ образъ *Ассусу-Налира* возвѣститъ княгинѣ гроба свое рѣшеніе:

Иди, *Ассусу-Налиръ*, въ двери земли безъ возвращенія, покажи лицо свое,

чтобы семь дверей земли безъ возвращенія отворились предъ лицомъ твоимъ!

чтобы княгиня гроба тебя увидѣла и возрадовалась предъ лицомъ твоимъ!

Во глубинѣ своего сердца она успокоится и ея глѣзъ исчезнетъ; прикажи ей молчаніе во имя великихъ боговъ.

Вмѣстѣ съ этимъ *Еа* повелѣлъ княгинѣ гроба дать „воды жизни“, безъ которой она не могла сама возвратиться изъ преисподней и воскресить своего мужа. Княгиня гроба

была раздражена этимъ рѣшеніемъ, рвала свою грудь и кусала члены, однако должна была повиноваться волѣ великихъ боговъ. Она велѣла своему слугѣ Намтару устроить торжественный обрядъ этого сообщенія Истаръ воды жизни, украсить вѣчное святилище, поставить тронъ, посадить на немъ „бога, духа земли“, затѣмъ велѣть Истаръ воду жизни и удалить ее. Такимъ образомъ Истаръ была возвращена къ свѣту жизни, причемъ при выходѣ изъ преисподней при каждой двери она получала обратно все свои украшения и одежды, „и сына жизни, молодого мужа ея пылающую страсть, она окропила небесными водами“. Послѣднія строки поэмы, въ которыхъ говорится объ этомъ ея оупругѣ и о празднествахъ въ честь его, къ сожалѣнію, сохранились въ весьма несовершенномъ видѣ.

М. НИКОЛЬСКИЙ.

ЗАПИСКИ ГОСПОЖИ РЕМЮЗА

Mémoires de madame de Rémusat (1802—1808).

Въ послѣдніе годы появилось много мемуаровъ относящихся къ Наполеону I, драгоценныхъ не только для исторіи его времени, но также и потому что они проливаютъ яркій свѣтъ на характеръ этого новѣйшаго Цезаря, даютъ возможность заглянуть въ его душу и отчетливо прослѣдить поразившую въ немъ смѣсь великаго съ ненавистнымъ и презрѣннымъ. Было бы недостаточно для этого обширной корреспонденціи, обнародованной по приказанію его царственного племянника. Наиболѣе драгоценныхъ указаній слѣдуетъ искать въ мемуарахъ брата его Иосифа, въ письмахъ которыхъ теперь печатаетъ баронъ дю-Кассъ въ *Revue historique*, въ письмахъ извѣстнаго историка Сисмонди, обнародованныхъ въ томъ же изданіи, въ мемуарахъ Міо де-Мелито и Даву; къ этому слѣдуетъ присоединить въ высшей степени интересныя изслѣдованія Рокена и Рамбо объ отношеніяхъ Наполеона къ его братьямъ Лудовику и Иерониму. Но признаемся, какъ ни важны всѣ эти произведенія, они блѣднѣютъ предъ появившимися теперь въ свѣтъ мемуарами гжи Ремюза, матери писателя недавно сошедшаго въ могилу и занимавшаго столь видное мѣсто во французской литера-

турѣ. Въ нихъ не надо искать ни глубокихъ политическихъ соображеній, ни новыхъ фактическихъ свѣдѣній: гжа Ремюза имѣетъ въ виду только человека, — человека, котораго она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду видала безпрерывно и при разныхъ обстоятельствахъ, окруженнаго вѣсьмъ блестящею властью и въ домашней его обстановкѣ, который, привыкнувъ къ ея присутствію, не стѣснялся выражать при ней мысли и чувства тщательно скрываемаыя имъ отъ другихъ; она слѣдила за нимъ съ присущею только женщинамъ тонкою наблюдательностію и своимъ женскимъ инстинктомъ угадывала многое чтó иногда недоступно уму самаго преципительнаго мужчины. Читая ея мемуары одинаково интересуешься и личностію самого автора, и тѣми образами которые выступаютъ изъ-подъ его пера.

Быть-можетъ кто-либо залодозритъ безпристрастіе гжи Ремюза. Изъ свѣдѣній сообщенныхъ ея звукомъ видно что она аккуратно вела свой дневникъ въ то время когда находилась при дворѣ Наполеона, но эти записки были безжалостно преданы ею огню при первомъ слухѣ о возвращеніи императора съ острова Эльбы, изъ опасенія подвергнуться обыску. Нѣсколько времени спустя послѣ этого задумала она возстановить то чтó сохранилось въ ея памяти и принялась за свой трудъ при совершенно иной обстановкѣ. Обаяніе славы Наполеона замѣнилось враждебнымъ къ нему чувствомъ; общественное мнѣніе видѣло лишь то зао которое причислялъ оны Франціи; сама гжа Ремюза не скрываетъ что, принимаясь за перо, она находилась подъ сильнымъ вліяніемъ только что появившейся тогда книги гжи Сталь *Considération sur la révolution française*, многія страницы коей дышатъ непримиримою ненавистію къ Наполеону. Но ничего подобнаго не встрѣчается у гжи Ремюза. Книга ея менѣе всего похожа на памфлетъ. Переживъ всѣ ужасы революціоннаго террора, когда между прочимъ и отецъ ея, совѣтникъ Бургонскаго парламента Вержеванъ, погибъ на эшафотѣ, она ни на минуту не забывала чтѣмъ обязана была Франціи Наполеону. При Бурбонахъ много нареканій пришлось выдержать ей и ея мужу за то что г. Ремюза, потомокъ старинной фамиліи, занялъ должность префекта императорскаго двора, а она — должность штатсъ-дамы императрицы Жозефины, но несомнѣнно что въ подобномъ рѣшеніи съ ихъ стороны менѣе всего участвовало какое-либо низкое и корыстное

чувство. Признательность къ Наполеону за то что онъ возстановилъ порядокъ и увлеченіе его еще незапятнанною славою—вотъ что играло здѣсь главную роль. Къ тому же примѣръ г. Ремюза и его супруги былъ не одинокимъ. Описывая съ какою послѣдностью люди знатнаго происхожденія стали стекаться ко двору Наполеона, лишь только создавъ былъ этотъ дворъ со всѣмъ его великолѣпьемъ, гжа Ремюза замѣчаетъ что въ „характерѣ царедворцевъ есть многое напоминающее кошку, которая привязывается не къ людямъ, а къ дому и не покидаетъ его когда перемѣнились господа“. Гжа Ремюза не должна была опасаться что эта острая шутка будетъ примѣнена къ ней самой. Она сохраняла чувство достоинства въ то время когда все работливо преклонялось предъ властелиномъ Франціи и не проклинала его когда счастье ему измѣнило. „Что подумаютъ обо мнѣ если будутъ обнародованы мои записки? говорить она въ одномъ изъ писемъ къ своему сыну. Очень тревожитъ меня мысль что заподозрятъ меня въ злословіи и недоброжелательствѣ. Всячески изыскиваю я возможность хвалить императора, но что дѣлать, человекъ этотъ до такой степени былъ губителемъ добродѣтели и такъ мы были унижены имъ что невольно изъ груди моей вырывается слово правды...“

Книга о которой мы бесѣдуемъ съ нашими читателями исполнена интереса отъ начала до конца. На первыхъ же стараницахъ ея мы встрѣчаемся съ замѣчательною характеристикой Наполеона, сдѣланною гжой Ремюза на основаніи личныхъ ея наблюденій и на основаніи того что слышала она о немъ отъ людей ему близкихъ.

Въ молодости Наполеонъ былъ мечтателемъ; лютѣе грусть все болѣе и болѣе овлаживала имъ, а лодъ конецъ онъ почти постоянно находилась въ невыносимо дурномъ расположеніи духа. „Еще въ то время когда я знала его, рассказываетъ гжа Ремюза, онъ любилъ все что располагаетъ къ мечтательности—Осiana, сумерки, меланхолическую музыку. Я видѣла какъ воодушевлялся онъ при шумѣ вѣтра, съ энтузіазмомъ говорилъ онъ о бушеваніи моря и даже не отрицалъ возможности ночныхъ привидѣній: въ немъ видимо развита была склонность къ суевѣрію. Иногда, приходя вечеромъ изъ своего кабинета въ салонъ гжи Бонапарте, онъ приказывалъ надѣвать на свѣчи абажуры изъ бѣлаго газа и среди глубокой тишины заставлялъ насъ рассказывать или рассказывалъ самъ исторію о привидѣ-

ніяхъ; или же слушалъ тихое и медленное лѣніе италянскихъ лѣвцовъ съ едва раздававшимся акомпаниментомъ немногихъ инструментовъ. Тогда владалъ онъ въ задумчивость, которую всѣ мы боялись нарушить, не двигались съ мѣста и не позволяли себѣ ни малѣйшаго движенія. По выходѣ изъ этого временнаго настроенія, которое видимо облегчало его, онъ становился болѣе веселымъ и общительнымъ. Въ такихъ случаяхъ любилъ онъ отдавать отчетъ о только что испытанномъ имъ чувствѣ, любилъ говорить о томъ какое вліяніе оказываетъ на него музыка, отдавая при этомъ предпочтеніе музыкѣ Пазіелло, такъ какъ она монотонна, а—по словамъ его—только повторяющіяся впечатлѣнія способны овладѣвать нами“. Все это конечно весьма интересныя черты въ характерѣ Наполеона и которыя, кажется, не были выставлены до сихъ поръ. Объяснять ихъ можно различнымъ образомъ. Гжа Ремюза была того мнѣнія что онъ не представлялъ ничего необычнаго, ибо въ натурѣ его совмѣщались самыя поразительныя противоположности, но трудно предположить чтобы мечтательное, поэтическое настроеніе было дѣйствительно сильно развито въ Наполеонѣ. Музыка, завываніе вѣтра, ласкъ моря дѣйствуютъ на людей различно: подъ вліяніемъ всего этого у однихъ дѣйствительно разыгрывается поэтическая фантазія, а у другихъ только сильнѣе возбуждается умственная дѣятельность. У этой послѣдней категоріи людей подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній не чувство, а мозгъ работаетъ, такъ что они становятся чужды всему окружающему ихъ. Множество данныхъ удостовѣряютъ насъ что Наполеонъ былъ менѣе всего мечтателемъ; сама гжа Ремюза говоритъ что анализъ преобладалъ надъ всеми другими свойствами его ума, что не было человѣка который „болѣе упорно и постоянно размышлялъ бы о причинахъ руководящихъ человѣческими дѣйствіями“.

Въ немъ совмѣщались, замѣчаетъ нашъ авторъ, необыкновенно могучій геній съ мягкою душой. Истинное величіе и истинное великодушіе были ему совершенно чужды. Можно положительно сказать что онъ не только что не въ состояніи былъ оцѣнить, но даже не понималъ никакого влчавъ благороднаго постулка. Наполеонъ сознавалъ въ себѣ эту черту и гордился ею какъ однимъ изъ свойствъ истиннаго государственнаго человѣка. Гжа Ремюза сообщаетъ по этому поводу весьма любопытный разказъ, слышанный ею отъ Талейрана.

Относится онъ къ 1813 году, когда положеніе императора съ каждымъ днемъ становилось все болѣе критическимъ. Знаменитый дипломатъ совѣтовалъ ему по крайней мѣрѣ развязать себѣ руки относительно Испаніи, вывести оттуда свои войска и освободить короля Фердинанда. „При телерешскихъ обстоятельствахъ, замѣтилъ онъ, никто не сочтетъ низостью подобный образъ дѣйствій съ вашей стороны.“

— Низостью, воскликнулъ Наполеонъ, — а что мнѣ до этого! Знайте что я не отступилъ бы ни предъ какою низостью еслибы только она была мнѣ полезна. Въ сущности нѣтъ въ этомъ мѣрѣ ничего ни низкаго, ни благороднаго; по натурѣ я низокъ, — низокъ въ полномъ смыслѣ этого слова и могу васъ увѣрить что нисколько не задумаюсь сдѣлать то что привыкли называть безчестнымъ поступкомъ. Нужно только сообразить, соответствуетъ ли моимъ интересамъ то что вы мнѣ совѣтуете, да еще, — прибавилъ онъ, по словамъ Талейрана, съ сатавианскою улыбкой, — поразмыслить не руководить ли вами какое-нибудь особое тайное лобужденіе, когда вы подаете мнѣ такой совѣтъ...

Все заставляло думать что Наполеонъ обладалъ страстною натурой которою онъ не въ состояніи былъ владѣть въ минуты раздраженія и гнѣва. Но если вѣрить разказамъ гжи Ремюза, можно придти къ совершенно противному заключенію. Оказывается что у него были разчитаны даже самые сильныя порывы его души. Въ подтвержденіе этого авторъ разбираемой вами книги приводитъ между прочимъ слѣдующій случай. Послѣ кратковременнаго Амьенскаго мира снова нарушено было доброе согласіе между Франціей и Англіей; первый консулъ не задумался принять на себя инициативу окончательнаго разрыва и въ самыхъ запальчивыхъ и неприличныхъ выраженіяхъ заявилъ объ этомъ англійскому послу лорду Уисворту на торжественномъ приѣмѣ дипломатическаго корпуса. За полчаса до этого онъ пришелъ въ уборную своей супруги, которая оканчивала одѣваться, и сталъ играть съ маленькимъ Наполеономъ, сыномъ Лудовика Баонапарте; давно уже не видали его въ такомъ спокойномъ и веселомъ настроеніи духа; онъ шутилъ съ женой, съ ея штасъ-дамами, дѣлалъ имъ замѣчанія относительно ихъ туалета и все это самымъ непринужденнымъ тономъ. Вдругъ докладываютъ ему что дипломатическій корпусъ собрался; онъ вскочилъ и быстрыми шагами пошелъ въ залу, гдѣ тотчасъ же произошла сцена, поразившая своимъ неистовствомъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Если душъ Наполеона было чуждо все высокое и благородное, то что сказать, спрашиваетъ гжа Ремюза, объ его сердцѣ? Еслибы бывали, продолжаетъ она, такіа чудеса въ мирѣ, то можно было бы предположить что мѣсто гдѣ обыкновенно находится у человѣка сердце оставалось у него пустымъ. Ни кровныя узы, ни естественныя права природы какъ бы не существовали для него. А между тѣмъ Наполеонъ нѣсколько разъ былъ влюбленъ, но Боже мой, что это была за любовь! восклицаетъ гжа Ремюза. Женщина привлекала его лишь когда она была хороша и молода; вообще же онъ презиралъ женщинъ, и это не удивительно если вспомнить что въ молодости онъ велъ жизнь крайне уединенную, а когда при директоріи обстоятельства и собственный его геній выдвинули его впередъ, то онъ посѣщалъ такое общество въ которомъ именно о женщинахъ не могъ составить выгоднаго понятія. Онъ не умѣлъ обращаться со сколько-нибудь порядочными женщинами, не умѣлъ говорить съ ними, а такъ какъ всякаго рода стѣсненія были ему невыносимы, то онъ по возможности избѣгалъ ихъ. Единственная женщина внушавшая ему привязанность была первая его супруга Жозефина Богарте. Гжа Ремюза находилась съ нею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Близость эта возникла не послѣ того какъ заняла она должность штатсъ-дамы, а еще прежде, когда Жозефина и не предвидѣла ожидавшей ее блестящей будущности. У нея было много природнаго кокетства и граціи, былъ умъ хотя и поверхностный, и не было никакого образованія. Главный же ея недостатокъ заключается въ отсутствіи сколько-нибудь глубокихъ чувствъ и высокихъ стремленій. Натура воспріимчивая и живая она быстро переходила отъ одного впечатлѣнія къ другому, все скользило по ней и потому ни въ чемъ нельзя было положиться на нее, хотя по природѣ она была женщиной чрезвычайно доброю. Она позволяла себѣ критиковать своего супруга только относительно того что касалось ея самой; все остальное въ его дѣйствіяхъ было священной въ ея глазахъ,—до такой степени онъ порабощалъ ее силою своего ума и воли. Жозефину Богартѣ упрекали въ томъ что молодость ея протекла далеко не безупречно и повидимому упреки эти не лишены были основанія,—по крайней мѣрѣ она подавала къ нимъ поводъ своимъ крайнимъ легкомысліемъ. Не разъ высказываема была мысль что если Наполеонъ глубоко презиралъ человѣчскій родъ, то

этимъ чувствомъ обязанъ онъ былъ своимъ родственникамъ и главнымъ образомъ своей женой, что на отношеніяхъ своихъ къ нимъ онъ выучился не вѣрить ничему благородному и святому. Въ доказательство этого указываютъ на письма которыя писалъ Наполеонъ къ Жозефинѣ во время своего Италійскаго похода; гжа Ремюза читала эти письма и отрывки изъ нихъ мы находимъ въ ея книгѣ; дѣйствительно, они дышатъ необузданною страстью. Но по возвращеніи своемъ изъ Италіи Наполеонъ только и слышалъ что обвиненія противъ своей жены, слышалъ ихъ главнымъ образомъ отъ своего брата Люціана, который старался между прочимъ набросить самую непривлекательную тѣнь на ея отношенія къ Баррасу, и это обстоятельство было для него такимъ ударомъ отъ котораго онъ никогда не могъ оправиться. Гжа Ремюза подтверждаетъ отчасти эти предположенія. Она говоритъ въ своихъ мемуарахъ о страшной сценѣ происшедшей въ упомянутое время между Наполеономъ и Жозефиной, и о томъ что еще тогда намѣревался онъ развестись со своею супругой. Но объяснять разочарованіемъ въ любви презрительное отношеніе Наполеона къ людямъ, искать тутъ загадку того что онъ не допускалъ возможности чего-либо высокаго и благороднаго въ человѣческой природѣ, значило бы не понимать вовсе его характера. Когда гжа Ремюза завела мѣсто при дворѣ Наполеона, то Жозефина веда вполнѣ безупречный образъ жизни, а напротивъ, онъ самъ предавался съ такою раслуцженностью удовлетворенію своихъ страстей что едва ли когда-нибудь могъ возмущаться чѣмъ-либо въ другихъ. Известно что его упрекали будто бы онъ не пощадилъ даже своихъ сестеръ. Жозефина раздѣляла эти подозрѣнія. Въ интимныхъ бесѣдахъ своихъ съ гжой Ремюза она говорила о Наполеонѣ что онъ „лишенъ всякихъ нравственныхъ принциповъ и старается скрывать свои порочныя наклонности только изъ боязни чтобъ онъ не повредилъ ему въ общественномъ мнѣніи; но что еслибы не было для него этой узды, то онъ не останавливался бы рѣшительно ни предъ чѣмъ. Развѣ не соблазнилъ онъ своихъ сестеръ одну за другою?“ Гжѣ Ремюза приходилось часто быть свидѣтельницей семейныхъ раздоровъ, вызываемыхъ ревностью Жозефины,—ревностью имѣвшею впрочемъ вполнѣ достаточныя основанія. Въ эти минуты Наполеонъ часто говорилъ ей: „я не такой человѣкъ какъ другіе; законы нравственно-

сти и приличія созданы не для меня.“ Однажды удостоивъ оны по этому поводу своей откровенности гжу Ремюза. „Жена моя боится, сказала оны, чтобъ я серьезно не влюбилась въ кого-нибудь; она не хочетъ помнить что любовь для меня не существуетъ. Что такое любовь? Это—страстное чувство, подъ влияніемъ котораго человекъ оставляетъ въ сторонѣ все міръ, чтобъ обращать свои взоры только къ любимому предмету. Такая исключительность ужь конечно не въ моемъ характерѣ. Что же за дѣло Жозефинѣ до моихъ размеченій, если они не влекутъ за собой никакой привязанности съ моей стороны?...“

Нужно было удивляться съ какою увѣренностью и какъ быстро этотъ человекъ, только что облеченный властью, усваивалъ себѣ все ея привычки и вышніе приемы. Гжа Ремюза завела мѣсто въ свѣтѣ его супруги, когда еще оны былъ первымъ консуломъ, но уже въ то время Наполеонъ, переселившійся въ Тюильри, принялъ томъ неограниченнаго владычества. Оны любилъ окружать себя пышностью, требовалъ чтобъ и дамы, и должностныя лица являлись къ его двору въ блестящихъ костюмахъ, хотя самъ такихъ костюмовъ избѣгалъ, потому быть-можетъ что маленькая его фигура была не пригодна для нихъ. „Я помню, рассказываетъ гжа Ремюза, что накануне его коронаціи назначенные имъ не за долго предъ тѣмъ маршалы явились къ нему на поклонъ. Великолѣпіе ихъ мундировъ представляло поразительный контрастъ съ тѣмъ простымъ мундиромъ который былъ на немъ, и это заставило его уминуться. Я стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Подмѣтивъ умибку и на моихъ устахъ оны приблизилась ко мнѣ и сказала шепотомъ: „не всякій имѣетъ право одѣваться просто“. На вечернихъ собраніяхъ Наполеона все взоры обращены были на него; только оны одинъ говорилъ громко, сопровождая свою рѣчь рѣзкими жестами и толкая иногда ногой объ полъ, а его гости, не хуже царедворцевъ Людовика XIV, или хранили почтительное молчаніе, или были озабочены тѣмъ какъ бы не сказать чего-либо такого что могло не понравиться „гражданину первому консулу“. Поддерживать разговоръ съ нимъ, отстаивая противъ него свое мнѣніе, считалось несмысленною дерзостью. Однажды зашла рѣчь о Монтескье и на вопросъ Наполеона гжа Ремюза уломянула что ей извѣстно одно изъ его сочиненій.—„Да вы, чортъ возьми, ученая,“ возразилъ Бонапарте.

Этотъ аттестатъ, разказываетъ гжа Ремюза, смутилъ меня. Я боялась что онъ такъ и останется за мною. Нѣсколько минутъ спустя гжа Бонапарте заговорила о какой-то трагедіи, которую давали въ то время. Первый консулъ перебралъ всѣхъ тогдашнихъ авторовъ и упомянулъ между прочимъ о Дюси, не пользовавшемся его расположеніемъ. Я осмѣлилась замѣтить что Дюси испортилъ Шекспировскаго *Отелло*. Это произнесенное мною имя Шекспира—такое англійское и такое дѣльное—видимо произвело эффектъ среди окружавшей насъ безмолвной толпы въ эпидетатъ. Бонапарте не допуская чтобы дерзали въ его присутствіи хвалить что-либо англійское. Я немножко поспорилъ съ нимъ; разговоръ былъ впрочемъ самый обыкновенный, но я осмѣлилась назвать Шекспира, осмѣлилась не соглашаться съ первымъ консуломъ, осмѣлилась похвалить англійскаго автора,—какая самонадѣяность! Какая необычайная ученость! Долго послѣ того должна была я хранить упорное молчаніе чтобы загадать совершенно чуждое мнѣ намѣреніе высказать свое превосходство предъ другими.“

Первый консулъ могъ вывести противорѣчіе со стороны женщины, но не прощая его другимъ. Онъ любилъ бесѣды, литературныя и ученые споры, но лишь подъ условіемъ чтобы не высказываемо было въ нихъ ничего такого что шло въ разрѣзъ—если можно такъ выразиться—съ его истинктами. Окружавшее его общество представляло мало привлекательнаго въ интеллектуальномъ отношеніи; нельзя было довольствоваться только г. Фонтаномъ, съ которымъ онъ препирался о псевдо-классицизмѣ, и вотъ Наполеонъ желалъ чтобы на вечерахъ его собранія были приглашены нѣкоторые академики. Первый изъ такихъ вечеровъ удался какъ нельзя лучше. „Первый консулъ, разказываетъ гжа Ремюза, говорилъ очень хорошо и не мѣшалъ говорить другимъ, былъ любезенъ и внимателенъ, а я была въ восторгѣ что онъ выказалъ себя такимъ. Мнѣ хотѣлось чтобъ онъ понравился людямъ мало знавшимъ его и изгладилъ бы неблагопріятныя впечатлѣнія уже начинавшія складываться на его счетъ. Такъ какъ умъ его, когда онъ этого хотѣлъ, отличался большою тонкостью, то онъ очень скоро понималъ что такое былъ одинъ изъ его собесѣдниковъ, аббатъ Морелле, человекъ прямой, положительный, шедшій всегда прямо отъ одного умозаключенія къ другому и не допускав-

шій чтобы воображеніе обнаруживало какое-либо вліяніе на развитіе идей. Бонапарте сталъ опровергать эту систему. Онъ далъ полную волю своему собственному воображенію, которое въ подобныхъ случаяхъ увлекало его очень далеко, касался всѣхъ предметовъ, высоко ларилъ мыслямъ, видимо забавлялся тѣмъ что сбивалъ съ толку бѣднаго аббата и дѣйствительно былъ какъ нельзя болѣе заманчивъ. На другой день онъ выразилъ удовольствіе по поводу проведеннаго имъ вечера и хотѣлъ чтобы эти вечернія собранія повторялись. Вскорѣ желаніе его было исполнено. На этотъ разъ кто-то изъ академикомъ коснулся вопроса о свободѣ мысли и слова и о выгодахъ подобной свободы для цивилизованныхъ націй. Это породило споръ, въ которомъ всѣ чувствовали себя какъ-то неловко и первый консулъ большею частью хранилъ молчаніе, обдававшее холодомъ присутствовавшихъ. На третій разъ онъ явился въ салонъ повдно, разсѣянный, задумчивый, мрачный и въ теченіе цѣлаго вечера произнесъ лишь нѣсколько отрывистыхъ фразъ. Затѣмъ онъ объявилъ что не находитъ никакого удовольствія въ обществѣ литераторовъ и ученыхъ и не видитъ причины допускать ихъ въ свой интимный кругъ...“

Первые мѣсяцы пребыванія гжи Ремюза при дворѣ первого консула были для нея въ полномъ смыслѣ слова медовыми мѣсяцами. Она была обольщена гениемъ этого человека, видѣла въ немъ спасителя своей страны, ожидала отъ него великихъ благъ для Франціи. Наполеонъ выражалъ какъ-то въ присутствіи Талейрана удивленіе по поводу безпредѣльной къ нему преданности одного изъ его подчиненныхъ, на что Талейранъ замѣтилъ: „этотъ человекъ потому такъ преданъ вамъ, что онъ въ васъ вѣритъ.“ Гжа Ремюза также вѣрила въ Наполеона. Иногда сашкомъ откровенная и циническія его выходки смущали въ ней это чувство. Въ 1803 году она сопровождала первого консула и его супругу въ путешествіи ихъ по Бельгіи и сѣвернымъ городамъ Франціи. Населеніе всюду встрѣчало ихъ съ энтузіазмомъ, которымъ Бонапарте не только не былъ тронутъ, но отзывался о немъ съ усмѣшкой. „Но если вы не цѣните чувствъ являемыхъ вамъ народомъ, замѣтила ему однажды гжа Ремюза, если вы не ставите ни во что его признательность, то что же одушевляетъ вашу дѣятельность, для кого же вы нѣрѣдко жертвуете своею жизнью въ опасныхъ предпріа-

тяжъ? — „О, надо повиноваться своему призванію, отвѣчалъ Наполеонъ. Кто сознаетъ что находится подъ его властью, тотъ не въ состояніи ему противиться. И къ тому же человѣческая гордость создаетъ для себя особую, для себя желанную публику въ томъ идеальномъ мірѣ который называютъ потомствомъ. Человѣкъ помышляетъ что чрезъ сто лѣтъ красивый стихъ увековѣчитъ его славу, великолѣпная картина воспроизведетъ его подвиги, и тогда воображеніе его воспламеняется, поле битвы не представляетъ для него опасности, въ громъ пушекъ онъ слышитъ лишь звукъ который чрезъ цѣлое тысячелѣтіе передастъ его имя будущимъ поколѣніямъ...“ — „Я не могу себя представить, возразила гжа Ремюза, чтобы можно было такимъ образомъ гоняться за славою въ будущемъ, если презираешь своихъ современниковъ.“ — „Я не презираю людей, воскликнулъ Наполеонъ, — никогда не надо говорить этого; особенно же я уважаю Французовъ.“ Гжа Ремюза улыбнулась; Бонапарте тотчасъ же отвѣчалъ ей саркастическою улыбкой и взявъ ее за ухо — обмчывая у него знакъ дружеской фамилярности — повторилъ: „самшите ли, не садуетъ никогда говорить будто я презираю Французовъ...“ Все это не могло не дѣйствовать на натуру такой восторженной и благородной женщины какою была гжа Ремюза; но въ первое время она готова была пріискивать всякаго рода извиненія для того что непріятно ее поражае въ умѣ и характерѣ перваго консула, и даже самая откровенность съ которою онъ излагалъ свои мысли заставляла ее предполагать что онъ лишь разыгрывалъ роль, что натура его лучше чѣмъ можно было судить по его словамъ. Наполеонъ продолжалъ оказывать гжѣ Ремюза особенную благосклонность. Когда въ 1803 году пріѣхала она въ Булонскій лагерь чтобы навестить своего больнаго мужа, онъ почти ежедневно бесѣдовалъ съ нею. Нѣкоторые изъ этихъ разговоровъ весьма характеристичны. Случилось что какой-то авторъ представилъ Наполеону свою трагедію подъ заглавіемъ *Филиппъ-Августъ*. Первый консулъ нашелъ ее очень слабою, исчеркалъ всю рукопись своими замѣчаніями и помарками, но ему не хотѣлось чтобы знали кому принадлежать эти замѣчанія и онъ просилъ гжу Ремюза принять ихъ на свой счетъ. Та основательно возразила что авторъ счелъ бы это съ ея стороны нарушеніемъ самыхъ обыкновенныхъ приличій.

— Приличія! воскликнул первый консулъ: вот еще слово, которое непрерывно приходится слышать. Изобрѣтено оно гаулцами, которымъ хочется стать по возможности на одну ногу съ умными людьми; это—соціальная узда, крайне стѣснительная для человѣка создающаго свою силу и пригодная лишь для посредственности. Быть-можетъ приличія годятся вашей братіи, которые не призваны къ рѣшенію важныхъ задачъ въ этой жизни, но вы понимаете что я, напримѣръ, вынужденъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ полизать ихъ ногами.

— Но, не вѣрите ли сказать, замѣтила гжа Ремюза,—что приличія въ примѣненіи ихъ къ образу жизни то же самое что извѣстные законы, съ которыми слѣдуетъ сообразоваться въ драматическихъ произведеніяхъ? Законы о которыхъ я говорю сообщаютъ этимъ произведеніямъ правильность и порядокъ, но они не стѣсняють истинный гений, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ когда онъ позволяетъ себѣ вольности осуждаемая изящнымъ вкусомъ.

— Изящный вкусъ,—вотъ еще классическое выраженіе, котораго я рѣшительно не допускаю, возразилъ Боваларте.—Быть-можетъ я ошибаюсь, но нѣкоторые правила или законы не имѣютъ для меня смысла. Напримѣръ то что принято называть *стилемъ*: хорошій или дурной стиль оставляютъ меня одинаково равнодушнымъ; только сила мысли обнаруживаетъ на меня вліяніе. Въ прежнее время любилъ я Оссіана, но единственно по той причинѣ которая заставляетъ меня находить удовольствіе въ шумѣ вѣтра и морскихъ волавъ. Когда я былъ въ Египтѣ, мнѣ рекомендовали прочесть *Иллиаду*; она нагнала на меня скуку. Что касается французскихъ поэтовъ, то я цѣню только Корнеля. Онъ понималъ политику; при извѣстной подготовкѣ изъ него могъ бы выйти государственный человѣкъ. Мнѣ кажется что я понимаю его лучше чѣмъ кто-либо другой, потому что, обсуждая его произведенія, я отстраняю драматическій элементъ. Напримѣръ лишь весьма недавно удалось мнѣ уразумѣть развязку *Динны*. Сперва я объяснялъ ее тѣмъ что автору непременно хотѣлось написать патетическій пятый актъ; вообще милосердіе далеко не завидная добродѣтель, если оно не руководится политикой, и мнѣ казалось недостойнымъ закончить столь превосходную трагедію тѣмъ что Августъ вдругъ превращается въ милосердаго и чувствительнаго государя. Но однажды

Монвель, играя въ моемъ присутствіи, вдругъ разоблачилъ тайну великаго созданія Корнея. Онъ произнесъ слова: „будемъ друзьями, Цинна“ (soyons amis, Cinna) такимъ коварнымъ тономъ что въ немъ тотчасъ же выразилось все притворство тирана; я поналъ Корнея какъ скоро увидалъ разчетъ тамъ гдѣ видѣлъ до тѣхъ поръ лишь ребяческое чувство. Необходимо произносить эти слова именно такъ чтобъ изъ всѣхъ слушателей только Цинна оставался въ заблужденіи на ихъ счетъ.

Отъ драмы Налопеонъ перешелъ къ комедіи. „Что касается комедіи, сказалъ онъ, то я способенъ восхищаться ею совершенно въ такой же степени какъ еслибы хотѣли чтобъ я интересовался ежедневными сплетнями вашихъ салоновъ. Понимаю восторги внушаемые Мольеромъ, но насколько не раздѣляю ихъ; онъ оставилъ своихъ дѣйствующихъ лицъ въ такія рамки въ которыхъ для меня насколько не занимательно слѣдить за ними.“

Не ясно ли изъ этихъ словъ какого цѣнителя находило искусство въ лицѣ Налопеона? Не даромъ Тамейранъ говорилъ ему: „Изящный вкусъ — это личный вашъ врагъ; онъ давно исчезъ бы съ лица земли еслибы вы могли отдѣлаться отъ него лучшими выстрѣлами.“ Налопеонъ цѣнилъ произведенія великихъ писателей, но отнюдь не съ художественной ихъ стороны; онъ искалъ въ нихъ идею — преимущественно идею политическую, и ему было непонятно чтобы можно было интересоваться изображеніемъ человѣческой природы въ ея обыкновенной будничной обстановкѣ.

Разочарованіе гжи Ремюзъ въ человѣкѣ предъ которымъ она преклонялась, подобно всѣмъ приближавшимся къ нему, начинается со времени казни или вѣрнѣе сказать умерщвленія герцога Эвгеньскаго. Тутъ только впервые объяснилось ей то что казалось въ немъ загадочнымъ. Упомянутое событіе достаточно извѣстно теперь во всѣхъ подробностяхъ. Гжа Ремюзъ не прибавляетъ къ нимъ ничего новаго, но она имѣла возможность слѣдить съ часу на часъ за тѣмъ какъ разыгрывалась драма и каково было настроеніе перваго консула въ эти критическія минуты:

Заговоръ Жоржа Калудала, арестованіе Пинегрю и человѣка съ такою громкою репутаціей какъ побѣдитель при Гогенланденѣ, генералъ Моро, набросили мрачную тѣнь на Тюльрийскій дворецъ. Гжа Ремюзъ съ радостью узнала о на-

мѣреніи Наполеона и его супруги отправиться на вѣсколько дней въ Мальмезонъ. Дорогой Жозефина сообщила ей извѣстіе поразившее ее какъ громомъ, — извѣстіе о томъ что приказано было захватить въ баденскомъ городѣ Эттенгеймѣ герцога Энгіенскаго. „Полагаю, сказала Жозефина, что первый консулъ предастъ его военному суду.“ Не надо забывать что семейство Ремюза имѣло много связей со старою монархіей, что присоединившись къ новому порядку вещей оно продолжало чтить Бурболовъ, что принцъ Энгіенскій, потомокъ славной фамиліи Конде, молодой человекъ чуждый политическихъ партій, привлекалъ къ себѣ общія симпатіи, — нужно не забывать всего этого чтобы ловить какое потрясающее впечатлѣніе произведено было на гжу Ремюза неожиданною новостью. Она стала умолять Жозефину чтобы та подѣйствовала на своего супруга, говорила ей о гибельныхъ послѣдствіяхъ подобной мѣры даже съ точки зрѣнія интересовъ перваго консула и дѣйствительно успѣла разтрогать и напугать ее. Жозефина обѣщала употребить все свое вліяніе, хотя мало разчитывала на успѣхъ. Въ Мальмезонъ пріѣхали предъ обѣдомъ. Бонапарте явился въ салонъ очень спокойный и даже веселый. „Мнѣ больно было смотрѣть на него,“ говоритъ гжа Ремюза. Съ этой минуты она съ дихорадочнымъ волненіемъ бросалась къ Жозефинѣ всякій разъ когда та выходила изъ кабинета своего супруга, но постоянно слышала отъ нея что оны неумолимъ. Между прочимъ Жозефина разказала ей что арестовать герцога было поручено Кодекуру, близкіе родственники коего долго служили когда-то при дворѣ принцевъ Конде и пользовались ихъ милостями. „Я и не зналъ этого, замѣтилъ своей супругѣ первый консулъ, а впрочемъ что за важности! Нѣтъ большой бѣды въ томъ, что я компрометтирую Кодекура; тѣмъ вѣрнѣе будетъ оны служить мнѣ, ибо никогда не дождется прощенія со стороны противной партіи.“ Цѣлый день прошелъ въ невыносимыхъ тревогахъ. Спокойнѣе другихъ была Жозефина, именно потому что она не выносила сильныхъ ощущеній и старалась отдѣлаться отъ нихъ. „Она очень любила деревья и цвѣты, говоритъ гжа Ремюза, и я помню что именно въ это время приказала она посадить молодой кипарисъ въ только что разбитомъ для нея саду. Она сама бросила при этомъ вѣсколько пригоршней земли. Боже мой, сказала я ей, время ли теперь предаваться такимъ

замѣтанъ, и съ тѣхъ поръ никогда не проходила я мимо этого кипариса безъ того чтобы не сжалось у меня сердце.“ Жозефинѣ хотѣлось бы избѣгнуть разговоръ о предстоявшей катастрофѣ, она уже приискивала различныя оправданія для нея, но гжа Ремюза поставила себя задачей не давать ей успокоиться и неотступно умоляла ее дѣйствовать. „Если хотите, твердила она ей, то укажите первому консулу прямо на меня; конечно, я не важная особа, но такъ какъ онъ знаетъ о моей преданности ему, то пусть судить поэтому какое впечатлѣніе произведено будетъ на другихъ: я была бы рада приискать для него хоть какое-нибудь извиненіе и не нахожу ни одного.“

„Въ теченіе втораго дня нашего пребыванія въ Мальмезоуѣ, продолжаетъ разказывать гжа Ремюза, мы почти не видали Бонапарте. Предсѣдатель военнаго суда, префектъ полиціи и Мюрать долго совѣщались съ нимъ; у всѣхъ ихъ были зловѣщія физиономіи; въ послѣдствіи стало извѣстно что Мюрать особенно убѣждалъ перваго консула не оказывать пощады герцогу. Большую часть ночи провела я безъ сна, а когда засыпала, то страшные сны тревожили меня. Казаось мнѣ что во дворцѣ происходитъ шумъ, что кто-то нападаетъ на насъ; мнѣ приходило въ голову идти къ первому консулу, броситься ему въ ноги и умолять его чтобы онъ не заляпывалъ своей славы, ибо въ то время я считала славу его чистою и искренно скорбѣла о ней. Никогда эта ужасная ночь не изгладится изъ моей памяти.“

На слѣдующее утро Жозефинѣ встрѣтила гжу Ремюза словами: „Все бесполезно; сегодня привезутъ герцога Эгиптскаго въ Венсомъ и въ эту же ночь будутъ его судить тамъ; Мюрать ручается за все; роль его по истинѣ ненавистна; мой мужъ запретилъ мнѣ заводить съ нимъ рѣчь объ этомъ дѣлѣ. Онъ спрашивалъ о васъ и я призналась что довѣрила вамъ тайну; онъ замѣтилъ вашъ грустный видъ,—постарайтесь владѣть собою...“

— Ахъ, пусть онъ думаетъ обо мнѣ что хочетъ, воскликнула гжа Ремюза; увѣряю васъ что это нисколько меня не трогаетъ; если онъ спроситъ меня о чемъ я плачу, то я отвѣчу прямо что плачу о немъ...

Наступила обѣденная часъ. Гжа Ремюза застала перваго консула въ столовой играющимъ въ шахматы. Онъ подозвалъ ее къ себѣ, обращался къ ней за совѣтами, оказывалъ ей

особенное вниманіе, но все это еще болѣе омуцало и тревожило несчастную женщину. Послѣ обѣда онъ утѣлся на полу и принялся играть съ малолѣтнимъ сыномъ своего брата, очевидно притворяясь что находится въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Жозефина приободрилась и взоры ея какъ бы говорили: „вы видите что онъ вовсе не такъ золъ; мы можемъ усложниться.“ Несмотря на это гжа Ремюза имѣла такой растерянный видъ что первый консулъ вдругъ спросилъ ее: „зачѣмъ вы не наружались? Вы слишкомъ блѣдны.“ Гжа Ремюза отвѣчала что совершенно забыла объ этомъ. Бонапарте расхохотался. „Какъ, женщина забыла о румянахъ? Вотъ съ тобою, Жозефина, не случилось бы этого. Женщинамъ особенно идутъ двѣ вещи—слезы и румяны.“ Пошутить еще со своею женой,—а шутки эти, по замѣчанію автора мемуаровъ, всегда отрывались у него казармой—онъ пригласилъ гжу Ремюза сыграть съ нимъ партію въ шахматы. Играли они среди общаго безмолвія, очевидно и тотъ, и другой мало интересуюсь игрой. Вдругъ Наполеонъ началъ про себя, въ полголоса, произносить известные стихи изъ *Альзиры*:

Des dieux que nous servons connais la différence,
 Les tiens t'ont commandé le meurtre et la vengeance,
 Et le mien, quand ton bras vient de m'assassiner
 M'ordonne de te plaindre et de te pardonner...

Впервые надежда закрадась въ сердце гжи Ремюза. Очевидно, говорила она самой себѣ, первый консулъ не рѣшится ни на какую жестокую мѣру относительно герцога Эагиенскаго, быть-можетъ онъ самъ отправится въ Венсенъ и изречетъ ему прощеніе, иначе зачѣмъ именно эти стихи Корнея пришли бы ему въ голову? „Вы любите стихи?“ спросилъ Бонапарте свою собесѣдницу.—Гжа Ремюза промолчала. „Я хотѣла отвѣтить, говорить она, что люблю ихъ особенно когда можно примѣнить къ чему-нибудь ихъ смыслъ, но у меня не хватало духу.“

Рано утромъ на другой день вошедши въ салонъ, гжа Ремюза встрѣтила тамъ Савари. Онъ былъ одинъ, очень блѣдный, съ искаженными чертами лица и губы его дрожали когда онъ заговорилъ съ нею о какихъ-то лустякахъ. Гжа Ремюза страшилась обратиться къ нему съ вопросомъ о томъ что наиболѣе ее занимало, но вопросъ этотъ сдѣланъ былъ Жозефиной, явившеюся нѣсколько минутъ спустя. „Все

кончено, отвѣчалъ ей Савари; онъ умеръ сегодня утромъ и я долженъ сознаться что умеръ съ замѣчательнымъ мужествомъ. Послѣ этого зрѣлища я еще и теперь не могу справиться съ собою.“

Замѣчательно что всѣ дѣйствующія лица этой драмы, кромѣ самаго главнаго, старались отклонить отъ себя отвѣтственность за нее. Даже Савари, какъ мы видѣли сейчасъ, былъ потрясенъ ею. Коленкуръ былъ въ совершенномъ отчаяннн. При первой своей встрѣчѣ съ этимъ человѣкомъ гжа Ремюза сдѣлала отъ него шагъ назадъ. „И вы также ненавидите меня, сказалъ онъ ей, а между тѣмъ вамъ слѣдовало бы пожалѣть обо мнѣ; я обещаю вамъ первымъ консуломъ— вотъ чѣмъ онъ отплатилъ мнѣ за мою къ нему преданность: онъ недостойнымъ образомъ меня обманулъ и погубилъ.“ Коленкуръ плакалъ, произнося эти слова. Общественное мнѣнн, какъ извѣстно, особенно возставало противъ него, но гжа Ремюза старается его выгородить; она приводитъ въ его оправданн между прочимъ то обстоятельство что въ теченн нѣкотораго времени послѣ казни герцога Энгленскаго Коленкуръ сторонился отъ Наполеона, не поддавался его заискиваннмъ,— оправданн далеко неудовлетворительное, ибо повидн онъ удостоился вышнхъ почестей, получилъ титулъ герцога Виценскаго и пользовался большимъ довѣрнмъ своего повелителя. Несомнннно впрочемъ что онъ ненавидѣлъ Наполеона и что ненависть эта объясняется тою ролью которую заставили его играть въ изложенной нами катастрофѣ. Рассказываютъ между прочимъ о немъ что когда однажды въ кампанн 1813 года бомба упала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Наполеона, онъ бросился впередъ чтобы загородить императора; вечеромъ того же дня Мунье, сынъ извѣстнаго члена Конститюанты, поздравилъ его съ этимъ подвигомъ самоотверженн и Коленкуръ отвѣчалъ ему: „Да, я хотѣлъ сласти императора, а между тѣмъ я пересталъ бы вѣрить въ Бога еслибъ этому человѣку суждено было спокойно умереть на престолѣ.“ Подобныя чувства какъ нельзя болѣе понятны. Смерть герцога Энгленскаго, по выраженн гжи Ремюза, произвела то что Наполеону продолжали служить, но перестали любить его. „Бонапарте, говоритъ она, сумѣлъ компрометтировать вопервыхъ, насъ, затѣмъ французское дворянство и наконецъ всю нацн. Онъ заставилъ, правда, окружавшихъ его слѣдовать за своею судьбой и

видѣлъ въ этомъ большой успѣхъ, но опозоривъ ихъ онъ утратилъ право на ихъ преданность и тщетно обращался къ ней въ минуту достигшихъ его бѣдствій. Какимъ образомъ могъ бы онъ разчитывать на прочность узъ, которыя установилъ онъ, полирая въ людяхъ благороднѣйшія чувства души? Сужу о другихъ по себѣ самой. Именно съ этого времени стала я краснѣть что кошу на себѣ цѣль; лишь изрѣдка удавалось мнѣ подавлять въ себѣ это ощущеніе,—оно постепенно усиливалось и сдѣлалось мнѣ общимъ со всѣми.“

Только самъ Наполеонъ не смущался своимъ поступкомъ и долгое время спустя послѣ казни герцога Энгленскаго вспоминалъ даже съ нѣкоторою гордостью объ этомъ мрачномъ эпизодѣ въ своей исторіи. Онъ былъ убѣжденъ что никто не можетъ быть тутъ судьей, ибо никому не доступны тѣ соображенія высшей политики которыя руководили его дѣйствіями. „Истинный государственный человекъ, говорилъ онъ своимъ окружающимъ, не въ состояніи принимать въ разчетъ узы крови, личныя симпатіи и то что принято называть общественными приличіями. Публика привыкла порицать тѣ или другія отдѣльныя его распоряженія только потому что она не понимаетъ какое вліяніе должны они обнаруживать на общій ходъ дѣла задуманнаго имъ, но еще скрытаго отъ взоровъ толпы. Наступитъ однако минута, когда довершено будетъ имъ созиданіе громаднаго колосса, предназначеннаго возбуждать удивленіе потомства. Жалкіе люди, вы боитесь хвалить изъ боязни что эта машина раздавитъ васъ подобно тому какъ Гулливеръ всякій разъ когда переставлялъ ногу давилъ Лилипутовъ. Разширьте же вашъ кругозоръ, будьте провоцательнѣе и вы убѣдитесь что великій человекъ, котораго вы считаете жестокимъ тираномъ, въ сущности не болѣе какъ политикъ...“ Лица къ которымъ обращены были подобныя рѣчи слушали ихъ не дерзая возражать, но смутно предчувствуя какую участь готовить Франціи новый ея влестеликъ....

P.

ОТЪ ГОРЪ КАВКАЗА

ДО ФОРТОВЪ ЭРЗЕРУМА

ВОСПОМИНАНІЯ О ДѢЙСТВІЯХЪ ЭРИВАНСКАГО ОТРЯДА
КАВКАЗСКОЙ АРМІИ ВЪ РУССКО-ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877—78
ГОДА

VII

Послѣ боя 4го іюня, отрядъ нашъ, занявъ непріятельскую позицію, расположился на ней лагеремъ. Сколько простоимъ мы здѣсь никому не было извѣстно. Ходили слухи что у насъ на исходѣ сухарный и боевой запасы и что мы во всякомъ случаѣ будемъ ожидать здѣсь извѣстія изъ корпуснаго штаба касательно движенія отряда генерала Геймана изъ-подъ блокированнаго Карса на соединеніе съ нами и со-вмѣстнаго движенія къ Эрзеруму. До насъ стали доходить тревожные, смутные слухи о томъ что наше сообщеніе съ Россіей прервано возстаніемъ въ тылу насъ всего Курди-стана и что нашъ несчастный Баязетскій гарнизонъ оса-жденъ громаднымъ корпусомъ непріятели, слѣдствіемъ чего было то что этотъ гарнизонъ волей или неволей долженъ былъ замкнуться въ цитадели и отдать несчастныхъ жите-лей города Баязета на произволъ башу-бузукъ. Сначала

* См. Русск. Вѣстн. № 9.

мы этому не довѣряли, но непрібытіе ожидаемыхъ транспортовъ съ провіантомъ и боевыми матеріалами, а также и почты невольно наталкивало насъ на мысль что въ этихъ слухахъ есть своя доля правды. Прошло еще нѣсколько дней, а транспортовъ и почты все не было. О Гейманѣ также не было ни слуху, ни духу. Такъ прошло четыре дня: раненые всѣ были перевезены въ Зейдеканъ, гдѣ помѣщался военно-временный госпиталь № 5а, а съ удаленіемъ ихъ стали уже какъ-то испаряться и впечатлѣнія бывшего боя. Вечеромъ 7го іюня вышло приказаніе изъ отряднаго штаба о томъ что въ виду зараженія занимаемой отрядомъ мѣстности различными миазмами считается необходимымъ подвинуться отряду впередъ по направленію къ селенію Эшакъ-Эласъ, версты за четыре, и расположиться у небольшой рѣчки вытекающей изъ Дзярскаго ущелья.

Новая позиція представляла то неудобство что со всѣхъ сторонъ окружена высотами командующими мѣстностью и позволявшими за нѣсколько верстъ вполнѣ точно и ясно рассмотреть расположеніе отряда въ мельчайшихъ подробностяхъ. Но у насъ составилось какое-то непоколебимое убѣжденіе что Турки наступать не рѣшатся, а слѣдовательно, пока мы не соберемся наступать сами, все равно на какой бы мѣстности отрядъ ни расположился.

Рано утромъ 9го іюня начальникъ кавалерійскаго штаба съ баталіономъ пѣхоты и нѣсколькими сотнями казаковъ отправился на рекогносцировку. Въ лагерѣ все было тихо и помню я что въ одной палаткѣ въ нашемъ баталіонѣ составилась такъ-называемый утренничекъ, то-есть партія ералаша. Мы предались этому занятію съ любовью и уже начали входить въ извѣстный подобающій случаю азартъ, какъ вдругъ изъ палатки командира баталіона раздался и пробѣжалъ какъ электрическая искра возгласъ „въ ружье“. Въ одно мгновеніе баталіонъ выстроился въ боевомъ порядкѣ и чрезъ секунду масса заколыхалась и двинулась впередъ.

Выйдя изъ палатки я замѣтилъ въ лагерѣ необычайное движеніе. Запыхалась артиллерія, скакали отъ палатки начальника отряда казаки и самъ оазъ, выйдя изъ своей ставки, о чемъ-то горячо разговаривалъ съ нѣсколькими своими штабными. Войска оставшіяся въ лагерѣ видимо каждую минуту готовились къ выступленію. Прошло нѣсколько секундъ какъ вдругъ изъ Дзярскаго ущелья выскакалъ казакъ, напругился

къ начальнику отряда съ какою-то запиской и черезъ мину-ту всѣ наличные баталіоны и артиллерія двинулись изъ ла-герьа впередъ къ холмамъ, которые какъ поясомъ обнимали всю нашу изменную позицію. Въ лагерьѣ остались только парки, дивизионный лазаретъ, подковные и маркитантскіе обо-зы. Я встрѣтилъ одного врача Крымскаго полка и узналъ отъ него слѣдующее.

Начальникъ кавалерійскаго штаба полковникъ Медвѣдовскій, отправившись на рекогносцировку къ селенію Дааръ, замѣтилъ массы непріятельскихъ колоннъ движущихся изъ своего лагеря по направленію къ нашему обходнымъ движе-ніемъ. Турецкія колонны раздѣлились надвое и направились обходомъ на оба наши фланга, имѣя очевидно намѣреніе окружить нашъ лагерь какъ кольцомъ. Полковникъ Медвѣдовскій немедленно велѣлъ разставить боевую цѣль противъ надвигавшейся на него колонны, казакамъ слѣзаться и вой-ти въ непосредственную связь съ баталіономъ Крымскаго полка, который не вдалекѣ фуражировалъ. Этими энергиче-скими мѣрами онъ охранилъ по крайней мѣрѣ нашъ правый флангъ.

Лѣвый же флангъ, къ которому двигались огромныя массы Турокъ отъ селенія Эшакъ Элаасъ, оставался у насъ откры-тымъ. Немедленно полетѣлъ казакъ отъ полковника Медвѣдовскаго къ начальнику отряда съ сообщеніемъ о наступле-ніи Турокъ. Пришло извѣстіе и отъ начальника фуражи-ровки. Войска были послѣднѣо двинуты и на лѣвый флангъ, такъ что длина нашей оборонительной линіи оказалась въ пять верстъ. И на этомъ протяженіи войска должны были вытя-нуться въ одну боевую цѣль, не имѣя въ резервѣ ни одного вооруженнаго солдата! Положеніе было въ высшей степени трудное. Не беремса описывать закипѣвшій бой. Дрогну хотъ на минуту наше мужественное войско, и отрядъ со всѣмъ чѣмъ было позади боевой линіи, былъ бы въ рукахъ освирѣпѣвшихъ Турокъ, которые съ прибытіемъ къ нимъ Мухтаръ-паша со значительными подкрѣпленіями рѣшились отместить намъ за 4е іюня.

Мухтаръ-паша лично командовалъ своею Анатолійскою арміею и конечно не воображалъ что его силѣ придется разбиться о львиную храбрость заброшенныхъ въ глубь Турціи какихъ-нибудь 6.000 воиновъ. Всякій разъ энер-гическій натискъ турецкихъ баталіоновъ отражался горстью

нашихъ героевъ. Говорятъ Мухтаръ-паша на другой день сраженія ловѣсилъ лазутчика доносившаго ему наканунѣ что у насъ всего 5¼ баталіоновъ, а въ сраженіи не было ни одного солдата въ резервѣ.

Упомянувъ о силахъ отряда я имѣю въ виду только пѣхоту, такъ какъ кавалерія, по свойству мѣстности, не могла имѣть здѣсь особеннаго значенія. Для кавалерійскихъ атакъ необходимы извѣстныя условія какія въ пересѣченной гористой мѣстности Азіатской Турціи встрѣчаются рѣдко. Я не хочу этимъ сказать что кавалерія бездѣйствовала; напротивъ, казачьи полки дѣйствовали дружно и были очень полезны, такъ какъ на нихъ лежала вся развѣдочная служба. Въ послѣдствіи мы оцѣнили вполне важность кавалеріи при отрядѣ, именно въ моменты самые тяжелые для Эриванскаго отряда, въ моменты отступленія, всю тяжесть котораго вынесли на своихъ плечахъ два удалыхъ казачьихъ полка, 2й Холерскій и 2й Сунженскій.

При составленіи Эриванскаго отряда намъ дали одну бригаду пѣхоты (1ю 19й дивизіи) и пять полковъ кавалеріи, то есть 1й Уманскій, 2й Холерскій, 2й Сунженскій, Кавказскій и 18й Переяславскій драгунскій полкъ. Затѣмъ были еще два полка милиціонеровъ, тоже конныхъ. Пѣхоты слѣдовательно было два полка, да одинъ стрѣлковый баталіонъ.

Не прошло и часу со времени выхода войска изъ лагеря, какъ на перевязочный пунктъ стали прибывать раненые въ гораздо большемъ количествѣ чѣмъ это было 4го іюня. Изъ отрывочныхъ разказовъ раненыхъ можно было заключить что турецкая армія превосходитъ нашу влаторо и что наступленіе Турокъ энергическое. Пальба разгоралась все сильнѣе и сильнѣе. Турецкія гранаты безпрелатственно летѣли къ намъ въ лагерь и въ перевязочный пунктъ и одна изъ нихъ уже въ районѣ лагеря осколкомъ своимъ вѣздалась въ голову адъютанта Драгунскаго полка вѣхавшаго съ какимъ-то порученіемъ. И намъ, врачамъ, было далеко не такъ безопасно какъ въ первомъ сраженіи. Гранаты разрывались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ перевязочнаго пункта. Раненыхъ прибывало множество и думать о перемѣнѣ мѣста было некогда.

Какъ оказалось послѣ, Турки никакъ не предполагая что эта боевая цѣль есть весь нашъ отрядъ, увеличили

дистанцію и стрѣляли исключительно въ лагерь, надѣясь истребить воображаемые резервы, долженствующіе быть вблизи лагерь, расположеніе котораго они изучили-за это время, благодаря окружавшимъ его высотамъ.

Наша славная артиллерія дѣйствовала по отзывамъ всѣхъ участниковъ блистательно и наносила Туркамъ страшныя потери. Легкія батареи съ невообразимою энергіей и удаливствомъ выбирали выгодныя для себя позиціи и громили наступающія массы Турокъ. Что касается пѣхоты, то ей пришлось большую часть сраженія дѣйствовать штыками. Патроновъ было крайне недостаточно. Въ одной части люди повыпустили всѣ бывшіе у нихъ запасы патроновъ и сидѣли два часа безъ нихъ, умолая о скорѣйшемъ подвозѣ.

Атаки турецкой кавалеріи отбивались всякій разъ самымъ блистательнымъ образомъ. На передовую цѣль стрѣлковъ бросился въ атаку такъ-называемый „иностранный легионъ“ въ количествѣ около трехсотъ человекъ. Дружнымъ залпомъ встрѣтили наши стрѣлки этихъ гостей. Въ числѣ оставшихся на мѣстѣ оказались и Поляки, и Венгерцы, и Мадьяры, доблестные защитники неприкосновенности и цѣлости Блистательной Порты, вѣроятно не за дешевую плату рѣшившіеся защищать интересы полуиностранца. Бой окончился въ девять часовъ вечера, когда уже совершенно стемнѣло, окончился только благодаря этой темнотѣ. Результата для Турокъ отъ этого боя не вышло никакого. Наши войска не двинулись назадъ ни на одинъ аршинъ, а напротивъ нѣсколько разъ сами переходили въ наступленіе и сбили Турокъ съ ихъ передовыхъ позицій. Потеря Турокъ была громадна. Занимая передовые ложементы, наши солдаты буквально шли по труламъ обезображеннымъ артиллерійскимъ огнемъ. Съ наступленіемъ темноты и невозможности болѣе продолжать стрѣльбу Турки отступили вновь къ селенію Эшакъ-Эласу, а наши войска оставались всю ночь на позиціи, каждую минуту опасаясь ночнаго внезапнаго нападенія. Уже ночь покрыла своимъ покровомъ всѣ окрестныя горы, небо заволокло густыми свинцовыми тучами едва пропускавшими слабый свѣтъ молодого мѣсяца, а орудія на позиціи изрѣдка вслыхивали и грохотали, провозжая удаляющихся гостей на ночлегъ. Работа на перевалочномъ пунктѣ килѣла страшная. Раненыхъ было около трехсотъ пятидесяти человекъ, убитыхъ семьдесятъ. Было много раненыхъ офицеровъ всѣхъ частей войскъ.

VIII.

Тяжелую ночь пришлось провести намъ послѣ этого сраженія. Усталыя, истощенныя войска должны были ночью оставаться на позиціи во избѣжаніе внезапнаго нападенія на лагерь. Проведя цѣлый день въ страшно напряженномъ состояніи, не имѣя во рту ни крохи хлѣба, солдаты буквально валялись отъ усталости и засыпали какъ попало, а между тѣмъ бдительность была необходима постоянная. Изъ лагера на позицію носилась лица чтобы подкрѣпить измученныхъ людей. Богъ спасъ и защитилъ насъ въ эту ночь; каждую минуту дружный напоръ непріятеля могъ прорвать и столптать эту обезсилившую, ничтожную горсть удаальцовъ. Но Турки не умѣли пользоваться обстоятельствами и въ свою очередь вѣроятно всю ночь бдительно сторожили свой лагерь.

Ночью вышло приказаніе: немедленно укладывать обозы и раненыхъ и до разсвѣта перебраться опять на ту позицію съ которой наканунѣ мы только что пришли. Лагерь оставался на мѣстѣ съ цѣлю обмануть Турокъ заставивъ ихъ думать что отрядъ не двинулся съ мѣста. Перевезти только-что прибывшихъ раненыхъ, хотя и за четыре версты, было дѣло далеко не легкое. Цѣлую ночь не переставая двигались фургоны съ ранеными въ приготовленный уже казаретъ на прежней позиціи. Я былъ утомленъ до вельзя. Въ этотъ день пришлось сдѣлать перевязку болѣе чѣмъ восьмидесяти раненымъ. Выбившись изъ силъ я едва нашелъ свою палатку и заснулъ ботатырскимъ сномъ.

Едва стало свѣтать, я проснулся отъ холода и отъ шума который слышался вблизи моей палатки. Несмотря на десятое іюня, морозъ былъ очень ощутителенъ и окрасилъ всѣ палатки своимъ характеристичнымъ блескомъ. Вблизи палатки медленно тянулся обозъ. Оказалось что въ ночь было невозможно незамѣтно перевезти всѣ тяжести и утро обнаружило начавшееся подъ покровомъ темноты отступленіе. Войска еще оставались на боевой позиціи и лишь нѣкоторые офицеры бродили уныло около

своихъ палатокъ. Каждую минуту ожидалось что вотъ-вотъ начнется вновь наступленіе Турокъ и теперь уже Богъ знаетъ хватило ли бы у обезсиленныхъ людей достаточно стойкости и героизма чтобы въ другой разъ отразить напоръ озлобленной арміи. Но, слава Богу, этого не случилось. Турки, какъ оказалось, понесли вчера громадные потери, и Мухтаръ-паша прислалъ къ Тергукасову парламентарера съ просьбой не начинать стрѣльбы во время уборки оставленныхъ на позиціи тѣлъ.

Убѣдясь что Турки не намѣрены продолжать боя, мы отступили съ позиціи и потянулись обратно къ той же откуда вчера только-что выступили. Уныло отступали наши герои. Ни лѣсенъ, ни смѣха, ни говора слышно не было. У всякаго на душѣ было тяжело до боли. И всякій въ то же время сознавалъ что это отступление необходимость и что держаться долѣе нѣтъ силъ.

На холмахъ какъ разъ на половинѣ пути къ старой позиціи рѣшено было оставить артиллерию, установить орудія и прикрытіе поручить поочередно полкамъ Крымскому и Ставропольскому. Это была передовая позиція, охраняющая на случай вторичнаго наступленія Турокъ весь остальной отрядъ. Для этой цѣли весьма было окопаться и устроить мѣсто въ родѣ укрѣпленія. Работа закупѣла; орудія разставлены и окопаны. Пѣхотныя части расположились за пригорками и зорко слѣдили за малѣйшими движеніями со стороны турецкаго лагеря. Устроены были даже кухни вблизи небольшой рѣченки протекающей здѣсь по близости. Остальной отрядъ занялъ вновь тѣ же мѣста на Драмъ-Дарской позиціи, гдѣ мы стояли за день предъ тѣмъ. Положеніе отряда было не радостное. Боевыхъ и провіантскихъ запасовъ оставалось весьма немного; ожидаемыхъ съ часу на часъ транспортовъ изъ Россіи нѣтъ и въ поминѣ и извѣстій оттуда никакихъ. Вновь стали доходить смутныя слухи что сообщеніе наше прервано окончательно, что въ тылу у насъ неистовствуютъ шайки Курдовъ, граба и вырѣзывая все попадающее на пути. Приходилось вѣрить этому, такъ какъ иначе нельзя было объяснить себѣ отсутствіе извѣстій съ нашей границы. Впереди насъ огромная Азиатскія армія, ежеминутно могущая перейти въ наступленіе; сзади блокада Баязета новымъ турецкимъ корпусомъ и блокація шайки турецкихъ Курдовъ и баша-бузуковъ.

О предпріятомъ будто бы движеніи генерала Геймана на помощь и соединеніе съ нами ничего не слышно, и въ концѣ концовъ мы стали думать что это движеніе есть вымыселъ, придуманный для нашего успокоенія и ободренія солдатъ.

Во время пребыванія нашего на Драмъ-Дагъ въ теченіе трехъ дней послѣ боя 9го іюня, на турецкихъ позиціяхъ не обнаруживалось никакихъ серьезныхъ дѣйствій. Предполагали что Турки совсѣмъ отступили къ Эрзеруму и мы напрасно остаемся на сторожѣ. Дѣлать явныя рекогносцировки было невозможно, ибо мы боялись какъ бы замѣченная рекогносцировка не превратилась въ бой, противостоять которому мы были бы не въ состояніи.

Наконецъ въ ночь съ 12 на 13 іюня какой-то обтрепанный Курдъ доставилъ генералу Тергукасову записку генерала Геймана о томъ что послѣдній находится въ пути съ 9 іюня, имѣя цѣлью на дняхъ соединиться съ нашимъ отрядомъ. Какъ оказалось по разказахъ Курда, генералъ Гейманъ послалъ за большія деньги эту записку почти наугадъ, не увѣренный гдѣ находится Тергукасовъ со своимъ отрядомъ. Немедленно записка Геймана была разослана командирамъ частей съ цѣлью ободрить и подвать уладившій духъ въ отрядѣ.

Разумѣется, немедленно это стало извѣстнымъ, и все возликовало. Тотъ же самый Курдъ за нѣсколько червонцевъ взялся обратно смахать къ Гейману и передать записку Тергукасова, для безопасности закатанную въ шарикъ изъ хлѣба. Разомъ все измѣнилось въ лагерѣ. Но ликовать намъ суждено было не долго.

Движеніе Геймана дѣйствительно состоялось, но не на радость намъ. 9го іюня онъ двинулся изъ-подъ Карса, но шелъ не долго. Послѣ боя 9го іюня Мухтаръ-паша былъ извѣщенъ о движеніи Геймана во флангъ своей арміи, а потому, оставивъ незначительный оборонительный отрядъ противъ Эриванскаго отряда, съ остальными силами форсированнымъ маршемъ двинулся по Карско-Эрзерумской дорогѣ и, занявъ неприступныя позиціи Зивина, 13го іюня встрѣтилъ Геймана. Что вышло изъ этой встрѣчи, извѣстно. Безумно отважная атака Кавказской гренадерской дивизіи съ генераломъ Гейманомъ во главѣ въ результатъ повела къ громадной потерѣ, послѣдующему отступленію всей колонны вновь къ Карсу, и въ концѣ концовъ къ

снятію блокады съ Карса и отступленію всего Александропольскаго отряда къ Кюрюкь-Дара и Баш-Кадыклару.

Извѣстіе о сраженіи подъ Зивинымъ и отступленіи Геймана дошло до насъ 14го іюня вечеромъ. Не трудно вообразить положеніе Тергукасова, когда онъ опредѣленно узналъ что единственная надежда на помощь исчезла, что въ тылу у насъ дѣйствительное возмущеніе и блокада Баязета и что онъ со своимъ измученнымъ полуголоднымъ отрядомъ, почти безъ провіанта и боевыхъ запасовъ, остался отрѣзаннымъ въ глубинѣ непріятельской территоріи, среди скалъ Драмъ-Дага. Положеніе было трудное уже и потому что приходилось все держать въ тайнѣ и враскорю обдумать какъ найти выходъ ко спасенію отряда.

Въ отрядѣ конечно никто, кромѣ самого генерала Тергукасова и его начальника штаба, и не вѣдалъ что творилось. О чемъ велось въ этотъ вечеръ продолжительное, секретное совѣщаніе между нами въ простой солдатской палаткѣ отрядаго начальника, никому конечно не удалось узнать. Въ лагерь все было пока тихо, покойно.

Когда совсемъ уже стемнѣло и роты вышли на линію для совершенія обычной молитвы предъ вечернею зарей, вдругъ какъ молнія разнеслась вѣсть что мы сейчасъ выступаемъ. Куда, зачѣмъ, никто не зналъ. Въ лагерь обнаружилась суета. Вскорѣ изъ части въ часть разнеслось приказаніе: снимать палатки, укладывать обозъ. Съ передовой позиціи возвратился дежурный полкъ и уже громыла артиллерія. Вѣв были въ недоумѣніи, никто ничего навѣрно не зналъ. Большинство было увѣрено что мы двигаемся впередъ, что Гейманъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда и что наступилъ конецъ нашему выжидательному и опасному положенію.

Обозу велѣно какъ можно скорѣе быть готовымъ и начать немедленно вытягиваться и направиться назадъ по направленію къ селенію Зейдеканъ. Что же это значить? Гейманъ около насъ, а обозъ направляютъ къ Зейдекану, назадъ. Какъ это объяснить? Когда голова обоза стала вытягиваться въ обратный луть, тогда рѣшено было между многими нами что на соединеніе съ Гейманомъ мы вѣроятно пойдемъ налегкѣ, форсированнымъ маршемъ и что сѣдовательно обозъ отправляютъ въ Зейдеканъ потому что тамъ находился госпиталь подъ прикрытіемъ полка ка-

заковъ: чтобы не оставлять здѣсь лишняго прикрытія для обоза рѣшено отправить его въ Зейдеканъ. На этомъ всё усложнилось.

Ночь была лунная, но очень холодная: морозъ, хотя и не сильный, но для лодовины юна очень чувствительный. Крѣпко залахнувъ бурку я усѣлся предъ разложеннымъ костромъ около нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ, грѣвшихъ свои застывшіе члены. Я началъ мало-по-малу согрѣваться и вскорѣ пріятная теплота разлилась по всему тѣлу, а невыносимая дремота одолѣла меня и я заснулъ какъ убитый просто на землѣ, завернувшись въ бурку и подложивъ подъ голову камень. Не знаю долго ли я спалъ, только сильный холодъ разбудилъ меня. Костеръ давно уже потухъ и уголья покрылись сѣроватымъ пепломъ. Полная ясная луна ярко освѣщала сумрачныя вершины Драмъ-Дага. Вдали слышалось скрипѣніе обоза, да изрѣдка перебранки фурштатовъ. Тянулася обозъ со страшною медленностью и обезсилившія лошади тяжело хралѣли, напрягая всё силы при подъемѣ на крутизну перевала. Теперь становилось ясно что значило слышное движеніе обоза. Мы находимся, очевидно, въ полномъ отступленіи.

Востокъ уже началъ алѣть, свѣжій вѣтерокъ, предвѣстникъ разсвѣта, подулъ изъ горныхъ ущелій Драмъ-Дага и яркій блескъ луны началъ блѣднѣть предъ наступающимъ утромъ, а войска лежали все также безмолвно и недвижимо. Еще и лодовина обоза не вытянулась на высшую точку перевала. Оставалось, следовательно, еще много времени, пока двинутся войска. Какъ ни торопили обозъ, какъ ни помогала поочередно пѣхота, лошади уже давно позабывшія о хорошемъ кормѣ положительно выбивались изъ силъ. Возшло солнце, яркое, пріятливое, отогрѣло наши окоченѣвшіе члены и освѣтило вытягивающіеся мало-по-малу на невообразимую крутизну различныя фурговы со всевозможными тяжелыми.

Когда наконецъ двинулась съ бивуака послѣдняя повозка, войска выстроились въ боевомъ походномъ порядкѣ и двинулись съ позиціи со всевозможными предосторожностями. Арьергардъ, какъ всегда бываетъ при отступленіи, составляла кавалерія (за исключеніемъ, кажется, драгунскаго и одного казачьяго полка, посланныхъ въ прикрытіе обоза) и стрѣлковый баталіонъ. Этому многострадальному, но главному баталіону,

выпала не легкая доля въ походѣ. Не было ни одной рекогносцировки, ни одной тревоги въ которой первымъ не являлся бы этотъ баталіонъ. Понадобится двинуть куда-нибудь чуть не на рысяхъ кавалерію, стрѣлки мчатся за нею, и надо отдать справедливость, дисциплина и порядокъ развиты были на славу въ этомъ баталіонѣ, болѣе другихъ частей выстрадавшемъ въ продолженіе кампаніи. Сдѣлать 60 верстъ въ сутки для него было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, и ни ролота, ни жалобъ не слышалось. Ротные командиры здѣсь были вполне достойны своего назначенія. Къ концу кампаніи въ рядахъ этого славнаго баталіона были три офицера съ Георгіемъ и человекъ десять съ Владиміромъ.

А на турецкихъ позиціяхъ все точно вымерло. Ни признака движенія. Точно тамъ никто и не замѣчаетъ нашего общаго отступленія. Большую часть Драмъ - Дагскаго перевала удалось намъ миновать благополучно. Уже начали исчезать изъ глазъ грозныя турецкія позиціи, уже недалеко былъ и спускъ, такъ давно желаемый для обезсилѣвшихъ лошадей, а со стороны врага не обнаруживалось ни малѣйшей попытки задержать наше отступленіе.

Наконецъ гдѣ-то вдали послышались одинокіе рѣдкіе выстрѣлы. Эта незначительная перестрѣлка временами то утихла, то разгоралась вновь. Скоро обнаружилось что нѣсколько сотенъ Черкесовъ настѣли на нашу кавалерійскую охранительную цѣль. Стрѣлковыи баталіонъ разсыпался по ротно по пригоркамъ и вмѣстѣ съ кавалеріей охранялъ общее отступленіе. Преслѣдованіе турецкой кавалеріи было не смѣлое. Даже странно было видѣть какъ эти густыя массы, по видимому энергически напорающія на нашу охранительную цѣль, при первомъ орудійномъ выстрѣлѣ бросались въ рассыпную.

Такъ продолжалось до вечера. У стрѣлковъ было нѣсколько равеныхъ, остальные же части отступили безо всякихъ потерь. Тѣмъ не менѣе благодаря турецкимъ проводамъ, движеніе наше замедлилось настолько что войска пришли въ Зейдеканъ въ часъ ночи. Здѣсь мы расположились на той-же позиціи, гдѣ стояли и при наступленіи.

IX.

Тотчасъ по приходѣ получило приказаніе: вся кавалерія за исключеніемъ одного полка, стрѣлковый баталіонъ и конная батарея завтра 16го іюня въ 7 часовъ утра выступаютъ форсированнымъ маршемъ въ Баазетъ, каковой путь совершится въ два перехода (140 почти верстъ); остальная часть отряда, т.-е. три баталіона Крымскаго и два баталіона Ставропольскаго полковъ съ остальною артиллеріей, имѣетъ здѣсь дневку. Не легко было стрѣлкамъ. Цѣлый день быть въ бою, придти на вочлегъ голодными, усталыми, а на завтра, т.-е. черезъ шесть часовъ отдыха, форсированнымъ маршемъ, не отставая отъ кавалеріи, двгаться къ Баазету! Утомленные стрѣлки съ приходомъ въ Зейдеканъ даже и отъ лица отказались и повалились на землю какъ мертвые. И этой измученной горсти чрезъ шесть часовъ предстоитъ трудный переходъ, 140 верстъ съ однимъ только вочлегомъ. А между тѣмъ пойти освободить своихъ заключенныхъ братьевъ приказывали и долгъ, и честь, и начальство. Дѣлать было нечего, приходилось напрягать свои силы пока была еще хотя какая-нибудь возможность.

Въ 7 часовъ утра сборы баталіона къ походу разбудили меня. Я было порывался встать, но почувствовалъ что силы меня оставляютъ. Что же дѣлать, подумалъ я, вѣдь не издѣли я не иду; а до сихъ поръ честно исполнялъ свой долгъ; не виновать же что заболѣлъ.

Пересиливъ себя, днемъ я направился въ военно-временный госпиталь находившійся въ Зейдеканѣ. Посидѣвъ въ госпиталѣ, справившись о знакомыхъ раненыхъ, поговоривъ и посудивъ о томъ долго ли мы здѣсь стоимъ, разказавъ интересующимся врачамъ-товарищамъ подробности сраженія, я почувствовалъ опять сильную усталость и побрелъ въ свою палатку. Уже было время обѣда; солдаты уже вооружились котелками и шумно направлялись къ своимъ ротнымъ котламъ.

Чувствуя себя положительно душно, я прилегъ и вскорѣ началъ дремать. Но дремота была какая-то болѣзненная, тяжелая. Безпрестанно вздрагивалъ я при малѣйшемъ шумѣ, и сонъ исчезалъ. Нервы были сильно потрясены всѣмъ проис-

шедшимъ за эти десять дней непрерывнаго томительнаго напряженія обезсиленнаго организма. Мысли одна другой безотрадые роились въ больномъ мозгу.

Вдругъ какой-то пронзительный свистъ и вслѣдъ за тѣмъ оглушительный трескъ точно въ моей палаткѣ заставилъ меня моментально вскочить. Выскочивъ изъ палатки я съ ужасомъ невольно подался назадъ. Какъ разъ въ срединѣ лагера, перелетѣвъ даже наши батареи, разорвалась турецкая граната и осколками своими рассыпалась по счастью на не занятомъ пространствѣ, между одною изъ батарей и казачьимъ полкомъ. Въ ту же минуту все въ лагерѣ поднялось и люди уже стояли подъ ружьемъ, ожидая приказаній. Со стороны отряднаго штаба показался генералъ Тергукасовъ, взволнованный, въ сопровожденіи начальника штаба и адъютантовъ верхами. Генералъ схватилъ бинокль и навелъ его на вершины окружающія съ тылу Зейдеканъ, усланная въ настоящую минуту турецкими войсками. Вслѣдъ за первою просвистала и вторая граната и бѣлый дымъ вдали на пригоркѣ обнаружилъ расположеніе неприятельской батареи, незамѣтно для насъ успѣвшей подойти на очень близкое разстояніе къ лагерю. Съ этой минуты уже сварады ихъ ложились въ самое лагерѣ. Положеніе становилось критическимъ. Палатки послѣшью были сняты и войска стояли уже готовыми. Наша артиллерія быстро стала на позицію и дружный залль грянулъ. Девятифунтовая батарея заняла весь фронтъ позиціи и находилась во второй линіи. Впереди дѣйствовали дружно двѣ легкія батареи, а одна, именно подполковника Жукевича, заняла возвышенность на нашемъ лѣвомъ флангѣ.

Между Драмъ-Дагскимъ переваломъ и Зейдеканомъ сохранилась искусственно укрѣпленная позиція, командующая всею мѣстностью вблизи селенія Зейдеканъ, которую Турки возвели при нашемъ наступленіи и которая безпрепятственно обстрѣливалась на разстояніи почти пяти верстъ наступающій отрядъ. Прежде Турки ее не занимали. Теперь же съ отступленіемъ отряда и расположеніемъ его въ долину Зейдекана, они ночью заняли эту позицію, подвезли орудія, и теперь съ этой точки безпрепятственно стали громить нашъ лагерь, видимый ими съ высоты ихъ позиціи какъ на ладони. Требовалось немедленно отступать. Но отступать значило бросить гос-

питаль и 600 раненыхъ на произволъ шайкамъ Черкесовъ. Потому приходилось держаться пока перевезутъ раненыхъ. Но для перевозки ихъ наличныхъ средствъ было весьма недостаточно. Все что только можно вежливо было очистить для раненыхъ. Обывательскія арбы были въ одну минуту согнаны къ госпиталю. Палатки снимались, излишняя госпитальная мебель, посуда, аптекарства, все выбрасывалось, предавалось огню. Гранаты начали летать уже въ самый госпиталь. Генералъ Тергукасовъ прислалъ начальника штаба въ госпиталь успокоить раненыхъ извѣщеніемъ что войска до ночи будутъ стоять и охранять отступающій обозъ и госпиталь; что отрядъ не двинется до тѣхъ поръ пока не уложатъ послѣдняго раненаго на повозку.

Видя трудность положенія при совершившемся раздѣленіи силъ отряда, генералъ Тергукасовъ немедленно послалъ въ догонку за отрядомъ князя Амилохвари, ушедшимъ въ 7 часовъ утра, съ приказаніемъ кавалеріи на рысяхъ подослѣть на помощь. По разказамъ стрѣлковъ они успѣли уже отойти верстъ 30 когда казакъ нагналъ князя Амилохвари и передалъ ему какую-то записку. Говорятъ что по прочтеніи ея князь снялъ шайку, перекрестился и сказалъ: „слава Богу, Баязетъ спасенъ“, повернулъ назадъ кругомъ отрядъ и на рысяхъ поскакалъ назадъ съ кавалеріей къ Зейдекану. Но не легко было обмануть опытнаго кавказскаго солдата. Желаніе князя скрыть истину не ускользнуло отъ чуткой догадливости испытанныхъ воиновъ. Ясно что тамъ у Тергукасова не ладно.

У насъ между тѣмъ положеніе дѣйствительно становилось очень серьезнымъ. Чувствуя недостатокъ въ патронахъ, люди старались стрѣлять какъ можно рѣже. Къ счастью очень помогла ракетная батарея, приведившая наскакивающую кавалерію въ ужасъ. Дѣйствительно, прѣхотливые извороты и зигзаги лущенной ракеты съ непривычки производятъ потрясающее впечатлѣніе. Этимъ и охранялся нашъ слабый правый флангъ.

Прошло уже часа три какъ ускакалъ посланный въ догонку за отрядомъ князя Амилохвари. Наконецъ отрядъ показался. Съ прибытіемъ его положеніе дѣла тотчасъ измѣнилось. Турки, видя движеніе колонны со стороны Баязета, и не подозревая что эта колонна есть часть нашего же отряда,

привади ее за прибывшія подкрѣпленія и разомъ прекратили стрѣльбу, отступивъ на свои занятыя въ ночь позиціи.

Какъ ни слышали мы перевозкой раненыхъ, но еще и вечеромъ не мало ихъ лежало на открытомъ воздухѣ въ ожиданіи передвиженія, такъ какъ палатки давно уже были сняты. Проходя между рядами страдальцевъ, терпѣливо ожидающихъ своей участи, я услышалъ за собой знакомый слабый голосъ. Стало уже темнѣть и я приблизился къ зовущему меня, стараясь разглядѣть его лицо. Нагнувшись, я узналъ майора С—цкаго. Истерзанное мученіями, осунувшееся лицо раненаго ни мало не напоминало того богатыря полнаго силъ и здоровья какимъ зналъ я его двѣ недѣли тому назадъ. Онъ слабо улыбнулся и подавъ мнѣ горячую, сухую руку.

— Романъ Ивановичъ! воскликнулъ я, — какъ вы себя, дорогой, чувствуете?

Я и радовался и сожалѣлъ о немъ въ одно и то же время. Радовался что вижу его еще живымъ и содрагался при мысли что близкая смерть уже наложилла на него неизгладимый отпечатокъ.

— Ничего.... я чувствовалъ бы себя совсѣмъ лучше, боли уменьшились... пулю вынули.... да вотъ лихорадка все.... а тутъ еще эти передвиженія....

И больной отъ усталости закрылъ глаза.

Я горячо пожалъ ему руку, пожелалъ отъ души вывести предстоящее передвиженіе до нашей границы, а тамъ, говорилъ я, можетъ-быть Богъ дастъ какъ-нибудь при боляе благоприятной обстановкѣ возможно будетъ и поправленіе. Затѣмъ я простился съ нимъ, не желая его тревожить.

Часамъ къ десяти вечера все что можно было забрать и спасти было уложено. Остающаяся госпитальная мебель, посуда, тарелки, большіе цвѣтандантскіе запасы муки и излишніа тяжести рѣшено было бросить здѣсь въ Зейдеканъ за неимѣніемъ мѣстъ въ обозѣ, наловившемъ ранеными.

Послѣ отправленія транспорта двинулись и войска. Колеса артиллеріи для избѣжанія шума были перевязаны соломой. Ни команды, ни говора слышно не было. Все совершалось какъ по заученному порядку. Изрѣдка слышались между рядами войскъ какіе-то всадники, адъютанты штаба, распорядившіеся порядкомъ отступленія. Ни одной палатки не свѣтилось ни въ рядахъ солдатъ, ни у вѣдущихъ верхами

офицеровъ. Все смолкло и затихло и безъ звука колыхалась эта черная масса, стараясь скорѣе и незамѣтнѣе скрыться отъ глаза стерегущаго врага. Ночная тьма благопріятствовала движенію. Вотъ закутанная въ бурку и башлыкъ проѣхала между войсками полная фигура, за ней нѣсколько такихъ же подобныхъ въ бурку и башыки закутанныхъ всадниковъ. Несмотря на темноту можно было сейчасъ же узнать генерала Тергукасова съ ковоємъ. Проѣхали впередъ и другіе члены отрядной семьи; подвиглась послѣдняя рота арьергарда. Сзади уже оставалось совершенно опустѣвшее селеніе, и нѣсколько десятковъ русскихъ хабрецовъ, сложившихъ на вѣки свои головы подъ грудами дикаго камня близъ Зейдекана.

Путь отъ Зейдекана до Кара-Килиссы, то-есть 40 верстъ былъ раздѣленъ на два перехода, по 20 верстъ. Отдыхъ былъ назначенъ близъ селенія Чилкары, на половинѣ пути. Тамъ, если обстоятельства позволять, предполагено было и переночевать. Къ Чилканамъ мы подошли еще довольно рано, едва только разсвѣло. Все утро на бивуакѣ было покойно. Со стороны Зейдекана не слышалось ни выстрѣла, не видно было ни одного развѣзда. Только совсѣмъ уже предъ вечеромъ верстъ за пять отъ насъ появились зловщіе огоньки преслѣдующаго непріятельскаго отряда. Мы послѣдили усилить аванпосты, и такъ какъ позиція наша была довольно крѣпка, то рѣшено было остаться здѣсь на ночь. Ночь прошла спокойно, Турки насъ не тревожили.

Рано утромъ началось отступленіе къ Кара-Килиссы опять въ строгомъ порядкѣ. Турки пустили въ догонку намъ нѣсколько сотенъ кавалеріи, мгновенно разлетѣвшихся при первомъ нашемъ орудіиномъ выстрѣлѣ въ рассыпную, по просторной Алашкертской равнинѣ; затѣмъ пустили двѣ-три не долетѣвшихъ гранаты и тѣмъ дѣло до Кара-Килиссы кончилось. Жители Чилкары также бѣжали подъ нашу защиту и увеличили еще нѣсколькими десятками арбъ и безъ того давнюю веревницу вытанувшагося на нѣсколько верстъ общаго обоза. Такъ мы дошли до Кара-Килиссы.

Рано утромъ съ передовой позиціи занятой батареей и дежурнымъ баталіономъ лѣхоты пришло извѣщеніе что увеличенный непріятельскій отрядъ движется энергическимъ

образомъ по направлею къ Кара-Килиссѣ и что батареинный командиръ считаетъ необходимымъ начать стрѣльбу по густымъ колоннамъ наступающей непріятельской пѣхоты.

Естественно что это сообщеніе взволновало весь уже проснувшійся и готовившійся къ дальнѣйшему отступленію отрядъ. Какъ бы въ подтвержденіе извѣстія со стороны передовой позиціи вдругъ раздался съ нашей батареи выстрѣлъ. Медлить было невозможно, такъ какъ выстрѣлы съ нашей стороны стали все чаще и чаще и донесенія летали чуть не черезъ каждыя пять минутъ. Немедленно сдѣлаво было распоряженіе: обозъ и госпиталь, расположившіеся было въ самомъ селеніи, версты двѣ впереди, перевести на возвышенность за селеніемъ. Войска же придвинуты были къ передовой занятой позиціи въ подкрѣпленіе батареи и дежурному баталіону.

Наступленіе непріятеля совершилось не смѣло и не ловко. При учащеніи выстрѣловъ съ нашихъ батарей масса Турокъ невольно разсыпалась насколько возможно рѣже и подавалась назадъ. Благодаря такому ходу дѣла, мы успѣли послѣдство вновь уложить несчастныхъ, не перевязанныхъ уже другіе сутки раненыхъ, и перевезти ихъ на указанную позицію. Страдаальцы молили объ одномъ, чтобъ ихъ успѣли уложить и увести, сознавая хорошо что думать о перевязкахъ при настоящемъ положеніи дѣла и при нашемъ ничтожномъ числѣ врачей было невозможно.

Во всякомъ случаѣ дѣло подъ Кара-Килиссой произвело на насъ тяжелое впечатлѣніе. Мы сознавали что если на всемъ пути отступленія будутъ эти безпрерывныя стычки, истощающія какъ запасъ физическихъ силъ, такъ и остающіяся въ незначительномъ количествѣ боевой матеріалъ, то участь наша будетъ вполнѣ безотраднa. А еще до Игдыря очень далеко. Дней семь пути при самомъ усиленномъ маршѣ. Провіанту почти уже не было. Артиллеристы поговаривали что зарядные ящики опустѣли. Больныхъ и измученныхъ людей прибавлялось съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Всѣ лазаретныя фуры, дивизионный лазаретъ и обозъ,—все было набито больными и ранеными. Болѣе перевозочныхъ средствъ въ отрядѣ уже не имѣлось. Приходилось или бросать отстающихъ на дорогѣ, или находить имъ мѣсто гдѣ бы то ни было. А слухи о паденіи Баязета, о

сдачь оставшагося въ блокадѣ малочисленнаго гарнизона, становились все настойчивѣе.

Возстаніе Курдистана было уже извѣстно навѣрное. Тѣмъ не менѣе двигаться дальше приходилось волей или неволей. Ночью рѣшено было отступление дальше къ Сурль-Оганесу.

Густыя сумерки опустились надъ болотистою, сплошь изрѣзанною горными рѣчками мѣстностью Кара-Килиссы и бѣлесоватыя тучи болотныхъ испареній закрыли собою мнѣряды огоньковъ непріятельскаго бивуака. Насъ раздѣляли пять верстъ, но въ тишинѣ лѣтнаго вечера, со стороны непріятельской позиціи доносились откачки голосовъ, раскатывавшихся по окрестнымъ горамъ и ущельямъ. Турки праздновали свою воображаемую побѣду, заключающуюся лишь въ томъ что нашъ отрядъ, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія удерживать позиціи вблизи Кара-Килиссы, уступилъ ихъ въ руки непріятеля, не потерявъ почти ни одного человѣка, и самымъ благополучнымъ образомъ успѣвъ отступить до заранѣе выбранной позиціи.

Выдержавъ въ теченіе дня валоръ непріятельской арміи, измученные, полуголодные раскинулись по землѣ наши утомленные герои, забывъ о лицѣ, о неудобствахъ ложа и сырости болотистаго воздуха.

Я долго не могъ заснуть, но наконецъ, сидя у костра началъ было дремать. Разговоръ вблизи разбудилъ меня.

— Пожалуста, дайте чайникъ. Генераль хочетъ чаю налиться. Нельзя ли и чаю, и нѣсколько кусковъ сахару. Онъ съ собой ничего не оставилъ.

Я узналъ голосъ любимаго адъютанта Тергукасова.

— Да возьмите мой самоварчикъ, предложилъ я.

Но адъютантъ отказался въ виду того что самоваръ долго разводить, а теперь некогда, скоро выступаемъ. Оказалось что Тергукасовъ уже два два ничего не ѣсть и только позволяетъ себѣ пить чай. Этимъ онъ и поддерживалъ свою бодрость и энергію.

Среди ночи послышалась въ лагерѣ суета: обозъ уже двинулся. За нимъ начала гроыхать артиллерія и потянулась олять въ обыкновенномъ боевомъ порядкѣ, отступающая подъ прикрытіемъ ночной темноты, измученная колонна. Въ ночь мы были уже верстъ за тридцать. Къ полудню пришли въ знакомый Сурль-Оганесъ. Пыль, жара и духота страшная. Пока располагали лагерь (здѣсь рѣшено было переночевать

и подкрѣпиться), нѣсколько офицеровъ предложили мнѣ искупаться въ Евфратѣ. Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, радуясь возможности стряхнуть походную грязь, такъ какъ за это время мы не имѣли даже возможности умыться какъ слѣдуетъ. Купанье въ Евфратѣ не совѣтъ удобное. Страшная быстрота теченія почти сбиваетъ съ ногъ. Дно каменистое, а цвѣтъ воды, какъ всѣхъ горныхъ рѣкъ, совершенно мутный. Тѣмъ не менѣе прохладная температура воды при плаваніи зноѣ подкрѣпила обезсилѣвшій организмъ, и послѣ купанья неволью почувствовались и бодрость, и свѣжесть силъ. Придя съ купанья, мы узнали что всѣ начальники отдѣльныхъ частей собраны зачѣмъ-то въ палатку отряднаго. Неволью раждалась мысль что это дѣлается не просто и что-то зловѣщее носится въ воздухѣ. Совѣщанія держались въ тайнѣ, хотя по лицамъ возвратившихся къ своимъ частямъ начальниковъ легко можно было заключить что эта тайна не особенно радостнаго свойства. Изъ Сурль-Оганеса мы двинулись около полудня. Высоко подымавшееся солнце озаряло сумрачныя и совершенно теперь опустѣвшія угрюмыя стѣны столь чтимаго въ Арменіи древняго монастыря Св. Іоанна. Монашествующая братія съ настоятелемъ во главѣ выбраалась изъ своихъ десятки лѣтъ насиженныхъ келій. Жители селенія и монахи послѣдили укрыться подъ нашу защиту и рѣшились лучше перебраться въ новые невѣдомые края, чѣмъ пасть жертвою дикаго турецкаго вѣществія. И дѣйствительно, лишь только мы миновали монастырь, какъ сотни турецкихъ всадниковъ выросли сзади насъ будто изъ подъ-земли и, забывъ свою главную цѣль—преслѣдованіе, бросились, кто владѣвъ черезъ Евфратъ, кто по мосту, отыскивать добычу въ опустѣвшемъ монастырѣ.

Пройдя отъ Сурль-Оганеса верстъ восемь мы достигли пункта на которомъ расходятся дороги. Одна изъ нихъ идетъ къ Баазету черезъ селеніе Діадимъ, другая влѣво направляется на Каравансарайскій переваль. Всѣ были твердо убѣждены что нашъ луть лежитъ по первой дорогѣ, что мы, прежде чѣмъ переступить свою границу, попытаемся подойти къ Баазету и освободить нашихъ несчастныхъ собратьевъ заключенныхъ въ Баазетѣ, если они еще не сдались.

Каково же было наше изумленіе когда отрядъ сталъ направляться по дорогѣ вѣво къ Каравансарая. Значить Баязеть оставался въ сторонѣ, значитъ уже не нужно идти заключеннымъ на помощь! Неужели они сдались? Хотѣлось узнать хотя что-нибудь объясняющее перемѣну маршрута. Вскорѣ мы все узнали. Пройдя вѣкоторое разстояніе по вновь избранному пути, мы начали приближаться къ небольшому перевалу, танувшемуся отъ селенія Діадивъ намъ на перерѣзъ. Вскорѣ въ перелективѣ стали рисоваться незначительные холмы окружающіе Діадивъ. Баязетская дорога была отъ насъ верстахъ въ пяти вправо. Сначала никто изъ насъ не обратилъ вниманія на то что верхушки холмовъ были локрты какою-то черною массой. Подойдя ближе можно было и простымъ глазомъ замѣтить что масса эта колошится и движется.

— Главъ-ка, ребята, заговорили солдаты,—это чтѣ за конница на горахъ-то тамъ. Неужто наши? Откуда же они?

— Откуда? неувереннымъ тономъ отвѣчалъ кто-то;—да вѣдь въ Діадивъ-то были сотни оставшіяся, ну они и есть.

— Нѣтъ, тутъ не сотни, а развѣ тысячи. Вѣдь это, братцы, Турокъ!

Оказалось что часть непріятельскаго Баязетскаго корпуса съ громаднымъ числомъ вооруженныхъ Курдовъ вышли къ намъ на встрѣчу на Баязетскую дорогу, въ увѣренности что наше движеніе будетъ именно по этому пути. Вскорѣ мы узнали что генералъ Тергукасову эта встрѣча была извѣстна. Объ ней онъ былъ предупрежденъ въ Сурль-Оганесѣ наканунѣ, для чего и собирався военный совѣтъ и предпринято было движеніе къ Каравансарайскому перевалу вмѣсто сначала предполагавшагося къ Баязету. Хотя доносили ему также что нашъ гарнизонъ сдался, но генералъ этому не вѣрилъ. „Не можетъ быть, не можетъ быть, твердилъ онъ,—Русскіе не сдаются. Тамъ вѣрятъ и надѣются на нашу помощь“

Наше обходное движеніе было неожиданностью для Турокъ. Прежде чѣмъ что-нибудь предпринять они допустили насъ безпрепятственно занять близь рѣки довольно удобную позицію, гдѣ мы и расположились. Тутъ только Турки одумались, и едва лишь мы расположились на бивуакъ, хотя дѣло было уже подъ вечеръ, началась обычная трескотня, ставшая уже совершенно привычною для насъ.

Повторилась обычная исторія. Войска выдвинулись на передовыя позиціи и удерживали ихъ до тѣхъ поръ пока только-что расположившіеся на отдыхъ госпитали (теперь ихъ было два, такъ какъ къ отряду въ Сурль-Оганесъ присоединился еще № 16й госпиталь, все время стоявшій въ Сурль-Оганесъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Крымскаго полка) сварились въ путь и вмѣстѣ съ обозомъ и бѣглецами-Армянами начали вытѣгиваться по направленію къ нашей границѣ. Дѣло только усложнилось тѣмъ что усиленная по соединеніи обоихъ турецкихъ отрядовъ ихъ кавалерія имѣла намѣреніе обходомъ перерѣзать намъ дорогу на нашу границу; но движеніемъ князя Амилохвари съ казаками эта попытка была остановлена. Всю ночь вытягивался нашъ громадный обозъ и часовъ въ двѣнадцать на другой уже день войска, ежеминутно отстрѣливаясь, наконецъ отступили съ позиціи.

За всѣ эти десять дней отступленія никто въ отрядѣ не имѣлъ горячей, питательной пищи; небольшой остатокъ сухарей, растягивавшійся неизвѣстно, былъ единственнымъ провіантомъ; никто не имѣлъ возможности хотя одну ночь заснуть здоровымъ, покойнымъ сномъ. Все было истомлено до нельзя и еле двигалось. Но вотъ наконецъ показался вдали давно ожидаемый пограничный столбъ. Весь отрядъ какъ одинъ человекъ снялъ шапки и, осыпавъ себя крестнымъ знаменіемъ, въ восторгѣ глядѣлъ на тянущіеся отъ столба ряды холмовъ, составляющихъ уже владѣнія дорогой родины. Граница! пронеслось по рядамъ, и бодрѣ зашагали утомленные, до крови потертыя ноги въ столбанныхъ дырявыхъ и заскорузлыхъ сапогахъ.

Мы вступили на русскую землю 22го іюня подъ вечеръ. Отрядно было сознавать что эту ночь проведемъ мы въ относительномъ спокойствіи и отдохнемъ наконецъ отъ неотступнаго преслѣдованія докучливаго врага: ясно что Турки не осмѣлятся переступить нашу границу, гдѣ насъ уже ожидали и подкрѣпленія въ селеніи Игдыръ, въ семи верстахъ отсюда, и громадные запасы провіанта, и обширные артиллерійскіе склады. Мы теперь не боялись ничево и, расположившись подъ тѣнью густыхъ тутовыхъ деревьевъ, предались чаепитію и закускамъ.

Переочевавъ въ тѣнистыхъ садахъ селенія Чарухчи, немногого приободрившійся отрядъ на другой день переведенъ

былъ къ селенію Игдырь и расположился по дорогѣ къ Баязету, приблизительно почти на тѣхъ же мѣстахъ гдѣ стояли и предъ первоначальнымъ движеніемъ въ Турцію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ.

Игдырь—большое армянское селеніе Сурмадивскаго уѣзда, Эриванской губерніи. Расположено оно у подножія Большаго Арарата, на такъ-называемой долинѣ рѣки Аракса. Это селеніе торговое и населенное. Здѣсь много живущихъ чиновниковъ: уѣздный начальникъ, мировой судья и цѣлый штатъ чиновниковъ таможеннаго вѣдомства. Во время пребыванія нашего въ Турцію Игдырь оставался почти незащищеннымъ, а потому и спокойствіе жителей было далеко не гарантировано. Вслѣдствіе этого, когда слухи объ обложеніи Баязета и о появленіи нѣсколькихъ шаекъ Курдовъ у нашей границы оправдались, жители Игдыря и преимущественно женское населеніе послѣдили перебраться въ Эривань подъ охрану мѣстнаго Эриванскаго баталіона.

Торговля прекратилась и самое селеніе приняло грустный запустѣлый видъ. Телерь же съ приходомъ отряда дѣятельность вновь закинула въ этомъ мѣстечкѣ. Голодные жадные до всего, набросались мы уничтожать запасы яствъ и питій, платя за все невообразимыя цѣны. О цѣнахъ ли тутъ думать когда карманы туго набиты деньгами, а соблазнительныя закуски, портеръ и тонкое кахетинское вино заставляютъ разбѣгаться глаза. И въ одинъ день поглощено было все заготовленное маркитантами. Здѣсь вознаграждали себя молодость и удалство за всѣ три мѣсяца всевозможныхъ тяжелыхъ испытаній. Уже поздно за полночь свѣтился весь Игдырь сотнями огоньковъ, точно иллюминированный, праздноя благополучное возвращеніе считавшагося погибшимъ отряда, и въ тишинѣ лѣтнаго воздуха разносились хриплые и не совсемъ вѣрные напѣвы дорогихъ сердцу русскихъ пѣсень.

Такъ провело большинство дневку въ Игдырь и только оживавшее по минутамъ воспоминаніе о баязетскихъ заключенныхъ отравляло наше ликозанье. Вечеромъ пришло приказаніе завтра выступить въ Баязетъ. Приказъ былъ написанъ горячо и сильно и войска отвѣтили на него восторгомъ. Отрядъ шелъ съ подкрѣпленіемъ одной девятифунтовой батареи, ждавшей насъ въ Игдырь уже нѣсколько дней, и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. На Чингильскомъ

же перевалѣ къ намъ прибавлялся весь Чингильскій отрядъ, состоящій изъ шести ротъ лѣхоты и двухъ полковъ кавалеріи (милиціонеровъ), при четырехъ орудіяхъ.

Итого на освобожденіе Баазета пошло: четырнадцать ротъ Крымскаго полка, одиннадцать ротъ Ставропольскаго и четыре роты стрѣльцоваго баталіона. Затѣмъ двѣ роты Эриванскаго баталіона и двѣ роты Александропольскаго крѣпостнаго полка. Количество кавалеріи вѣрно опредѣлить не могу; но что-то около сорока эскадроновъ, и затѣмъ тридцать два орудія, изъ которыхъ двѣнадцать были девятифунтовыя. Съ этими силами намъ не страшны были грозныя высоты Баазета. Все шло съ увѣренностью въ успѣхѣ. Освобожденіе Баазета не могло замедлиться....

С. ЛЮБИМСКІЙ.

НА ГОРАХЪ

С.

Лѣто на исходѣ, надвигается на землю осень. Пчелы перестали носить медовую взятку, смоклаи лѣвчія птицы, съ каждымъ днемъ вода холодѣеть больше и больше. Зажелтѣли листья на далахъ, послѣли овощи въ огородахъ, на Николу Кочаннаго стали и калустные вилки въ кочви завиваться. Успенскій постъ на дворѣ — скоро придется макъ вѣять на Макаевеѣ. **

А Дума все въ Луловицахъ гостить, и рѣчей не заводитъ Марья Ивановна о возвратѣ въ Фатьянку.

Не смущается Дума этимъ, не печалится. Всею душой предалась она новой вѣрѣ. На всякій день и на всякій часъ ищетъ общенья съ божествомъ, стремится къ изступленному душевному восторгу, къ тому, что у „Божьихъ людей“ называется „наптіемъ“. Все ей теперь чуждо — и родительскій домъ, и всѣмъ сердцемъ любящій ее отецъ, и заботливая Дарья Сергѣевна и прежде столь много любимая Аграфена Петровна. Петръ Степановичъ, пробудившій въ Дуѣ дремавшее

* См. *Русск. Вѣсти.* №№ 5 и 10я 1875, №№ 8 и 10я 1876, №№ 5, 6, 7, 9 и 10я 1877, №№ 1, 5, 8 и 10я 1878 и № 9я 1879.

** Николы Кочаннаго — 27 іюля, Св. мучениковъ Макаевеѣ 1го августа. Въ этотъ день собираютъ въ деревняхъ макъ и вѣютъ его.

чувство любви, теперь совсѣмъ изъ памяти вонъ. Правда возставалъ иногда его образъ передъ душевными очами Дуни, но она тотчасъ же старалась отогнать отъ себя этотъ „грѣховный помыслъ“, посланный ей ради соблазна злымъ и лукавымъ.... Во снѣ случится увидеть его, въ страхѣ и трепетѣ она просыпается, скорбитъ по цѣлымъ часамъ и со слезами и рыданиями молится Богу да избавитъ Онъ ее впредь отъ такой напасти. Наслушавшись чужихъ толковъ вообразила Дуня что въ ней въ самомъ дѣлѣ Богъ пребываетъ, что Онъ въ самомъ дѣлѣ разверзаетъ ея уста на пророчества, движетъ ею на радѣніяхъ, водитъ по путямъ непорочнымъ. И въ такомъ самообольщеніи день и ночь помышляетъ она что ужъ больше ничто земное не должно омрачать ея свѣже просвѣтленныхъ думъ.... Возненавидѣла она и прекрасное свое тѣло, съ омерзѣніемъ и злобой смотритъ она на роскошныя дѣвственныя перси свои, на стройный, гибкій станъ, на ноги будто величайшимъ художникомъ изваяныя изъ бѣлосвѣжнаго мрамора, и... все прокляла она, все возненавидѣла. Прекрасно созданное тѣло теперь на взглядъ Дуни темница злымъ духомъ построенная для мученій ея души. И стремится она умертвить ненавистную плоть, свободить свою душу изъ темничнаго заключенія. Какъ веселится больной долгое время лежавшій на смертномъ одрѣ, когда въ немъ начинается возрожденіе силъ, когда видитъ онъ какъ румянецъ снова начинаетъ оживать истощенное лицо его, а потухшія было очи опять заблестали, опять разгорѣлись; такъ точно радовалась Дуня глядя на худобу своего лица, на пожелтѣвшія ланиты, на иссохшія, пурпуровыя прежде губки, на потухающій блескъ прекрасныхъ очей.... „Слава Тебѣ Господи!.. мысленно говоритъ она. Тѣбѣ ненавистное тѣло!.. Изведи меня скорѣй Господи изъ смирной темницы и всели въ сонмъ непрестанно поющихъ передъ престоломъ Агнца.“

Со страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ Дуня племянника Варвары Петровны—Денисова. Ждали его въ семьѣ Луловскихъ какъ родственника, а кромѣ того любопытно было узнать отъ него про араратскихъ „вѣденцовъ“.* Въ Денисовѣ

* „Вѣденцы“—саіаніе молокаства съ хмыстовщиной. Это саіаніе возникло въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія за Кавказомъ. Потомъ оно обнаружилось (въ пятидесятыхъ годахъ) въ

думала Дуня увидѣть небеснаго посланника... „Приближается къ нашей печальной юдоли избранный человекъ, она думаетъ. Принесетъ онъ благія вѣсти, возвѣститъ гаголы мудрости, разкажетъ о царствѣ блаженныхъ на Араратѣ.“

Больше всего хочется Дуни узнать что такое „духовный супругъ“. Вотъ годъ ужъ почти миновалъ какъ она въ первый разъ усадила о немъ, но до сихъ поръ никто еще не объяснилъ ей что это за духовное супружество. Доходили до Дуловицъ неясныя слухи будто „араратскій царь Максимъ“ кромѣ прежней жены взялъ себѣ другую, духовную, а послѣдователямъ велѣлъ брать по двѣ и по три духовныхъ жены. Егоръ Сергѣвичъ все знаетъ объ этомъ, онъ разкажетъ онъ разъяснитъ. Николай Александрычъ и его семейные мало вѣрили кавказскимъ чудесамъ.

Божьи люди или хлысты, какъ обыкновенно зовутъ ихъ въ народѣ, вѣрятъ въ прямое и всегда возможное сообщеніе человѣческой души съ божествомъ. Подобно духоборцамъ проповѣдуютъ они что воплощенный Христосъ живетъ на землѣ постоянно. Эту секту нельзя назвать даже христіанской ересью. Она стоитъ внѣ христіанства, хоть и заимствуетъ изъ него самыя священныя имена. Ученые хлыстовы—смѣсь разныхъ ученій и древнихъ и новыхъ, противныхъ ученію и преданіямъ истинной вѣры. Подобно древнимъ Персамъ они признаютъ два безначальныхъ существа доброе и злое гедущія между собой нескончаемую борьбу, и думаютъ что оба эти существа равносильны. Подобно богомиламъ хлысты увѣряютъ что все видимое и осязаемое создано злымъ духомъ и что тѣла наши, какъ темницы душъ, должны быть умерщвляемы трудами на радѣвьяхъ, постомъ и созерцаньемъ. Подобно квиетистамъ они думаютъ что таинственный человекъ* въ самомъ существѣ своемъ уничтожается и преобразуется въ Бога. Такой человекъ не можетъ помрачить себя никакой нечистотой и никакими пороками, ежели только не нарушаетъ своего покоя. Покой, праздность, бездѣйствіе—вотъ высшее состояніе человѣка по хлыстовскимъ понятіямъ. Проловѣдуя

Таврической, Екатеринославской и другихъ губерніяхъ. Слѣніе продолжается до сихъ поръ, такъ что во многихъ мѣстахъ нѣтъ болѣе ни чистыхъ молоканъ, ни прежнихъ хлыстовъ.

* Таинственно умершій и таинственно воскресшій.

чистоту и дѣвственность они однако подобно Вальденсамъ иногда въ своихъ собраньяхъ предаются самой грубой чувственности.*

Хлыстовщина являлась во всѣхъ слояхъ русскаго общества отъ образованныхъ людей до безграмотныхъ крестьянъ степныхъ селъ и деревень. И ученіе и вѣрованія ихъ разнятся: образованные люди стремятся болѣе къ совершенствованію духа, но и они, какъ простолюдины, стараются „умерщвлять“ свою плоть усиленными движеніями и испустными плясками до изнеможенія, и они, подобно имъ, убѣждены что во время истуленія исходитъ на нихъ благодать, за то не вѣрятъ въ сказанія о новыхъ, непрерывныхъ явленіяхъ божества въ человеческомъ образѣ. А сказанья объ этихъ явленіяхъ и составляютъ почти всю сущность ученія людей простыхъ, людей „малаго вѣдѣнія“, какъ называютъ ихъ хлысты образованные. За то грубая чувственность, похожая на оргіи Вальденсовъ, увлекаетъ молодыхъ и сладострастныхъ людей какъ въ образованные, такъ и въ безграмотные хлыстовскіе корабли.

Егоръ Сергѣичъ Денисовъ везъ любопытныя для сектантовъ извѣстія. Давно ужъ, лѣтъ полтора ста тому назадъ явилось у хлыстовъ вѣрованье что на горѣ Араратѣ для нихъ будетъ насажденъ новый земной рай и только одни они будутъ въ немъ наслаждаться вѣчнымъ блаженствомъ. Съ каждымъ годомъ увѣренность въ осуществленіи „благодатнаго царства Араратскаго“ росла, а между тѣмъ хлысты стали славаться съ молоканами, отвергающими церковь и всю ея обрядность. Изъ такого сліянья вышла за Кавказомъ секта „вѣдѣнцовъ“ или „прыгунковъ“. Въ юнѣ 1840 года за Кавказомъ было страшное землетрясеніе. Лыдины и скалы упавшія съ вершинъ Арарата засыпали окрестности верстъ на двадцать.

* По Балюзіусу въ 1808 Вальденсы canebant illi Deo nocturnos hymnos, ut aliquo pietatis praetextu flagitum tegerent. Confluebant mulieres ad orgia magis, quam sacra. Coeremonia peracta sacerdos clamabat, ut extinctis luminibus, almo spiritu invocato promiscue coirent. Hinc incestus, pollutiones etc. Рожденнаго посатъ того младенца Вальденсы сожигали и высылавъ пепелъ въ вино приобщали имъ вновь поступающихъ въ секту. У насъ первое извѣстіе о подобномъ изуверствѣ явилось у Св. Дмитрія Ростовскаго, и оно подтвердилось многими дѣлами особенно въ XVIII вѣкѣ. См. *Тайныя Секты*, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1868.

Въ этомъ грозномъ явленіи природы „вѣдцы“ усмотрѣли признакъ приближенія къ нимъ Араратскаго царства. Явился какой-то „іерусалимскій старецъ“... Они казались ему въ грѣхахъ и онь, въ знакъ прощенія, осыпалъ ихъ своимъ широкимъ разноцвѣтнымъ поясомъ. Черезъ шесть дней скрылся невѣдомый, и у вѣдцовъ явилась царь, пророкъ и первосвященникъ. Этотъ царь Максимъ * привалялъ безграницную власть надъ „прыгунками“ и во многомъ способствовала ихъ слиянію съ молоканствомъ. Говорили будто онь измѣняетъ старое ученіе хлыстовъ, предписываетъ новые законы, велитъ заводить духовныхъ жень... Но все это до Дуловиць доходило въ видѣ вѣсныхъ слуховъ.

Кормщикъ Дуловицкаго корабля хотъ и былъ недовѣрчивъ къ сказаньямъ людей малаго вѣдѣнія, однако рѣшился созвать „великій соборъ“ ближнихъ и дальнихъ хлыстовъ, чтобы предварить ихъ объ ожидаемомъ послѣ съ Арарата.

Не день и не два по разнымъ мѣстамъ разѣзжало конторщикъ Пахомъ да дворецкій Сидѣрушка сзывая „вѣрныхъ праведныхъ“ на соборъ въ Дуловицы. За ними приходилось ѣхать верстъ за восемьдесятъ, даже за сто. Не успѣть бы двоимъ всѣхъ объѣхать, и вотъ вызвались имъ на подмогу Кисловъ Степанъ Алексѣичъ, Строинскій Дмитрій Осипычъ, да еще матросъ Фуркасовъ. Напрашивался въ объездъ и дяконъ Мемновъ, но ему не довѣрили, опасаясь не вышло бы отъ того какихъ неприяностей.

И собралось къ назначенному дню въ Дуловицы больше пятидесяти человекъ. Пѣшкомъ, бодримъ еще шагомъ пришли старые друзья пріятели, отставной каптенармусъ Григорій Устюговъ, да отставной фельдфебель Кузьма Богатыревъ. У обоихъ на рукавахъ по три нашивки, у обоихъ по четыре медали, у обоихъ Бгорьевскіе кресты за штурмъ Варшавы. Смолоду въ любви и дружествѣ межъ собой жили, изъ одного села были оба родомъ, въ одинъ годъ сданы въ рекруты, въ одномъ полку служили, и получивши „чистую“ поселились на родинѣ въ кельѣ, ставленной возлѣ келейнаго рада на бобыль-

* То былъ молоканинъ, крестьянинъ казеннаго села Алагосова, что на рѣкѣ Опшѣ, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, Максимъ Рудоматкинъ, онь же Комаръ, сосланный на Кавказъ за распространеніе на родинѣ и невоинственное вѣстаніе. Въ 1840 году было ему 46 лѣтъ.

скихъ задворкахъ. Всегда они бывали людьми трезвыми и набожными, начальство за службу ихъ жаловало, и большое имѣло къ нимъ довѣріе. Подъ конецъ ихъ службы, поакъ сряду шесть лѣтъ стоялъ въ Орловской губерніи, а тамъ изстари много бывало хлыстовъ. Любя чтеніе церковныхъ книгъ, а больше того устная бесѣда отъ Писанія, Устюговъ съ Богатыревымъ стали похаживать въ келейный рядъ на „вечорки“ къ одной старой дѣвкѣ хлыстовской пророчицѣ и позмали отъ нея „тайну сокровенную“. По выходѣ въ отставку, услышали они что верстахъ въ шестидесяти отъ ихъ села, у богатыхъ помѣщиковъ Луловицкихъ бывають хлыстовскія соборья и вскорѣ вошли въ корабль Николая Александрыча. За дальностью мѣста и за старостью рѣдко бывали они въ Луловицахъ, но „великихъ соборовъ“ и годовыхъ радѣній не пропускали. И ближніе и дальніе хлысты уважали егорьевскихъ кавалеровъ, особенно Устюгова, за то что зналъ онъ много сказаній.

На долгихъ изъ уѣзднаго городка пріѣхалъ старецъ Семенушка. Бывалъ онъ прежде богатымъ кулцомъ, многіе годы на Моршѣ * хлѣбомъ торговалъ, и проторговался до тла. Когда дошелъ онъ до того что не стало у него за душой ни копѣйки, смирился духомъ и пустился въ набожность. Долго жилъ онъ въ монастырѣ у старца Христофора. И настоятель и братія того старца считали полоумнымъ и юродомъ за „неподобныя“ его рѣчи, за срамныя дѣла, особенно за то что уединясь въ келью лѣвдалъ мірскія лѣсни, поминая Христа, Богородицу, ангеловъ и пророковъ. Инокъ Христофоръ держался хлыстовщины и восторженными бесѣдами склонилъ прогорѣвшаго кулчину принять сокровенную тайну. Послѣ смерти Христофора Семенушка переѣхалъ въ городъ, а тамъ ужъ было три, четыре человека „вѣрныхъ-праведныхъ“ и у нихъ завелся маленькій корабликъ. И Семенушка и товарищи его кормились имениемъ Христовымъ, собирали по домамъ и базарамъ мірское подаванье, а кромѣ того получали вспоможенья отъ Луловицкихъ. На „великій соборъ“ съ сѣдовласымъ старцемъ Семенушкой пріѣхали и товарищи его бѣдные мѣщане. На наемъ подводъ Пахомушка сколько-то господскихъ денегъ далъ Семенушкѣ.

Пріѣхала небогатая помѣщица, старая барышня Серафима

* Моршанскъ.

Ильинишна Лилутина. Верстахъ въ семидесяти отъ Луловицъ проживала она въ своей усадбкѣ. Было у той барышни двадцать тяголъ крестьянъ, да восемнадцать чело-вѣкъ дворовыхъ. Опрочь тѣхъ дворовыхъ въ домѣ ея про-живали и сторонніе. И гости и прислуга въ одномъ согласѣ съ барышней были. Сосѣди считали Серафиму Ильинишву дурочкой, да и сами хлысты лутнаго ничего отъ нея не чаяли, тѣмъ только и была хороша что не уставала на радѣвьяхъ, но „въ словѣ не ходила“ никогда. Чѣмъ бы пророчествовать, она хохочетъ, либо кошкой мяукаетъ, либо лаетъ собакой. Привезла съ собой Серафима Ильинишна двухъ не старыхъ еще монашенокъ изъ залуствлой Аграфейиной лустыни, мать Иларію, да мать Савдулію. Обѣ манатейныя *, обѣ постригались въ Касимовѣ, обѣ вмѣстѣ со слѣпою матерью Крискентіей поселились въ убогой кельѣ уцѣлѣвшей отъ упраздненной лустыни и стали жить возлѣ гробницы игуменьи Аграфейи изъ боярскаго рода Глѣбовыхъ, почитаемой въ окрестности святой и блаженноу. Тамъ слѣ-лая, дряхлая Крискентія увѣрила сожительницъ что въ нынѣшнія послѣднія времена истинную вѣру надо искать только у людей Божіихъ, что они одни знаютъ великую тайну отъ міра утаенную. Вскорѣ въ Луловицкомъ кораблѣ Иларія и Савдулія были приведены въ новую вѣру, а по смерти Кри-скентіи чуть не насильно водворились у юродивой Серафи-мы Ильинишны. И доставалось же отъ нихъ подоумной хо-зяйкѣ. Сами день деньекой межъ собой бранятся да вздорят-ся и всегда почти кончатъ ссору дракой, при чемъ достается бывало и гостепріимной хозяйкѣ. Даже колачивали странно-пріимвицу. А творилось это, какъ думали всѣ, по наитію.

Кромѣ Иларіи да Савдуліи еще нѣсколько духовныхъ при-шло на „великій соборъ“. Пришелъ заштатный попъ Меркулъ, два монаха изъ окрестныхъ монастырей—люди поствые, на-божные, незлобивые, строгіе въ жизни и совершенные без-сребренники.

Иные люди разнаго званья кто лѣшкомъ, кто на подводѣ добрались до Луловицъ къ назначенному дню. Были тутъ и крестьяне и крестьянки, больше все вдовы да перезрѣлыя дѣвки. Софронушки не было; игумень Израиль на Луловиц-

* *Манатейными* зовутъ монаховъ и монахинь еще не имѣющихъ поднаго постриженія.

кихъ прогнѣвался, мало дынь прислали, къ тому жь отецъ игумень на ту пору закурилъ черезъ мѣру. Сколько ни улашивали его, уперся на своемъ, не пустилъ юрода изъ-за дровнихъ стѣнъ Княжь Хабаровой обители.

Насталъ часъ „великаго собора“. Стемнѣло. Утомленные цѣлодневнымъ жнитвомъ крестьяне спать залегли. И отецъ Прохоръ спитъ со своей семьей. Спитъ село, одѣвъ собаки на сторожѣ.

Когда все стихло и улеглось Божьи люди неслышными стопами, обычнымъ порядкомъ пошли въ Сионскую горницу. Тамъ они переодѣлись въ радѣльные рубахи, и разсѣлись по диванамъ, по кресламъ и стульямъ. На этотъ разъ едва мѣстъ достало—такъ много набралось вѣрныхъ-праведныхъ. Вступившая уже въ корабль Дуня сѣла теперь не у входной двери, а на почетномъ мѣстѣ близъ кормщика рядомъ съ Варварой Петровной, съ Марьей Ивановной, съ Варенькой и Катенькой. Всѣ вѣрны-праведные считали ее уже достигнуею полнаго совершенства, всѣ надѣялись что вотъ на соборѣ она дойдетъ до изступленья, заиграетъ въ струны золотыя, затрубитъ въ трубу живогласную и польются живыми рѣками изъ устъ ея чудныя пророчества. Всѣ въ томъ были увѣрены; всѣ говорили что Дуня избранный сосудъ благодати.

Начался соборъ тѣмъ же порядкомъ какъ и обычное радѣнье. Крестьясь обѣими руками и поклоняясь другъ другу земными поклонами, хлысты простились, благословились и усѣвшись по мѣстамъ пребывали въ невозмутимомъ покоѣ. Николай Александрычъ сидѣлъ у стола склонивъ голову, но не читалъ ни житія царевича Иоасафа ни сказаній объ Алексѣѣ Божьемъ Человѣкѣ. Минуть черезъ пять молчанья, всталъ онъ съ мѣста и началъ махать пальмовой вѣткой. Тогда хлысты залѣли громогласно *Царю Небесный, канонъ Пятидесятницы, а затѣмъ „Дай къ намъ Господи, дай къ намъ Исуса Христа“*,—пѣсня безъ которой ни одно хлыстовское сборище не обходится гдѣ бѣ оно ни совершалось, въ Петербургѣ ли, какъ бывало при Катеринѣ Филиловнѣ, въ московскихъ ли монастыряхъ когда они были разсадниками хлыстовщины, * у старой ли богомолки

* Въ первой половинѣ XVIII столѣтiя хлыстовщина была сильно распространена въ московскихъ монастыряхъ—мужскихъ: Петровскомъ (іеромонахи Филаретъ Муратовъ и Тихонъ Струковъ казнены

въ избѣ сельскаго келейнаго ряда или въ барскомъ дому какого-нибудь помѣщика. Послѣ лѣсна сталъ говорить Николай Александрычъ:

— Братцы и сестрицы! Возвѣщу вамъ радость великую, хочу огласить вамъ веселіе.

Всѣ вострепнулись, повскакали со стульевъ и дивановъ. Еще не зная въ чемъ дѣло иныя женщины стали владать въ изстуженный восторгъ... Послышались вздохи, радостныя рыданья, громкіе клики и визгъ—ровно десятки кликушъ въ одно мѣсто собрались.

Примѣняясь къ людямъ „малаго вѣдѣнія“, а такихъ больше всего было въ Сіонской горницѣ, Николай Александрычъ обратился къ каптенармусу Устюгову.

— Братецъ Григорышка! Лучше всѣхъ насъ ты знаешь сказанья про дивныя чудеса въ старыя годы содѣяныя. Изрони заатое слово изъ устъ твоихъ... Повѣдай собору про верховнаго гостя, про богатаго богатыря Давида Фидилыча, про великаго учителя людей праведныхъ Ивана Тимоѣевича.

Не отвѣчаетъ Устюговъ, сидитъ молча склонивъ голову.

Всѣ ему стали кланяться, просить и молить отверзъ бы уста, усладилъ бы слухъ сидящихъ въ Сіонской горницѣ чудными сказаньями.

Цѣлымъ соборомъ долго молили, усердно просили Устюгова. Наконецъ началъ онъ свои сказанья.

Еще ни слова не сказалъ онъ какъ Марья Ивановна прошептала сидѣвшей возлѣ нея Душѣ:

— Слушай сказанья, но не вѣрь ничему что ни скажетъ Григорышка. Это притча, это басни людей малаго вѣдѣнія. Но хоть они и покажутся тебѣ страшными, на правду ни мало не похожими, не увичжай въ сердца своемъ Григорышку... Не гаумись даже мысленно... Напередъ тебѣ говорю: не важно сказанье, важно илюсканье, важемъ таинственный смыслъ того что станетъ онъ теперь говорить... Людямъ малаго вѣдѣнія не понять ни Бема, ни Сень-Мартена, какъ тебѣ или

за то смертію—головой отсѣченъ), въ Чудовѣ, въ Симоновѣ, также въ Перервинскомъ, въ Богословской пустынѣ и въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ,—въ женскихъ: въ Ивановскомъ (монахиня Анастасія Карповой отсѣчена голова), Новодѣвичьемъ, Никитскомъ, Рождественскомъ, Страстномъ, Варсофѣевскомъ (монахиня Марія Трофимовой отрублена голова) и Георгіевскомъ.

мѣ. Не могутъ они лататься твердой пищей, какъ дѣтямъ имъ нужно еще молоко. Не глумись же, ни надъ чѣмъ не глумись что ни услышишь отъ Григорьюшки.

Промолчала Дуля.

Разказываетъ Устюговъ какъ въ стародавнѣе годы на рѣкѣ на Оки, въ Стародубской сторонѣ * явился „верховный гость“, „богатый богатыня“ Данило Филипычъ и какъ жилъ онъ потомъ въ деревнѣ Старовой, въ верховой Костромской сторонѣ **, поучая къ нему приходившихъ. Тамъ пришелъ онъ однажды на Воагу, а народу было тутъ многоемножество. И шла тогда середь людей великіе споры о томъ которыя книги лучше: старыя или новыя Наковомъ печатанныя. И спросили люди богатаго богатыню: „по какимъ книгамъ велишь молиться намъ? Старыя олорочены, новыя многимъ сумнительны.“ И собралъ Данило Филипычъ старыя книги и новыя, побросалъ всѣ въ Воагу рѣку и такія слова людямъ сказалъ: „ни старыхъ, ни новыхъ книгъ не пріемайте, да и грамота вся и ученье вамъ не надобны. Есть у васъ писаніе. Писано оно не на бумагѣ, не на хартии, не на скрижаляхъ золотыхъ или каменныхъ, а на скрижаляхъ сердцахъ вашихъ. Что на сердцахъ вашихъ написано, то прорицайте на радѣніяхъ и что ни скажете въ восторгѣ неизглаголанномъ, то и будь вамъ закономъ и заповѣдями. Будучи въ восторгѣ самъ своихъ словъ не поймешь и не услышишь ихъ, за то другимъ будутъ они поученіемъ.“

Замолкъ сказатель и слова ему стали покловаться быв-

* Стародубье, Стародубская сторона—въ восточной части Владимірской губерніи (на Клязьмѣ есть село Кляземскій Городокъ, въ старину Стародубъ). Гора Городиня Муромскаго уѣзда близъ деревни Михаилицъ на правой сторонѣ Оки, верстахъ въ трехъ отъ нея и верстахъ въ 15 отъ извѣстнаго села Павлова (въ старину Павломъ перевозъ) Горбатовскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

** Деревня Старово на лѣвой сторонѣ Воаги, верстахъ въ пятнадцать отъ нея и верстахъ въ двадцати отъ Костромы, въ приходѣ села Кріушева. На погостѣ Кріушева и скоромень Данило Филипычъ; на могилу его хамсты ходили на поклоненіе. Не задолго до пятидесятыхъ годовъ нашего столѣтія умерла послѣдняя въ родѣ Данила Филипыча Устинья Васильевна. Хамсты ее называли „богилею“. Данило Филипычъ былъ изъ богатыхъ „солдатъ иноземнаго строя“.

ше въ Сіонской горницѣ. Паакали, рыдали припадая къ ногамъ его.

— Это притча, сказаніе, шепотомъ сказала Марья Ивановна Дунѣ.—Смыслъ его тотъ что истина не въ книгахъ, а въ словѣ вдохновеннаго пророчества, сказанномъ на радѣніи.

Потомъ сталъ Устюговъ разказывать о походевіяхъ Давиды Филипыча, какъ странствовалъ онъ въ рабскомъ нищенскомъ образѣ, какъ учредилъ радѣнія и какъ родился ему преемникъ Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ.

Такъ говорилъ Устюговъ:

— А по близости горы Городины, въ той же сторонѣ Стародубской, бѣдная была, убогая деревня Максакѡва. А приходъ той деревни къ погосту Егорья *. И содѣялось въ той деревнѣ несмысленное чудо. Жилъ въ ней, и долгіи свой вѣкъ доживалъ старшій, престаршій нищій Тимоѣей Сусловъ. Смолоду олричь бороны да сохи ничего онъ не знаалъ и не вѣдалъ, споконъ вѣка былъ безсемейнымъ, подъ оконьемъ христіолюбцевъ подаавшемъ питаема. Сбиралъ милостивку Христа ради, и весь вѣкъ старцомъ былъ благочестивымъ. Отъ роду было ему сто лѣтъ и двадцать, а подружію его Аривъ Нестеровъ сто лѣтъ ровню. А дѣтей у нихъ во всю жизнь не рожаалось. Разъ въ зимнюю стужу, въ бурную выѡгу пришелъ къ нимъ въ холодную избу невѣдомый нищій. У стариковъ была только одна сухая корочка хлѣбца. Нѣкая сердобольная вдовица кинула ее старой безногой собацѣ своей Лыскѣ. Лыска корочку обнюхаала, а грызть не стала. Тогда богатая вдовица завидя проходившаго старца Тимоѣеа подмала корочку и подала ему Христа ради. И той корочкой люди Божьи Тимоѣеи да Арива съ нищимъ убогимъ человѣкомъ подѣлались, на лецкѣ его спать положили, а сами въ холодную кѣтъ мочевать пошли. На утро нищій сталъ въ луть собираться, а старикъ со старухой его не пускаютъ. Всего животовъ ** у нихъ была курочка хохаатка. Какъ дочку родную они ее любили, ивой разъ сами голодаютъ, а хохааточку накормятъ, сами холодаютъ, а курочку въ теплое мѣстечко на нашестку сажаютъ. Милуваались они на нее, любоваались, и была имъ та курочка

* Въ Егорьевѣ погостѣ (поселокъ одного только церковнаго притча) есть приходская церковь Св. Георгія. Къ приходу ея принадлежатъ деревня Максакѡва.

** Животы—штѣкіе.

въ бѣдной долѣ единой утѣхой, была старику со старухой единой отрадой. А къ нимъ ужь лѣтъ съ пятьдесятъ никто въ домъ не заглядывалъ, никто не переступалъ у нихъ порога. Къ богатому да къ чистому на крыльцо не протолкаться, у нищаго, убогаго нечего взять. Возрадовались неожиданному гостю старецъ Тимошей со старицей Ариной, ровно сокровище Богъ даровалъ имъ. На разставаньи съ нищимъ угостили они его чѣмъ только могли. Горючими слезми обливаясь съ острымъ ножомъ пошелъ Тимошей къ возлюбленной курочкѣ.... Свѣту не взвидѣлъ какъ изъ горлышка ея брызнула алая горячая кровь. Стонала, рыдала старица Арина оциливая ненаглядную леструшку.... И когда нищій уходилъ отъ Тимошея, а старица Арина пошла до околицы котомку его довести, сказала онъ имъ: „залачу вамъ добрые люди за курочку вашу сыномъ. Ты Аринушка родишь сына Тимошеюшкѣ.“ Старецъ со старицей хотѣли было сказать нищему что не сбыточно его пророчество, но убогій не сталъ съ ними говорить... Пошелъ и вѣтъ его.

— То былъ богатый богатыня Давидъ Филипычъ, заговорилъ когда смолкъ ослабѣвшій Устюговъ. Волновалась его грудь, восторженнымъ блескомъ горѣли глаза. Едва можетъ сдерживать онъ подступавшія къ сердцу рыданья.

Отдохнувши немного такъ продолжалъ онъ сказанье.

— И родилася у Арины сынъ обѣтованный. Надивиться не могли какъ это родила столѣтняя старуха. И прежде никто къ убогому старцу въ домишко не заглядывалъ, а теперь всѣ отъ него сторонятся, каждый норовитъ Тимошееву избенку подальше обойти. Судятъ да радятъ въ народѣ: „слыхано ль, видано ль чтобъ столѣтняя старуха сына родила? Тутъ вохвованье, тутъ чародѣйство!“ И собрались мужики спалить убогую избенку и въ ней Тимошея съ Ариной и съ ихъ отродьемъ, да отвѣта передъ судомъ лобоялись. Никто къ Тимошееу въ кумовья не шелъ—кого ни попросить, всакъ смѣется надъ нимъ, да ругается. И не во что было младенца положить: ни зыбки, ни люльки, ни колыбельки — хотъ на полъ подъ лавку клади. Поднял Тимошей на улицѣ расколотое корыто; много лѣтъ изъ него сосѣди кормили свиней, а когда оно раскололось, выкинули долой со двора. И положилъ Тимошей въ то корыто обѣтованнаго сына. Шесть недѣль искалъ кума и никто надъ нимъ не сжалася, никто не пошелъ младенца крестить. Тогда повстрѣчалъ Тимошей того нищаго что предсказалъ

ему рожденіе сына. Самъ онъ къ нему въ кумовья назвався и окресталъ младенца. И былъ нареченъ онъ Иоанномъ.

Примолкъ дряхлый сказатель. Новые клики, новые волаи, новые визги раздались по Сіонской горницѣ. Немного отдохнувъ продолжалъ Устюговъ:

— Исподвѣлось Ивану Тимоѣичу тридцать лѣтъ съ домъ, тогда „верховный гость“ призвалъ его въ свой Божій домъ въ деревню Старобу. И когда тотъ пришелъ, „богатый богатыня“ повелѣлъ своимъ ученикамъ чтобы они во всемъ слушали его возлюбленнаго сына и всякую бы волю его исполняли. И пошелъ послѣ того Иванъ Тимоѣичъ страствовать. А ходилъ онъ въ рабскомъ образѣ, въ раздранномъ рубищѣ, безъ шапки, безъ обуви, ходилъ голодець, голодець, нищъ, безпріютель, и не было ему мѣста середь людей. Много страдалъ отъ людей не увѣривавшихъ, а потомъ жилъ въ Москвѣ на вольной волѣ, на полной свободѣ у Донскаго монастыря, воевъ улицы Шаболовки. * И не было ему тутъ ни озлобленій, ни утѣсеній, а учениковъ съ каждымъ годомъ прибывало больше да больше. Тогда перешелъ онъ въ новый домъ на Мѣщанской третьей улицѣ. И въ тотъ домъ по зову Ивана Тимоѣича приходилъ престарѣлый верховный гость, богатый богатыня Данило Филипычъ. Не два солнышка въ чистомъ небѣ сѣкатались; а Данило Филипычъ съ Иваномъ Тимоѣичемъ сохотилися и другъ другу они до земли покловилися. Поклоняется Иванъ Тимоѣичъ, а самъ такія рѣчи приговариваетъ: „Ты добро, сударь, въ мою лалатунку пожаловалъ! Не лобрезгай, государь, убогой моей кельею. У меня яро тебя все приласено и сготовлено: и столы-то разставлены, по столамъ-то разостланы скатѣртки камчатныя, приготовлены тебѣ, гость дорогой, яства сахарныя, со питьями со медвяными. Добро, государь, ко мнѣ пожаловать, моего хлѣба-соли откушати, а я радъ тебя послушати. А не сахарныя яства поставлю предъ тобой, не медвяное питье а наядю тебѣ—поставлю предъ тобой учениковъ моихъ!“ И по семъ „верховный гость“ со

* Изъ архивныхъ дѣлъ видно что въ 1710 году въ Москвѣ былъ домъ крестьянина г. Нарышкина, деревни Максаковой, Ивана Тимоѣева Суслова, за Москвой-рѣкой, между Шаболовкой и Донской улицами. У Ивана Тимоѣича была лавка въ Масляномъ ряду, чтобы считаться ему торговымъ человекомъ, но самъ онъ никогда въ той лавкѣ не бывалъ.

своимъ сыномъ возлюбленнымъ не дни, не часы, а многія недѣли за однимъ столомъ * бесѣду вели про спасеніе вѣрныхъ-праведныхъ. И каждую ночь бывали у нихъ радѣнія. На святомъ на кругу радѣлъ богатый богатыня Данило Филиппычъ, „въ словѣ ходилъ“ Иванъ Тимоѣевичъ. И по маломъ времени умеръ Данило Филиппычъ, а лѣтъ черезъ пятнадцать по кончинѣ его Иванъ Тимоѣевичъ отошелъ отъ земной жизни и схоронили его въ Москвѣ при церкви Николы въ Грачахъ **.

Послѣднихъ словъ Устюгова не было слышно. Дряхлый окантатель ослабъ и впалъ въ безпамятство. Тогда началось радѣнье—кто подпрыгиваетъ, кто прилапывается, иные ровнo мертвые лежатъ на полу безъ движенія, глаза у нихъ расширились, глядятъ бессмысленно, изъ роту лѣна клубомъ. Падучая! ***

А лѣся, грустная, печальная лѣся громче и громче въ Сионскій горницѣ. И возможой толотъ, изступленные визги и дикіе, неистовые крики раздаются по ней. Поютъ Божьи люди:

Поиду, поиду, смѣхъ гостиниѣ,
 Ке тихому Дому,
 Вступаю на корабацкъ,
 Стану работати,
 Труда прикладати,

* Этотъ столъ, ваятый въ сороковыхъ годахъ юмѣшняго столѣтія у московскихъ хамствова, близъ Сузаревой башни, находится въ собраніи раскольничьихъ вещей въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. На доскѣ его написаны по-цкомскому портреты Данилы Филиппыча и Ивана Тимоѣевича.

** Приходская церковь тогда на Земляномъ Валу, теперь на Садовой. Третья Мѣщанская улица идетъ съ Садовой въ противоположную отъ той церкви сторону. Тамъ до 1845 года былъ хамствовакскій домъ и въ немъ святой колодезь. Тотъ домъ стоялъ на мѣстѣ „Божьяго дома“, устроеннаго Иваномъ Сусловымъ.

*** Между хамстами много бывало больныхъ падучею болязною. Самъ Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ, а также и преемникъ его Проколій Дулкинъ подвержены были этой болязни. Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что нижегородскій стрѣлецъ полка Батурина Проколій Данилычъ Дулкинъ 17 августа 1710 года былъ въ Москвѣ на смотру у Кирилла Лаврентьевича Чичерина и по осмотру отъ службы отставленъ „за падучею болязнию“.

Потъ свой изливати,
 Въ трубушку играти,
 Вѣрныхъ утѣшати,
 Вѣрныхъ изобрѣнныхъ,
 Всѣхъ братцевъ, сестрицевъ,
 Духовныхъ, любовныхъ.
 Побѣду, смѣхъ гостимый,
 Въ зеленый садочекъ,
 Въ саду любываю,
 Древа покачаю.
 Одно въ саду древо,
 Оно было мило,
 А нынѣ древо
 Вдругъ печально стало.
 Спрошу, смѣхъ гостимый,
 Печальнаго древа:
 Отъ чего печально,
 Отъ чего кручино?
 Отвѣтитъ те древо
 Гостимому смѣху:
 „Государь надѣжа,
 Батюшка родимый,
 Отъ того печально,
 Отъ того кручино—
 Вершинку сломало
 Отъ тучи отъ грозной,
 Погоды холодной“.
 Во томъ во садочкѣ
 Стола свѣтлица,
 Во той во свѣтлицѣ
 Сидѣла дѣвица,
 Плакала, рыдала,
 Госта ожидала,
 Госта дорогаго,
 Батюшку роднаго:
 „Укрой ты насъ, батюшка,
 Отъ тучи отъ грозной,
 Погоды холодной!“

Когда все мало-по-малу утихло, тихо, мѣрными голосомъ
 сталъ кормщикъ говорить. Всѣ саушали его съ напряжен-
 нымъ вниманьемъ. Говорилъ онъ что разказанное Григорьевш-
 кой повторяется въ наши дни. Говорилъ о бывшемъ земле-
 трясеньи на горѣ Араратской, какъ вершина ея сизыми

тучами облекалась, какъ изъ тучъ лились ярыя молніи потоками, какъ стонала земля, какъ возгремѣли до той поры никогда не слышанные грома. Затряслась гора Араратская, растрескалась на части и оторвалась отъ нея скалы и вѣчныя льдины.. И тогда вновь явилася богатый богатыня. Имя его осталось невѣдомымъ, онъ велѣлъ называть себя „старцемъ іерусалимскимъ“. Разказалъ Николай Александрычъ что за Кавказомъ ужь единоверцы признали старца того Богомъ. Черезъ шесть дней іерусалимскаго старца не стало. Но еще прежде чѣмъ онъ оставилъ вѣдѣнцовъ назначилъ имъ ло себѣ преемника, былъ бы у нихъ и царемъ, и пророкомъ и первосвященникомъ. И съ той поры пошли по хлыстовскимъ кораблямъ и корабликамъ смутныя толки и вѣсныя сказанья про Араратскаго царя, Максима Комара. Говорилъ что онъ во многомъ измѣняетъ вѣрованья и обряды, творить онъ чудеса, и что всякая воля его, магіическое жеманіе исполняется безпрекословно, безъ разсужденій, безъ сомнѣній, и что завелъ онъ въ закавказскихъ корабляхъ - духовныхъ жемъ.

— Вотъ онъ пишетъ къ намъ посланіе, сказалъ Николай Александрычъ.

И вынувъ изъ стола письмо Егора Сергѣича прочиталъ изъ него:

„Приведу васъ отъ сѣвера изъ хладныхъ мразныхъ странъ въ мѣсто вѣчнаго покоя, всякой радости и всякой сладости. Съ плачемъ изыдите изъ мѣстъ вашихъ, съ весельемъ прійдите сюда въ мѣста благодатныя. Черезо многія воды приведу я васъ прямымъ путемъ и вы не заблудитесь. Прійдите же ко мнѣ избранные ото всѣхъ племейъ человеческихъ — здѣсь на горѣ Араратѣ, на райской рѣкѣ на Евфратѣ обращу ваши нужды и печали на покой и отраду. Удержите же рыданія, удержите источники слезныя—напою души жаждущія, напою души алчущія, на сердцахъ вашихъ напою законъ правды.“

— Вотъ, продолжалъ Николай Александрычъ,—а все вамъ сказалъ. А изъ тамошнихъ мѣстъ ѣдетъ племянникъ нашъ Сергѣюшко, скоро увидимъ его. Привезетъ онъ вѣсти обо всемъ что творится у братьевъ нашихъ на подошвахъ горы Араратской. Вотъ я повѣдалъ собору о

„вѣдѣнахъ“. Самы судите, идти ли изъ здѣшнихъ сѣверныхъ мѣстъ на югъ араратскій.

Сильно поразили Дуню сказанья Устюгова про богатаго богатыря и про Ивана Тимоеевича. Хоть и много говоривала она про новую, принатую ею вѣру и съ Марьей Ивановной и съ Дуловицкими, но никто изъ нихъ, даже подруги ея Варенька съ Катенькой ни слова ей о томъ не говорили. Много бывало у нихъ бесѣдъ, но говорилось объ умерщвленіи плоти, о радѣніяхъ, о хожденіи въ словѣ, о таинственной смерти и воскресеніи, невѣроятныхъ сказаній ихъ разговоры никогда не касались.

Призадумалась Дуня, услышавъ столь много новаго и непонятнаго. „Стало-быть не вся тайна открыта мнѣ.... Всего сказать не хотѣли... И другія есть вѣрно тайности, а мнѣ не открываютъ ихъ.... Да, я видно изъ людей малаго вѣдѣнія! Мнѣ нужно молоко, какъ сейчасъ говорила Марья Ивановна.... Такъ вотъ они какіе!.. А третьяго дня увѣряли что вѣдѣніемъ своимъ я достигла всего, Николай Александровичъ сказалъ, что теперь великъ мой духъ на землѣ и что мнѣ не достаетъ только духовнаго супружества.... Но что жъ это за духовный супругъ? Больше года слышу про него, а все не знаю что это такое.. Скрываютъ отъ меня, все скрываютъ, а увѣряютъ что вся тайна повѣдана мнѣ, что я знаю и земное все и небесное... А я ровно ничего не знаю.. Зачѣмъ же увѣрять?... Для чего они таятся?... Живя здѣсь для нихъ я ото многого отстала.... Вотъ послѣзавтра первый Спасъ—Успенскій постъ начнется, а я должна буду съ ними скоромиться. Согрѣшила—середу, лянлицу нарушила, Петровъ постъ нарушила, Успенскаго нарушить нельзя!.. Что буду дѣлать?“

Погруженная въ раздумье Дуня не чувствовала восторга что каждый разъ находилъ на нее на радѣніяхъ. Сидитъ безмолвная, недвижимая, взоры у ней строгіе, взглядъ суровый. А межъ тѣмъ громче и громче раздаются неистовые вопли, плачь и рыданья. Ждутъ не дождутся на кругу пророчицы. Ждутъ не дождутся Дуни. Всѣ жаждутъ слышать изъ ея устъ прореченія.... А она ровно мертвая. Склонила голову въ невозможенья, пребывая въ строгомъ, безчувственномъ покоѣ.

— Скажи, блаженная!.. Вѣдай слова пророчества!.. Пролетъ изъ чистыхъ устъ твоихъ сказанья несказанныя!.. Такъ самъ кормщикъ молилъ Дуню, крестясь на нее обѣими руками и до земли преклоняясь.

Ты блаженна, преблаженна,
 Душа дѣвица смиренна,
 Изво всѣхъ людей избранна!
 Ты раскрой свою уста,
 Прорекни намъ чудеса!
 Облечи насъ облаченьемъ,
 И порадуй разрешеньемъ,
 Ото всѣхъ нашихъ грѣховъ,
 Напущѣнныхъ отъ враговъ!
 Не жалѣй своихъ трудовъ—
 Духомъ въ небеса лети,
 За насъ, бѣдныхъ, умоли,
 Милости намъ сотвори!
 Смаку сокола изъ рая,
 Изъ небеснаго изъ края,
 Духомъ правымъ возглаголи,
 Своимъ словомъ насъ спаси!

Не слышитъ Душа ни пѣсни, ни восклицаній. Напрасно
 жаждать отъ нея вдохновеній. Видя что сидитъ она безответ-
 ная, бывшіе въ Сионской горницѣ стали было межъ собой
 переговаривать:

— Накатило!... Духомъ завладѣла!... Въ молчаньи оны от-
 крывается.

И оставивъ Душу въ покоѣ, стали радѣть „Давидовымъ
 радѣньемъ“. И тутъ не вышла на „кругъ“ Душа, попреж-
 нему сидитъ недвижная.

Скачутъ, вертѣтся, кружатся. Градомъ льетъ ея всѣхъ
 лютъ. Ходитъ по горницѣ и чуть не тушитъ свѣчей вѣтеръ
 отъ раздувающихся радѣльныхъ рубахъ и отъ маханья паль-
 мовыми вѣтвями. А Душа все сидитъ, все молчитъ.

Вдругъ прозвительнымъ, рѣзкимъ голосомъ взвизгнула Ва-
 рецька. Пѣна у ней на губахъ показалась. Съ криками: „на-
 катилъ, накатилъ!“ въ страшныхъ судорогахъ грохнулась она
 на полъ.

Очнулась, поднялась. Дикимъ, истулаевнымъ блескомъ го-
 рять широко раскрыты ея глаза, кровавымъ заревомъ пы-
 шеть лицо, обѣими руками откидываетъ она падающіе на
 лицо распухшіе волосы. Олять всѣ стали кружиться,
 олять залѣли ударяя по колѣнамъ ладонями.

Дикими, громкими голосами поютъ оны:

Затрубила труба, затрубила,
 Затрубила труба непростая,
 Непростая труба, золотая,
 Золотая, архангельская!...
 Загудѣли гусли-мысли,
 Гусли-мысли не простыя,
 Не простыя, звончатѣя,
 На нихъ струны не простыя,
 Не простыя, жиловыя,*
 Тѣ архангельскія струны—золотыя.
 На тѣхъ гусляхъ звончатыхъ
 Возыгради, воспѣвайи
 Царь Давидъ передъ ковчегомъ,
 Соломоу царь на Сионѣ,
 Гусли, гусли, самогуды!..
 Сами на струнахъ играютъ,
 Сами плѣси воспѣвають,
 Сами пляшутъ, сами скачутъ,
 Думы за горы заносятъ,
 Думы изъ-за горъ выносятъ!...
 Гусли, гусли звончатѣе,
 Струны, струны золотыя,
 Говорите гусли-мысли,
 Воспѣвайте струны плѣси,
 Воспѣвайте даръ неба,
 Вознесице Христа Бога,
 Возыграйте Духу Святу!...
 Будь ты пастырь камъ единый,
 Прими насъ въ небесно царство!

Еще не долѣли хлысты, какъ Варенька опять закричала
 нечеловѣческимъ голосомъ. Всѣмъ тѣломъ затряслась она.
 Ухватясь за уголокъ кормицкова стола, изступленно озира-
 лась она по сторонамъ, ежеминутно вскрикивая и воскли-
 лывала отъ душившихъ ее рыданій. Говоръ лешелъ по
 Сионской горницѣ:

— Накатилъ, накатилъ! Станетъ въ словѣ ходить! Пой-
 деть!...

А Дуся все сидитъ, все молчитъ, едва придерживая скло-
 ненную до самаго пола пальмовую вѣтку.

„Выпѣваетъ“ Варенька:

* Жиловая струна—сдѣланная изъ сухожилия.

— Ай духъ! Ай духъ!... Ой эва, ой эва!... * Накатилъ, накатилъ!... Эка радость, эка милость, эка благодать, стала духомъ обладать!...

И потомъ стала говорить что вотъ идетъ посолъ отъ закавказскихъ братьевъ. Наставить оуъ на всяко благо. Забудемъ же скорби и печали, скоро настанетъ блаженный день свѣта и славы. Съ любовью и улованьемъ станемъ ждать посланника. Чтò оуъ ни повелитъ все творите, чтò ни возвѣститъ, вѣрте всему безъ сомнѣній. Блюдитесь житейской суеты, ежечасно боритесь со злымъ врагомъ, боритесь съ лукавымъ княземъ міра сего, являйте другъ ко другу любовь, и благодать пребудетъ съ вами.

И безъ чувствъ упала на земь. Подняли ее, положили на диванчикъ возлѣ Дуи. Тяжело дышала Варенька. Изъ высоко и трепетно поднимавшейся груди исходили болѣзненные, жалобные стоны. Всю ее сводило и корчило въ судорогахъ. Марья Ивановна бережно прикрыла ее лицо покрывцемъ. Но изъ другихъ бывшихъ въ Сионской горницѣ никто не встревожился ее припадкомъ. Всѣ были ему рады. Съ набожнымъ восторгомъ говорили хамсты:

- Экая сила въ ней вдругъ проявилась!
- Велика благодать!
- Великъ въ ней духъ!

А Дуя все сидитъ да молчитъ. Кончилась другая проповѣдь кормщика, кончились и пляски и лѣсанн, всѣ ложи за трапезу, а Дуя надѣвши обычное платье ушла въ свою комнату и залерлась въ ней.

Раздвоились ее мысли. Скучающій отецъ и призваніе отъ тьмы невѣдѣнія къ свѣту сокровенной тайны! Обычная жизнь кулеческой дѣвушки, и вольная, свободная, восторженная истательница благодати. Тамъ „измѣнчикъ“ Петръ Степановичъ,—здѣсь, духовный таинственный сулругъ... Но чтò жь это за духовный сулругъ?... Узнаю ли когда?... Скоро ли?

Такъ раздумывала Дуя и въ этихъ думахъ прошло все утро, прошель и цѣлый день у нея.

* „Ой эва!“ древнее вакхическое восклицаніе употребляется хамстами во время ихъ наступательнаго состоянія. См. домесеніе въ Святѣйшій Синодъ (1809 года) кадузскаго священника Сергѣева, бывшаго некоторое время въ хаматовской сектѣ. Употребляются также: „ей эвалъ!“, „эвалой!“, „эвоэ“—тоже клики вакханокъ.

СІ.

Подъ самый ужъ вечеръ подошла къ Душиной комнатѣ Варенька и постучалась.

Когда Душа отперла дверь Варенька пристально посмотрѣла на подругу. Душа смутилась немаого.

— Отъ чего „не ходила въ словѣ“? строгимъ голосомъ спросила она.

— Не знаю, чуть слышно отвѣтила Душа.

— Суета опять отуманила? О житейскомъ раздумалась?... сказала Варенька.

— Нѣтъ, прошептала Душа.

— Духу жи не работай, словъ неправды не говори, строже прежняго заговорила Варенька.—Я замѣтила что у тебя на соборѣ лицо было мрачное. Темное такое, недоброе. Видно врагъ въ душѣ твоей ласкелы посѣлалъ. Смуцааетъ тебя чѣмъ-нибудь.

— Нѣтъ во мнѣ смущенья, твердо отвѣтила Душа.

— Отъ чего жъ ты на соборѣ была такая думчивая? продолжала Варенька.—О чемъ раздумалась?... Тревога житейская аль опять сомнѣнья?... Уныніе или мірскія заботы?... Перестань о нихъ думать. Никакія заботы, никакія житейскія полеченья не стоять чистыхъ думъ твоихъ... Передо мной не таисъ, всю правду скажи... Моиими, или устами другихъ будешь обличена на соборѣ, тогда все откроется, все что ни есть у тебя на душѣ.

Страшна, ужасна показалаь Варенька Душѣ. Прежде она такая была тихая, вѣжливая, ласковая; теперь совсѣмъ иною явилась. Глаза горѣли изступленьемъ, взоры казались проникали въ самую гаубь Душиной души, и Душа невольнo содрогалась передъ этими пытливыми взорами. Лицо Вареньки пламенѣло, баѣдныя сухія ея губы то и дѣло судорожно вздрагивали. Не было въ ней теперь и обычной миловидности; звѣрское что-то замѣчало ее. Смутилась Душа, трепеть стала пробѣгать по тѣлу ея, не въ силахъ она была прямо смотрѣть на многолюбимую прежде подругу, слезы изъ глазъ выступали. Закрывши платкомъ лицо робкимъ голосомъ она промовила:

— Признаюсь. Сомнѣнье... Послѣзавтра Успенскій постъ. Что ни ломаю себя, никогда въ этотъ постъ я не

скоромилась, а здѣсь нельзя безъ того... Тяжело... Смущаетъ это меня....

— Только-то? прежнѣмъ голосомъ ласки съ улыбкой промолвила Варенька. — Чѣмъ же тутъ смущаться?... Не въ одинъ Успенскій постъ, а всю жизнь надо поститься... Но что такое постъ? Не въ томъ онъ чтобы молока да яицъ не ѣсть — это дѣло тѣлесное, заботиться о немъ нечего. Душой поститься надо, скорбѣть ежели совѣсть тебя въ чемъ-нибудь зазираетъ. — Сердце смиренное, духъ сокрушенный — вотъ настоящій постъ.

— А меня совѣсть въ томъ упрекаетъ что постовъ не держу, не соблюдаю ни среды, ни пятницы, даже въ Петровъ постъ скоромилась. А тутъ Успенскій... сильно волнуясь говорила Дуня.

— Кто жь неволить тебя оставлять мірскіе посты? Они вѣдь тѣлесные... сказала Варенька. — Постычай, сколько душѣ угодно, только не смущай себя. Было бы у тебя сердце чисто, да вѣра истинная безъ сомнѣній. Помни что ты ужь въ оградѣ спасенія... Помни клятву что не будетъ у тебя сомнѣній, что всю жизнь будешь удаляться отъ міра и всѣхъ его заботъ и попеченій, ото всей злобы и суеты его... Вѣдь тебѣ открыта тайна Божія?... Вѣдь ты возлюбила праведную вѣру?...

— Вполнѣ ли тайну-то открыла мнѣ? послѣ долгаго молчанья прошептала Дуня. — Все ли разказаи?... Все ли я знаю?

— Тайна тебѣ раскрыта, сказала Варенька.

— Вся ли? промолвила Дуня.

— Не понимаю, что говоришь, сказала Варенька. — Что жь тебѣ неизвѣстно?... Однако здѣсь душно, пойдемъ лучше въ садъ.

И пошли онѣ въ садъ и сѣли тамъ другъ противъ друга за столомъ, окруженнымъ скамьями.

— Что же отъ тебя скрыто? спросила Варенька, когда онѣ усѣлись. — Какая тайна тебѣ не открыта?

— А кто говорилъ мнѣ про гору Городину? Кто говорилъ про Араратъ? грустно и обиженно молвила Дуня. — Я приведена, отъ прежняго отрекаюсь — отъ вѣры, отъ отца, отъ дома... И ослабленная я думала что все знаю, все достигла, все познала... А выходитъ, ничего не знаю. Что жь это?... Завлекли?... Обмануть хотѣли?

— Стой! Стой! Опомнись! Удержись отъ хулы!... Ничего

нѣтъ тяжелаго этого грѣха, вскрикнула Варенька, зажимая рукой уста Дуни.—Успокойся, слушай!

Ни слова не сказала Дуня. Оперлась локтями о столъ и закрыла лицо ладонями. Стала говорить Варенька:

— Не всякому дается постигать умомъ великія тайны. Для того много надо напередъ прочитать, много уразумѣть, чтобы послѣ вполнѣ узнать тайну. Простымъ неначитаннымъ людямъ малаго вѣдѣнія она открывается будто подъ локровомъ—въ сказаньяхъ, и притчахъ.... Но и тутъ каждое сказанье имѣетъ таинственный смыслъ. Ты много людей видала въ Сіонской горницѣ, а у многихъ ли изъ нихъ есть духовно отверстыя уши чтобы ловить сокровенную тайну? Не божедомки, * конечно, не солдаты съ крестьянками, не дяконъ Мемнонь, не юродивые, не Серафима Ильиншна со вздорными монахинями обладаютъ вышнимъ вѣдѣніемъ. Только и есть что наша семья, Катенька съ отцомъ, да еще развѣ Строганскій Дмитрій Осилычъ. И тебя такою же считаемъ. Твои уши разверсты вполнѣ, ты можешь ловить таинственный смыслъ сказаній и старыхъ и новыхъ... Потому тебѣ про богатаго богатыя, про Ивана Тимошеича и про многихъ другихъ не говорили, а прямо открывали сокровенныя тайны. Къ чему было говорить тебѣ эти басни?... Лашаго тебѣ не нужно. Тетенька Марья Ивановна, когда еще привезла тебя, сказала намъ что ты много читала, обо многомъ съ ней говорила и что сокровенная тайна почти совсѣмъ тебѣ известна.... Такъ и вышло. Зачѣмъ же было сказывать тебѣ сказки про сошествія на землю Саваофа, про небывалыя смерти и тѣлесныя воскресенія разныхъ христовъ? Все это вздоръ, пустяки, никто изъ насъ не вѣритъ этимъ сказкамъ, а для людей малаго вѣдѣнія они необходимы... Вотъ почему не говорили тебѣ ни про гору Городицу, ни про Ивана Тимошеича, ни про другихъ, простыми людьми святыми почитаемыхъ....

Тяжелъ былъ Дуни этотъ разговоръ. „Все у нихъ видно на обманѣ, думала она. Если меня не обманываютъ, такъ этихъ простыхъ людей обманываютъ... Зачѣмъ же? Для чего открывать однимъ больше, другимъ меньше? Гдѣ обманъ тамъ правды нѣтъ... Стало-быть и вѣра ихъ не права. Страшно было даже слушать что говорили они

* *Божедомка*—призрѣваемый въ богадѣльнѣ.

да великомъ соборѣ!.. У нихъ какому-нибудь Ивану Суслову ли почему назвать себя сыномъ Божиимъ—всѣ вѣрятъ ему... А потому еще будто тѣло создаво лукавымъ... И я тому вѣрила... Творецъ—одивъ, а имъ мало одного, еще нечистаго творцомъ признали... Грѣхъ! Грѣхъ и безуміе. Отшатнулась отъ нихъ душа моя... Въ какую однако лучину палаа я! Гослоди помоги, избавь отъ сѣти ловчей!“

Какъ ни заговаривала Варенька, какихъ рѣчей ни заводила Дуна отвѣтовъ не даетъ. Настала ночь и разошлись по комнатамъ подруги недовольныя другъ другомъ.

Послѣ „великаго собора“ сторонніе дѣла три еще прогостили въ Дуловицахъ, на четвертый расходиться стали и развѣзжаться. Остались четыре крестьянки изъ дальнихъ мѣстъ, каптенармусъ Устюговъ съ другомъ своимъ фельдфебелемъ Богатыревымъ, да лодоумная Серафима Ильиншна съ неразлучными спутницами матерью Сандуліей да матерью Иларіей. Пріѣхавши въ Дуловицы барышня съ большаго ума вздумала попасти лошадей на своей землѣ верстѣ безъ малаго за сто. Въ степяхъ у ней была небольшая ложня, никто не занималъ ея, а каждый годъ бывала она либо скошена, либо потравлена. Опытыые въ каживѣ сосѣди находили что краденое обходится дешевле купленнаго, и отъ того косили и травили Дипутинскіе покосы, не считая того грѣхомъ. Заѣхавши въ Дуловицы, юродивая барышня разочла что ей будетъ выгодно стравить ложню своими конями, для того и послала туда тройку, а сама съ монахинями засѣла въ Дуловицахъ, въ ожиданіи когда воротятся покормившіяся лошадики.

Катенька Кислова въ городъ съ отцомъ уѣхала. Стосковалась по ней большая мать, просила хоть на короткое время побывать у ней. Не хотѣлось ѣхать Катенькѣ, но дѣлать нечего—скрѣпя сердце, разсталась съ Варенькой и Дуней. Со слезами проводила ее Варенька, сдержанно простилась Дуня.

Когда собравшіеся въ дорогу сидѣли за прощальной трапезой, привезли почту. Николай Александрычъ новое письмо

получилъ отъ Демисова. Писалъ тотъ что его опять задержа-ли дѣла и что прїѣдетъ онъ въ Дуловицы не раньше какъ черезъ недѣлю послѣ Успенья, за то прогостить недѣлю три, а можетъ и мѣсяцъ. Всѣ рады были, а кормицкѣ обѣщали только что прїѣдетъ онъ всѣхъ Божьихъ людей о томъ повѣстить. И были за то ему благодарны.

И Дуна получила письма. Бѣгло прочла, торопливо спря-тала ихъ. На блѣдномъ, исхудаломъ лицѣ ея тревога показ-валась, но никому она не сказала о чемъ пишутъ къ ней отецъ и Дарья Сергѣевна. Спросила было Марья Ивановна нѣтъ ли новенькаго, но Дуна промолчала. А когда гости разъѣхались, заперлась она въ своей комнатѣ и нѣсколько разъ перечитывала письмо Марка Давыдыча отъ Макарья, гдѣ одинокій тосковалъ и скучалъ онъ по неагаданной доч-кѣ своей. Напрасно стучались къ Дуни и Варенька, и Марья Ивановна. Притворившись спящею, она не отозвалась.

А сама лежа на постелѣ думаетъ: „Татенька зоветъ.... Сей-часъ же зоветъ. Пишетъ: ежели не скоро привезетъ тебя Марья Ивановна, самъ за тобой прїѣду... Господи!... Если въ самомъ дѣлѣ прїѣдетъ! Насквозь все увидитъ, никакая ма-лость отъ него не ухоронится... И Дарья Сергѣевна торо-пить. А какъ уѣдешь? Одной нельзя, а Марья Ивановна кажется совсѣмъ забыла про Фатьянку... А оставаться не-льзя. Обманъ, неправда!... Какъ же быть? Научи, Господи, вразуми!...“

Солнце было на закатѣ, надъ потухающимъ свѣтиломъ ра-зостлались дивныя полосы золотистыхъ облаковъ. Тускнутъ лучи и прохлада разливается въ воздухъ. Послѣ жаркаго, душ-наго дня отрадна и сладка вечерняя прохлада! Поглощен-ная думами Дуна всего и всѣхъ избѣгаетъ. Ни на чтѣ бы ей не глядѣть, никого бы не видать, никого бы не слушать... Послѣ разговора съ Варенькой сомнѣнья въ правотѣ новой вѣры растутъ съ каждой минутой.. Какъ же это, думаетъ она — одно для знающихъ Бема и Семъ-Мартена, другое для вичего не читавшихъ?... А тѣмъ и другимъ отъ семьи отлученье. А сами семьей живутъ...“

Письмо отцовское такое было ласковое, такое тоскли-вое.... И жаль стало Дуни старика, въ нее положившаго ду-шу свою. Одинокій, въ тоскѣ, въ печалѣхъ, въ заботахъ,

быть-можетъ большой!.. И никто не молвить ему привѣтнаго слова! Одинъ какъ персть, одинъ одишепенекъ....

А въ комнатѣ жара, духота—силъ нѣтъ оставаться въ ней. Въ садъ идти—вотрѣтись съ кѣмъ-нибудь. А это Дуя теперь хуже всего на свѣтѣ. Хочется одной быть, совсѣмъ одной... О! есаубы можно было очутиться гдѣ-нибудь на безлюдь въ степяхъ что разстилаются гладью передъ Дуповицами, либо заблудиться въ темныхъ заводскихъ лѣсахъ, либо птичкой местись въ быстрой лодкѣ по широкому раздолью Волги... И опять катанье въ косныхъ стало ей вспоминаться... Слышится ласковый голосъ, раздается за душу хватающая сладкая пѣсня... Какъ тогда было беззаботно, какъ весело, счастливо!.. На волю, на волю!

И пришло Дуйѣ на ламать что по обѣимъ сторонамъ дома насажены густо заросшіе лалісадыки и что тамъ никого никогда не бываетъ. Едва слышными шагами она пошла туда. Черезъ силу отворила желѣзную калитку на ржавыхъ петляхъ и медленно пошла по дорожкѣ, когда-то усыпанной битымъ кирпичомъ, а теперь густо поросшей травомъ. Вдоль стѣнъ разрослись и сирень, и дикій жасминъ, и лановосъ и трубоцвѣтъ, дикій виноградъ, люццъ и выюнокъ. Совсѣмъ почти закрывали они стѣны южнаго жилья. Высокой чугунаой огорожи отдѣлявшей лалісадыки отъ сада не видно было изъза кустарниковъ—высокая бузина, густо разросшія боярышникъ, деренъ, шиловики сплошь застилали ее. Съ перваго взгляда было замѣтно что этотъ когда-то на славу устроенный лалісадыкъ залуценъ былъ съ какой-то цѣлью... Кой-гдѣ сохранились гравитныя и мраморныя подножья. Когда-то стояли тутъ изваянья, быть-можетъ замѣчательныхъ мастеровъ.... Замѣтны полуразрушенныя, обсохшіе водоемы... Все заброшено какъ лишняя роскошь.

Въ укромномъ мѣстечкѣ съла Дуя на желѣзную скамью. Ни откуда ея не видно. Опять раздумалась о томъ что узнала отъ Вареньки.

И опять чудится ей, что гдѣ-то далеко, не то въ необозримой стени, не то на золотистыхъ облакахъ раздаются голоса. Это не удивило ея—часто ей слышатся невѣдомые голоса, часто видятся незримые тѣлесными глазами безтѣлесные образы. Не чужды они ей, свыклась съ ними, не лугаютъ

ее ни гласы ни образы. И вотъ слышатся отдѣльные слова... Будто пѣсня. Не одинъ голосъ поетъ, а много, много голосовъ. Грустно поютъ, въ чудной пѣснѣ самыя моляба и печаль. И чувствуетъ Дуна, что льются звуки не съ горныхъ высотъ, не изъ степнаго раздолья, а въ ея сердцѣ зараждаются и потомъ отзываются и въ степи, и въ облакахъ и въ листьѣ кустовъ.... Какимъ-то болѣзненнымъ и вмѣстѣ отраднымъ потокомъ они не слухъ ея поражаютъ, а самую душу въ глубокихъ ея тайникахъ... Не голосъ ли это просвѣтленной души? Нѣтъ знакомъ... И радости и отрады стали вдругъ звуки... Вѣкъ бы слушать ихъ не наслушаться... Но что поютъ?... Зачѣмъ поютъ?

Прислушивается Дуна. Голоса все громче и громче... Пѣсня знакомая.

Я принесъ тебѣ подарокъ,
Подарочекъ дорогой,
Съ руки перстень золотой,
На бѣлую грудь цѣлочку,
На шеюшку жемчужокъ.
Ты гори, гори цѣлочка,
Разгорайся жемчужокъ!
Ты люби меня Дунаша,
Люби миленькій дружокъ!..

Встрепенулось у ней сердце и заняло. Чѣмъ-то страстно томительнымъ, но свѣжимъ и здоровымъ облалось оно. Подняла Дуна опущенныя въ землю очи.... И—въ густой чащѣ сирени видѣть....

Съ мѣста вскочила, крѣпко прижавши руки къ дѣвственной груди.

Смотрить.... Нѣтъ, это не сонная грѣза, не таинственное видѣнье. Совсѣмъ не то что видѣла она въ минуты восторга въ Сионской горницѣ и что являлось ей въ тиши полуночнаго часа, когда предавалась она созерцанію.

„Овъ“! Живой! Тотъ по комъ сердце когда-то болѣло, въ комъ думала счастье найти.

Зорко, участливо, скорбно глядитъ на нее Петръ Степанычъ. Въ глазахъ укоръ и раскаянье, на рѣсницахъ слезы...

„Фленушка!“ вихремъ пронеслось въ мысляхъ Дуны.

Оросилось его лицо слезнымъ потокомъ. И видитъ Дуна—

онъ робко простираетъ къ ней руки... О чемъ-то молить... Преклоняется.... А гдѣ-то далеко голоса, тихое брѣданіе арфы.... и чудная пѣсня незримыхъ:

Любовь все прощаетъ,
Все покрываетъ, все забываетъ.

Ринулась къ „нему“ съ отверстыми объятіями... Передъ ней Варенька.

— Вотъ ты куда запропастилась, а я искала, искала тебя... Что за охота ходить сюда?... Больше часа искала я тебя по саду.... Здѣсь сыро, мокро—пойдемъ лучше въ садъ.... Еще простудишься.... И лягушекъ здѣсь множество.... Мы никогда не ходимъ сюда.

Все исчезло, все смолкло отъ перваго звука Варенькина голоса. Молча опустилаъ Дуня на окамью. Изъ свѣтлаго рая да вдругъ на скорбную земаю!.. Не знаетъ что и сказать.... Досадно ей на Вареньку. Зачѣмъ нарушила сладкій покой ея? Зачѣмъ исчезли прекрасныя видѣнья? Зачѣмъ смолкли чудные голоса?..

— А я искавши тебя въ богадѣльню заходила, продолжала Варенька.—У Матренушки цѣлый соборъ... Хочешь послушать людей „малаго вѣдѣнія“?... Много ихъ тамъ. Непремѣнно олятъ станутъ толковать про Давида Филипыча, про Ивана Тимоѣевича. Ежели хочешь пойдемъ. Только не въ богадѣльню,—въ вешенье станемъ. При насъ не станутъ говорить много. Пойдемъ, послушай.

— Постой! молвила Дуня, отстраняя рукой Вареньку.—Я устала... Отдохнуть бы мнѣ...

— Такъ лучше въ саду отдохнешь, сказала Варенька.—Здѣсь мѣсто глухое. Нарочно забросали его, чтобы стороннимъ этихъ оконъ не было видно. Это вѣдь Сіонская горница, прибавила она указывая на окна нижняго этажа.—Эти восемь оконъ Сіонской горницы, рядомъ въ три окна кладовая, тутъ сложены бѣлыя ризы, * знамена, покровцы и свѣчи. А дальше окна изъ одѣвальныхъ комнатъ.

Безсознательно глядя на все Дуня, думая совсѣмъ о другомъ. Она все еще была подъ влияньемъ только - что исчезнувшаго видѣнья.

* *Бѣлыя ризы*—рубашки надѣваемыя Божьими людьми для радѣній.

— Пойдемъ же въ садъ, стояла на своемъ Варенька.— Нельзя оставаться здѣсь. Простудись!

И взявши Дуню за руку, насильно повела ее за собой. Сѣли въ саду на скамью подъ широко раскинувшимся дубомъ, что высился передъ входомъ на длинную по бокамъ обсаженную столѣтними липами дорожку. Напрасно Варенька заводила разговоры. Дуня ни однимъ словомъ не отзывалась— все еще не выходило у нея изъ памяти недавнее видѣнье... И объ отцѣ раздумалась и было ей жако его, и опять стало заивать ея сердце при влпоминаньи какъ онъ теперь одинъ коротаетъ время, и возлѣ его вѣтъ ни души чтобы пожалѣла его, приласкала, приголубила. „Одна я умѣю ему угодить, думаетъ она, одну меня только онъ любитъ... А меня-то и вѣтъ при немъ. Ждетъ... Какъ тутъ быть?..“

Будто поняла Варенька о чемъ Дуня перелетная думя раскидываетъ. Вспомнивъ что утромъ получила она письма повела рѣчь объ отъѣздѣ ея изъ Дуловицъ.

— Не долго придется намъ жить съ тобой, сказала она.—Скоро надо будетъ распрощаться... Когда-то въ другой разъ увидимся? Кто знаетъ?... Можетъ-быть навсегда распрощимся, на всю жизнь.

— Кто знаетъ?.. едва слышнымъ шепотомъ проговорила Дуня, склонивъ бѣлокурую головку.—Но въ шепотъ ея ужъ не было ничего страстнаго, ничего восторженнаго.

— Когда жъ опять-то къ намъ соберешься? слуха немного спросила у ней Варенька.

— Не знаю, отвѣтила Дуня.

— Тетенька Марья Ивановна совсѣмъ было въ дорогу собралась. Осталась только повидаться съ Сергѣемъ Егорычемъ. Она очень любитъ его, сказала Варенька.

Ни слова Дуня.

Полна теперь она воскресшею любовью къ отцу, и мечтаньями о Петрѣ Степанычѣ, не о томъ Петрѣ Степанычѣ что въ безтѣлесномъ образѣ сейчасъ являлся передъ ней, а о томъ человѣкѣ плоти и крови, чьи искрометные взоры когда-то бывали устремлены на нее и заставляли замирать ея сердце... Она не могла говорить...

И вотъ ей влпоминается, сладко влпоминается какъ въ косядѣ на низовѣхъ Оки пышущій здоровьемъ и весельемъ, олершись о бокъ лѣвой рукой, онъ стоялъ передъ ней со

отакимъ волжскаго кваску и дрсгнувшимъ отъ сердечной истоми голосомъ гворилъ: „пожалуйте, сдѣлайте такое ваше одоженіе!“ Слова простыя, обычныя при всякихъ угощеньяхъ, но они глубоко видѣрились въ Дукиномъ сердцѣ. И вотъ теперь передъ ней предстаетъ его образъ и она невольно къ нему влечется... А вотъ и другой образъ, свѣтлый во мракѣ, любимый середь людской злобы, бѣдный, покинутый, одинокій... То зримый Дукиной душѣ образъ Маркъ Давылыча. Суровъ, молчаливъ, все передъ нимъ сторожится, никто не смѣетъ подойти къ нему, а онъ страдальчески страдаетъ одиночествомъ. Ни отъ кого участія, ни отъ кого ласки или привязанности. Одна Дуля и на умѣ и на сердцѣ. Тоскуетъ онъ, плачетъ по дочери... А она ради новой вѣры, что теперь ей сомнительна, покинула и отца и домъ его... Востокоеался онъ—такъ и пишетъ... Простыя, безхитростныя, но изъ души вылившіяся слова Марка Давылыча надрываютъ Дукино сердце... И зачѣмъ она его покинула? Чего искала, чего хотѣла?... Истинной вѣры?... Вотъ и узнала. Тотъ же туманъ, тотъ же мракъ что и у матушки Марсены въ скиту.

— Когда жь олять прїѣдешь въ Луловицы? повторила вопросъ свой Варенька.

— Не знаю, прошептала Дуля.

— Жили мы, жили съ тобой, подружались, съединились душами, со страстнымъ увлеченьемъ тоскливымъ голосомъ продолжала свои рѣчи Варенька.—И вдругъ ничего какъ не бывало!... Станемъ мы по тебѣ тосковать, будемъ сокрушаться, а ты?... Забудешь и насъ, и святую Сионскую гору... Все забудешь... Олять погрязнешь въ суетѣ, погрузишься въ мїръ страстей и утѣхъ... И горячими слезами обливаясь будемъ мы поминать тебя.

— Развѣ не прїѣдешь къ Марьѣ Ивановнѣ? спросила Дуля.— Вѣдь стъ насъ до Фатьянки всего сорокъ верстѣ. Богъ дастъ увидимся. Погостишь у меня, татенька будетъ радъ и тебѣ и Марьѣ Ивановнѣ.

— Какъ мнѣ можно ѣхать въ Фатьянку? отвѣчала Варенька.—У тетеньки тамъ не все еще устроено. И сама-то она, не знаю, какъ проживетъ зиму. Сосѣди — неизвѣстные, тѣ люди что привезены изъ Симбирской губерніи какіе-то дикіе. Знала я ихъ еще въ Талызинѣ.

Не отвѣчала Дуня. Надоѣла ей Варенька.... Еслибъ можно было бѣжать, минуты не промедлила бы. Но какъ бѣжать, куда убѣжишь?

— Пойдутъ по окольности праздые толки и пересуды, начнутъ сомнѣваться, продолжала Варенька,—станутъ подсматривать. Долго ль тутъ до неприятностей?... Она же сказала, что тамошніе мужики сердиты на нее за покунку Фатянки. Въ какую-то землю вступаютъ. Сѣнные покосы что ли. Трудно будетъ ей тамъ... Опасно даже.... Какое еще тамъ поль?... Поль много можетъ вредить. Вотъ хоть бы нашего отца Прохора взять, всѣмъ бы кажется долженъ быть доволенъ, а пальца въ ротъ ему не клади... Человѣкъ добрый, и семья хорошая... А случись что, поможетъ супротивъ имъ.... Тьма, мракъ!.. Вздумай кто бѣжать изъ нашего стада, дастъ и приютъ, и помощь... Да... А какое поль у тетеньки она и сама не знаетъ еще.

— Потому - то и надо кому -нибудь ѣхать съ ней и пожить первое время, помолчавъ немного сказала Дуня.

— Конечно ежели бы изъ мушницъ кто поѣхалъ, отвѣчала Варенька.—А кому ѣхать? Батюшкѣ хозяйства нельзя оставить, дядѣ—корабля.

— Вотъ тебѣ бы и ѣхать, разсѣянно проговорила Дуня.

— Какая я ей помощница! возразила Варенька.—Чѣмъ могу помочь? Налутаю еще чего-нибудь. Хуже выйдетъ пожалуй.

И олять глухое молчанье. Три длинныя, черезъ весь садъ проложенныя дорожки медленно прошли Варенька съ Дуней. Обѣ молчали.

— Вотъ и Катенька уѣхала, сказала наконецъ Варенька.—Безъ нея какъ-то пусто.... Она вѣдь такая умная, разговорчивая.

— Да, умная, промолвила Дуня, не думая ни о Варенькѣ, ни о Катенькѣ.

Опять пошли по дорожкамъ. Олять обѣ молчать.

— Желѣть стали, указывая на липы молвила Варенька.

— Къ тому идетъ, чуть слышно проговорила Дуня.

— Да. Недалеко и до осени, а тамъ не увидишь какъ и зима подойдетъ, сказала Варенька.—Вонъ клены-то какъ покраснѣли, и рябины тоже. А у дикаго винограда листья какъ кровь.

Дуня промолчала.

— Да что ты какаа? Слова отъ тебя не добьешься, съ не-терпѣваемъ вскрикнула Варенька.—Непріятныя письма что ли получила?

— Нѣтъ никакихъ непріятностей, отвѣтила холодно Дуна.

А тоака такъ и разливается по блѣдному лицу ея. Такъ и гложеть у ней сердце... То отецъ мерещится, то Самоквасовъ не сходить съ ума. Уйти хочется, одной остаться, но Варенька ни на шагъ отъ нея.

Подошли къ богадѣльнѣ. Она была внутри освѣщена, а окна отъ духоты растворены настежь. Громкіе, местройные голоса оттуда несутся. Густо обсаженная вишеньемъ невысокая богадѣльня стояла въ самомъ глухомъ мѣстѣ, въ отдаленномъ углу сада. За ней больше чѣмъ на полверсты тянулись ульи стараго пасѣчника Кирилла. Мѣсто укромное, стороннимъ людямъ недоступное. Отъ того ни божедомки, ни гости ихъ разговорами не стѣснялись, распѣвали пѣсни и громогласно читали поученья и сказанья. Невѣрныхъ фарисеевъ и злыхъ Іудеевъ * бояться нечего и потому въ богадѣльнѣ бывали верѣдко радѣнья съ криками, съ воплями, съ огаушительнымъ ножнымъ толпотомъ. Свободно, на всей волѣ творилось тутъ все.... Здѣшнія сборища не таковы бывали какъ въ Сионской горницѣ. Тамъ многое умѣрялось присутствіемъ господъ, а здѣсь полный просторъ распуценой свободѣ и грубой чувственности.

Проходя мимо вишенья, Варенька съ Дуней остановилась. Сумерки на небо въ то время надвинулись, стемнѣло кругомъ.

— Послушаемъ, остававливаясь сказала Варенька.

Дуна остановилась.

— Тутъ Устюговъ съ Богатыревымъ, тиховько молвила Варенька.—Опять сказанья пойдутъ. Потихе будь. Замѣтать, тотчасъ перестанутъ.

Опречь Устюгова съ Богатыревымъ, въ богадѣльнѣ сидѣли пришлыя крестьянки и Серафима Ильинишна съ монахи-нями. Были тутъ и божедомки и сѣдовласый пасѣчникъ

* Фарисеями, Іудеями и просто Жидами люди Божьи зовутъ не раздѣляющихъ ихъ вѣрованій.

Кирилла Егорычъ и бодрый не по дѣтамъ дворецкій Сидоръ Савельевъ и конторщикъ Пахомъ Петровъ. И молодежи довольно было: поваренокъ Трофимушка, писаренокъ Ясонушка, что у Пахома въ конторѣ лописывалъ, еще челоуѣкъ съ платокъ. Они не были еще приведены, но хаживали на радѣнья потому что одному Васнису, другому Лукерьюшка по мыслямъ пришлись.

Слышались громкіе крики, задорная брань. Монахи дугаются и задыхаясь хохочетъ испововъ Серафима Ильинишна. Другіе кто кричить, кто голосить, кто визжитъ, кто выкликаеть, кто вылъваеть.... Ни дать, ни взять—шабашъ на Лысой горѣ. Ни Матренушкѣ, ни дворецкому съ конторщикомъ, ни калтеармусу съ фельдфебелемъ не унять черезъ край расходившихся дѣвокъ и бабъ. Не съ разу могли понять Варенька съ Дуней что дѣло идетъ объ Араратѣ. Въ источникъ голосъ вопіть мать Иларія размахивая четками:

— Про какіе вылъваель оны Арараты? Что за Арары? Не поласть бы за нихъ въ тарь-тарары!.. Нѣтъ Арары!.. Нѣтъ Арары!.. Есть тарь-тарары, преисподнее царство лукаваго!..

— Праздныхъ словъ здѣсь не смѣй говорить, унимала визжавшую Иларію Матренушка. — Не твоего ума это дѣло. Слушай тѣхъ кто тебя поразумивѣй, слушай матушка, да смирай себя.

И не стало слышно рѣчей Матренушкиныхъ. Заглушили ихъ взвизги Иларіи и дикій хохотъ Серафимы Ильинишны. Попросила Матренушка мать Сандулію унять сожительницу, пригрозила, ежели она не уймется, посадить ее до утра на замокъ.

— Не дури, не ври чего не понимаешь, схвати въ Иларію за-руку, во все горло закричала Сандулія. — Откуда взялась такая умница?—обратилась она ко всему собранію. — Откуда дурица ума набралась?.. Молчать, Иларія!.. Не то на запорѣ!.. Молчать! говорю тебѣ.

— Не сама говорю... Я духомъ говорю!.. Духомъ прорекаю! визжала Иларія.—Нѣтъ Арары!.. Никакой нѣтъ Арары!.. У лукаваго есть тарь-тарары. Кто мнѣ не вѣрять? Кто не вѣрять, тому тарь-тарары!..

— Перестань дуричь. Не блазни другихъ, не работай со-блазнами лукавому, уговаривала Матренушка черезъ мѣру раскипѣвшуюся мать Иларію.—Не уймешься, такъ вотъ

тебѣ свидѣтели, будешь сидѣть до утра въ залертеи чужахъ... Серафимушка, обратилась она къ Серафимѣ Ильинишнѣ, казалось ни на что не обращающей вниманія. Она теперь благодушно строила столѣ домикъ изъ лучинокъ.— Уйми Иларію. Вить какъ раскудachtалась.

— Куда, какъ такъ! Куда какъ такъ! вкочичь съ жѣта и развода руками закричала старая барышня по-курчьи, а потомъ громко захохотала.

— Не дури Серафима, прикрикнула на нее Сандулія.— Выходишь глупѣе Иларіи!... Станешь дурачиться возмужу скалку да скалкой! Уймись, говорю!

Стихла въ услугѣ Серафима Ильинишна. Волыгнула на лавку и поджавъ ноги калачикомъ, забила въ самый уголъ и крѣпко зажмурила глаза.

Не съ разу ушла Иларія. Попрѣжнему кричала:

— Нѣтъ Арары! Никакой нѣтъ Арары!

А сама клубочокъ да алостоельникъ подъ лавку... Рветъ волосы, деретъ лицо ногтями, вся искровенилась, раскосматилась, а сама середь горницы на одной ножкѣ подпрыгиваетъ и плечами подергиваетъ, головою ломается, и визжитъ неистовымъ голосомъ:

— Накатилъ! Накатилъ!.. Накатилъ!

— Никакъ въ правду накатилъ? стали логотаривать пришлыя изъ дальнихъ деревень хлыстовки, мало знавшія юродивую барышню съ буйными ея черницами.

Услыхала тѣ разговоры Сандулія и закричала на всю богачѣльню:

— На свистово ея озорство накатило! Вотъ я покажу ей каковъ духъ въ чужахъ у Матренушки...

И сильной рукой схвативъ тщедушную Иларію съ помощью божедомокъ вытащила ее въ сѣни и тамъ втолкувши въ чужахъ залера замкомъ. Съ неистовыми криками стала изо всей мочи колотить въ дверь Иларія, но никто не обращалъ на нее вниманья. Мало-по-малу смолкла честная мать, и тишина настала въ богачѣльнѣ.

Замѣтила Варенька что безчинный шумъ и круныя ругательства сильно поразили Дуню, никогда не выдавшую и не слышавшую ничего подобнаго. Тихонько сказала ей:

— Онъ обѣ, и Серафима и мать Иларія, съ малолѣтства не въ полномъ разумѣ. Въ Сіонской горницѣ не смѣютъ своевольничать, а здѣсь имъ полная воля.

— Зачѣмъ же такихъ принимаютъ? спросила Дуня.—Кромѣ шума да безобразій отъ нихъ кажется нечего ждать?

— А почему знать? Можетъ-быть на ту либо на другую вдругъ накатитъ, а мы отвергнемъ избранный сосудъ? восторженно сказала Варенька.—Сила въ немощахъ является. Теперь онѣ дурачатся; можетъ-быть сегодня же изъ устъ ихъ потекутъ живомосныя струи премудрости.... Пока мы во плоти намъ не дано предвѣдѣнья....

— Не понимаю, молвила Дуня.

— И не пытайсяловимать, сказала Варенька.—Непостижимаго умомъ нельзя постигнуть. Много я тебѣ сказывала, но можетъ-быть и сама я многого не знаю...

— Кто жь знаетъ? Кто наконецъ утвердить меня? Со всѣмъ утвердить?... Я, признаться, колеблюсь... Одно страшно, другое не помнато... тихо, будто сама съ собой заволнованнымъ голосомъ говорила Дуня.

— Тетенька Марья Ивановна знаетъ больше другихъ. Она самое Катерику Филиповну знавала, когда святая мать послѣ Петербурга и Кашина въ Москвѣ жила, * сказала Варенька.—Она утишитъ твои душевныя волненья. Одна только она можетъ вполне ввести тебя въ свѣтлый чертогъ полнаго духовнаго разумѣнья.

Заговорили въ тиши богадѣвни. Кого-то просятъ.... О чемъ-то молятъ.

— Это они Григорышкѣ просятъ, сказала Варенька,—Устюгова. Просятъ его еще разказать.... Слушай... Бесѣда начинается.

Въ богадѣвнѣ всѣ встали. Трижды перекрестясь обѣими руками, Устюговъ сталъ вылъввать хамстовскія сказанья....

Опять начались длинныя сказанья про богатаго богатыя, про Ивана Тимоѣевича Сусаова, про стрѣльца Проколя Дулкина, про Андрея юрода и молчальника, и про многихъ иныхъ пророковъ и учителей. Поминалъ Устюговъ пророка Аверьяна, какъ онъ лаялъ на полѣ Будиковѣ въ бою съ безбожными Татарами, про другаго пророка, что дерзнулъ предстать

* Полковница Катерина Филиповна Татарикова за сектаторство была сослана въ Каширь (Тверской губерніи) въ монастырь. Потомъ жила почти на полной свободѣ въ Москвѣ, здѣсь умерла и погребена на Патницкомъ кладбищѣ.

передъ царемъ Иваномъ Васильичемъ и облачалъ его въ жестокостяхъ. И много другаго вытѣвалъ Григорышка въ своей лѣснѣ-сказаніи.

Долго, больше полутора часовъ разглагомяствовалъ онъ въ богадѣльнѣ. Наконецъ до того утомился что какъ сволѣ безъ чувствъ повалился на лавку. Хлысты радѣть начали. Въ богадѣльнѣ шумѣи и шумѣи. Изстуженные до самозабвенія кричатъ въ источникъ голосъ, распѣваютъ лѣсню за лѣсней, голосятъ каждый свое. Вдругъ неистово прыгавшая Самдулія схватила съ полки общипанную юрдивой барышнѣ скалку и стала изо всей мочи колотить себя по обнаженнымъ плечамъ. Откуда-то появились толстая веревка, лети, варовенныя возжи, палки и свѣжіе только что нарѣзанные батоги. Скака и бѣгая въ припрыжку по богадѣльнѣ хлысты съ ожесточеньемъ и дикою злобой немилосердно били самихъ себя, прилѣвая:

Плоти не жалѣйте,
Мареу не щадите!

Струится по плечамъ кровь. Кровенятъ на себѣ бѣлая радѣльная рубаха. Иные головой о стѣну колотятся, либо о печь, другіе горячей лучиной палатъ себѣ тѣло, иные до крови грызли себѣ руки и ноги, вырываютъ бороды и волосы. Умерщвление плоти!...

Затрелетала Дуля увидя страшное самоистязанье, слыша дикіе воли, бѣшеные крики, звонкіе удары плетей и батоговъ. Едва не упала отъ ужаса въ обморокъ. Быстро схватила ее за руку Варенька и силой повлекла отъ богадѣльни.

— Не удивляйся, сказала она пришедшей въ себя Дуля.— Люди простые, выражаютъ восторгъ попросту, по-своему. Многого не понимаютъ и понять не могутъ. А все-таки избранные сосуды благодати.

Ушли въ домъ, а крики и бичеванья еще долго не кончались въ богадѣльнѣ.

Ушли наконецъ оттуда ласчаникъ Кирилла, Устюговъ съ Богатыревымъ и другіе старые люди. И только что ушли они, стихли въ богадѣльнѣ и крики и воли... Вдругъ затворились окна, вдругъ потухли огни.

До поздняго утра и мужчины и женщины оставались вмѣстѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

НОВЫЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Успѣхъ Н. Я. Соловьева несомнѣнно громокъ.

Это не succès d'estime; это почти лолларность, сразу приобретаемая.

Такой успѣхъ, уже самъ по себѣ, независимо отъ достоинства, даетъ право на вниманіе критики, ибо вовсе безъ достоинства невозможно имѣть большаго успѣха.

И забытые нынѣ писатели имѣли во свою пору тѣ именно силы и качества которыя обезпечивали имъ временный успѣхъ. Въ ихъ приѣмахъ, въ сюжетахъ ими избираемыхъ было вѣчто такое что соответствовало умственному и нравственному спросу ихъ времени.

Это конечно такъ; но нельзя же съ другой стороны не согласиться что эстетическія требованія той публики которая бѣжитъ толпою на представленіе мелодрамы и оперетокъ и скучаетъ слушаая Шекспира и Мольера—вовсе не высокія и не примѣрныя требованія.

Изящный вкусъ въ обществѣ повышается и понижается временно, точно такъ же какъ и другія умственные и нравственныя свойства людей.

Относительно вкуса господствующаго у насъ въ послѣдніе годы трудно сказать что-либо положительное. Иногда кажется что чувство изящнаго очень понизилось у нашихъ современниковъ сравнительно съ 30, 40 и 50 годами этого вѣка. Съ другой стороны, кругъ читателей и даже дѣятелей (то-есть претендующихъ по крайней мѣрѣ быть дѣятелями) неизмѣримо расширился. Потребность хорошаго чтенія не есть теперь исключительное свойство отборнаго общества и тѣснаго круга *особеннымъ* образомъ развитыхъ людей.

Искусство стало болѣе популярнымъ. Но признавая его болѣе прежняго, такъ-называемая толпа болѣе прежняго повила и на самое творчество, и на критику творчества.

Въ вынѣшаемъ хаосъ борьбы и разложенія ясно одно: потребности сильныхъ впечатлѣній много, впечатлѣній отъ зрѣлищъ и чтенія, но высшаго вкуса мало.

Средній уровень уметвенныхъ требованій повысился за послѣдніе годы; кругъ этихъ требованій разросся; но требованія самыя высшія ослабли и остыли.

Хотятъ замечательнаго, требуютъ своевремениости, но не ищутъ глубины, и когда встрѣчаютъ ее, то не понимаютъ и не видятъ ея, и какъ будто не смѣютъ даже видѣть.

Не до высшаго вкуса теперь!

— Дорогое кружево прекрасная вещь, сказалъ мнѣ недавно одинъ очень умный человекъ, — но нельзя подавать людямъ это кружево когда имъ нуженъ простой тулупъ чтобы не замерзнуть!

Люди хотятъ развлечения; жаждутъ новизны и движенія, движенія прежде всего. Движенія и быстроты во всемъ; быстроты сообщеній, быстроты въ торговыхъ оборотахъ, быстроты въ политикѣ; движенія скорога, легкаго, какъ полагало, безъ глубины и задумчивости, перемѣнъ во всемъ, перемѣнъ даже гражданскихъ во что бы то ни стало, — движенія на улицахъ, войнъ быстрыхъ и краткихъ, движенія въ газетахъ, въ книгахъ, на сценѣ.... Въ повѣстяхъ дѣйствіе, дѣйствіе прежде всего... Мыслей новыхъ, истинно новыхъ, творческихъ, своеобразныхъ мыслей не требуютъ вышче; ихъ у насъ было такъ много прежде!... Теперь нужно дѣйствіе!...

И вотъ въ такое-то время движенія безъ мысла, является на нашей сценѣ новый писатель и сразу приобретаетъ въ драматической литературѣ весьма почетное положеніе.

Успѣхъ г. Соловьева вполнѣ понятенъ и вполнѣ соответствуетъ духу времени. Въ пьесахъ его именно есть то что нужно: въ нихъ много движенія и мало мысла; въ нихъ много энергии и нѣтъ своеобразныхъ задачъ; въ нихъ есть сила потрясающаго чувства и нѣтъ поражающей думы. Въ нихъ много таланта, но еще мало опыта житейскаго, мало содержанія. Хорошо идетъ по реалсамъ этотъ поводъ, сильно, скорее, прямо: онъ могъ бы везти драгоценный Севрскій фарфоръ, но везетъ онъ пока только весьма ужъ простымъ доступнымъ фарфасъ съ извѣстными синими рисунками....

Успѣхъ необходимъ, успѣхъ спасителя для таланта; онъ возбуждаетъ, даетъ силы, руководитъ иногда, но онъ же и обязываетъ. Есть точка, которой долженъ достигъ далеко-видно честолюбивый художникъ. Разъ завладѣвъ вниманіемъ надо идти впередъ и освободиться отъ литературныхъ привычекъ именно того времени которое дало намъ успѣхъ...

На зыбкахъ за тоалюю долго не пройдешь со славою; надо скорѣе стать самому возницей по духу....

Въ теченіе всего полутора года г. Соловьевъ далъ намъ три пьесы: одну большую въ сотрудничествѣ г. Островскаго и двѣ небольшія безъ помощи г. Островскаго. О большой пьесѣ, о *Женитьбѣ Бѣлугина*, писали и говорили очень много. Справедливо замѣчено было въ ней нѣчто здоровое, трезвое; но справедливо было также указано что въ ней кромѣ самого Андрея Бѣлугина нѣтъ истинныхъ характеровъ. Повеія въ ней есть. Смѣшное дѣйствительно смѣшно (особенно на сценѣ); но и оно не совсѣмъ съ пылу; смѣшесья напиримѣръ тому какъ старикъ Бѣлугинъ расхваливаетъ мирную жизнь свою съ женою и говоритъ: „а этой музыки вотъ что караулъ кричать—этого у насъ и совсѣмъ не бывало!“ Смѣшесья отъ души; но самъ думаешь: это что-то знакомое... какъ будто я гдѣ-то что-то такое самшаэль или читалъ... Это совсѣмъ не тотъ изумленный смѣхъ которымъ мы смѣялись, когда въ первый разъ читали *Носъ* и *Записки Сумасшедшаго*. Лица въ *Женитьбѣ Бѣлугина* также не очень свѣжи, не очень новы; и самъ Андриша, столь хорошо удав-

шійся автору, невозможно, „Бородкинъ“ изъ *Не съ свои сами не садись*. Я говорю невозможно. Молодой купецъ, любящій, благородный, энергическій и скромный въ одно и то же время; очень благородный, но живой и возможный. Правда и то что въ известную эпоху той или другой національной жизни есть часто повторяющіеся типы которые привлекаютъ вниманіе наблюдателей и писателя остаются лишь вѣрны дѣйствительности, повторяя изображенія подобныхъ лицъ каждый съ небольшимъ личнымъ отбѣнкомъ. Критика имѣетъ право требовать отъ писателя желающаго быть объективнымъ чтобы всѣ лица его были живы; но критикъ будетъ неправъ, если потребуетъ чтобы всѣ эти живыя лица были новы. Лица новыя есть, положимъ, всегда въ жизни, но художественное творчество имѣетъ свои предѣлы, свои препоны и затрудненія; додуматься до одного-двухъ новыхъ лицъ и потомъ изобразить ихъ удачно, это вовсе не легко и на это нужно довольно много времени и самымъ даровитымъ людямъ. Скоро ли Тургеневъ дошелъ до Рудина, до Базарова и до Лизы Калитиной? Сразу ли Толстой очелъ возможнымъ такъ освѣтить какъ онъ освѣтилъ Андрея Болконскаго и графа Вронскаго; сразу ли онъ смогъ бы изобразить ихъ такъ какъ изобразилъ? Я думаю, и г. Достоевскій согласится съ тѣмъ что его собственнаго несравненно больше въ *Мертвомъ Домѣ* чѣмъ въ *Бѣдныхъ Людяхъ*. Въ *Бѣдныхъ Людяхъ* герой лицо живое, но оно не очень ново; это Акакій Акакіевичъ, у котораго вмѣсто шинели есть красивая дѣвушка, по которой онъ такъ трогательно страдаетъ. Въ *Мертвомъ же Домѣ* лица и живыя и новыя—Сироткинъ, Гагинъ, Еврей, тотъ красивый и умный злодѣй который любилъ говорить съ авторомъ о Людовикѣ XIV и служилъ ему такъ охотно, но про котораго люди знающіе говорили что онъ страшнѣе кроволіицы Гагина.... Но чтобы пройти этотъ путь отъ *Бѣдныхъ Людехъ* и до *Мертваго Дома*—сколько нужно было пережить самому автору? Даже умѣнье наблюдать, умѣнье видѣть эти новыя лица—дается не сразу. Для этого надо много условій. Надо бывать во всякомъ обществѣ, не чуждаться не только низшаго, какъ дѣлали въ старину, но и вышаго, какъ расположено его чуждаться теперь многие литераторы иногда изъ глупыхъ принциповъ и предубѣжденій, а еще чаще по нежеланію понудить себя къ большей презентабельности. Истинный художникъ долженъ развивать въ себѣ

губкость, чтобъ ему стало все равно что гора, что долина, что цвѣтникъ, что лѣсъ дремучій, что трактиръ, что настоящая гостинная.

Еще для того чтобъ умѣть наблюдать, необходимо прежде всего отнестись скептически ко вчерашнимъ литературнымъ передачамъ: какъ можно болѣе освободиться именно отъ того что слишкомъ давно уже стоитъ въ воздухѣ..

Необходимо освѣтить себѣ умъ знакомствомъ съ такими авторами русскими и особенно иноземными которые наиболѣе по духу далеки отъ привычнаго, домашняго и вчерашняго стиля. И это вотъ почему. И въ наше время есть въ жизни много такихъ явленій, чувствъ, мыслей и событій которыя возможны были не только при Александрѣ Первомъ, но и во времена Кромвеля, Юлія Цезаря и Дарія Гистаела. Начала жизни вѣчны; они все тѣ же; но сочетанія ихъ безконечно разнообразны и разнообразны. Чужіе, далекіе отъ насъ авторы, разъ поняты нами, бросаютъ свой свѣтъ и на современную намъ жизнь.... Отъ своего, отъ современнаго, отъ роднаго намъ и такъ не уйти; но изученіе чужаго даетъ намъ силы безпристрастія и самобытія (то-есть независиміе отъ ближнихъ вліаній) относиться къ родному и современному чѣмъ могли бы мы относиться, зная только ближее и потому лаятя ему дань бессознательнаго подчиненія. Развивать свой умъ, значитъ именно мѣнять и разнообразить свою точку зрѣнія, литаться чужимъ, претворяя лишь его неузнаваемо по своему.

Не мѣшаетъ также всякому писателю въ наше время уяснить себѣ значеніе слова реализмъ.

Реализмъ вовсе не значитъ безобразіе и грубость, какъ думаютъ многіе. Реальность значитъ вѣрность дѣйствительной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Тоска высокой, гордой, требовательной и логической души, столь прекрасно изображенная Байрономъ въ длинной лирической повѣи была дѣйствительнымъ чувствомъ автора. И потому Чайльдъ Гарольдъ гораздо реальнѣе притворныхъ и напыщенно-холодныхъ гражданскихъ сѣтованій Некрасова. Самому Некрасову навѣрное очень многое и въ русской жизни нашей нравилось; но истинныя чувства свои онъ рѣдко облачалъ въ стихотворную форму, а заставлялъ себя какофонически лѣтъ на казенныя темы.

У насъ просто боятся касаться тѣхъ сторонъ дѣйствитель-

ности которыя идеальны, изящны, красивы. Это, говорят, не по-русски; это не русское!

Живописцы наши выбирают всегда что-нибудь пьяное, бѣловое, дурнопацое, бѣдное и грубое изъ нашей русской жизни. Русскій художникъ боится изобразить красиваго священника, почтеннаго монаха (хотя они есть, и художникъ даже видѣлъ ихъ); вѣтъ! ему какъ-то легче когда онъ избереть пьянаго пола, грубаго монаха-изувѣра. Мальчики и дѣвочки должны быть все курносые, гадкіе, золотушные; баба—забитая; чиновникъ—стрекалустъ; генералъ—болванъ и т. п. Это значить русскій типъ.

Мнѣ случилось года три или четыре тому назадъ въ Москвѣ видѣть удивительный примѣръ такой боязни правды, такого непостижимо гаулаго отношенія къ искусству и жизни. Я зашелъ въ мастерскую одного молодаго и очень способнаго художника и засталъ у него красивую дѣвочку лѣтъ 13 или 14, брюнетку, смуглую, съ тонкими и правильными чертами лица. На головѣ ея былъ красный платочекъ съ бѣлыми узорами, который къ ней шелъ. Художникъ отлучилъ ее и сказалъ мнѣ что это дочь сосѣднаго лавочника, которая служила ему моделью. Я взглянулъ на полотно. Небольшая картина была уже почти готова. Изображена была та же самая мастерткая: тотъ же самый тревожникъ съ полотномъ, но задомъ къ зрителю; предъ этимъ мольбертомъ (обернутымъ на картинѣ задомъ) стояла дѣвочка опершись на спинку кресла (то же списаннаго съ хозяйскаго кресла). Предполагалось вѣроятно изобразить что она смотритъ на собственный портретъ, котораго намъ сзади не видно. Года дѣвочки были тѣ же, одежда та же, кажется, платокъ тоже красный; но вмѣсто красивой брюнетки, только что вышедшей изъ комнаты, на полотнѣ увидалъ лицо дурное, грубое, съ большимъ и толстымъ картофельнымъ носомъ.

Я спросилъ у молодаго человѣка: Русская ли она эта дочь лавочника, которую онъ не рѣшился изобразить такою какова она есть въ самомъ дѣлѣ. Онъ отвѣчалъ: „Русская.“

Я началъ упрекать его за такое странное отношеніе къ искусству. Онъ стыдился немножко, но почти ничего не возражалъ.

Не поразительный ли это примѣръ того какъ понимаютъ до сихъ поръ у насъ реализмъ. Замѣчу что молодой худож-

никъ впаившій въ подобнаго рода хамство не какой-нибудь разночинецъ, но сынъ старой и богатой дворянской семьи, сынъ чрезвычайно умныхъ и хорошо образованныхъ родителей, который выросъ въ условіяхъ самыхъ благоприятныхъ для развитія вкуса и ума. Чего же требовать отъ разночинцевъ? Реализмъ истинный есть правда жизни; реализмъ односторонній и каррикатурный есть низкая ложь въ области искусства. Можно залатать неволью дань этой всемогущей нынѣ лжи; можно пройти чрезъ нее. Стыдно было бы и удивительно для сильнаго таланта застыть на ней и благодушно прожить съ этою ложью всю жизнь.

Мы ужъ нынче не смѣемъ просить идеализаціи, мы просимъ только правды. Мы не рѣшаемся уже требовать отъ искусства чтобы оно вознеслось выше жизни (хотя бы и не забывая ее вполне), нѣтъ: мы умоляемъ только не быть ниже, не быть лошаде, грубѣе, гаулѣе, пустѣе дѣйствительности!

Вотъ только чего бы мы хотѣли требовать именно отъ тѣхъ людей въ которыхъ мы признаемъ таланты.

Мы бы желали исканія жизненной правды, желали бы новизны и открытій, открытій возможныхъ и доступныхъ, такой новизны которая знакома и понятна многимъ въ самой жизни, но требуетъ особаго дара, чтобы указать на нее словомъ и сильными словомъ искусства.

И прежде Пушкина многіе, напримѣръ, понимали что картина тогдашней Россіи очень пестра и широка; понимали что южный берегъ Крыма восхитителенъ, что быть Черкесовъ дико-пастухомъ, что эликурейская жизнь богатаго, умнаго и смѣлаго щеголя въ Петербургѣ имѣть свою прелесть, но скоро наскучаетъ, потому что она:

Однообразна и пестра
Опять отъ утра до утра.

Но только Пушкинъ нашелъ всему этому вѣковѣчное выраженіе.

Лица въ *Женитьбѣ Блугина*, сказалъ я, не новы; это сказано вѣжливо. Надо бы сказать они очень стары.

Простой кулець въ родѣ столь извѣстныхъ издавна простыхъ купцовъ; толстая, смиренная жена, которая его боится и очень любитъ сына. Разоренная дама, чувствительная и съ мигренью. Агшинъ визкій левъ дурнаго тона. Наковець

сама эта Елена, которая ищетъ идеала и сильныхъ ощущений и не понимаетъ даже такой простой вещи что Андрей Благуинъ болѣе сомне il faut чѣмъ этотъ Агшинъ. Что тутъ новаго? И даже я скажу больше: что тутъ интереснаго? Во всемъ этомъ есть даже некоторая отсталость мысли. Всякій знающій нынѣшнюю русскую жизнь согласится что давно уже найдутся у насъ и въ уздахъ Елены, которая Андрея Благуина за одну его наивность сразу любить, а такому какъ Агшинъ не позволять и подойти къ себѣ. Но это положимъ весьма возможно и теперь; есть Агшины, есть такіа Елены, есть кудцы, мигреями дамы болѣютъ; но дѣло не въ томъ что это не невозможно, а въ томъ что есть какія-то совсѣмъ чужыя, болѣе интересныя, болѣе новыя, болѣе своеобразныя возможности.

А между тѣмъ пьеса смотрится съ величайшимъ удовольствіемъ; но въ чтеніи, гдѣ не помогаетъ автору сценическое ваіаніе, гдѣ не ходять, не говорятъ, не смѣются и не плачутъ актеры, живые люди во плоти, въ чтеніи *Женитьба Благуина* теряетъ много, это правда.

Впрочемъ о родѣ дарованія г. Соловьева по одному *Блугину* судить потому уже трудно что эта пьеса побывала въ рукахъ г. Островскаго. Неизвѣстно навѣрное что принадлежитъ одному автору и что другому. Есть впрочемъ въ пьесѣ замѣтныя склейки (онѣ прощаются зрителемъ, благодаря общему пріятному впечатлѣнію). Напримеръ, мать Елены... Въ началѣ пьесы эта романтическая и ограниченная, но добрая мать видимо сочувствуетъ склонности дочери къ Агшину; она, не будучи вовсе развратительницей, просто очень чувствительна и подчиняясь дочери, которая гораздо смѣлѣе и энергичнѣе ея, готова ей во всемъ потворствовать лишь бы Елена была довольна. Подъ конецъ же пьесы эта мать вдругъ начинаетъ твердить дочери и такъ громко, нарочно для публики: «деать, долгъ супружескій прежде всего». Откуда это взялось вдругъ сразу? Можно подозревать что это послѣ придѣлаво постороннею рукой съ практическою цѣлью.

Въ газетахъ было между прочимъ писано что послѣднее дѣйствіе принадлежитъ г. Островскому. Послѣднее-то дѣйствіе именно и кажется какъ бы придѣлааннымъ.

Страстное изступленье Андриши, которое напугало и плашило Елену, вдругъ оказывается притворствомъ, какъ въ

какомъ-нибудь моральномъ водевилѣ, лисанномъ для утѣшенія куццовъ.

Елена въ послѣднемъ дѣйствии доходить уже до невѣроятнаго ничтожества и пустоты, она соглашается охотно ѣхать съ Андреемъ на его фабрику, потому что тамъ есть семь какихъ-то Англчанъ и можно выписывать шпалки прямо изъ-за границы.

Вообще подобнаго рода художественное сотруничество или литературное бракосочетаніе можетъ имѣть лишь практическое значеніе для начинающаго, для того изъ двухъ трудящихся вмѣстѣ писателей который менѣе извѣстенъ. Болѣе извѣстное имя выдвигаетъ его. Для перваго шага это очень хорошо, и только. Въ смыслъ же собственно художественномъ такая коллективная дѣятельность едва ли можетъ принести хорошіе плоды.

У каждаго даровитаго человѣка есть свой стиль, своя умственная личность; измѣняя постоянно этотъ естественный личный стиль вѣншимъ давленіемъ, особенно давленіемъ авторитета, можно безвозвратно испортить талантъ еще не совсемъ созрѣвшій и, не придавъ ему чужихъ могучихъ свойствъ, лишить его собственныхъ, быть-можетъ, тоже драгоценныхъ силъ.

Иное дѣло совѣты опыта и знанія; это необходимо каждому: иное дѣло предложить сюжетъ, подать мысль, исправить языкъ; другое дѣло ломать вещи уже сдѣланы, сложившіяся.

Можетъ случиться и такъ что при всемъ даже искреннемъ желаніи сдѣлать пользу начинающему товарищу, писатель болѣе опытный вредитъ ему, слишкомъ измѣняя готовое. Этотъ болѣе опытный писатель какъ бы онъ ни былъ силенъ, все же органически, такъ-сказать, стѣсненъ тѣмъ что другой уже задумалъ и написалъ; онъ стѣсненъ его основною мыслью, его манерой; онъ вынужденъ поддѣлываться хоть сколько-нибудь подъ эту манеру отказываться болѣе или менѣе отъ собственныхъ любимыхъ и удачныхъ приемовъ, не приобретаая все-таки того что дано отъ природы начинающему.... Вмѣсто блестящаго сочетанія лучшихъ качествъ можетъ произойти иногда печальная взаимная парализація силъ....

Мнѣ кажется нѣчто подобное случилось съ *Женитбой Блугина*. Послѣ патетической, превосходной оценки между Еленой и Андреемъ, когда послѣдній съ такою страстью и правдой обнаруживаетъ свои истинныя чувства предъ мо-

додою женой и, великодушно отрекаясь от супружеских правъ, грозитъ убить и ее, и себя, и все стереть съ лица земли, лишь во имя правъ поправной любви своей, послѣ этой сцены, видимо принадлежащей г. Соловьеву,—внезапно все мельчаетъ, все понижается, всѣ говорятъ не совсѣмъ то что говорили прежде.... И такъ до конца.... Островскаго не видно, а Соловьевъ искажаетъ.

Г. Соловьевъ до сихъ поръ въ мѣсахъ своихъ проявилъ на примѣръ мало той живописности, той картинности, которая дѣлаетъ драмы и комедіи Островскаго столь пріятными въ чтеніи. У г. Соловьева музыка чувствъ сильнѣе картинности, у него дорогѣ свѣжить порыва, полетъ лиризма его высокъ, и что жь? Въ послѣднемъ актѣ *Женитьбы Блугина* мы ни картинности Островскаго не видимъ, ни чувствъ Соловьева не слышимъ....

Если г. Островскій, ловимая все это, хотѣлъ сдѣлать только практическую пользу г. Соловьеву, то онъ правъ. Если онъ передѣлывая *Женитьбу Блугина*, вовсе и не претендовалъ повозлать эту комедію, а хотѣлъ къ произведенію г. Соловьева прикрѣпить на скорую руку хоть какую-нибудь пробку своей знаменитой фабрики, чтобы хорошій самъ по себѣ металлъ не утонулъ, а поднимался бы на верхъ, то это очень похвально. Мы и пробки этой патентованной очень благодарны за то что она облегчила услѣхъ г. Соловьеву, отъ котораго мы всѣ въ правѣ ожидать многого.

Но если г. Островскій воображалъ что при его содѣйствіи выйдетъ изъ всего этого какая-нибудь очень красивая амальгама, то онъ ошибся. Своего хорошаго онъ намъ тутъ не далъ ничего: его нигдѣ не видно; а порча чужаго очень ясно видна....

Вотъ почему, говорю я, судить рѣшительно по одной *Женитьбѣ Блугина* еще нельзя о дарованіи г. Соловьева. Надо чтобы металлъ былъ безъ пробки.... Когда-то мы этого дождемся? Будемъ надѣяться.

Кромѣ *Женитьбы Блугина*, г. Соловьевъ поставилъ въ теченіи двухъ послѣднихъ зимъ еще двѣ небольшія комедіи или „сцены“: *Счастливый День* и *На порогѣ къ дѣлу*. На этихъ произведеніяхъ нѣтъ уже штемпеля г. Островскаго.... Г. Соловьевъ въ нихъ одинъ. Что же сказать объ этихъ вещичкахъ? Прилагать къ нимъ серіозныя эстетическія правила было бы неумѣство. Это занимательные водевилы

безъ кудлатовъ—и больше ничего. Но для насъ производитель во всемъ этомъ вопросѣ гораздо важнѣе произведенія.

Обязанность внимательнаго къ своему дѣлу критика состоитъ не только въ оцѣнкѣ самыхъ продуктовъ художественнаго творчества, но и въ опредѣленіи, по возможности, тѣхъ личныхъ залоговъ и силъ, которые хотя бы и въ несовершенномъ видѣ, но уже достаточно ясно обнаруживаются и въ первыхъ незрѣлыхъ произведеніяхъ, обнаруживаются уже настолько что и по этимъ даннымъ можно возлагать или не возлагать на автора надежды.

Сельскій механикъ русскій самоучка изобрѣтаетъ какой-нибудь снарядъ, весьма не совершенный; въ Европѣ изобрѣтены давно машины несравненно болѣе цѣлесообразныя. Машина этого сельскаго механика можетъ-быть неудовлетворительна; но личность изобрѣтателя очень талантлива. Взявъ въ расчетъ тѣ условія при которыхъ этотъ человѣкъ трудился, скудный запасъ его научныхъ познаній, односторонность его опыта, нельзя не изумляться умственной силой его и не желать чтобы жизнь поставила его скорѣе въ такіа условія при которыхъ онъ могъ бы развить вполнѣ эту силу.

Такъ бываетъ на всѣхъ поприщахъ.

Съ подобной же точки зрѣнія, съ точки зрѣнія личныхъ залоговъ автора я нахожу полезнымъ заняться даже *Счастливымъ Днемъ*, этою веселою, но совершенно ничтожною вещицей. Можетъ-быть и здѣсь повторится именно то что я уже сказалъ вообще о піесахъ г. Соловьева. Много живаго движенія, мало живой мысли. Я прежде прочелъ, а позднѣе видѣлъ эту піесу. Когда я читалъ ее въ первый разъ, я, признаюсь, изумлялся только что за охота умному и даровитому человѣку заниматься такими лустаками. Но что это?... А когда это происходитъ? не поймешь. Почтмейстеръ занять восточною политикою; онъ все ищетъ на картѣ „Малый Зворникъ“: это въ 75 или 76 году; а дѣйствіе чубука и вообще весь духъ піески какъ будто бы 40хъ или 30хъ годовъ. Во-первыхъ, трудно что-то повѣрить чтобы сторожъ нашего времени сталъ такъ долго выносить сильные лобки чубукомъ. Нынѣшній сторожъ едва ли бы сталъ ждать генерала; у него есть тутъ же въ городѣ мировой судья, человѣкъ обыкновенно нѣсколько либеральный, расположенный осудить почтмейстера даже и въ томъ случаѣ, еслибы его сторожъ лобилъ. Положимъ что все можетъ случиться, но

тогда надо объяснить откуда такое исключеніе, это долготерпѣніе сторожа. А характерыѣ и правдыѣ для нашего времени было бы заняться не вымирающими драчунами-чиновниками, не старыми генералами, которые теперь стали къ несчастію уже слишкомъ скромными, а вотъ именно мировыми судьями, напримѣръ, которые приговариваютъ къ тюремному заключенію дамъ, за то что ихъ же оскорбили горничныя!

Почтмейстеръ занимается „Малымъ Зворникомъ“. Это ничего не доказываетъ. Это даже не особенно смѣшно. Въ чтеніи это вовсе не забавно. Это тотъ комизмъ который любить дѣти: привязать или приколоть бумажку на сливу кому-нибудь и радеваться. Это какъ бываетъ въ другихъ водевиляхъ, какой-нибудь дядя заика, который во все время не можетъ кончить ни одной фразы своей и даже въ ту минуту, когда ладаецъ послѣдній занавѣсъ, онъ напрасно пытается еще разъ на авансценѣ что-то сказать.

Такъ и это: „Малый Зворникъ“, „Малый Зворникъ“!

Вообще, при первомъ чтеніи видишь что-то въ одно и то же время и водевильное и какъ будто псевдо-классическое. Въ лица не люди, а только людскія качества и наклонности. Почтмейстера можно бы назвать (какъ дѣлали при Екатеринѣ II и Александрѣ I) *Политикановъ*; жена его гражданка—*Заботкина* или *Кузаркина*; генералъ—*Сладковъ* или *Сердечкинъ*; молодой чиновникъ—*Фитюлькинъ* или *Терпсыжоревъ*; докторъ—*Здравомысловъ* или еще вѣрнѣе *Дубининъ*. Барышня одна—*Пльнира*, а другая, сонная, скучающая.... ужъ не знаю какъ.... ну, положимъ—*Морфина* или какая-нибудь *Тивомира*...

Словомъ все это не картина.... даже не этюдъ, не очеркъ... потому что вовсе не жизнь—по сюжету, по замыслу.

Такъ я думалъ читая *Счастливый День* и пожималъ плечами.

Но позднѣе мнѣ пришлось видѣть эту пѣску на любительской сценѣ въ губернскомъ городѣ.... Любители играли хорошо. Барышни *Пльнира* и скучающая были обѣ очень милы. Старикъ *Политикановъ*—очень естественно разсѣянно задумчивъ и художественно неловокъ; жена его недурна, кричала, срамила его; молодого доктора игралъ молодой актеръ, высокій, видный, но нескаднѣй; вѣрнѣе сказать онъ не игралъ, а былъ самъ точно также солидно-дубоватъ и скученъ какъ бываютъ у насъ часто молодые врачи. Генералъ былъ довольно похожъ

на штатскаго генерала (30 годовъ); *Фитилькинъ* — въ сценѣ съ кокеткой, когда она ему мѣшаетъ ревизовать отцовскія книги — былъ превосходенъ.

Впечатлѣніе мое было совершенно иное чѣмъ при чтеніи. Мнѣ было очень весело; я смѣялся отъ всей души; я легко забывалъ и анахронизмы и слишкомъ ужъ наивный рисунокъ и бѣдность задачи. Я подумалъ: „Нѣтъ! Соловьевъ правъ! Онъ лишеть прежде всего для сцены, а не для чтенія; онъ вѣрно говоритъ себѣ: „доваѣтъ днѣви злоба его!..“ Онъ истинно смыслъ времени. Онъ знаетъ что дѣлаетъ и что требуется нами! Да! онъ очень даровитый и очень практичeskій въ литературѣ человекъ. А это много значить. Съ однимъ искусствомъ для искусства, съ одними высокими цѣлями даже и при большомъ дарованіи въ наше время (да! что дѣлать, приходится твердить: въ наше время) можно легко шагъ за шагомъ дойти до того до чего дошелъ Струйскій (поэтъ конца XVIII вѣка), описанный М. А. Дмитриевымъ въ его *Мелочахъ*. Струйскій печаталъ свои стихотворенія у себя въ деревнѣ въ собственной очень хорошей типографіи, никому не продавалъ ихъ и отеческою властью заставлялъ сына своего гвардейскаго офицера выучивать эти стихотворенія наизусть.

Кстати, и собѣдство двухъ другихъ пьесъ было очень выгодно для *Счастливаго Дня*. Въ одной пустѣйшей пьесѣ изображалась глѣзвая губернаторша, которой капризъ разстроилъ любительскій спектакль. Нестерлимый вздоръ; натяжка, огука, ложь съ начала до конца; въ другой пьесѣ, можетъ-быть переводной или очень похожей на плохую французскую, какого-то дядю холостяка и ненавистника женщины ловкая жена или невеста племянника доводила до примиренія съ собою, посредствомъ разныхъ затѣй обычныхъ въ старыхъ водевиляхъ. Она вбѣгаетъ къ дядѣ на квартиру, ища спасенія отъ какого-то оскорбителя, проситъ его помощи, играетъ на рояли, поетъ, лѣзаетъ дядю и т. д. Я не справлялся, конечно, откуда взялся этотъ вздоръ; вѣроятно эти пьесы новыя, кинѣшнія. Но до чего все это старо! До чего это пусто, безжизненно, не смѣшно нисколько, не остроумно!

И *Счастливыи День*, если хотите, въ томъ же родѣ, но по крайней мѣрѣ въ *Счастливомъ Днѣ* есть нѣчто веселое, доброе, и съ чубукомъ примиряющее, и съ грѣшнымъ села-

доистовомъ стараго генерала. Это шутка, но шутка милая; это карриатура, небрежная, начерченная между прочимъ, но по крайней мѣрѣ вовсе неаолобивая, и по тому одному уже нѣсколько живая. Въ этой шуткѣ проеъвчается какое-то сплюсходительное чувство автора; точно онъ самъ жидъ доаго въ этомъ узъдномъ городѣ и точно ему самому по воспоминанію весело съ этими... не скажу—людьми или лицами (это было бы слишкомъ много), а съ этими нѣсколько каррикатурно отраженными тѣнями дѣйствительныхъ лицъ.

Публика очень смѣялась; а публика губераскихъ городовъ, возмъ извѣство, только малочисленнае, но по составу своему часто нѣсколько не хуже стоацной. Итакъ, и въ этой самой лустой изъ лѣсъ г. Соловьева выразились его несомнѣныя силы. Онъ, между прочимъ, въ свободную минуту захотѣлъ попробовать себя въ легкомъ водевилномъ родѣ, и водевилъ его вышелъ милѣе, веселѣе, художественнѣе многихъ другихъ.

Теперь о послѣдней комедіи *На порогахъ къ дѣлу*.

Объ этой вещи можно сказать олатъ то же; она и живая, и не живая; она похожа на дѣйствительность и не совсемъ похожа на нее. Какже это такъ? Похожа она на жизнь тѣмъ что она вовсе не тенденціозна. Автора очень трудно поимать. Однимъ кажется что лѣса въ высшей степени отрицательная, даже нигилистическая, внушающая отчаяніе; другимъ, что она филистерская, рекомендующая дѣвцамъ бросить всѣ эти прогрессивныя претензіи и быть просто привлекательными невѣстами, милыми женами и добрыми матерями. Критикъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* называетъ эту комедію отрадною и кажется думаетъ что авторъ хотѣлъ ею сдѣлать пользу бѣднымъ учительницамъ, привлечь вниманіе правительства и земства на ихъ страданія, желая улучшить матеріальное положеніе ревностныхъ наставницъ — способствовать распроатраненію всееласительной грамотности въ народѣ.

Съ другой стороны, рецензентъ *Русской Правды* въ бѣшенствѣ на г. Соловьева; онъ чуть не называетъ автора глупцомъ; къ Ловиной прилагаетъ лакейскій терминъ „кисейная барышня“. Онъ запрещаетъ г. Соловьеву уломинать о нигилизмѣ, потому что это „не его ума дѣло“ и т. п. Онъ утверждаетъ что эта лѣса вредна, ибо располагаетъ не вѣрить въ возможность скоро просвѣтить народъ (какъ

просвѣтить? Не такъ ли чтобъ ему нравилося духъ *Русской Правды*?)

Авторъ сочувствуетъ Ловиной; онъ любитъ, онъ жаждетъ ее; но вотъ въ чемъ вопросъ: когда онъ ей больше сочувствуетъ—тогда ли когда она готова все выносить для идеи своей прогрессивной, или тогда когда она вспоминаетъ, по старинному, о семьѣ родной, о матери, сестрѣ, о какой-то „Акулинѣ, которая теперь вахетъ чулокъ и дремлетъ“, подобно настоящей древней нянѣ, подобно нянѣ воспитанной самими Пушкиными?

Авторъ видимо радъ пристроить свою героиню въ сытомъ и тепломъ помѣщицкѣмъ домѣ добраго Дубкова; но при этомъ онъ все-таки обѣщаетъ ей учредить у Дубкова же въ селѣ хорошую школу. Кто жъ знаетъ что при всемъ этомъ думаетъ г. Соловьевъ? Находить ли онъ что не стоить и заниматься народнымъ образованіемъ? Или онъ думаетъ что заниматься обученіемъ крестьянскихъ дѣтей въ земской школѣ хорошо, но надо братья за все это иначе чѣмъ взялась неопытная Ловина; что не надо ужъ такъ лгаться Буровиныхъ и Тѣсовыхъ, не надо такъ тяготиться ими; и у нихъ могутъ быть серьезныя и хорошія свойства; вотъ напримѣръ православіе, безъ котораго, какъ замѣчаетъ авторъ очень умнаго и основательнаго разборъ піесы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, г. С. Васильевъ, и государственная жизнь въ Россіи была бы невозможна. Вѣдному Буровину хочется чтобъ учительница непремѣнно назвала себя православною, а Ловина довольно гауло стыдится этого великаго слова и говорить: я такой же вѣры какъ и вы. Рѣшительно не знаешь на чьей сторонѣ въ этомъ случаѣ г. Соловьевъ, на сторонѣ ли старшины, или на сторонѣ милой, но либеральной дѣвушки, которая такъ не серьезно относится къ тому *упованію*, о которомъ весьма основательно заботится этотъ хотя и льваый, но все-таки русскій (въ хорошемъ смыслѣ этого слова) человекъ.

Если авторъ понимаетъ что значитъ для Россіи православіе,—это самое *упованіе* Буровина,—если г. Соловьевъ понимаетъ какая высокая философія личной и государственной жизни проsvѣчиваетъ въ одномъ этомъ вопросѣ (хотя бы и комически предложенномъ), то конечно онъ долженъ былъ свою героиню немножко презирать за ея лустоту и за тотъ легкомысленный смѣхъ которымъ она отвѣчаетъ на весьма серьезныя по значенію своему рѣчи Буровина...

Если непременно въ пьесѣ этой искать того или другаго поученія, то можно пожалуй въ цѣны минуты подозрѣвать и то что г. Соловьевъ, порицая обстановку Ловиной, не одобряетъ и ее самоё, и съ точки зрѣнія истинной народной пользы желалъ бы видѣть наставницами земскихъ школъ дѣвушекъ и женщинъ совсѣмъ иного рода, именно *твердымъ съ упованіи...*

Все это одні догадки, на которыя комедія отвѣта никому не даетъ. Вѣрнѣе всего что г. Соловьевъ и не заходилъ такъ далеко. Просто смѣшно смотрѣть какъ какой-нибудь толстый и выпившій мужикъ требуетъ отъ благовоспитанной дѣвушки еще водки и спрашиваетъ: „Тверды ли въ упованіи?“

Очень можетъ быть что авторъ и не придавалъ всему этому особенно серіознаго значенія, — ни загробному упованію Буровина, ни земнымъ, утилитарнымъ надеждамъ Ловиной. Ему можетъ-быть было пріятно только сочинить эту забавную, выгдѣ и не выданную имъ самимъ, но все-таки возможную коллизію.

Г. Соловьева, какъ истиннаго художника, можетъ-быть и Буровина, и Тесова даже и не возмущали сами по себѣ. Надо здѣсь напомнить одну истину давно извѣстную, но теперь часто забываемую подъ вліяніемъ напускной прогрессивно-гражданской серіозности. Вотъ она, эта истина: настоящему художнику дороги въ жизни не столько трезвые, не столько хорошіе и добродѣтельные люди, сколько люди выразительные. Это физиологическое свойство всякаго искреннаго художника, и съ этою потребностью яркости, цвѣтности, характерности въ самой жизни онъ разстаться не можетъ. И потому нельзя иногда не спросить себя: можетъ ли еще искренній художникъ особенно горячо сочувствовать дѣлу всеароднаго образованія когда это образованіе грозитъ принять въ неслытныхъ или въ злонамѣренныхъ рукахъ космополитическій, все стирающій характеръ, грозитъ поступить со всѣмъ роднымъ нашимъ такъ какъ поступилъ мужикъ Крылова съ червонцемъ: онъ чистилъ и теръ его до того что монета потеряла подлѣвы? Вѣдь можетъ случиться легко, при тѣхъ исподивскихъ шагахъ которыми пошла внезапно Русь, что и о Буровиныхъ мы потомъ горько пожалѣемъ и скажемъ: гдѣ они? вмѣсто Буровиныхъ, озабоченныхъ *упованіемъ* и безграмотныхъ, и столь привлекательныхъ Акимычей могутъ легко размножиться

Тесовы съ болѣе краснымъ оттѣнкомъ; такіе Тесовы которые будутъ читать Некрасова и статью *Дня* въѣсто невиннаго романа *Молодой Дикій*.

Это тѣмъ болѣе непріятно что между людьми высшаго образованія призванными къ управленію у насъ уже давно очень много такихъ какъ Дубковъ, рѣшительныхъ, несомнѣныхъ, не отвѣчающихъ той потребности силы, энтузіазма и вѣры, которая намъ такъ теперь нужна, чтобы поддержать распатаванное лже-либерализмомъ зданіе нашей общественной жизни.

Кто въ піесѣ г. Соловьева выше, лучше всѣхъ? Какое лицо всѣхъ благороднѣе? Безграмотный старый солдатъ Акимычъ. Поэтому, повторяю, если искать непремѣнно „гражданскаго“ смысла въ этой комедіи, то можно сдѣлать и еще одинъ выводъ: Г. Соловьевъ противъ грамотности и всеобщаго обученія, ибо онъ представлялъ намъ самаго безграмотнаго изъ всѣхъ дѣствующихъ въ комедіи людей самымъ благороднымъ. Словомъ, съ какой стороны ни взглянуть на комедію *На порогѣ*, рѣшительно нельзя понять что именно хотѣлъ доказать ею авторъ. И зачѣмъ этого требовать? Какая же въ томъ бѣда если и въ этомъ случаѣ г. Соловьевъ желалъ только поставить на сцену занимательную и смѣшную піесу? Занимательную по современности и насущности вопроса, смѣшную же именно по нѣкоторымъ каррикатурнымъ преувеличеніямъ, видимо нарочно сочиненнымъ.

Добродушный, примирительный конецъ комедіи доказываетъ что авторъ вовсе не желалъ произвести мрачнаго „граждански скорбнаго“ впечатлѣнія; но отнесся къ дѣлу весело, здраво и просто... Онъ видно саишкомъ умѣнъ и добросовѣстенъ чтобы вѣрить во всеобщее благоденственное и мирное житіе человечества, общаеое намъ демократическимъ прогрессомъ...

Г. Соловьевъ, вѣроятно, думаетъ что и горькое и отрадное, и смѣшное и трогательное, и благородное и низкое будутъ всегда необходимыми составными частями жизни земной, что безъ этого смѣшенія и слетенія роковыхъ антитезъ и жизнь была бы не жизнь... Даже безъ смѣшнаго не хорошо; безъ него скучно.

Отчего же и не посмѣяться однимъ только „видимымъ смѣхомъ“ безъ всякихъ „невидимыхъ слезъ“. Довольно съ насъ желчи и оцта! Довольно! Можно и отдохнуть! Прав-

да, печальна и постыдна стала въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наша гражданская жизнь за послѣдніе годы, но можетъ-быть по этой-то самой причинѣ жизнь личная пріобрѣтаетъ въ цѣны минуты особые права. Можно и за Дубкова замужъ скорѣе выйти (пока социаль-демократы не подѣлили хорошаго имѣнія дающаго ему пензъ); можно и намъ зрителямъ и читателямъ посмѣяться хоть часъ одинъ безъ обязательной злобы и безъ этой скорби, на которую претендуетъ теперь всякая дрянь.

Критикъ *Русской Правды* этимъ-то именно легкимъ отношеніемъ автора къ дѣлу и не доволенъ. Онъ говоритъ: „...Затрогивая подобные (?) вопросы, необходимо относиться къ нимъ крайне осторожно, съ полною серіозностью, то-есть совѣтъ не такъ какъ поступилъ г. Соловьевъ.“ Это тоже не дурно. Да почему же это необходимо? Вы господа либералы и прогрессисты столько лѣтъ позволяете себѣ смѣяться надо всѣмъ тѣмъ что составляетъ несомнѣнную опору нашей гражданственности, надъ религіей, надъ властями, надъ людьми охранительнаго духа, а къ вашей святинѣ прогресса дикто не смѣетъ слетка отнестись?

И почему это еще критикъ *Русской Правды* такъ колько оговаривается что не думаетъ подозрѣвать г. Соловьева въ „анти-прогрессивныхъ идеяхъ“? Развѣ „прогрессивныя идеи“ эти для художника обязательны? Развѣ для поэта, для эстетика, для драматурга или романиста постыдно не принадлежать исключительно ни къ какой партіи? Развѣ позорно для художника предпочитать напримѣръ такого мужика который думаетъ что земля на трехъ китахъ стоитъ, петербургскому фельетонисту либеральнаго оттѣнка? Какой же позоръ? Скорѣй это долгъ эстетика или вообще художника понимать что такой мужикъ выше, лучше, полезнѣе и главное повсѣгда подобнаго фельетониста...

Изъ двухъ небольшихъ пьесъ написанныхъ авторомъ безъ помощи г. Островскаго, въ этой второй по времени появленія комедіи видимъ сверхъ того огромный шагъ впередъ противъ *Счастливаго Дня*. Въ пьесѣ *На порогахъ* всего больше: и ума, и души, и содержанія. Жизнь меньше сочинена по готовымъ старымъ образцамъ, а больше повята самимъ художникомъ.

Видно что быстрый и рѣзкій умъ автора съ каждымъ новымъ шагомъ въ литературѣ выучивается лучше видѣть,

наблюдаетъ вѣрнѣе и самобытнѣе противъ прежнихъ, нѣсколь-
ко меньше прежняго подчиняется вчерашнимъ чужимъ образ-
цамъ и вкусамъ носящимся въ воздухъ, выучивается тому
что зовутъ Французы „по живому рѣзать“.

Я сказалъ что *На порогахъ къ дѣлу* и похожа на жизнь, и
не похожа на нее. Похожа она тѣмъ что подобно жизни
не тенденціозна, не обнаруживаетъ односторонней и ясной
гражданской морали и производитъ совершенно противополо-
жныя впечатлѣнія на разныхъ людей.

Не похожа она на жизнь, не реальна она потому что по-
добно другимъ пьесамъ г. Соловьева она еще не совсѣмъ до-
росла до жизни. Жизнь безконечно шире, разнообразнѣе,
глубже, лучше (не въ смыслѣ благодѣянія или добродѣтели,
а въ смыслѣ содержательности) всѣхъ появившихся до сихъ
поръ его пьесъ...

Но у даровитаго человѣка прошедшее скоро становится
давно прошедшимъ. Идеи, міровоззрѣніе, замыслы и вкусы
зрѣютъ и мѣняются гораздо быстрѣе, чѣмъ послѣдуютъ со-
здавія. Часто случается что мы читаемъ романъ или смо-
тримъ драму и думаемъ что суда произведеніе мы судимъ
самого автора. Но авторъ можетъ-быть, пока писалось, по-
правлялось, печаталось и ставилось его произведеніе давно
уже ушелъ далеко впередъ отъ собственнаго созданія и смо-
треть давно уже на это созданіе какъ на одежду сброшен-
ную имъ потому что она стала тѣснить его окрѣпшія
мышцы.

Г. Соловьевъ владѣетъ главнымъ, я сказалъ, онъ владѣетъ
формой, движеніемъ сценическимъ... Онъ сразу приковываетъ
вниманіе: у него множество энергіи и чувства тамъ, гдѣ
онъ хочетъ ихъ обваружить.

Мнѣ даже кажется иногда что онъ ошибается, считая
себя болѣе комическимъ, чѣмъ собственно-драматическимъ
писателемъ.

Я думаю что еслибы онъ измѣнилъ родъ, то онъ достигъ
бы несравненно большаго.

Теплыя мѣста, страстные порывы, добрыя чувства, печаль-
ные мотивы у него гораздо сильнѣе, непосредственнѣе, са-
мороднѣе комическихъ выходовъ.

Комизмъ его смѣшить конечно, но онъ нѣсколько поддер-
живаемый, не вполнѣ свой, а тотъ общій, чуть не обязатель-
ный комизмъ, котораго мы всѣ насыщались чрезъ мѣру со
временъ Гоголя.

Но его патетическія мѣста, его романтическіе звуки исполнены не только правды, но и свѣжести.

Привычный нашей публикѣ родъ комизма быть-можетъ способствовалъ успѣху г. Соловьева и самыя горячія, лучшія мѣста его комедій могли даже выиграть отъ соседства этого комизма.

Но не выгоднѣ ли попробовать себя на чемъ-нибудь болѣе новомъ и серіозномъ?

Хорошо быть сыномъ времени; надо уступать хоть сколько-нибудь той интеллектуальной черни, которую зовемъ мы публикой. Выгодно шить въ морозное время простые, но ловко скроенные полшубки. Но вспомнимъ стихи Тредьяковскаго:

Держись черни,
А знай штуку!...

Разъ уже имѣя успѣхъ, разъ уже завоевавъ себя популярность, не лучше ли этотъ успѣхъ заставить служить призванію чѣмъ призваніе навсегда подчинить успѣху?

Успѣхъ самобытности не будетъ ли даже прочнѣе того успѣха который дается постоянной угодливости вчерашнимъ вкусамъ легкомысленной и забывчивой толпы?

Кому нравится талантъ г. Соловьева, какъ нравится онъ намъ, тотъ не можетъ не радоваться успѣху его; не можетъ даже не сочувствовать ѣккоторой практичности автора, который умѣетъ все дѣлать кстати, не доходя до грубаго „à propos“; умѣетъ, напримѣръ, не заботясь повидимому нисколько о педагогическихъ вопросахъ, заставить всѣхъ говорить и спорить о народномъ образованіи по поводу шутки, брошенной имъ на сцену между прочимъ...

Въ заключеніе надо бы намъ было сказать что-нибудь и о *Дикаркѣ*, новѣйшемъ продуктѣ литературнаго сожительства, въ которомъ г. Соловьеву принадлежитъ роль женственная, страдательная, роль „земли“, почвы, Изиды, Данаи, а роль озаряющаго свыше солнца, роль могучаго Озириса, Юпитера, разсмылающагося надъ Данаею послектакльною платой, по естественному праву досталась г. Островскому. Но объ этой *Дикаркѣ* мы можемъ сказать только весьма немногое.

Признаюсь прежде всего, мнѣ лично само названіе *Дикарка* вовсе не нравится. „Се левъ, а не собака“.

Вотворыхъ, статья наша имѣетъ въ виду талантъ собственно г. Соловьева, а въ этой *Дикаркѣ* авторамъ удалось

соединиться до того тѣсно что „выщелушить“ г. Соловьева изъ г. Островскаго очень трудно.

Разумѣется я говорю это громко и, такъ-сказать, у самой рамы; „въ сторону“ же театральнымъ шелотомъ можно было бы сказать иное...

Но и театральныи шелоть въ этомъ случаѣ неудобенъ. Относительно же самой пьесы, какъ готоваго художественнаго явленія, надо сказать по справедливости что въ ней единства и цѣльности больше чѣмъ можно было бы ожидать отъ комедіи принадлежащей двумъ авторамъ. Въ *Блугимп* склейка была замѣтна. Я объ нихъ въ своемъ мѣстѣ говорю.

Въ *Дикаркль* все довольно кругло. На счетъ достоинства ся что сказать? Если сравнить эту комедію съ обычнымъ репертуаромъ нашимъ, то конечно она въ своемъ родѣ хороша. Но это вѣдь не особенно лестно, не правда ли?

Все въ этой комедіи какъ-то некрасиво, а главное, какъ-то неужно... Все спрашиваетъ себя: для чего и для кого это написано?...

Для того ли чтобы веселить „утилитаристовъ“ торжествомъ „фабриканта“? Но они и безъ того уже давно веселятся и торжествуютъ. Для того ли чтобы доказать что пожилымъ и женатымъ людямъ за молодыми дѣвушками ухаживать неидетъ; не слѣдуетъ тратить много денегъ за-границей; надо знать денежный курсъ; не надо неосторожно говорить о людяхъ, а то могутъ выйти слетви и васъ могутъ оскорбить? Но доказывать это едва ли требовалось.

Когда я читалъ и смотрѣлъ эту комедію, мнѣ было какъ-то жаль этихъ русскихъ парковъ, этихъ луговъ и роцъ, всю эту столь свѣжую и милую сердцу нашему рамку, въ которую вставлена столь плачевная картина. Въ действительности среди этихъ роцъ и луговъ бываетъ что-то лучшее, или, вѣрнѣе, *лучше понятое*.

Если сравнить эту комедію съ прежними произведеніями г. Островскаго, то мы найдемъ ее, разумѣется, плохой. Слава (и еще такая, вполне заслуженная) имѣетъ свои невыгоды. Она приучаетъ къ требовательности.

Приятно было бы видѣть закатъ г. Островскаго инымъ. Талантъ этотъ могъ бы бросать *иначе* рода, *иной* теплоты прощальныя лучи...

И все это относится къ г. Островскому; а о г. Соловьевѣ что тутъ сказать?

Отсутствие свѣжей мысли, слабость чувства, столь надоевшія насмѣшки надъ „отсталостью“, „эстетиками“ и т. л... все это заставляетъ думать что участіе таланта начинающаго и еще мало издержаннаго въ этой пиесѣ слабо.

Въ *Дикаркѣ* г. Островскій заслонилъ г. Соловьева... Въ *Дикаркѣ* все какъ-то *нагляднѣе*, выукатѣе, чѣмъ въ трехъ первыхъ пиесахъ г. Соловьева; у г. Соловьева, я уже говорилъ, меньше картинности, чѣмъ чувства... Въ *Дикаркѣ* и утилитарная, *прогрессивная* тенденція до грубости ясна, этого именно и не было вовсе замѣтно въ прежнихъ пиесахъ новаго драматурга. Тамъ особенно гдѣ г. Соловьевъ былъ *чище отъ всякой прилгъси*—въ комедіи *На порогахъ къ долу*, менѣе всего была видна этого рода тенденція. Тутъ даже говорится „о трутняхъ“. Что за казенщина прогресса!

Въ нѣкоторыхъ газетахъ упоминають о томъ, будто бы первоначальная пиеса, вся сочиненная г. Соловьевымъ, была съ трагическимъ концомъ. Ходятъ также частныя слухи что она вся была исполнена высокаго лиризма и необычайной свѣжести.... *Направленіе же ея будто бы было совсѣмъ противоположное: романтическое, съ религиознымъ даже оттенкомъ, утилитарности Мальковича почти враждебное.*

Но газеты говорятъ что все это кабинетная тайна, извѣстная лишь немногимъ избраннымъ.

Правда ли это, или живые слухи, рѣшать не беремъ. Но по поводу подобныхъ слуховъ вотъ что можно сказать г. Соловьеву.

Хорошо г. Островскому давать *Дикарку*, когда онъ уже далъ намъ прежде *Грозу*, *Бѣдность не пороки*, *Воспитанницу*, *Грѣхъ да бѣда*, *Бѣдную Невѣсту* и т. д.

Вынести можно изъ благодарности многое. Но вѣдь г. Соловьевъ вѣроятно и не претендуетъ ровнять ни *Женитьбы Блугина*, ни свои два водевиля, *Счастливыи День* и *На порогахъ*, съ такими замѣчательными, оригинальными произведениями русской драматургіи каковы только-что перечисленные нами пиесы г. Островскаго?

Къ заслуженному человѣку мы должны быть исполнены снисходительнаго почтенія. Новобранецъ, слѣшкомъ легко сразу получившій Георгія, еще можетъ однимъ неловкимъ шагомъ испортить всю свою карьеру...

Г. Соловьевъ долженъ помнитъ это, если онъ смотритъ на свое дѣло не просто какъ на доходное ремесло, а какъ на призваніе.

Вотъ уже третій годъ какъ имя его стало извѣстно въ Россіи, а все-таки судить рѣшительно о его талантѣ нѣтъ никакой еще возможности.

Въ двухъ большихъ и серьезныхъ піесахъ онъ былъ *не одинъ*; въ тѣхъ гдѣ онъ былъ одинъ—онъ былъ еще мало содержателенъ.

Судить основательно мы будемъ тогда когда освобожденный отъ всѣхъ чуждыхъ узъ и созрѣвшій въ міровоззрѣніи своемъ, талантъ этотъ явится во всей полнотѣ своихъ силъ.

Механизмомъ сценическимъ г. Соловьевъ владѣетъ очень хорошо (это видно по его маленькимъ пісамъ), извѣстность у него есть; ума много; нужно только побольше живой мысли, побольше глубины, *независимости* и *положительности* содержанія.

Наша строгость, наша придирчивая требовательность есть только признакъ уваженія и большихъ надеждъ.

Мы по отношенію къ таланту г. Соловьева, подобно Буровину, *тверды въ упованіи*. Вотъ почему мы строги.

К. Л.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Плутовка Надя. Юмористическій романъ въ стихахъ и 168 каррикатурахъ. Москва, 1880.

Русскій юмористическій романъ въ стихахъ и съ карриатурами представляетъ такое рѣдкое явленіе что невольно привлекаетъ на себя особое вниманіе. Цѣлый рядъ вопросовъ заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе остановиться на новой книгѣ заглавіе которой приведено нами выше. По многимъ обстоятельствамъ книга эта выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Вы можете вертѣть ее какъ хотите, а все-таки не найдете имени автора. На первомъ мѣстѣ стоитъ обозначеніе типографіи: *Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, домъ Каринской*; на послѣднемъ листѣ вы читаете что складъ изданія въ Москвѣ, на Тверскомъ бульварѣ, у Ю. Кондена; книга продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга, а также въ редакціяхъ: *Развлеченія, Свѣта и Тѣни* и *Будильника*. Неизвѣстно даже кто издалъ этотъ „юмористическій романъ“, точно также какъ неизвѣстны имена автора и рисовальщика. Согласитесь сами что это оригинально. Между тѣмъ рисунки таковы что непремѣнно останавливаютъ на себѣ ваше вниманіе. Это карандашъ совершенно

выходящій изъ ряда обыкновенныхъ. Тутъ вѣтъ непри-
ятнаго и приторнаго подражанія французскимъ таламъ
Journal amusant, которымъ постоянно грѣшатъ наши квази-
юмористическiе рисовальщики; вѣтъ въ то же время чисто
русскихъ бытовыхъ фигуръ и сценъ. Вы имѣете здѣсь дѣло
съ совершенно своеобразнымъ художникомъ, и притомъ не
съ новичкомъ, но съ художникомъ смѣлымъ, бойкимъ, ориги-
нальнымъ, самостоятельнымъ. Просмотрѣвъ хотя бы самымъ
бѣглымъ образомъ рисунки въ *Плутовкѣ Надѣ* вы убѣдитесь
что и сама Надя, и всѣ остальные лица совсѣмъ не русскiя.
Таковы они и на самомъ дѣлѣ. Всѣ 168 рисунковъ юмори-
стическаго *русскаго* романа составляютъ перепечатку съ нѣ-
мецкаго. Всѣ они принадлежатъ Вильгельму Бушу, а *Плу-
товка Надя* есть не что иное какъ переводъ, передѣлка, пе-
редоженiе на русскiя нравы извѣстной нѣмецкой книги *Die
fromme Helene*. Книга эта вышла уже въ 1872 году и выдер-
жала въ Германiи множество изданiй. Это разказъ въ сти-
хахъ, иллюстрированный множествомъ рисунковъ или, говоря
точнѣе, собранiе рисунковъ съ присоединеннымъ къ нимъ
пояснительнымъ текстомъ. Какъ рисунки, такъ и текстъ
принадлежатъ Бушу. Но прежде необходимо познакомить
читателей съ тѣмъ кто такой Бушъ.

Вильгельмъ Бушъ — это одно изъ самыхъ популярныхъ и
любимыхъ именъ въ Германiи. Бушъ родился въ 1833 году.
Первоначально онъ намѣревался сдѣлаться инженеромъ и че-
тыре года провѣлъ уже въ политехнической школѣ, но склон-
ности художественныя одержали верхъ. Бушъ бросилъ ин-
женерное искусство и прошелъ полный курсъ живописи въ
академiяхъ Дюссельдорфа, Антверпена и Мюнхена. Съ Мюн-
хена началась и его слава. Двадцати шести лѣтъ отъ роду,
въ 1859 году, онъ началъ помѣщать свои рисунки въ извѣст-
номъ мюнхенскомъ юмористическомъ журналѣ *Fliegende
Blätter*. Рисунки эти сразу обратили на себя всеобщее вни-
манiе. Бушъ бралъ самые простые сюжеты, но онъ никогда
не рисовалъ какой-нибудь одной каррикатуры. Изъ-подъ его
карандаша постоянно выходять цѣлыя рисунковыя. Онъ из-
ображаетъ вамъ непременно какую-нибудь каррикатурную
трагедiю въ нѣсколькихъ актахъ и со множествомъ отдѣль-
ныхъ сценъ. Мальчику дарятъ духовое ружье; стволъ изъ
этого ружья попадаетъ въ гражданина спокойно пьющаго
свой утреннiй кофе въ саду; гражданинъ опрокидываетъ

столь, кофе проливается, происходит переломъ, гражданинъ догадывается наконецъ въ чемъ дѣло, наказываетъ шалуна, и снова принимается за прерванный завтракъ. Другой гражданинъ мирно отдыхаетъ послѣ обѣда въ креслѣ; прилетаетъ муха и начинаетъ его кусать; опять начинается логовя, суета, все рушится и падаетъ, пока муха наконецъ не поймана и не раздавлена подъ туфлей. Бушъ не только рисуетъ, но и пишетъ стихи. Каждая его карриатура непременно снабжена двустушиемъ. Трудно сказать что оригинальнѣе, рисунки или стихи. И то и другое можно отличить между тысячами. Какъ въ рисункахъ, такъ и въ стихахъ, Бушъ усвоилъ себѣ совершенно особые приемы. Онъ удивительный рисовальщикъ и шутя преодолеваетъ изумительныя трудности. Въ его рисункахъ все обыкновенно куврыкается, падаетъ, суетится, карабкается, барахтается; тутъ смѣшиваются большіе и малые, люди и животныя; рядомъ съ человѣкомъ вы видите лягушекъ, ворововъ, собакъ, кошекъ, утокъ, и, между тѣмъ, несмотря на всю карриатурность, всѣ ракурсы чрезвычайно правильны, люди и животныя изумительно типичны. Но Бушъ рисуетъ все это въ совершенно особомъ стилѣ, напоминающемъ „пошибъ“ старинныхъ иллюстрацій въ первыя времена появленія печатныхъ книгъ. Въ такомъ же родѣ и его стихи. Онъ съ необыкновенною комичностью умѣетъ пользоваться старинными словами, оборотами и выраженіями; другая его особенность заключается въ комическомъ употребленіи иностранныхъ словъ и грамматическихъ неправильностей:

In der Kammer still und *donkel*,
Schläft die Tante bei dem Onkel.

Bouillon und Fleisch und Leberklos,
Es war ihm alles *tutmemschos* (toute même chose).

Въ послѣднее время Бушъ началъ издавать отдѣльными книгами свои стихи и рисунки. Прежде онъ съ особенною любовью рисовалъ дѣтей, животныхъ, сцены изъ домашняго быта. Теперь направленіе его таланта нѣсколько измѣнилось. Онъ вступаетъ перомъ и карандашомъ въ полемику съ социальными недостатками Германіи, осмѣиваетъ стремленіе къ партикуляризму, къ ханжеству, и такъ далѣе. Каждое изъ его произведеній печатается въ тысячахъ экземплярахъ и расходится въ нѣсколькихъ изданіяхъ; двустушія Буша

превращаются въ афоризмы и цитуются безъ указанія имени автора, какъ вѣчто вѣсѣмъ извѣстное. Что касается до самого художника, то онъ постоянно живетъ въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, въ которомъ не болѣе 900 обывателей. Любимое занятіе его—пчеловодство, въ которомъ онъ считается знатокомъ и авторитетомъ. Мѣсяца на два художникъ уѣзжаетъ каждый годъ въ Мюнхенъ къ своему другу, извѣстному живописцу Ленбаху, въ мастерской котораго пишетъ иногда и красками. По отзывамъ людей видѣвшихъ его эскизы Бушъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ колориста. Онъ чрезвычайно много занимается чтеніемъ, по преимуществу философскихъ сочиненій, и несообщителевъ съ незнакомыми людьми. Таковъ этотъ замѣчательный человекъ, рисунки котораго внезапно являются предъ русскими читателями въ *Плутовкѣ Надѣ*.

Изъ предыдущаго очерка можно было уже убѣдиться что Бушъ представляетъ совершенно оригинальное явленіе, понятное только на той почвѣ гдѣ оно создано. Бушъ рисуетъ только нѣмецкую жизнь, нѣмецкіе нравы, нѣмецкихъ людей. Болѣе нежели какой-нибудь изъ нѣмецкихъ художниковъ и писателей онъ искажителей по природѣ и по направленію. Рисунки его теряютъ болѣе чѣмъ на половину въ глазахъ нѣ-германской публики, особенно такіе рисунки гдѣ художникъ изображаетъ какіе-либо специально-нѣмецкіе типы. Стихи Буша просто непереводимы; вся соль ихъ, все то что составляетъ ихъ необыкновенную привлекательность и предельность для нѣмецкаго читателя, все это исчезаетъ въ переводѣ или въ передѣлкѣ. А между тѣмъ *Плутовка Надя* представляетъ именно попытку такой передѣлки Буша на русскіе нравы. Понятно что неизвѣстный передѣлыватель имѣлъ полное основаніе скрывать свое имя. Гораздо труднѣе понять какимъ образомъ можно было скрыть имя человека карандашу котораго принадлежитъ рисунокъ *Плутовки Надя*. Нельзя вмѣстѣ съ собою погружать въ лучины безымянности людей пріобрѣтшихъ своими талантами громкую и заслуженную репутацію. Книга не имѣетъ даже предисловія. *Die fromme Helene*, то сочиненіе Буша которое представляется теперь русской публикѣ подъ заглавіемъ юмористическаго русскаго романа, выдержала съ 1872 по февраль 1878 года *десять изданій*. Популярность этой книги могла навести на

мысль ея перевода на русскій языкъ. Мысль эта оставалась бы фальшивою, но намъ было бы по крайней мѣрѣ понятно что такое является предъ нами. Въ замѣнъ этого намъ даютъ *русскій юмористическій романъ съ карриатурами*. Мы читаемъ: *Надя, Иванъ Кузьмичъ, Марушка, Москва, Кремль, Воробьевы Горы, Царь-Пушка, Славянкій Базаръ*. Что это такое? Какъ возможно такъ безцеремонно рядиться въ чужія перья?

Не думайте чтобы кромѣ перемѣны собственныхъ именъ въ „юмористическомъ романѣ“ было что-нибудь оригинальное. Это *простой переводъ* текста Буша и простая *перепечатка* его рисунковъ. Забыто одно: обозначеніе дѣйствительнаго автора которому принадлежатъ какъ рисунки, такъ и текстъ. Возьмемъ примѣръ:

„Helene“, sprach der Onkel Nolte—

„Was ich schön immer sagen wollte!

„Ich warne dich als Mensch und Christ:

„Oh, hüte dich vor allem Bösen!

„Es macht Plaisir, wenn man es ist,

„Es macht Verdruss, wenn man's gewesen!“

Иванъ Кузьмичъ, такъ звался дядя,

Сказалъ: „ну вотъ, послушай, Надя,

„Теперь пора, сомнѣнья нѣтъ,

„Тебѣ дать родственный совѣтъ:

„Остерегайся ты порока,

„Всегда послушна старшимъ будь.

„Ведеть къ спасенью правый путь,

„А ложь накажется жестоко.“

Какъ видите это простой переводъ. Разница только въ томъ что въ подлинникѣ удивительная типичность выраженій, простирающаяся даже на неправоильность грамматической конструкціи въ трехъ послѣднихъ стихахъ. Эта типичность рѣчи необыкновенно подходит къ изображенію человека которому она влагается въ уста. *Onkel Nolte* рисуется Бушемъ въ длинномъ шафроктѣ, съ палочкой на головѣ. Это удивительно своеобразная, совершенно нѣмецкая фигура; вы чувствуете, глядя на нее, что этотъ человекъ долженъ былъ говорить именно такъ какъ заставляетъ его бесѣдовать Бушъ. Какая фальшь подкладывать *Ивана Кузьмича* подъ эту типическую фигуру! Но фальшь стоить допустить только разъ, и она неудержимо отзовется во всемя. Нѣмецкій студентъ,

съ длинною трубкой и совершенно типическимъ складомъ преслокойно выдается за русскаго студента, кузена Поля. Этотъ нѣмецкій студентъ становится со временемъ пѣтистомъ, опять-таки специально нѣмецкимъ типомъ; Бушъ изображаетъ его необыкновенно вѣрно, въ черныхъ большихъ перчаткахъ, съ гладко обстриженною головою, съ четками, въ длинномъ сюртукѣ въ родѣ сутаны или подрясника; русскій переводчикъ или передѣльватель, мы даже затрудняемся какъ его назвать, опять-таки безо всякихъ колебаній навязываетъ намъ эту нѣмецкую фигуру какъ русскій тиль. Въ русской передѣлкѣ пришлось вылустить цѣлую главу оригинала, посвященную изображенію католическаго пилигримства; глава эта не могла быть выпущена безъ нарушенія органической связи между предыдущимъ и послѣдующимъ; и вотъ, безъ малѣйшихъ колебаній, въ русскую передѣлку вставляется разказъ про *московскую* гадалку. Бушъ заставляетъ своихъ новобрачныхъ ѣхать въ Гейдельбергъ; въ русской передѣлкѣ—

Свершили свадьбу утромъ рано
 Въ Кремль счастливицы и потомъ
 Гуляли весело вдвоемъ
 У бабки стараво *Ивана* (!!!)
 Тамъ на Царь-Пушку *навели*
 Они съ благоговѣньемъ *зоры*,
 И на Москву *взглянуть пошли*
 Потомъ на Воробьевы Горы.

Для довершенія русскаго колорита читателямъ представляется видъ Кремля и Царь-Пушки. Смысль эта отвратительна. Человѣкъ знакомый съ нѣмецкимъ оригиналомъ невольно удивляется, почему производить на него такое непріятное впечатлѣніе тѣ же самыя иллюстраціи которыя казались ему такъ смѣшны въ нѣмецкомъ изданіи. Причина понятна. Текстъ и картины Буша неразрывно связаны между собою. Нельзя нарушать эту связь и подкладывать подъ нѣмецкія иллюстраціи русскій текстъ, нельзя выдавать нѣмецкія фигуры за русскихъ людей. Неизвѣстный издатель оказалъ удивительную литературную и художественную безтактность предпринявъ печатаніе *Плутоски Нади*. Называть эту несчастную передѣлку русскимъ *юморстическимъ романомъ*—значитъ вводить въ обманъ публику; заимствовать цѣлкомъ картины извѣстнаго художника и не

назвать имени ихъ автора,—это верхъ литературной безцеремонности. Критика не всегда должна указывать только на хорошія книги. Въ обязанность ея входитъ отмѣчать всякое литературное безобразіе. Объяснивъ читателямъ что такое *Плутоска Надя*, мы только исполнили эту обязанность.

II.

Природа и Охота. Популярно-естественно-историческій и охотничій журналъ, подъ редакціей Л. П. Сабанѣва.

Подъ этимъ названіемъ уже нѣсколько лѣтъ выходитъ ежемѣсячное изданіе съ рисунками и пометками въ текстѣ. Судьба русскихъ естественно-историческихъ и охотничьихъ журналовъ до настоящаго времени складывалась нѣсколько своеобразно: всѣ они были поддержаны какому-то роковому и равняемому истощенію силъ; кончина постигала ихъ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Причиной такого явленія было, кажется намъ, отсутствіе достаточнаго количества читателей интересующихся извѣстною спеціальностью. Г. Сабанѣвъ поступилъ нѣсколько иначе, предпринимая изданіе своего журнала. Онъ соединилъ въ немъ двѣ весьма близко соприкасающіяся области, *Природу и Охоту*. Мысль эта была совершенно вѣрною. Охотникъ не всегда станетъ читать спеціальныя журналы естественно-историческаго содержанія; люди интересующіеся естественными науками не заглянутъ въ журналъ *Охоты*. Въ изданіи г. Сабанѣва незамѣтно сливается наука и жизнь, теорія и практика, разказъ и описаніе, пережитое и передуманное. Оставалось журналомъ спеціальнымъ, *Природа и Охота* представляетъ въ то же время много весьма интереснаго для каждаго любознательнаго человѣка вообще. Это органъ Императорскаго Общества Размноженія Охотничьихъ и Промысловыхъ Животныхъ и Правильной Охоты. Рядомъ съ вопросами и статьями разчитанными на болѣе спеціальныя круги читателей, въ журналѣ этомъ помѣщаются статьи посвященныя изученію и описанію предметовъ не только общедоступныхъ, но и общедолезныхъ. Мы ограничимся перечисленіемъ нѣсколькихъ статей сентябрьской и октябрьской книжекъ за 1879 годъ для подтвержденія сказаннаго нами. Читатели найдутъ здѣсь: весьма интересное изслѣдованіе г. Сабанѣва о золотѣ и серебрѣ какъ матеріалахъ для произведеній изящныхъ искусствъ;

Взглядъ на астраханское рыболовство (Н. К. Бобылева); очерки ружейной охоты и охотничьихъ промысловъ подъ Ваткою (В. Бѣлова); охотничьи воспоминанія изъ минувшей кампаніи (Н. Ермолова); охоты въ западной Сибири (Адама Чайковского); Записки тверскаго охотника о ружейной охотѣ съ гончими; о травлѣ медвѣдей и о лѣтучиныхъ бояхъ въ Москвѣ, и т. д. Изъ этого небольшого перечня можно уже убѣдиться что статьи журнала имѣють своимъ преимущественнымъ предметомъ Россію. Это обстоятельство придаетъ имъ особый интересъ. Мы узнаемъ многія неизвѣстныя или мало извѣстныя стороны русскаго быта. Для примѣра познакомимъ читателей съ весьма любопытною статьей В. Н. Соболева о лѣтучиныхъ бояхъ въ Москвѣ. Тутъ есть бытовая подробность и исторія, практическія и теоретическія свѣдѣнія.

По разказахъ старожиловъ, говорить г. Соболевъ, начало лѣтучиной охотѣ въ Москвѣ положилъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ. Насколько вѣрны эти разказы, утвердительно сказать нельзя, но ему приписываютъ первую выписку изъ Англій боевыхъ лѣтуховъ которыми онъ потѣшался вмѣстѣ съ другими вельможами того времени, устраивая у себя лѣтучиные бои, сопровождавшіеся большими закладами. Изъ этихъ закладовъ можно заключить что графъ Орловъ смотрѣлъ на бой лѣтуховъ не какъ на простую забаву, а относился къ этому дѣлу какъ охотникъ, вниманіе котораго сосредоточивалось на качествахъ бойцовъ, находившихъ въ немъ себѣ оцѣнку. Онъ, по разказахъ, съ такимъ вниманіемъ относился къ заведенной имъ лѣтучиной охотѣ что у него со строгою аккуратностью записывалось каждое снесенное курицей яйцо и велась подробная родословная каждаго лѣтуха. Въ то же время въ Москвѣ былъ другой извѣстный лѣтучиный охотникъ, генералъ Всеволожскій, у котораго также были выписные англійскіе лѣтухи и происходили боевыя состязанія съ лѣтухами другихъ охотниковъ изъ кулцовъ, за которыми онъ посылалъ свои экилажи; у графа Орлова лѣтухи были краснаго пера, а у Всеволожскаго—сѣрые. Послѣ 1812 года и изгнанія Французовъ англійскіе боевыя лѣтухи были заведены уже многими лицами; лѣтухи же графа Орлова появились тогда у дьякова того прихода гдѣ онъ жилъ, и надо полагать что этотъ дьяконъ получалъ ихъ въ подарокъ отъ графа Орлова, или приобреталъ

другими какими-либо путями. Отъ діакона порода эта перешла къ дьячку Калитвиковского кладбища, который прославился ею между охотниками, и долгое время лѣтухи подъ названіемъ *Калитники* считались лучшими во всей Москвѣ.

Г. Соболевъ знакомить насъ съ составомъ общества лѣтушинныхъ охотниковъ въ Москвѣ.

„Вы могли встрѣтить тутъ крестьянина, мѣщанина, дьячка, чиновника, дьякона, квартальнаго, студента, кучера, барина, купца, иностранца, повара, лакея, отставнаго солдата, а подчасъ шулера или другаго какого-нибудь жулика. Общество это собиралось обыкновенно гдѣ-нибудь въ трактирѣ, гдѣ чинно разсаживалось за столики и вело нескованную бесѣду о лѣтушиной охотѣ и о боевой птицѣ, поливая кто чаекъ, а кто водочку, преимущественно очищенную или рябиновую. Сближеніе столь разнообразныхъ представителей лѣтушиной охоты при возбуждаемомъ ею веселомъ настроеніи духа и присущая русскому человѣку шутовскость не могли не отразиться на взаимныхъ отношеніяхъ этихъ охотниковъ между собою. Всѣ они были окрещены другъ другомъ кличками которыя такъ и остались за ними, и многіе изъ охотниковъ знали потомъ другихъ своихъ собратьевъ только по кличкамъ, не заботясь узнать ни сословія ихъ, ни имени, ни фамиліи.“

Авторъ приводитъ нѣсколько такихъ кличекъ, оставшихся у него въ памяти. Тутъ былъ *Плакса*, чекащикъ ризъ, горько плакавшій при пораженіи своего лѣтуха; *Кокко*, богатый купецъ, небольшого роста, съ маленькою бородой, работавшій: когда его лѣтухъ оставался побѣдителемъ, купецъ этотъ, торжествуя побѣду, покрикивалъ *ко-ко-ко*; *Магистръ*, Тулякъ имѣвшій нѣсколько медалей за выставки лѣтуховъ; *Ученая Стипендія* (овъ же *Доматый*), бывшій студентъ Петровской Земледѣльческой Академіи, отличавшійся длинными всклокоченными волосами; *Пускай Поцераютъ*, квартальный, страстный лѣтушинный охотникъ. Мы узнаемъ да еще цѣлую особую русскую терминологию созданную лѣтушиною охотой. Если лѣтухъ отражаетъ ударъ противника лалами, то это называется *отшпариваться*; *сперный*—это лѣтухъ который бьетъ противника въ голову, глаза и въ горло; *несперный*—лѣтухъ который бьетъ въ хвостъ, крыло и спину, то есть въ мѣста не опасныя для противника. Ни одинъ охотникъ не назоветъ настоящаго боеваго лѣтуха—лѣтухомъ;

охотничье названіе ему—*птица*; дѣйствительность породы обозначается словомъ *родовая* птица. Боевые лѣтухи дѣлятся охотниками на четыре разряда. Пѣтухъ до года называется *молодымъ*; имѣющій болѣе года, или лучше сказать, перелетавшій два раза называется *перелеткомъ*; трехлѣтній называется *третьякомъ*; за три года называется *старымъ*. Боевой лѣтухъ можетъ драться до пяти лѣтъ; цѣны на боевыхъ лѣтуховъ разныя, отъ *трехъ* до *семидесяти пяти* рублей. Каждый боевой лѣтухъ имѣетъ свою *качку*. Г. Соболевъ приводитъ цѣлый рядъ именъ бывшихъ въ Москвѣ у извѣстныхъ лѣтуховъ. Нѣкоторыя изъ нихъ весьма оригинальны: *Протодьяконъ, Уланъ, Драгунъ, Квартильный, Судакъ, Путаный* и т. д. Въ бою каждый лѣтухъ имѣетъ свою *скоровку*, говоря по охотничьи, свой *ходъ*. Ходовъ этихъ четыре:

Ходъ прямой. Пѣтухъ, увидѣвъ противника, бросается прямо на него и бьетъ безо всякихъ хитростей и увертокъ грудь въ грудь.

Ходъ кружастый. Пѣтухъ начинаетъ послѣ нѣсколькихъ ударовъ бѣгать кругомъ своего противника до тѣхъ поръ пока утомить и закружить его, а потомъ внезапно бросается на соперника и наноситъ ему такіе сильные удары что если послѣдній не успеетъ ихъ отразить, то легко можетъ пасть жертвою своей олошности. Всѣ лѣтухи-*Калитники* были кружастые.

Ходъ посылитый. Пѣтухъ бьетъ свади.

Ходъ вороватый. „Самый интересный ходъ,“ говоритъ г. Соболевъ. „Вороватый лѣтухъ, перемахнувшись разъ-другой ударомъ съ противникомъ, тотчасъ же начинаетъ *лѣзть* *подъ* *него*, прячась отъ ударовъ и подставляя подъ нихъ одинъ свой хвостъ; въ то же время онъ старается схватить противника за перо, обыкновенно въ подзоба, и нанести ему ударъ. Если же ему этого не удастся, или онъ промахнется, то снова лѣзетъ прятаться подъ противника, или тереться подъ его крыломъ и оттуда удачаетъ удобные моменты для своихъ ударовъ. Послѣдствіемъ этихъ удолокъ обыкновенно бываетъ то что противникъ вороватаго лѣтуха измучается, не нанеся ему никакого вреда, а самъ остается искалѣченнымъ и побѣжденнымъ. Вороватый ходъ предпочитается охотниками всѣмъ другимъ ходамъ.“

Авторъ описываетъ устройство арены для лѣтушьяго боя: „Пѣтушья бои производились въ старину или въ ком-

натъ, или просто на дворъ; посторонніе зрители въ этомъ послѣднемъ случаѣ толпились въ воротахъ и у заборовъ; нѣкоторые смотрѣли черезъ заборныя щели, а другіе, кто поспѣвалъ, вѣзали на заборъ и дѣлались тамъ въ разныхъ позахъ. Свѣдѣнія же о болѣе правильномъ устройствѣ боевъ сохранились съ тридцатыхъ годовъ. Съ этого времени охотники начали устраивать для боевъ арены. Устройство этихъ аренъ или, какъ называютъ ихъ охотники, *ширма*, не замысловато. Гдѣ-нибудь въ удобномъ, открытомъ мѣстѣ, на дворѣ или въ саду, становится на столбахъ круглый навѣсъ, то есть просто дѣлается одна крыша; подъ нею въ серединѣ устраивается на землѣ круглая же загородка, въ диаметрѣ не болѣе одной сажени, а въ высоту отъ земли нѣсколько болѣе аршина. Вотъ и вся арена или лѣтучиная сцена. Она обивается внутри войлокомъ; если въ ней настланъ полъ, то и онъ обивается также войлокомъ; дѣлается это для сохраненія птицы отъ ушибовъ; загородка вся сплошная и входовъ въ нее нѣтъ. Вокругъ этой арены ставятся амфитеатромъ въ нѣсколько рядовъ скамейки для зрителей, ближайшія къ аренѣ пониже, а дальнія выше, такъ чтобы заднимъ зрителямъ видна была вся арена. Между рядами скамеекъ, съ двухъ противоположныхъ сторонъ, остаются узкіе проходы къ аренѣ, черезъ которые вносятся на бой лѣтухи; каждый охотникъ, неся своего лѣтуха на арену для предстоящаго боя, старается издали показать ему противника, подносимаго своимъ владѣльцемъ съ противоположной стороны. Такъ какъ бои дѣлаются вечеромъ, то арена должна быть освѣщена и для этого надъ нею привѣшивается къ крышкѣ большая лампа; случается также что арену освѣщаютъ свѣчами которыя держатъ въ рукахъ сидящіе въ первомъ ряду зрителей; отъ взмаха лѣтуховъ крыльями свѣчи часто гаснутъ, но ихъ слѣдуетъ зажигать при понуканьяхъ охотниковъ съ разныхъ сторонъ. Открытыя помѣщенія для лѣтушинныхъ боевъ устраиваются для того чтобы въ арену проходилъ свободно воздухъ, иначе при спертостѣ воздухъ лѣтухи скоро ослабѣваютъ. Но устраиваются арены и въ комнатахъ, причѣмъ онѣ внутри по стѣнкамъ и на полу обиваются также войлокомъ, а лампа подвѣшивается къ потолку.“

Лѣтушинные бои начинаются обыкновенно въ шесть часовъ вечера и продолжаются, смотря по количеству сошедшихся

охотниковъ и привесенныхъ ими лѣтуховъ, въ теченіе всего вечера, а иногда за полночь. Въ Сборное воскресенье, на первой недѣлѣ Великаго Поста, бои начинались въ старые годы съ утра и продолжались цѣлые сутки. Въ октябрѣ мѣсяцѣ охотники начинаютъ сходиться, какъ бы по инстинкту, въ какой-нибудь извѣстный имъ трактиръ при которомъ устроены гдѣ-нибудь на задахъ лѣтушинныя охотничьи ширмы. Г. Соболевъ чрезвычайно живо описываетъ картину русскаго лѣтушняго боа. Вы точно видите собственными глазами какъ происходило дѣло:

„Представьте себѣ одишь изъ октябрьскихъ вечеровъ; въ плохо освѣщенномъ, узкомъ переулкѣ, среди погруженныхъ въ полумракѣ домиковъ жмущихся молчаливо одишь къ другому, выдѣляется одишь домъ хотя также небольшихъ размѣровъ, но двухъэтажный, каменный; всѣ окна его освѣщены; на стѣнѣ, надъ окнами верхняго этажа красуется чуть не во весь домъ вывѣска, съ надписью „трактиръ“; одна лѣствиацѣ ведетъ въ верхъ съ улицы, другая—со двора. Во дворѣ, въ углу, подъ большимъ деревомъ, устроена по всѣмъ правиламъ лѣтушиной охоты арена, вокругъ которой стоятъ амфитеатромъ скамейки; на одной изъ вѣтвей дерева, надъ ареной, виситъ лампа. Къ трактиру подѣзжаютъ одишь за другимъ, на извожикахъ и на собственныхъ лошадяхъ, разные посѣтители; всѣ они поднимаются по лѣствиацѣ въ трактиръ; туда же тянутся и лѣшеходы; каждый изъ этихъ прѣзжающихъ и приходящихъ гостей вноситъ мѣшокъ, порою клѣтку,—это вносятся молодые лѣтухи. Половые у дверей привѣтствуютъ каждаго входящаго поклонами и слѣшаютъ подавать завѣтныя пары чаю, или кому требуется, и очищенную или рябиновку, такъ какъ изъ такъ-называемой жизненной эссенціи только эти два сорта преобладаютъ между охотниками лѣбейскаго отдѣла.

„Но вотъ трактиръ скоро наполнился охотниками. Хозяинъ самъ конечно закладной охотникъ, поэтому онъ со всѣми на короткой ногѣ и знаетъ всѣ ихъ клѣчки; половые его также знаютъ всѣхъ своихъ гостей. Всѣ охотники сидятъ чинно за столами, *забавляясь* большею частію чайкомъ. Общій говоръ держится на боевой птицѣ, на птицѣ „въ положеніи“ и не „въ положеніи“; на молодыхъ, переларкахъ, третьякахъ и т. д. Порою возникаетъ споръ за тѣмъ или другимъ столомъ, причемъ вдругъ выхватывается изъ мѣшка

лѣтухъ и ставится гоголемъ на столъ, а потомъ олять 'прячется; иногда раздается лѣсна лѣтуха гдѣ-нибудь въ отдаленной темной комнатѣ.

„Но вотъ завязался между сидящими въ углу, за особымъ столомъ, вызовъ на бой; послѣ нѣсколькихъ отрывистыхъ возгласовъ бой рѣшенъ, и въ ту же минуту раздается по всемъ комнатамъ трактира магическое слово: *бой!* — Кто бьетъ? кто бьетъ?—*Ученая Стипендія съ Кoko.* — Вотъ такъ бой!!—Все охотники вскакиваютъ и устремляются послѣшно по лѣстницѣ во дворъ, въ завѣтный уголокъ, чтобы захватить ближайшія мѣста на скамейкахъ. Лампа уже зажжена и ярко освѣщаетъ арену, вѣтви деревъ и скамейки.

„— Кто за кого? кричатъ бѣгущіе охотники, вызывая на заклады.

„— Я за краснаго—три!

„— Да ты кто?

„— Не узналъ что ли?

„— А! *Бутылка!* идетъ!

„— За чернаго—пять! кричатъ въ толпѣ.

„— Идетъ! отвѣчаютъ съ другой стороны.

„И такимъ образомъ охотники занимаютъ мѣста на скамейкахъ, кто гдѣ попало, предлагая другъ другу заклады то за того, то за другаго лѣтуха, и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ когда бойцовъ вынесутъ изъ трактира, но хозяева лѣтуховъ предвзазначенныхъ для боя что-то замѣшкались; нетерпѣніе охотниковъ усиливается, начинаютъ высказывать уже на ихъ счетъ разные коакія замѣчанія и даже побранки....

„— Идутъ, идутъ! раздается между охотниками, и дѣйствительно оба охотника несутъ своихъ лѣтуховъ; одинъ проходитъ медленно къ аренѣ съ правой стороны, другой—съ лѣвой; оба стараются подойти одновременно; вотъ они уже у самой арены другъ противъ друга, держа каждый въ обѣихъ рукахъ предъ собою лѣтуха, одинъ—пера краснаго, другой—чернаго. Они стараются чтобы лѣтухи увидѣли еще до арены другъ друга. Подойдя къ самой аренѣ оба охотника начинаютъ тихо раскачивать своего лѣтуха вправо и влѣво, затѣмъ одновременно слускаютъ ихъ въ арену, и тутъ же садятся. Все кругомъ замерло, мигаютъ только блестящіе глаза охотниковъ, напряженно устремленные, при яркомъ свѣтѣ лампы, на только что слушаемыхъ бойцовъ. Лѣтухи долго ждать себя не заставляютъ. Ни съ того ни съ сего красный

въ ту же минуту подскакиваетъ къ черному, царапнувъ его обѣими лапами въ грудь и хватилъ съ розмаху крыльями; черныи предвидѣлъ это разбойничье нападеніе и въ свою очередь встрѣтилъ нападавшаго когтями и розмахами крыльевъ; полетѣло только съ обоихъ по вѣсколку перьевъ. За первымъ ударомъ пошла одна за другою подобныя же схватки. Пѣтухи оказались прамого хода, бьются безъ фальши грудь въ грудь; охотники молча свѣдаютъ за каждымъ ихъ движеніемъ.

„— За краснаго десять! слышится гдѣ-то сзади.

„— Пошла! отвѣчаетъ не оборачиваясь хозяинъ противника.

„— За краснаго пятерка!

„— Пошла!

„— За чернаго четвертая!

„— Мало!

„— Тридцать пять!

„— Пошла!

„Между тѣмъ пѣтухи щелкаютъ другъ друга неутомимо; оба начинаютъ тѣжко дышать, даже хрипѣть, не смыкая носовъ, кружатся, вертятся, подпрыгиваютъ; наконецъ одинъ видимо слабѣетъ, противникъ же, будто лоявъ это, бьетъ его сильнѣе и сильнѣе, и уши, тотъ быстро поворачиваетъ къ нему свой хвостъ, моментально принимаетъ на себя видъ какой-то мокрой курицы и бѣжитъ отъ противника.

„Бой конченъ. Пѣтуховъ берутъ съ яремы. Охотники всѣ разомъ заговорили, пошла суды и пересуды и началась расплата закладовъ. Затѣмъ вся честная компанія отправляется въ трактиръ: тамъ предстоитъ угощеніе, и если выигрыши былъ значительный, то хозяинъ побѣдившаго пѣтуха угощаетъ всѣхъ охотниковъ на свой счетъ чаемъ и водкой; отказаться отъ этого угощенія никто не въ правѣ, потому что оно введено обычаемъ и предлагается „по охотѣ“. Во время угощенія слѣдуютъ новые вызовы на бой, и лубайка снова идетъ въ уголъ двора, тѣмъ же порядкомъ. Такъ происходятъ пѣтушьи бои одинъ за другимъ, верѣдко далеко за полночь.“

Г. Соболевъ называетъ это описаніе „грустнымъ воспоминаніемъ“. „Не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ пѣтушьи бои въ Москвѣ допускались открыто, но съ того времени они почему-то попали подъ олау полиціи, которая начала неутомимо преслѣдовать ихъ; въ особенности же гоненіе на

бои усилилось, какъ говорятъ охотники, по настоянію Общества Покровительства Животнымъ, признавшаго ихъ безнравственною, жестокосердою забавой. Прекращеніе лѣтушинныхъ боевъ увесело съ собою многое. Оно увесело всю лѣзію людей не дѣлавшихъ никому ни зла, ни помѣхи и дѣлившихъ между собою свои радости и печали; оно увесело тѣ охотничьи увлеченія которыя скрашивали всеневную будничную жизнь, дѣлали ихъ мечты, надежды и привязанности; увесело также кусокъ хлѣба у бѣдныхъ семействъ которыя брали на прокормъ выводки боевой породы, получая за это хорошую плату и торгуя подобною лтицей, что составляло для нихъ средства къ жизни; а такихъ семействъ было не мало.“

Самый лѣтушій бой, по словамъ г. Соболева, не можетъ имѣть дурнаго нравственнаго вліянія на человека. „Слабовернымъ покровителямъ животныхъ, прежде чѣмъ преслѣдовать лѣтушинные бои, слѣдовало бы поближе приглядѣться къ нимъ. Тогда бы они увидѣли что лѣтухи, какъ лтица задорная и драчливая по природѣ, дерутся на аренѣ точно также какъ и на каждомъ лтичьемъ дворѣ, то-есть до тѣхъ поръ пока одинъ изъ дерущихся не пойметъ что противникъ сильнѣе его и не дастъ отъ него тягу. Хотя драки эти сопровождаются ушибами, порѣзами, а иногда даже внезапною смертію одного изъ бойцовъ, но и на свободѣ лѣтухи часто кончаютъ тѣмъ же свои схватки на виду у всѣхъ, съ тою разницею что къ раненымъ боевымъ лѣтухамъ охотники тотчасъ же прилагаютъ всѣ полеченія и лечатъ всякую царалину, а объ избитомъ на дворѣ лѣтухѣ никто и не думаетъ; процессъ же охотничьяго лѣтушинаго боя не возбуждаетъ никакихъ кровожадныхъ инстинктовъ.“ Сущестующій еще въ Москвѣ небольшой кружокъ лѣтушинныхъ охотниковъ обратился; какъ говоритъ г. Соболевъ, въ недавнее время съ ходатайствомъ о дозволеніи ему допустить испытаніе лѣтуховъ, и ходатайство это, по слухамъ, принято благосклонно. „Охотникамъ слѣдуетъ только позаботиться чтобы подъ ихъ именемъ не могли заручиться подобнымъ разрѣшеніемъ разныя проходимцы которыя могутъ обратить лѣтушинные бои только въ средство для личной своей важивы, заманивая постороннихъ зрителей и собирая съ нихъ латаки.“

III.

Фридрихъ Гельвальдъ: *Въ области вѣчнаго льда. Исторія путешествій къ сѣверному полюсу. Выпуски 1 и 2й. Изданіе книжнаго магазина Новаго Времени.*

Въ Германіи начало выходить выпусками сочиненіе Гельвальда *Im Ewigen Eis*. Г. Суворинъ предпринялъ изданіе русскаго перевода этого сочиненія; русское изданіе также будетъ выходить выпусками, въ лять печатныхъ листовъ каждый. Въ настоящее время появились два первыхъ выпуска. Вотъ какъ объясняетъ издатель значеніе книги Гельвальда:

„Читатель уже видитъ изъ самаго заглавія что предлагаемая ему книга трактуетъ о полярномъ мірѣ, насколько мы знаемъ о немъ изъ сдѣланныхъ туда отважными мореходами путешествій. Дѣйствительно, это весьма полная и объемистая исторія путешествій въ полярныя страны. Что касается изложенія этого содержанія Ф. Гельвальдомъ, то оно блестяще, картинно и общедоступно. Какъ популярный писатель-географъ, Ф. Гельвальдъ принадлежитъ къ первымъ писателямъ во всемъ лишающемъ мірѣ. И книгу въ родѣ *Im Ewigen Eis* самъ Гельвальдъ задумалъ составить въ первый разъ. Въ первый разъ, говоримъ мы, потому что ни нѣмецкая литература, ни какая-либо другая, какъ бы ни была она богата, до сихъ поръ не имѣла ничего подобнаго настоящей книгѣ. Кромѣ полной исторіи путешествій къ полярному полюсу книга Гельвальда представляетъ еще и полную яркую картину всего полярнаго міра, всей полярной природы съ ея необычайными для нашихъ широтъ явленіями, съ ея ужасами, съ ея вѣчною борьбой жизни и смерти, съ ея жителями, съ ея флуною и скудною растительностью. Одна часть картины: сама полярная природа съ ея грознымъ характеромъ, и затѣмъ другая часть картины — борьба мужественныхъ и самоотверженныхъ героев-путешественниковъ съ подобною природою.“

Издатель перечисляетъ содержаніе книги. Сюда войдутъ, между прочимъ, слѣдующія главы: народы населяющіе самый отдаленный сѣверъ; животная и растительная жизнь въ полярной области; день и ночь, свойства, отношенія и характеръ свѣта, воздуха и температуры въ области вѣчныхъ

льдовъ; путешествіе Норманновъ на островъ Исландію; открытіе Гренландіи; Новая Земля и Шлицбергенъ; открытія Русскихъ въ сѣверной Азіи; Берингъ и его изслѣдованія; Франклинъ и открытіе Сѣверо-Западнаго проѣзда; возможность достигнуть сѣвернаго полюса и т. д.

Въ двухъ вышедшихъ пока выпускахъ описывается „прошрое арктическаго пояса“, „природа сѣверныхъ полярныхъ странъ“, „путешествіе Пиеея Массилійскаго за 320 лѣтъ до Р. X.“, „Ирландцы на сѣверѣ“, „родина Норманновъ“, „Норманны и жители крайняго сѣвера Европы“, „Исландія и Исландцы настоящаго времени.“ Въ обоихъ выпускахъ помѣщено много прекрасно сдѣланныхъ большихъ рисунковъ и, кромѣ того, значительное количество политилажей въ текстѣ. Ко второму выпуску присоединена большая карта полярныхъ странъ по Штилеру. Какъ нѣмецкое изданіе, такъ и русскій переводъ его только что начались и вѣроятно окончатся не ранѣе года. Число выпусковъ не опредѣлено; цѣна каждаго выпуска, 65 копѣекъ, должна быть признана весьма умеренною если принять въ соображеніе прекрасную вѣднность изданія, прекрасную бумагу, множество рисунковъ и политилажей. Но во всякомъ случаѣ русскому издателю сѣдовало бы хотя приблизительно указать на предполагаемое количество выпусковъ для того чтобы приобретаатели могли составить себѣ понятіе о стоимости всей книги. Не подлежитъ сомнѣнію что книга будетъ стоить не дешево и что она не можетъ дешево стоить. Въ виду дѣйствительнаго интереса сочиненія Гельвальда обстоятельство это не помѣшаетъ распространенію его книги между публикой. Выгода дорогихъ изданій выходящихъ выпусками заключается именно въ томъ что въ виду разсрочки платежа приобрѣтеніе перестаетъ быть обременительнымъ; не каждый согласится залатить одновременно 15—20 рублей, и въ то же время съ охотой станетъ выплачивать по 65 коп. въ мѣсяцъ. Необходимо только съ нѣкоторою точностью обозначить сроки появленія выпусковъ, предполагаемое ихъ количество и приблизительный срокъ окончательнаго появленія всей книги.

Закончимъ наше указаніе на эту новую книгу нѣсколькими строками изъ „Введенія“ автора. Все таинственное издавно обладало свойствомъ неудержимо привлекать къ себѣ человека. До недавняго времени такую таинственностью былъ сблеченъ югъ, жаркія тропическія страны съ ихъ уди-

вительною роскошью и мощностью въ жизни и проявленіяхъ природы. По словамъ Гельвальда полярныя страны также обладают „таинственно-неотразимою силой“ привлекать къ себѣ воображеніе людей:

„Намъ, привыкшимъ только зимой видѣть картину смерти природы, или по крайней мѣрѣ картину полнаго и меланхолическаго ея спокойствія, трудно представить себѣ страны вѣчно погребенныя подъ свѣжымъ покровомъ, трудно представить рѣки теченіе которыхъ превращено морозомъ въ неподвижныя массы. А эти люди обитающіе здѣсь, эти существа, подобныя намъ, осужденныя жить подъ небомъ на которомъ цѣлые мѣсяцы не свѣтитъ солнце, питаться мясомъ китовъ, утолять жажду ворванью добываемою изъ этихъ гигантскихъ животныхъ? Все это поразительно, страшно, невѣроятно; тѣмъ не менѣе и эти лутыныя печальныя страны имѣютъ свои прелести, нѣкоторымъ образомъ уравновѣшивающія ужасы природы. Природа здѣсь мачиха, правда. Тѣмъ не менѣе она представляетъ такое разнообразіе интереснѣйшихъ явленій! Особенно типична въ полярныхъ странахъ необыкновенная, странная, эффектная игра лучей свѣта. Величественное зрѣлище сѣвернаго сіянія является тамъ въ сопровожденіи колецъ съ лобочными солнцами и дунами, и при этомъ, по увѣренію многихъ наблюдателей, слышится какой-то шумъ похожій на шуршавье или шелестъ листьевъ. Въ пещерахъ, образуемыхъ въ громадахъ льдовъ, каждый звукъ раздается съ необыкновенною силой и отчетливостью. Ночью планеты являются на небесномъ сводѣ съ блескомъ свойственнымъ неподвижнымъ звѣздамъ. Вслѣдствіе же преломленія лучей и ихъ отраженія, внѣшній видъ различныхъ предметовъ совершенно измѣняется, такъ что попеременно то самыя невысокіе предметы представляются въ видѣ исполинскихъ горъ, то лутешественнику кажется будто бездонныя пропасти раскрываютъ свою зіяющую глубину...“

IV.

Жюль Вернъ. *Гекторъ Сервадакъ, путешестіе и приключенія ея солнечномъ мѣрѣ*. Переводъ С. Самойловичъ; рисунки Филиппото. С.-Петербургъ, изданіе Ф. Н. Пастухова, 1880.

Большой томъ въ 500 страницъ страницъ, со множествомъ большихъ рисунковъ съ французскихъ *clichés*; прекрасная бумага и четкій крушый шрифтъ. Такова внѣшность изда-

нн. Что касается до содержанія, то оно представляет одну изъ тѣхъ научно-беллетристическихъ фантазій спеціальность которыхъ принадлежитъ исключительно Жюль Верну. Сочиненія его всегда читаются съ интересомъ. Нельзя не удивляться неутомимому воображенію этого писателя съ какою-то удивительною, особою находчивостію умѣющаго изобрѣтать все новыя и новыя гипотезы на которыхъ онъ строитъ свои фантастическіе разказы. Жюль Вернъ водилъ насъ по внутренности земнаго шара, переносилъ на лулу, на дно моря, въ кратеры вулкановъ; теперь онъ приглашаетъ насъ слѣдовать за нимъ въ „солнечный міръ“, и читатель послѣдовавшій этому приглашенію ни остается въ накладѣ противъ тѣхъ которые прежде путешествовали объ руку съ Верномъ по цвнымъ невѣдомымъ пространствамъ. Вернъ удивительный мастеръ заинтриговать самаго равнодушнаго читателя. Какъ бы скептически ни относились вы къ его сочиненіямъ, но стоитъ прочитать пять-шесть первыхъ страницъ, и вы, быть-можетъ втайнѣ досадуя на себя, непременно приметесь все дальѣе и дальѣе передвигать книгу чтобы узнать разрѣшеніе загадки которую Вернъ всегда ставитъ вамъ въ самомъ началѣ. То же самое повторяется въ его новѣйшемъ сочиненіи *Гекторъ Сервадакъ*. Русскій читатель заинтересовывается здѣсь уже тѣмъ что съ первыхъ же строкъ встрѣчается съ русскою фамиліей: графъ Василій Тимашевъ мѣняется карточками съ капитаномъ Гекторомъ Сервадакомъ. Они выходятъ на дуэль изъ-за какой-то барыни, на которой оба хотятъ жениться. Обмѣвъ карточекъ происходитъ 31 декабря, въ городѣ Мостаганемѣ въ Алжирѣ. Въ гавани Мостаганема „развѣвается русскій флагъ на галіотѣ *Добрня*“ который принадлежитъ графу Тимашеву и рѣшился перезимовать здѣсь. Дуэль назначена на 1е января. Но она не можетъ состояться, ибо въ ночь происходитъ нѣчто необычайное. Капитанъ Сервадакъ, жившій со своимъ ординарцемъ Бенъ-Зуфомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города для производства порученной ему топографической съемки, внезапно былъ повергнутъ на землю какимъ-то необыкновеннымъ ураганомъ. Когда онъ чрезъ нѣсколько часовъ пришелъ олять въ лапять, вокругъ совершалось нѣчто необыкновенное. Солнце вставало на западѣ; воздухъ сдѣлался гораздо менѣе плотенъ; кругъ горизонта значительно сузился; въ тѣлѣ чувствовалась какаа-то необычайная

легкости: когда Сервадакъ хотѣлъ перепрыгнуть чрезъ яму, его вдругъ подняло на высоту тридцати футовъ; дѣнь сталъ на половину короче. Мостаганемъ исчезъ; на мѣстѣ его раскидывалось синее, грозно бушующее водное пространство. Чтобы не испытывать долѣе читателей, откроемъ имъ секретъ который Жюль Вернъ, какъ всегда, обнаруживаетъ лишь въ серединѣ книги: капитанъ Сервадакъ оказывается на кометѣ которая ночью столкнулась съ землею, оторвала отъ нея клочекъ и съ этимъ клочкомъ несется теперь въ солнечномъ пространствѣ. Къ Сервадаку скорѣ присоединяется графъ Тимашевъ; затѣмъ они находятъ еще нѣсколькихъ испанцевъ, ученаго астронома оказывающагося бывшимъ учителемъ Сервадака, и нѣсколькихъ англійскихъ офицеровъ и солдатъ которые все воображаютъ себя на Гибралтарѣ. Вернъ очень юмористично описываетъ этихъ Англичанъ:

„Бригадиръ Мурфи и майоръ Олифантъ были два достойныхъ офицера англійской арміи. Судьба свела ихъ на одной станціи, гдѣ они въ свободное время улаждали жизнь шахматною игрою. Оба они были сорока лѣтъ отъ рѣду, оба высокаго роста, оба рыжіе, у обоихъ были великолѣпныя бакенбарды составлявшія уголь съ длинными усами; они всегда были въ мундирахъ, всегда флегматичны, очень гордились своимъ англійскимъ происхожденіемъ и изъ національной гордости были врагами всего не англійскаго. Они полагали что Англо-Саксонцы созданы изъ какого-то особаго вещества которое до сихъ поръ ускользало отъ всякаго химическаго анализа. Можетъ-быть эти англійскіе офицеры напоминали отчасти лугаль, но такихъ которыхъ боится лтицы и которыя отлично стерегутъ вѣрнѣе имъ поле. Англичане чувствуютъ себя вездѣ дома, даже и тогда, когда судьба заброситъ ихъ на нѣсколько тысячъ лье отъ ихъ отечества. Они очъ способны колонизировать—и вѣроятно колонизируютъ даже луну въ тотъ день когда водрузятъ на ней британское знамя.

„Надо сказать что лотопъ, такъ сильно измѣнившій часть земнаго шара, не особенно поразилъ майора Олифанта и бригадира Мурфа, представлявшихъ два совершенно исключительныхъ типа. Они занимали постъ на громадной скалѣ, гдѣ стояли казармы въ которыхъ жило нѣсколько сотъ солдатъ и офицеровъ. Когда наводненіе затопило ее, майоръ Олифантъ и бригадиръ Мурфи очутились вдругъ съ одна-

надцатью человѣками солдатъ на небольшомъ островѣ представляемомъ ея вершиною и совершенно окруженномъ необъятнымъ моремъ; но, какъ мы уже сказали, это не особенно озадачило ихъ.

„— Ого! сказалъ майоръ,—вотъ что можно назвать исключительнымъ случаемъ.

„— Дѣйствительно, исключительный случай! подтвердилъ бригадиръ.

„— Но вѣдь Англія существуетъ!

„— Конечно существуетъ.

„— И за нами придутъ англійскіе корабли чтобы отвезти насъ въ отечество.

„— Конечно придутъ!

„— Такъ останемся на мѣстѣ.

„— Останемся.“

Пока офицеры занимались безконечною партіей изъ шахматы, одиннадцать англійскихъ солдатъ надумали что имъ слѣдуетъ вѣскольکو выяснитъ два важные вопроса явившіеся слѣдствіемъ космическихъ измѣненій. День уменьшился вдвое: сколько разъ слѣдовало ѣсть, и какъ нужно было понимать относительно суточной платы жалованья? Капралъ Пимъ взялъ на себя обязанность изложить офицерамъ недоумѣніе своихъ товарищей.

„— Капралъ Пимъ, отвѣтилъ ему бригадиръ Мурфи,—такъ какъ жалованье платится по-суточно, то его не убавятъ, изъ сколькихъ бы часовъ ни состояли сутки. Англія достаточно богата для того чтобы платить жалованье своему войску.“

Вопросъ о жалованьи былъ разрѣшенъ. Капралъ Пимъ перешелъ къ другому вопросу:

„— Теперь насчетъ продовольствія, ваша честь. Такъ какъ день теперь состоитъ изъ шести часовъ, то мы хотѣли бы знать: будемъ ли мы ѣсть четыре раза въ день, какъ прежде, или только два раза?

„Майоръ подумалъ съ минутою и затѣмъ, взглянувъ на бригадира Мурфи, сдѣлавъ жестъ которымъ какъ будто хотѣлъ высказать что находить капрала Пима очень здравомыслящимъ и логичнымъ человѣкомъ.

„— Капралъ, отвѣчалъ онъ,—физическіе феномены не имѣютъ никакого отношенія къ военнымъ уставамъ. Вы и солдаты будете ѣсть четыре раза въ день, каждый разъ чрезъ полтора часа. Англія довольно богата для того чтобы сообра-

жаться съ законами вселенной, когда того потребуетъ военный уставъ!“

Англичане остаются вѣрными себѣ. Когда Сервадакъ убѣдился что комета, на которой они всѣ находились, предстоитъ опять столкновение съ землею, онъ отправился къ Англичанамъ чтобы сообщить имъ про возможность возвратиться на землю.

„— Не знаю какъ благодарить васъ, сказалъ майоръ Олифантъ,—но мы не можемъ оставить нашъ постъ.

„— Почему же?

„— Мы не имѣемъ на то приказа отъ нашего правительства и письмо которое мы адресовали адмиралу Ферфаксу все еще хранится у насъ въ ожиданіи почтового парохода.

„— Но вѣдь я говорю вамъ что мы находимся не на земномъ шарѣ и что прежде двухъ мѣсяцевъ комета опять встрѣтится съ землею.

„— Это не удивляетъ меня, капитанъ Сервадакъ, отвѣчалъ майоръ,—и вѣроятно Англія сдѣлаетъ все отъ нея зависящее чтобы привлечь къ себѣ комету.

„— Можетъ-быть не будетъ и Средиземнаго моря!

„— Всегда будетъ какое-нибудь Средиземное море, если Англія захочетъ этого.“

Капитанъ Сервадакъ, графъ Тимашевъ и вся колонія, за исключеніемъ Англичанъ, поднимаются на аэростатъ въ минуту столкновения ихъ кометы съ земнымъ шаромъ. Путешественники возвращаются на землю въ безпачетствѣ, въ томъ же состояніи въ какомъ они были унесены съ нею. Дуэль между Сервадакомъ и графомъ Тимашевымъ такъ и не состоялась. Въ продолженіе ихъ двухлѣтняго отсутствія вдова изъ-за которой у нихъ вышелъ слоръ вышла замужъ. Книга Верна читается съ большимъ интересомъ; особенно удалась автору фигура профессора Пальмира Розетти, этого неизбѣжнаго, всегда нѣсколько чудачливаго ученаго безъ котораго не обходится почти ни одинъ разказъ Жюль Верна.

V.

Женская доля по малороссийскимъ пѣснямъ. Очеркъ изъ малороссийской поэзіи. А. Боровиковскаго. С.-Петербургъ, 1879.

Этюдъ этотъ собственно не новый. Онъ написанъ еще въ 1864 году и въ 1867 году былъ помѣщенъ въ „Чтенія“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Обстоятельство это не лишаетъ интереса маленькую монографію г. Боровиковскаго. Съ одной стороны предметъ ея таковъ что относительно него не могло появиться новыхъ матеріаловъ, съ другой стороны можно навѣрное сказать что читающая публика въ первый разъ знакомится съ трудомъ г. Боровиковскаго въ этомъ отдѣльномъ изданіи, ибо „Чтенія“ имѣютъ лишь весьма ограниченный кругъ специальныхъ читателей.

По словамъ автора малорусскую поэзію характеризуетъ „сосредоточенная грусть, тихое горе. Украинскія пѣсни—это тѣ сказочныя слезы, гдѣ каждая слеза—жемчужина.“ Г. Боровиковскій находитъ что такъ-называемыя *сборники* „не могутъ дать понятія о духѣ и поэзіи пѣсенъ уже потому что въ нихъ обыкновенно помѣщаются пѣсни безъ нужнаго порядка, и часто попадають туда мотивы испорченныя“. Чтобы дать „хотя приблизительное понятіе о томъ какое богатство поэзіи въ украинскихъ пѣсняхъ,“ авторъ взялъ только тѣ пѣсни въ которыхъ поется про *женскую долю* и привелъ ихъ въ связь, выбирая „лучшія различія характеристичныхъ напѣвовъ.“ Согласно послѣдовательности въ которой идетъ жизнь женщины, авторъ разказываетъ какъ представляется въ украинскихъ пѣсняхъ дѣвушка, жена и мать. Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ этаго интереснаго этюда.

„Едва ли въ какомъ-нибудь языкѣ есть столько вѣжныхъ словъ для выраженія любви, какъ въ малорусскомъ, говоритъ авторъ... Сколько здѣсь непереводимыхъ выраженій, ласкательныхъ именъ, и одно вѣжнѣе другаго; даже глаголы и нарѣчія употребляются въ ласкательной формѣ. Какія поэтическія сравненія и желанія встрѣчаются на каждомъ шагѣ!“ Авторъ приводитъ примѣръ:

И по сей бикъ гора,
И по той бикъ гора,
А мижъ тымы-то гиролькамъ
Котылась зоря.

Ой то жъ не зоря,
 Ой то жъ не змя,
 Ой то жъ моя молодда дивчына
 По водацю йшаа.

Идеаломъ красоты представляются по украинскимъ лѣс-
 намъ—*блгое* лицо, *черныя* брови, *карія* очи, *русыя* кудри. У
 дивчины, кромѣ того, губы и лицо румяныя „какъ калива“. У
 казака—*черныя* усы, ровныя „какъ колосъ“; у него *милий*
 говоръ. Въ любви играютъ большую роль чары и разныя зелья;
 особенную связь съ любовью имѣютъ, между прочимъ: *сасы-*
лка, *барвинокъ*, *мата*. Есть и другія чары:

Ой есть у мене чары готовы:
 Билеа амычкы, черныя бровы.

Въ украинскихъ лѣснахъ воспѣвается преимущественно
 зоре любви; если же говорится и о радости, то больше въ
 прошедшемъ, для противопоставленія настоящему. Г. Боро-
 виковскій объясняетъ это тѣмъ что горе сильнѣе чѣмъ сча-
 стіе возбуждаетъ потребность высказаться, чтобы слезами и
 жалобами облегчить душу. Какая-то тревога замѣчается да-
 же въ самыхъ игривыхъ малороссійскихъ лѣснахъ:

Два лебеди на тій води,
 Обы два билекы...
 Не будемо, сердце, въ пари,
 Бо ще молоденкы!

Два лебеди на тій води
 И днюе и ноче...
 Не будемо, сердце, въ пари,
 Душа моя чуе!

Дѣвушка много приходится терлѣть отъ ревности. Про
 измѣну въ лѣснахъ говорится рѣдко; но большей части из-
 мѣняетъ казакъ. Дѣвушка обыкновенно переноситъ свое го-
 ре съ покорностью. На муку себѣ, она никакъ не можетъ
 забыть свою любовь; она желаетъ своему милому счастья
 даже и съ другою:

Десь мій мыленькій,
 Чорнобрыченькій,
 Зъ иншою секреты мае.

Колы зъ такою,
 Якъ ово мною,—
 Поможы ему, Боже!

Якъ же зъ цншою,
Ще й погашою,—
Розлучы его, Боже!

Есть однако въсколько пѣсень гдѣ говорится про отраву изъ ревности или гдѣ казакъ, въ отищеніе за обманъ, убиваетъ дѣвушку. Въ пѣсняхъ уломинается еще о разрывѣ безъ измѣны, объ охлажденіи; бываетъ много другихъ, вѣдшихъ прелатствій для любви, и такіе случаи часты:

Не вси тыи садкы цвѣтуть,
Що весною развиваютьця:
Не вси тыи випчаютьця,
Що вирмько та й кохаютьця;
Половина садкы цвѣте,
Половина осыпаютьця:
Одна паря випчаютьця,
А другая разлучаютьця.

Бываетъ что дѣвушку не хотятъ отдать за милаго по причинѣ его бѣдности. Поэтому богатство вообще не пользуется сочувствіемъ украинскихъ пѣсень. Со словомъ *богатый* почти всегда неразлучны эпитеты: *чубатый, губатый, горбатый*, вообще безобразный; богачъ вообще представляется старымъ. Немилый, за котораго дѣвушку приневоливаютъ идти, непременно богачъ. Богатство мѣшаетъ любви:

Летивъ орелъ по надъ моремъ:
„Подай, море, пыты!“
Ой якъ тяжко убогому,
Богату любыты!

Лучшее богатство парня—молодость и здоровье:

Я молодой, я здоровый,
Буду зарабатывать,
Ты не будешь, дивчыночко,
Ни въ чимъ нужды знаты!

Чрезвычайно поэтичны слова дѣвушки описывающей свое богатство:

У мене коровы—чорныи бровы,
У мене овечкы—ласковыи словечкы.

По словамъ автора „свадебныя“ украинскія пѣсни далеко не отличаются ни беззаботностью, ни веселостью. Женщина оставляетъ за собою свою дѣвичью свободу, родныхъ, все съ

чѣмъ сжилась и сроднилась, впереди ее ожидаютъ труды и жизнь въ чужой семьѣ. Будущая доля невѣсты—тяжелая загадка для нея. Отъ отца женщина переходитъ къ свекру, а свекоръ, говорится въ пѣсняхъ, каковъ бы онъ ни былъ, хоть грозный, хоть ласковый, не будетъ такимъ какъ родной отецъ:

Що у батенька та усюды горы—
Та гуляты до воли,
А у свекорка то усюды равны—
Та гуляты не вильно.

Женщина терлитъ отъ всей новой семьи:

Що у мене свекоръ та не батенько,
Що у мене свекруха та не матинка,
Що у мене диверько та не братичекъ,
Що у мене зовица та не сестрыца!

Пѣсни въ которыхъ говорится про замужество наиболее вѣрны основному тону всей малороссійской лѣвизы, грусти—таковъ общій выводъ г. Боровиковскаго. Въ этихъ пѣсняхъ почти не говорится о семейномъ счастіи. Авторъ приводитъ множество примѣровъ, изъ которыхъ мы заимствуемъ только одинъ. Случается что мужъ бросаетъ жену и уѣзжаетъ съ другою женщиной. Сама судьба караетъ измѣнника. Ему чуется упрекъ въ голосахъ самой природы:

Ой посаухай, чужа жона, чы дубривонька гуде,
Чы дубривонька гуде, чы мылаа въ поговь иде,
Чы соловыи щобечуть, чы то лон дитки плачуть?

Это удивительно повѣстическій мотивъ: отцу слышится въ щebetаньи соловьевъ плачь его дѣтей.

Малороссійскія пѣсни гораздо болѣе говорятъ о материнской любви къ дѣтямъ взрослымъ или по крайней мѣрѣ къ такимъ которымъ уже въ состояніи понимать эту любовь и отвѣчать любовью же, чѣмъ объ этомъ чувствѣ относительно маленькихъ дѣтей, замѣчаетъ г. Боровиковскій. „Невозможно передать ту вѣжность которою полны материнскія пѣсна. Жизнь сына составляетъ жизнь матери; его счастье—ея счастье, его горе—ея горе!“ Въ свою очередь дѣти знаютъ что никогда не встрѣтять имъ такой любви какую видятъ они отъ матери, и мать для дитяти дороже всего на свѣтѣ. Материнскому благословенію и проклятію принадлежатъ громадное вліяніе на судьбу дѣтей. „Счастливы

тотъ человекъ, говорится въ украинскихъ пѣсняхъ, который почитаетъ своего отца и свою мать: ихъ молитва и благословеніе помогаютъ и въ лахарствѣ, и въ ремеслѣ, и въ купечествѣ, поднимаютъ утоляющаго со дна моря, ихъ молитвы искупаютъ отъ грѣховъ, даже смертоносный мечъ минуетъ того человекъ. И на томъ свѣтѣ, въ аду, человекъ не почитавшій родителей считается грѣшникомъ изъ грѣшниковъ. Всѣ другія души будутъ прощены, но его душѣ никогда не дождаться прощенія.“ Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеристична одна малороссійска „щедровка“:

Ой сивъ Христокъ та вечераты,
 Пришаа къ ёму та Божая Маты.
 —Сидай, Маты, вечераты!
 —Ой спасыби, Сыну, за сю вечерыну!
 Дай миви, Сыну, золотыи ключи,
 Одиклуты рай и пекао,
 Выпустыты грѣшны души;
Тилькы одну та ты выпустаты,
Бо та душа согрѣшила:
Отца и матерь налаяла,
Не налаяла,—тилькы подумала!

Г. Боровиковскій называетъ свою небольшую монографію „юношескимъ трудомъ“. Трудъ этотъ во всякомъ случаѣ очень симпатичный и нельзя не пожелать чтобы авторъ пользуясь своимъ подробнымъ знакомствомъ съ народными украинскими пѣснями, разработалъ въ подобныхъ же этюдахъ различныя другія стороны народнаго быта, описалъ намъ различныя другія *домы*. Народныя пѣсни представляютъ для такого труда много драгоценныхъ матеріаловъ.

VI.

Библия въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Изданіе Суворина. Выпускъ первый. С.-Петербургъ, 1879 года.

Въ юньской книгѣ *Русскаго Вѣстника* мы указывали на появленіе въ Германіи *Библии* въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ. Изданіе это называется по-нѣмецки *Die goldene Bibel*. Въ настоящее время г. Суворинъ предпринялъ то же изданіе на русскомъ языкѣ и въ своемъ объявленіи ссылается, между прочимъ, на нашу рецензію. Обстоятельство это заставляетъ насъ еще разъ возвратиться къ изданію о которомъ мы уже высказывали наше мнѣніе.

Мы говорили что эта *Библия* въ картинахъ знаменитыхъ мастеровъ „гораздо болѣе будетъ соответствовать домашнему употребленію нежели пресловутая, утомительно эффектная *Библия* Густава Дорэ, вошедшая теперь въ большинство домовъ какъ нечто среднее между кипсекомъ и книгой для назиданія. Мы остаемся при этомъ мнѣніи. Величайшая „Книга“ человечества наиболее достойно иллюстрируется лучшими произведеніями величайшихъ художниковъ, изъ которыхъ многіе часто изливали свое вдохновеніе только въ одной какой-либо картинѣ на сюжетъ изъ *Библии*. Изъ этого не слѣдуетъ однако чтобъ изданіе г. Суворина можно было признать обогащеніемъ русской художественной литературы, чтобъ это былъ вкладъ въ сокровищницу русской мысли и русскаго чувства.

Читатели прамолвятъ можетъ-быть въ чемъ состоитъ та *Goldene Bibel* про которую мы говорили ранѣе. Это коллекція изъ ста картинъ раздѣленныхъ поровну между Вѣтхимъ и Новымъ Заветомъ. Къ каждой картинѣ присоединено на особомъ листѣ десять или двадцать строкъ библейскаго текста относящагося къ предмету того или другаго рисунка. Это не есть полная *Библия*; это *Библия въ картинахъ*. Главное значеніе имѣютъ иллюстраціи. Въ нихъ значеніе и заслуга изданія, въ первый разъ представляющаго въ одной коллекціи лучшихъ библейскихъ вдохновенія первоклассныхъ мастеровъ всѣхъ временъ и народовъ. Строго говоря, изданіе ничего не проиграло бы еслибъ этого текста не было совсѣмъ или еслибъ оны были замѣнены простыми подписями: *Изгнаніе изъ Египта, Каинъ и Авель, Блѣсто отъ Египетъ* и т. д. Событія изображаемыя на картинахъ къ *Библии* такъ извѣстны каждому что не нуждаются въ поясненіи. Повѣствовательная часть *Библии* всѣмъ знакома. Библейскій текстъ получаетъ, если брать его отрывками, особенное значеніе тамъ гдѣ отрывки эти представляютъ не разказы, а такъ-называемыя *изрѣченія, Sprüche*, великія поученія изложенныя въ удивительно краткой и ясной формѣ.

Въ чемъ же состоитъ русское изданіе этой *Библии* въ картинахъ? Г. Суворинъ вошелъ въ сношеніе съ нѣмецкимъ издателемъ и получаетъ изъ-за границы готовыя картины, тѣ самыя которыя входятъ въ составъ нѣмецкаго изданія. Русскому издателю остается только озаботиться печатаніемъ на отдѣльныхъ листахъ нѣсколькихъ строкъ библейскаго

текста прилагаемыхъ къ той или другой картинѣ. Такимъ образомъ въ этомъ *русскомъ* изданіи все главное, *мысль* и *картины*, не русскіе. Не подлежитъ сомнѣнію что въ виду полного тождества изданій какъ по цѣнѣ, такъ и составу и достоинству картинъ, русскіе покупатели предпочтутъ приобретать русское изданіе. Это не мѣняетъ вопроса. Мы думаемъ что русское изданіе все-таки остается чѣмъ-то въ родѣ разрѣшенной нѣмецкимъ издателемъ перепечатки. Дѣйствительную заслугу и значеніе для русскаго искусства и для русской гравюры подобное изданіе получило бы еслибы кто-либо, заинтересовавшись *мыслію* нѣмецкаго издателя, предпринялъ *однородное*, но совершенно оригинальное изданіе *Библии* въ картинкахъ *лучшихъ русскихъ мастеровъ*. Это была бы дѣйствительно коллекція какой у насъ еще нѣтъ; это было бы предпріятіемъ въ высшей степени интереснымъ для *русской* гравюры, для исторіи *русскаго* искусства; оно въ первый разъ дало бы намъ *лучшія русскія* картины къ *Библии*, *лучшія русскія* вдохновенія. Мы не отрицаемъ известнаго рода внимательности и предупредительности къ русской гравюрѣ которая оказываетъ издатель вкладывая готовые иностранныя картины въ очень красиво нарисованную русскую обложку. Но, повторяемъ, истинною издательскою заслугой было бы только предпріятіе *паралельнаго русскаго изданія* которое, въ свою очередь, могло бы возбудить и за границей такой же интересъ какой представляетъ для насъ нѣмецкая *Goldene Bibel*.

VII.

Новый романъ Ауэрбаха. Berthold Auerbach: *Der Forstmeister*, Roman in zwei Bänden, Berlin, Paetel, 1879.

Есть литературныя произведенія которыя чрезвычайно трудно поддаются анализу. Къ числу ихъ относится новый романъ Ауэрбаха.

Годъ тому назадъ, почти около же этого времени, мы познакомили читателей съ предестнымъ разказомъ Ауэрбаха *Ландолингъ изъ Рейтерсгофена*. Задача критики была тогда легка. Предъ нами была яркая, почти скульптурально очерченная фигура непреклонной и цѣльной натуры, фигура богатаго крестьянина гордаго своею независимостью, чванливаго своимъ богатствомъ, радующагося тому что дочь идетъ вся

въ него. Предъ нами раздвертывалась простая, но удивительно правдивая и яркая семейная драма. Въ новомъ романѣ Ауэрбаха дѣло поставлено иначе. Старикъ лѣсничій, давшій свое имя всему роману, отодвигается въ нашемъ интересѣ на второй планъ. У него есть дочь и жена, точно также какъ онъ былъ у Ландолина; но въ противоположность женѣ и дочери Ландолина эти двѣ женщины только вышнимъ образомъ принимаютъ участіе въ дѣйствіи и не оказываютъ яснаго вліянія на развитіе характеровъ. Дѣйствительный интересъ заключается для читателя въ фигурѣ впервые еще, сколько намъ извѣстно, появляющейся въ нѣмецкой литературѣ, въ фигурѣ отверженнаго челоуѣка называющаго самого себя *нигилистомъ* и *пессимистомъ*. Фигура эта, если хотите, второстепенная, вводная; она нужна была автору только для того чтобы завязать интригу. Но, быть-можетъ помимо первоначальнаго намѣренія Ауэрбаха, фигура эта завладеваетъ, если не въ дѣйствіи, то въ разговорѣ, очень широкое мѣсто. Читатель безпрестанно наталкивается на нее, безпрестанно долженъ выслушивать ея рѣчи. Благодаря присутствію этого лица чрезъ весь романъ проходитъ какой-то демоническій мотивъ; заое, разлагающее начало постоянно стережетъ изъ-за угла, постоянно раскладываетъ всѣмъ свои невидимыя сѣти. Фигура этого нѣмецкаго „нигилиста“ очень интересна и видимо интересовала самого автора, который, съ одной стороны, противопоставилъ ей всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ своего романа, съ другой стороны изобразилъ въ pendant къ этому „нигилисту“ женщину изъ высшаго круга вступившую съ нимъ въ союзъ. Въ минуту когда творческое вдохновеніе переходитъ въ болѣе спокойный процессъ созиданія, каждому автору случается отступать отъ первоначально задуманнаго плана; при нанесеніи красокъ на очертанія набросанными карандашомъ или углемъ часто оказывается что та или другая подробность неожиданно обрисовывается рельефнѣе и ярче, что нѣкоторыя фигуры должны отступить, другія выдвигуться рѣзче нежели предполагалось. Намъ кажется что такъ случилось и съ Ауэрбахомъ. Но онъ сдѣлалъ одну ошибку. Онъ не сохранилъ пропорціи. Ярко обрисовавъ своего „нигилиста“, авторъ все-таки оставилъ его на второмъ планѣ. Отсюда произошло отсутствіе художественной гармоніи которая такъ привлекательно дѣйствовала на читателя въ *Ландолинѣ*. Новый романъ Ауэрбаха производитъ впечатлѣніе

чего-то отрывочнаго, безлокойнаго. Яркость изображенія не вездѣ сопровождается здѣсь достаточною подробною и ясною психологическою мотивировкой. Дѣйствіе блѣдно и развертывается не по закону неумолимой логической послѣдовательности, но какими-то скачками. Изложенію мыслей отведено болѣе мѣста нежели сколько совмѣстимо съ требованіями художественнаго равновѣсія между словомъ и дѣломъ. Соотвѣтственно этому намъ придется останавливаться въ нашемъ изложеніи почти исключительно на характеристикѣ типовъ и лишь въ немногихъ словахъ указывать на ходъ дѣйствія.

Авторъ прежде всего знакомитъ насъ съ лѣсничимъ Иорсомъ. Онъ называетъ его *Forstmeister*, что приблизительно соотвѣтствуетъ въ іерархической лѣстницѣ чиновъ титулу „старшій лѣсничій“; читателю вѣроятно не посѣтуютъ на насъ если мы, разъ обративъ ихъ вниманіе на то что Иорсъ занимаетъ сравнительно высокое служебное положеніе между своими товарищами, будемъ впредь называть его просто „лѣсничимъ“. Иорсъ чрезвычайно любитъ охоту и лѣсъ; онъ чрезвычайно привадался къ своему участку и въ то мгновеніе когда начинается романъ только что получивъ, согласно своему ходатайству, разѣшеніе навсегда остаться на своемъ прежнемъ мѣстѣ, несмотря на то что ему предлагали другое, болѣе высокое служебное положеніе. Это человекъ латидесяти лѣтъ, кражистый, не боящійся бурь и холода; онъ такъ высокъ что принужденъ наклоняться чтобы пройти въ дверь. Его называютъ „старымъ Шведомъ“; ходитъ предавая что онъ ведетъ свой родъ отъ шведскаго воина поселившагося въ Германіи во времена Густава-Адольфа. Не только въ имени Иорса, но и въ наружности его есть что-то напомивающее сѣверянина. У него продолговатое лицо, „водянисто-голубые, чистосердечные глаза“, высокій крутой лобъ, густые посѣдѣвшіе волосы. Это физически и нравственно здоровый человекъ, пользующійся всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Онъ строгъ. Старый лѣсной сторожъ знаетъ что съ Иорсомъ нельзя заговаривать прежде нежели онъ заговоритъ самъ; когда онъ возвращается изъ лѣса домашніе не смѣютъ его спрашивать убилъ ли онъ что-нибудь: нужно выждать пока онъ первый скажетъ про это. Впрочемъ есть вѣрный признакъ по которому узнается что лѣсничій застрѣлилъ какое-нибудь животное или птицу: въ

этомъ случаѣ онъ, возвратившись изъ лѣса, три раза моетъ себѣ руки. Другая особенность его состоитъ въ томъ что онъ никогда не ѣстъ мяса убитой имъ дичи. Все это не мѣшаетъ ему быть страстнымъ, горячимъ, безпощаднымъ охотникомъ, не чуждымъ даже нѣкотораго бессознательнаго чувства жестокости. Когда привосять оленя убитаго Иорсомъ, дочь спрашиваетъ отца доставило ли ему удовольствіе застрѣлить это животное.

„— Да, дитя, отвѣчаетъ Иорсъ.—Когда олень такъ великолѣпно упалъ, я подошелъ къ нему, тронулъ его ногою и подумалъ про себя: вотъ ты лежишь теперь... жалко, очень жалко что ты не можешь опять встать... а бы тебя застрѣлил еще разъ.

„Послѣднія слова Иорсъ произнесъ быстро, страстно, торопясь. *Жена его закрыла свое лицо объими руками, дочь положила руку на плечо отца. Онъ понялъ что она разделяетъ съ нимъ его восторгъ охотника.*“

Въ подчеркнутыхъ нами словахъ заключается уже характеристика жены и дочери Иорса. Жена—дочь пастора. Это очень добрая и хорошая женщина, но самая блѣдная фигура всего романа. Она хорошая женщина, и только. Дочь имѣетъ много сходства съ отцомъ. Ей восемнадцать лѣтъ, зовутъ ее Карола. Она „свѣжа какъ молодой день“, и, какъ отецъ, очень высокаго роста; у нея „резовое лицо, каштановые волосы густою косою лежащіяся вокругъ лба“ подобно діадемѣ. Ея звонкій голосъ образуетъ „удивительный контрастъ“ къ „могучему басовому голосу“ отца. Въ то утро которымъ открывается романъ Карола очень счастлива. Наканунѣ происходило состязаніе въ стрѣльбѣ и она, дѣвушка, получила призъ. Она сама испугалась когда это случилось. Всѣ лѣсничіе окружили ее, поднялся шумъ, начались поздравленія, всѣ жали ей руки, одинъ лѣсничій чуть не раздавилъ ея пальцы своимъ пожатіемъ. Старикъ лѣсной сторожъ Мангольдъ, на глазахъ котораго Карола выросла, не отходилъ отъ нея и все повторялъ: мнѣ въ тысячу разъ пріятнѣе что ты получила призъ нежели еслибъ онъ достался мнѣ. Но въ то же время Мангольдъ разказывалъ всѣмъ что „ихъ“ барышня умѣетъ страдать не хуже своей матери; старикъ боялся чтобы Каролу не стали считать за плохую хозяйку. Карола не слаба отъ радости цѣлую ночь; отецъ хочетъ выхлопотать ей теперь билетъ съ которымъ она свободно можетъ охо-

тяться въ лѣсу. Она никакъ не можетъ понять какимъ образомъ могла она провести цѣлыхъ поатора года въ институтѣ, вдали отъ природы и лѣса. Ей кажется „что все видимое человѣкомъ также видитъ въ свою очередь его. Деревья также видать насъ, но у нихъ другой способъ видѣть.“ Что скажутъ ея подруги когда прочитаютъ въ газетахъ про ея искусство въ стрѣльбѣ?

„— Дочь моя, говоритъ Иорисъ,—не спрашивай много про то что говорятъ люди.

Лѣсничій говоритъ домашнимъ что хочетъ застрѣлить въ это утро старую домашнюю собаку которая совсѣмъ ослабла и съ трудомъ волочить нога.

„— Хорошо что ты хочешь ее убить, говоритъ Карола.— Такъ лучше.

„— Дитя! воскликнулъ отецъ,—однако ты...! Желалъ бы я знать что за человѣкъ покорить себя когда-нибудь такое сердце.

„— Да, отецъ, и мнѣ желалось бы это знать. Гдѣ это онъ рыскаетъ по свѣту и теряетъ драгоценное время. Одно только я говорю напередъ: онъ долженъ быть лѣсничимъ!

„— Карола, пребываетъ ее мать,—ты не должна такъ говорить. Есть хорошіе люди и въ другихъ сословіяхъ.

„— Можетъ-быть. Только другіе такъ ужъ пусть и будутъ для другихъ.“

Намекая на хорошихъ людей изъ „другихъ“ сословіи, мать имѣетъ въ виду молодого кандидата богословія, дальняго родственника семьи. Тилъ этого молодого человѣка одинъ изъ самыхъ удачныхъ въ романѣ Ауэрбаха. Намъ придется познакомиться съ нимъ ближе и мы пока ограничиваемся нѣсколькими общими штрихами. Вотъ что лишеть молодой викарій—онъ занимаетъ у стараго протестантскаго пастора должность помощника, то что мы назвали бы по-русски обя-завностями „равнаго священника“,—вотъ что онъ лишеть про себя своему товарищу:

„Уже Галилей говорилъ что сельскіе священники должны изучать естественныя науки. Я изучаю теперь лѣсоводство и многому научаюсь. Лѣсоводство представляетъ мнѣ много точекъ сравненія съ нашимъ призваніемъ, но я не рѣшаюсь говорить про это съ Иорисомъ. Онъ сердится если переводить его дѣятельность въ аллегоріи, онъ не привыкъ, подобно намъ, думать въ картинахъ. Еще я долженъ сказать

тебѣ что мнѣ оказываютъ особенное расположеніе вслѣдствіе того что предъ моею фамиліей стоитъ частичка *von*. Находить что-то заслуживающее особеннаго уваженія въ томъ обстоятельстве что дворянинъ, хотя бы не имѣющій средствъ, какъ я, посвящаетъ себя духовному званію несмотря на то что могъ бы сдѣлаться офицеромъ или же, по установившемуся обычаю, легче другихъ получить доступъ къ высшимъ должностямъ. Всѣ предполагаютъ здѣсь что я руководствуюсь серьезнымъ и священнымъ призваніемъ. Я не буду ничего возражать, если все это поможетъ мнѣ привести нѣсколько душъ на путь спасенія. Мои католическіе товарищи,—они по большей части дѣти крестьянъ, а не пасторовъ, какъ у насъ,—обращаются со мною чрезвычайно вѣжливо.“

По наружности этотъ молодой викарій „хорошо сложенный юноша, средняго роста, съ длинными и прямыми блонкурыми волосами. Около губъ, повидимому созданныхъ для красованія, лежитъ легкій пушокъ; изъ глазъ сіяетъ мечтательный блескъ.“

Дѣйствіе романа развивается очень туго. Въ продолженіе цѣлаго ряда главъ въ семействѣ лѣсничаго всѣ только разговариваютъ и разказываютъ про одного молодого человѣка, Руладда. Этотъ Руладдъ былъ помощникомъ у Йориса и сталъ его другомъ. Онъ былъ женатъ и очень любилъ свою жену, которая изображается какою-то идеальной женщиной. Жена Руладда умерла. Это такъ сильно подѣйствовало на него что онъ, не подавъ даже въ отставку, тайно отъ всѣхъ внезапно покинулъ Германію и уѣхалъ въ Америку. Руладдъ былъ товарищемъ сына Йориса, Рудольфа, ставшаго телеръ профессоромъ лѣсоводства. Рудольфъ получаетъ отъ него письмо въ которомъ описывается несчастное положеніе лѣсоводства въ Америкѣ. Руладдъ питаетъ идеальную любовь къ лѣсу. Будучи лѣсничимъ въ округѣ Йориса онъ насадилъ лѣсъ въ совершенно обнаженной мѣстности, гдѣ все было вырублено и испорчено, и чрезъ это снискалъ себѣ всеобщее вниманіе, уваженіе и почетъ. Телеръ, находясь въ Америкѣ, онъ точно также не можетъ равнодушно относиться къ варварскому истребленію деревьевъ. Лично осмотрѣвъ многія мѣстности Руладдъ путемъ журнальныхъ статей и непосредственнаго обращенія къ правительству старается прекратить повальное лѣсоистребленіе въ Америкѣ. Трудъ его готовъ увѣнчаться успѣхомъ. Во главѣ американскаго министерства внутреннихъ дѣлъ стоитъ человѣкъ родившійся въ Гер-

маніи, и можно надѣяться что безумной эксплуатаціи лѣса будетъ положенъ конецъ. Рудольфъ печатаетъ письмо Рулаанда въ нѣмецкихъ газетахъ, и появленіе этого письма составляетъ завязку романа. Дѣло въ томъ что у Рулаанда остался въ Германіи непримиримый врагъ, нѣкто Шаллеръ. Овъ-те и есть человекъ называющій самъ себя „диггилстомъ“.

Отецъ Шаллера былъ адвокатъ, бросившій свою карьеру для того чтобы заняться скучкой и вырубкой лѣсовъ. Занятіемъ этимъ онъ важилъ большія деньги; онъ доставлялъ своему сыну, бывшему въ то время студентомъ сначала въ университетѣ, а потомъ въ лѣсной академіи, средства для удовлетворенія всѣхъ его прихотей. Старикъ Шаллеръ самъ садился за одинъ столъ съ молодежью, засучивалъ рукава, пилъ, пѣлъ лѣсамъ и подбивалъ молодыхъ людей на разные гаупости. По смерти отца Шаллеру осталось большое состояніе, которое онъ все прокутилъ за исключеніемъ маленькаго домика, въ которомъ и живетъ теперь, ничѣмъ не занимающійся, а только читая разныя книги, отъ которыхъ онъ, по выраженію Юркса, „еще болѣе бѣсится“.

Первое наше знакомство съ Шаллеромъ происходитъ въ комнатѣ директора тюрьмы. Шаллера выпускаютъ послѣ того какъ онъ по приговору суда провелъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ за угрозы лишить Рулаанда жизни. Это „здоровый, сильный и коренастый человекъ, съ густыми волосами черными какъ смола, съ блестящими и безлокальными глазами и нѣсколько плоскимъ лбомъ.“ Въ разговорѣ, который, мы должны признаться, не совсѣмъ для насъ ясенъ, директоръ тюрьмы предлагаетъ Шаллеру поступить на службу въ полицію. Шаллеръ отказывается „съ торжествующимъ лицомъ“ и мы въ первый разъ слышимъ какъ онъ рекомендуетъ себя:

„— Господишь директоръ люди называютъ по именамъ собакъ на землѣ и звѣзды на небѣ. Они не знаютъ ни собакъ ни звѣздъ. Насъ—къ сожалѣнію насъ мало—называютъ нигилистами; ученымъ и чиновникамъ нравится это ничего не значащее слово. Подходяще было бы назвать насъ пессимистами, еще подходяще — анархистами. Мы совершенно равнодушны къ прачешному заведенію которое называется у насъ государствомъ; насъ не заставишь стать къ корыту. Прощайте!“

Шаллеръ протянулъ директору руку, но тотъ не подавъ ему своей. Шаллеръ смѣясь вышелъ изъ канцеляріи, смѣясь

переступилъ за ворота тюрьмы. Но здѣсь онъ внезапно сталъ серьезнѣе:

— Здравствуй, говоритъ онъ, честный мѣръ! Вотъ я опять явился. Мнѣ самому любопытно знать что ты со мной будешь дѣлать!

И съ этой минуты Шаллеръ рѣшительно выступаетъ на первый планъ. Онъ безпрестанно характеризуетъ себя самъ, другіе безпрестанно характеризуютъ его. Вечеромъ того дня когда его выпустили изъ тюрьмы, Шаллеръ является въ общественный садъ, куда собралось все мѣстное общество. Никто не говоритъ съ Шаллеромъ. Для того чтобы „увидѣть всякое вліяніе безбожныхъ, надъ всѣмъ издѣвающихся рѣчей Шаллера, Руландъ добился того что во всемъ округѣ Шаллеръ находился какъ бы въ отлученіи: никто не отвѣчалъ ему, никто не обращалъ вниманія на его слова.“ Тѣмъ болѣе говорить про него; мы узнаемъ что Шаллеръ, вполне сознавая свою виновность въ уголовномъ процессѣ возбужденномъ противъ него Руландомъ, тѣмъ не менѣе велъ этотъ процессъ во всѣхъ инстанціяхъ „для того чтобы въ различныхъ кругахъ и все предъ новыми слушателями показать свое краснорѣчіе и свое презрѣніе къ свѣту.“ Говорятъ что Шаллеръ все-таки былъ „замѣчательнымъ“ человѣкомъ. Изъ всѣхъ присутствующихъ находится только одна личность, одна изъ самыхъ высокопоставленныхъ въ мѣстномъ обществѣ женщинъ, молодая вдова Эмми, которая рѣшается подойти къ Шаллеру и заговорить съ нимъ. Отецъ этой женщины занималъ высокій административный постъ въ столицѣ, вышелъ въ отставку и теперь живетъ въ провинціи; „каждый чиновникъ допускаемый въ его общество какъ бы получаетъ орденъ, изъ неслужащихъ—каждый какъ бы поднимается на одну ступень въ своемъ общественномъ положеніи.“ Эмми при всѣхъ подходитъ къ Шаллеру и протягиваетъ ему руку. Шаллеръ пораженъ; еще болѣе поражено общество. „Эмми бросила этому обществу смѣлый вызовъ, ударила его по лицу, проходя мимо всѣхъ подъ руку съ человѣкомъ только что выпущеннымъ изъ тюрьмы. Эмми самодовольно осматривалась вокругъ. Она сдѣлала вѣчто показывавшее всѣмъ какъ она всѣхъ презираетъ.“

Что это за женщина? Что общаго между нею и Шаллеромъ?

„Эмми и Шаллеръ всегда любили симпатію другъ къ другу и симпатія эта выражалась взаимнымъ поддразниваньемъ и

словесными турнирами. Оба они любили играть людьми. Эмики была страстная, но въ сущности холодная натура; она могла поддаться на одно мгновеніе страстному увлеченію, но въ глубинѣ души оставалась холодною и считала чувства другихъ, какъ и свои собственные, за простую комедію. Она играла съ цѣлою толпою поклонниковъ, но повидимому имѣла дѣйствительную склонность къ одному только Руланду. Когда онъ удалился отъ нея, она вышла замужъ за окружающаго врачевнаго инспектора, человека гораздо старѣе ея по лѣтамъ.“

Шаллеръ благодаритъ Эмики за то что она заговорила съ нимъ:

„— Вы не добры, вы—велики. Это выше.

„— Если вы считаете за величіе—презирать этотъ мелочивый, уродливый свѣтъ, я принимаю вашу комплиментъ, отвѣчаетъ Эмики.

„— Въ этомъ презрѣніи вы нашли нѣчто очень прочное, продолжаетъ Шаллеръ.—Презрѣніе къ людямъ гораздо прочнѣе нежели любовь къ нимъ. Любовь къ человечеству можетъ оказаться несостоятельною, презрѣніе—никогда.“

Эмики рассказываетъ Шаллеру что ее покойный мужъ, вмѣстѣ съ Шаллеромъ учившійся въ университетѣ, всегда считалъ его „за гения, не вшедшаго настоящей дороги“. Студенты все думали что Шаллеръ сдѣлается великимъ потому въ родѣ Байрона. Шаллеръ возражаетъ на это что у него нѣтъ ни честолюбія, ни самолюбія. Онъ философъ, новый Діогенъ, ибо Діогенъ былъ патріархомъ всехъ презирающихъ человечество.

„— Разница только въ томъ что Діогенъ не курилъ и лежалъ на доскахъ, а я удобно лежу на диванѣ и читаю какъ люди мучаются чтобы узнать что такое жизнь и никакъ не могутъ этого узнать. Хорошо мировой порядокъ! Сначала люди должны жить, потомъ умереть, а потомъ хотять жить еще разъ и уже вѣчно. Почему не начать прямо съ вѣчной жизни? Я не хочу болѣе никакихъ радостей на этомъ свѣтѣ. Меня не радуютъ ни женщины, ни вино, ни игра, ни охота. У меня только одна радость: заораство. Что такое лучъ любви въ глазахъ двухъ любящихъ существъ? Вздоръ, ложь, вотъ это что! Единственная правда заключается въ скорбномъ взорѣ существа испытывающаго муки. Есть у васъ врагъ, Эмики? Я брошу его къ вашимъ ногамъ, вы тогда насладитесь его муками.“

Эмми ненавидитъ Руанда за то что онъ пренебрегъ ею. Она подзадориваетъ Шаллера на мщеніе. Она даетъ ему по-нять что *сърочною* причиною быстрого исчезновенія Руанда послѣ смерти жены было то обстоятельство что онъ, этотъ идеальный и честный человекъ, просто-на-просто *отравилъ* свою жену. Шаллеръ остается одинъ. Наступила ночь. Онъ возвращается домой и по дорогѣ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Во всемъ свѣтѣ никто не заботится обо мнѣ и я ни о комъ не забочусь; мы квиты. Я единственный свободный человекъ. Не принимать ни въ комъ участія и не требовать участія ни отъ кого, въ этомъ только заключается свобода.

„И вдругъ, точно изъ него закричалъ демонъ, онъ громко воскликнулъ: Руанда! Руанда! Онъ остановился когда лѣсное эхо повторило это имя, и продолжалъ:

„Мнѣ все-таки еще осталось кое-что на свѣтѣ. Ты права, скучающая вдовица сидящая при дорогѣ! Еслибъ онъ только былъ здѣсь предо мной! Я схватилъ бы его и вырвалъ бы у него сердце! Мщеніе! мщеніе тому кто такъ гордъ своею нравственною чистотой. Онъ хорошъ потому что ему въ жизни никогда не нужно было быть дуракомъ. Въ сущности онъ не чтѣ иное какъ подлецъ-учителюшка. Берегись, я опять на свободѣ! Я сыщу тебя въ дѣвственныхъ американскихъ лѣсахъ!“

Шаллеръ возвращается домой „тихо крадучись какъ хищный звѣрь который почуялъ добычу“. Ауэрбахъ описываетъ его жильѣ:

„Еще при жизни своего отца Шаллеръ передѣлалъ въ жилое помѣщеніе сарай стоявшій посреди большой поляны близъ лѣсной опушки. Онъ говорилъ что хочетъ, подобно древнимъ пророкамъ, въ удивленіи изсѣдывать міровыя тайны. Теперь этотъ домикъ остался его единственнымъ достояніемъ, и онъ жилъ въ немъ неотчуждаемою рентой которую отецъ какъ-то разъ въ шутку написалъ на его имя. Даже враги Шаллера должны были сознаться что онъ былъ умѣренъ въ лицѣ и питѣ, довольствовался самыми простыми вещами—потому, прибавляли враги, что онъ уже пресытился всеми наслажденіями жизни. Домъ его былъ наполненъ разными странными предметами. Тутъ были музыкальные инструменты и оружіе индійскихъ племенъ, по стѣнамъ были развѣшены, не безъ нѣкотораго вкуса, различныя восточныя украшенія.

Шаллеръ дѣлалъ прежде большія путешествія и утверждалъ что прожилъ въ некоторое время въ Америкѣ между Индѣйцами. Надъ диваномъ висѣла въ рамѣ большая картина. Она изображала Шаллера сидящаго на бочкѣ и увѣнчаннаго виноградными лозами; вокругъ него лежало, стояло и сидѣло съ полсотни студентовъ, безъ сюртуковъ, со стаканами, кружками и ралирами въ рукахъ, съ лестрыми лентами черезъ плечо. На шкафу съ книгами красовалась чучела собаки съ надписью: „мой идеалъ“. Съ Шаллеромъ жила въ его домикѣ старуха-служанка. Она не смѣла ничего говорить пока онъ самъ ее не спрашивалъ.

Шаллеръ приходитъ въ солприкосновеніе съ лѣсничимъ, Каролою и викаріемъ. На другое же утро — это былъ воскресный день — онъ отправляется въ церковь и, въ ожиданіи пока всѣ въ нее соберутся, садится на могилѣ Сильвіи, умершей жены Руанда. Онъ опять бесѣдуетъ самъ съ собою:

„Вотъ онъ опять, этотъ міръ озаренный солнечнымъ свѣтомъ. Вотъ зеленѣютъ и шумятъ лѣса; вотъ цвѣтутъ долины и надъ ними расплывають въ воздухѣ птицы; вотъ поднимается къ голубому небу дымъ изъ человеческихъ жилищъ. Вся земля притворяется будто на ней есть спокойствіе, миръ, блаженство. Фу! Кто видѣлъ разъ разложеніе и ложь, кто видѣлъ какъ лопаются мыльный пузырь называемый земнымъ существованіемъ, тотъ долженъ былъ бы умереть. Къ чему еще жить, къ чему ѣсть, пить, спать, дѣлать завтра все то же что сегодня.“

Предъ нимъ является Карола принесшая вѣнокъ на могилу Сильвіи. Шаллеръ говоритъ ей что хочетъ доказать всему свѣту какъ онъ перемѣнился. Онъ проситъ Каролу попросить за него ея отца. Карола обѣщаетъ сдѣлать это, подкулаченная тѣмъ что застала Шаллера на могилѣ Сильвіи. Когда она обращается къ отцу съ просьбою сдѣлать что-нибудь для Шаллера, Иорисъ отвѣчаетъ:

„— Я не вѣрю чтобы человѣкъ могъ такъ измѣниться, въ особенности *такой* человѣкъ. Можетъ-быть на него еще дѣйствуетъ повеселное имъ наказаніе, но это скоро пройдетъ. Кто такъ преступно поступаетъ съ самимъ собою и со всемъ свѣтомъ, кто дѣлаетъ изъ жизни только одиень пиръ, кто смѣется надъ другими за то что они подчиняются порядку и занимаются трудомъ, тотъ никогда...“

Лѣсничій не кончаетъ своей рѣчи. Шаллеръ подходитъ къ

нему и просить занятія, хотя бы самаго низкаго. Иорисъ качаетъ головой:

„— Въ рабочіе вы не годитесь, да я и не пошлю васъ къ нимъ; я боюсь что вы погубите души этихъ бѣдныхъ людей. Въ дѣсные надсмотрщики я также не могу васъ принять; кто поступаетъ какъ вы, тотъ не получитъ болѣе разрѣшенія носить оружіе.“

Иорисъ рекомендуетъ Шаллера мѣстному спекулянту Эйльмейеру; онъ называетъ его „способнымъ и ловатывымъ человекомъ который можетъ помочь Эйльмейеру въ его коммерческихъ предпріятіяхъ.“ Карола даетъ Шаллеру свой молитвенникъ, такъ какъ онъ идетъ въ церковь. Послѣ обѣдни молодой викарій Готтгольдъ подходитъ къ Шаллеру и подаетъ ему руку:

„— Если я могу чѣмъ-нибудь помочь вамъ, располагайте мною. Приходите ко мнѣ во всякое время дня и ночи, вы всегда найдете меня готовымъ.“

„— Какъ тебѣ понравилось обращеніе Готтгольда съ Шаллеромъ? не безъ нѣкоторой гордости спрашиваетъ Иориса жена.“

„— Хорошо-то оно хорошо, отвѣчаетъ Иорисъ, — только Готтгольду не достааетъ еще выдержки. Ему не сѣдовало подходить первому къ Шаллеру, онъ долженъ былъ бы подождать пока этотъ безпутный обратится къ нему. Теперь Шаллеръ думаетъ что онъ окажетъ Готтгольду одоженіе когда сдѣлается порядочнымъ человекомъ, еси только онъ можетъ стать такимъ.“

„— Онъ можетъ стать порядочнымъ человекомъ и сдѣлается имъ, восклицаетъ жена Иориса съ горделивою радостью, а Карола вспоминаетъ какъ Шаллеръ бывалъ у нихъ въ домѣ студентомъ, приходя вмѣстѣ съ Руландомъ къ брату Рудольфу.“

„— Да, да, говоритъ дѣвнчій, — если посмотрѣть на этихъ трехъ молодыхъ людей, то тутъ дѣлая исторія нашего времени. Я не вѣрю въ исправленіе Шаллера. Онъ хвастунъ и дѣвнвецъ. Девять десятыхъ изъ его заворедной болтовни — пустое вранье, одна десятая — дѣйствительное убѣжденіе. Онъ хвастливо рисуется своею дѣвнью, говоритъ: не стоитъ труда дѣлать что-нибудь для этого свѣта, черезъ столько-то миллиардовъ лѣтъ онъ все-таки разрушится и погибнетъ. И на этомъ основаніи Шаллеръ ничего не дѣлаетъ. Другіе люди должны пока

лечь для него хлѣбъ, строить дома, прокладывать дороги, и все это для того чтобъ онъ могъ презирать міръ. Да! въ нашемъ мѣсту поселился человѣкъ который не принадлежитъ къ намъ. Еслибы можно было наказывать за дурныя рѣчи, Шаллеру цѣлую жизнь не выдти бы изъ тюрьмы. Сколькихъ людей онъ уже вовлекъ въ безпутство; сколькимъ онъ еще болѣе отравилъ и безъ того горькую долю! Самъ онъ живетъ наследствомъ отца, а гдѣ только можетъ бранить и поносить лучшее что дано человѣку: трудъ.“

Всѣ эти намѣренія „исправиться“ разумѣется оказываются со стороны Шаллера простою комедіей которую онъ разыгрываетъ чтобъ посмѣяться надъ людьми. Комедія эта представляетъ Ауэрбаху случай дать различнымъ лицамъ его романа высказать свои убѣжденія и взгляды. Едвали было однако необходимо заставлять Шаллера разыгрывать комедію притворства и заставлять всѣхъ такъ скоро попасться на удочку. Шаллеръ вѣкъ повидимому такъ хорошо извѣстель что по отношенію къ нему можно было бы ожидать болѣе недовѣрія и холодности.

А Шаллера между тѣмъ мучаетъ новое сомнѣніе. Разыгрывъ свою комедію, онъ стоитъ у себя дома предъ зеркаломъ и разговариваетъ съ собою:

„— Ты мнѣ нравишься. Когда обманываешь свѣтъ, то это всегда втайнѣ доставляетъ удовольствіе. Ты заключаешь въ себя цѣлую труллу актеровъ и разыгрываешь комедію въ семи роляхъ. Стой! не есть ли притворство—рабство? Вздоръ! ты Нѣмецъ, а каждый Нѣмецъ есть отраженіе цѣлой націи не имѣющей внутренняго согласія и постоянно борящейся сама съ собою.“

Шаллеръ рѣшается „пустить въ Рулава острую, далеко поражающую стрѣлу съ лука Аполлона“. Говоря проще онъ пишетъ противъ Рулава ласквильную и гнусную анонимную статью, въ которой утверждается что Рулавъ бѣжалъ въ Америку отравивъ свою жену, что всѣ его ученые сочиненія по лѣсоводству написаны не имъ, а его тестемъ, по смерти котораго Рулавъ присвоилъ себѣ оставшіяся рукописи и т. д. Появленіе этой статьи вызываетъ дальнѣйшій шагъ въ ходѣ дѣйствія. Какъ это всегда бываетъ, печатная клевета, ложь и ругательство производятъ извѣстное впечатлѣніе, поселяютъ извѣстную долю недовѣрія, сомнѣнія, колебаній. Когда старикъ Йорисъ предлагаетъ на собраніи лѣсничихъ торже-

отвѣнно опровергнуть пущенную про Руанда клевету отъ вѣтомъ за подписью всѣхъ присутствующихъ, голоса раздаются, опроверженіе не можетъ состояться. Между тѣмъ ласквилъ дошелъ до Америки и Руанда замѣчаетъ по измѣвившемуся съ нимъ обращенію многихъ людей что есть что-то не ладное. Одинъ пріятель показываетъ ему наконецъ статью. Руанда не обратилъ бы на нее вниманія, но его враги, которымъ невыгодно введеніе правительственнаго контроля за лѣснымъ хозяйствомъ, печатаютъ въ газетахъ извѣстіе что Руанда ѣдетъ въ Европу чтобъ оправдаться во вводимыхъ на него обвиненіяхъ. Дѣло поставлено такимъ образомъ что если онъ теперь не поѣдетъ и не оправдается, то репутація его навсегда запятана. Руанда ѣдетъ въ Германію и появленіемъ его въ домъ лѣсничаго Иориса кончается первый томъ романа. Заимствуемъ изъ этого перваго тома еще нѣсколько мѣстъ для характеристики нѣмецкаго „нигилиста“ и „пессимиста“. Иорисъ и пасторъ Готтгольдъ бесѣдуютъ про Шаллера:

„— Скажите мнѣ, Готтгольдъ, говоритъ лѣсничій, — почему нельзя истреблять такихъ людей на бѣломъ свѣтѣ? Мы ловимъ и истребляемъ вредныхъ животныхъ, они также созданія Божія. Почему нельзя истребить такого человѣка? Да развѣ онъ человѣкъ! Онъ чудовище!..“

„— Я еще не позволяю себѣ сужденія о немъ, отвѣчаетъ молодой пасторъ.— Онъ кажется мнѣ на половину лаяцомъ и какимъ-то воображаемымъ Прометеемъ, на половину хвастуномъ; но онъ не безъ гениальности.“

„— Вѣдь вотъ какъ вы, молодые, слѣшите. Я буду тебѣ разказывать по порядку. Я часто спрашивалъ себя зачѣмъ Господь Богъ послалъ этого человѣка ко мнѣ въ округъ. Должно-быть это сдѣлано для того чтобъ я не позабывалъ какого рода твари я также обязанъ называть своими братьями. Но каждый разъ какъ я его встрѣчаю, я теряю спокойствіе; вотъ, напримѣръ, сегодня...“

Старикъ лѣсничій разказываетъ какъ онъ встрѣтился съ Шаллеромъ и какъ тотъ вывелъ его изъ терлѣнія. Особенно взорвало лѣсничаго когда Шаллеръ сталъ его увѣрять что нѣтъ надобности подсаживать лѣсъ, ибо земля идетъ на встрѣчу ледяному періоду въ который все на ней замерзнетъ. Пасторъ старается успокоить Иориса:

„— Вы можете на него гнѣваться, вы можете слѣдовать естественному влеченію вашего гнѣва. Я врачъ душъ, мнѣ

не слѣдуетъ отказываться отъ лѣченія изъ чувства омерзѣнія къ больному. Такіе люди мнѣ знакомы: они недовольны свѣтомъ потому что недовольны самими собою. Они испортили сами свою жизнь и утверждаютъ что испорченъ міръ. Я думаю что и въ области духа можно воздѣлывать заброшенные и безлюдныя пустыри, что Шаллера можно вызвать къ новой жизни. Нельзя смыть почву нравственнаго міроваго порядка; на ней постоянно должно опять вырастать явчто живое и приносящее съ собою жизнь.

„— Ты знаешь, я не люблю эти твои картины.

„— Прошу васъ, позвольте мнѣ по своему приложить ихъ. Всѣ эти люди все отрицающіе и все бранящіе, всѣ они хотятъ срубить подъ корень величественный лѣсъ выросшій вѣками, высокоствольный лѣсъ вышшихъ идей. Шаллеръ служить новымъ подтвержденіемъ различія существующаго между германскою націей и другими народами. Французъ или Англичанинъ безлутенъ самъ для себя и самъ по себѣ; нѣмецкій непутевый человекъ, особенно если онъ былъ въ университетѣ, хочетъ непременно создать изъ своихъ поступковъ систему, міровой законъ, и погубить этою системою неразумную массу.“

Молодой пасторъ сталкивается съ Шаллеромъ. Бесѣда ихъ очень любопытна для характеристики нѣмецкаго „нигилиста“. Лѣтняя, лунная, теплая ночь. Пасторъ возвращается черезъ лѣсъ къ себѣ домой. Вдругъ изъ-за деревьевъ является Шаллеръ и проситъ позволенія проводить пастора. Тотъ не можетъ отказать. Долго оба идутъ молча. Шаллеръ заговариваетъ первый.

„— Въ вершинахъ деревьевъ какой-то чудный шумъ, деревья, травы и цвѣты тихо веиваютъ ночной воздухъ, птички спятъ въ своихъ гнѣздахъ,—неправда ли? вотъ что у васъ теперь на умѣ?

„— Надъ чѣмъ вы смѣтаетесь теперь: надо мною или надъ природой?

„— Я позволяю себѣ причислять васъ къ природѣ.

„— Какое зло сдѣлалъ я вамъ? спросилъ викарій.

„Какъ самый вопросъ, такъ и тонъ которымъ онъ былъ произнесенъ повидимому озадачили Шаллера на одно мгновение. Но онъ сейчасъ же возразилъ:

„— Вы? Никакого зла. Напротивъ, съ вами стоить поговорить. Показывали ли вамъ „черное мѣсто“, мѣсто моего

возрожденія? Пойдемте со мною, оно видно еще и теперь, тутъ всего нѣсколько шаговъ въ сторону.

„Викаріи точно очарованный послѣдовалъ за этимъ страшнымъ человѣкомъ (*unheimlicher Geselle*, пишетъ Ауэрбахъ), который показалъ ему обугавшееся мѣсто и сказалъ:

„— Видали вы когда-нибудь шестой актъ драмы? Видали вы чтобы заодѣи, умершій въ латомъ актѣ, игралъ въ шестомъ? Я играю въ шестомъ, въ лишнемъ актѣ моей жизненной драмы. Да, многоуважаемый, я не шутилъ съ нашею философіей, я хотѣлъ серьезно приложить ее къ дѣлу. Неопровержимая истина что міръ скверно устроенъ и что жизнь не стоить того чтобы ее переживать. Другіе непослѣдовательны; я не былъ непослѣдователемъ. На этомъ самомъ мѣстѣ я выстроилъ хижину, потомъ привалъ яда, легъ въ хижину и зажегъ ее. Мое тѣло должно было достаться имъ только въ формѣ лелла. Но дуракъ угольщикъ задумалъ разыграть небеснаго послааца; моя собака тоже ему помогла. Прибѣжали люди, потушили пожаръ, вызвали меня опять къ жизни. Зато я приобрѣлъ теперь право котораго не имѣеть ни одинъ человѣкъ на землѣ. У меня похитили смерть которую я самъ призывалъ къ себѣ; меня призывали опять къ жизни; я имѣю теперь право говорить голую правду. Я всѣхъ оттолкнулъ отъ себя; теперь пусть же міръ и носится со мною. Я обязавъ міру благодарностью и останусь съ этимъ обязательствомъ. Я не хотѣлъ дожидаться смерти; теперь я научился ждать, я былъ въ тюрьмѣ, я являюсь изъ чистилища. Теперь я знаю что мнѣ нужно дѣлать. Когда я буду умирать, я возьму съ собою кого-нибудь.

„Лѣсная дорога стала шире, началась старая дѣсь. Луна ярко свѣтлая сквозь вершины. Роса блистала на кустахъ и на мху, шумящій ручей сверкалъ и искрился; свѣтлаки летали и дѣлились по кустарникамъ. Тихая и спокойная жизнь была разлита вокругъ.

„— Господинъ Шалаеръ, сказалъ наконецъ викаріи,—я знаю эту хвастливую манеру маскировать скорбь существованія. Но я теперь не въ такомъ настроеніи чтобы выслушивать ваши преувеличенія и чудовищности.

„— Вы не расположены къ этому? Скажите! Развѣ можно говорить больному который призываетъ васъ къ себѣ ночью: я не расположенъ дѣлать? И вы еще хотите быть врачомъ душъ?

„— Я не вѣрю въ ваше извѣщеніе, вы не хотите чтобы васъ извѣщали.

„— Вѣдь вы ученый новѣйшаго сорта; почему вы не хотите побороться съ плечистымъ лессимистомъ или вигилантомъ?

„— Вы сами себя такъ называете?

„— Да, нужно же имѣть кличку, и слова эти какъ разъ говорятъ правду, они не говорятъ ничего. Удивительная мудрость назвать ничто—ничѣмъ. Всѣ мудрецы до меня презирали міръ, за исключеніемъ, разумѣется, самихъ себя; а честь и не украшаю себя такъ-называемою лучшею стороною моего „я“. Всѣ мудрецы бились чтобы отыскать философскій камень и не сыскали его. Я его нашелъ; только это не камень мудрецовъ, а камень дураковъ.

„— Быть-можетъ вы хотите сказать, вставилъ свое слово викарій,—что древніе хотѣли дѣлать золото изъ мусора, а вы умѣете дѣлать изъ золота мусоръ.

„— Да, это такъ. Я нашелъ законъ тяготѣнія въ такъ-называемомъ нравственномъ мірѣ, говоря точнѣе, я нашелъ мѣрку которою можетъ измѣряться свобода человѣка.

„— Какая же эта мѣрка?

„— Чѣмъ больше сумма людей сужденіе которыхъ для тебя безразлично, тѣмъ больше сумма твоей свободы. Я знаю о чемъ вы теперь думаете. Вы ищете ключа къ обрывку хаоса шествующему здѣсь рядомъ съ вами подъ именемъ Фердинанда Шаллера, по прозвищу Фриволивъ. Хотите имѣть этотъ ключъ? Три вещи заставляютъ насъ позабыть что мы живемъ и что мы должны умереть. Еслибы только можно было имѣть ихъ всѣ три заразъ! Это—оляпаніе, религія и трудъ. Оляпаніе было бы самымъ лучшимъ изъ всѣхъ трехъ, еслибы только не нужно было просыпаться послѣ него. Я его испытывалъ, это сонъ и бодрствованіе въ одно и то же время, человѣкъ избавляется отъ самого себя не переставая оставаться самимъ собою. Религія — для этого нужно имѣть особый талантъ; трудъ—лустъ имъ занимаютъ другіе.

„— Вамъ недостаетъ одного и самаго главнаго—любви.

„— Ахъ, да, говорить что это самое высшее на землѣ. А я говорю что ненависть заключаетъ въ себѣ еще гораздо больше сокровищъ и что одно презрѣніе дѣлаетъ человѣка свободнымъ. Вы говорите: любовь и трудъ. Мы говоримъ: скука

и страданіе. Вы притворяетесь любящими, для того чтобы позабыть скуку, вы притворяетесь что васъ радуетъ трудъ, для того чтобы позабыть страданіе.

„— Довольно, воскликнулъ викаріи. — Вы можете довести спокойнаго человѣка до крайней степени возмущенія и желчности. Просту васъ, оставьте меня!

„— Такъ и вы меня отталкиваете? Совершенно какъ благородный Руландъ, который разъ сказалъ мнѣ: еслибы твои клеветы на мнѣ были даже истинами, все-таки слѣдовало бы запретить ихъ распространеніе. Вотъ каковы твердые столпы міроваго порядка!“

Викаріи спрашиваетъ какимъ образомъ Шалеръ сталъ такимъ. Тотъ разказываетъ:

„Я былъ сумасбродный, но не дурной человѣкъ; было одно существо на свѣтѣ которое могло бы меня измѣнить и сласти. Меня оклеветали прежде чѣмъ я этого заслуживалъ; навѣрное меня оклеветалъ онъ (*Руландъ*), и ему-то она и досталась. Она навѣрное спасла бы меня; этого не случилось и я какъ безумный бросился бродить по свѣту и нигдѣ не нашелъ спокойствія и забвенія. Чтò бы вамъ ни разказывали про меня, только три человѣка знаютъ все: Руландъ, я и она. Ея нѣтъ на свѣтѣ, будьте теперь вы ея наследникомъ. Когда-то и я былъ порядочнымъ человѣкомъ, или хотѣлъ имъ сдѣлаться, и божествомъ моимъ была Сильвія, дочь нашего профессора въ Лѣсной Академіи. Я молился на нее, но не осмѣливался къ ней приблизиться. Я отважился просить ея руки у отца, но тотъ сказалъ мнѣ что никогда не отдастъ свою дочь человѣку который не имѣетъ ничего кромѣ богатства; когда я выдержу экзамень, тогда пусть я спрошу Сильвію, а ранѣе этого времени онъ запрещаетъ мнѣ говорить съ нею. Я не сдержалъ этого условія. Какъ-то разъ Сильвія похвалила мое прилежаніе: я сказалъ ей какая у меня побудительная причина. Только ангелъ можетъ произнести смертный приговоръ такъ какъ она сдѣлала это. Она сказала что никогда не будетъ моею. Послѣ того я кинулся въ свѣтъ и повелъ безумную жизнь. Когда я уѣзжалъ путешествовать, Руландъ уже почти считался женихомъ красавицы Эмми; когда я вернулся, онъ былъ мужемъ Сильвіи. Я спросилъ себя: зачѣмъ ты не убьешь его на охотѣ какъ будто по неосторожности? Нѣтъ, говорила внутри меня злоба, онъ долженъ знать кто его убиваетъ. И та же злоба опять

отвѣчая на это: какая польза въ томъ что онъ будетъ знать кто его убилъ, когда онъ самъ будетъ мертвъ? Меня мучило что я могу отвѣять у него только градушіе дни блаженства, что мнѣ уже нельзя вырвать у него микувшіе дни проведенныя въ ея объятіяхъ. Въ ея объятіяхъ! Когда я вспоминалъ объ этомъ, я приходилъ въ бѣшенство, и все-таки не могъ его убить. Въ сущности хорошо что люди подобные мнѣ не обзаводятся семьею. Семья! Кто видѣлъ скорбь и несчастье чедовѣческаго существованія, тотъ не смѣетъ размножать рода чедовѣческаго. Но Руландъ также не долженъ былъ оставаться въ живыхъ. Я вызвалъ его на дуэль, онъ отказался. Я встрѣтилъ его въ лѣсу и спросилъ: хочешь ты стрѣляться со мною или нѣтъ?—Онъ сказалъ: нѣтъ. Тогда я застрѣлилъ его собаку и сказалъ ему: ты видишь, я попадаю. Если ты откажешься въ слѣдующій разъ, тогда я застрѣваю тебя какъ застрѣлилъ твоего пса.—Тогда онъ подалъ на меня жалобу въ судъ, и я попалъ въ тюрьму за угрозу лишить Руланда жизни.“

Эта исповѣдь очень интересна. Сквозь современный складъ пессимистическаго, отрицательнаго міросозерцанія проглядываютъ давно знакомыя черты отчаянія происходящаго отъ ревности, злобы и непризнанной любви. Шаллеръ, собственно говоря, не имѣетъ права говорить „мы“, какъ онъ дѣлаетъ это нѣсколько разъ. Онъ не принадлежитъ къ какой-либо опредѣленной школѣ отрицательныхъ мыслителей, къ какому-нибудь опредѣленному кружку людей, къ опредѣленному направлению. Это совершенно субъективное нравственное уродство, отдѣльный и частный психо-патологическій случай. Хвастаясь предъ другими Шаллеръ не скрываетъ въ минуту откровенности что „его можно было спасти“, что „онъ былъ порядочнымъ чедовѣкомъ“. Это что-то въ родѣ „сумашествія отъ любви“; въ поступкахъ Шаллера есть много шутовскаго. Онъ пишетъ письма къ сельскому учителю какъ бы отъ имени одной дѣвушки, онъ пускаетъ разные комическіе слухи про афериста Эвальмера; въ этомъ чедовѣкѣ сказывается по временамъ нѣчто напоминающее Мефистофеля.

Возвратимся къ ходу дѣйствія. Руландъ вернулся въ Германію чтобы найти клеветника, котораго онъ хочетъ убить. Съ его прибытіемъ для Каролы мало-по-малу становится яснымъ кто долженъ быть ея суженымъ. Съ другой стороны

Руландъ чувствуетъ что онъ любитъ Каролу. Съ обоими происходитъ перемѣна: Карола подъ вліяніемъ возникшаго въ ней чувства теряетъ тотъ характеръ амазонки съ которымъ она выступала въ первый разъ предъ читателемъ. Руландъ, въ свою очередь, становится спокойнѣе и примирительнѣе; онъ не хочетъ уже мстить клеветнику, еслибы даже послѣдняго удалось отыскать. Нельзя сказать чтобы эти перемѣны были обрисованы особенно ясно, чтобы психологическая мотивировка была особенно тонка и законченна; въ этомъ отношеніи новый романъ значительно уступаетъ *Ландолмину*. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ эпизодовъ тотъ въ которомъ описывается какъ бездушная кокетка Эмиль успѣваетъ завлечь молодого викарія Готтгольда, контрастъ между этою холодною и пустою женщиною съ одной стороны, мечтательнымъ, увлекающимся и вѣрающимъ молодымъ пасторомъ съ другою проведенъ весьма хорошо. Мы почти исчерпали этими немногими словами все содержаніе романа. Намъ остается прибавить что Руландъ получаетъ возстановленіе своей чести приглашеніемъ занять должность въ Германіи, что онъ вступаетъ въ бракъ съ Каролою, и на время уѣзжаетъ съ нею въ Америку. Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ касающихся Шаллера и его конца. Для пониманія послѣдующаго нужно предпослать нѣсколько поясненій. Во время грозы заставшей въ лѣсу Каролу, Шаллера и старика сторожа Мангольда, ударъ молніи убиваетъ послѣдняго и ослѣпляетъ Шаллера. Онъ сидитъ дома; глаза его налиты кровью; на нихъ лежитъ какая-то паутина. Онъ посылаетъ служанку просить къ себѣ викарія.

„Въ дверь постучали; вошелъ викарій. Онъ съ удивленіемъ озирается въ лица Шаллера. Послѣдній привѣтствовалъ его со свѣтскою вѣжливостію, однако не вынулъ изо рта сигары, что придавало звуку его голоса какую-то непріятную глухоту.

„— Вы похвалили Мангольда въ надгробномъ словѣ. Этотъ старый простакъ, который могъ сидѣть ничего не дѣлая и только покуривать свою трубочку, умеръ завидною смертію. Да, еслибы вотъ такъ можно было умереть! Смерть глядѣла мнѣ въ глаза, но я не ослѣпну отъ ея взгляда, нѣтъ! Желалъ бы я знать что вы скажете про меня около моей ямы.

„— Вы еще здоровы и можете заслужить себѣ доброе слово.

„— Нѣтъ, я говорю съ вами въ послѣдній разъ, сегодня мой послѣдній день. Вы имѣли со мною много терпѣнія...

„— Я и впередъ буду имѣть его. Желаю чтобы я могъ вамъ этимъ пособить.

„— Садитесь сюда къ камину. Я вотъ сижу здѣсь, смотрю въ огонь и думаю: что долженъ былъ почувствовать нашъ отецъ Прометей когда онъ увидалъ первый огонь.

„— Гордый сынъ Прометея, каково будетъ вамъ когда вы будете больны и безпомощны, когда вы, гордецъ, должны будете просить милосерднаго человѣка: ходи за мной! Когда вы должны будете просить ребенка: води меня! Я....

„— Я еще не слылъ, залапачиво перебилъ его Шаллеръ.— Болязнь и власти ничего не доказываютъ въ пользу вашу и противъ логики.

„— Человѣкъ состоитъ не изъ одной логики. Любовь, доброта....

„— Все это прекрасно! Человѣкъ нуждается въ противоположномъ, въ вѣрѣ, въ любви, въ женщинѣ. Какъ вы думаете: что Эмми, ставъ вашею женою, будетъ съ любовью за-вами ухаживать?“

Шаллеръ открываетъ викарію что письмо съ клеветою противъ Руанда написано имъ въ сообществѣ съ Эмми. Онъ открываетъ ему какъ Эмми, по наученію его, Шаллера, давала одной старухѣ деньги для того чтобъ эта старуха, извѣстная своимъ кощунствомъ, притворялась предъ викаріемъ обратившеюся на путь истины вслѣдствіе мнимыхъ увѣщаній Эмми. Викарій увѣряетъ Шаллера что Руандѣ не будетъ ему мстить, что они оба будутъ помогать ему выдти на путь добра:

„— Я не хочу милосердія, отвѣчаетъ Шаллеръ, — я самъ не имѣю его и не хочу чтобы ко мнѣ его имѣли. Я жажду прекращенія жизни. Самое лучшее было бы не родиться на свѣтъ; единственное дѣйствительное благо есть сила лишить себя жизни. Мое зрѣніе исчезаетъ, но я еще не слылъ. Мнѣ не нужно вожатыхъ. Прощайте!“

Дѣйствительно, Руандѣ прощаетъ Шаллера, когда викарій открываетъ ему тайну. Но Руанду приходится еще разъ роковымъ образомъ встрѣтиться съ этимъ человѣкомъ.

Карола сидитъ въ лѣбу, на краю скалы. Возлѣ нея лежитъ ружье. Вдругъ она слышитъ шаги.

Это былъ Шаллеръ. По лицу его видно было что онъ не спалъ ночь. Глаза его выкатились, борода была всклокочена.

Онъ шелъ съ непокрытою головою; съ густыхъ волосъ струилась вода, на вискахъ висѣли большія капли. Онъ воскликнулъ сильными голосомъ:

„— Дайте мнѣ кусокъ хлѣба! Я не могу умирать голоднымъ!

„— Возьмите.

„Онъ быстро проглатилъ кусокъ. Когда Корола протянули ему флагу съ виномъ онъ возразилъ:

„— Нѣтъ, вина не нужно. Впрочемъ, дайте, это въ послѣдній разъ. И онъ выпилъ всю флагу.

„— Позвольте мнѣ сѣсть около васъ. Простите вы меня за то что я тогда притворился смиреннымъ и богобоязненнымъ?

„— Да. Я думаю что вы не такъ дурны какъ притворяетесь.

„— Видали вы филина котораго вытаскать на свѣтъ? Ахъ, птица живетъ лучше. Большое животное залезаетъ въ какой-нибудь уголокъ гдѣ его нельзя найти, съестся тамъ и умираетъ. Черезъ нѣсколько дней муравьи, эти подметальщики природы, уничтожатъ всякій его слѣдъ. Такъ должно бы и со мною быть. Все только одна иллюзія, бредъ, сонъ. Ты, а, все.

„— Зачѣмъ вы все мучаетесь мыслию о смерти? Жизнь...

„— Жизнь есть ложь. Вы дали мнѣ хлѣба и вина, но третья, любовь, все-таки принадлежитъ ему. Вы вѣроятно вышли затѣмъ чтобы встрѣтить господина Руанда? Онъ у пастора. Вы этого не знали? О! я еще вижу. Солнце прекрасно; прекраснѣе чело дѣвы заалѣвшее отъ любви. Какъ вы думаете, чтѣ онъ сдѣлаетъ мнѣ, узнавъ теперь что я написалъ письмо?

„Карола задрожала. Оправившись, она спросила:

„— Помогалъ вамъ кто-нибудь въ этомъ?

„— Такъ и есть, возразилъ Шаллеръ, мы всѣ идемъ по слѣдамъ Адама, позднѣе названнаго Макбетомъ. Онъ жаловался Господу Богу, точно уличенный школьникъ: это она соблазнила меня, Ева-Макбетша. Я еще не дошелъ до такой слабости, престарелая дѣва лѣса.

„Шаллеръ началъ произносить непонятныя слова, устремивъ неподвижный взоръ на одно мѣсто. Можно было только слышать что Наломеонъ и Фридрихъ Второй постоянно носили при себѣ ядъ... Карола положилъ ему на плечо руку и сказала:

„— Успокойтесь!

„Онъ вдругъ сталъ изумительно тихъ и улыбался почти по-дѣтски. Базалось онъ вдыхалъ ея слова какъ освѣжающій воздухъ. Карола продолжала:

„— Я обещаю вамъ, я ручаюсь вамъ что Руландъ вамъ ничего не сдѣлаетъ. Это будетъ первое что я отъ него потребую.

„— Нѣтъ! нѣтъ! закричалъ Шаллеръ,—не нужно милосердія. Милосердіе—ложь, гнусная ложь, прекрасная клевета на вола называемаго человѣкомъ. Пусть онъ бѣжитъ въ Америку просить милосердія,—трусъ! Стрѣлай же, стрѣлай!

„Онъ закричалъ эти слова такъ громко что они раздались по лѣсу. Въ то же мгновеніе Руландъ, точно явившійся на зовъ, показался на гребнѣ горы. За нимъ шли Йорнсъ и викарій.

„Шаллеръ быстро схватилъ съ земли двуствольное ружье Каролы, взбѣжалъ на вершину, остановился и спустил курокъ. Грянулъ выстрѣлъ. Шала слетѣла съ головы Руланда, самъ онъ закачался. Шаллеръ продолжалъ въ него дѣлаться. Руландъ быстро сорвалъ съ лаеча свое ружье, и въ то же мгновеніе раздались одинъ за другимъ два выстрѣла съ верху. Шаллеръ упалъ на спину и покотился съ горы.“

Руландъ оказался только легко раненымъ; Шаллеръ былъ убитъ наповаль двумя пулями: одна принадлежала Руланду, другая Йорнсу.

Въ романѣ Ауэрбаха есть еще нѣсколько побочныхъ фигуръ. Таковы старикъ сторожъ Маггольдъ, прожектёръ Эйльмейеръ вѣчно торопящійся и спѣшащій, лѣвецъ Стаделли, помощникъ Йорнса, подруга Каролы, юродивый Боббель. Читатель получаетъ до извѣстной степени впечатлѣніе какой-то лѣсной идилліи, въ которую внезапно врываются темныя силы въ образѣ Шаллера и Эмми. Какъ во всѣхъ своихъ романахъ Ауэрбахъ нѣсколько шире чѣмъ слѣдовало бы для соблюденія художественной пропорціи остававивается на эпизодахъ не имѣющихъ примаго соотношенія къ ходу дѣйствія. Романъ читается съ интересомъ, хотя въ немъ почти нѣтъ дѣйствія. Интересъ этотъ придаетъ ему совершенно новый тилъ Шаллера. Ни въ одномъ произведеніи Ауэрбаха намъ еще не случалось встрѣтить такого почти контролуктически проведеннаго мотива зла обвиняющагося вѣкругъ простаго и здороваго хода жизни. Въ

точно слышите предъ собою увертюру изъ Тангейзера съ ея двойнымъ мотивомъ разрѣшающимся конечнымъ торжествомъ гармоніи.

VIII.

Franz Dingelstedt: *Münchener Bilderbogen*. Berlin, Paetel, 1879.

Имя Дингельштедта пользуется въ Германіи большою извѣстностью. Оно совершенно почти неизвѣстно у насъ и поэтому мы предполагаемъ нѣсколько біографическихъ словъ новѣйшему его сочиненію, съ которымъ хотѣлось бы намъ познакомить читателей.

Дингельштедтъ родился въ 1814 году въ Гессенѣ. Окончивъ въ университетѣ курсъ филологіи и богословія, онъ поступилъ на скромную должность учителя въ Кассель. Въ 1840 году, во время процвѣтанія въ Германіи такъ-называемой „политической лирики“, Дингельштедтъ также издалъ томъ стихотвореній *Lieder eines kosmopolitischen Nachtwächters*. Стихи эти появились безъ обозначенія имени автора, но авторство Дингельштедта скоро обнаружилось и онъ сразу сталъ на одну доску съ наиболее извѣстными представителями „политической лирики“. Онъ оставилъ свою должность учителя, въ которое время жилъ въ Аугсбургѣ и въ Вѣнѣ, женился на извѣстной придворной лѣвицѣ Женни Дуперъ и получилъ въ Штутгартѣ мѣсто придворнаго бібліотекаря съ титуломъ *Hofrath*. Въ 1850 году Дингельштедтъ былъ приглашенъ Баварскимъ королемъ въ Мюнхенъ въ качествѣ директора придворнаго театра. Съ этихъ поръ начинается его дѣятельность въ качествѣ драматурга. Дингельштедтъ писалъ много стиховъ и разказовъ—полное собраніе его сочиненій вышло недавно въ двѣнадцать томахъ,—но все это относится къ первому періоду его жизни, ко времени до 1850 года. Дѣйствительное, плодотворное значеніе имѣетъ его дѣятельность съ той поры какъ онъ посвящалъ себя управленію театромъ. Въ 1854 году онъ первый устроилъ въ Мюнхенѣ цѣль образцовыхъ представленій драмъ Шиллера, Гёте и Лессинга въ исполненіи знаменитѣйшихъ германскихъ артистовъ, приглашенныхъ отовсюду на гастроли. Черезъ десять лѣтъ, въ 1864 году, уже въ качествѣ директора Веймарскаго театра, Дингельштедтъ въ первый разъ поставилъ на сцену полный цѣль историческихъ драмъ

Шекспира въ новой обработкѣ и обстановкѣ. Вместе съ Листомъ, бывшимъ въ Веймарѣ капельмейстеромъ, Дингельштедтъ также первый поставилъ на сцену Вагнеровскія оперы *Tannhäuser* и *Lohegrin*. Въ 1867 году онъ былъ приглашенъ управлять Вѣнскимъ опернымъ театромъ, а съ 1870 года занимаетъ мѣсто директора извѣстнаго вѣнскаго придворнаго театра, такъ-называемаго *Burgtheater*. Здѣсь онъ также блестящимъ образомъ поставилъ историческія драмы Шекспира и за свои заслуги нѣмецкому театру возведенъ въ потомственное дворянство.

Дингельштедтъ много видѣлъ и испыталъ на своемъ вѣку. Онъ приходилъ въ соприкосновеніе съ самыми разнообразными и интересными личностями. Присоедините къ этому громадному запасу воспоминаній и наблюденій удивительный талантъ разказчика, и вы поймете съ какимъ интересомъ читается его послѣдняя книга *Münchener Bilderbogen*. Это разказъ о времени управленія Дингельштедтомъ Мюнхенскимъ придворнымъ театромъ. Авторъ совершенно правъ, называя свою книгу „картинками“ Мюнхена. Предъ нами дѣлительно проходитъ рядъ картинъ и людей изъ самой интересной эпохи мюнхенской жизни, когда по приглашенію короля Максимилиана въ столицу Баваріи собралась цѣлая колонія знаменитыхъ ученыхъ и художниковъ. Оставимъ разказывать самого автора.

„Въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ колонія иностранцевъ такъ увеличилась въ своемъ численномъ составѣ и такъ окрѣпла что могла считаться особымъ элементомъ въ населеніи Мюнхена. Большинство новоприбывшихъ группировалось вокругъ университета: *Либихъ* (химикъ), *Зибольдъ* (зоологъ), *Бишофъ* (анатомъ и физиологъ), *Зибель* (историкъ), *Риль* и *Лѣеръ* (историки культуры), *Блунчли* (юристъ), *Карьеръ* (философъ и историкъ искусства), *Виндшайдъ* (пандектистъ). Почтенный Тиршъ, приглашенный въ Мюнхенъ почти за пятьдесятъ лѣтъ предъ тѣмъ и проведеній реформу баварскихъ учебныхъ заведеній несмотря на различнаго рода нападки, относился къ новоприбывшимъ какъ патріархъ. Когда заходила рѣчь о борьбѣ между старымъ и новымъ Мюнхеномъ, онъ обыкновенно откидывалъ свои густые бѣлосѣбные волосы и въ доказательство того что прежде борьба велась еще совершенно иными способами нежели перомъ и словами показывалъ широкій рубецъ оставшійся у него какъ память

о сдѣланномъ на него ночью нападеніи. Изъ повтовъ къ этому кружку принадлежали: *Гейбель*, *Гейзе*, *Боденштедтъ*, *Шакъ*; изъ художниковъ перешелъ на нашу сторону *Вильгельмъ Каульбагъ*, между тѣмъ какъ другіе, принадлежавшіе мѣстѣ съ нимъ къ старому художественному кружку короля Лудвига—*Швиндъ*, *Фольцъ*, *Кредингъ*, *Зейбертъ*—лишь изрѣдка заглядывали къ намъ. Ближе другихъ стоялъ въ нашей колоніи *Эристъ Фёрстеръ*. Въ общественномъ отношеніи новый Мюнхенъ оставался впрочемъ строго отдѣленнымъ отъ стараго Мюнхена, за исключеніемъ официальныхъ и такъ сказать обязательныхъ встрѣчъ въ аристократическихъ и дипломатическихъ салонахъ. Дворцы баварскихъ магнатовъ и туземнаго дворянства, дома чиновнаго класса и мюнхенскихъ обывателей оставались закрытыми для новыхъ людей явившихся по зову короля *Максимилиана*.“

Этотъ блестящій цикаъ лучшихъ нѣмецкихъ представителей наукъ и искусствъ долженъ былъ бы повидимому составлять для Мюнхенцевъ предметъ гордости: откуда же происходило такое странное отношеніе между старымъ и новымъ Мюнхеномъ? Дингельштедтъ говоритъ что вопросъ этотъ относится къ темной еще области психологіи народовъ. По его мнѣнію разладъ происходитъ главнымъ образомъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны Баварцы по природѣ не отличаются особымъ интересомъ къ наукамъ, къ нововведеніямъ, къ опытамъ; они склонны къ замкнутости и партикуляризму, а поѣтому относились къ „новымъ“ людямъ подозрительно, холодно, равнодушно, недоувѣрчиво. Другая причина заключалась въ разницѣ вѣроисповѣданій. Вся новая колонія принадлежала почти безъ исключенія къ протестантизму, между тѣмъ какъ ультрамонтаны пользовались въ Баваріи особенною силой и особымъ значеніемъ, направляя не только баварскую журналистику, но также и наиболее популярныя газеты въ Тиролю и на Рейнѣ. Подвергалась при каждомъ удобномъ случаѣ маскированнымъ нападеніямъ и преслѣдованіямъ мѣстной печати, члены „колоніи“ отвѣчали со своей стороны рѣзкими намеками, остротами, колкостями. Старый и новый Мюнхенъ вели постоянную партизанскую войну въ которой многіе паали, не будучи въ состояніи вынести множества мелкихъ уколовъ и ударовъ. Къ числу такихъ павшихъ на полѣ сраженія принадлежалъ и Дингельштедтъ.

Центромъ новаго Мюнхена былъ домъ *Либиха*. Дингельштедтъ рисуетъ намъ великаго ученаго въ его домашнемъ быту:

„Великій человекъ, я говорю про Либиха, имѣлъ одну маленькую слабость. Онъ страстно любилъ играть въ вистъ. Для него было потребностью составить себѣ каждый вечеръ партію, вчетверомъ, втроемъ, иногда, когда находился только одинъ партнеръ, даже вистъ *en deux*. Если же напротивъ набиралось игроковъ на два стола, радость Либиха не имѣла предѣловъ. Его прекрасные добрые глаза просто сіяли удовольствиемъ когда онъ мѣшалъ карты, раздавалъ ихъ партнерамъ, сдавалъ, усаживалъ гостей за столы; онъ такъ старательно записывалъ цифры, какъ будто дѣло шло о тысячномъ выигрышѣ, а между тѣмъ мы играли на самой ничтожной цѣнѣ. Либихъ занимался вистомъ такъ серьезно и усердно, какъ-будто онъ дѣлалъ какое-нибудь дѣло. Игру въ карты онъ въ шутку называлъ „молотьбою“; любимыми выраженіями его были: *Jetzt wird noch einer gedroschenn* или *Jetzt dreschen wir noch ein Stündchen*. Между робберами дѣлалась благодѣтельная пауза. Изъ курительной комнаты переходили въ „семейную“ комнату, *Familienzimmer*, и садились за отличный ужинъ, при которомъ присутствовали жена и дочери Либиха. Рѣдкій разъ обходилось безъ какой-нибудь диковинки, безъ какого-нибудь новооткрытаго продукта или небывалаго еще вина. Со всѣхъ концовъ свѣта въ лабораторію Либиха стекались всевозможныя рѣдкости для изслѣдованія и обсужденія ихъ. Какъ уроженецъ юга Германіи Либихъ предпочиталъ всѣмъ винамъ рейнвейнъ и литаалъ отвращеніе къ красному вину, которое называлъ *dekoktomъ*.“

Въ 1854 году въ Мюнхенѣ была Промышленная Выставка. Она еще не кончилась, какъ появилась холера. Дингельштедтъ мастерски рисуетъ картину Мюнхена пораженнаго явленіемъ ужасной гостыи.

„Въ то время, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, холера была гораздо страшнѣе нежели теперь. Появленіе ея скрывали пока было можно. Но наконецъ молчаніе стало немислимымъ. Случаи заболѣванія дѣлались все чаще и чаще. Шепотъ превратился въ разговоръ, разговоръ перешелъ въ крикъ: спасайся кто можетъ! До конца іюля общественную панику еще удавалось сдерживать. Но затѣмъ гроза разразилась со стихійною силой, разгоняя пріѣзжихъ и туземцевъ какъ робкое стадо на всѣ страны свѣта, опустошая роскошно разцвѣтшій городъ, свирѣлствуя цѣлые мѣсяцы во дворцахъ и въ хижинахъ; послѣдняя, парфянская стрѣла

поразила мать короля Максимилиана, добрую королеву Терезию. Нельзя представить себѣ болѣе страшной противоположности какъ Мюнхенъ въ срединѣ юля и Мюнхенъ въ срединѣ августа. Дворъ выѣхалъ; каждый день выдавалось баснословное количество паспортовъ; всѣ гостиницы были пусты, еще пустѣе были театры, всего пустѣе—стеклянный дворецъ выставки. Тѣмъ переполненнѣе оказывались больницы; кладбища сдѣлались самыми посѣщаемыми мѣстами; блестящіе экипажи смѣнились погребальными дрогами рысью мчавшимися по улицамъ.“

Чтобы не произвести дурнаго впечатлѣнія и не преувеличить опасность положенія рѣшено было не закрывать театра. Дингельштедтъ далъ королю слово что представленія будутъ продолжаться. Нельзя было потребовать отъ актеровъ чтобы они оставались въ Мюнхенѣ еслибъ уѣхалъ директоръ театра. Дингельштедтъ остался, отославъ изъ города жену и дѣтей. Онъ каждый день два раза ходилъ въ театръ: утромъ въ канцелярію, вечеромъ—на представленіе. На всѣхъ дверяхъ театральной конторы были вывѣшены объявленія: *здесь не говорятъ про холеру*. Театръ разумѣется бывалъ совершенно пустъ; только въ нѣкоторыхъ ложахъ сидѣла присауга оставшаяся послѣ отъѣзда хозяевъ стеречь дома. Всѣ приемы въ домахъ прекратились; люди оставшіеся въ Мюнхенѣ по необходимости, профессора, врачи, адвокаты, офицеры, артисты, сходились въ ресторанахъ; несмотря на то что смерть могла явиться со дня на день, общество это жило спокойно, развлекаясь постояннымъ обмѣномъ мыслей, воспоминаній, опытовъ. Такъ прожилъ Дингельштедтъ въ Мюнхенѣ самое опасное время эпидеміи, постулая въ этомъ случаѣ съ полною самоотверженностію. Но и это доказательство его преданности къ дѣлу не могло преодолѣть интригу которая давно подкалывалась подъ директора призваннаго „со стороны“ управлять Мюнхенскимъ театромъ. Мы не можемъ касаться здѣсь множества интересныхъ подробностей которыми изобилуетъ книга Дингельштедта и заключимъ нашъ отчетъ еще одною „картинкой“, описаніемъ скандала устроеннаго въ театрѣ мюнхенскою чернью. Поводомъ для этого послужило представленіе извѣстной трагедіи Гальма *Der Fechter von Rovenna*. Дѣло въ томъ что въ Баваріи жилъ никому неизвѣстный школьный учитель Бахерль. Когда трагедія Гальма съ блестящимъ успѣхомъ начала появляться на нѣ-

мецких сценахъ, Бахерль заявилъ что Гальмъ совершилъ плагиатъ, воспользовавшись будто бы пьесомъ его, Бахерля, посланною для соисканія преміи въ Вѣну. Бахерль былъ Баварецъ и находился въ родствѣ съ вліятельными лицами изъ католическаго духовенства. Этого было достаточно чтобы возбудить страсти. Мъстная печатъ вступилась за Бахерля, въ пользу его начали устраиваться подписки, на Гальма посылались градь самыхъ отвратительныхъ обвиненій и инсинуацій. Баронъ Мюнхъ, скрывавшійся подъ псевдонимомъ Гальма, былъ глубоко возмущенъ этимъ. Онъ поступилъ какъ сдѣлалъ бы каждый человѣкъ уважающій себя. Трагедія его шла до того времени безъ обозначенія имени автора, хотя имя это уже давно не было тайною для многихъ; баронъ Мюнхъ объявилъ теперь что *Ravenский Гладіаторъ* принадлежитъ его перу. Въ тотъ же день Дингельштедтъ помѣстилъ на афишѣ что дававшаяся уже въ Мюнхенѣ трагедія *Der Fechter* написана Гальмомъ. Трагедія имѣла въ Мюнхенѣ огромный успѣхъ, и какъ другъ Гальма Дингельштедтъ не хотѣлъ ни одной минуты болѣе скрывать имя дѣйствительнаго автора. Вызовъ старому Мюнхеву былъ брошенъ и принятъ. Дингельштедтъ рисуеть чрезвычайно яркую жанровую картинку спектакля „со скандаломъ“.

Въ день представленія первые вѣстники грозы уже утормъ явились въ канцелярію. Развоицики афишъ разказывали что наклеенныя на углахъ улицъ афиши частію сорваны, частію испачканы, частію же поправлены карандашомъ: имя Гальма зачеркнуто и надъ нимъ написано „Бахерль“. Одинъ афишеръ робко представилъ отрывокъ афиши на которомъ превосходно была нарисована рука указывавшая на сдѣланную краснымъ карандашомъ подпись: *pereat Dingelstedt!!!* Въ двѣнадцать часовъ старикъ кассиръ объявилъ что всѣ билеты проданы; но онъ говорилъ это не съ сіяющимъ лицомъ какъ обыкновенно; напротивъ, видно было что старикъ сердитъ, раздраженъ, взволнованъ. Неумолимая память сохранила Дингельштедту малѣйшія подробности этого дня. Онъ помнитъ какъ ему съ разныхъ сторонъ совѣтовали отмѣнить представленіе трагедіи; помнитъ что было у него за обѣдомъ въ этотъ день; помнитъ что жена, отпуская его вечеромъ въ театръ, перекрестила его на дорогу. И всѣ эти волненія нужно было переносить человѣку за то что онъ рѣшился назвать имя Гальма, дѣйствительнаго автора знаменитой уже пьесы!

Въ половинѣ седьмого должно было начаться представле-
ніе. Когда Дингельштедтъ прибылъ въ театръ за полчаса до
этого времени, партеръ былъ уже сплошь занятъ. Смотри-
тель разказывалъ что едва успѣли отворить двери театра,
какъ мѣста начали занимать „кучками“. Кто-то изъ слу-
жащихъ, знавшій Бахерля въ лицо, видѣлъ какъ толпа моло-
дежи ввела его въ театръ и помѣстила въ самомъ темномъ
мѣстѣ партера. На сценѣ также было волненіе; большинство
артистовъ привѣтствовали Дингельштедта сочувственно. По
установленному этикету директоръ придворнаго театра предъ
началомъ представленія всегда отпраивался во дворецъ
чтобы предшествовать королю еслибъ ему угодно было по-
сѣтить спектакль. На этотъ разъ король и королева прика-
зали сказать что придутъ въ театръ позднѣе. Когда они
прибыли, Дингельштедтъ явился въ королевскую ложу и
объяснилъ что въ публикѣ можно ожидать скандала противъ
Гальма въ пользу Бахерля; онъ просилъ короля не оста-
ваться до конца представленія. Король наклонилъ голову и
серіознымъ тономъ произнесъ: „мы удалимся послѣ четверта-
го акта“. Когда трагедія кончилась, въ залѣ поднялась дѣлая
буря рукопласканий. Главные исполнители вышли и рас-
кланялись. Рукопласканія все продолжались. Предоставля-
емъ слово автору:

„На мои просьбы артисты вышли еще разъ. Ихъ встрѣти-
ли ледянымъ молчаніемъ. Вдругъ раздался пронзительный
женскій голосъ взвизгнувшій самымъ высокимъ дискантомъ:
— *Bacher! ggggus!!*

Зававѣсь быстро олустили. Начался долго ожидаемый
скандалъ, тщательно разученный и подготовленный спек-
такль послѣ спектакля. Къ рукопласканіямъ присоеди-
лось топаніе въ тактъ ногамъ и ладками объ полъ, о стѣны
ложъ и партера. Женскіе и мужскіе голоса были хоромъ:
Bacher! frau! На сценѣ всѣ потеряли голову. У отверстія за-
навѣса тѣснилась толпа перелугавныхъ наблюдателей. „Полу-
одѣтые артисты выбѣгали изъ уборныхъ, ломали руки, тол-
пились вокругъ меня“, разказываетъ Дингельштедтъ. „Ре-
жиссеры неотступно приставали съ предложеніями объявить
публикѣ что Бахерля въ театрѣ нѣтъ.

„— Тогда его съ торжествомъ привесутъ изъ партера на
сцену.

„— Объявите въ такомъ случаѣ что мы не знаемъ ника-
кого Бахерля.

„— Это значит только подливать въ огонь масла.

„— Но вѣдь нужно же что-нибудь дѣлать? Нужно же прекратить скандалъ?

„Того же мнѣнія былъ и директоръ полиціи, предложившій мнѣ очистить театръ при помощи полицейскихъ служителей. Я поблагодарилъ его и отказался:

„— Есть средство гораздо болѣе простое. Инспекторъ Шмидтъ!

„— Господинъ интендантъ?

„Слова эти были произнесены самымъ строгимъ служебнымъ тономъ: Шмидтъ держалъ руку подъ козырекъ.

„— Станьте здѣсь около завѣса и смотрите на мою ложу. Я пойду теперь туда для того чтобы мое отсутствіе не было превратно истолковано. Когда вы увидите меня въ ложѣ, отсчитайте по вашимъ часамъ пять минутъ; я сдѣлаю то же самое по моимъ часамъ и затѣмъ махну платкомъ. Вы прикажете тогда погасить большую люстру. Затѣмъ, опять черезъ пять минутъ, вы точно также велите погасить газъ въ корридорахъ и на лѣстницахъ. Останутся зажженными только дежурныя лампы.

„— Слушаю, господинъ интендантъ.

„Директоръ полиціи вмѣшался въ разговоръ:

„— Подумайте: въ ложахъ есть еще публика.

„— Тѣмъ хуже для нея. Спектакль кончился. Я даю публикѣ еще десять минутъ для разъѣзда. Этого достаточно.“

Когда Дингельштедтъ появился въ своей ложѣ, безпредметный до того времени скандалъ „старыхъ“ Мюнхенцевъ нашелъ себѣ цѣль:

„Меня встрѣтили крикомъ, воемъ, толаньемъ, свистомъ. — *Pereat Dingelstedt!* Долой Гальма! Да здравствуетъ Бахерль! Бахерля! — Я видѣлъ что какого-то человѣка вытащили изъ глубины партера и поставили на кресло. Въ ложахъ и въ партерѣ всѣ стали на скамьи и стулья, всѣ грозили мнѣ ладками, зонтами, сломленными ножками кресель.... Я неподвижно смотрѣлъ на часы: они шли медленнѣе нежели бѣіеіе моего пульса. Наконецъ прошло пять минутъ. Я махнулъ платкомъ, и во всей залѣ настала глубочайшій мракъ. Шумъ удвоился; къ нему примѣшивался громкій смѣхъ со стороны безпристрастной части публики. Толпа, накричавшись до осиплости, начала лонемного расходиться. Черезъ слѣдующія пять минутъ за мною явился инспекторъ Шмидтъ въ

сопровожденіи сторожа несшаго фонарь. Овъ велѣлъ подать мой экипажъ къ боковому подъѣзду. Мой старый слуга отворилъ дверцу, влихнулъ меня въ карету, потомъ сѣлъ въ нее самъ, защищая меня своимъ тѣломъ, и карета помчалась такимъ темпомъ какого я не ожидалъ отъ извозничьихъ лошадей. Вслѣдъ мнѣ полетѣли проклятія, палки и камни изъ толпы стоявшей по обѣимъ сторонамъ. Одинъ камень разбилъ въ дребезги ящикъ подъ кучерскимъ сидѣньемъ.“

Дингельштедтъ поѣхалъ прямо къ Либиху, у котораго сидѣла его жена.

„У Либиха въ этотъ вечеръ все было тихо. Женщины плакали; самъ Либихъ былъ кротокъ, почти отечески-вѣжливъ. Когда я разказалъ все что можно было разказать, мы съ женою, не поужинавъ, не попивъ и не игравъ въ вистъ, ранѣ обыкновеннаго отправились домой. Была чудная весенняя ночь, но меня трясла лихорадка.“

Книга Дингельштедта читается совершенно какъ романъ, съ тою только разницей что въ ней идетъ рѣчь не о вымышленныхъ, а о дѣйствительныхъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, историческихъ лицахъ. Она даетъ чрезвычайно живую и интересную картину мюнхенской жизни времямъ Либиха и весьма любопытную характеристику короля Максимилиана. Картины семейной и общественной жизни чередуются съ весьма интересными замѣтками Дингельштедта о театрѣ, о постановкѣ пьесъ, между прочимъ — *Мессинской Невѣсты* Шиллера, о театральной администраціи. Остается желать чтобъ авторъ не остановился на одномъ этомъ отрывкѣ изъ обширнаго запаса своихъ воспоминаній. Къ книгѣ приложенъ портретъ Дингельштедта фотографированный съ оригинала знаменитаго Каульбаха.

IX.

Задачи современныхъ академій художествъ. Karl Woermann: *Die alten und neuen Kunstakademien.* Festrede zur Einweihung der neuen Düsseldorfer Kunstakademie. Düsseldorf, Voss, 1879.

Въ 1872 году пожаръ истребилъ зданіе Дюссельдорфской академіи художествъ. Академія была выстроена вновь и въ октябрѣ 1879 года происходило ея торжественное открытіе. Предъ нами лежитъ рѣчь произнесенная по этому случаю

однимъ изъ профессоровъ академіи, Вёрманомъ. Тема избранная почтеннымъ авторомъ весьма интересна. *Заслуживаютъ ли презрѣнія академіи художествъ тѣ упреки которыми она постоянно подвергалась? Каково отношеніе современныхъ академіи художествъ къ академіямъ прошлаго столѣтія? Какое положеніе должны занимать академіи художествъ по отношенію къ современнымъ стремленіямъ и направленіямъ въ искусство?* Вотъ три вопроса на которые беретъ отвѣтить Вёрманъ. Вопросы эти имѣютъ значеніе не въ одной Германіи и заслуживаютъ полного вниманія. Предубѣжденіе противъ *академическаго* направленія въ искусствѣ развито почти вездѣ гдѣ существуютъ академіи.

Что такое *академическое* направленіе? Намъ учатъ, говоритъ Вёрманъ, что академическимъ направленіемъ въ искусствѣ признается такое въ которомъ нѣтъ ни правды, ни внутренней жизни, которое слѣдуетъ шаблонамъ завѣщаннымъ преданіемъ. „Что сказалъ бы Платонъ еслибъ онъ могъ подозревать что черезъ двѣ тысячи лѣтъ, по совершеномъ случайнымъ причинамъ, будутъ такъ отзываться о словѣ „Академія“ которое онъ впервые далъ своей школѣ! Что сказали бы благородные мужи Италіи называвшіе въ XV столѣтіи свои ученые общества *академіями*, желая этимъ обозначить что они вступаютъ въ борьбу со схоластикой! что сказали бы Мирадола и Полициано еслибъ они могли слышать какое значеніе получило слово *академическій* въ XIX столѣтіи! Но ихъ академіи были философскими и литературными обществами. Только по отношенію къ академіямъ художествъ слово *академическій* получило значеніе упрека. Академіи художествъ возникли двумя столѣтіями позже нежели ученые общества. Онѣ возникли когда прежде ремесленное изученіе искусства въ мастерской художника нуждался въ ученикахъ и подмастерьяхъ и поэтому бравшаго ихъ въ обученіе, когда такая форма изученія искусства пережила уже самое себя. Академіи художествъ возникли когда великіе умы, какъ на примѣръ Леонардо да Винчи, считавшіе учительскую дѣятельность важною частью своего художественнаго призванія, смѣнились художниками заботившимися лишь о собственной славѣ и важивъ. Первая художественная школа въ дѣйствительномъ значеніи этого слова была открыта братьями Караッチи въ концѣ XVI столѣтія; она помѣщалась въ Болоньѣ и называлась *Accademia*

degli incamminati. Задачей этой первой академіи было возрожденіе искусства посредствомъ изученія природы и великихъ мастеровъ; это была сознательная оппозиція господствовавшей въ то время манерности. Приверженцы старой рутины называли сторонниковъ академіи людьми принадлежащими къ партіи испроверженія, *Umsturzpartei*. Любопытно что основаніе академій художествъ почти вездѣ встрѣчало противодѣйствіе со стороны ремесленныхъ и рутинныхъ художественныхъ кружковъ. Явленіе это повторилось когда въ 1648 году была основана *Парижская* академія, въ 1694—*Берлинская*, въ 1697—*Дрезденская*, въ 1726—*Вѣнская*, въ 1767—*Дюссельдорфская*. Основаніе академій считалось за дерзкое посягновеніе на стародавнія права художниковъ. Какъ въ Парижѣ, такъ и въ Вѣнѣ цеховые художники озлобленно противились свободѣ академическаго преподаванія. Возраженія представляемыя противъ художественныхъ академій были почти диаметрально противоположны тому въ чемъ начали упрекать этѣ академіи черезъ сто или полтора ста лѣтъ. Уже въ кружкахъ Карстенса, Шика, Коха, Торвальдсена художественныя академіи признавались вредными для искусства; удаленіе Овербека и вѣсколькихъ его друзей изъ Вѣнской академіи въ 1810 году (причиной было, говорятъ, то что молодые люди попытались рисовать картины на „собственные сюжеты“) обозначаетъ собою разрывъ новаго нѣмецкаго искусства съ академическимъ направленіемъ. Молодые художники объявили академіямъ войну во имя свободы и достоинства искусства. Каждое дурное и устарѣвшее направленіе въ искусствѣ начали называть академическимъ. Это возрѣніе осталось въ силѣ и по настоящее время. Еще и теперь многие молодые таланты во имя большей свободы искусства предпочитаютъ учиться въ мастерской „независимаго“ художника, нежели воспользоваться всеми средствами многосторонняго художественнаго образованія которыми современныя государства снабжаютъ современныя академіи художествъ.“

Авторъ не защищаетъ академій минувшаго столѣтія. Онъ находитъ только что было бы несправедливо сваливать всю вину на нихъ однихъ. Академіи никогда не проповѣдывали разсѣдиненія между искусствомъ и природой. Ложный методъ обученія не допускаявшій живаго взаимодѣйствія между

учащими и учащимися, господство правил устранивших всякую попытку самостоятельности, все это коренилось въ духъ времени. Откуда было взять академіямъ талантавыхъ учителей и учениковъ когда вообще не было талантавыхъ, развитыхъ художниковъ? Собственно говоря въ прошедшемъ вѣкѣ не было никакого особаго академическаго направленія. Новая школа сама противопоставила себя академіямъ. Но отрекшись отъ академической рутины, школа эта отказалась также и отъ академической техники, въ которой оставалось много хорошаго отъ техническихъ приемовъ XV, XVI и въ особенности XVII столѣтія.

Какъ относятся современныя академіи художествъ къ прежнему? Когда знаменитый Нибуръ въ 1819 году писалъ изъ Рима въ прусское государственное министерство рекомендуя поручить Корнелиусу переустройство Дюссельдорфской академіи, онъ указывалъ на необходимость „вызвать духъ самостоятельнаго творчества въ предѣлахъ существующихъ формъ, не разрушая самыя формы.“ Какъ можно было достигнуть этой цѣли? Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ проекта новой организаціи Дюссельдорфской академіи составленнаго Корнелиусомъ: „Естественное, непринужденное, свободное развитіе оригинальности и самостоятельности такъ необходимо художнику что лучше отказаться отъ всякаго художественнаго воспитанія, нежели стѣснить эту самостоятельность. Лучше совсѣмъ отказаться отъ такихъ художниковъ-преподавателей и такихъ художественно-образовательныхъ заведеній которые хотятъ перенести на ученика только одну тѣнь своей личной особености (изъ чувства ревности ко всякому иному направленію), вмѣсто того чтобы развивать въ каждомъ талантѣ присущую ему оригинальность и гордиться разнообразіемъ истинныхъ стремленій нашихъ свой источникъ въ одномъ и томъ же преподаваніи.“ „Мы хотимъ предохранить академію отъ подавляющаго и залугивающаго школьнаго заіанія, отъ ненормальнаго и узкаго развитія художественнаго чувства, при помощи принудительныхъ правилъ и ограниченія всякой оригинальности предѣлами разъ установленной нормы.“ „Если ученикъ академіи хочетъ идти самостоятельнымъ путемъ, ему должно быть предоставлено обращаться къ профессорамъ за совѣтами по собственному его усмотрѣнію, и это не должно быть ставимо ему въ упрекъ. Академія художествъ должна гордиться если

въ ней развивается много разнообразныхъ и самостоятельныхъ талантовъ, если въ произведеніяхъ ея учениковъ не видно припадательности школы. Счастливъ тотъ мастеръ которому удастся воспитать вокругъ себя дѣйствительныхъ, самостоятельныхъ учениковъ! Принципы эти, говоритъ авторъ, наши свое осуществленіе въ новой Дюссельдорфской академіи. Со вступленіемъ въ нее Шадева въ ней заняли обширное мѣсто цѣлыя художественныя стремленія нежелательнымъ которымъ приписывалъ особое значеніе самъ Корнелиусъ. И теперь, рядомъ съ художниками являющимися ближайшими представителями направленія Овербека и Корнелиуса, въ Дюссельдорфской академіи дѣйствуютъ одновременно съ ними другіе художники стремящіеся къ распространенію стила и техники великихъ мастеровъ минувшихъ эпохъ. „Именно чрезъ это Дюссельдорфская академія имѣетъ право называться *universitas artium* подобно тому какъ есть *universitas litterarum*.“ Академіи художествъ не могутъ и не должны имѣть какое-то особое, академическое искусство. Стремленіе современныхъ академій должно быть направлено къ тому чтобы если когда-либо возникаетъ опять такое противоположеніе „дѣйствительнаго“ искусства искусству „академическому“, то всѣ благоразумные люди стали бы на сторону „академическаго искусства“ и въ немъ наши бы отсутствіе наивности и моды, неправды и безсодержательности.

Каково должно быть отношеніе академіи художествъ къ современнымъ направленіямъ въ искусствѣ? Именно потому что академіи не имѣютъ „своего“ искусства онѣ должны тѣмъ серьезнѣе сознавать свой долгъ отличать истинныя стремленія отъ ложныхъ. Въ качествѣ государственныхъ учреждений, имѣющихъ, следовательно, ответственное положеніе въ государственномъ организмѣ, академіи имѣютъ даже особыя обязанности и задачи, тождественныя съ задачами и обязанностями искусства и въ академіи, ставящіяся для художественныхъ школъ государства предметомъ особаго вниманія именно въ то время когда искусство по видимому старается забыть эти задачи. Въ противоположность ко многимъ ложнымъ стремленіямъ современнаго искусства академіи должны поднять знамя истиннаго и прекраснаго. Онѣ должны наблюдать за тѣмъ чтобы молодые художники всесторонне и подробно изучали природу, но въ то же время должны словомъ и дѣломъ возвѣщать что искусство есть

идеальная духовная сила призванная и способная возвышать и облагораживать человека. Искусство должно быть такою же духовною силою какъ наука, какъ любовь къ отечеству. „Всего проще было бы сказать что каждое истинное искусство должно быть идеально. Но за послѣднее время слова *идеализмъ* и *реализмъ* въ искусствѣ употребляются въ такихъ же различныхъ смыслахъ какъ прежде употреблялись выраженія *классицизмъ* и *романтизмъ*. Слова эти часто не покрываютъ собой никакого понятія. Современные учебники говорятъ объ идеалистическихъ и реальнѣхъ школахъ, даже о цѣлыхъ столѣтїяхъ идеализма или реализма. Готическое искусство XIV столѣтїа считается идеалистическимъ начиная отъ *Дукіотто* и кончая произведеніями *Физоло*. Искусство XV столѣтїа признается реалистическимъ, на сѣверѣ—отъ *Ванъ-Эйка* до *Меллинга*, въ Италиі—отъ *Мазаччіо* до *Доменика Гирландайо*. Искусство XVI столѣтїа, въ которомъ господствуютъ *Рафаэль* и *Микель-Анджело*, опять считается идеалистическимъ. Въ XVII столѣтїи различаютъ реалистическія и идеалистическія школы. *Рюйсдаъ* и *Гоббелъ* считаются представителями реалистическаго ландшафта въ противоположность идеальнымъ ландшафтамъ *Пуссона* и *Клода Лоррена*; всѣ великіе голландскіе мастера вообще называются реалистами; къ числу коихъ верѣдко причисляется также и *Рембрандтъ*, несмотря на то что въ сферѣ свѣтовыхъ и колористическихъ эффектовъ онъ такой же великій и субъективный идеалистъ какъ *Микель-Анджело* въ области формъ. По отношенію къ другимъ великимъ художникамъ, *Дюреру* и *Гольбейну*, *Леонардо да-Винчи* и *Тициану*, *Рубенсу* и *Мурильо*, различіе это совсѣмъ не выдерживаетъ критики. Современные академіи не могутъ поставить себѣ задачей разъ навсегда одностороннимъ образомъ стать на сторону *такого* идеализма противъ *такого* реализма. Не таковъ долженъ быть смыслъ нашего требованія идеализма въ искусствѣ. Каждое истинное искусство заключаетъ въ себѣ значительную долю реализма и значительную долю идеализма. Но именно потому что выраженія эти часто истолковываются неправильно, я предпочитаю сказать что въ каждомъ истинномъ искусствѣ этюдъ сдѣланный съ природы долженъ пройти чрезъ духъ и фантазію художника прежде чѣмъ стать художественнымъ произведеніемъ. Доказательствомъ этому служатъ всѣ произведенія наиболѣе реалистическихъ между

великими мастерами принадлежащими къ такъ-называемой реалистической школѣ. Въ различныхъ родахъ искусства будетъ, смотря по свойству ихъ, брать перевѣсъ то природа, то духъ. Границы здѣсь почти неразаичимы. Было бы рискованно предписывать академіямъ стелень духовнаго процесса которая должна быть примѣнена къ этому сдѣланному съ натурой для того чтобы получилось художественное произведеніе достойное Академіи. Мы должны твердо держаться только одного: *безъ духовнаго процесса превращающаго этюдъ въ картину, случайную дѣйствительность въ художественную правду—нѣтъ истиннаго искусства.* Мы должны будемъ развернуть знамя идеализма въ борьбѣ противъ направленій обывавшихъ строгій и серьезный стиль въ искусствѣ за устарѣвшую точку зрѣнія, въ борьбѣ съ теоріями доводащими до абсурда положеніе что въ произведеніяхъ искусства все дѣло въ томъ *какъ* они сдѣланы, а не въ томъ *что* они изображаютъ, въ борьбѣ съ попытками низвести искусство на стелень ремесла. Мы требуемъ чтобы искусство было проникнуто духомъ, чтобы въ немъ была душа которая говорила бы нашей душѣ. Мы требуемъ отъ академій художеств чтобы подъ сѣнью ихъ вѣчно горѣло свѣтлое пламя чистаго вдохновенія, того вдохновенія которое исходитъ изъ духа и переноситъ духъ въ чистыя и возвышенныя сферы лежащія надъ областью земныхъ заботъ и земныхъ желаній. Только при такомъ идеализмѣ искусство можетъ занять положеніе принадлежащее ему въ жизни народовъ, то положеніе которое должны помочь ему занять академіи именно потому что это учрежденія государственныя.“

Какое спокойное, чистое и серьезное разрѣшеніе вопроса о *реализмѣ* и *идеализмѣ* въ искусствѣ! Какой прекрасный и свѣтлый взглядъ на задачи художественнаго воспитанія, на цѣли *государственныхъ учреждений* посвящаемыхъ этому воспитанію! Нужно отъ души пожелать чтобы эта рѣчь Вѣрмана сдѣлалась извѣстною въ русскомъ переводѣ нашимъ молодымъ художникамъ и ихъ руководителямъ. Быть-можетъ это способствовало бы устраненію многихъ недоразумѣній происходящихъ отъ того что въ нашихъ сужденіяхъ про искусство играетъ главную роль повтореніе чужихъ фразъ, а не спокойное и ясное мышленіе.

Естественная исторія красивыхъ женскихъ типовъ и женской красоты въ цѣлахъ этнографическихъ и *какъ материалъ для натуралистической и позитивной эстетики*. Théodore Wechniakoff: *Hi stoire naturelle des beaux types féminins et de la beauté*. St.-Petersbourg, Paris, Londres, 1879. Выпускъ первый.

Эта небольшая брошюрка г. Вешнякова заключаетъ въ себѣ только одну *первую* главу, только *введение* въ какой-то большой трудъ еще скрывающійся пока въ портфеляхъ автора. Мы не стали бы говорить про нее еслибы г. Вешняковъ ограничился однимъ „проектомъ иконографическаго и научнаго инвентаря красивыхъ женскихъ типовъ у различныхъ народовъ, въ различныхъ странахъ и въ различныхъ эпохи.“ Это былъ бы тогда чисто научный вопросъ поставленный съ цѣлью пополнить пробѣлъ въ систематическомъ собраніи этнографическаго матеріала. Въ настоящее время систематически изучается *тератологія*, ученіе о безобразіяхъ и уродствахъ въ человѣческомъ организмѣ; мы совершенно согласны съ г. Вешняковымъ когда онъ утверждаетъ что рядомъ съ этимъ слѣдуетъ обратить вниманіе и на другую сторону, на развитіе человѣческаго тѣла въ смыслѣ красоты. Вопросъ оставался бы совершенно научнымъ и спеціальнымъ. Но г. Вешняковъ идетъ нѣсколько далѣе спеціально-антропологической точки зрѣнія. Написавъ: *Projet d'un inventaire iconographique et scientifique* онъ не ставитъ точку, но прибавляетъ: *et contribution à une Esthétique Naturaliste et Positive*. Научная иконографія женской красоты должна служить въ то же время матеріаломъ для натуралистической, позитивной эстетики. Мы получимъ руководящую нить для сужденія о красотѣ и для ея оцѣнки. Художники узнаютъ наконецъ что нужно имъ дѣлать чтобы вызвать своими женскими тѣлами неотразимое, эстетико-научное, натуралистически-позитивное впечатлѣніе на зрителя. Читатели только что познакомились со взглядами на задачи искусства торжественно высказанными какъ девизъ для дѣятельности Дюссельдорфской академіи художествъ. Мы думаемъ что имъ интересно будетъ познакомиться въ pendant къ этому съ тѣмъ какъ смотритъ на задачи искусства русскій ученый, г. Théodore Wechniakoff, брошюра котораго, какъ видно изъ заглавнаго листка, про-

дается въ Петербургъ, Парижъ и Лондонъ. Г. Вешняковъ жалуется на то что путешественники и артисты даютъ вамъ множество картинъ и описаній городовъ, пейзажей, деревень, и совсѣмъ почти не обращаютъ вниманія на изображеніе и описаніе красивыхъ женщинъ. Чтобы помочь этому *état déplorable*, онъ предлагаетъ приступить къ составленію возможно бѣльшаго числа антропологическихъ описаній и портретовъ которые должны дѣлаться по однобразной программѣ и въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Нужно рисовать женскія головы въ „антропологическомъ состояніи“, à l'état anthropologique. Что это за состояніе? „Головы и волосы этихъ женщинъ должны быть освобождены (*affranchies*) отъ покрововъ, цвѣтовъ, жемчуга и другихъ украшеній; равнымъ образомъ онѣ не должны быть причесаны такъ чтобы скрыть или преувеличить прической естественныя очертанія головы, изобиліе и естественную длину волосъ.“ Каждая изъ этихъ „женскихъ особей“, *individualités féminines*, должна быть изображена въ трехъ видахъ: лицомъ къ зрителю, бокомъ, спиною, *en face, en profil, vue du dos*.

Авторъ указываетъ собирателямъ три различныя группы женской красоты:

„а) группа *морфологическихъ* особенностей: красота очертаній и другихъ геометрическихъ границъ (*limitations*) головы и тѣла. Это такъ-сказать „утѣкъ“, *la trame*, красоты;

„b) группа *физиологическихъ* особенностей. Сюда относятся нервно-мускульныя измѣненія лица и тѣла соответствующія состоянію чувствъ, ума и внутреннѣхъ наклонностей;

„с) группа *гистологическихъ* особенностей: красота тканей служащихъ вѣншимъ покровомъ тѣла, равно какъ и внутреннѣхъ подкожныхъ тканей, *tissus sous-jacens intérieurs*, отъ которыхъ зависитъ красота тканей вѣншихъ. Гистологическія особенности раздѣляются на двѣ независимыя группы. *Впередыжъ*: цвѣтъ и вѣншній видъ (*appareance*) кожи и тѣла на лицѣ и во всемъ остальномъ корпусѣ; *восторыжъ* — красота, изобиліе, длина и другія гистологическія качества волосъ на женской головѣ. *Красота глазъ* есть *un caractère intermédiaire*; она занимаетъ въ красотѣ женщины средина между группою особенностей гистологическихъ и физиологическихъ.“

Г. Вешняковъ ставитъ задачу очень серьезно. „До тѣхъ поръ пока *гдѣ-либо* существуетъ женская особь видъ кото-

рой производить впечатлѣніе и ощущеніе красоты“, до тѣхъ поръ, говоритъ онъ, нужно будетъ „разыскивать, антропологически описывать и изображать“ эти особи „наиболѣе точнымъ, опредѣленнымъ, напряженнымъ и провозительнымъ“ способомъ. Мы переводимъ выраженіе: *chaque individualité feminine... devra être recherchée, anthropologiquement décrite et figurée par le procédé artistique le plus intense, le plus exact, précis et pénétrant.* Эти натуралистическіе портреты должны будутъ печататься; если возможно, то нужно будетъ идти далѣе въ изслѣдованіи, *pousser plus loin l'investigation*; нужно будетъ добираться до самыхъ „сокровенныхъ“ условій, *les conditions les plus intimes*, благоприятныхъ или неблагоприятныхъ развитію антропологическихъ особенностей въ смыслъ красоты: изсаждовать составъ кушанья и валитковъ, гигиеническую и косметическую „практику“, особенности въ составъ крови, специфическія особенности кожи и т. д. Назначеніе всѣхъ этихъ изслѣдованій состоитъ въ томъ чтобы создать современемъ, *pour construire un jour*, „активную“ науку „предназначенную измѣнить въ извѣстномъ направленіи красоты антропологическія особенности женщины способныя къ такому измѣненію.“

Такимъ образомъ стоить только принять проектъ г. Вешнякова и будущность человѣческаго рода обезлечена въ смыслъ красоты. Прикладная антропология будетъ по желанію развиваться въ женщинахъ „нерво - мускульную“, „гистологическую“, „морфологическую“ красоту. Задача очень деликатная, можетъ-быть нѣсколько затруднительная въ практикѣ, особенно если принять въ соображеніе что самой науки, приложенія которой должны произвести такой результатъ, въ строгомъ смыслѣ еще не существуетъ. Но какое же отношеніе имѣеть все это къ эстетикѣ?

Естественная исторія женской красоты, говоритъ г. Вешняковъ, послужить основаніемъ для историческаго изученія красивыхъ женскихъ типовъ и для исторіи вкуса къ различнымъ особенностямъ женской красоты. Для этого нужно будетъ по произведеніямъ художниковъ воссоздать исчезнувшіе уже типы. Мы узнаемъ тогда какимъ образомъ въ различныя эпохи каждая изъ трехъ перечисленныхъ выше группъ женской красоты дѣйствовала въ смыслъ психо-физиологическаго феномена на артистовъ и вообще на людей способныхъ къ „эмотивной“ (*appreciation*

emotive), но сознательной и аналитической оцѣнкѣ красоты. Намъ предстоитъ изучить женскую красоту — здѣсь мы приводимъ слова подлинника — какъ *impression sensuémotive et psychomotrice*, какъ впечатлѣніе возбуждающее къ „подражательному воспроизведенію“ вѣдшихъ особенностей красоты. Г. Вешняковъ приводитъ примѣръ. *Тиціанъ* ввелъ изображеніе *гистологическихъ* особенностей красоты, красоту окраски тѣла и вѣдшаго вида кожи; артисты сѣверной Италіи, отчасти *Пальма-Беккіо*, *Тиціанъ* и *Корреджіо* ввели *антропологическіе портреты женскихъ волосъ*; „Кающающаяся Магдалина“ послужила *Тиціану* и *Корреджіо* „предлогомъ и случаемъ“ ввести въ искусство „новый типъ анонимнаго и безличнаго антропологическаго портрета молодой, влоявъ созрѣвшей женщины.“

Мы имѣли до настоящей поры неосторожность думать что „Кающающаяся Магдалина“ выражаетъ собою олицетвореніе локанія, что художники бравшіеся за этотъ сюжетъ хотѣли прежде всего выразить одухотвореніе тѣла напряженнымъ душевнымъ состояніемъ. Мы узнаемъ теперь что по „натуралистической эстетикѣ“ это не что иное какъ „анонимный антропологическій портретъ“ въ которомъ на первое мѣсто выдвинуты „гистологическіе“ признаки женской красоты. Нашъ ученый соотечественникъ, г. *Théodore Wechniakoff*, можетъ-быть весьма сѣдущій антропологъ. Но... не сѣдуетъ братья за два дѣла разомъ. Кому предъ картиной приходится въ голову только „отысканіе антропологическихъ портретовъ“, тотъ сѣдуетъ лучше если откажется отъ эстетическаго сужденія. Еще лучше будетъ если антропологъ станетъ серьезно заниматься своею спеціальностью и предоставитъ лирожникамъ лечь лироги. Г. *Théodore Wechniakoff* вѣроятно знаетъ что *le ridicule* не прощается никому, даже *дѣйствительнымъ* ученымъ.

Новые документы къ исторіи Генриха IV. Въ 1841 году Виллемъ, бывшій въ то время министромъ народнаго просвѣщенія во Франціи, задумалъ издать собраніе посланій и писемъ короля Генриха IV. Исполненіе этого предпріятія было въ томъ же году поручено г. Берже де-Ксivre (*Berger de Xivrey*) и только теперь завершено г. Гуаде. Матеріалъ былъ со-

бранъ изъ всѣхъ библіотекъ Европы, равно какъ изъ множества частныхъ коллекцій. Берже де-Ксивре двадцать лѣтъ трудился надъ этимъ изданіемъ и обнародовалъ семь его томовъ. Но пока шло печатаніе писемъ въ хронологическомъ порядкѣ, безпрестанно получались со всѣхъ сторонъ письма относящіяся къ болѣе раннему времени нежели печатаемые уже документы. Письма эти, равно какъ и тѣ которые совсѣмъ не были помѣчены годомъ и числомъ, откладывались въ сторону чтобы составить особый томъ *Дополненій*. Матеріалу набралось такъ много что *Дополненіе* составило цѣлыхъ два тома, явившіяся теперь подъ названіемъ: *Supplement au recueil des lettres missives d'Henri IV.* 2 vol. in 4° de la *Collection des documents inédits*. Г. Гуаде, редактировавшій это „Дополненіе“, въ то же время издалъ книгу о жизни и дѣятельности Генриха IV, подъ заглавіемъ: *Henri IV, sa vie, son oeuvre, ses écrits*, par J. Guadet, Paris, Picard 1879. Нѣсколько рѣчей и писемъ Генриха IV, не вошедшихъ въ большое собраніе, изданы отдѣльно г. Гальфенъ: *Harangues et lettres inédites du roi Henri IV*, publiées d'après les manuscrits de la Bibliothèque nationale par Eugene Halphen, Danel, Lille, 1879.

Иллюстрированный каталогъ Всемирной Парижской Выставки 1878 года. *Illustrierter Katalog der Pariser Welt-Ausstellung von 1878.* Leipzig, Brockhaus, 1880.

Подобно своимъ иллюстрированнымъ каталогамъ всемирныхъ выставокъ 1867 и 1869 годовъ извѣстный Брокгаузъ издалъ иллюстрированный каталогъ послѣдней Всемирной Парижской Выставки. Можно быть различныхъ взглядовъ на значеніе и пользу такихъ выставокъ; несомнѣнно то что съ каждымъ новымъ предпріятіемъ этого рода увеличивается число экспонентовъ, а слѣдовательно количество матеріала изъ котораго предстоитъ выводить тѣ или другіе результаты для опредѣленія того, въ какомъ состояніи находятся различныя отрасли промышленности и мануфактуры. На первой (*Лондонской*) всемирной выставкѣ участвовало 13.937 экспонентовъ; на Парижской выставкѣ 1855 года число ихъ возрасло до 28.954; на выставку происходившую въ Парижѣ въ 1867 году явилось 42.337 экспонентовъ, на послѣднюю

Парижскую выставку—болѣе 50.000, причѣмъ нельзя опустать изъ вида еще и того обстоятельства что въ этой выставкѣ не принимали участія Германія, Турція и Бразилія. Такимъ образомъ иллюстрированный отчетъ о всемирной выставкѣ является съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе интереснымъ, хотя бы уже съ точки зрѣнія разнообразія и многочисленности описываемыхъ въ немъ предметовъ.

Иллюстрированный каталогъ Брокгауза составленъ при участіи нѣсколькихъ специалистовъ и раздѣляется на двѣ части: художественно - промышленную и машинно - техническую, *Kunstindustrie* и *Maschinentechnik*. Въ первой части читатель найдетъ отчеты объ издѣліяхъ: стеклянныхъ, золотыхъ, серебряныхъ, бронзовыхъ, хрустальныхъ, ювелирныхъ, о мебели, лампахъ, часахъ, вазахъ, кружевныхъ и шелковыхъ товарахъ, о мапюлихъ, обояхъ, коврахъ, паркетѣ, рояляхъ, рѣзбѣ по дереву, чугуно-литейныхъ издѣліяхъ и т. д. Во второй части идетъ рѣчь о машинахъ которыми достигается приготовленіе тѣхъ или другихъ издѣлій и о множествѣ иныхъ снарядовъ: объ уличныхъ локомотивахъ, пожарныхъ трубахъ, печахъ, вентиляціонныхъ аппаратахъ, земледѣльческихъ машинахъ и проч. и проч. Книга снабжена громаднымъ количествомъ превосходно исполненныхъ литографій занимающихъ въ ней главное мѣсто. Особенно интересны эти рисунки въ первой части, гдѣ мы наглядно знакомимся съ лучшими образцами современныхъ художественныхъ ремеселъ, съ мебелью, посудой, хрусталемъ, бронзою, коврами и другими художественными произведеніями лучшихъ иностранныхъ мастеровъ. Для облегченія справокъ къ каждой части приложенъ алфавитный списокъ мастеровъ и предметовъ. Помимо своего значенія для любителей и специалистовъ этотъ иллюстрированный каталогъ сѣбѣ можетъ занять мѣсто художественнаго альбома въ каждомъ салонѣ.

Новое иллюстрированное изданіе разказовъ Нибурга о греческихъ герояхъ. Griechische Heroengeschichten von Niebuhr an seinen Sohn erzählt, mit 12 Zeichnungen von Friedrich Preller und 4 Friesen und Schlussvignetten von Theodor Grosse. Prachtausgabe. Gotha, Perthes. Въ 1822 году знаменитый историкъ Нибуръ сообщалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ что онъ занялъ сочиненіемъ разказовъ изъ греческой

миеологии для своего сына. Сыну было тогда только четыре года. Рассказы произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе на мальчика. Издавая въ первый разъ эти рассказы, сынъ Нибура объяснилъ въ предисловіи что кромѣ интереса который представляетъ это сочиненіе его отца для сужденія о томъ какимъ образомъ великій ученый приспособлялъ древнія сказанія къ дѣтскимъ понятіямъ, ему въ то же время хотѣлось бы доставить и другимъ дѣтамъ то же удовольствіе какое испытывалъ онъ самъ слушая рассказы отца. Желаніе издателя исполнилось. Рассказы Нибура стали одною изъ лучшихъ дѣтскихъ книгъ, переведены на разные языки (русскій переводъ былъ помѣщенъ, между прочимъ, въ прекрасномъ изданіи *Библиотека для воспитанія*, въ сороковыхъ годахъ выходившемъ въ Москвѣ), выдержали значительное число изданій, и теперь изданы вновь съ рисунками знаменитаго Преллера, извѣстнаго своими картинками къ *Одиссеѣ* Гомера. Нельзя было бы представить себѣ лучшаго иллюстратора къ сочиненію Нибура и можно смѣло сказать что только теперь рассказы знаменитаго историка о греческихъ герояхъ получили ту вышнюю обстановку въ которой они передавались самимъ авторомъ своему сыну. Молодой Нибуръ говоритъ въ предисловіи къ первому изданію какое удовольствіе доставляло ему отыскивать на разныхъ изображеніяхъ саркофаговъ и барельефовъ тѣ событія про которыя рассказывалъ ему отецъ. Рассказы невольно направлялись на иллюстрацію, и двѣнадцать картинъ Преллера, а какъ нельзя болѣе соответствують этой потребности. Это большіе рисунки in-quarto, отлито карандашомъ и воспроизведенные фототипіей. Преллеръ изобразилъ: Жертвоприношеніе Фрикса, Минерву и Язона, Похищеніе Язономъ золотаго руна, Бѣгство Язона и Медеи, Геркулеса съ Харономъ, Поимку Геркулесомъ Киринейскаго оленя, Освобожденіе Геркулесомъ Гезіоны, Геркулеса и Прометея, Геркулеса и Нессія, Ореста и Пилада, Ифигенію въ Тавридѣ и Ифигенію въ Авлидѣ. Рисунки сдѣланы съ тѣмъ Sloakostiviemъ и достоинствомъ которыя характеризуютъ Преллера, безъ всякой попытки модернизировать людей и ландшафтъ. Кромѣ рисунковъ въ текстъ помѣщено еще нѣсколько *фризовъ* превосходно исполненныхъ Теодоромъ Гроссе. Книга напечатана въ большомъ формѣ, на отличной бумагѣ. Мы думаемъ что это изданіе должно сдѣлаться

одною изъ любимѣйшихъ книгъ въ семействахъ гдѣ есть дѣти и въ то же время необходимымъ дополненіемъ бібліотеки каждаго любителя художественныхъ рисунковъ Преллера.

Права акціонерныхъ обществъ. Hermann Loewenfeld: *Das Recht der Actiengesellschaften. Kritik und Reformvorschlage.* Berlin, Guttentag, 1879.

Авторъ этой книги нѣсколько лѣтъ былъ директоромъ одного изъ обширныхъ банковыхъ учреждений въ Берлинѣ и это обстоятельство, въ связи съ солиднымъ юридическимъ образованіемъ, даетъ ему возможность соединить въ своемъ сочиненіи теорію съ практическимъ опытомъ. Не входя въ разборъ книги Лэвенфельда мы укажемъ здѣсь только что она обратила на себя въ Германіи всеобщее вниманіе и возбудила оживленную полемику въ періодическихъ и политико-экономическихъ журналахъ. По отзывамъ нѣмецкихъ критиковъ, поднятые авторомъ вопросы и сдѣланный имъ разборъ существующаго законодательства относительно акціонерныхъ обществъ сильно заинтересовали высшія законодательныя сферы Германіи и дали ходъ вопросу о реформахъ необходимыхъ въ этомъ отношеніи. По отзыву вѣнской газеты *Advokaten-Zeitung* „трудно рѣшить что болѣе должно быть поставлено въ заслугу автору, юридико-догматическая часть его труда, или же тѣ указанія которыя онъ дѣлаетъ на основаніи своихъ практическихъ наблюденій.“

Четвертый томъ новаго изданія сочиненій Шиллера. *Schillers Werke mit etwa 600 Illustrationen erster deutscher Kunstler,* herausgegeben von Prof. Dr. I. G. Fischer. 4er Band, Stuttgart und Leipzig, Hallberger. Мы указывали уже на превосходное изданіе сочиненій Шиллера съ иллюстраціями лучшихъ нѣмецкихъ художниковъ. Въ настоящее время появилась четвертый томъ этого изданія заключающій въ себѣ *Исторію отпаденія Нидерландовъ* и *Исторію Тридцатилѣтней войны.* Подобно тремъ первымъ томамъ текстъ четвертаго тома иллюстрированъ множествомъ рисунковъ, число которыхъ простирается до *двухсотъ.* Бумага, рисунки и вся внѣшняя обстановка изданія остаются такими же безукоризненными какъ и въ первыхъ томахъ.

Историко-биографическій лексиконъ къ исторіи философіи. *Philosophisch-geschichtliches. Lexicon. Historisch-biographisches Handwörterbuch zur Geschichte der Philosophie, bearbeitet von Dr. Ludwig Noak. Leipzig, 1879.*

„Со времени изданія словаря *Kruga (Handwörterbuch der philosophischer Wissenschaften)* и французскаго *Dictionnaire des Sciences philosophiques* еще не появлялось ничего подобнаго этому пособию при изученіи философіи“, такъ отзывается нѣмецкая критика объ этомъ изданіи, которое она признаетъ „необходимымъ“ и „удовлетворяющимъ давно испытываемой потребности“. Лексиконъ этотъ ограничивается только самими философами, оставляя въ сторонѣ алфавитное изложеніе философскихъ предметовъ. Философы находящіеся въ живыхъ не вошли въ составъ лексикона. Выдающимся философамъ отведено въ лексиконѣ соответствующее мѣсто; такъ Канту посвящено тридцать страницъ in folio, Гегелю—двадцать семь и т. д. Съ особою похвалою отзываются нѣмецкія рецензіи про статьи о Кантѣ, Гегелѣ, Спинозѣ, Декартѣ, Фихте; при отдѣльныхъ статьяхъ находятсѣ указанія на литературу относящуюся къ тому или другому философу. Составитель лексикона, профессоръ Ноакъ, занимаетъ кафедру философіи въ Гиссенѣ.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА

Въ *Русскомъ Архивѣ* (1870 года № 10) г. де-Пуле помѣстилъ биографическую замѣтку о П. Н. Бромевскомъ и братьяхъ Муравьевыхъ, вызванную моею книгой *Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ*, въ которыхъ набросана характеристика означенныхъ лицъ.

Имя г. де-Пуле пользуется въ русской литературѣ такою извѣстностью, его всегда просвѣщенный и серьезный взглядъ на предметы служащіе темою его работъ возбуждаетъ такое уваженіе что я не могъ безучастно отнестись къ его замѣчаніямъ.

Какъ ни лестны для меня отзывы г. де-Пуле на счетъ достоинства моей книги, отзывъ любезною преувеличенностью коихъ я вполнѣ сознаю, тѣмъ не менѣе упрекъ дѣлаемый мнѣ за характеристики лицъ по категориямъ—свѣтлыхъ и мрачныхъ, за способъ биографическаго изображенія *этомъ весьма естественный*, но часто грѣшащій противъ исторической достовѣрности, для которой недостаточно однихъ симпатій или антипатій,—признаю несправедливымъ.

Г. де-Пуле какъ бы забываетъ что я писалъ не исторію, не биографію, а мои собственные воспоминанія и личныя впечатлѣнія, причемъ индивидуальность пишущаго, какъ бы скромнѣе онъ ни былъ, какъ бы ни старался не рисоваться, не высовываться впередъ, непременно должна оказываться почти на первомъ планѣ. Для историка главная обязанность—

всестороннее изученіе злохи или описываемаго лица, полное безпристрастіе, совершенно объективное отношеніе и изложеніе, подтверждаемое достовѣрными матеріалами и правильною критическою ихъ оцѣнкой. Требовать такого же отношенія къ дѣлу отъ человѣка разказывающаго о своихъ личныхъ походахъ, знакомствахъ и впечатлѣніяхъ значитъ присваивать мемуарамъ несвойственное имъ значеніе исторіи; также точно нельзя приравнивать характеристики набрасываемыя авторами воспоминаній къ біографіямъ: первая основываются на томъ что представилось автору въ одно данное время, часто въ одинъ какой-нибудь часъ нечаянной встрѣчи съ извѣстнымъ лицомъ, обратившимъ на себя вниманіе, и произведенное встрѣчею впечатлѣніе вносится въ дневникъ, или отпечатлѣвается въ памяти автора воспоминаній, какъ это было у меня никогда не ведшаго дневникъ; вторыя же біографіи должны обнимать всю жизнь изображаемаго лица, всю его дѣятельность въ совокупности, всѣ разнородныя черты его характера и результаты всего этого для общества въ обширномъ или тѣсномъ смыслѣ, смотря по положенію какое лицо это занимало.

Напримѣръ, я совершенно нечаянно встрѣчаю въ 1856 году М. Н. Муравьева. Я не знаю его предшествовавшей дѣятельности настолько чтобы судить о немъ; я вижу только человѣка, наружность коего нельзя назвать привлекательною, вижу что человѣкъ умный, образованный, занимающій высокій постъ министра, дѣлаетъ однако какія-то странности, возбуждающія общія насмѣшки, заставляетъ оказывать себѣ извѣстныя формальныя почести, присвоенныя уставами только *мѣстными* высшимъ начальствамъ, останавливаетъ и экзаменуетъ совѣтъ не подчиненныхъ ему лицъ, съѣхавшихся дѣлаться водами и т. д.; все это остается у меня въ памяти, и весьма естественно, такъ я объ этомъ въ своихъ мемуарахъ разказываю, не имѣя въ виду этимъ характеризовать прошедшее или тѣмъ болѣе будущее М. Н. Муравьева. Еслибъ я разказывалъ иначе, старался бы не показать того забавнаго или несимпатичнаго что мнѣ бросилось въ глаза и оставило во мнѣ впечатлѣніе, то я гдаль бы, *сочинилъ* бы, а не разказывалъ бы дѣйствительно мною видѣнное и испытанное.

Но все это не мѣшало мнѣ въ послѣдствіи совершенно искренно раздѣлять мнѣніе тѣхъ которые высоко ставили заслуги М. Н. Муравьева какъ подавителя возстанія въ сѣверо-запад-

номъ краѣ; не мѣшаетъ мнѣ оставаться въ этомъ убѣжденіи и до сихъ поръ, и еще болѣе—искренно сожалѣть что въ 1861 году, вмѣсто князя Горчакова, намѣстникомъ въ Варшавѣ не былъ М. Н. Муравьевъ, или что его по крайней мѣрѣ не тотчасъ съ началомъ смуты туда отправили.... Что бы тамъ кабинетный гуманизмъ въ союзѣ съ идеальными мечтаніями ни говорили о „вѣшателяхъ“ и т. л., а съ серьезной, государственной точки зрѣнія выходитъ что лучше было *круто подавить* возстаніе чѣмъ *млеко продлѣть* разореніе края, всеобщее волненіе и щекотливое положеніе всего государства. Сами Поляки, еслибы захотѣли взвѣснить и хладнокровно обсудить всѣ про и contra, должны бы придти къ такому же выводу. И вѣдь Европа только изъ традиціонной, вызываемой разными политическими комбинаціями ненависти къ Россіи, трубила объ ужасахъ, ако бы чинимыхъ М. Н. Муравьевымъ, такъ же точно какъ трубила о нашихъ жестокостяхъ на Кавказѣ, въ Средней Азійи и даже въ послѣднюю войну съ Турціей. Но всѣ наши жестокости, если называть даже этимъ именемъ неизбѣжная мѣра военной строгости, принимаемая у насъ всегда скорѣе поздно чѣмъ до времени и всегда съ соблюденіемъ законовъ формъ,—всѣ онѣ цвѣточки въ сравненіи съ тѣми ягодками, какія намъ показываетъ также шипящая на Россію *свободная*, цивилизованная, *гуманная* учительница наша Западная Европа. Я бы желалъ чтобы кто-нибудь указалъ мнѣ хоть одинъ примѣръ гдѣ на Западѣ выразилась гуманная мягкость въ сравненіи съ суровостью М. Н. Муравьева въ Вильнѣ? Должно-быть Англичане стѣсняются въ Индіи, Афганистанѣ, Ирандіи или Французы съ комуарама, или Испанцы на Кубѣ, или Австрійцы съ Славянами?...

Я увлекся въ сторону отъ цѣли моей замѣтки, но это именно потому что хотѣлъ объяснить г. де-Пуле что характеристика М. Н. Муравьева, какимъ онъ мнѣ представлялся при нѣскольکو-дневномъ знакомствѣ въ Кисловодскѣ, вовсе не есть біографія основанная на автупатіи и не мѣшаетъ мнѣ относиться совершенно безпристрастно къ тому же лицу въ его позднѣйшей дѣятельности.

Что касается П. Н. Броневскаго, то въ этомъ случаѣ я еще менѣе могу принять упрекъ въ несимпатіи и характеристикѣ изъ этого истекающей. Я опять-таки разказывалъ какъ было, какъ моему глазу представлялось, какъ на моемъ

влечатаѣнн отгискивалось, наконецъ какъ я слышалъ почти безъ исключеній со всѣхъ сторовъ. Названіе „игумень монастыря“ не мое изобрѣтеніе, но я находилъ его подходящимъ; что П. Н. доводилъ свой педантизмъ, а еще болѣе суровость въ наказаніяхъ солдатъ до нѣсколько преувеличенныхъ размѣровъ,—было не моимъ мнѣніемъ; это признавали и князь Барятинскій, и баронъ Врангель, какъ начальники 20й дивизіи, и князь Орбеляни, какъ командовавшій войсками, не говоря о большинствѣ офицеровъ своего и чужихъ полковъ, не скрывавшихъ своего нерасположенія къ полковнику. Я не касался ни предшествовавшей, ни тѣмъ менѣе послѣдующей дѣятельности П. Н., мало мнѣ извѣстныхъ, а за разказанный мною періодъ командовавія его Дагестанскимъ полкомъ, сколько мнѣ кажется, не пропустилъ ничего—что могло выставить его человѣкомъ достойнымъ полнаго уваженія, съ которымъ я къ нему всегда относился, а еще болѣе вспоминаю теперь. Въ убѣжденіи безупречной правдивости моего разказа, я не считалъ нужнымъ скрывать фамиліи П. Н. Броневскаго, вполне увѣренный что именно онъ такой человѣкъ который улыбнется читая относящіяся до него строки, и не только не оскорбится, но съ удовольствіемъ перемесется воспоминаніями къ давно минувшему, къ сѣрому „монастырю“ Ишкарты или угрюмымъ высотамъ Турчидага. И вотъ ужъ по иставѣ когда можно сказать: „что прошло, то будетъ мило!“ Атмосфера этихъ Ишкартовъ была дѣйствительно дававшая, тоску наводившая, и отъ души можно было поздравить себя вырвавшись изъ нея, тѣмъ болѣе что слишкомъ ретивые холоты, какъ это всегда водится, въ стремленіи услужить и угодить начальнику пересаливали и дѣлали жизнь подчасъ невыносимую; но теперь, болѣе чѣмъ чрезъ четверть вѣка, послѣ этихъ мелочныхъ дразгъ, и объ Ишкартахъ вспоминается съ сожалѣніемъ!...

Г. де-Пуле считаетъ слабою стороною моеѣ книги рѣзко обозначающіяся симпатіи и антипатіи мои и какъ бы съ нѣкоторою укоризною указываетъ что я горячо сочувствую *такимъ* лицамъ какъ князя М. С. Воронцовъ и А. И. Барятинскій, что рисую я подобныя лица въ самомъ свѣтломъ, привлекательномъ видѣ, но что мнѣ антипатичны такія фигуры какъ покоритель Карса Н. Н. Муравьевъ.

Я уже говорилъ что считаю въ мемуарахъ проявленіе антипатіи или симпатіи совершенно въ порядкѣ вещей, и если

я не выразилъ симпатіи къ Н. Н. Муравьеву, то ни чѣмъ однако не выразилъ къ нему и антипатіи, или вообще предвзятаго, пристрастнаго взгляда. Все что послужило мнѣ для критической оцѣнки его дѣятельности какъ главнокомандующаго на Кавказѣ (помимо войны подъ Карсомъ) основано на положительныхъ фактахъ, на сценахъ коимъ я былъ личнымъ свидѣтелемъ, или переданныхъ мнѣ такими лицами которыхъ правдивость остается внѣ всякихъ сомнѣній. Опроверженія я до сихъ поръ нигдѣ не встрѣтилъ и считаю произведенную мною оцѣнку не только правильною, но и свободною отъ всякаго увлеченія личными чувствами.

Симпатіи своихъ ко князьямъ Воронцову и Барятинскому я не скрываю, и почему г. де-Пуле полагаетъ что представлять въ привлекательномъ видѣ *такія* лица какъ бы неумѣстно, — я рѣшительно не понимаю. При моей безпредѣльной любви къ Россіи, при моемъ самомъ горячемъ желаніи ей процвѣтанія, могущества и славы, какъ одной изъ великихъ державъ, я не могу отъ всей души не пожелать ей побольше и почаще такихъ государственныхъ людей какъ князь Воронцовъ и такихъ отъ природы талантливыхъ баловней счастія какъ князь Барятинскій, съ именемъ котораго неразрывно связано крупное событіе русской исторіи — локо-ревіе Кавказа. У обоихъ были недостатки и слабости; управленіе обоими Кавказскимъ краемъ имѣло свои болѣе или менѣе крупныя тѣневые стороны, и если, по понятнымъ причинамъ, я въ изданной книгѣ еще не могъ говорить вполне откровенно о времени перваго, а до эпохи втораго даже не довелъ своего разказа, то это не доказательство моего пристрастія, и въ слѣдующемъ третьемъ томѣ быть-можетъ мнѣ представится уже возможность многое дополнить и досказать. Но все тѣневое не затмитъ въ дѣлахъ обоихъ князей свѣтлаго, потому что результатовъ ихъ дѣлъ изъ исторіи вычеркнуть нельзя. Безъ слабостей и недостатковъ нѣтъ и не было еще человѣка; но потомство въ сужденіи о государственныхъ, вообще о выдающихся общественныхъ дѣтеляхъ будетъ руководиться только результатами ихъ дѣяній, только результаты останутся памятниками и мотивами для созданія памятниковъ, а слабости, недостатки, вызывавшіе временный вредъ и неудовольствіе заинтересованныхъ людей, исчезаютъ какъ мгновенное облако на фонѣ свѣтлаго неба. Когда мы восхищаемся картиной одного изъ великихъ ху-

дожниковъ минувшихъ стсавтій, или съ восторгомъ смотримъ на какой-нибудь гениальный памятникъ архитектуры, или читаемъ увлекающую насъ поѣму, развѣ мы спрашиваемъ какіе недостатки были у творцовъ этихъ произведеній, не окружали ли они себя дрянными людьми, не любили ли интриговать и подставить ногу ближнему и т. п.? Мы восхищаемся и говоримъ: великій Рембрантъ, гениальный Микель Анджеоло; да даже о ближайшихъ къ намъ дѣтеляхъ подобной категоріи забываемъ какъ о слабыхъ людяхъ, а помнимъ только ихъ дѣла, ихъ созданія. Читая Лермонтовскія „Когда волнуется желтѣющая нива“, или „Въ поднебный жаръ, въ долину Дагестана“, развѣ мнѣ приходитъ въ голову что авторъ былъ крайне неуживчивый человекъ, не щадившій никого своими язвительными насмѣшками и т. д.? Я просто наслаждаюсь этими милыми, музыкально-пѣвными звуками и Лермонтовъ остается гениальнымъ поэтомъ, къ несчастію слишкомъ рано погибшимъ.

То же самое въ примѣненіи къ государственнымъ людямъ. Я первый, если услѣю еще довести свои воспоминанія до конца, безъ прикрасъ выставлю ошибки въ управленіи, не-нормальности, такъ-сказать, взглядовъ князей Воронцова и особенно Барятинскаго на роль и обязанности намѣстника, но все это не помѣшаетъ имъ остаться выдающимися историческими лицами, съ правомъ на благодарность и уваженіе потомства, конечно, такого потомства которое дорожить могуществомъ и славой своего отечества....

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

20 декабря 1879.

Не проходитъ два чтобы не обнаруживали себя результаты печальной памяти Берлинскаго конгресса. Гдѣ обѣщанное разрѣшеніе залутаннаго восточнымъ вопросомъ узла, гдѣ прочное умиротвореніе взволнованной поверхности политическаго моря? Не усилились ли еще элементы недовольства, безпокойства и крайне тревожнаго, напряженнаго состоянія Европы?

Взгляните на Европу, она, за исключеніемъ развѣ счастливой Швеціи, да пожалуй княжества Монако, представится вамъ въ видѣ военныхъ лагерей, съ лихорадочною дѣятельностью готовящихся къ открытію кампаніи, это въ отношеніи ко внѣшнимъ дѣламъ, и въ видѣ мрачно-тревожнаго, недовольнаго своимъ положеніемъ общества по внутреннимъ дѣламъ.

„Положеніе Европы имѣетъ въ себѣ нѣчто таинственное и зловѣщее, сказалъ 6 (18) декабря бельгійскій военный министръ генералъ Лиagrъ, при обсужденіи военнаго бюджета. Не допустимъ себя застигнуть върасплохъ. Будемъ дѣятельнѣе и примемъ мѣры предосторожности. Мы должны быть готовы ми дать отпоръ первому шагу нашествія (envahisseurs). Нація не способная защищаться недостойна жить. Если справедливо что въ единодушій сила, то настолько же справедливо что сила есть средство заставить уважать право.“

Вотъ какъ смотритъ на положеніе Европы и на обязанности націи министръ конституціонной Бельгіи, нейтралитетъ коей гарантированъ международными договорами...

Вслѣдъ затѣмъ, 8 декабря, подсекретарь британскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Боркъ, на консервативномъ митингѣ въ Лидзѣ, заявилъ что Русско-Турецкая война оставила въ некоторыхъ частяхъ Европы такое положеніе дѣлъ которое требуетъ отъ англійскихъ министровъ твердости и *сдержанности* (?). (Гдѣ же блистательный миръ достигнутый въ Берлинѣ, за который графъ Беконсфильдъ былъ встреченъ въ Лондонѣ какъ триумфаторъ?) Далѣе, г. Боркъ говоритъ что Англо-Турецкая конвенція не возлагаетъ на Англію никакой особой отвѣтственности потому что если послѣдуетъ *предполагаемое* раздѣленіе Турціи, то Англія не захочетъ видѣть Малую Азію, Месопотамію и эвфратскій путь въ Индію во власти Россіи (??); что большинство государственныхъ людей Европы на сторонѣ Англіи (?). А впрочемъ Англія не имѣетъ спора ни съ одною европейскою державой; она желаетъ остаться въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Россіей, на что и надѣется. Онъ того мнѣнія что разногласія съ Россіей вызваны были не Его Величествомъ Императоромъ и его мудрыми государственнымъ людьми. Эти государственные люди знаютъ что Англія желаетъ мира и не противится *законному* (?) развитію русской торговли и благосостоянія Россіи; они знаютъ также что Англія съ радостью привѣтствовала бы устраненіе внутреннихъ затрудненій Россіи (?). Англія не питаетъ сочувствія (еще бы!) къ убійцамъ и людямъ которые хотятъ разрушить основы порядка и законовъ. Политика лорда Беконсфильда, заключивъ его услужливый подчиненный, основывалась до сихъ поръ на согласіи свободнаго народа и парламента, и первый министръ не можетъ уклониться отъ нея, не нарушивъ своей политической обязанности. Эта политика поведетъ къ *миру, свободѣ и благосостоянію всего свѣта* (!). *

Какой туманъ, сколько лжи, фальши, смѣси изворотливости съ недосказанностью, во всемъ этомъ вывертѣ!

* Въ послѣдствіи англійскія газеты, печатавъ рѣчь Борка, сочли за лучшее выпустить его слова насчетъ большинства государственныхъ людей якобы стоящихъ на сторонѣ Англіи, а также и о томъ что Англія такъ милостива что не противится *законному* развитію русской торговли и благосостоянія. Даже и свои устыдилась!

Интересно это постоянное усердное обращеніе къ русскимъ внутреннимъ дѣламъ. Какая заботливость о нашемъ благѣ, какое сердобольное участіе! Г. Боркъ, официальное лицо, тоже считаетъ нужнымъ уломянуть о нашихъ внутреннихъ затрудненіяхъ, пожелать ихъ устраненія и увѣрять въ несочувствіи убійцамъ. Намъ невольно представляются подозрительными мотивы вызывающіе такіа рѣчи.... Какое отношеніе имѣютъ они къ политическому соперничеству между двумя странами на Востокѣ и простирающимся отъ этого враждебностямъ? Какая тутъ связь между шайкой безумцевъ отвергающихъ вообще всякую государственность и, само собою, даже идею объ интересахъ гдѣ-нибудь на Черномъ Морѣ или Аму-Дарьѣ, и Англо-Турецкою конвенціей съ протекторатомъ надъ Малою Азіей, ничѣмъ якобы не стѣсняющую Англійскаго правительства? При самомъ искреннемъ желаніи не выходить изъ приличнаго тона, мы съ трудомъ можемъ найти въ этомъ случаѣ другое болѣе подходящее заключеніе, какъ то, которое выражается русскою народною поговоркою: „на ворѣ шалка горитъ“.... И хорошо не было бы у соблазнователей своихъ дѣлъ, о которыхъ не мѣшаетъ позаботиться, а то вѣдь въ Ирландіи посерьознѣе затрудненіе чѣмъ у насъ; тамъ въскольکو милліоновъ населенія возстаетъ противъ вѣковаго притѣсненія, противъ волюющаго аграрнаго устройства, держащаго эти милліоны въ постоянномъ страхѣ предъ голодною смертію; тамъ не нужно ничьей *иностранной* поддержки чтобъ агитація не потухла; тамъ голодъ, нищета, безчеловѣчіе гордыхъ землевладѣльцевъ не даютъ успокоиться. Вотъ куда должны вы обратить свое вниманіе ваши лордства, если вамъ мало дѣла въ Индіи, въ Афганистанѣ, Бирмѣ, Кавказѣ, Трансваалѣ и проч. проч., а Россію освободить отъ соблазнованій и доброжелательныхъ заявленій.

Въ Германіи тоже сильно интересуются нашими дѣлами. Полуофициозная берлинская газета *Post*, повѣствуя что князь Бисмаркъ пріѣхавъ въ Вѣну, сказалъ: „Я прибылъ сюда чтобы съ помощью моего друга графа Андраши найти магнитную иглу способную привлечь всѣ миролюбивые элементы,“—приходитъ къ заключенію, что послѣ этого радостнаго событія, то-есть заключенія союза Германіи съ Австріей, миръ можно считать вполнѣ упроченнымъ и что едва ли въ нынѣшнемъ столѣтіи существовала еще болѣе прочная эпоха общаго мира какъ въ настоящее время (??). По поводу этихъ

мирныхъ плаузіи газеты *Post*, другая газета *Allgemeine (Augsburger) Zeitung* считаетъ нужнымъ заняться нашими внутренними дѣлами и весьма серіознымъ, докторальнымъ тономъ, наговоривъ три короба вздора о видахъ и настроеніи русскихъ высокопоставленныхъ лицъ, заключаетъ что благотельныя перемѣны съ цѣлью бѣдшаго обличенія Россіи съ европейскою культурой только тогда возможны если Россія исключительно замкнется въ себѣ, займется реформами и внутренними дѣлами и откажется отъ всякой агрессивной политики. (Понимай: отъ всякаго вышательства во вышнія дѣла, сѣдовательно предоставивъ Австро-Германіи распорядиться на Балканскомъ полуостровѣ на полной волѣ.) Случись такъ, это будетъ драгоценнымъ плодомъ новѣйшаго вѣскаго союза, который былъ де суровымъ, но полезнымъ наломиваніемъ для Россіи что она стоитъ на опасномъ пути удаленія отъ старыхъ друзей; а оба великіе человѣка заключившіе этотъ союзъ будутъ имѣть право сказать что они достигли блестящихъ результатовъ въ пользу общаго мира. Если же восторжествуютъ на берегахъ Невы другія идеи, тогда русская политика вынудитъ Берлинскій и Вѣнскій кабинеты показать *практическое дѣйствіе своего союза* и на первый разъ настоятъ на прекращеніи агитаціи русскихъ агентовъ на Востокъ, агитаціи возбуждающихъ де крайнее неудовольствіе. И такъ даже, въ этомъ родѣ все.

Баагопріятелямъ нашимъ покоя не даетъ мысль что Славяне могутъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, что какія-нибудь *Bulgaren und Bosniaken* могутъ обратиться въ дѣйствительно независимыя на отъ кого владѣнія, съ собственными національными правительствами, что Россія будетъ виновницею такого событія. И чего нельзя сдѣлать силой, дипломатическими махинаціями, того надѣются достигнуть посредствомъ внутреннихъ заботъ долженствующихъ якобы вполнѣ и всецѣло занять Россію. Приемъ, впрочемъ, не новый: имъ долго и съ успѣхомъ пользовались и прежде, особенно Меттернихъ, также точно дрожавшій при мысли о обличеніи Россіи со славянскими племенами Балканскаго полуострова. Но времена измѣнились, и мы позволяемъ себѣ думать что всѣ эти разглагольствія на тему о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, всѣ эти залугиванья ни къ чему не поведутъ.

Какъ исполняется пресловутый трактатъ? Мы уже знаемъ какое значеніе точному, срочному исполненію рѣше-

нѣй придавала вся Европа вообще, а Англія въ особенности, когда исполненіе требовалось отъ Россіи; какой гвалтъ поднимала западная журналистика по однимъ лишь ею самою изобрѣтаемымъ сомнѣніямъ въ готовности Россіи исполнить принятая ею на себя обязательства и какъ разные министры, при каждомъ удобномъ случаѣ, считали нужнымъ выставлять на видъ важное значеніе придаваемое буквальному исполненію постановленій трактата? Но вотъ Россія въ срокъ и честно исполнила свои обязательства, какъ она всегда дѣлаетъ, не рѣдко до самозабвенія... и всѣ заявленія министровъ, весь гвалтъ печати немедленно прекратились. Разграниченіе съ Греціею—превратилось въ какое-то комическое упражненіе нѣсколькихъ, очевидно ничѣмъ не занятыхъ греко-турецкихъ делегатовъ, упражняющихся по разу въ два мѣсяца въ стилистикъ. (И пусть ихъ,—мы не особенно тужимъ объ этомъ.) Передача Черногоріи Гусинскаго и Плавскаго округа не только не состоялась, но фальшивыя, двусмысленныя дѣйствія Порты въ этомъ случаѣ дошли до того что даже посылака Мухтаръ-паша съ двадцатью баталіонами для поужденія Албанцевъ отдать эти мѣста оказывается комедіей и окончилась еще выщимъ ободреніемъ Албанцевъ къ неповиновенію и торжественному отказу; послѣ чего *независимая султанская имперія* сообщила всѣмъ державамъ что она ничего не можетъ сдѣлать съ непослушными Албанцами и *слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность* за послѣдствія. На предложенія Россіи остальнымъ державамъ потребовать отъ Порты исполненія возложенныхъ на нее обязательствъ, послѣдовали *советы и представленія* Портѣ въ такомъ смыслѣ что она де въ собственныхъ интересахъ должна принять мѣры и т. д.; а затѣмъ собираются послать консуловъ чтобы на мѣстѣ удостовѣриться въ чемъ затрудненія и пр. Такимъ образомъ, и этому дѣлу можно дать тотъ же комическій ходъ какой давнѣе греческому, хотя мы увѣрены что едва ли дипломаты Цетинья обладаютъ такимъ запасомъ долготерпѣнія какъ дипломаты Аѣны... Лордъ Беконсфильдъ и всѣ его коллеги, конечно, очень хорошо знаютъ что Россіи крайне непріятенъ быть именно фактъ неисполненія Турціею пункта о Гусинѣ и Плавѣ, что Черногорцы, помимо вѣковыхъ симпатій къ нимъ Россіи своими геройскими дѣйствіями и побѣдами въ послѣдней войнѣ приобрѣли полное право (а не снисходительную подачку) на назначенныя имъ земли; что не смотря на все желаніе не допустить до воз-

обновленія кровавыхъ столкновеній на Балканскомъ полуостровѣ и совѣты даваемые имъ Россією быть благоразумными и терпѣливыми, Черногорцы наконецъ вынуждены будутъ взяться за оружіе, а всякій выстрѣлъ въ тѣхъ странахъ можетъ стать причиною взрыва,—и, зная все это, почему же столь настойчивый, энергичный сэръ-Генри Лейлардъ не получаетъ приказаній дѣйствовать „настула на городъ“, какъ онъ дѣйствуетъ даже по такимъ случаямъ, какъ назначеніе Бекеръ-лаши реформаторомъ Малой Азіи, или грозить англійскою эскадрой и своимъ выѣздомъ когда султаны назначаютъ себя министра не правящагося Англійи? Почему въ этомъ случаѣ вдругъ исчезаетъ вся важность Берлинскаго трактата, ни одинъ изъ великихъ мужей Берлина, Вѣны или Парижа не заявить что Европа не потерпитъ игнорированія ея рѣшеній, а ни одинъ изъ свободныхъ органовъ Запада не поднимаетъ гвалта!

Въ ноябрьскомъ „Обзрѣніи“ мы уже упоминали о возникшемъ въ Вѣнѣ парламентскомъ казусѣ по поводу закона о 800-тысячной арміи, утверждаемаго на десять лѣтъ, и хотя вліятельная партія нѣмецкихъ централистовъ упорно противилась принятію этого закона, но мы не сомнѣвались что правительство своего добьется. Такъ и случилось: самъ императоръ Францъ-Иосифъ высказалъ нѣкоторымъ вліятельнымъ членамъ нѣмецкой партіи свое желаніе, и законъ значительнымъ большинствомъ голосовъ принять. Теперь съ 800 тысячъ воиновъ и потребными на ихъ содержаніе суммами, Австро-Венгрія уже, значить, не боится лишиться могущественнаго союзника, *не любящаго связываться со слабыми* и можетъ дать ходъ дальнѣйшимъ предпріятіямъ по части ловли рыбы въ мутной водѣ. Мы убѣждены что намъ недолго придется ожидать соответствующихъ извѣстій и, безъ сомнѣнія, политической океанъ опять завоевуется. Въ Берлинѣ разныя усиленія военныхъ средствъ производятся безъ особыхъ парламентскихъ перилетій, а въ будущемъ году, съ окончаніемъ семилѣтняго срока, законъ о кормѣ арміи и военнаго бюджета будетъ услуживаемъ парламентомъ опять вотированъ на семь, если не на десять лѣтъ, въ подражаніе союзнику.

Въ Берлинѣ же въ послѣднее время утверждено правительственное предпріятіе пріобрѣтенія государствомъ нѣсколькихъ важныхъ желѣзнодорожныхъ линій. Дѣло отличное, вполне достойное подражанія. Хотя и при частномъ

владѣнн, желѣзныя дороги въ случаѣ надобности служили государству безуречно, какъ мы видѣли это въ 1870 году при открытн Франко-Прусской войны; но все же, находясь въ рукахъ государства, не нуждающагося въ дивидендахъ, доводящегося лишь доходами покрывающими издержки эксплуатаціи—4—5% для уплаты по займу сдѣланному для покупки дороги, онѣ, во первыхъ, будутъ въ лучшемъ состоянн, восторыхъ, доставать болѣе обезпеченное содержаніе массѣ служащихъ и работающихъ на дорогахъ лицъ, третьихъ, облегчатъ пользованіе ими населенію и, наконецъ, четвертыхъ, дадутъ большое усиленіе власти правитель-ства, ставающагося вліятельнымъ факторомъ въ ходѣ экономическихъ дѣлъ страны. Нельзя не сознаться что, къ крайнему прискорбію, въ этомъ дѣлѣ Россія находится въ невозможности подражать своему сосѣду: во всемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ у насъ допущены такія, какъ бы поделкатнше выразит-ся, вопіющія несообразности въ ущербъ казнѣ и обществу, но за то въ явную пользу единичныхъ лицъ, государство собственными руками наложило въ себя такія путы что не до выкула дорогъ намъ!.. Было бы великимъ, благодарн-нымъ успѣхомъ еслибы *казнѣ удалось выкупить хоть себя изъ кабалы*, въ коей она очутилась у вѣсколькихъ господъ концессіонеровъ...

Телерь интересно будетъ слѣдить за дѣятельностью австрі-скаго министерства графа Таафе, восторжествовавшаго и избѣжавшаго паденія, благодаря поддержкѣ Чеховъ. Мы очень сомнѣваемся чтобы принципъ „прнжманія Сла-вянъ къ стѣнѣ“ былъ дѣйствительно брошенъ; если не явно, то тайно онъ будетъ въ ходу до тѣхъ поръ пока Нѣмцы и Мадьяры сохранять свое первенствующее поло-женіе. Отъ вѣковыхъ традицій люди не отрѣшаются такъ легко, безъ особыхъ крутыхъ, побудительныхъ обстоя-тельствъ. Еслибы настало время такого отрѣшенія, то госу-дарственные люди Вѣны иначе отвесились бы къ населенію захваченныхъ ими Босніи и Герцеговины и позаботились бы исповнть добросовѣстно мотивы постановленій Берлин-скаго конгресса на счетъ умиротворенія, водворенія порядка, улучшенія благосостоянія и пр., въ этихъ провинціяхъ. А что мы видимъ? Сохраненіе турецкихъ порядковъ, вопію-щей несправедливости въ аграрныхъ отношеніяхъ, что и бы-ло главною причиною возмущеній, той же системы взыска-нія налоговъ, привилегіи католикамъ и всевозможная при-

тѣсненія православнымъ, даже на почвѣ религиозныхъ вопросовъ. Вотъ плоды принципа „прижиманія къ стѣнѣ“ Славянъ вообще, а православныхъ въ особенности. Тюрьма для Милетичей, штыки для протестующихъ Босняковъ, это прямыя послѣдствія однихъ и тѣхъ же причинъ. Очевъ сомнительно чтобы въ этомъ отношеніи произошла перемѣна...

Во Франціи только что окончился министерскій кризисъ, въ которомъ для насъ, Русскихъ, самый интересный пунктъ есть переходъ иностранной политики изъ рукъ англійскаго покорнѣйшаго слуги г. Ваддингтона, въ руки г. Фрейсине, друга г. Гамбетты. Новый министръ, какъ можно думать, не намѣренъ продолжать политики своего предшественника; но крайней мѣрѣ такъ приходится судить по статьѣ газеты *République Française* (органъ Гамбетты), озадачившей насъ совершенною неожиданностью своего тона и заговорившею голосомъ до того непривычнымъ нашему слуху что съ трудомъ вѣрится столь радикальной перемѣнѣ: „Русскую политику, говоритъ эта газета, заподозривали прежде когда говорили что она направлена противъ исполненія Берлинскаго трактата, а теперь, когда она настаиваетъ на его исполненіи, ей отказываютъ въ поддержкѣ.“ Газета г. Гамбетты не желаетъ допустить этого и находитъ что особенно Австрія обязана быть исполнительною, потому что ей едва ли полезно отказывать другимъ въ томъ чего она сама требуетъ отъ другихъ. „Отстаивать права Черногоріи предъ Портой слѣдуетъ непремѣнно; всѣ увертки и вылавія Порты не имѣютъ никакой цѣны и вовсе не освобождаютъ ее отъ отвѣтственности. Ссылки на сопротивленія Алабаской лиги—фальшь, потому что безъ желанія самой Порты не было бы и сопротивленія.“ Терпѣть правительствомъ константинопольскихъ дипломатовъ, говорящихъ одно и желающихъ другаго, продолжаетъ французская газета, ностыдно для европейскихъ державъ. „Порта обязана возвратитъ Черногоріи присужденные округи и Янину Греціи. Для этого необходимо европейское вмѣшательство и, безъ сомнѣнія, новое министерство заставитъ уважать голосъ Франціи на Востокъ, хотя бы то и не нравилось жадному до добычи кабинету Беконсфильда.“

Новѣйшія извѣстія изъ Константинополя заключаютъ въ себѣ нѣчто въ высшей степени куріозное: представитель Англіи пригрозилъ Турціи своимъ отъѣздомъ, то-есть разры-

вомъ, если она въ теченіе трехъ дней не освободитъ какого-то мулла осужденнаго на казнь за переводъ *Библии на турецкій языкъ*. Что это за новый фокусъ со стороны „всемірныхъ прокуроровъ“?.. Представитель страны, глава коей два года тому назадъ грозилъ Россіи двумя, даже тремя кампаніями, единственно ради сохраненія цѣлости и *независимости* Оттоманской имперіи, теперь чуть не ежедневно грозитъ этой имперіи войной? Не говоримъ о томъ что сказанія о муллахъ и особенно объ его преступленіи крайне сомнительны, потому что Библия давно переведена на всевозможные языки, самый шумъ и „давленіе“ производимыя Англійскимъ правительствомъ не менѣе подозрительны. Тутъ есть очевидно какія-нибудь скрытыя цѣли которыхъ стараются достигнуть угрозами и поддержаніемъ въ Константинополѣ непрерывной неурядицы. Въ виду неминуемо приближающейся развязки, совершенно естественно ожидать со стороны самаго нетерпѣливо жаднаго претендента на наследство разныхъ чрезчуръ эксцентрическихъ дѣйствій. Но кажется обстоятельства перемѣнились не въ пользу „британскихъ интересовъ“. О Франціи мы уже упоминали, и представитель ея Фурнье, по всѣмъ свѣдѣніямъ, вступилъ въ рѣшительное ратоборство съ г. Леярдомъ. Теперь Нѣмцы тоже начинаютъ выступать съ откровенными притязаніями на наследство *послѣ большого челоюпка*. На дняхъ *National-Zeitung*, въ большой передовой статьѣ, серьезно доказывала что было бы удивительно для Германіи еслибы она не воспользовалась удобнымъ случаемъ и не приобрѣла бы *еъ союзъ съ Австріей* приличной доли на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ она могла бы внести въ среду полудикихъ славянскихъ варваровъ свѣтъ цивилизаціи, европейскую культуру и т. п. (Безъ этихъ фразъ нельзя какъ въ лисѣмъ безъ *истиннаго почтенія* и *совершенной преданности*.)

Удивительные, право, люди всѣ эти господа! Они рассуждаютъ о турецкомъ наследствѣ какъ о *выморочномъ*, забывая что у него есть прямыя законныя наследники, тамъ, на мѣстѣ живущіе, бывшіе владѣтели имущества, попавшіе въ рабство и страдавшіе подъ нимъ пять вѣковъ, сохраняя свою вѣру, языкъ и обычаи, все въ свѣтлой надеждѣ возвратить себѣ отнятое родовое достоинствѣ.

До чего доходитъ внимательство въ дѣла славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ можно видѣть изъ слѣдующаго. Князь Александръ болгарскій желалъ пригласить на

одинъ изъ министерскихъ постовъ южно-болгарскаго извѣстнаго дѣятеля Гешова; но представители державъ, особенно австрійскій, не допустили такого назначенія. Почему же? Какое кому дѣло до того—будетъ ли въ Софіи членъ правительства Балабановъ или Гешовъ, уроженецъ Систова или Филиппопа! Видъ сама Австрія выбрала же себя послѣ катастрофы 1866 года въ первые министры Саксонца Бейста, вѣроятно не найдя во всей своей громадной имперіи способнаго человѣка; что же удивительнаго, если князь Александръ не находитъ такового въ маленькой, едва изъ рабства выходящей Болгаріи? „Вы не можете допустить *оболгаренія* Восточной Румелии“, восклицаютъ офиціозные вѣнскіе лубацисты. Видите ли *оболгаривать южныхъ Болгаръ* они не могутъ допустить, но отмечить или омадыарить Сербовъ, Словаковъ, даже Чеховъ, это они могутъ и весьма жадеаютъ. „Что можно Исаву того невольна Вавечкѣ“, говоритъ вѣмецкая поговорка: на этомъ все и основано.

Намъ бы слѣдовало въ заключеніе оглянуться на истекающій 1879 годъ и помянуть его тѣмъ или другимъ словомъ; но привяжемся, никакой охоты вѣтъ перебирать въ памяти большую часть нерадостныхъ событій, внутри, начиная Ветлянку, пожарами Оренбурга, Иркутска и другихъ городовъ, обманувшимъ надежды урожаемъ и міриадами жучковъ, оканчивая неудачей Ахаль-Текинской экспедиціи и ужасающими покушеніями.... Хотя, къ счастью, результаты всѣхъ этихъ тяжелыхъ явленій не соответствовали злораднымъ ожиданіямъ нашихъ западныхъ друзей, силащихъся, конечно, выставить все въ преувеличенномъ стократно видѣ, забывая что у нихъ почти у всѣхъ дѣла внутреннія гораздо хуже и труднѣе излѣчимы. Что же касается вѣнскихъ нашихъ дѣлъ, за которыми мы по мѣрѣ силъ старались слѣдить со вниманіемъ и дѣлаться съ читателями журнала, то они не выдались ничѣмъ особенно реальнымъ; положительныхъ результатовъ никакихъ и ни къмъ не достигнуто, и Европа остается въ какомъ-то ненормальномъ положеніи, въ безпокойномъ ожиданіи чего-то предчувствуемаго. Всѣ боятся столкновенія, всѣ видятъ что оно почти неизбежно, что оно можетъ стать для многихъ роковымъ, что нужно встрѣтить моментъ его наступленія, приготовившись „до послѣдней луговицы“ и заручившись союзами. Отдаленіе грознаго момента хоть на годъ, хоть на ближайшій срокъ, уже считается важнымъ успѣхомъ. Какъ

будто Европа превратилась вдругъ въ полрище хищныхъ племенъ, искони живущихъ войной и набегами, такъ что удержать ее нѣкоторое время въ мирѣ считается великимъ благодѣяніемъ!

По истинѣ, трагическое положеніе! Но кто же виновать въ немъ, какъ не тѣ же люди, нынѣ усиливающіеся тормозить ходъ событій? Не они ли же дали первые толчки таившимъ подъ густымъ слоемъ лелла искрамъ? Не они ли сами вызвали тѣхъ демоновъ, съ которыми теперь справиться не могутъ и величаются, когда удается разными заклятіями удавить злыхъ духовъ „до сѣдующихъ лѣтуховъ“?..

Исторія разберетъ и документально докажетъ кто и когда далъ первый толчокъ, приведшій къ вышнему положенію Европы. Былъ ли то 1864 или 1875 годъ, дѣла Шлезвигъ-Гольштейна или босно-герцеговинскихъ усташей?..

Но такъ или иначе, едва ли подобное положеніе можетъ долго длиться. Либо всѣ одинаково еще не готовы и потому постараются нѣкоторое время протянуть, либо болѣе готовые послѣдуютъ воспользоваться своими преимуществами. Пожелаемъ чтобы Россія не очутилась въ числѣ менѣе готовыхъ, если ужъ нельзя избѣжать печальной необходимости разрѣшать силой международные вопросы, давно ожидающіе справедливаго разрѣшенія. Еще болѣе пожелаемъ чтобы она наконецъ избавилась отъ внутренней заразы которая парализуетъ ея свободу дѣйствій во всѣхъ дѣлахъ...

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ „РУССКАГО ВѢСТНИКА“

Милостивый государь
Михаилъ Никифоровичъ,

Въ началѣ нынѣшняго года, начиная печатать въ *Русскомъ Вѣстникѣ* мой романъ *Братья Карамазовы* я, помню это, далъ вамъ твердое обѣщаніе окончить его въ этомъ же году. Но я разчитывалъ на прежнія мои силы и на прежнее здоровье и вполнѣ былъ убѣжденъ что давнее обѣщаніе сдержу. Къ моему несчастью случилось иначе: я успѣлъ написать лишь часть моего романа, а окончаніе его принужденъ перенести въ будущій 1880 годъ. Даже и теперь для декабрьской книжки не успѣлъ выслать въ редакцію ничего и девятуя книга моего разказа принужденъ отложить на январьскій номеръ *Русскаго Вѣстника* будущаго года, тогда какъ еще мѣсяцъ тому увѣренно обѣщаль редакціи закончить эту девятуя книгу въ декабрѣ. И вотъ вмѣсто нея посылаю вамъ лишь это письмо, которое и прошу убѣдительно напечатать въ уважаемомъ вашемъ журналѣ. Это письмо — дѣло моей совѣсти. Пусть обвиненія за неоконченный романъ, если будутъ они, падутъ лишь на одного меня, а не коснутся редакціи *Русскаго Вѣстника*, которую если и могъ бы въ чемъ упрекнуть, въ данномъ случаѣ, иной обвинитель, то развѣ въ чрезвычайной деликатности къ мнѣ какъ къ писателю и въ постоянной терпѣливойнисходительности къ моему ослабѣвшему здоровью.

Кстати, пользуюсь случаемъ чтобъ исправить одну мою ошибку, вѣрнѣе простой недосмотръ. Романъ мой *Братья Карамазовы* я пишу „книгами“. Вторая часть романа началась съ четвертой книги. Когда же заключилась шестая книга, я забылъ обозначить что этою шестю книгой окончилась вторая часть романа. Такимъ образомъ третью часть надо считать съ седьмой книги, а заключится эта третья часть именно тою девятою книгой которая предназначалась на декабрьскій номеръ *Русскаго Вѣстника* и которую объщая теперь выслать непремѣнно на январскій номеръ будущаго года. Такъ что на будущій годъ останется лишь четвертая и послѣдняя часть романа, которую и попрошу васъ начать печатать съ мартовской (третьей) книги *Русскаго Вѣстника*. Этотъ перерывъ въ одинъ мѣсяць мнѣ опять необходимъ все по той же причинѣ: по слабому моему здоровью, хотя и надѣюсь, начать съ мартовской книжки, окончить романъ уже безъ перерывовъ.

Примите увѣреніе и проч.

Ф. ДОСТОЕВСКІЙ.

2го декабря 1879

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАГО.

Н О Я Б Р Ъ.

	Стр.
Отецъ Климентъ.	5
Лѣсъ и значеніе его въ природѣ. Гл. XX—XXII. <i>Я. И. Вейнберга</i>	59 ✓
Пророкъ. Поэма въ десяти лѣснахъ Роберта Гамерлинга. Окончаніе. Переводъ <i>Θ. Б. Миллера</i>	79 ✓
Навожденіе. Повѣсть Гл. XXIV—XXXV. <i>Вс. С. Соловьева</i>	105 ✓
Очерки халдейской культуры. Гл. I—II. <i>М. В. Николаевскаго</i>	143 ✓
Критика отвлеченныхъ началъ. Гл. XXXV—XL. <i>В. С. Соловьева</i>	179
По горамъ и степямъ Средней Азіи. Путевыя замѣтки отъ Москвы до Кульджи. Гл. I—VII. <i>И. И. Зарубина</i>	235 ←
Братья Карамазовы. Романъ. Книга осьмая. Гл. V—VIII. <i>Θ. М. Достоевскаго</i>	276 ✓
Англійскій пластырь. Разговоръ въ одномъ дѣйствиіи. <i>Александра С—ча</i>	333 ✓
Новости литературы: I. <i>Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго</i> . Томъ второй. — II. <i>Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 годахъ</i> . Н. Пирогова. С.-Петербургъ, 1879, 2 тома. — III. <i>Хорватія, Славонія, Далматія и Военная Граница</i> . Л. В. Березина. С.-Петербургъ, 1879, 2 тома. — IV. <i>Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца</i> . Книга первая. 1873—1877 года, издава подъ редакціей В. С. Иконникова. Кіевъ, 1879. — V. <i>Новыя книги о Купрѣ</i> . — VI. <i>Новости иностранной литературы</i>	355
Политическое обозрѣніе. <i>А. Л. Зиссермана</i>	427
<i>Изъ Московскихъ Вѣдомостей</i>	445

Д Е К А Б Р Ъ.

	Стр.
Средне-азиатскіе Кара-Кумы и французскія лавды. Очеркъ. <i>Н. В. Сорокина</i>	459
Отецъ Бламентъ. Окончаніе. <i>К. Н. Леонтьева</i>	517
✓ Навожденіе. Повѣсть. Окончаніе. <i>Вс. С. Соловьева</i>	566
По горамъ и степямъ Средней Азии. Путевыя замѣтки отъ Москвы до Куанджи. Окончаніе. <i>И. И. Зару-</i> <i>бина</i>	684
✓ Очерки халдейской куальтуры. Окончаніе. <i>М. В. Ни-</i> <i>кольскаго</i>	714
Залиски госпожи Ремюза. <i>Р.</i>	732
Отъ горъ Кавказа до фортовъ Эрзерума. Воспоминанія о дѣйствіяхъ Эриванскаго отряда Кавказской ар-	753
міи въ Русско-Турецкую войну 1877—78 года. Гл. VII—X. <i>С. В. Д-скаго</i>	782
✓ На Горахъ. Разказъ. Гл. C—CI. <i>Андрея Печерскаго</i>	805
Новый драматическій писатель. <i>К. Д.</i>	880
Новости литературы: I. <i>Плутовка Нада</i> . Юмористиче-	886
скій романъ въ стихахъ. — II. <i>Природа и охота</i> ,	907
журналъ г. Сабанъева. — III. <i>Въ области вѣчнаго</i> <i>льда</i> , Ф. Гельвальда. — IV. <i>Гекторъ Сервадакъ</i> , Жю-	
ля Верна. — V. <i>Женская доля по малороссійскимъ</i> <i>пѣснямъ</i> , А. Боровиковскаго. — VI. <i>Библия въ кар-</i> <i>тинахъ знаменитыхъ мастеровъ</i> . Русское изда-	
ніе. — VII. Новый романъ Ауэрбаха. — VIII. Вос-	
поминанія Дингельштедта. — IX. Новости иностран-	
ной литературы	
Библиографическая замѣтка. <i>А. Д. Зиссермана</i>	
Политическое обозрѣніе. <i>А. Д. Зиссермана</i>	
Письмо къ издателю <i>Русскаго Вѣстника</i> . <i>Ө. М. До-</i> <i>стовскаго</i>	

RA
95
7.

MAR 15 1955

